This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav
176
25

Slav 30.2

Bd. March, 1884.

6 Oct., 1879 - 23 Jan., 1884.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 11-я.

НОЯБРЬ, 1877.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин., 7.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1877.

Стр.

I.—ВЕЛѢНО ПРИПИСКИВАТЬ. — Повѣсть. — XXIV-XXX. — Окончаніе. — **О. Забытаго** 5

II.—СОНЪ.—Стих. Кн. Д. **Н. Цертелева**. 43

III.—АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ШИШКОВЪ. — Біографія. — IX. Отечественная война. — X. Жизнь въ Германіи. — XI. Шишковъ въ Государственномъ Совѣтѣ.—XII. Президентъ Россійской Академіи.—**В. Я. Стоюнина** . . 47

IV.—РОМАНИЧЕСКІЙ ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ. — Дневникъ, Переписка, Исповѣдь.—**С. С.** 119

V.—НОВОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — Исторія Флоренціи, Ф. Перрана, и Католическая лига и кальвинисты во Франціи, г. Лучицкаго.—II.—Окончаніе.—**К. К. Арсеньева**. 187

VI.—СТИХОТВОРЕНІЯ. — I. Передъ концомъ. — II. Изъ завѣщанія моего отца. — III. Лѣтомъ послѣ обѣда.—IV. Часы.—V. Стонъ.—**П. В. Шумахера** 202

VII.—ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ.—Очерки и замѣтки.—**Д. Д. Дашкова** . . . 206

VIII.—ПУТЕШЕСТВІЯ Г-ЖЪ МЭККЕНЗИ И ИРБИ въ славянскихъ земляхъ Турціи. — IV. — Окончаніе. — **А. Н. Пыпина**. 239

IX.—РОССІЯ И ЕВРОПА, въ первой половинѣ царствованія Александра I-го.—V. Эрфуртъ и австрійская война 1809 года.—**С. М. Соловьева** 268

X.—БОЛГАРІЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ. — Замѣтки и воспоминанія.—I. Передъ войною. — II. До Дуная. — **Евг. И. Утина**. 314

XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Цензъ по образованію для административныхъ должностей.— Школьный или бюрократическій экзаменъ.— Дѣятельность земства.—Введеніе поразрядиаго налога.—Свѣдѣнія о земскихъ сборахъ и расходахъ за 1872—1874 гг.—Разныя извѣстія съ западной окраины 358

XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.—Ирландская политика и голодъ въ Индіи.—**R.** 382

XIII.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—XXX.—Парижанинъ на дачѣ и въ деревнѣ.—**Эм. Зола.** 399

XIV.—КЪ ВОПРОСУ О „СЛАВЯНСКОЙ ИДЕѢ".—Братья-чехи.—**А. Н.** 429

XV.—НЕКРОЛОГЪ. — Софья Константиновна Брюллова, рожденная Кавелина. — **М. С.** 444

XVI.—ИЗЪ ПИСЬМА ИВ. С. ТУРГЕНЕВА въ редакцію, по поводу смерти С. К. Брюлловой 448

XVII.—ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ. — Октябрь. 449

XVIII.—ИЗВѢСТІЯ.—Отчетъ Комитета для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ. 459

XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Планъ С.-Петербурга въ санитарномъ отношеніи, Ю. Гюбнера. — Тридцать лучшихъ новыхъ сказокъ, В. П. Авенаріуса.—Животныя и ихъ жизнь, А. Сапоной. — Русскіе бывшіе дѣятели. Т. I. П. Н. Петрова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1878 г. см. ниже, на оберткѣ.

Digitized by Google

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1878-мъ году.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы, въ 1878-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, — каждый около 1,000 страницъ большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Въ Россіи:	За границею:
ГОДЪ—12 книгъ:		
1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 » — »	— »
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 » 50 »	— »
ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою .	5 » — »	7 »

Примѣчаніе.—Подписка по четвертямъ открывается съ ЯНВАРЯ, АПРѢЛЯ, ІЮЛЯ и ОКТЯБРЯ.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . .	2 » 50 »	3 »

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

☞ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

На оборотѣ:

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* правильная выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса годового экземпляра изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Digitized by Google

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О., 2-я лин., д. № 7.

БѢЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе А. Н. Пыпина. Въ двухъ томахъ. Спб. 1876. Цѣна 4 рубля, въ переплетѣ 4 руб. 50 коп.

Въ этомъ отдѣльномъ изданіи біографія Бѣлинскаго значительно дополнена новыми матеріалами, явившимися въ печати за послѣднее время, и новымъ рядомъ писемъ Бѣлинскаго, доселѣ неизданныхъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

въ Александровскую эпоху.

П. В. Анненкова. Спб. 1874. Цѣна 1 руб. 75 коп.

ВОСПОМИНАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

П. В. Анненкова.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ: I. Наканунѣ пятидесятыхъ годовъ.—II. Н. В. Гоголь въ Римѣ.—III. Февраль и мартъ въ Парижѣ 1848 г.—IV. Е. П. Ковалевскій.—Спб. 1877. Стр. 343. Ц. 1 р. 50 коп.

ОПЫТЪ СТАТИСТИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

о

КРЕСТЬЯНСКИХЪ НАДѢЛАХЪ И ПЛАТЕЖАХЪ.

Ю. Э. Янсона.

Спб. 1877. Стр. 160 и 26 стр. таблицъ. Ц. 1 р. 25 к.

Седьмой томъ „РУССКОЙ БИБЛІОТЕКИ“

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.

1845—1876.

Избранныя стихотворенія, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ. Спб. 1877. Стр. 258 и XII. Цѣна 75 коп.; въ англ. переплетѣ 1 руб.

Всѣ семь томовъ: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Жуковскій, Гривопдовъ, Тургеневъ, Некрасовъ—5 руб. 25 коп; въ англійск. переплетѣ 7 руб.; съ пер. 6 руб. 75 коп. и 8 руб. 50 коп. Земскія управы, училища и книгопродавцы: 4 руб. 25 коп. и 5 руб. 70 коп.; съ перес. 5 руб. 75 коп. и 7 руб. 20 коп.

ЖИЗНЬ ДѢТЕЙ

Собраніе дѣтскихъ разсказовъ и повѣстей.

ВЫПУСКЪ I: Исторія съ канарейкой.—Спб. 1877. Стр. 125. Ц. 20 коп.

Сборъ отъ продажи въ пользу Елисаветинской Дѣтской Больницы.

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

Гр. А. К. Толстого.

Второе изданіе, въ одномъ компактномъ томѣ, съ дополненіями. Спб. 1877. Стр. XVI и 552. Цѣна 2 руб. на простой бумагѣ, и 3 руб. 50 коп. на веленевой, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали (въ англійскомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 4 руб. 25 коп.).—Портретъ продается особо по 50 коп. экземпляръ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГІЯ.

I. Смерть Іоанна Грознаго.—II. Царь Ѳедоръ.—III. Царь Борисъ. **Гр. А. К. Толстого.** Спб. 1876. Стр. 451. Цѣна 2 руб. — При ней особая брошюра: „Проектъ постановки на сценѣ трагедіи „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ". Спб. 1870. Ц. 25 к.

ОПЫТЪ КРИТИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОСНОВО-НАЧАЛЪ ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФІИ.

Сочиненіе **В. Лесевича.** Спб. 1877. Стр. 295. Цѣна 2 рубля.

ОКОЛО ДЕНЕГЪ.

Романъ изъ сельской фабричной жизни. **Алексѣя Потѣхина.** Спб. 1877. Стр. 239. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ЭЖЕНЪ РУГОНЪ.

Романъ изъ временъ второй французской имперіи. **Эмиля Зола.** Спб. 1876. Цѣна 2 руб.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

У СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.

А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр 445. Ц. 2 р.

ВСАДНИКЪ.

Практическій курсъ верховой ѣзды. **В. Франкони.** Переводъ съ французскаго. **Л. П.** Спб. 1876. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ПОЖАРНАЯ КНИГА.

Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политипажными рисунками. Составилъ А. Н—въ. Спб. 1875. По уменьшенной цѣнѣ 1 руб. 25 коп. вмѣсто 3-хъ рублей.

Книгопродавцамъ обычная уступка. Иногородные прилагаютъ за пересылку по почтѣ 10% со стоимости книги, въ круглыхъ цифрахъ.

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ XLI. — ТОМЪ CCXLII. — 1/13 НОЯБРЯ, 1877.

Digitized by Google

Digitized by Google

Θ Vyestnik 36

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

Twelfth year

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1877

Digitized by Google

~~131.84~~
~~Slav 302~~
PSlav 176.25
1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U.S. Consul at
Birmingham, Eng.

Digitized by Google

ВЕЛѢНО ПРІИСКИВАТЬ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XXIV *).

Желанія Лёнушки сбылись гораздо прежде, нежели она могла то думать.

— Ну, что-жъ, послать, что ли, за сестрой-то — спросилъ Андрей Андреичъ у Лёнушки уже въ началѣ іюня.

— Если можно, пошли, — сказала Лёнушка — и просіяла.

— Теперь можно... дѣла нѣсколько перемежились.

— Я бы сама съ удовольствіемъ поѣхала, да вотъ теперь говѣю. (Великимъ постомъ Лёнушка, за болѣзнію, не говѣла и потому пожелала исполнить этотъ христіанскій долгъ Петровками.)

Отправили за Машей работника на парѣ и вмѣстѣ съ нимъ снарядили просвирню въ качествѣ провожатаго для Маши. Андрей Андреичъ при этомъ написалъ отцу Степану коротенькое письмецо, на которомъ Лёнушка приписала: «Дядя и тётя, будьте здоровы. Маша, пріѣзжай непремѣнно. Намъ нельзя. *Е. З.*».

Лёнушка чувствовала себя вдвойнѣ хорошо: она жаждала пріобщиться св. Таинъ и ждала, что вотъ-вотъ пріѣдетъ, наконецъ, милая Маша. Она нѣсколько сожалѣла только о томъ, что не пришлось ей исповѣдаться на первой недѣлѣ великаго поста, какъ бывало прежде, и разъ высказала это сожалѣніе мужу.

— Развѣ не все равно? — возразилъ Андрей Андреичъ.

*) См. выше: сент. 5; окт. 457 стр.

Digitized by Google

— На первой недѣлѣ читается канонъ покаянія, а теперь нѣтъ,—изъяснила Лёнушка.—Я очень люблю этотъ канонъ. Слушаешь его—и страхъ тебя беретъ, и вмѣстѣ сладость какая-то на душѣ... Только я вотъ чего, Андрюша, не понимаю... Скажи мнѣ, пожалуйста... Андрей Критскій былъ человѣкъ святой... Теперь, вотъ, молятся ему... Отчего же онъ такъ говорилъ: «Окаянная моя душа... Хуже я мытаря и разбойника и всякой блудницы... Все во мнѣ мерзко»... Если бы онъ былъ такой, онъ бы не сдѣлался святымъ. Неужели онъ говорилъ неправду? И этого нельзя подумать: святой человѣкъ не можетъ лгать.

— Такъ ему казалось,—лѣниво объяснилъ Андрей Андреичъ.

— Да отчего же такъ казалось-то?—допытывалась Лёнушка.—Мы, вѣдь, вотъ грѣшные, и то намъ не кажется...

— Отчего, отчего!—съ досадой произнесъ Андрей Андреичъ...—Отчего у тебя глаза голубые, а у меня каріе?

— Да это дѣлое другое... Можетъ быть оттого,—продолжала Лёнушка, помолчавъ,—что ему хотѣлось быть такимъ чистымъ, что и представить себѣ нельзя... какъ божество. А такимъ онъ все-таки не въ силахъ былъ сдѣлаться; вотъ онъ и сталъ унижать свою душу. Когда человѣкъ пожелаетъ сдѣлать что-нибудь какъ можно получше, то онъ все бываетъ недоволенъ своимъ дѣломъ, хотя со стороны посмотрѣть — оно хорошо. А? Андрюша, такъ?

— Можетъ быть,—отозвался Андрюша.

— Впрочемъ, прости меня, святитель божій, если я оскорбила тебя своимъ глупымъ разсужденіемъ,—задумчиво проговорила Лёнушка.

— Ѣдетъ!—воскликнула Лёнушка, увидавши въ окно приближающійся экипажъ съ знакомыми пассажирами.

Она бросилась изъ комнаты и на пути пригласительно толкнула Андрюшу. Черезъ нѣсколько секундъ оба они стояли на крыльцѣ. Маша издали улыбалась сестрѣ и зятю и нетерпѣливо возилась въ тарантасикѣ. Просвирня за компанію тоже улыбалась во весь ротъ и безпрерывно кивала головой,—дескать: здравствуйте, здравствуйте!... Даже работникъ чему-то ухмылялся и совсѣмъ распустилъ возжи. Не давъ лошадямъ подъѣхать къ крыльцу, Маша спрыгнула съ тарантаса и быстро взбѣжала на площадку у крыльца.

— Сестринушка!—прозвенѣла она свѣжимъ, здоровымъ, грудным голоскомъ,—и, крѣпко обнявъ сестру, впилась въ нее какъ піявка. Братецъ!... И она влѣпилась въ братца.

Digitized by Google

Она впередъ всѣхъ впорхнула въ комнату и неумолкаемо защебетала. Лёнушка начала вторить ей, а Андрей Андреичъ нѣкоторое время только улыбался и молча разсматривалъ гостью.

Маша такъ же, какъ и Лёнушка, была блондинка, но волосы у ней были нѣсколько темнѣе и крупнѣе, чѣмъ у Лёнушки, и росли будто изъ средины лба. Глаза у ней были сѣрые, съ какими-то пестринками; лицо продолговатое, какъ у Лёнушки, но пухлое и румяное. Когда она улыбалась, на щекѣ у ней образовывалась ямочка. Вообще, въ чертахъ Маши многое намекало на черты Лёнушки, только черты Маши были грубѣе, аляповатѣй. Андрюша съ любопытствомъ переводилъ глаза съ жены на свояченицу и наоборотъ, и ему казалось, что тогда, на свадьбѣ, Маша была совсѣмъ другая. «Или я не замѣтилъ тогда»,—думалось ему. Онъ мало-по-малу тоже втянулся въ разговоръ. Всѣ пришли въ сильное оживленіе и говорили тона на три выше обыкновеннаго.

— Господи, какой у васъ просторъ, какъ все чисто,—воскликнула Маша, осматриваясь кругомъ.—А у насъ-то...

— Что же у васъ?—любопытствовалъ Андрей Андреичъ.

— Тѣснота... ребятишки... грязь,—изъясняла Маша съ гримасой и энергическими жестами...—Дядя постоянно ругается,—дополнила она.—Я ужъ не чаяла и вырваться.

— А тогда не осталась...,—съ шутливымъ упрекомъ проговорила Лёнушка.

— Я бы и тогда осталась,—сказала Маша,—да тётка меня уговорила. Дѣло прошлое...—Тебѣ, говоритъ, ни подъ какимъ видомъ нельзя теперь оставаться здѣсь; лучше, говоритъ, немного погодя пріѣдешь. Мы, говоритъ, тогда вмѣстѣ соберемся. Я и поѣхала, а то бы ни за что. Я думала и вправду почему-нибудь нельзя у васъ оставаться.

— Вотъ еще пустяки какіе,—вставила Лёнушка.

— Послѣ-то я и сама догадалась, что пустяки,—продолжала Маша.—Они меня просто для себя увезли.

— Какъ для себя?—спросилъ Андрей Андреичъ.

— Такъ... въ помощницы... То бы нанять нужно, а то—своя. Развѣ у нихъ мало дѣла-то? Вотъ и теперь насилу отпустили. Погоди, говорятъ, покосъ и хлѣбъ уберемъ... Да еще не угодишь никакъ. Дядя сталъ такой сердитый—страсть! И Богъ знаетъ отчего. Прежде лучше былъ.

— У насъ отдохнете,—сказалъ Андрей Андреичъ.—Мы васъ теперь уже не пустимъ отъ себя.

— Неужели?—воскликнула Маша.—Вотъ добрый братецъ у

Digitized by Google

меня нашелся!... Да зачѣмъ вы мнѣ говорите: *вы?* Вѣдь я ваша младшая сестра. Что я за благородіе такое?

— Ну, не съ-разу же,—проговорилъ Андрюша, улыбаясь.

Братъ и сёстры провели весь день неразлучно. Они ходили вмѣстѣ гулять, вмѣстѣ болтали вечеромъ часовъ до одиннадцати. Наконецъ, Андрей Андреичъ отдѣлился отъ сестёръ и ушелъ спать. Но «долго онъ заснуть не могъ въ волненьи разныхъ размышленій»... «Пятнадцать лѣтъ, а какъ уже сложилась»,—думалъ онъ, ворочаясь на постели:—«и какая бѣдовая»... Между тѣмъ сестры, оставшись въ залѣ, долго о чемъ-то разговаривали. До «братца» долетали только отрывочныя слова и раздававшійся по временамъ веселый смѣхъ Маши. «Ишь, вѣдь, раскатывается»,—думалъ онъ, прислушиваясь къ ея смѣху:—«бѣдовая, бѣдовая»...

— Будетъ вамъ, пора спать!—возгласилъ, наконецъ, Андрей Андреичъ изъ своей темницы. Еще наговоритесь.

— А *вы* еще *наспитесь*, — отозвалась Маша.

«Эка бестія»,—мелькнуло въ головѣ Андрея Андреича. Онъ началъ мысленно сравнивать сестёръ, но въ состояніи дремоты, которая, наконецъ, овладѣла имъ, ткань мыслей его разбредалась, такъ что онъ могъ уловить своимъ сознаніемъ только нѣкоторыя отдѣльныя клѣточки этой ткани, въ родѣ слѣдующихъ: «Есть что-то... Но нѣтъ... Та... А у этой... Пятнадцать лѣтъ...—мелькало у него уже передъ самымъ моментомъ наступленія безсознательнаго соннаго состоянія.

Нервное раздраженіе и какое-то опьяненіе, вызванное въ Машѣ путешествіемъ и радостнымъ свиданіемъ, угомонилось въ ней на другой же день по пріѣздѣ къ сестрѣ. Она проспала очень долго и встала даже какою-то вялою, раскисшею. Вчерашнюю Машу напоминала въ ней только игривая улыбка, да быстрые плутоватые глаза. Даже голосъ ея упалъ и засорился хрипотою. Андрей Андреичъ настроенъ былъ такъ, что готовъ былъ улыбаться на каждое слово своячени, хотя она говорила мало и вовсе не смѣшно. Ему нравился даже звукъ ея голоса. Онъ былъ очень веселъ, особенно разговорчивъ и съ удовольствіемъ разспрашивалъ Машу о житьѣ-бытьѣ дяди и тётки. Маша сперва отдѣлывалась короткими отвѣтами на вопросы, но потомъ, напившись чаю (Андрей Андреичъ и Лёнушка напились раньше), оживилась и разсказала нѣсколько комическихъ сценъ изъ семейной жизни своихъ воспитателей. Мимоходомъ она представила — и очень живо — какъ дядя вздергиваетъ носомъ и верхнею губою, когда бываетъ очень сердитъ, и какимъ дѣлается выраженіе лица у тётки, когда она, собираясь что-нибудь шить, вдѣваетъ нитку

Digitized by Google

въ иголку. Андрей Андреичъ залился продолжительнымъ хохотомъ и хохоталъ до слёзъ. Лёнушка хотя улыбнулась, но покачала головой и съ ласковымъ упрекомъ проговорила:

— Что ты, Маша, развѣ такъ можно?..

— Браво! — воскликнулъ Андрей Андреичъ, отдохнувъ отъ захватившаго ему духъ хохота:—ну-ка, ну-ка еще... какъ дядя-то?

Мускулы его лица шевелились, и въ ожиданіи желаемаго bis'а, онъ готовился къ новому взрыву хохота. Но Маша немножко смутилась и, закусивъ губы, потупилась.

Андрей Андреичъ съ-разу сталъ трактовать Машу, какъ совершенно взрослую дѣвушку. Онъ сталъ разсказывать ей въ преувеличенномъ видѣ о разныхъ «причудахъ» Лёнушки и, не глядя на жену, послѣ каждаго разсказа прибавлялъ: А у васъ это дѣлается? — Нѣтъ,—отвѣчала каждый разъ Маша, съ улыбкой поглядывая то на зятя, то на сестру. Лёнушка выслушивала молча разсказы о ней мужа, изрѣдка бросая на него задумчивый взглядъ... Кончивъ о «причудахъ», Андрей Андреичъ умолкъ и, заложивъ руки назадъ, сталъ ходить по комнатѣ. Лёнушка принесла кое-какія свои работы и стала показывать сестрѣ, поясняя при этомъ, при какихъ обстоятельствахъ совершалась та или другая работа. Маша внимательно разсматривала рукодѣлье, улыбалась, одобряла. Андрей Андреичъ напѣвалъ что-то безъ словъ и какъ будто не обращалъ ни на что вниманія, а между тѣмъ производилъ свой анализъ. Возвращаясь отъ двери во внутренность залы, онъ окинулъ глазами дородный станъ Маши и получилъ результатъ: «платьице чистенькое... сидитъ ловко... словно обтянуто». При слѣдующемъ поворотѣ отъ двери, онъ обратилъ вниманіе на станъ жены и нашелъ: «платье измятое, запачканное... сидитъ мѣшкомъ... какъ-то обвисло». Дѣлая третій поворотъ, онъ мелькомъ взглянулъ на голову свояченицы и въ умѣ своемъ записалъ: «волосы намаслены до блеска и причесаны... Косы сложены красиво и крѣпко». При четвертомъ поворотѣ Андрей Андреичъ бросилъ взглядъ на голову Лёнушки — и оказалось: «изъ косъ торчатъ какіе-то усики... Кончикъ одной косы отщипнулся, расплелся и повисъ за ухомъ... Надъ вискомъ къ волосамъ прилѣпилась пушинка». Андрей Андреичъ, продолжая напѣвать, подвелъ итоги, сдѣлалъ обобщеніе, потомъ крякнулъ, остановился среди комнаты и досталъ папиросу. Тутъ только обѣ сестры подняли на него глаза, — но онъ стоялъ къ нимъ спиною.

Къ вечеру того же дня Андрей Андреичъ сталъ говорить свояченицѣ *ты* и называть ее Машей.

Digitized by Google

XXV.

Присмотрѣвшись къ зятю, Маша пришла къ заключенію, что онъ «чистый ангелъ въ сравненіи съ дядей». Ей хоть и рѣдко приходилось слышать отъ дяди ругательства, лично къ ней направленныя, но на нее наводилъ уныніе самый фактъ ругательства, къ кому бы оно ни было адресовано. Отецъ Степанъ ругался почти постоянно, часто безъ всякаго повода, какъ-бы изъ любви къ искусству: привяжется къ тому, къ сему, а больше ни къ чему—и пойдетъ... поэтому ей чрезвычайно тяжело чувствовалось въ его присутствіи. Увидѣвъ въ Андреѣ Андреичѣ человѣка «смирнаго, ласковаго и веселаго», она возблагоговѣла передъ нимъ и старалась всячески ему угождать. Она скоро изучила его привычки и вкусы и начала къ нимъ подлаживаться. Она разспросила у кухарки, какія кушанья «батюшка» особенно любитъ, и каждый разъ принимала участіе въ изготовленіи этихъ кушаній. Когда Андрей Андреичъ, лакомясь за столомъ любимымъ блюдомъ, похваливалъ его, Маша спѣшила заявить: «это я готовила; я знала, что вы любите»... И зять любезно благодарилъ ее. Разъ въ кухнѣ готовились пирожки. Чтобы Андрей Андреичъ не томился долго ожиданіемъ, Маша на-скоро испекла два пирожка и принесла ему ихъ на тарелкѣ.

— Развѣ ужъ готовы?—спросилъ Андрей Андреичъ, взглянувъ на Машу.

— Нѣтъ, еще не готовы, это я только для васъ поспѣшила сдѣлать.

— Вотъ такъ Маша!—воскликнулъ Андрей Андреичъ.—Такъ для меня,—а? Можетъ быть, для себя?

— Да нѣтъ... для васъ,—увѣряла Маша, стоя передъ нимъ съ тарелкой.—Возьмите же, скушайте, а то простынутъ.

Онъ молча посмотрѣлъ на ея раскраснѣвшееся лицо, на выпачканныя въ мукѣ руки и съ веселой улыбкой сказалъ:

— А ну-ка, какъ дядя-то?

— Вѣдь вы уже знаете... Берите вотъ пироги-то.

— Представь дядю,—возьму, а то не возьму.

Маша вздернула носомъ и, отвернувъ голову захохотала. Андрей Андреичъ тоже захохоталъ и взялъ у ней тарелку.

Насталъ покосъ.

Андрей Андреичъ станетъ собираться на лугъ:

— И я съ вами,—говоритъ Маша.

— Что же ты тамъ будешь дѣлать.

Digitized by Google

— Буду сѣно *тресть*.

— Ну, пожалуй.

Чтобы не загорѣть, Маша покроется платочкомъ такъ, что оставитъ наружи только глаза да носъ,—схватитъ грабли—и маршъ. Дѣла не надѣлаетъ, а зятю пріятно. «И не заставляешь вѣдь... сама охотится»...—думаетъ онъ. Привезутъ ли возъ сѣна, Маша бѣжитъ къ сараю, развязываетъ веревку и таскаетъ охапками сѣно въ сарай.

— Такъ-такъ! Вотъ такъ барышня! — поощряетъ работникъ.

— Брось... Куда ты столько зацѣпила? — ограничиваетъ зять усердіе своячени.

И всѣ смѣются, всѣмъ весело. Пока Лёнушка приплетется къ сараю, половина дѣла уже сдѣлана.

— Вó вѣдь какъ у насъ!—произноситъ работникъ, поддѣвая на вилы чуть не полкопны и бросая косвенный взглядъ на появившуюся матушку.

Лёнушка прислонится къ воротамъ и, смотря на кипучую дѣятельность, сожалѣетъ о своемъ безсиліи.

На Лёнушку Маша обращала мало вниманія, потому что «это свой человѣкъ». Ей пуще всего хотѣлось упрочить благорасположеніе со стороны «чужого», — со стороны зятя. Надъ сестрой она нерѣдко даже подтрунивала, подлаживаясь подъ насмѣшливый тонъ Андрея Андреича. Когда Лёнушка наединѣ сообщала ей свои завѣтныя мысли и чувствованія, она отзывалась на нихъ легкомысленнымъ смѣхомъ и замѣчаніями въ родѣ слѣдующихъ: «Вотъ еще глупости!.. Э, пустяки какіе!» Лёнушку сперва удивляло это, она нѣсколько разъ принималась спорить съ сестрой, старалась обратить ее въ свою вѣру, но, наконецъ, убѣдилась, что она идеализировала сестру,—что Маша «какая-то чудная и ровно бы отъ другой матери родилась». Между тѣмъ Андрей Андреичъ души не чаялъ въ свояченѣ. Онъ такъ привыкъ къ ней, что началъ скучать безъ нея. Прежде Маша сама навязывалась куда-нибудь пойти съ нимъ, а потомъ онъ уже сталъ приглашать ее съ собой. Идетъ въ поле:

— Маша, пойдемъ со мной.

— И я пойду,—вставитъ Лёнушка.

— Ну, куда тебѣ? Устанешь: мы далеко—отвѣчаетъ Андрей Андреичъ.

И Лёнушка остается дома.

Она почувствовала себя одинокой, грусть безысходная запала въ ея сердце. Для Андрея Андреича она какъ-бы не существовала. Маша безраздѣльно завладѣла его вниманіемъ. Онъ

Digitized by Google

даже ревниво сердился, когда Ильичъ, заходя по временамъ къ нему, начиналъ шутить и смѣяться съ рѣзвой Машей. Мало того: онъ даже дѣлалъ ему очень прозрачные намеки на то, чтобъ Ильичъ не ходилъ къ нему.

Однажды, возвратясь откуда-то, Андрей Андреичъ спросилъ у кухарки: «Маша дома?» Лёнушка случайно подслушала это и сильно обидѣлась.

— О женѣ не спросилъ: дома ли?.. — съ упрекомъ сказала она, когда Андрей Андреичъ попался ей на глаза.

— Что же мнѣ о тебѣ спрашивать? Ты всегда почти дома сидишь,—холодно и сурово отозвался онъ.

— Нѣтъ, не потому, а такъ... ужъ видно... — чуть слышно проговорила Лёнушка.

Андрей Андреичъ сильно вспылилъ.

— А почему же ты думаешь? — воскликнулъ онъ, свирѣпо наморщившись.—У тебя, должно быть, черти въ головѣ-то!.. Подслушивать ужъ начала... Подлость какая!.. Я за тобой не подсматривалъ, какъ ты таскалась по волостнымъ правленіямъ... къ разнымъ учителямъ... къ пакостникамъ всякимъ.

Лёнушка затрепетала отъ страха и глубокаго оскорбленія.

— Андрюша!.. Господи!.. Перекрестись...—съ трудомъ выговорила она, задыхаясь, и опустилась на диванъ.

Андрей Андреичъ плюнулъ, схватилъ шапку и ушелъ.

...Былъ праздникъ Успенья. Андрей Андреичъ и Маша были у обѣдни. Лёнушка чувствовала головную боль и осталась дома. Накинувъ на плечи драповую кофту, она нѣсколько времени ходила по комнатѣ и слегка охала. Потомъ она пробралась въ кухню.

— Что это ты все дрябнешь? — сказала кухарка, взглянувъ на болѣзненное лицо матушки.—И травки твои видно не помогаютъ?

— Нѣтъ,—тихо проговорила Лёнушка.—Эти травки не для того...

— А вѣдь у Аксиньи горло-то прошло отъ твоей травки-то... Вотъ, это увидала меня: — скажи, говоритъ, матушкѣ спасибо.

— Ну, и слава Богу,—проговорила Лёнушка.

Произошла пауза. Матушка, опершись рукой на замасленный столъ, тоскливо смотрѣла на одну точку и тяжело дышала.

— А что, маменька,—нерѣшительно начала кухарка, проти-

Digitized by Google

рая губы фартукомъ: — посмотрю я... батюшка что-то не дюже объ тебѣ промышлять сталъ...

Она ожидала отвѣта, но Лёнушка молчала.

— Ровно бы совсѣмъ отъ тебя откачнулся, — продолжала Марья.—Все съ *ней*, все съ *ней*... Маша да Маша,—только и знаетъ...

— Э, ну тебя, Марья...—проговорила, наконецъ, Лёнушка, слабо махнувъ рукой.

— Да ты не погнѣвись... Это мнѣ такъ... со стороны глядючи въ голову приходитъ... Вотъ ты все пропадаешь: больному человѣку жалость дороже всего; а я посмотрю — у него ровно бы совсѣмъ нѣтъ этой жалости. А это тебѣ еще пуще къ сердцу...

— А помнишь, ты говорила: «плюнуть!» —сказала Ленушка, слабо улыбаясь однимъ угломъ губъ.

— Ну, плюнуть!.. — возразила Марья. — Твое дѣло не къ моему примѣнить. Я только насчетъ жалости... что вотъ жалости не видать... А тамъ... вѣстимо, дѣло божье.

Андрей Андреичъ и Маша пришли отъ обѣдни. Ни тотъ, ни другая не сказали Лёнушкѣ ни слова. Всѣ втроемъ усѣлись за чай. Въ семейной атмосферѣ висѣла какая-то туча. Всѣ трое молчали. Съ особенной отчетливостію слышался стукъ чашекъ и журчанье чайной струи, падающей изъ чайника въ стаканъ или чашку. Даже слышно было, какъ Андрей Андреичъ, нѣсколько вытянувъ нижнюю губу, выдувалъ изо рта папиросный дымъ. Андрей Андреичъ сидѣлъ къ столу бокомъ и старался ни на кого не смотрѣть. Маша, поставивъ оба локтя на столъ, смотрѣла на обращенную къ ней ручку самовара, или же,—когда пила чай,— сосредоточивала глаза на блюдечкѣ. Лёнушка нѣсколько разъ останавливала пристальный, сокрушенный взоръ на мужѣ, ожидая встрѣтить его взглядъ,—но не встрѣтила.

— Маша, разливай тутъ,—проговорила она, наконецъ, вставая изъ-за стола:—я пойду лягу.

Андрей Андреичъ тихо кашлянулъ и повернулся на стулѣ. Маша закусила губу и принялась хозяйничать.

Лёнушка ушла въ спальню, легла—и къ обѣду не вставала.

Послѣ обѣда Маша незамѣтно куда-то исчезла. Андрей Андреичъ походилъ немного по залѣ и зашелъ въ спальню. Лёнушка лежала, оборотившись лицомъ къ стѣнѣ.

— Ты спишь, что ли?.. А?—спросилъ онъ, стоя подлѣ кровати.

Отвѣта не послѣдовало. Онъ постоялъ-постоялъ и на цыпоч-

Digitized by Google

кахъ вышелъ изъ комнаты. Онъ заглянулъ на крыльцо, въ кухню и отправился на дворъ, чтобы оттуда черезъ калитку пробраться въ свой маленькій садикъ. «Враги — и его облеку студомъ», — напѣвалъ онъ, отворяя калитку. Въ саду онъ увидалъ Машу. Она сидѣла подъ деревомъ и вязала чулокъ. Андрей Андреичъ подсѣлъ къ ней на траву.

— Что это ты дѣлаешь?—спросилъ онъ.

— Развѣ не видите—чулокъ вяжу? — отвѣтила она, подбирая платье.

— Да вѣдь грѣхъ: праздникъ.

— А что же дѣлать-то?

— Грѣхъ, говорятъ тебѣ,—повторилъ Андрей Андреичъ, не слушая Машу...—Брось,—добавилъ онъ, толкая ее плечомъ.

— Э, ну васъ!—проговорила она, продолжая работу.

Андрей Андреичъ дернулъ у ней нитку.

— Не балуйтесь, — сказала ему Маша.

Онъ дернулъ въ другой разъ и оборвалъ нитку.

— А это вотъ не грѣхъ?—съ улыбкой проговорила Маша.— Ну, что? Хорошо, небось?

— Пре-во-сходно... — протянулъ Андрей Андреичъ и ущипнулъ ей руку.

— За это вашего брата... — быстро и строго проговорила Маша, и вскочивъ на ноги, ушла.

Онъ проводилъ ее глазами, всталъ и довольно громко затянулъ: «облеку-у-у студомъ»...

— Что, батюшка, прогуляться вышли?—раздался вдругъ знакомый голосъ изъ-за сосѣдней изгороди.

Андрей Андреичъ вздрогнулъ и быстро зашагалъ къ калиткѣ.

— Прогуляться, молъ, вышли?—проговорилъ тотъ же голосъ громче прежняго.

«Все равно—замѣтилъ», — подумалъ Андрей Андреичъ:— еще, Богъ знаетъ, что ему показалось.

Просунувъ голову сквозь верхіе концы тына, преневинно глядѣлъ на него долговязый дьячокъ — Прохорычъ. «Не замѣтилъ»,—подумалъ Андрей Андреичъ.

— Я тутъ смотрѣлъ... червь сильный на яблонях, — сгородилъ батюшка, подходя къ тыну.

— Да теперь что же червь?—возразилъ дьячокъ. — На что онъ вамъ теперь—червь?

«Замѣтилъ»,—снова мелькнуло въ головѣ батюшки.

— Нѣтъ, я хотѣлъ...

— А вотъ свиньи окаянныя сокрушаютъ,—перебилъ Прохо-

Digitized by Google

рычъ.—У меня всѣ почти картошки изрыли. Сейчасъ двухъ согналъ. Такъ анаѳемы вспахали, что только заборонить осталось. Эти поганые пастушишки, какъ къ осени—такъ совсѣмъ за скотиной не смотрятъ. Я знаю, чьи свиньи-то... По настоящему надо бы встребовать... И вѣдь вотъ что́ дивно: въ свой огородъ не лазятъ, а все въ чужой: точно чужія картошки слаже.

«Ужъ не притчу ли онъ на меня гнетъ?»—подумалъ Андрей Андреичъ и сказалъ:

— Городить надобно получше.

— Да вѣдь ужъ какъ, кажется, городишь,—а все дѣла не поправишь.

«Такъ и есть!» — съ испугомъ заключилъ про себя Андрей Андреичъ. «Чортъ его знаетъ!»...

— Нѣтъ, у меня цѣлы,—изъяснилъ онъ вслухъ.

— Да вамъ-то что́?—отозвался Прохорычъ.—Ежели бы даже.. Вамъ вотъ за похороны-то на худой конецъ красненькая влетитъ.

— За какія похороны?—оживившись, спросилъ Андрей Андреичъ.

— А вотъ Стручковъ-то умретъ... что рощами-то торгуетъ. Я сейчасъ слышалъ, что его вчера соборовали.

— Что ты болтаешь!—смѣясь, воскликнулъ батюшка.—Во-первыхъ, онъ еще не умеръ, а во-вторыхъ, если бы и умеръ,—онъ не нашего прихода.

— Что умретъ, это вѣрно, — серьёзно возражалъ Прохорычъ,—а что васъ позовутъ, это ужъ безпремѣнно... и безъ десяти рублей не обойдетесь—вотъ посмотрите. Лѣтъ пять тому назадъ онъ жену хоронилъ,—такъ со всей округи священниковъ сзывалъ... *Насъ* не звали, а *васъ* всѣхъ звали. Эти люди ужъ обыкновенно любятъ... соборнѣ... и покойникъ отецъ Степ... Тьфу!.. Дай Богъ ему много лѣтъ священствовать... Дядюшку вашего покойникомъ назвалъ... Да, такъ отецъ Степанъ порядочную благодать тогда получилъ. Вотъ и вы теперь также. Ежели бы на мои грѣшные зубы этакъ-то попадало, я бы тогда о картошкахъ-то и не охнулъ; еще самъ бы свиней къ себѣ нагналъ.

При послѣднихъ словахъ Прохорычъ захихикалъ и принялъ свою бороду съ тына.

— Шутъ ты гороховый!—проговорилъ батюшка, и направился къ калиткѣ.

«Ничего онъ, оказывается, не видалъ»,—утѣшалъ себя Андрей Андреичъ, проходя черезъ дворъ.

Когда онъ вошелъ въ залъ, Маша сидѣла подъ окномъ и смотрѣла на улицу.

Digitized by Google

— Экая!—прошипѣлъ онъ, проходя подлѣ нея.

Маша ничего не отвѣтила, даже не взглянула на него.

XXVI.

Вечеромъ того же дня Маша сидѣла одна на крыльцѣ. Лёнушка, едва передвигая ноги, ходила по комнатѣ. Андрей Андреичъ нерѣшительно подошелъ къ женѣ и, слегка охвативъ ее одной рукой, заговорилъ:

— Что это ты у меня завалялась-то, а? Все больна, все больна...

Лёнушка взглянула на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и не знала, что сказать.

— Что же ты молчишь?—мягко спросилъ онъ, съ ноги на ногу двигаясь съ ней по комнатѣ.—Серчаешь, что ли?... А я къ тебѣ давича заходилъ послѣ обѣда. Посмотрѣлъ—а ты спишь себѣ...

Лёнушка глубоко вздохнула.

— Ну, Лёна, не серчай,—продолжалъ онъ, взявъ ея руку:—мало ли что бываетъ...

— Я, мой другъ, никогда не серчаю,—выговорила она наконецъ, сжимая его руку.—Только *ты* пожалуйста не серчай. Ну, можно ли такъ?.. Ты подумай...

— Ну, да что... Перестанемъ объ этомъ... Стóитъ толковать!.. А ты знаешь, Стручкова вчера соборовали... Говорятъ, едва ли живъ будетъ.

— Э-эхъ, другъ ты мой милый...—задумчиво проговорила Лёнушка, заканчивая этимъ восклицаніемъ процессъ какихъ-то тайныхъ мыслей...—Что ты сказалъ-то?

— Я говорю: Стручковъ того и гляди умретъ. Нѣкоторые ужъ на его похороны собираются.

— Не шути такъ, Андрюша... Зачѣмъ?

— Нѣтъ, серьёзно... Будто всѣхъ окрестныхъ священниковъ думаютъ пригласить... и каждому цѣлковыхъ по десяти... Поѣду на досугѣ въ городъ—обновокъ тебѣ накуплю.

Андрей Андреичъ болталъ все это для того только, чтобы что-нибудь сказать. Онъ подошелъ-было къ женѣ съ намѣреніемъ приласкать ее, и этой лаской думалъ искупить мысленный грѣхъ сцены въ саду, оставившей у него на душѣ осадокъ нелѣпаго тревожнаго чувства. Но когда онъ приблизился къ женѣ, и когда его обдало запахомъ пота и уксуса, то у него потребность ласки мгновенно улетучилась, и, вмѣсто нѣжныхъ словъ, онъ

Digitized by Google

плелъ прозаическую, глупѣйшую нескладицу. Тѣмъ не менѣе у Лёнушки, по мѣрѣ продолженія бесѣды съ нею мужа, на душѣ становилось легче и легче; она почувствовала, что даже голова у ней посвѣжѣла. Она стала нѣсколько бодрѣе ходить по комнатѣ, и минорный тонъ ея рѣчи сталъ мало-по-малу приближаться къ мажорному. Она ждала, что мужъ ее поцѣлуетъ, но онъ этого не сдѣлалъ, а только продолжалъ пересыпать изъ пустого въ порожнее, то-и-дѣло перебѣгая съ предмета на предметъ. Наконецъ она сама рѣшилась-было поцѣловать его, но въ этотъ моментъ вошла въ комнату Маша—и поцѣлуй не состоялся. Андрей Андреичъ вскорѣ отсталъ отъ жены,—и опять цѣлый вечеръ промолчалъ.

На другой день, 16 августа, передъ вечеромъ пожаловали къ Андрюшѣ тятенька съ маменькой. Увидавъ Лёнушку, худую, блѣдную, растрепанную, старикъ вытаращилъ глаза, развелъ руками и воскликнулъ:

— Что это? Что это такое, Господи помилуй! Ты совсѣмъ извелась!..

— Я, папаша, очень больна была... чуть-было не умерла,— объяснила Лёнушка,—садясь возлѣ папаши.

— Не слыхалъ, ничего не слыхалъ... Я бы возлѣ престола молитву особую возслалъ... А то вотъ заздравной просвирочки даже не привезъ... Андрей, ты что же мнѣ не сообщилъ? Такой случай, что слѣдовало бы... отцу...

— Да что же сообщать: развѣ вы докторъ!—возразилъ Андрей Андреичъ.

— Докторъ—не докторъ, а все-таки... какъ это можно?... Ахъ, дочка, дочка!—произнесъ старикъ, уставясь на невѣстку и покачивая головой...—Какъ же это ты, а?... Ты, Андрей, должно быть, плохо бережешь ее, а?..

И онъ перевелъ глаза на сына.

— Какъ ее беречь-то? Просолить, чтобъ не портилась?— отозвался сынъ, насильственно улыбаясь.

— Да ты, должно быть, не любишь ее, а?

Андрей Андреичъ молчалъ. Лёнушка склонила голову на грудь. Старикъ пытливо посмотрѣлъ на обоихъ.

— Такъ, такъ... Я подозрѣваю...—утверждалъ онъ.—Ты, братъ, что же это, Андрей, а? Я тебя, знаешь, какъ разъ... того...

— Съ чего вы взяли, тятенька? Вѣдь это даже смѣшно,— полушутливо, полусерьёзно проговорилъ Андрей Андреичъ.

— А отчего же она у тебя какъ щепка стала?

Digitized by Google

— Вѣдь вамъ, говорятъ,—больна была.

— А развѣ кто не болитъ? Мать твоя тоже болѣла, а посмотри-ка какая она у меня...

— Тьфу! Болтаетъ—не слушалъ бы...—проворчала мать.—Ну, къ чему привязался? Чего ищешь?

— Сейчасъ же поди поцѣлуй ее, чтобы я видѣлъ!...—настаивалъ старикъ, не слушая жену.

— Ну, папаша, зачѣмъ это?—сказала Лёнушка, поднявъ голову и притрогиваясь рукой къ плечу свекора.—Онъ и такъ меня...

— Я такъ хочу,—перебилъ старикъ...—Ну, что же ты?..—снова обратился онъ къ сыну.

— Что это съ вами? Вы просто чудите!—смѣясь отозвался сынъ.

Отецъ всталъ, подошелъ къ сыну и, ухвативъ его за руку, потащилъ къ Лёнушкѣ, приговаривая: «сейчасъ же, сейчасъ же... чтобъ я видѣлъ... Ну!» скомандовалъ онъ, остановивъ Андрюшу передъ Лёнушкой.

Андрей Андреичъ нагнулся къ женѣ, чмокнулъ ее въ губы и быстро выпрямился. И мать, и Андрюша, и Лёнушка, и Маша засмѣялись, а старикъ, не измѣняя строгаго выраженія въ лицѣ, воскликнулъ:

— Э-э, братъ, нѣтъ... не такъ! Постой...

Онъ взялъ за руку Лёнушку и сына и оттащилъ обоихъ на средину комнаты; затѣмъ обѣ руки Андрюши положилъ на плечи Лёнушки, а руки Лёнушки на плечи Андрюши, и, отступивъ на два шага, скомандовалъ: «ну, крѣпче!.. три раза». Дѣти цѣловались, а отецъ отщитывалъ: разъ! два! три!

— Вотъ ловко!—воскликнулъ онъ наконецъ, хлопнувъ въ ладоши, и весело засмѣялся. Вотъ ты и повеселѣла,—сказалъ онъ, подойдя къ Лёнушкѣ и ласково трепля ее по плечу.—А то и повѣсила крылышки... и на—поди! Подбились бы получше другъ къ другу—и болѣзнь бы вся прошла. Мы вотъ съ матерью даромъ что того... а и то... Ну-ка, мать, давай-ка мы имъ примѣръ покажемъ...

Онъ, раскачиваясь, быстро подошелъ къ своей «матери», и, облапя ее, началъ крѣпко цѣловать. Матушка вертѣла головой и обѣими руками отталкивала кавалера, но кавалеръ взялъ-таки свое.

— Угорѣлъ старый, ей-Богу угорѣлъ,—бормотала матушка, конфузливо улыбаясь.

— Хе-хе-хе,—засмѣялся старикъ и заковылялъ въ святой

Digitized by Google

уголъ...—Вотъ теперь и чайку попьемъ!—возгласилъ онъ, усѣвшись...—Э-эхъ, дѣтушки, дѣтушки... Буди, Господи, милость твоя на насъ!..

И лицо его приняло обычное спокойное выраженіе.

И Андрюшѣ и Лёнушкѣ показалось, что папаша замѣтилъ нѣкоторую натянутость въ ихъ отношеніяхъ и придалъ ей большое значеніе. На самомъ же дѣлѣ онъ ничего такого не замѣтилъ, а просто хотѣлъ развеселить Лёнушку, болѣзненный видъ которой не гармонировалъ съ торжествомъ его пріѣзда. Какъ бы то ни было, но пріемъ старика оказался очень благодѣтельнымъ. Обѣ четы—и старая и юная—чувствовали себя во все время свиданія чрезвычайно хорошо. Всѣ шутили, смѣялись; всѣ объединялись въ одномъ тепломъ, мягкомъ родственномъ чувствѣ. «Какіе милые старички,—не разъ думала Лёнушка,—вотъ бы намъ всѣмъ вмѣстѣ жить»... Андрей Андреичъ, сидя за чаемъ подлѣ Лёнушки, разъ даже нѣжно потрепалъ ее по щекѣ. Словомъ, Лёнушка совершенно просіяла и заблаженствовала, какъ въ медовый мѣсяцъ.

Пророчество Прохорыча сбылось, хотя и не скоро: Стручковъ померъ въ концѣ сентября, и Андрей Андреичъ былъ приглашенъ на похороны. Собираясь ѣхать, онъ любезно простился съ женой и шутливо благословилъ ее большимъ крестомъ. Въ сѣняхъ попалась ему Маша, и онъ мимоходомъ мазнулъ ее пальцемъ по носу.

Спустя около получаса послѣ его отъѣзда, пришелъ къ Лёнушкѣ Прохорычъ. Остановившись въ передней и не видя никого въ залѣ, онъ вызывающимъ образомъ кашлянулъ и громко высморкался.

Вышла изъ спальни Лёнушка.

— Что, Прохорычъ?... Иди сюда,—что же ты тамъ сталъ?...

— Нѣтъ... я вѣдь больно нечистъ,—отвѣтилъ онъ, взглянувъ себѣ на сапоги.—Батюшка дома?

— Нѣтъ, онъ уѣхалъ недавно на похороны; развѣ ты не знаешь?

— Я видѣлъ, какъ *они* поѣхали, да вѣдь Богъ его знаетъ... Такъ ихъ, стало быть, нѣтъ?

— Да ужъ, стало быть, нѣтъ,—съ улыбкой сказала Лёнушка.—Развѣ онъ тебѣ нуженъ?

— Нѣтъ, онъ,—положимъ,—не нуженъ... А Марья Яковлевна дома?

Digitized by Google

— Она куда-то вышла. На что же тебѣ Марья Яковлевна?

— Да мнѣ и Марью Яковлевну не нужно.

— Такъ что же тебѣ?

— Я... къ вамъ.

— Ну?.. Да ты садись пожалуйста...

— Не въ сидѣньи дѣло.

— А въ чемъ же?

Прохорычъ кашлянулъ и почесалъ въ затылкѣ.

— Эхъ, матушка... Хочу я вамъ сказать,—да начать не знаю какъ... Можетъ быть, это и не мое дѣло...

— Да говори скорѣе: что такое?

— Давно я собирался вамъ... Меня ажъ вотъ какъ отъ этого... (При этомъ онъ повертѣлъ кулакомъ около сердца).

— Ну же, говори прямо.

Прохорычъ переступилъ съ ноги на ногу, осмотрѣлся кругомъ и, пододвинувшись нѣсколько къ Лёнушкѣ, началъ:

— Батюшка вашъ...

— Ну? (Лёнушка вздрогнула).

— Заблудился,—грянулъ Прохорычъ.

— Какъ это?

— Такъ... Въ саду... Собственными глазами видѣлъ... Съ Марьей Яковлевной... очень неодобрительно поступалъ...

— Что ты, что ты болтаешь! Ты должно бы выпилъ!—тревожно воскликнула Лёнушка—и почувствовала, что у ней зазвенѣло въ ушахъ.

— Нѣтъ, пока еще ничего не выпилъ... Простите Бога ради... Я ей-Богу отъ души... Свинью сгонялъ... А я изъ-за изгороди... Она и убѣжала.

— Ты врешь!

— Вотъ провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ... На Успенье послѣ обѣда... Не повѣрите,—во мнѣ даже утроба тогда повернулась!.. Какъ желаючи вамъ всегда... и будучи еще при дядюшкѣ вашемъ... надо сказать,—истинно жалѣю вашу участь... по причинѣ такого беззаконія... среди бѣлаго дня...

Изъ сѣней отворилась дверь и вошла Маша.

— Здравствуй, Прохорычъ!—сказала она.

— Добраго здоровья,—отвѣтилъ Прохорычъ и, нѣсколько помявшись на мѣстѣ, проговорилъ:

— Да, похороны будутъ знатныя... Такъ батюшка, значитъ, не скоро... Не то будетъ у насъ завтра служба, не то нѣтъ... Ну, прощайте покамѣстъ... извините Бога ради, что потревожилъ...

Прохорычъ не ошибся, сказавши, что онъ *потревожилъ* Лё-

Digitized by Google

нушку. Она едва добрела до постели и ткнулась въ подушку. Голова у ней кружилась; сердце сильно стучало. «Господи, да что же это такое?»—шептала она.—«Неужели это правда?!.. Нѣтъ, онъ вовсе не пьянъ... Но, можетъ быть, ему показалось... Вѣдь этого быть не можетъ, ну, рѣшительно не можетъ, не можетъ, не можетъ!.. Кто бы это сказалъ мнѣ правду?—самую истинную, чистую правду?.. Чтобы ужъ было вѣрно-превѣрно, такъ вѣрно, какъ будто сама видѣла... Да!.. Постой...» Она вскочила съ постели и достала «Сокровище духовное». Скажи мнѣ, Господи, правду твою и уразумѣю—прошептала она, зажмурившись,—и разогнула книгу. Открылась страница 140, статья 35. Лёнушка прочла: «*Воротись! не туда пошелъ*»... А онъ какъ сказалъ?... Да:—*заблудилъ*... Ну-ка, дальше... *Не касайся сего! здѣ ядъ*,—прочла она крупное заглавіе слѣдующей статьи... опять... То же самое и онъ... Если и дальше, тогда ужъ кончено... «*Плачь*», стояло въ заглавіи 37-й статьи.

Держа книгу на колѣняхъ и закрывъ глаза ладонью, Лёнушка нѣсколько минутъ просидѣла въ тяжеломъ раздумьѣ. Потомъ она вышла въ залу, и быстрыми шагами начала ходить изъ угла въ уголъ. Маша посмотрѣла на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Маша... какъ это?...—начала было Лёнушка, продолжая ходить.

— Что такое?—спокойно спросила Маша.

Лёнушка хотѣла-было приступить къ дѣлу, но у нея не хватило духу, и она измѣнила вопросъ:

— Ты видѣла нынче Анну Ивановну?

— Нѣтъ... А что?

— Такъ.

Произошло молчаніе.

— Маша, ну-ка, посмотри на меня,—начала опять Лёнушка, бросая испытующій взглядъ на сестру.

Маша взглянула на нее и проговорила:

— Что тебѣ нужно?

— Ничего... такъ.

— Нѣтъ, въ правду?

— Я хотѣла-было...—И Лёнушка опять замялась.

Маша поднялась съ мѣста и ушла.

«Ушла», подумала Лёнушка. «Такъ... вѣрно... Это было... Ну, что-жъ я теперь?» размышляла она, разводя руками. Тоскливымъ взоромъ обведя стѣны, она остановилась, наконецъ, на фотографической карточкѣ и подошла къ ней. Карточка изображала Андрея Андреича и Лёнушку въ ту пору, когда они были «мо-

Digitized by Google

лодые». Андрей Андреичъ изображенъ былъ съ короткими еще волосами и въ бѣлой рясѣ, которая такъ странно расплылась по фону карточки, что молодой батюшка казался завѣшеннымъ простыней. Онъ стоялъ бодро, нѣсколько поднявъ голову и отставивъ одну ногу впередъ. За лѣвую руку его обѣими руками прицѣпилась Лёнушка, тѣсно прижавшись плечомъ къ супругу. Она въ шляпкѣ, въ шелковомъ платьѣ, свѣженькая, веселенькая.

Лёнушка пристально всмотрѣлась къ самодовольную физіономію супруга.

— Эхъ, ты!...—съ упрекомъ прошептала она, щелкнувъ пальцемъ по крошечной площадкѣ, изображавшей лобъ Андрея Андреича.

Вглядываясь затѣмъ въ собственную физіономію на карточкѣ, она попыталась воспроизвести то настроеніе, какое отражала фотографія; но попытка ея не удалась; еще тяжелѣе стало у ней на душѣ, еще пуще ей защемило сердце.

— Ишь вѣдь... вмѣстѣ...—прошептала она.—Ну, зачѣмъ это? Теперь ужъ не нужно... не хочу... будетъ... Сейчасъ же!...

Она быстрыми, рѣшительными шагами направилась въ спальню и черезъ минуту вышла съ ножницами. Торопливо, дрожащими руками она вынула карточку изъ рамки и начала рѣзать ее вдоль. Дойдя ножницами до сцѣпленныхъ рукъ, она остановилась и опустила руки вмѣстѣ съ карточкой, защемленной ножницами. Дыханье ея учащалось, во рту сохло. Послѣ минутнаго колебанія она, зажмуривъ глаза и стиснувъ зубы, съ дрожью во всемъ тѣлѣ, сильно щелкнула ножницами — и правая половина карточки полетѣла на полъ. Она открыла глаза и взглянула на оставшуюся у ней въ рукахъ половинку.—На ней одиноко стоялъ Андрей Андреичъ. Съ своей поднятой головой и отставленной ногой, онъ показался теперь Лёнушкѣ еще болѣе отважнымъ, болѣе удалымъ. Изъ-подъ лѣвой руки его высматривали двѣ кисти рукъ съ переплетенными пальцами; на бѣломъ фонѣ лѣваго плеча виднѣлось черное пятно. Оказалось, что Лёнушка второпяхъ и зажмуркой забрала ножницами нѣсколько правѣй и отхватила себѣ на карточкѣ руки и часть плеча, что и составило совершенно ненужный аксессуаръ къ одинокому портрету Андрея Андреича. Лёнушка подняла съ полу свою ампутированную персону и горькая улыбка блеснула у ней на губахъ. Карточка представляла теперь Лёнушку ровно бы пошатнувшеюся въ правую сторону. Какъ будто какая-то темная могучая сила рванула ее въ одну сторону—и искалѣчила. Лёнушка попробовала-было сложить вмѣстѣ обѣ половинки разрѣзанной карточки, но чудо

Digitized by Google

не совершилось,—сращеніе отрѣзанныхъ членовъ не произошло. Она сунула обѣ половинки въ карманъ и, дрожа какъ въ лихорадкѣ, улеглась на постель.

Пріѣхалъ Андрей Андреичъ. Ленушка слышала, какъ онъ вошелъ въ переднюю, какъ снималъ калоши и раздѣвался,—но не вышла къ нему.

— Однако, всего пять рублей,—благодушно началъ Андрей Андреичъ, входя въ залу...—Да гдѣ-жъ народъ-то? — спросилъ онъ самъ себя, не найдя никого въ залу...—Это что такое? — продолжалъ онъ, увидѣвъ на стулѣ портретную рамку и ножницы.—Лена!... — возгласилъ онъ, направляясь въ спальню...—Лена!...—повторилъ онъ пониженнымъ тономъ уже въ спальнѣ.

Ленушка молча зашевелилась на постели, Андрей Андреичъ приблизился къ ней. Она торопливо достала что-то изъ кармана и, протянувъ къ нему руку, обрывающимся голосомъ проговорила:

— На вотъ тебѣ...

— Это что за фантазія!—съ удивленіемъ проговорилъ Андрей Андреичъ, увидѣвъ себя на карточкѣ отщепенцемъ.—Для чего ты это сдѣлала? Что ты хочешь этимъ сказать?

— Самъ знаешь... — тихо проговорила Ленушка, закрывъ глаза.

— Ну, что я знаю?—что такое я знаю?—воскликнулъ онъ.—Что за комедіи такія? Тебѣ не нужно, такъ вѣдь и мнѣ не нужно! — запальчиво крикнулъ онъ—и въ клочки изорвалъ полученную имъ половину карточки. Другой бы на моемъ мѣстѣ такую задалъ... Ну, не гадость ли это? Тьфу! Языка сквернить не хочется.

И Андрей Андреичъ, бормоча и ворча, повернулъ отъ супружескаго ложа.

XXVII.

Стоялъ почти уже въ половинѣ октябрь—мрачный, холодный, съ воющими и стонущими, душу гнетущими вѣтрами и съ непрерывными проливными, косыми дождями, наступательно хлещущими въ окна. Скучно на дворѣ, скучно дома. Весельчаки—и тѣ нѣсколько присмирѣли; меланхолики сдѣлались меланхоличнѣе, флегматики—флегматичнѣе, люди сердитые стали совсѣмъ злыми, несчастные почувствовали себя еще несчастнѣе. Закашлялъ, заперхалъ бѣдный людъ деревенскій, изукрасился флюсами, застоналъ отъ зубной боли, задрожалъ отъ «желѣзной ласки двѣнадцати сестеръ-трясовицъ».

Digitized by Google

Хуже стало и Лёнушкѣ.

Тайна, сообщенная ей Прохорычемъ и подтвержденная авторитетомъ «Сокровища», тяжелымъ камнемъ лежала у ней на душѣ. Нѣсколько разъ она пыталась объясниться и съ мужемъ и съ сестрой, но каждый разъ рѣчь ея замирала на первомъ же словѣ. Она сдѣлалась капризна, какъ ребенокъ, часто плакала, и никто изъ окружающихъ не могъ ее утѣшить; она совсѣмъ почти лишилась и пищи и сна, и быстро слабѣла и худѣла... Андрей Андреичъ отчасти постигалъ причину мученія жены и иногда обнаруживалъ желаніе успокоить ее. Но при настоящемъ настроеніи Лёнушки онъ долженъ былъ превратиться въ ангела свѣтла, а между тѣмъ онъ былъ холоденъ и нѣсколько грубъ даже и тогда, когда хотѣлъ показаться ласковымъ. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что сцена въ саду останется для всѣхъ тайною и смотрѣлъ на жену, какъ на непростительно-глупую капризницу, безпричинно отравляющую жизнь и себѣ и ему. Онъ сталъ досадовать наконецъ и на Машу,—что она «подвернулась ни оттуда, ни отсюда — и пошло чортъ знаетъ что»... Маша притихла. Она съ нѣкотораго времени стала почему-то бояться сестры, а потому по возможности старалась избѣгать ея, хотя въ душѣ и жалѣла ее.

Въ домѣ Андрея Андреича готовился вечерній чай. Вдругъ мимо оконъ промелькнула, въ сопровожденіи шумной толпы мальчишекъ, чья-то высокая фигура. Черезъ минуту дверь изъ сѣней отворилась, и въ передней хриплый басъ отчетливо проговорилъ: *шедше покажитесь священникомъ*. Андрей Андреичъ заглянулъ въ переднюю и увидѣлъ незнакомца. Это былъ высокій, плечистый мужчина, лѣтъ сорока пяти. Физіономія его походила на физіономію ѳиваидскаго пустынника: она почти вся, до самыхъ глазъ, была покрыта длинными черными съ просѣдью волосами, торчащими во всѣ стороны радіусами; даже на широкомъ носу торчалъ пучокъ волосъ. Щеки глубоко-впалыя; глаза большіе, черные, быстрые, пронизывающіе; лобъ широкій и высокій; на головѣ безпорядочными прядями торчали короткіе, точно ощипанные волосы. Онъ былъ въ длинномъ нанковомъ холодномъ халатѣ на распашку; огромныя босыя ножищи его были покрыты слоемъ свѣжей грязи. Онъ держалъ въ рукахъ опутанный тонкой бичевой кирпичъ.

— Что тебѣ? — спросилъ Андрей Андреичъ.

— *На семъ камени созижду церковь, и врата адовы не*

Digitized by Google

одолѣютъ ей, — проговорилъ незнакомецъ, идя въ залу и потрясая кирпичемъ.

Андрей Андреичъ, стоя въ дверяхъ, хотѣлъ-было нѣчто возразить, но ограничился тѣмъ, что уступилъ гостю дорогу и отошелъ въ сторону. Лёнушка испуганными глазами взглянула на незнакомца.

— *Не бойтеся, азъ есмь!* — продекламировалъ незнакомецъ, странно выворачивая губы, — и положилъ кирпичъ на столъ.— Ищу Христа,—продолжалъ онъ, начавши ходить по комнатѣ:— безъ Христа нельзя создать церковь. Но Христа нѣсть здѣ: воста... Взыскалъ ты Іисуса, — обратился онъ къ Андрею Андреичу, — не ради Іисуса, а ради хлѣба куса.

— Ты что это за птица такая?—спросилъ Андрей Андреичъ, стоя въ дверяхъ спальни.

— Что за птица? Орелъ! — отвѣтилъ незнакомецъ.

— Кто ты такой?

— Я тотъ, котораго вы не знаете... Одного происхожденія съ патріархомъ Никономъ... Обошелъ землю и поднебесную, и явился къ вамъ... И роптаху вси, глаголюще, яко къ грѣшному мужу вниде витати. Священникъ и левитъ мимо иде, самарянинъ же видѣ милосердова...

— Не хочешь ли чайку? — робко предложила Лёнушка.

— Чайку? Нѣтъ. Чай — вода, а вода плотину прорываетъ... и ужъ прорвала. И тебѣ самой въ душу пройдетъ оружіе... Обаче дерзай, ибо блаженіи чистіи сердцемъ... А Илія человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ...

У Лёнушки сильно наморщился лобъ и широко раскрылись зрачки.

— Вотъ что, братъ: убирайся-ка ты отсюда по добру по здоровуѣ, — предложилъ Андрей Андреичъ, не перемѣняя своей позиціи.

— Что? Погоди, левитъ, не спѣши... Меня вотъ еще чайкомъ добрые люди подчуютъ. А я не хочу чайку, а хочу ветчинки. Дайте мнѣ ветчинки... два маленькихъ кусочка, — я и пойду.

Работница доселѣ съ любопытствомъ высматривавшая изъ передней, бросилась розыскивать ветчину.

— Погибающимъ юродство есть, а спасаемымъ сила божія есть,—проговорилъ незнакомецъ, взглянувъ на Андрея Андреича и значительно кивнувъ головой.—Соль обуяла, а міръ солить надо. Кто солить будетъ? И буія міра избра Богъ... Всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу...

Digitized by Google

— Ветчинки нѣтъ, батюшка, а вотъ...—проговорила вбѣжавшая работница, подавая незнакомцу два кусочка какого-то мяса.

— А свиней-то гадаринскихъ развѣ нѣтъ у васъ?

— Есть, да нерѣзаныя, — отвѣтила работница.

— Есть, да нерѣзаныя!—Гм... Во-истину рекла еси,—пробормоталъ странникъ.

Онъ положилъ кусочки мяса на столъ и началъ развязывать у кирпича бичевку. Распутавъ бичевку, онъ привязалъ куски къ концамъ ея и осмотрѣлъ потолокъ. Затѣмъ взялъ бичевку двумя пальцами посрединѣ, вытянулъ съ ней руку и свободной рукой толкнулъ сперва одинъ конецъ веревки, потомъ другой. Концы закачались въ противоположныя стороны. Незнакомецъ сдѣлалъ полуоборотъ къ удивленной публикѣ и, продолжая стоять съ вытянутой рукой, серьёзно проговорилъ.

— Видите: — это туда, а это сюда, а мясо одно... Да!... Плоть едина, а въ разныя стороны... *Имѣяй уши слышати да слышитъ*...

Сказавъ это, онъ подалъ веревку работницѣ.

— Брось мясо псамъ, а вервіе принеси.

— Убирайся вонъ, уродъ этакой! — крикнулъ Андрей Андреичъ.

— Блажени изгнани правды ради, — спокойно проговорилъ незнакомецъ.

— Я тебя сейчасъ къ становому отправлю!—горячился Андрей Андреичъ.

— Хощеши не боятися власти, благое твори,—тѣмъ же спокойнымъ тономъ отозвался ѳиваидецъ.

Онъ приложилъ ко лбу ноготь указательнаго пальца, наклонилъ нѣсколько голову и протяжно, на какой-то неслыханный мотивъ запѣлъ:

„Чей-то сладкій гласъ въ пустынѣ
Поражаетъ днесь мой слухъ?
Кто зоветъ мя къ стаду нынѣ?
Знать, пресладкій мой Пастухъ.
Возвратиться мнѣ вѣщаетъ:
Видно я не на пути;
Путь пространный преграждаетъ,
Я хромаю — какъ идти?...“

Работница, дождавшись конца пѣсни, подала пѣвцу бичевку. Онъ снова опуталъ кирпичъ и взялъ его подъ мышку.

— Ну... миръ мой оставляю вамъ,—проговорилъ онъ и двинулся-было изъ залы... Да! — спохватился онъ и обернулся къ

Digitized by Google

Лѣнушкѣ. Онъ досталъ у себя изъ-за пазухи завалянную баранку и предложилъ Лѣнушкѣ. Та отказалась.

— Возьми, рабочка,—возьми любопустынная горлица,—настаивалъ незнакомецъ.

— Это тебѣ... — отговаривалась Лѣнушка.

— Мнѣ не надо, *зане пепелъ, яко хлѣбъ ядахъ и питіе мое съ плачемъ растворяхъ*.

Лѣнушка взяла баранку.

— Вотъ тебѣ медъ и улей, сиди на стулѣ; сиди не вертись, слушай не сердись. Ѣшь... изъ ядомаго сладкое изыдетъ,—читкомъ проговорилъ незнакомецъ.

Онъ взвалилъ кирпичъ на плечо и, уходя, продекламировалъ: «*и прошедъ посредъ ихъ идяше*».

— Отецъ родной, скажи мнѣ что-нибудь! — съ умиленіемъ взмолилась работница въ передней.

— Руки твои на всѣхъ и руки всѣхъ на тебѣ,—пробормоталъ незнакомецъ и шагнулъ въ сѣни.

— Ой-ой, Господи помилуй!—съ испугомъ воскликнула работница.

— Что тамъ еще? Выпроводить его скорѣе,—пробормоталъ Андрей Андреичъ и быстро направился въ сѣни.

— Что сей сосудъ скуделенъ? Жена самарянская оставила?—спросилъ незнакомецъ въ сѣняхъ, мимоходомъ указывая на стоящій на полу кувшинъ.

— Иди, иди, будетъ болтать-то,—проговорилъ хозяинъ, наступая сзади на гостя.

— Идетъ, идетъ, яко же писано,—спокойно отозвался гость.

Возлѣ крыльца стояло нѣсколько бабъ съ грудными ребятами. Когда незнакомецъ появился на крыльцѣ, бабы отвѣсили ему дружный поклонъ и въ одинъ голосъ зашумѣли.

— Человѣкъ божій, взгляни ты вотъ на скорбныхъ нашихъ... Помоги, отецъ!

— Вы съ ума сошли! Пошли прочь!.. Эка овцы безсмысленныя!—съ гнѣвомъ вскричалъ батюшка.

— Т-сс!.. *Не браните дѣтей приходити ко мнѣ, таковыхъ бо есть царствіе Божіе*,— произнесъ незнакомецъ, сходя съ крыльца и поднявъ руку надъ головой.

Бабы, нѣсколько отступивъ отъ крыльца, выпростали головы своихъ «скорбныхъ» изъ окутывавшаго ихъ тряпья и, какъ къ причастью, одна за другой, стали подносить дѣтей къ «человѣку божію». Онъ каждаго ребенка благословлялъ и надъ каждымъ произносилъ: «*Изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси*

Digitized by Google

хвалу». Бабы кланялись и отходили. Батюшка нѣсколько разъ кричалъ: «пошли прочь! Становому дамъ знать!» Но слова его остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Совершивъ актъ исцѣленія младенцевъ, чудотворецъ быстрымъ энергическимъ шагомъ зашагалъ по площади и запѣлъ: «О, кто меня противу бѣдъ отъ самого себя спасетъ!..» Мальчишки бросились за нимъ. «У—у! У—у!» закричали они: «безъ шапки, безъ шапки!.. Положи кирпичъ-то на голову... замѣсто шапки...»

— Вотъ я васъ, елисеевы дѣти, я васъ!..—крикнулъ пророкъ, обернувшись къ мальчишкамъ и сдѣлавъ видъ, будто хочетъ бѣжать за ними.

Мальчишки бросились въ-розсыпь.

Незнакомецъ произвелъ на Лёнушку потрясающее впечатлѣніе. Она цѣлую ночь не могла заснуть. Только-что задремлетъ—сейчасъ же страшный загадочный незнакомецъ, какъ живой, станетъ предъ ея глазами. Она вздрогнетъ, проснется, сотворитъ молитву. Страшный образъ исчезъ, но въ ушахъ ея звучатъ не менѣе страшныя слова... «Тебѣ самой въ сердце пройдетъ оружіе», слышится ей... «Плоть едина, а въ разныя стороны» и т. п. Ею овладѣлъ страхъ. Она не разъ будила Андрея Андреича, но тотъ, съ трудомъ отозвавшись на ея зовъ какимъ-нибудь междометіемъ, мгновенно снова засыпалъ.

Поутру встала она истомленная, разстроенная, съ надорванными нервами.

— Андрюша, я поѣду...—обратилась она къ мужу.

— Куда?

— Къ дядѣ.

— Что ты? Въ этакую погоду!.. И безъ того ужъ...

— Нѣтъ, поѣду, поѣду!..—настойчиво перебила Лёнушка.

— Да ты подумай: ну, какъ ты поѣдешь!—возразилъ Андрей Андреичъ.

— Ради Бога, не удерживай меня!!—болѣзненно вскрикнула Лёнушка.—Мнѣ нужно, нужно ѣхать!..

— Ступай!—съ досадой проговорилъ Андрей Андреичъ, махнувъ рукой:—уродничай ужъ до конца.

— Маша, пошли, пожалуйста, за Анной Ивановной, да вели тамъ запрягать,—засуетилась Лёнушка.

— Запрячь я самъ велю,—проговорилъ Андрей Андреичъ и ушелъ.

Digitized by Google

Когда пришла просвирня, Лёнушка была уже совсѣмъ готова въ путь.

— Анна Ивановна, поѣдемъ со мной къ дядѣ,—предложила Лёнушка.

— И, матушка, что̀ это вы выдумали въ этакую пору!—съ удивленіемъ сказала просвирня.

— Молчи, ради Бога, молчи объ этомъ!—съ досадой произнесла Лёнушка, тряся головой.—Ты мнѣ скажи только: исполнишь мою просьбу иль нѣтъ?

— Да съ чего-жъ, матушка, съ чего-жъ не исполнить... Только здоровье-то твое.. Охъ, Господи...

— Ну, ступай, собирайся скорѣе.

Черезъ полчаса Лёнушка уже ѣхала по полю, пронизываемая вѣтромъ и окропляемая дождемъ. Лошади плелись лѣнивою рысью, звонко шлепая копытами по грязи.

— Что̀ это, милая моя, вамъ вздумалось поѣхать къ дядюшкѣ?—полюбопытствовала просвирня доро́гой.

— Такъ... нужно,—отвѣтила Лёнушка.—Не могу я больше, не могу... Хоть глаза себѣ отвесть...

— Отчего же отвесть-то?

— Отъ *него*, отъ *ней*... отъ всего.

— Это вы что́ же... неужели про батюшку? Развѣ происшествіе какое?..

Лёнушка, послѣ нѣкотораго колебанія, разсказала просвирнѣ «о происшествіи».

— Что́ вы, матушка, Господь съ вами! Вы сами себя помрачаете, посмотрю я,—проговорила просвирня, выслушавъ Лёнушку.—Ну, сбыточная ли это вещь? Это малосмысленность одна,—ей-Богу, малосмысленность... Дѣло сиротское... У дяди не сладко... Вотъ она къ нему и ласкается, чтобы привѣтили ее. А онъ за усердіе ея—доброту ей показываетъ. Вотъ и все. Нѣтъ, право, вы напрасно... А что́ онъ къ вамъ не очень... Ну, да что̀ же дѣлать-то? Пословица говоритъ: «мужъ любитъ жену здоровую»... А вы въ такой немощи, что́... онъ васъ совсѣмъ лишился... Вотъ его и коробитъ,—а вы убиваетесь. Кто-жъ виноватъ?.. Видно ужъ самъ Господь вамъ устройства не далъ...

Вѣтеръ дулъ все сильнѣе и сильнѣе. Дождь то ослабѣвалъ, то усиливался. Лошади, искосивъ шеи, едва тащились. Работникъ злился; восклицанія его становились громче и громче, и онъ сильно хлесталъ лошадей кнутомъ. Лёнушка, блѣдная, какъ смерть, ёжилась, вздрагивала и прижималась къ просвирнѣ.

— Охъ, милая, вѣдь вы не доѣдете!—произнесла просвирня,

Digitized by Google

взглянувъ на матушку.—Всѣ трясетесь, губы посинѣли... Лучше вернемся...

— Нѣтъ, ничего... доѣду,—сказала Лѣнушка, сильнѣе прижимаясь къ спутницѣ.

— Да гдѣ-жъ доѣдете?.. Близкое ли дѣло?.. А вы ужъ и теперь на себя не похожи. Вернемся, право... пока еще не много проѣхали.

— Я лягу... можетъ лучше,—отозвалась Лѣнушка.

— Да къ чему же себя убивать-то? Какая нужда-то крайняя?.. Нѣтъ, вернемся, вернемся,—и толковать нѣчего!—быстро и съ энергіей проговорила просвирня.—Еще будетъ время... А то что̀ это?—Господи помилуй!..

— Ну, пожалуй,—согласилась, наконецъ, Лѣнушка, пряча руки въ рукава.

И работникъ, что-то бормоча себѣ подъ носъ, повернулъ лошадей назадъ.

Вернувшись домой, Лѣнушка торопливо раздѣлась, бросилась въ постель и укрылась съ головой. Ее забила страшнѣйшая лихорадка. Андрей Андреичъ долго что-то ворчалъ, но она ничего не поняла и ничего не отвѣчала.

XXVIII.

17-го октября Андрей Андреичъ былъ именинникъ. Около полудня собрались къ нему сосѣди-священники: горбоносый блондинъ и жирный брюнетъ,—Бочкинъ, мельникъ, причетники и церковный староста.

Лѣнушка съ трудомъ поднялась съ постели. Въ шубѣ, окутанная толстой шалью, она вошла къ гостямъ и, принявъ поздравленіе «съ дорогимъ имянинникомъ», присѣла на диванъ. На обращенный къ ней вопросъ Бочкина: «что̀ вы такъ укутались?» Андрей Андреичъ поспѣшилъ отвѣтить: «это обыкновенная женская исторія»... и, потирая руки, засуетился на-счетъ пирога и закуски. Просидѣвъ въ залѣ нѣсколько минутъ безучастно и безмолвно, Лѣнушка удалилась—и больше не выходила.

Подали пирогъ и закуску. Андрей Андреичъ, весело улыбаясь, пригласилъ гостей «поздравить, чѣмъ Богъ послалъ». Гости, сперва нѣсколько смущенные появленіемъ больной хозяйки, скоро почувствовали себя свободно и весело. Разговоръ, сначала не клеившійся, мало-по-малу оживился.

Digitized by Google

— Убійственное это время—осень, — изъяснялъ горбоносый блондинъ.

— Но противъ этого убійственнаго времени есть убійственныя средства,—подхватилъ Бочкинъ.— Порядочные люди уже давно ихъ изобрѣли:

Въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ:
И приписывали
И отписывали
Мѣломъ!

— Вотъ и средства—ха-ха-ха!..

— На чистенькія лучше-съ,—вставилъ мельникъ.—Мѣломъ, это что!..

— Нельзя же вѣдь постоянно мѣломъ, или на чистенькія... а между тѣмъ скучно,—замѣтилъ жирный брюнетъ.—Получишь книжку какого-нибудь журнала—въ день его прокатаешь, а тамъ и опять нечего... Смотри въ окно да слушай бури завыванье.

— Да!.. Я получилъ вчера первый нумеръ епархіальныхъ вѣдомостей за сентябрь,—возвѣстилъ блондинъ... Вы получили?—спросилъ онъ сотоварищей.

— Нѣтъ еще,—отозвались тѣ.

— Ну, что это у насъ, господа!—воскликнулъ блондинъ.—Нумеръ перваго сентября не доходитъ къ половинѣ октября! Какой же смыслъ этихъ вѣдомостей?.. Я, напримѣръ, ищу мѣста... Не сидѣть же мнѣ безвыходно въ сѣняхъ консисторіи, въ ожиданіи этого блага. Я могу и по вѣдомостямъ справиться о вакантныхъ мѣстахъ. И вдругъ меня въ половинѣ или въ концѣ октября извѣщаютъ о мѣстѣ, открывшемся еще въ августѣ. Понятное дѣло, я прозѣвалъ: мѣсто давно занято.

— Да и вообще эти извѣщенія ни къ чему,—замѣтилъ брюнетъ.—Еще прежде, чѣмъ редакція узнаетъ о какомъ-либо вакантномъ мѣстѣ, *тамъ* ужъ десятки прошеній. Иной даже по самымъ горячимъ слѣдамъ явится съ прошеніемъ, а мѣсто ужъ отдано... Да и все остальное-то въ вѣдомостяхъ никуда негодно: нѣтъ въ нихъ ничего, отвѣчающаго животрепещущимъ вопросамъ епархіальной жизни. Печатаются, напримѣръ, проповѣди. Ну, на что онѣ? Какъ будто я самъ не могу сказать проповѣди... Да если бы еще проповѣди-то были... Или тянется черезъ нѣсколько нумеровъ какая-нибудь заоблачная статья «о дуализмѣ гностиковъ», или что-нибудь въ этомъ родѣ. Какія же это *епархіальныя* вѣдомости. Если бы ихъ издавала-то епархія,—а то пять,

Digitized by Google

десять какихъ-нибудь схоластиковъ составятъ компанію и тискаютъ туда допотопный хламъ. А епархія только деньги платитъ. Пришлетъ имъ сельскій священникъ статью, почерпнутую прямо изъ жизни,—не напечатаютъ... Монополія какая-то!..

— Да. Я вотъ сколько статей посылалъ—не напечатали,— сообщилъ блондинъ.

— А вы соберите ихъ,—посовѣтовалъ Бочкинъ,—да издайте отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Сборникъ статей, неудобныхъ къ напечатанію».

Бочкинъ захохоталъ, а блондинъ обидчиво проговорилъ:

— Нѣтъ, вы не думайте, что онѣ негодныя. Меня въ солидныхъ органахъ принимали...

— Я шучу, шучу,—успокоивалъ Бочкинъ...—Но какая все-таки польза отъ вашихъ статей, хотя бы и дѣльныхъ? Представьте себѣ, что я написалъ міръ-удивляющую статью: «О необходимости процвѣтанія Россіи во всѣхъ отношеніяхъ». Неужели вы думаете, что Россія сейчасъ же и процвѣтетъ во всѣхъ отношеніяхъ?.. Вѣдь вотъ вы поднимаете вопросы, пишете... А сотни вашихъ собратій—я увѣренъ—и въ усъ себѣ не дуютъ. Ну, что-жъ вы тутъ сдѣлаете?

— Это правда,—согласился блондинъ.—Иной еще не дорось, а иной уже въ какое-то умственное и нравственное дупло обратился. Страшная разрозненность интересовъ, апатія и странное сочетаніе воинственности и приниженности!.. Вѣдь вотъ на съѣздѣ, напримѣръ, избираются сравнительно лучшіе. Что же выходитъ? Двое-трое разсуждаютъ, а остальные хоромъ шумятъ: «разумѣется! конечно! отмѣнить! учредить! просить!» А что *разумѣется*, что *отмѣнить* и *учредить*—большинство не знаетъ. Составятъ протоколъ, потянутъ подписываться поодиночкѣ — и начнутъ ротиться и клятися, что того не желали, этого не говорили. И дѣло врозь... Бываютъ такіе курьёзы, что начнутъ съ *плохо*, *неудовлетворительно*, а постановятъ: *благодарить*... Замѣтно нѣкоторое пробужденіе, но только *пробужденіе*. Человѣкъ, видно, еще не умылся, не одѣлся,—почесывается и смотритъ еще мутными, полубезсмысленными глазами.

— А помните, вы говорили, что въ нашей кастѣ пробудилась мысль, энергія, развязался языкъ?—возразилъ жирный брюнетъ.

— Я разумѣлъ *нѣкоторыхъ*,—изъяснилъ блондинъ... Притомъ у меня тутъ была тенденція. Въ виду другого рода *нѣкоторыхъ* я больше *пропагандировалъ* эту энергію, чѣмъ констатировалъ фактъ...

Причетники и церковный староста, раскраснѣвшіеся отъ «по-

Digitized by Google

здравленія» и напряженнаго молчанія, поднялись, наконецъ, съ своихъ мѣстъ, отыскали шапки и начали благодарить имянинника. Андрей Андреичъ откланялся имъ, ни мало ихъ не удерживая.

— Ну, что же... и намъ пора,—проговорилъ блондинъ, давъ уйти гостямъ-плебеямъ.

— Что́ вы, что́ вы!—сказалъ имянинникъ.—Я и лошадей вашихъ велѣлъ отпрячь. Мы посидимъ, какъ слѣдуетъ.

— Сами же вы говорите, что дома скучно,—вставилъ Бочкинъ.

— Да, вѣдь, больные здѣсь,—возразилъ блондинъ.—Что же безпокоить...

— Э, полно пожалуйста,—съ гримасой произнесъ имянинникъ.—Это у насъ постоянно... Пустяки!.. Голова болитъ—ну, что́ же тутъ особеннаго?..

И гости остались.

Вечеръ. Посрединѣ залы стоитъ разложенный ломберный столъ, освѣщенный двумя стеариновыми свѣчами, въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ. За столомъ сидятъ имянинникъ, блондинъ и брюнетъ, Бочкинъ и мельникъ—и играютъ въ карты. Слышатся различныя остроты и шутки.

— Такъ «стригольники», а?—адресуется блондинъ къ имяниннику.

— Стригольники, канальи!—произноситъ имянинникъ.

«Вѣдь всѣ стрижемъ мы понемногу,

—пародируетъ брюнетъ—

Кого-нибудь и какъ-нибудь,
Такъ постриженьемъ, слава Богу,
И намъ не мудрено блеснуть».

— На-веселѣ поживотѣло (на животѣ повеселѣло)—острить по-своему мельникъ, взявши ремизъ.

— Резонъ, что поставилъ ремизонъ,—риемуетъ Бочкинъ, доставая деньги.

— *Пасъ!*

— Также и *азъ*.

— *Стучу*.

— Я те *проучу*... Трахъ и я!

— Купилъ.

— In suis. Рѣзать кому угодно?

— Се ножа два имамы и довлѣетъ намъ.

Digitized by Google

— Никто не будетъ?
— Нѣтъ.
— Ну-ка, ходи!
— На-ка вотъ!..
— Съ нашимъ!
— Этихъ у насъ пропасть...
— А это вотъ!
— Ахъ, чортъ возьми, *прокинулъ!*
— Пой *прокименъ!*..
— Ха-ха-ха!.. Оскорбѣ же Петръ, яко постави ремизъ втретіе.

— Архангельскіе попы заключили договоръ не играть въ карты,—возглашаетъ брюнетъ,—и похвалились въ «Церковно-общественномъ Вѣстникѣ». Но пошлите хоть сейчасъ телеграмму—непремѣнно дуются одновременно съ нами. Къ чему брехать и рисоваться?..

— Маша, посмотри: можно стучать, или нѣтъ?—обращается Андрей Андреичъ къ вертящейся около него свояченѣ.

— Почему я знаю, — отвѣчаетъ Маша.

— Да ты скажи: да или нѣтъ?

— Да.

— Бацъ! — на твое счастье...

Между тѣмъ за переборкой отчаянно металась больная Лѣнушка. Она то слабо засыпала, то безпокойно пробуждалась, встревоженная шумомъ безпокойныхъ сосѣдей. Мысли странно путались въ ея воспаленной головѣ. «Господи, что же это такое значитъ?—шепчетъ она... Чиста я, Господи, непорочна. Знаешь ты мою душу, Господи... *Она* тамъ, а я здѣсь... въ забросѣ... За что же это, Господи!... Я думала... ждала... надѣялась... Сердце мое открыто... Милый ты мой!... Вѣдь я твоя навѣки; что же это ты?... Нѣтъ у меня никого на свѣтѣ»...

Она уносится мыслію въ свое прошлое и засыпаетъ. И грезится ей каѳедральный соборъ. Множество народа. Андрюшу тащатъ какіе-то свирѣпые люди съ средины церкви на амвонъ. Изъ царскихъ дверей выходитъ тучный протодіаконъ. «Стричь его, стричь во второй разъ! — съ громкимъ хохотомъ возглашаетъ онъ, указывая на Андрюшу пальцемъ... Попался!»... Но изъ боковыхъ дверей выбѣгаетъ ея папаша и, схвативъ протодіакона за руку, громко кричитъ: «не позволю!... не смѣй!... Это варварство!» Лѣнушка проснулась.

— Ну-ну-ну! Именно, что остригъ,—слышится ей изъ залы голосъ мельника.—Ручку, батенька, ручку!... Такъ его и надо... Ей-ей, только второй разъ ремизится во весь вечеръ...

Digitized by Google

— Сказалъ, что больше не позволю, — слышится голосъ Андрюши.

— Однако, вотъ что, господа,—раздается голосъ Бочкина:— какъ человѣкъ выпьетъ штучекъ пять-шесть, такъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ становится. А этотъ другой человѣкъ тоже выпить хочетъ, какъ и первый. А водки нѣтъ: что тутъ дѣлать?...

— Маша, поди тамъ... подлей,—говоритъ Андрей Андреичъ.

— Я не знаю,—отвѣчаетъ Маша.

— Да ужъ вамъ бы, барышня, и почивать пора,—замѣчаетъ мельникъ:—глазки-то совсѣмъ посоловѣли...

— Нѣтъ, ничего... — отзывается Маша.

— Вольному воля, — вставляетъ Андрей Андреичъ... — Она мнѣ счастье приноситъ.

Вотъ загремѣлъ стулъ. Кто-то всталъ изъ-за стола. Лѣнушка слышитъ, что къ ней въ темную спальню кто-то вошелъ.

— Лѣна,—слышитъ она голосъ Андрея Андреича:—гдѣ тутъ водка? Подлить надо...

— Я забыла, право... тутъ гдѣ-то,—говоритъ Лѣнушка.

— Да говори по-человѣчески,—ворчитъ Андрей Андреичъ.— «Тутъ гдѣ-то»... Ну, какъ это понимать?

Черезъ нѣсколько минутъ раздается въ потьмахъ тупой звукъ стеклянной посуды. Андрей Андреичъ уходитъ въ залъ и затворяетъ за собой дверь.

— Чортъ его знаетъ,—слышится Лѣнушкѣ голосъ Бочкина:— выпьешь—солененькаго хочется; съѣшь солененькаго — опять выпить хочется.

— Дай Богъ намъ и вамъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ,—произноситъ (должно быть) жирный брюнетъ, съ кѣмъ-то чокаясь. Потомъ опять слышится легкій звонъ серебра и шуршаніе бумажекъ. «Пасъ!» «Въ кусты!» «Стукнулъ!» «Громыхнулъ!» и т. д.

— Господи, даждь ми терпѣніе, великодушіе, кротость— шепчетъ Лѣнушка—и черезъ нѣсколько минутъ засыпаетъ.

XXIX.

Дверь изъ залы въ спальню Лѣнушки плотно затворена. Изъ спальни слышится слабый кашель.

— Ну, что? — полушопотомъ спрашиваетъ Машу Андрей Андреичъ.

Digitized by Google

— Ничего не хочетъ... Что ни предложишь, все только головой трясетъ.

— Э, ужъ!... — съ гримасой произноситъ Андрей Андреичъ.

Изъ передней черезъ боковую дверь, осторожно, на цыпочкахъ, пробирается къ больной просвирня.

— Что, милая, есть ли легость-то какая? — жалобнымъ тономъ спросила она, остановившись возлѣ кровати и подперши щеку рукой.

— Нѣтъ, Анна Ивановна... Я умираю, — слабо отозвалась Лёнушка.

— По личику-то вашему ровно бы не видать, — утѣшала просвирня.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я чувствую это... Ты не старайся меня утѣшать: я нисколько не боюсь... и не скорблю. Мнѣ вотъ все хочется пособороваться да причаститься...

— Такъ за чѣмъ же дѣло-то стало?

— Что же я могу сдѣлать?... Никому я не нужна, никому и не говорю объ этомъ...

— Да вы бы мнѣ-то... Я-бъ съѣздила.

— Развѣ?... Пожалуйста... нельзя ли поскорѣй?... Къ отцу Ильѣ: онъ славный такой...

Отецъ Илья, высокій, худощавый, сгорбленный старичокъ, съ длинною, сѣдою бородой, входя въ переднюю, съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ: «О, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!»... Подъ мышкой онъ держалъ завернутые въ эпитрахиль крестъ, евангеліе и требникъ. На шеѣ у него виднѣлась желтая лента отъ дароносицы, спрятанной за пазуху. (Хотя всѣ эти пастырскіе аттрибуты можно было достать и у Андрея Андреича, но отецъ Илья почему-то вздумалъ привезти свои).

— Что это на васъ такой гнѣвъ божій?... — проговорилъ старичокъ, поздоровавшись въ залѣ съ Андреемъ Андреичемъ.

— И самъ не знаю... Я и не предполагалъ, — отозвался тотъ, кусая концы волосъ.

— Ну, гдѣ же?...

— Пожалуйте, — пригласилъ Андрей Андреичъ, указывая на затворенную дверь въ спальню.

— Милосердія двери отверзи намъ, — молитвенно проговорилъ старичокъ, отворяя дверь къ больной.

Дверь снова затворилась.

Слышался глухой шамкающій голосъ духовника, то подни-

Digitized by Google

мающійся до высокой ноты, то упадающій до полушопота. Очевидно, онъ читалъ молитву. Затѣмъ начался діалогъ. Слышались попеременно: то шамканье старичка, то отрывочные звуки тонкаго, чистаго и томнаго голоса Лѣнушки.

Анна Ивановна между тѣмъ подсѣла къ Машѣ.

— Вотъ вы что, милая, надѣлали!...

— Что я надѣлала? — съ удивленіемъ спросила Маша.

— Черезъ кого это, какъ не черезъ васъ? — продолжала просвирня, указывая на спальню.

— Я-то тутъ что же?

— А то же... Конечно, не что-нибудь такое..., а малосмысленность ваша — вотъ что... Видите, что она... Ну, и... иначе бы надо.

Анна Ивановна, задыхаясь отъ волненья, въ короткихъ, нескладныхъ словахъ выяснила «барышнѣ», *какъ* не слѣдовало бы и *какъ-бы* надо было. Маша, услышавъ нѣчто совершенно новое для себя, перепугалась и страшно поблѣднѣла.

— Какъ же... нужно причтъ... — проговорилъ старичокъ, выйдя изъ спальни: — собороваться, вѣдь, хочетъ. Да и попригото-вить кое-что надо.

Анна Ивановна и Маша поспѣшили къ больной, а Андрей Андреичъ, только-что вернувшійся въ комнату, снова удалился, чтобы послать работника за причтомъ, который долженъ былъ принести съ собою облаченіе.

— О, Боже нашъ милосердный! — повторялъ старичокъ, ходя одинъ по залѣ.

— Анна Ивановна, ты мнѣ достань вѣнчальное платье и вѣнчальную мою свѣчу, — попросила Лѣнушка. — Непремѣнно... Мнѣ хочется... Мнѣ такъ лучше будетъ.

— Хорошо, хорошо, — согласилась просвирня и полѣзла въ гардеробъ.

Маша суетилась вмѣстѣ съ нею.

По комнатамъ стелется дымъ крѣпкаго ладона. Въ спальнѣ тѣснится небольшая группа молящихся, впереди которыхъ высится сѣдая голова отца Ильи, облаченнаго въ коротенькую ризу Андрея Андреича. Прохорычъ, сложивъ руки въ рукава и склонивъ голову на бокъ, дребезжащимъ голосомъ — не поетъ, а точно воетъ: «Услыши ны, Боже, услыши ны, Владыко, услыши ны, Царю Святый!» Обложенная подушками, сидитъ въ постелѣ Лѣнушка. Она въ вѣнчальномъ платьѣ; въ лѣвой рукѣ у ней съ

Digitized by Google

легкимъ трескомъ горитъ украшенная бѣлымъ атласнымъ бантомъ толстая восковая свѣча, бросая матовый свѣтъ на ея исхудалое лицо, съ рѣзко обозначившимися височными костями. Она медленно крестится. Глаза ея горятъ яркимъ нервнымъ блескомъ; на сомкнутыхъ губахъ—святая улыбка благоговѣнія...

Обрядъ конченъ.

— Слава Тебѣ, Господи,—крестится Лёнушка. — Какъ хорошо, други мои, какъ хорошо!... Теперь простите меня всѣ, всѣ... Андрюша, поди-ка ты, милый, ко мнѣ...

Андрей Андреичъ подошелъ.

— Нагнись ко мнѣ поближе.

Нагнулся.

— Дай-ка я тебя благословлю... Во имя Отца и Сына и Святого Духа,—неторопливо произнесла она, крестя ему голову... —Теперь руку поцѣлуй... не все тебѣ...—съ улыбкой добавила она, поднося къ его губамъ свою крошечную, исхудалую руку.

Андрей Андреичъ чмокнулъ у ней руку и хотѣлъ-было выпрямиться.

— Погоди, погоди,—сказала Лёнушка,—охвативъ его одной рукой за шею.—Дай мнѣ посмотрѣть на тебя поближе: вѣдь не скоро увидимся.

Она взяла его свободной рукой подъ подбородокъ и, всматриваясь ему въ лицо, съ нѣжной лаской проговорила:

— Ишь, вѣдь, какой... Голубчикъ мой... Ты будешь тутъ за меня молиться—а?

— Буду,—невнятно пробормоталъ Андрей Андреичъ, красный какъ ракъ.

— Ну, прости меня во все-емъ, во всемъ...—протянула она и крѣпко поцѣловала его.

— И ты меня прости, — какъ-то удушливо проговорилъ Андрей Андреичъ.

— Ну, поди теперь,—заключила Лёнушка, погладивъ мужа по головѣ.

Андрей Андреичъ едва выпрямился, испустилъ глубокій вздохъ и неровными шагами заковылялъ въ залу. Онъ подошелъ къ окну и, прислонивъ горячій лобъ къ стеклу, устремилъ мрачный и смущенный взглядъ въ неопредѣленную даль.

— Теперь *ты*, Маша, меня прости,—говорила, между тѣмъ, Лёнушка.

Маша упала на колѣни подлѣ постели сестры и громко зарыдала.

— Что ты, дурочка, что ты это?—произнесла Лёнушка.

Digitized by Google

— Ой, Боже мой!... Ой, сестрица моя!... Ой-ой-ой!—неистово кричала Маша, ломая руки.

— Что за ерунда такая!... Фу, ты чепуха!... — шепталъ у окна Андрей Андреичъ, крѣпко стиснувъ зубы.

— Будетъ... перестань... Поди ко мнѣ-то... поди скорѣй,— уговаривала Лёнушка.

Маша, отчаянно мотая головой, встала и присѣла къ сестрѣ.

— Прости ты меня, ради Бога! — кричала она, прислонясь къ плечу Лёнушки.—Тебя не въ чемъ... Меня, меня прости,— охъ, прости ты меня!...

— Господь тебя проститъ... Полно, что ты это?

— Будетъ вамъ въ самомъ дѣлѣ... — вступилась просвирня: —вѣдь это имъ безпокойство...

— Нѣтъ, ты совсѣмъ, совсѣмъ меня прости!.. — приставала Маша, не обращая вниманія на ограниченія просвирни.

Кончивъ прощанье, Маша отсѣла въ уголъ и, зажавъ глаза руками, долго еще всхлипывала.

Послѣ Маши простилась съ Лёнушкой Анна Ивановна, затѣмъ работникъ съ работницей. Подходилъ прощаться и старичокъ-духовникъ и въ утѣшеніе сказалъ Лёнушкѣ, что «Господь и немощная врачуетъ и болящія воздвизаетъ отъ одра»...

— Платьице-то теперь снять надо, Елена Яковлевна,—озаботилась просвирня послѣ волненій прощанья.

— Нѣтъ, нѣтъ, я такъ и останусь, — отозвалась Ленушка, прилегши на подушку.—Я и умереть желаю въ немъ. Тогда... безъ хлопотъ... прямо въ немъ и положите меня...

— Да вѣдь еще воля божья...—возразила просвирня.—Что же такую-то вещь?.. Бываетъ, что и...

— Нѣтъ, нѣтъ, останусь такъ,—повторила Лёнушка...

Просвирня вышла къ Андрею Андреичу.

— Батюшка,—прошептала она, — я говорю: платьице-то... снять бы надо. Что-жъ въ самомъ дѣлѣ этакую-то вещь?..

— Какъ знаете,—отвѣтилъ Андрей Андреичъ.

— Да *они* не хотятъ...

— Ну, и не нужно.

— Да, какъ же?.. Этакая вещь и... Эко, право, горе какое!.. Пойду еще...

И просвирня убѣдила-таки Ленушку снять вѣнчальное платье.

Лёнушка до самаго вечера была сильно оживлена. Усадивъ подлѣ себя Андрея Андреича и Машу, она много говорила, смѣялась, напоминала имъ смѣшные случаи изъ прошлой жизни,

Digitized by Google

какъ-бы послѣ долгой разлуки. Вечеромъ наступила реакція ея нервному возбужденію. Она крайне ослабѣла и затихла.

Часовъ въ пять утра Анна Ивановна, не отходившая отъ больной ни на минуту, разбудила Андрея Андреича и Машу.

— Что?

— Мечется и все что-то шепчетъ. Должно быть...

Всѣ трое обступили постель Лѣнушки. Маша держала въ рукахъ свѣчку.

Лѣнушка, не открывая глазъ, то-и-дѣло вытягивала шею и нѣсколько поднимала голову, какъ-бы желая встать. Правою рукою она водила въ воздухѣ, будто отгоняя мухъ.

— Отмахивается... отмахивается,—шептала просвирня:—значитъ ужъ... приближается...

— Вотъ онъ, вотъ онъ!—быстро прошептала Лѣнушка... — Папаша! Папаша!.. Возьмите его... за руку, за руку... Андрюша... смѣлѣй!.. Такъ-такъ-такъ... Что же вы стоите?.. Молитесь... На колѣни, на колѣни скорѣй! А?.. Сейчасъ... погодите... Мы вмѣс... Охъ...

И Лѣнушки не стало.

Среди залы на двухъ составленныхъ столахъ стоитъ гробъ. Прохорычъ, переступая съ ноги на ногу, на-распѣвъ читаетъ псалтырь и при словахъ поминальной молитвы:—«упокой, Господи, душу усопшія новопреставленныя рабы твоея»—кладетъ земной поклонъ. Приходятъ деревенскія бабы и приносятъ зачѣмъ-то по чашкѣ ржаной муки и по восковой свѣчкѣ. Онѣ наполняютъ, наконецъ, залу и поднимаютъ вой.

— Лебедь ты наша бѣлая... Ластовичка ты наша болѣзная,— причитаютъ онѣ, заглушая Прохорыча. — Бывало-то ты, касатушка...

— Будетъ!.. Ну, васъ совсѣмъ! — воскликнулъ мрачный Андрей Андреичъ, оттѣсненный въ уголъ.

— Не надрывайте вы его... И такъ ужъ... — произноситъ просвирня, утирая фартукомъ слезы.

Пріѣхалъ старикъ свекоръ.

Съ шапкою подъ мышкой, онъ положилъ три земныхъ поклона передъ гробомъ, медленно благословилъ гробъ три раза и, съ минуту помолчавъ, проговорилъ:

— Лѣна!.. Лѣнушка!.. Что же это ты, дитя мое... жить съ нами не захотѣла?.. Или ты насъ не взлюбила? А?.. Или мы тебя не взлюбили?..

И двѣ крупныя слезы покатились по его старческому лицу.

Digitized by Google

...Ильичъ несъ на головѣ крышку. Мужики и бабы чуть не дрались между собою, отнимая другъ у друга гробъ Лёнушки.

Церковь была биткомъ набита народомъ. Даже Бочкинъ—и тотъ пріѣхалъ на похоронную обѣдню.

Горбоносый блондинъ сказалъ надгробное слово.

«Предъ вами гробъ», — произноситъ онъ, красиво жестикулируя. — «Увяла жизнь. Сгибъ человѣкъ преждевременно. Не расцвѣлъ—и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней. Еще вчера онъ бесѣдовалъ съ нами; но всесокрушающая смерть желѣзною рукою вырвала его изъ среды нашей. Погибли надежды семьи, общества. Страшно, слушатели!»..

А слушатели еще съ первыхъ словъ проповѣдника подняли неумолкаемый ревъ и стонъ—и уже никто почти не слушалъ оратора.

Бочкинъ, стоявшій возлѣ праваго клироса, выслушавъ проповѣдь, прошепталъ:

— А я бы сказалъ... и на камнѣ велѣлъ бы написать...

Жизнь жила ты напрасно:
Умерла — и прекрасно!..

Поминки.

— Вотъ ты, Прохорычъ, тогда... на свадьбѣ... «Святый Боже»...—проговорилъ свекоръ покойницы, доставая ложкой кисель.—Тебѣ вѣрно хотѣлось этого...

— Хотѣлось, — отозвался Прохорычъ, сильно выпившій: — хотѣлось... мнѣ очень хотѣлось... Далъ бы Господь всякому... какъ мнѣ-то хотѣлось... Господь-то... Онъ вѣдь всякій курсъ кончилъ... Онъ все знаетъ... И я знаю... Со временемъ... обнаружится... На страшномъ судищѣ всѣ предстанемъ...

— Ну, полно мудрствовать-то,—ограничилъ Андрей Андреичъ.

XXX.

Въ почтовой конторѣ уѣзднаго города N. толпятся разнаго рода проѣзжающіе. Рябой господинъ съ наполеоновской бородкой, съ порть-вояжемъ черезъ плечо, угрюмо шагаетъ изъ угла въ уголъ.

— Помилуйте, на что же это похоже?—возглашаетъ обросшій сѣдой бородой воякa.

— Минуточку, минуточку, одну минуточку,—успокоительно

Digitized by Google

произноситъ коренастый, курносый смотритель, записывая что-то въ книгу.

Какой-то молодой человѣкъ задумчиво стоитъ у окна и куритъ папироску. Отворяется дверь, и входитъ другой молодой человѣкъ. Первый молодой человѣкъ оглядывается и восклицаетъ:

— А, Петро!.. Вотъ неожиданность!

Молодые люди лобызаются.

Молодой человѣкъ, только-что вошедшій, былъ Петруша — сватъ Лѣнушки, а курившій передъ тѣмъ папироску—Ильичъ.

— Какими это судьбами?—спрашиваетъ Ильичъ.

— Да вотъ... выдержалъ экзаменъ на уѣзднаго учителя въ N. и пробираюсь къ мѣсту назначенія,—отвѣчаетъ Петруша. — А ты?

— А я вздумалъ провѣдать родину святую и рѣшилъ, что съ почтовыми бубенями будетъ гораздо эффектнѣй и привлекательнѣй. Ни больше, ни меньше... Ну, братъ, тяжела твоя рука!.. Слышалъ—Елена-то умерла?

— Слышалъ, слышалъ... Я тутъ нисколько не виноватъ... Ну, что же Андрей?

— Андрей? Ничего... Поморщился немного...

— Какъ же это такъ?

— Да такъ... Разъѣхался организмъ... радикально... Но душа, братецъ ты мой, богатая... глубокая... Прелесть!..

— Что же онъ теперь думаетъ?

— Да ничего. Знаешь,—*послѣдняя* у попа жена.

— Онъ перваго разряда?

— Нѣтъ, кажется, второго.

— Ему бы теперь выдержать при семинаріи на первый разрядъ и готовиться къ академіи... Поступилъ бы въ академію, принялъ бы монашество и полѣзъ бы себѣ, какъ по лѣстницѣ...

Все это такъ и случилось.

О. Забытый.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЕ

СОНЪ.

1.

Горами я шелъ одиноко,
Чернѣлъ надъ обрывами лѣсъ,
И пѣнились воды потока,
И солнце сіяло съ небесъ.

2.

Въ долину неслись водопады;
Ихъ брызги летѣли кругомъ;
А въ небѣ тѣснились громады,
Увѣнчаны снѣгомъ и льдомъ.

3.

Казалось, остались далеко
Недавнее горе и зло,
Какъ будто водами потока
Ихъ смыло и прочь унесло.

4.

Опять мнѣ дышалось вольнѣе,
Развѣялась дымомъ печаль,
Въ прозрачномъ туманѣ синѣя
Манила волшебная даль.

Digitized by Google

5.

Казалось мнѣ, пали оковы,
Казалось, я цѣпи разбилъ,
И въ битву вмѣшаться готовый
Стою полонъ вѣры и силъ!

6.

Я прежней охвачѣнъ мечтою,—
Свобода и правда влечетъ,—
Завѣтная цѣль предо мною,
И бодро иду я впередъ.

7.

Но солнце зашло за горами
И встала надъ ними луна,
Осыпала землю лучами,
Весь лѣсъ пронизала она.

8.

И я оглянулся; усталый,
Подъ старыми соснами лѣгъ;
Тѣснились у ногъ моихъ скалы,
Гремѣлъ между ними потокъ,

9.

И падали черныя тѣни
На снѣгъ, освѣщенный луной;
Вершины, какъ рядъ привидѣній,
Бѣлѣли сквозь сумракъ ночной.

10.

Заснулъ я; опять предо мною
Какъ прежде стояла она,
Все также блестя красотою,
Все также легка и стройна.

11.

Горятъ ея синія очи,
Мерцаютъ и блещутъ огнемъ,
Какъ звѣзды на небѣ полночи,
Разсыпались кудри кругомъ,

Digitized by Google

12.

Бѣгутъ ей на грудь и на плечи
Роскошною, темной волной;
Безумныя, страстныя рѣчи
Уста ея шепчутъ порой.

13.

Она говоритъ мнѣ: «Напрасно
Ты правду тамъ ищешь, гдѣ ложь,
Того, что ты любишь такъ страстно,
Того на землѣ не найдешь!

14.

«Опомнишься, путникъ усталый,
И бросишь безплодный свой трудъ;
Обманутъ твои идеалы,
Какъ тѣнь отъ тебя ускользнутъ.

15.

«Все въ мірѣ борьба и тревога,
Коварство, обманъ и развратъ,
Отъ имени вѣчнаго Бога
Безумье и злоба царятъ;

16.

«Во имя небесъ и прощенья
На плахахъ звенятъ топоры;
Во имя любви и смиренья
Трещатъ и пылаютъ костры;

17.

«Отъ имени братской свободы
Жрецы ея цѣпи куютъ,
Какъ стадо, за ними народы
На злѣйшее рабство идутъ!

18.

«Дерутся и рѣжутся братья,
И тѣшатся мукой чужой;
Рыданія, стоны, проклятья
Отъ вѣка стоятъ надъ землей!

Digitized by Google

19.

«Что-жъ пользы бороться напрасно?
Все въ мірѣ безумье и ложь;—
Того, что ты ищешь такъ страстно—
Того на землѣ не найдешь!

20.

«Забудь же про горе земное,
Отдайся всецѣло любви,
Забудь же, забудь про былое
И мигъ упоенья лови!»

Кн. Д. Цертелевъ.

Digitized by Google

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ

ШИШКОВЪ

БІОГРАФІЯ

IX *).

Отечественная война.

Въ весеннюю распутицу съ большими затрудненіями добрался Шишковъ до Вильны, и былъ вознагражденъ ласковымъ пріемомъ государя, который сожалѣлъ о безпокойномъ его путешествіи и приказалъ отвести ему двѣ комнаты въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ самъ. Шишковъ присоединился къ блестящей свитѣ, окружавшей Александра и которая, по его словамъ, жила и веселилась съ такою безпечностью, что даже не слыхала о непріятелѣ, какъ будто бы онъ былъ за нѣсколько тысячъ верстъ; всѣ наслаждались и готовились къ новымъ весельямъ. Одно это уже непріятно на него дѣйствовало, но были и другія обстоятельства, которыя внушали ему опасенія за успѣхъ нашего оружія. Въ своихъ запискахъ онъ высказываетъ одни свои неудовольствія, которыя мрачно его настраивали. «Первое меня удивило,—говорилъ онъ, — что государь говорилъ о Барклаѣ, какъ бы о главномъ распорядителѣ войскъ; а Барклай отзывался, что онъ только исполнитель его повелѣній. Могло ли, думалъ я, такое разнорѣчіе между ними служить къ благоустройству и пользѣ. Второе меня уди-

*) См. выше, сент. 263; окт. 502 стр.

Digitized by Google

вило, что мы съ войсками зашли въ Вильну и завезли запасы, предполагая оную оставить безъ всякаго сопротивленія непріятелю, отступая до Дриссы, гдѣ Фулю (пруссаку) поручено было сдѣлать укрѣпленіе, при которомъ надлежало остановиться и дать сраженіе. Зачѣмъ,—думалъ я,—идти въ Вильну съ намѣреніемъ оставить ее и нести какъ бы на плечахъ своихъ непріятеля внутрь Россіи, которая всю свою надежду полагала на войска и гдѣ никакихъ новыхъ силъ для обороны ея не было приготовлено? Третіе меня удивило, что великій князь Константинъ Павловичъ, пріѣхавъ на короткое время въ Вильну, остановился въ какомъ-то объ одной комнатѣ домикѣ. Мы пришли къ нему и должны были стоять на дворѣ, покуда насъ позовутъ. Въ это время, въ продолженіе болѣе часа, вводили къ нему человѣкъ по человѣку нѣсколько солдатъ съ ружьями. Я не могъ иного себѣ представить, какъ то, что онъ увѣщеваетъ ихъ быть храбрыми, стоять твердо, смыкаться, не разрывать рядовъ,... но когда позвали меня къ нему, то увидѣлъ я совсѣмъ иное: онъ показывалъ имъ, въ какомъ положеніи держать тѣло, голову, грудь, гдѣ у ружья быть рукѣ и пальцу, какъ красивѣе шагать, повертываться... Какъ,—думалъ я,—то ли теперь время, чтобы заниматься такими пустыми мелочами? Казалось, великій князь угадалъ мою мысль, потому что, взглянувъ на меня, сказалъ мнѣ: ты вѣрно смотришь на это какъ на дурачество? Вопросъ сей такъ смутилъ меня, что я, ничего не отвѣчая, только низко поклонился»...

Разсказываетъ Шишковъ и о другихъ дѣлахъ, которыя по меньшей мѣрѣ должны были показаться странностями... Посреди такого препровожденія времени вдругъ всѣхъ застаетъ извѣстіе, что непріятель перешелъ уже русскую границу. 12 іюня, въ два часа ночи, разбуженный Шишковъ получилъ приказаніе написать тотчасъ же *приказъ арміямъ и рескриптъ* къ главному начальнику въ Петербургѣ, фельдмаршалу графу Салтыкову, о вступленіи непріятеля въ наши предѣлы. Какъ ни былъ встревоженъ Александръ Семеновичъ, но патріотическое краснорѣчіе не оставило его: двѣ бумаги быстро были написаны. Приказъ арміямъ заключается словами: «не нужно Мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ объ ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ!» Въ *рескриптѣ* еще сильнѣе слышится патріотическій голосъ Шишкова: «не остается Мнѣ иного, какъ поднять оружіе и употребить всѣ врученныя Мнѣ Провидѣніемъ

Digitized by Google

способы къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе моего народа и храбрость войскъ моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ съ свойственною имъ твердостью и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное наше дѣло. Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной, принудило насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ».

Эти слова читала вся Россія, одушевлялась и готовилась мужественно встрѣтить всѣ бѣдствія войны.

Затѣмъ начинаются самые скорбные дни для всей Россіи. Что въ это время чувствовало сердце Шишкова, то чувствовали и всѣ русскія сердца. Началось быстрое отступленіе нашихъ войскъ. При государѣ остались немногіе изъ его свиты: прочіе разъѣхались по разнымъ отрядамъ. Докладчиками остались Аракчеевъ, Балашовъ и Шишковъ. Первая остановка была въ мѣстечкѣ Свенцяны. Шишкову пришлось ночевать въ жидовскомъ грязномъ и вонючемъ кабакѣ. На ночь государь поручилъ ему работу—перевести съ нѣмецкаго языка бумагу, написанную прусакомъ Фулемъ, въ военные таланты котораго вѣрилъ Александръ, но который на самомъ дѣлѣ былъ злымъ геніемъ Россіи. Бумага содержала первыя извѣстія о бывшихъ стычкахъ съ непріятелемъ и о нашемъ положеніи. Ее въ переводѣ государь хотѣлъ послать въ Петербургъ и напечатать въ вѣдомостяхъ. Но она возмутила Шишкова. Пруссакъ, напуганный Наполеономъ, не съумѣлъ скрыть своего страха и въ обращеніи къ русскому народу. Наполеона представлялъ онъ непобѣдимымъ, силу его — непреодолимою. «Похвала сія непріятелю и великимъ силамъ его, — пишетъ Шишковъ,—особливо при началѣ съ нимъ войны и для перваго извѣстія, показалась мнѣ весьма несовмѣстною и могущею породить худые толки». Несмотря на энергическое представленіе Шишкова, государь не согласился съ нимъ и потребовалъ перевода. Вотъ при какой обстановкѣ долженъ былъ Шишковъ приняться за эту работу: «корчма или съ земляным поломъ кабакъ, который былъ отведенъ для меня, состоялъ изъ двухъ горницъ, одной большой, другой маленькой, гдѣ въ углу стояла худая кровать съ приставленнымъ подлѣ ней къ стѣнѣ деревяннымъ столикомъ, едва могшимъ помѣстить на себѣ чернильницу, сальную свѣчу и мою бумагу. Тутъ, трудясь надъ непріятнымъ переводомъ, сидѣлъ я на треножномъ стулѣ, противъ маленькаго окошка, къ которому поминутно одинъ за другимъ приходили солдаты стучать, чтобъ имъ отперли двери кабака;

Digitized by Google

такъ что я всякій разъ принужденъ былъ вскакивать со стула и каждому изъ нихъ вовсе горло кричать: поди прочь, здѣсь стоитъ генералъ. Мало сего, сверху безпрестанно падали на бумагу мою тараканы, которыхъ я, пиша съ торопливостью, каждый разъ долженъ былъ отщелкивать. Къ симъ досадамъ присовокуплялась еще та, что хотя домъ, гдѣ остановился государь, и недалеко отстоялъ отъ меня, однакожъ надлежало туда ночью, въ дождикъ, по грязной улицѣ, бѣгать». Несмотря на приказаніе императора, Шишковъ не могъ буквально перевести бумагу: въ ней онъ иное выпустилъ, иное сократилъ, иное перемѣнилъ, въ чемъ, конечно, признался и государю. Неизвѣстно, остался ли онъ доволенъ этимъ.

Вскорѣ затѣмъ Шишковъ рѣшительно отказался отъ другой работы, которая была ему не по совѣсти. Государю хотѣлось обнародовать подробный манифестъ о началѣ и причинахъ нашей войны съ французами. Но у Шишкова не было подъ рукою нужныхъ для того матеріаловъ, да и собирать ихъ на походѣ оказалось затруднительнымъ. Тогда императоръ передалъ свое желаніе своему статсъ-секретарю Нессельроде, который и сочинилъ на нѣсколькихъ листахъ, въ самый коротній срокъ, записку въ видѣ манифеста. Но такъ какъ она была на французскомъ языкѣ, то Шишкову было поручено перевести ее. Прочитавъ ее, Шишковъ возмутился тою ложью, какою хотѣли прикрывать наши затруднительныя обстоятельства. «Въ ней выставлялось,—говоритъ онъ,—наше отступленіе какъ бы нѣкая хитрость, обѣщающая намъ огромную побѣду. Сіи увѣренія, безъ всякой основательности, дѣлались тогда, когда войска наши вмѣстѣ съ нами отступали, непріятель шелъ по стопамъ нашимъ и все позади насъ оставленное безъ защиты предавалось ему или отъ него бѣжало. Хотя не произошло еще ничего рѣшительнаго, но сей видъ бѣгства всей арміи при самомъ началѣ войны, сіе быстрое стремленіе непріятеля и сіе, безъ всякаго сопротивленія, уступаніе ему стольких городовъ, земель и селеній, приводили всякаго въ уныніе».

Въ своихъ запискахъ Шишковъ подвергаетъ подробной критикѣ произведеніе Нессельроде и компаніи, какъ оскорбленный патріотъ, полагающій, что въ подобномъ великомъ дѣлѣ всякія хитрости, ложь и изворотливость въ объясненіи съ народомъ неумѣстны. Здѣсь отъ него достается и Фулю, военный планъ котораго стали приводить въ исполненіе. Много горячихъ словъ высказалъ онъ въ своемъ разборѣ. «Европа ужаснулась, — восклицаетъ онъ, — Россія вострепетала. Кипѣвшее доселѣ муже-

Digitized by Google

ствомъ, храброе воинство, готовое кинуться на врага, лишь только его увидитъ, утомилось, потеряло духъ, видя себя безъ брани бѣгущимъ. Отважнѣйшіе генералы и офицеры пришли въ уныніе. Справедливое негодованіе видѣть пруссака Фуля, располагающаго судьбою всего войска и всего царства россійскаго, растерзало по неволѣ сердца ихъ и души. Кто исчислитъ бѣдственныя слѣдствія сего несчастнаго отступленія, сей оборонительной системы, выдуманной господиномъ Фулемъ и ему подобными?.. Какъ! въ пять дней отъ начала войны потерять Вильну, предаться бѣгству, оставить столько городовъ и земель въ добычу непріятелю и при всемъ томъ хвастать началомъ кампаніи! Да чего же еще недостаетъ врагу нашему? Развѣ только того, чтобъ безъ всякой препоны приблизиться къ обѣимъ нашимъ столицамъ? Боже милосердый! *горькія слезы смываютъ слова мои*».

Въ такомъ настроеніи Шишковъ пошелъ къ государю, возбужденное въ немъ чувство скорбящаго патріота заглушало чувство самосохраненія. Онъ смѣло отказался отъ перевода, горячо высказалъ причины, и Александръ понялъ его, и пересталъ настаивать. Бумага осталась безъ перевода и скоро совсѣмъ была забыта.

Отступленіе продолжалось. Останавливались часто въ такихъ мѣстахъ, гдѣ для ночлега только государя могли найти какой-нибудь маленькій домикъ: всѣ другіе размѣщались по сараямъ, конюшнямъ, голубятнямъ. Скоро Шишковъ занемогъ и слегъ въ постель. Въ такомъ состояніи обдумывая плачевное положеніе нашего войска и всей Россіи, онъ остановился на мысли, что, можетъ быть, наше положеніе приняло бы совсѣмъ иной видъ, если бы государь оставилъ войско и возвратился черезъ Москву въ Петербургъ. Тогда можно будетъ устранить отъ вреднаго участія и Фуля, къ которому государь обращался съ довѣріемъ при своихъ разногласіяхъ съ главнокомандующимъ, считавшимъ себя лицомъ не отвѣтственнымъ, а исполнителемъ распоряженій государя. Особенно же боялся Шишковъ, что въ случаѣ несчастной для насъ битвы, Наполеонъ, разсѣявъ наши войска, быстро устремится къ Москвѣ, распространяя вездѣ страхъ, что̀ принудитъ государя заключить постыдный миръ. Шишковъ хорошо понималъ, что убѣдить Александра оставить войско было весьма трудно, такъ какъ царь считалъ это безславіемъ. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшился изложить свои мысли въ письмѣ къ нему, и, несмотря на болѣзнь, ночью въ одинъ присѣстъ написалъ длинное письмо, въ которомъ обстоятельно разсмотрѣлъ, гдѣ наиболѣе нужно присутствіе государя, при войскахъ ли или внутри Россіи.

Digitized by Google

Здѣсь онъ доказываетъ, что на одни войска, какъ бы ни были они храбры, положиться нельзя, потому что неизвѣстно на чьей сторонѣ будетъ побѣда; осторожность требуетъ предварительно организовать всѣ силы государства на случай пораженія войска. Государь среди войска рискуетъ своею жизнію: онъ можетъ попасть въ плѣнъ или быть убитымъ, а этой случайностью будетъ убито и все царство; тогда какъ государь среди народа всегда можетъ собрать вокругъ себя, какъ главы отечества, народныя силы, которыя будутъ готовы защищать царя. Войсками предводительствовать можетъ главнокомандующій; поднять народъ и направить его силы можетъ только государь. Нѣтъ государю славы, ни государству пользы, чтобы глава его присоединялась къ одной только части войскъ, оставляя другимъ всѣ прочія силы и части государственнаго управленія, отъ того не всегда даже пріобрѣтается и личная слава и честь. Когда царь будетъ среди своего народа, то положеніе войскъ, хотя бы они и не могли преодолѣть врага, не подвергнетъ царство опасности, и непріятель, встрѣчая отъ нихъ сопротивленіе, хотя бы и одерживалъ успѣхи, но, истощенный и разстроенный, страшился бы всегда новыхъ силъ впереди; единственная надежда его — привесть скоро къ окончанію войну — была бы совершенно отнята. Развивъ всѣ эти мысли, Шишковъ убѣждаетъ государя оставить войско прежде какого-либо рѣшительнаго сраженія (которое уже предполагалось на Дрисѣ) и заключаетъ письмо такими горячими словами: «Всемилостивѣйшій государь! сіе мнѣніе основано на вѣрности и любви къ священной твоей особѣ. Обрати, надежда Россіи, обрати вниманіе свое на него. Молимъ тебя со слезами! Мы увѣрены, что сей гласъ и моленіе передъ твоимъ престоломъ есть гласъ всего отечества, всѣхъ вѣрныхъ твоихъ подданныхъ и готовы въ томъ подписаться кровью».

Утромъ, когда Шишковъ еще думалъ о своемъ письмѣ, какъ передать его государю, къ нему приходитъ генералъ-адъютантъ Чернышевъ съ напечатаннымъ уже *приказомъ войскамъ*, и передаетъ желаніе императора, чтобы Шишковъ прочиталъ его, не найдутся ли какія-либо поправки. Приказъ извѣщалъ о предстоящемъ близкомъ сраженіи и ободрялъ войска въ храбрости; въ заключеніи же было сказано, что государь *ни въ какое время отъ нихъ не отлучится и всегда будетъ съ ними*. Прочитавъ эти послѣднія слова, Шишковъ понялъ, что, допустивъ ихъ, онъ долженъ будетъ навсегда отказаться отъ своего письма. «Не могъ я удержаться въ предѣлахъ умѣренности, — замѣчаетъ онъ, — и, не разсуждая ни о какихъ послѣдствіяхъ, взялъ перо и, вымаравъ

Digitized by Google

сіи строки, сказалъ Чернышеву: донесите государю, что это зависѣть будетъ отъ обстоятельствъ и что онъ не можетъ сего обѣщать, не подвергаясь опасности не сдержать даннаго имъ слова». Черезъ нѣсколько времени Шишковъ прочиталъ уже объявленный *приказъ* и не нашелъ въ немъ вычеркнутыхъ имъ словъ. Александръ послушался его, понимая вѣроятно, какой подвигъ совершаетъ его подданный своею смѣлостью. Но съ этимъ вмѣстѣ у Шишкова оставалось мало надежды подѣйствовать на государя. Думая усилить свою просьбу голосами другихъ, онъ сталъ искать себѣ союзниковъ и остановился на Балашовѣ и Аракчеевѣ. Коекакъ ему удалось уговорить ихъ. Письмо его, подписанное тремя именами, Аракчеевъ взялся доставить Александру. Проходили дни, Аракчеевъ медлилъ и выжидалъ удобнаго случая, а Шишковъ терзался страхомъ, что вдругъ нагрянетъ непріятель, разгромитъ ихъ, и письмо его сдѣлается безполезнымъ, а можетъ быть, рушится и весь его планъ. Наконецъ онъ узнаетъ, что письмо государемъ прочитано, а какое оно произвело дѣйствіе—никому неизвѣстно. Послѣ болѣзни самъ Шишковъ пошелъ нарочно къ нему съ докладомъ, государь разговаривалъ съ нимъ ласково, но о бумагѣ ни слова. На другой день разносится слухъ, что велѣно готовить коляски—ѣхать въ Москву. «Радость моя была неописанна,—прибавляетъ Шишковъ.—Теплѣйшая молитва пролилась изъ устъ моихъ къ подателю всѣхъ благъ». Ясно, что въ теченіи всѣхъ этихъ дней Александръ обдумывалъ, какъ поступить ему, можетъ быть боролся съ собою, и все же уступилъ убѣжденіямъ своего подданнаго патріота. Нельзя не признать этого подвига за Шишковымъ, и ему было чему радоваться. Нельзя также не замѣтить, что и императору Александру не въ первый разъ приходилось читать смѣлыя сужденія о безполезномъ его пребываніи въ арміи. Еще въ 1806 г. ему писалъ князь Чарторыйскій въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ: «Отъѣздъ вашего в-ства въ армію считаю я главными причинами всѣхъ несчастій, приключившихся впослѣдствіи... какъ только ваше в-ство пріѣдете въ армію, отвѣтственность съ генераловъ будетъ снята и все падетъ на васъ... Все будетъ стекаться и сосредоточиваться въ волѣ вашего в-ства. Главнокомандованія больше не будетъ, ибо оно не будетъ принято формально вашимъ в-ствомъ, а на дѣлѣ будетъ снято съ генераловъ. Интриги двора и партій перенесутся въ лагерь... Вы поѣхали, государь, и отмѣна прежнихъ приказаній предшествовала вамъ въ арміяхъ. Она огорчила и генераловъ, и солдатъ, горѣвшихъ желаніемъ помѣриться съ пруссаками и привела въ отчаяніе поляковъ, ожидавшихъ лишь знака, чтобъ

Digitized by Google

соединить всѣ свои усилія... Къ чему служилъ бы опытъ,—прибавляетъ Чарторыйскій въ своемъ письмѣ,—если бы мы не старались обсуждать прошлыя событія съ самою строгою правдивостью и извлекать изъ нихъ уроки для настоящаго и для будущаго» [1]).

Можетъ быть, эти послѣднія слова вспомнились Александру, когда ему пришлось обсуждать важный вопросъ, поставленный ему Шишковымъ.

Въ тотъ же день Шишковъ получаетъ приказаніе написать *воззваніе къ Москвѣ* и *манифестъ о всеобщемъ ополченіи*. «Я бѣгу безъ ума отъ восхищенія, беру перо, излагаю»...—пишетъ Шишковъ, а черезъ нѣсколько дней отъ его словъ вся Россія встрепенулась и пришла въ движеніе. Въ воззваніи къ *первопрестольной столицѣ*, между прочимъ, говорится, что Москва всегда была главою прочихъ городовъ русскихъ, «она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты онаго; никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ: спасеніе вѣры, престола, царства того требуютъ». Далѣе вызываются дворянство и другія сословія къ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная наша церковь; для совѣтовъ и руководствованія всѣми ополченіями государь обѣщаетъ быть самъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, и наконецъ все заключается такими словами: «*да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ* (непріятель) *низринуть насъ, на главу его и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи*».

Въ манифестѣ объ ополченіи еще болѣе восторженныхъ словъ, отъ которыхъ загорался русскій патріотизмъ: «Да найдетъ онъ (врагъ) на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское сословіе! ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. Святѣйшій синодъ и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. Народъ русскій! храброе потомство храбрыхъ славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ. Соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ

---

1) „Рус. Архивъ", 1871.

Digitized by Google

и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ».

Объ бумаги были подписаны Александромъ 6 іюля въ главной квартирѣ близъ Полоцка. Вслѣдъ за государемъ отправился и Шишковъ. Брошенныя жителями деревни, гдѣ не попадались даже животныя, навели на него унынiе; но въ Смоленскѣ, говоритъ онъ «смотря на мужественный духъ и пылающее рвеніе, возродилась во мнѣ исчезавшая надежда, и я въ восторгѣ души моей самъ себѣ сказалъ: нѣтъ, Богъ милостивъ, Россія не погибнетъ!»

Поздно вечеромъ 11 іюля, императоръ пріѣхалъ въ Москву; 15-го числа дворянамъ и купцамъ назначено было собраться въ залахъ Слободскаго дворца (возлѣ Лефортовскаго): Александръ хотѣлъ лично обратиться къ своимъ подданнымъ. Впереди себя онъ послалъ Шишкова вмѣстѣ съ графомъ Ростопчинымъ, чтобы до его пріѣзда прочесть собравшимся манифестъ отъ 6 іюля.

Когда они входили въ дворянамъ, тамъ раздавался голосъ извѣстнаго московскаго патріота С. Н. Глинки, издателя патріотическаго журнала «Русскій Вѣстникъ». «Адъ должно отражать адомъ!»—кричалъ онъ въ патріотическомъ изступленіи: «всѣ отечественныя лѣтописи наши свидѣтельствуютъ, что Москва привыкла страдать за Россію... сдача Москвы будетъ спасеніемъ Россіи и Европы»... Рѣчь Глинки была прервана появленіемъ московскаго главнокомандующаго съ Шишковымъ, который и прочелъ манифестъ съ подобающею торжественностью. Его выслушали съ сдержаннымъ молчаніемъ до тысячи человѣкъ собравшихся дворянъ. Но не то было въ залѣ, гдѣ собраны были купцы; молчаливое вниманіе быстро перешло въ гнѣвъ; когда же Шишковъ произнесъ слова, что непріятель съ лестью на устахъ несетъ въ рукахъ оковы, тогда негодованіе выразилось въ сильнѣйшей степени: ударяли себя въ голову, рвали на себѣ волосы, ломали руки, видны были слезы гнѣва [1])... Шишковъ былъ очевидцемъ магическаго дѣйствія своихъ словъ.

Въ Москвѣ онъ написалъ нѣсколько манифестовъ и рескриптовъ, въ которыхъ заключались распоряженія государя по ополченіямъ, и затѣмъ 19 іюля отправился вслѣдъ за государемъ въ Петербургъ. Въ дорогѣ, подъ тяжелыми впечатлѣніями всего предшествовавшаго, его фантазія оказалась склонною къ мистицизму: «день былъ ясенъ,—пишетъ онъ,—на чистомъ небѣ примѣтны были только два облака, изъ которыхъ одно имѣло точное подо-

[1]) „Рус. Арх.“ 1875:—„Москва въ 1812 г.“.

Digitized by Google

біе рака съ головою, хвостомъ, протянутыми лапами и разверстыми клешнями; другое такъ похоже было на дракона, какъ бы на бумагѣ нарисовано. Увидя ихъ, я удивился сему ихъ составу и сталъ смотрѣть на нихъ пристально. Они сближались одно съ другимъ и когда голова дракона сошлась съ клешнями рака, то она стала блѣднѣть, распускаться, и облако потеряло прежній свой видъ. Казалось, ракъ побѣдилъ дракона, и не прежде какъ минуть черезъ пять и самъ разрушился. Сидя одинъ въ коляскѣ, долго размышлялъ я: кто въ эту войну будетъ ракъ, и кто драконъ? Напослѣдокъ пришло мнѣ въ голову, что *ракъ* означалъ *Россію*, поелику оба сіи слова начинаются съ буквы *р*, *и эта мысль утѣшала меня во всю дорогу*». Такъ часто фантазія Шишкова преобладала въ его размышленіяхъ.

Въ Петербургѣ Шишковъ вмѣстѣ съ Аракчеевымъ и Балашовымъ долженъ былъ присутствовать въ особомъ комитетѣ, учрежденномъ для общихъ распоряженій по ополченію [1]).

Въ своихъ запискахъ Шишковъ коротко сообщаетъ извѣстія изъ дѣйствующей арміи и о рескриптахъ и предписаніяхъ, которыя пришлось ему составлять отъ имени императора. Съ особеннымъ удовольствіемъ писалъ онъ рескрипты къ Кутузову о наградахъ, которыми удостоивалъ его императоръ, такъ какъ съ Кутузовымъ Шишковъ еще и прежде водилъ хлѣбъ-соль, и радовался его успѣхамъ. Онъ старается даже оправдать своего пріятеля за отдачу Москвы непріятелю безъ боя. 9 сентября, императоръ позвалъ къ себѣ Шишкова и приказалъ написать *извѣстіе* о потерѣ Москвы. «Услышавъ сіе,—разсказываетъ онъ,—пошелъ я домой съ сокрушеннымъ сердцемъ; чувства мои, сначала пораженныя жестокою горестью, вдругъ воспламенились гнѣвомъ, родившимъ во мнѣ, вмѣсто унынія и отчаянія, гордость и надежду».

Надо отдать справедливость Шишкову, что вѣра въ силы русскаго народа у него была непоколебима; она проявлялась у него въ тѣ моменты, когда нуженъ былъ человѣкъ съ такою вѣрою, чтобы поддерживать унывающихъ и падающихъ духомъ. Она выливалась въ его пламенныхъ рѣчахъ, которыя, какъ извѣстно, сильно дѣйствовали на русскихъ людей. За нимъ остается честь, что онъ безъ оружія совершалъ подвиги въ бѣдственную годину. Конечно, чувства его раздѣлялъ и Александръ, подписывавшій его бумаги, а можетъ быть, въ нихъ находилъ и бодрость. Вотъ извлеченія изъ *извѣстія:*

«Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына отече-

[1]) Исторія Александра I, Богдановича, ч. 3.

Digitized by Google

ства печалью, симъ извѣщается, что непріятель сентября 3 числа вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ россійскій! Напротивъ, да поклянется всякъ и каждый воскипить новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ... Сколь ни болѣзненно всякому русскому слышать, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ отечества своего, но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, вошедъ въ нее, содѣлаться повелителемъ всего россійскаго царства и предписать ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей и не найдетъ въ столицѣ сей не только способовъ господствовать, ниже способовъ существовать... Безъ сомнѣнія, смѣлое или, лучше сказать, дерзкое стремленіе его въ самую грудь Россіи и даже въ самую древнѣйшую столицу, удовлетворяетъ его честолюбію и подаетъ ему поводъ тщеславиться и величаться; но конецъ вѣнчаетъ дѣло! Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войско и народъ! Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества. Она съ послѣднею въ груди каплею крови станетъ защищать ихъ. Всеобщее, повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуетъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо отечество наше, ограждаемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ его сыновъ. Итакъ, да не унываетъ никто!.. Не прославится ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ, терпѣливостью и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное и даже *тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей вмѣстѣ съ нимъ воюютъ.* Пріятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ. Боже всемогущій! обрати милосердыя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ россійскую церковь! Даруй поборающему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе! Сими да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодолѣетъ его, и *спасая себя, спасетъ свободу и независимость царей и царствъ*» [1]).

---

[1]) Въ это время въ Петербургѣ жилъ нѣмецкій патріотъ Арндтъ, авторъ знаменитой пѣсни о „нѣмецкомъ Рейнѣ“. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ разсказываетъ

Digitized by Google

Написавъ этотъ манифестъ, Шишковъ самъ, наконецъ, поколебался, сомнѣваясь,—какъ онъ говоритъ, — въ своихъ предвѣщаніяхъ; но бодрость духа взяла верхъ; онъ не позволилъ себѣ ничего смягчить и отправился къ императору. Выслушавъ его чтеніе, государь приказалъ прочитать то же и въ комитетѣ министровъ. Они также нашли нѣкоторыя выраженія гадательными предвѣщаніями, такъ что авторъ согласился даже вычеркнуть одно рѣзкое выраженіе, чтобы не показаться упрямымъ, — какъ онъ говоритъ. Но послѣдствія оправдали его пророчество, вырвавшееся изъ сердца.

Скоро явился изъ Москвы очевидецъ всѣхъ ужасовъ плѣненія. Государь приказалъ Шишкову разспросить его подробно и составить бумагу подъ названіемъ—*извѣстіе изъ Москвы*. Настроенный этими разсказами, Шишковъ не жалѣетъ красокъ для изображенія безчеловѣчія и лютости французовъ. Здѣсь же онъ воспользовался случаемъ, чтобы осудить весь французскій народъ и его просвѣщеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ задѣть русское образованное общество, которое увлекалось имъ. Въ настоящемъ бѣдствіи Россіи, онъ хочетъ видѣть милость Божію, которая удерживаетъ насъ отъ дальнѣйшаго гибельнаго увлеченія: «конечно, во всякомъ и благочестивомъ народѣ могутъ быть изверги,—говоритъ онъ;—однакоже, когда сихъ изверговъ, грабителей, зажигателей, убійцъ невинности, оскорбителей человѣчества, поругателей и осквернителей самой святыни появится въ цѣломъ воинствѣ

о своихъ сношеніяхъ съ Шишковымъ и съ сочувствіемъ говоритъ о патріотическомъ одушевленіи Шишкова, котораго изображаетъ чрезвычайно подвижнымъ, живымъ, шутливымъ старикомъ. „Ему разсказывали обо мнѣ, какъ о гремящей военной трубѣ,—говоритъ Арндтъ:—онъ прочелъ нѣсколько моихъ напечатанныхъ мелочей, отчасти на нѣмецкомъ (который, впрочемъ, онъ зналъ мало), отчасти во французскомъ переводѣ, и *вслѣдствіе того, когда ему надо было писать для публики и народа воззванія и извѣстія о непріятелѣ, онъ звалъ меня на помощь*“. По словамъ Арндта, когда Шишковъ писалъ свои вещи онъ искалъ сильныхъ оборотовъ и выраженій, которыми онъ хотѣлъ метать въ Наполеона; онъ переводилъ ихъ Арндту и они, бесѣдуя оба на плохомъ французскомъ языкѣ, прінскивали наиболѣе возвышенныя и энергическія слова, которыми Шишковъ и усиливалъ свои воззванія и филиппики (См. Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I, Пыпина, въ „Вѣстн. Европы“, 1870 г., окт., стр. 752). Изъ этихъ словъ трудно заключить, какую именно помощь Шишковъ могъ имѣть отъ Арндта, тѣмъ болѣе, что сличеніе немногихъ воззваній и манифестовъ, писанныхъ Шишковымъ въ Петербургѣ, и многихъ писанныхъ имъ Петербурга, конечно, безъ пособія Арндта, не представляетъ никакого различія ни въ мысляхъ, ни въ слогѣ, ни въ силѣ одушевленія. Можно бы было подумать, что Арндтъ внушилъ Шишкову мысль о спасеніи Европы, которая ожидаетъ его отъ Россіи, если бы эта мысль не была высказана еще прежде въ „воззваніи къ первопрестольной столицѣ“ отъ 6 іюля, когда Шишковъ не могъ имѣть сношенія съ нѣмецкимъ патріотомъ.

Digitized by Google

почти всякъ и каждый, то невозможно, чтобъ въ народѣ такой державы *были благіе нравы*. Человѣческая душа не дѣлается вдругъ злою и безбожною: она становится таковою мало-по-малу, отъ примѣровъ, отъ соблазна, отъ общаго и долговременно развивающагося яда безвѣрія и развращенія. Сами французскіе писатели изображали нравъ народа своего сліяніемъ тигра съ обезьяною; и когда же не былъ онъ таковъ?

«...Взглянемъ на адскія, изрыгнутыя въ книгахъ ихъ лжемудрованія, на распутство жизни, на ужасы революціи, на кровь, пролитую ими въ своей и чужихъ земляхъ... Гдѣ человѣчество? Гдѣ признаки добрыхъ нравовъ? Вотъ съ какимъ народомъ имѣемъ мы дѣло! И посему должны разсуждать, можетъ ли прекращена быть вражда между безбожіемъ и благочестіемъ, между порокомъ и добродѣтелью? Долго мы заблуждались, почитая народъ сей достойнымъ нашей пріязни, содружества и даже подражанія. Мы любовались и прижимали къ груди нашей змѣю, которая, терзая собственную утробу свою, проливала къ намъ ядъ свой, и, наконецъ, насъ же за нашу къ ней привязанность и любовь всеалобнымъ жаломъ своимъ уязвляетъ. Не постыдимся признаться въ нашей слабости. Похвальнѣе и спасительнѣе упасть и возстать, нежели видѣть свою ошибку и лежать подъ вреднымъ игомъ ея. Опаснѣе для насъ дружба и соблазны развратнаго народа, чѣмъ вражда ихъ и оружіе. Возблагодаримъ Бога: Онъ и во гнѣвѣ своемъ нашъ Отецъ, пекущійся о нашемъ благѣ. Провидѣніе въ ниспосланіи на насъ бѣдствій являетъ намъ свою милость. Лишеніе богатствъ поправится умѣренностію роскоши, вознаградится трудолюбіемъ и сторицею со временемъ умножится, но поврежденіе нравовъ, заразы невѣрія и злочестія погубили бы насъ невозвратно. Очевидный, исполненный мерзостей, пожарами Москвы осіянный, кровію и ранами нашими запечатлѣнный примѣръ напослѣдокъ долженъ намъ открыть глаза и увѣрить насъ, что мы одно изъ двухъ непремѣнно избрать долженствуемъ: или, продолжая питать склонность нашу къ злочестивому народу, быть злочестивыми его рабами, или, прервавъ съ нимъ всѣ нравственныя связи, возвратиться къ чистотѣ и непорочности нашихъ нравовъ, и быть именемъ и душою храбрыми и православными россіянами. Должно единожды рѣшиться, между зломъ и добромъ поставить стѣну, дабы зло не прикоснулось къ намъ; тогда, искусясь кровію и бѣдами своими, возстанемъ мы, купимъ неложную себѣ славу, доставимъ спокойствіе потомкамъ нашимъ, и благодать Божія пребудетъ съ нами».

Конечно, здѣсь говоритъ также болѣе разгоряченная фанта-

Digitized by Google

зія, чѣмъ строгое логическое разсужденіе; но мы не будемъ подвергать критикѣ этой рѣчи, написанной подъ сильнымъ вліяніемъ тяжелыхъ впечатлѣній.

«Написавъ сіе,—говоритъ Шишковъ, — подумалъ я, что бумага моя не можетъ пріятна быть государю, потому что упреки сіи, если не прямо, то отчасти, на него падаютъ. Мысль сія остановила меня. Но когда же, — подумалъ я, — опять и дать ему это почувствовать, какъ не при нынѣшнихъ обстоятельствахъ? Ободренный симъ размышленіемъ, рѣшился я идти къ нему; но прежде нежели начать читать, сказалъ ему: государь, я не умѣю иначе говорить, какъ то, что́ чувствую. Позвольте мнѣ попросить васъ, выслушать бумагу мою до конца, не прерывая чтенія оной. Послѣ того сдѣлайте съ нею, что̀ вамъ будетъ угодно. — Онъ обѣщалъ это, и я началъ читать. По окончаніи чтенія, взглянувъ на него, примѣтилъ я въ лицѣ его нѣкоторую краску и смущеніе. Онъ, помолчавъ нѣсколько, сказалъ мнѣ: «такъ, правда, я заслуживаю сію укоризну».

Шишкову какъ-бы жалко стало Александра, и онъ старался смягчить дѣйствіе своихъ словъ, обвиняя Петра Великаго въ началѣ зла и его преемниковъ, которые не останавливали въ насъ пристрастія ко всему французскому, и выгораживая отъ обвиненія Екатерину, которая старалась, хотя уже и поздно, обращать насъ къ отечественнымъ доблестямъ.

Государь оставилъ бумагу у себя и спустя нѣкоторое время она была обнародована. Весьма огорчило императора извѣстіе о мародерствѣ русскихъ солдатъ. По этому поводу Шишкову тотчасъ же было приказано написать *приказъ нашимъ войскамъ*. Не менѣе Александра былъ возбужденъ и Шишковъ этимъ извѣстіемъ, что́ и высказалъ въ *приказѣ*: «къ великому прискорбію моему,—между прочимъ говорится тамъ,—слышу я, что есть между вами недостойные васъ сотоварищи ваши, которые, отлучаясь самовольно отъ командъ своихъ, шатаются по деревнямъ и лѣсамъ подъ именемъ мародеровъ. Имя гнусное, никогда неслыханное въ русскихъ войскахъ, означающее вора, грабителя, разбойника. Должно ли почтенное имя защитника вѣры и отечества осквернять сими презрительными именами? Россія—мать ваша! Что-жъ можетъ быть преступнѣе, какъ, видя ее расхищаемую врагами, не только не защищать ее, но еще вмѣстѣ съ ними грабить и собственными руками раздирать утробу своей матери? Тяжкій грѣхъ сей не отпустится никогда, ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ... Воины! горящая Москва да воспалитъ въ душахъ вашихъ огнь мщенія; потушите пожаръ ея кровію

Digitized by Google

враговъ. Да не понесутъ они съ собою стыдъ вашъ и слезы вашихъ родныхъ и ближнихъ! Сего ожидаетъ поруганная ими церковь и оскорбленное отечество».

Мы не будемъ здѣсь говорить о всѣхъ бумагахъ, которыя, въ формѣ указовъ, приказовъ, извѣщеній, манифестовъ, рескриптовъ, пришлось въ это время составлять Шишкову; скажемъ только: всѣ онѣ проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ съ обычнымъ шишковскимъ краснорѣчіемъ, которое хотя нѣсколько и реторично, но проникнуто искреннимъ чувствомъ. Въ это время Шишковъ былъ такъ убѣжденъ въ правотѣ всѣхъ своихъ мыслей, считая только ихъ патріотическими, что на всякаго, несогласнаго съ нимъ во мнѣніяхъ, смотрѣлъ какъ на зараженнаго *новомысліемъ* и неспособнаго быть патріотомъ, отчего у него выходили столкновенія и пререканія съ нѣкоторыми министрами; ему было обидно, когда крайніе его взгляды называли закоснѣлою стариною.

Извѣстіе о бѣгствѣ непріятеля въ особенности воспламенило фантазію и краснорѣчіе Шишкова. Такъ, въ рескриптѣ графу Ростопчину, онъ пишетъ: «не возгордится врагъ нашъ своими злодѣйствами: пожаръ Москвы потушенъ кровію его! Подъ пепломъ его лежатъ погребены гордость его и сила. Изъ оскорбленныхъ нечестивою рукою его храмовъ Божіихъ изникла грозная и праведная месть. Уже руки, наносившія зло Россіи, связаны; уже обращенный въ бѣгство непріятель, предавъ на посѣченіе тылъ свой, льетъ кровавые токи по слѣдамъ своимъ. Гладъ и смерть текутъ за нимъ. Быстрота стопъ не помогаетъ ему. Долгота пути приводитъ его въ отчаяніе. Россія видитъ сіе, и вскорѣ съ радостію увидитъ вся Европа. Итакъ, хотя великолѣпную столицу нашу пожралъ несытый огонь, но огонь сей будетъ въ роды родовъ освѣщать лютость враговъ и нашу славу».

Въ началѣ декабря императоръ отправился въ Вильну, а за нимъ вскорѣ послѣдовалъ и Шишковъ. Въ своихъ запискахъ онъ краснорѣчиво описываетъ тѣ мѣста, гдѣ происходили военныя дѣйствія и движенія. Видно, что они произвели на него сильныя впечатлѣнія ужасными слѣдами бѣдственной войны. То же самое поразило его въ Вильнѣ. Здѣсь онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго; но ему особенно было пріятно выраженіе въ высочайшемъ рескриптѣ: *за примѣрную любовь къ отечеству*. Шишковъ былъ недоволенъ намѣреніемъ императора продолжать войну за предѣлами Россіи и даже упрекалъ Кутузова, что тотъ, отчасти раздѣляя его мнѣніе, не рѣшался отговаривать государя. Патріотъ теперь уже дрожалъ за

Digitized by Google

славу русскаго народа, которая могла бы помрачиться въ случаѣ военныхъ неудачъ.

X.

Жизнь въ Германіи.

Въ новый годъ перешли русскую границу, и отсюда начинаются скучныя странствованія и скитанія Шишкова по городамъ, селамъ и деревнямъ. Особенно пріятно было ему узнать, что русскіе манифесты, переведенные на нѣмецкій языкъ, съ жадностью читаются въ Пруссіи, возбуждаютъ народный духъ и производятъ сильное дѣйствіе надъ умами. «Радость моя, — говоритъ онъ, — происходила больше отъ благопріятности судьбы или случая, доставившаго мнѣ такое званіе, въ которомъ *въ самое нужное время моглъ я быть полезенъ моему отечеству*». Въ письмѣ къ женѣ онъ говоритъ о томъ же: «одинъ пріѣзжій сюда прусскій офицеръ сказывалъ самому государю, что обращеніе всегда къ Богу и духъ благочестія въ сихъ бумагахъ привлекаютъ къ себѣ умы и сердца всѣхъ: дай Богъ, чтобъ языкъ правды и благомыслія восторжествовалъ надъ языкомъ лжи и злонравія».

Въ своихъ запискахъ Шишковъ разсказываетъ разныя мелкія приключенія и встрѣчи, которыя не имѣютъ біографическаго значенія, и мы не будемъ останавливаться на нихъ. И здѣсь онъ на все смотритъ съ своей точки зрѣнія и не упускаетъ случая, чтобы высказать свою ненависть къ французамъ. Такъ, у него происходили даже столкновенія съ Кутузовымъ-Смоленскимъ, которыя онъ называетъ весьма непріятными происшествіями, хотя, по его словамъ, обходился онъ съ нимъ отнюдь не на политикѣ, а чистосердечно. Кутузовъ и въ особенности жена его были пристрастны къ французамъ; побѣдитель ихъ увѣрялъ, что если мы бросимъ французскій языкъ, перестанемъ отдавать своихъ дѣтей на воспитаніе французамъ и прогонимъ отъ себя французскихъ актеровъ, то впадемъ въ прежнюю неуклюжесть и невѣжество. Можно представить, за какую обиду принималъ Шишковъ подобныя увѣренія; можно себѣ представить и ту пытку, какую однажды пришлось ему вынести за столомъ у государя, когда Кутузовъ сталъ его просить дозволить снова французскіе спектакли въ Петербургѣ: они были прекращены въ концѣ іюля 1812-го года, когда патріотически настроенная публика перестала посѣщать ихъ. Кутузовъ доказывалъ, что эти спектакли

Digitized by Google

сдѣлались потребностью общества, которое давно привыкло ими услаждаться и которое русскими актерами, послѣ французскихъ, не можетъ довольствоваться.

Какъ видно, Кутузовъ этимъ ходатайствомъ передъ государемъ исполнялъ просьбу своей жены, которая скучала въ Петербургѣ безъ французскаго театра. Государь не спорилъ съ Кутузовымъ и, повидимому, съ нимъ соглашался. «Въ это время,— говоритъ Шишковъ,—кипѣла вся моя внутренность отъ досады. Я молчалъ, не смѣя вмѣшаться въ ихъ рѣчи и чувствуя, что не могъ открыть рта съ тѣмъ спокойствіемъ и равнодушіемъ, какихъ царское присутствіе и образъ мыслей его (царя) требовали». Кутузовъ писалъ объ этомъ разговорѣ женѣ, а княгиня, въ свою очередь, съ удовольствіемъ разсказывала о немъ въ обществѣ, о чемъ писала Шишкову жена его. На это Шишковъ съ досадою отвѣчалъ ей: «ежели княгиня наша хвастаетъ такими подвигами своего князя, то мало дѣлаетъ она ему и себѣ чести, а особливо въ глазахъ тѣхъ людей, которые эту вещь подалѣе и получше видятъ, чѣмъ она. Есть люди, хотя и одаренные умомъ, но тамъ, гдѣ пристрастіе въ нихъ дѣйствуетъ,—разсуждаютъ они, какъ младенцы. Къ числу таковыхъ, съ крайнимъ сожалѣніемъ по родству и человѣколюбію, причисляю я почтенную, впрочемъ, нашу княгиню, о которой давно уже знаю, что у ней какую-нибудь Филису (пѣвицу) или Дюпора (танцовщика) не перетянуть не только того же ремесла русскіе люди, но ниже Минины и Пожарскіе... Многіе у насъ подобное сему разсуждаютъ. Но всего чуднѣе мысль сія въ человѣкѣ, который самъ-собою доказываетъ противное тому, что́ говоритъ. Онъ родился отъ русскаго отца, дворянина посредственнаго состоянія, воспитанъ не французами, спасъ отъ нихъ отечество свое, достигъ до великихъ почестей и славы, и, со всѣмъ этимъ, думаетъ, что Россія безъ ихъ воспитанія и спектаклей не можетъ быть просвѣщенною! Вотъ какъ сильно предразсудки дѣйствуютъ надъ нами».

Главная квартира шесть недѣль пробыла въ Калишѣ, городкѣ варшавскаго герцогства. Здѣсь получены были извѣстія о занятіи Берлина, о прусскомъ союзѣ, о взятіи Дрездена. 25-го марта былъ написанъ Шишковымъ *приказъ войскамъ* подавать «руку помощи благороднымъ пруссакамъ, которые кипятъ тѣмъ же, какъ и мы, духомъ народной чести и достоинства. Дѣло наше общее и праведное; мы стоимъ за вѣру—противъ безвѣрія, за свободу—противъ властолюбія, за человѣчество—противъ звѣрства».

Въ своихъ записках Шишковъ съ удовольствіемъ описы-

Digitized by Google

ваетъ торжественныя встрѣчи, устраиваемыя государю въ Силезіи и Саксоніи. Онъ такъ былъ проникнутъ народной гордостью, что, по просьбѣ нѣсколькихъ дамъ, сопутствовавшихъ главному штабу, рѣшился написать маленькую патріотическую пьеску, съ тѣмъ, чтобъ представить ее предъ государемъ. Но она осталась неконченною, такъ какъ Александръ отклонилъ намѣреніе дамъ. Пьеска была озаглавлена такимъ образомъ: «Маленькій праздникъ, или слабая дань благодарности русскимъ воинамъ, въ лицѣ главноначальствующаго надъ ними». Она начинается переиначенной русской пѣснью:

Хожу я по улицѣ,
Да не нахожуся!
То-то люли,
То-то люшеньки-люли!
Смотрю я на воина,
Да не насмотрюся!
То-то люли,
То-то люшеньки-люли!
Славѣ дѣлъ его дивлюсь,
Да не надивлюся!
То-то люли,
То-то люшеньки-люли!

Затѣмъ, въ длинномъ разговорѣ, слѣдуетъ похвала всѣмъ русскимъ, по чинамъ и сословіямъ, брань французовъ, пѣсня «въ честь знаменитаго нашего полководца»:

Выду-ль я на рѣченьку,
Посмотрю на быструю:
Какъ она сильна весною,
Такъ ужасенъ онъ врагамъ;
Какъ она тиха средь лѣта,
Такъ любезенъ онъ друзьямъ.

Здѣсь устами тирольки, говорящей по-русски, восхваляется русскій языкъ: «дѣла русскихъ сдѣлали давно уже почтенное имя и языкъ ихъ нынѣ еще почтеннѣйшими тому, чья душа не терпитъ уничиженія и рабства, не любитъ пресмыкаться подъ игомъ чужеземцевъ». Здѣсь же восхваляется и крестьянское женское платье — «этотъ сарафанъ, эта повязка на головѣ дѣлаютъ и лицо моложе, и станъ красивѣе». Здѣсь же нельзя не замѣтить и безтактности, которою Шишковъ иногда отличался. Онъ не могъ не знать, что государь не выносилъ публичной похвалы, относимой къ его особѣ, и между тѣмъ вставилъ въ разговоръ слова о немъ, которыя должны были показаться лестью. Съ другой стороны, народная гордость переходитъ у него въ самовос-

Digitized by Google

хваленіе и дѣлается въ высшей степени непріятною, когда съ нею является похвальба своими добрыми дѣлами. Здѣсь уже начинается нравственное ослѣпленіе, которое, къ сожалѣнію, замѣчается въ Шишковѣ. Дорога изъ Дрездена въ Лейпцигъ была такъ дурна, что государь и свита его должны были ѣхать верхомъ. Шишковъ, какъ мы знаемъ, боялся верховой ѣзды и не могъ разстаться съ своею коляскою. Съ этого времени онъ былъ постоянно позади главной квартиры, иногда даже теряя ее изъ виду и по нѣсколько дней не имѣя о ней извѣстія. Боязнь попасться въ непріятельскія руки тревожила его ежеминутно. «Мнѣ воображалось,—говоритъ онъ,—что Наполеонъ, по званію моему, навѣрное знаетъ, кто при государѣ пишетъ манифесты, которыя, безъ сомнѣнія, не могли ему нравиться; притомъ же любимецъ его Коленкуръ, въ бытность свою посломъ въ Петербургѣ, весьма не благоволилъ ко мнѣ, наслышась, можетъ быть, о моемъ образѣ мыслей, далеко не согласномъ съ ихъ дѣлами и поступками. Мысль сія устрашала меня попасть въ руки человѣка, который всѣхъ приверженныхъ къ отечеству своему почитаетъ уголовными противъ него преступниками». Его фантазія, подъ вліяніемъ страха, уже представляла картину, какъ русскаго государственнаго секретаря и патріота, писавшаго такіе сильные манифесты, разстрѣливаютъ французскіе солдаты. Но, къ счастью, ничего этого не случилось. Государственный секретарь, послѣ разныхъ маленькихъ непріятностей и неудобствъ путешествія, снова соединялся съ главной квартирой, писалъ новые приказы и манифесты, и опять отставалъ отъ прочихъ, на страхъ самому себѣ.

Наконецъ, заключено было перемиріе. Государь остановился въ силезскомъ мѣстечкѣ Петерсвальдау. Здѣсь же долженъ былъ поселиться и Шишковъ. Получивъ извѣстіе о смерти президента россійской академіи Нартова, онъ донесъ о томъ государю и высказалъ при этомъ желаніе занять мѣсто умершаго. Александръ согласился, сказавъ, что «со свѣчкою не сыщетъ лучшаго человѣка». Въ Петербургѣ нѣсколько иначе разсказывали объ этомъ назначеніи: будто Шишковъ не самъ назвался въ президенты, а государь назначилъ его, когда тотъ уже уѣхалъ на воды въ Карлсбадъ. Министръ же просвѣщенія представлялъ на утвержденіе государя нѣсколькихъ кандидатовъ изъ числа членовъ академіи, съ тѣмъ, чтобъ ей предоставить выборъ президента изъ утвержденныхъ кандидатовъ. Впрочемъ, назначеніе Шишкова, какъ видно, произвело на академиковъ пріятное впечатлѣніе. Такъ, извѣстный вологодскій епископъ Евгеній писалъ къ графу Хвостову: «нашъ аристархъ (Шишковъ) достоинъ предсѣдатель-

Digitized by Google

ствовать въ россійской академіи, которой онъ оказалъ уже много заслугъ. Дѣятельностью своею онъ возбудитъ больше содѣйствія и въ членахъ, изъ коихъ многіе доселѣ ничего не дѣлаютъ» [1]). Но не такъ охотно согласился императоръ на просьбу новаго президента отпустить его въ Карлсбадъ. Шишковъ, послѣ многихъ безпокойствъ, въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя нездоровымъ и думалъ отдохнуть въ Карлсбадѣ. Здѣсь онъ нашелъ русскихъ великихъ княгинь Екатерину и Марію Павловенъ и довольно большое русское общество. Но болѣзненные его припадки не облегчились, хотя время онъ и провелъ пріятно. Затѣмъ снова начинаются его скитанія и преслѣдованія главной государевой квартиры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прежніе страхи попасть въ плѣнъ. Опустошенія войны давали ему тэмы для мечтаній и резонерства, для вывода морали: «О, люди, люди!» восклицаетъ онъ: «въ какое бѣдствіе вы сами себя ввергаете! Вы называетесь христіанами, но если бы святая вѣра владычествовала въ умахъ и сердцахъ вашихъ, вы бы, для общаго всѣхъ благополучія, старались одинъ другому помогать, а не истреблять другъ друга». Наконецъ, удалось ему выпроситься у государя, за болѣзнью, въ Прагу, которую незадолго до этого спасли русскія войска отъ французскаго полководца Вандама, шедшаго опустошить ее. Понятно, что пражане смотрѣли на русскихъ какъ на своихъ избавителей и принимали ихъ съ большимъ радушіемъ. Въ Прагѣ Шишковъ нашелъ немало русскихъ изъ высшаго общества, и въ томъ числѣ нѣсколько дамъ. Здѣсь же онъ познакомился съ извѣстнымъ чешскимъ ученымъ Добровскимъ, съ которымъ разсуждалъ о славянскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какъ знаменитый славистъ посмотрѣлъ на фантастическую ученость президента россійской академіи. Здѣсь уже, при участіи Шишкова, была открыта подписка на памятникъ тѣмъ русскимъ, которые умерли отъ ранъ въ Прагѣ, послѣ сраженій 17-го и 18-го августа въ богемскихъ горахъ, отстаивая Богемію. Памятникъ впослѣдствіи былъ сооруженъ у подножія Жижковой горы, въ пражскомъ предмѣстьѣ Карлинъ, на военномъ кладбищѣ, на могилѣ 45-ти русскихъ офицеровъ. Здѣсь Шишковъ услышалъ о счастливомъ лейпцигскомъ сраженіи, о которомъ реляцію въ первый разъ прочитали въ театрѣ; но жаркій русскій патріотъ остался недоволенъ холодною радостью нѣмцевъ; не такою представлялъ онъ эту радость среди русскихъ:

[1]) Сборникъ статей въ „Отдѣлѣ русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ“, т. V: Въ память митрополита Евгенія, стр. 146, 147.

Digitized by Google

«у насъ,—говорилъ онъ,—безумолкный крикъ и пляски не дали бы окончиться представленію до самаго утра».

Изъ писемъ Шишкова къ женѣ, которыя онъ писалъ очень часто, мы узнаемъ, что онъ постоянно былъ въ дурномъ расположеніи духа; почти всѣ они, начиная съ 16-го января 1813 г., наполнены жалобами. Выписываемъ здѣсь нѣкоторыя его выраженія: «Признаюсь тебѣ, что очень скучно таскаться такимъ образомъ въ мои лѣта и съ моимъ нравомъ. Какъ быть: не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ... Грустно, что ѣздишь, ѣздишь, и не знаешь, какой и когда будетъ тому конецъ... Вотъ моя жизнь! она очень весела, только бы я перекрестился три раза, если бы она перемѣнилась... Надоѣло всякій день или черезъ день тащиться по грязи и безпрестанно перемѣнять ночлеги, иногда въ изрядной комнаткѣ, а иногда въ скверной избѣ... Скучно, мой другъ, очень скучно и какъ-то отчасу скучнѣе становится. За благополучные часы считаю, когда сплю. Чувствую, что пришла старость, и что уединеніе и спокойствіе были бы для меня всего дороже... Въ другое время видѣть русскихъ въ такой чести, и жить въ городѣ (Дрезденѣ), изобилующемъ многими удовольствіями, могло бы меня утѣшать; но теперь не то время настоитъ, чтобы чувствовать какое-нибудь веселіе... Пожелай, мой другъ, чтобъ Богъ скорѣе возвратилъ меня въ Россію: дождь и градъ пріятнѣе для меня будутъ здѣшнихъ ясныхъ дней... О, мой другъ, пусть бы въ молодости досталось мнѣ вести такую жизнь, такъ бы я не чувствовалъ всѣхъ скукъ ея, хотя и тогда не могла бы она мнѣ нравиться; но теперь, когда и слабое здоровье, и лѣта мои требовали бы тихихъ упражненій и спокойствія, я безъ всякой пользы и надобности страдаю, мучусь, таскаюсь, самъ не зная зачѣмъ и куда, и, можетъ быть, попадусь въ руки непріятеля, гдѣ если и живъ останусь, то, по слабости моего здоровья, не перенесу всѣхъ горестей и несчастія. Вотъ, въ добавокъ къ болѣзни, какими мыслями наполненъ я съ утра до вечера».

Особенно огорчила Шишкова смерть Кутузова, стараго его пріятеля. О немъ онъ писалъ съ большимъ чувствомъ и принималъ горячее участіе въ горѣ его жены. «Ахъ, если бы она знала, какое я пріемлю участіе въ ней и сколько разъ приходила она мнѣ на мысль въ эти дни, то, конечно, прочитавъ во глубинѣ души моей, повѣрила бы, что я издѣтства привыкъ ее любить». По приказанію государя, Шишковъ краснорѣчиво написалъ высочайшій рескриптъ къ ней, который, какъ онъ думалъ, долженъ былъ ей понравиться.

Digitized by Google

Въ нѣкоторыхъ письмахъ онъ жалуется, что его осаждаютъ изъ Петербурга разными просьбами, то исходатайствовать кому-нибудь пенсію, то выпросить у государя назначить чью-нибудь дочь или племянницу фрейлиною, и подоб.; и всѣ требуютъ скораго отвѣта и обижаются всякимъ замедленіемъ. «Истинно нѣтъ возможности,—пишетъ онъ женѣ,—отвѣчать на всѣ тѣ письма, которыя я получаю; надобно съ утра до вечера сидѣть за бумагою... Не отвѣчалъ я тебѣ на нѣкоторыя просьбы, о которыхъ ты ко мнѣ писала,—но что могу отвѣчать? Все, что возможно, я стараюсь сдѣлать, а чего не могъ или не имѣлъ случая, нечего и писать... Вотъ, мой другъ, причина, по которой многіе на меня ропщутъ, думая, что когда я на письма ихъ не отвѣчаю, то уже ничего для нихъ и не дѣлаю. Но можно ли въ безпрестанныхъ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто отвѣчать всѣмъ на тысячи получаемыхъ мною писемъ? Всякъ, не зная обстоятельствъ, думаетъ, что просьбу его легко и тотчасъ исполнить можно, и, вмѣсто благодарности за всевозможное стараніе мое, ему неизвѣстное, обвиняетъ меня за мое молчаніе. Но, воля ихъ,—я неохотникъ увѣрять по пустому... Покуда не придетъ часъ (который долго, долго иногда не приходитъ), то надобно дожидаться». Нужно отдать честь Шишкову, что онъ дѣйствительно умѣлъ служить своимъ друзьямъ и тѣмъ, кого любилъ, и если не всегда успѣвалъ угождать имъ, то не отъ недостатка усердія. Недовольные Шишковымъ, вѣроятно, распространяли въ Петербургѣ слухъ, что его смѣняетъ государь, о чемъ его увѣдомляла жена. На это Шишковъ писалъ ей: «какой вздоръ! здѣсь я этого не слышу, и даже похожаго не вижу. Впрочемъ, ежелибъ это и случилось, не подумай, чтобъ я опечалился. Я къ моему мѣсту и къ двору отнюдь не привязанъ. Велятъ мнѣ что дѣлать—я дѣлаю охотно; а не велятъ и не станутъ мнѣ ничего поручать, такъ мнѣ и дѣла нѣтъ. Я не стану и неспособенъ напрашиваться и выставляться, чтобъ меня примѣтили». Шишковъ и въ своихъ письмахъ не упускаетъ случая выбранить французовъ или зло кольнуть подражателей ихъ. «Какъ не восхищаться прекрасными поступками французовъ,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ,—какъ не любить ихъ актеровъ, торговокъ, учителей и пр. Они препріятные люди, а всѣ другіе, особливо же мы, nous sommes des мужикъ, но, слава Богу, что сіи наши *мужики* не похожи на насъ, баръ».

Нельзя не указать и на письмо Шишкова, писанное въ Москву къ Бардовскому, въ маѣ 1813 года. Шишкову пришла мысль собрать всѣ свѣдѣнія о пребываніи непріятеля въ Москвѣ

Digitized by Google

и ея окрестностяхъ. Объ этомъ онъ доложилъ императору, который и приказалъ поручить это дѣло кому-либо изъ людей, ему извѣстныхъ. Шишковъ выбралъ Бардовскаго, который занимался переводомъ нравственно-христіанскихъ сочиненій и съ которымъ еще прежде онъ велъ переписку объ ученыхъ предметахъ, высказывая, между прочимъ, и неудовольствіе на своихъ критиковъ. Поручивъ ему задуманное дѣло, Шишковъ писалъ ему наставленіе, какъ его выполнить: «Когда накопите вы достаточное число извѣстій о разныхъ происшествіяхъ, тогда приступите къ составленію изъ нихъ порядочнаго и послѣдственнаго повѣствованія, *примѣшивая всегда къ оному нравственныя разсужденія и нравоученія*. Старайтесь иногда подкрѣплять ихъ приличными изъ св. писанія мѣстами: онѣ бываютъ весьма сильны и убѣдительны, какъ скоро приведены будутъ кстати. Въ семъ нашествіи на насъ враговъ больше, нежели когда-нибудь, явенъ перстъ Божій; итакъ, не оставляйте въ молчаніи чудесныхъ событій, таковыхъ, напримѣръ, какъ слѣдующее: при выносѣ изъ Смоленска образа Богоматерина читаютъ евангеліе: *„и бысть Марія три мѣсяца въ пути, и возвратися въ домъ свой“*, и точно, чрезъ такое время образъ сей внесенъ былъ опять въ городъ и поставленъ на свое мѣсто... Цѣль сей книги должна быть слѣдующая: *первое, какими злодѣйствами къ собственной своей и другихъ пагубѣ оскверняется народъ, когда отступаетъ отъ Бога и впадаетъ въ безвѣріе*. Здѣсь не худо краткимъ и нечувствительнымъ образомъ войти въ историческое разсмотрѣніе нравственности гальскаго народа, гдѣ откроется широкое поле говорить о ядовитыхъ книгахъ ихъ, о развратныхъ правилахъ, о неистовыхъ дѣлахъ, породившихъ чудовищную революцію и тысячи старыхъ и новыхъ Маратовъ и Робеспьеровъ... Въ противоположность сему, безъ всякаго самохвальства, можно отдать справедливость, что въ нашемъ народѣ не было никогда иныхъ книгъ, кромѣ насаждающихъ благонравіе, *иныхъ нравовъ, кромѣ благочестивыхъ, уважающихъ всегда человѣколюбіе* (скоро же забылъ почтенный авторъ пугачевщину), гостепріимство, родство, цѣломудріе, кротость и всѣ христіанскія, нужныя для общежитія, добродѣтели. Если нынѣ въ нравахъ нашихъ примѣчается порча, или отступленіе отъ коренныхъ правилъ честности и добродушія, то зараза сія пришла къ намъ отъ сего обманчиваго народа, котораго нечистая и гнилая внутренность прикрыта блестящею наружностью, уловляющею въ сѣти свои простоту и легкомысліе. Между тѣмъ зараза сія сдѣлалась весьма сильною и общею. Посмотрите на Европу... Особливо, по несчастію, мы больше всѣхъ прочихъ на-

Digitized by Google

родовъ примѣчаемъ въ себѣ страсть къ сему подражанію. Когда мы наружностію своею столько стараемся быть на нихъ похожими, то можетъ ли внутренность наша остаться неповрежденною? Постарайтесь съ изображеніемъ претерпѣнныхъ нами золъ изображать и то, что *это не послѣднія бѣды, какъ скоро мы не перестанемъ любить языкъ ихъ*,—сей бичъ, убивающій народную нашу гордость, и сей ключъ, отверзающій сердца и умы наши къ принятію въ нихъ яда злочестія и худой нравственности. Мы до того доходили, что говорить объ этомъ иначе не смѣли, какъ съ великою скромностію. Я почти первый сталъ, въ 1804 г., о семъ говорить смѣло, и вы помните, какъ господа «Вѣстники» и «Меркуріи» противъ меня возстали. По сочиненіямъ ихъ, я былъ такой преступникъ, котораго надлежало запереть и взять съ меня отвѣтъ, какимъ образомъ дерзнулъ я говорить, что русскому надобно русское воспитаніе. Они упрекали меня, что я хочу ниспровергнуть просвѣщеніе и всѣхъ обратить въ невѣжество, что я иду противъ Петра, Екатерины, Александра и пр.; тогда могли они такъ вопіять, надѣясь на великое число зараженныхъ симъ духомъ, и тогда долженъ я былъ поневолѣ воздерживаться; *но теперь я бы ткнулъ ихъ носомъ въ пепелъ Москвы и громко имъ сказалъ: „вотъ чего вы хотѣли“*. Богъ не наказалъ насъ, но послалъ милость свою къ намъ, ежели сожженные города наши сдѣлаютъ насъ русскими. Вотъ къ какой цѣли должна стремиться ваша книга».

Такимъ образомъ, въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ Россіи Шишковъ находилъ себѣ оправданіе въ томъ, въ чемъ его упрекали критики. Его фантазія связала пожаръ Москвы съ этими критиками, съ дворянками, воспитанными французами, съ дворянами, говорящими по-французски и слѣдующими французскимъ модамъ, какъ будто бы въ эту войну они явились измѣнниками отечеству, призвали въ Россію Наполеона и предали ему Москву на сожженіе; какъ будто бы безъ французскаго языка и французскихъ модъ Наполеону и въ голову не пришло бы даже заглянуть въ Россію. Почтенный государственный секретарь знать не хотѣлъ никакихъ политическихъ обстоятельствъ, ни исторіи, и не любилъ провѣрять ими плодовъ своей фантазіи. Конечно, ему было очень пріятно оправдывать себя и торжествовать надъ тѣми, кто еще такъ недавно считалъ его отсталымъ старовѣромъ; ему было пріятно выставлять себя какимъ-то спеціальнымъ патріотомъ, который имѣетъ права тыкать чуть не все образованное русское общество носами въ пепелъ Москвы. И онъ искренно вѣрилъ въ свои заносчивыя идеи. Замышляя въ пред-

Digitized by Google

положенной книгѣ обвинить образованное общество въ бездѣйствіи Россіи и возвысить невѣжественный народъ за его на-половину мнимыя добродѣтели, онъ не подозрѣвалъ, что даетъ невѣжеству силу, вызывая въ немъ ненависть къ образованію и прикрывая ее слѣпымъ патріотизмомъ. Здѣсь въ своемъ патріотизмѣ Шишковъ самъ дошелъ до ослѣпленія. Фантазія подъ впечатлѣніями событій брала окончательно верхъ надъ здравымъ разсудкомъ.

Въ половинѣ октября Шишковъ получилъ приказаніе отъ государя скорѣе прибыть въ главную квартиру. Хотя докторъ и не совѣтовалъ ему ѣхать, указывая на разстроенное его здоровье и на безпрерывные осенніе дожди, но онъ не посмѣлъ медлить. Послѣ многихъ затрудненій въ дорогѣ, прибылъ онъ, наконецъ, 31 числа во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ находилась главная квартира. Здѣсь онъ нашелъ большое блестящее общество: императоры, короли, принцы, герцоги, у всякаго свой дворъ — министры, генералы, у этихъ секретари, адъютанты; всѣ скачутъ, ѣздятъ, бѣгаютъ, верхами, въ каретахъ, въ коляскахъ, пѣшкомъ, въ разныхъ одѣяніяхъ, въ лентахъ, звѣздахъ, шишакахъ съ высокими перьями; пропасть разнодержавныхъ войскъ; поутрамъ маршируютъ, бьютъ въ барабаны, кричатъ ура! «Какъ весело, — прибавлялъ онъ, — да только не мнѣ, у котораго почти ежедневно то грудь болитъ, то голова». Государь принялъ его ласково и поручилъ написать «Извѣстіе» о лейпцигскомъ сраженіи. Шишковъ тотчасъ же принялся за работу: сначала онъ сдѣлалъ общее обозрѣніе всей кампаніи и затѣмъ далъ волю своему воображенію въ описаніи лейпцигскаго боя, изображая, какъ «праведное оружіе блистаетъ во всей своей силѣ, и какъ утѣснитель народовъ съ остатками разбитыхъ и разсѣянныхъ войскъ своихъ въ единой быстротѣ бѣгства ищетъ спасенія». Идея «извѣстія» — крѣпокъ и силенъ человѣкъ упованіемъ на Бога. Заключается оно такими словами: «Плоды битвы неисчетны, слѣдствія спасительны для нынѣшнихъ и будущихъ родовъ всего человѣчества. Очарованіе разрушено, гордость низринута, слѣпота умовъ и страхъ сердецъ развѣяны, злочестіе и злоба скованы. Непріятель съ слабыми остатками изнуренныхъ силъ своихъ вогнанъ въ предѣлы своего царства. Мы на берегу Рейна, и Европа освобождена». Прислушиваясь къ разнымъ разговорамъ, Шишковъ, несмотря на описанные имъ успѣхи нашего оружія, остался недоволенъ какъ военными, такъ и политическими дѣлами. Вмѣстѣ съ другими русскими онъ обвинялъ австрійцевъ въ слабости и нечистосердечіи; намѣреніе союзниковъ

Digitized by Google

идти во Францію отдаляло надежду на скорое возвращеніе въ отечество. Мрачно смотрѣлось на все утомленному и полубольному старику: «Богъ милостивъ къ намъ, — писалъ онъ къ женѣ,—Онъ возвелъ насъ на верхъ славы и чести; но не знаю, остановимся ли мы на томъ. Надобно бы остановиться: всему есть мѣра и предѣлъ. Можетъ быть, въ старыхъ лѣтахъ человѣкъ бываетъ больше робокъ и остороженъ; но какъ бы то ни было, я больше боюсь иногда счастія, нежели несчастія, потому что несчастіе насъ умудряетъ, а счастіе ослѣпляетъ. Тогда я въ полной мѣрѣ почувствую себя благополучнымъ, когда увижу добрый и скорый конецъ. До тѣхъ поръ скука не перестанетъ послѣдовать за мною. Стеченіе людей, различіе умовъ, кипѣніе страстей, все это держитъ душу мою между страхомъ и надеждой, и чѣмъ долѣе мы будетъ оставаться здѣсь (а особливо, если пойдемъ далѣе), тѣмъ больше безпокойство мое будетъ умножаться. Мы все сдѣлали не только для себя, но и для другихъ: возвратили имъ и силу, и право; теперь ихъ дѣло удерживать то, а не наше — иначе дѣло будетъ безъ конца».

Эти слова вполнѣ выражаютъ настроеніе духа Шишкова. Онъ сдѣлался боленъ и, сидя одинъ дома, поддался идеѣ, что Россія легко можетъ лишиться той славы, до которой она достигла такими трудами и пролитіемъ крови. Подъ вліяніемъ страха онъ рѣшается написать свои мысли государю, хотя и признается, что ему недостаточно извѣстны подробности всѣхъ дѣлъ, хотя и былъ увѣренъ, что его представленія не будутъ уважены. Но его идеи всегда держались въ немъ упорно; несмотря на колебанія, онъ всегда находилъ какую-либо мысль, которая рѣшала въ пользу его первоначальнаго намѣренія и обязывала совѣсть выполнить его. На этотъ разъ онъ остановился на такой мысли: на что мнѣ скрывать то, къ чему подвигнуть я усердіемъ и любовью къ моему отечеству? Знаю, что безполезно покушаюсь на невозможное, но по крайней мѣрѣ сниму съ души моей отягощающее меня бремя и буду правъ передъ собою».

Въ длинной бумагѣ Шишковъ сначала представляетъ мораль, что при всѣхъ нашихъ дѣлахъ, худыхъ и добрыхъ, есть предѣлы, на которыхъ нужно останавливаться, а изъ примѣра Наполеона выводитъ, что происшествіе съ нимъ есть живой урокъ для обузданія стремленій своихъ во время успѣховъ и счастія. Затѣмъ, разсматривая дѣйствія Россіи, онъ находитъ, что она истребленіемъ врага окончила и совершила свое дѣло, и останавливается на вопросѣ: что же теперь должно ей предпринять?

Digitized by Google

Чтобъ найти отвѣтъ, онъ изображаетъ состояніе Франціи, нѣмецкой земли и Россіи, и выводитъ, что самое лучшее—предоставить Германіи бороться съ Наполеономъ, а самимъ возвратиться въ Россію, оставивъ, если можно, нѣмцамъ вспомогательный корпусъ. Много старческой осторожности и, пожалуй, благоразумія показалъ онъ въ своемъ разсужденіи, но не дальновидной политики, которой у него вообще недоставало.

Пославъ государю бумагу, Шишковъ, по своему нраву, сталъ мучиться сомнѣніями, какъ она будетъ принята. «Хотя я очень увѣренъ,—писалъ онъ женѣ,—что въ ней ничего нѣтъ, кромѣ чистаго моего усердія къ общей пользѣ, но совсѣмъ тѣмъ безпокоюсь. Вотъ какъ тяжело говорить съ царями! Льстецы никогда безпокойствъ сихъ не чувствуютъ, потому что они наперед увѣрены въ пріятномъ пріемѣ того, что они скажутъ. Но когда не о благосклонномъ принятіи помышляешь, а даешь волю чистосердечному чувствъ своихъ изліянію, то и опасаешься, чтобъ послѣ не сказать самому себѣ: кто тебя спрашивалъ говорить правду? Но какъ бы то ни было, я ни въ какомъ случаѣ раскаиваться не буду». Черезъ нѣсколько дней, при встрѣчѣ съ императоромъ Александромъ, Шишковъ былъ успокоенъ ласковыми его словами: «я очень доволенъ твоею бумагою и прочиталъ ее не одинъ разъ, и хотя я не то буду дѣлать, однакожъ во многомъ согласенъ съ тобою».

Въ то же время Шишковъ отважился на новую смѣлость. Изъ Петербурга были присланы серебряныя медали за 1812 годъ для раздачи военнымъ чинамъ. Всѣ прочіе изъ этого исключались, такъ-что было отказано даже оберъ-гофмаршалу графу Толстому, который повсюду сопровождалъ государя. Шишкову не понравилось такое распоряженіе, и это вызвало съ его стороны новую бумагу. Въ ней онъ доказываетъ, что медаль заслужилъ каждый, принесшій какую-либо жертву отечеству; она должна означать «всякаго рода усердіе и ревность къ общей пользѣ», и переходитъ изъ рода къ старшему сыну. «Духъ народный,—говоритъ онъ,—въ сіе время оказался вездѣ въ такомъ величествѣ и славѣ, что, мнѣ кажется, я бы тогда еще болѣе гордился симъ драгоцѣннымъ знакомъ, когда бы вся Россія надѣла его на себя». Эту бумагу Шишковъ сталъ распространять съ намѣреніемъ, чтобы она попалась въ руки и государю. Но медали къ нему не присылали, что его крайне оскорбило. «Я не испрашивалъ и не получалъ никакихъ наградъ,—писалъ онъ,—которыми другихъ, меньше меня достойныхъ, щедро осыпали: это меня не безпокоило; но видѣть себя недостоеннаго

Digitized by Google

получить простой значокъ, тѣмъ единымъ лестный, что напоминалъ о всеобщемъ въ сіе важнѣйшее время участвованіи въ дѣлахъ отечественныхъ, признаюсь, что это меня крайне огорчило! Какъ! неужели заслуги мои въ семъ году были меньше послѣдняго изъ служившихъ въ войскахъ? Мысль сія до того возгордила самолюбіе мое, что я не имѣть сего значка почиталъ за обиду, а выпрашивать его за стыдъ еще бо́льшій, чѣмъ сія обида».

Тогда онъ послалъ требованіе взять медаль и принести къ нему. Канкринъ, у котораго хранились медали, отказалъ ему подъ предлогомъ, что въ спискѣ не означено его имя. Несмотря на это, Шишковъ упорствовалъ въ своемъ требованіи, пока не получилъ желаемаго. Онъ надѣлъ медаль и отправился къ государю, подкрѣпляя себя мыслью: пусть лучше она будетъ снята, чѣмъ не дана. Но государь ни слова не сказалъ, хотя и замѣтилъ на его груди прибавленіе. Во всемъ этомъ рѣзко рисуется характеръ Шишкова. Черезъ нѣсколько времени императоръ Александръ высказалъ свой взглядъ на своего государственнаго секретаря: «мнѣ кажется, ты не столько боленъ тѣломъ, сколько мыслями»,—сказалъ онъ ему, слыша его жалобы на нездоровье.

Кромѣ сочиненія манифестовъ и рескриптовъ, Шишковъ, въ качествѣ государственнаго секретаря, обязанъ былъ подносить государю для подписанія бумаги, которыя присылались изъ Россіи. Большая часть были неважныя, касавшіяся исполненія мелочныхъ прошеній разныхъ лицъ. Государь не всегда принималъ съ ними Шишкова, безпрестанно откладывая и отсрочивая время за недосугомъ. Бумаги не возвращались въ Петербургъ по нѣсколько мѣсяцевъ. Лица, которыхъ онѣ касались, винили Шишкова, и даже его *ученость*, для которой онъ уклоняется отъ должности. Шишкову пришлось оправдываться отъ такого обвиненія. «Повѣрь мнѣ,—писалъ онъ женѣ,—что я въ отправленіи должности моей, при самомъ строгомъ разборѣ самого себя, не чувствую въ совѣсти моей никакого упрека. Что-жъ касается до твоей очень умной женщины, которая полагаетъ во мнѣ одинъ, но большой порокъ *ученость*, совѣтуя мнѣ отъ него отстать,—съ этимъ, мой другъ, я не соглашусь. Она несправедливо думаетъ, будто отъ учености, т.-е. отъ занятій моихъ по сей части, я все на свѣтѣ забываю. Ученость не приводитъ въ забвеніе обязанностей честности, иначе почиталъ бы я ее и самъ порокомъ. Это правда, что ученость отводитъ отъ исканія дорогъ къ исполненію своихъ желаній, но за то, кто занимается исканіемъ сихъ путей, того желанія рѣдко бываютъ хороши... Уче-

Digitized by Google

ніе не гремитъ, но оно полезно; война гремитъ, но провались она! Еслибъ истребить всѣхъ ученыхъ (я не признаю учености безъ добронравія), то бы всѣ люди сдѣлались злыми невѣжами; а еслибъ истребить всѣхъ воиновъ (т.-е. страсть къ славѣ и корысти), то бы всѣ люди жили въ тишинѣ. Я думаю одно другого лучше. Итакъ, порокъ ли ученость во мнѣ или нѣтъ, но я этого порока не брошу. Онъ не приноситъ пользы и, можетъ быть, дѣлаетъ еще вредъ моему состоянію, но приноситъ пользу моей душѣ. «Будьте мудри яко зміи и цѣли яко голуби»,—говоритъ св. писаніе».

Хотя изъ этихъ словъ и трудно объяснить, какъ Шишковъ понималъ ученость, но видно, что онъ дѣйствительно считалъ себя ученымъ и дорожилъ этимъ.

Въ другомъ письмѣ Шишковъ пишетъ: «Я теряю свое здоровье, спокойствіе; не отъ меня зависитъ быть дѣятельнымъ и полезнымъ, а что отъ меня, того я никогда не пропускаю, и совсѣмъ этимъ наживаю себѣ худое имя! даже и того утѣшенія не имѣю, чтобъ назвать несправедливыми тѣхъ, которые меня винятъ. Они правы и могутъ по наружности судить, что я самъ уклоняюсь отъ исполненія моихъ обязанностей. Итакъ, остается мнѣ одна отрада, что Богъ видитъ и мои чувствованія, и мою невинность. Въ Прагѣ я жилъ не для того, чтобы *зарыться въ богемскихъ книгахъ и все забыть*. Вотъ, какъ и самая невинная и не безполезная склонность обращается мнѣ въ вину... Я очень несчастливъ и несчастливъ страннымъ образомъ! Чувствую, что имѣю умъ, добрую душу, люблю государя и, можетъ быть, ему самому угоденъ, усерденъ къ отечеству; но со всѣмъ тѣмъ не могу приносить такой пользы, какую бы приносить желалъ. Скорѣе самъ себѣ могу быть вреденъ, нежели полезенъ другимъ».

Изъ присылаемыхъ бумагъ были, впрочемъ, и важныя, какъ, напримѣръ, третья часть проекта гражданскихъ законовъ, какъ продолженіе труда, начатаго коммиссіею подъ руководствомъ Сперанскаго. Шишковъ не былъ знакомъ съ первыми частями, потому что, когда онѣ вышли, не прочилъ себя, какъ онъ говоритъ, въ государственные люди, и, занимаясь одною только словесностью, не любопытствовалъ даже знать ни о какихъ новыхъ постановленіяхъ. Но, конечно, онъ не могъ не знать, что съ ними связано имя Сперанскаго, человѣка новыхъ мыслей, котораго, подобно многимъ, онъ очень недолюбливалъ. Этого было достаточно, чтобы и третья часть, составленная, конечно, въ духѣ первыхъ, по кодексу Наполеона, привлекла вниманіе и критику Шишкова. Конечно, заслужить одобренія съ его стороны она

Digitized by Google

не могла. «Я нашелъ ее написанною худымъ языкомъ, — говоритъ онъ, — безъ всякаго тщанія и соображенія съ нашими законами, съ нашими нравами и обычаями, индѣ двусмысленною, часто невразумительною и даже наполненною *безнравственными* статьями, безтолково переведенными изъ такъ-называемаго кодекса Наполеона».

Какъ скоро образовался у него такой взглядъ, то совѣсть ему заговорила, что обязанность его донести о томъ государю, хотя государь, какъ онъ говоритъ, и былъ привязанъ къ сему произведенію, имъ начатому, имъ одобренному, на которое уже было потрачено много денегъ и наградъ. Императоръ Александръ съ неудовольствіемъ выслушалъ признанія Шишкова, зная его придирчивость и старовѣрство и замѣтивъ, что двѣ первыя части составлялъ Сперанскій. Шишковъ въ свое оправданіе представилъ ему свои письменныя замѣчанія, но государь отказался читать и слушать ихъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что для этого нужно быть со свѣжею головою, а теперь онъ занятъ совсѣмъ другимъ, и приказалъ оставить докладъ до удобнѣйшаго времени. Дѣло, такимъ образомъ, замялось и возобновилось уже черезъ два года, въ Петербургѣ.

Этотъ строгій критикъ законовъ и ученый въ то же время занимается мистическими сближеніями современныхъ ему событій съ библейскими изреченіями, дѣлаетъ выписки изъ псалтыря, пророчествъ Исаіи, Іезекіиля, Іереміи, Аввакума, изъ книгъ Маккавейскихъ, соединяетъ ихъ вмѣстѣ, «и чудится мнѣ, — говоритъ онъ,—что они ясно и подробно описываютъ всѣ происходившія съ нами приключенія». Не утерпѣлъ онъ, чтобы не представить государю и это произведеніе своей фантазіи. «Онъ согласился,— разсказываетъ Шишковъ,—и я прочиталъ съ жаромъ и со слезами. Онъ также прослезился, и мы оба съ нимъ довольно поплакали».

Религіозность и склонность къ мистицизму, повидимому, сблизили Александра съ Шишковымъ. Императоръ всячески отклонялъ его просьбы отпустить его въ какой-либо городъ лечиться. Но, наконецъ, рѣшился съ нимъ разстаться на французской границѣ, приказавъ передъ этимъ написать *приказъ* войскамъ по случаю вступленія во Францію. Въ немъ Шишковъ съ жаромъ высказалъ человѣколюбивыя идеи и намѣренія императора. «Мы уже спасли, прославили отечество свое,—писалъ онъ,—возвратили Европѣ свободу ея и независимость. Остается увѣнчать великій подвигъ сей желаемымъ миромъ. Да водворится на всемъ шарѣ земномъ спокойствіе и тишина; да будетъ каждое царство подъ единою соб-

Digitized by Google

ственнаго правительства своего властью и законами благополучно; да процвѣтаютъ въ каждой землѣ ко всеобщему благоденствію народовъ вѣра, языкъ, науки, художества и торговля. Сіе есть намѣреніе Наше, а не продолженіе брани и разоренія. Непріятели, вступя въ средину царства нашего, нанесли намъ много зла, но и претерпѣли за оное страшную казнь. Гнѣвъ Божій покаралъ ихъ. Не уподобимся имъ: человѣколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ, понесемъ въ нимъ не месть и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку. Слава россіянина—низвергать ополченнаго врага и, по исторженіи изъ рукъ его оружія, благодѣтельствовать ему и мирнымъ его собратіямъ. Сему научаетъ насъ святопочитаемая въ душахъ нашихъ православная вѣра; она божественными устами вѣщаетъ намъ: любите враги ваша и ненавидящимъ васъ творите добро».

Въ то же время Шишковъ писалъ къ женѣ: «въ двѣнадцатомъ году французы были въ Россіи, а въ началѣ четырнадцатаго русскіе будутъ во Франціи. Не замѣшкались гостямъ отплатить посѣщеніе. Дай Богъ, чтобъ мы нанесли имъ меньше вреда, чѣмъ они намъ, и чтобъ мы были счастливѣе у нихъ, нежели они у насъ... Но со всѣми помышленіями о Парижѣ, еслибъ Богъ умилостивился надъ нами и велѣлъ намъ ѣхать во-свояси, такъ бы это было гораздо лучше. Пусть ихъ Парижъ останется цѣлъ, и пусть они хвастаютъ гнусною славою, что сожгли Москву. Русь-матка пріобрѣла получше ихъ славу: она за зло заплатила добромъ, не сожгла ни одного ни города, ни селенія, и всѣхъ тѣхъ, которые приходили наносить намъ вредъ, грудью своею освободила отъ ига. Вотъ истинная слава! за то медаль 12 года ставлю я выше всѣхъ орденовъ на свѣтѣ».

Послѣ того Шишковъ вмѣстѣ съ государемъ отправился въ Швейцарію, взглянулъ на Шафгаузенскій водопадъ, былъ въ Базелѣ, откуда главная квартира переѣзжала въ предѣлы Франціи. Онъ получилъ позволеніе отдѣлиться отъ нея и жить въ Карлсруэ, куда ожидали и русскую императрицу. Шишковъ разсказываетъ, что при прощаньи онъ кинулся обнимать государя со слезами и просилъ не оставить его ближнихъ, если съ нимъ случится общая всѣмъ смертнымъ участь. Александръ, растроганный, отвѣчалъ на это: «я надѣюсь, что тебѣ будетъ лучше; впрочемъ, мое дѣло о тебѣ помнить».

Съ мрачнымъ расположеніемъ духа отправился Шишковъ въ Карлсруэ, ѣхалъ медленно, часто останавливался, чтобы отдыхать или лечиться, и, слѣдя за ходомъ событій, былъ крайне ими не-

Digitized by Google

доволенъ. Онъ досадовалъ, что не заключили мира на границѣ Франціи, досадовалъ на прокламаціи Шварценберга къ французамъ, находя въ нихъ противорѣчія, боязливость, неприличія, досадовалъ на ложныя объявленія Наполеона. Ему казалось, что съ французами теперь нужно сражаться не однимъ оружіемъ, но и языкомъ. «Главное дѣло состоитъ въ томъ,—думалъ онъ,—чтобъ привесть всѣ царства въ прежнее ихъ состояніе, низринуть беззаконіе, воцарить истину и благонравіе, низложить примѣръ соблазна, возстановить права народныя, потушить пожаръ лжи и пороковъ, угрожавшихъ на всемъ свѣтѣ пожрать правду, любовь къ отечеству и добродѣтель. Защищая *добрую сторону* оружіемъ, надлежало бы защищать ее купно и языкомъ, т.-е. безъ всякихъ хитростей или потворствъ, прямо, громко и чистосердечно».

Нельзя, конечно, не подивиться наивности стараго человѣка, полагавшаго, что такими мѣрами можно внести нравственность въ развращенную среду и уничтожить такую заразу, которая, по его мнѣнію, распространялась изъ Франціи по всей Европѣ. Въ этихъ мысляхъ онъ, по обыкновенію, предается своей фантазіи, воображаетъ себя на мѣстѣ Шварценберга, главнокомандующаго союзными войсками, и пишетъ свою собственную прокламацію къ французамъ. Въ ней онъ не щадитъ весь народъ французскій, взваливаетъ на него всѣ преступленія отдѣльныхъ личностей, видитъ весь корень зла въ писателяхъ: «они, отпадшіе отъ вѣры и богопочитанія, остроумные, но злочестивые, изгнавъ изъ сердецъ вашихъ страхъ Божій, подняли въ нихъ бурю страстей, помрачившихъ умъ вашъ и погрузившихъ васъ въ бездну пороковъ и преступленій». Онъ упрекаетъ народъ за то, что выбралъ себѣ *атаманомъ* рожденнаго въ Корсикѣ *простолюдина*, превосходящаго всѣхъ прочихъ безчеловѣчіемъ, коварствомъ и злобою. «Вы при немъ имѣли душу безъ добродѣтели, умъ безъ разсудка, сердце безъ жалости, совѣсть безъ стыда и раскаянія... Такой человѣкъ надобенъ вамъ былъ для заглушенія гласа любви къ человѣчеству, для погашенія въ сердцахъ вашихъ послѣднихъ искръ благонравія и *для соединенія всѣхъ васъ въ одно злотворное тѣло и душу*». Рисуя себѣ такой небывалый народъ, Шишковъ не задумывается и надъ казнями, какихъ онъ заслуживаетъ: «истребленіе всѣхъ васъ съ лица земли не удовлетворитъ достаточно правосудія». Здѣсь же онъ стыдитъ французовъ, не хочетъ признать ихъ просвѣщенія, указываетъ имъ на настоящія ихъ потери, на гнѣвъ Божій, идущій на нихъ въ образѣ союзныхъ войскъ, на ненависть отъ всѣхъ народовъ. Наконецъ, онъ призываетъ ихъ къ раскаянію, къ отреченію отъ Наполеона, къ при-

Digitized by Google

знанію прежнихъ королей, обѣщая имъ милость союзныхъ державъ, которыя желаютъ возвратить имъ прежнее достоинство, честь, добродѣтель и счастіе. Но въ случаѣ отказа и сопротивленія грозитъ имъ карою отъ тѣхъ же державъ: «безконечное терпѣніе противъ ожесточеннаго злодѣйства есть такое же злодѣйство, и миръ съ порокомъ есть война противъ добродѣтели. Если вы не хотите быть съ нами, мы съ вами быть не можемъ. Избирайте любое: честь или срамъ: Наполеонъ или свѣтъ».

Мы указываемъ на эту мечтательную прокламацію какъ на произведеніе фантазіи и упражненіе въ краснорѣчіи, и не останавливаемся на логическомъ ея развитіи, которое оказалось бы несостоятельнымъ.

Слыша, что наши войска идутъ впередъ и въ надеждѣ, что они возьмутъ и Парижъ, и, слѣдовательно, потребуется о томъ манифестъ, Шишковъ сталъ писать его, не дожидаясь, когда столица Франціи будетъ дѣйствительно въ нашихъ рукахъ. Для его манифестовъ нуженъ былъ только предполагаемый фактъ, а все остальное должно дать фантазія, злоба къ французамъ, *омерзѣніе*, какъ онъ выражался, къ ихъ нечестивымъ писателямъ, храбрость и великодушіе русскихъ, гнѣвъ Божій къ однимъ, милость къ другимъ.

Хотя Парижъ и былъ скоро взятъ, но проектированный манифестъ Шишкова, посланный имъ къ императору, не пригодился. Александръ поручилъ написать его другому. Извѣстіе о взятіи Парижа порадовало Шишкова въ особенности тѣмъ, что явилась надежда скоро возвратиться въ отечество. При этомъ же старый моралистъ поспѣшилъ вывести и мораль: «Вотъ каково жить неправдою на свѣтѣ!—восклицаетъ онъ:—что прибыли, что взлетѣлъ выше всѣхъ и надувался какъ пузырь? Лопнулъ, и всѣ отъ него отказываются. Дѣльно! признаюсь, люблю видѣть гордость въ уничиженіи, невѣжество въ презрѣніи и злодѣя въ поруганіи. Все кажется, что другіе, смотря на то, исправятся, хотя это и рѣдко служитъ кому урокомъ».

Но въ то же время Шишковъ былъ многимъ недоволенъ: ему не нравилась мягкая прокламація къ парижанамъ; ему хотѣлось бы, чтобы въ ней припомнилось французомъ зло, нанесенное ими другимъ, чтобы ихъ уязвили невѣріемъ и богоотступничествомъ, чтобы себя выставили рѣзче благодѣтелями, воздающими за зло добромъ. Ему не нравилось и привѣтствіе Талейрана, обращенное въ Парижѣ къ австрійскому императору Францу, и отвѣтъ самого Франца; на то и на другое онъ даже пишетъ строгій критическій разборъ. Сердился онъ и на то, что Наполеону, сему посланному отъ дьявола чудовищу, данъ островъ Эльба

Digitized by Google

съ шестимилліоннымъ доходомъ, и на то, что Александръ пожаловалъ Лагарпу, своему бывшему наставнику, андреевскій орденъ. Брюжжалъ на многое старикъ, не стѣсняясь, но всѣ уже привыкли къ его брюжжанью и не обращали на него вниманія или слушали съ улыбкою. Въ такомъ расположеніи духа онъ писалъ женѣ: «Господи, ты избавилъ насъ отъ оружія французскаго, избавь насъ отъ ихъ прелестей; давъ намъ преодолѣть ихъ силою меча, не дай имъ преодолѣть насъ силою очарованія; помогши намъ защитить отъ нихъ жизнь нашу, помоги намъ защитить отъ нихъ и нравы наши... Я всегда больше боялся и боюсь дружбы съ симъ народомъ, нежели вражды съ нимъ». Пріѣздъ русской императрицы въ Карлсруэ привлекъ туда многихъ знатныхъ особъ русскихъ и иностранныхъ, и въ этомъ обществѣ Шишковъ проводилъ время очень пріятно и даже почувствовалъ улучшеніе своего здоровья. Здѣсь, между прочимъ, познакомился онъ съ извѣстною мадамъ Криднеръ или, какъ Шишковъ называетъ ее, Криднершей. «Въ разговорахъ ея со мною,—говоритъ онъ,—сперва показалась она мнѣ остроумною женщиною; но скоро примѣтилъ, что она, возносясь иногда выше предѣловъ ума, терялась въ высокопарныхъ умствованіяхъ и, вмѣсто смиреномудрія, тщеславилась показать себя вдохновенною». Онъ былъ и въ ея молельныхъ собраніяхъ, гдѣ читали и пѣли псалмы и нравоучительныя проповѣди, и не нашелъ ничего предосудительнаго, кромѣ суетнаго тщеславія самой хозяйки—прослыть у легковѣрныхъ людей посланною отъ небесъ жрицею. Шишковъ собирался уже ѣхать въ Парижъ, но слухъ, что государь не долго пробудетъ тамъ, остановилъ его. Дѣйствительно, Александръ скоро прибылъ на свиданіе съ императрицей. Сюда же прибыли изъ Петербурга депутатами три сенатора съ прошеніемъ отъ синода, государственнаго совѣта и сената, чтобы императоръ принялъ подносимый ему титулъ *благословенный* и позволилъ воздвигнуть себѣ памятникъ. Государь приказалъ Шишкову написать въ приличной формѣ отказъ отъ всего, и хотя Шишковъ уговаривалъ его и настаивалъ принять предлагаемый титулъ, но онъ не уступилъ. Государственный секретарь написалъ *указъ*, изложивъ такую идею: хотя чувства къ нему его подданныхъ очень лестны ему и хотя душа его постоянно стремится, чтобъ заслужить *благословеніе* отъ всего рода человѣческаго, но, какъ человѣкъ, онъ не можетъ мыслить, что уже достигъ этого, и что можетъ смѣло принять и носить это званіе. «Да сооружится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ,—заключается указъ,—какъ оный сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ! Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ серд-

Digitized by Google

цѣ моемъ благословляю оный! Да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо мною и надъ нею благословеніе Божіе». Затѣмъ Шишковъ получилъ позволеніе отправиться въ Россію, и въ половинѣ іюля былъ уже въ Петербургѣ.

XI.

Возвращеніе въ Петербургъ. — Умственное броженіе общества. — Шишковъ — членъ государственнаго совѣта.

Не совсѣмъ такимъ возвратился Шишковъ въ Петербургъ, какимъ выѣхалъ изъ него. Тогда онъ не могъ бросать въ глаза своимъ литературнымъ и придворнымъ врагамъ такихъ обвиненій и укоровъ, какъ разореніе Россіи и пожаръ Москвы. Теперь съ гордостью патріота онъ явился торжествующимъ и потому правымъ во всѣхъ своихъ мнѣніяхъ. Теперь онъ лицо близкое къ государю, поддерживавшее его религіозное и патріотическое чувство, человѣкъ государственный, теперь онъ президентъ россійской академіи, имѣющій оффиціальное вліяніе и на русскій языкъ и на литературу. Теперь, и въ мирное время онъ можетъ такъ же благотворно дѣйствовать на свое отечество, стоя крѣпко на своихъ взглядахъ и патріотизмѣ, спасая общество отъ новыхъ гибельныхъ идей, отъ порчи нравовъ, спасая языкъ отъ всякихъ новизнъ. Мы не знаемъ, предвидѣлъ ли Шишковъ ту неизбѣжную борьбу, какая ему предстояла при его крайнихъ стремленіяхъ. Но очень скоро по пріѣздѣ въ Петербургъ ему пришлось увидѣть, что государь хотя и раздѣляетъ его религіозное и патріотическое чувство, но не пойдетъ съ нимъ по одной дорогѣ. Разница между ними высказалась уже во впечатлѣніяхъ, которыя произвела на нихъ бесѣда съ восторженно-религіозной мадамъ Криднеръ. Она не затронула мысли догматика Шишкова, но Александръ, настроенный мыслью о чудесномъ спасеніи Россіи и Европы, увлекся ея мистическими стремленіями и еще болѣе углубился въ самого себя. Онъ не могъ стать на точку зрѣнія Шишкова и его одномысленниковъ, не могъ отречься отъ своихъ идеаловъ, не могъ отказаться совершенно даже отъ той теоріи, съ которою приступилъ къ государственному преобразованію, хотя нѣсколько и удалился отъ тѣхъ лицъ, съ которыми его началъ. Онъ только сдѣлался практичнѣе. Онъ видѣлъ передъ собою борьбу партій; но явно уже не хотѣлъ брать сторону ни одной изъ нихъ, не сочувствуя ни той, ни другой; онъ какъ будто ждалъ, что выработается изъ ихъ борьбы, и ни которой

Digitized by Google

не давалъ политическаго перевѣса, не скрывая въ то же время своихъ собственныхъ симпатій.

Императоръ, возвратясь въ Петербургъ почти въ одно время съ Шишковымъ, приказалъ ему написать манифестъ съ объявленіемъ милости его ко всѣмъ сословіямъ. Шишковъ поспѣшилъ выполнить заданную ему работу, но императоръ остался уже не совсѣмъ доволенъ ею. Нѣсколько разъ приказывалъ онъ автору перечитывать манифестъ; при этомъ, — замѣчаетъ Шишковъ, — всегда присутствовалъ Аракчеевъ, чего прежде никогда не бывало. Какъ видно, государь былъ и теперь не очень доволенъ дворянствомъ, которое Шишковъ такъ превознесъ въ манифестѣ. Это неудовольствіе выразилось въ суровомъ вопросѣ: для чего дворянство поставлено выше воинства? Объясненія и доводы автора не были дослушаны государемъ, повелительнымъ и гнѣвнымъ голосомъ онъ приказалъ статью о воинствѣ поставить прежде статьи о дворянствѣ. На другой день послѣ новаго чтенія манифеста Александръ, наконецъ, рѣшился-было подписать его, взялъ уже перо, но вдругъ оттолкнулъ бумагу, со словами: «я не могу подписать того, что́ противно моей совѣсти и съ чѣмъ я ни мало не согласенъ». Съ досады, — говоритъ Шишковъ,—онъ весь покраснѣлъ.

По всему видно, что въ душѣ императора Александра происходила сильная буря, вызванная манифестомъ, въ которомъ оправдывалось неестественное отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ. Тамъ дворянство призывалось увеличить заботу и попеченіе о благосостояніи *ввѣренныхъ ему Богомъ и законами* достойныхъ любви его *домочадцевъ*. Крестьянамъ же, которые восхвалялись «за духъ православія, вѣрности и мужества, *едва ли когда имѣвшій примѣръ въ бытописаніи*», такимъ крестьянамъ возвѣщалось, что они *получатъ мзду свою отъ Бога*, а отъ государя высказывалась только увѣренность, что помѣщики о нихъ позаботятся. «Существующая издавна между ими, *на обоюдной пользѣ основанная, русскимъ нравамъ и добродѣтелямъ* свойственная связь, прежде и нынѣ многими опытами взаимнаго ихъ другъ къ другу усердія и общей къ отечеству любви ознаменованная, не оставляетъ въ насъ ни мало сомнѣнія, что, съ одной стороны, помѣщики *отеческою о нихъ, яко о чадахъ своихъ заботою*, а съ другой стороны, они, *яко усердные домочадцы*, исполненіемъ *сыновнихъ* обязанностей и долга, приведутъ себя въ *то счастливое состояніе, въ какомъ* процвѣтаютъ добронравныя и благополучныя семейства».

Нѣтъ сомнѣнія, что фантазія Шишкова подсказала ему та-

Digitized by Google

нія идеально-идиллическія отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, но онъ не задавалъ себѣ вопроса, возможны ли они на самомъ дѣлѣ. Ему хотѣлось, чтобъ они были такія, и даже не пришло въ голову, что такое творчество фантазіи въ государственной бумагѣ должно показаться неумѣстной и грубой насмѣшкой надъ безнадежными вѣчными рабами. И въ то же время этотъ патріотъ-мечтатель нашелъ нужнымъ призывать дворянство къ воздержности отъ роскоши, матери пороковъ, къ хозяйственному домостроительству, источнику изобилія, спокойствія и *чистоты нравовъ*, которыя вознаградятъ сторицею всѣ претерпѣнныя разстройства и убытки. Если всего этого у нихъ недоставало, то какъ было не замѣтить неестественности желанія отеческихъ и сыновнихъ отношеній, и притомъ даже пользоваться *словесами* пророка Давида, какъ сдѣлалъ Шишковъ. И Александръ замѣтилъ это, и совѣсть не допустила его лгать передъ народомъ. Онъ не хотѣлъ высказаться и передъ Шишковымъ, зная его образъ мыслей, не хотѣлъ слышать и его объясненій, съ которыми не могъ согласиться. Зная, что только необходимость заставляетъ его признать старый порядокъ, онъ все же не могъ признать его законнымъ, и вычеркнулъ выраженіе: *на обоюдной пользѣ основанная* связь. Замѣтимъ при этомъ объясненіе Шишкова причины государева неудовольствія: «сіе *несчастное* въ государѣ предубѣжденіе противъ крѣпостнаго въ Россіи права, противъ дворянства и противъ всего прежняго устройства и порядка, внушено въ него было находившимся при немъ французомъ (швейцарцемъ) Лагарпомъ и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французовъ, отвращавшихъ глаза и сердце свое отъ одежды, отъ языка, отъ нравовъ и, словомъ, отъ всего *русскаго*». По этимъ понятіямъ отвращеніе отъ крѣпостного права было преступленіемъ противъ *русской національности*.

Аракчеевъ не принималъ участія въ спорахъ Александра съ государственнымъ его секретаремъ. По выходѣ отъ императора Шишковъ сказалъ ему: «я думаю, ваше сіятельство находите меня правымъ, и если бы государю угодно было выслушать меня безъ гнѣва, то я увѣренъ, что и онъ согласился бы со мною». Аракчеевъ ни слова не отвѣчалъ ему, и они разошлись безъ всякихъ объясненій.

Трудно сказать, что́ думалъ Аракчеевъ, присутствуя при чтеніи манифеста: въ его головѣ въ это время развивалась мысль о крѣпостномъ правѣ другого рода,—мысль, которою уже плѣнялся государь, не замѣчая связи ея съ тѣмъ правомъ, которое такъ

Digitized by Google

ненавидѣлъ. Эту мысль онъ самъ внесъ въ тотъ же манифестъ, пока еще въ неясныхъ выраженіяхъ. Въ статьѣ о воинствѣ онъ прибавилъ: «надѣемся, что продолженіе мира и тишины подастъ намъ способъ не токмо содержаніе воиновъ привесть въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но даже *дать осѣдлость и присоединить къ нимъ ихъ семейства*». Нужно ли говорить, что здѣсь идетъ рѣчь о злополучныхъ военныхъ поселеніяхъ.

Въ скоромъ времени, передъ своимъ отъѣздомъ въ Вѣну, государь назначилъ Шишкова въ члены государственнаго совѣта, а на мѣсто государственнаго секретаря опредѣлилъ другого. Шишковъ сталъ считать себя въ немилости у императора. Но и въ государственномъ совѣтѣ онъ не оставался безгласнымъ, и здѣсь онъ возбуждалъ бурныя сцены, идя противъ *новомыслія* и неправды. Въ его сочиненіяхъ отражалось то же умственное броженіе, которое стало замѣтно въ русскомъ обществѣ, въ особенности послѣ отечественной войны. Шишковъ ошибался, думая, что пожаръ Москвы дастъ другое направленіе общественной мысли и ослабитъ *новомысліе*, которое онъ считалъ пагубнымъ. Борьба двухъ началъ уже давно началась въ русскомъ обществѣ: европейскія идеи и духъ національности не могли съ-разу слиться и образовать одну жизненную общественную силу. Явились двѣ силы, взаимно враждебныя, крайности одной вызывали крайности другой. Эта борьба была неминуемымъ слѣдствіемъ Петровыхъ преобразованій. И та и другая сила были настолько крѣпки, что одна другую подавить или уничтожить были не въ состояніи. Борьба ихъ совершалась въ правительственномъ классѣ, въ передовомъ обществѣ. Конецъ ея долженъ быть въ примиреніи обоихъ началъ, и примирительницею ихъ будетъ безпристрастная, неподкупная наука, пріучающая умъ идти впередъ осторожно и принимать всѣ новые выводы и заключенія съ строгою провѣркою и съ тщательнымъ анализомъ. Но, слѣдя за борьбою въ русскомъ обществѣ этого времени, мы замѣчаемъ, что небольшое число русскихъ людей, понимавшихъ эту науку или занимавшихся ею, стояло особнякомъ, въ отдаленіи, изрѣдка только подавая свой голосъ. Лица, вступавшія въ борьбу, увлекались не идеями, оправданными настоящею наукою, не на нее опирались, а поддавались фантазіи, и въ ней искали удовлетворить потребностямъ духа, возбужденнаго къ высшимъ стремленіямъ или къ высшимъ интересамъ жизни.

Они даже не понимали сущности науки, и большинство было знакомо съ нею развѣ только по тѣмъ тощимъ учебникамъ, по которымъ сами учились въ свои очень юные годы. Но по нимъ

Digitized by Google

они не научились здраво, послѣдовательно мыслить и проводить мысль до конца по выработанной методѣ. Тѣмъ не менѣе умъ былъ возбужденъ воспитаніемъ, и въ натурахъ болѣе глубокихъ требовалъ себѣ дѣятельности. Онъ не могъ удовлетворяться тѣмъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ религіи, которое выказывалось въ придворномъ обществѣ Екатерины II и съ которымъ по бо́льшей части соединялась нравственная распущенность. Уже и тогда, въ противодѣйствіе этому невѣрію, являлись общества съ стремленіями западно-европейскихъ мистиковъ, и старались удовлетворить высшимъ потребностямъ духа таинственными религіозными созерцаніями, не довольствуясь ни простой догматикой, которая требовала одной слѣпой вѣры, ни наукой, для которой они были не подготовлены. Французская революція напугала умы. Правительство стало преслѣдовать всѣ тайныя, мистическія или масонскія общества изъ страха политическихъ замысловъ съ ихъ стороны; а слѣдующее поколѣніе не хотѣло принять въ наслѣдство невѣріе своихъ отцовъ, а поддалось религіознымъ стремленіямъ. Но, не приготовленное воспитаніемъ, чтобы понимать богословіе, какъ оно преподавалось или излагалось въ книгахъ, чтобы понимать ясно даже библію на языкѣ полупонятномъ, какимъ былъ для нихъ языкъ церковный, новое поколѣніе легко поддалось вліянію прежнихъ мистиковъ, или иностранной мистической литературѣ, и тамъ стало искать высшей истины, какой жаждала душа. Отъ науки они были очень далеки, потому что въ ихъ сферѣ уже дѣйствовала фантазія, а съ нею дружился и романтизмъ, нашедшій родство въ мистицизмѣ. Исканіе истины въ чувствѣ, высшей внутренней церкви, высшаго религіознаго вдохновенія, таинственной связи земного съ небеснымъ и пр., — все это занимало умы, неразвитые наукою, и вмѣстѣ съ тѣмъ ставило въ несогласіе съ православной догматикой. Многіе изъ нихъ даже не были расположены къ наукѣ, которая, казалось имъ, распространяетъ невѣріе и ведетъ къ умственному и нравственному развращенію. Но они съ наукою смѣшивали разныя заблужденія, догадки, даже мечтанія, которыя насильственно были съ нею связаны, но не были еще ею приняты въ число несомнѣнныхъ истинъ. Нѣкоторые, впрочемъ, съ полной вѣрою принимали эти сомнительныя истины, какъ европейскія идеи, обязательныя для образованнаго человѣка; но ихъ собственный умъ надъ ними мало работалъ. Эти не были мистиками, но общаго съ ними у нихъ было то, что современныя европейскія идеи и стремленія въ нихъ находили свое выраженіе. Конечно, настоящихъ искреннихъ мистиковъ было не столько, сколько могло

Digitized by Google

казаться. Многіе только прикидывались ими, изъ угожденія начальству или сильному лицу, искренно поддававшемуся мистицизму. Такъ, около князя А. Н. Голицына, пользовавшагося дружбою государя, группировалось много сомнительныхъ, мнимыхъ мистиковъ, которые хотѣли снискать его расположеніе и довѣріе. Были, впрочемъ, и мистики-фанатики, которые старались пропагандировать свои идеи изданіемъ журналовъ и переводовъ иностранныхъ мистическихъ книгъ, какъ, напр., Лабзинъ, вице-президентъ академіи художествъ. Иные изъ нихъ любили группироваться около какой-нибудь наиболѣе экзальтированной и вдохновенной личности, сбирались къ ней на молитвы и на духовныя бесѣды. Такія собранія, между прочимъ, бывали у Татариновой, въ бывшемъ дворцѣ императора Павла; ей покровительствовалъ самъ государь, и о ней ходило въ Петербургѣ много толковъ, преувеличивавшихъ все до невѣроятности. Юноши, направляемые старшими, дѣлались также ревностными искателями внутренней церкви, видѣній, чудесъ. Такъ, старый масонъ Лопухинъ въ письмѣ къ Руничу, въ 1814 г., рекомендовалъ «праздничныя проповѣди»,—сочиненіе племянника своей жены, юноши-писателя, которому текъ двадцатый годъ, и который уже исписалъ тысячи листовъ, выбирая такія тэмы: «плодъ сердца, полюбившаго истину», «пути молитвеннаго сердца» и пр., и уже многое успѣлъ напечатать [1]). А воспитывался онъ у своей тетки, и отъ 2 до 15 лѣтъ спалъ съ нею въ одной комнатѣ.

Пользуясь такимъ броженіемъ мысли въ русскомъ образованномъ обществѣ и не-русскимъ воспитаніемъ многихъ личностей, ловкіе іезуиты въ свою очередь совращали нѣкоторыхъ въ католицизмъ. Воспитаніе нашего духовенства была такое, что не могло его сблизить съ высшимъ обществомъ, гдѣ было много личностей, въ особенности барынь и барышень, очень дурно понимавшихъ и плохо говорившихъ по-русски. У нихъ даже составилось убѣжденіе, что съ русскими пастырями нѣтъ возможности говорить; а между тѣмъ и онѣ, утомясь пустой искусственной жизнью, искали себѣ нравственной опоры въ вѣрѣ и легко увлекались восторженною проповѣдью какого-нибудь элегантнаго аббата. Такъ, въ 1815 году, сдѣлалась католичкою графиня Воронцова въ самомъ Петербургѣ [2]).

Но не всѣ получили такое воспитаніе. Были люди воспитанные вдали отъ столичнаго общества, при чисто-русской обста-

[1]) „Рус. Арх.“, 1870 г., стр. 1221.

[2]) „Рус. Арх.“, 1870. Воспоминанія княжны Репниной.

Digitized by Google

новѣ, подъ впечатлѣніями русской жизни. Они чувствовали свою связь со всѣмъ народомъ, и понимали, что нельзя уже не принадлежать ни къ какой національности, нельзя допустить образованное общество до полнаго разрыва съ народомъ, въ которомъ заключается главная сила всей земли и государства, до разрыва со всѣмъ прошедшимъ, которое не даромъ же пережито народомъ. Но этотъ недостатокъ національности въ русскомъ передовомъ обществѣ сначала болѣе почувствовался сердцемъ, чѣмъ сознался умомъ. Сами ведя жизнь вдали отъ народа и усвоивъ себѣ на многое европейскіе взгляды, эти лица не могли ясно опредѣлить, въ какихъ же чертахъ можетъ высказаться національность въ этомъ обществѣ. Оно тоже имѣетъ свою столѣтнюю исторію, отказаться отъ нея, оторваться отъ связи съ европейскими идеями, обратиться къ жизни такой, въ образецъ которой ставилась жизнь старомосковская или старовѣрская, или тупая крестьянская, было невозможно. На это не рѣшились бы и сами проповѣдники національности. Не выяснивъ идеи, они съ сердечной горячностью нападали на все, что имъ казалось измѣною національности; всѣ новыя идеи и стремленія, которыя они безъ разбора стали считать порожденіемъ революціи, подверглись ихъ опалѣ, и здѣсь они сами впали въ крайность. Самымъ ярымъ изъ нихъ и былъ Шишковъ. На словахъ они не отрицали значенія науки и даже уважали ее; но она представлялась имъ такъ же неподвижною, какъ неподвижна, по ихъ мнѣнію, должна быть и самая жизнь. Сами они очень мало занимались наукою и не могли сознавать, что наука, излагая лишь законы жизни физической и духовной, сознательно отыскиваетъ только истину, но отыскиваетъ ее силами отдѣльныхъ личностей, которыя въ своихъ стремленіяхъ служить наукѣ могутъ доходить и до заблужденій; но наука ихъ не принимаетъ, этихъ заблужденій, а помогаетъ другимъ опровергать ихъ, глубже вникать въ вопросъ и доходить до неопровержимой истины. Впереди науки почти всегда шли заблужденія, это — исторія науки. Бояться заблужденія и остановить развитіе науки — значитъ убить ее и дать просторъ другимъ заблужденіямъ, вытекающимъ изъ невѣжества, а не изъ стремленій къ истинѣ. Если научныя заблужденія могутъ временно поколебать нѣкоторыя правыя убѣжденія отдѣльныхъ личностей, нетвердыхъ въ логическихъ размышленіяхъ, то заблужденія невѣжества могутъ надолго развратить все общество. Поборники національности на самомъ дѣлѣ боялись науки, и явились строгими догматиками не только въ вѣрѣ, но и въ политикѣ, и въ жизни, и въ наукѣ, и въ самой національности. «Натурѣ

Digitized by Google

каждаго догматизма,—справедливо сказалъ кто-то,—сродно желать и подвигать прогрессъ до тѣхъ поръ, пока его воззрѣнія не одержали верхъ; но какъ скоро культура готовится перейти этотъ предѣлъ, онъ становится непримиримѣйшимъ ея врагомъ: до сихъ поръ — не дальше, строго говоритъ онъ: иначе беззаконіе, развратъ, гибель». Такъ и Шишковъ и другіе подобные ему догматики смотрѣли на науку, сами руководствуясь наиболѣе работою фантазіи, которая нерѣдко приводила ихъ также къ мистицизму, какъ мы не разъ видѣли это на Шишковѣ. Здѣсь противники уже сходятся. Они сходились въ своихъ взглядахъ и съ іезуитами, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный графъ де-Местръ: «На что вамъ наука,—писалъ онъ министру просвѣщенія Разумовскому: — она творитъ людей безпокойныхъ, самонадѣянныхъ порицателей правительствъ, поклонниковъ всякой новизны, презрительно относящихся ко всякому авторитету и къ народнымъ догматамъ... наука, по самому существу своему при всякой формѣ правленія, годна не для всѣхъ, и даже не для всѣхъ принадлежащихъ къ высшимъ сословіямъ. Напримѣръ, военнымъ отнюдь не слѣдуетъ быть учеными. Да и большинство, особенно въ высшихъ слояхъ общества, никогда не захочетъ прилежно заниматься науками. Нѣтъ такого юноши въ русскомъ дворянствѣ, который не согласился бы охотнѣе сдѣлать три похода и побывать въ шести генеральныхъ сраженіяхъ, чѣмъ вытвердить греческія спряженія» [1]).

Люди науки смотрѣли на все это съ недоумѣніемъ и не знали, что имъ дѣлать въ этомъ умственномъ хаосѣ. Такъ, еще въ 1813 г. Уваровъ писалъ за границу къ Штейну: «Состояніе умовъ теперь таково, что путаница мысли не имѣетъ предѣловъ. Одни хотятъ просвѣщенія безопаснаго, т.-е. огня, который бы не жегъ; другіе (а ихъ всего болѣе) кидаютъ въ одну кучу Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампфа [2]), бредни Ш(*ишкова?*) и открытія Лейбница; словомъ, это такой хаосъ криковъ, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой, всякихъ преувеличеній, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франмасонъ, фанатикъ и т. п. Словомъ, полное безуміе. Каждую минуту рискуешь компрометтироваться или

[1]) Богдановича, Исторія царств. Александра I-го, т. V, стр. 125.

[2]) Руководитель работъ коммиссіи составленія законовъ до Сперанскаго и послѣ него.

Digitized by Google

сдѣлаться исполнительнымъ орудіемъ самыхъ преувеличенныхъ страстей» [1]).

Понятно, что въ членахъ государственнаго совѣта должно было быть такое же разномыслiе, какъ и во всемъ правительственномъ классѣ. При этомъ и у правительства не могло быть одного твердаго опредѣленнаго принципа. Каждое правительственное лицо управляло по своимъ принципамъ. Такъ, министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій старался не давать ходу въ литературѣ мистическимъ идеямъ, а потомъ его преемникъ сталъ держаться противоположнаго, и цензура не пропускала даже легкой критики на мистицизмъ. Отсюда и въ обществѣ не было никакого уваженія и довѣрія къ правительственнымъ распоряженіямъ. Такъ, по поводу запрещенія мистической книги Рунича въ 1814 г., Лопухинъ писалъ къ автору: «О могущественномъ арестѣ изящной вашей книжки получилъ я еще прежде извѣстіе съ крайнимъ сожалѣніемъ, только не съ удивленіемъ... Все кончится, конечно, пустякомъ, и собственно для вашей персоны ни малѣйшей непріятности вѣрно не выйдетъ, хотя *бы весь ядъ изъ богатаго своего колодца на васъ вылили*. Но жаль, что можетъ худое вліяніе сдѣлать вообще на цензуру и помѣшать *на время* выходу *спасительныхъ* книгъ. А между нами сказать — несвѣтящее министерство просвѣщенія спразднуетъ трусу безъ сомнѣнія... Да къ чему прицѣпка, вы не пишите. Я думаю, не къ концу ли 28 страницы *о крещеніи*: Cet endroit est un peu censurable не *по слову истины*, а по догматико-инквизиторіальнымъ правиламъ привязываться къ словамъ. Вѣдь къ глубокимъ *самымъ таинственнымъ* изреченіямъ имъ труднѣе привязываться, да и нельзя. Они могутъ врать, говорить, что бредъ, непонятно, а указать не на что...» [2]).

Шишковъ воспользовался первымъ случаемъ, и въ 1815 г. представилъ въ государственный совѣтъ свое мнѣніе объ учрежденіи новаго цензурнаго комитета. Управляющій министерствомъ полиціи Вязмитиновъ вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ, чтобы цензуру предоставить его вѣдѣнію, такъ какъ онъ обязанъ наблюдать, чтобы книги, противныя нравственности, не вступали въ продажу. Министръ просвѣщенія не соглашался на это. Шишковъ объявилъ, что настоящая цензура не достигаетъ своей цѣли, и время правительству обратить на нее самое строгое вниманіе. Сначала, по обыкновенію, онъ напалъ на французскую революцію,

---

[1]) „Вѣстн. Евр.“ 1876. Русскіе университеты, № 11.

[2]) „Рус. Арх.“ 1870.

Digitized by Google

которую будто бы намѣренно произвели писатели; имъ онъ приписывалъ всевозможные злые умыслы разстилать мракъ лжемудрія, разрушать вѣру, низлагать власть, вводить беззаконіе, внушать безчеловѣчіе. И затѣмъ замѣчаетъ у нихъ странное средство распространять всѣ злочестивыя идеи — выражаться темно и невразумительно, какъ будто такимъ способомъ возможно убѣждать кого-нибудь принять то или другое ученіе. А между тѣмъ авторъ признаетъ за ними успѣхъ, говоря, что этими способами они хорошо успѣли укоренить свою мысль. «Тѣ жъ поборники,— прибавляетъ онъ,—подъ именемъ новыхъ наукъ, новаго ума, новаго просвѣщенія, новыхъ правилъ чести и добродѣтели, тщатся поддерживать *сіе средство, столь надежное къ искорененію добрыхъ нравовъ* и которое успѣло широко распространиться и взять силу». Затѣмъ отъ французскихъ писателей онъ дѣлаетъ рѣзкій переходъ къ русской цензурѣ, отчего вытекаетъ невольное заключеніе, что и новыхъ русскихъ писателей съ ихъ новымъ языкомъ онъ причисляетъ къ тѣмъ же злодѣямъ, которые дѣйствуютъ «съ адскою надеждою, что юношество, возмужавъ и напитавшись заблужденіями, станетъ сообщать ихъ изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе». Но мышленіе его не доходило до выясненія вопроса, съ какою же цѣлью они такъ развращаютъ людей и какую выгоду находятъ въ распространеніи беззаконія и безчеловѣчія. А безъ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, всѣ его обвиненія кажутся плодомъ одной фантазіи. Она не признавала заблужденій ума безъ злыхъ умысловъ: такъ силенъ былъ страхъ шестидесятилѣтняго старика. Чтобы оградить литературу отъ всего новаго Шишковъ требовалъ такой цензуры, которая бы занималась критикою сочиненій и исправляла бы языкъ. Особенно же нападалъ онъ на языкъ учебныхъ книгъ и въ доказательство даже приводилъ нѣсколько неясныхъ фразъ изъ двухъ учебниковъ философскаго содержанія, изданныхъ отъ главнаго правленія училищъ; но приводилъ безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. По поводу этихъ фразъ можно бы было сказать только то, что авторъ книги не умѣетъ ясно выражать по-русски философскія мысли, и что такая книга, которую ученики не могутъ хорошо понимать, для нихъ безполезна. Но Шишковъ и тутъ видитъ злой умыселъ развращать умы и сбивать ихъ съ пути *новоязычными* словами, какъ *отборность, безвкусность, разумность, значимость, животность, творчество*. Такимъ образомъ, и въ качествѣ члена государственнаго совѣта онъ остался вѣренъ себѣ. Онъ и въ совѣтъ переносилъ тѣ же тэмы, какими началъ свою литературную дѣятельность.

Digitized by Google

Литература, зала Россійской академіи, зала Державина въ «Русской бесѣдѣ», наконецъ, государственный совѣтъ оглашались однимъ и тѣмъ же.

Изъ всего сказаннаго Шишковъ выводитъ, что цензура не можетъ быть подъ частнымъ вѣдѣніемъ какого-либо министерства, но должна быть особеннымъ государственнымъ учрежденіемъ и состоять изъ верхняго и нижняго комитета. Нижній комитетъ составляютъ люди избранные, *возмужалые, добронравные, ученые, знающіе языкъ и словесность;* они распредѣляются по разнымъ отдѣламъ, смотря потому, насколько родовъ должны быть раздѣлены книги, поступающія въ цензуру. Этимъ отдѣламъ предоставляется право во всякомъ сомнительномъ случаѣ относиться въ верхній комитетъ, который долженъ состоять изъ четырехъ особъ: изъ министра просвѣщенія, министра полиціи, оберъ-прокурора правительствующаго синода и президента россійской академіи («по долгу попеченія *о языкѣ*, безъ котораго *никакая книга не можетъ быть полезна*»). Верхній совѣтъ или самъ разрѣшаетъ, или въ какомъ-либо чрезвычайномъ случаѣ испрашиваетъ разрѣшенія отъ государственнаго совѣта или отъ самой верховной власти.

Вотъ въ какую опеку хотѣлъ отдать Шишковъ русскую литературу и въ простотѣ своей наивной фантазіи воображалъ, что тогда литература будетъ процвѣтать, защищенная отъ «*худыхъ* книгъ, приносящихъ одинъ вредъ воспитанію, нравамъ и просвѣщенію». Къ прискорбію Шишкова, его сочлены равнодушно отнеслись къ его проекту и оставили цензуру за министромъ просвѣщенія, который утверждалъ, что настоящая цензура весьма хороша и достаточна, что она со времени своего учрежденія не пропустила ничего противнаго нравственности; мнѣніе же Шишкова назвалъ постороннимъ, не касающимся дѣла, что особенно обидѣло Шишкова, такъ какъ министръ не приводилъ никакихъ доводовъ противъ его обвиненій.

Вопроса о языкѣ Шишковъ коснулся въ государственномъ совѣтѣ и при разсматриваніи проекта гражданскаго уложенія, первыя двѣ части котораго были составлены подъ руководствомъ Сперанскаго, а третья—Розенкампфа. Ее, какъ мы видѣли, задержалъ Шишковъ за границею своею критикою языка. Государь, отправляясь въ Вѣну, поручилъ государственному совѣту разсмотрѣть всѣ три части проекта. По словамъ Шишкова, разсмотрѣнія по этому дѣлу были безполезны и безуспѣшны. Многіе члены не столько дѣломъ, сколько именемъ участвовали въ сочиненіи уложенія и, слѣдовательно, самолюбіе принуждало ихъ

Digitized by Google

защищать его. Какимъ образомъ,—спрашиваетъ онъ,—двадцать или болѣе человѣкъ, изъ которыхъ иной не вслушался, другой не вникнулъ, третій не сообразилъ, четвертый не понялъ—могутъ поправлять читаемую передъ ними книгу законовъ, гдѣ не только всякую статью, но и всякое выраженіе, всякое слово и даже знаки препинанія обдумать должно? Выходило много споровъ и шуму; смыслъ рѣчей опредѣлялся по большинству голосовъ, а не по доказательствамъ и разсужденіямъ,—замѣчаетъ Шишковъ. Онъ отказался отъ подачи голоса, и объявилъ, что представитъ свое письменное мнѣніе, и черезъ нѣсколько дней дѣйствительно представилъ въ видѣ примѣчаній на первую главу проекта. Здѣсь онъ указывалъ на неясность языка, который въ самомъ дѣлѣ былъ недостаточно выработанъ для законовъ, и предлагалъ свои собственныя выраженія. Здѣсь же онъ напалъ на слово *гражданскій*, которое, по его мнѣнію, стали употреблять не въ настоящемъ его значеніи; такъ какъ оно происходитъ отъ слова *градъ*, то и должно означать *городской*. Онъ не хочетъ знать, что употребленіе давно даетъ ему другое значеніе: «при изданіи вновь законовъ,—говоритъ онъ,—надлежало бы всякое несходное съ здравымъ разсудкомъ употребленіе словъ перемѣнить и поправить». Слово *гражданскій* онъ предлагалъ замѣнить словомъ *государственный*, или *общественный*, или *народный*, или *отечественный*. Прочитанныя мнѣнія Шишкова раздѣлили совѣтъ на двѣ шумныя партіи: одни члены соглашались съ нимъ, настаивая, что такіе небрежные законы нельзя утвердить, другіе голословно утверждали, что законы написаны хорошо, никакихъ исправленій не требуютъ и что ихъ должно оставить такъ, какъ они есть. Тогда Шишковъ рѣшительно потребовалъ, чтобы его мнѣнія были напечатаны, для того, что если проектъ утвердится и потомъ отъ него окажется больше вреда, нежели пользы, то пусть всѣ знаютъ, что онъ въ этомъ вредѣ не участвовалъ. «Таковыми словами,—замѣчаетъ онъ,—конечно досадилъ я самолюбію многихъ, а особливо тѣхъ, которые получали за то награды и почести; но мнѣ прискорбно было видѣть, что многіе, дабы не подвергнуться укоризнѣ за нерадивое исполненіе порученнаго имъ дѣла, хотѣли лучше отечеству нанесть вредъ неясными и спутанными законами, нежели признаться въ недостаткѣ своего вниманія или разумѣнія». На проектъ нападалъ и опытный юристъ, министръ юстиціи Трощинскій, но онъ своими колкостями вызывалъ колкости противниковъ. Такъ какъ согласіе оказалось невозможнымъ, то и дальнѣйшее разсмотрѣніе его оставлено на неопредѣленное время.

Digitized by Google

Шишковъ воспользовался грамматическими доказательствами и въ вопросѣ о помѣщичьемъ правѣ, который также разбирался въ государственномъ совѣтѣ. Одни изъ членовъ заявляли, что въ нашемъ вѣкѣ нельзя держаться правилъ стараго времени, сдѣлавшихся смѣшными, что наше настоящее правительство всегда изъявляло и поддерживало либеральныя идеи, принятыя во всей Европѣ. Другіе же, и особенно Шишковъ, называли все это лжеумствованіемъ и отстаивали помѣщичьи права во всей ихъ неприкосновенности. Шишковъ даже не хотѣлъ переводить слово *рабъ презрительнымъ* французскимъ словомъ *esclave*, которое означаетъ *внѣ закона*, тогда какъ русское слово происходитъ отъ слова *работаю*, т.-е. служу кому-нибудь *по долгу* и *усердію*. Изъ этого вытекало слѣдствіе, что русское рабство совсѣмъ не унизительно и не постыдно.

Много горячности выказалъ Шишковъ въ спорѣ по этому дѣлу, убѣжденный въ своей правотѣ, хотя и защищалъ его довольно парадоксально; читалъ свое особое мнѣніе, но въ большинствѣ не встрѣтилъ сочувствія: «нѣкоторые изъ членовъ молчали,—говоритъ онъ,—другіе съ насмѣшкою улыбались, третьи сидѣли надувшись; иные при самыхъ сильнѣйшихъ доказательствахъ моихъ говорили сосѣдямъ своимъ, кто по-русски—*это пустое краснорѣчіе*, кто по-французски—*ce sont des phrases!* Но многіе однакожъ (по несчастью, меньше значащіе) съ чувствомъ живѣйшаго одобренія и благодарности подходили ко мнѣ и жали у меня руку, или шептали мнѣ на ухо похвалу». Дѣло ничѣмъ не рѣшилось.

Не мало Шишковъ возбуждалъ противъ себя многихъ своихъ сочленовъ въ совѣтѣ, горячо заступаясь въ разныхъ тяжбахъ за правыхъ, которыхъ инымъ выгодно было представить виноватыми. Онъ, не стѣсняясь ничѣмъ, рѣзко разоблачалъ всѣ кляузы и ухищренія, что вызывало споры, шумъ и ссоры въ засѣданіи государственнаго совѣта. Но онъ упрямо держался своего и уступки никогда не дѣлалъ. Онъ говорилъ: «самъ разсудокъ и всѣ законы повелѣваютъ лучше погрѣшить умомъ, нежели сердцемъ, соглашаясь признавать за справедливое то, въ чемъ я ни малѣйше не убѣжденъ». Случалось, что къ единогласному рѣшенію государственнаго совѣта Шишковъ прилагалъ свое особое мнѣніе, и государь соглашался съ нимъ и подписывалъ его, отвергая рѣшеніе совѣта. Особенно Шишковъ возбуждалъ противъ себя ненависть тѣмъ, что обыкновенно находилъ средство придавать публичность засѣданіямъ государственнаго совѣта, распространяя въ обществѣ свои рукописныя мнѣнія, которыя ходили по рукамъ, списыва-

Digitized by Google

лись, одобрялись, а защитники неправды осуждались и порицались. «Что же принадлежитъ до меня,—замѣчаетъ онъ,—то хотя и видѣлъ я, что избранный мною путь не ведетъ меня къ выгодамъ и почестямъ сего міра, но утѣшался, перечитывая слова друга моего (Мордвинова): «помните судя, что есть надъ вами вышній судъ, не токмо на небесахъ, но и здѣсь, на землѣ, который всегда праведенъ: на улицахъ, на площадяхъ, въ бесѣдахъ домашнихъ, гдѣ умы не прельщаются никакими личными соображеніями». Я узналъ изъ опыта, что слова сіи справедливы и, находя въ томъ награду, не сожалѣлъ о моихъ потеряхъ».

Нужно ли еще говорить о твердости нравственныхъ началъ этого человѣка? Въ своихъ нападкахъ на русскую жизнь образованнаго общества онъ вдавался въ крайность, давая просторъ фантазіи и чувству, но, тѣмъ не менѣе, за основными мыслями, изъ которыхъ выходили они, нельзя не признать справедливости. Ихъ онъ ясно высказалъ въ письмѣ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, въ 1816 году, послѣ того, какъ по ея просьбѣ былъ на экзаменѣ дѣвицъ въ одномъ изъ институтовъ. Онъ одобряетъ намѣреніе государыни приготовлять своихъ собственныхъ *дядекъ* и *нянекъ* (т.-е. гувернеровъ и гувернантокъ), замѣчая, что оно поправитъ ошибку величайшаго изъ монарховъ, Петра Великаго: «онъ ввелъ науки и просвѣщеніе, но не взялъ осторожности—не допустить вмѣстѣ съ ними войти духу уничиженія. Отселѣ у насъ науки, но нѣтъ ихъ корня; есть просвѣщеніе, но не собственное свое, а потому не позволяющее намъ быть *самими нами*... Отселѣ начало нравственнаго нашего рабства, отъ котораго мы, при всей силѣ и торжествѣ оружія, освободиться не можемъ: отъ сего не силою оружія освобождаются, но духомъ честолюбія и народной гордости, тогда только рождающейся въ душахъ нашихъ, когда воспитываютъ насъ собственные наши отцы, матери и наставники». Развивая мысль, что національное начало необходимо въ воспитаніи дѣтей, онъ признаетъ недостатокъ воспитанія большимъ зломъ, но величайшимъ—у иностранныхъ воспитателей. «Какъ можетъ не упасть въ уничиженіе духъ того народа, который самъ въ себѣ отвергаетъ способность воспитывать своихъ дѣтей, словно какъ бы природа лишила его возможности быть просвѣщеннымъ и благонравнымъ народомъ, и что для пріобрѣтенія сихъ достоинствъ долженъ онъ непремѣнно прибѣгать къ помощи иностранцевъ? Можетъ ли отецъ, при толь уничижительныхъ объ отечествѣ своемъ мысляхъ, вложить въ душу сына своего возвышеннѣйшее, почтительнѣйшее о народѣ своемъ мнѣніе? Я не отрицаю, чтобъ въ числѣ воспитывающихъ насъ

Digitized by Google

иностранцевъ не могли быть благородные, честные и просвѣщенные люди; но они, при всѣхъ своихъ достоинствахъ и даже добромъ намѣреніи своемъ, не въ состояніи поправить зла, какъ скоро собственное наше мнѣніе о самихъ себѣ такъ худо [1]).

Достоинство этого письма—особенная сдержанность, на которую Шишковъ не всегда былъ способенъ, и которую здѣсь по необходимости должно было выказать, относясь къ такому исключительному лицу. Оттого здѣсь въ немногихъ словахъ онъ ясно могъ высказать свое убѣжденіе, и, конечно, за него не могъ бы услышать упрека ни отъ одного благомыслящаго человѣка. Другой, конечно, вопросъ, насколько эти институтскія гувернантки могли въ то время внести національное начало въ воспитаніе. При этомъ кстати замѣтить, что на всѣ тогдашнія мужскія училища Шишковъ смотрѣлъ чуть не съ отчаяніемъ: «Кажется, какъ будто всѣ училища,—писалъ онъ въ 1815 г.,—превратились въ школы развратовъ, и кто оттуда ни выйдетъ, тотчасъ покажетъ, что онъ совращенъ съ истиннаго пути, и голова у него набита пустотою, а сердце самолюбіемъ, первымъ врагомъ благоразумія» [2]).

XII.

Президентъ Россійской академіи.

Принимая участіе въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, Шишковъ не забывалъ и Россійской академіи. Мы видѣли, что еще въ 1813 г. онъ былъ назначенъ ея президентомъ. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы до его возвращенія предсѣдательствовалъ Сестренцевичъ-Богушъ, митрополитъ римскихъ церквей въ Россіи, занимавшійся изслѣдованіемъ о происхожденіи русскаго народа. Шишкову весьма хотѣлось возвысить академію и дать ей такое же значеніе, какое имѣла французская академія при Людовикѣ XIV. Онъ мечталъ поставить отъ нея въ зависимость и литературу, и типографіи и даже цензуру. Для этого прежде всего нужно было увеличить годовое ея содержаніе: девяти тысячъ, которыя получала она, было недостаточно, или, лучше сказать, отъ нихъ давно уже не было никакой пользы. Академія въ неудачномъ составѣ своихъ членовъ не оказывала никакого вліянія на языкъ и литературу. До самаго возвращенія

[1]) „Русская Старина", 1870 г., февр.
[2]) Переписка Шишк., ч. 2, стр. 288.

Digitized by Google

государя съ вѣнскаго конгресса Шишковъ не могъ ничего предпринять для академіи, хотя и много мечталъ о будущей широкой ея дѣятельности. Въ Петербургѣ императоръ иногда призывалъ его къ себѣ и поручалъ составлять нѣкоторыя бумаги и манифесты. Пользуясь такими случаями, Шишковъ выпросилъ позволеніе составить уставъ и штатъ для академіи. Конечно, и то и другое было быстро заготовлено: на содержаніе академіи Шишковъ назначалъ шестьдесятъ тысячъ рубл., на заведеніе типографіи тридцать тысячъ, и девяносто тысячъ на пристройку залы для публичныхъ собраній «Русской бесѣды». Для разсмотрѣнія устава и штата государь дозволилъ самому Шишкову выбрать членовъ коммиссіи, кого онъ хочетъ. Шишковъ назначилъ Вязмитинова, Трощинскаго и князя А. Н. Голицына, устранивъ министра просвѣщенія, графа Разумовскаго, которому была подчинена академія. Когда Александръ выразилъ на это свое удивленіе, то Шишковъ поспѣшилъ разъяснить, что, по уставу, Россійская академія должна быть учрежденіемъ совершенно свободнымъ, подъ однимъ монаршимъ покровительствомъ, и, слѣд., въ коммиссіи министръ просвѣщенія непремѣнно будетъ спорить и отстаивать академію за собою. Государь не возражалъ и приказалъ названнымъ лицамъ разсмотрѣть уставъ и штатъ. Но вскорѣ за этимъ графъ Разумовскій былъ отставленъ, а министромъ просвѣщенія сдѣланъ тотъ же князь Голицынъ. Такимъ образомъ, Шишковъ попалъ въ тѣ обстоятельства, которыхъ хотѣлъ избѣжать. Въ самомъ дѣлѣ, князь Голицынъ сталъ ревностно защищать свои права на академіи и всѣ ученыя общества, ссылаясь на манифестъ, изданный при учрежденіи министерства. Голицынъ былъ лицо очень сильное при дворѣ и потому противникъ былъ опасный, и Шишкову приходилось много сдерживать себя, чтобы рѣзкими противорѣчіями не испортить дѣла, а на это онъ былъ не совсѣмъ способенъ. Много убѣжденій и краснорѣчія употребилъ онъ, но не могъ ничего сдѣлать, и долженъ былъ примириться на мысли, что всѣ дѣйствія академіи будутъ зависѣть собственно отъ нея, хотя она и будетъ считаться въ вѣдѣніи министерства просвѣщенія. Не могъ отстоять Шишковъ и предполагаемой академической залы. Затѣмъ было представлено донесеніе государю о трудахъ коммиссіи; но напрасно Шишковъ ждалъ высочайшаго утвержденія. Государь пересталъ его призывать къ себѣ и давать порученія. Принимая это за холодность и нерасположеніе, Шишковъ хотѣлъ объясниться съ императоромъ, но онъ не принялъ его, приказавъ сказать, что пришлетъ за нимъ, когда будетъ нужно. Тутъ онъ убѣдился въ своей догадкѣ, и замѣтилъ самъ себѣ, что

Digitized by Google

долговременная служба, усердіе и заслуги не всегда помнятся. Но дѣло объ академіи онъ не могъ совершенно оставить. Шишковъ подозрѣвалъ князя Голицына въ интригахъ и тайныхъ препятствіяхъ; но, несмотря на это, рѣшался писать къ нему просьбы — напомнить государю объ академіи; но не всегда даже и на письма получалъ отвѣты. При его неуступчивости пришла, наконецъ, ему мысль обратиться къ графу Аракчееву, могущество котораго съ каждымъ днемъ усиливалось. Хотя и въ немъ Шишковъ не встрѣчалъ къ себѣ особеннаго расположенія, но рѣшился попробовать счастья, затронувъ честолюбіе сильнаго графа. Въ письмѣ къ нему февраля 1817 г. Шишковъ высказывается, что, по недостатку средствъ, академія упадала въ неуваженіе и забвеніе, и наконецъ, *безмолвная и безгласная*, вмѣсто того, чтобы утверждать правила языка и распространять о немъ свѣдѣнія, *сама стала принимать законы отъ неопытныхъ и неискусныхъ въ немъ писателей*. Такую академію президентъ ея считаетъ безполезною и предполагаетъ за лучшее закрыть ее. Но онъ предвидитъ упадокъ языка и словесности, и сколько-бъ въ журналахъ ни кричали о новомъ вкусѣ и просвѣщеніи, вкусъ будетъ худой, языкъ темный и невразумительный... Если не будетъ лучшаго суда о сочиненіяхъ, прибавляетъ онъ, какъ *судъ недавно вышедшихъ изъ школы мальчиковъ* [1]), научившихся болѣе самолюбію и дерзости, нежели языку и наукамъ, то истинные таланты никогда не возникнутъ, умъ будетъ молчать и одно только невѣжество и пристрастіе возносить свой гласъ. Безсиліе академіи Шишковъ видитъ въ томъ, что она не можетъ ободрять талантовъ, и указываетъ Аракчееву путь, на которомъ онъ можетъ сравняться съ безсмертнымъ меценатомъ, И. И. Шуваловымъ, т.-е. ходатайствовать за Россійскую академію.

Аракчеевъ не замедлилъ вступить на этотъ путь, и черезъ нѣсколько дней Шишковъ узналъ, что императоръ обѣщалъ препроводить штатъ въ комитетъ министровъ, но что онъ не знаетъ, гдѣ взять столько денегъ на академію. Наконецъ, дѣло уладилось, когда Шишковъ, воспользовавшись личной встрѣчей съ императоромъ, снова напомнилъ ему объ академіи. Онъ съумѣлъ, какъ и всегда, обставить свою просьбу такими доказательствами, что императоръ согласился ввести академическую сумму въ роспись слѣдующаго года. Окончательное же утвержденіе произошло уже

[1]) Намекъ на извѣстныя литературныя собранія, названныя Арзамасскимъ обществомъ, гдѣ участвовали лучшіе литературные таланты: Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, кн. Вяземскій, Уваровъ и др.

Digitized by Google

29 мая 1818 г. Своею настойчивостью, наконецъ, Шишковъ добился своего.

Въ это время «Русская Бесѣда» уже не существовала. Державинъ съ 1816 года былъ въ могилѣ, и негдѣ было пріютиться ей. Въ отсутствіе Шишкова вышло нѣсколько книгъ «Чтеній Бесѣды»; въ 8 и 9 кн. были помѣщены его статьи о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ и Кантемирѣ подъ общимъ названіемъ «Опытъ о россійскихъ писателяхъ»: вѣроятно, въ уколъ Карамзину, писавшему за нѣсколько лѣтъ, «Пантеонъ россійскихъ писателей». Послѣднія собранія «Бесѣды», по воспоминаніямъ Панаева [1]), были въ полномъ смыслѣ блестящими. Въ числѣ многочисленныхъ посѣтителей находились почти всѣ государственные сановники, графъ Витгенштейнъ, графъ Платовъ, графъ Сакенъ. На послѣднюю «Бесѣду» ожидали даже государя, но государь не пріѣхалъ по безтактности распорядителей, которые назначили, между прочимъ, прочитать похвальное слово Александру. Но онъ не могъ выслушивать никакихъ похвалъ, обращенныхъ къ его лицу, и даже священникамъ запретилъ черезъ синодъ встрѣчать себя похвалами. Понятно, что узнавъ о предполагаемомъ упражненіи въ краснорѣчіи «Бесѣды», онъ не захотѣлъ ставить себя въ неловкое положеніе и не пріѣхалъ подъ предлогомъ важныхъ депешъ, полученныхъ изъ-за границы. Шишкову не въ первый разъ приходилось замѣчать свою безтактность, когда уже нельзя было исправить ее.

Вмѣсто блестящей, торжественной, полуоффиціальной, чопорной «Бесѣды» въ Петербургѣ стала собираться веселая и шумная литературная сходка, подъ шутливымъ именемъ «арзамасскаго общества», изъ молодыхъ талантовъ, которые должны были Шишкову и его сочленамъ казаться мальчиками. Одни изъ нихъ уже обогащали литературу, очередь другихъ была еще впереди, и повидимому имъ и открывался путь въ Россійскую академію, которую президентъ ея хотѣлъ наполнить талантами.

Теперь онъ получилъ средство исполнить свое намѣреніе, но гдѣ же было взять талантливыхъ членовъ для академіи? старое поколѣніе уже не могло дать новыхъ талантовъ; ихъ могло высылать поколѣніе новое; но оно не могло угодить старцу ни своимъ направленіемъ, ни языкомъ, ни даже орѳографіей. Мало того, оно смѣялось и надъ «Бесѣдой», и надъ славянизмомъ; рѣдкій мѣсяцъ проходилъ безъ какой-нибудь новой экспромта-эмиграммы, пущенной изъ ихъ среды противъ брюзгливаго и сердитаго

1) „Вѣстн. Евр.“ 1867, сент.

Digitized by Google

старца; ее подхватывали и повторяли во всѣхъ собраніяхъ, какъ, напр.:

Шишковъ не даромъ корнесловъ,
Теорію въ себѣ онъ съ практикою вяжетъ:
Писатель — вкусу *шишъ* онъ кажетъ,
А логикѣ онъ строитъ *ковъ*.

Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ по преобразованіи устава академія была поставлена въ ложное положеніе и при всемъ желаніи Шишкова не могла обновиться силами. Онъ думалъ поощрять таланты, а новые таланты зашли впередъ него и не хотѣли признавать его авторитета.

Еще въ началѣ 1816 года Державину хотѣлось свести Шишкова съ Карамзинымъ, который тогда пріѣхалъ въ Петербургъ издавать свою исторію. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ Панаевъ: «Видѣлись ли вы съ Карамзинымъ?—спросилъ я однажды Гавріила Романовича.—Какъ же, онъ у меня былъ и по просьбѣ моей обѣщалъ прочесть что-нибудь изъ своей исторіи; но какъ я не могу одинъ насладиться этимъ удовольствіемъ, то просилъ у него позволенія пригласить нѣсколькихъ моихъ пріятелей... Но меня вотъ кто затрудняетъ: Александръ Семеновичъ Шишковъ—мой давній пріятель и главный сотоварищъ по «Бесѣдѣ». Не пригласить его нельзя, а между тѣмъ это можетъ быть непріятно Николаю Михайловичу, котораго онъ жестоко преслѣдовалъ... Черезъ нѣсколько дней Гавріилъ Романовичъ разсказалъ мнѣ, что онъ былъ у Карамзина, показывалъ ему списокъ (гостей) и объяснилъ затрудненіе свое относительно Шишкова; но Карамзинъ отозвался, что ему будетъ весьма лестно видѣть въ числѣ слушателей своихъ такого человѣка, какъ Александръ Семеновичъ, и что онъ не только не сердитъ на него за бывшіе нападки, но, напротивъ, очень ему благодаренъ, потому что воспользовался многими его замѣчаніями. «Я увѣренъ, — примолвилъ Державинъ съ одушевленіемъ,—что исторія будетъ хороша: кто такъ мыслитъ и чувствуетъ, тотъ не можетъ писать дурное».

Въ письмѣ къ Шишкову, 12 февраля, Державинъ писалъ: «Московскій пріѣзжій авторъ, Н. М. Карамзинъ, будетъ ко мнѣ въ наступающій вторникъ обѣдать: не угодно ли и вамъ будетъ ко мнѣ пожаловать и составить пріятную компанію. Мнѣ чрезвычайно хочется познакомить васъ». Шишковъ назвался больнымъ и не пріѣхалъ. Карамзинъ же, собираясь на обѣдъ къ Державину, 14 февраля, писалъ къ женѣ: «Нынѣшній день буду у Державина обѣдать со всѣми *моими смышными непріятелями* и скажу имъ: *есмь единъ посреди васъ и не устрашуся. Шиш-*

Digitized by Google

ковъ честенъ и учтивъ, но тупъ». А въ слѣдующемъ письмѣ дѣлалъ такую замѣтку: «славный мой обѣдъ съ непріятелями не былъ для нихъ веселъ: всѣ сидѣли нахмурясь, хотя я и старался забавлять ихъ грамматикою, синтаксисомъ, этимологіею. Добрый старикъ-Державинъ вздумалъ было произвести меня въ чины россійской шишковской академіи, но я сказалъ ему, что до конца моей жизни не назовусь членомъ никакой академіи и не буду ни въ какомъ такъ-называемомъ ученомъ обществѣ» [1]). Какъ видно, не рѣшались возражать Карамзину и спорить съ нимъ единомышленники Шишкова, котораго считали своимъ предводителемъ, и который внесъ свой духъ какъ въ «Бесѣду», такъ и Россійскую академію, такъ-что ее можно было назвать *шишковскою*. Они могли поддерживать его, но не защищать въ его отсутствіе. Шишковъ однако не избѣжалъ встрѣчи съ Карамзинымъ. Черезъ нѣсколько дней они сошлись въ пріемной у великой княгини Екатерины Павловны. «Я бесѣдовалъ съ Шишковымъ около часа весьма искренно, чистосердечно, — писалъ Карамзинъ къ женѣ,—если онъ честенъ (какъ ты писала), то не будетъ злобствовать на меня»... Значитъ, Карамзинъ откровенно высказалъ ему свои мысли о языкѣ, о литературѣ и о тѣхъ крайностяхъ, какихъ держался президентъ академіи. Говорятъ, что Шишковъ, по своей честности, съ-разу оцѣнилъ Карамзина, какъ человѣка, несмотря на многолѣтнее противъ него предубѣжденіе [2]). Послѣ первой же бесѣды съ исторіографомъ онъ сознался, что пораженъ былъ скромностью и благородствомъ открытаго его обращенія и почувствовалъ полное къ нему довѣріе.

Почти въ то же время о Карамзинѣ, щедро награжденномъ императоромъ, писалъ изъ Пскова извѣстный архіепископъ Евгеній: «О славѣ Карамзина читали мы и въ газетахъ. Что съ Шишковымъ они не сошлись, это естественно проистекаетъ отъ различія ихъ геніевъ. Одинъ (Шишковъ) хочетъ еще составить правила, а другой давно уже написалъ образцы почти классическіе. Не риторы, а ораторы плѣняютъ читателя» [3]).

Карамзинъ, отказываясь отъ чести принадлежать шишковской академіи, въ то же время не прочь былъ дружиться съ молодымъ арзамасскимъ обществомъ. «Здѣсь изъ мужчинъ всѣхъ любезнѣе для меня арзамасцы,—тогда же писалъ онъ:—*вотъ истинная русская академія*, составленная изъ молодыхъ людей, умныхъ

---

[1]) Неиздан. сочин. и переписка Карамзина, т. I.

[2]) Записки Сербиновича, „Русская Старина“, 1875.

[3]) Переписка митр. Евгенія. Сборн. статей рус. отд. Имп. ак. н., т. V. стр. 161.

Digitized by Google

и съ талантомъ... Сказать правду, здѣсь не знаю ничего умнѣе арзамасцевъ, съ ними бы жить и умереть». Но не удалось Карамзину уйти отъ шишковской академіи. 10 іюля 1818 года въ торжественномъ засѣданіи Россійской академіи, въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія князя Голицына, самъ президентъ пригласилъ собраніе приступить, на основаніи новаго устава, къ избранію въ дѣйствительные члены академіи «на имѣющія въ оной *упалыя мѣста*», и предложилъ къ выбору «г. статскаго совѣтника Н. М. Карамзина». «Творенія его стихами и прозою,— прибавилъ онъ,—всѣмъ извѣстныя, особливо же сочиненіе Россійской исторіи, увольняютъ меня отъ всякой надобности исчислять прочіе труды его для показанія достоинства ко вступленію въ сіе почтенное сословіе». Избраніе совершилось единогласно. Карамзинъ принужденъ былъ благодарить письмомъ, можетъ быть, не совсѣмъ искреннимъ: за академіей онъ призналъ «достохвальные труды, способствующіе успѣхамъ нашего языка», а въ ея президентѣ видѣлъ «мужа, знаменитаго своими твореніями въ россійской словесности».

Такимъ образомъ, благодаря исторіи Карамзина, состоялось публичное примиреніе двухъ противниковъ. Говорятъ, что Шишковъ приходилъ дѣйствительно въ восторгъ отъ новой исторіи, которую, какъ мы видѣли, осмѣивалъ въ «Бесѣдѣ» еще прежде выхода ея въ свѣтъ. Шишковъ даже сдѣлалъ уступку: рѣшился признать достоинства и за прежними сочиненіями, даже за стихами Карамзина, но Карамзинъ, кажется, не совсѣмъ вѣрилъ его искренности, и въ письмахъ своихъ къ Дмитріеву въ Москву какъ будто иронически всегда называлъ его *добрый* Шишковъ. По желанію президента, Карамзинъ долженъ былъ къ слѣдующему торжественному годичному собранію Россійской академіи приготовить рѣчь. Такому писателю, какъ Карамзинъ, нельзя было отдѣлаться краснорѣчивыми фразами о дѣятельности академіи; ему, вступающему въ среду тѣхъ лицъ, изъ которыхъ большинство еще такъ недавно относилось къ нему враждебно, ему нельзя было даже и молчаніемъ обойти ихъ направленіе и показать, что онъ готовъ одобрить и раздѣлить съ ними академическую ихъ дѣятельность. Онъ долженъ былъ высказаться вполнѣ. Рѣчь его въ видѣ совѣтовъ и указаній, какая дѣятельность предстоитъ академіи при усиленныхъ ея средствахъ, задѣваетъ идеи Шишкова: онъ доказываетъ, что слова не изобрѣтаются академіями, что обогащеніе языка зависитъ отъ успѣховъ общежитія и словесности, отъ дарованія писателей, и, слѣдовательно, ученое законодательство здѣсь неумѣстно. Дѣло академіи не дѣлать языкъ

Digitized by Google

мертвымъ, пресѣкая ему всякое движеніе впередъ, а только открывать и изслѣдовать законы языка, трудиться надъ систематическимъ его образованіемъ. Онъ совѣтуетъ заняться разумной критикой и не смѣшивать ее съ укоризной: болѣе хвалить достойное, чѣмъ осуждать, что̀ осудить можно: «самый легкій умъ находитъ несовершенства, только умъ превосходный открываетъ безсмертныя красоты въ сочиненіяхъ; когда увидимъ важныя злоупотребленія, новости неблагоразумныя въ языкѣ, замѣтимъ, предостережемъ безъ язвительной укоризны». Защищаетъ Карамзинъ и современную словесность отъ упрековъ въ подражательности, разъясняетъ значеніе реформы Петра Великаго. Кто слѣдилъ за споромъ о старомъ и новомъ слогѣ, тотъ ясно могъ видѣть, что рѣчь Карамзина была отвѣтомъ на этотъ споръ, отвѣтомъ писателя, торжествующаго и праваго въ своихъ взглядахъ. Въ письмѣ къ Дмитріеву, отъ 10 октября, Карамзинъ говоритъ, что ему не хочется читать эту рѣчь: «это совсѣмъ *не въ духѣ устава*. Скажутъ, что хочу раздразнить людей, а я миролюбивъ. *Добрый* Шишковъ *одобрилъ* эту рѣчь; не знаю, искренно ли». А въ слѣдующемъ письмѣ онъ же замѣчаетъ: «академическая рѣчь моя есть *безсмыслица для академіи*». Нельзя при этомъ не указать на черту характера Шишкова: онъ не могъ не видѣть, въ какомъ непріятномъ положеніи будетъ онъ, какъ президентъ, при публичномъ чтеніи рѣчи Карамзина, и все же *одобрилъ* ее, т.-е. допустилъ до чтенія, хотя и не соглашался съ доказательствами Карамзина. Онъ совершенно устранилъ свою личность и даже не искалъ никакого благовиднаго предлога, чтобы помѣшать чтенію. Оно состоялось 5 декабря 1818 года, въ присутствіи знатнѣйшаго духовенства, членовъ государственнаго совѣта, министровъ, сенаторовъ, генераловъ и пр. Шишковъ же отозвался на эту живую рѣчь уже черезъ нѣсколько лѣтъ (1824), при новомъ изданіи своей книги «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ», гдѣ силится отстоять свой прежній взглядъ на неологизмы въ языкѣ. Онъ уже хотѣлъ видѣть въ Карамзинѣ то достоинство, что въ своей исторіи онъ «не образовалъ языкъ, а *возвратился къ нему*, и умно сдѣлалъ».

Въ Карамзинѣ Россійская академія не могла найти дѣятельнаго члена: занимаясь продолженіемъ своей исторіи, онъ не могъ посвящать время и на тѣ труды, которые начерталъ для академіи въ своей рѣчи. Онъ могъ только украшать ежегодныя торжественныя собранія академіи своими историческими чтеніями, привлекая своимъ именемъ многочисленную избранную публику. Такъ, въ слѣдующемъ году онъ вызвался читать изъ девятаго

Digitized by Google

тома о царѣ Иванѣ — «о перемѣнѣ царствованія, о началѣ тиранства, о вѣрности и геройствѣ россіянъ, терзаемыхъ мучителемъ». Шишковъ испугался такого содержанія. Охотно разрѣшившій чтеніе рѣчи, направленной противъ его литературной личности, теперь онъ не рѣшался допустить чтеніе подъ собственной отвѣтственностью. «Докладывали государю,—пишетъ Карамзинъ, — онъ позволилъ, въ чемъ и нельзя было сомнѣваться; но видишь, какъ любезный Александръ Семеновичъ остороженъ» [1])! На этотъ разъ собраніе академіи состоялось 8 января 1820 г. «Съ начала академіи, какъ говорятъ, не бывало такого многолюднаго блестящаго собранія», — замѣчаетъ Карамзинъ. — «Слушатели были умилены и восхищены чертами великаго характера россіянъ,—разсказывалось въ «Сынѣ Отечества»,—сильно представленными глубокомысленнымъ краснорѣчивымъ историкомъ... Я плакалъ и видѣлъ многихъ, отирающихъ слезы. Но уже ударило два часа пополудни. Почтенный чтецъ, на котораго триста слушателей по крайней мѣрѣ имѣли устремленные глаза, долженъ былъ отъ усталости остановиться... Президентъ просилъ его отдохнуть въ комнатѣ обыкновенныхъ засѣданій академіи и, пользуясь симъ отсутствіемъ, немедленно предложилъ гг. членамъ наградить историографа большою золотою медалью». Въ своей краткой рѣчи Шишковъ назвалъ исторію Карамзина многотруднымъ подвигомъ, приносящимъ сколько чести сочинителю, столько же пользы отечеству. Предложеніе президента было принято единогласно. «Забыли правило,—пишетъ Карамзинъ, — и раздалось всеобщее рукоплесканіе, когда добрый президентъ подалъ мнѣ огромную медаль съ изображеніемъ Екатерины. Это меня тронуло, меня, холоднаго меланхолика. Тутъ не было ни интриги, ни заговора, ни друзей» [2]).

Раздачею медалей Шишковъ думалъ связать академію съ литературой и не былъ скупъ на нихъ. Такъ, вмѣстѣ съ Карамзинымъ получилъ медаль Панаевъ, молодой писатель, за свои идиліи, а на слѣдующій годъ уже давно состарившійся писатель И. И. Дмитріевъ, вообще за литературные труды. Такъ какъ въ академію стали обращаться нѣкоторые писатели съ просьбою о вспомоществованіи, то для оцѣнки ихъ сочиненій Шишковъ учредилъ при академіи особый комитетъ, который долженъ былъ обсуживать передаваемыя ему книги и рукописи; но тутъ-то и оказался недостатокъ старческихъ силъ академіи, на что́ жаловался

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 279.
[2]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 280.

Digitized by Google

и президентъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву: «признаться должно, что комитетъ сей мало къ общему дѣлу усердствуетъ. Вотъ уже болѣе года, какъ онъ учрежденъ, но еще ни одной строки отъ него въ академію не поступило. Даже и на сей отданный ему на разсмотрѣніе переводъ (Раича, «Георгики» Виргиліевы) не было никакого отвѣта. Многіе изъ членовъ, составляющихъ оный, *никогда не ѣздятъ въ академію*; а какъ я положилъ себѣ за правило: однимъ моимъ лицомъ безъ общаго согласія ничего не дѣлать, то и идетъ у насъ медленно. Нынѣ, видя безпечность сего комитета, я поручилъ прочитать переводъ сей *другому разсматривательному комитету*, и надѣюсь, что сей скорѣе отзовется».

Ревнуя о силѣ и власти академіи, Шишковъ хотѣлъ оградить ее отъ всякаго соперничества и сильно возсталъ, когда нѣсколько писателей внесли въ комитетъ министровъ уставъ общества соревнователей просвѣщенія и благотворенія, съ просьбою утвердить его. Такъ какъ воображеніе стараго президента во всякой новизнѣ обыкновенно находило вредные замыслы, прикрываемые мнимыми хорошими цѣлями, то и здѣсь онъ встревожился. Выставляя на видъ, что общество намѣревается заняться изслѣдованіемъ правилъ языка и издавать нужныя для того книги, также награждать литературные труды и ободрять таланты [1]), Шишковъ восклицалъ: «итакъ, это будетъ вторая академія, *соперница* или *противница*, или *разрушительница* первой! И кто же будетъ ее составлять? Какія-то неизвѣстныя лица!» Такое желаніе общества быть прежде утвержденнымъ, чѣмъ извѣстнымъ, онъ называетъ не только несправедливымъ, но едва ли и *позволительнымъ*. «Академія должна быть одна, — писалъ онъ, — нераздѣльно, съ достаточными способами и покровительствомъ; весь кругъ упражняющихся въ словесности людей долженъ соединиться съ нею. Отличающіеся трудами своими, входятъ въ ея составъ, другіе ревнуютъ отличаться и войти. Члены избираются согласіемъ всѣхъ членовъ вообще, и, слѣдовательно, достоинство ихъ оцѣняется, сколько возможно, безпристрастнымъ образомъ, а потому всѣ вмѣстѣ заслуживаютъ они довѣренность, которой лишать ихъ и возстановлять изъ неизвѣстныхъ людей другую академію, кажется мнѣ, ни по какимъ причинамъ не слѣдуетъ: множество академій произведетъ въ словесности и просвѣщеніи

[1]) Съ 1814 г. при казанскомъ университетѣ существовало общество любителей русской словесности, которому также предоставлено было право за особенныя заслуги по словесности назначать соразмѣрныя награды.

Digitized by Google

такое же слѣдствіе, какое въ правосудіи произвело бы множество сенатовъ».

Такимъ образомъ Шишкову хотѣлось сдѣлать изъ академіи какой-то литературный сенатъ, который бы держалъ литературу въ извѣстныхъ границахъ: такъ съуживался его взглядъ на интересы того дѣла, которому хотѣлъ служить. Общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія, начавшее свои собранія, до утвержденія устава, вѣроятно, съ цѣлью задобрить своего противника, поспѣшило, въ концѣ 1817 г., избрать его въ свои почетные члены, о чемъ и увѣдомило его съ изъявленіемъ уваженія «къ глубокимъ познаніямъ его въ наукахъ отечественной словесности». Мы не знаемъ, какъ принялъ Шишковъ такое избраніе: на письмѣ, впрочемъ, сдѣлана имъ замѣтка: «отвѣтствовано мною обыкновеннымъ благодарнымъ письмомъ». Несмотря на его возраженія, общество было утверждено и стало издавать свои труды подъ названіемъ: *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія*, и выручаемыя деньги употребляло на пособіе бѣднымъ литераторамъ. Шишковъ, получая это изданіе, посылалъ въ кассу общества по сту рублей.

Заботясь о чести академіи, Шишковъ никакъ не могъ допустить мысли, что на труды ея можетъ быть какая-либо журнальная критика, и по этому поводу не разъ заводилъ даже оффиціальную переписку. Такъ, въ 1818 г., въ газетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ «Сѣверная Почта» было напечатано академическое извѣстіе о засѣданіи академіи, въ которомъ Шишковъ предложитъ избрать въ члены Карамзина. При словѣ *упалое* (вакантное) мѣсто, употребленномъ Шишковымъ, редакторъ замѣтилъ въ выноскѣ, что онъ печатаетъ присланное изъ академіи *безъ малѣйшей перемѣны*. Такая замѣтка редакціи крайне оскорбила Шишкова, и онъ горячо вступился въ письмѣ къ министру Ковалеву: «на подобныя замѣчанія мнѣ и молчать и отвѣчать уничижительно,—писалъ онъ..:—прошу дать знать редактору, что я не позволю никому себя колоть, а самъ гораздо болѣе уколю». Министръ поспѣшилъ успокоить его тѣмъ, что редакторъ уже получилъ строгое замѣчаніе.

Еще сильнѣе разсердился онъ на Греча, написавшаго въ своемъ журналѣ, «Сынъ Отечества», критику на новое изданіе русской академической грамматики въ 1819 г. Въ ней Гречъ справедливо доказывалъ, что въ грамматической области академія, въ теченіи семнадцати лѣтъ, не сдѣлала ничего для языка, и издала вновь грамматику со всѣми недостатками и ошибками перваго изданія, причемъ онъ подтверждалъ свой выводъ указа-

Digitized by Google

ніемъ этихъ ошибокъ, называя многія правила неосновательными, сбивчивыми, несообразными, ложными, забавными. Академія удивилась такому *своевольному поступку* журналиста, — замѣчаетъ Шишковъ. И по поводу его два раза собиралась она, чтобы читать и опровергать *хулительныя* замѣчанія.

Но тутъ-то она и показала свое научное безсиліе. Опроверженія ея были крайне слабы и недостойны ученаго собранія; бо́льшею частью они сводились къ обвиненію въ незнакомствѣ журналиста съ правилами языка и грамматики. Какое-то странное ученое самообольщеніе не позволило старцамъ сознаться ни въ одной своей ошибкѣ, а ихъ было дѣйствительно много. Въ критикѣ они нашли только пустыя несправедливыя умствованія и брань съ намѣреніемъ показать, что *можно всякому, кто хочетъ, печатать и говорить объ академіи со всякимъ неуваженіемъ и хулою.* Грека можно было только обвинить въ неприличномъ тонѣ, который не допускается наукою. Но и цѣлое собраніе академіи выказало болѣе оскорбленное самолюбіе, чѣмъ дѣйствительныя заботы о наукѣ. Страстность президента отразилась и на собраніи: еще недавній совѣтъ Карамзина, какъ относиться къ вопросамъ науки, не послужилъ ни къ чему. Академія рѣшила не отвѣчать на критику, чтобы не унизить своего достоинства, и остановилась на вопросѣ, который, конечно, былъ поднятъ президентомъ: «имѣютъ ли журналисты право объ издаваемыхъ академіею книгахъ извѣщать публику съ своими объ нихъ сужденіями и оцѣнкою?» И вотъ какое по этому вопросу составилось общее мнѣніе, въ редакціи Шишкова: «цѣлая академія не можетъ быть безграмотною; журналистъ легко можетъ быть безграмотенъ, ибо всякій можетъ быть журналистомъ. Въ цѣлой академіи предполагается больше знанія, нежели въ одномъ журналистѣ. Академія можетъ погрѣшать, но журналистъ еще больше. Итакъ, *по здравому разсудку*, нѣтъ никакой пользы *ни для нравовъ*, ни для просвѣщенія и словесности, чтобъ изданныя отъ академіи и слѣдственно *оцѣненныя* уже ею сочиненія *были вновь переоцѣниваемы журналистами.* Въ *государственныхъ постановленіяхъ также нигдѣ не сказано*, что журналисты могутъ публиковать и оцѣнивать академическія книги, какъ имъ угодно. *Посему ясно*, что издатель журнала «Сынъ Отечества» *присвоилъ самъ себѣ* это право. Поступокъ его не подлежитъ суду академіи, *но суду правительства;* а потому она, не входя въ сужденіе о семъ, полагаетъ только просить президента академіи сіи бывшія въ засѣданіяхъ ея разсужденія приказать записать въ

Digitized by Google

академическія записки и списокъ съ оныхъ препроводить къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія».

Прочитавъ такое постановленіе, каждый долженъ предположить одно изъ двухъ: или никто изъ членовъ не смѣлъ подавать голосъ противъ предложеній президента, считавшаго себя непогрѣшимымъ, или на всѣхъ нашло такое затмѣніе, что никто не могъ замѣтить нелогичности постановленія. «Что закономъ не запрещается, то не позволяется»,—вотъ какой выводъ дѣлаетъ Шишковъ, желая подвесть противника академіи подъ законную отвѣтственность. Въ его мышленіи мы уже не разъ встрѣчали логическія несообразности, такъ какъ фантазія и чувство преобладали въ его духовной дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ и Карамзинъ назвалъ его *тупымъ*.

Жалобу на журналиста Греча князь Голицынъ отдалъ на разсмотрѣніе главному правленію училищъ. Оно справедливо разсудило, «что дѣланіе примѣчаній на всякую издаваемую въ свѣтъ книгу, а тѣмъ паче на грамматику никакими узаконеніями не воспрещается; а потому не можетъ никому быть возбранено, и, въ случаѣ неосновательности такихъ примѣчаній, критикъ подвергается самъ стыду предъ публикою и удобному на нихъ опроверженію тѣмъ же способомъ, какимъ и его примѣчанія доведены до всеобщаго свѣдѣнія».

Министръ согласился съ мнѣніемъ главнаго правленія; но за оскорбительный тонъ критики, который не дозволяется уставомъ о цензурѣ, приказалъ сдѣлать цензору выговоръ, а автору замѣчаніе.

Президенту показалось, что россійская академія (шестьдесятъ избранныхъ членовъ, въ числѣ коихъ находится и самъ министръ просвѣщенія) отдана была подъ судъ главнаго правленія училищъ (три члена, изъ коихъ одинъ иностранецъ). Это всѣхъ очень оскорбило, но дѣлать было нечего. Въ пылу досады рѣшили: не приглашать на публичныя академическія собранія журналиста Греча, и даже приглашеннаго кѣмъ-либо изъ членовъ не впускать, а члену, отъ котораго онъ получилъ бы входный билетъ, впредь для приглашенія билетовъ не давать. Въ отвѣтъ на все это, Гречъ напечаталъ еще нѣсколько статей, непріятныхъ для академіи, и далъ почувствовать, въ какое ложное положеніе президентъ поставилъ ее къ литературѣ. «Изъ сего случая,—замѣчаетъ разсерженный Шишковъ,—можно усмотрѣть, въ какомъ обузданіи была наглость столь же самолюбивыхъ, сколько и безграмотныхъ писателей и какой отъ того пользы и успѣховъ могли ожидать языкъ, нравственность, науки, просвѣщеніе».

Digitized by Google

Не думая оставить Шишкова въ покоѣ, Гречъ прислалъ къ нему самому изъ редакціи рукопись съ критикой на переводъ Шишкова Тассовой поэмы «Освобожденный Іерусалимъ»,—переводъ, которымъ онъ занимался много лѣтъ и который напечаталъ въ 1818 году. Въ своемъ письмѣ при рукописи Гречъ объяснялъ, что она прислана въ редакцію его журнала неизвѣстнымъ авторомъ, и что хотя онъ обязанъ печатать въ своемъ журналѣ присылаемыя къ нему сочиненія, но опасается *негодованія* и *преслѣдованія* Шишкова. Конечно, Гречу нужно было, чтобы Шишковъ прочелъ ѣдкія замѣчанія на него,—и Шишковъ прочиталъ ихъ, но съумѣлъ сдержать себя и съ достоинствомъ отвѣчать журналисту. «Видя противъ себя такія вооруженія,—писалъ онъ, —не могу надивиться, за что́ нынѣшніе писатели обнаруживаютъ ко мнѣ такую несправедливую ненависть, которая больше чернитъ ихъ самихъ, нежели меня? Ни я гонитель дарованій, ни я зложелатель кому-нибудь. Совѣсть моя со всѣхъ сторонъ чиста и спокойна. Никогда ие могу я себя упрекнуть ни личностью, ни строгостью въ моихъ сужденіяхъ; но всегда наблюдалъ одну только справедливость. Намѣреніе сочинителя присланной къ вамъ тетради состоитъ въ томъ, чтобъ, подъ видомъ невѣдѣнія о моемъ имени (хотя всѣмъ извѣстно, что я перевелъ Тассову поэму), обругать меня площадными словами. Кто этотъ ругатель?—какой-то мальчикъ, недавно вышедшій изъ школы. Кого онъ ругаетъ?—сѣдого старика, служившаго отечеству и отечественной словесности съ усердіемъ и честью. Подлинно похвальное намѣреніе, самое скромное и благонравное! Ему хочется пожаловать меня въ невѣжды; желаю ему счастливаго успѣха увѣрить въ томъ себѣ подобныхъ... Я могу васъ увѣрить о моемъ образѣ мыслей, что жалобы и преслѣдованія за подобныя вещи почитаю я себя недостойными. По моему понятію, имя человѣческое есть не то, что жизнь: жизнь можетъ у него жаломъ своимъ отнять змѣя, скорпіонъ и всякій гадъ, но доброе имя никто, кромѣ его самого, отнять у него не можетъ; иначе былъ бы человѣкъ самое бѣднѣйшее созданіе!» Въ заключеніе Шишковъ предоставлялъ заносчивому журналисту на волю печатать или нѣтъ *пасквили*, которые онъ умѣетъ презирать, обѣщая не употреблять никакихъ домогательствъ, но выгораживаетъ себя, если правительство обратитъ на то свое вниманіе, «такъ какъ оно больше, нежели частное лицо, имѣетъ причину не терпѣть подобныхъ дерзостей».

Много доставалось Шишкову за его филологическіе труды, которыми онъ настойчиво занимался и печаталъ въ «Академическихъ Извѣстіяхъ». Здѣсь также работала его фантазія; впро-

Digitized by Google

чемъ, она навела его на справедливую основную мысль, что корни европейскихъ языковъ одни и тѣ же; дѣло науки — найти первоначальное значеніе этихъ корней и потомъ по нимъ объяснять всѣ производныя слова. «Многіе твердятъ о словопроизводствѣ, — пишетъ онъ, — какъ о первѣйшей части грамматики, но никто не вникалъ въ оное до той глубины, до которой опуститься должно, когда хотимъ узнать составъ языка и его нарѣчій, близкихъ и отдаленныхъ. Не трудно добраться, что *рукавица, рукоятка, рукоплесканіе* и проч. происходятъ отъ слова «рука»; но этого мало; надобно дойти до первоначальной мысли, какую умъ человѣческій привязалъ къ корню, и отъ ней, какъ отъ источника, переходя послѣдовательно изъ одного понятія въ другое, смежное съ нимъ, сталъ извлекать, составлять и плодить слова»... [1]).

Несчастье того человѣка, кто, напавъ на здравую и справедливую мысль, не въ силахъ анализировать ее — и доказать и разработать научнымъ образомъ. Шишковъ дошелъ до своей мысли не научнымъ путемъ, а случайно, посредствомъ сближеній разныхъ словъ, и такъ увлекся ею, что свои личныя разсужденія сталъ ставить на-ряду съ наукою. Безъ всякаго научнаго метода, незнакомый даже съ славянской фонетикой, которая тогда была почти не разработана, съ однимъ практическимъ знаніемъ нѣсколькихъ европейскихъ языковъ, принялся онъ отыскивать корни словъ и объяснять ихъ значеніе по своему разсужденію, которое онъ называлъ здравымъ смысломъ. Для поясненія приводимъ нѣкоторыя изъ его разсужденій: «Ежели бы кто сказалъ: *дерево* и *трава* — есть одно и то же, то изъ ста человѣкъ девяносто-девять возопіяли бы противъ него: какъ это можетъ статься? какъ можно утверждать такую явную небылицу? — словомъ, они бы скорѣе сочли его поврежденнымъ въ умѣ, нежели вѣроятія достойнымъ. При таковомъ предубѣжденіи людей трудно ихъ увѣрить. Но не меньше того сказанное мною есть справедливо. Всѣ слова языка показываютъ, что человѣкъ, при названіи вещей, данное имъ названіе одной изъ нихъ — съ малою перемѣною относилъ всегда къ другой, ей подобной. Такъ и здѣсь: не замѣчая разности между травою и деревомъ, когда они равны высотою, онъ сперва и то и другое разумѣлъ подъ коренными буквами *дрв*, но когда дерево возвеслось высоко надъ травою и разность ихъ сдѣлалась для него явною, тогда онъ не перемѣнилъ ихъ названій, а только для различенія сталъ одно

[1]) Письмо къ Ганкѣ — Переписка Шишкова, ч. II.

Digitized by Google

передъ другимъ мягче произносить, измѣняя букву *д* въ *т*; послѣ того, смѣшеніемъ съ гласными буквами и нѣкоторою отмѣною въ окончаніи, увеличилъ еще болѣе сіе различіе, сдѣлавъ изъ того же *дрв* для одного предмета *дерево* или *древо*, а для другого — *трава*. Такимъ образомъ, сіи названія почитаемъ мы теперь двумя словами, и каждое изъ нихъ называемъ кореннымъ, особымъ, первообразнымъ; но въ самомъ дѣлѣ оныя не иное что, какъ едино и то же слово. Не обращая вниманія на корни языка, трудно сему повѣрить, но, обращая и находя многіе тому примѣры, трудно усумниться»... — «Въ разрозниваніи словъ: *пепелъ* и *пылаю* предполагается, что каждое изъ нихъ есть первообразное, т.-е. не произведенное ни откуда, а само собою составляющее корень; но это неправда: *пепелъ* происходитъ отъ *пылаю*, поелику означаетъ вещество *по пылѣ* (т.-е. послѣ пыла или поломя, или пыланія) остающееся. Имя сіе, очевидно, составлено изъ предлога *по* и имени *пылъ* (т.-е. зной, жаръ, огонь)».

Занимаясь такими объясненіями словъ, Шишковъ неутомимо составлялъ длинныя таблицы, которыя уподоблялъ деревьямъ: отъ *корня* шли первыя вѣтви или *колѣна*, и отъ каждаго колѣна новыя вѣтви. «Главное дѣло состоитъ въ томъ, — замѣчаетъ онъ, — чтобъ изъ собранія вѣтвей, какъ на своемъ, такъ и на другихъ языкахъ, замѣчать значеніе корня при всѣхъ его измѣненіяхъ; ибо всѣ языки составляются одинакимъ образомъ и слѣды происхожденія понятій отъ одного корня удобно могутъ быть видимы. Возьмемъ нѣмецкій и русскій языки: ухо, слухъ, слушать, подслушивать, послушный — Ohr, Gehör, hören, horchen, gehorsam...

«Всѣ сіи слова, русскія и нѣмецкія, имѣютъ одно начало или корень въ буквахъ *ух* или *oh*, къ которымъ привязано понятіе *слушанія*; но въ русскомъ корнѣ *ух*, измѣняющійся въ *уш* (ибо говорится *ухо* и *уши*), во всѣхъ вышеозначенныхъ пяти словахъ ясно видѣнъ, и переходъ понятій отъ одного слова къ другому ощутителенъ; въ нѣмецкомъ же сіе не такъ ясно; не скоро свяжешь понятіе *Ohr* съ понятіемъ *gehorsam*. Надлежитъ прибѣгнуть къ толкованію, что̀ черезъ переставку буквъ (вездѣ примѣчаемую) изъ *Ohr* сдѣлался *hör*».

Подобнымъ образомъ, изъ корня *гр* Шишковъ производитъ слова: *громъ*, *гора*, *городъ*, *грызу*, *грущу*, *гребу* и под. Или отъ корня *кр* производитъ 132 колѣна и 2,363 вѣтви. «Вотъ истинное словопроизводство, — восклицаетъ онъ, — показующее составъ языка, и, можетъ быть, *въ одномъ только словенскомъ языкѣ* цѣпь сія сохраняется столь неразрывною, что по ней отъ послѣдняго

Digitized by Google

до первоначальнаго звена его доходить можно. А ежели мы всякое изъ вышеозначенныхъ словъ (громъ, гора, городъ и пр.) сочтемъ за первобытное, неизвѣстно откуда происшедшее, то всѣ *наши умствованія объ языкѣ, всѣ словари и грамматики будутъ, какъ домы или зданія, построенные на пескѣ, — косы, кривы и нетверды*».

Шишковъ при этомъ никакъ не воображалъ, что онъ самъ ставитъ на пескѣ всѣ свои таблицы-деревья. Ему ничего не стоило дойти до убѣжденія, что славянскій языкъ является *древнѣйшимъ* и *первѣйшимъ* языкомъ. «Въ этомъ я увѣренъ, — пишетъ онъ чешскому ученому Ганкѣ, — не потому, что я славянинъ или русскій, но потому, что мой разумъ въ томъ меня убѣждаетъ, и что сіе убѣжденіе основано на многихъ опытахъ и доказательствахъ. Безъ сомнѣнія, нѣмцы и другіе иностранцы возопіютъ противъ меня, какъ смѣю я утверждать, что многія слова ихъ суть вѣтви славянскихъ словъ. Но ежели-бъ они, отложа всякое пристрастіе къ языку своему, съ холоднымъ и здравымъ разумомъ вникли въ начала состава языковъ, то, конечно, согласились бы со мною, и каждый изъ нихъ увидѣлъ бы въ томъ пользу собственнаго языка своего. Но, по несчастью, немногіе иностранцы знаютъ славянскій языкъ, и потому не могутъ ни прочитать меня, ни *почувствовать силы моихъ доводовъ*».

Мысль Шишкова въ наше время можетъ показаться болѣе чѣмъ странною, но въ то время, когда европейская филологія еще робко приступала къ сравнительному изученію языковъ, она могла казаться только смѣлою. Но она навела его на другую мысль, которая имѣетъ значеніе уже историческое. Ему вздумалось привлечь ученыхъ другихъ славянскихъ земель къ своему дѣлу, завязать съ ними связь черезъ науку изученіемъ славянскаго языка и напомнить объ общемъ родствѣ. Еще въ 1813 г., проживъ нѣсколько недѣль въ Прагѣ, онъ познакомился съ чешскимъ языкомъ и съ аббатомъ Добровскимъ, который писалъ грамматику церковно-славянскаго языка. Въ 1817 г., въ рескриптѣ на имя графа Остермана, получившаго отъ чеховъ въ даръ кубокъ, Шишковъ назвалъ ихъ соплеменнымъ намъ храбрымъ народомъ; но императоръ Александръ вычеркнулъ это выраженіе. Шишковъ замѣтилъ ему: мнѣ кажется, мы можемъ называть ихъ соплеменными, потому что они *нашимъ нарѣчіемъ* говорятъ. На это Александръ отвѣчалъ: «подозрительные нѣмцы подумаютъ, что мы, сближаясь съ богемцами, симъ родствомъ имѣемъ на нихъ какіе-нибудь виды». Такимъ образомъ, когда наша политика еще не рѣшалась признать нашего родства съ

Digitized by Google

другими славянами, Шишковъ первый протянулъ имъ руку. Такъ, по его предложенію, академія выбрала въ почетные члены польскаго ученаго Линде, чешскихъ — Негедли, Добровскаго, Ганку; черезъ нихъ онъ завелъ сношенія съ Раковецкимъ, Милетичемъ, Юнгманомъ, Караджичемъ, самъ со всѣми переписывался, посылалъ имъ и въ библіотеки пражскую и вѣнскую изданія россійской академіи, въ особенности же указывалъ на «Академическія Извѣстія», гдѣ печаталось его корнесловіе, объяснялъ свой взглядъ на словопроизводство и приглашалъ всѣхъ къ провѣркѣ своего труда, признаваясь, что «онъ требуетъ многихъ изслѣдованій, справокъ, разсужденій и доказательствъ, прежде нежели можетъ быть совершенъ». Въ его письмахъ, между многими странностями, мелькаютъ мысли, заслуживающія вниманія. Такъ, въ письмѣ къ Раковецкому онъ замѣчаетъ: «нельзя отрицать, что не говорю уже словари, но и самая грамматика и логика едвали безъ строгаго розысканія началъ языка могутъ быть чужды многихъ погрѣшностей и заблужденій».

Въ свою очередь славянскіе ученые присылали черезъ Шишкова въ Россійскую академію свои изданія, относились къ ней и къ ея президенту съ большимъ уваженіемъ, но уклонялись отъ отзывовъ о «словопроизводствѣ».

У Шишкова явилась даже мысль о необходимости открыть славянскія каѳедры при русскихъ университетахъ [1]); но въ то время трудно было привести ее въ исполненіе по недостатку русскихъ ученыхъ славистовъ. Тогда только-что начинались серьёзныя филологическія и археологическія занятія въ небольшомъ кружкѣ русскихъ людей независимо отъ Россійской академіи. «То былъ кружокъ людей науки на Руси, первый по времени или, по-крайней-мѣрѣ, по значенію и связности», говоритъ И. И. Срезневскій [2]). «Преданные наукѣ и отечеству, безпристрастно уважающіе труды другъ друга, разсѣянные по разнымъ мѣстностямъ широкой Руси, очень различные по общественному положенію и по возрасту, они тѣсно были связаны направленіемъ мыслей и перепиской другъ съ другомъ. Основными, старшими членами этого кружка были, кромѣ графа Румянцова, Бантышъ-Каменскій, Малиновскій, Евгеній, отчасти и Оленинъ. Къ нимъ присоединились Калайдовичъ, Востоковъ, Ермолаевъ, Кеппенъ, о. Іоаннъ Григоровичъ. Не въ немъ, но и не внѣ его были

[1]) Записки и переписка Шишкова, ч. 2, стр. 390.

[2]) Переписка Востокова, Сборникъ статей, читан. въ отдѣл. рус. яз. и слов. имп. академіи наукъ, 1873.

Digitized by Google

нѣкоторые изъ профессоровъ, какъ: Тимковскій, Каченовскій, Даниловичъ, Лобайко, и академиковъ, какъ Аделунгъ, Кругъ, Френъ. Къ нему примыкали и нѣкоторые изъ иноземныхъ ученыхъ, близкихъ къ нему по занятіямъ, какъ Добровскій, Линде и пр. Открывать и изслѣдовать древніе памятники языка, словесности и быта русскаго народа—такова была задача кружка. Кружокъ сталъ образовываться еще до 1812 г. съ того времени, какъ начались работы по приготовленію къ изданію собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ... Теперь не осталось уже никого, кто бы могъ въ живомъ разсказѣ вспомнить о томъ, что и какъ дѣлалось въ этомъ ученомъ обществѣ, не нуждавшемся ни въ уставѣ, ни въ засѣданіяхъ и протоколахъ, ни въ поощреніи общественнаго мнѣнія. Остались только плоды его трудовъ, которымъ можетъ позавидовать любое ученое общество».

Въ 1820 г. обратилъ на себя вниманіе всѣхъ славистовъ Востоковъ, своимъ «Разсужденіемъ о славянскомъ языкѣ», въ которомъ выказалъ дѣйствительную ученость и которымъ положилъ прочное основаніе для филологическаго изслѣдованія славянскаго и русскаго языковъ. Къ этому «Разсужденію» онъ долго подготовлялъ себя въ качествѣ скромнаго члена столь же скромнаго вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ, основаннаго въ Петербургѣ еще въ 1801 г. и въ качествѣ библіотекаря императорской публичной библіотеки, владѣвшей старыми рукописями и въ томъ числѣ Остромировымъ евангеліемъ, равно какъ и старопечатными книгами. Своими серьёзными филологическими трудами Востоковъ еще въ 1818 г. обратилъ на себя вниманіе московскаго общества любителей словесности, которое выбрало его въ свои члены.

Въ этомъ обществѣ было съ восторгомъ встрѣчено и его «Разсужденіе о славянскомъ языкѣ». Но Россійская академія уже послѣдняя обратила вниманіе на этого труженика, и почти черезъ полгода послѣ выхода въ свѣтъ «Разсужденія» президентъ ея провозгласилъ: «Стихотворенія Востокова, а особливо *похвальныя упражненія* его по части изслѣдованій отечественнаго языка обращаютъ на труды его вниманіе любителей словесности, почему и поставляю я долгомъ почтеннѣйше предложить его къ избранію въ дѣйствительные члены Россійской академіи». Хотя Востоковъ и былъ избранъ единогласно, но кажется, что члены академіи, занятые корнесловіемъ, не съумѣли оцѣнить, какъ слѣдуетъ, его *похвальныя* упражненія. Шишковъ, увѣдомляя его объ избраніи, совѣтуетъ ему вникнуть въ *правила, которыми руководствуется академія*, и пользоваться *ея примѣчаніями*, равно и приносить

Digitized by Google

ей пользу своими примѣчаніями. «Основательное разсужденіе о языкѣ требуетъ многихъ объясненій и доказательствъ. Наука сія едва ли не обширнѣе всѣхъ наукъ. Если вы хотите вмѣстѣ съ академіею посвятить себя полезному упражненію, то я доставлю вамъ всѣ доселѣ по сей части произведенные ею труды какъ печатные, такъ и рукописные. *Прочитайте со вниманіемъ, войдите въ судъ ея и намѣреніе;* будьте откровенны въ вашихъ примѣчаніяхъ, равно и внимательны къ ея примѣчаніямъ. Я увѣренъ, что вы не послѣдуете симъ *писарямъ-невѣждамъ*, которые безъ всякаго разсужденія основываютъ знаніе свое на одномъ только крикѣ или на скоропоспѣшномъ заключеніи о томъ, о чемъ надобно сто разъ и поговорить и подумать. Академія занимается нынѣ *опытомъ словаря по корнямъ*. Я бы желалъ, чтобы вы приняли въ этомъ важномъ трудѣ искреннее участіе. Можетъ быть, вы и примете, если поприлежнѣе прочитаете «Академическія Извѣстія» и все то, что о семъ написано; вещь эта не такая, чтобы, прочитавъ о ней поверхностно или вскользь, можно было достаточно ее обнять. Я говорю это по опыту. Болѣе тридцати лѣтъ, какъ я обратилъ на то мое вниманіе и что сначала казалось мнѣ какъ бы непроницаемымъ мракомъ покрытое, въ томъ нынѣ, тысячами доказательствъ убѣжденный, вижу я неоспоримыя математическія истины. Я нимало не сомнѣваюсь, чтобы вы не увѣрились въ томъ, когда хорошенько вникните; примитесь, и я ручаюсь, что вы въ семъ упражненіи отчасу болѣе находить будете удовольствіе». Далѣе, доказывая важность словопроизводнаго словаря, Шишковъ касается словопроизводства нѣкоторыхъ русскихъ словъ и между прочимъ производитъ слово *стужа* отъ глагола *стою*, «поелику дѣйствіе ея состоитъ въ останавливаніи, т.-е. въ превращеніи всѣхъ жидкихъ тѣлъ (по природѣ своей текущихъ и колеблющихся) въ густыя, твердыя, неподвижныя». Затѣмъ какъ-бы мимоходомъ высказываетъ основательную и новую для того времени мысль: «грамматика, по моему мнѣнію, требуетъ не того одного, чтобъ только умѣть различать части рѣчи, но чтобъ *видѣть, какими путями шелъ умъ народа, составляющаго языкъ;* безъ сего не узнаемъ мы, кто сбился съ дороги, нынѣшній ли писатель или прежній; *въ стихотворствѣ, въ краснорѣчіи, въ сужденіяхъ, красотахъ и погрѣшностяхъ, нужно также знаніе силы словъ, почерпнутое изъ языка, а не изъ навыка*, часто вводящаго насъ въ заблужденіе, и не изъ толка мелкихъ журналистовъ, ничего порядочнаго нечитавшихъ. Сила словъ требуетъ любомудраго о ней сужденія, а не наслышки отъ Сидора и Карпа... Простите мнѣ сіе длинное и для перваго раза, можетъ

Digitized by Google

быть, нескромное письмо мое къ вамъ. Надежда, что академія будетъ имѣть въ васъ усерднаго и хорошаго сотрудника, завлекла меня въ сіи объясненія. *Отзывъ вашъ уменьшитъ или увеличитъ сію довѣренность*» [1]).

Нельзя не обратить вниманія на странный тонъ этого письма: въ немъ какъ будто профессоръ обращается къ студенту, подающему большія надежды, съ увѣщаніемъ вступить на истинный путь, съ желаніемъ воспользоваться его талантами для излюбленнаго имъ дѣла, съ опасеніемъ, что онъ взглянетъ на это дѣло какъ на пустое и предпочтетъ ему другое, болѣе для него интересное. Заключеніе письма ставитъ даже довѣренность президента къ новому члену академіи въ зависимость отъ его отзыва, въ которомъ должно выразиться сочувствіе или несочувствіе его къ предлагаемой работѣ. Шишковъ и не подозрѣвалъ, какія слѣдствія для науки выйдутъ изъ трудовъ Востокова, и какъ эти труды помогутъ поставить на чисто-научную почву то дѣло, за которымъ вся академія гонялась въ потемкахъ, признавая за науку богатую фантазію своего президента.

Хотя Востоковъ и благодарилъ за «отличную честь, которой онъ свыше своего ожиданія удостоился—честь принадлежать къ знаменитому сословію императорской россійской академіи», хотя и обѣщалъ усернымъ выполненіемъ своихъ членскихъ обязанностей постараться оправдать лестное довѣріе академіи, но въ заключеніи замѣтилъ, что, можетъ быть, недостатокъ времени, раздѣляемаго между казенными должностями въ трехъ мѣстахъ, воспрепятствуетъ ему быть прилежнымъ сотрудникомъ академіи. Здѣсь же онъ дѣлаетъ намекъ, какими путями онъ шелъ и какими правилами руководствовался въ своихъ изслѣдованіяхъ, хотя и смягчаетъ его замѣчаніемъ, что «совѣты почтеннѣйшихъ сочленовъ его въ Россійской академіи послужатъ ему вѣрнѣйшимъ свѣтильникомъ къ озаренію пути, толикими преткновеніями исполненнаго». Эта нѣсколько напыщенная фраза отчасти звучитъ ироніей, но еще болѣе слышится ея въ признаніи Востокова, что онъ удовлетворился производствомъ слова *стужа* отъ *стоять*, къ чему еще прибавилъ: «я съ удовольствіемъ и съ пользою для себя читаю въ «Извѣстіяхъ» Россійской академіи глубокія изслѣдованія вашего превосходительства по части словопроизводства» [2]).

На первый разъ академія поручила Востокову, вмѣстѣ съ

---

[1]) Переписка Востокова, стр. XXXV.

[2]) Переписка Востокова, стр. XXXVII.

Digitized by Google

другимъ членомъ-ветераномъ Соколовымъ, составить сравнительный словарь всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Конечно, идея такого труда принадлежитъ Шишкову; ее поддерживалъ чешскій ученый Ганка, который писалъ ему: «таковое преславное дѣло никто же во всемъ мірѣ, кромѣ академіи Россійской, способствовать (совершить) не можетъ»; и при этомъ давалъ совѣтъ: «не токмо весьма пристойно, но и несравненно полезно было бы, когда-бъ въ засѣданіяхъ оныхъ тоже одинъ искусный національный членъ изъ каждаго нарѣчія присутствовалъ» [1]). По словамъ И. И. Срезневскаго, изданіе сравнительныхъ словарей Россійской академіею затѣяно было случайно и также случайно оставлено [2]).

Оно въ самомъ дѣлѣ было преждевременно. Надо замѣтить, что вообще Шишковъ задавалъ такія задачи, которыя могли разрѣшаться только въ далекомъ будущемъ; было много стремленій, но не было сознанія нужныхъ силъ и средствъ.

Говоря о Востоковѣ, нельзя кстати не отмѣтить еще фактъ, говорящій о добромъ сердцѣ Шишкова. Въ 1821 году императрица Марія Ѳедоровна избрала его въ члены совѣтовъ при обществѣ благородныхъ дѣвицъ и училищѣ ордена св. Екатерины. Въ концѣ того же года, по случаю прибытія въ Петербургъ великой княгини Маріи Павловны, императрица устроивала воспитанницамъ праздникъ и поручила Шишкову по заданной программѣ сочинить стихи для пѣнія дѣвицамъ. Шишковъ обратился къ академикамъ, упражнявшимся въ стихотворствѣ; но только двое изъ нихъ точно исполнили программу—князь Шаховской и Востоковъ. Хотя Шишковъ отдалъ преимущество стихамъ перваго, но въ то же время ходатайствовалъ о наградѣ Востокову, какъ человѣку «имѣющему болѣе нужды въ одобреніи», послалъ при этомъ къ императрицѣ книжку стихотвореній Востокова, недавно имъ изданную. За все это Востоковъ получилъ отъ государыни брилліантовый перстень.

Шишкову очень хотѣлось распространить свои труды по корнесловію не только между славянскими учеными, но и въ европейскихъ ученыхъ обществахъ, занимающихся филологіей. Конечно, по ненависти къ французской литературѣ онъ не заводилъ сношеній съ знаменитой французской академіей; но ему указали на Лондонское общество, Royal Society, и эдинбургскій университетъ, къ которымъ въ 1821 г. онъ и обратился черезъ посредство

[1]) Переписка Шишкова, ч. II, стр. 390.
[2]) Переписка Востокова, стр. 401.

Digitized by Google

нашего посла въ Лондонѣ, графа Ливена.Ославъ изданія россійской академіи, онъ указывалъ имъ на единство происхожденія всѣхъ языковъ и приглашалъ ихъ вступить во взаимныя сношенія, чтобы заняться однимъ общимъ дѣломъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ обратился съ письмомъ къ русскому посольскому священнику въ Лондонѣ, прося его предложить англійскимъ ученымъ свои услуги—переводомъ или объясненіемъ удовлетворить ихъ любопытству, если бы они пожелали познакомиться съ какою-либо статьею изъ посланныхъ имъ книгъ. «Безъ сомнѣнія,—пишетъ онъ,—въ посланныхъ имъ «Извѣстіяхъ академическихъ» могли бы они найти много достойнаго любопытства и дальнѣйшихъ о томъ разсужденій, ежели-бъ языкъ нашъ былъ имъ извѣстнѣе, ибо въ нихъ не объ одномъ славянскомъ, но и обо всѣхъ вообще языкахъ разсуждается, и самая польза англинскаго требовала бы, чтобъ они не поверхностно на сіе взглянули, но вошли бы въ основаніе и связь доказательствъ... Невозможно, чтобъ они предметъ сей—единственный, ведущій къ познанію человѣческаго слова, почитали ненужнымъ или недостойнымъ вниманія». Въ этомъ же письмѣ Шишковъ проситъ доставлять матеріалы для сравнительнаго словаря, первое изданіе котораго было сдѣлано Палласомъ при участіи императрицы Екатерины II. Но, кажется, на всѣ эти обращенія Россійская академія не получила никакого отзыва. Все это хотя и не приносило пользы, но характеризуетъ неутомимую дѣятельность Шишкова.

Свои заботы объ языкѣ Шишковъ не ограничивалъ одной литературной сферой, но пытался вторгнуться и въ сферу законодательную. Онъ совѣтовалъ приступить къ составленію новаго уложенія законовъ такимъ образомъ: «Поручить дѣло сіе одному или двумъ избраннымъ особамъ, посѣдѣвшимъ на службѣ отечества, не въ чужихъ краяхъ воспитаннымъ или дышущимъ ихъ духомъ, но кореннымъ русскимъ боярамъ, имѣющимъ достаточныя познанія и—еще болѣе того,—исполненнымъ честности, здраваго разсудка и любви къ народу своему. *Хотя и не легко ихъ найти*, благодаря нынѣшнему такъ-называемому просвѣщенію, однакожъ не совсѣмъ невозможно: есть еще люди, почитающіе истиннымъ просвѣщеніемъ не тѣ ложныя ученія, которыя превратными умствованіями, устраняя добродѣтель и правду, отворяютъ путь ко всѣмъ страстямъ и порокамъ; но тѣ, которыя, отвергая всѣ основанныя на мірскихъ корыстяхъ связи, ведутъ къ Богу по предначертанной имъ самимъ стезѣ. По избраніи сихъ двухъ начальныхъ мужей, надлежитъ избрать еще двухъ, давно служащихъ,

Digitized by Google

опытныхъ по гражданской части, добраго поведенія чиновниковъ, которые бы всѣ наши законы, суды и расправы знали наизусть. *Къ нимъ придать двухъ искусныхъ въ словесности писателей*, изъ которыхъ бы оба они или одинъ знали иностранные языки. Къ сему сообществу присовокупить еще *педанта*, который бы ни одного сомнительнаго или двусмысленнаго слова не пропускалъ безъ того, чтобъ не остановиться на немъ и не потолковать, точно ли оно имѣетъ тотъ смыслъ, въ какомъ употреблено; ибо часто случается въ законахъ, что одно подверженное разнымъ толкованіямъ слово подаетъ поводъ къ ябедамъ и бываетъ причиною самымъ несправедливѣйшимъ притѣсненіямъ» [1])...

В. Стоюнинъ.

[1]) Переписка Шишкова, ч. II, стр. 151.

Digitized by Google

РОМАНИЧЕСКІЙ ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ ЖИЗНИ

ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ

Дневникъ.—Переписка.—Исповѣдь *).

...Болѣзнь моего отца была продолжительная и серьёзная; доктора настоятельно посылали его за границу, на-воды. Трудно было намъ рѣшиться подняться съ больнымъ на рукахъ и пуститься въ далекій путь. Это случилось въ 1860-мъ году; желѣзной дороги между Петербургомъ и Варшавой еще не было. Изъ Витебска, гдѣ жила наша семья, мы поѣхали на Варшаву. Я любила отца горячо, безконечно; мнѣ всегда казалось, что мы съ нимъ составляемъ нѣчто нераздѣльное, не можемъ существовать другъ безъ друга, и я поѣхала съ нимъ или, лучше сказать, повезла его, несмотря на свои девятнадцать лѣтъ. Мать моя должна была остаться съ младшими дѣтьми, братомъ и сестрою.

*) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я получила на храненіе дневникъ одной изъ нашихъ соотечественницъ, г-жи С. С., веденный ею за границею въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ, и вмѣстѣ съ этимъ ея переписку на французскомъ языкѣ съ покойнымъ Лассалемъ, который составилъ для нея лично свой автобіографическій очеркъ въ формѣ исповѣди; оригиналъ этой автобіографіи, также на французскомъ языкѣ, приложенъ къ перепискѣ. Этотъ документъ, равно какъ и письма Лассаля къ г-жѣ С. С., оставались до сихъ поръ неизвѣстными, и сами соотечественники Лассаля не подозрѣвали объ его существованіи. Г-жа С. С., предоставивъ мнѣ право на изданіе этихъ документовъ, взяла на себя трудъ сама перевести письмо и автобіографію на русскій языкъ. Въ непродолжительномъ времени они будутъ изданы и въ оригиналѣ.

Софія А—ъ.

Digitized by Google

Послѣ курса леченія въ Карлсбадѣ, отецъ до того поправился и возстановилъ свои силы, что безъ всякаго труда могъ переѣхать въ Ахенъ для окончанія своего леченія. Дорогой мы заѣзжали во Франкфуртъ-на-Майнѣ, Висбаденъ, Кобленцъ, Боннъ и Кёльнъ. Съ большимъ интересомъ любовались мы живописными рейнскими берегами, и наконецъ часа въ три по-полудни пріѣхали, въ среднихъ числахъ нашего іюля, въ Ахенъ, гдѣ и остановились въ отелѣ «Grand Monarque», рекомендованномъ намъ еще въ Карлсбадѣ.

Коляска наша долго простояла у подъѣзда отеля, такъ какъ мы никакъ не могли добиться отвѣта—есть ли свободный нумеръ: вся прислуга была занята у табль-д'ота. Въ это время стали выходить изъ отеля только-что отобѣдавшіе тамъ посѣтители. Мы отъ нечего-дѣлать разсматривали ихъ. Это были по бо́льшей части англичане; но попадались и такіе, національность которыхъ трудно было опредѣлить. Вмѣстѣ съ другими вышелъ какой-то господинъ, немного выше средняго роста, молодой; онъ держался весьма прямо, вся его фигура выражала что-то горделивое и, можно бы сказать, надменное, если бы на прекрасномъ, замѣчательно-умномъ и блѣдномъ лицѣ его не было выраженія человѣка углубившагося въ свои мысли. Онъ машинально взглянулъ на насъ и вдругъ остановился, какъ будто и его поразило что-то въ нашей наружности. Поразительнаго было въ сущности немного въ фигурахъ мужчины среднихъ лѣтъ, въ пыльной дорожной одеждѣ, съ утомленнымъ видомъ, и дѣвушки въ весьма скромномъ дорожномъ платьѣ съ сумкой черезъ плечо; дѣвушка вовсе не отличалась особенной красотой. Когда наши глаза встрѣтились, онъ вдругъ опомнился, немного смущенный, быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, снова обернулся, постоялъ недолго и пошелъ дальше. Наружность этого человѣка обратила на себя наше вниманіе, мы съ отцомъ переглянулись и сказали: интересно бы узнать, кто это такой? Наконецъ мы помѣстились въ отелѣ; изрѣдка намъ удавалось потомъ видѣть изъ окна гордую фигуру незнакомца, и всегда его голова была высоко поднята и на блѣдномъ лицѣ выражалась всепоглощающая мысль. Обѣдали мы въ разные съ нимъ часы, у источника бывали также не въ одно время.

Хозяева нашего отеля имѣли обыкновеніе давать каждую недѣлю въ своихъ залахъ танцовальные вечера, на которые приглашали всѣхъ своихъ жильцовъ съ ихъ знакомыми изъ другихъ отелей. На первомъ изъ такихъ вечеровъ, послѣ нашего пріѣзда, хозяйка отеля подвела ко мнѣ нашего незнакомца со словами:

Digitized by Google

«Докторъ Лассаль проситъ позволенія быть вамъ представленнымъ»,—и мы отправились вальсировать. По нѣмецкому обычаю, дамы приглашаются однимъ кавалеромъ на весь танецъ. На этотъ разъ я осталась очень довольна этимъ обычаемъ. Между нами скоро завязался интересный и серьёзный разговоръ, такъ что мы по прошествіи нѣсколькихъ минутъ казались старыми знакомыми, давно невидавшимися и продолжающими прерванную бесѣду. Ни одной пошло-вѣжливой фразы, ни одной любезности, никакого обыденнаго разспрашиванья: кто мы, откуда и зачѣмъ пріѣхали? Казалось, что его внутренній, нравственный человѣкъ угадалъ во мнѣ и отцѣ, съ которымъ онъ долго говорилъ по окончаніи вальса,—угадалъ въ насъ людей, способныхъ хорошо понимать задачу его жизни. А намъ съ перваго же раза казалось въ немъ все такъ искренно, такъ правдиво.

Лассаль буквально не отходилъ отъ насъ; я скоро замѣтила, что это обратило на насъ общее вниманіе; нѣсколько знакомыхъ мнѣ дѣвицъ и дамъ стали подшучивать надо мною, увѣряя, что ни одна изъ нихъ не удостоивалась такого вниманія со стороны Лассаля. Какой-то французъ, бонапартистъ, даже предупредилъ меня. «Васъ кажется весь вечеръ преслѣдуетъ Лассаль; я долженъ вамъ сказать, что это ультрамонтаньяръ, ультра-красный; не знаю, какое это можетъ имѣть значеніе для васъ, русской».

На другой день Лассаль зашелъ къ намъ; онъ это сдѣлалъ съ какою-то торжественностію (позже мы узнали, что онъ нигдѣ больше не бывалъ). И послѣ того какъ отецъ отдалъ ему визитъ, онъ сталъ каждый день проводить у насъ вечера; на вечерахъ шла самая горячая, живая бесѣда. Его очень интересовало состояніе нравственнаго быта во всѣхъ слояхъ общества въ Россіи. Мы съ нимъ говорили откровенно. «Да, замѣчалъ онъ, много, много и у васъ дѣла; да гдѣ его мало? Трудно сказать; вездѣ много,—такъ много». И при этомъ открытое его лицо принимало глубокое выраженіе энергической задумчивости, которая у него такъ часто пробѣгала по лицу и заставляла полагать, глядя на него, что въ его умѣ каждая мысль неуклонно сопровождалась неудержимымъ порывомъ къ дѣятельности. Онъ всегда любилъ много говорить, и говорилъ такъ просто и умно, горячо и—главное—съ такою искренностію, что никто, слушая его, не могъ бы усомниться въ его совершенной убѣжденности. Между прочимъ онъ началъ учиться у меня, шутя, русскому языку, при чемъ я замѣтила его дурной слухъ. Понимая и усвоивая на бумагѣ съ замѣчательной быстротою всякое теоретическое знаніе, онъ со словъ ни разу не воспроизвелъ вѣрно ни одного звука;

Digitized by Google

его ухо вовсе не могло различать особенностей нашего языка, и, начавъ писать уже послѣ четвертаго урока небольшія фразы, онъ и послѣ восьми уроковъ, которыми мы и ограничились, не могъ выговорить понятно ни одной фразы.

Въ Ахенѣ Лассаль, такъ же какъ и отецъ мой, находился для пользованія водами. У него былъ застарѣлый ревматизмъ, и случались дни, когда физическое страданіе отражалось на его блѣдномъ лицѣ, которое казалось тогда еще худѣе. Однако страданія эти нисколько не измѣняли настроенія его духа, всегда бодраго. Часто послѣ обѣда онъ принималъ теплыя ванны и иногда вечеромъ приносили его въ закрытыхъ носилкахъ, въ родѣ очень маленькой каретки или ящика, изъ которыхъ онъ очень курьёзно выглядывалъ, и надъ которыми самъ много трунилъ.

По вечерамъ я много пѣла и играла на фортепьяно; Лассаль любилъ слушать мое пѣніе и игру. Русскіе романсы и пѣсни заставлялъ переводить и всегда очень хорошо запоминалъ ихъ смыслъ. Ему особенно нравились мелодіи Глинки; въ музыкѣ жаворонка онъ находилъ много нѣжной прелести, а въ словахъ — наивной нѣжности.

Отецъ ранѣе меня замѣтилъ свойство привязанности Лассаля ко мнѣ; онъ боялся увлеченія и съ моей стороны. Его страшила мысль видѣть участь дорогого дѣтища связанною съ участью человѣка, который самъ говорилъ о себѣ, что онъ ходитъ по вулканамъ. Сама же я долго ничего не замѣчала, и хотя потомъ и стала подозрѣвать въ чемъ дѣло, но, увлекаясь его рѣчами, горячо симпатизируя ему лично, я, какъ женщина, оставалась къ нему совершенно равнодушною.

Отецъ окончилъ свое леченіе, и мы собрались въ Брюссель, навѣстить одну особу, дружески къ намъ расположенную. За нѣсколько дней до нашего отъѣзда, въ Ахенъ пріѣхала къ Лассалю его другъ, графиня Гацфельдъ, имя которой въ Германіи постоянно связывалось съ именемъ Лассаля. Онъ часто упоминалъ о ней въ разговорахъ съ нами, называя ее «mon amie maternelle», и говорилъ о ней съ глубокой преданностію и нѣжностію. Мы съ ней познакомились. Она была уже старуха, но старуха все еще красивая, ясно сохранившая неоспоримыя черты красоты. Величественная наружностію, независимая, серьёзно образованная, что не часто встрѣчается между женщинами высшаго германскаго круга, она безспорно принадлежала къ натурамъ исключительнымъ. Къ Лассалю она относилась съ материнскою нѣж-

Digitized by Google

ностію. Въ Ахенѣ мы съ ней были не долго и могли судить о ней только по первому впечатлѣнію.

Лассаль проводилъ насъ на желѣзную дорогу и взялъ съ насъ обѣщаніе посѣтить его въ Берлинѣ, куда онъ долженъ былъ скоро уѣхать. Изъ Брюсселя я писала къ нему въ Ахенъ, прося его исполнить маленькое порученіе и увѣдомляя его о томъ, что мы раздумали ѣхать въ Парижъ, а скоро будемъ проѣздомъ опять въ Ахенѣ.

На другой же день я получила его фотографическій кабинетный портретъ и слѣдующее письмо, писанное на французскомъ языкѣ, какъ и всѣ письма Лассаля ко мнѣ:

«О, какое разочарованіе! я получаю письмо, письмо отъ васъ! я узнаю вашъ почеркъ, брюссельскій штемпель, читаю восхитительное слово, послужившее вамъ печатью [1])! О, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ я распечатывалъ это письмо, постоянно опасаясь разорвать даже конвертъ, исходившій изъ вашихъ рукъ! И что же? Я открываю его, и что же я нахожу вмѣсто письма—нѣсколько набросанныхъ строкъ, маленькое порученіе, нѣсколько незначительныхъ фразъ, какія обыкновенно бросаются каждому,—и ничего, ничего болѣе! *О, Софія Адріановна* [2])! Совсѣмъ *иное* письмо *я* написалъ бы вамъ, если бы я писалъ *вамъ — первый*. Я, впрочемъ, нашелъ средство продлить это короткое письмо! Я прочелъ его десять, тридцать, сто разъ, и устроилъ себѣ такимъ образомъ счастіе на два часа.

«Итакъ, спасибо вамъ за это скромное счастіе.

«Но прежде всего меня серьёзно опечалило извѣстіе о томъ, что вашъ отецъ до того ослабѣлъ и усталъ, что не можетъ предпринять предположеннаго путешествія въ Парижъ. Судите, эгоистъ ли я?

«Такъ какъ вы намѣрены прямо возвратиться въ Россію, то вы *вынуждены* ѣхать на Берлинъ. Вы не можете избрать другого пути. Это самый краткій. Этотъ путь избралъ бы каждый на вашемъ мѣстѣ. Значитъ, я васъ снова увижу, я увижу васъ, Софія Адріановна, и, несмотря на невыразимость счастія, которое я испытываю при этой мысли, я чувствую себя грустнымъ и опечаленнымъ: причина этого счастія—сознаніе, что здоровье вашего отца хуже и менѣе возстановлено, чѣмъ я ожидалъ!

«Но онъ посовѣтуется съ Фрериксомъ въ Берлинѣ—и повѣрьте

---

[1]) Semper idem.

[2]) Написано по-русски.

Digitized by Google

мнѣ, онъ въ этомъ не будетъ раскаяваться. Было бы очень дурно не посовѣтоваться съ такимъ медикомъ.

«Итакъ, я васъ увижу, я васъ увижу! Ахъ, если бы вы знали, сколько радости для меня въ этихъ трехъ словахъ! Но, несчастная, къ чему вы приказали мнѣ писать вамъ по-французски. Это, впрочемъ, совершенно противоположно нашимъ условіямъ! Для меня никакое сердечное излiяніе невозможно ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ моего родного! Ахъ, если бы я вамъ писалъ по-нѣмецки, сколько жизни, сколько движенія было бы въ этомъ письмѣ! Оно не было бы, какъ теперь, мертвыми буквами, сочетаніемъ слоговъ со слогами, словъ со словами! Каждое слово было бы индивидуальнымъ существомъ, одушевленнымъ, оживотвореннымъ душевною теплотою, которую я бы имъ сообщилъ. Каждое изъ нихъ было бы маленькою птичкою съ трогательнымъ пѣніемъ, съ позолоченными крылышками, которые бы не нуждались въ этой медлительной почтѣ; нѣтъ, онѣ полетѣли бы сами собою и опустились бы предъ вами, чтобы цѣловать вамъ руки и ноги!

«Въ самомъ дѣлѣ, Софи, сдѣлайте мнѣ удовольствіе, сдѣлайте мнѣ громадную услугу, — изучите хорошенько нѣмецкій языкъ. Правда, я намѣревался выучиться по-русски. И очень можетъ быть, что я могъ бы выучиться гораздо легче, чѣмъ вы думаете. Я могъ бы выучиться въ четыре или три мѣсяца, и я, конечно, сдѣлалъ бы это, имѣй я возможность пожертвовать этому языку тремя-четырьмя мѣсяцами моего времени. Можетъ быть, у меня еще найдется это время, и, вѣрьте мнѣ, я тогда не замѣшкаюсь съ этимъ дѣломъ! Но я человѣкъ задавленный грудою работъ и дѣятельности, о которыхъ не могу даже дать вамъ вѣрнаго понятія. Очень можетъ быть, что, несмотря на всѣ усилія моей воли, у меня не найдется столько свободнаго времени.

«А, между тѣмъ, когда мы свидимся въ будущемъ году — а въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія — надо, чтобы мы понимали другъ друга вполнѣ, чтобы ни малѣйшій оттѣнокъ не ускользалъ отъ насъ, чтобы ни малѣйшая интонація, чтобы самый неуловимый колоритъ не оставались бы намъ чужды.

«А вы, молодая дѣвушка, которой ровно нѣчего дѣлать, вы — существо совершенно лишнее въ мірѣ, у котораго нѣтъ другой цѣли, другого занятія, кромѣ самаго высокаго и возвышеннаго изъ всѣхъ — содѣланіе счастливыми другихъ очарованіемъ самаго существованія вашего, — вы можете это сдѣлать для меня, тѣмъ болѣе, что вы уже знаете нѣмецкій языкъ и вамъ нужно только постоянное чтеніе по-нѣмецки, въ особенности чтеніе нашихъ

Digitized by Google

поэтовъ, чтобы говорить и понимать нѣмецкій языкъ въ совершенствѣ.

«Вотъ, рука моя поднимается отъ этой бумаги, направляется къ вамъ, беретъ вашу руку и я получаю ваше торжественное обѣщаніе.

«Благодарю, это условлено! Вы это сдѣлаете.

«Но не надо заблуждаться: вы должны еще много читать, чтобы вполнѣ успѣть.

«Читайте также кое-что изъ брошюръ Г., изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ и знакомыхъ уже вамъ по-русски. Это поможетъ вамъ хорошо понять духъ нашего языка и проникнуться имъ.

«Я возвращаюсь къ вашему письму. Адресъ невѣренъ. Вы поставили предъ моимъ именемъ частицу «de», которая не принадлежитъ мнѣ. Я имѣю честь не быть благороднымъ. Буржуа—по рожденію, *народъ*—по сердцу, я не имѣю ни права, ни желанія носить это «de», отличительную принадлежность фамилій, называвшихъ себя благородными потому, что они владѣли небольшими деревнями или землями, и имена которыхъ съ частицею «de» доказывали владѣніе и происхожденіе. Но, какъ мнѣ ничто не принадлежитъ, кромѣ всего міра, то я не могу обособлять и не хочу уменьшать своего происхожденія и владѣнія этимъ отличительнымъ знакомъ.

«Я ѣду завтра или послѣзавтра. Остановлюсь на три дня въ Кёльнѣ, по дѣламъ. Здоровье мое не совсѣмъ хорошо. Вы найдете меня еще больнымъ въ Берлинѣ. Но въ будущемъ году вы увидите меня совсѣмъ инымъ, кипящимъ силой, здоровьемъ, а при видѣ васъ и вашего отца—также и счастьемъ.

«Но гдѣ же мы встрѣтимся въ будущемъ году? Будете ли вы путешествовать въ Германіи, и тогда напишите мнѣ о вашемъ мѣстопребываніи—и я присоединюсь къ вамъ. Или же я сдѣлаю возможною для себя поѣздку въ Россію?

«Теперь мои самыя искреннія поздравленія съ вашими именинами. Мои поздравленія вамъ и мои поздравленія самому себѣ, потому что я, право, долженъ поздравить себя съ тѣмъ, что вы носите имя Софіи, которое мнѣ служитъ хорошимъ предсказаніемъ и которое для меня всегда олицетворяло все доброе, прекрасное, симпатичное. Провидѣніемъ было предписано свыше, чтобы вы не могли носить другого имени. Вы знаете, что графиню также зовутъ Софіей.

«Желая сдѣлать вамъ маленькое поклоненіе, я счелъ за лучшее побѣдить свое тщеславіе. Это маленькая жертва со стороны

Digitized by Google

моего самолюбія — дозволить себя фотографировать *для васъ* въ такомъ болѣзненномъ состояніи. Посылаю вамъ съ сегодняшнею почтою портретъ, совершенно счастливый, если онъ будетъ иногда напоминать вашему отцу друга, умѣвшаго его понять, и который любитъ его и восхищается имъ,—и совершенно несчастный, если онъ окажется вамъ нужнымъ, чтобы припоминать оригиналъ.

«Хотѣлось бы никогда не кончать этого письма. Такъ отрадно писать вамъ даже въ испорченныхъ выраженіяхъ иностраннаго языка. Но все же нужно окончить когда-нибудь, а потому лучше прекратить внезапно, жестоко и отчаянно, какъ отчаянна сама необходимость окончить. Будь я музыкантъ-композиторъ, я бы всегда оканчивалъ диссонансомъ.

«Прощайте, вашъ

Ф. Лассаль.

„Ахенъ.—26 сентября, 1860 года.

«PS. Графиня поручаетъ мнѣ напомнить о ней вамъ и вашему отцу, съ ея искренними привѣтствіями.

«Возвращаясь съ желѣзной дороги, я свелъ счетъ того, сколько вашъ отецъ долженъ былъ получить сдачи съ денегъ, данныхъ имъ моему слугѣ для покупки билетовъ. Онъ долженъ былъ получить, кромѣ серебряныхъ монетъ, еще два съ половиною наполеона, а, мнѣ кажется, онъ получилъ только полтора наполеона, кромѣ мелочи.

«Будьте такъ добры, скажите—не ошибаюсь ли я?

«Я исполнилъ ваше порученіе. Вы будете мнѣ отвѣчать—неправда ли? Еще изъ Брюсселя? О, да, вы будете мнѣ отвѣчать, я знаю! Пропустите два или три дня, и въ воскресенье напишите мнѣ въ Берлинъ, улица Бель-вю, № 13. Письмо меня найдетъ уже тамъ, такъ какъ я пріѣду въ Берлинъ въ понедѣльникъ утромъ».

Здоровье моего отца снова немного разстроилось, и мы должны были торопиться уже не обратно въ Россію, а въ Дрезденъ, гдѣ отцу совѣтовали обратиться къ доктору Вальтеру. Я написала Лассалю, что намъ не скоро придется быть въ Берлинѣ, и просила его писать къ намъ въ Дрезденъ. Но каково же было наше удивленіе, когда, заѣхавъ проѣздомъ въ Ахенъ, чтобы взять забытый нами на столѣ паспортъ, мы нашли Лассаля поджидавшимъ насъ. Выраженіе радости его было такъ горячо и нѣжно, что во мнѣ стали укрѣпляться подозрѣнія относительно свойствъ его чувства ко мнѣ. Но, въ то же время, меня не оставляло

Digitized by Google

убѣжденіе, что и простой дружбы слишкомъ много отъ такого человѣка, какъ Лассаль, къ дѣвушкѣ очень молодой, и которая, по различію возрастовъ, во всякомъ случаѣ, скорѣе могла быть только его ученицей—не больше. Я отогнала свои подозрѣнія и продолжала относиться къ нему такъ же просто, тепло и естественно, какъ и прежде. Пробывъ дня два въ Ахенѣ, мы отправились въ Дрезденъ. Лассаль и графиня ѣхали съ нами до Кёльна, гдѣ мы должны были отправиться въ разныя стороны: они въ Берлинъ, а мы въ Дрезденъ. Дорогой Лассаль много говорилъ, разсказывалъ намъ свое торжество въ Кёльнѣ и Дюссельдорфѣ; описывалъ свои аресты и неоднократныя тюремныя заключенія; затѣмъ, говорилъ о судѣ надъ нимъ, на которомъ онъ доказывалъ, что бывшіе предъ нимъ судьи недостойны судить его; гдѣ онъ былъ блистательно оправданъ присяжными и вынесенъ толпою на рукахъ съ громкими «ура»; разсказывалъ, какъ онъ, послѣ суда, на площади встрѣтилъ своего стараго отца, упавшаго на мостовую съ рыданіемъ, восклицая: «дитя мое, дитя мое!» Вообще, Лассаль всю дорогу былъ особенно веселъ и разговорчивъ; казался въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, которое совсѣмъ прошло при въѣздѣ въ Кёльнъ. Мы въ Кёльнѣ пробыли два дня; многое осматривали. Съ нами ходили неуклюжіе нѣмецкіе гиды и монотонно объясняли достопримѣчательности города. Въ другое время эта монотонность взорвала бы Лассаля, онъ, конечно, прогналъ бы гидовъ и самъ бы сталъ намъ все пояснять, но тутъ онъ все время молчалъ, былъ очень блѣденъ и казался то разсѣяннымъ, то сосредоточеннымъ на какой-то неотвязной мысли. Я нѣсколько разъ слышала, что онъ глубоко вздохнулъ и нѣсколько разъ встрѣчала его глаза, съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ устремленные на меня.

Все это продолжалось до обѣда второго дня нашего пребыванія въ Кёльнѣ. За обѣдомъ, хотя онъ ни къ чему ровно не прикоснулся и все-таки продолжалъ упорно молчать, лицо его оживилось, глаза снова заблистали и все его прекрасное, благородное лицо приняло выраженіе какого-то твердаго, непоколебимаго рѣшенія. Казалось, что онъ что-то задумалъ сдѣлать и что никакая сила не въ состояніи заставить его перемѣнить это рѣшеніе. Я была увѣрена, что присутствовала при зачатіи какого-нибудь новаго дѣла или идеи, зародившихся въ умѣ этого сильнаго человѣка. Я не рѣшалась спросить его, что онъ создалъ, о чемъ онъ думалъ въ эти два дня. Я думала, что онъ и самъ не утерпитъ и скажетъ это мнѣ, своему другу. И дѣйствительно, онъ самъ сказалъ! Но насколько я была далека отъ того, что

Digitized by Google

зародилось въ душѣ этого человѣка, можетъ доказать мое полное смущеніе, когда, оставшись случайно со мною наединѣ, онъ быстро подошелъ къ окну, у котораго я стояла, и вдругъ, совершенно неожиданно для меня, высказалъ мнѣ самую необузданную, неудержимую страсть ко мнѣ. Онъ говорилъ, что уже давно отдалъ мнѣ вполнѣ свое сердце, что для него немыслима жизнь безъ меня, что онъ не считаетъ меня обыкновенной, красивой дѣвушкой, а чѣмъ-то высшимъ, вдохновеніемъ, нравственной силой и пр. и пр. Онъ говорилъ все это въ такихъ пылкихъ и страстныхъ выраженіяхъ, что ихъ невозможно повторить. Онъ молилъ меня о взаимности, такъ сильно и неотступно! Казалось, каждый мускулъ его лица отражалъ все то, что̀ вырывалось у него въ словахъ. Я стояла передъ нимъ совершенно ошеломленная. Въ это время вошелъ мой отецъ. Я хотѣла сказать Лассалю откровенно, что такою любовью я не люблю его, что я еще не знаю этого пыла, этого огня, что моя душа еще свободна, но онъ вдругъ остановилъ меня рѣшительнымъ шопотомъ, сказавъ: «потомъ! каковъ бы ни былъ вашъ отвѣтъ, я хочу слышать его одинъ; никто, даже отецъ вашъ не долженъ быть при этомъ».

Сказавъ это, Лассаль быстро вышелъ.—А я стояла неподвижно. На вопросъ отца, что̀ со мною, я начала отъ слова до слова передавать ему, какъ моему лучшему другу, частью души котораго я себя считала,—все, что̀ случилось. Меня поразили этотъ пылъ, эта страсть; я была оглушена ими, скажу больше, они льстили мнѣ, трогали меня, но сердце мое молчало. Отецъ былъ ужасно взволнованъ. Онъ давно замѣчалъ, какъ сильно личность Лассаля затронула мое юное воображеніе, и боялся этой страсти Лассаля къ его «дѣвочкѣ»; ему казалось невозможнымъ, чтобы я не отозвалась всею душою на такую страсть. Признаюсь, и мнѣ самой казалось страннымъ, почти непонятнымъ, что я оставалась равнодушною къ его любви, къ его мольбамъ. Я долго думала объ этомъ и, наконецъ, пришла къ заключенію, что я сама себя не понимаю и что нельзя не отвѣчать любовью на любовь такого человѣка; что я или вовсе не понимаю, и не могу понять этого чувства, или что любовь къ нему еще не развилась во мнѣ. То казалось мнѣ невозможнымъ отвергнуть его чувства, то, чрезъ нѣсколько минутъ, казалось еще болѣе невозможнымъ принять его любовь.

Вечеромъ мы всѣ пили чай въ комнатѣ графини, которая, вѣроятно, предупрежденная Лассалемъ, отвлекла моего отца въ отдаленный уголъ, занявъ его какими-то гравюрами. Едва мы остались одни съ Лассалемъ у чайнаго стола (онъ былъ очень

Digitized by Google

блѣденъ и имѣлъ совсѣмъ утомленный видъ), какъ онъ, задыхаясь, шопотомъ попросилъ моего отвѣта. Онъ смотрѣлъ на меня съ такою любовью, казалось, ждалъ съ такимъ страхомъ моего рѣшенія, что мнѣ стало жаль его, и я отвѣтила, что можетъ быть полюблю его. Но я сказала это такъ спокойно, такъ холодно, что мнѣ и самой въ ту минуту показалось, что этого никогда не будетъ. Спрашивая это, онъ взялъ меня за руку. Послѣ моего отвѣта онъ тотчасъ выпустилъ ее, лицо его стало еще блѣднѣе и приняло такое холодное выраженіе, что меня это поразило, и я замѣтила ему, что онъ, кажется, недоволенъ моимъ отвѣтомъ,— онъ не успѣлъ ничего сказать, какъ подошелъ отецъ, и разговоръ сдѣлался общимъ.

Лассаль былъ очень взволнованъ весь вечеръ. Я была тогда еще такимъ ребенкомъ, что не могла оцѣнить всю глубину его чувства, и мнѣ, сидя въ тотъ вечеръ за этимъ чайнымъ столомъ, было только досадно, зачѣмъ все это случилось. Мнѣ до тѣхъ поръ было такъ легко съ человѣкомъ, умъ, энергія, геній котораго я умѣла оцѣнить и понять. Я до тѣхъ поръ считала себя его ученицею, наконецъ, считала себя его молодымъ товарищемъ, и это меня радовало, я была съ нимъ совсѣмъ свободна — онъ мнѣ казался близкимъ. А теперь, вдругъ, какъ будто все перемѣнилось. Онъ сталъ какой-то чужой. Ну, зачѣмъ онъ призналъ во мнѣ женщину? Зачѣмъ онъ полюбилъ меня этой ежедневной, обыкновенной любовью? Это такъ стѣсняло меня, — такъ волновало его. Я видѣла въ этомъ конецъ нашей дружбѣ. И не могла разбудить въ себѣ отвѣта на его любовь. Почему? Я и сама не знаю. Я тогда еще не знала и только много позже почувствовала, что̀ такое любовь, та всепоглощающая, всеобъемлющая, сама себя питающая любовь, которая, не спрашивая почему и зачѣмъ, охватываетъ все существо и дѣлаетъ другого такимъ дорогимъ для насъ, такимъ необходимымъ, какъ воздухъ, которымъ мы дышемъ. Я не знала, что любимъ мы тогда, когда это уже не составляетъ вопроса, когда при всемъ желаніи сказать *нѣтъ* говорится *да*. Но все это узналось гораздо позже—и не въ отношеніи къ Лассалю.

Лассаль не понималъ тогдашняго состоянія моей души и не переставалъ требовать самымъ деспотическимъ образомъ отзыва на свою страсть. Когда я стала ему говорить, что рѣшительно не могу отвѣчать на его любовь, онъ это приписывалъ просто скромности дѣвушки, и требовалъ, чтобы я все хорошенько обдумала и провѣрила бы свое сердце, говоря, что онъ отказа моего теперь не принимаетъ. Тогда я попросила его болѣе не касаться

Digitized by Google

этого предмета и дать мнѣ возможность спокойно отвѣтить ему письменно изъ Дрездена, куда мы выѣхали на другой день. Онъ и графиня должны были въ тотъ же день оставить Кёльнъ и ѣхать, чрезъ Дюссельдорфъ, въ Берлинъ. Въ Дрезденѣ Лассаль совѣтовалъ намъ остановиться въ Отель-де-Саксъ, гдѣ я и получила на другой день по пріѣздѣ отъ него письмо (къ сожалѣнію, затерянное), въ которомъ онъ просилъ меня не писать ему ничего рѣшительнаго, пока я не получу его длиннаго письма—манускрипта, въ которомъ я найду его задушевную исповѣдь и послѣ котораго онъ будетъ ждать моего рѣшительнаго отвѣта, а также и отвѣта моего отца. Письмо это могло быть готово черезъ нѣсколько дней, а до тѣхъ поръ онъ просилъ не прерывать нашу дружескую переписку. Я согласилась, и мнѣ опять стало легче и пріятнѣе съ нимъ переписываться по прежнему, не касаясь тяжелаго для меня вопроса.

Отцу моему снова стало хуже, и докторъ Вальтеръ, сначала помогшій ему, совѣтовалъ остаться дольше въ Дрезденѣ, что́ лишало насъ возможности, возвращаясь домой, заѣхать въ Берлинъ, какъ мы это обѣщали Лассалю. Все это я подробно ему сообщила въ письмѣ, которое онъ, очевидно, получилъ позже другого, гдѣ былъ *только* между прочимъ одинъ намекъ на то, что мы не будемъ проѣзжать чрезъ Берлинъ, а поѣдемъ прямо на Варшаву. Этотъ намекъ сильно возмутилъ Лассаля, онъ немедленно телеграфировалъ слѣдующее: «Не понимаю вашего письма. Измѣнили-ли вы свое намѣреніе быть въ Берлинѣ? Вы этого не говорите, но это можно заподозрить изъ вашего письма. Отвѣтьте телеграммой, заклинаю васъ. Докторъ Фрериксъ уже ждетъ вашего отца. *Лассаль*».

Я депешею же отвѣчала, что мы рѣшились миновать Берлинъ, такъ какъ должны дольше остаться въ Дрезденѣ и потомъ спѣшить прямо домой. Въ отвѣтъ на эту депешу мы получили письмо весьма оригинальное; оно, къ сожалѣнію, какъ и отвѣтъ моего отца, затеряно. Въ этомъ бѣшеномъ письмѣ Лассаль говорилъ, что отецъ и я обманули его. Что онъ уже нѣсколько недѣль живетъ надеждой видѣть насъ у себя въ Берлинѣ, что мы *дали ему въ этомъ слово*, а теперь, безъ всякихъ разъясненій поступаемъ съ нимъ какъ съ мальчишкой, *только* увѣдомляя его, что измѣнили свое рѣшеніе, не объясняя, почему и какъ. Цѣлыя страницы негодованія и отчаянія. Онъ писалъ, что «плачетъ отъ злости надъ этимъ письмомъ». Отецъ, понимая, что во всемъ этомъ кроется недоразумѣніе, видя, что наше первое письмо не было получено Лассалемъ, написалъ ему дружеское письмо,

Digitized by Google

полное юмора надъ его гнѣвомъ и незаслуженнымъ нами негодованіемъ. Между прочимъ, отецъ писалъ Лассалю, что находитъ его прекраснымъ даже и въ такомъ бѣшенствѣ, потому что онъ и въ этомъ такъ же искренень и вѣренъ себѣ, какъ и во всемъ. Вотъ отвѣтъ Лассаля:

Пятница, 5 октября, 1860 г.

«Сію минуту я получилъ ваше письмо, написанное 2 октября и помѣченное почтой 4-го октября. Нѣтъ сомнѣнія, что это письмо первое, что оно написано *прежде* того, которое я получилъ вчера и на которомъ стоитъ почтовый штемпель 3-го октября. Но хотя это сегодняшнее письмо въ сущности первое написанное вами, я получилъ его позже другого, потому что или вы забыли раньше отправить его, или оно подверглось небрежности почты. Это письмо отъ 2 октября объясняетъ мнѣ вполнѣ, что вы не пріѣдете сюда, объясняетъ также, почему вы такъ вскользь объ этомъ сказали въ письмѣ, полученномъ мною прежде. Если сегодня мнѣ такъ же больно, какъ и вчера, знать, что вы не пріѣдете сюда, по крайней мѣрѣ теперь предо мною лежатъ разумныя и подробныя объясненія; я по крайней мѣрѣ предупрежденъ. И я болѣе не въ правѣ упрекать васъ въ беззаботности, легкомысліи, въ полномъ равнодушіи ко мнѣ, какъ сдѣлалъ это вчера. Итакъ, я на колѣняхъ прошу у васъ тысячу разъ прощенія за мое вчерашнее письмо! Я сконфуженъ, мнѣ стыдно порывистости и страсти, съ которыми я вамъ написалъ. Но, Софи, вы простите меня, я надѣюсь, такъ какъ это только моя страстная любовь къ вамъ породила во мнѣ лихорадочный порывъ, съ которымъ я писалъ это письмо. О! когда я узналъ, что вы не пріѣдете сюда—и еще болѣе, когда я увидѣлъ, что вы даже не даете себѣ труда объяснить мнѣ причины этого и молчите съ дѣтскою безпечностью о такомъ важномъ и серьёзномъ для меня вопросѣ, какъ ни въ чемъ не бывало,—о, тогда, меня охватило бѣшенство, лихорадка въ сердцѣ, отчаяніе и злость въ душѣ! Если я согрѣшилъ, то согрѣшилъ въ силу своей страсти, Софи, и поэтому вы простите меня теперь, когда видите, что небрежность почты была причиною этого недоразумѣнія, вполнѣ понятнаго съ моей стороны при существующихъ обстоятельствахъ.

«Но если вы меня и простите даже, то что̀ подумалъ вашъ отецъ о моей непонятной депешѣ, непонятной для васъ обоихъ, такъ какъ вы ничего не знали о замедленія вашего перваго письма. О! онъ навѣрное счелъ меня помѣшаннымъ, онъ, конечно, раздраженъ противъ меня и не знаетъ, какъ объяснить себѣ мое поведеніе. Въ особенности когда я думаю, что вы могли показать

Digitized by Google

ему *мое вчерашнее письмо*.—О, эта мысль заставляетъ меня краснѣть отъ стыда, мнѣ дѣлается такъ мучительно больно!!—Софи, прошу васъ, заклинаю васъ, объясните ему мое поведеніе, скажите ему, что я еще не получилъ вашего письма, когда телеграфировалъ вчера и писалъ къ вамъ (если вы ему показали это несчастное письмо), и что я телеграфировалъ только, чтобы освободиться отъ неувѣренности, въ которой находился въ такой степени, что былъ какъ сумасшедшій, какъ помѣшанный, и сталъ дерзокъ. Но что же я сдѣлалъ? То, что всякій другой сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ подъ ужаснымъ вліяніемъ небрежности почты. О! скажите мнѣ, что онъ не золъ на меня. Пусть онъ самъ напишетъ по-русски мнѣ нѣсколько словъ и переведите мнѣ ихъ по-французски.

«Итакъ, я знаю теперь, что вы не можете пріѣхать, и знаю почему.

«Я серьёзно сожалѣю объ этомъ для вашего отца. Я несомнѣнно убѣжденъ что Фрериксъ помогъ бы ему въ тысячу разъ болѣе Вальтера, который у насъ уже не пользуется никакой славой.

«Но поѣду-ли я въ Дрезденъ! О, Софи, какія бываютъ неудачныя встрѣчи, какія неожиданныя случайности.

«Я не стану говорить о моей болѣзни. Хотя бы я и причинилъ себѣ много вреда, я бы на это не обратилъ вниманія и не положилъ бы болѣзнь на вѣсы съ возможностью видѣть васъ. Я бы полетѣлъ въ Дрезденъ—но сегодня въ 6 часовъ утра мой старый отецъ и моя старая мать, живущіе обыкновенно въ Бреславлѣ, пріѣхали сюда совершенно неожиданно для меня.

«Они пріѣхали, услыхавъ, что я не излечился, и эта вѣсть повергла ихъ въ смертельную тревогу. Ну, какъ уѣхать именно теперь, когда они пріѣхали съ отчаяніемъ въ сердцѣ, чтобы увидать меня? Конечно, ихъ страхъ преувеличенъ, но вы знаете: отецъ и мать всегда все преувеличиваютъ, когда дѣло идетъ объ ихъ дѣтищѣ. Поѣхать теперь, пока они здѣсь, было бы слишкомъ безсердечно. Тѣмъ болѣе, зная, что я не долженъ выходить изъ своей комнаты, они возстанутъ всѣми силами противъ моей поѣздки. И я только силой могъ бы побѣдить ихъ противодѣйствіе. Но я еще не знаю, не съумѣю ли я устроить себѣ чрезъ восемъ или десять дней возможность поѣздки не надолго въ Дрезденъ, въ настоящую же минуту мнѣ ѣхать невозможно, и невозможно заранѣе разсчитывать навѣрное на эту поѣздку.

«Сегодня или завтра я окончу переписываніе моего манускрипта въ сорокъ страницъ, и пошлю вамъ его по почтѣ заказ-

Digitized by Google

нымъ письмомъ. Въ этомъ посланіи я прошу вашей руки, если вы захотите дать мнѣ ее послѣ прочтенія всего, что я написалъ въ немъ.

«Итакъ, можетъ быть оно и лучше, что я не могу поѣхать въ Дрезденъ. Если вы откажете—о, тогда лучше мнѣ не видѣть васъ болѣе, чтобы напрасно не увеличивать во сто кратъ мое горе.

«А если вы согласитесь—о! тогда... тогда!!

Фердинандъ Лассаль.

«Будьте такъ добры, не франкируйте вашихъ писемъ; они не такъ вѣрно доходятъ, когда франкированы. И сегодняшнее ваше письмо опоздало вѣроятно потому, что было франкировано. Не дѣлайте же этого болѣе, я также не буду франкировать своихъ.

«PS. Я едва успѣлъ запечатать это письмо, какъ мнѣ принесли ваше вчерашнее письмо, отвѣтъ на мою депешу и самое вчерашнее письмо.

«Софи, я уже сказалъ вамъ, что вы имѣете право дѣлать мнѣ всевозможные упреки, самые строгіе, но я не заслужилъ именно того, который вы мнѣ дѣлаете. Вы говорите, что я хорошо понялъ ваше письмо, но не повѣрилъ вашимъ доводамъ. Вы теперь уже знаете, что я не могъ понять *второе* письмо, не получивъ *перваго*. Вотъ почему я и не заслужилъ этого упрека!

«Но ваши слова: «мой отецъ ждетъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ минуты, когда ему можно будетъ *исполнить свое обѣщаніе*, навѣстить васъ въ Берлинѣ». Эти слова, слишкомъ жестокія, сильно даютъ мнѣ понять все неприличіе моей вчерашней депеши и письма, тѣмъ болѣе пока вы еще ничего не узнали о томъ, что ваше первое письмо опоздало. Эти слова жестоко говорятъ мнѣ слѣдующее: вы злоупотребляете нашимъ обѣщаніемъ, вы придерживаетесь строго формальной стороны нашего обязательства,—ну, хорошо, мы его выполнимъ, мы рабы нашего слова и мы съумѣемъ исполнить свое обѣщаніе». — Я чувствую, что вполнѣ заслужилъ, Софи, это тяжелое для меня наказаніе.

«Но теперь за то, что я испыталъ самую ужасную боль, простите меня и скажите мнѣ, что прощаете меня. Простите меня, я умоляю васъ на колѣняхъ.

«Долженъ ли я еще прибавлять, что я страшно огорченъ извѣстіемъ о болѣзни вашего отца?»

Вотъ отвѣтъ Лассаля на письмо моего отца:

Digitized by Google

«Милостивый государь!

«Я чувствую себя такъ глубоко униженнымъ, такъ вполнѣ униженнымъ и уничтоженнымъ вашимъ письмомъ, что не могу дать вамъ объ этомъ и малѣйшаго понятія.

«Доброта ваша, господствующая въ немъ, не можетъ уменьшить этого впечатлѣнія, напротивъ—она увеличиваетъ его.

«Дать возможность человѣку, подобному вамъ, думать, что я не вѣрю его слову и слову его дочери; заставить человѣка, подобнаго вамъ, снизойти до подробныхъ объясненій со мной,—это положеніе до того постыдное, что ничто, ни даже сознаніе моей невинности, не можетъ извинить меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. Я по крайней мѣрѣ могу *доказать*, что не заслужилъ этого положенія, что никогда не сомнѣвался въ вашемъ словѣ, въ словѣ вашей дочери.—И, конечно, надо быть весьма недостойнымъ, чтобы совершить такое преступленіе, оно не дозволило бы мнѣ смотрѣть на самого себя какъ на порядочнаго человѣка! Я могу доказать, говорю я, что не совершилъ преступленія, въ которомъ вы хотите обвинить меня и потомъ прощаете, но въ которомъ ничто не могло бы извинить меня въ моихъ собственныхъ глазахъ, если бы я его совершилъ.

«Я посылаю вамъ первое письмо вашей дочери; замѣтьте хорошо, милостивый государь, что это было *первое* письмо, которое я получилъ отъ вашей дочери по возвращеніи моемъ въ Берлинъ. Въ самомъ письмѣ нѣтъ числа. Но на конвертѣ почтовый штемпель 3-го. Значитъ, это первое письмо.

«Теперь прошу васъ прочесть это письмо, слово въ слово.—

«И вы увидите, что оно заключаетъ: нѣсколько словъ о князѣ Г., немного бесѣды, и ни одного слова о вашемъ здоровьѣ, ни одного слова о томъ, что докторъ предписываетъ вамъ остаться въ Дрезденѣ, что болѣзнь ваша ухудшилась, что вы должны выдержать курсъ леченія въ Дрезденѣ, ни одного слова,—ни одного слова о состояніи вашего здоровья.

«А съ другой стороны ни слова о вашемъ пріѣздѣ въ Берлинъ; даже нѣтъ увѣдомленія о перемѣнѣ вашего намѣренія быть въ Берлинѣ, по какимъ бы то ни было причинамъ, въ которыхъ, конечно, я не присвоилъ бы себѣ право требовать разъясненія, но только лишь приглашеніе мнѣ пріѣхать, съ своей стороны, въ Дрезденъ, «чтобы доставить намъ еще разъ удовольствіе видѣть васъ».

«Слѣдовательно, молчаливое, но весьма ясное указаніе на то, что вы не пріѣдете сюда, не удостоивая меня точнаго и формальнаго объ этомъ извѣщенія.

Digitized by Google

«Повидимому, *полнѣйшее забвеніе* того, что вы *имѣли какое-нибудь намѣреніе пріѣхать сюда!*

«Въ отвѣтъ на это полное забвенія письмо, такъ легко говорившее о вашемъ сюда пріѣздѣ, какъ о вопросѣ для меня настолько безразличномъ, что даже не былъ принятъ трудъ предупредить меня, что поѣздка ваша не состоится, что вы измѣнили намѣреніе — да, милостивый государь, въ отвѣтъ на это письмо, такъ сильно противоположное моимъ чувствамъ къ вамъ и вашей дочери, мое сердце содрогалось отъ боли! Подъ этимъ впечатлѣніемъ я написалъ вамъ депешу и письмо къ вашей дочери. Я написалъ депешу потому, что изъ этого письма я даже не могу хорошенько понять навѣрное, пріѣдете ли вы или нѣтъ; я написалъ письмо въ горечи своихъ чувствъ и съ сознаніемъ, что я не заслужилъ равнодушія *такого полнаго*, что, измѣнивъ свое намѣреніе, вы не потрудились даже увѣдомить меня объ этомъ, считая это для меня совершенно постороннимъ!

«Съ содроганіемъ сердца я написалъ письмо—и, правда, въ этомъ письмѣ, со стыдомъ сознаюсь, я превзошелъ на много свое право.

«Но во всякомъ случаѣ я не высказалъ недовѣрія, какъ вы полагаете, къ вашимъ увѣреніямъ и къ увѣреніямъ вашей дочери, такъ какъ мнѣ не было *ничего* сообщено о вашемъ здоровьѣ.

«Если ваша дочь ничего не говорила мнѣ объ этомъ, то объясненіе этого факта сегодня совершенно ясно. Пятаго октября я получилъ отъ нея другое письмо, въ которомъ было сказано все, о чемъ молчалось въ первомъ. Въ этомъ второмъ письмѣ она объяснила мнѣ, что ваша болѣзнь усилилась, къ несчастію, что вы не пріѣдете сюда и проч. Получивъ это письмо прежде перваго или въ одно съ нимъ время, я тогда сожалѣлъ бы о вашей болѣзни; ужасно сожалѣя о потерѣ удовольствія видѣть васъ, я все же былъ бы совершенно удовлетворенъ; я не считалъ бы себя въ правѣ жаловаться; я пріѣхалъ бы въ Дрезденъ, если бы это было возможно; если же нѣтъ, то я сожалѣлъ бы о своемъ несчастіи, не обвиняя васъ въ томъ нисколько.

«Теперь, для оправданія вашей дочери, надо прибавить, что очевидно *второе* письмо было написано прежде *перваго*. Письмо второе носитъ число 2-е, и въ немъ сказано, что оно первое изъ Дрездена. А почтовая помѣтка можетъ быть оттого носитъ 4-е число, что письмо франкировано.

«Посылаю вамъ конвертъ, вы увидите, что оно получено въ Берлинѣ только пятаго.

Digitized by Google

«Въ минуту полученія мною этого письма пятаго числа, я просилъ въ своемъ письмѣ пятаго же числа вашего прощенія, и вотъ я въ прискорбномъ положеніи по милости почты. Все же я не могу отрицать, что долженъ обвинить себя въ громадной винѣ. Все же я превзошелъ свое право.

«Все же я былъ настолько неделикатенъ, что говорилъ вамъ о вашемъ обѣщаніи, эксплуатировалъ въ минуту злости вашу доброту, забывая, что все-таки вы всегда сами хозяинъ вашихъ поступковъ, и можете добровольно такъ или иначе поступать.

«Милостивый государь, я вполнѣ искренно сознаюсь вамъ въ этомъ проступкѣ эгоизма и сконфуженно умоляю васъ простить мнѣ его! Но умоляю васъ безъ стыда, такъ какъ мнѣ такъ же легко предъ вами сознаться и просить вашего прощенія, какъ легко это сдѣлать сыну предъ отцомъ!

«Съ подобными чувствами я теперь и остаюсь навсегда такимъ же вашимъ вполнѣ преданнымъ

Ф. Лассаль».

Берлинъ, 7-го окт. 1860 г.

Очень скоро вслѣдъ за этимъ письмомъ я получила слѣдующее:

«Наконецъ, Софи, я окончилъ свое письмо - манускриптъ; наконецъ я его переписалъ! О! Софи, въ какой постоянно увеличивающейся лихорадкѣ я его писалъ. И теперь рѣшеніе въ вашихъ рукахъ! О! какъ я дрожу при этой мысли! Только теперь начинается истинная пытка. Небо! Что стану я дѣлать до полученія вашего отвѣта! Сомнѣнія, противоположныя мысли разрываютъ меня.

«Я говорилъ вамъ еще въ Ахенѣ, играя въ вопросы и отвѣты, что я имѣлъ столько горя въ жизни, что думалъ,—для меня уже не можетъ быть новаго горя, но вижу, вы непремѣнно доставите мнѣ его. Ну, что же, да будетъ такъ! Храбрости! Терпѣнія! Твердости!

«Стонать, плакать, выть, падать духомъ недостойно меня. Будемъ спокойны. Нося несчастіе, — смерть въ душѣ, будемъ имѣть лицо спокойное, улыбку на устахъ!

«Я отказался отъ своей первоначальной мысли привезти самому это письмо вамъ въ Дрезденъ. Нѣтъ, я не хочу вліять на васъ моимъ присутствіемъ, электричествомъ страсти; нѣтъ, ваше рѣшеніе должно быть совершенно свободно и произвольно.

«Думайте только о себѣ. Не думайте вовсе обо мнѣ,—я заклинаю васъ!

Digitized by Google

«Вовсе не думайте о томъ, какъ мнѣ придется страдать! Это все равно. Люди моего закала рождены для того, чтобы страдать. «Я рожденъ, какъ Гейне сказалъ обо мнѣ, когда мнѣ было только 19 лѣтъ,—для того, чтобы умереть какъ гладіаторъ, съ улыбкой на устахъ».

«Все равно, буду ли я страдать менѣе или болѣе въ жизни. Пусть будутъ другіе счастливы! Натурѣ, подобной моей, достаточно сражаться, проливать медленно до послѣдней капли свою кровь, проглотить собственное сердце, и, нося смерть въ душѣ, казаться улыбающимся.

«Я думалъ, что не могу болѣе любить. Вы внушили мнѣ это чувство. Вы принудили меня любить васъ. Да, я люблю васъ, и моей гордости человѣка гораздо дороже стóитъ сдѣлать это признаніе, чѣмъ когда-либо стоило это робости самой цѣломудренной дѣвушки.

«Теперь если вы мнѣ откажете, я только вернусь въ то состояніе индивидуальной смерти, въ которой находился уже до встрѣчи съ вами.

«Итакъ, разбивая мое сердце, вы разобьете только вещь, которою я давно уже пожертвовалъ: *мое личное счастіе.* Не думайте о немъ.

«Я даже предпочелъ бы сто разъ потерять васъ, нежели пріобрѣсть подъ вліяніемъ малѣйшей идеи состраданія, какъ бы слаба она ни была.

«Итакъ, въ результатѣ думайте только о себѣ. Но объ одномъ прошу васъ, Софи, не оставляйте меня долго въ пыткѣ ожиданія. Можно легко перенести сознаніе своей смерти; но не знать, мертвъ ли я или живъ — о, это ужасно!

«Сію минуту я получилъ ваше письмо отъ пятаго октября; но какъ опаздываютъ эти почты! Вы еще не получили моего письма отъ третьяго дня, которое объясняло вамъ мое первое, такое несправедливое письмо! И вы подавляете меня своимъ гнѣвомъ, справедливымъ повидимому, но несправедливымъ въ сущности, какъ и сами вы это увидите, когда получите мое письмо отъ пятаго октября.

«И во гнѣвѣ вы говорите мнѣ такія жестокія вещи! Вы радуетесь тому, что потребовали время для того, чтобы хорошенько узнать, любите ли вы меня, и радуетесь вы этому вѣроятно потому, что находите меня недостойнымъ вашей любви, такъ какъ я, повидимому, теперь уже не довѣряю вамъ. Ахъ, Софи! Я за-

Digitized by Google

крываю руками свое лицо, читая такія ужасныя слова, такія несправедливо жесткія слова въ отношеніи меня. Ну, развѣ нужна была такая жестокость въ отношеніи меня, даже до полученія моего вполнѣ объяснительнаго письма?

«Но избытокъ вашей жестокости даетъ мнѣ право высоко поднять голову: нѣтъ, молодая дѣвушка, вы не имѣете надобности, вы не имѣете права проповѣдывать мнѣ вѣру въ любимыхъ людей, въ особенности когда любимое лицо—*вы*»...

Конецъ этого письма потерянъ.

По разъясненіи всѣхъ возникшихъ недоразумѣній, я получила отъ Лассаля новое письмо и при немъ, наконецъ, его исповѣдь:

«Я сейчасъ получилъ въ отвѣтъ на мое объяснительное письмо отъ пятаго октября ваше письмо съ прощеніемъ, отъ шестаго октября. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ его! И вотъ оно тутъ, это письмо съ прощеніемъ! И вы даете мнѣ его. Да, дѣйствительно, тамъ есть формальное выраженіе: «и я васъ прощаю», но какимъ холодомъ, льдомъ вѣетъ отъ этого прощенія, безъ малѣйшаго сердечнаго изліянія! Чтобы высказать всю мою мысль, я предпочитаю ваше вчерашнее, грозное письмо—этому! Во вчерашнихъ упрекахъ болѣе *расположенія*, болѣе чувства, жару, нежели въ этомъ холодномъ прощеніи. Да, тамъ было болѣе сердечной нѣжности! Вы даете мнѣ это прощеніе, особенно напирая на слѣдующія слова: «ваше послѣднее письмо извиняетъ васъ, нисколько не оправдывая». Въ этомъ вы правы. Но все же вы даете мнѣ это прощеніе тѣмъ холоднымъ, ледянымъ тономъ, которымъ судья освобождаетъ подсудимаго, безъ малѣйшаго порыва сердца!

«А вы, однако, хорошо видѣли изъ моего письма пятаго октября, какъ сильно я страдалъ! Однако, вы могли вполнѣ убѣдиться изъ моего письма отъ пятаго—не скажу, что я достоинъ, но, по крайней мѣрѣ, что я сильно нуждаюсь въ нѣсколькихъ утѣшительныхъ и нѣжныхъ словахъ отъ васъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, доказывающихъ, что ваши чувства ко мнѣ остались неизмѣнно тѣми же, что́ и прежде, въ нѣсколькихъ словахъ, полныхъ трогательнаго великодушія, которое бы позволило мнѣ самому простить себя, заставило бы умолкнуть горькіе упреки, которыми я самъ себя осыпаю. Я умоляю васъ о прощеніи *на колѣняхъ*, а вы говорите: «хорошо, я прощаю васъ; вы можете встать!» Но вѣдь въ этомъ положеніи необходимо нужно, чтобы васъ *обнялъ прощающій и самъ бы васъ поднялъ!*

Digitized by Google

«Не скажу, чтобы я имѣлъ право этого ожидать, но дѣло въ томъ, что я надѣялся это найти въ вашемъ письмѣ, и не нашелъ ничего подобнаго! Это положеніе тѣмъ болѣе для меня тяжело, что я долженъ сегодня послать вамъ мое письмо-манускриптъ, въ которомъ я откровенно и формально прошу вашей руки!

«Вчера я не отправилъ его, потому что не имѣлъ храбрости отправить подъ впечатлѣніемъ вашего письма, особенно письма вашего отца. Я хотѣлъ дождаться вашего прощенія, чтобы послать его подъ благотворнымъ впечатлѣніемъ *теплаго* прощенія!

«Теперь же,—что̀ еще печальнѣе вчерашняго,—я долженъ послать его подъ впечатлѣніемъ прощенія *холоднаго!*

«Однако, я это сдѣлаю. Я болѣе не желаю замедлять ни на одинъ часъ это окончательное рѣшеніе, которое во всякомъ случаѣ придетъ ко мнѣ слишкомъ медленно. Вѣчную славу римлянина Манлія составляла побѣда въ сраженіи, начатомъ при самыхъ неблагопріятныхъ признакахъ, при самыхъ отчаянныхъ предсказаніяхъ. Постараюсь подражать ему. Итакъ, *въ одно время* съ этимъ письмомъ я посылаю и свой манускриптъ.

«Вы говорите, чтобы я не пріѣзжалъ въ Дрезденъ, по причинѣ моего нездоровья и пріѣзда моихъ родныхъ. Напротивъ, я во всякомъ случаѣ поѣхалъ бы сегодня, если бы это не противорѣчило посылкѣ моего манускрипта, такъ какъ было бы невозможно мнѣ быть у васъ, отдавъ вамъ этотъ манускриптъ и не получивъ еще отвѣта. Съ одной стороны, не хочу вліять на ваше рѣшеніе своимъ личнымъ присутствіемъ: оно должно быть вполнѣ свободно. Съ другой стороны, вамъ было бы очень тяжело видѣть меня въ то время. Итакъ, манускриптъ долженъ идти предо мною, и только поэтому я не ѣду еще сегодня.

«Теперь слушайте, Софи! Отъ васъ я жду еще изъ *Дрездена рѣшительнаго* отвѣта: *да* или *нѣтъ!*

«Я рѣшился быстро,—я, который хотѣлъ никогда не жениться!

«Вы знаете меня *достаточно,* и въ особенности, прочтя мой манускриптъ, вы будете знать меня вполнѣ.

«Въ немъ вы найдете мой полный портретъ; онъ написанъ вѣрнѣе, чѣмъ могъ то сдѣлать кто бы то ни было другой или даже само время могло бы его вамъ представить.

«Если послѣ всего этого вамъ не будетъ ясно, любите ли вы меня или нѣтъ, если вы еще будете *сомнѣваться,* это будетъ значить, что вы любите меня *любовью сомнительною и слабою,* нетвердою, колеблющеюся, которая мнѣ не годится, или,

Digitized by Google

лучше, повѣрьте мнѣ, — если это такъ, — то вы *совсѣмъ не любите меня*, и я произвелъ на васъ лишь слабое и мимолетное впечатлѣніе!

«Итакъ, *отъ васъ* я требую отвѣта формальнаго и окончательнаго еще изъ Дрездена.

«Со стороны *вашего отца* я также ожидаю отвѣта еще изъ Дрездена, отвѣта, который бы онъ самъ мнѣ далъ или вы отъ его имени.

«Что касается до отвѣта вашего отца, для меня будетъ достаточно, если онъ не разобьетъ моихъ надеждъ; съ меня достаточно, если онъ не скажетъ: *нѣтъ*. Мнѣ, слѣдовательно, достаточно, если онъ скажетъ, что ему нужно время для размышленія, и что онъ позже приметъ окончательное рѣшеніе. Получа эти два отвѣта, я немедленно пріѣду въ Дрезденъ.

«Каковъ бы ни былъ вашъ отвѣтъ и отвѣтъ вашего отца, Софи, ради Бога устройте такъ, чтобы я получилъ ихъ какъ можно скорѣе. До тѣхъ поръ я буду находиться въ положеніи человѣка, сожигаемаго на медленномъ огнѣ!

«Если вы хотите дать вашему отцу болѣе времени для его отвѣта, то по крайней мѣрѣ пришлите мнѣ какъ можно скорѣе *вашъ* отвѣтъ, — вашъ во всякомъ случаѣ главный!

«Прощайте, Софи, я считаю минуты, въ ожиданіи вашего отвѣта.

«*Ф. Лассаль.*

«P. S. Вчера господинъ *И. Л.* обѣдалъ у меня и мы всѣ пили за здоровье вашего отца и за ваше».

Исповѣдь.

Ахъ, Софи, насколько было бы отраднѣе говорить съ вами! Но, къ несчастію, мнѣ несравненно легче писать къ вамъ! Вы сами предложили письменно разобрать занимающій насъ вопросъ. Я, напротивъ, настаивалъ на окончаніи его въ личной бесѣдѣ. Итакъ, я буду писать вамъ, но, во всякомъ случаѣ, я напишу вамъ то, что́ сказалъ бы вамъ. Вы не должны принимать рѣшенія въ минуту великодушнаго порыва. Вы должны зрѣло обдумать все.

Позвольте начать съ объясненія того, что́ могло показаться вамъ страннымъ во мнѣ во время нашего разговора въ Кёльнѣ. Вы отвѣчали мнѣ, *что, можетъ быть, полюбите меня!* Я, какъ говорилъ

Digitized by Google

вамъ, человѣкъ въ высшей степени гордый; я никогда не способенъ захватить врасплохъ чувство женщины, даже никогда не стану содѣйствовать развитію въ ней колеблющагося чувства, которое не развилось бы само по себѣ. Надо, чтобы женщина любила меня свободно, добровольно и вполнѣ; надо, чтобы она отдалась мнѣ сама, для того, чтобы я ее взялъ. Вы, когда-то, слыша такое мое мнѣніе, назвали меня балованнымъ ребенкомъ. Нѣтъ! я не способенъ разыгрывать роль балованнаго ребенка. Не изъ тщеславія я и теперь говорю вамъ то же, а по долгу чести.

Если женщина не полюбила меня всѣми силами своего существованія, если она не полюбила меня въ глубинѣ своего сердца, влекомая ко мнѣ непреодолимой силой,—я не буду въ состояніи сдѣлать ее счастливой, соединясь съ нею. Я, можетъ быть, принесу ей больше несчастія, чѣмъ счастія. Есть обстоятельства, при которыхъ умѣренная любовь достаточна для счастія женщины; это даже въ большинствѣ случаевъ такъ. Но также есть положенія — и мое таково, въ которомъ любовь женщины должна быть всепожирающимъ огнемъ, увеличиваемымъ всѣми препятствіями, непобѣдимымъ ураганомъ, непрерывно возобновляющимся самимъ собою, вѣчно продолжаясь, для того, чтобы чувство такой любви могло вознаградить женщину за всѣ бури, за всѣ случайности, ожидающія ее въ соединеніи со мною.

Вотъ почему для меня составляетъ вопросъ чести принять любовь только несомнѣнную, гигантскую, непреодолимую. Безъ этого я не могу быть увѣреннымъ въ вашемъ счастьѣ, и, конечно, я тысячу разъ предпочту лишить себя всякаго удовольствія жизни, какъ бы сладко оно ни было, чѣмъ нанести громадный вредъ вамъ, дитя счастливое и обожаемое, *рискуя* счастіемъ вашимъ ради украшенія моего существованія. Если бы долгъ чести въ отношеніи васъ и не заставлялъ меня такъ думать, осторожность и эгоизмъ принудили бы меня къ тому же, потому что, если бы я увидѣлъ васъ когда-нибудь несчастливой, я былъ бы несчастливъ самъ. Я къ самому себѣ безсердеченъ. Я не имѣю ни жалости, ни милосердія, никакого другого чувства въ отношеніи моего собственнаго существованія, которое я далъ себѣ слово обратить въ долгую и непрестанную борьбу. Вотъ причина, по которой я никогда не могу быть несчастливымъ, пока я одинъ. Нѣтъ возможнаго для меня несчастія. Пусть разобьютъ голый, уединенный утесъ моей жизни, и я ничего не почувствую, какъ и утесъ не чувствуетъ ничего, когда его разбиваютъ. Но, Софи, безчувственный утесъ къ самому себѣ, я, однако, чувствую. Я чувствую для тѣхъ и чрезъ тѣхъ, кого люблю. Несчастіе любимыхъ мною дѣлаетъ меня тѣмъ болѣе несчастнымъ, чѣмъ без-

Digitized by Google

чувственнѣе я въ отношеніи себя самого, потому что я сосредоточиваю только въ тѣхъ, кого люблю, всю потребность счастія, покоя, нѣжныхъ и пріятныхъ впечатлѣній. Итакъ, несчастіе въ мою жизнь можетъ ворваться только чрезъ несчастіе любимыхъ мною. И я не отворю входа этому вкрадчивому и изворотливому врагу, жаждущему сразить меня.

Если вы не любите меня тѣмъ приливомъ любви, неотразимымъ, полнымъ и носящимъ въ себѣ самомъ всѣ гарантіи любви, пока вы обладаете мною—по эгоизму совсѣмъ иному, нежели обыкновенный эгоизмъ, но все же по эгоизму, я рѣшусь не соединять ваше существованіе съ своимъ, чтобы не сдѣлать васъ несчастной, такъ какъ я чрезъ это былъ бы жалкій и несчастный самъ, такъ какъ этимъ я бы разбилъ то гордое довольство самимъ собою, то внутреннее единство, которыя составляютъ счастіе моей жизни.

Представьте себѣ все это—и вы поймете, почему, когда вы мнѣ отвѣчали признаніемъ любви сомнительной и невѣрной, слабой и робкой, я былъ не „холоденъ немного", какъ вы подумали и сказали, но въ состояніи нервнаго раздраженія. Я былъ раздраженъ и сухъ въ отношеніи васъ, потому что вы не любили меня достаточно, но я не былъ холоденъ по недостатку любви съ моей стороны. Я въ ту минуту чувствовалъ себя какъ-бы *враждебнымъ* вамъ, потому что, мнѣ казалось, вы любили меня настолько, чтобы *взволновать меня* и *не* достаточно, чтобы дать мнѣ увѣренность въ вашей любви, необходимую для того, чтобы принять эту любовь.

Но короткаго размышленія было для меня достаточно, чтобы, минуту спустя, измѣнить свое мнѣніе. Для того, чтобы молодая дѣвушка, такая цѣломудренная и чистая, какъ вы, отвѣчала человѣку добровольно, что она, „*можетъ быть, полюбитъ его*"—надо, чтобы она уже совсѣмъ любила. Я говорилъ себѣ, что самомнѣніе заключается только въ цѣломудріи вашихъ выраженій, а не въ основѣ вашихъ чувствъ. И въ этомъ предположеніи я пишу вамъ послѣдующее. Въ этомъ предположеніи я буду говорить съ вами и посылаю вамъ эту рукопись. Если это ошибка—тѣмъ не менѣе сохраните мое письмо. Въ немъ нѣтъ ничего, чѣмъ бы я не могъ гордиться, и оно должно остаться вамъ какъ память о человѣкѣ, который воспоминаніе о васъ, о, моя „послѣдняя роза", будетъ вѣчно и, во всякомъ случаѣ, свято чтить и обожать. Рукопись эта должна остаться вамъ, молодая дѣвушка, какъ трофей притягательной силы вашего существованія; рано или поздно придетъ время, которое докажетъ вамъ, что не можетъ быть малымъ и ничтожнымъ воспоминаніе о томъ, что вы внушили чувство любви, внушили мысль о бракѣ человѣку моего закала. Мысль о бракѣ!? До сихъ поръ любовь моя была

Digitized by Google

только пожирающимъ огнемъ, въ который бросались женщины. Я не знаю женщины, которая, убѣдившись хоть на минуту, что мысль жениться на ней мнѣ выносима, не постаралась бы захватить меня. Я говорилъ вамъ, что всегда избѣгалъ молодыхъ дѣвушекъ. Два раза только я говорилъ о любви молодымъ дѣвушкамъ, любившимъ меня страстно и давшимъ мнѣ желаніе обладать ими,—и въ обоихъ случаяхъ я начиналъ съ полнаго признанія, что никогда не женюсь на нихъ. Помимо этихъ двухъ исключеній, я всегда придерживался только замужнихъ женщинъ, у которыхъ я былъ, какъ вы разъ сказали, *баловнемъ*, и нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно любили меня. Знаете ли вы, что женщины, когда любятъ, имѣютъ привычку всегда дѣлать вопросы? И не было ни одной, которой бы я не отвѣтилъ съ своей обычной откровенностію, что, будь она свободна, я все же бы не женился на ней. И, несмотря на это и, можетъ быть, вслѣдствіе именно этого, я былъ сильно любимъ! Я хотѣлъ брать, но не отдавалъ себя. Да, я клянусь вамъ, до сихъ поръ не было въ мірѣ женщины, мысль о женитьбѣ на которой не причинила бы мнѣ дрожь. Вы единственная, которую я люблю достаточно нѣжною любовью, чтобы отдать себя вамъ, единственная, для которой я готовъ сдѣлать громадную жертву женитьбы, и вы знаете мое мнѣніе о жертвахъ, приносимыхъ любви: я ихъ допускаю не какъ жертвы, а какъ высшее *счастіе*.

Вы единственная, которую я могу взять какъ жену и даже которую я не могъ бы иначе взять. Если бы даже вы сами предложили мнѣ взять васъ иначе—и тогда бы я не могъ этого сдѣлать! Видите ли, моя прекрасная роза,—это потому, что я благоговѣю предъ вами столько же, какъ и люблю васъ. Я, можетъ быть, и люблю васъ такъ потому, что благоговѣю предъ вами. Итакъ, я женюсь на васъ, если вы согласитесь. Но согласитесь ли вы? Въ этомъ-то и вопросъ! Теперь время приступить къ моей исповѣди.

Я предупреждаю васъ, Софи, что скажу вамъ все, что́ могу, для того, чтобы отбить у васъ охоту выдти за меня. Да, я постараюсь это сдѣлать! И я, во всякомъ случаѣ, выиграю.

Если вы рѣшитесь непоколебимо, я буду имѣть единственную настоящую гарантію того, что вы любите меня достаточно, чтобы найти въ союзѣ со мною прочное и неразрушимое счастіе.

И, наоборотъ, если исповѣдь моя оттолкнетъ и испугаетъ васъ, я все же выиграю! Потому что если *возможно* оттолкнуть и испугать васъ, значитъ, вы не питаете ко мнѣ любви достаточно сильной и страстной, чтобы найти въ союзѣ со мною единственное и непобѣдимое условіе истиннаго счастія. И если только мысль объ этомъ можетъ испугать васъ, то я тѣмъ болѣе рискую сдѣлать васъ въ

Digitized by Google

дѣйствительности несчастной и тѣмъ сдѣлать несчастливымъ себя. Это входитъ въ рядъ мыслей, выраженныхъ выше. Но если это такъ, то намъ лучше разстаться, лучше мнѣ не рисковать сломать такой нѣжный и душистый цвѣтокъ, какъ вы, соединеніемъ съ моимъ грубымъ существованіемъ бойца. Итакъ, я употреблю всѣ старанія, чтобы напугать васъ. Не только я не скрою отъ васъ ничего,—я все окрашу самымъ рѣзкимъ колоритомъ.

Начнемъ же, и вы увидите, что я похожъ на заколдованнаго принца, что надо отчасти,—какъ въ извѣстной вамъ операѣ Моцарта „Волшебная Флейта"—пройти сквозь огонь и воду, чтобы выдти за меня. Это не такъ легко, какъ съ другими мужчинами!

Я одно за другимъ перечислю всѣ препятствія, чтобы имѣть грустное удовольствіе глядѣть на цифру причинъ, препятствующихъ нашему браку.

Я начну съ того, что скажу вамъ, что не рѣшусь жениться на васъ, пока не излечусь окончательно отъ своего недуга. Да сохранитъ меня небо отъ ужасной бѣды—сдѣлать изъ васъ сидѣлку! Но такъ какъ я не считаю это серьёзнымъ и не сомнѣваюсь, что буду совершенно здоровъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, то и не стану считать этого препятствіемъ.

Но есть вещи посерьёзнѣе!

1) Прежде всего, Софи, надо хорошенько поразмыслить о томъ, что я человѣкъ, отдавшій свое существованіе своему дѣлу, съ его крайними послѣдствіями. Этому дѣлу суждено торжествовать въ нашемъ вѣкѣ, но оно еще много разъ подвергнетъ значительнымъ неудачамъ и опасностямъ своихъ сторонниковъ. Въ этой борьбѣ я могу встрѣтить страшныя положенія, отъ которыхъ, впрочемъ, никакая привязанность не отвратитъ меня. Мое состояніе, моя свобода, самая жизнь моя всегда могутъ быть подвергнуты опасности. *Ничто* не вѣрно со мною. Выйдя за меня, вы оснуете ваше существованіе, построите вашъ домъ на вершинѣ вулкана!

Хватитъ ли у васъ отваги перенести въ случаѣ неудачи все: изгнанье, тюрьму, разоренье, бѣдность и даже самую смерть? И что еще хуже: жизнь, полную лишеній?

Если нѣтъ, то сторонитесь отъ тѣхъ чудовищныхъ (formidable) существъ, которыя сегодня представляютъ видъ полнаго счастья, а завтра разносятъ всюду обломки своего крушенія.

Не безъ глубокой грусти я, кажется, предвижу вашъ отвѣтъ! Да, вы думаете, что можете. Всякая такая благородная натура, какъ ваша, вѣритъ въ самое себя. Но въ ней можетъ не быть еще необходимыхъ силъ для того, чтобы впослѣдствіи оправдать эту вѣру! „Многіе призваны—немногіе избраны", по словамъ святого писанія.

Digitized by Google

Какая натура свѣжая, отважная и благородная, находясь предъ горою, не чувствуетъ въ себѣ достаточно силы, чтобы взойти на высоту и насладиться оттуда чуднымъ зрѣлищемъ безпредѣльнаго вида, которымъ представляются съ такой высоты обыденные предметы. Да, все отважное и благородное вѣритъ въ это! Всѣ препятствія будутъ побѣждены и вершина достигнута! Только трусы не пытаются взойти.

Но вотъ начинается восхожденіе; многіе и многіе часы продолжается это восхожденіе; силы ослабѣваютъ все болѣе и болѣе, грудь снимается, дыханіе прерывается. А новыя скалы все загораждаютъ путь; новые рвы, новые острые камни заставляютъ ноги ваши спотыкаться! Ахъ, Софи, я не стану говорить вамъ о тѣхъ ослабѣвающихъ натурахъ, которыя возвращаются вспять! Но сколько натуръ благородныхъ и отважныхъ остаются разбитыми и убитыми трудностями пути! Вершины достигаютъ только тѣ, которые обладаютъ такъ-сказать *физической силой духа* (des forces physiques de l'esprit). Впрочемъ, если вы мнѣ скажете, что довѣряетесь своимъ силамъ, я также имъ довѣрюсь—и, вѣрьте мнѣ, сильная рука поддержитъ васъ на этомъ пути.

2) Но перенесете ли вы второй ударъ, который я вамъ нанесу? Софи, я—еврей. Мой отецъ и мать моя—евреи! И хотя внутренно я такъ же мало еврей, какъ и вы, — даже меньше, если это возможно, — я однако еще не оторвался отъ этой религіи, потому что не хотѣлъ принять другой.

Я могу смѣло увѣрить, что я не еврей, но я безъ лжи не могу увѣрять, что сдѣлаюсь христіаниномъ.

У насъ уже ничего не значитъ быть евреемъ; потому что у насъ въ Германіи, во Франціи, въ Англіи — это вопросъ только религіи, а не національности. Говоря о человѣкѣ, что онъ еврей, у насъ опредѣляется только его религія, какъ говорятъ о протестантѣ, о католикѣ. У насъ, въ особенности, имѣя, подобную моей, репутацію ума и таланта, дѣлаешься равнымъ всѣмъ, и нѣтъ должности, которую я бы не могъ занять, если бы согласился сойтись съ правительствомъ.

Но все это совершенно иначе у васъ, въ Россіи; вы сами сказали мнѣ это: *еврейство—національность, а не религія только.* Правда, вы любите моего друга Гейне, хотя онъ также былъ еврей, но все же существуетъ большая разница между поэтическимъ обожаніемъ и супружествомъ въ мірѣ дѣйствительномъ. Ваши соотечественники, Софи, станутъ *презирать* васъ за бракъ съ евреемъ! Вы, потомокъ князей,—выдти за человѣка, который... Правда, если происхожденіе даетъ право гордиться, мнѣ бы слѣдовало гордиться болѣе васъ всѣхъ, происходя отъ народа, древнѣйшаго всѣхъ князей и дворянъ,

Digitized by Google

существующихъ нѣсколько вѣковъ; отъ перваго народа-цивилизатора, бывшаго первымъ народомъ исторіи и происходящаго отъ древнихъ царей сирійскихъ.

Правда, я бы могъ принести вамъ жертву — принять христіанство, хотя по нашимъ законамъ въ этомъ нѣтъ надобности, и браки христіанъ съ евреями дозволяются. И если бы это было неизбѣжнымъ условіемъ, я бы это сдѣлалъ, но это дорого бы мнѣ стоило, Софи. Я скажу вамъ почему. Я вовсе не люблю евреевъ, я даже вообще ненавижу ихъ. Я вижу въ нихъ лишь весьма переродившихся сыновъ великаго, но давно-давно исчезнувшаго прошлаго. Эти люди приняли отъ вѣковъ, проведенныхъ въ рабствѣ, свойства рабовъ; вотъ почему я имъ сильно враждебенъ. И поэтому я не имѣю съ ними никакихъ сношеній. Между моими друзьями, въ обществѣ, окружающемъ меня здѣсь, нѣтъ почти ни одного еврея. Слѣдовательно, не личная деликатность сдѣлала бы для меня тяжелою эту перемѣну. — Но, Софи, я человѣкъ политики и, что еще важнѣе, я нахожусь въ положеніи главы партіи. И партія моя служитъ принципу, никогда не уступать никакому предразсудку, считая это низостью, и никогда не дѣлать лицемѣрнаго поступка.

Какимъ же образомъ я буду выполнять христіанскіе обряды, когда всѣмъ извѣстно, — да я никогда и не стану скрывать этого, что у меня въ душѣ такъ же мало христіанской религіи, какъ и еврейской? Не буду ли я имѣть вида, уступая предразсудку, стремиться къ наружнымъ выгодамъ! Въ этомъ есть излишній ригоризмъ, и ригоризмъ, лично мнѣ присущій, такъ какъ партія моя не окажетъ ни малѣйшаго сопротивленія моему крещенію; я могу объяснить его достаточно вѣскими причинами, тѣмъ болѣе, что крещеніе въ подобныхъ случаяхъ принимается, какъ простая формальность. Я, въ случаѣ необходимости, приму крещеніе, не допуская мысли отречься отъ вашей любви, ради какого бы то ни было предразсудка.

То-есть, я сдѣлаю это, если вашъ отецъ или мать настоятельно того пожелаютъ. Но я этого не сдѣлаю ни за что, если вы сами того пожелаете. Моя жена не должна имѣть никакихъ предразсудковъ.

3) Перейдемъ теперь къ моему общественному положенію. Начнемъ съ хорошаго. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ я пользуюсь въ средѣ ученыхъ очень большою извѣстностью, которая постоянно увеличивается. Величайшія наши знаменитости: Гумбольдтъ и Бёкъ, удостоили меня названія ихъ друга. Извѣстность моя еще увеличится, какъ уже изданными трудами, такъ и трудами, готовыми къ изданію.

Но міръ ученый не есть міръ, въ собственномъ значеніи слова. Вообще — очень мало кто у насъ, въ Пруссіи, ко мнѣ равнодушенъ.

Digitized by Google

Почти все ваше общество въ отношеніи меня дѣлится на двѣ партіи. Одна — къ которой принадлежитъ вся аристократія и бо́льшая часть буржуазіи, часто даже лица съ легкимъ оттѣнкомъ либерализма, боятся и ненавидятъ меня. Другая партія, къ которой принадлежитъ остальная часть буржуазіи и народъ — уважаетъ, любитъ и даже нерѣдко обожаетъ меня. Для людей этой послѣдней партіи я — человѣкъ великой геніальности и характера почти не-человѣческаго, отъ котораго они ждутъ великихъ дѣяній. Другіе, враги, также ждутъ отъ меня большихъ дѣлъ. Но именно потому, что они боятся меня болѣе, чѣмъ кого-либо другого, они такъ непомѣрно ненавидятъ меня, что я не могу дать вамъ вѣрнаго понятія объ этой всепожирающей ненависти.

Они постоянно стараются преслѣдовать меня. Правда, что и враги мои въ глубинѣ души уважаютъ меня такъ же, какъ и друзья, часто даже больше, потому что они лучше друзей угадываютъ меня. Именно, уважая меня втайнѣ, они, тѣмъ не менѣе, стараются оклеветать меня, потому что клевета—единственное орудіе этихъ гнилыхъ партій, чувствующихъ постепенно-приближающуюся смерть. Я всегда шелъ съ поднятымъ челомъ, съ презрѣніемъ на устахъ, въ рукахъ съ оружіемъ, всегда побѣдителемъ, всегда нанося удары лжи, смущая клевету, торжествуя надъ ненавистью. Но этимъ самымъ я собралъ еще болѣе ненависти вокругъ себя, тѣмъ болѣе пылкой, что она оставалась всегда безсильной противъ меня, и потому, что я всегда являлся болѣе чистымъ и блистательнымъ послѣ всѣхъ нападковъ, направленныхъ противъ меня.

А вы знаете, Софи, ничто не питаетъ такъ ненависть, какъ безсиліе и страхъ.

Теперь, Софи, взвѣсьте это хорошенько: если вы соедините вашу судьбу съ моею,—ваше существованіе также станетъ цѣлью ненависти и клеветы.

Я боюсь, что по этимъ вопросамъ вашъ умъ, умъ молодой дѣвушки, пройдетъ слишкомъ скоро и поверхностно. Знаете ли вы, что́ такое непрестанная ненависть тайныхъ враговъ? Да, вы все это знаете умомъ, воображеніемъ; но вы еще не знаете этого опытомъ, ужасными воспоминаніями! Подумайте, при всякой случайности, при малѣйшемъ какомъ-нибудь происшествіи, очень возможно, что толпа враговъ набросится на него, преувеличитъ его, недостойно извратитъ его, воспользуется имъ, какъ средствомъ противъ васъ или противъ меня, извращая лживо то, что́ вы сказали, сдѣлали, подумали.

Самъ я сознаюсь, что хотя, какъ сказалъ вамъ, я всегда шелъ съ презрѣніемъ на устахъ и оружіемъ въ рукахъ,— хотя я всегда

Digitized by Google

смущалъ и побѣждалъ клевету, все же она дала мнѣ единственные рѣдкіе часы настоящихъ страданій въ жизни, которыя я помню и которыхъ ни тюрьма, ни опасности никогда не могли причинить мнѣ.

И если бы даже я, закаленный воинъ, натура, нарочно организованная для борьбы, и могъ идти впередъ, сильный своею совѣстью, не страдая и кончая все побѣдой,—могли ли бы вы перенести все, въ случаѣ надобности; вы — бархатный цвѣтокъ, созданный не для борьбы, а только для счастья ненарушимаго и для впечатлѣній самыхъ сладкихъ! Помните хорошо, Софи: замѣтивъ у васъ хоть разъ страданіе, я страдалъ бы ужасно!

О, повѣрьте мнѣ, Софи: есть существа, предназначенныя быть одинокими, къ которымъ не должно подходить ни одно счастливое созданіе. Прочтите мою трагедію. Все, что я могъ бы сказать вамъ, я высказалъ въ Гуттенѣ. Онъ также долженъ былъ выносить всѣ клеветы, всѣ виды ненависти, всякую враждебность. Я изъ него сдѣлалъ зеркало моей души, и мнѣ это было тѣмъ легче выразить, что его судьба и моя — поразительно сходны. Только послѣдующія поколѣнія справедливо цѣнятъ людей, подобныхъ ему. И вотъ почему такіе люди принуждены устраивать себѣ печальное счастье въ отреченіи отъ всякаго истиннаго и дѣйствительнаго счастья. Прочтите, что Гуттенъ говоритъ Маріи. Почти то же самое, что я сейчасъ сказалъ вамъ, хотя въ другихъ выраженіяхъ, — и мои слова станутъ вамъ тогда еще понятнѣе. Это не „нѣмецкія фантазіи“, какъ вы разъ вечеромъ предположили: это печальная, очень печальная необходимость, принуждающая такія одинокія существа оставаться одинокими потому, что они причинили бы горе тѣмъ, кто любитъ ихъ, и не обладаетъ такимъ же, какъ онѣ, мощнымъ, стальнымъ организмомъ. Но вы, можетъ быть, скажете мнѣ: „что мнѣ за дѣло, что половина общества васъ ненавидитъ, если есть другая половина, которая, по вашимъ же словамъ, превозноситъ васъ, любитъ и удивляется вамъ?“ Во-первыхъ, Софи, дѣленіе неправильно; ненавидящая меня половина — еще пока самая могущественная, господствующая, занимающая почти всѣ видныя мѣста, всѣ положенія,—располагающая увеселеніями, развлеченіями, украшающими жизнь. Другая же половина — пока еще слабѣйшая; она не можетъ украсить вашу жизнь, доставить тотъ блескъ, то уваженіе, тѣ удовольствія, къ которымъ васъ пріучило ваше аристократическое общество.

Еще вотъ что: даже между тѣми, кто любитъ меня и удивляется мнѣ, найдутся многія, — вы понимаете, что я буду говорить теперь о женщинахъ, которыя вовсе не полюбятъ васъ, а между тѣмъ это будетъ имѣть значеніе въ вашихъ къ нимъ отношеніяхъ. Въ то время, какъ міръ аристократическій не проститъ вамъ бракъ съ такимъ че-

Digitized by Google

ловѣкомъ, какъ я, женщины моей партіи станутъ завидовать тому же, какъ счастію, по ихъ мнѣнію, превосходящему ваши достоинства. Многія изъ нашихъ женщинъ не простятъ вамъ, иностранкѣ, замужество съ человѣкомъ, котораго, какъ друзья, такъ и враги, единогласно признаютъ прежде всего вполнѣ человѣкомъ; не простятъ вамъ побѣдоноснаго выполненія того, что ни одна изъ нихъ не съумѣла выполнить.

И начнется съ войны противъ вашего самолюбія, потому что чѣмъ болѣе онѣ будутъ видѣть въ васъ женщину вполнѣ выше себя, тѣмъ болѣе постараются выставлять васъ, какъ посредственность и личность незначительную. Затѣмъ послѣдуетъ клевета, злословіе. Вы будете разговаривать съ мужчиной со свойственною вамъ любезностію и вполнѣ законною откровенностію, а онѣ изъ этого непремѣнно сдѣлаютъ выводъ о нечестныхъ отношеніяхъ.

Итакъ, вы встрѣтите ненависть у моихъ враговъ и ненавистную зависть у многихъ женщинъ моей партіи.

4) Я еще имѣю прибавить о женщинахъ слѣдующее: аристократія, какъ я уже сказалъ вамъ, ненавидитъ меня почти вся. Въ нашей же буржуазіи женщины вообще еще имѣютъ весьма мало привлекательнаго и пріятнаго въ своемъ образѣ жизни. Мужчины нашей буржуазіи обладаютъ силой ума и образованія. Но женщины еще не получили отъ образованія того аромата любезности, той печати хорошаго тона и манеръ, которые такъ необходимы для каждой женщины, пожившей въ аристократическомъ кругу. Конечно, есть исключенія, но онѣ весьма рѣдки. Отдѣливъ эти исключенія, окажется, что наши женщины составятъ совсѣмъ неподходящее вамъ общество.

Все это заставляетъ меня думать, что, въ случаѣ нашей женитьбы, я значительно сокращу свои знакомства. Это для меня не составитъ ровно никакой жертвы. Я всегда старался избѣгать, насколько возможно, обширнаго знакомства; меня надо было всегда принуждать къ новымъ знакомствамъ. Вотъ почему, любя глубоко человѣчество, я не люблю отдѣльныя личности, имѣющія въ настоящее время претензію быть людьми. Но въ случаѣ нашего союза, я еще значительно уменьшу свой кружокъ. Мы будемъ жить только съ немногими друзьями. Конечно, мы отъ этого ничего не потеряемъ. Потому что возьмите весь Берлинъ, и вы найдете очень мало домовъ, гдѣ можно бывать съ удовольствіемъ, и еще меньше такихъ, которые были бы вамъ подходящими. Германія не общежительная страна; но при всемъ этомъ, вамъ придется жить немного *уединенно*. Знаете ли вы, прекрасный цвѣтокъ, которому нужно открытое солнце, что значитъ тѣнь уединенія?

Взамѣнъ шума и движенія большого свѣта, который вы бы

Digitized by Google

могли наполнить блескомъ вашей молодости и вашего очарованія—уединеніе! Годится ли это вамъ? Можете ли вы согласиться положить все свое счастіе во мнѣ одномъ? И еще если бы вы могли быть со мною весь день! Но, Софи, часть моего дня должна быть всегда отдана научнымъ трудамъ. Я никогда не могу отказаться отъ науки. Въ эту часть дня, быть можетъ, васъ посѣтитъ одиночество, скука! Не станете ли вы сокрушаться, что избрали участь, столь недостойную васъ?

Правда,—я не скрою этого отъ васъ,—весьма возможно, что, если извѣстныя событія совершатся, жизнь ваша, если вы будете моей женой, получитъ цѣлый потокъ движенія, шума и блеска. Но не правда ли, Софи, не слѣдуетъ жадно спекулировать, ради личнаго счастія, великими вопросами, которые составляютъ цѣль усилій всего человѣческаго рода?

Итакъ, на это не слѣдуетъ отнюдь разсчитывать.

5) Перейдемъ теперь къ моему финансовому положенію. Вы начали какъ-то говорить о вашемъ и сказали, что не знаете, будете ли имѣть какое-либо состояніе, или даже, что вы увѣрены, что не имѣете никакого? Я отвѣчалъ вамъ, что это до меня нисколько не касается—и я еще повторяю вамъ то же. И это не гордое пренебреженіе молодой головы влюбленнаго энтузіаста, не знающаго еще значенія денегъ и который, узнавъ его послѣ, станетъ раскаяваться. О, нѣтъ, это не то, и я желаю это доказать, потому что желаю увеличить, если не въ вашихъ глазахъ, то въ глазахъ вашихъ родителей, гарантію вашего счастія со мною. Нѣтъ, съ вами говоритъ не отрокъ съ химерическими идеями. Это говоритъ человѣкъ соврѣвшій, который возрастомъ имѣетъ тридцать пять лѣтъ, а опытностью девяносто. Начну съ того, что скажу вамъ, что я презираю деньги только тогда, когда онѣ входятъ въ соревнованіе съ чѣмъ-либо высшимъ, благороднѣйшимъ, болѣе дорогимъ для моей воли! Но деньги, какъ средство, дающее возможность достигнуть самыхъ высокихъ, великихъ результатовъ на землѣ и, какъ подобное *средство* для моей воли, а не какъ цѣль ея, я умѣю цѣнить по ихъ точному достоинству. Я даже сдѣлаю вамъ признаніе, со свойственной мнѣ откровенностію, что я, можетъ быть, былъ бы способенъ жениться на женщинѣ съ тремя-четырьмя милліонами приданаго, не взирая на ея личность; потому что, если бы женщина эта принесла мнѣ состояніе въ такомъ размѣрѣ, при которомъ оно становится *могущественною силою*, я, можетъ быть, сказалъ бы себѣ: „Ты можешь такимъ состояніемъ помогать твоимъ великимъ цѣлямъ, научнымъ, артистическимъ и въ особенности политическимъ". Тогда я, можетъ быть, заключилъ бы съ этой особой сообщество съ наружнымъ видомъ брака,

Digitized by Google

слѣдовательно, личность ея была бы для меня безразлична. Но такъ какъ на васъ я женюсь исключительно для внутренняго счастія, то я и смотрю только на вашу особу, а все остальное мнѣ безразлично. Я женился бы на васъ, если бы у васъ не было ничего, кромѣ вашего хорошенькаго національнаго костюма, въ которомъ вы дали себя фотографировать для меня, и такъ же сильно и пылко прижалъ бы васъ къ своему сердцу, какъ если бы вы мнѣ принесли всѣ милліоны Востока.

Но если это такъ и должно быть съ моей стороны относительно вашего приданаго, то это не должно быть такъ съ вашей стороны относительно моего состоянія. Потому что, какъ жена моя, вы должны будете дѣлить его со мною и жить имъ.

Я живу, какъ вы это увидите здѣсь, съ полнымъ комфортомъ и даже съ извѣстнаго рода роскошью. Это потому, что при дешевизнѣ германской жизни, я, какъ холостой человѣкъ,—очень богатъ.

Но, женившись, я не буду болѣе богатымъ; мы будемъ находиться только въ честномъ и пріятномъ довольствѣ, когда насъ будетъ двое, Софи, и тѣмъ болѣе, когда будетъ больше двухъ.

Я скажу вамъ точную цифру моего состоянія. Я имѣю четыре тысячи талеровъ доходу; это состояніе совершенно независимое. Правда, послѣ смерти моихъ родителей у меня будетъ двумя или тремя тысячами доходу больше; но, любя моего отца и мою мать самою нѣжною любовью, я надѣюсь, что это случится какъ можно позже.

Итакъ, у насъ будетъ только четыре тысячи талеровъ доходу. Правда, это у насъ гораздо больше, нежели то можетъ показаться вамъ, привыкшей къ вашимъ русскимъ цѣнамъ.

Сравнимъ, напримѣръ, іерархію административныхъ чиновниковъ. У насъ четыре тысячи талеровъ въ годъ—это жалованье губернатора, и сами министры не получаютъ болѣе восьми тысячъ талеровъ, что только вдвое болѣе моего дохода.

Вы понимаете, что у насъ на эти средства мы могли бы жить пріятно, совершенно не стѣсняясь. Но намъ пришлось бы хорошо разсчитывать, сохранять наши средства, кое-въ-чемъ себѣ отказывать и только изрѣдка дозволять себѣ роскошь. До сихъ поръ я имѣлъ привычку не останавливаться никогда ни предъ какими издержками, если только я чего-либо желалъ.

Да мнѣ это и не нужно было, такъ какъ для холостого я всегда былъ довольно богатъ. Когда же вы будете моей женой, это будетъ совсѣмъ иначе. Правда, не будетъ надобности что-либо уменьшать въ моей ежедневной жизни, намъ можно будетъ жить вдвоемъ такъ, какъ я обыкновенно живу одинъ. Только большія затраты, ко-

Digitized by Google

торыя я любилъ иногда дѣлать на роскошныя торжества для друзей, на очень дорогія путешествія, на дорогія книги и проч., я долженъ буду значительно умѣрить. Мнѣ нельзя будетъ болѣе жить безъ разсчета.

Не бойтесь! Я не только сдѣлаю все это охотно, но еще стану охотно отказывать себѣ во многомъ,—и съ какою радостію! Гораздо болѣе, чѣмъ нужно для того, чтобы жить съ вами.

Одного только я не смогу. Я не смогу ни въ чемъ отказать вамъ, Софи. Буду сожалѣть вѣчно о томъ, что я недовольно богатъ для того, чтобы придать вашему существованію всю роскошь, которая одна достойна окружать такое существо, достойное обожанія, какъ вы. У меня не хватитъ вовсе, а если и хватитъ, то съ печалью—хватитъ храбрости отказать вамъ въ какой бы то ни было издержкѣ.

Да это и недостойно мужчины—легко отказывать въ издержкахъ любимой женщинѣ.

Итакъ, вы должны будете сами быть благоразумной, иначе я предоставлю вамъ право дѣйствовать самой, но это можетъ истощать наше состояніе.

Правда, я бы могъ заработывать деньги трудомъ. Я скажу даже болѣе, что мало знаю людей, которые могли бы столько заработать ихъ, какъ я, если бы это было моею цѣлью.

Но я этого никогда не сдѣлаю. Да останется отъ меня далеко это несчастіе, эта умственная проституція — имѣть въ умственныхъ трудахъ цѣлью добывать деньги.

Нѣтъ ничего справедливѣе, какъ разсчитывать на заработокъ въ трудахъ матеріальныхъ.

Но нѣтъ ничего болѣе недостойнаго, неестественнаго, ничего болѣе разрушающаго, какъ поступать такъ въ отношеніи трудовъ ума, принадлежащихъ къ совершенно другому разряду вещей.

Итакъ, я никогда не стану искать заработка своими трудами.

Теперь я спрашиваю васъ, Софи, хватитъ ли у васъ благоразумія довольствоваться такимъ состояніемъ, и согласны ли вы ограничиться пріятнымъ, но скромнымъ довольствомъ?

6) Теперь я перехожу къ торжеству моей жизни! Чтобы сказать вамъ все, что нужно, о романѣ моей жизни, надо нѣсколько коснуться романа жизни другихъ лицъ.

Въ январѣ 1846 г., я познакомился въ Берлинѣ съ графиней Гацфельдъ, которую вы знаете. Это женщина, о возвышенности души которой я не могу дать вамъ вѣрнаго понятія.

Но насколько велико благородство ея души, насколько глубокъ ея умъ, настолько же велико несчастіе ея судьбы.

Digitized by Google

Мужъ ея, онъ же и двоюродный братъ, графъ Эдмондъ Гацфельдъ, ненавидѣлъ ее, мучилъ и преслѣдовалъ ее такими недостойными способами, какіе нельзя найти даже въ самыхъ неправдоподобныхъ романахъ. Обладая пятью милліонами, самый богатый изъ всей фамиліи, владѣя всѣми правами и властью, присущими тогда и даже до сихъ поръ еще присущими нашей высшей аристократіи (это одна изъ самыхъ значительныхъ фамилій всей Германіи) — онъ не зналъ границъ въ тѣхъ ужасахъ, которымъ предавался въ своей ненависти къ ней. Онъ заключилъ ее въ своихъ горныхъ замкахъ, отказывая ей въ докторахъ и лекарствахъ во время ея болѣзней, вырывалъ у нея безпрестанно изъ рукъ, тайными похищеніями, ея дѣтей. Вся жизнь этой отважной женщины была лишь борьбой за дѣтей, которыхъ она постоянно возвращала себѣ и снова теряла. Оставляя ее безъ всякихъ средствъ къ существованію, растрачивая свою жизнь и расточая огромное состояніе въ самомъ низкомъ развратѣ, онъ возбуждалъ и подкупалъ противъ нея клевету. Она имѣла очень могущественныя родственныя связи. Отецъ и мать графини умерли уже давно, но братья, ея естественные покровители, и ея зятья занимали самыя высокія положенія въ обществѣ. Правда, что всѣ они были страшно озлоблены противъ графа. Они горячо порицали его. Часто, въ продолженіи этого супружества, они дѣлали усилія, чтобы принудить графа дать слово перемѣнить свое поведеніе; они нѣсколько разъ составляли семейныя совѣщанія и совѣты, принуждали графа подписывать добровольныя сдѣлки, чтобы оградить судьбу графини отъ его преслѣдованія. Графъ всякій разъ уступалъ, устроивалъ кажущіяся примиренія, подписывалъ все, чего отъ него требовали, и чрезъ три дня послѣ того онъ снова начиналъ свои злодѣянія, потому что добровольныя сдѣлки между супругами ничего не значатъ по нашимъ законамъ.

Такъ какъ графъ нисколько не дорожилъ своимъ словомъ порядочнаго человѣка, ни своею подписью, которую нарушалъ на другой же день, то для графини оставался одинъ исходъ, обращеніе къ суду.

Однажды, въ 1843 году, князь Гацфельдъ, братъ графини, упросилъ даже самого короля заступиться за графиню. Король приказалъ графу, кабинетнымъ указомъ, измѣнить его позорное поведеніе въ отношеніи къ графинѣ. Но графъ оставался глухимъ и на это, и такъ король у насъ не имѣетъ неограниченной власти и не можетъ вмѣшиваться въ частныя дѣла, то это распоряженіе осталось совершенно безъ дѣйствія. Оставалось одно лишь средство спасенія: прибѣгнуть къ обыкновенному суду. Это средство имѣлось давно въ виду. Много лѣтъ уже графиня умоляла на колѣняхъ своихъ род-

Digitized by Google

ственниковъ обратиться за помощью къ суду! Но этого-то родственники графини и не желали, ни въ какомъ случаѣ; потому что у насъ всѣ процессы гласны и публичны, а избытокъ подлостей графа дѣлалъ оглашеніе подобнаго процесса, по мнѣнію родственниковъ, невозможнымъ.

Именно поэтому семейство графини болѣе всего боялось процесса, имѣя въ виду огласку, такъ какъ графъ былъ однимъ изъ главныхъ представителей гордаго рода Гацфельдовъ. Они отступали предъ мыслью разоблаченія такого позора, совершённаго однимъ изъ нихъ; отступали предъ мыслью запятнать этимъ имя всей фамиліи, отступали предъ необходимостію сознанія собственнаго стыда, въ томъ, что такъ долго и трусливо допускали такія неслыханныя звѣрства. Они отступали изъ интересовъ аристократическихъ и политическихъ, боясь дать новую пищу ненависти народа къ аристократіи.

Они часто говорили графинѣ: потерпи еще немного; если графъ еще разъ нарушитъ свое слово или сдѣлаетъ то или другое, то будь увѣрена, мы сами начнемъ процессъ. Графъ слово нарушалъ, повторялъ свои гнусные поступки, и когда графиня хотѣла начинать процессъ, ей говорили: если ты начнешь процессъ, ты станешь нашимъ общимъ врагомъ, и мы всѣ обратимся противъ тебя! О, Софи, какъ низко злоупотребляли они естественною слабостію женщины! Графиня одна, безъ гроша денегъ, безъ всякой помощи и убѣжденная во враждебномъ отношеніи къ ней всего семейства, конечно, не могла и думать помочь себѣ сама!

И подумайте, Софи, что это положеніе длилось почти двадцать лѣтъ! Потому что графъ женился на ней, когда она была дѣвочкою пятнадцати лѣтъ, и мучилъ ее съ перваго дня женитьбы.

Совершенно случайно я присутствовалъ при новыхъ ужасахъ, которымъ графъ предавался въ отношеніи своей жены въ началѣ 1846 года.

Зимой 1845 года устроили новое примиреніе между ними, но, какъ и всегда, оно было съ его стороны только внѣшнимъ. Они должны были, по условію, сойтись въ апрѣлѣ 1846 года. Вмѣсто примиренія, графъ, за нѣсколько времени до апрѣля, написалъ второму сыну графини, Павлу, котораго она обожала и который нѣжно любилъ ее и былъ единственное дитя, котораго графъ не смогъ ни вырвать у графини, ни развратить,—написалъ тайкомъ этому четырнадцатилѣтнему дитяти, что лишитъ его наслѣдства, если онъ тайно не убѣжитъ отъ матери. Поль принесъ это письмо матери, и я засталъ ее въ то время, когда слезы и горе душили ее, и узналъ постепенно всю ея исторію.

Можете ли вы, Софи, составить себѣ вѣрное понятіе о томъ впечатлѣніи, которое произвела эта исторія на меня, горячаго револю-

Digitized by Google

ціонера, когда я выслушалъ ее, когда графиня дала мнѣ неопровержимыя доказательства фактовъ,—въ перепискѣ съ родными и въ другихъ бумагахъ!

Я видѣлъ предъ собою въ лицѣ одной индивидуальной жизни олицетвореніе всѣхъ неправдъ давно прошедшаго жизненнаго строя; олицетвореніе всѣхъ злоупотребленій власти, силы и богатства, направленныхъ противъ слабаго, всѣ нарушенія нашихъ общественныхъ правъ.

Я всегда былъ послѣдователемъ школы Робеспьера, написавшаго въ своей конституціи: „Общественное угнетеніе существуетъ, когда хоть одно лицо угнетено“..... Хорошо изслѣдовавши всю эту исторію, я увидѣлъ, что истинное начало и причина несчастій графини заключались только въ томъ, что ея благородная, высокая душа никогда не хотѣла унизиться и покориться тиранническому духу мужа, не хотѣла льстить его недостойнымъ капризамъ, отрекаясь отъ всего прекраснаго, правдиваго и высокаго. Я увидѣлъ, что эта женщина томилась въ продолженіи двадцати лѣтъ въ несчастіи, несмотря на то, и именно потому, что была и выше и благороднѣе всего видѣннаго мною до тѣхъ поръ. Я стыдился за человѣчество!

И всѣ эти ужасы и гнетъ направлены противъ обезоруженной женщины! Я устыдился своей націи!

Правда, что у моей націи недостаетъ великодушія (я не говорю о простомъ народѣ, въ немъ много великодушія), а у буржуазіи и аристократіи недостаетъ даже и тѣни рыцарства. Иначе ничто подобное не было бы мыслимо.

И я сказалъ самому себѣ: да не будетъ сказано, что ты, зная все это, допустилъ спокойно задушить эту женщину, не придя ей на помощь! Если бы ты поступилъ такъ, то какое бы имѣлъ ты право упрекать другихъ въ эгоизмѣ и подлости?

Мнѣ было двадцать лѣтъ. Я только-что окончилъ университетскій курсъ, гдѣ изучалъ философію. Я вовсе не зналъ юридическихъ наукъ. Ничто не могло удержать меня!

Я сказалъ графинѣ, которая не знала болѣе, что́ ей дѣлать, и хотѣла бѣжать, чтобы не допустить увезти свое дитя, о чемъ графъ снова сталъ помышлять,—сказалъ ей: вы хорошо знаете, что, начавъ процессъ, вы будете покинуты вашей родней, которая обратится противъ васъ, какъ вамъ это всегда говорили; но вы также хорошо знаете, что съ ихъ стороны вамъ нечего ожидать, кромѣ пустыхъ словъ. Если вы твердо рѣшитесь побѣдить или умереть, я возьму ваше дѣло въ эти молодыя, но сильныя руки, — и клянусь вамъ бороться за васъ до смерти.

Она вѣрила въ свое право, въ свою силу и въ мою. Она пол-

Digitized by Google

нымъ сердцемъ приняла мое предложеніе. И я возсталъ! Я, молодой, безсильный еврей, возсталъ противъ самыхъ могущественныхъ лицъ, обладающихъ властью,—я одинъ противъ всѣхъ! Противъ власти по происхожденію, противъ всей аристократіи, противъ силы безграничнаго богатства, противъ правительства и всевозможныхъ администраторовъ, наконецъ противъ всякаго рода предразсудковъ.

И тутъ, Софи, завязалась борьба такая ужасная, что никакое перо не могло бы описать ее; борьба, поглотившая мою первую молодость, борьба девяти лѣтъ—полныхъ самыхъ жестокихъ страданій для графини и для меня; борьба, усыпанная ежедневными невообразимыми опасностями, борьба *невозможная*, но въ которой я не отступилъ ни разу ни на одинъ шагъ, и которую, наконецъ, я окончилъ побѣдителемъ, съ полнымъ торжествомъ! Но теперь, по прошествіи шести лѣтъ, послѣ этого окончанія, я едва могу самъ понять, какъ могъ я одинъ устоять противъ всѣхъ противниковъ и окончить побѣдой.

У меня въ Берлинѣ, въ 1846 году, были два очень близкіе друга, принадлежавшіе оба къ извѣстнымъ и богатымъ семействамъ Берлина. Одинъ изъ нихъ, Оппенгеймъ, былъ судьей въ одномъ изъ высшихъ судовъ Берлина, что у насъ считается высокою должностію. Онъ былъ сынъ одного изъ самыхъ богатыхъ банкировъ Германіи. Его отецъ владѣлъ пятью или шестью милліонами талеровъ.

Другой, Мендельсонъ, былъ докторомъ и принадлежалъ къ семейству не менѣе знатному и уважаемому. Оба они были гораздо старше меня. Но я имѣлъ даръ увлекать за собою людей.

Я изложилъ имъ исторію этой женщины и просилъ ихъ помогать мнѣ въ ея защитѣ, несмотря ни на какія жертвы, даже и въ томъ случаѣ, если бы въ этомъ дѣлѣ пришлось пожертвовать ихъ жизнію. Они дали мнѣ въ этомъ клятвенное обѣщаніе. И я отправился съ ними въ прирейнскую провинцію, въ Дюссельдорфъ,—городъ, сосѣдній съ тогдашней резиденціей графа. Онъ былъ въ Ахенѣ; я заставилъ чрезъ своихъ друзей розыскать и подготовить во всей провинціи юридическія доказательства расточительной и развратной жизни графа, чтобы возбудить противъ него процессъ о наложеніи запрещенія за его расточительность и процессъ о разводѣ.

Самъ я отправился въ Ахенъ, чтобы точнѣе розыскать причины его новыхъ враждебныхъ поступковъ противъ графини. Я скоро ихъ узналъ. Я нашелъ его въ Ахенѣ съ новой любовницей, женщиной—извѣстной интриганкой, баронессой М.... Въ то время она избрала своею добычею графа Гацфельда. Скоро у насъ были въ рукахъ доказательства не только ея незаконныхъ сношеній съ графомъ, но еще и того, что онъ сдѣлалъ ей, въ замаскированной формѣ займа, даръ, который долженъ былъ окончательно разорить будущность

Digitized by Google

младшаго сына графини—Поля, состояніе котораго не было упрочено правами семейнаго майоратства, принадлежащими только старшимъ дѣтямъ. Графъ хотѣлъ разорить его изъ ненависти—за то, что не смогъ ни оторвать его отъ графини, ни развратить его.

Въ то именно время онъ хлопоталъ о томъ, чтобы закрѣпить свой даръ на земли, которыя должны были обезпечить будущность Поля. Графиня, узнавъ, что будущность обожаемаго ею сына должна навсегда быть погублена, не могла болѣе сдержать себя при этомъ новомъ несчастіи. Она является въ Ахенъ, и является притомъ съ доказательствами въ рукахъ. Подлый, какъ всегда, графъ на минуту сдается. Онъ сознается, проситъ прощенія, обѣщаетъ не только уничтожить свой даръ, но даже прекратить, наконецъ, свои несправедливости противъ нея. Онъ проситъ ее пріѣхать изъ Дюссельдорфа вмѣстѣ съ своимъ нотаріусомъ, онъ желаетъ нотаріальнымъ порядкомъ обязать себя во всемъ, чего она пожелаетъ.

Графиня ѣдетъ въ Дюссельдорфъ, возвращается съ своимъ нотаріусомъ. Но графъ уже совершенно измѣнилъ свой образъ мыслей, послушавъ своихъ пронырливыхъ совѣтниковъ, съ жадностью эксплуатирующихъ его. Онъ запираетъ свои двери графинѣ, онъ болѣе не принимаетъ ее; не принимаетъ ея писемъ и не отвѣчаетъ на нихъ. Онъ не отвѣчаетъ на письменный вопросъ о томъ, отмѣнилъ ли онъ пагубный свой даръ или нѣтъ? Онъ дозволяетъ говорить съ собою только черезъ посредство М., которая безотлучно при немъ.

Два лагеря, нашъ и его, помѣщаются одинъ противъ другого. Мы слѣдимъ другъ за другомъ и все поджидаемъ.

Вдругъ мнѣ даютъ знать, что баронесса М. отправляется по желѣзной дорогѣ въ Кёльнъ. Я говорю Оппенгейму и Мендельсону, чтобы они слѣдовали за нею всюду, куда бы она ни отправилась, хотя бы на край свѣта; чтобы они постоянно слѣдили за ней, и старались бы удостовѣриться, отмѣнена ли дарственная запись или нѣтъ. Они отправляются. Они пріѣзжаютъ съ нею одновременно въ Кёльнъ, останавливаются въ одномъ съ нею отелѣ. Разъ какъ-то Оппенгеймъ, стоя на лѣстницѣ, предъ самымъ отходомъ парохода, наблюдаетъ за тѣмъ, какъ лакей М. выноситъ ея багажъ, штуку за штукой. Онъ видитъ, какъ лакей выноситъ такую шкатулку, какія обыкновенно употребляются для дѣловыхъ бумагъ. Оппенгейму приходитъ въ голову необдуманная, дикая мысль. Онъ воображаетъ, что въ этой шкатулкѣ могутъ находиться письма или бумаги съ доказательствами того, что дарственный актъ уничтоженъ или нѣтъ. Времени для размышленія нѣтъ. Онъ бросается на улицу, и такъ какъ лакей въ это время вернулся въ комнату, онъ хватаетъ шкатулку и, не взявъ съ собою изъ Ахена сундука или ящика, куда бы

Digitized by Google

могъ спрятать шкатулку, устремляется въ комнату Мендельсона, для того, чтобы этотъ послѣдній могъ спрятать ее въ свой сундукъ. Мендельсонъ пораженъ и удивленъ этимъ сумасшедшимъ поступкомъ, но такъ какъ онъ не могъ покинуть своего друга, а лакей началъ уже тревогу на весь отель по случаю исчезновенія шкатулки, онъ беретъ ее, чтобы запереть ее въ своемъ сундукѣ, гдѣ не оказывается ни малѣйшаго для нея мѣстечка. Мендельсонъ выбрасываетъ изъ своего сундука нѣсколько штукъ своего платья. Послѣ чего оба они уѣзжаютъ по различнымъ дорогамъ. Мендельсонъ везетъ съ собою сундукъ съ шкатулкою М. Въ отелѣ дѣлаютъ полнѣйшій обыскъ, и такъ какъ въ комнатѣ Мендельсона находятъ одежду, то противъ него возбуждается подозрѣніе и его преслѣдуютъ. Мендельсонъ, видя на желѣзной дорогѣ, что за нимъ слѣдитъ полиція, выскакиваетъ изъ вагона и скрывается, оставляя свой сундукъ. Онъ пробирается полями и добирается, наконецъ, до Парижа. Но такъ какъ онъ, изъ любезности, взялъ съ собою также и сакъ-вояжъ Оппенгейма, съ его бумагами, и оставилъ этотъ сакъ въ вагонѣ, то Оппенгейма розыскиваютъ и арестуютъ за воровство!

Подумайте только, какую огласку получило это дѣло на всю Германію!

Я проникъ тайно въ тюрьму къ Оппенгейму и заставилъ его обѣщать мнѣ, что если графъ покончитъ миромъ съ своею женой, онъ, Оппенгеймъ, умолчитъ о причинахъ своего поступка. Онъ мнѣ обѣщалъ это. Такъ какъ приходится хвалить его, то я могу сказать, что обѣщаніе это было дивнымъ поступкомъ съ его стороны. Потому что, не выдавая причинъ своего поступка, онъ вполнѣ рисковалъ быть обвиненнымъ въ простомъ воровствѣ! Это было неслыханною жертвою. Но мы обѣщали другъ другу, что сдѣлаемъ все для спасенія графини, и онъ твердо обѣщалъ мнѣ исполнить свое слово. Я поручилъ сдѣлать графу предложеніе о мирѣ. Онъ отказался. Тогда только вспыхнула настоящая борьба. Вспыхнула она съ ожесточеніемъ, не имѣющимъ себѣ подобнаго. Вы видите, что съ самаго начала борьбы я остался одинъ, такъ какъ Мендельсонъ былъ въ Парижѣ, а Оппенгеймъ въ тюрьмѣ; одинъ я оставался и до конца борьбы, какъ вы это увидите дальше. Но это нисколько не уменьшило моей бодрости. Я началъ изливать потокъ процессовъ противъ графа. Я не изучалъ до того пра́во, но за то теперь сталъ изучать его съ *бѣшенствомъ!* Продолжая вести процессы, я превращался въ юриста; въ нѣсколько мѣсяцевъ я сравнялся съ адвокатами, а въ два года, могу сказать, я превзошелъ ихъ всѣхъ.

Въ то же время, я обратился къ демократической прессѣ. Вся демократическая пресса отозвалась на мой голосъ. Я уничтожилъ

Digitized by Google

графа въ общественномъ мнѣніи. Это была ежедневная борьба и борьба на смерть. Въ этихъ-то обстоятельствахъ Гейне измѣнилъ мнѣ, какъ я, помните, говорилъ вамъ какъ-то объ этомъ. Онъ измѣнилъ мнѣ потому, что баронесса М. имѣла доступъ въ Гизо, отъ котораго Гейне получалъ пенсію.

Но если онъ мнѣ измѣнилъ, то другіе меня поддерживали, и ежедневно во всей демократической прессѣ появлялись статьи противъ графа.

Въ это время наступилъ судъ, по уголовному процессу Оппенгейма. Онъ призналъ свой поступокъ, но также признался и въ причинахъ его. Такъ какъ было болѣе чѣмъ невозможно подумать, чтобы онъ захотѣлъ обогатиться шкатулкою М., и какъ общественное мнѣніе было цѣликомъ за насъ, то его торжественно оправдали.

Но тутъ онъ выказалъ слабость. Вся семья его пріѣхала въ Кёльнъ и умоляла его вернуться съ нею. Его упрашивали, заклинали. И этотъ человѣкъ, чудный поступокъ котораго я вамъ восхвалялъ, имѣлъ слабость уступить своимъ роднымъ, оставить дѣло и уѣхать съ ними. Съ него было довольно. Если съ него было довольно, то для меня еще было мало! Правда, и мой отецъ, котораго я нѣжно люблю, тоже умолялъ меня вернуться съ нимъ, не продолжать этой страшной борьбы. Но, Софи, замѣтьте это хорошенько: когда я даю слово, я даю его на вѣчность! Отецъ долженъ былъ вернуться одинъ. Такъ какъ Оппенгеймъ былъ оправданъ въ декабрѣ 1846 г., то Мендельсонъ возвратился изъ Парижа въ іюнѣ 1847 г. Всѣ юристы единогласно заявляли, что для него не могло быть никакой опасности. Если Оппенгеймъ, взявшій шкатулку, былъ оправданъ, нельзя было обвинить Мендельсона, бывшаго только его сообщникомъ. Итакъ, Мендельсонъ возвращается и добровольно отправляется въ кёльнскую тюрьму. Его предаютъ суду. Обвиненіе казалось вещью самою невозможною въ мірѣ. Но графъ уже имѣлъ время съ своей стороны вызвать всѣ вліянія, всѣ ненависти и въ особенности щедро разливалъ всемогущаго двигателя—золото.

Въ январѣ 1848 года, Мендельсонъ, мой лучшій другъ, былъ объявленъ—подкупленнымъ, убійственнымъ составомъ присяжныхъ—виновнымъ въ кражѣ въ публичномъ отелѣ. Это влекло за собою пятилѣтнее тюремное заключеніе! Гумбольдтъ упросилъ короля измѣнить эти пять лѣтъ заточенія на одинъ годъ содержанія въ тюрьмѣ. Но король поставилъ условіемъ, чтобы Мендельсонъ оставилъ Европу. По выходѣ изъ тюрьмы, онъ отправился въ Константинополь и въ Сирію. Въ 1854 году, онъ участвовалъ въ восточной войнѣ противъ Россіи, какъ полковой докторъ въ турецкой арміи, и умеръ на усиленномъ походѣ къ Баязету.

Digitized by Google

Когда Мендельсона приговорили, графъ былъ въ восторгѣ. Онъ, вслѣдствіе этого, возымѣлъ надежду погубить и меня. Правда, что я не имѣлъ ничего общаго съ шкатулкой г-жи М., что я былъ въ Ахенѣ, когда мои друзья совершали это необдуманное дѣйствіе въ Кёльнѣ. Но такъ какъ меня вообще считали душою моихъ друзей, то противъ меня возбудили процессъ, какъ умственнаго автора ихъ кёльнскаго поступка. Подобный процессъ, въ сущности, былъ невозможенъ, немыслимъ.. Но графъ сильно на него разсчитывалъ. Мендельсона погубили только ради того, чтобы проложить себѣ дорогу ко мнѣ. Королевскіе прокуроры, купленные деньгами и вліяніемъ графа и движимые, въ особенности, своей реакціонерною ненавистью ко мнѣ, весело накинулись на этотъ процессъ. Но еще съ бо́льшею радостію, съ молніей во взглядѣ, со страстію въ сердцѣ, бросился въ него я самъ. Мнѣ нуженъ былъ, необходимъ былъ процессъ, Софи, мой собственный процессъ, потому, что я былъ осыпанъ клеветою.

Легко вообразить себѣ всѣ сплетни, вызванныя моими дѣйствіями. Молодой человѣкъ моихъ лѣтъ, взявшій на себя такимъ образомъ защиту женщины, совершенно для него чужой! Понятно, что многіе не могли себѣ иначе объяснить этого, какъ предположеніемъ любовныхъ отношеній. Вообще люди, не имѣющіе ни правилъ, ни совѣсти, не понимаютъ, что есть лица, для которыхъ не любовныя отношенія являются главными двигателями въ жизни. Меня считали влюбленнымъ въ нее. Но для графа это было еще недостаточно-грязною клеветою. Онъ старался распространять слухи, несмотря на мое независимое денежное положеніе, что я захватилъ ея дѣло изъ постыдной денежной спекуляціи.

Все это для меня было очень горько; но если злословіе бѣгаетъ изъ дому въ домъ, то за нимъ нельзя тоже бѣгать изъ дома въ домъ, для опроверженія.

Поэтому, мнѣ нуженъ былъ случай, чтобы заговорить самому къ цѣлому обществу. Мнѣ нуженъ былъ уголовный процессъ, какъ торжественный случай, чтобы опровергнуть клевету, чтобы выступить съ доказательствами въ рукахъ, побивая ложь и возстановляя неопровержимыми данными истинный характеръ моей безкорыстной защиты графини.

Съ другой стороны, это мнѣ было необходимо также и въ интересахъ графини. Мнѣ представлялся случай изложить предъ всѣмъ народомъ исторію этого супружества и столкновеній между графомъ и графинею, и тѣмъ самымъ уничтожить нравственно его и доставить ей блистательное удовлетвореніе.

Правда, адвокаты убѣждали меня не дѣлать этого, не касаться въ моемъ дѣлѣ ихъ взаимной ссоры, для того, чтобы не увеличивать

Digitized by Google

грозившей мнѣ опасности. Мнѣ говорили, что если я ограничусь узкими границами юридическаго обвиненія противъ меня, какъ нравственнаго автора поступка Оппенгейма, то я буду неуязвимъ. Отожествляя же на скамьѣ подсудимыхъ мое дѣло съ борьбою графини противъ графа, я разнуздалъ бы всю ненависть, я зажегъ бы всѣ страсти, я принудилъ бы всѣхъ тѣхъ, кто не былъ совершенно за меня, обвинить меня. А обвиненіе въ подстрекательствѣ къ преступленію кражи,—это было бы не только заключеніе на пять лѣтъ, это было бы хуже смерти! Такъ какъ такое обвиненіе нанесло бы мнѣ позоръ и безчестіе въ глазахъ всего свѣта, то оно сломило бы мое существованіе навсегда, потому что сломило бы мою честь.

Однако, послушавшись до извѣстной степени такихъ робкихъ совѣтовъ, Оппенгеймъ выдержалъ двусмысленное оправданіе, а Мендельсонъ ужасный приговоръ. Я твердо рѣшился не слушать ни одного изъ этихъ осторожныхъ совѣтовъ. Я бросился на скамью подсудимыхъ не какъ человѣкъ, ищущій оправдываться, а какъ тріумфаторъ, идущій на вѣрное торжество. Я бросился туда вооруженный противъ графа и противъ его сообщниковъ—судей.

Я встрѣтилъ болѣе четырнадцати лжесвидѣтелей, купленныхъ графомъ противъ меня. Это меня нисколько не потревожило. Я это предвидѣлъ. Въ семидневныхъ дебатахъ, которые я одинъ направлялъ, я изобличилъ постыдныхъ лжесвидѣтелей, я смутилъ и уничтожилъ *окончательно клевету* неопровержимыми доказательствами, я раскрылъ исторію этого супружества въ послѣдній день, въ шестичасовой рѣчи, которую я прилагаю тутъ напечатанную, для того, чтобы вы могли узнать ее подробно [1]). Отбросивъ въ сторону обвиненіе, направленное противъ меня, я направилъ рѣчь на вражду между графомъ и графиней, отожествляя себя съ ихъ дѣломъ и разбилъ окончательно графа и его сообщниковъ. Ничто, Софи, не можетъ дать вамъ понятія о томъ электризующемъ впечатлѣніи, которое я произвелъ. Весь городъ, все населеніе цѣлой провинціи, плавали, такъ сказать, въ волнахъ энтузіазма.

Народъ увидѣлъ лицо человѣка! Народъ понялъ меня. Но не только народъ, всѣ классы, вся буржуазія была въ опьяненіи восторга. Нѣкоторыя подробности, о которыхъ я вамъ разсказывалъ въ Кёльнѣ, взяты изъ этого процесса. Когда мы пріѣхали въ Дюссельдорфъ, жители этого города оглушили меня своими кликами. Они отпрягли лошадей у экипажа, въ которомъ я сидѣлъ съ графиней, и сами повезли насъ. Все это потому, что народъ понялъ отлично,

---

1) Рѣчь эту Лассаль забылъ тогда прислать мнѣ, и послѣ я ее никогда не получала.

Digitized by Google

хотя процессъ и не былъ, собственно говоря, политическимъ, что этотъ процессъ и есть именно политическій въ глубокомъ значеніи этого слова. Понялъ, что процессъ этотъ былъ признакомъ движенія противъ угнетенія.

Я не только былъ оправданъ, но еще нанесъ рѣшительный ударъ моимъ противникамъ. Этотъ день доставилъ мнѣ въ прирейнскихъ провинціяхъ репутацію несравненнаго оратора и человѣка несравненной энергіи, и газеты разносили эту репутацію по всей монархіи. Всѣ провозглашали меня человѣкомъ, способнымъ нападать въ одиночку на весь міръ. Съ этого дня демократическая партія въ прирейнскихъ провинціяхъ признала меня однимъ изъ своихъ главныхъ вождей.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія было то, что, три мѣсяца спустя, я снова попалъ въ дюссельдорфскую тюрьму по моему первому большому политическому процессу, вслѣдствіе coup d'état въ Берлинѣ въ ноябрѣ 1848 года. Изъ этого процесса я вышелъ не менѣе побѣдоносно, съ неменьшимъ блескомъ. Такъ какъ онъ также напечатанъ, я дамъ вамъ мою рѣчь и изъ этого процесса. Она займетъ васъ.

Послѣ оправданія, я снова въ нѣсколько пріемовъ подпадалъ подъ обвиненія въ политическихъ преступленіяхъ. Обремененнаго, съ одной стороны, своими процессами по дѣлу графини, меня, съ другой стороны, душили процессы правительства, противъ меня лично. Но ничто не могло остановить меня. Сражаясь одной рукою съ правительствомъ, другою—съ графомъ, я былъ вездѣ. Я велъ процессы противъ графа безпрерывно, даже изъ тюрьмы.

Мнѣ приходилось пользоваться такими уступками со стороны даже враговъ моихъ, которыя совершенно необъяснимы. Находясь въ тюрьмѣ въ Дюссельдорфѣ, я получилъ дозволеніе отъ членовъ правительства, моихъ заклятыхъ политическихъ враговъ, каждый разъ выходить изъ тюрьмы, когда мнѣ нужно было вести процессъ о разводѣ графини; это дозволеніе было совершенно *противозаконно*, но его, однако, давали мнѣ, хотя меня преслѣдовали всевозможными способами! Это потому, что мое положеніе, положеніе человѣка, сильнаго своимъ правомъ и вѣрящаго въ свою силу, который боролся совершенно одинъ противъ всѣхъ съ непоколебимой волей, защищая во что́ бы то ни стало эту женщину, внушало уваженіе даже врагамъ моимъ. Они не чувствовали въ себѣ достаточно нравственной отваги стать открытой помѣхой этой желѣзной волѣ, которая доказала, что не остановится ни предъ какою жертвой, такъ что мои враги, убѣдясь въ этомъ неоднократно, кончили тѣмъ, что стали уважать меня.

Digitized by Google

Но послѣ 1848 года, въ судьбѣ процессовъ графини произошла большая перемѣна. До революціи, въ 1846 и 1847 годахъ, судьи встрѣчали эти процессы сочувственно; потому что въ то время въ нашихъ судьяхъ было много либеральныхъ поползновеній и отвращенія къ юнкерамъ. Но революція и потомъ противореволюція 1848 года однимъ ударомъ все это измѣнили. Реакціонерная и антиреволюціонерная ненависть царствовала въ нашихъ судахъ со слѣпою страстью.

И такъ какъ графиню отожествляли со мною и я былъ самымъ ненавистнымъ вождемъ революціонной партіи въ провинціи, то эта солидарность со мною была причиною того, что графиня проигрывала всѣ свои процессы.

Помимо того, графу еще удалось подкупить многихъ изъ высшихъ судей. Итакъ, графиня проигрывала процессъ за процессомъ.

Почти не проходило недѣли, которая бы не принесла намъ, въ этой несчетной массѣ процессовъ, начатыхъ мною противъ графа, неблагопріятныхъ, разорительныхъ для насъ рѣшеній! Я былъ постоянно побиваемъ!

Тогда-то именно я узналъ свою истинную силу. Послѣ каждаго пораженія, я возставалъ болѣе страшнымъ, чѣмъ прежде. Я всегда придумывалъ новое нападеніе, болѣе грозное, нежели предшествующее. Видя въ толпѣ судей однихъ только подкупленныхъ судей-убійцъ или судей-враговъ, я самъ понемногу сталъ терять надежду на побѣду. Но я хотѣлъ по крайней мѣрѣ бороться, пока живу и уступить только умирая.

Что скажу я вамъ? Послѣ долгихъ лѣтъ, послѣ несказанныхъ страданій, я, наконецъ, въ августѣ 1854 года, достигъ полной побѣды надъ этимъ человѣкомъ-чудовищемъ, надъ этимъ упрямымъ человѣкомъ! Наконецъ, я сломилъ этого знатнаго вельможу! Наконецъ, я держалъ его подъ ногами! Я продиктовалъ ему миръ на условіяхъ, не только вполнѣ унизительныхъ для него, но и вполнѣ безчестящихъ его. Я, наконецъ, освободилъ эту женщину отъ его власти и принудилъ его передать ей очень большую часть своего состоянія.

Въ этомъ отношеніи графинѣ не повезло. Она потеряла значительную часть своего состоянія во время кризиса 1855 года; другую, большую часть, она отдала своему сыну Полю, который теперь живетъ въ Парижѣ. Несмотря на это, она все же удержала состояніе весьма большое и вполнѣ независимое.

Принудивъ графа подчиниться, я еще имѣлъ удовлетвореніе видѣть родственниковъ графини, явившихся тоже для примиренія съ нею. Когда она восторжествовала, семья, бросившая ее во время опасности, предлагала ей свою помощь.

Digitized by Google

Я окончилъ побѣдителемъ эту борьбу въ августѣ 1854 года.

Три года спустя, въ 1857 году, въ Берлинѣ, изданіемъ своего Гераклита, я побудилъ нашихъ великихъ ученыхъ, Гумбольдта и Бёка, признать меня себѣ равнымъ и принять меня съ распростертыми объятіями въ свою среду.

Въ 1858 году я написалъ трагедію, а въ 1859 году написалъ брошюру, которыя далъ вамъ.

Въ 1860 году я познакомился, о, пріятное и сладкое воспоминаніе!—съ Софіей Адріановной въ Ахенѣ.

Вотъ самыя важныя событія моей жизни!

Теперь, Софи, я еще скажу вамъ нѣсколько словъ по поводу графини.

Вы видѣли, что я славно боролся за эту женщину! Каждый случай борьбы за нее доставлялъ мнѣ наслажденіе и она дѣлалась мнѣ все дороже и дороже; потому что я любилъ ее любовью самаго нѣжнаго сына; я любилъ ее какъ свою мать; нѣтъ! я любилъ ее еще въ три раза сильнѣе, нежели мою нѣжно-любимую мать. Это потому, что она гораздо ближе ко мнѣ, возвышенностью души и глубиною чувствъ, подобныхъ которымъ я не встрѣчалъ ни въ комъ, кромѣ васъ! Да, вы единственная женщина, видѣнная мною до сихъ поръ, похожая на нее въ этомъ. Да, вы на нее очень похожи! Вы изъ того же дерева, того же направленія ума, того же энтузіазма, ко всему высокому и благородному. Счастливъ буду я, встрѣтившій тотъ же типъ въ матери и женѣ.

Я люблю ее, я говорилъ вамъ, любовью сына; я люблю ее любовью вѣрнаго товарища по оружію, дѣлившаго съ нею десять лѣтъ борьбы и опасностей.

Я, наконецъ, люблю ее философскою любовью, т.-е. люблю ее, какъ самый прекрасный типъ человѣчества, какъ типъ страждущаго человѣчества; какъ Христа, распятаго у меня на глазахъ за грѣхи человѣчества и котораго мнѣ удалось сорвать съ креста силой моей воли. И вѣрьте мнѣ, каждый, кто увидалъ бы ее страдающую, какъ видѣлъ я, въ продолженіи стольких лѣтъ переносившую свои страданія такъ благородно и поразительно, будь у него желѣзная грудь — полюбилъ бы и сталъ бы почитать ее, какъ и я!

Итакъ, я не чувствовалъ бы себя никогда счастливымъ, если бы не видалъ ее также счастливою, довольною, свѣтлою.

Это мой образъ чувствъ въ отношеніи къ ней. Даже если бы я такъ не чувствовалъ, то по долгу чести я долженъ былъ бы принудить себя къ такому чувству. Не забудемъ, что эта женщина вложила свою судьбу въ мои руки—и не теперь, когда я имѣю установленную репутацію, а тогда, когда я былъ молодымъ человѣкомъ 20-ти лѣтъ,

Digitized by Google

одаренный талантами, но повидимому безсильный и неизвѣстный въ свѣтѣ. Стыдъ человѣку, могущему обмануть такое довѣріе.

Есть обстоятельства, Софи, при которыхъ я скорѣе поглощу свои собственныя внутренности, нежели обману того, кто сказалъ мнѣ: „я вѣрую въ васъ!“ Кромѣ того, я долженъ быть ей очень признателенъ, она сдѣлала меня гораздо лучше, чѣмъ я былъ. Я могу сказать, что имѣлъ отлично теплое сердце, но также я имѣлъ и пороки силы. У меня были звѣрскіе инстинкты, страшный гнѣвъ, крайняя страстность; я могъ предаваться жестокостямъ безъ сожалѣнія. Она исправила меня отъ всего этого. Она развила во мнѣ добрые инстинкты и подавила другіе. Если я теперь таковъ, что вы можете быть счастливы со мною, то это плодъ ея работы.

Итакъ, Софи, потому что я люблю графиню, какъ сынъ, принимая меня какъ мужа, вы должны будите любить ее, какъ мою настоящую мать и съ истинною нѣжностію дочери, иначе я не буду счастливъ.

Но также, если вы будете добры съ нею, она скоро полюбитъ васъ болѣе, чѣмъ любитъ меня! Она полюбитъ васъ, какъ свою дочь, такъ же нѣжно, какъ всегда любила своихъ собственныхъ дѣтей. Я надѣюсь убѣдить ее жить съ нами, чтобы жить вмѣстѣ и счастливо втроемъ.

Такъ какъ она необыкновенно деликатна, то можетъ быть не захочетъ этого, не зная, полюбите ли вы ее, но я поручусь за васъ и надѣюсь вырвать у нея это обѣщаніе.

Теперь, Софи, я все сказалъ что имѣлъ вамъ сказать. Я еще имѣю прибавить одно: я не женюсь на васъ безъ согласія и безъ любви вашего отца. Несчастіе тому человѣку, который осмѣлится разорвать такую связь, какая существуетъ между вами и вашимъ отцомъ. Я не скажу вамъ, что мнѣ не нужно также согласіе вашей матери, которую я не имѣю чести знать.

Я даю вамъ право, если вы желаете, прочесть это письмо вашему отцу.

И теперь, если послѣ всего того, что я вамъ сказалъ, вы рѣшитесь выдти за меня замужъ, что получите вы взамѣнъ всѣхъ вашихъ жертвъ? Только двѣ вещи: человѣка и сердце!

Но за то человѣка въ истинномъ смыслѣ этого слова, и сердце, которое, разъ отдавшись, отдается на вѣчность! И, Софи, необходимо ли прибавлять?—каково бы ни было ваше рѣшеніе, я только дрожа могу думать о немъ,—я никогда не перестану благословлять васъ и помнить васъ. Я никогда не перестану быть вашимъ самымъ вѣрнымъ и преданнымъ другомъ. Я не перестану благословлять васъ со слезами на глазахъ.

Фердинандъ Лассаль.

Digitized by Google

Теперь, для ясности всего послѣдующаго, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ о той внутренней борьбѣ, которая вызвана была во мнѣ исповѣдью Лассаля. Чѣмъ болѣе я вчитывалась въ нее, тѣмъ лучше и выше казался мнѣ этотъ энергическій, самоотверженный борецъ, возставшій противъ угнетенія невиннаго, ради правды, ради истины. Онъ сталъ нравиться мнѣ послѣ этой исповѣди несравненно болѣе, чѣмъ прежде. Подъ вліяніемъ этой исповѣди мнѣ казалось, что я совершенно увлечена имъ, и я готова была сейчасъ же написать ему «*da*». Въ этой горячей исповѣди все плѣняло меня: его безграничная гордость, и даже то, что онъ еврей; надо было дѣйствительно отречься отъ предразсудковъ, чтобы выдти за него, и я чувствовала, что дѣйствительно не имѣю этихъ предразсудковъ, что рада буду доказать самой себѣ на дѣлѣ, что не имѣю ихъ; самый способъ его выраженія любви ко мнѣ казался мнѣ такимъ искреннимъ, такимъ увлекательнымъ. Словомъ, я, сильно взволнованная, почти рѣшалась дать согласіе. Я сидѣла у окна, глубоко задумавшись. Окно выходило на площадь, на которой сновала обыденная жизнь Дрездена; до сихъ поръ жизнь эта мнѣ казалась такой уютной, патріархальной, симпатичной. Теперь же вдругъ, почему-то, мнѣ все въ Дрезденѣ стало не нравиться. И мощеная площадь, со всѣхъ сторонъ сжатая высокими домами, и всѣ эти люди, сновавшіе по улицамъ и поглощенные мелкими заботами вседневной жизни, положившіе на нихъ свою печать однообразной дрессировки, узкой, давящей. Погода была превосходная; я открыла окно, несмотря на октябрь, и въ комнату ворвался запахъ горящаго каменнаго угля, непріятно сжавшій мою грудь и виски. Вся эта обстановка неродного русскаго края, въ эту минуту какъ-то не прилаживалась къ моему отчасти дикому нраву; мысль моя перелетѣла къ моему дѣтству, проведенному въ деревнѣ, среди типичной обстановки малороссійской природы, въ нашемъ южномъ прелестномъ климатѣ. Тамъ домъ нашъ тонулъ въ зелени чуднаго громаднаго сада, окруженнаго широкой рѣкой и переполненнаго прекрасными цвѣтами и растеніями. Вотъ вижу я наши огороды, ихъ полютъ и поливаютъ крестьянскія бабы; цѣлыя группы ихъ дѣтей играютъ тутъ же. Я всѣхъ этихъ дѣтей знаю, люблю. Они мнѣ радуются; все свободное отъ уроковъ время я провожу среди ихъ; чищу, мою, пеленаю ихъ засаленныхъ грудныхъ братьевъ и сестеръ; отгоняю отъ нихъ рои мухъ и комаровъ. А старшимъ разсказываю, что сама знаю, все, что̀ можетъ знать дѣвочка десяти—двѣнадцати лѣтъ. Они любятъ слушать меня, я ихъ учу грамотѣ и мечтаю

Digitized by Google

о томъ, какъ они всѣ будутъ грамотные. Мое дѣтское воображеніе рисуетъ мнѣ картину того будущаго, когда мои ученики не будутъ болѣе крѣпостными. Вся домашняя обстановка крестьянъ, ихъ трудъ, лишенія, горе были близки мнѣ. Хотя во время пребыванія нашего за границей освобожденіе крестьянъ было уже почти совершившимся фактомъ, но, тѣмъ не менѣе, я видѣла вокругъ себя еще мракъ невѣжества, съ вѣчными его послѣдствіями — нищетой и несчастіями. Мое юное сердце и мысли были переполнены желаніемъ помочь крестьянамъ въ ихъ образованіи. Я всегда любила дѣтей, и вездѣ, гдѣ соприкасалась съ дѣтьми, усердно занималась ими. Болѣзнь отца оторвала меня отъ моихъ плановъ и занятій, но за границей я серьёзно всматривалась въ дѣло первоначальнаго образованія, и изъ своихъ наблюденій намѣревалась извлечь все, что́ можно для моей цѣли, чтобы, вернувшись, приняться за трудъ и принести посильную пользу хотя самому маленькому кружку людей. И вотъ, здѣсь, въ саксонскомъ Дрезденѣ, съ вопросами Лассаля передъ глазами, всѣ мои завѣтныя мечты, мои взлѣлеянныя думы возстали ярко предо мною, и я могла думать только о родинѣ, мое сердце сжимала такая невыразимая тоска по ней, такой порывъ скорѣе бѣжать туда. Все родное, съ его недостатками, казалось мнѣ такъ близко, такъ дорого, а здѣсь все казалось такимъ чужимъ, неприглядным. Чужимъ показался мнѣ и Лассаль со всею его страстью. Я не могла мириться съ мыслью — разстаться ради него съ родиной. Я родину любила больше. Я не умѣла тогда отдать себѣ яснаго отчета въ тѣхъ чувствахъ, которыя питала къ Лассалю, но мои колебанія должны были доказывать мнѣ, что въ сердцѣ моемъ не было любви къ нему, что только умъ мой находился подъ впечатлѣніемъ его геніальной личности. Я тогда не понимала, что малѣйшее колебаніе въ вопросѣ любви доказываетъ ея отсутствіе. Я только страшилась сдѣлать фальшивый шагъ, который могъ бы погубить меня и его. Отецъ, видя мою внутреннюю борьбу, предоставилъ меня самой себѣ, и не желая вліять на меня ни однимъ словомъ, не прерывалъ моихъ мыслей. Онъ сказалъ, что уѣдетъ прокатиться, и оставилъ меня одну. Со всѣмъ уже стемнѣло, а я все еще сидѣла, измученная внутренней борьбой. Мнѣ казалось и невозможнымъ отвергнуть любовь Лассаля, и еще болѣе невозможнымъ принять ее; онъ требовалъ любви, а я сознавала, что въ сердцѣ моемъ ея нѣтъ къ нему, что меня обманываетъ голова, что она подкупаетъ меня. Я незнакома была съ истинною страстью, но угадывала ее, мнѣ чувствовалось, что, рано или поздно, она придетъ ко мнѣ съ-

Digitized by Google

грать свою роль. Я зажгла свѣчи, и въ ожиданіи отца старалась отрезвиться отъ тяжелыхъ мыслей, приготовляя ему чай. Пришелъ отецъ: «Ну, что, моя дѣвочка,—надумалась?»

Я передала ему свои колебанія, всѣ свои мысли и спросила его мнѣнія.

— Дѣйствуй, какъ указываетъ тебѣ твое сердце, отвѣчалъ онъ. Я желаю только счастія твоего; видѣть тебя несчастною для меня равносильно смерти. Поступай только по впечатлѣнію сердца, не отдаваясь никакимъ соображеніямъ.

— Вотъ его-то, моего сердца, я и боюсь болѣе всего. Оно у меня еще такое глупое, я сама его хорошенько не понимаю.

— Не торопись!»

Ночь прошла безпокойно, безъ сна. На другой день, нѣсколько успокоившись, я написала Лассалю. Я выразила ему, какое сильное впечатлѣніе произвела на меня его исповѣдь, писала что теперь еще болѣе, чѣмъ прежде, я должна думать объ его счастіи и не торопиться своимъ согласіемъ, а строго и серьёзно провѣрить свои чувства къ нему. Я просила его позволить мнѣ отвѣчать ему изъ Россіи, куда мы намѣрены были уѣхать чрезъ нѣсколько дней. Я увѣдомляла его, что мы заѣдемъ дня на два въ Берлинъ, собственно за тѣмъ, чтобы проститься съ нимъ, и просила его, во время нашего пребыванія тамъ, не касаться нашего вопроса, забыть на время, если можно, что онъ возникъ между нами, и быть только по-старому, друзьями.

Итакъ, сама того не желая и не сознавая, я напрасно мучила человѣка, горячо меня любившаго, но я хотѣла быть совершенно добросовѣстной въ отношеніи къ нему и строго провѣрить свои чувства. Мнѣ все еще казалось, что я могу его полюбить. Повторяю, что, не испытавъ еще чувства истинной любви, я тогда не понимала, что чувства мои къ Лассалю были совсѣмъ иного рода. Это было восторженное удивленіе, преданность, дружба, но только не любовь, безъ которой я считала невозможнымъ рѣшиться на бракъ. Меня удерживало что-то для меня непонятное отъ поспѣшности дать свое согласіе, послѣ котораго уже не могло быть возврата. Я могла бы еще пожертвовать своимъ счастіемъ, но разбить его счастіе было для меня немыслимо, невозможно.

На другой же день я получила слѣдующій отвѣтъ Лассаля:

«Я слишкомъ хорошо понялъ ваше благородное письмо и господствующія въ немъ возвышенныя и великодушныя чувства, чтобы не раздѣлить съ вами ваши мысли. Да будетъ такъ, какъ

Digitized by Google

вы желаете! Вы отвѣтите мнѣ изъ Витебска. И хотя мнѣ не трудно предвидѣть вашъ отвѣтъ, или, лучше сказать, именно потому, что мнѣ не трудно его предвидѣть, между нами не будетъ сказано объ этомъ ни единаго слова во время вашего пребыванія въ Берлинѣ, такъ какъ вы этого желаете. Это совершенно естественно — и само собою разумѣется. По крайней мѣрѣ, пока я буду хозяиномъ своей воли, — а я надѣюсь имъ быть вполнѣ,—поведеніе мое въ отношеніи васъ будетъ совершенно такое, какъ вы желаете.

«Оно будетъ выражать только расположеніе и дружбу, самые чистыя и спокойныя, а я постараюсь всѣми силами изгнать оттѣнокъ неудержимой нѣжности, съ которымъ я часто былъ не въ силахъ справиться въ послѣднее время въ Ахенѣ и Кёльнѣ...

«Итакъ, вы будете мною довольны, и не правда ли, Софи, вы навсегда сохраните обо мнѣ хорошія воспоминанія?

«Но вотъ чѣмъ я восхищаюсь столько же, какъ и деликатностью и великодушіемъ вашихъ чувствъ: это тѣмъ, что вы говорите мнѣ о роли вашего отца. Этотъ человѣкъ стоитъ на такой высотѣ, какъ я никогда не встрѣчалъ въ своей жизни никого! Это человѣкъ по-истинѣ чудный; какой человѣкъ!

«Еще я восхищаюсь его рѣшеніемъ пріѣхать въ Берлинъ! Это просто великолѣпно съ его стороны!

«При существующихъ обстоятельствахъ я не считалъ бы себя въ правѣ высказать и малѣйшей претензіи. Кстати, я еще долженъ вамъ сказать, что вы, можетъ быть, не получили писемъ, посланныхъ мною въ воскресенье, вамъ и вашему отцу. Вы получили, какъ видно изъ письма вашего, мое письмо, посланное одновременно съ манускриптомъ. Но въ воскресенье я еще написалъ и послалъ письмо вашему отцу (отвѣтъ на его письмо). Я приложилъ къ нему, какъ доказательство, ваше письмо, которое здѣсь было получено мною первымъ; все это въ одномъ конвертѣ было адресовано на имя вашего отца. Въ то же время я въ другомъ конвертѣ послалъ вамъ письмо, въ началѣ котораго я говорю, что присоединяю къ нему свой манускриптъ, а въ концѣ письма я прибавилъ, что не въ силахъ сдѣлать это въ тотъ день, по причинѣ волненія, въ которое повергло меня письмо вашего отца.

«Получили ли вы это письмо? И въ особенности получилъ ли вашъ отецъ письмо, адресованное ему? Если нѣтъ, то это было бы мнѣ безконечно непріятно, такъ какъ письмо вашего отца ко мнѣ дѣлаетъ отвѣтъ необходимымъ, безъ этого отвѣта я могу быть только прощенъ, но не оправданъ въ его глазахъ!

Digitized by Google

Кромѣ того, я бы не желалъ, чтобы это письмо попало въ руки почтѣ. Если вашъ отецъ получилъ это письмо, то я убѣдительно прошу его *возвратить мнѣ ваше письмо, посланное мною только ради доказательства.*

«Я, по крайней мѣрѣ, имѣю право беречь эти доказательства вашей дружбы, этихъ свидѣтелей счастливыхъ дней, проведенныхъ въ вашемъ обществѣ. Я благословляю свою болѣзнь, заставившую меня поѣхать въ Ахенъ и которая мнѣ этимъ доставила въ грустной и печальной жизни такое отрадное воспоминаніе, такое грустно-отрадное какъ воспоминаніе о васъ?

«Ахъ, да! Есть два способа понимать поэтовъ!

In mein all zu dunkles Leben
Strahlte einst ein helles Bild
Nun etc.

«Вы помните эту пѣснь Гейне! Ахъ, Софи, насколько лучше я теперь понимаю ее, чѣмъ прежде!

«Прощайте, Софи!

Ф. Л.»

Четвергъ.

Въ этомъ грустномъ письмѣ видно, что Лассаль дѣйствительно понялъ лучше меня самой и примирялся съ мыслію, что чувства мои къ нему не тѣ, которыхъ онъ добивался и которыя заставили бы меня бросить, безъ сожалѣнія, безъ колебанія, родину и обожаемыхъ мною родителей, и послѣдовать за нимъ по тернистому пути, который онъ предлагалъ. Въ Берлинѣ произошло совсѣмъ иное. Мы выѣхали днемъ ранѣе чѣмъ намѣревались, не увѣдомивъ Лассаля о часѣ нашего пріѣзда. Вечерній поѣздъ привезъ насъ въ Берлинъ, гдѣ мы остановились въ отелѣ «Petersburg», Подъ-Липами. Мы послали коммиссіонера увѣдомить Лассаля о нашемъ пріѣздѣ. Коммиссіонеръ, возвратясь, привезъ намъ слѣдующую записку:

«Я бы въ ту же минуту прилетѣлъ къ вамъ, если бы не боялся, что вашъ отецъ слишкомъ утомленъ дорогой. Я бы завтра пріѣхалъ въ болѣе подходящій часъ (въ 11 или 12), но Фрериксъ написалъ мнѣ сегодня, что будетъ у меня завтра въ *12* часовъ. Такъ что, съ одной стороны, я не могу пропустить его визита, съ другой стороны, было бы хорошо, чтобы отецъ вашъ былъ у меня ранѣе его визита, чтобы, воспользовавшись этимъ случаемъ, посовѣтоваться съ нимъ.

Digitized by Google

«По размышленіи, рѣшаюсь такъ: я пріѣду къ вамъ завтра въ 10 часовъ и заберу васъ и отца вашего и привезу къ себѣ, гдѣ мы будемъ гораздо ранѣе пріѣзда Фрерикса.

Ф. Л.»

Едва успѣли мы прочесть эту записку, какъ кто-то постучался въ нашу дверь,—мы отперли, и вошелъ Лассаль, очень извиняясь и говоря, что не могъ вытерпѣть до завтра, не видѣвши насъ. Словесныя объясненія по поводу возникшихъ-было по винѣ почты недоразумѣній окончательно выяснили и уладили этотъ вопросъ. Лассаль въ этотъ вечеръ былъ очень интересенъ. Мнѣ казалось, что прошлое время, время нашей дружбы, вернулось. Опять стало легко съ нимъ, несмотря на то, что Лассаль вообще былъ въ грустномъ настроеніи, говорилъ гораздо менѣе и тише обыкновеннаго, и часто, довольно по-долгу, задумавшись, молчалъ. Въ этотъ вечеръ, когда въ немъ постоянно проглядывалъ оттѣнокъ истинной грусти, безъ малѣйшей рисовки, къ которой онъ таки-часто прибѣгалъ, онъ казался мнѣ крайне симпатиченъ. Тѣмъ болѣе, что въ отношеніи ко мнѣ онъ не выражалъ ничего, кромѣ самой теплой дружбы. Это были именно тѣ отношенія, которыми я такъ дорожила. Засидѣлся онъ у насъ долго—и, только замѣтивъ, что отецъ усталъ, онъ поспѣшно всталъ и простился съ нами. На другой день, въ 10 часовъ утра онъ пріѣхалъ и увезъ насъ къ себѣ. Онъ жилъ тогда въ прекрасной улицѣ, состоящей изъ ряда красивыхъ виллъ, въ улицѣ Бель-вю. Квартира его представляла смѣсь утонченной роскоши комфорта и дилеттантизма, вмѣстѣ съ серьёзно-научнымъ направленіемъ; олицетвореніемъ послѣдняго былъ его кабинетъ. Небольшая комната, съ большимъ рабочимъ столомъ, заваленнымъ разными бумагами и письменными принадлежностями, все просто, серьёзно, но вполнѣ изящно. У стола покойное рабочее кресло. Всѣ стѣны комнаты до самаго потолка были заставлены полками, биткомъ набитыми книгами, дорогими фоліантами, древними папирусами, атласами и т. п. Тутъ же висѣлъ небольшой, прекрасный портретъ графини Гацфельдъ, снятый въ дни ея молодости. За этимъ кабинетомъ была небольшая комната, убранная въ восточномъ вкусѣ, низкими турецкими диванами, обитыми дорогими шолковыми восточными матеріями, уставленная этажерками, столиками и табуретами, покрытыми инкрустаціей и наполненной курительными принадлежностями: роскошными кальянами, дорогими турецкими чубуками съ огромными янтарными мундштуками. Изъ этой комнаты былъ выходъ въ небольшой зимній садъ, напол-

Digitized by Google

ненный красивыми растеніями. Зала, она же и столовая, увѣшена была хорошими картинами и рѣдкими гравюрами. Нѣсколько извѣстныхъ статуй въ натуральную величину, между которыми была копія бюста Венеры Милосской, весьма хорошо исполненная. Тутъ же стоялъ великолѣпный концертный рояль. Довольно большая, по заграничнымъ размѣрамъ, гостиная выходила окнами на улицу и была вся устлана дорогими коврами, тяжелыми бархатными драпировками, наполнена самою роскошною мебелью, множествомъ громадныхъ зеркалъ, бронзы, большихъ японскихъ и китайскихъ вазъ. Гостиная эта мнѣ не понравилась; она была слишкомъ пестра и слишкомъ била на эффектъ.

Лассаль принялъ насъ какъ родныхъ; вскорѣ пришелъ его отецъ. Это была прекрасная, свѣтлая личность; типъ вполнѣ бодраго и здороваго старика, небольшого роста, съ совершенно сѣдыми густыми волосами. Онъ смотрѣлъ съ невыразимою нѣжностію своими голубыми глазами на сына. Видно было, что онъ вполнѣ цѣнилъ свое сокровище и гордился имъ. Эта честная, добрая, полная ума физіономія производила чрезвычайно пріятное впечатлѣніе и внушала къ себѣ полное довѣріе. Любовь къ сыну выражалась во всемъ существѣ старика. Я запомнила характерную фразу въ разговорѣ отца съ сыномъ:

— Отецъ! что ты будешь дѣлать сегодня? — спросилъ Лассаль, вскорѣ послѣ его пріѣзда.

— Только любить тебя, дитя мое,—отвѣчалъ весело старикъ, положивъ руку на плечо сына (Vater, was hast du zu thun? —Blos dich zu lieben, mein Kind!).

— Ну, вотъ и отлично. Такъ похлопочи о ложѣ въ театрѣ, сегодня идетъ «Лоэнгринъ» Вагнера; онъ будетъ самъ управлять оркестромъ.

— Лечу за ложей, и ужъ непремѣнно достану.

Въ 12 часовъ мой отецъ и Лассаль долго совѣтовались съ докторомъ Фрериксомъ, который не внушилъ отцу моему такого довѣрія, какъ Вальтеръ. Затѣмъ пріѣхала графиня Гацфельдъ. Старикъ Лассаль привезъ ложу и къ обѣду самъ отправился за своей старушкой, матерью Лассаля. Мать Лассаля составляла совершенную противоположность своему мужу. Насколько старикъ былъ бодръ, моложавъ, свѣжъ и подвиженъ, настолько жена его была дряхла, слаба и немощна. Маленькая, больная старушка, совсѣмъ сморщенная, совершенно глухая, она такъ же любовно смотрѣла своими прищуренными, погасающими глазками на сына и на мужа. Только глазами слѣдила она за мимикой разговора и сочувственно, добродушно кивала головой, улыбаясь, какъ-бы

Digitized by Google

желая сказать: «Я ничего не понимаю изъ того, что̀ вы всѣ тутъ такъ весело болтаете, но я рада, что вамъ весело». Иногда, дергая за рукавъ мужа, она требовала, чтобы онъ ей пояснилъ то, что̀ говорилось вокругъ нея. И было трогательно видѣть, какъ старикъ мимикой старался торопливо передать ей то, о чемъ шла рѣчь, точно добрая няня малому ребенку. Вообще онъ за нею ухаживалъ очень нѣжно и любовно; видно было, что это вполнѣ вошло ему въ привычку. У нея отъ слабости дрожали руки,—онъ разрѣзывалъ ей кушанье. Она перенесла долгую и тяжкую болѣзнь, результатомъ которой осталось полное разслабленіе организма. Несмотря на это, въ ея крошечныхъ глазкахъ свѣтилось выраженіе полнаго счастія и любви къ двумъ людямъ, сидящимъ за обѣдомъ, по обѣимъ ея сторонамъ. Можно ли было, глядя на эту старушку, представить себѣ, что это слабое, отжившее существо, безпомощное какъ ребенокъ, положитъ въ могилу обожаемыхъ ею мужа и сына. Однако, это случилось: она пережила и мужа и сына.

Графиня была очень мила. Рѣчь ея, всегда умная и симпатичная, очень оживляла нашъ маленькій кружокъ; съ нею никогда не могло быть скучно.

Послѣ обѣда мы всѣ отправились къ графинѣ, въ ея небольшую и очень простенькую квартиру, главнымъ украшеніемъ которой былъ бюстъ Лассаля, въ натуральную величину, лѣтъ десять моложе того, какъ онъ былъ во время нашего знакомства. Бюстъ этотъ стоялъ на самомъ видномъ мѣстѣ, и очень интересно было видѣть стоящій передъ нимъ живой оригиналъ.

Прямо отъ графини мы поѣхали вчетверомъ въ театръ. Послѣ петербургскихъ и другихъ европейскихъ театровъ, берлинскій показался мнѣ мрачнымъ, плохо освѣщеннымъ. Вскорѣ музыка поглотила все наше вниманіе. Оркестръ превосходно выполнялъ свое дѣло. Вагнеръ, дирижируя имъ, переливалъ, казалось, въ него свою душу. Лассаль, познакомившій насъ прежде съ сюжетомъ этой оперы, во все время представленія, сидя за мною, читалъ либретто наизусть, съ такимъ увлеченіемъ, что трудно было рѣшить, что̀ лучше: его ли декламація, или исполненіе артистовъ на сценѣ? У Лассаля была замѣчательно выработана интонація голоса и переходы отъ страстной энергической рѣчи къ самому нѣжному ея выраженію, что̀ производило сильное, поразительное впечатлѣніе. Рѣчь его отличалась отсутствіемъ монотонности. Никогда я не слушала съ такимъ увлеченіемъ оперы, никогда такъ не понимала ея мельчайшихъ оттѣнковъ. Лассаль казался вполнѣ увлеченнымъ оперой. Въ антрактахъ

Digitized by Google

онъ говорилъ объ идеѣ, проведенной въ ней, о чувствахъ, вызываемыхъ ею. Неудержимымъ потокомъ лилась его вдохновенная рѣчь, глаза его блестѣли и, казалось, онъ не говорилъ, а пѣлъ, какъ скандинавскій бардъ. Этотъ вечеръ въ театрѣ и послѣдовавшая за нимъ бесѣда увлекли и очаровали меня. Это былъ моментъ самаго сильнаго моего увлеченія Лассалемъ. Я думала, что сегодня рѣшусь дать ему свое согласіе. На другой день онъ пріѣхалъ къ намъ очень рано, едва мы успѣли окончить свой завтракъ. Онъ вошелъ блѣдный какъ мраморъ. Едва успѣлъ онъ поздороваться съ нами, какъ отвлекъ меня къ окну и началъ самымъ пылкимъ, настойчивымъ образомъ добиваться моего согласія немедленно. Онъ говорилъ и страстно, и нѣжно, голосъ его дрожалъ, когда онъ доказывалъ, что ему немыслимо жить безъ меня. Его горячность и энергія пугали меня и произвели совершенную реакцію въ моихъ чувствахъ; руки мои опустились безсильно, я совсѣмъ похолодѣла; впечатлѣнія прошлаго вечера и ночи совершенно исчезли. Мой герой, мой учитель преобразился въ простого смертнаго, настойчиво требующаго у меня того чувства, котораго у меня нѣтъ къ нему. Въ этотъ моментъ я это сознавала вполнѣ.

— Лассаль, я не люблю васъ, совсѣмъ не люблю; окончимъ это. Мнѣ жаль васъ, но я не могу питать къ вамъ ничего, кромѣ дружбы!

И слёзы невольно навернулись на моихъ глазахъ.

— Неправда, — вскричалъ онъ, — выходите за меня замужъ— и вы полюбите меня, увидите, что полюбите.

— Это невозможно! Не обманывайте себя напрасно!

— Я не хочу этого слышать! Теперь я не хочу вашего отвѣта. Вы дома, въ Россіи, будете скучать по мнѣ; я не принимаю здѣсь вашего отказа.

Онъ не договорилъ. Къ отцу пришелъ профессоръ ботаники, Притцель, и мы всѣ вмѣстѣ поѣхали въ окрестности Берлина— осматривать его растительныя рѣдкости, которыми отецъ остался очень доволенъ. Притцель, пріятель Лассаля, очень милый и симпатичный человѣкъ, намъ очень понравился. Возвратились мы поздно, прямо къ обѣду Лассаля, который на свѣжемъ воздухѣ успѣлъ придти въ себя и совершенно овладѣлъ собой. У него мы застали графиню, знаменитаго пьяниста Бюлова и поэта Шеренберга. По словамъ Лассаля, этотъ поэтъ былъ честный и славный малый, рьяный демократъ; онъ показался мнѣ тяжеловатымъ и вялымъ, хотя подъ конецъ обѣда и онъ оживился и продекламировалъ нѣсколько отрывковъ изъ новыхъ своихъ стихотвореній.

Digitized by Google

Бюловъ, тогда только восходящее свѣтило, зять Листа, маленькій, вертлявый, надменный, казался напыщеннымъ своими достоинствами; сначала онъ не понравился намъ, но и онъ скоро поддался обаянію простого дружескаго кружка Лассаля, разговорился и, не окончивъ послѣдняго блюда, вскочилъ и сталъ играть сочиненія Листа, о которыхъ я только-что говорила съ нимъ. До поздняго вечера онъ игралъ, и мы всѣ съ удовольствіемъ его слушали. Игру его прерывала частая бесѣда, въ которой и онъ принималъ горячее участіе. Эти три пріятеля Лассаля разставались и съ нами какъ старые друзья.

Отецъ, я и Лассаль отвезли графиню домой и поѣхали къ себѣ въ отель.

Когда графиня вышла и мы остались втроемъ въ коляскѣ, мы вдругъ всѣ замолчали, какъ-бы по уговору. Молчали упорно. Казалось, что каждый изъ насъ чувствовалъ, что вотъ день самъ собою прошелъ пріятно, а есть помимо него что-то тяжелое, что началось и неизбѣжно должно продолжаться. И оно продолжалось, когда мы пріѣхали въ отель и вошли въ свой нумеръ. Лассаль взялъ отца за руку и сталъ ему горячо доказывать, что я непремѣнно должна любить его, что я буду съ нимъ безконечно счастлива.

— Сдѣлайте такъ, чтобы она меня любила,—говорилъ онъ со слезами на глазахъ,—отдайте мнѣ ее. Она теперь вѣрно сердита на меня за нарушеніе нашего уговора, и потому думаетъ, что не любитъ меня: вы поймите, что я не могу жить безъ нея.

И онъ, припавъ на грудь къ моему отцу, громко зарыдалъ. У меня не хватало силы выдержать эту сцену. Я тоже зарыдала и, протянувъ къ нему руку, просила его простить меня, что я такъ долго мучила его, что съ-разу не сказала, что не люблю его; что я сама поняла это только сегодня, а что безъ полной, безграничной любви я никогда не выйду замужъ; что выйду только за того, кого полюблю такъ, какъ онъ любитъ меня; что согласиться стать его женою—было бы создать полное его несчастіе.

Онъ припалъ къ моей рукѣ и съ рыданіемъ повторилъ, чтобы послѣдній отвѣтъ я ему прислала изъ Россіи. Все это такъ сильно потрясло меня, что вся моя безграничная дружба къ нему заговорила съ новой силой, и въ сердцѣ моемъ явилось какое-то новое чувство любящей сестры. Я положила ему руку на голову и тихо плакала; я ничего не могла выговорить.

Отецъ тоже со слезами на глазахъ обнялъ его и сказалъ:

— Прощайте, Лассаль. Вамъ, человѣку сильному, не годится

Digitized by Google

такъ падать духомъ. Не сердитесь на нее, я былъ свидѣтелемъ, какъ она долго боролась съ собою, прежде чѣмъ сказала вамъ послѣднее слово. Лучше это окончить. Прощайте! Завтра съ раннимъ поѣздомъ мы уѣдемъ. Не такъ бы хотѣлось съ вами разстаться.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не увозите ее такъ неожиданно! Лучше завтра съ самымъ послѣднимъ поѣздомъ. Проведите еще одинъ день у меня. Пусть я еще ее увижу въ своемъ домѣ.

— Зачѣмъ, лучше теперь же простимся,—сказалъ мой отецъ.

— Нѣтъ! Я не уйду, пока вы не дадите мнѣ слова, что поступите такъ, какъ я прошу. Вѣдь это такая малость, неужели я этого не стою? Я слову вашему вѣрю, а пока вы мнѣ не дадите его, я всю ночь пролежу у вашего порога.

Приходилось уступить, и мы еще на одинъ день остались въ Берлинѣ.

День былъ пасмурный, дождливый,—вполнѣ отвѣчалъ нашему настроенію духа. Лассаль пріѣхалъ рано и увезъ насъ къ себѣ. Мать Лассаля не могла пріѣхать къ обѣду, старикъ, конечно, оставался съ нею. Все время было такъ грустно, неловко, такъ болѣзненно сжималось мое сердце, что я боялась заболѣть и тѣмъ помѣшать нашему выѣзду въ Россію, куда меня, измученную, тянуло всѣми силами души. Отецъ понималъ мое состояніе и сердился на себя за то, что уступилъ желанію Лассаля.

Лассаль былъ трогательно нѣженъ. Онъ часто повторялъ, что приметъ мое рѣшеніе только изъ Россіи. Что онъ надѣется, что разлука съ нимъ вызоветъ мои чувства къ нему. Несмотря на мои просьбы, со слезами, не мучить меня, онъ безпрестанно вдавался въ прежній тонъ объясненій. Мы все утро провели въ его кабинетѣ. Настроеніе всѣхъ насъ было такое печальное, что казалось будто въ домѣ покойникъ. Это грустное настроеніе было на короткое время прервано комическимъ появленіемъ зятя Лассаля, мужа его единственной сестры. Эта фигура олицетворяла собою типъ западнаго разбогатѣвшаго еврея, котораго не коснулся еще лоскъ европейскаго образованія; выраженіе его лица и манеры были грубы и угловаты. Щегольской европейскій костюмъ, тяжелая золотая цѣпь и масса колецъ съ драгоцѣнными каменьями не могли скрыть, что онъ недавно бросилъ прилавокъ или занятіе простого фактора. Этотъ господинъ, чуть что не съ первыхъ словъ, сталъ горячо нападать на Лассаля съ ненужной злобой; нападалъ на его политическія и соціальныя идеи, на его пропаганду. Между нимъ и Лассалемъ завязался преоригинальный споръ. Онъ страшно горячился и упрекалъ Лассаля

Digitized by Google

за его богатую обстановку, доказывая, что Лассаль долженъ все свое имущество отдать рабочимъ и самъ стать въ ихъ ряды. Лассаль, спокойно, пренебрежительно и иронически поглядывая на него, отвѣчалъ, что не видитъ въ этомъ нужды и считалъ такую мѣру скорѣе вредной; что онъ именно на своемъ мѣстѣ, и при своей обстановкѣ можетъ приносить бо́льшую пользу, и надѣется, что рабочіе скоро поймутъ вполнѣ, какъ ужасно эксплуатируютъ ихъ трудъ люди, подобные его зятю. Ихъ споръ продолжался еще нѣкоторое время въ этомъ родѣ и, наконецъ, зять Лассаля, простясь съ нами очень сухо, замѣтя, вѣроятно, на чьей сторонѣ было наше сочувствіе и вовсе не простясь съ Лассалемъ, выскочилъ изъ кабинета и уѣхалъ.

— Онъ совсѣмъ уѣхалъ,—спросила я Лассаля,—и болѣе къ вамъ не придетъ?

— Придетъ, такіе люди всегда приходятъ, несмотря на то, что онъ меня горячо ненавидитъ.

При этомъ Лассаль разсказалъ намъ про него слѣдующій случай.

Зять Лассаля, взявъ на себя подрядъ освѣщенія Праги газомъ, переѣхалъ туда. Онъ обставилъ роскошно и нарядно свой домъ для пріемовъ и сталъ добиваться популярности между пражскою родовою и финансовою аристократіей. Ему удалось, скрывая тщательно свое еврейское происхожденіе, проникнуть въ высшій административный кружокъ Праги. Одинъ разъ онъ давалъ торжественный обѣдъ, на которомъ присутствовала вся пражская знать. Къ этому обѣду случайно подъѣхалъ старикъ Лассаль. Дочь и зять предъ самымъ обѣдомъ стали упрашивать отца, не проговориться какъ-нибудь, что они евреи. Старика возмутила эта просьба, но онъ промолчалъ.

Когда всѣ усѣлись за обѣденный столъ, старикъ Лассаль попросилъ общаго вниманія, и когда всѣ утихли, онъ громко спросилъ: извѣстно ли присутствующимъ, что они сидятъ за столомъ еврея?—Я считаю долгомъ своимъ объявить, что я самъ еврей, дочь моя еврейка, и мужъ ея еврей! Я не желаю посредствомъ обмана пользоваться честью обѣдать съ вами. Понятно, что на такое заявленіе люди образованные отвѣчали любезностью и предложили тостъ за здоровье Лассаля. Но зять былъ сконфуженъ этимъ до-нельзя и никогда не могъ простить старику этого происшествія.

Къ нашему обѣду пріѣхала только одна графиня; и она была какъ-то грустна и молчалива, хотя съ большой нѣжностію обращалась ко мнѣ. Мнѣ казалось, что она меня понимала.

Digitized by Google

Мнѣ было невыразимо тяжело, и хотя во мнѣ сомнѣніе относительно свойства моего чувства къ Лассалю уже не возникало, но при видѣ такой горячей, безграничной любви этого человѣка ко мнѣ, проявляющейся въ каждомъ его движеніи и взглядѣ, мнѣ хотѣлось настроить себя на возможность самоотверженно отвѣчать на эту любовь. И чѣмъ я болѣе старалась увѣрить себя, что это возможно, тѣмъ грустнѣе и сдержаннѣе я становилась помимо своей воли.

Послѣ обѣда, мы окончательно распростились съ графиней и поѣхали въ отель, чтобы приготовиться къ отъѣзду. Лассаль послѣдовалъ за нами и уже не оставлялъ насъ до тѣхъ поръ, пока не тронулся поѣздъ, съ которымъ мы выѣхали. Не проходило и четверти часа, чтобы онъ мнѣ не повторялъ: «я жду отвѣта изъ Россіи, и вы не спѣшите, хорошенько провѣрьте себя!» Глядя на него, печальнаго, тоскливаго, я давала ему слово исполнить его желаніе. Въ вокзалѣ, пока мы сидѣли въ ожиданіи отхода поѣзда, Лассаль былъ въ нервномъ, лихорадочномъ напряженіи; сидя возлѣ меня, онъ ничего не могъ говорить; молча глядѣлъ мнѣ въ глаза, и когда пытался заговорить, то слова его обращались въ глухіе несвязные звуки и сдержанные стоны. Я не могла безъ слезъ смотрѣть на него, нервно сжималось мое горло, я была въ состояніи близкомъ къ обмороку, но старалась тщательно скрывать мое состояніе, чтобы не подать ему ложной надежды. Я все думала, какъ было бы хорошо, если бы мы прощались по прежнему, какъ друзья!

Усадивъ насъ въ вагонъ, онъ, скрестивши руки на груди, прислонясь спиной къ чугунному столбу, стоялъ такой грустный, блѣдный, что этотъ образъ, какимъ я его видѣла въ послѣдній разъ, навсегда запечатлѣлся въ моей памяти. Когда нашъ поѣздъ тронулся, онъ быстро рванулся за нимъ, но такъ же быстро и остановился, махнулъ рукой, пошатнулся и опять прислонился къ столбу. Поѣздъ быстро помчался, и его не стало видно...

По пріѣздѣ домой я скоро получила его письмо (тоже утерянное), въ которомъ онъ просилъ меня не торопиться отвѣтомъ. Да и трудно было бы мнѣ торопиться, когда отецъ мой снова расхворался, и я могла только увѣдомить Лассаля о полученіи его письма и о томъ, что отецъ опять боленъ; что, оправившись на минеральныхъ водахъ, онъ не поберегся, простудился и слегъ въ постель. Мы боялись, что весь результатъ долгаго леченія пропадетъ даромъ.

Вотъ что отвѣчалъ Лассаль:

Digitized by Google

Берлинъ, 2 декабря 1860 года.

«Софи! Вчерашняя почта привезла мнѣ письмо или, лучше сказать, нѣсколько строкъ отъ васъ, въ которыхъ вы увѣдомляете меня, что получили мое письмо отъ 5-го ноября. Къ несчастію, я узналъ изъ этихъ строкъ, что вашъ почитаемый отецъ снова заболѣлъ. Вы не повѣрите, какъ это печалитъ меня! Я никого не знаю болѣе достойнаго счастія безъ тучъ; а я такъ твердо надѣялся, что совѣты Фрерикса возстановятъ его здоровье. Я тоже могу себѣ представить, какъ вы страдаете, видя его страданія! Прощайте, Софи, вы знаете, что цѣль этого моего письма есть удостовѣреніе, что ваше письмо получено. Но я надѣюсь, что ваши письма будутъ длиннѣе вашего послѣдняго письма.

Вашъ

Ф. Лассаль».

Во время болѣзни отца, я съ Лассалемъ обмѣнялась нѣсколькими короткими, незначительными письмами, изъ которыхъ не сохранилось ни одного. Наконецъ, когда отецъ выздоровѣлъ, я рѣшилась послать Лассалю свой рѣшительный отказъ. Я говорила ему, что, слушайся я своего разсудка, я не колебалась бы стать его женой, но что я долго боролась и не могла сладить съ своимъ непокорнымъ сердцемъ, которое остается совершенно свободнымъ, а безъ его полнаго участія, — въ бракѣ счастіе невозможно ни для кого изъ насъ. Что я, бросая на бумагу эти грустныя строки, страдаю не менѣе его. Что онъ хорошо знаетъ, насколько я восхищалась имъ, уважала, — чтила его, что онъ всегда останется для меня моимъ идеаломъ, моимъ другомъ. Я снова горячо молила его простить мнѣ то горе, которое я невольно принесла ему. Я говорила, что мнѣ безконечно грустно будетъ потерять его дружбу.

Онъ скоро отвѣчалъ мнѣ (и это письмо потеряно), что не надо было быть волшебникомъ, чтобы предвидѣть при нашемъ прощаніи въ Берлинѣ мой отвѣтъ. Что онъ тогда еще чувствовалъ, что навсегда теряетъ меня и умышленно самъ себя старался обмануть. Онъ писалъ, что благословляетъ меня за тѣ минуты, въ которыя ему было такъ хорошо со мной и надѣется, что я сохраню о немъ теплое и хорошее воспоминаніе. Въ концѣ письма онъ прибавлялъ, что дружбу мою онъ принимаетъ, но что онъ всегда дѣлаетъ условіе со всѣми своими друзьями, чтобы они ему писали два раза, прежде чѣмъ они получатъ отъ него отвѣтъ. Онъ то же предлагалъ и мнѣ: это прибавленіе страннаго условія показалось мнѣ оскорбительнымъ и непохо-

Digitized by Google

жимъ на него, я рѣшила, что дружба наша кончена и что я не стану ее вымаливать, принявъ такія необыкновенныя условія. Мнѣ показалось, что, не добившись моей любви, онъ не дорожитъ и дружбою моею, и что только изъ вѣжливости онъ соглашался ее сохранить. Все это очень огорчило и обидѣло меня, и я твердо рѣшилась болѣе не писать ему. Волнуясь, я говорила себѣ: не два, а пять, десять писемъ я готова была бы написать ему, но только не въ силу такого оскорбительнаго условія.

Настало лѣто 1861 года. Жажда дѣятельности меня мучила. Я рѣшилась продолжать свое ученіе. Списавшись съ одной очень близкой мнѣ особой, жившей въ Брюсселѣ для воспитанія дѣтей, я осенью этого же года отправилась къ ней.

Лассаля я совсѣмъ потеряла изъ виду, ничего не зная и не слыша о немъ до 1863 г. Я была тогда все еще въ Брюсселѣ, гдѣ усердно занималась науками.

Въ концѣ апрѣля, отецъ прислалъ мнѣ письмо Лассаля, полученное имъ въ мое отсутствіе; оно было написано въ мартѣ:

«Mademoiselle!

«Такъ какъ вы не отвѣчали на мое письмо, написанное почти два года тому назадъ, я бы не осмѣлился болѣе писать вамъ, если бы уважительная причина не побуждала меня къ этому и не оправдывала бы меня. Издатель Генриха Гейне издаетъ теперь въ новомъ и полномъ изданіи сочиненій Гейне всѣ его письма, годныя къ печати.

Онъ очень просилъ меня и просто замучилъ просьбою, передать ему для этой цѣли всѣ письма Гейне ко мнѣ. Я согласился, но теперь вижу, что одно изъ нихъ, очень интересное, сдѣлалось неполнымъ, потому что я подарилъ вамъ послѣдній его листокъ. Сохраните, Mademoiselle, оригиналъ, но будьте такъ добры, пришлите мнѣ *копію*, чтобы я могъ выполнить обѣщаніе, данное мною издателю. Извините, что я принужденъ безпокоить васъ такими пустяками, въ минуту, когда, вслѣдствіе сильнаго движенія у васъ на родинѣ, ваша прелестная головка должна быть полна гораздо болѣе важными мыслями!

«Считаю излишнимъ говорить, что всегда былъ бы счастливъ получить отвѣтъ отъ васъ.

«Передайте самый почтительный привѣтъ вашему отцу.

«Вашъ преданный другъ

Ф. Лассаль».

Берлинъ, 26 марта, 1863.
Улица Бель-вю, № 13.

Digitized by Google

На это я отвѣчала ему, что поручила отцу отыскать письмо Гейне между моими бумагами, находившимися въ Россіи и отправить ему. Я чистосердечно и откровенно разъяснила, отчего не отвѣчала на его письмо, два года тому назадъ. Я писала, что потомъ часто сожалѣла объ этомъ, что мнѣ было грустно не имѣть о немъ никакихъ извѣстій и много разъ хотѣла написать ему, но не была увѣрена, что онъ еще въ Берлинѣ, и думала навѣрное, что онъ уже не живетъ въ улицѣ Бель-вю, и что поэтому, если бы и написала ему, то мое письмо не дошло бы до него. Но теперь я очень радовалась, что Гейне послужилъ ему предлогомъ написать мнѣ, надѣялась, что, подъ покровительствомъ памяти его великаго друга, наша переписка возобновится совершенно добровольно съ обѣихъ сторонъ, на единственномъ условіи взаимной откровенности и полной свободы. Я говорила, что знаю, насколько отецъ его любитъ по прежнему. Вотъ что отвѣчалъ мнѣ Лассаль:

«Какъ особенно я взволнованъ, увидавши снова вашъ почеркъ! Это точно сонъ!—Но какая же вы были гордая и злая со мною! Такъ это значитъ изъ гордости, за два несчастныхъ слова, вы молчали въ продолженіи почти трехъ лѣтъ и молчали бы еще и теперь, если бы случай не принудилъ васъ написать мнѣ? Пойдите! вы никогда не были такимъ другомъ, какъ говорите это въ послѣднемъ вашемъ письмѣ, предлагая мнѣ дружбу.

«Вы въ Брюсселѣ! Значитъ, вы проѣхали Берлинъ, не подавъ мнѣ знака вашего существованія!

«Разъ какъ-то, бродя по улицамъ, я увидѣлъ даму, въ которой мнѣ показалось я узналъ васъ; я колебался, но скоро сказалъ себѣ, что это невозможно и продолжалъ свой путь. Дама эта увидѣла меня съ своей стороны и посмотрѣла на меня внимательно. Вы ли были эта дама?

«Вы въ Брюсселѣ! Но съ какихъ поръ? У кого? Совсѣмъ одна? На сколько времени? Что будете вы дѣлать этимъ лѣтомъ? Будете ли вы на водахъ? и гдѣ? Почему ваше письмо не отвѣчаетъ ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ, которые кажется такъ легко было бы предвидѣть!

«Тринадцатаго я поѣду отсюда во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ 17-го этого мѣсяца я буду имѣть публичную борьбу. Я бросилъ перчатку нашей прогрессивной партіи, въ сущности состоящей изъ замаскированныхъ реакціонеровъ. Два мѣсяца уже ведется смертельная битва противъ меня во всей нашей либеральной и псевдо-демократической прессѣ, я поддерживаю ее неболь-

Digitized by Google

шимъ числомъ газетъ, дѣйствительно демократическихъ, и въ особенности цѣлымъ потокомъ брошюръ, направленныхъ противъ этой отвратительной партіи! Во Франкфуртѣ 17-го будетъ собраніе всѣхъ рабочихъ ассоціацій страны, и я долженъ буду идти одинъ противъ всѣхъ. Я вернусь въ Берлинъ только 19-го. Будьте же такъ добры, напишите мнѣ нѣсколько словъ во Франкфуртъ, до востребованія. Разскажите мнѣ все, что́ касается васъ, все, что́ я спрашиваю, все, что́ я могъ бы еще спросить! Я понесъ ужасную потерю! Въ октябрѣ прошлаго года, я потерялъ моего добраго отца, такъ нѣжно любимаго! Ахъ, какимъ одинокимъ я чувствую себя, уединеннымъ и несчастнымъ съ того времени!

«Жизнь—дурная шутка!

«Въ сентябрѣ мнѣ нужны будутъ морскія купанья. Если бы я зналъ, что найду васъ въ Брюссели, я бы поѣхалъ въ Остенде и заѣхалъ бы въ Брюссель, чтобы повидаться съ вами. Въ концѣ іюня я поѣду въ Швейцарію. Мой докторъ заставляетъ меня это сдѣлать, потому что я совершенно разстроилъ свои нервы чрезмѣрнымъ трудомъ и мнѣ необходимъ воздухъ Альпъ и потомъ море.

«А вы?

«Нахожусь въ надеждѣ получить *скоро*, хотя маленькое и небольшое (какъ вы обѣщаете) письмо, которое бы отвѣтило на всѣ возможные вопросы.

«Ваша отговорка съ улицей Бель-вю очень неудачна! Живу ли еще въ улицѣ Бель-вю или нѣтъ, я все же въ Берлинѣ довольно извѣстенъ, чтобы быть отысканнымъ почтой, если придетъ письмо мнѣ адресованное.

«Отвѣчайте скорѣе вашему преданному другу.

Ф. Лассаль».

Берлинъ, 10 мая, 1863 г.
Улица Бель-вю, № 13.
Напереворъ вамъ.

Конечно, на всѣ вопросы я поторопилась ему отвѣтить во Франкфуртъ. А отъ него получила письмо 30-го того же мая изъ Берлина; онъ писалъ:

«Да, я одержалъ побѣду во Франкфуртѣ, и съ большимъ торжествомъ. Во Франкфуртѣ четыреста голосовъ противъ одного, а въ Майнцѣ восемьсотъ—противъ двухъ, несмотря на всѣ происки моихъ противниковъ, несмотря на ихъ организацію, несмотря на мое уединеніе.

«Огромная агитація готовится. Посылаю вамъ при этомъ нѣ-

Digitized by Google

которыя изъ моихъ брошюръ, изъ которыхъ въ особенности послѣдняя: «Antwortsschreiben» и проч. надѣлала ужаснаго шуму.

«Я могу отвѣтить на вашъ вопросъ, что я все еще обладаю тѣми же силами и той же непоколебимой въ нихъ вѣрой. Но сильное разочарованіе начинаетъ иногда овладѣвать мною. Я ничего не имѣю въ утѣшеніе за мои непомѣрные труды, ничего чарующаго меня, ничего, что бы могло дать мнѣ истинную радость; ничто не даетъ мнѣ хотя минуту счастія, чтобы я могъ освѣжиться. Бороться съ утра до вечера,—какое тяжелое ремесло!

«Но что-жъ дѣлать, это такъ, и я съ покорностію буду переносить эту желѣзную жизнь (cette vie de fer). Впрочемъ, зачѣмъ я пишу вамъ? Вы хотите возвратиться въ Россію чрезъ Вѣну. Однако, вы проѣдете чрезъ Берлинъ, гдѣ я увижу васъ.

«Если нѣтъ—это было бы дѣйствіемъ такимъ враждебнымъ противъ меня, что это отнимаетъ у меня желаніе писать вамъ!

«Будьте такъ добры, извѣстите меня письмомъ или телеграммой о вашемъ пріѣздѣ. Я здѣсь возвращу вамъ письмо Гейне, присланное мнѣ вашимъ отцомъ, котораго я чту всею душой и которому шлю самую теплую благодарность за его любезное письмо.

«Остаюсь заваленный тысячью работъ и увѣренный въ скоромъ съ вами тутъ свиданіи, такъ какъ не считаю васъ способной на такую враждебность.

Вашъ
Ф. Лассаль».

Берлинъ, 30 мая, 1863 г.
Улица Бель-вю, № 13.

Возвращалась я на Вѣну, потому что ѣхала на югъ Россіи, куда отецъ мой былъ переведенъ по службѣ. Для того, чтобы заѣхать въ Берлинъ, нужно было сдѣлать огромный кругъ, чему препятствовалъ недостатокъ времени и ограниченность средствъ, которыми я тогда располагала. Итакъ, при всемъ моемъ желаніи видѣть Лассаля, я не могла этого исполнить.

Онъ этому не повѣрилъ и, разсердясь, отвѣчалъ мнѣ только въ концѣ іюля слѣдующимъ письмомъ:

«Mademoiselle!

«Непомѣрные труды мѣшали мнѣ до сихъ поръ отвѣчать вамъ на ваше послѣднее письмо, и, къ несчастію, сегодня даютъ мнѣ лишь минуту свободы. Послѣзавтра я ѣду, сперва въ Швейцарію, потомъ въ Остенде, чтобы освѣжить свои силы, въ которыхъ буду сильно нуждаться зимою.

Digitized by Google

«Судьба заставила васъ выѣхать изъ Брюсселя, именно когда я буду проѣзжать его. Ваша добрая воля заставила васъ избѣжать Берлина на вашемъ обратномъ пути.

«Вы правильно заключили изъ моего письма: лихорадочная дѣятельность и сильная сухость сердца. Я не могу отвергнуть, что имѣю много причинъ испытывать извѣстнаго рода *довольство*, даже *довольно* большое *довольство*. Успѣхи при общемъ настроеніи, почти невѣроятные, поражаютъ меня самого такъ же, какъ и друзей моихъ.

«Я нанесъ рѣшительные удары нашей либеральной прогрессивной партіи, составляющей стыдъ и позоръ моей родины. Я создалъ, я одинъ, партію истинно-демократическую и соціальную, которая въ настоящую минуту уже покрываетъ всю Германію. Я побѣдилъ всѣ препятствія, всѣ невозможности, и на вашъ вопросъ: «не утратилъ ли я прежней вѣры въ свои нравственныя силы», я могу отвѣтить, что безъ этой вѣры я бы никогда не началъ этой неравной борьбы, уже окончившейся полной побѣдой.

«Но все это можетъ быть многимъ для гордости, и ровно ничѣмъ для сердца. Что же касается гордости отъ побѣды надъ моими врагами, то я слишкомъ презираю ихъ для того, чтобы испытывать малѣйшее довольство.

«Что же касается положительныхъ результатовъ, для народа и для рабочихъ—необходимы еще годы для того, чтобы замѣтить ихъ, а слѣдовательно,—для того, чтобы испытывать довольство сердца.

«Въ настоящую минуту я ничего не имѣю, кромѣ печальнаго удовольствія—видѣть опрокинутыми противниковъ, ненавистныхъ и презрѣнныхъ.

«Мнѣ нужно личное счастіе, а у меня его вовсе нѣтъ. Я еще имѣю всѣхъ моихъ друзей, но ничего что бы наполняло мнѣ сердце, а, кажется, я достаточно глупъ, чтобы нуждаться въ этомъ.—Итакъ, довольство ума—это грустный удѣлъ моей души.

«Вотъ краткій отвѣтъ на ваши вопросы.

«Прилагаю письмо Гейне. Обнимите за меня вашего благороднаго отца, который навсегда останется однимъ изъ самыхъ лучезарныхъ воспоминаній моей жизни. Если вы захотите имѣть милость написать мнѣ, то адресуйте въ Тарасп, кантонъ Граубюнденъ, въ Швейцарію, до востребованія.

«Съ самымъ искреннимъ привѣтствіемъ—

Вашъ

Ф. Лассаль.».

Digitized by Google

Еще обмѣнялись мы нѣсколькими дружескими письмами съ Лассалемъ. Онъ не переставалъ сообщать мнѣ объ успѣхахъ своей дѣятельности, но въ каждомъ письмѣ его проглядывала жажда болѣе индивидуальнаго, душевнаго счастія. Изъ этой переписки не сохранилось, къ сожалѣнію, ничего, кромѣ слѣдующаго письма, полученнаго мною уже въ Миланѣ, гдѣ я находилась съ осени 1863 года.

«Мои вакаціи вовсе не такъ продолжительны, какъ вы думаете. Правда, я провелъ въ Швейцаріи, Италіи и Остенде мѣсяцъ іюль, августъ и половину сентября. Проѣзжая Брюссель, я проклиналъ свою судьбу за то, что вы уже тамъ не были. Я не пощадилъ и васъ за то, что, проѣзжая Брюссель, прежде я ничего не зналъ о вашемъ въ немъ пребываніи. Но двадцатаго сентября я былъ уже въ Барменѣ (рейнская провинція), гдѣ я сказалъ рѣчь, длившуюся три часа, при огромной народной сходкѣ.

«То же самое въ Солингенѣ 27 сентября, гдѣ собралось десять тысячъ рабочихъ. То же самое въ Дюссельдорфѣ; эти большія сходки получили у насъ огромную огласку, въ особенности сходка въ Солингенѣ, гдѣ нѣсколько сотъ бюргеровъ попытались шумѣть, нарушать тишину сходки, выкрикивая «ура» моимъ противникамъ; дошло до того, что рабочіе разразились, какъ молнія, и выгнали за двери своихъ собственныхъ хозяевъ. Были случаи весьма серьёзныхъ ранъ.

«Второго октября я былъ въ Берлинѣ, гдѣ умѣренные болѣе могущественны, и гдѣ я имъ безпрестанно давалъ самыя отчаянныя битвы.

«И здѣсь побѣда, по общему мнѣнію, положительно будетъ на моей сторонѣ.

«Въ одинъ прекрасный день, полиція арестовала меня, и я былъ посаженъ въ тюрьму за преступленіе высшей измѣны (haute trahison). Но черезъ три дня я былъ выпущенъ на свободу на поруки, и продолжаю еще сильнѣе прежняго мою агитацію, мои рѣчи и проч.

«Противъ меня въ настоящее время ведутся пять уголовныхъ процессовъ разомъ, за мои различныя статьи, но я объ этомъ нисколько не безпокоюсь.

«Примите въ соображеніе, что съ 23 мая этого года, когда состоялось собраніе представителей рабочихъ всѣхъ нѣмецкихъ провинцій въ Лейпцигѣ и было учреждено общество: «Allgemeine Deutsche Arbeiterferein», я былъ избранъ предсѣдателемъ этого

Digitized by Google

общества; такъ что организація, администрація и непрерывная корреспонденція со всѣми городами Германіи—лежатъ на мнѣ.

«Подумайте также, что я не могу пренебрегать своими научными занятіями и что я еще принужденъ безъ остановки дѣлать всевозможныя публикаціи, и вы получите отчасти понятіе о моемъ несчастномъ положеніи и о лихорадочной дѣятельности, пожирающей меня!

«Наконецъ, лишенный всякаго личнаго счастія, я стараюсь по крайней мѣрѣ сдѣлать изъ моего существованія, насколько возможно, удобреніе для общественнаго счастія въ будущемъ!

«Я очень радъ извѣстію о бракѣ вашей сестры,—по чувству. А вы? послѣдуете ли и вы ея примѣру?

«Въ другой разъ напишу вамъ свое мнѣніе о новыхъ книгахъ. Теперь это было бы слишкомъ длинно, такъ какъ меня призываютъ нетерпящія отлагательства дѣла. Завтра я долженъ буду произнесть длинную рѣчь. При моей послѣдней рѣчи было нѣсколько русскихъ.

«Какъ поживаетъ вашъ отецъ? Умоляю васъ увѣрить его въ полномъ моемъ почитаніи, а васъ—писать мнѣ поскорѣе.

«Съ искренней дружбой и меланхолическимъ воспоминаніемъ прошлаго—

«Вашъ
Ф. Лассаль».

Берлинъ, 12 декабря, 1863 г.
Улица Потсдамъ, № 13.

«NB. Въ скоромъ времени вышлю вамъ книги, которыя вы желаете имѣть».

Это послѣднее изъ сохранившихся у меня писемъ Лассаля. Послѣ этого онъ нѣсколько разъ писалъ мнѣ о своихъ успѣхахъ, своей борьбѣ съ противниками, и наконецъ увѣдомилъ, что ѣдетъ весною въ Швейцарію, въ Женеву, куда я и написала ему лѣтомъ. Отвѣтомъ на мое письмо было газетное извѣстіе о злополучной дуэли и смерти Лассаля.

С. С.

Digitized by Google

НОВОСТИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

F. T. Perrens, Histoire de Florence. Par. 1877. III vol.—*И. В. Лучицкій*, Католическая лига и кальвинисты во Франціи. Т. I. Кіевъ, 1877.

Окончаніе.

II *).

Періодъ времени, описываемый въ новомъ сочиненіи г. Лучицкаго (1576—1580), не составляетъ особенно важной эпохи въ исторіи французскихъ религіозныхъ войнъ XVI-го вѣка. Правда, 1576-ой годъ ознаменованъ основаніемъ католической лиги; но энергическая дѣятельность ея началась гораздо позже, а попытки образовать подобный союзъ бывали и раньше. Другое крупное событіе, относящееся къ 1576—1577 г.,—собраніе генеральныхъ штатовъ въ Блуа—возбудило большія ожиданія, но прошло почти безслѣдно. Отношеніе между партіями осталось къ 1580 г., въ главныхъ чертахъ, такимъ же, какимъ оно было въ 1576 г. Тѣмъ не менѣе книга г. Лучицкаго далеко не лишена интереса. Въ связи съ прежнимъ сочиненіемъ его [1]) она представляетъ довольно полную картину положенія Франціи въ критическіе годы, слѣдовавшіе за варѳоломеевскою ночью — въ годы борьбы католиковъ съ протестантами, короля съ аристократіей, аристо-

*) В. Евр. окт., стр. 551.

[1]) Такъ какъ намъ часто придется ссылаться на прежнее сочиненіе г. Лучицкаго, составляющее съ настоящимъ одно нераздѣльное цѣлое, то для краткости мы будемъ означать первое цифрой I, а послѣднее цифрой II.

Digitized by Google

кратіи съ среднимъ сословіемъ, средняго сословія съ правительствомъ. Продолжительность этой борьбы и постоянныя колебанія успѣха г. Лучицкій объясняетъ полнымъ равновѣсіемъ враждующихъ элементовъ, относительною слабостью каждаго изъ нихъ. «Взятый самъ по себѣ, отдѣльно и независимо отъ другихъ,—говоритъ онъ (II, 447),—каждый изъ этихъ элементовъ не представлялъ достаточно гарантій для успѣха своего дѣла, для полнаго или долговременнаго торжества, за которымъ послѣдовало бы подавленіе остальныхъ. Правительство было безсильно раздавить конфедерацію (политиковъ и гугенотовъ) безъ помощи Гизовъ и лиги; Гизы и лига не въ состояніи были, вслѣдствіе пассивной оппозиціи средняго сословія, осуществить на дѣлѣ составленный ими проектъ государственнаго переворота; сильная и могущественная конфедерація, состоявшая изъ католической и гугенотской знати, распалась послѣ сильнаго натиска, направленнаго на нее буржуазіей, и не была, слѣдовательно, въ силахъ оказывать на ходъ дѣлъ прежняго вліянія. Только союзъ двухъ изъ нихъ, направленный противъ третьяго, давалъ имъ полный перевѣсъ надъ нимъ; но дѣло въ томъ, что онъ никогда не могъ быть прочнымъ, не заключалъ въ себѣ всѣхъ необходимыхъ условій долговѣчности». Подробному мотивированію мысли, высказанной въ этихъ словахъ, посвящена значительная часть сочиненія г. Лучицкаго. Онъ показываетъ, какъ развитіе католической лиги 1576 г. было замедлено и затруднено недовѣріемъ средняго сословія къ дворянству, взявшему на себя иниціативу этого союза и главную роль въ его средѣ; какъ разногласіе между буржуазіей и двумя высшими сословіями съ одной стороны, между буржуазіей и правительствомъ—съ другой парализовало дѣятельность генеральныхъ штатовъ; какъ сила южной конфедераціи была подорвана несогласіями между городами и знатью; какъ побѣдоносная война противъ гугенотовъ была пріостановлена вслѣдствіе опасеній короля, чтобы она не привела къ чрезмѣрному усиленію католической аристократіи. Сословная рознь отражается такимъ образомъ во всѣхъ сферахъ государственной и общественной жизни. Въ исторіи религіозныхъ войнъ г. Лучицкій намѣчаетъ слѣдующія черты, общія обѣимъ враждующимъ сторонамъ. Сначала борьба ведется исключительно или по крайней мѣрѣ преимущественно изъ-за религіи; на первомъ мѣстѣ, сообразно съ этимъ, стоитъ духовенство. Отъ него, въ католическомъ лагерѣ, исходятъ первыя попытки основать лигу; оно, въ лицѣ Кальвина и назначенныхъ имъ пасторовъ, руководитъ дѣйствіями гугенотовъ до варѳоломеевской ночи. Мало-по-малу религіозное чувство сла-

Digitized by Google

бѣеть, смѣшивается съ чисто-свѣтскими соображеніями; преобладающее вліяніе переходитъ изъ рукъ духовенства въ руки дворянства. Гугенотская знать одна не теряетъ голову послѣ страшнаго удара 1572 г., одна организуетъ сопротивленіе торжествующему правительству, и вслѣдъ затѣмъ вступаетъ въ союзъ съ тою частью католической аристократіи, которая примыкаетъ къ партіи *политиковъ* — людей умѣренныхъ, чуждыхъ религіознаго фанатизма, стремящихся прежде всего къ спокойствію и миру. Другая часть католическаго дворянства образуетъ лигу 1576 г. и беретъ на себя инициативу въ дальнѣйшей борьбѣ съ гугенотами. Теперь наступаетъ очередь средняго сословія на югѣ и западѣ: гугенотскіе города требуютъ для себя бо́льшей доли въ завѣдываніи общими дѣлами союза; на сѣверѣ и въ центрѣ католическіе города ограничиваются пока пассивнымъ противодѣйствіемъ дворянской лигѣ, но близко время, когда они займутъ въ ней господствующее положеніе. Въ средѣ католиковъ всѣ указанные переходы совершаются позже, чѣмъ въ средѣ гугенотовъ, потому что послѣдніе, не только не поддерживаемые, но преслѣдуемые центральною властью, раньше первыхъ почувствовали потребность въ организаціи, раньше образовали партію въ полномъ смыслѣ этого слова. Итакъ, въ великомъ движеніи, наполняющемъ исторію Франціи за послѣднія десятилѣтія XVI-го вѣка, среднее сословіе приняло дѣятельное участіе позже, чѣмъ другіе элементы, другія силы. Исходя изъ этой точки зрѣнія, г. Лучицкій полемизируетъ, съ одной стороны, противъ тѣхъ писателей, которые видятъ въ гугенотахъ поборниковъ демократическаго начала, въ ихъ религіозныхъ войнахъ борьбу, постоянно носившую на себѣ демократическій характеръ; съ другой стороны противъ тѣхъ, которые придаютъ демократическій оттѣнокъ католической лигѣ 1576 г. Онъ посвящаетъ цѣлую главу (въ первомъ сочиненіи своемъ) публицистамъ гугенотской партіи, чтобы доказать, что въ политикѣ конечною цѣлью гугенотовъ было возвышеніе аристократіи, а не торжество народа. Борьбу, завязанную гугенотами послѣ варѳоломеевской ночи, онъ называетъ борьбою, веденною знатью и въ интересахъ знати (предисловіе къ первому его сочиненію, стр. III), подобно тому, какъ ею же и въ ея интересахъ была первоначально создана католическая лига (II, 93). Мы остановимся только на тѣхъ выводахъ и заключеніяхъ г. Лучицкаго, правильность которыхъ кажется намъ болѣе или менѣе сомнительною.

Вопросъ о томъ, какое политическое направленіе преобладало въ средѣ французскихъ протестантовъ XVI-го вѣка, давно

Digitized by Google

уже занимаетъ историковъ и разрѣшается ими различно. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, во Франціи принято было противопоставлять народный, муниципальный характеръ католической лиги феодальному, аристократическому характеру гугенотской конфедераціи; но уже Сисмонди пошелъ наперекоръ этому взгляду, утверждая, что гугеноты сначала были одушевлены свободнымъ, почти республиканскимъ духомъ, который лишь впослѣдствіи, подъ вліяніемъ короля наварскаго (Генриха IV-го), уступилъ мѣсто другому, болѣе умѣренному настроенію [1]). Анри Мартенъ также защищаетъ гугенотовъ отъ упрека въ аристократизмѣ; онъ указываетъ на то, что актъ основанія лиги составленъ принцами отъ имени дворянства, тогда какъ протестантская конфедерація обязана была своимъ существованіемъ преимущественно буржуазіи, которой и принадлежало въ ней первое мѣсто [2]). Мишле, пламенный ненавистникъ лиги, видитъ въ гугенотахъ первыхъ французскихъ республиканцевъ и демократовъ [3]); хладнокровный Ранке приписываетъ имъ авторское право на идею державности народа, въ чисто политической, не-религіозной ея формѣ [4]). Съ другой стороны, историкъ лиги Лабиттъ называетъ гугенотовъ лицемѣрами, мнимый демократизмъ которыхъ былъ только оружіемъ противъ короля, щитомъ для знати [5]); Л. Бланъ отказываетъ гугенотамъ въ демократическомъ чувствѣ, причисляя ихъ къ приверженцамъ индивидуализма и ограниченной монархіи [6]). Чтобы правильно оцѣнить эти противоположныя мнѣнія, необходимо вспомнить, что соединительнымъ звеномъ для гугенотовъ служили ихъ религіозныя вѣрованія, что они были сектой прежде чѣмъ стать партіей, и что, сдѣлавшись партіей, они не могли составить безусловно однороднаго политическаго цѣлаго. Такая однородность возможна лишь тогда, когда партія образуется исключительно во имя политическаго начала и для достиженія политическихъ цѣлей. Соединяясь для сопротивленія католическому фанатизму, гугеноты-аристократы и гугеноты-горожане конечно не переставали быть людьми своего сословія, своего класса, и вносили въ союзъ разность интересовъ и взглядовъ,

---

[1]) „Histoire des Français", Paris, 1835, т. XX, стр. 97, 99—100, 131.

[2]) „Histoire de France", Paris, 1862, четвертое изданіе, т. IX, стр. 485.

[3]) „La ligue et Henri IV" („Histoire de France au seizième Siècle", т. X), Paris, 1856, стр. 30—33.

[4]) „Französische Geschichte", Leipzig, 1868, т. I, стр. 245 (т. VIII-й полнаго собранія сочиненій Ранке).

[5]) Цитировано у Мишле, въ вышеприведенномъ мѣстѣ.

[6]) „Histoire de la révolution française", книга 1-я, глава 4-я.

Digitized by Google

только до извѣстной степени сглаживавшуюся служеніемъ общему дѣлу. Присоединеніе къ гугенотской конфедераціи самыхъ энергичныхъ представителей партіи *политиковъ* привело къ еще бо́льшему усложненію элементовъ, изъ которыхъ слагалась эта конфедерація. Отсюда ясно, что въ стремленіяхъ и требованіяхъ ея—все равно, выражались ли они теоретически или практически, въ сочиненіяхъ публицистовъ или въ манифестахъ и постановленіяхъ партіи—не могло не быть нѣсколькихъ теченій, несходныхъ между собою, иногда даже противоположныхъ. Чтобы опредѣлить политическую роль гугенотовъ, необходимо изслѣдовать сравнительную силу и глубину этихъ теченій. Становясь на эту точку зрѣнія, мы видимъ, что въ гугенотской конфедераціи среднее сословіе играетъ съ самаго начала роль далеко не маловажную. Не говоря уже о Ларошели, положеніе которой было совершенно исключительное, южно-французскіе протестантскіе города участвуютъ, наравнѣ съ дворянствомъ, во всѣхъ собраніяхъ, имѣвшихъ цѣлью организовать партію—или, лучше сказать, государство, такъ какъ гугенотская конфедерація, по справедливому замѣчанію г. Лучицкаго (I, 372), была настоящимъ государствомъ въ государствѣ. Во главѣ этого государства были поставлены генеральные штаты, въ которыхъ число представителей средняго сословія уже съ 1574 г. превышало вдвое число дворянъ. Менѣе благопріятенъ для средняго сословія былъ способъ избранія депутатовъ; они выбирались окружными (или провинціальными) собраніями, въ которыхъ преобладало дворянство; но такъ какъ они могли быть избираемы только изъ среды *нотаблей*, т.-е. выдающихся членовъ партіи, оказавшихъ ей значительныя услуги (I, 356), то этимъ устранялась или по крайней мѣрѣ уменьшалась опасность обращенія ихъ въ *креатуры* аристократіи, какъ выражается г. Лучицкій [1]) (I, 369). Трудно предположить, чтобы среднее сословіе настаивало на удвоеніи числа своихъ представителей, если они не заботились объ огражденіи его интересовъ и служили слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ дворянства. Ожесточенный споръ, происходившій въ 1788 г. именно по вопросу объ удвоеніи числа депутатовъ средняго сословія, свидѣтельствуетъ о важности этого вопроса и о значеніи побѣды, одержанной гугенотскою буржуазіей за два столѣтія до торжества, общаго всему французскому среднему сословію. Мы не узнаемъ

[1]) Для насъ непонятно, почему ограниченіе круга избираемыхъ одними нотаблями кажется г. Лучицкому расширеніемъ власти дворянства (I, 357). Чѣмъ сильнѣе было положеніе депутатовъ средняго сословія, тѣмъ труднѣе они должны были подчиняться постороннему вліянію.

Digitized by Google

отъ г. Лучицкаго, какой способъ голосованія былъ принятъ въ гугенотскихъ генеральныхъ штатахъ; по всей вѣроятности оно происходило не поголовно, а посословно, какъ въ общегосударственныхъ генеральныхъ штатахъ Франціи [1]), и слѣдовательно рѣшеніе дѣлъ не зависѣло безусловно отъ числа депутатовъ того или другого сословія; но удвоеніе числа представителей средняго сословія во всякомъ случаѣ увеличивало авторитетъ его постановленій и было какъ-бы безмолвнымъ признаніемъ господствующей его роли въ средѣ гугенотской партіи. Еще болѣе важнымъ пріобрѣтеніемъ, чѣмъ удвоеніе числа депутатовъ средняго сословія, было установленіе *періодичности* собранія генеральныхъ штатовъ, т.-е. такой гарантіи правильнаго представительнаго правленія, которой общегосударственнымъ генеральнымъ штатамъ Франціи не удалось добиться до самой революціи. Если принять во вниманіе, что непосредственное управленіе дѣлами конфедераціи принадлежало губернаторамъ, назначавшимся изъ среды дворянства, то нельзя не придти къ заключенію, что обязательный созывъ генеральныхъ штатовъ въ опредѣленные и притомъ короткіе сроки (шесть мѣсяцевъ или одинъ годъ) былъ въ особенности выгоденъ для средняго сословія. Въ виду всего этого, мы не можемъ признать, вмѣстѣ съ г. Лучицкимъ, чтобы борьба 1572—76 гг. велась гугенотской конфедераціей исключительно или даже преимущественно въ интересахъ знати. Сражаясь рядомъ съ аристократіей и подъ ея знаменами, среднее сословіе естественно надѣялось достигнуть упроченія того порядка вещей, который былъ установленъ на время борьбы — а этотъ порядокъ вещей заключалъ въ себѣ всѣ данныя для дальнѣйшаго развитія и укрѣпленія средняго сословія. Если собранія 1573 и 1574 г. допустили сосредоточеніе въ рукахъ дворянства военной, а, слѣдовательно, и высшей испол-

[1]) Это можно вывести уже изъ того, что генеральные штаты гугенотской конфедераціи съ самаго начала были устроены по старинному галльскому обычаю — pro more antiquo gallico (I, 356). На собраніи въ Нимѣ, въ 1580 г., голоса были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: одинъ голосъ былъ данъ дворянству in corpore, другой—чиновникамъ (такъ переводитъ г. Лучицкій слово magistrats; намъ кажется, что оно означаетъ скорѣе выборныхъ должностныхъ лицъ городского управленія), третій—пасторамъ; затѣмъ каждому діоцезу (округу) было дано три голоса, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ дворянству, другой — главному городу діоцеза, третій — остальнымъ его депутатамъ (II, 341). Этотъ оригинальный способъ распредѣленія голосовъ нуждался бы въ объясненіяхъ, которыхъ мы не находимъ у г. Лучицкаго, но во всякомъ случаѣ онъ показываетъ: 1) что голоса подавались не поголовно и 2) что къ 1580 г. среднее сословіе достигло, какъ признаетъ и г. Лучицкій, рѣшительнаго преобладанія въ собраніяхъ партіи.

Digitized by Google

нительной власти—такъ какъ въ военное время полководецъ по необходимости соединяетъ въ своемъ лицѣ и многія права правителя, — то это объясняется тѣмъ, что на сторонѣ дворянства была опытность въ военномъ дѣлѣ, а первой задачей конфедераціи, конечно, была побѣда надъ врагами. Если дворянство пыталось расширить свое господство дальше назначенныхъ для него предѣловъ, то попытки его постоянно, и до заключенія мира 1576 г., встрѣчали противодѣйствіе со стороны средняго сословія. На практикѣ, такимъ образомъ, протестантская буржуазія постоянно сохраняла за собою самостоятельную роль и вносила въ борьбу такія задачи, которыя не имѣли ничего общаго съ спеціально-аристократическими стремленіями и интересами. То же самое, какъ намъ кажется, слѣдуетъ сказать и о политическихъ теоріяхъ гугенотовъ. Что эти теоріи не были предвосхищеніемъ радикальныхъ доктринъ XVIII-го вѣка, что гугенотскіе публицисты не могутъ быть названы демократами въ новѣйшемъ смыслѣ слова—это совершенно справедливо, и г. Лучицкій съ полнымъ основаніемъ возстаетъ противъ увлеченій Мишле, слишкомъ усердно ищущаго и слишкомъ легко находящаго черты сходства между кальвинистами XVI-го вѣка и революціонерами 1793 г. (I, 312). Но едва ли правъ, въ свою очередь, и г. Лучицкій, когда онъ отрицаетъ всякую связь между тѣми и другими, когда онъ утверждаетъ, что политическій идеалъ кальвинистовъ былъ въ прошедшемъ, а не въ будущемъ, что, говоря о народѣ, они разумѣли одно только высшее сословіе, что конечною цѣлью ихъ было возстановленіе феодальнаго строя (I, 324—5). Время смѣлыхъ отвлеченій, строго-логическихъ построеній, не стѣсняющихся существующимъ или прямо отрицающихъ его, тогда еще не наступило; политическая мысль XVI-го вѣка еще не созрѣла настолько, чтобы отрѣшиться отъ данныхъ, положительныхъ фактовъ и устремиться въ область чистой теоріи. Вотъ почему гугенотскіе публицисты стоятъ на той почвѣ, которой такъ охотно держится возникающая оппозиція—на почвѣ историческаго права. Они ищутъ точекъ опоры въ прошедшемъ Франціи, и, постоянно встрѣчаясь въ немъ съ аристократіей, какъ съ главнымъ противовѣсомъ власти короля — власти, въ данную минуту наиболѣе опасной для гугенотовъ, — естественно видятъ въ ея упадкѣ одну изъ причинъ общественныхъ бѣдствій, въ ея возвышеніи — путь къ устраненію зла. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они настаиваютъ на управленіи страны посредствомъ генеральныхъ штатовъ, въ которыхъ наравнѣ съ аристократіей дѣйствовали бы представители другихъ сословій. Именно эту совокупную, гар-

Digitized by Google

моническую дѣятельность всѣхъ классовъ народа Готоманъ, самый выдающійся изъ гугенотскихъ публицистовъ, считаетъ необходимой для блага государства, такъ какъ дѣло, *всѣхъ касающееся*, должно быть и ведено *съ согласія всѣхъ* (I, 350). Не очевидно ли, что заимствуя изъ исторіи учрежденія формы, гугеноты оживляли ихъ новымъ духомъ, ставили для нихъ новыя задачи, однимъ словомъ — не ограничивались мечтою о возвращеніи къ прошедшему, а хотѣли основать на немъ новое будущее? Неудача этихъ попытокъ въ XVI-мъ вѣкѣ привела къ тому, что два вѣка спустя пришлось строить за-ново цѣлое зданіе. Готоману и современникамъ его мысль о возможности такой постройки была чужда, потому что старое зданіе держалось еще крѣпко и требовало только отдѣльныхъ поправокъ. Въ этомъ коренится глубокое различіе между дѣятелями XVI-го и XVIII-го вѣка — различіе, не мѣшающее, однако, считать первыхъ предшественниками послѣднихъ. Ихъ сближаетъ не только критическое отношеніе къ существующему устройству, но и общность нѣкоторыхъ взглядовъ; достаточно указать, для примѣра, на ученіе о договорѣ, выработанное гугенотскими публицистами (I, 318), и заключающее въ себѣ, по справедливому замѣчанію Ранке, зародышъ идеи о державности народа.

Въ то самое время, когда представители средняго сословія между гугенотами составляли планы новаго государственнаго устройства и трудились надъ ихъ практическимъ осуществленіемъ, представителямъ католической буржуазіи, т.-е. большинства французскаго средняго сословія, открывалась возможность такой же работы на генеральныхъ штатахъ въ Блуа, созванныхъ королемъ Генрихомъ III-мъ въ концѣ 1576 года. Генеральные штаты, по принятому издавна порядку, представляли королю свои жалобы, просьбы, предложенія, проекты реформъ, судьба которыхъ зависѣла затѣмъ исключительно отъ королевскаго совѣта, т.-е. отъ самого короля [1]). Понятно, что дѣятельность штатовъ въ большинствѣ случаевъ оставалась безплодною; самыя необходимыя, по ихъ мнѣнію, мѣры не были приводимы въ исполненіе; осужденныя ими злоупотребленія продолжали процвѣтать по-прежнему. Штаты, собравшіеся въ Блуа и настроенные по отношенію къ королю весьма недружелюбно, рѣшились положить конецъ такому положенію вещей и обезпечить за представителями страны участіе въ законодательной власти. Вслѣдъ за открытіемъ шта-

[1]) Большею долей власти генеральные штаты пользовались только по финансовымъ дѣламъ.

Digitized by Google

товъ, среднее сословіе обратилось къ королю съ просьбой объ учрежденіи коммиссіи, составленной отчасти изъ совѣтниковъ короля, по его назначенію, отчасти изъ уполномоченныхъ отъ сословій, по избранію штатовъ,—коммиссіи, которая обсуждала бы всѣ предложенія трехъ сословій и постановленія которой имѣли бы силу закона (II, 154). Дворянство и духовенство, нѣсколько дней спустя, приняли проектъ, главныя черты котораго заключались въ слѣдующемъ (II, 156): къ королевскому совѣту, состоящему изъ двадцати-четырехъ лицъ, предполагалось присоединить тридцать-шесть членовъ, избранныхъ штатами, по двѣнадцати отъ каждаго сословія; рѣшенію этого совѣта должны были подлежать только вопросы, по которымъ на штатахъ произошло разногласіе между сословіями; единогласныя постановленія штатовъ должны были имѣть силу закона и безъ утвержденія короля. Несмотря на очевидное сходство этого проекта съ предложеніемъ средняго сословія, послѣднее не согласилось принять его безъ поправокъ. Оно потребовало, чтобы членамъ совѣта, назначаемымъ штатами, былъ предоставленъ лишь совѣщательный голосъ, и чтобы въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ наиболѣе заинтересовано одно какое-либо сословіе,—два остальныя имѣли одинъ только голосъ. Отъ перваго требованія среднее сословіе, послѣ продолжительныхъ совѣщаній съ двумя другими, отступилось, но на второмъ настаивало упорно, вслѣдствіе чего первымъ двумъ сословіямъ пришлось отказаться отъ представленія королю ихъ проекта въ письменной формѣ. Уполномоченный штатовъ сообщилъ королю словесно тѣ предложенія ихъ, по которымъ соглашеніе состоялось (I, 159). Король далъ уклончивый отвѣтъ и дѣло затянулось, но къ концу сессіи вновь выступило на первый планъ. Дворянство и духовенство опять подняли вопросъ о смѣшанной коммиссіи, облеченной законодательною властью. Правительство готово было согласиться на учрежденіе такой коммиссіи, въ надеждѣ, что съ ней легче будетъ справиться, чѣмъ съ штатами; но среднее сословіе еще рѣшительнѣе прежняго возстало противъ плана первыхъ двухъ сословій. Президентъ средняго сословія и главный его руководитель, извѣстный публицистъ Боденъ, произнесъ въ собраніи духовенства рѣчь, въ которой опровергалъ учрежденіе коммиссіи—и съ легальной, и съ практической точки зрѣнія. «Штаты,—говорилъ онъ,—представляютъ собою народъ и не имѣютъ права замѣщать себя. Если замѣщеніе воспрещено простымъ прокурорамъ, то тѣмъ болѣе оно не можетъ быть примѣнимо къ штатамъ. Они даже не должны поднимать подобнаго вопроса, такъ какъ это можетъ послужить во

Digitized by Google

вредъ народу. Достаточно уже и того, что вся нація представлена четырьмя-стами депутатами; уменьшить это число—значило бы низвести штаты до ничтожества. Вмѣсто древней и законной формы штатовъ, создались бы такимъ образомъ штаты передвижные (ambulatoires), вполнѣ зависимые отъ короля и его совѣта. Какое довѣріе можно будетъ оказывать подобной незначительной группѣ лицъ, которой придется сталкиваться съ принцами крови и вельможами? А присутствіе короля, могущаго запугать делегатовъ? а подарки, мольбы, увѣщанія, обѣщанія, которыя станутъ расточать, чтобы увлечь ихъ? Если и допустить, что делегаты окажутся безукоризненно честными, то, во всякомъ случаѣ, они могутъ остаться въ меньшинствѣ—слѣдовательно, побѣжденными. Если же побѣда и останется за ними, то будутъ ли они въ состояніи подчинить своей волѣ короля, въ присутствіи котораго прекращается власть совѣта и всѣхъ должностныхъ лицъ государства? Наконецъ, кто можетъ поручиться, что король не обратитъ коммиссію въ постоянное учрежденіе, подобное его совѣту, и не станетъ употреблять во зло довѣріе народа?.. Съ другой стороны, у средняго сословія накопилось не мало жалобъ противъ двухъ остальныхъ сословій. Предоставить послѣднимъ разборъ этихъ жалобъ—значило бы нарушить и божескіе, и человѣческіе законы» (II, 218—220). Въ недовѣріи средняго сословія къ двумъ первымъ г. Лучицкій видитъ главную причину несогласія его на предложеніе дворянства и духовенства. «Среднее сословіе,—говоритъ онъ,—всѣми силами поддерживало принципъ, что два сословія не могутъ связывать третье. Могло ли оно добиться осуществленія этого принципа, когда въ законодательной коммиссіи на 60 членовъ оно располагало только 12 голосами? Очевидно, что среднему сословію приходилось оставаться всегда въ меньшинствѣ, утратить всякое вліяніе на дѣло, удалиться отъ той цѣли, которую оно преслѣдовало. Правда, въ началѣ сессіи оно приняло предложеніе, но тогда это было сдѣлано безъ всякаго почти обсужденія» (II, 217). Указавъ на то, что побѣда осталась за среднимъ сословіемъ, г. Лучицкій прибавляетъ, что побѣда эта «была скорѣе отрицательная, чѣмъ положительная. Ея результатомъ была передача рѣшенія вопроса о реформахъ исключительно почти въ руки одного правительства. Король и его совѣтъ могли теперь по своему благоусмотрѣнію обсудить требованія народа. Законодательная власть штатовъ оказывалась несуществующею, и среднее сословіе становилось, повидимому, въ противорѣчіе съ самимъ собою. Но то была только видимость, а не дѣйствительность. Среднее сословіе, отвергая пред-

Digitized by Google

ложеніе духовенства, сообразовывалось и съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, и съ своими силами. Заставить правительство немедленно же, въ присутствіи штатовъ, произвести требуемыя реформы — на это недоставало у средняго сословія ни смѣлости, ни, главное, достаточно авторитета, достаточно власти. Его дѣйствительная сила далеко не соотвѣтствовала степени его вліянія на дѣла, и, кромѣ того, оно не было настолько проникнуто революціоннымъ духомъ, чтобы прибѣгнуть къ насилію, къ coup d'état... Все, на что́ было способно среднее сословіе, заключалось лишь въ оборонительной борьбѣ, въ упорномъ сопротивленіи всякаго рода предложеніямъ, не соотвѣтствовавшимъ его интересамъ. Наступательныя дѣйствія въ то время стали немыслимы. Съ другой стороны, отвергая учрежденіе коммиссіи и предоставляя правительству право обсуждать cahiers (т.-е. заявленія штатовъ), среднее сословіе тѣмъ самымъ возлагало на короля всю отвѣтственность за принятыя рѣшенія, что́ должно было заставить его дѣйствовать осмотрительно. Среднее сословіе гарантировало себя лишь тѣмъ, что потребовало настоятельно созванія новыхъ штатовъ черезъ пять лѣтъ. Послѣдующія событія вполнѣ оправдали политику средняго сословія» (II, 220—222). Намъ кажется, наоборотъ, что образъ дѣйствій средняго сословія по вопросу объ учрежденіи коммиссіи не говоритъ въ пользу политическаго его развитія. Если бы рѣчь шла о *замѣщеніи* штатовъ коммиссіею, о передачѣ ей одного изъ правъ, прежде принадлежавшихъ штатамъ, то оппозиція средняго сословія была бы совершенно умѣстна; но предложеніе дворянства и духовенства клонилось вовсе не къ тому — оно расширяло права штатовъ, открывая имъ доступъ въ такую сферу, въ которой до тѣхъ поръ безраздѣльно и безконтрольно распоряжался одинъ королевскій совѣтъ. Замѣнить собою штаты, упразднить ихъ коммиссія не могла уже потому, что она ими избиралась, отъ нихъ заимствовала свои полномочія; притомъ ей предоставлялось рѣшительное слово только по вопросамъ, штатами возбужденнымъ; она была поставлена въ неразрывную связь съ ними, предполагала ихъ періодическое созваніе, дополняла, завершала ихъ дѣятельность. Правда, представители средняго сословія въ коммиссіи легко могли оказаться въ меньшинствѣ; но развѣ больше было шансовъ, что за интересы сословія выскажется каждый разъ большинство королевскаго совѣта? Отвѣтственность совѣта или короля нисколько не уменьшилась бы отъ того, что та или другая мѣра, несогласная съ желаніями народа, была бы принята по рѣшенію коммиссіи, но вопреки мнѣнію засѣдающихъ въ ней представителей средняго

Digitized by Google

сословія. Что учрежденіе коммиссіи не было бы безусловно несовмѣстно съ интересами средняго сословія, это видно уже изъ того, что мысль о такой коммиссіи была заявлена въ первый разъ именно среднимъ сословіемъ. Если оно является затѣмъ ея противникомъ и мѣшаетъ ея осуществленію, то это объясняется недовѣріемъ буржуазіи къ высшимъ сословіямъ, особенно къ дворянству,—недовѣріемъ вполнѣ понятнымъ, но въ данномъ случаѣ едвали оказавшимъ буржуазіи хорошую услугу. Восторжествовавъ, повидимому, надъ высшими сословіями и надъ правительствомъ, она, въ сущности, ничего не пріобрѣла отъ своей побѣды. Г. Лучицкій говоритъ, что среднее сословіе гарантировало себя требованіемъ новаго, черезъ пять лѣтъ, созыва генеральныхъ штатовъ; но развѣ требованіе, ни для кого не обязательное и никѣмъ не поддержанное, можетъ быть названо гарантіей? Среднее сословіе не сдѣлало даже и попытки присоединить къ себѣ въ этомъ отношеніи два другія и получить какое-либо обѣщаніе отъ короля. Неудивительно, что требованіе его осталось неисполненнымъ, какъ и другое требованіе, имъ же высказанное — не распускать штатовъ, пока всѣ дѣла не будутъ порѣшены и покончены (т.-е. пока не состоится постановленіе совѣта и короля по всѣмъ предложеніямъ штатовъ). Если обратиться къ результатамъ политики средняго сословія, то и они, по нашему мнѣнію, не подтверждаютъ оцѣнку ея г. Лучицкимъ. Среднее сословіе хотѣло внутренняго мира и заключило свою дѣятельность на штатахъ подачей королю прошенія, составленнаго въ этомъ смыслѣ (II, 239), — а вслѣдъ за распущеніемъ штатовъ возгорѣлась междоусобная война, прекратившаяся черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не столько по недостатку средствъ, сколько вслѣдствіе опасеній короля, что побѣда надъ гугенотами обратится въ пользу Гизовъ (II, 431). Среднее сословіе отказало королю въ увеличеніи налоговъ, требовало прекращенія продажи должностей — а налоги въ томъ же году, въ которомъ были распущены штаты, увеличились на полтора слишкомъ милліона ливровъ, продажа должностей продолжалась въ бо́льшихъ еще противъ прежняго размѣрахъ (II, 453—4). «Среднее сословіе,— говоритъ г. Лучицкій,—являлось, безспорно, главнымъ и наиболѣе важнымъ элементомъ строя тогдашняго времени. Въ его рукахъ были капиталы, финансовыя средства и связанныя съ ними силы и вліяніе. Среднее сословіе являлось представителемъ индустріальныхъ интересовъ, этой основы европейскаго общества новаго времени; ему принадлежало будущее, оно одно росло и развивалось, крѣпло, когда феодальная аристократія старѣлась и

Digitized by Google

слабѣла. То была сила, дѣйствіе которой стало все чаще и чаще сказываться на ходѣ дѣлъ» (II, 450). «Отъ отношеній средняго сословія къ правительству зависѣло, по мнѣнію г. Лучицкаго, будущее Франціи, такъ какъ правительство хотя и значительно ослабѣло, но степень авторитета его могла еще сохраниться до нѣкоторой степени и, слѣдовательно, ставить сильныя преграды разрушительной дѣятельности любого изъ дѣйствующихъ элементовъ» [1]) (II, 451 и 449). Что среднее сословіе во Франціи укрѣплялось, шло впередъ, по мѣрѣ того, какъ аристократія дряхлѣла и слабѣла—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но къ концу XVI вѣка эти два противоположныя теченія далеко не достигли еще той точки, на которой новое начало могло получить рѣшительный перевѣсъ надъ старымъ. Все сказанное нами до сихъ поръ показываетъ ясно, что среднее сословіе, разсматриваемое какъ одно цѣлое, еще не свыклось съ политическою дѣятельностью, что оно не играло и не могло играть активной роли въ государствѣ, не могло оспаривать перваго мѣста у сословій, имѣвшихъ за собою цѣлые вѣка преобладанія. Правда, въ смутное время религіозныхъ войнъ пассивное противодѣйствіе буржуазіи имѣло немалую важность, стѣсняя, парализуя до извѣстной степени предпріятія другихъ, болѣе подвижныхъ элементовъ общества; но это было явленіе временное, недостаточное для того, чтобы упрочить за буржуазіей первенствующее положеніе въ государствѣ. Не среднее сословіе рѣшило пораженіе лиги; не среднее сословіе сопротивлялось централизаціонной политикѣ Генриха IV и Ришелье; не среднее сословіе возбудило волненія фронды. Каждый ударъ, наносимый аристократіи со стороны королевской власти, обращался на пользу средняго сословія; но оно только пожинало плоды побѣды, не имъ одержанной. Индустріальные интересы, о которыхъ говоритъ г. Лучицкій, въ XVI столѣтіи еще не выступали на первый планъ; накопляющіяся богатства буржуазіи готовили для нея господство въ будущемъ, но не давали ей его въ настоящемъ. Высоко надъ общимъ политическимъ уровнемъ буржуазіи стояли въ концѣ XVI вѣка только граждане большихъ гугенотскихъ городовъ, съ стремленіями и дѣятельностью которыхъ мы уже знакомы. Они продолжаютъ борьбу противъ центральной власти даже тогда, когда аристократическіе союзники ихъ одинъ за другимъ измѣняютъ общему дѣлу. Окончательно разбитые на политическомъ

[1]) Эта фраза, разсматриваемая со стороны внѣшней формы, даетъ понятіе о небрежности, съ которою иногда пишетъ г. Лучицкій.

Digitized by Google

поприщѣ, они остаются по крайней мѣрѣ вѣрными своимъ религіознымъ убѣжденіямъ; отмѣна нантскаго эдикта обрушивается на нихъ всею своею тяжестью, почти не задѣвая дворянства, за сто лѣтъ передъ тѣмъ доставлявшаго такой большой контингентъ протестантизму.

Описаніе волненій, происходившихъ въ средѣ крестьянъ и горожанъ между 1577 и 1580 г., составляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ частей книги г. Лучицкаго (II, 489—560). У большинства историковъ событія эти вовсе даже не упоминаются, хотя данныхъ для характеристики тогдашняго положенія Франціи они представляютъ весьма много. Крестьянская война въ Дофинэ, различное отношеніе къ ней богатой буржуазіи и рабочаго городского населенія, борьба между крупной и мелкой буржуазіей въ Анжерѣ — все это весьма любопытно и хорошо выставлено на видъ г. Лучицкимъ. Источникомъ всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ проявленій народнаго неудовольствія г. Лучицкій считаетъ неисполненіе требованій, заявленныхъ среднимъ сословіемъ на генеральныхъ штатахъ 1576—77 г. Съ этимъ едва ли можно вполнѣ согласиться. Въ большинствѣ случаевъ народныя движенія, описываемыя г. Лучицкимъ, были направлены не противъ правительства, а противъ дворянства, и, слѣдовательно, зависѣли отъ такихъ сторонъ тогдашняго общественнаго строя, которыя остались бы неприкосновенными даже при удовлетвореніи правительствомъ всѣхъ требованій генеральныхъ штатовъ. Спеціальные интересы крестьянства не имѣли представителей въ средѣ штатовъ и рѣдко, мимоходомъ, затрогивались въ программѣ средняго сословія [1]). Еще менѣе основательно было бы объяснять неисполненіемъ этой программы движенія, направленныя противъ крупной буржуазіи, такъ какъ именно ей принадлежала главная роль въ оппозиціонной дѣятельности средняго сословія. Мнѣніе г. Лучицкаго кажется намъ правильнымъ лишь въ примѣненіи къ провинціальнымъ штатамъ, требованія которыхъ, заявленныя въ 1578 и 1579 г., дѣйствительно находились въ тѣсной связи съ неисполненными требованіями генеральныхъ штатовъ. Королевскій ордонансъ 1579 г., устранившій или, лучше сказать, обѣщавшій устранить наиболѣе вопіющія злоупотребленія въ финансовомъ управленіи (II, 559), не можетъ быть, однако, разсматриваемъ какъ побѣда собственно средняго сословія, потому-что въ провинціальныхъ штатахъ Бургундіи, Нормандіи, Бретани,

[1]) См. эту программу у г. Лучицкаго, II, 224—230.

Digitized by Google

настоянія которыхъ побудили короля къ уступкамъ, заодно съ среднимъ сословіемъ дѣйствовали и другія (II, 546, 552, 553).

Укажемъ, въ заключеніе, на нѣкоторые внѣшніе недостатки книги г. Лучицкаго. Какъ и первое сочиненіе его, она не снабжена ни алфавитнымъ указателемъ, ни даже подробнымъ оглавленіемъ, что, конечно, затрудняетъ пользованіе ею. Многочисленныя цитаты не переведены на русскій языкъ, даже когда онѣ сдѣланы изъ испанскихъ, итальянскихъ, голландскихъ или латинскихъ источниковъ (см. напр. стр. 51, 53, 58, 72, 79); въ приложеніяхъ (стр. 57) напечатанъ цѣлый документъ на испанскомъ языкѣ, безъ перевода. Эти недостатки, къ которымъ можно еще присоединить употребленіе безъ надобности иностранныхъ словъ (напримѣръ: циркуловать, импозантный) и нѣкоторую, по временамъ, небрежность слога—легко могутъ быть устранены въ послѣдующихъ частяхъ обширнаго и почтеннаго труда, предпринятаго г. Лучицкимъ.

К. Арсеньевъ.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПЕРЕДЪ КОНЦОМЪ.

Какъ я любилъ, въ былыя лѣта,
Родной поэзіи сады,
Гдѣ, въ чинѣ русскаго поэта,
Я пѣлъ на всякіе лады!
Теперь, увы! въ кустахъ тернистыхъ
Я дряхлъ и нѣмощенъ стою,
И ужъ не рву цвѣтковъ душистыхъ,
И громкихъ пѣсенъ не пою!
Ослабли струны и повисли
На гусляхъ звончатыхъ моихъ;
Мечты, напѣвы, чувства, мысли —
Не вызываютъ бойкій стихъ;
Рисуютъ смутныя видѣнья,
Ихъ уловить не въ силахъ я,
И въ родникѣ воображенья
Не бьётъ изсякшая струя!...
Среди мертвѣющей долины
Завяли пёстрые цвѣты,
Убоги вымысломъ картины,
Бѣдны поэзіей мечты!...
Скорбя въ душѣ о прежней силѣ,
Сижу смиренно въ уголкѣ,—
И приближаюся къ могилѣ
Съ стаканомъ краснаго въ рукѣ.

Digitized by Google

II.

ИЗЪ ЗАВѢЩАНІЯ МОЕГО ОТЦА.

«Мой сынъ, не знай палатъ вельможъ:
Тамъ, въ атмосферѣ ароматной,
Гусиный гуртъ породы знатной
Вдыхаетъ скуку, спѣсь и ложь!
Тамъ сердце прячутъ подъ замокъ,
Тамъ ходитъ истина по модѣ...
Не лазай къ барамъ, мой дружокъ:
Ищи сочувствія въ народѣ!

«Мой сынъ, чуждайся богачей,
Биржевиковъ, тузовъ-банкировъ,
Что золотыхъ творятъ кумировъ
Изъ горсти грязныхъ цѣлкачей!
Девизъ ихъ—кассовый итогъ,
Душа — давнымъ давно въ расходѣ....
Не жди добра отъ нихъ, дружокъ:
Ищи сочувствія въ народѣ!

«Мой сынъ, бѣги отъ дураковъ,
Отъ картъ, камелій, либераловъ,
Поэтовъ, бражниковъ, нахаловъ,
Шпіоновъ и ростовщиковъ!
Я все сказалъ тебѣ, что̀ могъ,
Будь вѣренъ чести и свободѣ...
И помни мой завѣтъ, дружокъ:
Ищи сочувствія въ народѣ!»

— Что́-жъ встрѣтилъ я въ простомъ быту?
Что́ я нашелъ въ честно́мъ сословьѣ?—
Безпечность, пьянство, сквернословье,
Невѣжество и нищету!
Ужъ стало быть такой злой рокъ
Лежитъ ярмомъ на всѣмъ народѣ...
Давай-ка, Машенька, дружокъ,
Искать сочувствія въ природѣ!—

Digitized by Google

III.

ЛѢТОМЪ ПОСЛѢ ОБѢДА.

Идиллія.

Мерзавцы-комары забрались подъ пологъ,
И искусали мнѣ всѣ руки и лицо!
Прохлады нѣтъ нигдѣ, вода въ пруду какъ щелокъ!
Томлёный выхожу на заднее крыльцо, —
Въ людской и въ кухнѣ—храпъ! Отъ рощи тянетъ гарью;
Въ калёномъ воздухѣ рои шмелей и мухъ!
Пить до́ смерти хочу!.. Бужу въ чуланѣ Марью, —
Раскинувшись лежитъ... во мнѣ смутился духъ...
Я убѣгаю въ садъ, сажуся на террасу,
Дворовый пёсъ Кудлай глядитъ изъ-подъ куста,
Машута съ погреба несетъ мнѣ миску квасу, —
Припалъ и жадно пью, не отнимая рта...
О, какъ мнѣ хорошо! Сижу и чуткимъ ухомъ
Внимаю пѣночкѣ... Жаръ схлынулъ, наконецъ!
Подъ ложечкой сосётъ;.. въ столовой вижу брюхомъ
Клубнику, самоваръ и жирный варенецъ!..
Пью чай и думаю, зачѣмъ на свѣтѣ войны?
Я даже въ жареномъ кровь видѣть не могу...
Не лучше-ль, если всѣ довольны и спокойны,—
Не такъ ли, Машенька?.. Дай, губочки ожгу!..
Она вся вспыхнула и спряталась за дверью...
Взволнованный, встаю, гляжу въ окно—луна!
Палъ бѣлымъ саваномъ туманъ по заозерью;
Усадьба запахомъ цвѣтовъ напоена;
Въ таинственной дали сливаются предметы, —
Какъ будто всадника я вижу на конѣ...
Ахъ, это Климъ везетъ изъ города газеты:
Въ помѣщичьемъ быту годятся и онѣ...
Сбираютъ ужинать, наливки ставитъ Маша,
Къ закускѣ приказалъ сомовій плёскъ подать...
А ужинъ?—Борщъ, сычугъ, грибы и простокваша!!
Какая благодать! Какая благодать!

Digitized by Google

IV.

ЧАСЫ.

Брегетъ мой шелъ всегда исправно,
По немъ я солнце повѣрялъ,
И, что́ за притча,—вотъ недавно
Въ него я вѣру потерялъ:
То побѣжитъ, то вдругъ отстанетъ...
Въ починку къ Мозеру понёсъ;
Сказали—старъ, внутри винта нѣтъ,
Зубцы истерлись у колёсъ...
Часы на мысль меня наводятъ,
Что ихъ недуги намъ сродни:
Они, подъ старость, плохо ходятъ, —
И мы хромаемъ, какъ они.

V.

СТОНЪ.

О, какъ судьба моя горька!
Ни милой женщины, ни друга
Во время тяжкаго недуга
Нѣтъ у постели старика!
Не вижу свѣтлаго лица,
И вмѣсто теплаго вниманья —
Встрѣчаю черствыя сердца
Съ наёмнымъ чувствомъ состраданья.
Какъ тяжело быть одному!
И нѣтъ ужаснѣе мученья,
Какъ безотрадность убѣжденья,
Что ты не нуженъ никому!

П. Шумахеръ.

Москва. — 1877.

Digitized by Google

ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ

Евреямъ соблазнъ, еллинамъ безуміе.
Посл. къ Коринѳ.
Mens sana in corpore sano.
Juv.
Отцы, не раздражайте дѣтей вашихъ, да не унываютъ.
Посл. къ Колосс.

I.

Не всякому удавалось видѣть вблизи, какъ растетъ бо́льшая половина нашего молодого поколѣнія. Удобства, которыми оно окружено, въ прямой зависимости, разумѣется, отъ средствъ родителей. Чтобы судить однако, насколько этихъ средствъ можетъ хватать, сгруппируемъ въ нѣсколько итоговъ расходы, необходимые на воспитаніе мальчика. Стоимость (для родителей) его содержанія въ гимназическихъ пансіонахъ колеблется между двумя и тремя стами рублей (въ немногихъ гимназіяхъ до 360 руб.). Содержаніе на дому обойдется немногимъ дешевле. Плата за ученіе отъ 20 до 40 руб., въ рѣдкихъ заведеніяхъ менѣе или болѣе — отъ 15 до 50 р., такъ-что средней платой можно считать 30 р. Форменное платье [1]) обойдется въ 25 р. въ годъ; остальное (бѣлье, сапоги и пр.) рублей въ 20; книгъ, учебныхъ припасовъ и другихъ мелочей рублей на 10; наконецъ, квартира и пища въ провинціальномъ городѣ (о столицахъ не говоримъ)— при самыхъ нищенскихъ условіяхъ — рублей восемь, а при нѣ-

[1]) Мундирная пара отъ 20 до 25 руб. въ годъ, годная на одинъ годъ; пальто суконное, подбитое вѣтромъ, не менѣе 12 руб.; съ нѣсколько лучшей подкладкой не дешевле 20 руб., годное на 4 года. Итого среднимъ числомъ въ годъ расхода отъ 25 до 30 руб.

Digitized by Google

сколько сносныхъ дойдетъ до 15 р. въ мѣсяцъ, т.-е. отъ 80 до 150 руб. въ учебное время. Такимъ образомъ, все содержаніе мальчика обходится, въ круглыхъ цифрахъ, отъ 160 до 240 р.

Нѣкоторые счастливцы воспользуются освобожденіемъ отъ платы за ученіе и выдачей имъ нѣсколькихъ казенныхъ книгъ; на тѣхъ расходъ составитъ отъ 130 до 200 руб. Но много ли такихъ? По закону, до 10% всего числа учениковъ въ заведеніи могутъ быть освобождены отъ взноса платы за ученіе. Удовлетворяютъ ли эти 10% безплатныхъ вакансій дѣйствительной потребности? Начальство всякаго учебнаго заведенія отвѣтитъ вамъ на такой вопросъ утвердительно, ссылаясь на незначительное количество заявляемыхъ ему просьбъ объ увольненіи отъ платы; но законный предѣлъ извѣстенъ всякому гимназисту и всегда набитъ вплотную; безполезность ходатайства очевидна и останавливаетъ многихъ. За то взгляните на уставы и отчеты благотворительныхъ обществъ: они то-и-дѣло вносятъ эту плату за бѣдныхъ учениковъ, такъ-что крохи, собираемыя съ общества въ видахъ благотворительности, собираемыя часто при усердномъ содѣйствіи и не безъ маленькаго давленія со стороны администраціи, идутъ собственно на пособіе казнѣ. Мы понимаемъ частную помощь въ содержаніи общественныхъ и казенныхъ учрежденій въ томъ случаѣ, когда она направлена на удовлетвореніе потребностей, которыхъ нельзя подвести подъ общую мѣрку, подъ принятыя формы, и которыя, поэтому, недоступны административной дѣятельности учрежденія и не могутъ быть включены въ нормальную смѣту его расходовъ; таковы, напр., доставленіе особыхъ удобствъ для немногихъ лицъ, находящихся въ исключительномъ положеніи, доставленіе духовныхъ утѣшеній, помощь, продолжаемая внѣ стѣнъ заведенія, и т. п.; но когда потребность вседневная, постоянная, истекающая прямо изъ назначенія заведенія,—тутъ какъ-то странно видѣть помощь казнѣ отъ частной благотворительности съ цѣлью не расширить и разнообразить приносимую пользу, а только сократить нѣсколько, и притомъ случайно, казенную смѣту.

Мы уклонились отъ вопроса. Суть въ томъ, что отчеты благотворительныхъ обществъ доказываютъ неопровержимыми цифрами, что между учащейся молодежью не 10%, а гораздо больше — не въ состояніи вносить установленной платы за ученье.

По вышеприведенному разсчету, наименьшая стоимость содержанія мальчика 12—14 лѣтъ въ гимназіи, прогимназіи, реальномъ училищѣ—колеблется между 160—240 руб. въ годъ, кромѣ содержанія мальчика въ вакантное время. У многихъ и многихъ

Digitized by Google

родителей такой суммы въ распоряженіи нѣтъ; добро еще ребенокъ одинъ, а какъ ихъ трое, четверо; отъ 500 до 1,000 рублей на воспитаніе дѣтей можетъ класть далеко не всякій.

Изъ того же разсчета видно, что этотъ расходъ искусственно повышается требованіями самыхъ заведеній: платой за ученье на 20 и 40 руб., форменнымъ платьемъ рублей на 15. Мы беремъ половину стоимости форменнаго платья, потому что какая-нибудь одежда нужна; но желательно имѣть дешевую. Все значеніе формы въ томъ, что по ней юноша выдѣляется изъ публики и, такъ сказать, всегда подъ своимъ знаменемъ. Для этой цѣли достаточно ограничить ее, какъ въ Германіи, фуражкой; цвѣтъ брюкъ не имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ форма обуви; а ботинки, вмѣсто сапоговъ, едвали могутъ быть приняты за нарушеніе формы — такъ же мало, какъ и сѣрые «невыразимые» во многихъ присутственныхъ мѣстахъ. И въ училищахъ, конечно, встрѣчаются добрые начальники, снисходительно смотрящіе на вызванныя нуждою незначительныя уклоненія отъ формы. Но такое снисхожденіе дѣло случая, благоусмотрѣнія — на милость образца нѣтъ — и не всегда, можетъ быть, сходитъ даромъ самимъ этимъ добрымъ людямъ. Но, кромѣ того, форма формѣ рознь. Голубой цвѣтъ сукна — самый неудобный, потому что скоро стирается; на нѣсколько потертомъ мундирѣ бѣлыя нити выступаютъ такъ явно, что его уже носить нельзя; а чтобы оно было носко, надо платить за голубое сукно дороже, чѣмъ за другое. Самыя пуговицы тускнѣютъ и краснѣютъ. Мундирный сюртукъ едва выдерживаетъ одну зиму и не можетъ переходить отъ брата къ брату, отъ старшаго къ младшему. Главное же — голубого сукна не принято носить взрослымъ, и бѣдные родители лишены возможности передѣлывать свое платье на дѣтское. А это, конечно, самый дешевый способъ одѣвать дѣтей. Нельзя кстати пройти молчаніемъ и гигіеническихъ недостатковъ нашего мундира: жесткій воротникъ стѣсняетъ движенія шеи и едвали увеличиваетъ опрятность; однобортная форма, при отсутствіи у бѣдныхъ людей фуфайки и при холодномъ верхнемъ платьѣ, подаетъ въ нашемъ климатѣ обильный поводъ къ простудамъ; весь покрой мундира и узкая талія приводятъ къ тому, что при экономіи въ матеріалѣ и неудачной кройкѣ (искусство портного тоже въ цѣнѣ), грудь сжата, всѣ движенія стѣснены, бойкая игра невозможна, мальчикъ легче потѣетъ и легче стынетъ, а платье скорѣе рвется. Какая цѣль въ сохраненіи формы, и дорогой, и неудобной, — не намъ разгадывать. Съ насъ довольно вывода, что мундиръ и плата за ученье составляютъ для родителей

Digitized by Google

ежегодно лишній расходъ отъ 35 до 55 р. на мальчика. Для многихъ и это много.

Такъ что-жъ?!

Нѣтъ средствъ учить дѣтей—не учи. И вся недолга!

II.

Хорошо бы не учить; но вопросъ въ томъ—возможно ли это? Другими словами: есть ли на Руси теперь мѣсто для неучившагося человѣка?

То-есть, оговоримся: рѣчь не про тѣхъ, кто не учился даже въ начальной школѣ и не знаетъ грамоты; для тѣхъ ужъ очень много мѣста на Руси, и дай Богъ, чтобъ его было поменьше! И не о курсѣ высшихъ учебныхъ заведеній идетъ рѣчь, который вездѣ, чтобы не сказать всегда, останется долей меньшинства, и до котораго не доходитъ бо́льшее число учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ сихъ послѣднихъ вся суть; этого средняго уровня, этого общаго образованія желаетъ сыну всякій грамотный отецъ; безъ этого образованія нѣтъ мѣста на Руси человѣку, не привыкшему мѣнять рубашку по однимъ субботамъ и хлебать щи изъ общаго семейнаго горшка.

Прежде, еще очень недавно, чиновничество и учительство были единственными убѣжищами русскаго образованнаго человѣка. Съ системой вольнаго найма въ административныхъ учрежденіяхъ, съ судебной реформой, съ введеніемъ земства, съ быстрымъ промышленнымъ развитіемъ послѣднихъ десятилѣтій возросло требованіе на грамотность и умственный трудъ; поднялась цѣна на этотъ товаръ. Но и предложеніе не отставало. Бѣдное чиновничество, обнищавшее дворянство и вырывающееся изъ кастовыхъ рамокъ духовенство поставили богатый контингентъ. Увеличившаяся дороговизна и бо́льшая разборчивость относительно предлагаемаго труда уничтожали возможность прежняго прозябанія безъ всякой работы или успѣшной службы недоросля подъ родительскимъ крыломъ. Образованіе въ гимназіи или реальномъ училищѣ стало почти необходимостью для всякаго, кому приходится жить своимъ трудомъ и кто съ малыхъ лѣтъ не привыкалъ къ труду физическому. Готовить дѣтей къ послѣднему или содержать ихъ въ среднемъ учебномъ заведеніи — вотъ дилемма, изъ которой не могутъ выдти родители.

Тяжелъ физическій трудъ на Руси, тяжеле, чѣмъ гдѣ-либо; причинъ тому много. Первая и самая существенная — климатъ,

Digitized by Google

создающій цѣлый рядъ потребностей, неизвѣстныхъ въ другихъ образованныхъ странахъ, и устанавливающій между этимъ трудомъ и грязью, неопрятностью, такую тѣсную связь, что ея невозможно побороть никакой энергіей; а что за нравственный гнетъ въ принудительно-неопрятной обстановкѣ — знаетъ всякій, у кого былъ случай присмотрѣться къ ней даже издали. Другая причина — въ общемъ уровнѣ рабочаго сословія; онъ до сихъ поръ такъ низокъ и грубъ, что у рѣдкаго родителя хватитъ сердца ввести въ эту среду своего ребенка; пускай этотъ уровень можетъ подняться и поднимется; но когда? Пускай его можетъ поднять именно притокъ нравственно образованныхъ силъ; но какой же отецъ предугадаетъ эту силу въ своемъ сынѣ и добровольно поведетъ его на такой подвигъ? Какой отецъ въ правѣ это сдѣлать? Намъ встрѣчались случаи, когда къ тому приводила суровая нужда, и почти всегда въ нихъ нравственныя мученья разрѣшались изнурительной болѣзнью или чахоткой. Еще другая причина — безправіе рабочаго человѣка, — не юридическое, конечно: въ этомъ отношеніи много уже сдѣлано; но безправіе въ обычаяхъ, во взглядѣ общества; на долю рабочаго падаетъ не только тяжесть самого физическаго труда и естественно сопряженныхъ съ нимъ условій, но и вся тяжесть общественнаго невниманія къ тѣмъ слоямъ, которые у подошвы лѣстницы и не имѣютъ шансовъ подняться по ней. Простой рабочій лишенъ у насъ средствъ выдти изъ своей среды и улучшить свое положеніе. Какъ часто встрѣчаешь русскаго сидѣльца и приказчика, разбогатѣвшаго и капиталомъ своимъ пробравшагося до высокихъ сферъ въ обществѣ, столь же рѣдко случается прослѣдить подобную карьеру рабочаго; роль перваго, гранича съ личнымъ услуженіемъ, сближаетъ его съ хозяевами, знакомитъ съ ихъ слабыми сторонами, открываетъ возможность кредита (доброхотныхъ или принудительныхъ займовъ), въ которомъ вѣкъ свой нуждается рабочій.

Поднимаетъ человѣка — или капиталъ, или образованіе, которое въ зрѣломъ возрастѣ трудно уже, но все-таки возможно добыть, при извѣстной энергіи и обстановкѣ. Но устройство у насъ учебныхъ заведеній и вообще путей къ образованію таково, что рабочему закрытъ и этотъ выходъ, и ему на всю жизнь остается единственная перспектива — въ потѣ лица заработывать хлѣбъ свой. Неужели отецъ можетъ осудить сына на такую будущность? Конечно, нѣтъ! А такъ какъ за симъ выходъ одинъ — учить сына и учить его непремѣнно въ общественномъ заведеніи, то онъ и учитъ его, чего бы это ни стоило.

И притомъ: учиться нужно до конца, по возможности пройти

Digitized by Google

полный курсъ средняго учебнаго заведенія. Между училищами разныхъ степеней установлена у насъ такая тѣсная, даже нѣсколько искусственная связь, что поневолѣ приходится переползать сплошь всѣ указанныя ступени. Для взрослаго человѣка, желающаго дополнить свое образованіе спеціальными свѣдѣніями — нѣтъ къ тому возможности; онъ не найдетъ ни спеціальныхъ курсовъ, ни заведенія, гдѣ онъ могъ бы изучить нужныя ему отрасли безъ предварительнаго экзамена по общимъ, прямо до его дѣла и потребностей не касающимся предметамъ. Мы вовсе не отвергаемъ значенія общаго образованія и не подрываемся подъ него; но мы не можемъ признать его необходимости, на практикѣ, для всего человѣчества, — ни примириться съ отказомъ человѣку въ средствахъ пріобрѣсти спеціальныя свѣдѣнія, — отказомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что изъ него, при такихъ условіяхъ, не выйдетъ вполнѣ образованный человѣкъ. Если, безъ ущерба для государства и общества, существуютъ въ войскахъ курсы, открывающіе солдату переходъ въ офицерскій чинъ со свѣдѣніями, во-первыхъ, элементарными, — во-вторыхъ, спеціальными или техническими, — отчего-жъ не можетъ существовать чего-либо подобнаго для рабочаго? Онъ не станетъ никогда первокласснымъ инженеромъ; но для второстепенныхъ работъ, для подручнаго надзора, для управленія небольшими мастерскими, для устройства на собственныя крохи небольшой фабрики (таково за границей начало обширнѣйшихъ промышленныхъ заведеній) эти люди были бы вполнѣ пригодны; трудолюбія, выдержки, практическаго смысла, самой тщательной бережливости, сосредоточенья всѣхъ своихъ силъ на одномъ небольшомъ дѣлѣ — всѣхъ этихъ условій успѣха скорѣе всего можно ожидать именно отъ такихъ людей. Промышленность наша страдаетъ недостаткомъ въ нихъ; и они явились бы во множествѣ, при смышлености русскаго рабочаго, еслибъ ему открытъ былъ (безъ всякихъ, конечно, правъ и привилегій) свободный и легкій доступъ, въ зрѣлыхъ годахъ, къ спеціальному образованію. Этими же средствами воспользовалась бы и вся молодежь, которой, по бѣдности или другимъ, дѣйствительно независѣвшимъ отъ нея обстоятельствамъ, не удалось пройти курса среднихъ учебныхъ заведеній; и тогда было бы менѣе страшно пускать дѣтей въ жизнь безъ гимназическаго курса, и многія ограничились бы городскимъ училищемъ и прогимназіей, зная, что, поправивъ свои обстоятельства и нѣсколько обезпечивъ себя, молодой человѣкъ и съ этой подготовкой найдетъ со временемъ возможность пополнить свои знанія. А теперь кто льнетъ къ прогимназіи и городскому училищу и ими ограничивается? Исключительно торговый и кан-

Digitized by Google

целярскій людъ. У насъ все вниманіе обращено на обученіе юношества и ничего не сдѣлано для людей уже вышедшихъ изъ этого возраста, знакомыхъ съ жизнью и чувствующихъ потребность въ пополненіи своихъ свѣдѣній и въ дальнѣйшемъ образованіи, хотя они въ юности и остановились на полудорогѣ; что упущено русскимъ юношей до 18-ти-лѣтняго возраста, того русскому человѣку исправить и дополнить не разрѣшается. Потому-то у родителей можетъ быть лишь одна забота — помѣстить дѣтей въ общественное заведеніе и непремѣнно въ гимназію, гражданскую или военную, или въ реальное училище, и добиваться всѣми силами окончанія ими полнаго курса.

А на это нужно въ годъ отъ 160 до 240 рублей. Если средствъ не хватаетъ — все-таки пробуютъ; авось годъ, два, три удастся вынести эту обузу, въ надеждѣ на новое «авось», на пособія, стипендіи или казенную вакансію въ пансіонѣ. А между тѣмъ парень проживетъ кое-какъ и какъ-нибудь промается до цѣли.

Посмотримъ же на это житье «кое-какъ», на это маяніе «какъ-нибудь», среди лишеній и горя. Только пожалуйте за нами не въ классъ, гдѣ блестятъ погончики, гдѣ мундиришко застегнутъ на всѣ пуговицы, — пожалуйте сюда, за кулисы.

III.

Осенній вечеръ; мелкій, холодный дождикъ; ноги скользятъ въ размокшей и расплывающейся почвѣ; съ трудомъ спускаемся на темномъ дворѣ по крутизнѣ оврага, къ старому, перекосившемуся домику, у котораго нижній этажъ точно вросъ въ землю. По двумъ ступенькамъ, по которымъ грязь со двора сползаетъ въ жилье, осторожно сходимъ въ тѣсныя сѣни и ощупью отыскиваемъ дверь; пахнуло удушливымъ тепломъ сырой, никогда не провѣтриваемой комнаты; въ ней еле-брежжетъ свѣтъ, такой слабый, что даже, послѣ темныхъ сѣней, глаза не съ-разу охватываютъ картину. Въ углу русская печь; отъ нея до двери, на-лѣво, виситъ грязная занавѣска, за которой раздается протяжный храпъ. На-право небольшое окошко въ четыре стекла. Въ дальнемъ углу, подъ образомъ, столикъ, четверти три въ квадратѣ, съ жестяной лампочкой, гдѣ горитъ безъ стекла тощій керосиновый фитиль и свободное пламя гнется и чуть не гаснетъ отъ всякой струи воздуха. Мы въ кабинетѣ гимназиста. Четырнадцати-лѣтній мальчикъ, скорчившись на сломанномъ табуретѣ, съ трудомъ устанав-

Digitized by Google

ливаетъ передъ собой чернильницу, тетрадь, хрестоматію, лексиконъ и грамматику, и принимаетъ, возясь надъ книгами, всевозможныя невѣроятныя позы Сидитъ онъ въ рубашкѣ и отъ времени до времени справляется съ своимъ пальто, растянутымъ на печкѣ,—высохло ли оно послѣ дождя и можно ли его накинуть; другого платья нѣтъ, а мундиръ носить дома, особенно за работой, нельзя: вѣдь онъ долженъ хватить на всю зиму и до экзаменовъ; а если локти протрутся или обшлага побѣлѣютъ, чего добраго, не пустятъ въ классъ. За полночь просидитъ мальчуга, согнутый надъ книгами за столикомъ, гдѣ писать можно только бочкóмъ, напрягая глаза за этой слабой лампочкой, которая едва годилась бы ночникомъ въ комнату больного. Когда лѣтъ черезъ пять заноетъ у юноши грудь, когда пойдетъ онъ покупать синія очки—вспомнитъ онъ тогда эту каморку, и вспомнитъ ее можетъ безъ желчи, потому что хозяева люди добрые, кормятъ чѣмъ Богъ послалъ, но сытно, не бьютъ и позволяютъ сидѣть тутъ хоть всю ночь напролетъ, лишь бы сидѣлъ смирно и не мѣшалъ имъ спать,—сидѣть пока не кончитъ заданныхъ уроковъ и не проберется тихонько за занавѣску, смыкать усталые глаза...

Зимнее утро. Сѣрыя тучи будто накидываютъ тѣнь на землю; бѣлый, нетропутый снѣгъ отражаетъ матовый полусвѣтъ по мертвой улицѣ. За ночь была мятель и нанесла вездѣ аршинные сугробы. По нимъ медленно пробирается 12-ти лѣтній парнишко, вязнетъ по колѣни, и едва вытащитъ одну ногу, какъ другая уходитъ въ рыхлый снѣгъ. Взглянувъ съ утра въ окошко на свѣжіе сугробы, онъ догадался, что́ будетъ за прогулка, и, выпросивъ у хозяйки корку хлѣба, пошелъ, не дожидаясь утренняго чаю. Квартира на концѣ города, болѣе получаса до училища—въ хорошую погоду, а въ такую! Что́, ежели опоздаетъ въ классъ? И страшно, и устало, и голодно! Слезы намерзаютъ крупинками на рѣсницахъ, лицо горитъ, потъ катится по спинѣ; а идти надо. Ну, слава Богу! онъ въ училищѣ, и еще двѣ минуты до звонка. Бѣдняжка скидаетъ и вѣшаетъ пальто,—дверь со двора въ шинельную то-и-дѣло распахивается отъ входящихъ ребятъ, и холодная струя воздуха пробираетъ его до костей; кто объ этомъ думаетъ въ такомъ возрастѣ! вздрогнешь, съёжишься—и прошло. Скидаетъ калоши, они набиты снѣгомъ; правда, что на нихъ больше дыръ, чѣмъ заплатъ; но будь они цѣлехоньки—послѣ такой мятели поневолѣ въ нихъ наберется снѣгу по края, и точно два ведра принесешь на ногахъ. Сапоги уже давно безъ подошвъ, и снизу привязаны бичевкой, чтобы только сверху казались сапогами; вѣдь безъ нихъ точно въ классъ не пустятъ.

Digitized by Google

Штанишки—ну, тѣ въ порядкѣ; онъ на квартирѣ ихъ засучилъ выше колѣнъ, теперь распускаетъ и все на немъ какъ-будто сухо, чисто, по формѣ. Правда, потная спина прозябла отъ пахнувшаго сквозника, и съ мокрыми до костей ноженками придется просидѣть цѣлый урокъ и еще другой урокъ до большой перемѣны; но не въ этомъ горе: послѣдняя задачка на дѣленіе не сдѣлана,—что если учитель вызоветъ къ доскѣ или спроситъ тетрадку!...

Въ слободкѣ за монастыремъ, въ деревянномъ, осунувшемся домикѣ проживаетъ старая дѣва, нѣкогда знавшая кое-какое довольство, пока отецъ былъ на службѣ, а теперь, за смертью всѣхъ родственниковъ, могущихъ поддержать ее, осужденная кормиться распродажей полинялаго тряпья и воспоминаніями о добромъ, старомъ времени. Пища не сытная. Когда-то она, скорѣе скуки-ради, чѣмъ наживы, учила грамотѣ по азамъ и давала уроки французскаго языка. Съ такой педагогической подготовкой вздумала она теперь принять за свой скудный столъ нѣсколько мальчиковъ, отдаваемыхъ въ городъ на ученье бѣдными родителями изъ уѣзда. Общими крохами составится, можетъ быть, что-нибудь для всѣхъ; занимаетъ старушка двѣ комнаты; въ угловой, довольно просторной и свѣтлой, помѣщаются пансіонеры; жесткій диванчикъ, столъ, поломанное кресло да нѣсколько стульевъ и большой сундукъ—вся мебель; другая, тѣсная коморка служитъ ей спальней. Когда есть у нея что́ сварить, хозяйка дома дѣлится съ ней своей кухней. Бывало, въ ея залѣ—девяти аршинъ на семь—живало до четырехъ гимназистовъ; всячески усердствовала для нихъ добрая старушка: и грамматику русскую превзошла, и съ четырьмя дѣйствіями сладила надъ цѣлыми числами, и пиѳагорову таблицу вызубрила, и латинскія вокабулы затвердила,—и педантично слѣдила за ихъ работою. Но теперь времена плохія, и всего у нея одинъ мальчикъ. Высокій, худощавый парень лѣтъ 16-ти, съ впалою грудью, съ блѣдными щеками, примостился, вмѣсто кровати, на большомъ сундукѣ; завернувшись въ изношенное ваточное одѣяло, и, подпершись на локоть, читаетъ онъ романъ; но и занимается онъ въ той же позѣ; въ комнатѣ такъ холодно, что онъ не выходитъ изъ-подъ теплаго одѣяла и кое-какъ спасаетъ на сундукѣ ноги отъ холодной тяги изъ-подъ пола. Старушка суетится и хлопочетъ по тѣсной квартирѣ больше, кажется, для того, чтобъ самой согрѣться, чѣмъ по нуждамъ хозяйства, доведеннаго до минимума недостаткомъ средствъ.

Digitized by Google

— Алёша, брось эту книжку,—займись дѣломъ,—ворчитъ она изрѣдка, проходя мимо его ложа.

— Накормите сперва, Арина Васильевна: съ голоднымъ желудкомъ какая работа на умъ пойдетъ.

— Я тебѣ чайку заварю, Алёша.

— Третій день вы чаемъ поите: нѣчего сказать,—куда какъ сытно!

Молчаніе.

— Ты отъ матери письмо получилъ, Алёша?

Юноша кивнулъ головой.

— Что же она пишетъ?

— Для васъ—ничего.

Опять минута молчанія, и вполголоса, какъ-то робко, будто боясь своего блѣднаго жильца, старушка прошептала:

— А про деньги—также ничего?.. Вѣдь второй мѣсяцъ я отъ васъ не получала... когда васъ нѣсколько было—другое дѣло: я могла подождать, и рада была подождать; ну, а теперь, самъ знаешь, Алёша, какъ тяжело мнѣ приходится.

— А мнѣ легче, что-ль?—рѣзко отзывается парень, и судорожная улыбка скривила ротъ.—Пишетъ мать: у нея денегъ нѣтъ; вотъ займетъ у дьячка, или продастъ хлѣбъ, и вышлетъ вамъ; да еще надо въ гимназію внести. Сперва туда, конечно,—прибавилъ онъ про-себя,—не то исключатъ; а намъ хоть послѣ; поголодаемъ—съ голоду не умремъ.

— Я схожу праздничкомъ къ директору, Алёша, попрошу его—авось освободятъ тебя отъ платы.

— Не безпокойтесь, я и самъ просилъ. Далеко кулику до Петрова дни! Ты, молъ, 12-мъ въ классѣ, а Ивановъ восьмымъ, и мы его не могли еще освободить.

— Учись лучше, тебя освободятъ,—пробормотала совсѣмъ ужъ сквозь зубы старушка.

— И директоръ ту же пѣсню! Лучше учиться! Да дайте поѣсть: какъ стянетъ желудокъ голодомъ, отъ Цицерона легче не станетъ.

Молча достала старушка свою шкатулку, пересчитала послѣдній рубль и, взявъ изъ него три копѣйки, вышла за хлѣбомъ, несмотря на вьюгу, которая замела ихъ пустынный проулокъ и чуть не сшибла ее съ перекосившагося подъѣзда...

У мѣдника Шварца небольшая мастерская, но дѣла его идутъ хорошо; держитъ онъ одного подмастерья, не забирается заказами, поспѣваетъ со всѣмъ во́ время, работаетъ добросовѣстно и составилъ себѣ въ городѣ репутацію честнаго и аккуратнаго че-

Digitized by Google

ловѣка, которымъ всѣ довольны. Не то у него дома. Жена, мать да работникъ—вся семья; всякому дано свое дѣло и со всякаго оно взыскивается съ неумолимой строгостью. Жена занимается шитьемъ и все хозяйство лежитъ на старухѣ-матери, и той спуску не будетъ, если обѣдъ не во́ время готовъ или не пришелся по вкусу хозяину. Недавно только завелся у нихъ новый работникъ. Десятилѣтній мальчикъ прибѣжалъ изъ деревни босикомъ въ городъ—учиться, молъ; нѣсколько времени проживалъ милостыней и, наконецъ, попалъ въ этотъ домъ на хлѣбъ къ дворнику, который пріютилъ его у себя Христа-ради. Но малый былъ не лѣнивъ. Самъ напросился онъ работать къ Шварцу, изъ-за одного корма и угла, лишь бы дозволили ему, если онъ поступитъ въ гимназію, отлучаться въ учебные часы изъ мастерской. Подошелъ августъ; мальчикъ выдержалъ экзаменъ; добрые люди, изъ учителей, сколотили сколько-нибудь, чтобы заплатить за ученье и сшить мундиръ. Каждое утро въ 5 часовъ парень на ногахъ, дуетъ мѣхомъ у горна или таскаетъ дрова и воду на хозяина; въ классное время его отпускаютъ въ гимназію; послѣ спѣшнаго обѣда опять работа въ мастерской до 6-ти часовъ. Готовить уроки онъ можетъ въ общей комнатѣ, гдѣ живутъ всѣ Шварцы, которые спокойно продолжаютъ при немъ свои работы и разговоры; ему отведенъ подоконникъ вмѣсто письменнаго стола; часть зимы разбитое стекло замѣнено было листомъ толстой бумаги. Но когда семья ложится спать, часу въ девятомъ, огонь тушится, и мальчику дозволено, какъ великая милость, въ награду за усердную работу, собирать огарки и отправляться съ ними къ своему пріятелю-дворнику, додѣлывать у него въ каморкѣ недоконченныя задачи.

Пять лѣтъ прожилъ бѣдняга такимъ образомъ, не отставая отъ товарищей, пока, при переходѣ въ 6-й классъ, сжалившееся надъ нимъ начальство не приняло его пансіонеромъ на казенный счетъ.

IV.

Важность теплаго и сухого помѣщенія для скота и правильной, своевременной и достаточной дачи корма давно уже не составляютъ спорнаго вопроса въ скотоводствѣ. Что отъ этихъ условій, равно какъ и отъ состава корма, зависитъ здоровье, развитіе, рабочая способность и достоинство скота—въ этомъ никто уже не сомнѣвается. Но наибольшую важность имѣетъ это относи-

Digitized by Google

тельно молодыхъ экземпляровъ. Составъ и количество корма, даваемаго въ извѣстномъ возрастѣ, имѣетъ рѣшительное вліяніе на развитіе то скелета, то мускуловъ, то другихъ частей организма, а слѣдовательно и на будущія его качества и способности; смотря по воспитываемой породѣ, ея назначенію и цѣлямъ скотовода, уходъ и кормъ должны измѣняться въ извѣстной постепенности и системѣ; упущенное въ этомъ возрастѣ невознаградимо уже никакими стараніями, ни средствами во всю жизнь животнаго. Это извѣстно всякому серьёзному скотоводу.

Ученые педагоги этого знать не хотятъ.

Неужели классическаго изреченія, поставленнаго эпиграфомъ настоящей статейки, мало для ихъ убѣжденія? Неужели они не признаютъ связи между нравственными и физическими силами человѣка и взаимнаго вліянія ихъ другъ на друга? Неужели они сомнѣваются въ томъ, что неправильное питаніе, жизнь въ лишеніяхъ, безъ свѣта, среди смрада и копоти, что простуды, холодъ и голодъ не такія условія, среди которыхъ могъ бы развиться здоровый организмъ? Что отъ всего этого ослабнетъ зрѣніе, зачахнетъ грудь, явятся, въ 14 лѣтъ, ревматизмы, пострадаетъ кровообращеніе? что послѣдствіями будетъ разстройство нервной системы? что, наконецъ, здѣсь сѣются сѣмена озлобленія противъ общественнаго строя и зависти къ тѣмъ, кому судьба не опредѣлила пройти эту тяжелую школу?

Итакъ, результатомъ этого, конечно, не устроеннаго нами, но безспорно допускаемаго нами физическаго воспитанія значительнаго числа дѣтей является въ 16 лѣтъ больной, слабый и недоразвившійся организмъ, съ разстроенной нервной системой, съ болѣзненной воспріимчивостью, безъ силъ противодѣйствовать внѣшнимъ вліяніямъ, ни физическимъ, ни нравственнымъ. Черезъ 3—4 года эти юноши явятся въ столицу для поступленія въ высшія учебныя заведенія, и попадутъ въ среду, гдѣ ихъ ожидаетъ новая нищета, а ихъ нервную систему—новыя потрясенія. Мудрено ли, что болѣзненная натура не найдетъ въ себѣ силъ для отпора внѣшнимъ вліяніямъ, не съумѣетъ овладѣть своими впечатлѣніями и хладнокровно отнестись къ новымъ для нея явленіямъ? Мудрено ли, что ее умчитъ въ водоворотъ, что она отдастся съ увлеченіемъ новизнѣ, особенно когда услышитъ въ ней малѣйшій намекъ на прожитую, слишкомъ памятную нищету и на возможность спасти отъ нея слѣдующія поколѣнія, хотя бы цѣною тѣхъ или другихъ жертвъ?

Сравните двухъ юношей: нервную натуру, выросшую среди лишеній, горя и бѣдъ, и здоровую, коренастую личность, спо-

Digitized by Google

койно, безъ помѣхъ совершившую свое физическое развитіе. Которая изъ нихъ легче поддается современнымъ увлеченіямъ? И не потому они такъ расходятся между собой, что сытый голоднаго не разумѣетъ, или чтобы одно страданіе учило человѣка состраданію, а потому, что у одного впечатлительность не столь болѣзненно развита, какъ у другого, что онъ объективнѣе и самостоятельнѣе относится къ окружающей средѣ.

Mens sana in corpore sano. Правильное питаніе въ отрочествѣ и юношествѣ и устраненіе всякихъ физически вредныхъ условій необходимо создаетъ болѣе здоровый и крѣпкій организмъ, который будетъ лучше передавать внѣшнія впечатлѣнія и легче справляться съ рефлексами.

Подобную разницу легко замѣтить въ томъ же человѣкѣ въ разные періоды его жизни, отдѣленные другъ отъ друга не столько временемъ, сколько перемѣной въ его средствахъ и положеніи. Съ удовлетвореніемъ требованіямъ организма успокоивается нервная система и устраняется болѣзненное отношеніе къ внѣшнему міру. Говорятъ, что человѣкъ сталъ филистеромъ, относятся къ нему съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, чуть не отпѣваютъ его. Бываютъ, конечно, случаи, что эгоизмъ беретъ верхъ и, удовлетворившись самъ, не желаетъ страдать чужими печалями; но далеко не всегда такъ. Гораздо чаще не сердце человѣка измѣняется, а перестаетъ онъ глядѣть на міръ сквозь очки своихъ собственныхъ страданій, и объективнѣе, а слѣдовательно вѣрнѣе цѣнитъ его. Но пока организмъ, возстановленный лучшей пищей и извѣстнымъ, относительнымъ комфортомъ, не изгладитъ въ себѣ всякихъ слѣдовъ прежняго изнуренія, до тѣхъ поръ онъ будетъ такой же легко подвижной волной, какъ европейскій рабочій-пролетарій, съ его только насущнымъ хлѣбомъ, поддающійся на всякій сладкій обманъ, на всякое лживое или легкомысленное слово, обѣщающее ему земное блаженство.

V.

Если изъ всѣхъ этихъ соображеній хоть часть основательна и матеріальное содержаніе учащихся въ дѣтствѣ и юношествѣ можетъ имѣть рѣшительное вліяніе на впечатлительность взрослаго организма и на разумность ихъ будущаго направленія, то здѣсь является вопросъ первостепенной важности. Спокойствіе—не скажу государства, для котораго эти движенія имѣютъ столь же мало значенія, сколько сами по себѣ они имѣютъ мало смысла—

Digitized by Google

спокойствіе общества, конечно, оправдаетъ даже крупныя пожертвованія для устраненія нищеты между воспитанниками среднихъ учебныхъ заведеній. Частная благотворительность тутъ непричемъ. Ея средства слишкомъ ничтожны и, главное, слишкомъ непостоянны, притокъ ихъ не довольно равномѣренъ и правиленъ. Нужна правительственная помощь, и — какъ намъ кажется — можно было бы обратиться къ спеціальнымъ средствамъ учебныхъ заведеній. Плата за ученіе, получаемая въ среднихъ и низшихъ училищахъ, судя по числу учащихся, должна доставлять казнѣ, по крайней мѣрѣ, милліонъ рублей, а, вѣроятно, и нѣсколько болѣе. Суммы эти имѣютъ опредѣленное назначеніе, данное имъ отчасти правительственными распоряженіями, отчасти самимъ начальствомъ учебныхъ заведеній. Онѣ идутъ на содержаніе восьмыхъ и параллельныхъ классовъ, на пополненіе библіотекъ и физическихъ кабинетовъ, на добавочное жалованье учителямъ и хозяйственные расходы по училищамъ; извѣстный процентъ отчисляется на составленіе при министерствѣ капиталовъ, на содержаніе параллельныхъ отдѣленій и пенсіоннаго — для приходскихъ учителей, — затѣмъ, на содержаніе ученаго комитета; часть отчисляется въ финансовую смѣту, т.-е. на покрытіе штатныхъ расходовъ по содержанію заведеній, и засимъ остатки идутъ на пособіе служащимъ и учителямъ, а также бѣднымъ ученикамъ; послѣднимъ, конечно, достается несравненно менѣе, чѣмъ первымъ.

Перечень этихъ расходовъ указываетъ, что на эти суммы, по бо́льшей части либо содержатся учрежденія, какъ ученый комитетъ и восьмые классы гимназій, входящіе какъ необходимые элементы въ общую организацію учебнаго вѣдомства, либо удовлетворяются потребности, существенныя для заведеній, какъ пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и покрытіе хозяйственныхъ нуждъ. Насколько эти расходы необходимы, они, казалось бы, должны быть обезпечены совершенно независимо отъ бо́льшаго или меньшаго притока учащихся. Поэтому было бы и проще и правильнѣе (по нашему крайнему разумѣнію) — отнести большинство этихъ расходовъ (кромѣ пособій и образованія капиталовъ — насколько они нужны) прямо на смѣту министерства и обратить въ кассу его или въ государственное казначейство извѣстную сумму изъ сбора съ учащихся, въ размѣрѣ, напр., половины его настоящаго итога, давъ остальной части дѣйствительно спеціальное назначеніе источника на пособія служащимъ (учителямъ) и бѣднымъ ученикамъ, хоть поровну, и отчисливъ небольшую сумму въ распоряженіе самихъ заведеній на мелочныя нужды, которыхъ предвидѣть нельзя и которыя между тѣмъ постоянно воз-

Digitized by Google

никаютъ въ училищахъ. Долю, отчисляемую на пособіе служащимъ и учителямъ, можно было бы соединять по округу въ одну сумму, распредѣляя ее уже соотвѣтственно численности личнаго состава въ заведеніяхъ. Распредѣленіе же пособія между нуждающимися учениками или совершенное освобожденіе ихъ отъ платы—прямое дѣло педагогическаго совѣта, которому слѣдовало бы предоставить увольнять отъ платы за ученье не 10% а цѣлыхъ 80% числа учащихся. Предполагая, что вслѣдствіе этой послѣдней льготы общій итогъ сбора уменьшится на 20%, можно разсчитывать на сумму отъ 150 т. до 200 т. руб. для пособія бѣднымъ ученикамъ; такой суммы вмѣстѣ со средствами благотворительныхъ обществъ, уже не отвлекаемыми на самыя заведенія, вѣроятно, хватитъ на то, чтобъ вырвать большинство дѣтей изъ нищеты и оградить ихъ отъ лишеній, отъ которыхъ они теперь страдаютъ; особенно если удастся на эти средства устроить общія квартиры, общія столовыя, склады учебныхъ книгъ, пособій и припасовъ для продажи по удешевленнымъ цѣнамъ, и пр.

Отчисляя только полъ-сбора (и притомъ уменьшеннаго на 20%) въ финансовую смѣту и обращая на нее всѣ текущіе, нормальные расходы по содержанію заведеній въ полномъ ихъ составѣ и другихъ учрежденій по учебному вѣдомству, надо имѣть въ виду, что придется эту смѣту пополнить изъ общихъ средствъ государства, можетъ быть, еще на полъмилліона. Но въ виду достигаемой цѣли, такой расходъ не будетъ разорителенъ для Россіи, и общество не только легко примирится съ нимъ, но даже приметъ его съ благодарностью.

Само собой разумѣется, что и обществу дремать тутъ нѣчего; если оно пойметь вредъ, который истекаетъ для него самого изъ лишеній, претерпѣваемыхъ дѣтьми, оно обратитъ на этотъ предметъ большую часть своихъ доброхотныхъ даяній. Спасти ребенка отъ болѣзни, зависти и озлобленія, одѣвъ и накормивъ его, подарить ему учебникъ и тетрадку, — не значитъ ли поставить передъ Господомъ ту же свѣчу, что́ передъ иконой—но свѣчу духовную, неугасимую?

VI.

Подорвавъ физическія силы дѣтей воспитаніемъ въ такой тяжелой обстановкѣ,—мы, конечно, уже сдѣлали все, чтобы укрѣпить ихъ духовныя силы, помня слово Учителя, что духъ бываетъ бодръ, хотя плоть немощна. Недаромъ же вошло въ общій почти обычай прославлять ученіе на мѣдныя деньги.

Digitized by Google

Бросаясь, какъ всегда дѣлало человѣчество, изъ крайности въ крайность, мы перешли въ преподаваніи отъ безпочвеннаго резонерства къ скудному выучиванью руководствъ. Намъ памятно время, когда 15-ти-лѣтнимъ дѣвицамъ предлагали самостоятельно разбирать характеръ Рудина, а гимназистамъ VI-го класса задавали тэмою стихи Пушкина:

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей!

И намъ суждено было дожить до поры, что въ красотахъ Овидія и въ вкрадчивой діалектикѣ Цицерона ничего не ищутъ и не видятъ, кромѣ грамматическихъ формъ и синтаксическихъ правилъ. Не станемъ входить въ оцѣнку той или другой системы, смѣнявшихся передъ нами съ памятнаго 1849 года, какъ туманныя картины волшебнаго фонаря; намъ хотѣлось бы оставаться на болѣе общей почвѣ, и, вѣроятно, мы не встрѣтимъ большихъ противорѣчій, если сравнимъ различныя мнѣнія съ качаніями маятника и будемъ искать истины въ серединѣ между ними, въ центрѣ колебаній. Во всякомъ случаѣ согласятся, что учебныя занятія должны дать молодымъ людямъ одно — умѣнье отличать въ жизни истинное отъ ложнаго, а слѣдовательно умѣнье разбирать явленія физическаго и духовнаго міра, основывая свой разборъ на усвоенныхъ въ воспитаніи правилахъ, возводя явленія къ общимъ началамъ. Но такого именно критическаго отношенія къ вещамъ не поощряетъ теперь наша школа, и невольное поклоненіе авторитетамъ развиваетъ часто, рядомъ съ озлобленіемъ къ этимъ самымъ авторитетамъ, потребность въ какихъ-нибудь другихъ, будь то человѣкъ или знамя. Такъ и вспоминаешь поученіе св. Реми, при крещеніи короля Клодвига: «жги, чему ты поклонялся, и кланяйся тому, что ты жегъ»! — И мы постоянно заняты сожиганіемъ чего-нибудь, но только для того, чтобы тѣмъ усерднѣе кланяться чему-нибудь другому. Эту потребность во внѣшней опорѣ, вполнѣ безсознательную, можно объяснить только тѣмъ, что при воспитаніи современнаго поколѣнія забыта была народная поговорка: *свой умъ — царь въ головѣ*, и что оно не пріучено, прежде чѣмъ казнить или увлекаться, отнестись со строгимъ самосудомъ къ предметамъ своей вражды или пріязни, смотрѣть на нихъ не съ точки врѣнія своихъ страстей, а по возможности объективно и съ искреннимъ желаніемъ раскрыть истину и быть справедливымъ. Такое отношеніе къ міру явленій (внутреннихъ и внѣшнихъ) развивается извѣстнымъ пріемомъ въ умственной работѣ и извѣстной свобо-

Digitized by Google

дой въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ; когда эти отношенія вдвинуты въ такія тѣсныя рамки, что приходится, не разсуждая, вычерчивать свою жизнь по трафаретѣ, — не можетъ развиться и привычка вдумываться въ эти отношенія.

Мы не брались доказывать, что наша система воспитанія не развиваетъ критическаго элемента въ юномъ умѣ; это повело бы насъ слишкомъ далеко. Мы хотѣли только выяснить свою мысль и указать свою точку зрѣнія. Sapienti sat.

Отъ умственнаго развитія перейдемъ къ нравственному. Не злоупотребляемъ ли мы нѣсколько установившимся мнѣніемъ о значеніи добрыхъ навыковъ, думая обойтись ими въ дѣлѣ воспитанія и разсчитывая на силу привычекъ, не связанныхъ ни съ какимъ болѣе могучимъ рычагомъ въ духѣ человѣка? Какъ будто навыкъ, навязанный извнѣ, однимъ давленіемъ близкаго, внѣшняго надзора,—можетъ утвердиться настолько, чтобы руководить человѣкомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, конечно, гдѣ эти навыки *удобны*, гдѣ они потворствуютъ слабостямъ или природнымъ наклонностямъ человѣка, гдѣ имъ, слѣдовательно, отвѣчаетъ эхо внутри его,—тамъ они долго сохранятъ свою силу, но потому именно, что сами находятъ въ человѣкѣ другую точку опоры; и по бо́льшей части они ограничиваютъ въ такихъ случаяхъ его кругозоръ, усыпляютъ его энергію и ласкаютъ его эгоизмъ: навыкъ пріятный или выгодный, — съ нимъ человѣкъ не разстанется. Но разсчитывать на силу привычки, чтобы будить усыпающую энергію, связать разженную страсть или бороться съ прелестью порока и соблазномъ эгоизма, — значитъ, мало знать человѣческую природу. Добрая привычка можетъ служить пособіемъ человѣку во внутренней борьбѣ тогда лишь, когда въ немъ пробуждены благородныя стремленія и живыя силы души, когда его цѣли высоко поставлены и умъ глядитъ свѣтлыми очами на міръ; когда пружины его воли не ослаблены бездѣйствіемъ или продолжительнымъ давленіемъ. Безъ всего этого, навязывая навыки одною бдительностью надзора, мы только убиваемъ самостоятельность человѣка и искусственно лишаемъ его самыхъ естественныхъ случаевъ упражнять волю. Въ теоріи—мы оберегаемъ дѣтей отъ зла; на дѣлѣ—мы творимъ людей неприготовленныхъ къ борьбѣ съ нимъ.

Задача воспитанія—всестороннее развитіе индивидуальности, такъ-сказать, роскошь ея проявленій, и въ то же время развитіе воли, всегда готовой надѣть имъ узду. Но убивать самую индивидуальность, укладывать ее на Прокустово ложе и по «уставу» отмѣрять ея побѣги, — еще не значитъ воспитывать.

Digitized by Google

Въ одномъ изъ своихъ разсказовъ, гдѣ рядомъ столько смѣху и слезъ, Щедринъ исчерпываетъ всѣ обязанности уличной полиціи двумя словами: *тащить* и *не пущать*. Не въ правѣ ли будутъ наши воспитанники обнять весь кругъ получаемаго ими воспитанія двумя же словами: *прилежаніе* и *благонравіе*? Прилежаніе «тащитъ» юношу на буксирѣ заданныхъ уроковъ и одобренныхъ учебниковъ; благонравіе не «пущаетъ» его изъ круга предписанной дисциплины и условныхъ отношеній. Чего, въ самомъ дѣлѣ отъ него требуютъ относительно ученія? Тщательнаго, добросовѣстнаго и мелочного исполненія уроковъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, безъ самостоятельной мозговой работы, на которую не хватило бы у него досуга; спросите у любого юноши, много ли остается у него времени на чтеніе, на то животворное, свободное чтеніе, которое ложится живымъ зерномъ въ почву, вскопанную и измельченную классной работой? Въ англійскихъ тюрьмахъ нѣкоторые преступники осуждены вертѣть огромное колесо (treadmill)—съ котораго сорвется всякій, не успѣвшій во время переступить съ плицы на плицу: мышцы при этомъ, конечно, безмѣрно развиваются, но съ ними вмѣстѣ и сознаніе, что вертишь колесо—и ничего болѣе. Требуется одно только—это переступать во время. Въ русской школѣ это называется *прилежаніемъ*.

А что требуется относительно поведенія? Невозмутимая скромность, безпрекословное послушаніе, граничащая съ подобострастіемъ почтительность; держать себя по предписаннымъ шаблонамъ, застегиваться на всѣ пуговицы, книги и тетради укладывать въ нормальную сумку, чувства и мысли прятать подъ нормальной улыбкой. Было время, когда учителя и воспитатели откровенно сознавались въ нѣкоторомъ невольномъ предпочтеніи шалуновъ и повѣсъ, видя въ ихъ шалостяхъ (пока они оставались въ границахъ приличія) залогъ энергической натуры. Было время, когда учителя считали обязанностью уважать своихъ учениковъ, и вызовъ въ родѣ «вторый, иже отъ печки», прощался только любимому шутнику-учителю или отпѣтому оригиналу. Теперь пальма между воспитанниками вручается тихонѣ, за его благонравіе, хотя бы даже въ молодой душѣ, какъ въ тихомъ омутѣ, заводились черти, и онъ съ юныхъ ногтей пріучался надѣвать личину скромности передъ начальствомъ.—«Ахъ, онъ пренесноснѣйшій господинъ»,—говоритъ директоръ отцу, справляющемуся о двѣнадцатилѣтнемъ сынишкѣ,— «почти каждый день по нѣсколько разъ записанъ; можете сами взглянуть»,—снисходительно прибавляетъ начальство, развертывая передъ сму-

Digitized by Google

щеннымъ родителемъ книгу судебъ — чуть не фоліантный кондуитный списокъ, гдѣ на память (кому?) вносятся ежедневно всякія прегрѣшенія маленькаго люда. Смотритъ отецъ и паки смущается: понедѣльникъ, 2-й урокъ: вертѣлся въ классѣ; — 4-й ур. — вертѣлся въ классѣ; вторникъ, 1-й ур.: разговаривалъ въ классѣ;—4-й ур. —вертѣлся въ классѣ;—среда, 3-й ур.: чихалъ въ классѣ;—четвергъ, 2-й ур.: вертѣлся въ классѣ, 3-й ур.:—разговаривалъ, и т. д. Увы! Въ самомъ дѣлѣ, какая совокупность уликъ! И какъ милостиво начальство, что оно до сихъ поръ не исключило такого негодяя!

Учитель входитъ въ классъ съ пачкой просмотрѣнныхъ тетрадей въ рукѣ. Сперва раздача, виноватъ,—разброска ихъ. Ловко мечетъ онъ (спеціально въ томъ упражнялся) тетради хозяевамъ, называя ихъ, и всякій обязанъ ловить свою; зазѣвался малый— тетрадь попала ему прямо въ носъ; и больно, и досадно, но за то въ утѣшеніе онъ слышитъ себѣ ласковое прозвище, такъ какъ весь классъ обыкновенно надѣленъ разными кличками: кто козелъ, кто волчокъ, кто сдобная булка. И чтобы не пришла кому въ голову дикая мысль серьёзно обидѣться этой педагогической шуткой, стóитъ только крѣпко держать въ памяти пословицу, что въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ.

На классной доскѣ учитель провелъ три вертикальныя черты и къ каждой (сверху) по наклонной такъ, чтобъ образовались три угла, два тупыхъ, и прямой уголъ; потомъ уперся мѣломъ въ вершину перваго.

— Шамаевъ,—вызываетъ онъ одного изъ учениковъ.

— Въ этомъ углѣ,—мы сказали,—сколько должно быть градусовъ?

— Сто пятьдесятъ.

— Подъ этимъ угломъ,—мы сказали,—надо кланяться—Петровъ—кому?

— Попечителю училища и волостному старшинѣ.

— Хорошо. А въ этомъ углу?—и мѣлокъ переходитъ въ вершину второго.

— Сто двадцать градусовъ.

— А подъ этимъ угломъ кланяться должно — Ивановъ — кому?

— Г. предсѣдателю совѣта, г. инспектору училищъ, г. предсѣдателю земской управы.

— А подъ этимъ угломъ?—мѣлокъ перескакиваетъ въ вершину прямого.

— Самымъ почетнымъ посѣтителямъ.

Digitized by Google

— Такъ-съ, — и чертежъ быстро стирается. — Петровъ, ступайте къ доскѣ, начертите сами.

Не вездѣ, читатель, удается вамъ услышать такія вещи. Но во многихъ-многихъ мѣстахъ, чтобы не сказать повсюду, въ основѣ внутренняго быта училищъ легли тѣ самыя понятія, изъ которыхъ вытекаютъ такіе порядки. Во время оно, воспитатели патріархально драли своихъ питомцевъ и чувствовали къ нимъ что-то въ родѣ привязанности; теперь положенъ предѣлъ березовому произволу, и, какъ-будто разобиженные тѣмъ, что у воспитанниковъ явились *права*, воспитатели спѣшатъ оградить свое значеніе, занявъ позицію начальства: они приказываютъ—тѣ должны слушаться, они требуютъ—тѣ должны исполнять; и такъ какъ предметомъ службы—самъ воспитанникъ, его развитіе и дѣятельность, то надъ нимъ считаютъ себя въ правѣ творить всякіе эксперименты по части приказаній и требованій. Законъ оградилъ тѣлесную личность воспитанника; онъ не могъ оградить его духовной личности, отданной вполнѣ въ чужія руки самою задачей воспитанія, въ которой цѣли и отношенія не юридическія, а только человѣческія. Если этотъ бѣглый очеркъ выхватилъ нѣсколько уродливые и, надѣемся, рѣдкіе проблески учительской фантазіи, самые проблески остаются логическимъ, хотя и крайнимъ результатомъ настоящей нашей системы воспитанія.

Впрочемъ, только одной изъ нашихъ системъ. Мы такъ ими богаты! Въ другой системѣ, напротивъ—бережно, заботливо обходиться съ воспитанниками—вотъ лозунгъ. И чего имъ не достаетъ: въ кисельныхъ берегахъ текутъ для нихъ молочныя рѣки!

Просторное, свѣтлое, теплое, хорошо вентилированное помѣщеніе; удобное платье,—превосходная пища; раздѣленіе по возрастамъ, ограждающее слабыхъ отъ обидъ; занятія по силамъ; мастерства для развитія физическихъ силъ и для полезнаго проведенія досуга,—чего больше? Заботливость воспитателей доходить до того, что они, неотлучно слѣдя за юношами, помогаютъ имъ пріятно и не безъ пользы проводить свободное время и руководятъ ими во всемъ—въ приготовленіи уроковъ, въ чтеніи, въ играхъ. Дверь между классомъ и квартирой воспитателя никогда не заперта, и если семейное начало должно быть перенесено въ многочисленное заведеніе, оно осуществлено здѣсь до крайнихъ предѣловъ возможнаго. Воспитанникамъ остается только принимать всѣ эти благодѣянія, предаваясь, какъ лодка теченію рѣки, воспитывающимъ вліяніямъ, охватывающимъ ихъ со всѣхъ сторонъ, предупреждающимъ всѣ ихъ потребности, развертывающимъ и расправляющимъ всѣ складки ихъ жизни. Затруднился

Digitized by Google

ученикъ—онъ находитъ немедленную помощь; заскучалъ мальчикъ—ему указываютъ развлеченіе въ пріятной работѣ или веселой игрѣ; засыпаетъ умъ—его будятъ и даютъ ему новую пищу; унываетъ духъ—его ободряетъ сильная рука наставника и выводитъ опять на законный путь.—А въ итогѣ?—Никогда не предоставленный самому себѣ, юноша разучился довольствоваться своими средствами и разсчитывать на свои силы; вѣчно направляемый, онъ не умѣетъ самъ поставить себѣ цѣль и самостоятельно стремиться къ ней; обереженный отъ всякаго зла, онъ не выучился ни предусматривать его, ни ограждать себя; поставленный внѣ всякихъ искушеній, онъ не приготовленъ къ борьбѣ съ ними. Недостатокъ энергіи, иниціативы, самостоятельности, отсутствіе всѣхъ качествъ, нужныхъ человѣку въ жизненной борьбѣ и составляющихъ *характеръ*, неумѣнье трудиться безъ чужой помощи—вотъ результаты такого воспитанія. Какъ яблоко, удачно сбереженное всю зиму, начинаетъ портиться, какъ скоро его перестанутъ беречь,—такъ точно эти жалкія личности, охраняемыя въ заведеніи отъ всего дурного, безсильны, когда, по выходѣ оттуда, встрѣчаются со зломъ далеко отъ своихъ оградъ, отъ замковъ, росписаній и воспитателей.

Но и въ стѣнахъ заведенія не все благополучно. Убивъ самостоятельность воспитанника, воспитатель самъ потерялъ къ нему уваженіе и не знаетъ, какъ быть при малѣйшей, случайной тѣни строптивости, противорѣчія, непослушанія. Не развивъ въ мальчикѣ тѣхъ струнъ, которыя могли бы сдерживать его порывы и на которыя дѣйствовало бы, какъ электрическая искра, одно слово о долгѣ, воспитатель самъ обезоружилъ себя передъ дѣтьми; не выучивъ ихъ управлять собой, онъ при первомъ разладѣ хватается за внѣшнія мѣры, прибѣгаетъ къ строгости, чтобъ избѣжать даже объясненій. «Вы сдѣлали то-то,—говоритъ онъ провинившемуся юношѣ,—ступайте на 2 дня въ карцеръ». Тотъ начинаетъ оправдываться: смѣю васъ увѣрить... Педагогъ:—три дня. Юноша:—позвольте сказать... Педагогъ:—4 дня. Юноша:—моя вина только... Педагогъ:—5 денъ. Слышно, будто одинъ договорился такимъ путемъ до трехъ недѣль ареста. Съ тѣхъ поръ—знаютъ и молчатъ.

Итакъ, что же мы дѣлаемъ съ молодымъ поколѣніемъ?

Мы дали организму отрока страдать отъ голода и холода, и развили въ изнуренномъ тѣлѣ нервный аппаратъ, чувствительный и безрессорный какъ осиновый листъ, дрожащій отъ всякаго дуновенія. Мы ихъ навели, запрещая читать въ классѣ, на изученіе извѣстныхъ пріемовъ, какъ нужно чесать носъ, чтобы не

Digitized by Google

чихнуть; но мы ничего болѣе не сдѣлали для образованія воли; мы уничтожили всякую индивидуальность, личную и народную, подавляя все, что брыжжетъ жизнью и сокомъ изъ неиспорченнаго, свѣжаго, крѣпкаго человѣка. И такую тщедушную личность мы окунаемъ вдругъ, безъ всякаго перехода, въ петербургскую среду, въ океанъ идей и людей, оставляя ее безъ кормила и весла среди броженія, еще не улегшагося отъ нашей собственной исторической жизни.

И вамъ угодно, милостивые государи, чтобы воспитанная вами молодежь не сбивалась съ толку въ такой обстановкѣ?

VII.

Мы старались въ первой половинѣ этихъ летучихъ замѣтокъ оцѣнить значеніе физическаго воспитанія дѣтей и вредное вліяніе нужды на развитіе ихъ организма. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи какъ для бѣдныхъ дѣтей, такъ и для тѣхъ, чьи родители не живутъ въ томъ же городѣ, гдѣ училище, ничего не можетъ быть лучше жизни въ стѣнахъ самаго заведенія. Либеральное будто бы стремленіе конца пятидесятыхъ годовъ сняло много такихъ пансіоновъ съ лица земли русской и вооружило противъ нихъ общественное мнѣніе, которое до сихъ поръ къ нимъ не благоволитъ. Почему-то укоренилось убѣжденіе, что дѣтямъ и юношамъ тамъ дурно, что тамъ научаются злу, что жизнь тамъ колеблется между угнетеніемъ и скандаломъ. Что такъ иногда бываетъ—не споримъ; что такъ и быть должно—положительно несправедливо. Если въ порядкахъ, усвоенныхъ нашими закрытыми заведеніями, и есть недостатки, то ихъ можно было исправить, не уничтожая самого учрежденія. Отчего было спѣшить, по нѣмецкой пословицѣ: das Kind, mit dem Bade ausschütten?

Бѣда, по нашему мнѣнію, въ томъ, что на закрытое заведеніе руководители его смотрятъ какъ на казарму, куда собраны солдаты ради цѣли, не касающейся ихъ личности, и гдѣ они, какъ орудіе этой цѣли, безотговорочно подчиняются всѣмъ условіямъ ея достиженія; или—какъ на служебное мѣсто, гдѣ всѣ дѣлятся на два разряда—начальниковъ и подчиненныхъ, гдѣ одни командуютъ, а другіе слушаются. Послушаніе и точное исполненіе приказаній—высшее достоинство воспитанниковъ; имъ не дозволено ни имѣть свое сужденіе, ни руководиться своими стремленіями. Однообразіе и строгая регламентація—существенныя черты заведеній; ихъ цѣль—порядокъ; всякое нарушеніе его падаетъ на нихъ

Digitized by Google

укоромъ; полное, успѣшное его соблюденіе для нихъ вѣнецъ славы. Такой взглядъ раздѣляютъ, къ сожалѣнію, многіе опытные спеціалисты. Поступая подъ ихъ управленіе, мальчикъ теряетъ свою волю, всякое право распоряжаться собой; онъ долженъ вполнѣ слѣдовать указаннымъ порядкамъ, обнимающимъ всю его дѣятельность, распредѣляющимъ все его время; онъ долженъ все дѣлать какъ другіе и вмѣстѣ съ другими; его личность теряется въ классѣ, какъ еще недавно личность солдата терялась въ шеренгѣ. Сверху до низу, сначала до конца — одного характера правила, примѣняемыя съ одинаковою строгостью къ малому и большому, стоя цѣлый день на сторожѣ, начальники облегчаютъ свою, правда, тяжелую отвѣтственность оптовыми распоряженіями, вводящими всѣхъ въ одну, легко контролируемую рамку. Индивидуальность воспитанника тутъ ни при чемъ; онъ единица въ длинной выкладкѣ; онъ субъектъ, на которомъ демонстрируется доброкачественность заведенія; и такъ какъ въ сущности онъ получаетъ благодѣяніе, то онъ и долженъ быть за то благодаренъ и выражать это чувство въ машинальной аккуратности, облегчающей трудъ и заботы благодѣтельнаго начальства.

При этомъ совершенно забывается, что суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы,—что цѣль заведенія—дѣти, въ немъ воспитывающіяся, и что воспитаніе ихъ состоитъ не въ безукоризненности ихъ поведенія въ стѣнахъ училища, а въ ихъ пригодности и способности къ свободной жизни, когда они покинутъ его; что учителя и воспитатели всѣмъ синклитомъ своимъ существуютъ только для дѣтей, имѣютъ смыслъ только какъ слуги ихъ, и должны служить имъ добрыми пастырями, не наемниками. А пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы и не наказываетъ ихъ за непослушаніе, а, напротивъ, уходитъ искать заблудшую овцу и на своихъ плечахъ приноситъ ее домой; за то овцы знаютъ его и слушаютъ его голоса. Не такъ ли и дѣти?—Какъ смѣшонъ былъ бы пастухъ, вообразившій себя начальствомъ въ своемъ стадѣ,—столь же смѣшонъ учитель, корчащій изъ себя начальника надъ учениками,—смѣшенъ и гнусенъ [1]).

Благочестіе, честность, трудолюбіе, патріотизмъ и уваженіе къ закону и власти—вотъ, кажется, чувства и качества, коихъ развитіе входитъ въ нашу воспитательную программу. Достигать ихъ

---

[1]) Пастыри добрые, говорилъ намъ по этому поводу человѣкъ, искушенный жизнью, пастыри добрые кончаютъ всегда очень плохо, сила солому ломитъ. — Неужели онъ правъ?

Digitized by Google

стремятся нынѣ тѣмъ, что пріучаютъ въ нихъ посредствомъ строгихъ порядковъ, устанавливаемыхъ многочисленными правилами; цѣль оныхъ постоянно прививать дѣтямъ добрыя привычки, пріучать ихъ правильно думать, хорошо чувствовать, точно исполнять, прилежно работать, съ вѣрою молиться, съ любовью слушаться, съ преданностью служить. Намъ кажется, что всему этому можно учить только примѣромъ; будутъ наставники сами благочестивы, трудолюбивы, честны, будутъ они любить свое отечество, — такими же станутъ ученики ихъ, сами собой, безъ приказа и принужденія. Успѣхъ въ этомъ отношеніи зависитъ исключительно отъ личнаго состава учителей и ихъ личныхъ достоинствъ. Заведеніе можетъ поставить себѣ, какъ объективную цѣль—только развитіе ума и сообщеніе познаній, только развитіе характера и укрѣпленіе воли. Но для этого оно должно оторваться отъ понятій о начальствѣ и подчиненныхъ, отъ юридическихъ и служебныхъ отношеній между учащими и учащимися.

Человѣкъ созданъ жить въ семьѣ и въ обществѣ, не въ департаментѣ или канцеляріи; семья и общество должны быть первообразами воспитательнаго заведенія.

Щенокъ на дворѣ, теленокъ въ полѣ, какъ скоро они перестаютъ питаться материнимъ молокомъ, являются полноправными гражданами псарни и стада, дѣлять со всѣми старшими корм, дѣятельность, удовольствія и опасности. Человѣкъ не такъ скоро совершенствуется; условія его жизни и отношенія къ человѣческому роду усложняются лишь мало-по-малу. Мать и отецъ, кормилица, няня — вотъ сперва весь его міръ. Онъ подростаетъ,— являются учитель и товарищи, учебникъ и тетради, игры и драки; но всѣмъ этимъ заботамъ конецъ съ закатомъ солнца, и предусмотрительность не простирается далѣе будущаго класса, или ближайшаго праздника. Мальчикъ, можетъ быть, терпитъ отъ нужды, но не борется съ ней; отвѣтственности за другихъ онъ не знаетъ. То и другое достается уже иногда на долю юноши; у него является лица, на которыхъ онъ работаетъ; но семьей и работой замыкаются его общественныя отношенія. Выросъ человѣкъ — общественныя обязанности и права, вся пестрая сѣть общественныхъ отношеній опутываетъ его. Съ кругомъ дѣятельности растутъ его силы и усилія, предлагаются новыя задачи его разсудку и характеру, и чѣмъ сложнѣе эти задачи, тѣмъ болѣе у него нравственной свободы для разрѣшенія ихъ. Въ этомъ постепенномъ развитіи и усложненіи внѣшней обстановки человѣкъ постепенно знакомится со зломъ, сперва въ болѣе простыхъ и наивныхъ формахъ, потомъ въ ослѣпляющей и замысловатой

Digitized by Google

формѣ страстей и софизмовъ. Постепенность эта сохраняетъ человѣка всегда на уровнѣ съ жизнью, упражняя его силы и развивая ихъ соотвѣтственно новымъ задачамъ жизни, укрѣпляя его нравственные инстинкты и выводя изъ нихъ новыя побужденія къ борьбѣ со вновь представляющимися искушеніями.

Мать или няня — его первые руководители. Ихъ ласка и страхъ потерять ее, страхъ передъ божинькой, висящимъ высоко въ углу и видящимъ оттуда всякія шалости, даже въ темной комнатѣ — вотъ всѣ охраны и такъ-сказать тормаза въ незатѣйливой обстановкѣ ребенка. Не смѣняя ихъ, присоединяется къ нимъ дѣтская, потомъ юношеская дружба, одинъ изъ самыхъ могучихъ и чистыхъ рычаговъ въ нашей духовной жизни. Затѣмъ, поочереди, являются нашими дѣйствительными наставниками — старшіе товарищи, потомъ зрѣлые люди; и какъ вліяніе матери заронило и упрочило въ насъ начала религіозныя и семейныя, такъ эти наставники раскрываютъ намъ и человѣческіе идеалы и законы общественнаго строя. Подъ ихъ вліяніемъ и въ связи съ окрѣпшими и созрѣвшими умомъ, совѣстью и темпераментомъ, укладываются въ насъ всѣ добрыя преданія, выработанныя общественной и народной жизнью. И черезъ всѣ эти формы красной нитью тянется — кому дано это счастье — вліяніе отца, изъ товарища дѣтскихъ игръ ставшаго руководителемъ и потомъ другомъ. Ласка матери, привязанность къ товарищу, уваженіе къ человѣку — вотъ три элемента, морализующіе человѣка. Религія, идеалы и чувство долга — вотъ три рычага, двигающіе его къ добру. Они, конечно, являются не другъ послѣ друга, а зачатки ихъ скрыты въ самомъ человѣкѣ и развиваются въ немъ постепенно съ самаго дѣтства; но есть извѣстная преемственность въ той силѣ, съ которою они охватываютъ его существо и въ значеніи, которое они получаютъ для него въ разные сроки его жизни.

Такую же постепенность должно бы соблюдать въ условіяхъ, которыми мы искусственно окружаемъ дѣтей и юношей. Изъ подъ вліянія семьи пускай переходятъ они подъ вліяніе товарищей и, по мѣрѣ собственнаго созрѣванія, сближаются съ зрѣлыми людьми. Это все сдѣлается само собой: не надо только мѣшать. Пускай изъ простого, узкаго круга семьи — заключающаго въ себѣ зачатки важнѣйшихъ элементовъ общественной жизни — богатый уже ими мальчикъ переходитъ въ училище, гдѣ кругъ товарищей явится шире, представитъ сложнѣйшее общество, гдѣ новыя отношенія разовьютъ новыя стороны характера и вызовутъ къ жизни новыя стремленія и силы. Но и этотъ

Digitized by Google

кругъ окажется, съ годами, тѣсенъ, бѣденъ содержаніемъ (хотя не сполна еще исчерпаннымъ), и нѣсколько времени взрослый юноша останется между этимъ кругомъ и настоящимъ обществомъ, не принадлежа сполна ни тому, ни другому, черпая въ одномъ силы, присматриваясь и знакомясь съ другимъ. Онъ понемногу ускользнетъ изъ-подъ вліянія училища, какъ ускользнулъ гимназистъ перваго класса изъ-подъ домашняго вліянія. Наконецъ, съ достиженіемъ зрѣлости, онъ переноситъ въ дѣйствительное общество свою мысль и дѣятельность.

Соотвѣтствуетъ ли такой постепенности характеръ общественнаго воспитанія?

Надъ всѣмъ строемъ нашихъ учебныхъ заведеній витаетъ одна мысль или, вѣрнѣе, одно чувство: страхъ, какъ бы въ училищѣ не завелась общественная жизнь, какъ бы въ немъ не выросъ духъ, не установилась связь между старшими классами и младшими. Наше старческое поколѣніе настолько испорчено, что ему непонятна уже чистота и святость дружбы между мальчиками разныхъ возрастовъ, непонятна воспитательная сила, съ одной стороны, сознанія старшимъ его обязанности охранять слабѣйшаго и его нравственной отвѣтственности за духовное развитія младшаго; съ другой стороны, безотчетнаго и безграничнаго довѣрія, съ которымъ мальчикъ обращается къ старшему товарищу, увѣренный въ его сочувствіи и вѣря въ его силу и опытность, съ какимъ онъ никогда не можетъ обратиться къ наставнику [1]). Все это намъ чуждо и страшно, какъ узоры надписи надгробной на непонятномъ языкѣ. Одно чувство овладѣло нами и ослѣпило насъ: недовѣріе къ молодому поколѣнію, выросшее (другой почвы ему быть не могло) на утраченномъ нами уваженіи къ самимъ себѣ.

Достигли мы, конечно, двухъ результатовъ: разорвали связь между всѣми поколѣніями и въ школѣ и въ жизни; каждое живетъ про себя. Мы сняли чувство отвѣтственности съ юношей 15—18 лѣтъ и лишили ихъ законной доли ихъ участія въ общественной жизни. Кто въ барышахъ?

Потерявъ сходство съ обществомъ, училище пріобрѣло сходство не то съ казармой, не то съ купеческой конторой. Мысль изгнана изъ отношеній между людьми — ее замѣнили правила; вмѣсто воспитателей—является начальство; вмѣсто чувства долга—исполненіе инструкціи; вмѣсто живого училищнаго преданія —

---

[1]) Насъ упрекнутъ въ идеализаціи. Оградимъ себя примѣромъ практическаго Альбіона, воспитавшаго на такихъ идеальныхъ началахъ.

Digitized by Google

послѣдній циркуляръ, дополняющій разъясненіе къ 70-му пункту 999-ой статьи изданнаго за шесть недѣль положенія. Училище открываетъ каждому ученику счетъ по правиламъ двойной бухгалтеріи: со счета его пишутся выученные уроки, написанныя задачи, — терпѣливое снесеніе начальническаго произвола и во всемъ презентабельная наружность; за счетъ его пишутся отмѣтки, которыми расплачивается начальство, и проступки противъ «ихъ» приказаній, «ихъ» авторитета, «ихъ» регламентовъ. Каждый мѣсяцъ и каждый годъ сводятся эти итоги и результатъ ихъ грозно, безмолвно и неумолимо встаетъ передъ ученикомъ; получить разсчетъ согласно балансу — вотъ все, что̀ ему остается.

О, тѣнь Песталоцци!

Недостаетъ одного: не дошли до записи добродѣтелей. Это пока остается на долю французскимъ и другимъ лицеямъ. Но мы не отчаиваемся.

Пока эти порядки, множащіеся и ростущіе со временъ Гостомысла, при которомъ — по его собственному свидѣтельству — не было ихъ ни единаго, останутся царить въ нашихъ училищахъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что семья будетъ бѣжать отъ закрытыхъ заведеній — какъ бѣсъ отъ ладана. А между тѣмъ, гдѣ же мальчику найти себѣ такое спокойствіе? И неужели въ самомъ дѣлѣ понятіе о бухгалтеріи, какъ воспитательномъ пособіи, неразрывно связано съ самымъ понятіемъ объ учебномъ заведеніи?

Но какъ же, спросятъ насъ, понимаемъ мы закрытое учебное заведеніе?—Если мы до сихъ поръ записывались въ расколъ, какъ бы теперь не впасть въ ересь.—По нашему мнѣнію, учебное заведеніе закрытое есть только пріютъ для мальчиковъ, почему-либо лишенныхъ родительскаго крова, пріютъ — гдѣ дѣти согрѣты, одѣты, накормлены и гдѣ они могутъ, безъ нужды и матеріальныхъ заботъ, учиться и развиваться, пока не окрѣпнетъ ихъ организмъ. Для ученія нужна мысль; для развитія нужна жизнь: нѣтъ мысли, ни жизни безъ свободы. *Дать такую свободу въ возможно бо́льшой мѣрѣ*—вотъ условіе успѣха закрытаго учебнаго заведенія.

Всякая группа людей подходитъ подъ одинъ изъ двухъ типовъ — семьи или общества; а такъ какъ главные представители семьи—отецъ и мать—въ училищѣ незамѣнимы, то по-неволѣ приходится ему приближаться не къ семейному, а къ общественному типу. Въ самомъ воспитаніи подъ родительскимъ кровомъ семья уже начинаетъ уступать мѣсто товариществу; тѣмъ менѣе можетъ быть семейное начало выдержано въ заведеніи, гдѣ нѣтъ

Digitized by Google

его главныхъ элементовъ. Но это, конечно, не причина вносить туда типъ служебной жизни, и узаконенныя, оффиціальныя отношенія между чуждыми другъ другу людьми, какія существуютъ тамъ, гдѣ люди собраны какъ работники для исполненія общаго дѣла, лично ни до кого изъ нихъ не касающагося. Училищу указана прямая цѣль; ее составляютъ сами воспитанники. Ихъ собрали сюда съ тѣмъ, чтобъ ихъ воспитать, т.-е. дѣтей, взятыхъ отъ мамокъ и нянекъ, пріучить къ свободѣ и самостоятельности. Чѣмъ пріучить—какъ не той же свободой и самостоятельностью, ограничивая ее сперва такой обстановкой, чтобъ она была безвредна, и постепенно допуская ее въ тѣмъ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ шире раздвигаются рамки жизни. Пускай создается маленькое общество съ своими бурями и волненіями, огражденное, самыми условіями своего существованія, отъ нужды и отъ преступленія. Пускай въ этомъ обществѣ каждый самъ отыщетъ свое мѣсто и установитъ свои отношенія; пускай каждый пользуется свободой настолько, чтобъ для него могли возникать посильныя искушенія, ошибки и нравственная отвѣтственность; съ борьбой явятся и средства къ ней—осмотрительность, чувство долга и сила воли. Ихъ рождаетъ не долгая привычка по необходимости дѣлать указанное, а привычка добровольно и по собственному почину согласовать свои дѣйствія и желанія съ голосомъ совѣсти и указаніемъ закона,—привычка, основанная на развитіи въ человѣкѣ положительныхъ духовныхъ силъ и высокихъ идеаловъ. Борьба съ товарищемъ, потребность оградиться отъ него, желаніе помочь ему,—вотъ почва, на которой развивается характеръ. Треніе между личностями—одно изъ сильнѣйшихъ воспитательныхъ средствъ, и представляетъ наибольшую возможность воспитателю наблюдать за дѣтскимъ характеромъ и направлять его развитіе.

Разница между школой и жизнью та же, что между плаваньемъ въ открытомъ морѣ или вдоль безопаснаго берега, гдѣ можно найти убѣжище отъ всякой бури. Для открытаго моря человѣку данъ компасъ, для жизни—разумъ и совѣсть; пользоваться ими мы учимся въ виду берега, въ стѣнахъ школы. Но для того, чтобъ этому выучиться, надо самому управлять своей ладьей, а не плыть на пароходѣ досужимъ пассажиромъ, ввѣрившись капитану и лоцманамъ.

Digitized by Google

VIII.

Постараемся выразить въ нѣсколькихъ короткихъ сужденіяхъ тѣ начала, которыхъ должно держаться, и условій, въ которыхъ должно стоять всякое учебное заведеніе, какъ скоро оно ищетъ воспитательныхъ цѣлей. Читатель извинитъ насъ, если найдетъ въ этихъ выводахъ разрѣшеніе и такихъ вопросовъ, которыхъ мы не касались въ статьѣ; она и такъ уже приняла слишкомъ обширные размѣры. Легко отъ источника идти по теченію ручья, и кто раздѣляетъ наши основныя воззрѣнія, безъ труда прослѣдитъ послѣдніе выводы изъ нихъ.

1. Школа получаетъ ребенка подневольнаго, изъ нея выходитъ человѣкъ свободный; ея задача—приготовить человѣка къ свободѣ. Это и называется воспитаніемъ. Какъ нельзя выучить пользоваться орудіемъ, не давая его въ руки, такъ нельзя выучить пользоваться свободой—отказывая въ ней. Пользоваться свободой и значитъ упражнять свою волю.

2. Одни добрыя привычки, не основанныя на чувствѣ правды и долга и не освѣщенныя сознаніемъ, не спасутъ человѣка отъ паденія. Поэтому воспитаніе не можетъ ограничиться однимъ внѣшнимъ привитіемъ добрыхъ привычекъ.

3. Ученики передъ учителемъ дѣйствительно существа слабѣйшія, къ которымъ онъ поэтому можетъ обращаться съ лаской и снисходительностью, но къ которымъ онъ *долженъ* относиться съ *уваженіемъ*—«яко ангели ихъ вину видятъ лице Отца вашего небеснаго».—Уваженіе учителей къ ученикамъ пробудитъ въ старшихъ и болѣе развитыхъ ученикахъ уваженіе къ самимъ себѣ и будетъ служить лучшей уздой для ихъ слабостей и порывовъ.

4. Личность ученика должна быть ограждена, не только отъ произвола учителей, но и отъ случайностей въ обращеніи съ ними. Чувства справедливости и уваженія къ закону существуютъ только въ томъ, кто самъ былъ огражденъ ими и на себѣ испыталъ ихъ благотворное дѣйствіе; юношество придетъ къ этому только тогда, когда оно опытомъ всей школьной жизни убѣдится въ выгодахъ справедливости и законности лично для каждаго, а слѣдовательно и для цѣлаго общества.

5. Общія стѣсненія, налагаемыя на учениковъ, должны имѣть въ виду не облегченіе учителей и не внѣшній обликъ заведенія, а пользу самихъ учениковъ, и стоять не на полицейскихъ и юридическихъ, а на педагогическихъ основаніяхъ.

Digitized by Google

6. Поэтому дисциплинарныя требованія должны явственно измѣняться съ возрастомъ учениковъ; правила, нужныя, чтобъ дѣти, скученныя, не передрались и не ушибли другъ друга, излишни для старшихъ; нужныя для дѣтей, еще не умѣющихъ управлять собой, вредны для юношей, у которыхъ развилось сознаніе долга и чувство чести. Чѣмъ старше ученикъ, тѣмъ болѣе онъ въ правѣ ожидать довѣрія и свободы. Во всякомъ случаѣ надо избѣгать, чтобъ выпускной экзаменъ и торжественный актъ становились порогомъ между совершенно различными мірами, между тюрьмой и волей.

7. Училище не должно отрывать мальчика отъ семьи, ни унижать семьи въ его глазахъ; оно должно стоять между семьей и обществомъ, соединяя задушевность и безопасность семейнаго круга съ свободой взаимныхъ общественныхъ отношеній.

8. Старшіе ученики—лучшіе воспитатели своихъ младшихъ товарищей и сами сдерживаются присутствіемъ среди себя младшихъ. Товарищеская среда и духъ заведенія—самый могучій воспитательный рычагъ.

9. Цѣль заведенія—не общій строй, а каждая отдѣльная личность; личное преуспѣяніе каждаго ученика—вотъ для чего существуетъ цѣлое. Поэтому, не столько хорошее поведеніе учениковъ, пока они въ заведеніи, сколько запасъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, который каждый изъ него выноситъ—вотъ настоящее мѣрило успѣха. Спасибо отъ высшаго начальства еще не все, спасибо отъ выпущенныхъ поколѣній—все.

10. Задаться такими цѣлями и стать въ такія отношенія къ воспитанникамъ можетъ только свободная коллегія учителей, не связанныхъ регламентами по рукамъ и по ногамъ, имѣющихъ право примѣняться къ личностямъ учениковъ, цѣнить поступки и проступки по ихъ внутреннему достоинству и отдавать справедливость всякимъ усиліямъ и стремленіямъ. Воспитываютъ не уставы и программы, не взысканія и отмѣтки,—а живые люди. Они одни могутъ внести живую жизнь въ учебное заведеніе; но для этого имъ нужно стоять на своихъ ногахъ.

11. Въ связи съ этимъ стоитъ и надзоръ за учебными заведеніями. Бумага въ этомъ случаѣ все терпитъ и ничего не говоритъ. По отчетамъ, по среднимъ выводамъ судить о заведеніи нельзя; можно судить только по личной ревизіи. Тутъ вся задача и вся тайна—въ выборѣ людей и въ строгой во-очію оцѣнкѣ ихъ дѣятельности.

Digitized by Google

IX.

Заведеній, устроенныхъ на такихъ началахъ, никто бояться не станетъ, и они будутъ наилучшимъ пріютомъ для всѣхъ сиротъ, для всѣхъ мальчиковъ, лишившихся или оторванныхъ отъ своихъ родителей. Въ нихъ можетъ вырости здоровое и крѣпкое поколѣніе, умѣющее владѣть собой, привышее обсуждать свои увлеченія и поступки, отмѣривать—прежде чѣмъ отрѣзывать. Тогда исчезнутъ и тѣ грустныя явленія, съ которыхъ мы начали статью свою; исчезнутъ потому, что не будетъ ужъ столько нервныхъ, разслабленныхъ, ожесточенныхъ и совершенно неопытныхъ людей—единственной почвы, пригодной для такихъ проявленій.

Тогда можно будетъ также задерживать юношей нѣсколько дольше въ среднихъ заведеніяхъ и выпускать ихъ годомъ или двумя позже. Общее образованіе прочнѣе уляжется, и для высшихъ спеціальныхъ занятій достаточно будетъ вѣроятно трехъ лѣтъ, вмѣсто 4-хъ, по крайней мѣрѣ въ большей части университетскихъ факультетовъ. Приступая къ научнымъ занятіямъ съ болѣе выработаннымъ характеромъ и болѣе зрѣлой мыслью, молодой человѣкъ скорѣе осилитъ ихъ.

Но и въ этомъ возрастѣ, и въ этой средѣ повторяются теперь часто тѣ же матеріальныя невзгоды, о которыхъ мы говорили раньше. Здѣсь ученики, по возрасту своему, могутъ больше сносить и вызываютъ поэтому меньше сожалѣнія. Но за то этотъ недостатокъ средствъ приведетъ естественно къ двумъ грустнымъ результатамъ: искательству стипендій и посторонними занятіямъ, преимущественно педагогическаго свойства. То и другое производитъ непомѣрный наплывъ молодежи въ столицы, гдѣ жизнь немногимъ дороже провинціальной, но за то много больше шансовъ получить стипендію и найти уроки. Послѣднее стѣсняетъ университетскія занятія и посѣщеніе лекцій. Препятствовать же этому—преслѣдовать необходимый и честный трудъ—невозможно.

Съ сокращеніемъ срока университетскаго курса можно было бы обезпечить на тѣ же средства бо́льшее число студентовъ, и притомъ, выдавая имъ достаточную сумму, ограничить нѣсколько ихъ посторонніе занятія. Открытіе бо́льшаго числа стипендій при провинціальныхъ университетахъ оттянуло бы туда довольно значительное число молодежи. Наконецъ, отчего не допускать обычая, существующаго, кажется, или по крайней мѣрѣ существовавшаго прежде въ финляндскомъ университетѣ—увольнять студента на цѣлый годъ въ серединѣ курса, для заработки себѣ средствъ

Digitized by Google

на окончаніе онаго. Педагогическія занятія въ теченіи цѣлаго года въ глуши провинціи могли бы дать молодому человѣку достаточно средствъ, чтобъ почти совершенно обезпечить себя на цѣлый годъ или полтора университетской жизни. Для семействъ, живущихъ въ деревнѣ и желающихъ подготовить дома мальчика ко вступленію хотя въ младшій классъ любого заведенія, теперь нѣтъ почти возможности сыскать учителя и воспитателя; приходится довольствоваться отрывочными лѣтними занятіями вакантнаго студента или семинариста; студентъ 2-го курса, свободный на цѣлый годъ, былъ бы сущій кладъ. При 3-хъ-лѣтнемъ университетскомъ курсѣ студентъ могъ бы, передъ послѣднимъ годомъ, заработать этимъ путемъ достаточно для спокойнаго окончанія курса.

Мы говорили раньше, что школа стоитъ на перепутьѣ между семьей и обществомъ, что въ ней юноша долженъ находить спокойствіе и жизнь, обезпеченную отъ матеріальныхъ заботъ, и въ то же время видѣть изъ нея уголокъ общества и общественной жизни. Странное дѣло, что переступивъ университетскій порогъ, юноша, по бо́льшей части, испытываетъ противоположное: на немъ лежатъ всѣ заботы о матеріальномъ существованіи, и общество (отчасти можетъ быть вслѣдствіе этого) закрыто для него. Жизни и ея отношеній онъ не знаетъ, и живетъ по-неволѣ въ своемъ отвлеченномъ кругу идей, оторванный отъ практической почвы. Между тѣмъ, самый развитой кругъ людей, люди науки, стоятъ къ нему въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, но по разнымъ причинамъ, отчасти, пожалуй, страха ради іудейска, не умѣютъ втянуть его въ свой кругъ. Многочисленность студентовъ, разнообразіе занятій профессоровъ, невеселыя преданія, память о нѣкоторыхъ неудавшихся попыткахъ студенческихъ семинарій,— мало ли что мѣшаетъ сближенію, необходимому въ интересахъ всего общества. Во всякомъ случаѣ позволено надѣяться, что при нѣсколько лучшей матеріальной обстановкѣ студентовъ, оставляющей имъ болѣе досуга для занятій, и въ болѣе тѣсномъ кругу провинціальной жизни сближеніе между профессорами и ихъ слушателями произойдетъ гораздо скорѣе, и студентамъ откроется болѣе случаевъ наблюдать дѣйствительныя условія жизни, не ограничивая ея кругомъ грустныхъ впечатлѣній, которыя вынесли они изъ юношескаго возраста.

Digitized by Google

X.

Кончаемъ.—Дайте дѣтству и юношеству два дара, въ которыхъ имъ такъ долго было отказано и на которые у нихъ несомнѣнное право: оградите ихъ отъ матеріальныхъ нуждъ, разрушительно дѣйствующихъ на ихъ организмъ, и уважайте въ нихъ человѣческую личность, чтобы они у васъ научились уважать и себя и васъ. Тогда они перестанутъ метаться, какъ овцы безъ пастыря, и насъ не будутъ болѣе преслѣдовать возмутительные образцы несовершеннолѣтнихъ «политическихъ дѣятелей» и дѣтей-каторжниковъ.

Но дайте и тѣмъ несчастнымъ, которымъ обстоятельства не дозволили пройти въ молодости курсъ обще-образовательнаго заведенія или у которыхъ поздно развилось сознаніе въ необходимости образованія и въ пользѣ научныхъ свѣдѣній,—дайте всѣмъ имъ возможность получить эти свѣдѣнія въ систематическомъ, къ ихъ потребностямъ приноровленномъ курсѣ. Откройте имъ выходъ изъ тягостнаго, беззащитнаго и необезпеченнаго положенія недоученыхъ людей, осужденныхъ добывать себѣ скудное пропитаніе физическимъ трудомъ, къ которому они, можетъ быть, неспособны, и выше котораго они уже стали своимъ умственнымъ развитіемъ. Такіе люди составляютъ теперь въ нашемъ обществѣ безправный, недовольный, но далеко не ничтожный элементъ. Имъ нужно открыть выходъ изъ ихъ положенія ради общественной безопасности—ради пользы, которую они могутъ принести, когда ихъ силы, при нѣкоторой научной подготовкѣ, будутъ направлены на серьёзную, практическую и удовлетворяющую ихъ развитію дѣятельность; наконецъ, просто изъ человѣколюбія. Оставимъ вѣчныя муки загробной жизни. Не намъ, здѣсь, добровольно создавать вѣчныя—на всю жизнь—страданія въ возмездіе за неумѣлость и неопытность юноши, за лѣнь мальчика, за бѣдность родителей.

Д. Дашковъ.

Digitized by Google

ПУТЕШЕСТВІЯ

Г-ЖЪ МЭККЕНЗИ и ИРБИ

ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЛЯХЪ ТУРЦІИ.

Окончаніе.

IV *).

Арнауты и сербы въ Старой-Сербіи. — Косово-поле. — Вучитернъ. — Боснійская граница. — Ипекъ и Дечаны.

Когда сербское населеніе, уходя отъ турецкаго ига, стало покидать Старую-Сербію, мѣсто его заняли албанцы, или скипетары (турки зовутъ ихъ арнаутами), спустившіеся съ горъ сосѣдней Албаніи. Во времена древняго царства албанцы находились частью подъ властью сербовъ; княжество Зета, нынѣшняя Черногорія, соединяло сѣверныхъ скипетаровъ и южныхъ сербовъ; албанцы были православные и католики. Послѣ паденія сербскаго царства и зетскаго княжества, у албанцевъ оставались еще свои независимые князья, которые — какъ самъ знаменитый Скандербегъ — были родственники и союзники сербскихъ князей.

Бо́льшая часть албанцевъ, жившихъ на прибрежьѣ Адріатическаго моря, были римскіе католики. Туркамъ выгодно было съ самаго начала внести раздоръ въ христіанскія племена, и такъ какъ албанцы-католики въ сравненіи съ православными сербами и болгарами составляли меньшинство, то имъ удобнѣе было дать нѣкоторыя привилегіи, которыя еще больше отдѣлили ихъ

*) См. выше: сент. 280, окт. 581 стр.

Digitized by Google

отъ православнаго населенія. Впослѣдствіи, когда албанцы поселились на сербскихъ равнинахъ, и стали ближе къ могаммеданскимъ господамъ, они не умѣли воспротивиться турецкой политикѣ: часть одного племени, называющагося клементинцами, ушла вмѣстѣ съ сербами; но оставшіеся въ Турціи мало-по-малу приняли исламъ и цѣной отступничества получили разрѣшеніе безчинствовать надъ остальнымъ населеніемъ, т.-е. райей.

Теперь число албанцевъ-католиковъ въ Старой-Сербіи не велико; оно поддерживается новыми поселенцами съ горъ, но они легко поддаются примѣру своихъ предшественниковъ и дѣлаются мусульманами. Католическое духовенство ихъ, даже съ поддержкой иностранныхъ государствъ, съ трудомъ можетъ противодѣйствовать этимъ переходамъ въ мусульманство. Когда такіе католики поселяются среди мусульманскаго большинства, имъ обыкновенно очень трудно сохранить свою вѣру,—ихъ соотечественники-мусульмане всячески притѣсняютъ ихъ, чтобы вынудить къ принятію могаммеданства, потому что для ренегатовъ, кажется, нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ присутствіе людей, болѣе твердыхъ, чѣмъ они. Люди колеблющіеся прибѣгаютъ къ средней мѣрѣ — они принимаютъ мусульманскія имена и слывутъ за могаммеданъ, оставаясь дома католиками.

Албанцы дѣлятся на два племенные отдѣла: на сѣверѣ живетъ племя гегга (геги), которое питаетъ величайшее отвращеніе къ племени тосковъ, живущему на югѣ. Послѣдніе нѣсколько огречены, по сосѣдству съ греками; геги, напротивъ, имѣютъ сильную примѣсь славянской крови,—нѣкоторые роды ихъ дѣйствительно славянскаго происхожденія, потому что какъ скоро сербъ покинулъ свою религію, его называютъ арнаутомъ. По отзыву г-жи Мэккензи, южные албанцы, тоски, отличаются отъ сѣверныхъ и внѣшними свойствами, и характеромъ, они болѣе подвижны и развиты въ умственномъ отношеніи; геги — рослый, крѣпкій, храбрый и суровый народъ. По другимъ отзывамъ, и тѣ и другіе одинаково дики и свирѣпы, и тоски въ особенности доставляютъ турецкимъ арміямъ контингентъ башибузуковъ. Г-жа Мэккензи также находитъ, впрочемъ, что смѣшеніе съ сербами не смягчило характера геговъ. Они считаютъ себя въ полномъ правѣ грабить райю, но вмѣстѣ съ тѣмъ относятся съ пренебреженіемъ къ турецкой власти. Презирая и осуждая ихъ дикое невѣжество и необузданность, сербы отдаютъ справедливость ихъ храбрости, и разсказываютъ, что много албанцевъ присоединилось къ нимъ въ войнѣ за освобожденіе и съ тѣхъ поръ смѣшалось съ дунайскими сербами.

Digitized by Google

Въ какомъ же положеніи находятся немногіе сербы, оставшіеся въ Старой-Сербіи?

По языку, одеждѣ, физическому сложенію старо-сербы совершенно похожи на жителей южной границы княжества; вообще, это—прекрасный, крѣпкій народъ. Ихъ воинственныя качества возбуждаютъ уваженіе даже между мусульманскими сосѣдями; но они тяжелы на подъемъ, и это нерѣдко ставило ихъ невыгодно относительно турокъ и албанцевъ, когда нужно было смѣлое и рѣшительное дѣйствіе. Но радикальное различіе племенъ обнаруживается въ мирное время: у серба понятіе о правѣ и порядкѣ—не восточное, а европейское. Въ противоположность съ арнаутомъ, сербъ считается «хорошимъ работникомъ», но это все-таки разныя степени лѣности, потому что сербъ никакъ не можетъ равняться съ болгариномъ въ любви къ земледѣльческому труду. Этотъ недостатокъ выдержки, вмѣстѣ съ особеннымъ упрямствомъ, которое мѣшаетъ сербу сходиться съ другими, составляютъ большой его недостатокъ. Этого недостатка не искупаетъ тотъ духъ независимости, самоуваженія и сдержанности, которыя отличаютъ серба, и становятся особенно цѣнны, такъ какъ именно этими свойствами мало надѣлены другія христіанскія племена Турціи.

«Правительство княжества—разсказываетъ г-жа Мэккензи—не поощряетъ старо-сербовъ переселяться къ ихъ братьямъ,—потому что, выселившись, они окончательно отдали бы страну мусульманамъ. Понятно, что близость свободнаго сербскаго государства сообщаетъ старо-сербамъ извѣстную самоувѣренность, и, кромѣ того, въ Старой-Сербіи много славныхъ воспоминаній, которыя всѣ—христіанскія. Азіатскій турокъ, послѣ Косовской битвы, оставилъ здѣсь лишь немногія и рѣдкія поселенія; албанцы представляютъ вдвойнѣ покоренное племя: это—европейцы, потерявшіе не только свободу, но и религію, которыхъ прошедшее есть варварство, настоящее—отступничество, а будущее—или со стыдомъ сдѣланное возвращеніе къ прежней вѣрѣ, или рабство подъ деспотическимъ правленіемъ чужихъ чиновниковъ. Напротивъ, христіане, собираясь въ праздники подъ стѣнами своихъ древнихъ величественныхъ храмовъ, считаютъ своими всѣ преданія стараго царства и старой цивилизаціи, отличавшей Сербію, когда она еще принадлежала къ Европѣ. И если прошедшее принадлежитъ имъ, то имъ остается лишь съ увѣренностью ждать, что и будущее принадлежитъ также имъ; что рано или поздно они должны снова сдѣлаться частью христіанской Европы. Ихъ единоплеменники—часто ихъ собственные близкіе родственники—живутъ,

Digitized by Google

какъ европейскіе христіане, въ Сербіи и Австріи; поэтому они знаютъ, что такое свобода, и у нихъ нѣтъ недоумѣнія и неувѣренности о судьбѣ дѣтей, которыя воспитываются въ убѣжденіи, что они будутъ, наконецъ, свободны. Но при всей этой идеальной жизни (которую, правда, можно увидѣть только встрѣчаясь съ людьми, имѣющими нѣкоторое знаніе своего языка и исторіи) возможенъ бываетъ и безотрадный взглядъ на настоящее, и рѣшимость все бросить и уйти».

Настоящее положеніе дѣйствительно можетъ доводить до отчаянія. Турція съумѣла уничтожить національную свободу Албаніи, привести множество албанцевъ къ отступничеству, но не съумѣла, да и не особенно старалась сдѣлать ихъ спокойными гражданами. Турецкая власть вмѣшивается только когда нужно набрать солдатъ, или поставить турецкаго правителя вмѣсто какого-нибудь наслѣдственнаго князька, — но никогда не вмѣшивается, чтобы обезпечить положеніе христіанъ. «Управленіе» состоитъ вкратцѣ въ слѣдующемъ.

Въ городахъ Старой-Сербіи губернаторъ есть турецкій чиновникъ, иногда османлисъ, не знающій мѣстнаго языка, иногда албанецъ, служившій въ регулярной арміи. Этотъ чиновникъ поддерживаетъ свою власть при помощи нѣсколькихъ заптіевъ или кавасовъ, и эти полезныя лица оплачиваются главнымъ образомъ тѣмъ, что могутъ награбить у народа. Мудиръ, каймакамъ или паша обыкновенно покупаетъ свое мѣсто, и, конечно, прежде всего старается скорѣе вернуть сдѣланныя на это издержки; и христіане, и мусульмане это знаютъ, и когда нужно, пріобрѣтаютъ его благосклонность взятками. Но, кромѣ собиранія своихъ денегъ, чиновникъ собираетъ казенныя подати; и если мусульмане не платятъ, онъ долженъ вдвойнѣ обирать христіанъ; съ мусульманами шутить нельзя, потому что они могутъ подкупить еще болѣе высокую власть, и чиновникъ потеряетъ свое мѣсто. Г-жа Мэккензи видѣла такой примѣръ въ Приштинѣ; чиновникъ, котораго она тамъ встрѣтила, былъ уже второй, назначенный въ томъ году, но и онъ былъ смѣненъ, прежде чѣмъ она успѣла покинуть этотъ округъ. Но бываютъ случаи, когда правитель имѣетъ сильныхъ друзей въ Константинополѣ, и мусульмане, недовольные имъ, не могутъ добиться его удаленія: тогда прибѣгаютъ къ болѣе сильному средству. Въ Ипекѣ каймакамъ рѣшился, несмотря на сопротивленіе, собрать подати съ мусульманъ; ему прислана была для этого военная сила: это показалось защитой христіанъ, и албанцы подстрѣлили его изъ-за угла.

Послѣ турецкаго губернатора, слѣдующая власть есть город-

Digitized by Google

ской совѣтъ, или меджлисъ. Члены его (кромѣ одного христіанина) всѣ — мусульмане, и въ городахъ Старой-Сербіи это — самые вліятельные люди изъ албанцевъ. Въ прежнее время, когда губернаторомъ бывалъ мѣстный уроженецъ, онъ имѣлъ обыкновенно въ совѣтѣ сильную партію изъ своихъ родственниковъ, и достаточно было давать взятки ему. Теперь, когда губернаторомъ присылается человѣкъ чужой, не имѣющій столько вліянія въ меджлисѣ, надо подкупать, кромѣ его, и членовъ меджлиса,—такъ что дѣло стало еще хуже. Остается одно средство—перессорить губернатора съ меджлисомъ, но это игра опасная; потому что когда они примирятся, то это сдѣлается на счетъ райи.

Христіане могли бы лучше устроивать свои дѣла, если бы имѣли хорошихъ представителей въ меджлисѣ, но это бываетъ рѣдко. Въ Старой-Сербіи, какъ во всей европейской Турціи, мусульманское населеніе собирается въ городахъ, а христіане, чтобъ меньше встрѣчаться съ нимъ, живутъ по деревнямъ и селамъ. Вслѣдствіе того городскія христіанскія общины не велики, и турки пользуются этимъ, чтобы дать имъ только одного представителя въ меджлисѣ, или двухъ, когда христіанское населеніе состоитъ изъ православныхъ и католиковъ. Но и это представительство христіанъ есть недавняя уступка, и нѣкоторые турецкіе губернаторы, которые съ удовольствіемъ помогли бы христіанамъ противъ мусульманъ, разсказывали нашимъ путешественницамъ, что эти христіанскіе представители обыкновенно играютъ въ меджлисѣ самую жалкую роль. Во-первыхъ, они—меньшинство; во-вторыхъ, ихъ считаютъ слугами для подаванія трубокъ и кофе; въ-третьихъ, ихъ удаляютъ изъ комнаты, когда нужно переговорить о важныхъ вещахъ (—роль, похожая на ту, какую въ нашихъ земскихъ судахъ недавняго прошлаго играли «засѣдатели отъ крестьянъ», подметавшіе «присутствіе», подававшіе шубы и т. д.). Поэтому между христіанами не было охотниковъ для подобныхъ должностей, и представителями посылали людей, которые соглашались играть подобную роль; иногда же это была какая-нибудь креатура епископа или губернатора, и тогда такой человѣкъ былъ бичомъ общины. Въ Старой-Сербіи смѣлость христіанъ обнаруживается тѣмъ, что болѣе порядочные люди являются представителями ихъ въ меджлисѣ; и тѣ, кто бывалъ въ свободной Сербіи, показываютъ такую твердость мнѣній и дѣйствій, которая иногда даетъ имъ возможность настоять на своемъ.

Собственно говоря, главнымъ представителемъ общины долженъ быть епископъ; поэтому, ничто такъ не обезкураживаетъ славянскихъ христіанъ въ Турціи, какъ передача этихъ важныхъ

Digitized by Google

должностей грекамъ, которымъ нѣтъ никакого дѣла до славянскихъ интересовъ. Г-жа Мэккензи замѣчаетъ, что въ бо́льшей части мѣстъ Старой-Сербіи съ именемъ епископа соединялось понятіе о человѣкѣ, который отбираетъ послѣднія пары (мелкая монета), какія остались послѣ турка. Когда епископъ въ городѣ, онъ можетъ иногда помѣшать туркамъ брать христіанскихъ дѣтей и обращать ихъ въ магометанство; но епископъ слишкомъ часто уѣзжаетъ изъ города, такъ что безполезенъ и въ этомъ отношеніи. Конечно, и здѣсь бываютъ хорошія исключенія, какъ между турецкими губернаторами и христіанскими представителями въ меджлисѣ. Настоящимъ главой христіанской общины остается старшина, называемый по-турецки ходжа-баши и который, собственно говоря, долженъ выбираться общиной. Онъ не имѣетъ никакой политической власти, но можетъ дѣлать много хорошаго или дурного въ гражданскомъ управленіи, потому что онъ участвуетъ въ распредѣленіи податей и вмѣстѣ съ такъ-называемыми «кметами» рѣшаетъ гражданскія дѣла общины. Уголовныя дѣла рѣшаются мудиромъ, причемъ, какъ извѣстно, свидѣтельство христіанъ не принимается.

Г-жа Мэккензи приводитъ затѣмъ отзывы самихъ жителей о порядкѣ вещей въ странѣ. Они думали, что, быть можетъ, въ другихъ мѣстахъ Турціи турецкое правленіе способно къ улучшенію, но что здѣсь оно само есть корень всего зла. Бѣдствія, разоряющія Старую-Сербію, происходятъ изъ вражды племенъ и религій: всякое хорошее правительство заботилось бы о примиреніи этой вражды, турецкое правленіе живетъ ею. Азіатскаго завоевателя одинаково ненавидятъ и сербы и албанцы, но онъ съумѣлъ ослабить обоихъ, поселивши между ними раздоръ: если бы онъ когда-нибудь позволилъ имъ покончить ссору, первымъ дѣломъ ихъ было бы выгнать его изъ страны. Этого ждутъ обѣ стороны, потому что албанцы держатся своего мусульманства только изъ разсчета: «всѣ они были нѣкогда христіанами, и чтобы что-нибудь выиграть, они опять готовы стать христіанами». Въ послѣдніе годы албанцы были очень недовольны попытками Порты ввести у нихъ конскрипцію и турецкихъ правителей; въ то время (1862) у черногорцевъ шла война съ турками; ожидали, что сербская армія будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ своими единоплеменниками, и албанцы поговаривали, что они могли бы съ выгодой для себя присоединиться къ сербамъ.

«Но сербская армія, — замѣчаетъ г-жа Мэккензи, — могла перейти границу только въ случаѣ общаго возстанія въ Турціи, — возстанія, которое, если бы даже имѣло успѣхъ, привело бы съ

Digitized by Google

собой рѣзню и грабежъ. Неудивительно поэтому, что нѣкоторыя лица желали предотвратить эти крайности дипломатическими мѣрами. По ихъ мнѣнію, мы должны были найти агента для введенія цивилизаціи въ эту часть Турціи, не отдѣляя ея непремѣнно отъ турецкой имперіи; такого агента можно найти въ туземномъ христіанскомъ правительствѣ Сербіи. Это правительство заботится о порядкѣ; и если бы южная граница княжества обняла и Старую-Сербію, мы скоро увидѣли бы разбойничество уничтожеинымъ и всѣ племена и классы равными передъ закономъ. Нынѣшнее населеніе рѣдко, лѣниво, разстроено; но какъ только жизнь и собственность будутъ обезпечены на плодоносныхъ равнинахъ Метохіи и Косова, ихъ населеніе было бы подкрѣплено изъ-за Дуная любящими трудъ и порядокъ колонистами (т.-е. сербскими), способными вознаградить изгнаніе ихъ отцовъ и возвратить Европѣ Старую-Сербію».

Дорога отъ Приштины къ Вучитерну проходитъ по самому полю Косовской битвы и пересѣкаетъ рѣку Лабъ, которая раздѣляла во время этой битвы два враждебные лагеря. Направо лежатъ развалины старой Самодрежской церкви, въ которой много разъ сходились сербскіе соборы и гдѣ въ послѣдній разъ молилось сербское войско. Мѣсто, гдѣ былъ убитъ султанъ Амуратъ, покрыто небольшой мечетью, и вся сосѣдняя мѣстность между ней и Приштиной связана съ легендами о Милошѣ Обиличѣ, который умертвилъ султана при началѣ битвы. Сами турки показываютъ домъ, заключающій гробницы визиря и его товарищей, убитыхъ Милошемъ въ его смертной борьбѣ. Они показываютъ и валъ, на верху котораго онъ сталъ, по ихъ словамъ, и убивалъ всѣхъ, кто пытался подойти къ нему. «Всѣ могилы здѣсь кругомъ—могилы турокъ, убитыхъ Милошемъ». Но самый любопытный памятникъ погибъ—три большіе камня, положенныхъ на равномъ разстояніи, означали три скачка, которые сдѣлалъ Милошъ къ своему коню. Третій камень указывалъ мѣсто, гдѣ онъ самъ былъ убитъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда перестраивалась мечеть Амурата, эти камни были сняты и употреблены на постройку.

Въ такъ-называемой могилѣ Амурата не остается однако ничего историческаго: тѣло его было перенесено въ Бруссу; нѣкогда оставались здѣсь его одежды, но и онѣ перевезены въ Константинополь и вмѣсто нихъ положены другія. Говорятъ, что здѣсь хранился и мечъ Милоша, но и того теперь нѣтъ. Оставивши мечеть, путешественницы проѣхали съ полчаса дальше, и заптіе

Digitized by Google

остановился, чтобы показать имъ мѣсто, гдѣ стояла палатка Милоша. Онѣ переѣхали потомъ рѣку Лабъ, но такъ какъ съ ними не было ни одного серба изъ сосѣдства, онѣ не могли ничего узнать о боевомъ расположеніи сербскаго войска—онѣ видѣли только «голешскіе» холмы, гдѣ, какъ говорятъ, стоялъ измѣнникъ Вукъ Бранковичъ,—изъ-за него эти холмы подверглись проклятію и остаются голы и безплодны.

Но если въ мѣстномъ преданіи изгладилась память о томъ, гдѣ стояло сербское войско, народная поэзія до сихъ поръ хорошо знаетъ порядокъ битвы и какъ пали ея герои: старый Югъ-Богданъ, отецъ Юговичей и царицы Милицы, жены царя Лазаря, палъ въ началѣ дня; затѣмъ, по порядку, пали восемь братьевъ Юговичей; храбрый Банъ Страхиня палъ, «гдѣ кровь была по колѣна»; послѣдній знаменоносецъ Бошко «гонялъ непріятеля толпами, какъ соколъ гоняетъ голубей, и загналъ ихъ въ рѣку Ситницу»; а тамъ, «гдѣ всего больше набросано было сломанныхъ копій, и гдѣ храбрѣйшіе воины лежали убитые»—тамъ палъ царь Лазарь.

«Такъ при сгущающихся сумеркахъ мы проѣзжали этимъ роковымъ полемъ, гдѣ нѣкогда, въ жаркое субботнее утро, вышла «косовская дѣвушка» съ водой, чтобы обмыть кровь раненыхъ, съ виномъ, чтобы освѣжить уста изнуренныхъ, а между тѣмъ среди сегодняшнихъ обезображенныхъ труповъ искала своего вчерашняго радостнаго жениха».

Въ городѣ Вучитернѣ путешественницы нашли настоящій «Арнаутлукъ», потому что большинство жителей были албанцы-мусульмане. Турецкій начальникъ города, османлисъ, желавшій отличиться европейскими манерами, встрѣтилъ путешественницъ очень любезно, и даже не отвѣчалъ отказомъ, когда онѣ выразили желаніе видѣть женскую мусульманскую школу. Онъ принялъ это за простое женское любопытство и счелъ возможнымъ оказать ему снисхожденіе. До тѣхъ поръ путешественницамъ не удавалось проникнуть въ такую школу: подъ разными предлогами ихъ туда не пускали. Но передъ посѣщеніемъ школы мудиръ предложилъ путешественницамъ сдѣлать визитъ его «ханумъ», т.-е. женѣ, гдѣ между прочимъ онѣ увидятъ и лучшіе въ городѣ женскіе костюмы, которые интересовали путешественницъ. Въ назначенный часъ онѣ отправились, въ сопровожденіи жены сербскаго попа, въ домѣ котораго онѣ остановились. Попадья оказалась живая, разумная женщина, которая притомъ

Digitized by Google

прекрасно понимала плохой сербскій языкъ англичанокъ и могла служить переводчицей.

У «ханумъ» собралась большая женская компанія, которая хотѣла и похвалиться костюмами и посмотрѣть на гяурскую женщину. Это албанское общество произвело на г-жу Мэккензи и ея спутницу не самое пріятное впечатлѣніе: сама ханумъ, уже не молодая, имѣла видъ упитанной хищной птицы; другія дамы были до того раскрашены, что были точно въ маскахъ: выраженіе лицъ свидѣтельствовало о крайней неразвитости, тривіальности или необузданной страстности. Оказалось, что эти дамы были сами въ школѣ и однако не умѣли ни читать, ни писать— въ школѣ ихъ учили только турецкимъ (т.-е. мусульманскимъ) молитвамъ, хотя турецкій языкъ знала одна «ханумъ», вѣроятно, природная турчанка; албанскія женщины этого языка не знали. Когда въ разговорѣ путешественницы упомянули, что отсюда желали отправиться въ школу (какъ имъ обѣщалъ мудиръ), это произвело страшное волненіе: «ханумъ» съ презрительнымъ смѣхомъ сказала что-то о «гяурахъ», вѣроятно, что ихъ не слѣдуетъ пускать въ такія священныя мѣста. Тогда англичанки рѣшили настоять на своемъ и увидѣть школу. Онѣ встали и ушли, сказавъ, что идутъ смотрѣть школу, которая помѣщалась въ сосѣднемъ домѣ. Мудиръ, повидимому, уже раньше отдалъ приказъ о допущеніи путешественницъ: тамъ ихъ впустили, но очень ясно давали понять, что вовсе не желали бы ихъ видѣть. Дамская компанія отъ «ханумъ» выбѣжала смотрѣть, что будетъ. Англичанки вошли въ грязную и непривлекательную школу — главная учительница не вышла къ нимъ; о ней только послѣ спохватились сказать, что она «больна» — ученицы, покачиваясь взадъ и впередъ, бормотали что-то, т.-е., вѣроятно, учили турецкія молитвы. Затѣмъ, путешественницы, въ сопровожденіи своихъ заптіевъ и драгомана, отправились домой, но извѣстіе о томъ, что онѣ забрались въ мусульманскую школу, вѣроятно, облетѣло городъ, и на улицахъ ихъ встрѣтила толпа съ самыми недружелюбными минами. Сынъ мудира, провожавшій ихъ, перепугался и повторялъ, что «вѣдь здѣсь — Арнаутлукъ»; при немъ дѣло шло еще спокойно, но когда онъ простился съ ними, уличные мальчишки повели противъ англичанокъ правильную осаду и, расположившись партіями, принялись бомбардировать ихъ мелкими камнями. Бомбардировка кончилась только тогда, когда камень попалъ въ самого заптія, и тотъ, озлобившись, бросился на мальчишекъ съ ханджаромъ...

Какая перемѣна, когда изъ дикаго албанскаго общества у

Digitized by Google

«ханумъ» онѣ посѣтили христіанскій домъ ходжа-баши, и нашли скромное, гостепріимное семейство и занимательную бесѣду. То же онѣ встрѣтили и въ домѣ своего хозяина. Попъ Данчо былъ человѣкъ извѣстный во всей Старой-Сербіи. Не зная прежде объ его репутаціи, путешественницы были поражены его умомъ, свѣдѣніями и мужественной самостоятельностью. Въ присутствіи губернатора онъ вовсе не показывалъ той робкой уклончивости, какая вообще отличаетъ турецкихъ христіанъ; а въ отсутствіи его воздерживался отъ охужденій, вполнѣ признавая трудность его положенія: что онъ могъ сдѣлать съ подлюжиной заптіевъ противъ цѣлаго необузданнаго населенія? Въ Вучитернѣ около 200 христіанскихъ домовъ, а мусульманскихъ 400 или 500. Албанцы дѣлаютъ что хотятъ, безнаказанно грабятъ и воруютъ, и ихъ невѣжественные и грабительскіе нравы оставляютъ всю страну въ состояніи варварства. Христіанамъ нѣтъ никакой поддержки и надежды изъ Константинополя, и они всего ждутъ отъ Сербіи—въ Старой-Сербіи они ищутъ одушевляющихъ воспоминаній, отъ княжества ждутъ ободренія и совѣта.

Нѣкогда Вучитернъ былъ, вѣроятно, значительнымъ городомъ; здѣсь была епископская каѳедра; развалины стараго замка служатъ конакомъ для губернатора; Вучитернъ упоминается въ историческомъ эпосѣ сербовъ. Древняя его церковь разрушена; новая церковь имѣетъ самую простую внѣшность, и, кромѣ того, чтобы не быть выше арнаутскихъ домовъ, она опущена на нѣсколько футовъ въ землю. Такую же церковь, но еще глубже опущенную и почти темную, путешественницы видѣли въ Нишѣ. Въ Вучитернѣ была небольшая школа для мальчиковъ, но женской школы не было; но при первой возможности устроили бы и ее, — жена попа Данчо, столько же умная и энергическая, какъ онъ самъ, употребила бы для этого всѣ усилія.

«Я родомъ изъ Ипека» (или Печи, столицы древней сербской патріархіи), — говорила она съ гордостью, — «а въ Ипекѣ есть женская школа».—«Но вѣдь тамошніе арнауты самые дикіе въ Турціи?» — «Да, но съ другой стороны христіане Ипека самые мужественные люди въ Старой-Сербіи. У нихъ—патріаршая церковь, которая такъ прекрасна и достопочтенна; потомъ у нихъ—Катерина, женщина, равной которой нѣтъ во всей странѣ. Она основала женскую школу». Попъ прибавилъ съ гордостью: «моя жена—родственница Катеринѣ». Разсказы объ Ипекѣ заинтересовали нашихъ путешественницъ, и онѣ отдали попадьѣ всѣ оставшіяся у нихъ книги для пересылки туда; онѣ сами рѣшили побывать въ Ипекѣ.

Digitized by Google

Попъ Данчо взамѣнъ книгъ далъ имъ подробный списокъ всѣхъ церквей, монастырей и школъ въ сосѣдствѣ Вучитерна. Онѣ обдумывали уже планъ путешествія, но ихъ обстановка опять о себѣ напомнила: волненіе въ городѣ далеко не улеглось, и имъ не совѣтовали показываться у дверей дома,—отъ албанцевъ можно было ожидать всего противъ подозрительныхъ иноземокъ.

На другой день мудиръ снова посѣтилъ путешественницъ. Онѣ сказали ему о своемъ планѣ ѣхать въ Ипекъ; но это оказалось чрезвычайно труднымъ. Въ Ипекѣ убитъ каймакамъ, тамошній край въ большомъ волненіи, и путь опасенъ. Мудиръ однако собиралъ городской совѣтъ, и совѣтъ рѣшилъ, для исполненія султанскаго фирмана, дать имъ конвой; но конвой не могъ быть меньше ста человѣкъ — такъ велика опасность дороги, и такъ много враговъ у здѣшнихъ албанцевъ въ томъ краю; они не вернулись бы безъ сраженія, и въ концѣ-концовъ губернаторъ все-таки не совѣтовалъ этой поѣздки. Путешественницы выразили сожалѣніе, что владѣнія султана находятся въ такомъ состояніи, но сказали, что такъ какъ губернаторъ отвѣчаетъ за ихъ безопасность, то онѣ должны послѣдовать его совѣту. На самомъ дѣлѣ, онѣ отказались на этотъ разъ отъ поѣздки потому, что, при посѣщеніи христіанскихъ селъ, монастырей и т. д., имъ не доставилъ бы особеннаго удобства конвой изъ ста враговъ.

Путешественницы отправились не въ Ипекъ, а на сѣверъ къ босанской границѣ. Изъ Вучитерна нужно ѣхать четыре часа къ сѣверному предѣлу Косова-поля, гдѣ сходятся горные хребты, между которыми течетъ рѣка Ибаръ. Здѣсь стоитъ замокъ Звечанъ, имя котораго опять памятно въ сербской исторіи, и городокъ Митровица,—близъ него находится «ханъ» и граница между Старой-Сербіей и Босніей, обозначенная большимъ камнемъ, на которомъ мусульманскіе путники, переходящіе границу, обыкновенно рѣжутъ барана, въ видѣ благодарственной жертвы за счастливое путешествіе.

Граница, указываемая этимъ камнемъ, не прилагается къ христіанскому населенію, которое и до него и за нимъ остается сербское, называетъ страну Старой-Сербіей и утверждаетъ, что настоящая граница Босніи лежитъ дальше къ сѣверо-западу. Но для мусульманъ это — дѣйствительная граница, такъ какъ въ Арнаутлукѣ мусульмане—албанскіе пришельцы, а въ Босніи — ренегаты, происходящіе изъ стараго славянскаго боярства. Въ Босніи землевладѣніе старѣе, такъ какъ босанскій высшій классъ сохранилъ старыя земли, принявъ мусульманство еще въ концѣ XV-го вѣка; тогда какъ албанское переселеніе въ Старую-Сербію

Digitized by Google

идетъ не дальше конца XVII-го столѣтія. Отношенія мусульманъ и христіанъ въ Босніи и Арнаутлукѣ (Старой-Сербіи) также различны. Въ Старой-Сербіи тѣ знатные роды, которые не погибли въ войнѣ, постепенно смѣшались съ народомъ и одушевляли массу историческими воспоминаніями, сообщали ей гордое упорство, воинственный духъ. Поэтому, хотя позднѣе албанцы получили верхъ, принявши религію побѣдителя, сербы продолжаютъ чувствовать свое превосходство надъ ними, и ненавидятъ ихъ не столько за ихъ магаммеданство, сколько за то, что они варвары и разбойники. Въ Босніи, напротивъ, христіанами остались тѣ, которые и до турецкаго завоеванія составляли низшіе классы; а высшіе, принявшіе мусульманство, издавна были землевладѣльцами и военными людьми; — оттого тамъ вражда больше основана на вѣрѣ, чѣмъ въ Арнаутлукѣ.

«Любопытно замѣтить—говоритъ г-жа Мэккензи — что хорваты, и даже сербы княжества, уже не угнетаемые мусульманами-землевладѣльцами, смотрятъ на мусульманскихъ босняковъ съ большой философіей и даже съ расположеніемъ, какъ на братьевъ по племени, и какъ на остатокъ славянской аристократіи. Они съ нѣкоторой гордостью указываютъ, что боснякъ былъ обыкновенно «левъ, оберегавшій Стамбулъ»; что нѣкоторые изъ величайшихъ турецкихъ визирей были босняки; мало того, они хвалятъ даже ихъ ростъ и осанку въ сравненіи съ чиновниками османлисами. Для босанскихъ мусульманъ не трудно было бы получить хорошія условія въ политическомъ соглашеніи съ какимъ-нибудь изъ свободныхъ южно-славянскихъ владѣній; но горе высокомѣрному и суровому землевладѣльцу, если онъ оставленъ будетъ на волю успѣшному возстанію его собственной райи».

Г-жа Мэккензи замѣчаетъ (какъ это замѣчалъ и Гильфердингъ), что въ Босніи, которой они проѣхали большую часть въ своемъ прежнемъ путешествіи, онѣ вообще встрѣчали отъ тамошнихъ мусульманскихъ помѣщиковъ и властей самый любезный пріемъ, который, казалось имъ, напоминалъ въ нихъ остатки старой аристократіи. Такъ было и на этотъ разъ. Ихъ встрѣчали съ большою любезностью, съ угощеніями и такъ далѣе;—но это имѣло и свои неудобства. Встрѣчаемыя и окружаемыя мусульманами, онѣ не могли наблюдать райи и сближаться съ ней, какъ было до сихъ поръ: христіане удалялись, потому что видѣли въ нихъ друзей своихъ враговъ.

Изъ Митровицы путешественницы отправились въ Новый-Базаръ. Путь лежалъ черезъ горный, лѣсной хребетъ, Зеленую Планину, съ вершины которой онѣ въ послѣдній разъ увидѣли

Digitized by Google

Звечанъ и Косово-поле. По дорогѣ онѣ не имѣли сербскаго чичероне, и потому не услышали историческихъ именъ и легендъ; но въ Новомъ-Базарѣ онѣ остановились въ христіанскомъ домѣ, и имъ снова открылся запасъ историческихъ воспоминаній и разсказовъ о тяжеломъ, невыносномомъ настоящемъ. Христіане составляютъ здѣсь меньшинство, и потому въ особенности подвержены всякому притѣсненію, обидѣ и насилію. Новый-Базаръ находится не вдалекѣ отъ мѣста древней Расы, которая была гнѣздомъ стараго сербскаго царства; городъ окруженъ историческими мѣстностями; тутъ одна дорога до сихъ норъ называется «Царской Улицей»; по ней, какъ говорятъ, былъ «дворъ» или загородный домъ царя Стефана Душана; около находится деревня «Судско», нѣкогда мѣсто, гдѣ творилъ судъ сербскій царь, и т. д.; невдалекѣ отъ города стоитъ церковь «Джурджеви Ступови» т.-е. Георгіевы столбы, построенная въ двѣнадцатомъ вѣкѣ первымъ королемъ сербскимъ изъ династіи Немани — церковь, какъ обыкновенно, носящая слѣды мусульманскаго озлобленія и безчинства, съ полуистребленными фресками, и т. д. Отъ христіанскихъ хозяевъ путешественницы услышали печальный разсказъ о подвигахъ баши-бузуковъ, присланныхъ въ этотъ городъ; шопотомъ говорили имъ о своемъ отчаяніи, и единственной надеждѣ, что когда-нибудь придетъ освобожденіе изъ Сербіи. Самъ турецкій провожатый говорилъ о дикости здѣшнихъ мусульманъ и объяснялъ беззащитность жителей: «здѣсь вѣдь нѣтъ консула».

Путешественницы столько наслышались объ Ипекѣ и Дечанскомъ монастырѣ, что опять стали думать о поѣздкѣ въ эти мѣста. Власти Новаго-Базара, какъ оказалось, не знали, что́ случилось съ ипекскимъ каймакамомъ, но все-таки нашли, что путешествіе возможно, что стоитъ дать имъ хорошій конвой, котораго вѣроятно не могли дать мелкіе губернаторы Митровицы и Вучитерна. Итакъ, надо было вернуться почти назадъ, черезъ ту же Зеленую-Планину. Это была опять страна съ новымъ этнографическомъ характеромъ: была близка Албанія, но также близка и Черногорія; мѣстное населеніе состояло изъ босанскихъ мусульманъ и райи; первые относились очень недружелюбно къ стамбульскимъ правителямъ, и путешественницы замѣтили, что и къ нимъ также относились иногда недовѣрчиво: послѣ оказалось, что послѣ событій въ Ипекѣ ихъ сочли за посланныхъ изъ Константинополя, за собираніемъ свѣдѣній.

Но изъ райи многіе съ великимъ удовольствіемъ видѣли вещь невиданную — что «гяурскихъ» женщинъ съ такимъ почетомъ провожаютъ и встрѣчаютъ ихъ мусульманскіе господа. Въ числѣ

Digitized by Google

провожатыхъ нашелся сообщительный чаушъ, знавшій мѣста, и по дорогѣ, очень рѣдко посѣщаемой путешественниками, г-жа Мэккензи могла слышать мѣстныя преданія, народную исторію и миѳологію. «Зеленая-Планина», какъ сказано выше, горный хребетъ, покрытый лѣсами, отъ ели до орѣшника, съ прекрасными долинами, густымъ чернымъ лѣсомъ, рощами и страшными оврагами. Въ такихъ мѣстахъ—замѣчаетъ г-жа Мэккензи—можно понять тѣ славянскія названія, которыя даже звуками какъ будто рисуютъ это разнообразіе лѣсной и горной природы. Здѣсь есть *шума*, или густой лѣсъ; *планина*—горная цѣпь; *берда*—узелъ скалистыхъ горъ; *черная гора*—холмы, покрытые темнымъ лѣсомъ; и наконецъ *верхъ*—отдѣльная высота, которой громадная масса выдѣляется изъ голубовато-зеленыхъ лѣсовъ. Такой «верхъ» есть Гала, возвышающаяся до 7000 футовъ и вершина которой до конца іюля была покрыта снѣгомъ. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, этотъ край былъ наполненъ разбойниками, такъ что проѣхать здѣсь можно было только въ большомъ отрядѣ, и та «тысяча свадебныхъ гостей съ блестящимъ оружіемъ», которая прославляется въ сербской народной поэзіи, была очень нелишнимъ конвоемъ въ этихъ мѣстахъ.—Заптіи, провожавшіе путешественницъ, или по обычаю или отъ удовольствія чувствовать себя въ безопасности, принялись кричать и стрѣлять изъ пистолетовъ—такъ что кавасъ и драгоманъ, ѣхавшіе на плохихъ лошадяхъ и далеко отставшіе, страшно перепугались,—очевидно было, что разбойниковъ можно было бы ожидать и теперь.

Первая большая станція былъ Рожай, гдѣ снова явился вопросъ, можно ли ѣхать дальше, т.-е. было ли кому-нибудь въ Ипекѣ исполнить султанскій фирманъ. По общему совѣту мудира съ его приближенными и самими путешественницами, рѣшено было сначала послать туда письмо съ вопросомъ объ этомъ предметѣ. Въ ожиданіи отвѣта, путешественницы должны были оставаться на мѣстѣ, и по обыкновенію принялись за разспросы и собираніе свѣдѣній. Здѣсь онѣ нашли новое видоизмѣненіе отношеній и новый типъ губернатора. Передъ тѣмъ, во время черногорской войны (1861) у мусульманъ, какъ подозрѣвали, составился заговоръ—забрать въ тюрьмы и истребить всѣхъ самыхъ энергическихъ людей сербской райи, заговоръ въ родѣ того, какой въ началѣ столѣтія повелъ къ возстанію и освобожденію Сербіи. Затѣмъ произошло извѣстное бомбардированіе Бѣлграда; сербское населеніе этого края стало держаться смѣлѣе—въ ожиданіи, что сербская армія изъ княжества перейдетъ границу. Турецкое правительство не желало доводить дѣла до край-

Digitized by Google

ности и отдало приказъ—оставить народъ въ покоѣ. Между прочимъ присланъ былъ новый мудиръ, съ которымъ теперь и познакомились путешественницы. Онъ принадлежалъ по происхожденію къ одному изъ главныхъ знатныхъ родовъ Босніи, къ роду Ризванъ-бега; этотъ родъ участвовалъ въ возстаніи босанскихъ мусульманъ противъ турецкаго правительства и, лишившись своихъ обширныхъ помѣстій въ Босніи, долженъ былъ переселиться въ Константинополь, гдѣ получалъ уже отъ правительства свое содержаніе. Ризванъ-беговичи (исторія которыхъ между прочимъ разсказана въ книгѣ Гильфердинга о Босніи) были однимъ изъ старѣйшихъ знатныхъ родовъ Босніи; при турецкомъ завоеваніи они приняли исламъ; но другая ихъ часть предпочла выселиться въ Рагузу; обѣ отрасли, мусульманская и латинская, поддерживали однако родовыя связи. Нынѣшній мудиръ родился уже въ Константинополѣ; его мать была черкешенка, но отецъ держался родного языка, и научилъ ему сына. Но сынъ, гордившійся своими родовыми воспоминаніями, не стремился однако на родину; ему гораздо больше нравилось въ Малой-Азіи или въ Бухарестѣ—тамъ можно очень весело проводить время. Что ему нравится Бухарестъ, это должно было показывать, что онъ человѣкъ съ образованіемъ: въ Константинополѣ онъ учился въ школѣ, впрочемъ только по-турецки, а братъ его учился и по-французски и по-гречески. Выросши въ Константинополѣ, онъ былъ равнодушенъ къ мѣстнымъ мусульманскимъ притязаніямъ, и былъ совершенно способенъ исполнить данное ему порученіе—относиться мягче къ христіанскому населенію: какъ чиновникъ, онъ чувствовалъ за собой султанскій авторитетъ. Но это имѣло другое неудобство: это крайне раздражало мѣстныхъ мусульманъ, и убійство каймакама было именно слѣдствіемъ такого раздраженія.

Наконецъ, пришло письмо изъ Ипека. Оттуда извѣщали, что нишскій паша судитъ это дѣло въ Призренѣ, но въ Ипекъ назначенъ новый губернаторъ, который исполнитъ все, что повелѣвается фирманомъ. Путешественницы отправились съ конвоемъ въ двадцать человѣкъ, конныхъ и пѣшихъ; на полдорогѣ къ нимъ присоединилось еще человѣкъ десять арнаутовъ, высланныхъ на встрѣчу изъ Ипека.

«Какъ мы потомъ узнали,—говоритъ г-жа Мэккензи,—предводитель этихъ арнаутовъ былъ величайшій негодяй въ Арнаутлукѣ; вѣроятно, поэтому его и сдѣлали отвѣтственнымъ за нашу безопасность. Его красная фигура, выдѣлявшаяся въ зеленой пустынѣ лѣса, годилась бы для Саміэля во «Фрейшюцѣ». Онъ

Digitized by Google

былъ высокаго роста, съ багровымъ лицомъ, прямыми черными волосами, и черные глаза закрывались рѣсницами. Онъ былъ еще совсѣмъ молодъ, но свирѣпость и безжалостная алчность стерли съ его лица всякій слѣдъ юношеской свѣжести; носъ его былъ острый, нижняя губа выставилась впередъ, голосъ рѣзкій. Въ славянскомъ племени, между мусульманами и христіанами, мы видѣли много людей, извѣстныхъ своей жестокостью, но ни одного—безъ какого-нибудь слѣда человѣческаго сердца, безъ какой-нибудь черты обращенія, указывающей, что этотъ человѣкъ можетъ любить дѣтей, быть ласковъ въ семьѣ и—если въ немъ не возбуждены подозрѣнія — гостепріименъ. Но у этого арнаута, какъ и у другихъ его рода, улыбка была еще болѣе отвратительна, чѣмъ нахмуренныя брови, смѣхъ свирѣпѣе, чѣмъ угроза, весь инстинктъ его — хищность. Между звѣрями, боснякъ соотвѣтствовалъ бы медвѣдю, арнаутъ — волку или гіенѣ. Таковъ былъ человѣкъ; но его одежда была великолѣпна—мы вступали въ область албанскаго костюма племени геговъ»...

Это былъ, конечно, прямой кандидатъ въ предводители башибузуковъ.

Мѣстность была пустынна и дика: покрытые лѣсами хребты, голыя скалы, пропасти; дорога, собственно говоря, не существовала; подъемы и спуски бывали таковы, что даже привычные мѣстные жители сходили съ лошадей на этихъ крутизнахъ. Человѣческая жизнь была дика не меньше. Путешественницамъ говорили, что въ этихъ мѣстахъ были деревни, которыя (съ XV-го вѣка!) только нѣсколько лѣтъ тому назадъ покорились султану. Изъ разговоровъ съ провожавшимъ ихъ узбаши, съ мѣстными жителями можно было замѣтить, что турецкая власть у самихъ мусульманъ вовсе не пользуется особымъ сочувствіемъ, и «будь больше денегъ» у черногорскаго князя, дѣла могли бы сильно перемѣниться. Черногорцамъ отдавали справедливость ихъ враги, что это настоящіе юнаки, герои.

Дорога шла сначала долиной рѣки Ибара, затѣмъ, послѣ перевала, берегомъ небольшой рѣки Быстрицы. Въ скалахъ по берегу рѣки путешественницы увидѣли значительное число пещеръ, довольно высоко надъ водой, съ небольшими четырехъ-угольными отверстіями. Эти пещеры—«печи» по-сербски,—вѣроятно дали имя самому городу Ипеку или «Печи», какъ онъ называется по-сербски. Пещеры несомнѣнно сдѣланы человѣческими руками. Ущелье къ концу все съуживается, дорога становится труднѣе, нѣсколько разъ пересѣкаетъ рѣку, спускаясь и поднимаясь лѣстницей. Въ концѣ ущелья буквально виситъ на скалѣ

Digitized by Google

цѣлая маленькая крѣпость изъ соединенныхъ между собою пещеръ. Кто были ея строителями, неизвѣстно. Арнауты называютъ ее, какъ многія другія сербскія развалины этого края — «градомъ» Ирины; сербы — «градомъ» Елены, разумѣя или жену царя Душана, или болгарскую царицу этого имени. Нѣкоторые говорятъ, что эту крѣпостцу построили «римляне»; по мнѣнію другихъ, строителями были (столько же мало извѣстные, какъ и «римляне») «дивы», великаны Зеленой-Планины: «можетъ быть, дивы построили ее, чтобы не пустить римлянъ въ горы; можетъ быть, римляне построили ее, чтобъ не пустить дивовъ на равнины».

«Градъ» завершаетъ ущелье, какъ ворота. Пройдя его, дорога спускается ровнѣе и шире. Заслушавшись исторій и легендъ, путешественницы не замѣтили, когда очутились передъ бѣлыми стѣнами монастыря. Арнаутъ остановился: «вотъ патріархатъ!»

Г-жа Мэккензи посвящаетъ особую главу исторіи сербской церкви, чтобы объяснить національное значеніе Печскаго патріархата. Сербская церковь пріобрѣла свое патріаршество во времена могущества сербскаго царства. Сербы, какъ болгары въ свое время, хотѣли быть независимы отъ константинопольскаго патріарха. Послѣ покоренія сербскихъ земель, турки, еще не увѣренные въ своемъ господствѣ, оставили нетронутыми свободу исповѣданія и церковныя учрежденія; но чѣмъ дальше, тѣмъ усиливались притѣсненія; они коснулись, наконецъ, и сербской патріархіи, столицею которой была Печь или Ипекъ. Въ половинѣ XVII-го вѣка дошло до того, что сербскій патріархъ былъ схваченъ, отвезенъ въ Бруссу и тамъ повѣшенъ. Положеніе становилось невыносимымъ, и въ концѣ этого столѣтія произошло уже упомянутое нами переселеніе десятковъ тысячъ сербскихъ семействъ въ Австрію, подъ предводительствомъ патріарха Арсенія Черноевича. Сербская патріархія основалась въ Австріи, въ Карловцѣ. Это было, конечно, страшное бѣдствіе, оставившее свое впечатлѣніе и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Сербы на новой родинѣ возстановили память прежней, на Фрушкой-горѣ. За потерей свободы, національныя воспоминанія сосредоточились на преданіяхъ церковныхъ, и Печь осталась однимъ изъ священныхъ мѣстъ, пробуждавшихъ сербскій національный патріотизмъ.

Г-жа Мэккензи отмѣчаетъ многія трогательныя черты этой подавленной, но еще живой памяти о національной старинѣ,

Digitized by Google

въ этой памяти почерпается сила и для настоящаго сопротивленія игу; она, какъ извѣстно, создала и великолѣпнѣйшую народную поэзію, сохранившую до XIX-го вѣка живой слѣдъ героическихъ вѣковъ. По той дорогѣ, гдѣ теперь проѣзжали путешественницы, нѣтъ недостатка въ развалинахъ старыхъ «градовъ» и церквей; одинъ священникъ разсказывалъ имъ, что недалеко отъ Рожая сохранились остатки фундамента древней церкви, и что въ большіе праздники христіане собираются здѣсь и отправляется церковная служба на этихъ заросшихъ травою камняхъ...

Сцена пріѣзда нашихъ путешественницъ въ Печскую патріархію очень хорошо рисуетъ положеніе печскихъ сербовъ къ господствующимъ туркамъ и албанцамъ-мусульманамъ, и съ другой стороны наглядно указываетъ, какими господами умѣли поставить себя англичане въ Турціи, — не теперь, а еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Вступивъ въ патріархатъ, путешественницы увидѣли, что дворъ наполненъ солдатами; арнауты шумѣли; монахи, выстроенные въ рядъ, съ своимъ игуменомъ во главѣ, приняли ихъ съ глубокими поклонами; но путешественницы напрасно отвѣчали имъ со всей возможной сердечностью — очевидно было, что монахи были перепуганы до смерти. Прежде всего монахи заявили, что для нихъ ничего не приготовлено, такъ какъ предполагалось, что онѣ остановятся у ходжа-баши, въ самомъ городѣ. Путешественницы, подумавши минуту, сообразили, что ходжа-баши вѣроятно также мало желаетъ ихъ визита, какъ монахи, и отвѣтили, что онѣ очень утомлены и охотно остановились бы въ тѣхъ комнатахъ, какія обыкновенно назначаются для посѣтителей.

Имъ показали комнату, съ окнами — безъ рамъ, но она была столь неудобна, что онѣ не рѣшились остановиться въ ней; случайно онѣ увидѣли на другой сторонѣ двора окна со стеклами, и попросили показать имъ тѣ комнаты. Монахи поморщились, но повели ихъ туда; тамъ оказались довольно удобныя комнаты, но игуменъ заявилъ, что это его собственныя комнаты, что онъ, еслибъ зналъ, могъ бы приготовить ихъ ранѣе, но что теперь въ нихъ онѣ найдутъ «слишкомъ много блохъ».

Путешественницы, притворивъ двери, чтобъ остаться на-единѣ съ игуменомъ, сказали ему: «Мы — христіане, и не хотимъ васъ стѣснять. Если вы захотите, мы уйдемъ сейчасъ; но мы чрезвычайно устали, и намъ бы не хотѣлось отправляться сегодня дальше. Если вы позволите намъ остаться, мы отошлемъ всѣхъ арнаутовъ и заплатимъ за все, что́ намъ понадобится». Монахи очень

Digitized by Google

успокоились и объясняли свое видимое негостепріимство: они провели ужасный день; рано утромъ пришла къ нимъ толпа арнаутовъ и съѣла все, что могла найти; затѣмъ явился конвой. Монахи охотно помѣстили бы путешественницъ, но боялись, что подъ этимъ предлогомъ расположится въ монастырѣ и вся толпа албанцевъ.

Путешественницы заплатили однимъ изъ своего конвоя, чтобы они отправились въ обратный путь, а арнаута послали въ городъ, объяснивъ, что не нуждались больше въ его охранѣ. Конвой удалился; это было уже поздно вечеромъ. Тогда монахи указали имъ комнаты, гдѣ онѣ могли расположиться удобнѣе; но среди этихъ хлопотъ на монастырскомъ дворѣ снова поднялся шумъ. Это губернаторъ прислалъ своего сына съ привѣтствіями; путешественницы кое-какъ отдѣлались отъ него и могли, наконецъ, заняться устройствомъ своей комнаты. Она была удобна, но въ окнахъ недоставало рамъ! Когда турки, наконецъ, ушли, принесены были и рамы со стеклами,—повидимому, ихъ прятали, чтобы онѣ не были утащены или не были перебиты стекла... «Послѣ всей этой кутерьмы,—разсказываетъ г-жа Мэккензи,—мы были утомлены до той степени, когда человѣкъ желаетъ провалиться сквозь землю. Послѣднее наше приказаніе драгоману было—что бы ни случилось: пожаръ, революція, землетрясеніе,—чтобы насъ ни подъ какимъ видомъ не будили».

На другое утро ихъ уже дожидались три депутаціи. Пришли привѣтствовать ихъ сербскіе старшины изъ города; явилась депутація отъ католическихъ албанцевъ; наконецъ, пришли три женщины. Путешественницы прежде всего спросили ихъ—знаютъ ли онѣ школьную учительницу Катерину Симичъ?—о которой они давно слышали самые сочувственные отзывы. Оказалось, что въ числѣ женщинъ была Катерина сама.

Г-жа Мэккензи говоритъ о Катеринѣ Симичъ, что это—одно изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ, какія онѣ встрѣчали въ Турціи, и самая энергическая женщина, какихъ онѣ гдѣ-либо видѣли. Въ то время, это была женщина среднихъ лѣтъ, выше средняго роста, съ блѣднымъ спокойнымъ лицомъ и удивительно тонкимъ выраженіемъ. Въ ней не было ни малѣйшаго ханжества, еще меньше какого-нибудь искательства и лести, но полное самообладаніе и благородство; авторитетъ ея присутствія чувствовался самъ-собой. Она выучилась читать у попа—онѣ не могли разобрать, ея мужа или мужа ея сестры. Она была замужемъ, овдовѣла и потеряла своего ребенка. Тогда, не имѣя кого воспитывать, она стала учить чужихъ дѣтей. Наконецъ, пріѣхалъ од-

Digitized by Google

нажды епископъ изъ Призрена (конечно, грекъ); случилось, что онъ зналъ по-сербски, и предложилъ ей пойти въ монахини,— потому что тогда ей еще удобнѣе будетъ учить дѣтей. Она такъ и сдѣлала: монашество давало ей авторитетъ, къ ней посылали дѣтей, къ ней присоединились другія женщины. Потомъ былъ у нихъ Гильфердингъ; по возвращеніи въ Россію, онъ доставилъ имъ ежегодныя пособія отъ одного благотворительнаго общества, кромѣ того, прислалъ имъ запасъ книгъ. Ученицамъ сначала трудно было проходить по улицамъ въ школу (г-жа Мэккензи по другимъ городамъ знала, что это бывало неодолимымъ препятствіемъ для устройства женскихъ школъ—мусульмане никакъ не хотѣли этого допускать); но Катерина внушала, что лучше терпѣть оскорбленія, чѣмъ бросить дѣло, угодное Богу. Арнауты два раза врывались въ школу и уносили все, что̀ стоило унести; но школа была, къ счастью, слишкомъ бѣдна, чтобы возбудить ихъ хищничество.

Катерина нарочно пришла въ монастырь, чтобы видѣть англійскихъ путешественницъ; въ городѣ имъ было бы труднѣе имѣть съ ними спокойный разговоръ. Безчинства арнаутовъ доходятъ до послѣдней степени; напримѣръ, когда христіане хоронятъ своихъ покойниковъ, арнауты бросаютъ въ мертвое тѣло камнями и грязью.

Одна изъ спутницъ Катерины пришла съ своимъ горемъ и просьбой. Исторія была довольно обыкновенная. Арнауты убили одного серба, и свалили убійство на другого серба, ничѣмъ неповиннаго, который не могъ оправдаться, потому что показанія христіанъ не принимаются мусульманскимъ судомъ. Каймакамъ посадилъ серба въ тюрьму, гдѣ онъ находится уже нѣсколько мѣсяцевъ; потомъ арнауты убили самого каймакама. Теперь, когда нишскій паша судитъ въ Призренѣ убійство каймакама, заключенныхъ перевезли также въ Призренъ. Женщина умоляла англичанокъ заступиться за несчастнаго серба. Путешественницы должны были объяснять, что къ сожалѣнію не въ ихъ власти принудить турокъ къ справедливому рѣшенію...

На другой день онѣ осматривали монастырь печской патріархіи. Не будемъ останавливаться на описаніи его внѣшняго вида, внутренности церкви, такъ какъ русское описаніе ихъ есть въ книгѣ Гильфердинга. Къ сожалѣнію, присутствіе арнаута, который все-таки явился, съ порученіемъ отъ губернатора, помѣшало монахамъ показать имъ нѣкоторыя особенныя достопримѣчательности монастыря. Затѣмъ путешественницы отправились въ городъ—отъ монастыря это былъ часъ ѣзды. Населеніе города

Digitized by Google

уже знало о пріѣздѣ двухъ путешественницъ; впослѣдствіи онѣ узнали, что о нихъ составились цѣлыя легенды — жители не хотѣли вѣрить, чтобы онѣ были какія-нибудь простыя обыкновенныя частныя лица, путешествующія для своего личнаго любопытства: въ этомъ дикомъ захолустьѣ иностранецъ былъ рѣдкостью, и тотъ почетъ, съ какимъ турецкія власти встрѣчали женщинъ гяурскихъ, заставлялъ и арнаутовъ, и несчастныхъ сербовъ думать, что здѣсь есть инкогнито, что это — какія-нибудь очень важныя лица. Когда потомъ онѣ отправились въ Дечанскій монастырь, арнауты допрашивали о нихъ монаховъ, кто онѣ и что дѣлаютъ — арнауты полагали, что одна изъ нихъ — черногорская княгиня Даринка, а другая, вѣроятно, англійская королева: такъ какъ Турція должна была много денегъ Англіи, то думали, что, не имѣя возможности заплатить долга, Турція отдаетъ Англіи эту область, а путешественницы пріѣхали осмотрѣть ее. Сербы, повидимому, тоже считали ихъ за важныхъ лицъ. Такъ рѣдко проникалъ въ эту страну другой человѣкъ, кромѣ арнаута; такъ рѣдко было слово участія и вниманія къ этому ужасному положенію вещей, что пріѣздъ англійскихъ путешественницъ сталъ, здѣсь въ особенности, великимъ событіемъ. Когда онѣ ѣхали отъ монастыря къ городу, дорога усѣяна была любопытными мальчуганами, забѣжавшими впередъ: предъ городомъ Катерина выставила всю свою школу, которая должна была ихъ привѣтствовать; въ домѣ сербскаго старшины, гдѣ онѣ остановились, уже былъ приготовленъ пріемъ. Въ домѣ была невѣста; она явилась въ своемъ лучшемъ праздничномъ костюмѣ. Сербскія женщины, встрѣтившія путешественницъ у ходжа-баши, произвели на нихъ очень пріятное впечатлѣніе; послѣ безобразій дикаго «Арнаутлука», это былъ совсѣмъ другой міръ — спокойный, разумный, трудолюбивый. Ипекскія женщины — «сербкини» удивляли путешественницъ своею свѣжестью въ тѣхъ лѣтахъ, когда турчанка уже увядаетъ, толстѣетъ и брюзгнетъ; и онѣ справедливо приписываютъ это трудолюбивой, правильной жизни, безъ восточной отупляющей лѣни гаремовъ. Но на каждомъ шагу для нихъ виденъ былъ безконечный гнетъ и притѣсненія, на которыя осуждены христіанскіе жители этого края. То же впечатлѣніе производила жизнь христіанъ на Гильфердинга, который былъ тамъ за нѣсколько лѣтъ до г-жъ Мэккензи и Ирби.

По обыкновенію, онѣ посѣтили школы, церковь албанцевъ-католиковъ, получили визитъ отъ губернатора и т. д. Явились и монахи изъ Дечанскаго монастыря: они, конечно, узнали о предстоящемъ посѣщеніи ихъ монастыря, передали свои привѣтствія

Digitized by Google

и просьбу—не брать съ собой въ монастырь албанцевъ или турокъ...

Передъ отъѣздомъ, пришелъ къ нимъ самъ хозяинъ дома, ходжа-баши. Онъ выслалъ изъ комнаты всѣхъ женщинъ кромѣ Катерины, сѣлъ, и сказалъ имъ торжественно: «Я не знаю вашей страны и вашего рода. Я не знаю, друзья ли вы и можно ли вамъ довѣряться, и могу ли я безопасно говорить съ вами». Онъ подождалъ,—но путешественницы думали, что могутъ не давать увѣреній, и онъ продолжалъ: «Я буду говорить. Мы страдаемъ такъ, что языкъ не можетъ сказать, чего тѣло и кровь не могутъ больше вынести; наша жизнь и собственность, жены и дѣти предоставлены на волю шайки разбойниковъ. Наши губернаторы и меджлисы, наши судьи и полиція—все это воры, негодяи и убійцы. Если кто-нибудь изъ нихъ захотѣлъ бы быть лучше, чѣмъ другіе, если онъ попробовалъ бы оказать намъ хоть сколько-нибудь справедливости, остальные нападутъ на него и убьютъ его. Вы слышали, что́ они сдѣлали съ этимъ несчастнымъ каймакамомъ?

— Такъ этотъ каймакамъ былъ хорошій правитель?

— Хорошій и нехорошій. Какъ сказать? Не такъ хорошъ, какъ долженъ бы быть правитель, но слишкомъ хорошъ для нихъ. Они рѣшили покончить съ нимъ: вы слышали?

— Что за человѣкъ новый мудиръ?

— Онъ здѣсь всего нѣсколько дней. Я еще не знаю его, и не хочу говорить ни за, ни противъ—кромѣ того, что́ я знаю. Но я знаю одно, что онъ или долженъ походить на другихъ, или не можетъ остаться здѣсь.

— Каковъ человѣкъ—тотъ, который провожалъ насъ черезъ горы (т.-е. арнаутъ)? Мы слышали, что онъ сынъ очень сильнаго бея?

«Ходжа-баши нахмурился.

— Вы хотите знать, кто *онъ*? Отецъ его дѣйствительно бей. Онъ и отецъ его самые худшіе негодяи, разбойники изъ разбойниковъ, плуты изъ плутовъ. Каждая пара (мелкая монета) въ ихъ карманѣ—грабежъ; каждый клочокъ одежды на его плечахъ—грабежъ,—грабежъ у трудолюбивыхъ и бѣдныхъ... Господи, я не фанатикъ. Я былъ въ свободной Сербіи. Я слышалъ разговоры образованныхъ людей. Я знаю, что человѣкъ не бываетъ дуренъ *потому, что* онъ той или другой вѣры. Пусть мусульманинъ имѣетъ свою мечеть, пусть еврей имѣетъ свою... (какъ это называется, Катерина?). Но человѣкъ въ родѣ того, о которомъ вы говорите, есть дурной человѣкъ; онъ попираетъ ногами,

Digitized by Google

онъ плюетъ на то, что́ я считаю священнымъ. Чей это законъ, что я долженъ стоять подлѣ беззащитнаго и смотрѣть?»

Путешественницы заговорили о томъ, что, какъ слышно, новый губернаторъ привелъ съ собой отрядъ низама (регулярнаго войска) для усмиренія арнаутовъ; что есть слухъ о назначеніи русскаго консула въ Призренъ.

«Сербскій старшина всталъ съ дивана и сказалъ обдуманно и серьёзно:—Низамъ лучше, чѣмъ баши-бузуки—въ первое время; но въ такомъ мѣстѣ, какъ здѣсь, онъ дѣлается какъ всѣ,—я это всегда видѣлъ. Консулъ, который могъ бы заступаться за христіанъ, сдѣлалъ бы намъ добро; но такіе консулы, какихъ я зналъ въ Призренѣ, безсильны и не могутъ сдѣлать ничего. Я не говорю, что дѣла не могутъ улучшиться, но я говорю, что если они совершенно не измѣнятся, мы, печскіе сербы, должны сдѣлать, какъ сдѣлали наши отцы—мы должны *уйти!*»

«Онъ отворилъ дверь, и оставилъ насъ.

«Монахиня и мы посмотрѣли другъ на друга. Потомъ мы взяли ее за руки и сказали: «Катерина, вы вѣдь не отпустите ихъ? Выдержавши столько вѣковъ, неужели они оставятъ теперь патріархатъ на произволъ арнаутовъ? Катерина, вы имъ объясните, что лучшія времена должны придти». Она спокойно отвѣчала: «послѣ прошлогодней войны [1]) мы отрѣзаны отъ Сербіи; времена будутъ не лучше, а хуже».

Къ несчастію, Катерина не ошиблась...

Гильфердингъ, разсказывая въ своемъ путешествіи о печской патріархіи, считалъ большимъ несчастіемъ для сербскаго и христіанскаго дѣла выселеніе сербовъ изъ этихъ мѣстъ въ Австрію съ патріархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ, въ 1690. Когда Старая-Сербія опустѣла отъ христіанъ, это послужило къ бо́льшему усиленію мусульманства: оно усилилось въ Босніи, гдѣ прежде кучка ренегатовъ окружена была сплошнымъ христіанскимъ населеніемъ; оно усилилось въ самой Старой-Сербіи, гдѣ ему легко поддавались занявшіе этотъ край арнауты. Переселеніе сербовъ помогло развѣ только Австріи, которую они не разъ спасали своимъ оружіемъ въ критическія минуты... «Что же случилось?—говоритъ Гильфердингъ. Тамъ, гдѣ православная стихія сербская осталась безъ примѣси мусульманъ [2]), сербы возстали: Карагеоргій проникъ до Вышеграда и Новаго-Базара, но дальше не могъ идти, остановленный въ Босніи сербами-мусульманами, въ Ста-

[1]) 1862.

[2]) Это не совершенно точно, потому что мусульмане были и въ Сербіи.

Digitized by Google

рой-Сербіи—арнаутами. Босняки и арнауты, а не османліи сдѣлали освобожденіе сербскаго княжества столь труднымъ и кровопролитнымъ. Что́ бы было, если бы Арсеній Черноевичъ остался въ своей древней патріархіи и не вывелъ православнаго народа изъ Старой-Сербіи! Знамя Карагеоргія было бы тотчасъ поднято въ Приштинѣ, Призренѣ, въ Сѣницѣ: онъ подалъ бы руку Черной-Горѣ, мусульмане боснійскіе были бы подавлены такъ, какъ подавлены были мусульманскіе жители въ городахъ сербскаго княжества. Было бы нынѣ не маленькое княжество сербское, а большое сербское королевство. Вотъ (если позволено предполагать, что́ случилось бы, если бы...) послѣдствіе шага, сдѣланнаго печскимъ патріархомъ въ 1690 году... Ревностнѣйшій поборникъ и служитель своей вѣры и своего народа, Арсеній Черноевичъ, у котораго сердце наболѣло при видѣ страданій сербовъ подъ игомъ мусульманъ, принялъ рѣшеніе, почти невиданное въ новой исторіи: перевести на чужбину народонаселеніе цѣлой области; и рѣшеніе это послужило къ уничиженію его народа и вѣры, и къ возвеличенію злѣйшаго противника славянства и православной церкви».

Можетъ быть, но мы скажемъ: очень трудно судить о подобныхъ рѣшеніяхъ; трудно судить, насколько *другой* могъ бы выносить тяжкія бѣдствія, когда мы не испытали сами подобнаго положенія, или по крайней мѣрѣ не представили его себѣ во всемъ объемѣ и ужасѣ. Очень возможно, что *если бы* Арсеній остался въ своей патріархіи, турки повѣсили бы его такъ же, какъ повѣсили его предшественника, какъ въ XIX столѣтіи замучили константинопольскаго патріарха Григорія и т. п. Очень возможно, что судьба народа была бы столь тяжела, что не онъ, такъ другой возымѣлъ бы ту же мысль—*уйти*, какъ эта мысль пришла сербскому старшинѣ, который бесѣдовалъ съ г-жами Мэккензи и Ирби.

Какъ финалъ этой исторіи и объясненіе положенія, г-жа Ирби прибавила въ 1877 году:

«Бо́льшая часть православныхъ христіанскихъ жителей Старой-Сербіи находится теперь (1877) изгнанниками въ княжествѣ. Мы не знаемъ, что́ сталось съ Катериной». Къ этому г-жа Ирби приводитъ выписку изъ газеты «Глас Црногорца», гдѣ помѣщена корреспонденція изъ Печи (Ипека) отъ 25-го декабря 1876 г. Сербская война привела и здѣсь турецкія репрессаліи. Сербовъ открыто убивали среди бѣлаго дня и сажали въ тюрьмы. Корреспондентъ разсказываетъ съ отчаяніемъ страшную повѣсть: «Мы испытали отъ турокъ величайшія бѣдствія, о какихъ только было

Digitized by Google

слыхано. Они заперли церковь нашего священнаго патріархата, которая никогда не запиралась со временъ Косова. Тюрьмы переполнены нашими людьми. Нами всякій помыкаетъ, и всякій, кто хочетъ, можетъ мстить на насъ за султанскія войска (т.-е. послѣ сербской войны)... Печская нахія (округъ) почти пуста. Всѣ наши лучшіе люди въ тюрьмахъ. Веревка виситъ надъ головой каждаго. Мы погибли; помощи нѣтъ ни откуда».

Итакъ, сербы *ушли*—кромѣ тѣхъ, которые остались въ турецкихъ тюрьмахъ. Не въ такихъ ли обстоятельствахъ рѣшилъ уйти и Арсеній Черноевичъ?

Въ нашихъ газетахъ мы не помнимъ извѣстій объ этомъ положеніи Старой-Сербіи и печскаго патріархата. Вѣроятно, ихъ и не было. Въ прошломъ году мы интересовались *однимъ* сербскимъ княжествомъ, въ нынѣшнемъ интересуемся *одной* Болгаріей. Мы давно уже забыли о Боснѣ и Герцеговинѣ, не говоря о Старой-Сербіи...

Изъ Ипека путешественницы отправились въ Дечаны, чтобы внимательно осмотрѣть Дечанскій монастырь, «прекраснѣйшую и самую знаменитую обитель сербскую, лучшій памятникъ древняго сербскаго величія и благочестія», по словамъ Гильфердинга, который въ своемъ путешествіи подробно описываетъ этотъ историческій монастырь. Это была «задушбина» царя Стефана Уроша, называемаго Дечанскимъ, по имени построеннаго имъ храма. Постройка относится къ 1335 году, но храмъ, потерпѣвшій отъ времени и отъ турокъ, доселѣ поражаетъ путешественниковъ красотой—и внѣшняго вида, и внутренняго устройства. Народная пѣсня до сихъ поръ помнитъ царя, строителя храма, и влагаетъ ему въ уста выраженіе гордости своей церковью:

Да ю нигде на свијету нема
Нек се знадне царска задушбина
Нек се знадне: есмо царовали!

—т.-е.: «хочу, чтобы нигдѣ на свѣтѣ не было такой церкви, чтобы видна была царская «задушбина», чтобы видно было, что мы царствовали!»

Дечанскій монастырь находится въ трехъ часахъ ѣзды отъ Ипека. Дорога, по обыкновенію, небезопасна, и наши путешественницы выѣхали опять съ цѣлымъ конвоемъ—тотъ же арнаутъ съ баши-бузуками, узбаши съ нѣсколькими солдатами низама, нѣсколько горожанъ верхомъ. Дорога шла у подножія

Digitized by Google

хребта Копаоника; горы, съ причудливыми формами скалъ, были покрыты лѣсомъ, затѣмъ, по скату, тянулись рощи и поля; на вечернемъ солнцѣ ландшафтъ былъ прекрасенъ. Эти горы ограничиваютъ долину Метохіи, лежащей, какъ въ старину, между монастырями Печи, Дечанъ и Призрена и составлявшей тогда церковную землю, откуда и ея названіе.

Теперешнее названіе этой равнины—Дукадьинъ, имя, принесенное албанцами, и изъ всѣхъ разбойничьихъ гнѣздъ, откуда албанцы грабятъ и мѣстнаго жителя и путешественника, самое извѣстное—сѣверная часть Дукадьина.

Когда путешественницы проѣхали нѣсколько больше половины дороги, ихъ уже встрѣтили монахи, высланные изъ монастыря. Первой заботой ихъ было напомнить посѣтительницамъ, что онѣ обѣщали не брать съ собой турокъ въ монастырь. Но отослать конвой было не легко—ему очевидно хотѣлось побывать въ Дечанахъ; наконецъ, кое-какъ, съ помощью бакшиша, удалось отъ нихъ отдѣлаться; за безопасность путешественницъ ручались высланные монахи. Съ удаленіемъ турокъ, монахи почувствовали себя свободно, главный изъ нихъ поѣхалъ рядомъ съ путешественницами и объяснялъ имъ достопримѣчательности пути. Наконецъ, онѣ въ первый разъ увидѣли Высоко-Дечанскій храмъ. Въ началѣ темной долины, при подошвѣ лѣсистыхъ холмовъ, въ сумеркахъ, выдѣлились съ жемчужнымъ блескомъ ясныя очертанія его мраморныхъ стѣнъ. Путешественницы снова почувствовали себя въ христіанской странѣ.

У главныхъ монастырскихъ воротъ ожидалъ ихъ сановитый игуменъ, «хаджи» Серафимъ, и съ нимъ три священника съ хоругвями, одѣтые въ праздничныя одежды. Когда онѣ поравнялись съ ними, эти монахи повернули и пошли передъ ними въ церковь; игуменъ сдѣлалъ имъ знакъ идти за процессіей. Путешественницы вошли въ церковь и послѣ короткой молитвы игуменъ привѣтствовалъ ихъ въ Дечанахъ.

Путешественницы пробыли здѣсь десять дней, и хотя нездоровье отняло у нихъ нѣсколько времени, успѣли подробно осмотрѣть Дечаны и ихъ окрестность. Въ этой окрестности разсѣяны отдѣльныя кельи и пещеры, въ которыхъ нѣкогда спасались сербскіе пустынники и подвижники: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ доселѣ сохранились фресковыя изображенія святыхъ и т. п.; но многое перепорчено албанскими пастухами, которые пользовались потомъ этими кельями...

Digitized by Google

Мы остановимся на этихъ извлеченіяхъ изъ книги г-жъ Мэккензи и Ирби. Изъ Дечанъ онѣ отправились въ Призренъ, «сербскій Царьградъ»,—такъ онъ, разумѣется, назывался очень давно, во времена сербскаго царства,—затѣмъ, изъ Призрена переѣхали въ Скутари, по-сербски Скадаръ, къ берегамъ Адріатическаго моря. Этотъ послѣдній путь шелъ по самому дикому мѣсту всей Европейской Турціи: съ кѣмъ ни говорили путешественницы, всѣ отсовѣтывали имъ этотъ путь; такъ говорили въ австрійскомъ консульствѣ люди, знавшіе эту дорогу; Дечанскій игуменъ на вопросъ о томъ, гдѣ удобнѣе проѣхать изъ Призрена до Скутари (собственно говоря, это потребовало бы меньше одного дня), отвѣчалъ, что всего удобнѣе проѣхать черезъ Болгарію и Македонію въ Салоники и оттуда моремъ (кругомъ Греціи!) къ берегамъ Адріатики—такъ невозможенъ казался ему этотъ путь. Дѣло въ томъ, что здѣсь прекращалась уже всякая безопасность и всякая отвѣтственность турецкихъ властей: такъ и сказалъ имъ призренскій паша. Но англичанки торопились и, кромѣ того, имъ нужно было видѣть «опасныя мѣста». Дѣло въ томъ, что это была самая настоящая Албанія, гдѣ разбой составлялъ обыкновенный образъ жизни; дорога была пустынна и на ней разсѣяно лишь нѣсколько «хановъ», содержатели которыхъ и были атаманами. Призренскій паша далъ путешественницамъ заптія, и увѣрялъ, что дать одного или цѣлую толпу—все равно: если албанцы захотятъ обратить вниманіе на султанскій фирманъ, то одного заптія будетъ довольно; если нѣтъ,—то и цѣлый отрядъ заптіевъ не въ состояніи будетъ защитить отъ разбоя. Единственное, что могли сдѣлать, и сдѣлали, путешественницы—это добыть нѣчто въ родѣ рекомендательныхъ писемъ къ «ханджіямъ», т.-е. содержателямъ хановъ, отъ ихъ родныхъ и знакомыхъ въ Призренѣ... Онѣ отправились, несмотря на всѣ предостереженія и на всѣ крайнія неудобства, какими ихъ пугали,—и увидѣли настоящую Албанію, увидѣли не безъ серьёзнаго риска.

Упоминаемъ этотъ эпизодъ какъ черту, которая характеризуетъ путешественницъ, какъ англійскихъ женщинъ: столько энергіи,—употребленной на дѣло истинной любви къ человѣчеству и внушающей глубокое уваженіе,—столько энергіи даетъ свободное образованіе, широкая общественная жизнь и сознаніе своей тѣсной связи съ обществомъ и государствомъ,—потому что въ ихъ смѣлости имѣло свою долю сознаніе англійскаго могущества, которое въ случаѣ нужды—станетъ за нихъ. Скажутъ, что Англія особеннымъ образомъ вліятельна въ Турціи;—правда, но извѣстно

Digitized by Google

и то, что англичанинъ также гордо и независимо чувствуетъ себя во всякой странѣ, и въ Турціи, и въ Россіи. Но мы видѣли примѣры, что эта національная гордость не мѣшала путешественницамъ очень строго относиться и къ англійскимъ дѣйствіямъ въ Турціи вообще, и въ частности къ дѣйствіямъ отдѣльныхъ лицъ. Онѣ не скрываютъ, какъ мало дѣйствія Англіи отвѣчали требованіямъ справедливости, какой странной является въ глазахъ балканскаго славянства (и въ ихъ собственныхъ глазахъ) дружба англійской королевы съ повелителемъ той Турціи, въ которой онѣ видѣли такія грубыя и свирѣпыя нарушенія всякаго человѣческаго права; онѣ не скрываютъ того постыднаго факта, что англичанинъ Чорчилль, пользовавшійся гостепріимствомъ черногорцевъ и внимательно изучившій мѣстность ихъ страны, сталъ потомъ (въ войнѣ 1862 г.) проводникомъ турецкихъ войскъ въ эту самую страну.

Указанныя качества—энергія въ изысканіяхъ и правдивость—составляютъ уже великое достоинство труда г-жъ Мэккензи и Ирби. Но самая привлекательная нравственная черта его есть теплое участіе къ судьбѣ бѣдствующихъ племенъ, всѣми забытыхъ и заброшенныхъ, желаніе помочь страшной бѣдѣ. Это желаніе и руководило ихъ трудами; ради его онѣ выносили тягости путешествія часто среди полудикихъ или совсѣмъ дикихъ населеній; это желаніе, вмѣстѣ съ внимательнымъ изученіемъ, помогло имъ—удивительно хорошо для иностранокъ, тогда еще плохо владѣвшихъ славянскимъ языкомъ—понять характеръ быта и людей, ясно увидѣть трагическую сторону жизни балканскаго славянства, его недостатки и достоинства, его прозу и поэзію. Наконецъ, путешествіе г-жъ Мэккензи и Ирби—прекрасно написанная книга: это—не сухой сборъ свѣдѣній или безучастное изложеніе видѣннаго и слышаннаго, а живой разсказъ, легко читающійся, но веденный съ очень серьёзною мыслью. Мы привели въ началѣ отзывъ Гладстона объ этой книгѣ: она вполнѣ его оправдываетъ [1]).

Путешественницы не безъ тяжелыхъ испытаній, но благополучно добрались до Скутари. Оттуда онѣ поѣхали въ Черногорію: эту страну онѣ посѣщали тогда уже въ *третій* разъ. Тамъ уже были у нихъ давнишніе друзья.

---

[1]) Можетъ случиться, что книга найдетъ, пожалуй, русскаго переводчика: но прежде бывшимъ опытамъ, надо желать, чтобы взялся за нее переводчикъ порядочный и добросовѣстный. Было бы постыдно, еслибъ книга явилась по-русски въ такомъ изуродованномъ видѣ, какъ, напр., Каницъ или „Влохати".

Digitized by Google

По смерти г-жи Мэккензи, ея спутница продолжала дѣятельность, начатую ими вмѣстѣ. Въ 1875 году началось боснійское возстаніе: г-жа Ирби отдала свое время и средства на помощь несчастнымъ боснійскимъ эмигрантамъ. Это было естественное практическое примѣненіе той любви къ человѣчеству и свободѣ, которая много лѣтъ назадъ привела ихъ къ изученію балканскаго славянства. Какъ мы замѣтили прежде, въ настоящемъ изданіи г-жа Ирби прибавила три новыя главы о Босніи въ послѣдніе три года.

А. Пыпинъ.

Digitized by Google

РОССІЯ и ЕВРОПА

ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ

ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСАНДРА I.

V *).

Эрфуртъ и австрійская война 1809 года.

Нѣкоторые были въ восторгѣ отъ тильзитскаго мира и союза. Князь Куракинъ писалъ императрицѣ Маріи: «Русскій Богъ не перестаетъ бодрствовать надъ нами и распространять на насъ свои благословенія! Россія выходитъ изъ этой войны со славою и счастіемъ неожиданнымъ; у нея заискиваетъ враждебная держава, имѣющая рѣшительный перевѣсъ силъ на своей сторонѣ и побѣдившая насъ. Ничего не потерявъ изъ своихъ владѣній, Россія пріобрѣтаетъ новыя, пріобрѣтаетъ для своихъ польскихъ областей новую военную границу. Россія становится ангеломъ-хранителемъ прусскаго короля, который видитъ въ императорѣ своего спасителя, и получитъ изъ его рукъ большую часть своихъ владѣній, которыхъ не умѣлъ ни охранять, ни защищать».

Но далеко не всѣ русскіе люди могли быть въ такомъ восторгѣ отъ тильзитскаго мира. Самое непродолжительное спокойное размышленіе надъ явленіемъ достаточно было для перемѣны взгляда, создавшагося подъ первымъ впечатлѣніемъ. Естественно и необходимо рождался вопросъ: для чего были эти заискиванія

*) См. выше: окт. 686 стр.

Digitized by Google

со стороны побѣдоносной силы у державы побѣжденной? и отвѣтъ былъ одинъ: для того, чтобъ послѣдняя, оставаясь еще достаточно сильною и опасною, не мѣшала побѣдителю въ дальнѣйшихъ замыслахъ, и какіе это могли быть замыслы? При тильзитскихъ свиданіяхъ у Наполеона вырывались слова искушенія: «Раздѣлимъ міръ!» но искушеніе должно было исчезнуть опять при первомъ спокойномъ размышленіи. Дѣлежъ могъ имѣть одно основаніе: для Франціи—Западъ, для Россіи—Востокъ; Франціи на Западѣ оставалось добрать Пиренейскій полуостровъ; Россіи, въ соотвѣтствіе, слѣдовалъ Балканскій; но императоръ французовъ уже и теперь не допускалъ такого, повидимому, столь естественнаго дѣлежа; на Балканскомъ полуостровѣ оба императора должны были дѣйствовать вмѣстѣ и дѣлиться, тамъ была уже указана и мѣстность, на которой начертано: «nec plus ultra». Что же, спрашивается, остается Россіи при дѣлежѣ міра? Дѣлежъ былъ неравный и велъ къ новой борьбѣ по своей черезполосицѣ. Очевидно, тильзитскій миръ былъ только перемиріемъ; выгода его для Россіи состояла только въ томъ, что давала ей необходимую передышку, время собраться съ силами и дать для этого время другимъ. Наполеону нужно было перемиріе, нуженъ былъ фальшивый союзъ съ Россіею, чтобы осуществить свои планы на Западѣ; Александру нужно было это перемиріе и фальшивый союзъ съ Франціею, чтобъ имѣть извѣстное время свободныя руки для дѣйствій по вопросамъ восточному и польскому; дальнѣйшій ходъ ихъ, разумѣется, долженъ былъ привести къ борьбѣ съ Наполеономъ, но для этой-то борьбы и нужно было отдохнуть, приготовиться, не спуская глазъ съ Наполеона, что онъ еще задумаетъ, какъ будетъ далѣе истощать мѣру долготерпѣнія народовъ, гдѣ и какъ споткнется на пути захватовъ. Тильзитскій миръ былъ необходимъ и условія его были выгодны для обѣихъ сторонъ: для Наполеона тѣмъ, что останавливали помѣху его замысламъ со стороны Россіи; для Александра тѣмъ, что останавливали вредные для Россіи замыслы Наполеона и относительно Германіи сохраненіемъ Пруссіи, и относительно польскаго вопроса—не возстановленіемъ Польши, а образованіемъ только герцогства Варшавскаго, слѣдовательно, остановкою на зародышѣ, и относительно восточнаго вопроса посредничествомъ Франціи, вмѣсто враждебнаго ея дѣйствія. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы императоръ Александръ смотрѣлъ иначе на тильзитскій миръ и видѣлъ въ немъ болѣе необходимаго перемирія. Онъ самъ не могъ быть доволенъ положеніемъ, которое было создано для него тильзитскимъ миромъ и союзомъ съ На-

Digitized by Google

полеономъ; онъ, какъ государь, долженъ былъ наложить на себя тяжкую обязанность не выражать этого неудовольствія; но другіе, многіе и многіе, будучи недовольны, громко жаловались и обвиняли того, кто принялъ на себя всю отвѣтственность, устроивши непосредственно новыя отношенія. Сознательно и безсознательно въ русскихъ людяхъ вкоренилось убѣжденіе, что отношенія Россіи къ западной Европѣ, къ Наполеону, какъ они существовали до сихъ поръ, были самыя правильныя, согласныя съ достоинствомъ и значеніемъ Россіи; вкоренилось убѣжденіе, что на Западѣ, въ лицѣ Наполеона, воплотилось хищничество, попраніе всѣхъ международныхъ правъ, порабощеніе народовъ, и что Россія высказала этому протестъ, не признала правъ силы и насилія, постоянно боролась съ насильникомъ, защищая слабыхъ. Аустерлицъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что отъ неудачъ военныхъ давно отвыкли; но неудача не перемѣнила отношеній, и послѣ Аустерлица Россія осталась въ томъ же возвышенномъ положеніи, готовая продолжать борьбу, защищать слабыхъ отъ насилія. Но теперь, послѣ Тильзита, это возвышенное положеніе было потеряно; русскій государь, бывшій постоянно вѣрнымъ святому знамени, которымъ гордилась Россія, теперь бросилъ его, протянулъ руку, побратался съ тѣмъ, кого привыкли называть врагомъ рода человѣческаго. И для чего? Настоящія побужденія, политическія соображенія были скрыты и все отнесено къ лицу, его чувствамъ и впечатлѣніямъ. Война была ведена дурно, потерпѣли пораженіе, испугались и отдались въ руки побѣдителю, заключили съ нимъ союзъ,—для чего? Союзъ съ Наполеономъ—значитъ, постоянная война, ибо онъ постоянно воюетъ, и Россія будетъ теперь ходить на войну, куда онъ захочетъ—союзъ! И прежде всего ссора съ Англіею, естественною, всегдашнею союзницей, прекращеніе выгодной, необходимой торговли, и за все это Наполеонъ далъ бѣлостокскую область, отнятую у нашего же союзника, прусскаго короля. Начавшаяся немедленно шведская война усилила непріятное впечатлѣніе: война съ государемъ, который былъ нашимъ постояннымъ союзникомъ, который сталъ виноватъ тѣмъ, что остался вѣренъ знамени, покинутому нами: вотъ прямыя слѣдствія союза съ Наполеономъ,—война, безконечная война въ угоду врага рода человѣческаго! И все приписывалось одному лицу, ибо все сдѣлано имъ однимъ: не было никакого Гаугвица, никакого Ломбарда для отвлеченія. Вотъ уже седьмой годъ—и ни въ чемъ нѣтъ удачи! Если тяжело было положеніе императора Александра послѣ Аустерлица, то эта тяжесть не значила ничего въ срав-

Digitized by Google

неніи съ тяжестію положенія настоящаго. Онъ зналъ все, зналъ даже въ преувеличенномъ видѣ, благодаря людямъ, находившимъ свои выгоды напугать его, представить слова дѣлами или близкими къ дѣлу,—онъ зналъ, какъ смотрѣли на Тильзитъ, и не могъ не уважать основаній этого взгляда. Онъ не перемѣнялъ системы, не отказывался отъ борьбы съ Наполеономъ, не вѣрилъ его словамъ и обѣщаніямъ, ибо и человѣкъ съ менѣе тонкимъ умомъ, чѣмъ у императора Александра, не могъ имъ вѣрить; но не могъ не признать, что имѣлось основаніе толковать о крутой перемѣнѣ системы, о слабости, непостоянствѣ человѣка, способнаго къ такимъ перемѣнамъ, о невозможности полагаться на него; самый снисходительный отзывъ могъ состоять въ томъ, что онъ былъ обольщенъ Наполеономъ. Какъ страшно должно было страдать самолюбіе!

Много было сдѣлано для Пруссіи; чувствовалась нравственная необходимость сдѣлать это, потому что было обязательство, Пруссія была отклонена отъ отдѣльнаго мира съ Франціею въ концѣ 1806 года и потомъ послѣ Эйлау. Въ Россіи люди, нѣкогда самые близкіе, не принимая во вниманіе нравственныхъ отношеній, упрекали за пожертвованія чуждымъ интересамъ; но, по крайней мѣрѣ, въ Пруссіи были довольны? Нисколько. Александръ дѣлалъ пожертвованія, доказывая, что на него можно положиться, что онъ не измѣняетъ своимъ союзникамъ, не забываетъ своихъ обязательствъ: но въ Пруссіи именно Александръ объявленъ былъ человѣкомъ, неспособнымъ выдерживать, человѣкомъ, бросающимъ своихъ союзниковъ въ бѣдѣ, на котораго, поэтому, полагаться нельзя. И этотъ обвинительный голосъ послышался изъ устъ человѣка, который пользовался особеннымъ расположеніемъ Александра, который ему былъ обязанъ настоящимъ своимъ положеніемъ, Гарденберга. Онъ сталъ толковать, что Александръ былъ обойденъ Наполеономъ при тильзитскихъ свиданіяхъ; Александру не слѣдовало здѣсь вступать въ борьбу при такомъ неравномъ оружіи: Наполеонъ далеко превосходилъ его опытностію, лживостію и энергіею, да еще опирался на хитраго Талейрана; тогда какъ отъ Александра онъ отстранилъ всѣхъ помощниковъ, говоря: «Государь! я буду вашимъ секретаремъ, а вы—моимъ». Гарденбергъ рѣшился говорить, что помощь, оказанная Пруссіи Александромъ при тильзитскихъ переговорахъ, была не сильнѣе помощи, оказанной оружіемъ. Наконецъ, Гарденбергъ рѣшился сказать королю, что, при всемъ его злополучіи, считаетъ его счастливѣе Александра, у котораго Наполеонъ умѣлъ отнять честь. Раздраженіе Гарденберга объясняется общимъ раздраженіемъ въ

Digitized by Google

Пруссіи. Какъ во время войны надѣялись, что съ приходомъ русскихъ—сейчасъ же побѣда, изгнаніе французовъ и выгодный миръ, и когда надежда не исполнялась, начали кричать противъ русскихъ; такъ и теперь, при мирныхъ переговорахъ, надѣялись, что императоръ Александръ выговоритъ для Пруссіи самыя выгодныя условія, и когда условія не понравились, начался крикъ противъ Александра. До чего доходили несбыточныя надежды въ Пруссіи при открытіи мирныхъ переговоровъ, свидѣтельствуетъ прусскій проектъ мирнаго договора. Гарденбергъ вообразилъ себя Фридрихомъ II-мъ,—и не Фридрихомъ II-мъ послѣ куннерсдорфскаго пораженія, когда великій король, въ отчаяніи, хотѣлъ лишить себя жизни, что́ было бы сходно съ положеніемъ послѣ Фридланда,—но Фридрихомъ II-мъ въ семидесятыхъ годахъ XVIII-го вѣка, когда онъ, благодаря счастливому выходу изъ Семилѣтней войны, имѣлъ громадный авторитетъ, громадное вліяніе на дѣла Европы. Фридрихъ II-й въ это время воспользовался благопріятными обстоятельствами, нежеланіемъ Россіи вести двойную войну съ Турціею и Австріею, уговорилъ Екатерину II-ю удовольствоваться самыми умѣренными пріобрѣтеніями отъ Турціи и вознаградить себя на счетъ Польши, причемъ и Австрія съ Пруссіею также получили вознагражденіе отъ Польши, неизвѣстно за что́. Теперь Гарденбергъ хотѣлъ сдѣлать то же самое, только наоборотъ: возстановить Польшу и раздѣлить Турцію—въ пользу Пруссіи, и хотѣлъ онъ это сдѣлать послѣ страшнаго погрома, который потерпѣла Пруссія, послѣ того, какъ почти всѣ ея владѣнія были заняты непріятелемъ, слѣдовательно, хотѣлъ стать гораздо выше Фридриха II-го. Планъ состоялъ въ томъ, что Пруссія уступала свои польскія владѣнія (кромѣ департаментовъ познанскаго, данцигскаго и торнскаго) для возстановленія Польши, которая отдавалась королю саксонскому, а Саксонія съ Лужичами отходила къ Пруссіи. Послѣдняя уступала Франціи Вестфалію, но за то брала себѣ земли по сѣверному берегу Майна, также города Любекъ и Гамбургъ; сверхъ того, пріобрѣтала верховную власть надъ мекленбургскими и саксонскими герцогствами и другими мелкими владѣніями сѣверной Германіи. Хотѣли, такимъ образомъ, сдѣлать неслыханное чудо: государство, потерпѣвшее страшное пораженіе, завоеванное и несдѣлавшее ничего для своего возстановленія, выходило изъ борьбы болѣе сильнымъ и округленнымъ, чѣмъ было прежде; хотѣли сдѣлать, чтобъ извѣстныя слова: «горе побѣжденнымъ!» смѣнились словами: «счастье побѣжденнымъ!» Но чтобы Франція, Россія и Австрія не очень удивлялись этому чуду (другой причины не видно),

Digitized by Google

Гарденбергъ предлагалъ имъ заняться войною съ Турціею, послѣ которой онѣ получали право раздѣлить между собою европейскія владѣнія Порты такимъ образомъ: Россія получала Молдавію, Валахію, Бессарабію, Болгарію, Румелію, съ крѣпостями на азіатскомъ берегу; Австрія—Далмацію, Боснію, Сербію; Франція—Ѳессалію, Ливадію, Негропонтъ, Морею, Кандію и острова Архипелага; въ Турціи же получали долю: король Фердинандъ неаполитанскій получалъ Албанію и семь іоническихъ острововъ, взамѣнъ Сициліи, отходившей къ Іосифу Бонапарту; король сардинскій получалъ Македонію. Понятно, что если таковы были надежды, то каково же было раздраженіе, когда узнали тильзитскія условія относительно Пруссіи, съ прибавкою, что ей возвращаются извѣстныя земли только въ угоду русскому государю.

Александръ, заключая миръ и союзъ въ Тильзитѣ, имѣлъ въ виду польскій и восточный вопросы; но Наполеонъ очень хорошо понималъ, что эти вопросы могутъ повести очень рано, раньше, чѣмъ ему было нужно, къ новымъ столкновеніямъ и борьбѣ между Россіею и Франціею; ему хотѣлось отвлечь вниманіе русскаго государя на другую сторону, съ юга и запада на сѣверъ, въ мѣстность поближе къ его столицѣ, чѣмъ Молдавія и Валахія. Всего выгоднѣе было бы для Наполеона, если бы у Россіи началась война съ Швеціею: Россія можетъ легко занять Финляндію; но Швеціи трудно будетъ согласиться уступить ее; война затянется, англичане будутъ поддерживать шведовъ, и Александру не будетъ времени думать ни о туркахъ, ни о полякахъ, ни о комъ-либо другомъ. Какъ знаменитый гастрономъ умѣетъ указать неопытному въ чревоугодіи собесѣднику лакомый кусокъ, такъ мастеръ въ дѣлѣ захвата чужихъ областей, Наполеонъ, указывалъ въ Тильзитѣ Александру на необходимость взять Финляндію у Швеціи: «Шведскій король,—говорилъ онъ,—въ какихъ бы отношеніяхъ случайно къ вамъ ни находился, постоянно онъ вашъ непріятель географическій. Петербургъ слишкомъ близко къ шведской границѣ; петербургскія красавицы не должны больше изъ домовъ своихъ слышать грома шведскихъ пушекъ». Этими словами Наполеонъ намекалъ на послѣднюю шведскую войну при Екатеринѣ II-й.

Мы видимъ, что для Наполеона важенъ былъ не миръ съ Россіею только, но главнымъ образомъ союзъ, уничтоженіе возможности коаліціи, отнятіе у Англіи надежды на возможность бороться съ Франціею на континентѣ посредствомъ Россіи, этимъ Англія принуждалась заключить съ Франціею выгодный для послѣдней миръ; если же мира не будетъ, то Россія, по тильзитскому до-

Digitized by Google

говору, изъ союзницы станетъ врагомъ Англіи. Эта вражда была необходима Наполеону для приведенія въ исполненіе его такъ-называемой континентальной системы, имѣвшей цѣлію уничтожить сбытъ англійскихъ товаровъ въ Европѣ; чтобъ это уничтоженіе было повсемѣстнымъ, въ Тильзитѣ было выговорено: если Англія не согласится на миръ, то Россія и Франція приглашаютъ Данію, Швецію и Португалію запереть для англійскихъ кораблей свои гавани и объявить Англіи войну; если же которая-нибудь изъ этихъ державъ не приметъ приглашенія, то Россія и Франція объявятъ ей войну; если окажетъ упорство Швеція, то онѣ заставятъ Данію воевать съ нею. Александръ принялъ на себя посредничество для примиренія Франціи съ Англіей; какъ основное условіе мира, Наполеонъ постановилъ, чтобъ Англія возвратила всѣ захваченныя ею колоніи, французскія, испанскія и голландскія, за что со стороны Франціи будетъ возвращенъ ей Ганноверъ; Александръ выговорилъ длинный срокъ для прекращенія дипломатическихъ сношеній Россіи съ Англіею, если послѣдняя не согласится на миръ; этотъ срокъ былъ 1-е декабря. При заключеніи тильзитскаго мира русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ былъ Алопеусъ 1-й, знакомый намъ по Берлину. Въ это время виги, которые своею медленностію въ поданіи помощи такъ содѣйствовали тильзитскому миру, не управляли болѣе дѣлами страны, ихъ смѣнило торійское министерство Касльри, Персиваля и Каннинга. Когда Алопеусъ объявилъ Каннингу о заключеніи тильзитскаго мира съ объясненіемъ причинъ, заставившихъ русскаго государя заключить его: послѣ Эйлау императоръ всю зиму ждалъ, что Австрія и Англія примутъ дѣятельное участіе въ войнѣ, Англія обѣщала помощь и не сдержала своихъ обѣщаній,—то Каннингъ отвѣчалъ самымъ спокойнымъ тономъ: «я нисколько не буду возражать противъ справедливости вашихъ словъ; сдѣлайте одолженіе, прочтите нынѣшнія газеты, вы тамъ найдете мои слова, сказанныя въ палатѣ общинъ въ оправданіе дѣйствій Россіи и для указанія ошибокъ англійскаго кабинета». Но, выставляя съ удовольствіемъ ошибки предшествовавшаго кабинета, новое министерство рѣшило не повторять ихъ, а съ удвоенною энергіею продолжать борьбу съ Наполеономъ; для успѣха же этой борьбы необходимо было содѣйствіе Россіи. Въ Англіи очень хорошо знали, что тильзитскій миръ и союзъ очень непрочны, что союзъ Англіи съ Россіею, коренившійся на основныхъ условіяхъ времени, былъ гораздо прочнѣе, и потому, несмотря на то, что посредничество Россіи не повело ни къ чему и послѣдовалъ разрывъ между старыми

Digitized by Google

союзниками, вражда Англіи къ Россіи, по своей дѣйствительной цѣнѣ, вполнѣ соотвѣтствовала дружбѣ Россіи съ Франціею. Но отношенія Россіи къ Англіи были тильзитскимъ договоромъ тѣсно связаны съ отношеніями къ Швеціи. Императоръ Александръ, зная хорошо мнѣніе и правительственныхъ лицъ въ Швеціи и, можно сказать, всего народа, имѣлъ основаніе думать, что Швеція не станетъ воевать съ Россіею и будетъ слѣдовать одной съ нею политикѣ; конечно, надобно было взять въ разсчетъ характеръ короля, который могъ поступить по-своему; но тутъ разсчетъ былъ труденъ, ибо нельзя было никакъ угадать, на чемъ вдругъ остановится Густавъ IV. Онъ остановился на томъ, что остался въ союзѣ съ Англіею и продолжалъ одинъ войну съ Франціею, которой войска вытѣснили его изъ Померанія; несмотря на то, Густавъ продолжалъ прежнюю систему, накликая этимъ на себя русскую войну. Такимъ положеніемъ дѣлъ воспользовались англичане. Въ то время, какъ между лучшими людьми, не привыкшими преклоняться предъ силою и во всемъ ее оправдывать, раздавались крики негодованія противъ захватовъ Наполеона, англичанамъ захотѣлось услужить континентальному хищнику, показавши, что на морѣ есть сила, которая ему не уступитъ и даже еще превзойдетъ его. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1807 года сильный англійскій флотъ явился у береговъ Даніи и потребовалъ у ея правительства заключенія союза съ Англіею, выдачи всего флота и введенія англійскихъ гарнизоновъ въ важнѣйшія мѣста. «Слабый долженъ уступать сильному», отвѣчали англичане на возраженія датчанъ, и когда послѣдніе отказались исполнить ихъ требованія, то «сильные» начали бомбардировать Копенгагенъ, сожгли половину города, истребивъ 2000 человѣкъ, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, и взяли флотъ и морской арсеналъ. Но Наполеонъ не хотѣлъ позволить, чтобъ англичане соперничали съ нимъ, изумляя міръ подобными поступками; онъ нашелъ средство заставить забыть копенгагенское происшествіе: онъ задумалъ покореніе Пиренейскаго полуострова, сверженіе бурбонской династіи съ испанскаго престола и замѣну ея династіею бонапартовскою.

Своею уступчивостію, готовностію къ союзу съ сильною сосѣдкою, испанскіе Бурбоны уживались до сихъ поръ въ мирѣ и съ республиканскою, и съ императорскою Франціею. Но понятно, что не уступчивость Испаніи, не союзъ съ нею удерживали Наполеона отъ захвата. По своей природѣ, по своему положенію и по своимъ замысламъ, которымъ судьба такъ благопріятствовала до сихъ поръ, онъ не могъ спокойно смотрѣть на незави-

Digitized by Google

симость государствъ Пиренейскаго полуострова. Если Людовикъ XIV говорилъ: «нѣтъ болѣе Пиренеевъ», то Наполеонъ долженъ былъ считать Испанію и Португалію необходимымъ дополненіемъ создаваемой имъ имперіи; Бурбоны изгнаны изъ Франціи, изъ Неаполя: съ какой стати оставаться имъ въ Испаніи? Что такое будетъ западная имперія безъ Пиренейскаго полуострова? Наполеонъ могъ допустить существованіе Пруссіи, даже ея усиленіе, еслибъ она не мѣшала ему, находилась въ постоянномъ, тѣсномъ союзѣ съ Франціею, еслибъ не колебалась между нею и Россіею; могъ легко допустить существованіе Австріи, еслибъ не историческое соперничество по поводу Италіи; но Испанія была ему такъ же нужна, какъ Италія, и только постоянное отвлеченіе на востокъ, вражда съ Россіею, составительницею коалицій, препятствовала ему заняться Пиренейскимъ полуостровомъ. Но какъ только борьба съ Россіею прекращалась союзнымъ договоромъ, какъ скоро чрезъ это Наполеонъ пріобрѣталъ безопасность на востокѣ, сейчасъ же онъ обращался къ Испаніи. Тильзитъ и переворотъ въ Испаніи связаны между собою какъ причина съ слѣдствіемъ. Ожесточенная борьба съ Англіею, стремленіе Наполеона нанести неуловимой противницѣ чувствительный ударъ, стремленіе прекратить повсюду англійскую торговлю, также имѣли близкую связь съ замыслами противъ Испаніи. Португалія, разобщенная отъ Франціи Испаніею, находилась въ торговой и промышленной зависимости отъ Англіи. Заставить Португалію выдти изъ этой зависимости можно было только посредствомъ Испаніи, что было неудобно, затруднительно; да и относительно самой Испаніи, при слабости ея правительства, не было увѣренности, что мѣры Наполеона будутъ приводиться въ исполненіе. Присоединеніе Пиренейскаго полуострова къ французской имперіи дѣлало Средиземное море французскимъ озеромъ, исключало изъ него Англію; легкое покореніе береговъ сѣверной Африки было необходимымъ слѣдствіемъ, послѣ чего рѣшался вопросъ восточный, ибо владѣть міромъ было нельзя, не владѣя Константинополемъ, по мнѣнію Наполеона. Какъ долженъ былъ рѣшиться восточный вопросъ, низложеніемъ Россіи или какою-нибудь сдѣлкою съ нею, это было дѣломъ будущаго.

Но, начавъ испанское дѣло завоеваніемъ Португаліи, изгнаніемъ ея королевскаго дома въ Бразилію, приготовляя войска для наводненія ими Испаніи, обдумывая предлогъ къ ссорѣ, Наполеонъ не могъ не оглядываться на Россію, что тамъ дѣлается, оставитъ ли его новый союзникъ спокойно управиться на Пиренейскомъ полуостровѣ. Наполеону чрезвычайно хотѣлось, чтобъ

Digitized by Google

русскій государь немедленно бросился на Швецію и затянулся въ долгую войну съ нею; Наполеонъ старался поставить императора Александра въ такое же затруднительное положеніе на Скандинавскомъ полуостровѣ, въ какое потомъ самъ попалъ на Пиренейскомъ! Но къ нему пришли тревожныя вѣсти, что Александръ медлитъ войною съ Швеціею, ведетъ съ нею переговоры, а вмѣсто того занимается восточнымъ вопросомъ, что было всего хуже для Наполеона. Ему хотѣлось, чтобъ Россія не затрогивала преждевременно восточнаго вопроса, заключила перемиріе съ турками, очистивъ Молдавію и Валахію, и воевала съ Швеціею, а тамъ, когда Наполеонъ управится въ Испаніи,—другое дѣло, тогда онъ начнетъ управляться съ Турціею. Но понятно, что Александръ долженъ былъ спѣшить приготовить для Россіи успѣшное рѣшеніе восточнаго вопроса, прежде всего занять выгодную, необходимую позицію, т.-е. пріобрѣсть Молдавію и Валахію и поддержать сербское движеніе, которое шло подъ знаменемъ Георгія Чернаго. Для разузнанія, что дѣлается въ Россіи, какъ ведетъ себя новый союзникъ, Наполеонъ послалъ въ Петербургъ одного изъ самыхъ довѣренныхъ людей, генерала Савари, который нашелъ тамъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ. Мы видѣли, что Будбергъ, смѣнившій Чарторыйскаго, уже этимъ самымъ пріобрѣлъ себѣ въ немъ врага. Чарторыйскій не переставалъ осаждать императора Александра требованіями смѣны Будберга и военнаго министра Вязмитинова, который также ему не нравился. Любопытенъ письменный отвѣтъ ему императора: «выставивъ бѣдствія, грозящія Россіи, вы предлагаете для избавленія отъ нихъ: 1) чтобъ я объявилъ себя королемъ польскимъ; 2) смѣнилъ министровъ—военнаго и иностранныхъ дѣлъ. Было бы долго входить въ разсужденія по первой статьѣ, что же касается второй, то объявляю, что доволенъ службою обоихъ министровъ; кромѣ того, я не вижу никого, кто бы могъ ихъ замѣнить. Не генералъ ли Сухтеленъ? Говорю громко, что не нахожу въ немъ способностей, нужныхъ для военнаго министра, и предпочитаю Вязмитинова. Точно также я не вижу никого для иностранныхъ дѣлъ. Хотите Панинныхъ, Морковыхъ [1])? Надобно, чтобы я уважалъ тѣхъ, съ которыми работаю; только при этомъ условіи я могу имъ довѣрять. Крики меня мало безпокоятъ, они обыкновенно бываютъ порожденіемъ духа партіи». Но тильзит-

[1]) Этими именами Александръ колетъ Чарторыйскаго, который ненавидѣлъ Панина за приязненность къ Пруссіи, а Моркова—за дѣятельное участіе въ послѣднихъ екатерининскихъ распоряженіяхъ насчетъ Польши.

Digitized by Google

скій миръ необходимо долженъ былъ вести къ перемѣнѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Будбергъ былъ отъявленный врагъ Наполеона, который, не рѣшаясь прямо потребовать у Александра смѣны министра, какъ потребовалъ у Фридриха-Вильгельма смѣны Гарденберга, однако позволялъ себѣ въ Тильзитѣ выходки противъ Будберга. Не Будбергъ велъ переговоры, не онъ подписался подъ договоромъ. При видимой перемѣнѣ системы нельзя было ему оставаться министромъ, и на его мѣсто былъ назначенъ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, который всегда былъ противъ вражды съ Франціею. Но противники вражды съ Наполеономъ ставили на видъ, что борьба ведется на основаніи общихъ началъ, изъ-за чужихъ интересовъ, причемъ пренебрегаются интересы собственные, которые соблюдутся лучше при соглашеніи съ императоромъ французовъ. Поэтому Румянцеву было необходимо доказать справедливость такого взгляда пріобрѣтеніемъ дѣйствительныхъ выгодъ отъ союза съ Наполеономъ, прежде всего, разумѣется, выгоднымъ рѣшеніемъ турецкаго дѣла, пріобрѣтеніемъ дунайскихъ княжествъ, не говоря уже о томъ, что въ глазахъ своего государя новый министръ могъ выказать свои способности въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, ведя это дѣло вполнѣ согласно съ видами и желаніями императора. Вотъ почему со стороны министра, слывшаго приверженцемъ французскаго союза, Савари услыхалъ слова, непріятнѣе которыхъ не могъ бы ему сказать никакой Будбергъ. «Единственная красивая сторона союза съ вами,—говорилъ ему Румянцевъ,—которую мы можемъ представить народу, состоитъ въ пріобрѣтеніи Молдавіи и Валахіи, а вы хотите отнять у насъ эту возможность. Что мы будемъ отвѣчать, когда насъ спросятъ, зачѣмъ мы не стояли за нихъ крѣпко, и какъ позволили лишить себя этой выгоды, когда мы терпимъ такія потери въ войнѣ съ Англіею? Не говорите о Европѣ, Европа ничего не скажетъ. Что такое Европа, гдѣ она?—вся Европа въ насъ съ вами». Савари донесъ Наполеону, что въ Петербургѣ дѣло нехорошо, сильное неудовольствіе противъ французскаго союза въ обществѣ, сильное желаніе удержать дунайскія княжества въ правительствѣ. А между тѣмъ испанское дѣло уже началось, надобно было его кончить. Наполеонъ рѣшилъ послать льстивое письмо Александру, какъ ребенку отвести глаза, показавши вдали блестящую игрушку, убѣдить завязаться въ шведскую войну, наконецъ, предложить личное свиданіе, чтобъ до тѣхъ поръ было остановлено движеніе на Дунаѣ. Чѣмъ сильнѣе желалъ онъ самъ поскорѣе покончить

Digitized by Google

дѣло на Пиренейскомъ полуостровѣ, тѣмъ сильнѣе желалъ, чтобъ Александръ не начиналъ дѣла на Балканскомъ.

2-го февраля (н. ст.) 1808 года Наполеонъ написалъ Александру: «Генералъ Савари только-что пріѣхалъ. Я провелъ съ нимъ цѣлые часы, чтобъ наговориться о вашемъ величествѣ. Все, что́ онъ ни говорилъ, доставляло мнѣ сердечное удовольствіе, и я ни на минуту не хочу откладывать изъявленія благодарности за всѣ милости, вами ему оказанныя. Ваше величество прочли рѣчи, говорённыя въ англійскомъ парламентѣ, и рѣшеніе продолжать войну до послѣдней крайности. Только посредствомъ великихъ и обширныхъ средствъ можемъ мы достигнуть мира и утвердить нашу систему. Увеличивайте и усиливайте вашу армію. Вы получите отъ меня всю помощь, какую я только въ состояніи вамъ дать. У меня нѣтъ никакого чувства зависти къ Россіи; напротивъ, я желаю ея славы, благоденствія, распространенія. Вашему величеству угодно ли выслушать совѣтъ отъ человѣка, преданнаго вамъ нѣжно и искренно. Вамъ нужно удалить шведовъ отъ своей столицы; вы должны съ этой стороны распространить свои границы какъ можно дальше. Я готовъ помочь вамъ въ этомъ всѣми моими средствами. Армія въ 50,000 чел., франко-русская, быть можетъ, нѣсколько австрійская, которая направится чрезъ Константинополь въ Азію, не дойдетъ еще до Евфрата, какъ Англія затрепещетъ и бросится на колѣни предъ континентомъ. Я твердо стою въ Далмаціи, ваше величество— на Дунаѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ мы уговоримся, армія можетъ быть на Босфорѣ. Ударъ отзовется въ Индіи, и Англія будетъ покорна. Я не отказываюсь ни отъ какихъ предварительныхъ соглашеній, необходимыхъ для достиженія столь великой цѣли. Взаимный интересъ нашихъ государствъ долженъ быть обсужденъ и уравновѣшенъ. Но это можетъ быть сдѣлано только при личномъ свиданіи, или послѣ зрѣлыхъ обсужденій между Румянцевымъ и Коленкуромъ [1]) и присылки сюда человѣка, который былъ бы крѣпокъ въ системѣ [2]). Толстой [3]) хорошій человѣкъ, но наполненъ предразсудками, недовѣріемъ къ Франціи и вовсе не въ уровень съ высотою тильзитскихъ событій и новаго положенія, въ которое поставила вселенную наша тѣсная дружба съ вами. Все можетъ быть рѣшено и подписано

[1]) Французскимъ посломъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ на постоянное пребываніе, тогда какъ Савари пріѣзжалъ только временно.

[2]) То-есть въ системѣ франко-русскаго союза.

[3]) Графъ Петръ Александровичъ, русскій посолъ во Франціи, отправленный послѣ Тильзита.

Digitized by Google

прежде 15-го марта. Къ 1-му мая наши войска могутъ быть въ Азіи, и, въ то же время, войско вашего величества можетъ быть въ Стокгольмѣ. Тогда англичане, угрожаемые въ Индіи, прогнанные изъ Леванта, будутъ подавлены подъ тяжестью событій, которыми будетъ заряжена атмосфера. Ваше величество и я предпочли бы сладость мира, возможность проводить свою жизнь среди своихъ обширныхъ имперій, оживлять ихъ, доставлять имъ благоденствіе посредствомъ искусствъ и благодѣяній администраціи. Всеобщіе враги этого не хотятъ. Надо быть противъ воли болѣе великими. Мудрость и политика требуютъ исполнять требованія судьбы,—идти туда, куда влечетъ неодолимый ходъ событій. Тогда тучи пигмеевъ, которые не хотятъ видѣть, что настоящія событія таковы, какимъ подобныхъ надобно искать въ исторіи, а не въ газетахъ послѣдняго столѣтія, преклонятся, послѣдуютъ движенію, данному вашимъ величествомъ и мною, и русскій народъ будетъ доволенъ славою, богатствомъ и счастьемъ, которыя будутъ слѣдствіемъ этихъ великихъ событій. Тильзитское дѣло направитъ судьбы міра».

Александръ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ: «Письмо вашего величества перенесло меня во времена Тильзита, воспоминаніе о которыхъ останется для меня всегда драгоцѣннымъ. Виды вашего величества являются мнѣ одинаково великими и справедливыми. Такому высшему генію, какъ вашъ, предоставлено создать такой обширный планъ,—вашему же генію предоставлено и руководить его исполненіемъ». Александръ писалъ, что передалъ Коленкуру русскія требованія; если Наполеонъ согласится на ихъ исполненіе, то Александръ предлагаетъ армію для индійскаго похода и другую для Малой-Азіи,—также флотъ. Если идеи Александра сходятся съ идеями Наполеона, то первый согласенъ на личное свиданіе, для котораго избираетъ городъ Эрфуртъ: «Я уже заранѣе готовлю себѣ праздникъ изъ этого свиданія,—писалъ Александръ:—я смотрю на это время, какъ на самое прекрасное въ моей жизни». Что касается Швеціи, то Александръ извѣщалъ, что русскія войска уже занимаютъ всѣ значительныя мѣста въ Финляндіи, идутъ на Або, бомбардируютъ Свеаборгъ.

Пересылая нѣжный отвѣтъ на нѣжное письмо, Александръ очень хорошо зналъ, что искренній союзникъ вовсе не думаетъ о походѣ въ Индію, а замышляетъ что-то другое, о чемъ тщательно скрываетъ отъ своего друга. Но долго скрывать испанскихъ замысловъ было нельзя. До сихъ поръ ни одинъ русскій посланникъ не былъ по-душѣ Наполеону [1]); графъ Толстой раз-

[1]) Мы не считаемъ Убри, который не былъ посланникомъ.

Digitized by Google

дѣлять участь своихъ предшественниковъ, Колычова и Морвова; Наполеонъ прямо требуетъ его отозванія, выставляя его человѣкомъ нерасположеннымъ къ Франціи, требуетъ присылки человѣка, который слѣдовалъ бы противоположной системѣ, тильзитской системѣ. Чтобъ познакомиться съ человѣкомъ и узнать причины, почему Толстой такъ не понравился Наполеону, послушаемъ разговоръ, который происходилъ у императора французовъ съ русскимъ посланникомъ 24-го января (5-го февраля) 1808 года.—*Толстой:* Въ Тильзитѣ не было помина о томъ, чтобъ связать турецкое дѣло съ прусскимъ; мы готовы помочь вамъ добыть себѣ часть турецкой имперіи; но въ Тильзитѣ не говорилось, что за пріобрѣтенное Россіею въ Турціи Франція получаетъ себѣ вознагражденіе на-счетъ Пруссіи.—*Наполеонъ:* Трудно, невозможно теперь осуществить виды на турецкую имперію; я хочу взять Кандію и Морею; но препятствія со стороны англичанъ, которые овладѣютъ Архипелагомъ; я не знаю, какъ удержусь и на Іоническихъ островахъ. Дать вамъ Молдавію и Валахію—значитъ слишкомъ усилить ваше вліяніе, привести васъ въ прочную связь съ сербами, которые вамъ преданы, съ черногорцами, греками,—вашими единовѣрцами и любящими васъ.—*Толстой:* Все это не причина для вашего величества искать вознагражденія въ Пруссіи, которая одна отдѣляетъ насъ отъ Франціи, и замедлять ея очищеніе; притомъ Россія не можетъ не безпокоиться, видя, что ваше величество набираете 80,000 войска, когда у васъ его уже 800,000; противъ кого это, если вы въ союзѣ съ Россіею? Савари и Коленкуръ донесутъ вашему величеству, что вы можете вполнѣ положиться на нашего императора.—*Наполеонъ:* Чтобъ сдѣлать угодное императору Александру, я исполняю все относительно Турціи; я не могу не одобрить его желанія имѣть дунайскія княжества, потому что они сдѣлаютъ его господиномъ Чернаго моря; но если вы хотите, чтобъ я вамъ пожертвовалъ своимъ союзникомъ, то справедливость требуетъ, чтобъ вы пожертвовали мнѣ своимъ, и не противились тому, чтобъ я взялъ у Пруссіи Силезію, тѣмъ болѣе, что она далеко отъ вашихъ границъ. Силезію я хочу взять не себѣ, ни отдать своему родственнику: отдамъ ее такому государству, которое мнѣ будетъ благодарно, и ослаблю Пруссію, которой я сдѣлалъ столько зла, что уже разсчитывать болѣе на нее не могу. Я свято исполню тильзитскій договоръ, если вы согласитесь очистить турецкія владѣнія, или согласитесь на какую-нибудь сдѣлку. Я вамъ доказалъ, что у васъ нѣтъ логики.—*Толстой:* Я не могу убѣдиться словами вашего величества, и

Digitized by Google

привыкъ судить не по словамъ, а по дѣламъ.—Тутъ Наполеонъ взялъ обѣими руками свою шляпу, бросилъ ее на полъ и сказалъ: «Слушайте, г. Толстой! не императоръ французовъ говоритъ съ вами, а простой дивизіонный генералъ говоритъ съ другимъ дивизіоннымъ генераломъ: пусть буду я послѣднимъ изъ людей, если не исполню самымъ добросовѣстнымъ образомъ тильзитскаго договора, если я не очищу отъ своихъ войскъ Пруссіи и герцогства варшавскаго, но тогда только, когда вы очистите Молдавію и Валахію. Впрочемъ, въ годъ все уладится между Россіею и Франціею».—*Толстой:* Срокъ очень дологъ! — *Наполеонъ:* Я считаю отъ тильзитскаго мира,—значитъ, въ шесть мѣсяцевъ. Видно, что вы не дипломатъ: вы хотите, чтобъ дѣло шло какъ войско—галопомъ. Такія важныя дѣла, какимъ подобныхъ никогда не бывало въ Европѣ, должны хорошенько соврѣть; но у васъ, кажется, своя система и отличная отъ системы вашего двора; вы принадлежите къ партіи анти-французской и отсюда въ васъ недовѣрчивость.—*Толстой:* Эти упреки въ принадлежности къ партіи меня оскорбляютъ; я русскій—и только! не принадлежу ни къ англійской, ни къ французской партіямъ.— Наполеонъ кончилъ разговоръ словами: «Я еще вамъ не говорю, что я не очищу Пруссіи, если даже вы сдѣлаете Дунай своею границею».

Уже и прежде Наполеонъ говорилъ Толстому, что Россія можетъ добыть себѣ земли отъ Швеціи, а 5-го февраля объявилъ ему рѣшительно, что онъ согласится на то, чтобъ Россія пріобрѣла себѣ всю Швецію, не исключая и Стокгольма. Тутъ же онъ объявилъ Толстому въ первый разъ, что готовитъ войско—противъ Африки! Объявилъ, что хочетъ основать военныя колоніи по берегамъ этой части свѣта до самаго Египта, хочетъ запереть Средиземное море для англичанъ и вознаградить нѣкоторымъ образомъ свой народъ за потери торговыя и колоніальныя; объявилъ, что разрушеніе Варварійскихъ владѣній входитъ также въ его планы. На всѣ рѣчи Наполеона относительно дунайскихъ княжествъ, Силезіи, Швеціи съ русской стороны былъ отвѣтъ, что императоръ Александръ не можетъ допустить никакого отношенія между Портою и Пруссіею: тильзитскій договоръ дѣйствительно налагалъ обязанность на Россію вывести войска изъ княжествъ; но въ конференціяхъ между двумя императорами Наполеонъ согласился на словахъ, чтобъ русскія войска остались въ княжествахъ, и обѣщалъ не препятствовать тому, чтобы, при заключеніи мира, Молдавія и Валахія были присоединены къ Россіи; что Франція не исполнила своихъ обязательствъ, не очищая

Digitized by Google

до сихъ поръ Пруссіи; но Россія исполнила свои, объявивъ войну Англіи и Швеціи.

Наполеонъ говорилъ Толстому о своихъ замыслахъ противъ Африки, чтобъ до послѣдней минуты скрыть движенія противъ Испаніи. Но долго скрывать было нельзя, и Наполеонъ не вполнѣ спокойно отправлялъ свои отряды, одинъ за другимъ, въ Испанію: какъ взглянуть на испанское дѣло въ Петербургѣ, останутся ли равнодушны къ Пиренейскому полуострову, согласятся ли взять себѣ Скандинавскій,—или захотятъ воспользоваться отвлеченіемъ французскаго войска въ Испанію, чтобъ уладить свои дѣла на Балканскомъ? На всякій случай Наполеонъ велѣлъ спросить у Себастіани въ Константинополѣ: «Если русскіе захотятъ удержать Молдавію и Валахію, то Порта намѣрена ли вести войну противъ Россіи вмѣстѣ съ Франціею? Какія у нея военныя средства?» Но, прежде всего, нужно было покончить съ Испаніею. Чтобъ кончить скорѣе, надобно было, разумѣется, двинуть какъ можно болѣе войска. Двинуто было 80,000, но и этого Наполеону казалось мало. Передъ Толстымъ онъ прикрывалъ движеніе войскъ замыслами противъ Африки; оффиціально они были прикрыты необходимостью защитить полуостровъ отъ предполагаемой высадки англичанъ у Кадикса. Что же испанское правительство? Оно было въ такомъ положеніи, что привлекало хищника запахомъ трупа. Съ крайнею слабостью соединялся страшный скандалъ: король Карлъ IV былъ тѣнью государя на престолѣ, и въ челѣ управленія стоялъ фаворитъ королевы Годой, извѣстный подъ именемъ князя Мира, человѣкъ нисколько не похожій на Ришельё или Мазарини; при такихъ отношеніяхъ, любовь народа, естественно, обращалась къ наслѣднику престола, принцу астурійскому Фердинанду, который былъ во враждѣ съ Годоемъ, слѣдовательно, съ матерью и отцомъ, ибо король смотрѣлъ на все глазами королевы. Фердинандъ пишетъ Наполеону письмо, представляетъ свое тяжкое положеніе, умоляетъ героя, затмѣвающаго всѣхъ героевъ предшествовавшихъ, оказать ему отеческое покровительство и выдать за него одну изъ принцессъ императорской французской фамиліи. Но за Фердинандомъ наблюдали; всѣ бумаги его, между которыми оказались очень подозрительныя, были схвачены, самъ принцъ посаженъ подъ арестъ; король издаетъ къ народу манифестъ противъ своего наслѣдника, и въ то же время обращается къ своему другу, императору французовъ, открываетъ свое намѣреніе лишить виновнаго сына наслѣдства, проситъ помочь мудрымъ совѣтомъ. Потомъ узнали о сношеніяхъ Фердинанда съ Наполео-

Digitized by Google

номъ, испугались,—помирились, повидимому. Между тѣмъ французскія войска двигались къ Мадриту; областные правители, по королевскому повелѣнію, принимали ихъ самымъ дружественнымъ образомъ, а друзья, гдѣ только было можно, занимали крѣпости. Годоемъ овладѣлъ страхъ, вслѣдствіе чего страшно стало королевѣ и королю. Главнокомандующимъ французскою арміею былъ назначенъ зять Наполеона, Мюратъ, герцогъ клевебергскій. Но Мюратъ былъ недоволенъ своимъ маленькимъ нѣмецкимъ владѣніемъ и распалилъ себѣ воображеніе престоломъ Испаніи и Америки. Годой уговорилъ короля и королеву бѣжать въ Севилью; въ народѣ и войскѣ начинается волненіе, которое 17-го марта (н. с.) оканчивается возмущеніемъ противъ Годоя; король, чтобъ спасти его, отказывается отъ престола въ пользу сына; народъ съ восторгомъ привѣтствуетъ новаго короля, Фердинанда VII. Извѣстіе объ этомъ переворотѣ очень непріятно поразило Мюрата, уже подошедшаго къ Мадриту: свергнуть новаго короля, обожаемаго народомъ, и занять его мѣсто казалось не такъ легко, какъ справиться съ Карломъ IV. Но скоро искатель престоловъ ободрился, узнавши, что отрекшійся король обнаруживаетъ сильную ненависть къ сыну, приписывая послѣднему все свое несчастье. Мюратъ сдѣлалъ видъ, что отреченіе Карла IV было невольное, и потому не призналъ королемъ Фердинанда VII, а, между тѣмъ, пользуясь смутою, вступилъ въ Мадритъ съ войскомъ. Въ рѣшеніи не признавать Фердинанда Мюратъ вполнѣ сошелся съ Наполеономъ, который писалъ ему: «Пока новый король не будетъ признанъ мною, вы должны дѣлать видъ, какъ будто бы еще царствовалъ старый», и, въ то же самое время, написалъ брату своему, Людовику, королю голландскому: «Я рѣшилъ посадить французскаго принца на испанскій престолъ. Голландскій климатъ для васъ вреденъ. Если я васъ назначу испанскимъ королемъ, будете ли вы согласны?» Рѣшеніе Мюрата не признавать Фердинанда поставило въ затруднительное положеніе русскаго посланника въ Мадритѣ, барона Строганова. Онъ представился новому королю, за это Мюратъ сдѣлалъ ему выговоръ: «Зачѣмъ вы это сдѣлали?» спросилъ его Мюратъ: «кто вамъ сказалъ, что отреченіе добровольное?» — «Самъ отрекшійся», отвѣчалъ Строгановъ. — «Вы должны были дождаться своихъ кредитивныхъ грамотъ», сказалъ на это Мюратъ. Строгановъ отвѣчалъ: — «Это нужно для моихъ оффиціальныхъ сношеній съ министрами королевскими; но я не могъ не исполнить моихъ обязанностей въ отношеніи къ королю, котораго права на корону неоспоримы».

Digitized by Google

Самъ Наполеонъ явился на испанскихъ границахъ; но онъ не хотѣлъ ѣхать въ Мадритъ улаживать дѣло; и старый и новый король были уговорены отправиться къ нему на встрѣчу въ пограничный французскій городъ Байону, и здѣсь дѣло было улажено: Фердинандъ былъ принужденъ возвратить престолъ отцу, и Карлъ IV отрекся отъ него опять — въ пользу Наполеона, которому уступилъ свои права и Фердинандъ, какъ наслѣдникъ испанскаго престола; королемъ въ Испанію былъ переведенъ Іосифъ Бонапартъ, изъ Неаполя, который достался Мюрату. Но при этомъ улаженіи испанскихъ дѣлъ Наполеонъ счелъ нужнымъ объясниться предъ тильзитскимъ союзникомъ; въ письмѣ изъ Байоны (отъ 8-го іюля н. с.), онъ писалъ императору Александру, что Испанія будетъ независимѣе отъ него, чѣмъ прежде. Онъ возстановитъ свои морскія силы. Всѣ въ Испаніи довольны перемѣною, кромѣ монаховъ, которые предвидятъ уничтоженіе злоупотребленій, и кромѣ агентовъ инквизиціи. Скажутъ, что все заранѣе придумано и возбуждено имъ, Наполеономъ? Но еслибъ онъ имѣлъ въ виду французскіе интересы, онъ завоевалъ бы что-нибудь въ Испаніи для Франціи, ибо узы родства не имѣютъ большого значенія въ политикѣ, и то уничтожается черезъ 20 лѣтъ. Филиппъ V воевалъ съ дѣдомъ Людовикомъ XIV. Легко понять, какое впечатлѣніе произведено было въ Петербургѣ байонскими событіями, и могло ли письмо Наполеона ослабить это впечатлѣніе. Отношенія испанскихъ Бурбоновъ къ старшей, французской линіи въ XVIII вѣкѣ не могли идти въ сравненіе, ибо извѣстно было, какъ Наполеонъ относился къ своимъ братьямъ и родственникамъ, посаженнымъ на разные престолы. Въ самое время байонскихъ событій, голландскій король Людовикъ Бонапартъ говорилъ русскому посланнику при своемъ дворѣ, кн. Долгорукову: «Если Голландія должна погибнуть, то и я долженъ погибнуть съ нею. Братъ меня не слушаетъ, и только покровительство императора Александра можетъ спасти меня. Я вовсе не думалъ быть королемъ, когда брату захотѣлось сдѣлать меня имъ. Я согласился съ условіемъ, что мнѣ будутъ помогать. Я просилъ, чтобъ мнѣ отдали пять милліоновъ, взятыхъ въ долгъ у Голландіи, чтобъ съ перваго же раза не ожесточить самаго республиканскаго народа. Мнѣ не отвѣчали на мою просьбу, и вмѣсто помощи затрудняютъ всѣ мои дѣйствія. По возвращеніи въ Парижъ братъ мнѣ сказалъ, что сдѣлалъ дурно, не присоединивши Голландію къ Франціи. Хотите вы сдѣлать это теперь? спросилъ я его. — «Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчалъ онъ: — такъ какъ вы теперь тамъ, то сидите; но если вы умрете — другое дѣло». Вы видите изъ этихъ

Digitized by Google

словъ, чего я долженъ ждать. Горько, будучи первымъ голландскимъ королемъ, быть въ то же время и послѣднимъ по испытаніи такихъ страданій и усилій безполезныхъ. Министры французскіе при моемъ дворѣ дѣлаютъ мнѣ постоянныя непріятности, мнѣ оказывается всякаго рода неуваженіе. Я хочу быть здѣсь популяренъ, говорю съ народомъ откровенно, а французскіе журналы все искажаютъ, передаютъ такія мои слова, какихъ я никогда не говорилъ. Здѣсь если человѣкъ чувствуетъ себя лучше, чѣмъ прежде, то онъ любитъ короля и монархію, а если хуже, то злится на короля и посылаетъ его къ чорту; здѣсь мнѣ кланяются съ видомъ покровительства, какъ будто говорятъ: я вамъ кланяюсь, потому что вами доволенъ. Голландія совершенно разорится отъ застоя торговли и закрытія гаваней вслѣдствіе англійской войны». Когда узнали, что Александръ и Наполеонъ должны имѣть свиданіе «для рѣшенія участи Европы», по выраженію короля Людовика, то послѣдній поручилъ Долгорукому просить императора Александра заступиться за Голландію, сохранить ей отдѣльное существованіе. Людовикъ не нашелъ тогда защиты, и немного спустя Голландія была присоединена къ Франціи.

Указаніе Людовика на отношенія голландцевъ къ королю и къ правительственнымъ формамъ объясняетъ взглядъ Наполеона на Испанію. Избалованный легкостію, съ какою принимались его распоряженія въ Италіи и Голландіи, Наполеонъ думалъ, что также легко будетъ принята династическая перемѣна и въ Испаніи: будутъ удовлетворены частные интересы наиболѣе крупныхъ лицъ, и станутъ новому королю кланяться, а шайки недовольныхъ можно перестрѣлять и тѣмъ задать спасительный, успокоивающій страхъ. Но императоръ французовъ жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ. Онъ не разсчиталъ, что въ Испаніи онъ будетъ впервые имѣть дѣло съ большимъ государствомъ. Говоря о сопротивленіи, которое встрѣтилъ Наполеонъ въ Испаніи, указываютъ преимущественно на областную особность въ этомъ государствѣ, слабость централизаціи и потому неважное, не-рѣшающее значеніе столицы при возникновеніи политическихъ вопросовъ, вслѣдствіе чего Мадритъ могъ подчиниться Іосифу Бонапарту, но области не слѣдовали его примѣру. Дѣйствительно, по природнымъ условіямъ своей государственной области, по малочисленности народонаселенія, ослаблявшагося выселеніемъ за океанъ, выселеніемъ не вслѣдствіе избытка въ числѣ жителей, а вслѣдствіе страсти къ приключеніямъ и легкой наживѣ, по застою, политическому малокровію, отсюда происшедшему, недостатку промышленнаго и торговаго развитія, — вслѣдствіе всѣхъ

Digitized by Google

этихъ причинъ не было живой циркуляціи въ государственномъ организмѣ, откуда и происходила особность областей, малая зависимость ихъ отъ столицы; не этимъ дѣло не объясняется. Надобно замѣтить, что значеніе столицъ поднимается не вслѣдствіе одной правительственной централизаціи, а вслѣдствіе сосредоточенія промышленной и торговой дѣятельности, вслѣдствіе сосредоточенія средствъ жизни не только матеріальныхъ, но—что важнѣе,—духовныхъ, вслѣдствіе сосредоточенія учрежденій, развивающихъ духовную жизнь народа, вслѣдствіе сосретодоченія талантовъ ученыхъ и художественныхъ, вслѣдствіе сильнаго движенія литературнаго. Только при этихъ условіяхъ столица имѣетъ могущественный авторитетъ, рѣшающій голосъ. Если же въ странѣ вообще нѣтъ сильнаго развитія, то столица не можетъ имѣть важнаго значенія только по одному административному сосредоточенію, а при смутѣ, происшедшей по причинамъ внутреннимъ или внѣшнимъ, это значеніе можетъ и совсѣмъ исчезнуть, правительственный центръ можетъ перенестись въ другое мѣсто. Испанія отъ наполеоновскаго погрома спаслась не особностію областей, а единствомъ, высшимъ государственнымъ и народнымъ единствомъ, которое было выработано для нея исторіею. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ Испанія была объединена, и это единство окрѣпло въ народномъ сознаніи и народномъ чувствѣ; отдѣльныя области бились противъ французовъ не для того, чтобъ каждой получить независимое, самостоятельное положеніе, они бились за единую Испанію, за самостоятельность, независимость единой, цѣлой Испаніи, поруганной самымъ наглымъ нарушеніемъ народныхъ правъ. Другое дѣло, когда завоеватель покоритъ народъ и перемѣнитъ правительство; народъ уступаетъ свои права, видя собственную несостоятельность при ихъ защитѣ, истощивъ всѣ средства въ борьбѣ; но тутъ неслыханнымъ образомъ чужая сила до покоренія распорядилась судьбою страны, перемѣнила правительство. Бо́льшаго поруганія нельзя было нанести народу, и народъ поднялся, народъ, который долго спалъ вслѣдствіе означенныхъ причинъ, но въ своемъ снѣ сохранилъ всю свою энергію и чувство своей личности. Іосифъ Бонапартъ увидалъ, что Испанія не Неаполь. Когда въ Неаполѣ встрѣтилъ онъ сопротивленіе своей власти въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и частяхъ народонаселенія, преданнаго изгнанному королевскому дому, то получилъ на этотъ счетъ такія внушенія отъ Наполеона: «Никогда не сдерживайся общественнымъ мнѣніемъ; разстрѣливай лаззарони безъ милосердія; только спасительнымъ страхомъ можешь ты пріобрѣсть уваженіе итальянцевъ. Твое поведеніе не-

Digitized by Google

рѣшительно; солдаты и генералы должны жить въ изобиліи; любезностями не выигрывается народная привязанность; въ твоихъ прокламаціяхъ не довольно видѣнъ государь. Вижу съ удовольствіемъ, что возмутившаяся деревушка сожжена». Но Іосифъ скоро увидалъ, что эти правила непримѣнимы въ Испаніи; французскія войска не устояли противъ всеобщаго народнаго движенія,—Іосифъ долженъ былъ оставить Мадритъ и писалъ Наполеону: «Нужно было бы 100,000 постоянныхъ эшафотовъ для поддержанія государя, осужденнаго царствовать въ Испаніи».

Эта неожиданная неудача должна была заставить Наполеона напрячь всѣ свои силы, чтобъ смыть пятно съ французскаго войска, потерявшаго славу непобѣдимости, и задавить мятежъ, какъ онъ называлъ возстаніе испанцевъ, тѣмъ болѣе, что англичане, отличавшіеся до сихъ поръ такою медленностію и вялостію, когда дѣло шло о высадкѣ ихъ войска на помощь континентальнымъ державамъ, теперь признали ближайшій англійскій интересъ, когда Наполеонъ наложилъ свою руку на Пиренейскій полуостровъ, и выслали сюда войско. Но для того, чтобъ направить бо́льшія силы въ Испанію, надобно было обезпечить себя на счетъ Востока, гдѣ была своего рода Испанія—Пруссія, которой было сдѣлано столько зла, что разсчитывать на ея доброе расположеніе было нельзя: корсиканецъ понималъ это очень хорошо; тамъ же была ненадежная Австрія, тамъ была Россія, къ движенію которой могли примкнуть и Пруссія, и Австрія. Правда, русскій императоръ былъ другъ и союзникъ; но онъ дѣйствовалъ не такъ, какъ бы хотѣлось императору французовъ, добивался дунайскихъ княжествъ, но для нихъ не хотѣлъ покинуть Пруссіи, позволить отнять у нея Силезію. Надобно было, вслѣдствіе испанскихъ дѣлъ, заручиться, что Россія не двинется, и для этого, дѣлать нечего, придется все-что уступить ея государю; чтобъ уступокъ не было, или было ихъ какъ можно меньше, чтобъ было какъ можно больше обѣщаній, словъ и меньше дѣла, надобно было личное свиданіе, на что́ уже давно согласился Александръ. Въ сентябрѣ союзники свидѣлись въ Эрфуртѣ.

Наполеону пришлось уступить, и не на словахъ, а на бумагѣ. Начали съ того, что предположили мирные переговоры съ Англіею: основаніемъ договора съ нею было опредѣлено сохраненіе каждымъ того, чѣмъ владѣлъ (uti possidetis): такимъ образомъ Россія получала Финляндію, Молдавію и Валахію, дѣйствительно занятыя ея войсками; а Франція удерживала для Іосифа Бонапарта Испанію, которая не была занята французскими войсками, и потому не подходила подъ uti possidetis; но

Digitized by Google

тѣмъ легче было на это согласиться со стороны Россіи. Русскій императоръ, занимая Молдавію и Валахію, долженъ былъ начать одинъ-на-одинъ переговоры съ султаномъ для пріобрѣтенія этихъ областей, безъ посредничества Франціи; если Турція откажется уступить княжества, то въ послѣдующей за это войнѣ Франція не приметъ участія; но если вмѣшается въ войну Австрія или какая-нибудь другая держава, то Франція помогаетъ Россіи; равно Россія помогаетъ Франціи, если Австрія объявитъ ей войну. Оба императора обязались поддерживать цѣлость всѣхъ другихъ областей турецкихъ.

Съ Наполеономъ пріѣхалъ въ Эрфуртъ Талейранъ, который не былъ болѣе министромъ иностранныхъ дѣлъ, былъ въ почетномъ удаленіи, не поладивъ съ Наполеономъ. Мы теперь должны ближе познакомиться съ этимъ лицомъ. Знатный господинъ и епископъ временъ старой монархіи, Талейранъ сбросилъ съ себя церковный санъ передъ силою революціоннаго движенія. «Только сумасшедшіе остаются въ домѣ, который горитъ», говаривалъ онъ. Талейранъ во-время успѣлъ уйти отъ гильотины; во-время возвратился въ отечество, когда революціонная горячка стала утихать. Почуявъ во-время новую силу на очереди, онъ сталъ служить Наполеону, и Европа съ этимъ страшнымъ для нея именемъ привыкла соединять имя Талейрана, герцога беневентскаго: въ промежутки великихъ войнъ дипломатическая игра, сосредоточиваясь въ Парижѣ, шла съ необыкновенною силою; послѣ каждой кампаніи измѣнялась карта Европы, разстроивались старые союзы, приготовлялись новые, и понятно, какое значеніе имѣлъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, какъ привыкъ онъ видѣть себя въ центрѣ громадной дѣятельности. Онъ привыкъ, чтобъ государи и народы, заботливо и тоскливо смотрѣли на его портфель, заключавшій въ себѣ рѣшенія ихъ участи. Авторитетъ неподражаемаго дипломатическаго дѣльца, блестящія манеры, французская представительность, французское умѣнье товаръ лицомъ продать, смѣлость, умѣнье не стѣсняться ничѣмъ, озадачивать, свободно, властительно, по-барски обращаться съ каждымъ вопросомъ, съ каждымъ явленіемъ,—все это давало Талейрану средства играть блестящую, видную роль и подлѣ Наполеона, не затмѣваться имъ. И вотъ эти два человѣка, которые такъ подходили другъ къ другу, разошлись:..

Съ нѣкотораго времени Талейранъ началъ чувствовать, что въ великолѣпномъ домѣ, который строилъ Наполеонъ, стало пахнуть гарью: пожаръ! А домъ такъ хорошъ, удобенъ для самого Талейрана: нельзя ли принять мѣры противъ пожара? Мѣра

Digitized by Google

одна — остановиться въ захватахъ и заняться упроченіемъ пріобрѣтеннаго для новой династіи и ея вѣрныхъ слугъ, созданіемъ политической системы извнѣ, основанной на прочныхъ союзахъ, прочныхъ и добровольныхъ, при равенствѣ интересовъ между союзниками, и внутренними распоряженіями, обезпечивающими новый порядокъ вещей для людей, которымъ онъ выгоденъ, и ведущими къ тому, чтобъ онъ былъ выгоденъ для большинства. Но при этомъ необходимое условіе — упроченіе новой династіи, а у Наполеона нѣтъ дѣтей, изъ братьевъ нѣтъ ни одного выдающагося своими способностями, да и какія у нихъ права? Слѣдовательно, необходимъ разводъ Наполеона съ Жозефиною Богарне и вступленіе въ новый бракъ. Наполеонъ долженъ развестись съ женой и перестать воевать — вотъ программа Талейрана и его сообщниковъ, между которыми на первомъ планѣ знаменитый министръ полиціи Фуше: Фуше также половилъ въ мутной водѣ рыбы, причемъ загрязнилъ руки, и поэтому мысль о прошломъ, о возможности его возстановленія была ему непріятна болѣе чѣмъ кому-либо другому. Наполеонъ долженъ развестись съ женою и перестать воевать! Разводъ былъ возможенъ, но на первый разъ попытка склонить къ нему Наполеона не удалась; прекратить войны, какъ мы уже видѣли, было рѣшительно невозможно, и Наполеонъ почетно удалилъ обоихъ, и Талейрана, и Фуше, изъ слишкомъ обширныхъ и важныхъ сферъ дѣятельности, увидѣвъ, что они думаютъ свое и дѣйствуютъ слишкомъ самостоятельно. Талейранъ увидалъ, что Наполеона или надобно пересилить, заставить дѣйствовать иначе, или низвергнуть; пусть домъ горитъ, надобно только изъ него выбраться заблаговременно, а домъ сгоритъ непремѣнно, Франція долго не выдержитъ завоевательной системы Наполеона и терпѣніе чужихъ народовъ прекратится.

Несмотря однако на холодность Наполеона къ Талейрану, императоръ взялъ послѣдняго съ собой въ Эрфуртъ: при переговорахъ и договорахъ былъ необходимъ такой дѣлецъ; въ Эрфуртѣ же находились Толстой и Коленкуръ. Главная цѣль поѣздки Наполеона была обезпечить себѣ бездѣйствіе Александра на Западѣ во время окончательнаго сокрушенія испанскихъ затрудненій? Безпокоила Австрія: что если бы удалось поссорить съ нею Россію окончательно? Между ними холодность, начавшаяся послѣ Аустерлица, усилилась еще оттого, что Австрія не помогла Россіи и Пруссіи въ послѣдней войнѣ. Наполеонъ ѣхалъ въ Эрфуртъ, чтобъ ссорить Россію съ Австріей; Талейранъ ѣхалъ туда же съ цѣлію мирить Россію съ Австріею, устроить между ними сбли-

Digitized by Google

женіе. Коленкуръ находился совершенно подъ вліяніемъ Талейрана и способствовалъ сближенію его съ графомъ Толстымъ, который пріѣхалъ въ Эрфуртъ въ самомъ враждебномъ расположеніи къ Наполеону.

Но Талейрану нужно было заявить императору Александру о своихъ отношеніяхъ къ Наполеону, Франціи, Европѣ. Онъ явился къ русскому государю съ такими словами: «Государь, зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Ваше дѣло спасать Европу; но достигнуть этого вы можете только борьбою съ Наполеономъ. Французскій народъ цивилизованъ, а его государь—варваръ; русскій государь человѣкъ цивилизованный, а народъ его варварскій: итакъ, русскій государь долженъ быть союзникомъ французскаго народа.—Рейнъ, Альпы, Пиренеи—это завоеванія Франціи; остальное есть завоеваніе императора; Франція въ этомъ не нуждается». По возвращеніи въ Парижъ Талейранъ говорилъ австрійскому посланнику, графу Меттерниху: «со временъ Аустерлица отношенія Александра къ Австріи никогда еще не были такъ благопріятны, какъ теперь; отъ васъ и отъ вашего посланника въ Петербургѣ (князя Шварценберга) зависитъ завязать между Россіею и Австріею такія же тѣсныя отношенія, какія были до Аустерлица. Коленкуръ вполнѣ раздѣляетъ мой политическій взглядъ, онъ будетъ содѣйствовать князю Шварценбергу». Графъ Толстой подтвердилъ Меттерниху слова Талейрана; поведеніе Коленкура въ Эрфуртѣ не оставило въ Толстомъ никакого сомнѣнія въ неограниченной преданности его Талейрану, который толковалъ Меттерниху: «интересъ самой Франціи требуетъ, чтобъ государства, могущія противиться Наполеону, соединились и противопоставили оплотъ его ненасытному честолюбію. Дѣло Наполеона не есть болѣе дѣло Франціи; Европа можетъ быть спасена только тѣснымъ союзомъ между Австріею и Россіею».

Что такой союзъ былъ необходимъ, противъ этого никто не споралъ, только этотъ союзъ былъ неполный, а главное—преждевременный: Россія, имѣя на рукахъ двѣ войны, шведскую и турецкую, не могла предпринять третью противъ Франціи; если Наполеонъ хлопоталъ отвлечь вниманіе Россіи отъ Запада, пока не управится въ Испаніи, то Россія старалась воспользоваться испанскими затрудненіями, чтобъ тѣмъ временемъ управиться съ Швеціею и Турціею, обезпечить сѣверозападную границу пріобрѣтеніемъ Финляндіи и занять необходимое положеніе на Нижнемъ Дунаѣ, пріобрѣтеніемъ Молдавіи и Валахіи. Въ Петербургѣ очень хорошо знали, что въ Вѣнѣ именно послѣдняго-то и не желаютъ; но это обстоятельство, конечно, не могло быть

Digitized by Google

побужденіемъ для Россіи спѣшить заключеніемъ союза съ Австріею противъ Франціи. Съ другой стороны, для полноты коалиціи нужно было подождать Пруссіи, которая обнаруживала признаки жизни и жизни сильной, но была подъ ножомъ. Никто лучше Наполеона не чувствовалъ вѣрности знаменитаго изреченія: «ненавижу того, кого я оскорбилъ». Онъ ненавидѣлъ Пруссію по-корсикански, былъ убѣжденъ, что она платитъ ему тѣмъ же чувствомъ, и потому могъ успокоиться только съ прекращеніемъ ея политическаго существованія. Въ Тильзитѣ онъ долженъ былъ согласиться на продолженіе этого существованія, согласиться на то, чтобъ Пруссія осталась въ союзѣ съ Россіею, подъ охраною послѣдней, и это еще болѣе усиливало его раздраженіе: нельзя ничего предпринять противъ Пруссіи безъ протеста со стороны Россіи, а Россія пока нужна. Несмотря на то, что Пруссія по тильзитскому миру потеряла половину своихъ земель и болѣе, чѣмъ половину народонаселенія, Наполеонъ хотѣлъ отнять у нея Силезію, и въ случаѣ согласія на это Россіи, соглашался на пріобрѣтеніе послѣднею дунайскихъ княжествъ; но Россія не согласилась. Несмотря однако и на заступничество Россіи, Наполеонъ придумалъ средство давить Пруссію: онъ не выводилъ изъ нея своихъ войскъ, и когда Россія требовала ихъ вывода, отвѣчалъ сначала, что и Россія не выводитъ своихъ войскъ изъ дунайскихъ княжествъ; а потомъ, что Пруссія не исполняетъ своихъ обязательствъ, не выплачиваетъ контрибуціи по договору. 157,000 французскихъ солдатъ высасывали Пруссію, они тащили все: лошадей, скотъ, хлѣбъ, деньги; ихъ начальники задавали балы, праздники, на которые жители должны были поставлять припасы изъ дальнихъ городовъ; а между тѣмъ торговля упала вслѣдствіе разрыва съ Англіею, вслѣдствіе континентальной системы, страна наполнилась фальшивою монетою, цѣны необходимыхъ вещей страшно возросли; тысячи отставныхъ чиновниковъ и офицеровъ скитались безъ хлѣба (изъ однихъ польскихъ провинцій 7000 чиновниковъ). Наконецъ, испанскія затрудненія заставили Наполеона подумать объ очищеніи Пруссіи: войско понадобилось на Пиренейскомъ полуостровѣ; а между тѣмъ какъ оставить на свободѣ *озлобленную* Пруссію, которой сдѣлано столько зла? И вотъ какія условія предлагаетъ Наполеонъ прусскому принцу Вильгельму (брату королевскому), который семь мѣсяцевъ понапрасну хлопоталъ въ Парижѣ о выводѣ войскъ: Пруссія за этотъ выводъ должна была заплатить 194 милліона франковъ; оставить въ рукахъ французовъ три при-одерскія крѣпости — Штеттинъ, Кюстринъ и Глогау, умень-

Digitized by Google

шить свои войска до 42,000, помогать Франціи войскомъ въ случаѣ войны ея съ Австріею. Принцъ Вильгельмъ могъ выговорить только уменьшеніе 194 милліоновъ до 140 милліоновъ, да императоръ Александръ въ Эрфуртѣ склонилъ Наполеона уступить еще 20 милліоновъ.

Тяжкія испытанія, матеріальныя лишенія различно дѣйствуютъ на различные характеры людей. Людей слабыхъ духомъ они унижаютъ до послѣдней степени; всѣ тѣ, которые прежде были противъ борьбы съ Франціею во что бы то ни стало, теперь подняли головы подъ предводительствомъ генераловъ Застрова и Кёкерица; они торжествовали побѣду своей мудрости и совѣтовали довести дѣло до конца, спасти Пруссію совершеннымъ подчиненіемъ волѣ Наполеона, отказомъ отъ независимости, вступленіемъ въ рейнскій союзъ, котораго Наполеонъ былъ протекторомъ. Къ счастію для Пруссіи, эти люди не побѣдили, и на первый планъ выступили другіе, которые при тяжкихъ испытаніяхъ, при матеріальныхъ лишеніяхъ обратились къ духу народа, къ его нравственнымъ силамъ, и стали содѣйствовать ихъ поднятію. Честь принадлежала королю за то, что онъ съумѣлъ дать мѣсто дѣятельности этихъ людей не безъ борьбы съ самимъ собою, съ извѣстными предразсудками, слабостями власти; онъ съумѣлъ призвать къ дѣятельности Штейна, котораго еще недавно, за несогласіе измѣнить свои убѣжденія относительно преобразованій высшаго управленія, называлъ «упрямымъ, непослушнымъ государственнымъ слугою, гордящимся своими талантами, капризнымъ, дѣйствующимъ по страсти, личной ненависти и раздраженію». Штейнъ былъ дѣйствительно упрямъ, страстенъ, властолюбивъ; но эти недостатки въ великія и страшныя для государствъ времена, времена собранія нравственныхъ силъ народа, прежде расточенныхъ, становились драгоцѣнными качествами при высокихъ основахъ Штейнова характера. На этихъ-то основахъ, религіозности и нравственности, Штейнъ хотѣлъ поднять народную жизнь въ Пруссіи, хотѣлъ въ новыя формы вложить духъ, безъ котораго формы самыя лучшія остаются мертвы, не приносятъ пользы народу. Слѣдствіями дѣятельности Штейна было уничтоженіе крѣпостного права, городское самоуправленіе, освобожденіе городовъ, находившихся въ частной зависимости. Несостоятельность войска вызывала военныя преобразованія, причемъ выдвинулись на первый планъ новые люди, новыя способности, Шарнгорстъ, Гнейзенау,—Гнейзенау, который на самомъ себѣ испыталъ неудобства прежняго порядка: несмотря на познанія и способности, онъ въ 46 лѣтъ былъ только капитаномъ;

Digitized by Google

товарищи въ насмѣшку называли его капернаумскимъ капитаномъ, потому что десять лѣтъ понапрасну ждалъ повышенія. Военная комиссія подъ предсѣдательствомъ Шарнгорста уничтожила сословныя преимущества въ военной службѣ, всякій могъ дослуживаться до высшихъ чиновъ; право на офицерскіе чины въ мирное время могли давать только познанія, въ военное—подвиги, уничтожена вербовка заграницею. За способность народа воспользоваться новыми формами ручалось нравственное движеніе, въ немъ обнаружившееся. Возбудителями и направителями этого нравственнаго движенія были, разумѣется, люди науки: Шлейермахеръ, въ своихъ «Рѣчахъ о религіи», старавшійся поднять религіозное чувство; Фихте въ «Рѣчахъ къ нѣмецкому народу», Арндтъ въ «Духѣ Вѣка», возбуждавшіе патріотизмъ и готовность въ борьбѣ съ демоническою силою Наполеона. Слово принесло свой плодъ — дѣло. Весною 1808 года въ Кёнигсбергѣ образовалось небольшое общество: члены постановили устно и письменно содѣйствовать усиленію патріотизма, приверженности къ государю и государственному устройству, религіозности, любви къ наукѣ и искусству, гуманитета и братства. Это общество, извѣстное подъ названіемъ Союза Добродѣтели (Tugendbund) было утверждено королемъ, но въ слѣдующемъ же году уничтожено—по политическимъ обстоятельствамъ, вслѣдствіе враждебности къ нему Франціи, вслѣдствіе враждебности Австріи, гдѣ не хотѣли имѣть дѣло съ Шарнгорстомъ, какъ съ членомъ тугендбунда, и враждебности своихъ прусскихъ пикателей на всякое высшее, нравственное движеніе въ народѣ, какъ опасное: эти господа боялись всего больше, что французы, раздраженные патріотическимъ движеніемъ, придутъ и возьмутъ ихъ деньги. Общество исчезло, да и не для чего ему было болѣе существовать, ибо движеніе, котораго оно было плодомъ, распространялось болѣе широкими волнами въ народѣ.

Это движеніе не зависѣло отъ одного человѣка, не прекратилось, когда долженъ былъ сойти съ поприща одинъ изъ самыхъ главныхъ дѣятелей, Штейнъ. Французы перехватили письма его къ князю Витгенштейну, гдѣ говорилось, что надобно поддерживать неудовольствіе противъ французовъ въ Вестфаліи и побуждать Пруссію къ союзу съ Австріею. Какъ нарочно это случилось передъ заключеніемъ договора съ принцемъ Вильгельмомъ о выводѣ французскихъ войскъ изъ Пруссіи. Наполеонъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ оправдать свое стремленіе давить Пруссію, оправдать тяжелыя условія, предложенныя имъ принцу Вильгельму. Придавая письмамъ оффиціальный характеръ, На-

Digitized by Google

полеонъ объявлялъ, что Пруссія нарушила тильзитскій миръ. «Я съ быстротою молніи уничтожу всякое проявленіе злонамѣренности,—говорилъ онъ прусскому посланнику:—по письмамъ одного изъ вашихъ министровъ я знаю, что у васъ замышляютъ, какія возлагаютъ надежды на испанскія событія. Ошибаются: у Франціи такая громадная сила, что она вездѣ можетъ противиться врагамъ своимъ. Я знаю все, я знаю образъ мыслей вашихъ министровъ; меня провести нельзя». Въ Эрфуртѣ императоръ Александръ, кромѣ уступки 20,000,000, не могъ ничего сдѣлать для облегченія участи Пруссіи, потому что Наполеонъ выставлялъ письма Штейна, какъ неопровержимое доказательство враждебности прусскаго правительства къ Франціи. Разумѣется, самого Штейна Наполеонъ не могъ оставить въ покоѣ: онъ настоялъ, чтобъ король Фридрихъ-Вильгельмъ отставилъ своего министра, въ рейнскомъ союзѣ Штейнъ былъ объявленъ изгнанникомъ и лишеннымъ своихъ имѣній. Только въ Россіи могъ онъ найти безопасное убѣжище.

Нѣкоторыя важныя преобразованія, замышляемыя Штейномъ, не состоялись послѣ его удаленія; но движеніе въ общемъ характерѣ не останавливалось. Въ то время, какъ Наполеонъ думалъ сдержать враждебное ему движеніе въ Пруссіи занятіемъ сильнѣйшихъ ея крѣпостей, прусское правительство заложило въ Берлинѣ крѣпость особаго рода: въ 1809 году, несмотря на страшныя финансовыя затрудненія, основанъ былъ берлинскій университетъ, который, при умномъ, патріотическомъ пользованіи имъ, при стремленіи сосредоточить въ немъ лучшія ученыя силы Германіи, пріучилъ молодыя поколѣнія ея смотрѣть на Берлинъ, какъ на духовную столицу Германіи, что необходимо приготовляло къ политическому преобладанію Пруссіи.

И въ Австріи былъ порывъ послѣ погрома 1805 года обновиться внутренно. 1-го февраля 1806 года императоръ Францъ издалъ удивительный манифестъ, въ которомъ обѣщалъ увеличить внутреннія государственныя силы посредствомъ распространенія духовной культуры, оживленія національной промышленности, возстановленія общественнаго кредита; явились попытки замѣнить чисто-полицейское управленіе болѣе дѣятельнымъ, болѣе творческимъ. Движеніе шло отъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Филиппа Стадіона. Мы видѣли, что Стадіонъ, подобно своему предшественнику, былъ во главѣ воинственной партіи, требовалъ присоединенія Австріи къ прусско-русскому союзу. Но дорогое время было пропущено; заключенъ былъ тильзитскій миръ и союзъ между Россіею и Франціею, вслѣдствіе чего Ав-

Digitized by Google

стрія нашлась въ самомъ затруднительномъ положеніи. По мнѣнію Стадіона, это положеніе было такое же, какъ и послѣ пресбургскаго мира, т.-е. судьба Австріи будетъ зависѣть совершенно отъ произвола Наполеона, отъ котораго надобно ждать требованій разныхъ уступокъ и промѣновъ; будетъ ли Австрія соглашаться на все или выставитъ сопротивленіе,—во всякомъ случаѣ она рискуетъ потерять свое существованіе. Но Стадіонъ обманулся на этотъ разъ. Наполеону вовсе не нужно было затрогивать Австрію, потому что голова его была занята испанскими замыслами. Онъ послѣ говорилъ, что объ Испаніи уже шла рѣчь въ Тильзитѣ, и русскій императоръ былъ согласенъ на его распоряженія. Что въ Тильзитѣ шла рѣчь объ Испаніи—это болѣе чѣмъ вѣроятно; но что Александръ былъ согласенъ на послѣднія распоряженія Наполеона относительно Испаніи — это опровергается приведеннымъ выше письмомъ Наполеона къ Александру изъ Байоны. Что Наполеонъ былъ занятъ въ Тильзитѣ Испаніею, доказательствомъ служитъ ласковый пріемъ, сдѣланный имъ извѣстному Штуттергейму, который 9 іюля (н. с.) пріѣхалъ въ Тильзитъ и прямо къ Будбергу — испросить аудіенцію у императора Александра, который въ этотъ вечеръ оставлялъ Тильзитъ. Александръ не принялъ его; тогда онъ къ Наполеону, которому прямо сказалъ: «я посланъ былъ къ императору Александру и королю Фридриху-Вильгельму предложить еще разъ посредничество Австріи, но, къ сожалѣнію, опоздалъ». — «Дѣло уже уладилось,—отвѣчалъ Наполеонъ:—я лично обязанъ вашему императору; мое положеніе много разъ было затруднительно и было бы для меня очень опасно имѣть на шеѣ австрійскую армію; въ какомъ положеніи ваши финансы?»—«Въ хорошемъ,—отвѣчалъ Штуттергеймъ:—венгерцы склонны къ пожертвованіямъ».—«Бумажныя деньги,—замѣтилъ Наполеонъ,—производятъ революцію, разрушаютъ духъ войска; я совѣтовалъ императору при личномъ свиданіи вырвать зло съ корнемъ.—Я ничего не требую, кромѣ слѣдующаго мнѣ по договору; мы уладимся, повторяю еще разъ: я обязанъ императору». Разговоръ кончился насмѣшками Наполеона надъ прусаками и русскими.

Наполеонъ ласковъ; но что это значитъ? Онъ что-нибудь задумываетъ такое, при чемъ также не хочетъ имѣть на шеѣ австрійскую армію; но что это за новый замыселъ? Объ Испаніи, разумѣется, не догадались; былъ интересъ поближе. Наполеонъ съ Александромъ заключилъ союзъ: первымъ дѣломъ новыхъ союзниковъ будетъ подѣлить Турцію, страшная опасность для Австріи! Она очутится совершенно въ тискахъ между двухъ ко-

Digitized by Google

лессовъ, если бы даже ей что-нибудь и дали изъ остатковъ послѣ львиной трапезы. Чрезъ нѣсколько дней послѣ Штуттергейма имѣлъ разговоръ съ Наполеономъ Винцентъ, который замѣтилъ, что ходятъ слухи, будто при тильзитскихъ свиданіяхъ рѣшена судьба Порты.—«Кто это говоритъ?»—спросилъ сначала Наполеонъ, потомъ, подумавши немного, продолжалъ: — «по этому предмету только вошли въ соглашеніе, что я буду посредникомъ мира съ Портою, которой будутъ возвращены потерянныя области, да и не вижу я, какъ этотъ раздѣлъ Турціи произойдетъ; необходимость мнѣ это предписываетъ, мой вкусъ и желаніе влекутъ меня къ этому раздѣлу, но разсудокъ запрещаетъ». — «Мы,—замѣтилъ Винцентъ,—не имѣемъ никакого интереса ускорять разложеніе больного тѣла Турціи».—Правда,—сказалъ Наполеонъ,—но вы не умѣете ни за что взяться, вы хотите соглашеній на счетъ отдѣльныхъ пунктовъ, прежде чѣмъ послѣдовало соглашеніе объ основаніяхъ». Винцентъ замѣтилъ, что союзъ съ Австріею гораздо болѣе соотвѣтствовалъ бы интересамъ и видамъ императора французовъ, чѣмъ русскій союзъ. — «Согласенъ,—отвѣчалъ Наполеонъ, — вы порядочнѣе, чѣмъ русскіе, и уже изъ европеизма я бы желалъ сблизиться съ вами, но вы не захотѣли. Впрочемъ, наши счеты кончены, и я не вижу никакой причины къ ссорѣ между Австріею и Франціею».

Въ Вѣнѣ мучились восточнымъ вопросомъ: раздѣлять Турцію и, что всего хуже, раздѣлять безъ Австріи. Надобно заключить союзъ съ Франціею.—«Союза не заключатъ,—отвѣчалъ австрійскій посланникъ въ Парижѣ, знаменитый впослѣдствіи графъ Меттернихъ:—намъ предложатъ союзъ только тогда, когда поссорятся съ Россіею». Но если нельзя быть въ союзѣ, то нужно сдѣлать какъ-нибудь, чтобъ не быть совершенно оставленными въ сторонѣ; сохраненіе Порты—на первомъ планѣ между интересами Австріи; но если Франція и Россія станутъ давить Турцію, то Австрія должна быть въ третьихъ, «чтобы несоразмѣрнымъ, одностороннимъ увеличеніемъ этихъ государствъ судьба Австріи не ухудшилась». И вдругъ Талейранъ, который уже прежде толковалъ о присоединеніи къ Австріи нижнедунайскихъ земель, спрашиваетъ Меттерниха, согласенъ ли его дворъ принять участіе въ раздѣлѣ Турціи, и указываетъ на Боснію и Болгарію, которыя должны достаться Австріи. По мнѣнію Стадіона, надобно было принять предложеніе, хотя назначаемая доля и невыгодна, о Сербіи не упомянуто; да и вообще чрезъ это земельное увеличеніе Австрія не станетъ сильнѣе, ибо эти обѣ провинціи, удаленныя отъ центра монархіи, населенныя безпокойнымъ и мало

Digitized by Google

образованнымъ народомъ, пограничныя, вслѣдствіе раздѣла съ Россіею и Франціею, принесутъ Австріи не выгоды, а только постоянную заботу и большія издержки для сохраненія внутренняго спокойствія и внѣшней безопасности. Но дѣлать нечего, изъ двухъ золъ надобно избирать меньшее, только нельзя ли иначе опредѣлить долю Австріи, отдать ей область Хотинскую, Валахію до устья Димбовицы или Алуты въ Дунай, турецкую Кроацію, Боснію, Сербію, Болгарію до устья Дуная и потомъ связать эти области съ Архипелагомъ линіею по рѣкѣ Вардару до Салоникъ. Но и на это хотѣли согласиться только въ крайности, и Меттерниху былъ посланъ наказъ употребить всѣ усилія для уничтоженія замысловъ Наполеона противъ Порты, и, главное, чтобъ не было рѣчи объ обязательствѣ Австріи за свои новыя пріобрѣтенія уступить что-нибудь изъ старыхъ владѣній, именно прежде всего заботиться о сохраненіи адріатическаго побережья. Когда дѣло коснулось восточнаго вопроса, то и эрцгерцогъ Карлъ вышелъ изъ своего миролюбиваго настроенія и подалъ двѣ записки: «Наполеонъ, — писалъ онъ, — дѣйствуетъ быстро; русскіе уже на берегахъ Дуная; успѣютъ они занять Оршову и Бѣлградъ, тогда Австрія потеряетъ базисъ своихъ операцій и свободное пользованіе Дунаемъ, и доля ея при раздѣлѣ будетъ зависѣть отъ доброй воли чужихъ государей; поэтому Австрія должна обезпечить себѣ эти два города. Прежде всего для безопасности Австріи необходимо, чтобъ Россія не овладѣла Молдавіею и Валахіею и не стала госпожею Дуная, не вошла ни въ какое соприкосновеніе съ подданными Австріи и не обхватила послѣдней съ юга».

Самъ императоръ Францъ требовалъ, чтобъ были употреблены всѣ усилія сохранить турецкую имперію, какъ лучшую сосѣдку Австріи; но Меттернихъ изъ Парижа и другіе министры сообщали самыя печальныя извѣстія: отказъ Англіи войти въ мирные переговоры ведетъ къ ускоренію восточнаго вопроса; Наполеонъ имѣетъ въ виду не одну Турцію, но и азіатскія владѣнія Англіи, хочетъ склонить Россію къ походу въ Индію; Константинополь долженъ остаться нейтральнымъ торговымъ городомъ; Россія возьметъ лѣвый берегъ Дуная до самаго устья, Болгарію и Румелію, какъ секундогенитуру для одного изъ великихъ князей, Австріи отдадутъ Сербію и Боснію, Франція возьметъ адріатическіе берега и азіатскія земли; уже собираются войска, назначены генералы. И все это былъ обманъ: морочили Востокомъ, чтобъ отвести глаза отъ Запада. Въ первыхъ числахъ апрѣля пришла громовая вѣсть объ испанскихъ событіяхъ; всѣхъ больше

Digitized by Google

поразила она императора: дѣло пошло о смѣнѣ династій; нынѣче Наполеонъ свергнулъ безо всякаго повода Бурбоновъ испанскихъ: что помѣшаетъ ему завтра сдѣлать то же съ Габсбургами австрійскими? Австрія ему нужна: черезъ ея владѣнія идетъ прямая дорога на Востокъ, относительно котораго онъ питаетъ такіе блестящіе замыслы. «Испанская династія,—говоритъ Стадіонъ,—заслужила свою судьбу: она первая вошла въ союзъ съ Франціею и служила ей съ необыкновеннымъ усердіемъ. Ея гибелью Провидѣніе насъ предостерегаетъ. Надобно воспользоваться предостереженіемъ и готовиться къ борьбѣ». Воинственность овладѣла и эрцгерцогомъ Карломъ: «Планы Наполеона стали ясны,—говорилъ онъ:—нѣчего спрашивать, чего онъ хочетъ: онъ хочетъ всего». Стали вооружаться; но было хорошо извѣстно, что малѣйшій шорохъ оружія поднималъ Наполеона; Меттерних должен былъ выдержать публично его выходку: 15 августа, въ день своихъ именинъ, на пріемѣ дипломатическаго корпуса, Наполеонъ громко говорилъ Меттерниху: «Ваше вооруженіе во всякомъ случаѣ неполитично, возбуждая неудовольствіе во Франціи и Россіи. Болѣе 500 писемъ первыхъ купцовъ въ Вѣнѣ говорятъ о предстоящемъ разрывѣ; у васъ публично оскорбляютъ французовъ и нѣмцевъ изъ государствъ рейнскаго союза: я не могу этого спокойно сносить».—«Цѣль нашихъ вооруженій экономическаго свойства,—замѣтилъ Меттернихъ,—и, кромѣ того, она служитъ для сохраненія равновѣсія въ Европѣ».—«Оставьте эти пустяки,—сказалъ Наполеонъ:—ваши побужденія мнѣ извѣстны; вашъ дворъ хочетъ вмѣшаться въ турецкія отношенія, чтобъ противодѣйствовать Франціи и Россіи. Но въ вашемъ интересѣ щадить меня и Россію; обманываетесь, если думаете, что можете противиться намъ обоимъ. Если вы хотите войны, то зачѣмъ вы ее не объявили, когда я стоялъ на Нѣманѣ; а теперь это была бы глупость, подобная прусской глупости. Я считаю войну неизбѣжною, и если ея не будетъ, то благодаря только русскому императору. Ваши вооруженія заставляютъ и меня вооружаться, а это разоритъ Германію. Я сдѣлаю двойной наборъ въ этомъ году, и если мнѣ не достанетъ мужчинъ, то я выставлю противъ васъ женщинъ. Вы соберете 400,000, а я соберу 800,000; вы доставите мнѣ финансовыя средства. Два раза я былъ господиномъ вашихъ владѣній и отдалъ ихъ вамъ назадъ, а вы не стали умнѣе. Если вы не разоружитесь, то война неизбѣжна,—война рѣшительная, не на животъ, а на смерть: или вы будете въ Парижѣ, или я въ сердцѣ австрійскихъ владѣній. Ваши вооруженія не нравятся въ Петербургѣ; Александръ вамъ объ-

Digitized by Google

явить, чтобъ вы разоружились, и вы разоружитесь; но тогда я не вамъ буду благодаренъ за сохраненіе спокойствія въ Европѣ, а царю, и я васъ не пущу къ рѣшенію важныхъ, васъ касающихся вопросовъ, я буду вести дѣло вмѣстѣ съ Россіею, а вы будете только смотрѣть».

Черезъ нѣсколько дней Меттернихъ явился къ Наполеону съ извѣстіемъ, что вооруженія Австріи прекращаются. «Будемте говорить съ вами, какъ частные люди,—отвѣчалъ Наполеонъ:—никогда я не думалъ, чтобы Францъ, Стадіонъ или Карлъ хотѣли войны, вы въ дурныхъ отношеніяхъ съ Россіею, поэтому не можете объявить мнѣ войны; но я боюсь, что вы вовлечетесь въ войну со мною по ложнымъ слухамъ. Васъ испугали испанскія событія, вы ждете, что и съ вами то же будетъ. Но какая разница! Испаніею я долженъ былъ овладѣть для обезпеченія моего тыла; Годой, вмѣсто того, чтобъ увеличивать морскія силы, увеличилъ сухопутныя, тронъ занимали Бурбоны, мои личные враги, они и я—мы не могли одновременно царствовать. Я дѣлаю различіе между домами бурбонскимъ и лотарингскимъ».—«Угодно заключить съ нами союзъ?—я готовъ вступить въ переговоры»,—сказалъ Меттернихъ.—«Для этого нужны прелиминаріи; скажите императору Францу, что я считаю все покончennымъ».

Предложеніе союза было вовсе некстати для Наполеона: онъ ѣхалъ въ Эрфуртъ, и до результатовъ свиданія съ русскимъ государемъ нельзя было входить ни въ какія опредѣленія отношеній. Понятно, какое значеніе должно было имѣть для Австріи эрфуртское свиданіе, какъ желали въ Вѣнѣ знать, что тамъ будетъ происходить, что будетъ говориться объ Австріи между двумя рѣшителями судебъ Европы. Талейранъ совѣтовалъ самому императору Францу поѣхать сначала въ Прагу и потомъ неожиданно явиться въ Эрфуртѣ. Но пріѣхать незваннымъ-непрошеннымъ—это было бы верхъ неприличія и забвенія своего достоинства. Говорили, что Францъ долженъ упасть среди двухъ императоровъ, какъ бомба; но бомба пугаетъ, тогда какъ Францъ своимъ появленіемъ никого испугать не могъ. Его можно было сравнить не съ бомбою, а съ резиновымъ мячомъ. Не сочли приличнымъ послать и кого-нибудь изъ эрцгерцоговъ; хотѣли, чтобъ Меттернихъ сопровождалъ Наполеона въ Эрфуртъ; Меттернихъ обратился къ преемнику Талейрана въ завѣдываніи иностранными дѣлами, Шампаньи, и получилъ отказъ: «Въ Эрфуртѣ,—говорилъ Шампаньи,—будутъ уговариваться, какими средствами принудить Англію къ миру, Австрія тутъ не причемъ». Но надобно кого-нибудь имѣть въ Эрфуртѣ: отправили Винцента съ двумя незна-

Digitized by Google

чительными письмами Франца къ обоимъ императорамъ. Винцентъ привезъ изъ Эрфурта статьи договора, заключеннаго между Александромъ и Наполеономъ, договора, очень непріятнаго для Австріи по отношенію къ дунайскимъ княжествамъ и къ Россіи въ случаѣ войны Австріи съ Франціею; привезъ и отвѣтныя письма отъ обоихъ императоровъ. Письмо Наполеона было самое дерзкое: «Въ моей власти было уничтожить австрійскую монархію; настоящее существованіе вашего величества есть слѣдствіе моей воли, доказательство, что наши счеты сведены и я ничего болѣе отъ васъ не требую. Но вы не должны поднимать вопроса, рѣшеннаго пятнадцатилѣтнею войною, не должны подавать повода къ новой войнѣ. Ваше величество должны удержаться отъ всякаго вооруженія, которое можетъ меня обезпокоить». Письмо Александра отличалось противоположнымъ тономъ; въ немъ была одна фраза, важная для Австріи: русскій государь увѣрялъ императора Франца, что принимаетъ участіе въ сохраненіи цѣлости австрійской имперіи. Винцентъ объяснилъ, что это значитъ: Александръ требовалъ отъ Наполеона, чтобъ цѣлость Австріи не была нарушена; но Наполеонъ согласился на это съ условіемъ, чтобъ Австрія прекратила вооруженія. Талейранъ хвалился передъ Меттернихомъ, что онъ вмѣстѣ съ Толстымъ склонили Александра не уступать требованіямъ Наполеона, враждебнымъ Австріи.

Разумѣется, было бы слишкомъ страннымъ предположеніе, что Талейранъ и Толстой могли убѣдить императора Александра въ необходимости беречь Австрію отъ Наполеона. Прежде всего надобно было, чтобъ Австрія сама себя берегла и не бросалась одна въ войну съ Наполеономъ, но Австрія сиѣшила сдѣлать то, что Наполеонъ называлъ безуміемъ, и за что Пруссія такъ дорого поплатилась. Что же могло побуждать ее къ этому? Она разсчитывала, во-первыхъ, на испанскія дѣла; но разсчетъ былъ невѣренъ, причемъ надобно замѣтить, что этимъ испанскимъ дѣламъ вообще приписываютъ больше значенія, чѣмъ сколько они имѣли. Изъ желанія нанести испанскому движенію рѣшительный ударъ, Наполеонъ могъ въ извѣстное время стараться, чтобъ его не отвлекали на Востокѣ; но Испанія не могла поглотить всѣ его силы; Испанія могла быть для него тѣмъ, чѣмъ послѣ Алжиръ былъ для Франціи, Кавказъ для Россіи; но она не могла помѣшать ему распоряжаться въ остальной южной и средней Европѣ. Во-вторыхъ, Австрія разсчитывала, что какъ скоро она начнетъ войну съ Наполеономъ, то и въ Германіи произойдетъ то же самое, что въ Испаніи — народная война. Стадіонъ не ошибался въ томъ, что борьба съ Наполеономъ начала прини-

Digitized by Google

мать новый характеръ, что теперь она не была только борьбою правительствъ, но и борьбою народовъ. Въ 1804 году, въ извѣстномъ проектѣ, который Новосильцевъ возилъ въ Англію, императоръ Александръ предлагалъ убѣдить народы, что господство Наполеона не принесетъ имъ свободы и благоденствія; но теперь народы убѣдились въ этомъ сами, и сильная ненависть къ Наполеону, къ французскому владычеству, сильное поднятіе патріотическаго чувства, особенно въ сѣверной Германіи, были слѣдствіемъ наполеоновскаго гнета. Но и на эти одни народныя чувства Австріи разсчитывать было нельзя: чтобъ эти чувства высказались, надобно было, чтобъ Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе, чтобъ онъ потерялъ обаяніе непобѣдимой силы, чтобъ другая сила стала на германской почвѣ и дала опору движенію; иначе все могло ограничиться только отдѣльными вспышками, безплодными и скоро потухающими. Стадіонъ мечталъ, что Австрія станетъ во главѣ этого новаго, народнаго движенія противъ наполеоновскаго ига, сокрушитъ всеобщаго врага и этимъ пріобрѣтетъ себѣ право на первенствующее положеніе, ибо всѣ государства пойдутъ за нею, а не она будетъ ходить за другими, какъ было до сихъ поръ. Прекрасная мечта, которая дѣлаетъ честь мечтателю-патріоту. Стадіонъ усыпилъ Австрію, и она видѣла прекрасный сонъ. Сонъ послѣ и сбылся, только не для Австріи.

Третьимъ побужденіемъ для Австріи къ начатію войны были донесенія Меттерниха изъ Франціи. «*Дружба, нейтралитетъ* суть слова, лишенныя смысла для Наполеона, — писалъ Меттернихъ въ концѣ 1808 года. — Прусская война, казалось, была предпринята для уничтоженія приверженцевъ системы *нейтралитета*. Низверженіе испанской династіи, древнѣйшей, испытаннѣйшей и безкорыстнѣйшей союзницы не только Наполеона, но и всѣхъ прежнихъ французскихъ правительствъ (замѣчаніе важное, ибо уничтожаетъ династическую враждебность), должно доказать міру, что никакое государство не можетъ спастись *дружбою*. Нельзя быть ни врагомъ, ни нейтральнымъ, ни другомъ — что же остается правительству, которое не можетъ, подобно португальскому, уложить свои чемоданы и океаномъ отдалить себя отъ бича, удручающаго Европу?» Послѣ этого вступленія, знакомящаго насъ съ литературными пріемами человѣка, котораго потомъ величали дипломатическимъ геніемъ, Меттернихъ переходитъ къ указаніямъ на возможность Австріи воевать съ Наполеономъ. Испанская война нанесла Франціи большой уронъ; средства Франціи противъ Австріи уменьшились наполовину, средства Австріи увеличились вдвое. Теперь уже сражается не

Digitized by Google

французскій народъ; настоящая война не есть даже война французской арміи, но чисто наполеоновская. Внутри Франціи давно уже существуетъ партія, противная завоевательнымъ видамъ Наполеона; она сплотилась въ молчаніи, самъ Наполеонъ далъ ей силу своимъ нападеніемъ на Испанію. Ея главы—Талейранъ и Фуше. «Мы дожили до того времени, — писалъ Меттернихъ, — когда союзники представляются намъ внутри самой Франціи; эти союзники не ничтожные интриганы: люди, имѣющіе право быть представителями націи, требуютъ нашей помощи; эта помощь есть наше собственное дѣло, всецѣло наше собственное дѣло, дѣло потомства!»

Итакъ, союзники—народъ испанскій, народъ нѣмецкій, союзники въ самой Франціи, Талейранъ и Фуше. Но старая союзница, Россія, будетъ противъ! Это останавливало. Меттернихъ успокоивалъ и на этотъ счетъ: онъ передавалъ въ Вѣну убѣжденія Талейрана, что Наполеонъ не увлечетъ Александра противъ Австріи, что, по прежнему, самый тѣсный союзъ можетъ быть заключенъ между Россіею и Австріею. Талейранъ принадлежалъ къ числу тѣхъ предсказателей, которые предсказываютъ вѣрно, не обозначая только срока, когда сбудется предсказаніе; а въ Вѣнѣ, какъ обыкновенно бываетъ, назначили для исполненія самый ближайшій срокъ, потому что этого желали, не обращая вниманія на главное, что Россія, не кончивши двухъ войнъ, какъ ей надобно, не можетъ начать третьей. Въ добромъ расположеніи императора Александра къ Австріи, въ нежеланіи его отдать ее въ жертву Наполеону нельзя было сомнѣваться, для этого не нужно было особенной проницательности; если въ Эрфуртѣ было постановлено, что начатіе Австріею войны обязываетъ Россію помогать Франціи, то не могъ же Александръ предполагать, что Австрія ринется одна въ войну. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Румянцевъ, будучи послѣ Эрфурта въ Парижѣ, прямо говорилъ Меттерниху, что придетъ время, когда тѣсный союзъ Россіи съ Австріею будетъ необходимъ для всеобщаго избавленія: «Не предпринимайте ничего; вы поставите Россію въ величайшее затрудненіе»,—говорилъ Румянцевъ. 31 января 1809 года императоръ Александръ говорилъ австрійскому посланнику, князю Шварценбергу: «Можно ли начинать такую неравную борьбу послѣ того, какъ упустили благопріятный случай (въ началѣ 1807 года)? Наполеонъ и его войско непобѣдимы, надобно выждать время, не бросаться зря, придетъ благопріятный часъ мщенія. Теперь Австрія должна сохранять свои силы только для защиты и не дѣлать ни малѣйшаго

Digitized by Google

вызывательнаго шага; если Австрія начнетъ войну, все пропало. Я гарантирую императору Францу справедливость моихъ словъ; обѣщаю и относительно Австріи войти въ такое же обязательство, въ какомъ я относительно Франціи, т.-е. всѣми моими силами защищать ее отъ нападенія». Но Австрія непремѣнно хотѣла войны. Тогда Александръ сказалъ Шварценбергу: «Я даю великое доказательство довѣрія, обѣщая вамъ, что сдѣлано будетъ все человѣчески возможное, чтобъ не нанести вамъ ударовъ съ нашей стороны; мое положеніе такъ странно, что хотя мы съ вами стоимъ на противоположныхъ линіяхъ, однако я не могу не желать вамъ успѣха». Александръ обѣщалъ медлить, по возможности, выступленіемъ войскъ въ походъ и приказать имъ избѣгать, по возможности, всякаго столкновенія и враждебныхъ дѣйствій съ австрійцами. Вслѣдствіе этого обѣщанія, Шварценбергъ не передалъ предписанныхъ ему изъ Вѣны угрозъ, что Австрія будетъ помогать Портѣ противъ Россіи и содѣйствовать возстановленію Польши.

Отъ Россіи обратились къ Пруссіи, которая очутилась между двухъ огней: съ одной стороны, она находилась подъ ножомъ Наполеона, у котораго было французскаго войска между Рейномъ и Эльбою 70,000, да въ его распоряженіи были войска польскія, саксонскія и вестфальскія, числомъ до 80,000, а у Пруссіи только 42,000. Въ два перехода саксонцы могли быть въ Глогау и отрѣзать Силезію, въ три перехода французы и вестфальцы изъ Магдебурга могли быть въ Берлинѣ. Вступить въ союзъ съ Австріею противъ Франціи значило идти на вѣрную гибель; понятно, что императоръ Александръ долженъ былъ отклонять отъ этого Пруссію всѣми силами; если уговаривали Австрію ждать удобнѣйшаго времени, когда всѣ главныя силы Европы будутъ въ сборѣ, то тѣмъ болѣе должны были уговаривать Пруссію ждать «часа мщенія». Но, съ другой стороны, самое это положеніе подъ ножомъ было нестерпимо; какъ отдѣльные люди, такъ и цѣлые народы въ болѣзняхъ и страданіяхъ не могутъ спокойно относиться къ причинамъ и слѣдствіямъ этихъ болѣзней и страданій, и бросаются на первую возможность немедленнаго облегченія; надежда получить облегченіе растетъ соотвѣтственно желанію облегченія, да и во всякомъ случаѣ, кажется, что хуже настоящаго положенія уже не будетъ. Кромѣ того, представлялась мысль: благоразумно или неблагоразумно поступаетъ Австрія, но она непремѣнно хочетъ воевать; если не присоединиться къ ней и дать ей погибнуть, что станется съ Пруссіею? Новое торжество, новое усиленіе Наполеона есть вмѣ-

Digitized by Google

стѣ съ тѣмъ новое бѣдствіе, окончательное паденіе Пруссіи, которую онъ будетъ замучивать на медленномъ огнѣ. Всего печальнѣе было положеніе короля Фридриха-Вильгельма, который видѣлъ всю опасность разрыва съ Франціею, всю справедливость русскихъ внушеній: «Австріи король не спасетъ, а только рѣшитъ собственную гибель, отнявши у Россіи средства воспрепятствовать ей». И въ то же время король долженъ былъ сдерживать нетерпѣніе лучшихъ людей, которые требовали войны съ Наполеономъ, требовали во имя страданій народа, который не хочетъ болѣе сносить ига и двинется противъ воли короля. Фридрихъ-Вильгельмъ долженъ былъ уступать этимъ воплямъ, позволять вести переговоры съ Австріею о союзѣ, но въ рѣшительную минуту объявлялъ: «Не могу безъ Россіи!» Это объявленіе не успокоивало его; невыносимо тяжко было безпрестанно встрѣчаться съ людьми, въ глазахъ которыхъ онъ читалъ упрекъ въ слабости, нерѣшительности, трусости, и король пишетъ умоляющее письмо императору Александру, чтобъ тотъ разорвалъ союзъ съ Францію. Изъ Петербурга отвѣта нѣтъ. Эти требованія съ австрійской и прусской стороны не могли не производить здѣсь раздражающаго, оскорбительнаго впечатлѣнія. Въ 1805 г., послѣ долгихъ отнекиваній, Австрія вдругъ рванулась на войну, не дождавшись русскихъ войскъ,—потерпѣла пораженіе; Пруссія, несмотря на всѣ настаиванія Россіи, не двинулась. Потомъ и ей пришла охота повторить ошибку Австріи: въ слѣдующемъ году и она вдругъ рванулась на войну одна,—была разгромлена; Россія пришла къ ней на помощь и, сдержавъ Наполеона, стала уговаривать Австрію войти въ союзъ противъ него, что должно было имѣть рѣшительное значеніе. Австрія не двинулась; необходимымъ слѣдствіемъ былъ тильзитскій миръ, и со всѣхъ сторонъ крики, упреки Александру въ слабости, невыдержливости, измѣнчивости; а теперь, когда Россія занята двумя войнами, Австрія опять рвется на борьбу и требуетъ русской помощи, того же требуетъ и Пруссія! Это была какая-то насмѣшка надъ Россіею. Тщетно императоръ Александръ говорилъ Австріи, чтобъ подождала болѣе благопріятнаго времени, что она можетъ быть покойна, ея не тронутъ, онъ за это ручается. Ему не вѣрили; вѣрили—Талейрану, который совѣтовалъ предупредить Наполеона войною. 8 февраля (н. ст.) 1809 года эрцгерцогъ Карлъ объявилъ въ совѣтѣ: «Я не подавалъ голоса за войну; отвѣтственность падетъ на тѣхъ, которые ея непремѣнно хотятъ». Въ апрѣлѣ австрійцы начинаютъ войну вторженіемъ въ Италію, Баварію, герцогство варшавское. Старая ошибка—раздѣленіе силъ,

Digitized by Google

старыя слѣдствія: Наполеонъ занимаетъ Вѣну, одерживаетъ рѣшительную побѣду при Ваграмѣ (8 іюля), австрійцы спѣшатъ заключить перемиріе (12 іюля).

То, что Наполеонъ называлъ безуміемъ, было сдѣлано. Наполеонъ былъ сердитъ; сначала онъ объявилъ: «Не хочу мира съ Австріею; я ее раздѣлю на цѣлый рядъ независимыхъ государствъ; только отреченіе императора Франца отъ престола понудитъ меня вступить въ переговоры». Въ другой разъ объявилъ: «Хотя я не имѣю никакого довѣрія къ Австріи, однако рѣшаюсь еще разъ на миръ и даже предложу умѣренныя условія, если Францъ откажется отъ престола въ пользу одного изъ членовъ императорской фамиліи, и если императоромъ будетъ великій герцогъ вюрцбургскій, то я оставлю монархію во всей ея цѣлости». Эти грозныя рѣчи показывали, что миръ можетъ быть купленъ только очень дорогою цѣною. Во время перемирія образовались двѣ партіи—партія войны и партія мира, и первую поднимали требованія Наполеона. Брались за разные планы: одни хотѣли, чтобъ при посредствѣ англійскаго посланника былъ заключенъ поскорѣе миръ между Россіею и Турціею, вслѣдствіе чего можно было бы образовать тройной союзъ между Австріею, Англіею и Турціею; другіе возражали, что, наоборотъ, надобно уговаривать турокъ къ энергическому продолженію войны съ Россіею, пока послѣдняя будетъ въ союзѣ съ Наполеономъ. Меттерних предложилъ планъ возстановленія Польши подъ самостоятельнымъ государемъ, чтобы поднять поляковъ противъ Наполеона. Австрія уступала возобновленному государству западную Галицію, обѣщала и остальную, если дадутъ вознагражденіе въ Италіи или Германіи; между Австріею, Пруссіею, Польшею, Турціею, Англіею, Испаніею, Португаліею, Сициліею и Сардиніею долженъ быть заключенъ оборонительный и наступательный союзъ. Громоздкій планъ (съ Португаліею, Сициліею и Сардиніею!!) былъ разрушенъ замѣчаніемъ Стадіона: какая охота полякамъ для возстановленія своего государства входить въ союзъ съ Австріею, когда они могутъ надѣяться достичь этого гораздо легче посредствомъ Франціи? Притомъ, Россія, увидавши австрійскіе замыслы, станетъ усерднѣе помогать Наполеону.

Изъ длиннаго меттерниховскаго перечня *возможныхъ* союзниковъ одна Англія могла бы оказать дѣйствительную помощь; но она спѣшила, вслѣдствіе британскихъ интересовъ, испортить и теперь дѣло точно такъ же, какъ и въ 1807 году. Стадіонъ не напрасно разсчитывалъ на патріотическія движенія противъ французовъ въ сѣверной Германіи: они обнаружились. Но мы уже

Digitized by Google

замѣтили, что эти движенія могли бы имѣть значеніе только тогда, когда получили бы помощь, опору и единство. Прусскій майоръ Шилль поднялъ возстаніе, и недалеко отъ Магдебурга побилъ французовъ, но, не видя ни откуда помощи, заперся въ Штральзундѣ, былъ тамъ осажденъ и палъ въ битвѣ; герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ брауншвейгскій набралъ себѣ кавалерійскій отрядъ изъ 2000 человѣкъ («Черный легіонъ мщенія»), ворвался въ Саксонію, овладѣлъ Дрезденомъ, Мейсеномъ и Лейпцигомъ; но опять, не видя ни откуда помощи, долженъ былъ отступить предъ превосходными силами вестфальскаго короля, пробился чрезъ всю сѣверную Германію и спасся на англійскихъ корабляхъ. Эти движенія могли имѣть успѣхъ, распространиться, если бы нашли себѣ опору; эту опору дало бы имъ англійское войско, если бы высадилось гдѣ-нибудь на берегахъ сѣверной Германіи; но такая отдаленная высадка была не въ англійскихъ интересахъ, которые требовали овладѣнія чѣмъ-нибудь болѣе выгоднымъ, ближайшимъ. Чтобъ овладѣть Антверпеномъ и устьями Шельды, 40,000 англичанъ высадились на островъ Валхеренъ и потерпѣли полную неудачу. Въ Испаніи англійское войско, подъ начальствомъ Уеллеслея (послѣ—лорда Веллингтона) должно было отступить передъ французскимъ маршаломъ Сультомъ въ Португалію; испанское войско было разбито французами недалеко отъ Толедо. Эти извѣстія заставили императора Франца принять тяжелыя мирныя условія и выдать тирольцевъ, которые геройски дрались за Австрію противъ французовъ и баварцевъ. 14-го октября (н. с.) былъ заключенъ вѣнскій миръ, по которому Австрія потеряла 2000 квадратныхъ миль и три съ половиною милліона жителей; потеряна была Иллирія, которою она такъ дорожила и которая теперь такъ важна была для Наполеона по отношенію къ Балканскому полуострову, какъ самъ Наполеонъ заявлялъ во время переговоровъ. Западная Галиція съ Краковомъ и остальными областями, доставшимися Австріи по третьему раздѣлу Польши, отошли къ варшавскому герцогству, восточная Галиція къ Россіи; Австрія должна была присоединиться къ континентальной системѣ, заплатить 85 милліоновъ контрибуціи и обязалась не держать болѣе 150,000 войска.

Исчезъ прекрасный сонъ, когда Австріи грезилось, что она находится въ челѣ народовъ, возставшихъ за свободу и независимость. Австрія прокляла коварный сонъ и поспѣшила погрузиться въ дѣйствительность. Человѣкъ, который навелъ этотъ сонъ на Австрію, который вздумалъ-было проповѣдывать какую-то духовную культуру, Стадіонъ, долженъ былъ удалиться, какъ глава

Digitized by Google

воинственной партіи, главный виновникъ неудавшейся войны. Все пришло въ надлежащій порядокъ; императоръ Францъ не имѣлъ уже подлѣ себя такого безпокойнаго, страннаго нововводителя и могъ предаться вполнѣ своей системѣ, системѣ освященной. По убѣжденію Франца, государство была машина, все государственное управленіе должно было идти, какъ заведенные часы. Ничто не должно нарушать обычнаго хода машины: разъ заведена, и пусть идетъ. Нечего трогать, перемѣнять—только испортишь: Іосифъ II-й, какъ безпокойный, пытливый ребенокъ, вздумалъ потрогать машину, перемѣнить колеса,—и что же вышло? только разстроилъ. Хорошо шла машина прежде, пусть и теперь такъ же идетъ. «Держитесь старины, старина—хорошее дѣло,— говорилъ Францъ профессорамъ лайбахскаго лицея: — нашимъ предкамъ было хорошо при старинѣ, отчего же намъ будетъ дурно? Теперь новыя идеи въ модѣ: я ихъ не могу одобрить, никогда не одобрю». Новыхъ идей было много въ новыхъ нѣмецкихъ книгахъ, печатанныхъ въ сѣверной Германіи, и потому эти книги были строго запрещены въ Австріи. Но при Іосифѣ II-мъ и въ самой Австріи было напечатано много книгъ съ разными идеями: болѣе 2500 этихъ старыхъ іосифовскихъ книгъ было теперь запрещено въ Австріи. Въ книжной торговлѣ господствовали рыцарскіе романы. Рыцарскіе романы можно читать: они не разстраиваютъ головы разными идеями, не препятствуютъ пищеваренію, а это главное: здоровый желудокъ, хорошій столъ и хорошая музыка—больше ничего не нужно для народнаго благосостоянія. Ѣсть, пить, наслаждаться музыкою и какъ можно меньше отягощать себя мыслію—вотъ главное правило добраго подданнаго. Музыка очень хорошее искусство: она услаждаетъ и успокоиваетъ, убаюкиваетъ. Францъ былъ большой охотникъ до музыки и музыкантовъ: при немъ музыкантъ могъ дойти до генералъ-адъютантскаго званія. Францъ не любилъ войны и въ мирное время не любилъ военныхъ упражненій: тутъ было много движенія, шума, блеска; все это способнѣе было возбуждать, чѣмъ успокоивать. Другое дѣло канцелярія: тамъ все тихо, спокойно и правильно; бумага составляется, прочитывается, докладывается, занумеровывается, подписывается и предается законному правильному теченію; течетъ тихо, плавно, спокойно, медленно, величаво, своимъ появленіемъ въ извѣстныхъ мѣстахъ возбуждаетъ тихое, спокойное движеніе переписки, отписки; наконецъ, бумага совершаетъ свой путь и впадаетъ въ море-океанъ бумажный. Теченіе бумаги окончено, дѣло сдѣлано. Какое дѣло?—спрашиваютъ. Но такіе вопросы могутъ поднимать только идеологи.

Digitized by Google

Направленію государя долженъ былъ соотвѣтствовать первый министръ. Кобенцль и Стадіонъ, несмотря на видимое различіе, существенно были похожи другъ на друга. Разница между ними была такая же, какая между вельможею XVIII-го вѣка, съ пудрою на головѣ, въ расшитомъ золотомъ бархатномъ французскомъ кафтанѣ, и вельможею XIX-го вѣка, въ черномъ суконномъ фракѣ. Но оба были похожи другъ на друга тѣмъ, что оба были министры безпокойные, воинственные, оба мечтали дать Австріи важное значеніе посредствомъ борьбы съ преобладающею силою Франціи, и Стадіонъ даже придумалъ какое-то внутреннее, народное движеніе, поднятіе нравственныхъ силъ народныхъ, какую-то духовную культуру, союзъ съ народными движеніями извнѣ. Что-жъ вышло хорошаго? Слѣдствіемъ политики Кобенцля была несчастная война 1805 года; слѣдствіемъ политики Стадіона—несчастная война 1809 года. Эта политика осуждена своими слѣдствіями; теперь должна быть политика другая, и представителемъ этой новой политики является новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Меттернихъ. Мы видѣли, что Меттернихъ, будучи посломъ въ Парижѣ, заплатилъ дань направленію Стадіона, его донесенія могущественно содѣйствовали рѣшенію австрійскаго кабинета начать войну; мало того, онъ писалъ о необходимости народнаго возбужденія: «Всякое правительство,—писалъ онъ,—всегда найдетъ въ критическія минуты великія средства въ народѣ; оно должно возбуждать и особенно употреблять ихъ; одинъ примѣръ силы, хорошо направленный государемъ и поддержанный его народомъ, быть можетъ, остановилъ бы опустошительное движеніе Наполеона». Кромѣ того, что Меттернихъ могъ считать необходимымъ поддѣлываться подъ направленіе своего министра, подъ направленіе, становившееся господствующимъ при дворѣ, Меттернихъ находился въ Парижѣ подъ вліяніемъ сильнаго авторитета, Талейрана; наконецъ, оставя въ сторонѣ разсчеты и внѣшнія вліянія, Меттернихъ извѣстное время могъ смотрѣть именно такъ на дѣло, скользя по его поверхности, ибо только при сосредоточеніи полнаго вниманія на предметѣ и при свободномъ его обсужденіи можетъ образоваться опредѣленный взглядъ, въ которомъ окончательно и выскажется личность человѣка. Это и случилось съ Меттернихомъ, когда онъ замѣнилъ Стадіона, сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ настоящее время онъ отказался для Австріи отъ всякаго почина въ войнѣ; если Австрія и должна была принять участіе въ войнѣ, то когда другіе сдѣлаютъ главные и самые трудные шаги, когда успѣхъ будетъ вѣренъ и выгоды несомнѣнны. Такой образъ дѣйствія

Digitized by Google

признанъ для Австріи обязательнымъ и навсегда. Спокойнымъ, свободнымъ отъ всякаго вліянія патріотическаго чувства взглядомъ взглянулъ Меттерних на Австрію и нашелъ, что она слаба, слаба не временно, не относительно только наполеоновской Франціи, но слаба вообще, слаба сравнительно съ Россіею, Франціею, Пруссіею; слабость заключается въ пестротѣ состава имперіи, въ отсутствіи національнаго единства, что съ особенною ясностію выступило именно теперь, когда вопросъ народности становился на очередь вслѣдствіе наполеоновскаго гнета. Въ Испаніи, Германіи обнаружилось народное движеніе противъ поработителей; Стадіонъ и самъ Меттернихъ признавали его необходимымъ и въ Австріи для успѣха борьбы; но когда Меттернихъ, въ спокойную минуту, взглянулъ поближе на дѣло, то отчурался навсегда отъ мысли вызывать народное движеніе. Въ Пруссіи движеніе было національное, нѣмецкое, оно обхватывало основное, теперь исключительное народонаселеніе государства и, распространяясь по Германіи, служило только къ поднятію значенія Пруссіи. Но въ Австріи, составленной изъ нѣсколькихъ народностей, національный вопросъ, вопросъ о національной равноправности, о неподчиненіи одной національности другой велъ къ усобицѣ и разложенію монархіи. Какъ скоро страшная опасность была сознана, въ основу системы было положено отсутствіе всякаго внутренняго движенія, все должно оставаться по старому и пребывать въ полномъ спокойствіи. Но сохраненіе существующаго порядка внутри австрійской имперіи чрезвычайно трудно, если около будутъ происходить опасныя движенія и перемѣны. И потому главною задачею внѣшней политики Австріи должно быть сохраненіе старины по возможности во всѣхъ государствахъ Европы, преимущественно ближайшихъ. При сознаніи своей слабости Австрія должна избѣгать войны, но когда война готова будетъ возгорѣться между другими государствами, Австрія не можетъ осудить себя на страдательное положеніе; она пользуется случаемъ показать свое значеніе, возвысить его, является посредницею, старается захватить въ свои руки узелъ переговоровъ и направлять ихъ по своимъ интересамъ, выжидая благопріятныхъ обстоятельствъ, пользуясь каждою случайностію, грозя и отступая, опять грозя и отступая. Это консервативное во что бы то ни стало стремленіе внутри и внѣ дало Австріи характеръ государства дипломатическаго: внутри, состоя изъ разныхъ государствъ, изъ разныхъ народовъ, она должна управлять ими дипломатическими средствами, сохраняя равновѣсіе, раздѣляя и властвуя; извнѣ сознаніе слабости, страхъ

Digitized by Google

предъ рѣшительными мѣрами, предъ войною, заставляетъ поддерживать и поднимать свое значеніе также дипломатическими средствами, лавируя между сильными, раздѣляя ихъ, одиноча сильнѣйшихъ. Эти черты австрійской политики стали являтся постоянными съ тѣхъ поръ, какъ завѣдываніе иностранными дѣлами принялъ Меттернихъ, человѣкъ системы. Создавши себѣ разъ систему, Меттернихъ проводилъ ее неуклонно, и такъ какъ основная ея черта, консерватизмъ, могла быть проведена для Австріи только при помощи проведенія ея и въ другихъ государствахъ, то Меттернихъ является проповѣдникомъ своей системы; эта система, по обстоятельствамъ времени, какъ увидимъ, пріобрѣла сочувствіе многихъ и многихъ, поэтому австрійскій министръ, авторъ системы, является главою школы, начинаетъ играть роль наставника государей, руководителя министровъ. Авторскій талантъ, сильная логика давали ему къ тому средства. Каждый политическій вопросъ учитель объяснялъ, указывалъ причины и слѣдствія, приводилъ въ связь съ своею системою, прилагалъ къ нему ея правила. Меттернихъ былъ охотникъ писать длинныя посланія, которыя отзывались учительскимъ тономъ; основныя положенія онъ обыкновенно подчеркивалъ, точно въ учебникахъ, гдѣ важнѣйшее печатается крупнымъ шрифтомъ, а менѣе нужныя подробности мелкимъ. Меттернихъ зналъ все, что дѣлается тайнаго въ разныхъ углахъ Европы, и готовъ былъ служить каждому государю сообщеніемъ нужныхъ для послѣдняго свѣдѣній, причемъ сообщалъ свои взгляды на то, какъ должно управлять народами для ихъ благоденствія и для благоденствія правительствъ. Меттернихъ очень заботился о спокойствіи простого рабочаго народа, который въ его глазахъ былъ настоящемъ народомъ. Этотъ народъ, по словамъ Меттерниха, занятъ положительными и постоянными работами, и недосугъ ему кидаться въ отвлеченности и въ честолюбіе; этотъ народъ желаетъ только одного: сохраненія спокойствія. Враги этого спокойствія, враги настоящаго народа—это люди обыкновенно изъ средняго класса, которыхъ самонадѣянность, постоянная спутница полузнанія, побуждаетъ стремиться къ новому, къ перемѣнамъ. Противъ этихъ-то людей Меттернихъ приглашалъ правительства составить союзъ.

Но благодѣтель настоящаго народа забывалъ о достоинствѣ и обязанностяхъ настоящаго правительства. Настоящее правительство не задерживаетъ свой народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы и употребляетъ ихъ на благо народа; оно не боится этихъ силъ, оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Чтобъ не бояться ничего, правитель-

Digitized by Google

ство должно быть либерально и сильно. Оно должно быть либерально, чтобъ поддерживать и развивать въ народѣ жизненныя силы, постоянно кропить его живою водой, не допускать въ немъ застоя, слѣдовательно—гніенія, не задерживать его въ состояніи младенчества, нравственнаго безсилія, которое, въ минуту искушенія, дѣлаетъ его неспособнымъ отразить ударъ, встрѣтить твердо и спокойно, какъ прилично мужамъ, всякое движеніе, всякую новизну, критически относиться къ каждому явленію; народу нужно либеральное, широкое воспитаніе, чтобъ ему не колебаться, не мяться при первомъ порывѣ вѣтра, не восторгаться первымъ громкимъ и красивымъ словомъ, не дурачиться и не бить стеколъ, какъ дѣти, которыхъ долго держали взаперти и вдругъ выпустили на свободу. Но либеральное правительство должно быть сильно, и сильно оно тогда, когда привлекаетъ къ себѣ лучшія силы народа, опирается на нихъ; правительство слабое не можетъ проводить либеральныхъ мѣръ спокойно, оно рискуетъ подвергнуть народъ тѣмъ болѣзненнымъ припадкамъ, которые называются революціями, ибо, возбудивъ, освободивъ извѣстную силу, надобно и направить ее. Правительство сильное имѣетъ право быть безнаказанно либеральнымъ, и только люди очень близорукіе считаютъ нелиберальныя правительства сильными, думаютъ, что эту силу они пріобрѣли вслѣдствіе нелиберальныхъ мѣръ. Давить и душить очень легкое дѣло, особенной силы здѣсь не требуется. Дайте волю слабому ребенку, и сколько хорошихъ вещей онъ перепортитъ, перебьетъ, переломаетъ! Обращаться съ вещами безжизненными очень просто; но другіе пріемы, потруднѣе и посложнѣе, требуются при обращеніи съ тѣломъ живымъ, при охраненіи и развитіи жизни.

Кромѣ того, что Меттернихъ самъ любилъ писать посланія къ государямъ для внушенія имъ основаній своей системы, онъ нашелъ въ Вѣнѣ человѣка, который съ необыкновеннымъ усердіемъ явился глашатаемъ меттерниховой системы и прославителемъ мудрости австрійскаго министра: то былъ извѣстный публицистъ, Фридрихъ Генцъ. Генцъ началъ свое публицистическое поприще въ Берлинѣ; поклонникъ французской революціи вначалѣ, онъ скоро, подобно многимъ, оттолкнулся отъ этого явленія, испуганный его темною стороною, и въ своемъ «Историческомъ журналѣ» все свое сочувствіе обратилъ къ Англіи, впрочемъ не безкорыстно: онъ получалъ *субсидію* отъ англійскаго правительства, равно какъ и отъ другихъ державъ, когда сталъ извѣстенъ, какъ противникъ и послѣ-революціоннаго порядка вещей во Франціи, противникъ Наполеона. Деньги были нужны

Digitized by Google

Генцу вслѣдствіе страшно-безпорядочной жизни: чувственныя удовольствія, женщины, игра мгновенно поглощали пенсіи, получаемыя за авторскую благонамѣренность. Въ сѣверной Германіи, въ Берлинѣ Генцу было неловко: здѣсь были строже нравственныя требованія отъ общественнаго дѣятеля, чѣмъ и объясняется возрожденіе Пруссіи на нравственной почвѣ послѣ 1806 года. Генцъ уже давно посматривалъ на югъ, на Вѣну, какъ на обѣтованную землю для людей съ его наклонностями, и охотно принялъ предложеніе графа Кобенцля переселиться въ Австрію. При Кобенцлѣ и Стадіонѣ Генцъ продолжалъ ратовать противъ Наполеона; при Меттернихѣ онъ совершенно подчинился взглядамъ этого министра, подчинился тому повороту, какой произошелъ въ австрійской политикѣ послѣ войны 1809 года.

С. Соловьевъ.

Digitized by Google

БОЛГАРІЯ
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Замѣтки и воспоминанія.

ГЛАВА I.

Передъ войною.

Никто изъ насъ, безъ сомнѣнія, не забылъ тѣхъ зимнихъ вечеровъ конца 1876 г. и начала 1877 г., которые мы всѣ проводили въ оживленныхъ спорахъ о томъ, что такъ томило и волновало почти всю Россію, въ спорахъ—быть или не быть войнѣ. Боже мой, сколько этотъ вопросъ поднималъ другихъ вопросовъ, столь же жгучихъ и ѣдкихъ. Оно и не мудрено: война заставляетъ подводить итоги всему пережитому, передѣланному; война—это тотъ день судный, въ который каждому будетъ воздано по дѣламъ его; война срываетъ повязку съ глазъ, и если въ общественномъ тѣлѣ существуютъ недуги, то онѣ скоро обнаружатся во всей глубинѣ ихъ.

Теперь, послѣ того, что я побывалъ на театрѣ войны, послѣ того, что я вблизи видѣлъ, и у своихъ и у чужихъ, и присмотрѣлся къ движенію той громадной машины, которая во время войны должна работать на всѣхъ парахъ, всѣ наши споры особенно живо возстаютъ въ моей памяти; мнѣ даже кажется, что только тогда вы найдете въ разсказѣ моемъ о всемъ, что привелось увидѣть и услышать на мѣстѣ, отвѣтъ на многіе возбуждавшіеся вопросы, когда вы припомните, около чего вертѣлись всѣ наши споры. Не разъ въ теченіи послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ, полныхъ

Digitized by Google

печали и скорби, я переносился мысленно изъ той несчастной Болгаріи, ради которой широкимъ ручьемъ полилась лучшая русская кровь, къ нашимъ зимнимъ вечерамъ, вспоминая страстныя рѣчи одного оптимиста и мрачныя филиппики другого—пессимиста, которые вели между собою въ нашемъ небольшомъ дружескомъ кружкѣ горячую распрю, оба воодушевленные одинаково сильною любовію къ своей родинѣ.

Поле для споровъ было дѣйствительное самое широкое. Всѣ струны общественной жизни были натянуты до послѣдней возможности, вездѣ и во всемъ чувствовалась какая-то неувѣренность въ будущемъ, все, что говорилось въ Европѣ, казалось направленнымъ къ одной цѣли—къ униженію нравственному и матеріальному, съ одной стороны, чести, съ другой—значенія Россіи. Долгое время, начиная съ 1875 года, мы оставались, если и не равнодушными, то все-таки только зрителями той, если хотите, безумной, но во всякомъ случаѣ геройской борьбы, которая велась горстью герцеговинцевъ и босняковъ противъ пятисотъ-лѣтняго суроваго турецкаго господства. Долгое время, рискуя даже утратить то обаяніе, которымъ мы, гораздо болѣе волею судебъ, чѣмъ твердою, сознательною политикою, пользовались у южныхъ славянъ,—мы участвовали въ той стряпнѣ, которую не безъ лукавства предлагалъ австрійскій первый министръ въ образѣ ноты, заключавшей въ себѣ проектъ необходимыхъ реформъ. На нашихъ глазахъ, даже при долѣ участія русскаго общества, правда, микроскопической, изнемогала Сербія въ неравномъ бою съ тѣмъ государствомъ, которое мы поспѣшили обозвать умирающимъ «больнымъ человѣкомъ». Съ состраданіемъ, но безъ той рѣшимости пресѣчь зло, какая является только какъ результатъ сознающей свою силу общественной воли, прислушивались мы къ воплямъ и страдальческимъ стонамъ десятковъ тысячъ болгаръ, замученныхъ, истекавшихъ кровью подъ свирѣпыми ударами турецкихъ ятагановъ. Каждый день приносилъ съ собою новое извѣстіе, и каждое изъ этихъ извѣстій, казалось, вонзало все глубже и глубже острую иглу въ сердце Россіи.

Дипломатическая травля русскаго національнаго достоинства, повидимому, никогда не должна была прекратиться, и отъ обиды, наносимой ему составленіемъ смиреннаго берлинскаго меморандума, мы переходили къ новой обидѣ — гордому отказу англійскаго правительства дать ему свою санкцію. Когда же конецъ?—спрашивало себя истомившееся напряженнымъ ожиданіемъ русское общество, но конецъ этотъ не приходилъ, и какъ одинъ

Digitized by Google

день смѣняетъ другой, такъ одинъ ударъ слѣдовалъ за другимъ,—ударъ, наносимый нашей внѣшней политикѣ.

Откуда же это колебаніе нашей политики? что́ означаетъ эта слабость, эта боязливость?—раздавались вопросы;—или правы тѣ, которые дерзаютъ утверждать, что русское государство—это, колоссъ на глиняныхъ ногахъ! Но вѣдь это неправда, развѣ Россія не сильна, развѣ она не представляетъ собою одно изъ могущественныхъ государствъ Европы, вѣдь мы, шутя, можемъ выставить въ поле болѣе милліона геройскаго войска,—чего же мы боимся?

— Наша политика подвергается униженію, слышался отвѣтъ пессимиста, потому что у насъ нѣтъ опредѣленной политики, основанной на широкомъ пониманіи національныхъ стремленій, наша политика на дипломатическомъ ристалищѣ терпитъ пораженіе за пораженіемъ, потому что мы не можемъ твердо опереться на то начало, которое съ-разу привлекло бы на нашу сторону всѣ славянскіе народы, на начало полнаго національнаго освобожденія. А не можемъ мы на него опереться,—доканчивалъ тотъ же голосъ,—потому, что такое начало стало бы въ прямое противорѣчіе съ господствующими понятіями, съ существующимъ общественнымъ строемъ. Вотъ почему нашей политикѣ суждено не разъ еще испытывать горькія неудачи!

Къ счастью, пророчество этого пессимиста, по крайней мѣрѣ въ ту минуту, не оправдалось, и всѣмъ дипломатическимъ уловкамъ былъ положенъ предѣлъ энергическимъ словомъ: ни шагу дальше! Турція смирилась передъ русскимъ ультиматумомъ,—и Сербія была спасена отъ конечнаго погрома.

Точно свѣжимъ воздухомъ пахнуло на русское общество, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ его жизни въ тяжелой, спертой атмосферѣ. Поворотъ назадъ былъ немыслимъ, русская политика, казалось, вступила на путь твердой національной политики. Но и то, что́ казалось, не было еще дѣйствительностью,—горькая дипломатическая чаша не была еще испита до дна. Потянулись константинопольскія конференціи, на которыхъ твердость турецкой политики съ особенною яркостью выставляла на видъ ничтожество политики другихъ европейскихъ государствъ, и чѣмъ смѣлѣе и рѣзче дѣлался тонъ турецкихъ государственныхъ людей, тѣмъ скромнѣе и смиреннѣе становились предъявляемыя къ Турціи требованія. Но скромность и смиреніе не были вознаграждены. Константинопольскія конференціи дали въ результатѣ нѣсколько исписанныхъ листовъ бумаги, которые, увы! не были еще послѣдними. Къ цѣлому вороху дипломатическихъ рѣшеній и бумагъ,

Digitized by Google

такъ удачно кѣмъ-то окрещенныхъ именемъ макулатуры, долженъ былъ прибавиться еще самый робкій изъ робкихъ—лондонскій протоколъ, отвергая который, Турція, въ то время по крайней мѣрѣ такъ казалось, спасала честь Россіи.

Во все это время, пока дипломатія занималась обидною для русской политики эквилибристикою, изъ-за избитыхъ и заигранныхъ мотивовъ этой дребезжащей шарманки слышался стонъ, доносившійся къ намъ съ Балканскаго полуострова, и потому не мудрено, что русское общество находилось точно въ лихорадкѣ, переходя отъ увѣренности въ томъ, что война будетъ объявлена, къ горькому сомнѣнію, и отъ сомнѣнія къ другой увѣренности, что войны не будетъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней или, вѣрнѣе, вечеровъ перемежающейся лихорадки, когда стрѣлка политическаго барометра стояла передъ словомъ: война! въ нашемъ небольшомъ кружкѣ происходилъ ожесточенный споръ, главнымъ образомъ между тѣмъ же оптимистомъ и пессимистомъ, изъ которыхъ первый съ горячностью доказывалъ неизбѣжность войны и радовался ея приближенію, а послѣдній, глядя на всѣ событія сквозь черную призму, только сумрачно качалъ головою и не переставалъ повторять: нѣтъ, мы не должны воевать, война только разоритъ Россію!

— Чего же вы хотите?—восклицалъ оптимистъ:—не того ли, чтобы Россія отказалась отъ своего историческаго призванія, чтобы мы покорно сносили позоръ, обрушиваемый на нашу голову цѣлою Европою, чтобы мы оставались бездушными зрителями тѣхъ злодѣйствъ, которыя разразились надъ бѣдными южными славянами? Если вы этого желаете, тогда вы правы, тогда мы не должны воевать; но помните, что тогда мы обрекаемъ себя на китайскій застой, тогда роль Россіи, какъ сильной славянской державы, сыграна до конца, и намъ уже болѣе никогда не подняться. Помните однако, что такъ можетъ только разсуждать человѣкъ, который не любитъ своей родины.

— Ну, что же,—возражалъ ему пессимистъ,—договаривайте до конца, провозгласите скорѣй, что я врагъ Россіи; въ самомъ дѣлѣ, какое я имѣю право быть несогласенъ съ вашимъ мнѣніемъ. Но, нѣтъ, это неправда,—съ горячностью продолжалъ пессимистъ, — я люблю Россію не менѣе другого, и, можетъ быть, именно потому, что я люблю ее, я и говорю: война, при настоящемъ положеніи нашихъ внутреннихъ дѣлъ, не имѣетъ никакого смысла. Чего вы хотите? спрошу я васъ въ свою очередь: чтобы мы бросились въ войну, навязали себѣ, быть можетъ, на руки чуть не всю Европу, которая относится къ намъ съ такою

Digitized by Google

враждебностью, и чтобы, въ концѣ-концовъ, мы снова потерпѣли такое же пораженіе, какъ послѣ восточной войны...

— Позвольте васъ прервать, — остановилъ его оптимистъ, чувствуя, что его противникъ зашелъ слишкомъ далеко. — Вы, кажется, забыли, что отъ времени восточной войны насъ отдѣляютъ болѣе нежели двадцать лѣтъ, — и какія двадцать лѣтъ! Вы забыли, что Россія стала иная, что цѣлый рядъ совершённыхъ реформъ измѣнилъ ее, выражаясь словами короля Лира, съ головы до пятокъ! и что 53-му году до 77-го года какъ до звѣзды небесной далеко.

— Вы ошибаетесь, — настаивалъ на своемъ пессимистъ, — я ничего не забываю! Я нисколько не отрицаю значенія совершённыхъ реформъ, но эти реформы — вы не можете съ этимъ не согласиться — не измѣнили кореннымъ образомъ общественнаго строя, и потому едва ли вы правы, говоря, что 53-му до 77-го года какъ до звѣзды небесной далеко. Я признаю важность земской реформы, но все же за земской реформой серьёзнаго и въ смыслѣ политическомъ воспитательнаго значенія я признать не могу. Я далеко не отвергаю благодѣянія и судебной реформы, но это не мѣшаетъ мнѣ сознавать, что, благодаря различнымъ условіямъ общественнаго строя, не вездѣ однако и не во всемъ она находитъ себѣ примѣненіе. Общество могло быть благодарно за предоставленныя ему льготы въ печати, но все-таки эти льготы не предоставляютъ возможности обсуждать всѣ общественные вопросы. Я признаю величіе крестьянской реформы, но и это не мѣшаетъ мнѣ все-таки видѣть, что матеріальное по крайней мѣрѣ положеніе русскаго крестьянина нисколько не лучше, а можетъ быть и хуже матеріальнаго положенія тѣхъ болгаръ, изъ-за которыхъ вы хотите проливать русскую кровь, и все это потому, что рядомъ съ крестьянскою реформою до сихъ поръ не была еще проведена податная реформа и не измѣнена система налоговъ. Я весьма цѣню все то, что́ было сдѣлано правительствомъ для народнаго образованія, но я не могу все-таки не признать, что средній уровень образованія русской народной массы ниже средняго уровня болгарскаго населенія. Я прекрасно понимаю...

— Къ чему вы все это говорите, — перебилъ его оптимистъ, — какое, скажите на милость, имѣетъ все это отношеніе къ нашему спору, какая связь между тѣми вопросами, которые вы поднимаете, съ предпринимаемою нами войною? Внутреннія вопросы остаются все тѣ же, но оттого святая цѣль войны ничего не теряетъ въ своей святости. Вы хотите доказывать, что всѣ совер-

Digitized by Google

шённыя реформы не обновили всецѣло, всесторонне русскую жизнь, русскаго человѣка, но объ этомъ никто не споритъ. Я не вижу только отношенія...

— Вглядитесь поглубже, и вы его прекрасно поймете! Когда я напомнилъ вамъ о восточной войнѣ и ея результатахъ, вы возразили, что между тѣмъ временемъ и настоящимъ нѣтъ ничего общаго. Я же утверждаю, что общаго есть очень много. Я заговорилъ о совершённыхъ реформахъ не для того, конечно, чтобы умалять ихъ значеніе,—никто больше меня не признаетъ ихъ важности—но только для того, чтобы доказать вамъ, что всѣмъ этимъ реформамъ не суждено было вызвать въ русскомъ народѣ самодѣятельности, что русскій общественный строй во многомъ остался тотъ же, чѣмъ онъ былъ во время Восточной войны,—а вы знаете не хуже меня, что тѣ же причины вызываютъ тѣ же послѣдствія. Вы говорите, что не видите связи между внутренними вопросами и внѣшнею войною, но эта связь бьетъ въ глаза. Задались ли вы хоть разъ вопросомъ: какого рода войну мы хотимъ предпринять?

— Что вы хотите сказать?—было отвѣтомъ оптимиста:—кто же не знаетъ, что эта война должна быть войною за освобожденіе южныхъ славянъ!

— Вотъ потому-то, что эта война будетъ называться войною за освобожденіе, потому-то я и говорю, что начинать ее преждевременно. Такую войну можно начинать съ увѣренностью, что она принесетъ благіе политическіе плоды, только тогда, когда освобождающій народъ достигъ уже самъ такого внутренняго развитія, пріобрѣлъ такое значеніе въ общественномъ строѣ, что никто не имѣлъ бы ему права сказать: «врачу! исцѣлися самъ!» До тѣхъ же поръ, пока народъ самъ не достигъ извѣстнаго періода зрѣлости, до тѣхъ поръ война за освобожденіе другого народа не представляетъ достаточныхъ гарантій серьёзнаго успѣха...

Много, конечно, можно было сдѣлать возраженій противъ такого рода аргументаціи, но оптимистъ, вмѣстѣ со всѣми нами защищавшій войну, предпочелъ перенести споръ на другую почву.

— Пусть будетъ по вашему,—говорилъ онъ,—пусть народъ не достигъ еще того развитія, при которомъ онъ самъ ясно сознаётъ свою историческую роль и у себя доказываетъ умѣнье управлять своими дѣлами,—все это идеалъ, который, можетъ быть, долго еще не будетъ достигнутъ,—но слѣдуетъ ли изъ того, что внутренняя политика не удовлетворяетъ вашимъ требованіямъ, чтобы мы оставляли подъ самымъ отвратительнымъ игомъ (съ которымъ можетъ развѣ поспорить татарское иго, до сихъ поръ отзываю-

Digitized by Google

щееся на нашихъ правахъ) нѣсколько милліоновъ близкаго, роднаго намъ населенія?

— Вы были бы правы,—отвѣчалъ ему пессимистъ,—если бы война, успѣшный или неуспѣшный ходъ военныхъ дѣйствій стояли въ полной независимости отъ внутренняго общественнаго строя; но неужели не научила насъ достаточно исторія, что если внутренній организмъ страдаетъ какою-нибудь хроническою болѣзнію, то при этомъ внѣшнія силы мало надежны. Припомните только нашу восточную кампанію, для которой наступилъ судъ исторіи, припомните франко-нѣмецкую кампанію, и скажите по совѣсти, можете ли вы признать, что разбитъ былъ русскій славный солдатъ, что уведенъ былъ въ нѣмецкій плѣнъ храбрый французскій солдатъ; нѣтъ, если вы справедливы, вы должны будете согласиться, что тогда разбита была у насъ наша внутренняя политика, у французовъ—ихъ сгнившій до мозга костей государственный строй, установленный второю имперіею и лишившій страну свободы.

— Ни съ однимъ изъ вашихъ доводовъ,—возражалъ оптимистъ—я согласиться не могу. Допуская даже, что вы, говоря о несовершенствѣ нашей внутренней политики, правы,—все же я не могу не замѣтить, что если нашъ организмъ и страдаетъ хроническою болѣзнію, то, конечно, турецкій государственный строй зараженъ ею еще гораздо больше. Слѣдуя вашей же теоріи, я утверждаю, что война наша будетъ успѣшна, такъ какъ на полѣ брани встрѣтятся два, хотя по-вашему и нездоровыхъ организма, то все-таки нашъ, какъ болѣе здоровый, долженъ восторжествовать надъ турецкимъ, какъ наиболѣе испорченнымъ. Далѣе, я утверждаю,—продолжалъ съ горячностью оптимистъ,—что сравненіе съ восточною и французскою кампаніею также невѣрно, и по двумъ причинамъ: во-первыхъ, какъ въ ту, такъ и въ другую кампанію и русское и французское общественное мнѣніе было придавлено, его не спрашивали, оно было противъ войны, между тѣмъ какъ теперь это общественное мнѣніе громко стоитъ за войну и почти ея требуетъ, и, во-вторыхъ, какъ Россія въ 53 г., такъ Франція въ 70 г., были совершенно не приготовлены въ военномъ отношеніи, между тѣмъ какъ мы,—и вы это хорошо знаете, съ увѣренностью доканчивалъ онъ—можемъ быть не готовы во всемъ другомъ, но ужъ въ военномъ отношеніи, конечно, готовы и можемъ выдержать борьбу и не съ такимъ государствомъ, какъ развалившаяся Турція!

Кто не испытывалъ въ своей жизни какого-то чувства, не то досады, не то безсильной злобы, когда волей-неволей при-

Digitized by Google

ходится сознавать, что противникъ вашъ въ спорѣ, затрогивающемъ самыя чувствительныя струны вашего внутренняго строя, приводитъ неотразимые доводы противъ всего того, что́ вы защищаете со всею страстностью просто вѣрующаго человѣка, и съ энергіею выбиваетъ васъ изъ позицій, казавшихся вамъ неприступными,—выбиваетъ просто силою своей неумолимой логики такъ, что вы внутренно начинаете признавать себя побѣжденнымъ! Подобнаго рода чувство испытывалъ, мнѣ кажется, оптимистъ, когда онъ слушалъ, какъ его противникъ, слѣдуя за нимъ по пятамъ, разбивалъ всѣ его доводы.

— Я охотно вѣрю,—говорилъ послѣдній,—что мы останемся побѣдителями, если наша война ограничится войною съ одною Турціею, хотя и на такую войну я не смотрю съ такимъ пренебреженіемъ, какъ вы. Война эта будетъ стоить много денегъ, она сдѣлаетъ состояніе финансовъ еще болѣе невыносимымъ, но въ этомъ отношеніи я менѣе тревожусь: пусть будетъ, что́ будетъ, если вы утверждаете, что въ эту минуту идетъ дѣло не только о чести Россіи, но и о спасеніи жизни нѣсколькихъ милліоновъ людей. Но война эта будетъ стоить крови, обильной крови русскаго народа, а про то, что́ стоитъ крови, груды труповъ самаго цвѣтущаго населенія, про то́, простите, я никогда не рѣшусь сказать, какъ говорятъ очень многіе, что это будетъ не война, а военная прогулка, тріумфальный маршъ въ Константинополь. Мы побѣдимъ, это несомнѣнно, потому что, во-первыхъ, мы представляемъ несравненно бо́льшую физическую силу, а что касается до нравственныхъ силъ, то я согласенъ, что Турція страдаетъ еще больше отъ хронической болѣзни. Внутренній строй турецкой имперіи совершенно не отвѣчаетъ самымъ умѣреннымъ требованіямъ XIX вѣка; я не увѣренъ, чтобы турки способны были усвоить себѣ начала европейской цивилизаціи, но я все-таки не могу такъ презрительно относиться къ тѣмъ попыткамъ политическаго движенія, которыя обнаруживаются въ странѣ, обзываемой вами страною варваровъ...

Послѣднія слова, ясно дававшія понимать, что рѣчь пойдетъ о турецкой конституціи, придуманной Митхадомъ, вызвали всеобщую улыбку, но она не смутила пессимиста, и онъ продолжалъ свое.

— Смѣйтесь, если хотите; но я досважу свою мысль. Я не придаю такъ же, какъ и вы, особенно серьёзнаго значенія турецкой конституціи, я знаю очень хорошо, что она не будетъ соблюдаться, что это не будетъ дѣйствительная конституція, а только отпечатанный листъ бумаги. Но не относитесь съ такимъ презрѣ-

Digitized by Google

нѣмъ къ этому листу бумаги; конечно, онъ не обезпечитъ въ Турціи политической свободы, что̀, я согласенъ, немыслимо, но онъ дастъ возможность двумъ-тремъ человѣкамъ, которые могутъ отыскаться въ странѣ, высказать громко то, что̀ чувствуется, быть можетъ, многими, бросить истину въ глаза всѣмъ, произнести во всеуслышаніе слово серьёзнаго осужденія, и этого одного будетъ достаточно, чтобы этотъ фарсъ, какъ вы называете турецкую конституцію, потерялъ характеръ своей водевильности. Вы не можете не согласиться, что, при извѣстныхъ условіяхъ, публично сказанное слово правды одно уже составляетъ цѣлый переворотъ въ общественной жизни.

Защита турецкой конституціи вызвала цѣлую бурю; градъ опроверженій посыпался на голову пессимиста. Онъ пересталъ отстаивать свое мнѣніе, но въ его глазахъ можно было прочесть такой же отвѣтъ, какой, разсказываютъ, далъ Галилей осудившимъ его судьямъ. Какъ этотъ твердилъ про себя: e pur se muove!—такъ и онъ видимо говорилъ про себя: а все-таки я правъ!

Пессимистъ перешелъ къ разбору другого довода своего противника, къ тому доводу, который заключался въ словахъ: свободное общественное мнѣніе выражалось за войну;—и сталъ съ энергіею доказывать, что у насъ не существуетъ общественнаго мнѣнія, такъ какъ не существуетъ тѣхъ условій, при которыхъ оно вырабатывается.

— То, что̀ вы называете общественнымъ мнѣніемъ,—продолжалъ онъ,—это мнѣніе нѣсколькихъ газетъ и журналовъ, которые притомъ не высказываютъ его со всею откровенностью. Я предвижу ваше возраженіе, вы говорите: кто же въ этомъ виноватъ?—виновато само общество, виноваты журналисты, издатели, редакторы, виновата вся пишущая братья, у которой недостаетъ гражданскаго мужества говорить то, что̀ они думаютъ! Но позвольте за нихъ заступиться. Развѣ возможно требовать отъ простыхъ смертныхъ, чтобы они перестали ими быть, и сдѣлались героями, чтобы они презирали всякій страхъ и подвергали опасности свое достояніе, спокойствіе своей жизни? Гражданское мужество, конечно, прекрасно, но, во-первыхъ, оно дается политическимъ воспитаніемъ, въ которомъ мы стоимъ еще на складахъ, и часто вмѣсто б-а—ба, говоримъ: б-а—бе; а, во-вторыхъ, и безъ сомнѣнія,—это самое печальное,—такое гражданское мужество пропало бы безслѣдно. Вотъ почему,—заканчивалъ свою филиппику суровый пессимистъ,—я и утверждаю, что у насъ нѣтъ настоящаго общественнаго мнѣнія, такого, какое суще-

Digitized by Google

ствуетъ въ Европѣ, а если его нѣтъ, то я и не могу знать, какъ въ дѣйствительности относится общество къ вопросу о войнѣ, и какъ высказалось бы оно, если бы на его отвѣтственности лежало рѣшить: быть войнѣ или не быть. Какъ я не знаю, сочувствуетъ ли общество, народъ предпринимаемой войнѣ, такъ точно также я не знаю, готовы мы къ войнѣ, или нѣтъ? Вы утверждаете, что готовы, а я васъ спрашиваю: откуда вамъ это извѣстно? Я не забылъ того, какъ мы были готовы, приступая къ восточной кампаніи; я помню также, насколько оказалась готовою французская имперія, когда ея министры торжественно провозглашали: nous sommes archiprêts!—мы разъготовы!

— Эти сравненія неумѣстны,—горячо возражалъ оптимистъ:— про Францію я не могу говорить, эта страна предала себя въ руки хищниковъ, но восточная война—дѣло другое. Тогда мы заблуждались, и дорого заплатили за свои иллюзіи, но тогда у насъ армія состояла изъ крѣпостныхъ, а теперь изъ свободныхъ людей, тогда вооруженіе, интендантство, медицинское управленіе все было плохо; тогда Россія блуждала во мракѣ, а теперь мы знаемъ, что все военное вѣдомство преобразовано, и что военное министерство не безплодно тратило до двухъ-сотъ милліоновъ въ годъ!

Аргументъ этотъ былъ не лишенъ силы, но пессимистъ все-таки не сдавался и не переставалъ твердить: «я ничего не знаю; дай Богъ, чтобы вы были правы, мнѣ остается только вѣрить вамъ на-слово».

Споры эти производили тогда тяжелое впечатлѣніе. Колебаніе было неизбѣжно. Кому вѣрить,—тому ли, кто такъ мрачно смотрѣлъ на прошедшее, настоящее и даже будущее,—или тому, который слѣпо вѣрилъ, что самая святость дѣла—или, вѣрнѣе, святость цѣли—даетъ уже ручательство за несомнѣнный успѣхъ. Одно только будущее могло разрѣшить это сомнѣніе. Такого рода колебаніе, конечно, испытывали многіе, и если я рѣшился воспроизвести частицу возникавшихъ между нами споровъ, то именно потому, что тѣ же сомнѣнія, тѣ же колебанія, тѣ же свѣтлыя мечты и то же мрачное настроеніе сказывались не только среди насъ, но во многихъ углахъ и въ различныхъ концахъ Россіи. Тяжелы были эти сомнѣнія, но безспорно они были плодотворны. Не всѣхъ, можетъ быть, но многихъ должны были они пробудить послѣ того летаргическаго сна, которымъ покоилась значительная часть общества; многіе выходили изъ того полусознательнаго состоянія, въ которое ихъ погружала замертвѣвшая общественная жизнь, многіе протирали глаза и, точно послѣ про-

Digitized by Google

сонья, спрашивали себя: «гдѣ я?» Кто изъ насъ въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ не испытывалъ, какъ вялая жизнь, съ ея мелкими заботами, съ ея эгоистическими интересами, дрянными вопросиками — опускала ихъ въ какую-то непролазную тину, на днѣ которой скрывались общественные интересы; эта жизнь усыпляла чуть не стремленіе даже быть полезнымъ своему обществу, быть вѣрнымъ сыномъ своей родины! Нравственная дремота кругомъ сначала успокоивала ваши бурные порывы, ваши чистыя стремленія служить не только самому себѣ, но служить обществу, среди котораго вы живете, а затѣмъ мало-по-малу это успокоеніе вело за собою полнѣйшее равнодушіе ко всему, что не касалось васъ лично, а отъ этого равнодушія не далеко уже было и до совершеннаго паденія. Страшная эпидемія свирѣпствовала внутри почти каждаго изъ насъ, внутри громаднаго большинства русскаго люда; это — эпидемія нравственнаго приниженія, точно выѣдавшая даже сознаніе своего долга передъ обществомъ. Не много было людей, которые не поддались вліянію этой злой эпидеміи и остались глухи къ тому, что такъ настойчиво нашептывала она вамъ, а нашептывала она разлагающія человѣка слова: «уйди въ скорлупу личныхъ, эгоистическихъ стремленій, въ скорлупу такъ-называемой «практической» жизни, «практическихъ» интересовъ». Того, кто не хотѣлъ подчиниться этому правилу, кто оставался твердъ въ своемъ убѣжденіи, что долгъ человѣка — быть прежде всего слугою своего общества, того мы готовы были забросать камнями и спѣшили обозвать безумцемъ. Часъ пробужденія долженъ же былъ когда-нибудь наступить. Небо заволокло тучами; все ближе и ближе сталъ доноситься раскатъ грома, подулъ благотворный вѣтеръ и началось тяжелое пробужденіе общества. Эпидемія не успѣла докончить своего дѣла общественнаго разложенія, — точно воскресло замертвѣвшее чувство любви, сострадания къ ближнему, и когда личные интересы встрѣтились съ крупными интересами родины, народа, эти личные интересы показались такъ мелки, такъ ничтожны! «Практическая» жизнь, «практическіе» интересы, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ исключительнаго господства, вызвали, наконецъ, противъ себя благотворную для общества реакцію, — эти первыя минуты общественнаго пробужденія не могли не повліять на усиленіе сочувствія къ судьбѣ южныхъ славянъ!

— Пусть вы будете правы во всемъ, — продолжалъ свой споръ оптимистъ, — но неужели же вы не признаете, что эта война однимъ своимъ приближеніемъ вызываетъ пробужденіе общества, разрушаетъ апатію, сковавшую его въ послѣдніе годы; что война

Digitized by Google

воскресить въ обществѣ ту самодѣятельность, сильную, здоровую, въ которой вы отказываете ему. Неужели вы не согласитесь, что сочувствіе, выказанное Черногоріи, Сербіи, что состраданіе, самое неподдѣльное, самое безграничное къ горькой участи несчастнаго болгарскаго народа, не служатъ достаточнымъ ручательствомъ, что мы сознали историческое призваніе Россіи, что мы принесемъ имъ все, чѣмъ богаты мы сами, — а разъ, что это сознаніе существуетъ, разъ, что мы поняли, что мы должны ихъ освободить отъ варварскаго турецкаго ига, половина успѣха уже на нашей сторонѣ. Другую половину предоставимъ оружію.

— Нѣтъ, я ни въ чемъ съ вами не согласенъ, — отвѣчалъ пессимистъ. — Я не вижу еще пробужденія общества, я не вижу въ немъ сознательнаго отношенія къ своимъ силамъ, къ своему положенію; я вижу пока только извѣстную кичливость своею силою, что́ никогда не служитъ добрымъ предвозвѣстникомъ серьёзнаго отношенія къ дѣлу. Если мы не повторяемъ теперь извѣстной фразы: «шапками закидаемъ!» то только потому, что́ за эти слова мы были осмѣяны и поруганы, но въ дѣйствительности мы не далеко ушли отъ нея. Прислушайтесь къ тому, что́ говорится, присмотритесь къ тому, что́ печатается нашими газетами — и вы услышите, вы прочтете только одно: «близокъ часъ, когда Россія обнажитъ свой мечъ — и тогда русская сила заставитъ смириться передъ собою всѣхъ ея враговъ!» Скажите сами: къ чему это все, и доказываетъ ли такое настроеніе пробужденіе общества? Пробудитъ ли его успѣхъ, торжество русскаго оружія? — сомнѣваюсь: успѣхъ, пожатые лавры имѣютъ свойство еще болѣе опьянять побѣдителя! Пробудитъ ли его неудача? — можетъ быть: исторія говоритъ — *за!* но, признаюсь, я вовсе не желаю покупать это пробужденіе дорогою цѣною цѣлаго моря пролитой крови, многихъ полей, усѣянныхъ трупами русскаго народа. Я не согласенъ съ вами и въ томъ, что мы поняли, наконецъ, историческое призваніе Россіи, что мы прониклись сочувствіемъ къ родственнымъ намъ славянскимъ народамъ, подвластнымъ турецкому господству. Наше отношеніе къ славянамъ самое поверхностное: мы ихъ не знаемъ и до сихъ поръ не особенно интересовались знать; наше сочувствіе похоже на сочувствіе слабыхъ нервныхъ женщинъ, которыя вдругъ кого-нибудь начнутъ жалѣть и при каждомъ словѣ прибавляютъ: «ахъ, какой ужасъ!» Вчера, ложась спать, не думали ни о какихъ славянахъ, — сегодня по-утру проснулись — и вдругъ воспылали сочувствіемъ. Къ нашему историческому призванію мы относимся съ тѣмъ же легкомыслiемъ, съ тою же поверхностностью, какъ и ко всему остальному.

Digitized by Google

«Россія, — повторяется на тысячу ладовъ, — должна быть оплотомъ, на который опирались бы всѣ славяне; ея роль опредѣлена: она должна быть руководительницею, освободительницею всѣхъ славянскихъ племенъ». Прекрасно; я не отрицаю историческаго призванія Россіи, но я только говорю, что для того, чтобы она могла выполнить эту высокую роль, намъ нужно еще много поработать надъ самими-собою: у насъ — внутри, дома, у себя, еще слишкомъ много работы, чтобы мы могли съ успѣхомъ приступить къ осуществленію нашей задачи. Иначе повторится та же исторія, какая случилась уже съ однимъ изъ славянскихъ племенъ. Развѣ мы покончили наши счеты съ Польшею? Развѣ мы съумѣли примирить ее съ собою и заставить желать эту самую Польшу, что должно придти рано или поздно, тѣснаго сплоченія съ Россіею? А почему? — да все потому же, что мы неумѣлыми руками, не подготовивъ себя внутренней работой, принялись за выполненіе нашей исторической роли. Развѣ, спрашиваю я васъ, незаконны опасенія, что мы также мало умѣлы окажемся и въ дѣлѣ освобожденія Болгаріи и другихъ славянскихъ народностей? Вы говорите, что мы понесемъ имъ все, чѣмъ мы богаты, но, во-первыхъ, и богаты-то мы не очень, все богатство наше лежитъ еще подъ спудомъ, — а, во-вторыхъ, если мы понесемъ имъ то, что у насъ есть, то это еще вовсе не рѣшенный вопросъ: захотятъ ли они нашихъ даровъ, нашихъ благодѣяній? Я боюсь, что, если они примутъ наши дары, не справившись съ нашимъ инвентаремъ, то очень скоро окажется, что въ концѣ-концовъ вышло только одно печальное недоразумѣніе. Вотъ отчего, чтобы подвести итогъ всѣмъ нашимъ спорамъ, я и говорю, что эта война будетъ войною изъ-за минутнаго сантиментализма, а не войною изъ-за историческаго призванія, изъ-за хорошо-понятыхъ и глубоко-продуманныхъ интересовъ всѣхъ славянскихъ народовъ.

Вопросъ былъ поставленъ ребромъ, и потому послѣднія слова пессимиста не могли не вызвать самаго горячаго возраженія.

— Вы не правы, двадцать разъ не правы, — заговорилъ оптимистъ. — Вы твердите только одно, что мы не достигли того внутренняго развитія, которое даетъ право народу принять на себя роль освободителя другихъ угнетенныхъ національностей, и вамъ ни до чего, повидимому, нѣтъ больше дѣла. Но вы забываете только одно, что исторія не сообразуется съ вашими теоріями; она не выжидаетъ того момента, когда вы произнесете: теперь мы готовы! Историческій ходъ событій не подчиняется, къ несчастію, нашимъ соображеніямъ. Онъ идетъ своимъ чередомъ, и горе тѣмъ націямъ, которыя не желаютъ во-время понять той задачи, которая выпала

Digitized by Google

на ихъ долю. Исторія выдвинула на очередь славянскій вопросъ; можетъ быть, оно и жаль, что онъ выдвинулся въ то время, когда мы еще не достигли до необходимаго для нашихъ цѣлей внутренняго развитія, но дѣлать нечего,—беритесь за дѣло съ тѣми силами, которыя у васъ подъ руками, или иначе исторія обгонитъ васъ и вы утратите навсегда выпавшее на вашу долю значеніе въ государственной жизни Европы. Теперь или никогда! кричитъ намъ исторія. Если теперь мы откажемся отъ нашей роли въ движеніи славянскихъ народовъ, то роль эта не возвратится къ намъ болѣе никогда. Если теперь мы будемъ равнодушно смотрѣть на страданія этихъ народовъ и останемся глухи къ доносящимся стонамъ, то славянскія племена отвернутся отъ насъ навсегда, и когда мы, приготовленные, наконецъ, къ роли освободителей, простремъ на нихъ наше милостивое вниманіе, они отвѣтятъ намъ однимъ словомъ: поздно! Я не говорю уже, насколько желаемый вами образъ дѣйствій отвѣчалъ бы достоинству, чести Россіи; я не хочу даже заикаться о томъ, насколько гуманно относиться безразлично къ тѣмъ звѣрствамъ, которымъ въ продолженіи цѣлыхъ пяти вѣковъ подвергаются южные славяне; васъ, повидимому, не особенно трогаютъ такія слова, какъ честь, достоинство вашей родины, васъ не смущаютъ ни бѣдствія, ни страданія родственныхъ намъ племенъ, у васъ крѣпкій щитъ, на которомъ вырѣзаны слова: у насъ и своего дѣла довольно! Прекрасно, бросимъ въ сторону честь, достоинство страны, забудемъ о гуманности и будемъ разсуждать практически—объ интересахъ, пользѣ, выгодѣ Россіи. Я утверждаю, что отъ этой войны въ значительной степени зависитъ будущность Россіи, какъ славянскаго государства, ея сила и значеніе. Вы спросите: какимъ образомъ?—Извольте, я готовъ объяснить свою мысль. Въ Европѣ существуютъ двѣ расы, живущія одна рядомъ съ другой, двѣ расы, которыя не любятъ взаимно одна другую, которыхъ близкое сосѣдство не разъ уже давало поводъ къ столкновеніямъ. Между этими двумя расами существуютъ и старые и новые счеты. Эти двѣ расы: славянская и германская. Столкновеніе сильное, грозное между этими двумя расами неизбѣжно. Весь вопросъ во времени. Пока они живутъ въ мирѣ, на устахъ у нихъ дружба, но загляните въ сердце этихъ народовъ и вы прочтете: война. Есть ли, скажите, въ Германіи, есть ли въ Россіи человѣкъ, слѣдящій за историческимъ развитіемъ, за политическою жизнію народовъ, который не думалъ бы, что рано или поздно произойдетъ страшное столкновеніе, рѣшительная борьба между этими двумя народами. Я думаю, что нѣтъ. Оба народа должны ис-

Digitized by Google

подволь приготовляться въ этой борьбѣ. Что дѣлать—эпоха братства народовъ еще не наступила и повидимому долго не наступитъ. Они должны подготовляться для того, чтобы минута борьбы не застигла ихъ врасплохъ. Единство — это сила народовъ. Германія достигла своего,—не во имя братскаго слiянiя, а путемъ огня и желѣза она сплотилась въ одно грозное цѣлое. Она стоитъ передъ нами во всеоружiи и каждую минуту готова къ бою. Что сдѣлала Германія, то должна сдѣлать и Россія, хотя бы только для уравновѣшенія силъ. Какъ Пруссія соединила въ одно цѣлое всѣхъ нѣмцевъ, такъ Россія должна сплотить во-едино всѣхъ славянъ. Только тогда, когда всѣ славянскіе народы сольются въ одно цѣлое, они получатъ возможность спокойно взирать на всѣ предстоящія опасности. Ничья угроза не будетъ имъ болѣе страшна. Какъ же, скажите, мы можемъ достигнуть такого объединенія,—а въ немъ лежитъ наша сила,—если теперь, въ эту страшную минуту, мы отвернемся отъ славянъ, которые взываютъ къ намъ о помощи? Вы сомнѣваетесь, примутъ ли они наши дары,—да, они примутъ одинъ даръ—это братскую помощь, которую подаетъ сильный слабому, и за нее мы, конечно, не потребуемъ никакого матерiальнаго вознагражденiя. Вы были бы правы, если бы мы задумали вести войну съ завоевательными цѣлями, если бы мы желали навязать южнымъ славянамъ наше господство со всѣми его недугами, со всѣми тѣми замашками могучихъ властителей, которыя такъ мало намъ удавались до сихъ поръ, но вѣдь мы поняли наше заблужденiе и теперь мы хотимъ только одного, это—освобожденiя родственныхъ намъ племенъ отъ дикаго турецкаго господства, и затѣмъ предоставимъ имъ полную свободу устроить свою судьбу, какъ имъ заблагоразсудится. Исторiя научила насъ, что связь, устанавливаемая симпатiею, расположенiемъ, на которое дастъ намъ право пролитая за нихъ русская кровь, гораздо прочнѣе той связи, которая устанавливается штыкомъ. Вы резюмировали нашъ споръ, говоря, что предпринятая война будетъ войною изъ-за сантиментализма, дайте же и мнѣ резюмировать его и сказать вамъ, что война эта будетъ не только законна, свята, но и вполнѣ отвѣчающею ясно понятымъ русскимъ интересамъ! Вотъ почему всѣми силами моей души я желаю этой войны. Она необходима, неизбѣжна ради спасенiя милiоновъ замученныхъ болгаръ, ради спасенiя чести, достоинства, силы русскаго народа...

Кто былъ правъ въ этомъ спорѣ, пессимистъ или оптимистъ? Чувство было всецѣло на сторонѣ послѣдняго, разсудокъ тревожился мрачными предсказанiями перваго. А исторiя шла своимъ

Digitized by Google

чередомъ, приближая дѣло къ кровавой развязкѣ. Нѣтъ ничего томительнѣе ожиданія; между тѣмъ прошло еще много тревожныхъ дней, прежде чѣмъ русскія войска перешли черезъ границу, и Россія съ волненіемъ прочла манифестъ 12-го апрѣля 1877 года.

ГЛАВА II.

До Дуная.

Война была объявлена. Исчезло то возбужденное, напряженное до послѣднихъ предѣловъ состояніе общества, въ которомъ оно томилось долгіе мѣсяцы, и когда каждый двадцать разъ на день говорилъ про себя:—Господи! хотя бы поскорѣе былъ какой-нибудь конецъ! чѣмъ все это должно разрѣшиться! Умолкли всѣ споры, и теперь всѣ, какъ тѣ, которые страстно желали войны, такъ и тѣ, которые были самыми рѣшительными противниками ея, всѣ слились въ одномъ горячемъ желаніи — успѣха нашему оружію, торжества Россіи надъ ея старымъ врагомъ. Всѣ жаждали быстрыхъ, рѣшительныхъ дѣйствій, потому что всѣ понимали, что чѣмъ скорѣе послѣдуетъ успѣхъ, тѣмъ меньше будетъ пролито дорогой русской крови, тѣмъ меньше потребуется матеріальныхъ жертвъ отъ русскаго чернаго люда, который одинъ почти несетъ на себѣ всѣ тягости кровавой войны. Не успѣла наша армія подойти къ Дунаю, какъ всѣ съ нетерпѣніемъ стали ждать счастливой вѣсти: мы перешли черезъ Дунай! А это добрая вѣсточка заставляла себя ждать. Нетерпѣливые каждое утро судорожно схватывали газету, надѣясь прочесть желанную телеграмму. Казалось, все должно совершаться по мановенію волшебнаго жезла. Но если переходъ черезъ Дунай не совершался такъ быстро, какъ его желали, то тѣмъ не менѣе оттуда, съ береговъ Дуная, шли только радостныя вѣсти. Всѣ очевидцы въ одинъ голосъ говорили, что армія великолѣпна, что всѣ приготовленія къ войнѣ доведены до совершенства, наше оружіе блестѣло, наша артиллерія внушала почтеніе, на генеральный штабъ, на начальствующихъ лицъ просто молились, и общество готово было бы закидать каменьями всякаго, кто позволилъ бы себѣ не только не признавать, но усомниться въ великихъ талантахъ, геніѣ всѣхъ тѣхъ, на чью долю выпала великая честь вести въ бой русское войско. Послѣ самыхъ блистательныхъ побѣдъ нѣмецкіе или французскіе полководцы стараго времени не пользовались въ своей

Digitized by Google

странѣ такою обширною популярностью, какою пользовались у насъ тѣ генералы, которые становились во главѣ штабовъ или корпусовъ. О комъ бы вы ни заговорили, вы сейчасъ слышали отвѣтъ:

— О, это замѣчательный человѣкъ!

— Да, позвольте! нужно еще посмотрѣть, какъ онъ покажетъ себя, каковъ будетъ въ дѣлѣ!

Куда!—никто не хотѣлъ слушать того дерзкаго, который рѣшался относиться такъ скептически. Словомъ, все было удивительно! Какъ было не радоваться, въ самомъ дѣлѣ, той картинѣ, которая предстала передъ глазами русскаго общества. Много ли, всего двадцать лѣтъ прошло со времени крымской кампаніи, и мы стали неузнаваемы—и для себя и для другихъ. Тогда—все было плохо, кромѣ русскаго солдата, тогда вездѣ обнаруживалось воровство, вездѣ бездарность, во всемъ: въ интендантствѣ, медицинскомъ управленіи, путяхъ сообщенія, почтѣ и т. д.,—обнаружилось полное разложеніе, которое, выйдя на свѣтъ божій, заставило вздрогнуть всѣ классы общества. Теперь всѣ отзывались съ восторгомъ о всѣхъ частяхъ военнаго управленія; армія будетъ сыта, армія будетъ хорошо одѣта и обута, за ранеными будетъ отличный уходъ, волей-неволей оборотная сторона войны забывалась, и точно сквозь туманное стекло казалось, что мы будемъ присутствовать при великолѣпныхъ маневрахъ. Наэлектризованы были почти всѣ. Въ воздухѣ чувствовалось заразительное опьяненіе. Первыя вѣсти не только поддерживали его, но еще усиливали. Взрывъ одного турецкаго монитора, взрывъ другого, геройскій подвигъ тутъ, геройскій подвигъ тамъ; исторія выбросила уже на поверхность нѣсколько именъ храбрецовъ; но имъ нельзя было удивляться: въ русскомъ солдатѣ, въ русскомъ морякѣ Россія узнала своихъ дѣтей. Общій колоритъ нашего общества былъ ярко-розовый. Правда, переходъ черезъ Дунай замедлился. Прошло уже два мѣсяца съ объявленія войны, а мы все еще стояли противъ враждебнаго берега, не рѣшаясь перейти на него, но вѣдь мы знали причину—вода Дуная была слишкомъ высока! Въ обществѣ начинало чувствоваться уже какое-то безпокойство, нетерпѣливые уже поговаривали: «да вѣдь такъ нельзя, не вѣкъ же намъ стоять на этомъ берегу!» Вдругъ 15-го іюня въ одинъ мигъ облетѣла весь Петербургъ счастливая новость: «переправа совершилась!» Восторгамъ и ликованію не было конца. И какъ было не радоваться! Переправа не стоила и тысячи человѣкъ, когда разсчитывали, что она при счастьи будетъ стоить десяти, если не болѣе. Сдержанный, холодный

Digitized by Google

Петербургъ вдругъ преобразился. На улицахъ, въ домахъ былъ праздникъ. Вездѣ толпился народъ, по двадцати разъ перечитывая одну и ту же радостную телеграмму. Увѣренность въ быстромъ торжествѣ еще болѣе укрѣпилась, мало уже кто сомнѣвался, что вся эта война будетъ только однимъ тріумфальнымъ маршемъ въ Константинополь. И какъ могло быть иначе, когда всѣмъ было извѣстно, что турки не одѣты, не обуты, голодны, солдаты не получаютъ жалованья, арміи не существуетъ, а тотъ сбродъ турецкой челяди, который зовется арміею, не имѣетъ ни ружей, ни пушекъ!

— Да правда ли все это?—иной разъ рисковалъ робко спросить кто-нибудь.

— Какъ же вы можете сомнѣваться! Вѣдь это почти оффиціальныя данныя! Что же нибудь понимаютъ наши агенты въ Константинополѣ.

Богъ-знаетъ откуда явилось убѣжденіе въ обществѣ, что нашъ константинопольскій посланникъ во всѣхъ своихъ донесеніяхъ и частныхъ разговорахъ настойчиво утверждалъ, что турецкой арміи не существуетъ, что есть какой-то сбродъ, который разбѣжится, какъ только покажутся русскія войска, и что одного, двухъ корпусовъ, собственно говоря, было бы достаточно, чтобы явиться передъ стѣнами Константинополя.

Успѣшная переправа черезъ Дунай, ничтожность сопротивленія со стороны турокъ оправдывали такое самоувѣренное отношеніе къ дѣлу, которое все на бо́льшую и бо́льшую высоту поднимало энтузіазмъ русскаго общества. Правда, впереди были еще сильныя турецкія крѣпости, тяжелый переходъ черезъ Балканы, но теперь все казалось легко, крѣпости должны были пасть, какъ падаютъ карточные домики, а до Балканъ турецкій сбродъ будетъ уже разсѣянъ по вѣтру. Энтузіазмъ заразителенъ, высокое настроеніе общества какъ-бы невольно заставляетъ подчиняться ему, и потому меня еще болѣе поражала та настойчивость въ своемъ скептицизмѣ, съ которою нашъ пессимистъ, несмотря на всѣ отзывы о состояніи нашей арміи, несмотря на удачный переходъ черезъ Дунай, продолжалъ защищать свое убѣжденіе, говоря:

— Подождемъ, увидимъ, что́ будетъ дальше! Можетъ быть, вблизи, на мѣстѣ, оно ужъ и вовсе не такъ все блестяще, какъ о томъ говорятъ.

Я возражалъ, защищался, нападалъ.

— Мы споримъ по-пусту,—отвѣчалъ мнѣ пессимистъ,—можетъ быть, вы и правы, что я разсуждаю ужъ очень абстрактно и не

Digitized by Google

обладаю достаточнымъ количествомъ фактовъ. Ну, что-жъ! съѣздите сами на театръ войны, присмотритесь поближе, соберите добрый запасъ фактовъ, и если все, что вы оттуда вывезете, будетъ противъ меня, я охотно признаю себя побѣжденнымъ и перейду на сторону оптимиста, къ которому вы, кажется, тяготѣете.

Быть вблизи великихъ событій, самому присмотрѣться къ тому, что тамъ дѣлается—мысль эта была соблазнительна, и я рѣшился ее осуществить. Черезъ два-три дня послѣ нашей переправы черезъ Дунай, я покинулъ Петербургъ и уѣхалъ въ Болгарію.

Вокзалъ николаевской желѣзной дороги не походилъ на тотъ обыкновенный, хорошо всѣмъ петербуржцамъ знакомый вокзалъ, къ которому мы привыкли въ мирное время. Среди обычной суеты, давки, рѣзко выдѣлялись группы офицеровъ и солдатъ, которые пришли сюда провожать, одни—своихъ товарищей, другіе—начальниковъ, уѣзжавшихъ на Дунай. Проводы были оживленные, вспрыснанные нѣсколькими бутылками шампанскаго, и эти-то именно группы придавали вокзалу его необычный видъ. Впрочемъ, если бы не знать, что тамъ, на берегу Дуная, льется уже кровь, и что люди эти ѣдутъ туда, чтобы стать въ ряды русскаго войска, можетъ быть, на эти группы никто бы и не обратилъ вниманія, но теперь было иное дѣло. При томъ нервномъ возбужденіи, въ которомъ невольно находился почти каждый русскій, самыя обыкновенныя вещи получали оттѣнокъ какой-то торжественности. Такъ было и тутъ. Эти группы служили тѣмъ притягательнымъ центромъ, на который направлялись всѣ взоры. Кто же не знаетъ, что настроеніе человѣка опредѣляетъ его точку зрѣнія, а настроены всѣ были высоко.

Въ самомъ прощаніи, казалось, было что-то особое. Люди пріѣзжаютъ, уѣзжаютъ, разстаются, и въ обыкновенное время никому и не приходитъ въ голову, что прощаются навсегда, что больше никогда не увидятся. Теперь было не то. Каждый прощавшійся особенно горячо пожималъ руку отъѣзжавшему, и это горячее пожатіе говорило: кто знаетъ, вернешься ли ты? Мысль о смерти протискалась въ эту толпу людей. А смерть, вѣдь, всегда поражаетъ воображеніе людей. Послышался послѣдній звонокъ, еще разъ воздухъ огласился криками: «возвращайся, да хранитъ тебя Богъ!» и толпа исчезла изъ нашихъ глазъ. Большой вагонъ былъ весь полонъ. Обыкновенно,—объ этомъ уже двадцать разъ писалось,—когда нѣсколько русскихъ ѣдутъ вмѣстѣ, то почти всегда каждый сидитъ себѣ букою въ своемъ углу, и хочется ему заговорить, да нѣтъ, ждетъ, пока заговоритъ его сосѣдъ, и такъ доѣзжаютъ до конечнаго пункта своего путешествія, не проро-

Digitized by Google

ничъ ни слова, въ то время, когда смертельно хотѣлось болтать. На этотъ разъ случилось иначе, и разговоръ почти съ той минуты, когда тронулся поѣздъ, сдѣлался общимъ. Нужно ли говорить, о чемъ всѣ толковали? Война была тѣмъ цементомъ, который соединялъ всѣхъ насъ. Разговоръ шелъ самый оживленный.

Слушая его, мнѣ невольно припомнились слова пессимиста, что онъ не видитъ общаго сочувствія къ войнѣ. Будь онъ здѣсь,— разсуждалъ я самъ съ собою,—онъ бы встрѣтилъ сейчасъ же первое доказательство противнаго. Но въ то самое время, когда мысль эта промелькнула у меня въ головѣ, до меня долетѣли слова изъ противоположнаго угла вагона:

— У насъ, на югѣ, въ этой войнѣ относятся съ большимъ равнодушіемъ. Она не вызываетъ почти никакого сочувствія. Всѣ настроены какъ-то апатично! и мнѣ кажется, что сдѣлана большая ошибка. Если бы война была объявлена вмѣстѣ съ мобилизаціей, тогда дѣло другое, тогда дѣйствительно относились къ войнѣ всѣ горячо, а теперь жаръ уже остылъ! Поздно! упустили надлежащую минуту, точно нарочно ждали нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы всѣ немножко, или даже многіе, поуспокоились!

Такъ разсуждалъ одинъ южный помѣщикъ, жившій постоянно подъ Симферополемъ и говорившій съ тономъ человѣка, который знаетъ, что онъ говоритъ.

— Чѣмъ же вы, однако, объясняете такое равнодушіе?— спросилъ его кто-то.

— Да очень просто! Народъ понимаетъ это дѣло совсѣмъ особымъ образомъ. Видитъ онъ практическую цѣль войны или нѣтъ? Если видитъ, если эта цѣль ясна, напр., необходимость отстоять свою землю, даже, болѣе широко, свою родину, или если онъ пойметъ практическую цѣль, результатъ войны, вамъ онъ будетъ сочувствовать; если же такой цѣли онъ не видитъ, ну, тогда кончено. Впрочемъ, въ этомъ необразованные классы, мнѣ кажется, сходятся съ образованными. Мы, вѣдь, тоже ясно не видимъ цѣли этой войны!

— Вы, однако, говорите,—возразилъ тотъ же господинъ,— что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ существовало сочувствіе,— какая же разница?

— Да какъ вамъ сказать? Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ было временное возбужденіе, а теперь оно улеглось. Видите ли, заговорили тогда о звѣрствахъ, жестокостяхъ надъ христіанами, вотъ и была опредѣленная цѣль войны: за вѣру Христову!—а потомъ какъ-то меньше стали объ этомъ говорить, ну, воодушевленіе и

Digitized by Google

выдохлось. Да, жаль, что не объявили войны въ ноябрѣ, тогда бы дѣло другое! Впрочемъ, и то правда, что время религіозныхъ войнъ прошло!

Какимъ-то диссонансомъ прозвучали эти слова. Что же это? неужели правъ былъ пессимистъ, утверждая, что сочувствіе наше къ дѣлу освобожденія болгаръ не серьёзно, и что знать даже мы не можемъ, существуетъ такое сочувствіе въ народныхъ массахъ или нѣтъ! Но какъ было не поспѣшить себя успокоить размышленіемъ, что, вѣдь, весь этотъ разговоръ представляется не чѣмъ инымъ, какъ единичнымъ фактомъ, а на единичныхъ фактахъ, кто же не знаетъ, нельзя строить никакихъ заключеній. Да, прекрасно,—продолжала работать мысль,—ну, а что если такихъ фактовъ наберется много? Но такое разсужденіе, по крайней мѣрѣ, въ ту минуту, было не чѣмъ инымъ, какъ варьяціею на тэму: у страха глаза велики,—и я не сталъ больше думать о немъ.

Мнѣ хотѣлось заговорить о чемъ-нибудь другомъ, и я обратился къ одному изъ моихъ сосѣдей, гвардейскому офицеру, котораго такъ тепло провожали не только офицеры, но и солдаты, и обратился съ банальнымъ вопросомъ:

— Вы ѣдете въ дѣйствующую армію? на Дунай?

— Да, на Дунай,—отвѣчалъ онъ,—только не въ дѣйствующую армію.

— Какъ такъ?

— Я ѣду служить въ Болгарію по гражданскому управленію, подъ начальство князя Черкасскаго.

Мнѣ не трудно покаяться, что я имѣлъ самое смутное понятіе о гражданскомъ управленіи, которое предполагалось ввести въ этой странѣ. Какъ-то трудно укладывалось въ головѣ понятіе о гражданскомъ управленіи, вводимомъ во время самой войны. Желаніе воспользоваться представившимся случаемъ, чтобы разъяснить себѣ этотъ вопросъ, было вполнѣ естественно, но это желаніе не могло быть удовлетворено. Мой спутникъ имѣлъ такъ же мало понятія о гражданскомъ управленіи князя Черкасскаго, какъ и я. Онъ блуждалъ въ совершенныхъ потёмкахъ во всемъ, что̀ касалось устройства этого управленія, его будущей дѣятельности, его правъ и обязанностей. Гвардейскій офицеръ, отправляющійся служить по гражданскому управленію!—странно какъ-то показалось мнѣ это, и я рѣшился разъяснить для себя мое недоумѣніе.

— Вы, вѣроятно, служили прежде по гражданской части?

— Нѣтъ, никогда! Я всю свою жизнь былъ военнымъ. Вос-

Digitized by Google

питывался въ корпусѣ, поступилъ затѣмъ въ полкъ и до послѣдней минуты оставался въ строю!

— Но вы, вѣроятно, почему-либо, занимались Болгаріею, изучали этотъ край, интересовались имъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшно отвѣчалъ офицеръ,—я никогда не занимался Болгаріею и никогда ее не изучалъ.

— Но, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время вы стали изучать исторію Болгаріи, прочли нѣсколько сочиненій, словомъ, познакомились съ тою страною, которою вы ѣдете управлять?

И на этотъ вопросъ, увы! послѣдовалъ точно также категорически отрицательный отвѣтъ. Этотъ второй, хотя опять-таки, конечно, единичный фактъ, наводилъ однако на тревожныя мысли. «Вѣдь дѣло-то не совсѣмъ ладно», невольно шевелилось въ головѣ. Какъ-то дико казалось, что для управленія Болгаріею призываются люди, не только неприготовленные къ административной дѣятельности, но люди, неполучившіе высшаго образованія и которые во всю свою жизнь не занимались ничѣмъ инымъ, какъ исключительно военнымъ дѣломъ.

— Позвольте васъ спросить,—кто-то не безъ смущенія спросилъ офицера,—кто же пригласилъ васъ на эту должность?

— Приглашеніе шло отъ имени князя Черкасскаго,—отвѣчалъ нашъ весьма симпатичный спутникъ:—вѣдь онъ назначается губернаторомъ всей Болгаріи. Онъ обратился съ просьбою, чтобы изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ дали ему по два, по три офицера для занятія должностей окружныхъ начальниковъ, вице-губернаторовъ и губернаторовъ по гражданскому управленію Болгаріи.

Этотъ отвѣтъ, повидимому, удовлетворилъ всѣхъ. Если князь Черкасскій считаетъ за благо приглашать для управленія Болгаріею людей, совершенно неприготовленныхъ къ такому дѣлу, то, вѣдь, конечно, у него есть на то свои основанія. Князь Черкасскій,—кому это было не извѣстно,—пользуется у насъ репутаціею такого умнаго, такого серьёзнаго государственнаго человѣка,—человѣка, всею душою отдающагося тому дѣлу, которому онъ себя посвящаетъ, что порицать его образъ дѣйствій никому и не приходило въ голову. Конечно, оно показалось нѣсколько страннымъ, но, вѣдь, кто не помнитъ словъ Гамлета, обращенныхъ къ его другу, Горацію, что въ мірѣ есть много страннаго, непонятнаго для простыхъ смертныхъ. Такъ могло быть и тутъ. Можетъ быть, будущій управитель Болгаріи былъ и правъ; можетъ быть, для новаго дѣла требуются новые люди, не зараженные рутиною, вѣдь, новое вино требуетъ новыхъ мѣховъ. Строго говоря, такимъ назначеніямъ не было и основанія удивляться, и потому

Digitized by Google

никто не сталъ возражать, когда одинъ изъ принимавшихъ участіе въ разговорѣ замѣтилъ, что въ такихъ назначеніяхъ онъ ничего страннаго не видитъ.

— То, что пригодно для насъ, заговорилъ онъ, что удается въ Россіи, то точно также пригодно и для Болгаріи. Вѣдь идутъ же дѣла у насъ, и идутъ недурно, а между тѣмъ пересчитайте, многіе ли изъ лицъ, занимающихъ губернаторскія мѣста, и занимающихъ ихъ съ честью, получили высшее образованіе? Много ли лицъ, которыя были приготовлены для такихъ должностей своею предшествовавшею дѣятельностью? А между тѣмъ, посмотрите какъ они быстро усвоиваютъ себѣ всю необходимую опытность. Служилъ себѣ человѣкъ всю свою жизнь въ гвардіи, получаетъ затѣмъ высокій административный постъ, и смотришь— черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ такъ привыкъ къ своей новой дѣятельности, что можно подумать, что весь вѣкъ свой ничѣмъ инымъ и не занимался. Такова ужъ натура русскаго человѣка— необыкновенная способность примѣняться ко всякой дѣятельности, недаромъ же и сложилась русская поговорка: не боги горшки обжигаютъ.

Конечно, такое разсужденіе было успокоительно, но тѣмъ не менѣе этотъ фактъ—приглашеніе человѣка, прослужившаго всю свою жизнь въ гвардіи, для гражданскаго управленія Болгаріи, произвелъ на меня какое-то особое впечатлѣніе. Точно тѣнь выросла передъ моими глазами—фигура пессимиста, и припомнились мнѣ его слова: «это еще не рѣшенный вопросъ, будутъ ли болгары благодарны за тѣ дары, которые мы понесемъ имъ!» Несмотря на всю увѣренность, съ которою развивалъ свой доводъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, онъ все-таки не убѣдилъ меня, и чѣмъ больше я думалъ о немъ, тѣмъ болѣе росло мое смущеніе. Наше управленіе имѣетъ свои крайне самобытныя традиціи, съ которыми цѣлыми вѣками свыкся, повидимому, русскій народъ; но если и у насъ традиціонная политика, нельзя сказать, чтобы приносила ужъ очень блестящіе результаты, то тѣмъ менѣе представлялось основанія пересаживать это чисто-мѣстное растеніе на болгарскую почву. Правда, болгарская почва цѣлые пять вѣковъ обрабатывалась турецкими пашами, но вѣдь именно отъ этой-то обработки мы и рѣшились освободить болгарскій народъ.

Я не имѣлъ, разумѣется, ни малѣйшаго желанія обобщать встрѣтившагося мнѣ факта, напротивъ, я хорошо понималъ, что князь Черкасскій, этотъ, какъ всѣ увѣряли, либеральный государственный человѣкъ, эта гордость Москвы, не могъ не пони-

Digitized by Google

мать, что въ освобождаемую Болгарію не совсѣмъ удобно переносить тѣ начала, съ которыми мы освоились въ теченіи многихъ вѣковъ, но тѣмъ не менѣе факты эти производили не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе. Для меня это была первая капля той студеной воды, которая такъ скоро неудержимо нахлынула волной и на русское общество, подмывая его высокое настроеніе. Но нѣтъ ничего опаснѣе, какъ поддаваться первымъ впечатлѣніямъ, торопиться подводить итоги—вотъ почему, чтобы быть свободнымъ отъ всякаго предубѣжденія противъ гражданскаго управленія въ Болгаріи и противъ лица, который долженъ былъ сдѣлаться его главнымъ центромъ, я постарался какъ-бы вычеркнуть изъ своей памяти все то, что́ пришлось услышать еще на пути изъ Петербурга въ Москву.

Пріѣхать въ Москву при началѣ войны и не быть въ самомъ высокомъ настроеніи,—нѣтъ, лучше за тысячу верстъ было объѣхать Москву. Наша древняя столица ликовала, торжествовала, захлебывалась нашимъ тріумфальнымъ шествіемъ въ Константинополь въ сто-кратъ болѣе, нежели приличный, бездушный, какъ называютъ его москвичи, Петербургъ. Странный этотъ городъ—Москва. Если это сердце, то во всякомъ случаѣ не голова Россіи. Москва будетъ увлекаться чѣмъ вамъ угодно, если выкрикиваніе и подбрасываніе шапокъ чуть не до Ивана-Великаго можетъ быть названо серьёзнымъ увлеченіемъ; но поразмыслить, вдуматься во что-либо Москва рѣшительно не способна. Въ Москвѣ есть, безъ сомнѣнія, умные люди, есть общественные дѣятели, извѣстные публицисты, знаменитые ораторы, рѣчи которыхъ, хотя бы по поводу войны, прогремѣли на всю Россію; но во всемъ, что́ пишется, во всемъ, что́ говорится,—такъ и бьетъ въ носъ—у однихъ какая-то недостойная лесть и желаніе прислужиться, у другихъ—самое чистое, безъ всякой примѣси, постное масло. Начнутъ за здравіе, а, смотришь, кончатъ непремѣнно за упокой. Цѣльныхъ людей, за немногими исключеніями, въ Москвѣ вовсе нѣтъ, какъ то бывало прежде. У одного вывихъ въ головѣ, у другого—въ совѣсти, у третьяго—и тутъ и тамъ. Цѣльные умные люди какъ-то рѣдко уживаются въ Москвѣ. Прежде бывали тутъ кружки замѣчательныхъ людей, имена которыхъ вѣчно останутся дороги русскому обществу, но этихъ людей всегда тянуло прочь изъ Москвы, и большинство изъ нихъ кончили свое жизненное поприще далеко отъ первоначальной колыбели. Нигдѣ не совершается столько чудесныхъ превращеній, какъ въ Москвѣ. Одинъ, являющійся сегодня рьянымъ приверженцемъ хотя бы англійской конституціи,—смотрите, завтра яв-

Digitized by Google

ляется еще болѣе рьянымъ приверженцемъ палки или кнута, какъ эмблемы цѣлой государственной системы. Другой изъ либеральнаго государственнаго человѣка, какимъ считалъ онъ себя или какимъ, по грустному недоразумѣнію, считали его другіе, быстро превращается въ самаго жалкаго, и къ счастью, неудачнаго искателя министерскаго портфеля. Но что всего ужаснѣе, это нетерпимость, грубая, невѣжественная нетерпимость Москвы. Посмѣйте вы въ чемъ-нибудь не согласиться съ тѣми божками, которыхъ завела для своего обихода Москва, желая, впрочемъ, чтобы имъ поклонялась не только вся Россія, но и вся вселенная, и вы тотчасъ прослывете врагомъ отечества.—Вы не соглашаетесь! вотъ какъ! ну, такъ вы не патріотъ, вы красный, вы предатель, вы измѣнникъ, вы врагъ отечества. Долой съ васъ маску!

Москва всегда производила на меня такое впечатлѣніе, но никогда еще не испытывалъ я его съ такою силою, какъ въ этотъ разъ, когда, отправляясь на Дунай, проѣздомъ я остановился въ нашей первопрестольной столицѣ, присвоившей себѣ роль выразительницы общественнаго мнѣнія цѣлой Россіи. Москва была разукрашена вся флагами. Быть можетъ, за ночь получено извѣстіе о новой побѣдѣ, и я уже радовался ей, когда на мой вопросъ о причинѣ торжества я получилъ отвѣтъ, что Москва продолжаетъ праздновать переходъ черезъ Дунай и съ того дня не снимала еще флаговъ. А холодный и бездушный Петербургъ вывѣсилъ флаги на одинъ, на два дня, и успѣлъ уже прибрать ихъ до новой побѣды! Не знаю, можетъ быть, Москва такъ и не снимала своего праздничнаго убора съ самаго 15-го іюня.

— А что, каковы мы?—спрашивала меня одна очень умная женщина, но тѣмъ не менѣе увлеченная общимъ духомъ, какъ только я вошелъ въ комнату.

— Да что же, мы ничего,— хорошо!

— Нѣтъ, вы-то теперь—понимаете весь тотъ вздоръ, который говорился по поводу этой войны, сами-то вы каетесь? Я вамъ всегда говорила, что у насъ окажутся и великіе полководцы и замѣчательные люди, я вамъ развѣ не предсказывала, что мы удивимъ всю Европу!

— Теперь-то вы будете нападать на Москву,—продолжали меня добивать,—кому же честь и слава какъ не Москвѣ, которая повела за собою Россію.

Я попробовалъ возражать, замѣтивъ, что чѣмъ же особенно Москва себя проявила.

Digitized by Google

— Какъ чѣмъ? такъ вы и теперь еще не понимаете? А рѣчи Аксакова? это, по-вашему, ничего; да вы читали, какой восторгъ?

— Читалъ, разумѣется, но только что же вы находите удивительнаго? есть мѣста, гдѣ слышится фрондированіе, но, согласитесь, что въ концѣ-концовъ отъ рѣчей Аксакова сильно отзывается постнымъ масломъ!

Лучше мнѣ было бы не произносить этихъ словъ! Цѣлая буря разразилась надъ моею головою. Нѣчего дѣлать, пришлось спустить свой флагъ. Я понялъ, что всякія возраженія были напрасны. Москва пожертвовала два милліона. Петербургъ сдѣлалъ то же, но разговоровъ въ Москвѣ объ этомъ пожертвованіи было на четыре милліона, въ то время какъ о петербургскомъ пожертвованіи никто почти и не говорилъ.

— По вашему ничего—эти два милліона, которые пожертвовала Москва,—Петербургъ способенъ на такое дѣло?

— Да Петербургъ развѣ не сдѣлалъ того же?

— Ужъ лучше вы не говорите о пожертвованіи Петербурга, можно было подумать, что онъ далъ ихъ изъ-подъ палки: думали, разсуждали, мѣрили, нельзя ли меньше, откуда достать—то ли дѣло Москва!

— Да вѣдь развѣ обсуждать такой вопросъ предосудительно? Отчего же и не подумать, откуда взять денегъ, особенно когда ихъ нѣтъ?

— Есть минуты, когда думать позорно!—было мнѣ отвѣтомъ, и этотъ отвѣтъ заставилъ меня окончательно смириться. Я торопился покинуть Москву. Случалось вамъ когда-нибудь угорѣть? Именно такое чувство я испытывалъ въ Москвѣ.

— Да куда вы ѣдете? спрашивали меня.

— На Дунай!

— Это, значитъ, къ шапочному разбору!

Я естественно недоумѣвалъ.

— Да вѣдь когда вы пріѣдете туда, война уже будетъ кончена, армія будетъ за Балканами!

— Что же! вашими бы устами да медъ пить!

Разсужденіе въ вагонѣ на тэму, что война не вызываетъ особеннаго сочувствія, очевидно, должно было совершенно ступеваться въ Москвѣ. Ужъ тутъ ли не сочувствіе? Правда, сочувствіе черезчуръ шумное, не въ мѣру кичливое, но тѣмъ не менѣе поддерживавшее въ васъ самое высокое воинственное настроеніе.

Но чѣмъ выше былъ поднятъ тонъ въ Москвѣ, тѣмъ разительнѣе показался мнѣ контрастъ съ тѣмъ спокойствіемъ, излишнею холодностью, равнодушіемъ, почти апатіею, которую мнѣ при-

Digitized by Google

шлось наблюдать по дорогѣ изъ Москвы въ Кіевъ. Война вѣдь раскрываетъ всѣ поры народной жизни, всѣ помыслы она направляетъ туда, гдѣ луга орошаются кровью и поля удобряются трупами. Если война сильно охватила собою всѣ слои общества, всю народную массу, то, проѣзжая по странѣ, вы всюду будете чувствовать духъ войны, всюду она будетъ вашимъ неизмѣннымъ спутникомъ, каждую минуту вы будете наталкиваться на явленія, которыя не позволятъ вамъ сосредоточиться ни на какой посторонней мысли, въ сердцѣ, въ голосѣ у васъ безъ перерыва будетъ звучать одна только нота—война, война!

Я невольно припоминалъ другую войну, войну франко-прусскую, припоминалъ свое путешествіе по Франціи въ ту тяжелую годину. Гдѣ бы вы ни были, куда бы вы ни вошли, все говорило вамъ о войнѣ. Не было другого разговора, не было другой мысли какъ только о войнѣ. Входите вы въ вагонъ, вы слышите оживленный разговоръ о войнѣ; выходите на станцію—вы встрѣчаетесь съ группами людей, которые стоятъ на платформѣ, въ залѣ, и все разсуждаетъ, споритъ, читаетъ. Вездѣ масса газетъ, чуть не каждый часъ получаются депеши, и продавцы газетъ и депешъ подвергаются такому напору со стороны публики, что они не знаютъ, куда имъ дѣваться. Всюду, куда вы ни войдете, вы видите передъ собою женщину, всю въ черномъ, которая не знаетъ другихъ словъ, какъ только: pour nos pauvres blessés! Отъ простого блузника до изящнаго господина, все живетъ одною мыслію—мыслію о войнѣ. Вездѣ и во всемъ чувствовалось дыханіе войны, и это дыханіе разогрѣвало ледяныя сердца, отъ него таяли всѣ личные, эгоистическіе стремленія и помыслы, думы, надежды, отчаяніе—все сосредоточивалось около одного центра—войны. Сама природа, казалось, и та нашептывала вамъ: война! Не то̀ увидѣлъ я, проѣзжая отъ Москвы до Кіева. Все дышало необыкновеннымъ, безпредѣльнымъ спокойствіемъ, нигдѣ не было замѣтно и признаковъ того сильнаго движенія, которое обыкновенно влечетъ за собою война. Вы входите въ вагонъ, и вы слышите, что люди говорятъ о совершенно постороннихъ предметахъ, смѣются, болтаютъ, острятъ; ухаживаютъ за своими сосѣдками, точно то, что̀ творится тамъ, вдалекѣ, вовсе и не касается насъ. Заговоритъ кто-нибудь о войнѣ, разговоръ продолжится двѣ-три минуты, и упадетъ. Жизни въ немъ нѣтъ. Поѣздъ останавливается, вы входите въ станціонный залъ, въ сторонѣ стоитъ лавка, гдѣ продаются газеты, и около этого столика пусто, никто къ нему не подходитъ. Вы желаете знать послѣднія извѣстія, спрашиваете депеши, ихъ нѣтъ,—не полу-

Digitized by Google

чаются. Все идетъ своимъ чередомъ, все спокойно, нѣтъ и слѣда какого-нибудь оживленія, волненія. Если бы къ намъ въ то время пріѣхалъ какой-нибудь иностранецъ, не знавшій бы послѣднихъ событій, то онъ проѣхалъ бы почти черезъ всю Россію и не догадался бы даже, что Россія находится въ войнѣ, и притомъ въ популярной войнѣ съ своимъ заклятымъ врагомъ. Всюду тѣ же спокойныя лица, тѣ же безконечныя поля, засѣянныя рожью, гречихой, картофелемъ, тѣ же то безпечные, то дѣловые разговоры, и въ итогѣ получается впечатлѣніе, что точно все покоится крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ, спятъ и природа и люди. Хоть бы подошелъ къ вамъ кто-нибудь съ кружкой съ краснымъ крестомъ, хоть бы произнесъ кто-нибудь эти священныя слова: для раненыхъ! Нѣтъ, ничего. Волей-неволей сравнивалъ я время войны у насъ съ временемъ войны во Франціи, гдѣ слѣпой, кажется, увидѣлъ бы, гдѣ глухой услышалъ бы все, что вызывало въ этой странѣ тяжелые стоны. А тутъ, у насъ, апатія точно сковала всѣхъ людей. Правда, тамъ война превратилась въ родникъ всѣхъ бѣдствій, здѣсь же война начиналась при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ; но неужели же, невольно думалось мнѣ, необходимо несчастіе, бѣдствіе своей родины, неужели нуженъ позоръ для того, чтобы встряхнуть эту апатію, чтобы заставить жизнь бить сильнымъ, неудержимымъ ключомъ?

До самаго Кіева мнѣ постоянно припоминались слова пессимиста да разсужденія того молодого южнаго помѣщика, съ которымъ я совершалъ путь отъ Петербурга до Москвы, и волей-неволей я готовъ былъ склониться на ихъ сторону и повторить вмѣстѣ съ ними: да, серьёзнаго, глубокаго общаго сочувствія у насъ нѣтъ къ этой борьбѣ за славянское дѣло, мы не въ силахъ еще справиться съ нашею историческою ролью! Только въ Кіевѣ впервые можно было замѣтить что-то необычное, какое-то движеніе, чуждое мирному времени; въ Кіевѣ можно было чувствовать уже, что Россія дѣйствительно переживаетъ эпоху войны, что гдѣ-то льется русская кровь: на улицахъ попадается много офицеровъ въ походной формѣ, около станціи желѣзной дороги стоитъ готовый къ отправленію артиллерійскій паркъ, двигаются вагоны, биткомъ набитые солдатами, на тротуарахъ толпится кучка людей, и кто-то вслухъ читаетъ только-что полученную депешу: непріятель бомбардируетъ Евпаторію.

— Начинается!—говоритъ кто-то:—разорятъ въ конецъ южный берегъ Крыма, скверное дѣло!—и лица вытягиваются, забота о родинѣ вызываетъ тяжелую думу.

Въ кіевской лаврѣ раздаются слова молитвы о русскомъ

Digitized by Google

воинствѣ, и толпа набожно, какъ одинъ человѣкъ, творитъ крестное знаменіе. «Въ пользу раненыхъ», слышится въ церкви, и мужикъ вытаскиваетъ свою трудовую копѣечку. Куда-то она пойдетъ? Начиная отъ Кіева, чѣмъ болѣе приближаешься къ Кишиневу, тѣмъ война все громче и громче говоритъ о себѣ. По пути встрѣчаешь уже военные поѣзды, изъ всѣхъ вагоновъ высовываются солдаты, и часто воздухъ оглашается громкимъ смѣхомъ, лихими, идущими прямо изъ сердца веселыми пѣснями. Только два-три мѣсяца спустя понялъ я, что́ значитъ солдатская пѣсня отъ души, когда солдату легко на сердцѣ, когда онъ съ радостью и вѣрою идетъ на врага, и другая пѣснь, также солдатская, также веселая по словамъ, но только слова-то эти поются съ унылою душою, съ тревожнымъ духомъ, и не веселятъ они васъ, а вызываютъ только боль, обиду, жалость, состраданіе. Но время это еще впереди.

Теперь же слышатся только веселыя пѣсни. Одну затягиваютъ за другою, и какъ далеки всѣ эти люди отъ мысли о той вражьей пулѣ, которая встрѣтитъ ихъ въ кровавомъ бою, отъ той братской могилы на чужой сторонѣ, которая приметъ къ себѣ не одного изъ этихъ горемычныхъ. Заговорите съ нимъ о смерти, это слово не смутитъ ихъ, они знаютъ, что смерть въ бою, это—славная смерть, а «славная»—для нихъ не фраза. Не страшитъ ихъ смерть, когда духъ у нихъ бодръ, когда они знаютъ, что не даромъ польется ихъ дорогая кровь. Но не все одинѣ пѣсни слышатся изъ солдатскихъ вагоновъ. Сколько разъ приходилось мнѣ видѣть, какъ сидитъ себѣ какой-нибудь солдатикъ посерединѣ вагона, свѣсивъ ноги наружу и вслухъ читаетъ какую-то книжку. Всѣ остальные, а ихъ человѣкъ сорокъ, сожмутся въ тѣсный кружокъ возлѣ читающаго и слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Устанетъ одинъ, начинаетъ читать другой, грамотныхъ въ арміи много, гораздо болѣе, чѣмъ было ихъ въ крымскую кампанію. Это уже несомнѣнный успѣхъ, сдѣланный съ того времени.

Остановится поѣздъ, войдешь въ залу, видишь кучку офицеровъ. Все народъ молодой, только-что выпущенный изъ различныхъ училищъ, 18-ти, 19-ти-лѣтніе юноши, съ едва пробившимся пушкомъ на мѣстѣ усовъ. Высокіе сапоги, бѣлый китель, бѣлая фуражка придаютъ имъ стройный, воинственный видъ. Оживленный разговоръ не умолкаетъ въ ихъ средѣ, молодой смѣхъ звонко раздается въ залѣ. Жутко становилось отъ этого смѣха, когда въ головѣ промелькнетъ, бывало, мысль, сколько изъ этихъ полныхъ жизни юношей не вернется больше на ро-

Digitized by Google

дину, какъ многіе изъ нихъ сложатъ свои молодыя, красивыя головы вблизи какой-нибудь болгарской деревушки, имя которой война сдѣлаетъ историческимъ. Одинъ изъ такихъ юношей особенно останется памятенъ мнѣ. Мы пріѣхали въ Раздѣльную. Поѣздъ долженъ былъ простоять нѣсколько часовъ. Другой поѣздъ, военный, пришелъ еще раньше насъ и долженъ былъ ждать своей очереди. Въ залѣ сидѣла группа молодыхъ офицеровъ за столомъ и скромно пила пиво. Ни на одномъ изъ этихъ лицъ я не могъ прочесть уныніе. Напротивъ, всѣ они, казалось, были горды сознаніемъ, что въ тѣ годы, когда на юношу смотрятъ еще свысока, они уже вступили въ жизнь, какъ полноправные члены общества, и несутъ своей родинѣ то, что́ считается самымъ драгоцѣннымъ благомъ—свою жизнь. Я разговорился съ однимъ изъ нихъ. Это былъ юноша лѣтъ 19-ти, двадцати, съ открытымъ, добрымъ лицомъ, умными глазами, здоровымъ цвѣтомъ лица, вся его фигура дышала энергіею, жизнь ему казалась такъ сладка, такъ цѣльно онъ пользовался ею.

— Что же, вы охотно идете на войну,—спросилъ я его,—вы довольны?

— Да, какъ же не быть довольнымъ, — съ живостью отвѣчалъ онъ мнѣ,—вѣдь другіе въ военной службѣ служатъ двадцать-тридцать лѣтъ—и пороха не нюхали; какъ имъ не совѣстно носить-то военный мундиръ, для чего они и живутъ-то, не знаю, а намъ—счастье! Вся жизнь еще впереди, а мы уже идемъ въ дѣло. Тутъ есть смыслъ быть военнымъ, по крайней мѣрѣ знаешь, что не даромъ коптишь небо. Я, какъ кончится война, — добавилъ онъ,—выйду въ отставку.

Я сталъ его разспрашивать о настроеніи солдатъ, офицеровъ, о духѣ дисциплины, обо всемъ онъ говорилъ охотно, и Боже!—какія свѣтлыя, розовыя надежды питалъ онъ въ своей груди! Все-то ему улыбалось, онъ плавалъ въ тепломъ, яркомъ солнечномъ свѣтѣ.

— Настроеніе превосходное, — говорилъ онъ. — Всѣ, и солдаты и офицеры, съ радостью отправляются въ походъ. Да и какъ не радоваться, вѣдь сколько времени мы не воевали. Подеремся немножко—и будетъ; мы вѣдь знаемъ, что война эта долго не продолжится, зимою должно быть жутко, но до зимы кампанія кончится—и мы возвратимся къ себѣ. Пожили, по крайней мѣрѣ, испытали сильныя ощущенія,—будетъ чѣмъ вспомнить военную жизнь. А то—ученье да парады,—тошно просто. Съ солдатами мы живемъ дружно, между нами нѣтъ почти вовсе бур-

Digitized by Google

боновъ, не знаю, какъ будетъ дальше, а пока солдаты насъ любятъ. Война, право, хорошее дѣло.

Я не сталъ ему возражать. Къ чему смущать ясную душу юноши, отправляющагося въ огонь, зачѣмъ говорить ему о тѣхъ жертвахъ, которыя пожираетъ война, пусть не проносятся въ его воображеніи дикія сцены, поля упитанныя людскою кровію, усѣянныя людскими трупами. Понялъ ли онъ, почувствовалъ ли инстинктивно, о чемъ я думалъ въ ту минуту, или просто это было дѣломъ случая, но онъ, помолчавъ немного, прибавилъ:

— Развѣ неправда? Да вѣдь и цѣль войны хорошая! Прогонимъ турокъ въ Азію, освободимъ отъ этой чумы Европу,— развѣ не стоитъ изъ этого подраться? Народу положимъ немного, да хоть бы и много,—то не бѣда. Мало ли мретъ каждый годъ отъ всякихъ болѣзней. Холера появится, такъ больше унесетъ. Тутъ по крайней мѣрѣ смерть-то завидная.

— Вы не боитесь ея?

— Чего мнѣ ее бояться! Вотъ одного бы не хотѣлъ,—другимъ голосомъ сказалъ онъ,—это быть изуродованнымъ, искалѣчиться, а смерть—ничего, туда значитъ и дорога.

Въ словахъ его не было ни малѣйшей аффектаціи. Военный поѣздъ, стоявшій нѣсколько часовъ, долженъ былъ тронуться.

— Скажите пожалуйста,—подошелъ онъ ко мнѣ передъ самымъ отходомъ поѣзда, — отчего это у насъ никакого порядка нѣтъ. Двигается нашъ поѣздъ точно черепаха. Тутъ постоялъ нѣсколько часовъ, въ другомъ мѣстѣ лишній часъ-два противъ росписанія, а тамъ, гдѣ нужно бы стоять дольше, тамъ—нѣтъ, торопятъ. Люди часто и поѣсть порядкомъ не успѣютъ.

Мы простились какъ старые знакомые.

— Прощайте,—крикнулъ онъ мнѣ изъ вагона,—гдѣ-нибудь за Дунаемъ, Богъ дастъ, встрѣтимся.

Тогда былъ іюнь мѣсяцъ. Я побывалъ за Дунаемъ, но въ первое время нигдѣ не пришлось столкнуться съ этимъ, полнымъ жизни, симпатичнымъ юношей. Въ августѣ только припомнились мнѣ слова его: «а намъ—счастье». Обходя одинъ изъ госпиталей въ Систовѣ, я вошелъ въ занятый ранеными маленькій турецкій домикъ. Въ каждой комнатѣ лежало нѣсколько человѣкъ. Воздухъ былъ тяжелый, раненые тутъ все были серьёзные, слабые, едва слышные стоны говорили о страданіи этихъ людей.

— Здравствуйте!—произнесъ кто-то тихо.

Я посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда раздалось это слово, и остановился, не зная, къ кому оно относилось, ко мнѣ ли или къ той сестрѣ милосердія, которая обходила вмѣстѣ со мною палаты.

Digitized by Google

— Помните, мы повстрѣчались съ вами на Раздѣльной!

Боже мой! Неужели это могъ быть тотъ цвѣтущій юноша, котораго я видѣлъ, отправляясь на Дунай? Увы, это былъ онъ. Раненый въ ногу съ раздробленіемъ кости, онъ жестоко мучился, и страданія сдѣлали его неузнаваемымъ. Блѣдный, исхудалый, лежалъ онъ въ кровати, и только впалые глаза по-прежнему блестѣли. Война унесла его молодость, и въ двадцать лѣтъ онъ проклиналъ свою жизнь.

— Кто могъ думать,—произнесъ онъ съ видимою болью,— что дѣла пойдутъ такъ. И мнѣ тоже не повезло! Убить не убило, а искалѣчило. Куда я теперь буду годенъ!—и суровый упрекъ судьбѣ послышался въ словахъ этого юноши и больно сжалось сердце, вспоминая недавнее прошлое и настоящее.

Счастье людямъ, что они не могутъ знать будущаго. Если бы знали его, не слышно было бы того здороваго смѣха, неразлучнаго спутника этой молодежи, которая смѣло шла на войну, полная розовыхъ надеждъ и отваги...

Отправился наконецъ военный поѣздъ, а мы все оставались на Раздѣльной. Подошелъ поѣздъ изъ Одессы, который привезъ новыя газеты, депеши. По вокзалу забѣгалъ какой-то мальчуганъ, выкрикая: послѣднія депеши! но публика не обращала на него вниманія. Три-четыре человѣка купили листокъ, и этимъ все ограничилось! Даже досада брала. Мы двинулись далѣе.

Чуть свѣтъ пріѣхали мы въ Кишиневъ, но дѣятельность, движеніе, бѣготня, были уже во всемъ разгарѣ. Толпа военныхъ, въ статскомъ платьѣ почти никого, сестры милосердія, носилки, масса брошенныхъ въ одну кучу тюковъ, всѣ бѣгаютъ, суетятся, ищутъ что-то и не находятъ, безпорядокъ, хаосъ. Точно столпотвореніе вавилонское.

Вы не имѣете понятія о Кишиневѣ, и дай Богъ, чтобы судьба когда-нибудь не наказала васъ, забросивъ въ этотъ многолюдный нашъ городъ. И когда это небо смилостивится надъ нами,—невольно размышляешь, проѣзжая по этимъ широкимъ, запущеннымъ, грязнымъ, немощеным улицамъ Кишинева. Да и не улицы вовсе, а какія-то степи, съ разбросанными по ней грязными домишками. Среди этой массы несчастныхъ домишекъ точно въ укоръ имъ возвышаются нѣсколько большихъ каменныхъ домовъ богатыхъ бессарабскихъ помѣщиковъ, но эти дома еще рельефнѣе выказываютъ какой-то азіатскій характеръ всего остальнаго. Если бы вамъ предложилъ кто-нибудь вопросъ: гдѣ вы, въ Европѣ или Азіи, вы ни одной секунды не колебались бы въ отвѣтѣ—ужъ не въ Европѣ, конечно, отвѣчали бы вы.

Digitized by Google

Цивилизація не пропустила сюда ни одного своего луча, она не коснулась общественной жизни. А между тѣмъ это городъ, въ которомъ до 115 тысячъ населенія. Живутъ себѣ здѣсь эти сто пятнадцать тысячъ, и, повидимому, не нуждаются въ лучшемъ устройствѣ, а если не нуждаются они, то значитъ и потребности ихъ стоятъ еще на степени потребностей совсѣмъ первобытнаго народа.

— Чего же вы хотите,—говорилъ мнѣ одинъ изъ жалкихъ жителей Кишинева,—каждый живетъ себѣ въ своей канурѣ, общественной жизни нѣтъ, общественныхъ интересовъ не существуетъ, прикажетъ начальство почистить, ну, почистятъ, но начальство доброе; оно не безпокоитъ, не приказываетъ, вотъ такъ и живемъ, купаясь во всякой грязи. Дайте просторъ общественной жизни, черезъ нѣсколько лѣтъ не узнаете ни людей, ни самого города. А то вѣдь вездѣ такъ, вы вѣрно мало ѣзжали по русскимъ-то городамъ, что удивляетесь,—сказалъ онъ мнѣ какъ-бы съ укоромъ.—А вотъ поѣздите, да посмотрите, такъ и увидите, что не одинъ Кишиневъ, какъ вы называете—Азія, а вся-то наша матушка-Русь сидитъ себѣ, бѣдная, по шею въ грязи.

— Но вѣдь теперь же,—спрашиваю я,—интересъ пробудился, неужели и война не вызвала у васъ жизни? война вѣдь такъ близко отъ васъ!

— Человѣкъ крѣпко уснетъ, такъ вы его долго не добудитесь, а вы хотите съ-разу пробудить общественную жизнь,—не такъ-то легко! Вы говорите, что война близко, а я вамъ скажу, что война отъ насъ дальше и многимъ дальше, чѣмъ отъ Петербурга. Что́ мы здѣсь знаемъ?—ничего, ровно ничего. А причина все та же: общественной жизни нѣтъ. Знаемъ мы то, что намъ пишутъ въ вашихъ же газетахъ,—и только!

Какъ было не удивиться такой апатіи.

— Удивляться нечего, — возразилъ онъ мнѣ. — Апатія эта вполнѣ естественна. Когда человѣкъ живетъ чужимъ мозгомъ, такъ жаль смотрѣть на него, а ужъ когда народъ цѣлый живетъ такъ, ужъ лучше тогда и не говорить.

Кишиневскій житель былъ въ одномъ неправъ. Война была близка, здѣсь она понималась не только разсудкомъ,—нѣтъ, слѣды ея являлись уже во-очію. Тутъ я увидѣлъ первыхъ раненыхъ, первыхъ плѣнныхъ, тутъ я услышалъ первые разсказы о войнѣ отъ самихъ дѣйствующихъ лицъ, и эти первые разсказы надолго останутся въ моей памяти. Привычка, время, дѣлаютъ свое, нервы мало-по-малу притупятся, и то, что́ въ началѣ поражаетъ васъ, довольно скоро представляется уже мелочью, на которую едва обра-

Digitized by Google

щаешь вниманіе. Трудно передать отчетливо то чувство, которое испытываешь, входя въ первый разъ въ госпиталь, гдѣ лежатъ раненые. Противъ вашей воли вы чувствуете что-то весьма близко похожее на чувство уваженія, любви, какого-то благоговѣнія. Всего этого,—я имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ томъ впослѣдствіи,—вполнѣ заслуживаетъ русскій солдатъ, эта, по выраженію одного изъ молодыхъ и самыхъ популярныхъ русскихъ генераловъ, «сѣрое, бѣдное, беззавѣтно-преданное русское существо». Военный госпиталь помѣщается въ одномъ частномъ домѣ. Когда я вошелъ туда, меня поразила тишина, спокойствіе, опрятность, чистота, отсутствіе больничнаго воздуха. Въ каждой комнатѣ сидѣло по сестрѣ милосердія, которая спѣшила удовлетворить каждое желаніе больного и—чѣмъ могла только—облегчить его горькую долю. Всѣ раненые лежали на кроватяхъ, вездѣ чистое постельное бѣлье, на нихъ самихъ рубашки, не пропитанныя кровью, простые, но опрятные халаты, раны перевязывались каждый день, у иныхъ даже два раза, словомъ—госпиталь не оставлялъ желать ничего лучшаго. Быстро въ головѣ замелькало сравненіе съ тѣмъ тяжелымъ временемъ во время крымской кампаніи, когда уходъ за ранеными былъ въ такомъ жалкомъ, такомъ отвратительномъ состояніи. Да, теперь не то! думалось мнѣ въ то время, но скоро—увы! должно было наступить разочарованіе, и какое горькое, обидное разочарованіе. Въ госпиталѣ находилось всего около двадцати раненыхъ, большая часть постелей оставалась незанятыми. Это были счастливые раненые, немного ихъ было въ трехсотъ-тысячной русской арміи. Но будущее было скрыто, и потому первое общее впечатлѣніе было самое отрадное.

Легко раненые солдаты охотно и много разсказывали о переправѣ, передавали свои впечатлѣнія перваго боя. Все было хорошо, по ихъ словамъ, только одна была бѣда—у турокъ ружья оказались лучше нашихъ! Я не повѣрилъ этимъ словамъ раненаго солдата, мнѣ казалось это невозможнымъ, да и кто тогда повѣрилъ бы, чтобы «турецкая челядь» была вооружена лучше нашей арміи.

Среди этихъ раненыхъ одинъ только поразилъ меня. Странное дѣло! впослѣдствіи мнѣ пришлось увидѣть тысячи раненыхъ, и несравненно болѣе тяжело раненыхъ, умиравшихъ на моихъ глазахъ, но немногіе врѣзались въ мою память, какъ этотъ бѣдный солдатикъ волынскаго полка, который неподвижно лежалъ въ своей кровати. Такъ и вижу я эти черные, коротко обстриженные волосы, щеткой стоявшіе на головѣ, смуглый цвѣтъ лица, эти каріе, блестѣвшіе лихорадочнымъ жаромъ глаза, засох-

Digitized by Google

шія губы, которыя какъ-то болѣзненно сжимались, во всей фигурѣ его читалось одно страданіе, пересиливавшее его волю и выходившее наружу тяжелыми вздохами. Такова сила перваго впечатлѣнія.

Какъ ново и сильно было впечатлѣніе, произведенное на меня первыми нашими ранеными, такъ же ново и въ одинаковой степени непріятно было впечатлѣніе, которое произвели на меня первые плѣнные, сидѣвшіе въ кишиневскомъ тюремномъ замкѣ. Тамъ было нѣсколько человѣкъ башибузуковъ, пойманныхъ въ Добруджѣ, и нѣсколько болгаръ, которые были взяты по подозрѣнію въ шпіонствѣ. Двое изъ первой группы были извѣстные своимъ звѣрствомъ башибузуки, Арабъ-Аадемъ и Кара-Мустафа. Этотъ послѣдній гордился тѣмъ, что пріобрѣлъ навыкъ, схвативъ ребенка за ножки, разрывать его съ-разу на двѣ части.

Оба они сидѣли въ подземныхъ казематахъ, оба скованные, на рукахъ желѣзные наручники, на ногахъ тяжелые кандалы. Одинъ изъ нихъ, Арабъ-Аадемъ, какъ только мы вошли, приложилъ руку къ груди и потомъ ко лбу, выражая свое привѣтствіе; другой же, весь скованный, колоссальнаго роста, съ красивымъ, если хотите, но истинно-звѣрскимъ лицомъ, окинулъ всѣхъ вошедшихъ гордымъ взглядомъ и остался неподвиженъ. Плѣнъ, мысль о разстрѣлянiи не смущали его, онъ остался ненавистникомъ гяуровъ и далъ намъ чувствовать это своими глазами. Въ то время я не былъ еще за Балканами, и потому не освободился еще отъ чувства гуманности къ туркамъ, и мнѣ показалось излишнею суровостью держать ихъ закованными. Подземныхъ казематовъ, казалось, было довольно.

— Наши кандалы для нихъ не тяжелы!—сказалъ мнѣ смотритель тюрьмы, и я не могъ съ этимъ не согласиться, когда мнѣ принесли турецкіе кандалы, въ которыхъ эти башибузуки были привезены въ Кишиневъ. Когда ихъ схватили въ плѣнъ въ Добруджѣ и нужно было ихъ заковать, пришлось прибѣгнуть къ тѣмъ кандаламъ, въ которыхъ турки заковывали обыкновенно «недовольныхъ» болгаръ. Но что это были за кандалы, страшно подумать. Около двухъ пудовъ вѣса должны были таскать на себѣ провинившіеся болгары: достаточно было одного дня, чтобы ноги и руки распухли, и человѣкъ началъ испытывать непомѣрное физическое страданіе. Кандалы эти представлялись орудіемъ пытки.

Болгары, сидѣвшіе здѣсь по подозрѣнію въ шпіонствѣ, ходили свободно по тюремному двору, цѣлою кучкою; ихъ было человѣкъ пятнадцать, и всѣ они, когда мы подошли къ нимъ, горько

Digitized by Google

стали жаловаться на свою судьбу. Они всячески старались убѣдить насъ, что они попали сюда вслѣдствіе одного недоразумѣнія, и молили, чтобы поскорѣе приступлено было къ слѣдствію, которое должно было, по ихъ словамъ, доказать ихъ полную невиновность. Нѣкоторые изъ нихъ были раздражены до послѣдней крайности, и въ особенности одинъ болгаринъ со слезами на глазахъ молилъ, чтобы поскорѣе былъ положенъ конецъ его униженію, его нравственнымъ страданіямъ.

— Всю жизнь, — говорилъ онъ съ неподдѣльною горячностью, — я посвятилъ славянскому дѣлу, всю жизнь работалъ я для нашего освобожденія отъ турецкаго ига, подвергался преслѣдованіямъ, гоненіямъ, но я зналъ, что наступитъ же когда-нибудь для насъ часъ спасенія. Я благословлялъ судьбу, когда Россія объявила наконецъ войну, рѣшаясь положить предѣлъ нашимъ бѣдствіямъ, и что́ же я вижу! Я зналъ, что въ Турціи нѣтъ законовъ для христіанъ, я зналъ, что правосудіе имъ чуждо, я жилъ только вѣрою въ Россію, надеждою на нее! И что же! вмѣсто свободы, я нахожу тюрьму, вмѣсто правосудія — цѣпи; если такъ продлится еще десять дней, мнѣ нѣчего болѣе жить, я убью себя!

На всѣхъ присутствовавшихъ этотъ болгаринъ произвелъ самое тяжелое впечатлѣніе. Мы старались всячески его успокоить, но никакія слова не помогали, а бумаги, на основаніи которыхъ они посажены были въ тюрьму, заставляли себя ждать. Искренни были его слова или нѣтъ, трудно сказать съ увѣренностью, но всѣмъ намъ казалось, что такъ можетъ говорить только человѣкъ, сильный сознаніемъ своей невинности. Во время войны нѣтъ ничего легче, какъ заподозрить человѣка въ шпіонствѣ.

Въ Кишиневѣ находилось также управленіе того отдѣла Краснаго-Креста, районъ котораго шелъ отъ Яссъ во внутрь Россіи. Сюда стекались сестры милосердія, русская молодежь: молодые доктора, студенты, студентки, всѣ полные самопожертвованія, глубоко проникнутые любовью къ своей родинѣ, любовью къ русскому народу. Но все то, что́ я видѣлъ въ этомъ отношеніи на пути, все то, что́ мнѣ удалось подмѣтить, я не стану передавать вамъ теперь, все это должно найти себѣ мѣсто въ отдѣльной главѣ, исключительно посвященной военно-медицинскому управленію и дѣятельности Краснаго-Креста, какъ на театрѣ войны, такъ и въ тылу арміи.

Медленно двигался поѣздъ отъ Кишинева до границы. Мы останавливались часто, останавливались по-долгу, встрѣчая на каждомъ шагу военные, товарные, санитарные поѣзды. По всей дорогѣ шла усиленная дѣятельность. Во многихъ мѣстахъ строи-

Digitized by Google

лись бараки для раненыхъ, одни приходили къ концу, другіе находились еще только въ проектѣ, или едва было приступлено къ ихъ постройкѣ. Но вѣдь все это давнымъ-давно должно было уже быть оконченнымъ, вѣдь прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, что война была объявлена, и мы были въ Румыніи. Отчего же мы до сихъ поръ не сдѣлали почти ничего, отчего только теперь начинается работа? Отчего, отчего? Мнѣ такъ часто въ будущемъ приходилось задаваться этимъ вопросомъ, такъ часто теперь, когда я пишу эти замѣтки, подвертывается это слово: отчего? и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ часто я чувствую невозможность дать правдивый отвѣтъ на этотъ вопросъ, что лучше ужъ съ-разу сказать вамъ: нѣтъ, я не буду давать отвѣта на всѣ эти «отчего»; пусть факты, сами событія отвѣтятъ вамъ на это одно большое «отчего».

Вотъ и Унгены. На платформѣ толпа народа, толкотня, давка, офицеры суетятся, выправляютъ свои «предложенія», идутъ отъ одного къ другому, возятся съ своимъ багажемъ, не могутъ добиться толку, другіе заботятся о своихъ видахъ, требуютъ паспортовъ, по всей платформѣ разбросаны громадные тюки, говорятъ—это письма въ армію, терпѣливо, слишкомъ терпѣливо ожидающія своей очереди, чтобы быть отправленными. Многія, конечно, ждутъ эту очередь и по сію минуту. Словомъ, порядокъ изумительный! На платформѣ, среди этой толкотни, расположились у столика нѣсколько барынь, въ изящныхъ туалетахъ, и продаютъ въ пользу раненыхъ сельтерскую воду съ сиропомъ. Барынь этихъ окружаетъ молодежь—все это такъ весело, такъ мило. Что говорить,—они дѣлаютъ доброе дѣло, но къ этому доброму дѣлу примѣшивается еще и другое кое-что. Я невольно припоминалъ французскихъ женщинъ въ простыхъ, черныхъ платьяхъ, задумчивыхъ и подходившихъ къ вамъ съ кружкою безъ всякаго желанія обратить на себя чье-либо вниманіе, сравнивалъ—и это сравненіе было не въ нашу пользу.

Скоро русская граница была позади. Черезъ два, три часа мы были уже въ Яссахъ.

«Европа!» невольно вырывалось у всѣхъ. Да, Европа,—всѣ это чувствовали, всѣ это видѣли, всѣ это понимали. Яссы—маленькій городокъ, и въ этомъ городкѣ прекрасныя мостовыя, чистыя улицы, отличные дома, магазины, великолѣпный общественный садъ, вездѣ проведена вода, городъ освѣщенъ газомъ, весь складъ жизни чисто европейскій, въ этомъ нельзя было усомниться. Въ чемъ же это выражается этотъ европеизмъ? — спросите вы. Да какъ вамъ сказать?—во всемъ, что проходитъ передъ вашими глазами. Люди какъ-то иначе ведутъ себя, иначе говорятъ, хотите

Digitized by Google

прислушиваться о чемъ они разсуждаютъ,—сколько угодно. У нихъ нѣтъ ни малѣйшей боязни, чтобы кто-нибудь ихъ услышалъ, о всемъ они говорятъ громко, свободно высказываютъ свое мнѣніе. Политическія событія, вопросы государственные, это ихъ личныя дѣла, они всѣмъ этимъ интересуются, во всемъ принимаютъ участіе. Они знаютъ, что отъ нихъ зависитъ дать иное направленіе ихъ политикѣ, они сознаютъ свое право требовать отчета во всемъ, что́ касается внутренняго управленія. Вотъ почему они читаютъ газеты, а не только потому, что «любопытно знать, что́ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ»—нѣтъ, они слѣдятъ за собственнымъ дѣломъ. Утромъ и вечеромъ мальчуганы бѣгаютъ по улицамъ и выкрикиваютъ различныя названія газетъ, и нѣтъ почти человѣка, который не сунулъ бы такому мальчугану десять бомъ и не взялъ бы у него свѣжаго листа. Нѣтъ, тутъ вы не скажете, что люди спятъ, что надъ всѣмъ населеніемъ тяготѣетъ роковая апатія. Нѣтъ, здѣсь люди живутъ полною жизнію; эти люди, эта жизнь могутъ не нравиться, это другое дѣло, но это не мѣшаетъ все-таки видѣть, что свою жизнь они устроили недурно.

Оттого ли, что Кишиневъ такъ близко отъ Яссъ, или отчего другого, но сколько разъ приходилось мнѣ слышать:

— Скажите пожалуйста, отчего это мы такіе злополучные, отчего мы не умѣемъ устроить порядочно нашей жизни, нашихъ городовъ. Вѣдь не обидно ли, не беретъ ли васъ зло, когда вы сравниваете Кишиневъ, который вы оставили только нѣсколько часовъ назадъ, съ Яссами? Что такое Яссы? маленькій городокъ, нѣсколько тысячъ жителей, а между тѣмъ здѣсь жить—наслажденіе, въ то время какъ Кишиневъ—точно мѣсто ссылки для преступниковъ, какая-то пустыня, грязная яма, а вѣдь тамъ жителей больше ста тысячъ, и живутъ-то люди съ достаткомъ, даже богатые. Утромъ вы были въ Азіи, проѣхали нѣсколько часовъ—попали въ Европу. Отчего это, въ самомъ дѣлѣ?

Опять «отчего», но вѣдь я уже сказалъ, что не стану отвѣчать на этотъ однообразный вопросъ.

Я спѣшилъ дальше и дальше. Въ Яссахъ получено было извѣстіе, что главная квартира находится уже въ Тырновѣ. Нужно было торопиться. Чего добраго, приходило на умъ, читая это радостное извѣстіе, что правы окажутся тѣ, которые говорили: вы опоздали, вы пріѣдете, когда война будетъ уже окончена!

Выбраться изъ Яссъ было не легко. Народу тьма, румыны потеряли совсѣмъ голову. Желѣзная дорога не успѣвала перевозить всѣхъ пассажировъ.

Digitized by Google

— Позвольте билетъ до Букареста!

— Нѣтъ билетовъ больше!—отвѣчалъ кассиръ.

И дѣйствительно, не было билетовъ. Толпа, отъѣзжавшая изъ Яссъ, волновалась, но что было дѣлать, мѣстъ не было больше въ поѣздѣ. Лица, имѣвшія билеты I-го класса, ѣхали въ третьемъ, всякій распоряжался самъ, хаосъ невообразимый. Багажъ сплошь и рядомъ куда-то исчезалъ, и многіе потеряли даже надежду когда-нибудь его отыскать.

Несмотря на категорическій отвѣтъ, что билетовъ нѣтъ, въ концѣ-концовъ я все-таки получилъ его, и въ отдѣленіи на шесть человѣкъ, когда мы тронулись, сидѣло девять пассажировъ. По всей дорогѣ мы обгоняемъ военные поѣзды, медленно двигается артиллерія, на каждомъ шагу все остановки, задержки. Румыны не знаютъ, что имъ дѣлать; никогда они не видѣли такой массы народа, и потому естественно, что въ первое время совсѣмъ растерялись. Поѣздъ состоялъ почти изъ однихъ русскихъ, всѣ торопились въ Букарестъ, а тутъ какъ на грѣхъ еще нашъ локомотивъ сошелъ съ рельсовъ, и волей-неволей ночью мы должны были простоять нѣсколько часовъ въ чистомъ полѣ. Дорога имѣла вся уже чисто-военный видъ, тутъ разбросанъ небольшой лагерь, тамъ стоитъ артиллерійскій паркъ, сложены въ большихъ массахъ грозные снаряды, двигается санитарный поѣздъ съ ранеными, война становится все ближе и ближе.

Наконецъ, слышатся все уже знакомыя имена станцій, къ которымъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ такъ привыкъ каждый изъ насъ: Галацъ, Браиловъ, Плоэшти и наконецъ—Букарестъ. Этотъ послѣдній городъ весьма естественно превратился почти въ русскій. Въ гостинницахъ, на улицахъ, въ ресторанахъ, кафе, магазинахъ, вы слышите только русскій языкъ, видите только русскія формы,—и какое разнообразіе! Помимо военныхъ, вы встрѣчаете на каждомъ шагу чиновниковъ полевого контроля, полевого интендантства, полевого суда, полевой почты, полевого казначейства, телеграфистовъ, путейцевъ и т. д. и т. д., словомъ—всѣ отрасли управленія имѣютъ здѣсь своихъ представителей. Но нигдѣ не видно такъ много русскихъ, какъ въ публичныхъ садахъ, гдѣ каждый вечеръ даютъ себѣ точно rendez-vous представители всѣхъ частей военнаго управленія, какъ молодежь, такъ и старики. Румыны совершенно исчезаютъ въ густомъ слоѣ русскаго населенія.

Каковы же, спрашивается, тѣ отношенія, которыя установились между нами и нашими союзниками, между русскими и румынами? Чтобы опредѣлить характеръ этихъ отношеній однимъ словомъ, я долженъ сказать, что отношенія эти самыя непра-

Digitized by Google

вильныя, самыя ненормальныя. Съ самаго перваго нашего появленія среди румынъ, мы усвоили себѣ какой-то презрительный тонъ, стали относиться къ нимъ свысока и—что еще хуже—съ насмѣшкою. Румыны на эти насмѣшки, на это презрительное къ нимъ отношеніе, очевидно, не могли отвѣчать любовью, расточать намъ свои ласки: волей-неволей они должны были почувствовать къ намъ нѣкоторую непріязнь. Но заслуживаютъ ли румыны этихъ насмѣшекъ, этого презрѣнія? Я думаю, что нѣтъ.

Несмотря на крайне двусмысленное политическое положеніе, которое создано для Румыніи парижскимъ миромъ 1856 года и конвенціею 1858 года, румыны успѣли все-таки фактически добиться почти полной самостоятельности и независимости, и—что еще важнѣе—успѣли свою жизнь устроить совершенно по-европейски. Этотъ европеизмъ выражается не только въ матеріальныхъ условіяхъ ихъ жизни, но и въ сферѣ политической. Румыны пользуются представительнымъ правленіемъ, а ихъ здѣсь упрекаютъ за это, какъ за политическій развратъ; посредствомъ своихъ представителей, они управляютъ всѣми своими внутренними дѣлами, и оттого дѣла нейдутъ хуже. Образованіе румынъ стоитъ сравнительно на довольно-высокой степени: каждая деревня имѣетъ школу, въ каждомъ городѣ существуетъ среднее училище; наконецъ, Бухарестъ обладаетъ университетомъ. Румыны пользуются полною свободою печати и полною вѣротерпимостью; за то или другое религіозное убѣжденіе никто не подвергается у нихъ никакому преслѣдованію. За что же, спрашивается, относиться къ нимъ съ насмѣшкою и даже презрѣніемъ?

— Да взгляните вы на ихъ офицеровъ, на этихъ солдатъ въ круглыхъ шляпахъ съ перьями,—развѣ все это не смѣшно?

Конечно, такой аргументъ не заслуживаетъ возраженія, но и въ этомъ отношеніи румыны не вызываютъ насмѣшки. Офицеры ихъ всегда очень чисто одѣты,—иные ставятъ въ упрекъ, что слишкомъ чисто,—но вѣдь упрекъ этотъ обращается противъ тѣхъ, кто его дѣлаетъ; всегда они, какъ и наши, учтивы, скромны, крайне-любезны, когда къ нимъ обратитесь съ какимъ-нибудь вопросомъ. Форма солдатъ ихъ кажется намъ смѣшною, но вѣдь кто знаетъ—не кажется ли имъ наша, въ свою очередь, еще болѣе смѣшною? Конечно, у нихъ нѣтъ и не можетъ быть милліонной арміи, нѣтъ знаменитыхъ полководцевъ, замѣчательныхъ стратеговъ, но они все-таки могли выставить нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ хорошо-вооруженнаго войска, съ прекрасною артиллеріею, и это войско потомъ показало, что оно умѣетъ умирать, защищая свою родину. Притомъ никакъ не слѣдуетъ забы-

Digitized by Google

вать, что румынская армія, это—армія безъ военныхъ традицій; что она впервые вступаетъ въ войну, и въ войну съ сильнымъ противникомъ,—въ чемъ, къ несчастью, мы убѣдились слишкомъ поздно,—а при такихъ условіяхъ ея поведеніе еще болѣе заслуживаетъ уваженія.

Откуда же идетъ наше преврѣніе къ румынамъ? Мнѣ кажется, главный источникъ его лежитъ въ недоразумѣніи. Двинувшись въ Румынію, мы воображали себѣ, что румыны должны будутъ пасть къ нашимъ ногамъ и смотрѣть на насъ, какъ на какихъ-то боговъ. Этого не случилось, и, признаться-сказать, къ тому не было никакихъ основаній,—и мы обидѣлись. Мы были возмущены, что не встрѣтили въ румынахъ подобострастнаго къ намъ отношенія, и что, къ удивленію нашему, они не поспѣшили отказаться отъ права сказать и свое слово въ вопросѣ, который затрогивалъ ихъ политическое существованіе, «быть или не быть» ихъ политической независимости. Въ самомъ дѣлѣ, какая странная претензія! — желать имѣть право голоса. Какъ только мы подмѣтили въ нихъ стремленіе къ нѣкоторой равноправности во взаимныхъ отношеніяхъ, такъ тотчасъ мы стали пользоваться каждымъ мелкимъ случаемъ, чтобы обвинять ихъ чуть не въ самой «черной неблагодарности», и въ другихъ аналогичныхъ преступленіяхъ, но столь же мало основательныхъ. Каждый ничтожный фактъ мы спѣшили обобщать.

Въ гостинницѣ, покажется вамъ, взяли дорого,—и мы тотчасъ начинаемъ трубить, что румыны насъ грабятъ! Вамъ покажется, что съ васъ взяли лишнее въ ресторанѣ,—тотчасъ мы говоримъ: «румыны эксплуатируютъ русскихъ» и т. д. Я не хочу сказать, чтобы румыны были свободны отъ всякаго упрека. Разсказываютъ, что ихъ желѣзныя дороги, напримѣръ, представляютъ какіе-то невообразимые счеты русскому правительству за перевозку войскъ. Но намъ ли удивляться, что нашу казну обираютъ? Познакомимся мы когда-нибудь съ тѣми счетами, которые подноситъ намъ наше знаменитое товарищество, не менѣе знаменитое интендантство и т. д.,—что́ мы тогда скажемъ?

Газеты румынъ разсуждаютъ на тэму, какое матеріальное вознагражденіе получитъ Румынія за помощь, оказываемую ею Россіи въ войнѣ противъ Турціи; помощь, какъ всѣ теперь убѣдились, весьма дѣйствительную, а не фиктивную, и мы громко начинаемъ возмущаться страшною продерзостью нашихъ, съ насмѣшкою прибавляютъ, союзниковъ! А, между тѣмъ, кто же не понимаетъ, что вопросъ этотъ вполнѣ законенъ и что политика не знаетъ платоническихъ отношеній.

Digitized by Google

Румыны относятся къ намъ безъ особеннаго дружелюбія, — это правда, но, спрашивается, — кто же въ этомъ виноватъ? Съ самаго начала мы внказали имъ самое полное пренебреженіе, часто даже презрѣніе; съ самаго начала, т.-е. при первомъ вступленіи нашихъ войскъ, въ нашей печати чуть не каждый день стали раздаваться голоса, до-нельзя враждебные румынамъ,— волей-неволей приходилось жать то, что было посѣяно. Наше отношеніе къ румынамъ, къ нашимъ союзникамъ, нельзя не признать, было таки-довольно безтактно, чтобъ не сказать хуже.

Если бы даже все то, что говорилось о румынахъ, было безусловно справедливо, то и въ такомъ даже случаѣ мы не должны были выносить до поры до времени сора изъ избы, хотя бы только для того, чтобы не доставить европейской печати удовольствія на всѣ лады повторять: «союзники грызутся между собою! пусть это служитъ предостереженіемъ тѣмъ народамъ, которыхъ русскіе идутъ освобождать!»

Помимо, впрочемъ, нашего непріязненнаго отношенія къ румынамъ, существуетъ и другая причина, въ силу которой румыны какъ-бы остерегаются насъ. Недовѣріе ихъ, если хотите, довольно понятно. Румынія — государство маленькое, Россія — могущественная держава. Исторія представляетъ такую замѣчательную коллекцію примѣровъ проглатыванія маленькаго государства большимъ, что румыны, зная эти примѣры, чувствовали себя какъ-то не по-себѣ, когда трехсотъ-тысячная армія наводнила ихъ государство! «А ну, какъ эта армія, или частица ея, да навсегда у насъ останется!» разсуждали они. А они привыкли уже къ самостоятельности; они дорожатъ своими учрежденіями, хороши они или дурны; они пользуются своимъ извѣстнымъ политическимъ строемъ, который они вовсе не желаютъ мѣнять на чуждый имъ строй. Конечно, такое опасеніе представляется вполнѣ неосновательнымъ, но кто же не знаетъ, что неосновательныя опасенія пугаютъ иной разъ даже больше, чѣмъ основательныя.

Пріѣзжая въ Румынію, я былъ подъ вліяніемъ газетныхъ толковъ до извѣстной степени настроенъ противъ нихъ, я зналъ то непріязненное отношеніе, которое установилось между нами и нашими союзниками, и потому не разъ бывалъ пріятно пораженъ, наталкиваясь на факты, шедшіе прямо въ разрѣзъ съ установившимся на-счетъ румынъ мнѣніемъ. Въ частныхъ разговорахъ, въ газетахъ я всегда читалъ самые восторженные отзывы о русской арміи: всегда они восхваляли солдатъ, всегда они признавали, что русскіе офицеры въ огромномъ большинствѣ честно

Digitized by Google

исполняютъ свой долгъ и не щадятъ своей жизни, когда требуетъ того польза дѣла.

«Я пораженъ былъ духомъ вашихъ солдатъ, ихъ природной добротой,—говорилъ мнѣ одинъ румынъ,—когда я въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ видѣлъ ихъ среди нашего населенія; я не могу ими нахвалиться, и не думайте, чтобы это было только мое личное мнѣніе,—это мнѣніе почти всѣхъ румынъ. Они стоятъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ нашихъ деревняхъ и никого никогда не обидятъ, ничего не возьмутъ силою, не оскорбляютъ ни женщинъ, ни дѣвушекъ. Мы ждали,—прибавилъ онъ,—признаюсь, совсѣмъ другого. Мы боялись вашей арміи».

Если они хвалятъ только солдатъ и офицеровъ и часто строго критикуютъ все остальное, то, скажите сами, ихъ ли въ томъ вина? Но это дружеское отношеніе къ нашимъ солдатамъ выражается не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Вотъ факты.

Пріѣхавъ въ Яссы, я отправился осматривать огромный эвакуаціонный баракъ Краснаго-Креста, устроенный на триста кроватей, но вмѣщавшій въ себѣ впослѣдствіи болѣе тысячи человѣкъ. Баракъ этотъ прилегалъ къ самому желѣзно-дорожному пути и тѣмъ самымъ представлялъ большое удобство. На мой вопросъ, во что обошелся этотъ баракъ, я получилъ отвѣтъ, что баракъ этотъ принадлежитъ румынамъ, но что они безвозмездно отдали его въ наше полное распоряженіе. Значитъ, подумалось мнѣ, румыны ужъ не такъ алчны, какъ то утверждаютъ въ одинъ почти голосъ. Послѣдующіе факты меня еще болѣе убѣдили, что среди всяческихъ обвиненій, взводимыхъ на румынъ, есть много напраслины. Въ тѣхъ же Яссахъ существуетъ огромное зданіе—военный румынскій госпиталь. Румыны весьма любезно предложили—и опять тоже безвозмездно—половину этого зданія, и его лучшую половину, въ распоряженіе нашего военнаго медицинскаго управленія. Осматривая румынское отдѣленіе, я былъ пораженъ тѣснымъ помѣщеніемъ больныхъ, всегда вызывающимъ извѣстный безпорядокъ. Румынскій докторъ, съ большою предупредительностью и любезностью показывавшій намъ этотъ госпиталь, на мой вопросъ о причинахъ этого безпорядка, очень скромно отвѣтилъ:

— Что дѣлать, мы рѣшились потѣсниться, чтобы имѣть возможность уступить половину госпиталя русскимъ, а гостямъ мы желали отдать лучшую половину.

То, что меня поразило въ Яссахъ, то нашелъ я еще въ бо́льшихъ размѣрахъ въ Бухарестѣ. Тутъ существуетъ колоссальный и весьма богато, со всѣми удобствами устроенный Пантe-

Digitized by Google

леймоновскій госпиталь. Какъ только русскія войска перешли черезъ границу, румыны тотчасъ предложили намъ взять въ свое распоряженіе этотъ госпиталь, исключительно для русскихъ раненыхъ. Въ другомъ роскошномъ, самомъ роскошномъ изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ жизни госпиталей, Бранкованъ, они точно также уступили намъ сто кроватей для нашихъ раненыхъ офицеровъ, и въ этомъ госпиталѣ раненые пользуются всѣми удобствами. Наконецъ, въ томъ же Бухарестѣ устроенъ превосходный николаевскій госпиталь въ только-что отстроенныхъ румынскихъ казармахъ, и въ которыхъ никогда еще никто не жилъ, что̀ составляетъ такое важное условіе при помѣщеніи раненыхъ. И эти казармы точно также, лишь только было заявлено наше желаніе имѣть ихъ, весьма охотно были уступлены намъ румынами безъ всякаго матеріальнаго вознагражденія. Словомъ, если существуютъ у насъ порядочныя помѣщенія для раненыхъ близъ театра войны, то за все это мы должны быть благодарны румынамъ, такъ какъ все то, что̀ мы устроили для нашихъ больныхъ и раненыхъ сами, то̀, за весьма ничтожными исключеніями, вызываетъ одно только осужденіе. Но, впрочемъ, объ этомъ рѣчь еще впереди.

И не подумайте, чтобы румыны отдавали только то, что̀ не нужно имъ самимъ, чтобы они дѣлились съ нами своимъ излишкомъ. Вовсе нѣтъ. Уступивъ намъ свои лучшіе госпитали, для своихъ собственныхъ раненыхъ они должны были строить новые бараки, наполняющіеся, увы! слишкомъ быстро тѣми тысячами раненыхъ, которыхъ шлетъ роковая для насъ Плевна.

Будемъ же помнить, что румыны раздѣляютъ съ нами всю горечь этой кровавой войны за святое дѣло, что ихъ кровь обильно льется рядомъ съ кровью русскаго народа, что тѣла румынъ и русскихъ, павшихъ въ честномъ бою на одномъ полѣ брани, опускаются въ одну общую могилу, и пусть на этотъ братскій союзъ не ложится тѣнь самолюбивыхъ мелкихъ раздоровъ. Я невольно подумалъ о нашей несправедливости, когда, покинувъ Бухарестъ, увидѣлъ разрушенный турецкими гранатами Журжево, когда вспомнилъ о румынскихъ женщинахъ и дѣтяхъ, погребенныхъ уже подъ развалинами разгромленныхъ зданій...

Но скоро мысли отвлеклись въ другую сторону — передъ глазами разстилался Дунай съ злобно-стерегущимъ его Рущукомъ, этимъ грознымъ часовымъ болгарскаго народа.

Евг. Утинъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е ноября, 1877.

Цензъ по образованію для административныхъ должностей. — Школьный или бюрократическій экзаменъ. — Дѣятельность земства. — Введеніе поразряднаго налога. — Свѣдѣнія о земскихъ сборахъ и расходахъ за 1872—1874 гг. — Разныя извѣстія съ западной окраины.

Всегда и вездѣ бывало, что война, даже при полномъ ея успѣхѣ, указывала на необходимость нѣкоторыхъ поправокъ въ той или другой отрасли управленія, мѣръ для болѣе правильнаго взиманія и распредѣленія средствъ государства, улучшенія его административнаго механизма и т. д., не говоря уже о реформахъ еще болѣе важныхъ, какъ, напримѣръ, тѣ, какія послѣдовали у насъ послѣ крымской войны. Нѣтъ сомнѣнія, что и нынѣшняя война укажетъ на необходимость нѣкоторыхъ улучшеній, по меньшей мѣрѣ — въ области военнаго устройства, финансоваго хозяйства и общихъ условій повинностей и вообще службы государству. Позволительно, по крайней мѣрѣ, ожидать, что теперь ускорится рѣшеніе нѣкоторыхъ такихъ вопросовъ, которые еще до войны или во время ея были поставлены на очередь въ административныхъ сферахъ и разработывались комиссіями. Такъ, напримѣръ, работы податной комиссіи, которыя доселѣ привели только къ расширенію гербоваго сбора и къ преобразованію вычетовъ изъ окладовъ чиновниковъ, теперь, вѣроятно, будутъ болѣе рѣшительно двинуты впередъ и поведутъ ко введенію у насъ подоходнаго налога, если и не къ преобразованію всей нашей податной системы.

Къ этому вопросу мы еще возвратимся ниже, но сперва хотимъ остановиться на другомъ, также нелишенномъ значенія. Для правительства весьма важенъ вопросъ о поднятіи уровня, нравственнаго и умственнаго, лицъ, приводящихъ въ движеніе весь его административный механизмъ. И кажется, правительство обратило на этотъ

Digitized by Google

вопросъ серьёзное вниманіе. Въ прошломъ сентябрѣ мы прочли въ одной изъ газетъ, что недавно учреждена, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря И. Д. Делянова, коммиссія, которой поручено пересмотрѣть права на чинопроизводство, предоставляемыя различными высшими учебными заведеніями, и что коммиссія эта обратилась въ разныя вѣдомства съ запросами, цѣль которыхъ, по словамъ газеты, состоитъ въ установленіи новымъ закономъ „соотвѣтствующаго каждому штатному мѣсту образовательнаго ценза". Это извѣстіе сопровождалось нѣсколькими вполнѣ основательными замѣтками. Мысль ихъ была та, что установленіе образовательнаго ценза для занятія должностей водворитъ нѣкоторый порядокъ въ движеніи по государственной службѣ и стѣснитъ произволъ, зачастую встрѣчающійся при выборѣ лицъ для занятія даже важныхъ должностей, и что хотя образовательный цензъ самъ по себѣ не гарантируетъ въ должностныхъ лицахъ исключительныхъ способностей, но все-таки установляетъ такой минимумъ знанія и способностей, который совершенно необходимъ. „Такой цензъ — говорилось въ газетѣ—повредитъ, можетъ быть, одному самоучкѣ, но запретъ дорогу цѣлой массѣ бездарныхъ карьеристовъ... Трудно повѣрить (но служебная наша статистика несомнѣнно доказываетъ эту невѣроятность), что многія очень видныя должности, не только въ административной, но даже въ судебной и законодательной части—должности, несомнѣнно требующія строго-спеціальной и солидной научной подготовки, — занимались и занимаются у насъ лицами, едва осилившими учебный курсъ въ кавалерійской юнкерской школѣ или въ пажескомъ корпусѣ".

Совершенно соглашаясь съ этими общими замѣчаніями, мы однако должны прежде всего остановиться на главномъ практическомъ условіи, которое можетъ представиться при присвоеніи административнымъ должностямъ опредѣленнаго ценза по образованію. Это практическое условіе представляется экзаменомъ. Будутъ ли должности просто росписаны по учебнымъ программамъ училищъ разной степени, или будутъ установлены спеціальные экзамены для занятія административныхъ должностей? При первомъ условіи, достаточно будетъ выдержать экзаменъ въ училищѣ первой, второй или третьей степени, сообразно съ росписаніемъ должностей по тѣмъ же степенямъ, и право ищущаго на занятіе должности будетъ удовлетворено, подобно тому, какъ при исполненіи воинской повинности сдѣлано росписаніе по мѣсту обученія.

Сказать правду—вотъ все, что и требовалось бы въ настоящее время и для гражданской службы. Уже одно это простое условіе вносило бы въ административную сферу огромное улучшеніе въ

Digitized by Google

сравненіи съ тѣмъ, что существуетъ теперь. Конечно, при этомъ порядкѣ филологъ могъ бы занять должность въ контролѣ, а математикъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Но вѣдь это все-таки было бы гораздо лучше, чѣмъ то, что мы видимъ теперь, когда не только образованный человѣкъ можетъ служить не по своей спеціальности, но весьма мало образованный, даже почти безграмотные люди попадаются въ должностяхъ, требующихъ большого развитія ума и запаса знаній. Филологъ въ контролѣ и математикъ въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ, это еще не бѣда, такъ какъ все это люди развитые. Но бѣда въ томъ, что нынѣ и здѣсь и тамъ могутъ занимать должности люди, никогда ничему серьёзно неучившіеся, люди не только невѣжественные, но и неспособные научиться чему-либо, неспособные къ труду вообще, разные „маменькины сынки", которые бѣгаютъ отъ всякаго труда, какъ они бѣгали бывало отъ ученья. Служатъ они, напримѣръ, въ контролѣ только въ такомъ смыслѣ, что оклады имъ присвоены по контролю, а ихъ дѣятельность — свѣтскія отношенія съ начальниками и семействами начальниковъ. Дѣло же за нихъ дѣлаютъ другіе, именно тѣ, которымъ они тормазятъ путь заслуженнаго повышенія. Въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ тѣ же люди, неспособные прежде всего къ труду, не будутъ на мѣстѣ собирать тѣхъ свѣдѣній, надъ собраніемъ которыхъ надо потрудиться, а будутъ сообщать одни сплетни, или пользоваться чужимъ трудомъ, выдавая его за свой. Вотъ отъ кого слѣдовало бы прежде всего избавиться, а затѣмъ пусть бы хоть филологъ служилъ въ контролѣ и математикъ при иностранной миссіи. Все-таки это—люди, которые долговременнымъ трудомъ ученья доказали, что они способны къ труду; они и всякой спеціальности скорѣе научатся, чѣмъ лѣнивцы, они и въ общемъ умственномъ развитіи стоятъ несравненно выше тѣхъ.

Но у насъ, какъ извѣстно, въ предначертаніяхъ почти всегда требуется вдругъ слишкомъ многаго, а снисходительность является уже только на практикѣ, является въ видѣ распущенности. Правила иногда трудно исполнить по самой ихъ идеальности, а затѣмъ они и вовсе обходятся на практикѣ, что влечетъ за собой послѣдствія уже далеко не-идеальныя. Вотъ почему очень можетъ случиться, что росписаніе должностей просто по степенямъ образованія покажется слишкомъ недостаточнымъ. Для разныхъ вѣдомствъ составятся такія спеціальныя программы, которыя не будутъ подходить къ учебнымъ курсамъ существующихъ школъ. Такъ, напримѣръ, для службы по вѣдомству финансовъ будетъ требоваться среднее образованіе, т.-е. курсъ гимназіи или реальнаго училища, но со знаніемъ финансоваго права, полицейскаго права, политической экономіи и еще товаро-

Digitized by Google

вѣдѣнія. При такихъ условіяхъ, для того, чтобы занять должность, обусловленную этими цензами при помощи однихъ свидѣтельствъ существующихъ школъ, безъ спеціальнаго „государственнаго" экзамена, необходимо будетъ окончить курсъ гимназіи, прослушать университетскій курсъ по административному отдѣлу, и затѣмъ поступить еще въ коммерческое училище! Пріобрѣтя пятнадцати-лѣтнимъ трудомъ свидѣтельства этихъ трехъ училищъ, можно будетъ, уже безъ спеціальнаго экзамена, поступить помощникомъ дѣлопроизводителя, напримѣръ, въ департаментъ неокладныхъ сборовъ. Иначе, если ищущій мѣста только окончилъ курсъ гимназіи и хотя бы университета— онъ будетъ допущенъ на скромнѣйшее штатное мѣсто по вѣдомству финансовъ не иначе какъ по выдержаніи спеціальнаго испытанія.

Гдѣ будутъ производиться эти „спеціальныя" испытанія по новымъ, хитросплетеннымъ программамъ, представляющимъ смѣшеніе самыхъ разнородныхъ предметовъ? Не въ существующихъ школахъ, конечно,—уже потому, что каждая школа производитъ экзамены только по своей учебной программѣ, обнимающей извѣстную, цѣльную систему знанія, а не по какому-либо фантастически-сборному menu спеціальныхъ, административныхъ знаній. Да, сверхъ того, и теперь уже слышны услужливые голоса, которые твердятъ, что ни съ чѣмъ несообразно предоставлять власть раздачи государственныхъ правъ (посредствомъ экзаменовъ) профессорскимъ и учительскимъ сословіямъ.

Итакъ, для удостовѣренія, посредствомъ „спеціальныхъ испытаній", правъ на занятіе тѣхъ и другихъ административныхъ должностей и для удовлетворенія слышныхъ уже голосовъ, будутъ учреждены особыя коммиссіи „государственныхъ экзаменовъ". Въ этихъ коммиссіяхъ будутъ и университетскіе профессоры, но это будутъ уже экзаминаторы не выборные, а назначенные администраціею. А кромѣ нихъ, въ составъ коммиссій войдутъ другіе, вліятельнѣйшіе члены-чиновники. Затѣмъ университеты и всѣ другія школы сохранятъ право экзаменовъ собственно на выдачу свидѣтельствъ и дипломовъ объ окончаніи курса тѣхъ школъ и о пріобрѣтеніи даваемыхъ ими ученыхъ степеней. Но такъ какъ эти свидѣтельства и дипломы сами по себѣ не будутъ давать правъ на государственную службу, и получившіе такіе документы все равно должны будутъ еще держать на право службы вообще и назначеніе общественной должности въ особенности—испытаніе въ государственной „экзаминаціонной коммиссіи", то проще будутъ прямо начинать съ этого послѣдняго экзамена, да имъ и ограничиваться.

Тогда школьные экзамены потеряютъ всякое практическое значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, университеты, лишенные государственнаго авторитета, который перейдетъ къ бюрократическимъ „коммиссіямъ",

Digitized by Google

начнутъ пустѣть больше нынѣшняго. Для подготовки къ „спеціальнымъ испытаніямъ“ въ возможно-коротшее время, устроятся у насъ, какъ въ Пруссіи, особыя „фабрики коллежскихъ ассессоровъ“, ведущія ученье на всѣхъ парахъ и пекущія кандидатовъ при помощи особыхъ, личныхъ сношеній съ бюрократическими „экзаминаціонными коммиссіями“.

Вотъ тогда-то именно и открылся бы легкій и вѣрный путь для выскочекъ и „маменькиныхъ сынковъ“, стремящихся съ возможно меньшимъ трудомъ пріобрѣсть возможно бо́льшія права. Результатъ былъ бы тотъ, что въ Россіи число людей съ высшимъ школьнымъ, т.-е. систематическимъ, образованіемъ стало бы уменьшаться, а въ административныхъ должностяхъ мы увидѣли бы людей, напичканныхъ на-скоро экзаминаціонными спеціальными свѣдѣніями, но не представляющихъ именно того, что́ надо было бы имѣть прежде всего въ виду: гарантій умственнаго развитія и привычки къ серьёзному труду.

Но, разсуждая такъ, мы вовсе не хотимъ доказать этимъ безполезность введенія въ Россіи образовательнаго ценза для занятія административныхъ должностей. Напротивъ, мы признаемъ установленіе такого ценза полезнымъ и даже необходимымъ. Но прежде всего мы должны были указать тѣ невыгодныя послѣдствія, какія произойдутъ, если это дѣло будетъ поведено въ извѣстную сторону, для достиженія извѣстныхъ задникъ цѣлей. Пусть должности будутъ расписаны просто по степенямъ нынѣ существующей училищной системы, а никакихъ „спеціальныхъ испытаній“ и скрывающихся позади ихъ „государственныхъ экзаменовъ“ установлять не слѣдуетъ для пріема на службу. Пусть удостовѣреніе знанія остается въ рукахъ ученыхъ, а не переходитъ въ руки чиновниковъ.

Но введеніе образовательнаго ценза, въ смыслѣ росписанія должностей общей государственной службы по степенямъ образованія, совершенно необходимо. Путь къ высшимъ должностямъ долженъ быть затрудненъ для людей, воспитанныхъ для „легкаго“ прохожденія жизни, безъ большого багажа знаній, безъ бремени привычки къ труду. Онъ долженъ быть облегченъ для людей знающихъ и научившихся въ школахъ, прежде всего,—умѣнью работать „въ самомъ дѣлѣ“. Иначе сюрпризы, подготовляемые разными упущеніями, недоразумѣніями, разницей между бумагой и дѣломъ, у насъ всегда останутся возможны. Такъ, есть одна спеціальность, которая сама весьма ревниво оберегаетъ себя, а между тѣмъ, права ея по отношенію къ другимъ спеціальностямъ ничѣмъ не ограничены. Ученѣйшему мужу не дадутъ мѣста казначея въ ротѣ, если онъ—не военный. Но еще недалеко то время, когда прямая дорога изъ полковниковъ гвардіи была не только въ командиры армейскихъ полковъ, но и—въ на-

Digitized by Google

чальники губерній. Да и теперь еще нерѣдки примѣры, что военные прямо изъ строя попадаютъ на значительныя должности въ отрасляхъ даже чисто спеціальныхъ, какъ, напр., вѣдомство путей сообщенія. Въ отношеніи условій, облегчающихъ или затрудняющихъ путь общей государственной службы, сообразно съ степенью образованія, мы даже сдѣлали шагъ назадъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Тогда существовали на гражданской службѣ такъ-называемые „разряды“ чиновниковъ по степени полученнаго ими образованія, и высшіе разряды пользовались значительными преимуществами въ чинопроизводствѣ. Тотъ путь, конечно, былъ невѣренъ, потому что чины легко было, при счастьи, пріобрѣтать скоро и безъ особеннаго образованія, и съ чинами подвигаться быстро и въ должностяхъ; теперь можно поступить иначе.

Во всякомъ случаѣ при рѣшеніи этого вопроса, каково бы оно ни было, надобно не упускать изъ виду главную цѣль, ради которой стоитъ произвести всю эту реформу. Правительство нуждается въ томъ, чтобы вся его административная машина была приводима въ движеніе сверху до низу людьми интеллигентными и развитыми. Что же произведетъ „государственный экзаменъ“, какъ его, повидимому, понимаютъ? Въ концѣ-концовъ онъ превратится въ лазейку, при помощи которой можно будетъ обойтись безъ школы, и администрація наполнится всяческими бездарностями, или людьми даровитыми на одно обдѣлываніе своихъ частныхъ дѣлишекъ. Но подобнаго можно желать только съ точки зрѣнія „маменькиныхъ сынковъ“; мы также знаемъ, какъ со временемъ будутъ доходны самыя мѣста экзаминаторовъ въ этихъ комиссіяхъ; все это никогда однако не составитъ интересовъ правительства. Если уже будутъ признаны необходимыми государственные экзамены, то пусть при этомъ будетъ постановлено непремѣннымъ условіемъ, что къ такому экзамену допускаются лишь лица, представившія аттестатъ объ окончаніи полнаго курса гимназіи. Было бы при этомъ еще справедливѣе принимать на службу съ одними аттестатами зрѣлости, а „государственный экзаменъ“ установить только для дальнѣйшаго повышенія въ должности, въ каждомъ вѣдомствѣ по его спеціальности. Это по крайней мѣрѣ заставило бы молодыхъ людей, поступившихъ на службу, не только „служить“, но и взять иногда книгу въ руки, подготовляться къ экзамену, безъ котораго, наприм., нельзя сдѣлаться столоначальникомъ, и придется остаться всю жизнь въ канцелярскихъ сферахъ. Молодымъ людямъ, имѣющимъ университетскіе дипломы, можно смѣло открыть все поприще государственной службы, безъ новыхъ испытаній; государственный экзаменъ для нихъ во всякомъ случаѣ будетъ только шагъ назадъ, а не впередъ.

Digitized by Google

Кто вспоминаетъ теперь о земствѣ, кто интересуется общими результатами земской дѣятельности? Очень немногіе, конечно,—общественно-умственная жизнь еще далеко не упрочилась у насъ въ правильныхъ постоянныхъ теченіяхъ; все вниманіе общества какъ-то урывками бросается въ какое-либо одно, вновь открытое русло. Все прочее при этомъ отходитъ совершенно на задній планъ, и говорить въ печати объ этомъ „прочемъ“ становится задачею неблагодарной. Тутъ война, скажетъ иной читатель, и вопросъ въ томъ, будетъ ли взята Плевна или нѣтъ, а вы хотите говорить о земствѣ! Но можно въ своемъ мѣстѣ разсуждать о томъ, будетъ ли взята Плевна, а въ своемъ мѣстѣ все-таки необходимо говорить и о внутреннихъ нашихъ отправленіяхъ, между прочимъ, и о земствѣ. Въ жизни государства все находится въ связи, и въ области земской дѣятельности отражаются и такія условія, которыя поучительны для разсужденія о силахъ Россіи какъ государства.

Такъ, картина разложенія земскихъ сборовъ можетъ быть полезна хотя бы въ видѣ дополнительной справки для сужденія о возможности созданія у насъ въ скоромъ времени новыхъ государственно-финансовыхъ рессурсовъ. Въ „Journal de St.-Pétersbourg“ въ прошломъ мѣсяцѣ сообщалось, что у насъ несомнѣнно предстоитъ введеніе классной подати, которая можетъ дать источникъ для удовлетворенія, какъ расходовъ, произведенныхъ войной, такъ и тѣхъ, которые будутъ обусловлены консолидированіемъ части нашего текущаго долга, о чемъ надо будетъ озаботиться по заключеніи мира. Мы не намѣрены обсуждать теперь вопроса о превращеніи части неутвержденнаго долга въ консолидированный. О самомъ введеніи „классной подати“ мы теперь можемъ упомянуть только мимоходомъ, хотя должны приписать немаловажное значеніе словамъ французской газеты о „несомнѣнно“ предстоящемъ введеніи „классной подати“ или поразряднаго налога въ Россіи. Поразрядный налогъ, если онъ падаетъ на доходы всѣхъ гражданъ государства, долженъ быть разсматриваемъ отчасти какъ дополнительный налогъ, падающій на источники производительности, уже обложенные другими сборами, отчасти какъ налогъ на движимый капиталъ, не подлежавшій доселѣ прямому обложенію и, наконецъ, отчасти какъ налогъ на личный трудъ. Для громаднаго большинства населенія Россіи налогъ на личный трудъ былъ бы почти равнозначущъ съ усиленіемъ тѣхъ прежнихъ податей и сборовъ, которые падаютъ на землю. Если же при введеніи поразряднаго налога будетъ установленъ предѣлъ выше послѣдняго изъ принятыхъ разрядовъ, то-есть если средній доходъ крестьянина будетъ оставленъ свободнымъ отъ налога, тогда разрядный налогъ у насъ главнымъ образомъ представится въ усиленіи

Digitized by Google

обложенія частнаго землевладѣнія, городскихъ недвижимыхъ имуществъ и торговыхъ свидѣтельствъ и патентовъ.

Затѣмъ, *новымъ* налогомъ онъ явился бы только по отношенію къ движимому капиталу и къ труду высшихъ профессій. Но изъ числа высшихъ профессій придется исключить государственную службу, гражданскую и военную, иначе новый налогъ съ этой службы былъ бы равнозначущъ уменьшенію окладовъ, которое всего несвоевременнѣе было бы, конечно, въ эпоху обезцѣненія кредитнаго рубля. Между тѣмъ классъ, занимающійся „высшими профессіями", за исключеніемъ государственной службы, у насъ такъ малочисленъ, что обложеніе его, хотя и справедливое само по себѣ, представитъ ничтожное подспорье казначейству. Въ состояніи ли городскія недвижимыя имущества и торговые документы вынесть дополнительный на нихъ налогъ въ настоящее время—это вопросъ, котораго мы рѣшать не будемъ. Замѣтимъ только, что по отношенію къ нимъ классная подать все-таки не открывала бы источниковъ новыхъ. Если купецъ, сверхъ гильдейскаго свидѣтельства и прочихъ торговыхъ документовъ, будетъ еще уплачивать подать съ своего „дохода", то при этомъ доходъ его все-таки останется прежній, а стало быть поразрядный налогъ, въ примѣненіи къ нему, будетъ только усиленіемъ существующихъ пошлинъ за право торговли.

Но если еще подлежитъ обсужденію вопросъ о дополнительности обложенія этихъ статей, то нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что частное землевладѣніе не выдержало бы сколько-нибудь значительнаго усиленія своего платежнаго бремени. Къ казеннымъ сборамъ присоединились платежи по ипотекамъ, которыми частныя имѣнія обременены, и для новыхъ пріобрѣтателей имѣній, въ большинствѣ случаевъ, представляется уже теперь невозможность разсчитывать на чистый доходъ съ приплаченнаго капитала до истеченія нѣсколькихъ лѣтъ.

Итакъ, какіе же еще представляются въ Россіи доходы, которые, не подлежавъ доселѣ обложенію, были бы впервые захвачены въ податную сферу налогомъ поразрядныхъ, и притомъ могли бы дать дѣйствительно-серьёзный новый источникъ для такого обложенія, значительное подспорье государственному казначейству? Это—одни доходы съ движимаго капитала, съ цѣнныхъ бумагъ. Доселѣ операціи съ цѣнными бумагами подлежали только гербовому сбору, то-есть были обложены въ самомъ дѣлѣ слишкомъ легко, безъ всякаго сравненія легче, чѣмъ всѣ отрасли собственно производительности. Вотъ дѣйствительно новый источникъ для возвышенія доходовъ государства. Справедливость требуетъ, чтобы онъ не ускользалъ отъ несенія общаго бремени, и нѣтъ сомнѣнія, что поразрядный налогъ, то-есть подать съ доходовъ, должна охватить этотъ источникъ. Это, соб-

Digitized by Google

ственно говоря, и будетъ главной пользой установленія поряднаго налога. Но будутъ ли новыя средства, которыя истекутъ изъ этого источника, достаточными для покрытія военныхъ расходовъ и вмѣстѣ для образованія такихъ новыхъ бюджетныхъ рессурсовъ, которые представили бы возможность приступить къ консолидаціи текущаго долга, то-есть прежде всего къ изъятію изъ обращенія значительной части кредитныхъ билетовъ, это—вопросъ будущаго. Необходимо только имѣть въ виду, что единственный серьёзный источникъ, какой можетъ быть привлеченъ въ податную систему установленіемъ поряднаго налога, можетъ быть только этотъ именно: проценты съ цѣнныхъ бумагъ и операцій съ цѣнными бумагами. Остальные источники обложены и доселѣ.

Введеніе поряднаго налога или подоходной подати, которая отличается отъ него только способомъ таксаціи, мы всегда представляли себѣ совмѣстно съ общимъ преобразованіемъ системы налоговъ, то-есть въ видѣ регулятора, которымъ можно было воспользоваться для уменьшенія тѣхъ изъ видовъ обложенія, которые наиболѣе тяжелы. Но когда налогъ съ доходовъ вводится просто въ видѣ добавленія къ существующимъ сборамъ, безъ измѣненія ихъ системы, онъ представится просто возвышеніемъ обложенія тѣхъ же источниковъ: земли, торговли, промысловъ и т. д., безъ всякаго шага къ уравнительнымъ мѣрамъ. Вотъ почему намъ казалось бы, что, до введенія такого общаго возвышенія платежей съ прежнихъ источниковъ, раціонально было бы сперва ввесть спеціальный новый налогъ на доходы съ движимаго капитала и операцій съ цѣнными бумагами, а уже затѣмъ установлять общій поряднный налогъ, имѣющій равно пасть на всѣ доходы: и на тѣ, которые доселѣ были обложены, и на тѣ, которые не несли никакого бремени.

Въ прошломъ сентябрѣ напечатаны были въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ таблицы земскихъ сборовъ и расходовъ за 1872, 1873 и 1874 годы. Данныя этихъ таблицъ объемлютъ дѣятельность земства въ 32-хъ изъ 34-хъ губерній, имѣющихъ земскія учрежденія. Итогъ сборовъ и всѣхъ предметовъ обложенія въ 1874 году составилъ 22.681,769 рублей. Итакъ, на губернію, въ среднемъ размѣрѣ, приходится всего 708.805 рублей для покрытія всѣхъ земскихъ расходовъ, какъ необязательныхъ, такъ и обязательныхъ. А обязательные расходы вѣдь все еще составляютъ бо́льшую половину. Итогъ доходовъ земства постоянно возрасталъ: въ 1872 г. онъ былъ 19 м. 380 т. р.; въ 1873 г.—21 м. 145 т. р.; въ 1874 г., какъ уже сказано—22 м. 681 т. р. Эта сумма 22½ м. р. взимается, главнымъ образомъ, съ земель, а именно: съ земель идутъ слишкомъ 16¾ м. р.; затѣмъ

Digitized by Google

съ прочихъ недвижимыхъ имуществъ поступаетъ 3 м. р., и съ торговыхъ документовъ $2^{3}/_{4}$ м. р. (замѣтимъ впрочемъ, что общая сумма земскихъ сборовъ съ торговыхъ документовъ, показанная въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» въ 2.794,074 р., превышаетъ на $^{3}/_{4}$ м. р. сумму отдѣльныхъ сборовъ тѣхъ двухъ рубрикъ, изъ которыхъ она составлена). Итакъ, свои средства на производство обязательныхъ и необязательныхъ расходовъ земство беретъ главнымъ образомъ съ земли; прочія статьи въ сложности даютъ только $5^{3}/_{4}$ м. р., между тѣмъ какъ съ земель собирается $16^{3}/_{4}$ м. р.

Это опредѣляетъ собою и смыслъ возрастанія итога земскихъ сборовъ. Какъ выше показано, итогъ этотъ за три года поднялся на $3^{1}/_{4}$ м. р. Но три четверти этого итога представляются сборомъ съ земель; стало быть, возвышеніе всего итога могло зависѣть только въ малой мѣрѣ отъ усиленія торговли, расширенія городовъ и умноженія числа фабрикъ, однимъ словомъ—отъ развитія благосостоянія, но почти всецѣло относилось къ усиленному обложенію земель. Въ виду увеличенія расходовъ, земство принуждено было возвышать сборъ съ земель, такъ какъ право его облагать въ свою пользу торговые документы ограничено законами. Итакъ, возрастаніе общей суммы земскихъ сборовъ зависѣло не отъ экономическихъ успѣховъ страны, а почти исключительно—отъ прибавокъ къ обложенію земли въ пользу земства. Въ самомъ дѣлѣ, въ составѣ общаго излишка сборовъ за 1874 г., противъ 1872 года на $3^{1}/_{4}$ м. р., сборъ съ земель доставилъ около 2 м. 100 т. р., затѣмъ расширеніе городовъ и умноженіе промышленныхъ зданій дало около 800 т. р. Что касается сбора съ торговыхъ документовъ, то онъ возросъ всего на 350 т. р.

Разбирая въ отдѣльности сумму земскаго обложенія земель, и именно цифру $16^{3}/_{4}$ м. р., находимъ, что она раздѣляется слѣдующимъ образомъ: съ земли, отведенной въ надѣлъ крестьянамъ, взимается $9^{1}/_{2}$ м. р., и со всякой иной земли, то-есть принадлежащей частнымъ лицамъ, обществамъ и установленіямъ, казнѣ и удѣлу, взимаются остальные $7^{1}/_{4}$ р. Но въ то время, какъ земля, отведенная въ надѣлъ крестьянамъ, исчисляется въ $75^{1}/_{2}$ м. десятинъ, прочая земля, подлежащая обложенію, исчисляется въ $126^{1}/_{2}$ м. десятинъ. Такимъ образомъ оказывается, что въ то время, какъ крестьянская десятина въ среднемъ размѣрѣ обложена въ пользу земства двѣнадцатью копѣйками (отбрасывая дроби), десятина прочей земли, не-крестьянской, платитъ земству всего пять копѣекъ. Надо еще замѣтить, что обложеніе земли въ пользу земства въ разныхъ губерніяхъ далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительной доходности ея, что̀ прежде всего зависитъ, разумѣется, отъ обязательныхъ расходовъ, которые распредѣлены не

Digitized by Google

вполнѣ сообразно съ количествомъ и стоимостью земли, а между тѣмъ должны быть производимы.

Когда мы говоримъ, что крестьянская земля обложена въ пользу земства вдвое выше, чѣмъ «прочая» земля, то должны при этомъ еще имѣть въ виду, что до окончанія выкупной операціи крестьянскій надѣлъ нельзя разсматривать какъ полную собственность: это еще—земля пріобрѣтаемая, и пріобрѣтаемая по высокой цѣнѣ, до такой степени, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она, за выкупными платежами, не только не даетъ дохода, но приноситъ убытокъ. А между тѣмъ подати земскія и государственныя она несетъ въ высшемъ размѣрѣ противъ земли, составляющей полную собственность. Правда, противъ этого можно возразить, что и земля находящаяся въ частномъ владѣніи нынѣ, по бо́льшей части, обременена ипотеками и, стало быть, несетъ на себѣ также своего рода выкупные платежи, хотя и менѣе тяжкіе, потому что банки не давали ссудъ въ полномъ размѣрѣ оцѣнки. Но самое это возраженіе, вмѣстѣ со сказаннымъ выше о землѣ крестьянской, въ концѣ-концовъ сводится все-таки на то, что земля въ Россіи уже теперь несетъ едва ли посильное бремя платежей, а стало быть, если новый—подоходный—налогъ въ Россіи главнымъ образомъ обратится на землю же, то это можетъ представить послѣдствія, мало производительныя, въ смыслѣ финансовомъ, и вредныя, въ смыслѣ экономическомъ.

Переходя теперь къ расходамъ земства—отмѣтимъ прежде всего явленіе благопріятное, а именно, что итогъ расходовъ необязательныхъ возросъ за трехлѣтіе въ гораздо бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ итогъ расходовъ обязательныхъ. Общая сумма расходовъ земства въ 1874 году представлялась цифрою свыше 25¾ м. р. Такъ какъ эта цифра превосходитъ на 3 м. 200 т. р. общую цифру сборовъ земства, то слѣдуетъ заключить, что нѣкоторые расходы удовлетворены изъ процентовъ по переданнымъ земству капиталамъ и изъ средствъ, добытыхъ заимообразно. Въ суммѣ 25¾ м. р. расходы обязательные представляются цифрой 13.068,696 р., а расходы необязательные цифрой 12.806,892 р. Итакъ, обязательные расходы и въ 1874 году составляли еще бо́льшую половину всѣхъ расходовъ земства, но они превышали расходы необязательные всего на 262 т. р. Въ прежніе же годы отношеніе между тѣми и другими было гораздо менѣе благопріятно. Такъ, еще въ 1873 году, обязательные расходы превышали необязательные на слишкомъ 800 т. р., а въ 1872 году почти на милліонъ рублей. Расходы обязательные въ теченіи этого трехлѣтія возросли только на около 1 м. р., а необязательные на 2¾ м. р.

Что сумма обязательныхъ расходовъ растетъ медленно (въ 1873 году она было даже немного упала противъ 1872 г.), это объясняется

Digitized by Google

самымъ ихъ свойствомъ. Такъ, напр., расходъ земства по содержанію мѣстнаго гражданскаго управленія въ 1873 г. слегка возросъ противъ 1872 г., а въ 1872 г. слегка упалъ, въ десяткахъ тысячъ рублей, сохраняя ту же цифру сотенъ тысячъ (710 т. р. въ 1874 г.). Расходъ по мировымъ крестьянскимъ учрежденіямъ за трехлѣтіе уменьшился примѣрно на 8%. За то издержка на судебно-мировыя учрежденія возрасла примѣрно на 12%. Расходъ на подводную повинность почти не измѣнялся, а расходъ на повинность постойную нѣсколько упалъ; за то дорожная повинность потребовала примѣрно на 10% болѣе въ 1874 г., чѣмъ въ 1872.

Между тѣмъ сумма расходовъ необязательныхъ возвышена въ совсѣмъ иномъ размѣрѣ, а именно въ общей сложности съ 10 м. р. до 12¾ м. р., стало быть, примѣрно на 25%. Но по народному образованію расходы возрасли въ размѣрѣ даже 50-ти слишкомъ процентовъ. Вообще, возрастаніе необязательныхъ расходовъ земства, если разсматривать его по отдѣльнымъ статьямъ, представляетъ картину утѣшительную. Такъ, при возвышеніи общей ихъ суммы, какъ уже сказано, на около 25%, цифра расхода на содержаніе земскаго управленія осталась почти безъ измѣненія: она составляла 2.796,765 руб. въ 1874 году, а въ 1872 году она была всего на 60 т. р. меньше. Конечно, можно сказать, что цифра 2¾ м. р., представляя расходъ на такое управленіе, которое всѣхъ расходовъ производитъ 25¾ м. р., составляя болѣе 10% этой послѣдней суммы, все-таки весьма значительна; но понятно, что для самаго отправленія земской дѣятельности, если она не безплатна, какъ въ Англіи, необходимъ такой, довольно значительный расходъ, который не находится въ непосредственной зависимости отъ суммы производимыхъ земствомъ расходовъ. Извѣстный расходъ на личный составъ необходимъ, а затѣмъ при немъ же земство могло бы распоряжаться гораздо бо́льшими средствами, если бы кругъ его дѣятельности былъ обширнѣе. Мы видимъ же, что общая сумма доходовъ земства за трехлѣтіе возрасла на 3¼ м. р., а между тѣмъ расходъ собственно на земское управленіе увеличился всего на 60 т. р. Можно допустить, что даже если бы доходы земства возрасли на 50% противъ нынѣшняго ихъ итога, то расходы на земское управленіе, возрастая въ томъ отношеніи къ этому увеличенію, какъ сейчасъ указано, составили бы все-таки гораздо меньше 10% всего земскаго бюджета.

Общая издержка земства на народное образованіе составляла въ 1874 году почти 3 м. р. (безъ 48 тысячъ). Итакъ, почти четвертую часть своихъ необязательныхъ расходовъ земство обращаетъ на народное образованіе. Но отношеніе издержки на это предметъ къ общей суммѣ необязательныхъ расходовъ по губерніямъ весьма различно.

Digitized by Google

Такъ, есть губерніи, которыя на народное образованіе даютъ треть суммы своихъ необязательныхъ расходовъ, а есть и такія, которыя даютъ гораздо больше, и такія, которыя даютъ гораздо меньше. Такъ, земство вятской губерніи изъ 872½ т. р., ассигнуемыхъ на необязательные расходы, обращаетъ на народное образованіе 312 т. р., то-есть болѣе двухъ-пятыхъ, между тѣмъ какъ бессарабское земство даетъ изъ 314 ¾ т. р. необязательныхъ расходовъ 65¼ т. р. на народное образованіе, то-есть немного болѣе одной-пятой или, относительно говоря, *вдвое* менѣе, чѣмъ даетъ вятское земство; калужское земство ассигнуетъ на тотъ же предметъ 46 т. р. изъ 295¾ т. р., то-есть менѣе одной *шестой* доли.

Подобное различіе земствъ разныхъ губерній въ ихъ отношеніи къ одной и той же народной потребности обусловливается прежде всего вѣроятно случайнымъ, личнымъ взглядомъ тѣхъ или другихъ вліятельныхъ земцовъ. Къ числу земствъ, ассигнующихъ на народное образованіе всего около одной пятой изъ суммы необязательныхъ расходовъ, принадлежитъ и земство петербургской губерніи.

Расходъ земства на попеченіе о народномъ здоровьѣ представляетъ второй примѣръ значительнаго возрастанія по отдѣльнымъ статьямъ. Общій расходъ на эту статью въ 1872 г. былъ 2¾ м. р., въ 1873 г. онъ съ-разу возросъ на полмилліона, а въ 1874 г. еще около четверти милліона, такъ что составилъ до 3½ м. р.

Вообще же расходы земства необязательные и обязательные, по сравнительной высотѣ ихъ цифръ, представляются въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) содержаніе судебно-мировыхъ учрежденій, 2) народное здравіе, 3) подводная повинность, 4) народное образованіе, 5) содержаніе земскаго управленія, 6) дорожная повинность, 7) мировыя крестьянскія учрежденія, 8) общественное призрѣніе, 9) содержаніе мѣстнаго гражданскаго управленія. Достаточно одного этого перечня для уясненія того факта, что земство, при недостаточности своихъ средствъ, не можетъ стоять такъ-сказать на высотѣ своего призванія. Само собою разумѣется, что, при иныхъ условіяхъ, первыми статьями въ перечнѣ расходовъ земства должны бы стоять народное здоровье, народное образованіе и призрѣніе, за ними и постройка дорогъ, и уже затѣмъ—все остальное. Теперь же, если сложить всѣ издержки земства по содержанію различныхъ личныхъ составовъ: мировыхъ судей и посредниковъ, мѣстнаго гражданскаго управленія и самого земскаго управленія, то составится такая сумма—болѣе 9½ м. р.—которая оставляетъ на всѣ остальныя потребности земства, на дѣйствительное улучшеніе бытовыхъ условій по 32 губерніямъ, всего около 16 милл. р., то-есть по полумилліона на губернію!

Для того, чтобы предоставить земству болѣе средствъ, для того,

Digitized by Google

чтобы въ перечнѣ его расходовъ могли въ самомъ дѣлѣ и какъ бы то слѣдовало занимать первыя мѣста потребности народнаго здоровья, образованія и призрѣнія, могли бы быть употреблены два способа, на которые мы сейчасъ укажемъ. У насъ въ нѣкоторыхъ кругахъ принято утверждать, что дѣятельность земства не достигаетъ своей цѣли по двумъ причинамъ: во-первыхъ—потому, что слишкомъ дорого обходится само земское управленіе, во-вторыхъ—потому, что въ странѣ, сравнительно говоря, бѣдной, какова Россія, самыя основныя отправленія земства, какъ-то: старанія по народному образованію, охраненію здоровья и т. д., представляютъ еще роскошь, которая и можетъ быть удовлетворяема только весьма недостаточно, сообразно съ бѣдностью страны. Но изъ этихъ двухъ соображеній первое уже опровергается тѣми цифрами, которыя приведены выше. Собственно на земское управленіе идетъ уже и въ настоящее время не много болѣе 10% итога земскихъ расходовъ: $2^3/_4$ м. р. изъ $25^3/_4$ м. р., но, какъ уже замѣчено выше, послѣдняя цифра могла бы возрости на цѣлую треть почти безъ всякаго увеличенія первой. Нынѣшній расходъ на земское управленіе просто представляетъ собою извѣстную, необходимую норму для самаго дѣйствія земскихъ учрежденій. Но нѣтъ никакого основанія полагать, что, если бы въ распоряженіи земства на общія нужды было, вмѣсто 25-ти, 32 милліона рублей, самое управленіе земства потребовало бы болѣе расхода, чѣмъ оно требуетъ нынѣ. Очень можетъ быть, что еслибъ общія средства земства даже удвоились, то и тогда расходъ на земское управленіе увеличился бы всего, напримѣръ, на одну треть нынѣшней своей цифры.

Что касается второго соображенія, относящагося къ сравнительной бѣдности страны, то вопросъ заключается въ распредѣленіи тѣхъ средствъ, какія имѣются. Какъ частный человѣкъ, при однихъ и тѣхъ же средствахъ, можетъ пользоваться ими различно, издерживая болѣе на ту или другую потребность, и вопросъ правильнаго хозяйства сводится на то, въ какой мѣрѣ удовлетворяются наиболѣе насущныя потребности—такъ и каждая страна можетъ пользоваться своими наличными средствами весьма различно. Тѣ 32 губерніи, къ которымъ относятся приведенныя цифровыя данныя, включаютъ въ себѣ большинство населенія русской имперіи. Итакъ, если мы предположимъ, что земскія учрежденія введены у насъ на всемъ пространствѣ имперіи, то при сохраненіи нынѣшняго распредѣленія средствъ, общій бюджетъ русскаго земства не могъ бы представить цифры двойной противъ нынѣшней. Для краткости разсужденія допустимъ однако, что онъ составилъ бы 50 милліоновъ рублей. Но и эта сумма представляла бы менѣе 10% нашего государственнаго бюджета обыкновенныхъ расходовъ.

Digitized by Google

Между тѣмъ во Франціи до войны съ Германіею, на 1800 м. франковъ государственнаго бюджета приходилось издержекъ общинныхъ 612 м. франковъ, а съ провинціальными 781 м. франк.; 612 м. фр. представляли не десятую часть государственнаго бюджета, какъ у насъ, но цѣлую треть въ сравненіи съ нимъ; цифра же общинныхъ и провинціальныхъ расходовъ вмѣстѣ составляла уже гораздо болѣе трети въ сравненіи съ государственнымъ бюджетомъ. По такому разсчету, у насъ на 536 м. р., назначенныхъ по бюджету на обыкновенные расходы въ томъ самомъ 1874-мъ году, котораго земскія издержки мы беремъ въ основаніе соображеній, должно было бы придтись на расходы всего русскаго земства не 50 милл. р., но 178 милліоновъ рублей. Положимъ, Россія—страна относительно бѣдная; но вѣдь мы и разсуждаемъ по соотвѣтствію средствъ каждой страны.

Разсчета этого мы не ведемъ ради какого-либо фантастическаго заключенія, въ родѣ требованія изъ государственнаго бюджета суммъ для удвоенія средствъ земства. Но мы хотимъ все-таки сказать, что при томъ крайнемъ несоотвѣтствіи, какое существуетъ у насъ въ средствахъ земства сравнительно съ потребностями его, государство напрасно возлагаетъ на земство нѣкоторыя изъ своихъ нуждъ, а между тѣмъ слишкомъ тѣсно ограничиваетъ право земскаго обложенія. Государство охраняетъ отъ земскаго обложенія торговлю и промышленность, желая сохранить эти источники для своего собственнаго обложенія. Но вѣдь при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, по сравнительной высотѣ бюджетовъ государства и земства на опредѣленное число губерній, каждыя 5 копѣекъ, которыхъ казна не позволитъ взять земству, а возьметъ сама, для земства составляютъ потерю въ одну пятую часть его наличныхъ 25-ти копѣекъ, а для казны представляютъ возможность увеличенія своихъ средствъ всего 5-ю копѣйками на 2 р. 50 коп. и даже на 3 рубля.

Такимъ образомъ, малѣйшее расширеніе права земскаго обложенія—для земства составило бы весьма чувствительную выгоду, а для государства почти совершенно ничтожную жертву. Точно такъ и принятіе на счетъ казны хотя бы одной десятой части нынѣшняго земскаго бюджета, для земства составило бы такое приращеніе средствъ, которое обезпечивало бы цѣлую отрасль его хозяйства, и для казны составило бы нечувствительную прибавку къ ея расходамъ. Объяснимъ это примѣромъ. Почему бы не перенесть въ государственный бюджетъ, напр., расходъ земства по содержанію мѣстнаго гражданскаго управленія и мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій? Первая потребность по роду своему совершенно уже относится къ средѣ государственныхъ. Вторая имѣетъ характеръ сословный, но ей въ сильной степени присущи элементы полицейскій, даже фискальный.

Digitized by Google

Соединивъ издержки земства по этимъ двумъ предметамъ, получаемъ сумму до 2½ м. р. Такой расходъ для государства, при бюджетѣ въ 536 м. р. обыкновенныхъ расходовъ, ничего не значитъ; при самомъ опредѣленіи суммы доходовъ по той или другой статьѣ, повышеніе на милліонъ, на два—считается неважнымъ; вѣдь цифра доходовъ все равно превзойдетъ исчисленіе милліоновъ на 20, на 25. А между тѣмъ, для земства 2½ м. р. сбереженія, при его бюджетѣ въ 25 м. р., составляли бы огромное пріобрѣтеніе! Напримѣръ, вся дорожная повинность земства опредѣляется такою суммой въ 2½ м. р.; на все народное образованіе земство по всей Россіи издерживаетъ менѣе 3-хъ м. р.; на все общественное призрѣніе издерживается земствомъ *втрое* менѣе, чѣмъ эта сумма 2½ м. р.

Заботливость объ освобожденіи казны отъ лишнихъ расходовъ и объ охраненіи тѣхъ податныхъ источниковъ, какими пользуется казна, вполнѣ естественны и законны. Но заботливость перестаетъ быть естественною въ тѣхъ случаяхъ, когда она обращается въ ущербъ земству. Вѣдь земская дѣятельность, въ своей совокупности, нисколько не менѣе нужна странѣ, какъ дѣятельность государственная. По самой обширности бюджетовъ нашихъ главныхъ управленій, вовсе не трудно указать въ этихъ бюджетахъ на такія сокращенія, которыя были бы совершенно возможны, безъ вреда дѣлу; въ земскомъ же бюджетѣ сокращенія немыслимы, такъ какъ его необязательныя, т.-е. самыя важныя и существенныя статьи и теперь представляютъ цифры такъ-сказать мизерныя въ сравненіи съ такими потребностями, какъ народное образованіе, здравіе и т. д. По любому вѣдомству легко указать на нѣсколько окладовъ, сохраняемыхъ чинами, „состоящими при“ чемъ-нибудь, окладовъ, которые представили бы земству средства для устройства нѣсколькихъ больницъ. При такомъ сравнительно-большомъ просторѣ распредѣленія средствъ по вѣдомствамъ, и такой узкости средствъ земства, нехватающихъ и „въ обрѣзъ“ на любую насущную потребность, необходима крайняя осмотрительность въ мѣрахъ огражденія источниковъ казны по отношенію къ интересамъ земства.

Для примѣра, сдѣлаемъ слѣдующее сопоставленіе: земство 32-хъ губерній, цѣлую четверть изъ всѣхъ тѣхъ средствъ, которыми можетъ располагать по своему усмотрѣнію, обращаетъ на народное образованіе—и все-таки не можетъ собрать на этотъ предметъ 3-хъ милл. рублей, т.-е. по 100 т. рублей на губернію. Министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ бюджетъ въ слишкомъ 15 милл. рублей. Совершенно правильна заботливость о томъ, чтобы на казну не палъ новый расходъ въ тысячу рублей, такъ какъ это отозвалось бы, положимъ, уменьшеніемъ въ тысячу рублей на бюджетѣ министерства

Digitized by Google

народнаго просвѣщенія; столь же правильно попеченіе о томъ, чтобы охранить податные источники, изъ которыхъ можетъ потребоваться прибавка хоть къ той же тысячѣ рублей. Но при этомъ несомнѣнно также, что если бы въ настоящее время потребовать отъ министерства, чтобы оно пожертвовало тысячу рублей изъ своего бюджета, то оно могло бы сдѣлать это очень легко, безъ сколько-нибудь чувствительнаго вреда для дѣла, именно потому, что средства его велики. Для этого достаточно было бы не испросить лишній разъ кому-либо денежной награды или хоть уменьшить на тысячу рублей расходъ по изданію журнала министерства. Между тѣмъ, у земства изъ его 3-хъ милліоновъ, идущихъ на народное образованіе, нельзя обрѣзать ничего, такъ какъ и эта сумма слишкомъ недостаточна, и вся идетъ прямо на школы; сократить ее хоть на тысячу рублей значитъ просто закрыть три школы; такое послѣдствіе никакъ нельзя сравнить, напримѣръ, съ уменьшеніемъ на три листа каждой книжки журнала министерства народнаго просвѣщенія: читатели его и не замѣтили бы этого, а между тѣмъ образовалось бы въ годъ экономіи на 3,600 рублей — на что́ можно содержать 12 народныхъ школъ!

Итакъ, при общихъ соображеніяхъ о размѣреніи средствъ страны между бюджетами государственнымъ и земскимъ нужна величайшая осторожность. Далѣе: на вопросъ, отчего земство доселѣ не можетъ стать „на высоту своего призванія", есть только одинъ отвѣтъ, неподлежащій никакому сомнѣнію: земство дѣлаетъ что̀ можетъ, но оно можетъ слишкомъ мало по недостаточности своихъ средствъ. Наконецъ: чѣмъ объясняется недостаточность средствъ земства? Не бѣдностью страны, такъ какъ страна въ состояніи же оплачивать государственный бюджетъ въ 550 милл. р. Стало быть, единственнымъ объясненіемъ представляется слишкомъ малое геометрическое отношеніе, въ какомъ представляется бюджетъ земства съ бюджетомъ государства. По числу душъ населенія въ Россіи, это отношеніе едва ли представляется и 8-ю къ 100.

Стало быть, необходимо, чтобы государство дало земской дѣятельности возможность нѣсколько увеличить ея средства. Два ближайшихъ способа къ этому уже указаны выше: государство могло бы перенесть въ свой бюджетъ расходы земства по содержанію мѣстнаго гражданскаго управленія и мировыхъ крестьянскихъ учрежденій, такъ какъ эти потребности и сами по себѣ имѣютъ характеръ болѣе государственный, чѣмъ земскій. Это доставило бы земству ежегодное сбереженіе въ 2½ милл. р., то-есть уже одно подняло бы итогъ земскихъ средствъ на 10%. Затѣмъ, государство могло бы возвысить на одну треть нынѣшнюю предѣльную норму земскаго обложенія съ торговыхъ заведеній и патентовъ. Это дало бы земству

Digitized by Google

еще 1 милл. р. Объ мѣры вмѣстѣ дали бы земству около 3½ м. р. Предположеніе наше, какъ видитъ каждый, самое скромное; а между тѣмъ, уже осуществленіе его одного имѣло бы такія послѣдствія: при увеличеніи суммы государственныхъ расходовъ всего на ½ процента, сумма средствъ земства поднялась бы на 14 процентовъ. Уже такого самаго скромнаго по размѣрамъ содѣйствія, оказаннаго государствомъ земской дѣятельности, было бы достаточно, чтобы земство могло *удвоить* нынѣшній свой расходъ на народное образованіе и увеличить на три-четверти свой расходъ на общественное призрѣніе. Но само собою разумѣется, что еще бо́льшихъ результатовъ можно было бы достигнуть другими сокращеніями обязательныхъ расходовъ земства. Итогъ ихъ и теперь постепенно, хотя и слишкомъ медленно, падаетъ; стало быть, путь намѣченъ; слѣдовало бы только сдѣлать на немъ одинъ, два болѣе рѣшительныхъ шага—и дѣятельность земства тотчасъ бы оживилась.

Намъ могутъ возразить, что теперь не время разсуждать о наложеніи на государственное казначейство новыхъ жертвъ. Но мы и не предлагаемъ, чтобы это было сдѣлано непремѣнно до окончанія войны. А впрочемъ, жертва была бы столь малая, что и военныя потребности не представили бы серьёзныхъ препятствій. Вѣдь и въ военное время, при составленіи бюджета на 1878 годъ, мы непремѣнно увидимъ возвышенія на какіе-нибудь 2 милліона въ смѣтѣ того и другого изъ отдѣльныхъ министерствъ на потребности совершенно мирныя, нисколько военнымъ временемъ не вызываемыя.

О важности другихъ, *нравственныхъ* средствъ къ оживленію дѣятельности земства мы теперь распространяться не будемъ. Повторимъ только мимоходомъ то, что́ для всѣхъ ясно, то, что́ было принято въ основное начало при самомъ начертаніи законовъ о земскихъ учрежденіяхъ, именно, что самостоятельность и гласность представляютъ душу успѣшной земской дѣятельности. Это—такія коренныя условія, безъ которыхъ она могла бы замирать даже при обиліи средствъ матеріальныхъ; а до этого обилія, какъ выше показано, весьма далеко.

Въ послѣднее время въ заграничныхъ газетахъ стали появляться странныя извѣстія изъ губерній царства польскаго, особенно изъ пограничныхъ съ Пруссіею. По этимъ извѣстіямъ, которыя ничего не указываютъ въ подробности, а только ссылаются на общее положеніе дѣлъ, въ томъ краѣ будто бы стараются создать предлогъ для вступленія туда прусскихъ войскъ, которыя уже сосредоточены къ нашей границѣ. Враждебныя русскимъ интересамъ газеты заходятъ такъ далеко, что приводятъ сказки, будто „русскіе агенты“ дѣй-

Digitized by Google

ствуютъ при этомъ за-одно съ прусскими, стараясь вызвать мятежъ для оправданія прусскаго вмѣшательства, будто крестьянство въ русской Польшѣ приглашено образовать стражу для противодѣйствія революціоннымъ попыткамъ дворянства и т. д. Догадка, что Россія желала бы мятежа въ Польшѣ для того, чтобы позвать Пруссію усмирять этотъ мятежъ—слишкомъ смѣшна. Мы оставили бы безъ вниманія подобныя заподозриванія, такъ какъ ихъ распространяютъ газеты враждебныя; но дѣло ими не ограничивается.

Съ одной стороны, въ тѣхъ прусскихъ газетахъ, которыя нисколько не враждебны Россіи и защищаютъ политику кн. Бисмарка, положеніе дѣлъ въ царствѣ рисуется по возможности въ тревожномъ видѣ, то-есть такъ именно, какъ будто ожидаются день со дня революціонныя попытки. Между тѣмъ, въ царствѣ все тихо и не оказывается ни одного тревожнаго факта. Съ другой стороны, опасенія стали уже проникать и въ нашу печать. „Московскія Вѣдомости“ сообщили о вторженіи въ царство изъ Галиціи польской банды. Но оказалось, что ничего подобнаго не было. Сверхъ того, до насъ самихъ доходятъ слухи съ разныхъ сторонъ, что въ населеніи царства дѣйствительство возникло фантастическое, конечно, убѣжденіе въ попыткахъ прусскихъ агентовъ вызвать какой-нибудь предлогъ для занятія того края германскими войсками; что неизвѣстно откуда, но безпрестанно распространяются разныя тревожныя извѣстія, напримѣръ, будто на такой-то день назначено въ такомъ-то мѣстѣ избіеніе евреевъ и т. д., и что хотя извѣстія эти, одно за другимъ, не оправдываются, но это не мѣшаетъ появленію новыхъ разсказовъ въ томъ же родѣ. Наконецъ, что польское населеніе крайне не желаетъ поступить подъ прусскую власть, и, подозрѣвая цѣль подобныхъ происковъ, больше прежняго притихло и притаилось, стараясь устранить возможность всякаго подобнаго предлога.

Чему же вѣрить? Хотя въ царствѣ польскомъ пока все тихо, но поляки поймутъ насъ, когда мы скажемъ, что въ отношеніяхъ нашихъ къ нимъ полнаго довѣрія теперь еще существовать не можетъ. Мы можемъ желать, мы готовы допустить, что и у нихъ значительное число людей трезвой мысли желаютъ, чтобы такое полное взаимное довѣріе установилось со временемъ. Но вѣдь политическое сужденіе не можетъ принимать желаемое за фактъ. Мы помнимъ, что въ 1862 году всякія приготовленія къ возстанію отрицались съ польской стороны, между тѣмъ, какъ они дѣйствительно производились. Но для насъ совершенно ясно одно, что если бы въ царствѣ произошла теперь революціонная попытка, то это было бы самоубійствомъ польской національности; ея судьба, то-есть судьба уже не политическихъ мечтаній, но такихъ реальныхъ вещей, какъ польскій языкъ

Digitized by Google

и владѣніе поляками самой почвой ихъ родины, была бы окончательно рѣшена въ смыслѣ уничтоженія. Сами польскіе крестьяне, насколько они являются владѣльцами земли, не долго бы остались такими, когда на смѣну ихъ явились бы нѣмецкіе арендаторы.

Для насъ все это совершенно ясно. Но сограждане наши въ царствѣ имѣютъ иной, болѣе живой, способный къ самовоспламененію, темпераментъ. Поэтому съ нашей стороны естественно поставлять имъ по временамъ на видъ жесткую правду, безъ всякой для нихъ обиды и безъ намѣренія обвинять ихъ въ настроеніи, ничѣмъ недоказанномъ. Одному только мы можемъ повѣрить безусловно, именно тому, что они боятся прусскаго нашествія и не желаютъ попасть въ руки нѣмцевъ. Итакъ, если нѣмцевъ они не желаютъ, то имъ остается окончательный выборъ только между двумя силами: реальной силой Россіи, которая можетъ сохранить ихъ національныя особенности и ихъ связь съ родной землею, и—фантастической силой политическихъ призраковъ такого, напримѣръ, рода, что кардиналъ Ледоховскій можетъ сдѣлаться папой римскимъ; эта вторая сила въ сущности представлялась бы для нихъ не чѣмъ инымъ, какъ силой собственнаго воображенія. Въ дѣйствительности выборъ для нихъ — между постепеннымъ пріобрѣтеніемъ удовлетворительнаго положенія для своей національности путемъ искренняго примиренія съ Россіею, хотя бы сперва только какъ съ непріятнымъ, но неизбѣжнымъ фактомъ, а затѣмъ уже, по установленіи взаимнаго довѣрія — какъ съ фактомъ благопріятнымъ; это—съ одной стороны; съ другой—повтореніемъ надъ самой польской національностью бѣдственныхъ результатовъ того союза, который нѣкогда подкопалъ силу польскаго государства.

Пока мы не имѣемъ права предполагать, что населеніе царства намѣрено предпочесть этотъ послѣдній зловредный союзъ, мы должны разсуждать такъ, что оно согласно мирно жить съ нами, и потому при обсужденіи тревожныхъ слуховъ, носящихся въ царствѣ, постараемся только доказать ему, что вмѣшательство Пруссіи въ царствѣ не соотвѣтствовало бы также и интересамъ Россіи.

Такое вмѣшательство можетъ быть понимаемо въ двухъ видахъ: въ видѣ призыва нами прусскихъ войскъ для подавленія вспыхнувшаго въ губерніяхъ царства мятежа, и въ видѣ предварительной мѣры для уступки Пруссіи всего царства или извѣстной его части.

Призывъ прусскихъ войскъ для подавленія мятежа могъ бы оправдаться только въ одномъ случаѣ, а именно, если бы въ томъ краѣ вспыхнуло такое общее возстаніе, съ которымъ русскія войска не могли бы совладать при одновременной войнѣ съ Турціею. Это предполагало бы, что мятежу удалось выставить противъ насъ въ поле

Digitized by Google

болѣе двухъ корпусовъ повстанцовъ, то-есть, втрое или вчетверо болѣе противъ наибольшихъ силъ, какими располагалъ одновременно мятежъ 1863 года. Такой случай, можно кажется утверждать это, положительно-невозможенъ. Если же произошли бы только безсильныя мятежныя попытки или только безпорядки въ томъ или другомъ мѣстѣ, то призыва прусскихъ войскъ на русскую территорію не могло бы быть по той простой причинѣ, что это было бы несогласно какъ съ достоинствомъ Россіи, такъ и съ ея интересами. Даже въ случаѣ дѣйствительной опасности, было бы прискорбно призывать иноземную силу для усмиренія своихъ подданныхъ. Такую услугу мы нѣкогда оказали Австріи. Но Россія, хотя у нея на рукахъ внѣшняя война, все-таки не можетъ находиться въ положеніи Австріи, у которой въ самой столицѣ былъ мятежъ. Россія, однимъ словомъ, не Австрія. Мелкія итальянскія государства могли обращаться за такой же помощью къ Австріи, призывая австрійскія войска для возстановленія у себя порядка. Но Россія—не Парма и не Модена. Тѣмъ менѣе согласно было бы съ нашимъ достоинствомъ звать пруссаковъ на свою территорію въ случаѣ простыхъ безпорядковъ.

Это — вопросъ народнаго достоинства. А вотъ вопросъ государственныхъ интересовъ. Пруссія оказала бы намъ подобную помощь, разумѣется, не даромъ; мы должны были бы заплатить за нее такъ или иначе, и по всей вѣроятности не дешево. Между тѣмъ за простую полицейскую помощь сдѣлать Пруссіи такую уступку, которая измѣнила бы карту Европы, нѣтъ никакого разсчета.

Другое дѣло, конечно, если мы готовы отдать царство или часть его — Пруссіи. Тогда удобно допустить вступленіе туда прусскихъ войскъ подъ любымъ предлогомъ, такъ чтобы, при заключеніи мира по восточнымъ дѣламъ, можно было бы включить въ европейское соглашеніе освященіе временнаго status quo въ Польшѣ, то-есть, уступку прусскому королевству всей территоріи, занятой его войсками. Намъ не хотѣлось бы, чтобъ поляки приписали намъ намѣреніе запугивать ихъ, но мы должны познакомить ихъ съ фактомъ, что въ Россіи нашлись бы люди, которые были бы даже скорѣе довольны, чѣмъ недовольны такою сдѣлкой. Эти люди разсуждали бы такъ: изъ всѣхъ славянъ одни поляки враждебны и Россіи и славянству; пусть же ихъ поѣдаютъ нѣмцы, а мы будемъ имѣть дѣло только съ тѣми славянами, которые ищутъ нашего союза.

Но обмѣнъ земель представляетъ вообще политику рискованную, такъ сказать авантюристскую. Уступая Пруссіи тотъ стратегическій уголъ, которымъ мы почти столѣтіе врѣзывались въ западную Европу, мы знали бы лишь то, что уступаемое нами мы уступаемъ навсегда, безъ всякой надежды на возвращеніе, но не знали бы, прочно ли мо-

Digitized by Google

жетъ быть наше владѣніе тѣмъ, что мы получили бы взамѣнъ. Мы прямо поставили слово „обмѣнъ", такъ какъ и для Россіи и для запада Европы было бы совершенно ясно, что вступленіе пруссаковъ въ русскую Польшу, въ смыслѣ пролога къ уступкѣ ея имъ, означало бы, что Пруссія гарантируетъ намъ свое содѣйствіе къ важнымъ пріобрѣтеніямъ для насъ на югѣ. Уступка царства означала бы, что вся Болгарія, но меньшей мѣрѣ, должна остаться нашею.

Но вотъ такую-то политику и нельзя было бы не назвать авантюристской. Мы пріобрѣтали бы новыя провинціи, которыя, быть можетъ, вовсе не хотятъ принадлежать намъ, вдобавокъ такія провинціи, съ которыми мы имѣли бы сообщеніе только по узенькой приморской полосѣ, какую могла бы уступить намъ Румынія, съ дозволенія Германіи. Эти новыя области мы держали бы такимъ образомъ на ниточкѣ, а между тѣмъ, уступивъ царство, мы далеко позади ихъ крайне ослабили бы свой правый флангъ, обращенный къ западной Европѣ. Конечно, отношенія наши съ Германіею дружественны въ настоящее время, но великіе вопросы рѣшаются не по столь временнымъ соображеніемъ. Если же со временемъ Германія стала бы равнодушна или враждебна намъ, то наше международное положеніе обратилось бы въ нѣчто весьма похожее на нынѣшнее наше стратегическое положеніе въ Турціи: передовая наша позиція на югѣ, какъ новая Шипка, была бы связана тонкой ниткой съ нашей базой, а между тѣмъ на правомъ флангѣ мы имѣли бы настоящее Плевно— царство польское въ рукахъ Пруссіи.

При такомъ условіи, спрашивалось бы: могло ли бы быть прочно и самое наше владѣніе Болгаріей. Во всякомъ случаѣ, владѣя царствомъ, Пруссія сдѣлалась бы окончательно рѣшительницей судебъ Австріи, и овладѣніе Богеміей было бы для Пруссіи только вопросомъ времени. Россію же она совершенно отрѣзывала бы отъ запада Европы. На желѣзныхъ дорогахъ въ царствѣ она понизила бы тарифы, съ тѣмъ чтобы отвлечь къ своимъ балтійскимъ портамъ всю нашу отпускную торговлю. Сверхъ того, для полнаго торговаго закабаленія Россіи ей, при владѣніи царствомъ, понадобилась бы со временемъ и береговая полоса съ Либавой и Ригой. *Теперь* она дѣйствительно не нужна Пруссіи, но тогда это былъ бы уже иной вопросъ, вопросъ, который могъ бы естественно стать затѣмъ на очередь.

Въ результатѣ для насъ могли бы быть: пріобрѣтеніе на югѣ непрочное въ виду вражды Запада; отрѣзанность отъ Европы и потеря нашего вліянія въ центрѣ ея; наконецъ—окончательное наше поступленіе въ торговую эксплуатацію Пруссіи и возможность требованія дальнѣйшихъ территоріальныхъ уступокъ съ ея стороны.

Digitized by Google

Невыгоды эти столь очевидны, что русская политика не можетъ идти имъ навстрѣчу, не можетъ, подъ вліяніемъ временнаго факта, отдать на волю приключеній всю ближайшую будущность. Вотъ почему мы твердо убѣждены, что ни все царство, ни какая либо часть его Пруссіи уступлены быть не могутъ и уступлены не будутъ.

Намъ кажется, что распространяемые изъ Пруссіи слухи о предстоящихъ будто бы въ царствѣ безпорядкахъ могутъ быть объяснены гораздо проще. Пододвинувъ къ нашимъ границамъ три дивизіи своихъ войскъ, показывая видъ, что тамъ намъ угрожаетъ опасность, наконецъ, допуская возможность какого-либо дѣйствительнаго переполоха тамъ, прусское правительство можетъ стараться показать, что оно оказываетъ намъ большую услугу еще, сверхъ той, дѣйствительной услуги, какую намъ оказало личное доброе расположеніе императора Вильгельма въ нѣкоторомъ давленіи на Австрію. Чѣмъ больше услугъ, тѣмъ больше должна быть признательность, и прусскіе политическіе люди могутъ черезъ годъ сказать, что Германія окончательно уплатила Россіи свой долгъ благодарности.

Мы съ удовольствіемъ прочли въ одной корреспонденціи „Сѣвернаго Вѣстника“ изъ сувалкской губерніи такія извѣстія о нынѣшнемъ настроеніи въ томъ краѣ, которыя подтверждаютъ возможность указаннаго нами въ сентябрьскомъ обозрѣніи окончательнаго рѣшенія польскаго вопроса въ смыслѣ постепеннаго примиренія поляковъ съ Россіею, съ постепенной же отмѣной собственно тѣхъ мѣръ, которыя поставили ихъ въ исключительное положеніе. Корреспондентъ пишетъ, что „отношенія польскаго крестьянства къ намъ неврадебны“; „аристократія съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе утрачиваетъ свое значеніе и уменьшается въ числѣ“; въ среднемъ же классѣ „замѣчается нѣкоторый поворотъ въ пользу русскихъ стремленій и симпатій“. „Нельзя сказать,—продолжаетъ корреспондентъ,—чтобы этотъ поворотъ во мнѣніи поляковъ сопровождался какими-нибудь рѣзкими и выдающимися фактами; они симпатизируютъ цѣлямъ войны, дѣлаютъ пожертвованія, но все это совершается сдержанно, безъ особеннаго шума, безъ громкаго заявленія своихъ чувствъ. Ничего иного пока ни ожидать, ни требовать нельзя. Польское общество многое пережило и испытало со времени возстанья 1863 г.; съ тѣхъ поръ поляки, какъ они это и сами утверждаютъ, во многомъ должны были разочароваться. Такъ или иначе имъ приходится идти рука объ руку съ Россіей, а какъ скоро фактъ этотъ сознанъ, то возникаютъ и иныя отношенія къ дѣйствительности, являются иные симпатіи и иныя надежды“. Далѣе корреспондентъ указываетъ на ту связь, какую создаютъ между среднимъ польскимъ обществомъ и об-

Digitized by Google

ществомъ русскимъ имена офицеровъ польскаго происхожденія, убитыхъ и раненыхъ въ войнѣ за славянское дѣло —утверждаетъ, что, „несмотря на агитацію, какая ведется среди галиційскихъ поляковъ, въ губерніяхъ царства господствуетъ полное спокойствіе, и здѣшніе поляки смотрятъ на галиційскія событія только съ точки зрѣнія весьма естественнаго любопытства"... „Такой образъ дѣйствій поляковъ,—говорится далѣе,—возбуждаетъ среди ихъ нѣкоторыя надежды. Они полагаютъ, что послѣ войны, въ окончательный благопріятный исходъ которой они вполнѣ вѣрятъ, русское общество оцѣнитъ ихъ образъ дѣйствій въ пережитыя критическія минуты и съ своей стороны сдѣлаетъ нѣкоторый шагъ къ общенію съ ними. Въ какой мѣрѣ сбудутся подобныя ожиданія—сказать трудно, но нѣкоторыя попытки въ этомъ родѣ были бы встрѣчены польскимъ обществомъ съ полнымъ сочувствіемъ".

Съ своей стороны мы можемъ только выразить искреннее желаніе, чтобы настроеніе большинства всего польскаго общества соотвѣтствовало этимъ извѣстіямъ корреспондента изъ сувалкской губерніи.

Digitized by Google

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 октября, 1877.

Ирландская политика и голодъ въ Индіи.

Мнѣ кажется, что при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ откровенность и прямота всего ближе приведутъ къ цѣли. Среди переживаемаго кризиса для заинтересованныхъ сторонъ не безъинтересно узнать мнѣніе толпы: недомолвки и искаженіе истины могутъ только ухудшить дѣло, поддерживая самыя пагубныя иллюзіи. Это особенно вѣрно относительно Англіи, и, несмотря на всю затруднительность моей задачи, я долженъ продолжать отдавать отчетъ, по возможности самый вѣрный, въ колебаніяхъ общественнаго мнѣнія касательно ожесточенной борьбы, завязавшейся на крайнемъ востокѣ. Къ тому же, я высказываю здѣсь не свои личные взгляды: не слѣдуетъ забывать, что это фотографія, а не оригинальный рисунокъ.

Итакъ, въ настоящую минуту, дѣлая всевозможныя оговорки относительно будущаго, у всѣхъ здѣсь отлегло отъ сердца. Большинство націи освободилось отъ удручающаго чувства, и всѣ тѣ, кого давилъ кошмаръ средней Азіи и Индіи, разстались съ своими страхами, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Я не стану повторять общихъ мѣстъ, которыя въ ходу теперь: за этими банальностями нѣтъ даже той заслуги, чтобы онѣ передавали вѣрно дѣйствительность. Совершенно вѣрно, что пораженіе и несчастіе изолируютъ людей; но въ громадномъ большинствѣ случаевъ это совершенно справедливо. Если знаменитый афоризмъ: „сила законъ преступаетъ“—чудовищенъ, то тѣмъ не менѣе справедливо, что законъ не можетъ восторжествовать безъ силы.

Въ этомъ заключается одна изъ самыхъ роковыхъ задачъ политической науки, на которую настоящія событія бросаютъ неожиданный свѣтъ. Право націи на существованіе бываетъ двоякаго рода: оно заключается или въ ея нравственной и умственной силѣ, благодаря которой она можетъ выполнять свою роль въ концертѣ сосѣднихъ народовъ, или въ ея матеріальной силѣ, позволяющей ей отражать всякое вооруженное нападеніе. Нравственная сторона, конечно, не играла никакой роли въ Турціи, но, съ другой стороны, общее мнѣніе было таково, что и военное могущество ея ослабѣваетъ не по днямъ, а по часамъ. Такому заблужденію особенно спо-

Digitized by Google

собствовало безконечное и чуть не побѣдоносное возстаніе Герцеговины и Босніи. При этихъ условіяхъ Европа считала себя въ правѣ вмѣшаться въ дѣла народа, который своей неспособностью или своей слабостью могъ скомпрометтировать интересы сосѣднихъ націй.

И Россія, въ сущности, взяла лишь на себя трудъ провести до конца результаты этой политики, предпринятой съ общаго согласія.

Безъ сомнѣнія, дворцовый переворотъ, низвергнувшій Абдулъ-Азиса, энергія Мидхата-паши и въ особенности сербская война должны были бы раскрыть всѣмъ глаза. На всѣ эти событія мы указывали годъ тому назадъ на столбцахъ этого журнала [1]) и говорили по поводу покушенія Гассана, что не слѣдъ пренебрегать необходимыми предосторожностями относительно страны, гдѣ еще попадаются такіе фанатическіе люди.

Какъ бы то ни было, а начало войны оправдало воззрѣнія нашихъ оптимистовъ. Даже послѣ перваго серьёзнаго дѣла подъ Плевной и въ тотъ моментъ, какъ ожидали рѣшительныхъ извѣстій объ ожесточенныхъ аттакахъ сентября мѣсяца, „Times“ свидѣтельствовалъ еще, что Германія, Австрія, Франція—всѣ симпатіи военной и дипломатической Европы на сторонѣ Россіи.

Но нѣсколько дней спустя декораціи перемѣнились, и та же газета, сравнивая неудачи русскихъ съ пораженіями, понесенными французской арміей въ 1870 г., и отдавая справедливость блистательной храбрости русскихъ солдатъ и безграничному самоотверженію русскихъ офицеровъ, замѣчала: „но одного самоотверженія и храбрости недостаточно въ настоящее время для того, чтобы одерживать побѣды. Войну необходимо отнынѣ вести съ такой же предусмотрительностью, какая нужна и для хорошаго управленія дѣлами великихъ державъ“. И вслѣдъ за нѣкоторыми разсужденіями о франко-нѣмецкой войнѣ и параллелью, проведенной между ней и настоящими событіями, газета прибавляла: „настоящее положеніе дѣлъ будетъ по крайней мѣрѣ имѣть то преимущество, что разсѣетъ кое-какія несчастныя иллюзіи. Отнынѣ англичане будутъ менѣе озабочены возможностью наступательнаго движенія на нашу остъ-индскую имперію со стороны Россіи“.

Эта послѣдняя черта характеризуетъ положеніе дѣлъ и резюмируетъ общее настроеніе въ томъ, что́ касается Англіи: всѣ потираютъ себѣ руки въ ожиданіи лучшаго — вотъ фактъ. То же самое можно сказать и про лорда Биконсфильда, который, противно своему обыкновенію, не нашелъ нужнымъ угостить насъ во время послѣднихъ каникулъ одной изъ тѣхъ громоносныхъ рѣчей, которыя онъ одинъ

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, сентябрь, 1876 (корресп. изъ Лонд.).

Digitized by Google

умѣетъ говорить. И такъ какъ въ этого рода дѣлахъ всегда найдутся въ данную минуту „ослы, лягающіе льва", то иные бывшіе руссофилы не поцеремонились теперь смѣшать съ грязью страну, которую передъ тѣмъ превозносили до небесъ.

Я не говорю этого про Гладстона, который держалъ себя еще строже и настойчивѣе, по мѣрѣ того какъ пустыня воцарялась вокругъ него. Удалившись въ свой замокъ Гоуарденъ, онъ дѣлитъ свое время между полевыми работами и политическими и литературными дѣлами. На-дняхъ одна депутація застала его въ паркѣ, безъ сюртука, за рубкой деревъ. *O, fortunatos nimium.....* Въ то же самое время „Contemporary Review" печатала статью литературнаго содержанія, написанную имъ.

Отчизна Гомера послужила поводомъ къ довольно странному и забавному событію, нарушившему на минуту миръ уединенія Гладстона. Вдругъ, въ концѣ сентября, разнесся слухъ, что бывшій глава кабинета написалъ письмо одному греческому негоціанту, приглашая соотечественниковъ послѣдняго возстать на общаго врага и присоединиться къ славянамъ въ борьбѣ противъ турокъ. Въ печати поднялся гвалтъ, потому что, несмотря на то, что Гладстонъ въ отставкѣ, но простыя приличія не допускаютъ подобнаго вмѣшательства со стороны такого выдающагося государственнаго человѣка, какъ онъ. Одинъ юмористическій журналъ напечаталъ даже карикатуру, гдѣ экс-министръ, въ шляпѣ разбойничьяго фасона и плащѣ заговорщика, изъ-подъ котораго виднѣется кинжалъ, предлагаетъ послѣдній юному греку, приглашая его вонзить оружіе въ спину турка, занятаго дракой съ своимъ главнымъ врагомъ.

Дѣло дошло до того, что Гладстонъ нашелъ нужнымъ опровергнуть обвиненіе, и послалъ въ „Times" и въ „Daily-Telegraph" заподозрѣнную корреспонденцію. Это опять оказалось повтореніемъ „much ado about nothing" (много шума изъ ничего). Оказалось, что письмо, посланное Негропонтису въ Константинополь, помѣчено 9 января и, слѣдовательно, написано до объявленія войны, и относится къ эпохѣ, когда, напротивъ того, надежда на соглашеніе еще не была окончательно утрачена. Затѣмъ вопросъ шелъ просто лишь о заявленіи симпатіи, какъ это явствуетъ изъ слѣдующей фразы, которую я привожу буквально. Высказавъ мнѣніе, что восточный вопросъ отнюдь не есть борьба между христіанствомъ и исламомъ, но борьба между христіанами и правителями-турками, авторъ продолжаетъ такъ (письмо написано по-французски): *Je n'en connais pas de causes diverses; pour moi, la cause en est une seule et je ne peux pas louer ni Grecs qui refusent leur concours moral aux Slavs, ni Slavs qui le refusent aux Grecs* (*sic*).

Digitized by Google

Можетъ ли быть что-либо невиннѣе этого, и ужъ, конечно, обиженнымъ здѣсь является одинъ только французскій языкъ. „Times" находитъ, что французскій языкъ Гладстона не классиченъ—онъ еще очень снисходителенъ.

Негропонтисъ тоже не преминулъ написать въ „Times", протестуя противъ шпіонства или, вѣрнѣе сказать, противъ злоупотребленія довѣрія, котораго онъ сталъ жертвой. И всего диковиннѣе во всемъ этомъ дѣлѣ то, что онъ разсказываетъ, какъ онъ показалъ письмо двумъ джентльменамъ (на одного изъ нихъ и пало его подозрѣніе), вслѣдствіе того, что „недостаточно хорошо знаетъ *англійскій языкъ*". Да, однако! его знаніе англійскаго языка ужъ очень недостаточно, надо сознаться, хотя французскій языкъ письма и можетъ служить облегчающимъ обстоятельствомъ: добрякъ принялъ его за англійскій языкъ!

Вѣроятно за тѣмъ, чтобы воскресить свое обаяніе, сильно пошатнувшееся, великій „leader" либеральной партіи предпринимаетъ путешествіе въ Ирландію. Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ возвѣщено объ этой поѣздкѣ, но состояніе смуты, въ какомъ пребываетъ отечество О'Коннеля, допускаетъ лишь самыя неопредѣленныя предположенія на счетъ успѣха или неуспѣха, ожидающаго Гладстона въ его поѣздкѣ.

Національнизмъ Ирландіи вступаетъ въ новый фазисъ своего существованія. Послѣ агитаціи въ пользу отмѣны уніи, послѣ феніанства, новое воплощеніе сепаратистскаго движенія проявилось въ 1870 г., подъ названіемъ агитаціи за Home Rule (мѣстное самоуправленіе) [1]).

Приверженцы ирландскаго самоуправленія, во главѣ которыхъ стоитъ м-ръ Буттъ, талантливый юристъ и адвокатъ, отдѣлились отъ предшествовавшихъ имъ агитаторовъ, объявляя, что желаютъ достичь своей цѣли не путемъ численнаго превосходства и насилія, но единственно лишь силой разума и логикой событій. Они заявляютъ о правѣ народа на самоуправленіе и требуютъ національнаго парламента, сохраняя за ирландскими депутатами ихъ мѣсто въ императорскомъ парламентѣ и ихъ участіе въ общемъ управленіи британской имперіей. Это то, что́ называется „Federal arrangement", и, какъ видите, онъ придуманъ не худо, съ точки зрѣнія исключительныхъ интересовъ Зеленаго острова. Множество протестантовъ, недовольныхъ отдѣленіемъ ирландской церкви отъ государства и новымъ аграрнымъ закономъ, присоединились къ движенію, и, съ другой стороны, ему оказываютъ дѣятельное содѣйствіе католическіе священники, не примыкавшіе къ фенiямъ.

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", февраль, 1874 г., корресп. изъ Лондона.

Digitized by Google

Что касается результата, то онъ весьма простъ: послѣ семилѣтняго существованія лига ирландскаго самоуправленія ни къ чему ровно не привела. Въ виду этого результата, вѣроятно нѣкоторые изъ ея членовъ, засѣдающіе депутатами въ палатѣ общинъ, придумали новую систему, довольно оригинальную, особливо въ ея примѣненіи. Она уже прославилась въ мірѣ подъ именемъ „obstruction", а почтенные члены, въ числѣ семи человѣкъ, отнынѣ извѣстны подъ названіемъ „obstructives". Система заключается въ задержкѣ хода дѣлъ въ парламентѣ посредствомъ недобросовѣстнаго примѣненія безчисленныхъ средствъ, предоставляемыхъ регламентомъ каждому изъ членовъ для огражденія его личныхъ правъ. Я не стану входить въ подробности—столь же хлопотливыя, сколько и скучныя: понятно, каковъ будетъ результатъ „obstruction" какого-нибудь депутата, вносящаго безконечную серію поправокъ, предложеній и пр., въ особенности если принять во вниманіе, что палата обязана прибѣгать къ голосованію по требованію одного кого-нибудь изъ своихъ членовъ.

Весь послѣдній мѣсяцъ сессіи былъ взбаломученъ этой диковинной тактикой, и былъ одинъ моментъ, когда казалось, что она увѣнчается успѣхомъ. Но остальные 600 членовъ палаты сказали себѣ, что стоитъ только противъ семерыхъ упрямцевъ направить ихъ собственное оружіе, чтобы побѣдить ихъ, и рѣшились дать рѣшительное сраженіе. Оно длилось два дня; открытое во вторникъ 31 іюля въ 4 часа пополудни, засѣданіе палаты общинъ продолжалось безъ перерыва до среды вечера, то-есть слишкомъ цѣлые сутки. Къ голосованію прибѣгали 21 разъ. „Въ теченіи долгихъ вѣковъ существованія палаты общинъ ничего подобнаго не видано,—горестно восклицала одна газета.—Эта палата съ ея доблестными традиціями, великолѣпными побѣдами, ея многочисленными и несравненными законоположеніями была выдрана за уши въ 1877 г. полудюжиной неопытныхъ ирландцевъ".

И въ самомъ дѣлѣ, это обстоятельство гораздо важнѣе, нежели кажется на первый взглядъ. Безъ сомнѣнія, наперекоръ формальностямъ и всякимъ препонамъ, палата имѣетъ право отдѣлаться отъ члена, который преднамѣренно задерживаетъ теченіе общественныхъ дѣлъ. Она можетъ отрѣшить его отъ занятій, въ случаѣ нужды исключить. Но округъ, къ которому онъ принадлежитъ, не можетъ оставаться безъ представителя. Необходимы выборы: предположите, что изгнанный депутатъ будетъ снова избранъ или же вмѣсто него другой кандидатъ такого же направленія. Палата опять исключитъ его: но вѣдь эта исторія можетъ продлиться до скончанія вѣка. А въ случаѣ, если такая исторія повторится во многихъ ирландскихъ округахъ, то не будетъ ли это служить очевиднымъ доказательствомъ, что соглашеніе между двумя націями невозможно, и, идя послѣдовательно

Digitized by Google

въ своихъ заключеніяхъ, не дойдемъ ли мы до сознанія необходимости ирландскаго парламента для Ирландіи?

Вотъ какимъ образомъ, подъ видомъ злой шутки, „obstructives" съумѣли поставить правительство въ серьёзное затрудненіе. Ихъ осыпали оваціями въ Ирландіи, и м-ръ Буттъ, глава Home-rulers, сначала было энергически возставшій противъ нихъ, вынужденъ былъ смягчиться подъ давленіемъ ирландскаго общественнаго мнѣнія. Совсѣмъ тѣмъ на послѣдней конференціи приверженцевъ ирландскаго самоуправленія, въ Дублинѣ, собиравшейся 11 октября, вліятельные члены лиги—которая всегда стояла за умѣренный образъ дѣйствія—порицали политику „obstructives", и одинъ изъ числа послѣднихъ, м-ръ Парнель, повидимому, присталъ къ большинству. Но самые ярые изъ маленькой шайки, гг. Биггаръ и О'Доннель, отказались присутствовать на митингѣ, доказавъ такимъ образомъ свое рѣшительное намѣреніе упорствовать въ принятомъ ими образѣ дѣйствія. Всего яснѣе въ этомъ дѣлѣ то, что раздоръ снова поселился въ лагерѣ націоналистовъ.

Рѣшительно Ирландіи не везетъ на томъ пути, который она считаетъ путемъ къ своему освобожденію. Оффиціальный документъ, обнародованный въ прошломъ году, позволяетъ съ точностью оцѣнить факты: я говорю объ отчетѣ комиссаровъ по поводу переписи, совершённой въ Ирландіи въ 1871 г. Населеніе острова, достигавшее въ 1821 году всего лишь 6.800,000, въ 1849 году дошло до восьми съ половиною милліоновъ. И вотъ въ эту-то эпоху, по случаю великаго голода, началось обезлюденіе Ирландіи, благодаря главнымъ образомъ переселенію. Въ 1851 г. въ Ирландіи оставалось всего 6.500,000 жителей; въ 1871 г. цифра населенія понизилась до 5.400,000. Но въ послѣдніе годы переселеніе какъ будто нѣсколько ослабѣло [1]).

Но важное измѣненіе водворилось въ отношеніяхъ между элементами кельтическимъ и англійскимъ. Между тѣмъ какъ въ 1672 г. одна только треть жителей состояла изъ англичанъ и шотландцевъ, въ настоящее время число послѣднихъ возросло до половины: это явствуетъ по крайней мѣрѣ изъ отчета комиссаровъ, вопреки ихъ очевидному пристрастію и ихъ ирландскимъ и католическимъ тенденціямъ. Въ отношеніи языка факты еще краснорѣчивѣе: въ 1831 г. только 1.500,000 человѣкъ говорили по-англійски и по-ирландски; 300,000 человѣкъ говорили только на послѣднемъ языкѣ. Въ 1871 г. оставалось только 800,000 человѣкъ, которые говорятъ и по-англійски и по-ирландски, и только 100,000 говорятъ исключительно по-ир-

[1]) General report of the Census taken in Ireland in 1871. London. 1876.

Digitized by Google

ландски. А это доказываетъ, что эта сѣверная отрасль кельтическихъ языковъ угасаетъ съ изумительной быстротой.

Выводъ отсюда слѣдующій: ирландская національность рѣшительно на пути къ тому, чтобы слиться въ одно цѣлое съ британской, и это, какъ я уже говорилъ, къ великому благу обѣихъ сторонъ. У Ирландіи не существуетъ больше тѣхъ причинъ къ неудовольствію, какія у ней были въ 1810 г., когда несправедливость и угнетеніе были всеобщими и распространялись на всѣ отрасли англійскаго управленія. Величайшимъ препятствіемъ все еще служитъ религія, самая ретроградная изъ всѣхъ. Это ядро, прикованное къ ногамъ ирландскихъ кельтовъ, и всѣ ихъ попытки къ созданію призрачной независимости разбиваются объ это препятствіе. Если бы попытки ихъ увѣнчались успѣхомъ, то это было бы величайшимъ для нихъ несчастіемъ, потому что они снова подпали бы подъ власть католическаго духовенства. Если бы въ Англіи учреждена была республика, то Ирландія все-таки бы не удовлетворилась. Въ сущности то, чего ей нужно, чего она желаетъ—это короля, но только короля для себя одной, короля стариннаго рода изъ „Мак'овъ или О', и быть можетъ, она съ тревогой ожидаетъ минуты, когда маршалъ Макъ-Магонъ будетъ отставленъ.

А пока Англіи приходится считаться съ затрудненіями, гораздо болѣе серьёзными, которыя возникаютъ въ самой отдаленной и въ самой важной изъ ея провинцій: я говорю про голодъ, свирѣпствующій въ настоящую минуту въ одной части ость-индской имперіи. Это третій голодъ въ послѣднія десять лѣтъ, и періодичность этого явленія становится тревожной.

Какая причина этого бича и чему приписать частое повтореніе этого бѣдствія? На первый взглядъ кажется, что оно водворилось впервые вмѣстѣ съ англійскимъ завоеваніемъ. Но это заключеніе ошибочное и происходитъ отъ неполнаго знанія исторіи Индіи предыдущихъ вѣковъ. Съ другой стороны, историки часто упоминаютъ о великихъ народныхъ бѣдствіяхъ, причемъ вѣроятно подразумѣвается голодъ. Убійственный бичъ этотъ опустошалъ Индію въ 1630 г., о чемъ говорится у нѣсколькихъ писателей.

Но только въ 1770 г. агенты ость-индской компаніи, только-что утвердившейся въ завоеванной ими Бенгаліи, могли всесторонне изучить этотъ вопросъ. Но странное дѣло! — подробности этого голода сообщены публикѣ всего какихъ-нибудь лѣтъ десять тому назадъ однимъ гражданскимъ чиновникомъ ость-индскимъ, м-ромъ Гунтеромъ [1]).

Извѣстно, что рисъ составляетъ главную пищу индусовъ,—не един-

[1]) „Annals of rural Bengal". London. Smith and C°. 1868.

Digitized by Google

ственную, само собой разумѣется, но онъ для нихъ то, что̀ картофель для ирландцевъ. Сборъ жатвы бываетъ два раза въ годъ: одинъ осенью, а другой, болѣе важный, зимою, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Жатва же созрѣваетъ лишь благодаря періодическимъ и необходимымъ дождямъ. Если наступаетъ засуха, то урожай не удается. Результатъ этого ужасенъ. „Въ теченіи цѣлаго лѣта люди умирали. Земледѣльцы продали свой скотъ, затѣмъ свои земледѣльческія орудія. Они продавали своихъ сыновей и дочерей до тѣхъ поръ, пока находили покупщиковъ. Они питались листьями съ деревъ и полевой травою; а въ іюнѣ 1770 г. резидентъ утверждалъ, что остававшіеся въ живыхъ питались трупами. День и ночь эти несчастные, худые и голодные толпами являлись въ большіе города. Улицы были завалены грудами мертвецовъ и умирающихъ. Ихъ не успѣвали хоронить: даже собаки и шакалы—эти общественные чистильщики Востока,—не могли совершать свою отвратительную обязанность, и масса гніющихъ и разлагающихся труповъ скоро стала грозить опасностью для жизни гражданъ“ [1]).

Треть жителей погибла: въ девять мѣсяцевъ *десять милліоновъ* человѣческихъ существъ исчезло съ лица земли въ этомъ уголкѣ вселенной! Двадцать лѣтъ спустя страна снова была опустошена, и бо́льшая часть земли, которая прежде воздѣлывалась, превратилась въ пустырь, обитаемый тиграми и слонами.

Два другихъ голода посѣтили сѣверо-западныя провинціи Бенгаліи въ 1837 и 1851 г. Результатъ былъ также ужасенъ, но все же не могъ сравниться съ тѣми ужасами, какіе происходили въ 1770 г. Повтореніе этихъ ужасовъ произошло въ 1866 году, въ провинціи Орисса. Въ эту эпоху, столь близкую отъ насъ и подъ отвѣтственностью англійскаго правительства, полтора милліона туземцевъ умерло съ голоду въ этомъ уголкѣ Бенгаліи.

На этотъ разъ однако общественное вниманіе было возбуждено, и когда въ 1874 г. бичъ снова появился въ Бенгаліи, администрація могла съ бо́льшимъ успѣхомъ бороться съ нимъ. Много несчастныхъ погибло; но все же четыре милліона изъ нихъ прокармливались правительствомъ въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ. Эта цифра даетъ понять, что̀ бы случилось, если бы помощь не подоспѣла во́-время.

Съ другой стороны, такое быстрое возобновленіе бѣдствія вызывало на размышленіе. Слѣдовало серьёзно позаботиться о томъ, чтобы пресѣчь возможность его повторенія. Линіи желѣзныхъ дорогъ умножились, и въ то же самое время введенъ въ обширныхъ размѣрахъ дренажъ и ирригація. Все это стараніями правительства. Не слѣ-

[1]) Hunter, l. c. p. 26.

Digitized by Google

дуетъ забывать, что индусъ не владѣетъ землей. При общинной системѣ владѣнія онъ въ сущности не что иное, какъ арендаторъ у правительства, которому предоставляетъ половину, въ нѣкоторыхъ же провинціяхъ—двѣ трети своего дохода! Изъ этого проистекаетъ то, что индусы мало склонны вводить земледѣльческія усовершенствованія. Чтобы добиться этого, слѣдовало бы, какъ это и совѣтовали, предоставить имъ землю въ постоянное владѣніе.

Но подобно тому, какъ „Парижъ выстроился не въ одинъ день", такъ недостаточно нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы покрыть Индію ирригаціонными и желѣзно-дорожными сѣтями. Мало того: кажется, что усилія правительства не были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ; лордъ Сольсбэри въ рѣчи, произнесенной имъ въ Манчестерѣ въ 1875 г., засвидѣтельствовалъ этотъ фактъ съ похвальной откровенностью. „Ни въ одномъ изъ тѣхъ случаевъ, когда мы сами предпринимали работы по ирригаціи,—говоритъ онъ,—намъ не удавалось покрыть издержки. Въ настоящее время ирригаціонная компанія въ Мадрасѣ не выручаетъ своихъ издержекъ, и дѣла компаніи въ Ориссѣ идутъ не лучше. Успѣшностью работъ по каналу Джумры мы обязаны частію усиліямъ правительствъ, предшествовавшихъ англійской администраціи".

Какъ бы то ни было, а уже въ концѣ прошлаго года жатва не удалась въ провинціяхъ Мадрасѣ и Бомбеѣ, и голодъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ свирѣпствовалъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, когда получено было извѣстіе, въ концѣ іюля, что это бѣдственное положеніе распространяется на всю южную Индію. Немного спустя пришли худыя вѣсти изъ западныхъ и центральныхъ провинцій. Между тѣмъ, когда припомнишь, что въ эту эпоху администрація уже кормила въ Мадрасѣ слишкомъ 800,000 голодающихъ, то поймешь, какой ужасъ охватываетъ каждаго честнаго англичанина. И замѣтьте, что не только рисъ, но и овощи и вообще всѣ питательныя произведенія почвы погибли, что холера и другія болѣзни усложняютъ положеніе дѣлъ, что, наконецъ, благодаря засухѣ, рабочій скотъ падаетъ тысячами, и такимъ образомъ увеличиваетъ затруднительность перевозки. И если припомнимъ, что въ продолженіи одного столѣтія вотъ уже двѣнадцатый разъ, что голодъ свирѣпствуетъ въ несчастной ость-индской имперіи, то согласимся съ м-ромъ Фоусетомъ, что тутъ возникаетъ для Англіи новый „восточный вопросъ", нисколько не уступающій въ интересѣ и въ серьёзности тому первому.

Слѣдуетъ посмотрѣть истинѣ прямо въ глаза: дѣло идетъ уже не о случайномъ явленіи, какимъ былъ ирландскій голодъ тридцать лѣтъ тому назадъ, но о періодическомъ бѣдствіи, бывшемъ до сихъ поръ неотвратимымъ. Дѣло дошло до того, что уже предлагали вне-

Digitized by Google

сти въ англійскій бюджетъ опредѣленную и ежегодную сумму для облегченія этой бѣды. Но какъ справедливо замѣтилъ на-дняхъ м-ръ Фоусетъ въ рѣчи, произнесенной въ Сольсбэри, тутъ мы попадаемъ на камень преткновенія. Ужъ, конечно, нельзя заподозрить въ недоброжелательствѣ этого радикальнаго члена, который, повидимому, сдѣлался въ парламентѣ эхомъ жалобъ и страданій индусовъ: онъ боится, что это ежегодное пожертвованіе не достигнетъ своей цѣли. Къ тому же послѣднее слово о причинахъ періодически возвращающагося голода еще не сказано, хотя кажется, что истребленіе лѣсовъ, нарушая правильность распредѣленія водъ и періодичность дождей, играетъ въ этомъ самую важную роль. Совсѣмъ тѣмъ въ прежнія времена засухи также перепадали, однако голодъ, если и не былъ незнакомъ, за то появлялся гораздо рѣже. Ничего не можетъ быть поучительнѣе въ этомъ отношеніи сочиненія, изданнаго въ 1873 г. остъ-индскимъ министерствомъ, и въ которомъ читаемъ слѣдующее: „Мультанскій округъ между Сотлеемъ и Чинахомъ, гдѣ дождей почти никогда не бываетъ, превращенъ въ одинъ сплошной цвѣтущій садъ, осѣненный пальмами, покрытыми финиками. Когда потребность въ водѣ всего ощутительнѣе, начиная отъ апрѣля и до октября мѣсяца, когда небо бываетъ точно изъ мѣди, а земля какъ-бы изъ желѣза, ирригаціонные каналы дѣлаютъ свое дѣло и позволяютъ созрѣвать обильной жатвѣ".

Эти работы по ирригаціи были совершены туземцами въ отдаленную эпоху, и выше я привелъ слова статсъ-секретаря по остъ-индскимъ дѣламъ, свидѣтельствующія о неуспѣшности и недостаточности современныхъ работъ. Это поучительно для Англіи и интересно для всего міра. Завоеванія и открытія новѣйшей науки и промышленности—въ особенности желѣзныя дороги и телеграфъ—заставляютъ насъ съ пренебреженіемъ относиться къ трудамъ, выполненнымъ въ предшествовавшихъ вѣкахъ. А между тѣмъ христіанская Европа еще не додумалась до такой совершенной конституціи, какая существовала въ Аѳинахъ при Периклѣ, и еще не научилась строить такъ прочно, какъ строили римляне, и вотъ наконецъ Англія, со всѣми своими инженерами, со всѣми своими машинами и паромъ, терпитъ неудачу тамъ, гдѣ усилія современниковъ Акборо и Оренгзеба увѣнчались успѣхомъ. Тѣмъ временемъ голодъ 1874 г. стоилъ 8.500,000 фунтовъ стерлинговъ, и полагаютъ, что издержки, причиненныя настоящимъ голодомъ, дойдутъ до 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ! [1])

[1]) Въ ту минуту, какъ я пишу это письмо, получено извѣстіе, что столь давно ожидаемые дожди начались въ нѣсколькихъ округахъ Индіи. Можно, слѣдовательно, надѣяться на удовлетворительную жатву въ декабрѣ мѣсяцѣ. Но до тѣхъ поръ положеніе дѣлъ остается безъ измѣненія, и хотя будущее менѣе мрачно, но въ настоящемъ помощь болѣе необходима, чѣмъ когда-либо.

Digitized by Google

Одинъ знаменитый иностранецъ, гостившій въ Англіи, говорилъ:— я никогда не произношу имени англійской полиціи, не снявъ шляпы— и сопровождалъ эти слова дѣйствіемъ. „Комплиментъ былъ заслуженный,—прибавляетъ журналъ,—у котораго мы заимствуемъ этотъ анекдотъ [1]), потому что ни въ какой другой странѣ міра не существуетъ лучше организованной и болѣе дѣятельной полиціи, какъ въ Лондонѣ". Отнынѣ приходится сбавить спѣси въ этомъ отношеніи: скандалёзный процессъ подорвалъ добрую славу Бобби [2]), и не только знаменитые иностранцы потеряли охоту ломать передъ нимъ шапку, но и соотечественники испытываютъ желаніе повернуться къ нему спиной.

Но лондонская полиція — полиція оффиціальная, признанная— учрежденіе совсѣмъ недавнее. До конца царствованія Георга IV наблюденіе за общественной безопасностью поручалось заботамъ „мировыхъ судей" и приходовъ, и единственной защитой отъ воровъ служили тѣ ночные сторожа и констэбли добраго стараго времени, вѣрнымъ типомъ которыхъ является у Шекспира Догберри. Дѣйствіе происходитъ въ Мессинѣ, но нужды нѣтъ: лицо это выхвачено изъ англійской жизни. Когда этотъ образцовый констэбль рекомендуетъ ночному дозору хватать всѣхъ бродягъ, шатающихся ночью по улицамъ, то одинъ изъ дозорныхъ спрашиваетъ:

— А если бродяга не дастъ захватить себя?

— Ничего,—отвѣчаетъ Догберри,—въ такомъ случаѣ отпустите его съ миромъ. И затѣмъ соберите всѣхъ дозорныхъ и поблагодарите всѣ вмѣстѣ Бога за то, что онъ избавилъ васъ отъ негодяя [3]).

Какъ видите, ворамъ было не житье, а масляница, въ тѣ времена. И это не преувеличеніе. Мы можемъ указать, напримѣръ, на тотъ фактъ, что городъ Дептфордъ, насчитывающій 20,000 жителей, не имѣлъ въ 1818 году ни полиціи, ни сторожей. Нельзя сказать, чтобы гражданамъ жилось оттого хорошо: они вынуждены были организовать изъ самихъ себя сторожей и патруль, чтобы очистить городъ отъ воровъ, наводнявшихъ его. Наконецъ, въ 1829 г., при управленіи сэра Роберта Пиля, законъ „о болѣе цѣлесообразной организаціи полиціи въ столицѣ и въ ея окрестностяхъ" положилъ конецъ такому порядку вещей. Что касается Лондона,—съ тѣхъ поръ произведены различныя перемѣны, и въ настоящее время вотъ какъ стоитъ дѣло. Столица—за исключеніемъ Сити—и ея окрестности въ районѣ пятнадцати миль, начиная съ Чэрингъ-Кросса, распредѣляются на девят-

---

1) *Quarterly Review*. July. 1870. Знаменитый иностранецъ не кто иной, какъ генералъ Гарибальди.

2) *Бобъ*, *Бобби*, уменьшительное отъ Роберта. Этимъ прозвищемъ простонародье окрестило полисменовъ.

3) *Much ado about nothing*. Act. III. Scene 3.

Digitized by Google

надцать округовъ, обозначаемыхъ буквами азбуки: каждый изъ нихъ управляется „superintendent'омъ". Присоединивъ сюда спеціальные округи Темзы, Вульвичскихъ доковъ, Портсмута и пр., получимъ 25 этихъ чиновниковъ. Подъ ихъ командой находятся 278 инспекторовъ, около 1000 сержантовъ и около 900 констэблей (полисменовъ), въ общей сложности около 10,000 человѣкъ. Надъ всѣми ними владычествуетъ „chief commissioner"—въ настоящее время подполковникъ Гендерсонъ, къ которому прикомандированы два помощника.

Лондонское „Сити", всегда ревниво оберегавшее свои особенные порядки, въ послѣднее время устроило свою полицію,—по образцу столичной. И то же самое сдѣлали бурги и графства въ Англіи и въ Уэльскомъ княжествѣ, въ силу закона 1840, который далъ имъ необходимыя права для такого преобразованія. Въ Шотландіи полиція была реорганизована въ такомъ же духѣ въ 1834 г. Что касается Ирландіи, то послѣдній законъ объ этомъ дѣлѣ относится къ 1857 г. Полисмены тамъ хорошо вооружены, живутъ въ казармахъ и представляютъ въ своемъ родѣ какъ-бы военную силу.

Образцовой полиціи не существуетъ безъ тайныхъ агентовъ: совсѣмъ тѣмъ только въ 1842 г. этотъ необходимый аксессуаръ былъ введенъ въ новую систему. Но только здѣсь происходитъ игра словъ: если справедливо, что „Detective departemnt" существуетъ оффиціально только съ этой эпохи, то самая вещь, и въ самомъ скверномъ видѣ, существовала гораздо раньше. Въ эпоху французской революціи и при министерствѣ Питта въ государственныхъ процессахъ фигурировали шпіоны, доносившіе на членовъ политическихъ обществъ, въ которыхъ они сами участвовали и главнымъ образомъ толкали на крайнія мѣры.

Еще хуже стояло дѣло въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Я не устаю повторять одну истину, которая представляется парадоксомъ, до того она затемнена и непризнана, а именно: что свобода въ Англіи водворилась лишь вмѣстѣ съ Reform-Bill, въ ту эпоху, которую начинаютъ называть „Victorian era". Съ 1793 по 1820 г. въ особенности царствовала самая ужасающая тиранія, по сю сторону Ла-Манша, по крайней-мѣрѣ въ сферѣ политической съ философской и религіозной точки зрѣнія. Недавно посѣтивъ Эдинбургъ, я былъ пораженъ однимъ памятникомъ самаго трогательнаго характера. Неподалеку отъ Акрополя этихъ „сѣверныхъ Аѳинъ" — вполнѣ заслуживающихъ такое названіе по общему своему виду и живописности, возвышается другой холмъ, извѣстный подъ названіемъ „Calton Hill," и у подошвы его, возлѣ колонны Дэвида Юма, помѣщается скромный обелискъ. Это „Martyr's memorial," посвященный памяти жертвъ этихъ ужасныхъ временъ. Одинъ изъ этихъ мучениковъ, Муиръ, молодой и весьма талантливый адвокатъ, былъ приговоренъ къ четырнадцати

Digitized by Google

годамъ ссылки безсовѣстными и нарочно подобранными присяжными. Преступленіе его заключалось въ томъ, что онъ проповѣдывалъ парламентскую реформу и всеобщую подачу голоса. „Шпіоны" фигурировали въ его процессѣ. Все это было здѣсь не такъ давно.

Въ эту эпоху, помимо всякой опасности революціи и не имѣя гнусной отговорки въ необходимости государственнаго переворота, англійское правительство такъ вело дѣло, что въ „свободной Англіи" было такъ же опасно откровенно высказывать свои мысли, какъ это было позже во Франціи, въ самыя тяжкія времена второй имперіи. То была эпоха, когда Фоксъ восклицалъ въ палатѣ общинъ: „объявите разъ навсегда, что мы больше недостойны свободной конституціи и открыто признайте деспотизмъ. Но не смѣйтесь надъ человѣческимъ родомъ, надъ его разумомъ и чувствами, утверждая, что вы свободны".

Немного позже, въ 1817 г., шпіонъ, по имени Оливеръ, подстрекалъ народъ къ возстанію, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ его сношеніяхъ съ министромъ, лордомъ Сидмоутъ [1]).

Во время знаменитаго заговора Cato-Street въ 1820 г. было доказано, что шпіонъ Эдвердсъ былъ однимъ изъ самыхъ рьяныхъ зачинщиковъ всего дѣла. Извѣстно, что дѣло шло объ убійствахъ, рѣзнѣ, и Тистльвудъ былъ уличенъ и осужденъ частію по доносу того, кого онъ считалъ своимъ соучастникомъ.

Какъ видите, организація тайныхъ агентовъ существовала въ Англіи давно уже, но только она не была оффиціально признана. Справедливость требуетъ замѣтить, впрочемъ, что „*Detective department*" былъ организованъ не съ политической цѣлью: при учрежденіи его имѣлся въ виду розыскъ важныхъ, сложныхъ преступленій, подлоговъ, крупнаго воровства, виновники которыхъ бѣжали за-границу и пр. Въ составъ его входятъ главный директоръ Вильямсонъ, три главныхъ инспектора, три обыкновенныхъ инспектора и человѣкъ двадцать сержантовъ.

Въ 1869 г. назначено нѣсколько спеціальныхъ констаблей, то же „detective", которые были распредѣлены по столичнымъ полицейскимъ округамъ.

Всякій иностранецъ, который побывалъ въ Лондонѣ, знаетъ Чэрингъ-Кроссъ и Трафальгаръ-скверъ — самое прекрасное мѣсто въ мірѣ, по увѣренію не помню кого изъ англичанъ. Если вы пройдете площадь, украшенную колонной Нельсона, и повернетесь спиной къ великому человѣку, то скоро вступите въ обширнѣйшую въ цѣломъ свѣтѣ улицу, извѣстную подъ именемъ Уайтголлъ. Пройдя площадь,

[1]) См. *E. May.* Constitutional history of England, t. II, p. 289.

Digitized by Google

гдѣ пролилась кровь Карла I, вы очутитесь въ Парламентской улицѣ. Тамъ, въ углу на-лѣво, посреди тяжелой кучи домовъ, находится *Great Scotland Yard*, средоточіе столичной полиціи. Тамъ же помѣщается и кварталъ *detective*. Они—открыто, по крайней мѣрѣ—не призваны играть политической роли. Между тѣмъ играли самую видную роль во время возстанія феніевъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Съ другой стороны, ихъ могутъ также употреблять и частныя лица, хотя послѣдніе охотнѣе предпочитаютъ имѣть дѣла съ частными агентами. Къ нимъ прибѣгаютъ главнымъ образомъ въ дѣлахъ развода, когда каждая изъ сторонъ изощряется въ томъ, чтобы накрыть другую en flagrant délit.

По поводу корпуса *detectives* въ послѣднее время обнаружились самыя скандальныя вещи. И при этомъ пролился яркій свѣтъ на одну изъ общественныхъ язвъ Англіи: на ремесло, которымъ занимается цѣлая толпа людей, извѣстныхъ подъ именемъ „racing men“ и „betting men“, живущихъ конскими скачками или вѣрнѣе сказать тѣми пари, которыя составляются по ихъ поводу. Двое изъ этихъ господъ, прожженные аферисты, затѣяли въ прошломъ году издавать листокъ, подъ названіемъ „*Le Sport*“, предназначенный главнымъ образомъ къ обращенію во Франціи. Въ немъ сулились самыя баснословныя выгоды всѣмъ желающимъ довѣрить свои капиталы распорядителямъ предпріятія. Они придумали систему страхованія отъ убытковъ, такъ что лица, державшія пари, могли только обогащаться въ случаѣ, если бы счастіе мало-мальски улыбнулось имъ. Я не стану входить въ подробности этихъ глубокихъ соображеній: какъ бы то ни было, они съумѣли заинтересовать публику, потому что въ одно мгновеніе ока собрали до 15,000 фунтовъ стерлинговъ. Нѣкая графиня Г... прислала имъ 230,000 франковъ! Изумительный результатъ, которому нельзя не подивиться, хотя и знаешь всю глубину человѣческой глупости! Они съумѣли даже убѣдить эту даму прислать имъ еще 700,000 франковъ: къ несчастію для нихъ, она посовѣтовалась съ своимъ банкиромъ, и тотъ далъ ей понять, что ее грабятъ. Она пріѣхала въ Англію и поручила вести процессъ одному изъ адвокатовъ, который принялся за разслѣдованіе съ настойчивостью, отличающей англійскихъ законниковъ: вслѣдствіе этого вся мошенническая продѣлка и обнаружилась.

Мало-по-малу оказалось, что мошенники были въ стачкѣ съ тремя *chiefs inspectors detective department*. Главная контора ихъ помѣщалась на Странде, недалеко отъ „лавочки“ полковника Гендерсона: этимъ прозвищемъ они обозначали центральное бюро полиціи въ *Scotland Yard*. Эти господа видались на скачкахъ, въ трактирахъ и пр. И полицейскіе оказывали аферистамъ самыя дружескія услуги,

Digitized by Google

за что послѣдніе осыпали ихъ подарками; такъ, напр., жена одного изъ полицейскихъ получила однажды двѣсти гиней въ сигарномъ ящикѣ. Въ другой разъ одинъ изъ агентовъ „Спорта" получилъ увѣдомленіе о томъ, что его велѣно арестовать: натурально, что когда полиція явилась къ нему въ домъ, она не нашла его. Одинъ изъ сообщниковъ былъ арестованъ въ Роттердамѣ, куда успѣлъ убѣжать, но агенты, сторожившіе его, получили телеграмму, какъ-бы исходившую отъ главнаго директора тайной полиціи, въ которой имъ приказывалось освободить арестованнаго, подъ тѣмъ предлогомъ, что это не то лицо. По удачному стеченію обстоятельствъ, самъ директоръ, Вильямсонъ, прибылъ какъ разъ въ это самое время въ Роттердамъ, и при этомъ обнаружилось, что телеграмма была сфабрикована его подчиненнымъ, остававшимся въ Лондонѣ.

Вотъ въ общихъ чертахъ обстоятельства дѣла, приведшія на скамью подсудимыхъ въ полицейскій судъ Вонъ-Стритъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ значительныхъ членовъ этой корпораціи. Вслѣдствіе продолжительности судебныхъ преній, растянувшихся на августъ и сентябрь мѣсяцы, дѣло перенесено въ ассизы, которые должны открыться на-дняхъ. Но ударъ уже нанесенъ, и публика никакъ не можетъ придти въ себя отъ удивленія и негодованія.

Въ протекшіе три мѣсяца угасли двѣ знаменитости: одна въ мірѣ политическомъ, другая въ мірѣ артистовъ. Если я называю знаменитостью м-ра Уарда Гонтъ, то не столько благодаря его личнымъ заслугамъ, сколько высокому посту, какой онъ занималъ въ іерархіи: то былъ первый лордъ адмиралтейства или морской министръ. Его управленіе морскимъ министерствомъ было не изъ блестящихъ, и онъ былъ замѣненъ м-ромъ Смитомъ, который еще ничѣмъ не прославилъ себя. М-ръ Уардъ Гонтъ прожилъ ровно настолько, чтобы увидѣть развязку глупѣйшей исторіи, разыгравшейся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ перувіанскихъ водахъ. Перувіанскій корабль „Гуаскаръ", захваченный какимъ-то предводителемъ инсургентовъ, совершилъ нѣсколько насилій относительно англійскихъ резидентовъ. Вслѣдствіе чего адмиралъ Горсей, командиръ корабля ея величества „Шахъ" встрѣтивъ „Гуаскара", принялся бомбардировать его. Здѣсь всплываетъ комическій элементъ: „Гуаскаръ" и его инсуррекціонный экипажъ обратились къ покровительству законнаго перувіанскаго правительства, которое вступилось за нихъ, равно какъ и все населеніе. Англійскій адмиралъ, вообразившій, что безъ труда справится съ этимъ пиратомъ, съумѣлъ только вызвать довольно натянутыя отношенія между Перу и Англіей. Это повтореніе старой исторіи Сганареля, который дерется съ женой, но стоитъ только третьему лицу вмѣшаться въ дѣла—и оба ополчаются на него. Перувіанское правительство дока-

Digitized by Google

зало въ этомъ случаѣ свой патріотизмъ: англійское адмиралтейство уступило, и адмиралу сдѣлали выговоръ, хотя и въ очень мягкой формѣ. Эта счастливая развязка произошла въ августѣ мѣсяцѣ.

Артистка, на которую я намекалъ выше,—m-lle Тіетіенсъ, венгерка по происхожденію, родившаяся въ 1831 г. и умершая въ Лондонѣ 30 октября 1877 г. Одаренная прекраснымъ контральто и замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ, она прославилась въ роляхъ Лукреціи Борджіа, Валентины въ „Гугенотахъ" и пр. Послѣдней созданной ею ролью была роль Ортруды въ „Лоэнгринѣ". Начавъ свою карьеру въ Германіи, она пріѣхала въ Лондонъ, гдѣ до самой смерти оставалась любимицей публики. Я не слыхалъ Тіетіенсъ въ ея лучшее время, но мнѣ кажется, что она не была пѣвицей первостепенной.

Какъ бы то ни было, а мнѣ приходится въ заключеніе привести исторію изъ ассизовъ,—исторію, въ которой англійскому правосудію чуть-было не нанесенъ былъ жестокій ударъ. Нѣсколько времени тому назадъ только и толковъ было, что про ужасное преступленіе, обозначаемое зловѣщимъ именемъ „Penge mystery". Пенджъ—селеніе въ окрестностяхъ Лондона. Разсказывали, что четыре лица сговорились погубить пятое не желѣзомъ, не огнемъ или ядомъ, но голодной смертью. Въ дѣлѣ замѣшаны два брата Луи и Патрикъ Стоунтонъ; первый женился на довольно богатой женщинѣ, на идіоткѣ, и желалъ повидимому избавиться отъ нея, чтобы жениться на своей любовницѣ. Эта послѣдняя была сестра миссисъ Патрикъ Стоунтонъ, и такимъ образомъ четыре лица, тѣсно связанныя другъ съ другомъ, стакнулись для приведенія въ исполненіе своего рокового замысла. Какъ бы то ни было, а жена Луи Стоунтона умерла въ состояніи чрезвычайной худобы, и общественное мнѣніе, медики-эксперты, судья и присяжные, не колеблясь, осудили четырехъ мнимыхъ убійцъ, которые должны были быть повѣшены какъ разъ сегодня 5 (17) октября.

Но на дѣлѣ экспертиза была самая небрежная и чтобы дать о ней понятіе, скажу, что медики не приняли во вниманіе существованія многочисленныхъ туберкулъ на поверхности мозга и другихъ признаковъ, свидѣтельствовавшихъ объ общемъ параличѣ. Къ счастію, въ публикѣ произошла реакція. Чарльзъ-Ридъ, романистъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ и филантропъ въ хорошемъ, а не въ смѣшномъ смыслѣ этого слова, мужественно предпринялъ защиту подсудимыхъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались медицинскія свидѣтельства въ ихъ пользу, начали собираться митинги, и, несмотря на протесты нѣкоторыхъ лицъ, упорно усматривающихъ зловредную сантиментальность во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ просто о гуманно-

Digitized by Google

сти, королева воспользовалась своимъ правомъ помилованія относительно всѣхъ четырехъ подсудимыхъ.

Скажутъ, при чемъ въ такомъ случаѣ авторитетъ суда присяжныхъ? Но если подумать, что для двѣнадцати представителей національнаго правосудія достаточно было всего какихъ-нибудь полтора часа, чтобы присудить четырехъ лицъ, въ томъ числѣ двухъ женщинъ, къ смертной казни, и это безъ достаточныхъ уликъ; если мы замѣтимъ, что резюмé предсѣдательствующаго судьи длилось десять часовъ, такъ что несчастные присяжные были и утомлены и оглушены, и въ особенности, *какъ объявилъ одинъ изъ нихъ*, что еслибъ резюмé предсѣдателя было раздѣлено на двѣ части, и вторая была бы отложена до слѣдующаго дня, то эти наивные, но недобросовѣстные, граждане по всей вѣроятности пощадили хотя бы одного изъ четырехъ подсудимыхъ [1]), — если подумать обо всемъ этомъ, то не захочется сожалѣть о томъ, что имъ наклеили носъ.

Можно ли вывести изъ этого неблагопріятное заключеніе вообще для самаго учрежденія суда присяжныхъ? Но за отсутствіемъ его, подсудимымъ пришлось бы предстать передъ одними только судьями, а м-ръ Ганкинсъ, бывшій коронный адвокатъ въ дѣлѣ Тичборна и который предсѣдательствовалъ на этотъ разъ въ судѣ, произнесъ настоящую обвинительную рѣчь противъ подсудимыхъ, а не безпристрастное резюмé, какъ онъ обязанъ былъ сдѣлать. Присяжные произнесли тотъ вердиктъ, котораго онъ ждалъ, такъ что подсудимые были бы точно такъ же осуждены, во имя опытности и разума именитаго судьи, какъ они были осуждены во имя умственной и нравственной неспособности присяжныхъ. Это доказываетъ просто-напросто то, что́ уже всѣмъ извѣстно: все въ подлунномъ мірѣ несовершенно и относительно, а судъ присяжныхъ все же остается наилучшей гарантіей англійскихъ вольностей. Конечно, онъ не разъ выказывался глупымъ и во многихъ случаяхъ былъ покорнымъ слугой правительственныхъ и религіозныхъ страстей. Но его всегда затыкала за поясъ въ этомъ отношеніи оффиціальная и регулярная магистратура.

Въ данномъ случаѣ эта магистратура показала великій примѣръ. Ганкинсъ, получивъ болѣе точныя свѣдѣнія, не задумался представить статсъ-секретарю по внутреннимъ дѣламъ меморандумъ, требовавшій отсрочки въ примѣненіи наказанія. Уступилъ ли онъ давленію общественнаго мнѣнія или своей собственной совѣсти, онъ тѣмъ

---

[1]) Извѣстно, что *вердиктъ* присяжныхъ долженъ быть произнесенъ единодушно, и для этого присяжныхъ держатъ подъ замкомъ до тѣхъ поръ, пока они не столкуются между собой.

Digitized by Google

болѣе заслуживаетъ похвалы, что слишкомъ часто бываетъ такъ, что судья упорствуетъ въ пагубной ошибкѣ: такъ обыкновенно поступаютъ разные Джеффрисы. Какъ бы то ни было, а англійское правосудіе вышло съ честью—въ послѣднюю минуту—изъ этого серьёзнаго испытанія. Оно многимъ обязано общественному мнѣнію и Чарльзу Риду, который такимъ образомъ былъ свидѣтелемъ того, что заглавіе его главнѣйшаго романа осуществилось: *It is never too late to mend*,— „никогда не поздно исправить ошибку".

R.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/24 октября, 1877.

XXX.

Парижанинъ на дачѣ и въ деревнѣ.

Вотъ и октябрь мѣсяцъ на дворѣ! Парижъ населяется снова. Всѣ дебаркадеры желѣзныхъ дорогъ запружены путешественниками и ихъ багажомъ. Всѣ семьи, которыхъ мода или сельскія удовольствія увлекли и разсѣяли по провинціи, спѣшатъ вернуться домой, радуясь, что ихъ ожидаетъ хорошая и теплая квартира, гдѣ имъ будетъ такъ уютно зимою. Вы не повѣрите, какъ пріятно растянуться на своей постелѣ послѣ двухъ или трехъ мѣсяцевъ отсутствія. Это всеобщее возвращеніе и составляетъ самое крупное событіе октября мѣсяца въ сферахъ частной общественной жизни. Лѣтнія удовольствія кончились; начинается зимній сезонъ, съ его обѣдами и балами, его первыми представленіями и литературными новинками.

Я тоже вернулся изъ поѣздки и теперь намѣреваюсь распространиться въ настоящей хроникѣ съ лѣтними удовольствіями, которыя уже успѣло оледенить дыханіе сѣвера. Никто и не подозрѣваетъ, что въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ неудержимая страсть къ сельской жизни охватила парижанъ. До проведенія желѣзныхъ дорогъ рѣдкіе смѣльчаки въ Парижѣ рѣшались забираться за предѣлы городской черты. Уѣзжали тѣ, у кого были свои помѣстья или кого приглашалъ къ себѣ какой-нибудь богатый землевладѣлецъ. Въ настоящее время не существуетъ чиновника или мелкаго рантьѣ, который бы не пользо-

Digitized by Google

вался удовольствіемъ провести нѣсколько недѣль на берегу моря или на какихъ-нибудь водахъ. Какъ только іюльское солнце начинаетъ нагрѣвать камни мостовой, такъ всѣ ударяются въ бѣгство. Въ Парижѣ остаются только люди, не уважающіе самихъ себя. Я не утверждаю, чтобы за-городомъ всѣ особенно веселились, и мы это сейчасъ увидимъ; но тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что движеніе это съ каждымъ годомъ усиливается, и что черезъ два или три столѣтія Парижъ будетъ превращаться въ пустыню съ августа мѣсяца по октябрь.

И вотъ, мнѣ сдается, что теперь будетъ самымъ подходящимъ дѣломъ пересказать кое-какія событія, совершившіяся въ протекшій сезонъ. Я ручаюсь за ихъ достовѣрность. Это точныя данныя, сообщенныя мнѣ пріятелемъ; они покажутъ, какъ парижане вообще понимаютъ загородную жизнь. Это будетъ страница, выхваченная изъ нашихъ современныхъ нравовъ.

I.

Супруги Робино, мелкіе буржуа, проживающіе въ улицѣ Culture Sainte-Catherine, купили въ послѣдніе годы домъ, окруженный садомъ, въ десяти километрахъ отъ Этампа. У нихъ была сначала въ Сенъ-Мандѣ, напротивъ городского рва, дача, которую они продали, наскучивъ слушать день и ночь свистокъ локомотива и находя, что тамъ они не чувствуютъ себя за-городомъ. По крайней мѣрѣ, въ Эперне-на-Оржѣ — такъ называется деревушка, отстоящая въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ ихъ новаго владѣнія—нѣтъ желѣзной дороги, и обстановка самая деревенская. Робино осуществили теперь мечту, лелѣянную въ продолженіи двадцати лѣтъ.

Въ первыхъ числахъ іюля поднимается возня. Шарль, любимецъ семьи, большой семнадцатилѣтній малый, отпускается изъ коллегіи только 3 или 4 августа, а потому до этого срока Робино не могутъ выбраться изъ Парижа. Притомъ m-me Робино едва-едва успѣетъ уложиться въ мѣсяцъ. Подумайте, вѣдь ѣхать-то приходится слишкомъ пятнадцать лье, и такъ какъ въ Эперне-на-Оржѣ ничего нельзя достать, даже иголокъ и нитокъ, то приходится все забирать съ собою. Четырехъ громадныхъ сундуковъ едва хватаетъ для поклажи. Робино, засунувъ руки въ карманы, объявляетъ съ самодовольнымъ видомъ, что палецъ о палецъ не ударитъ, и спокойно поглядываетъ на то, какъ суетится жена, которая, несмотря на долгіе сборы, восклицаетъ въ день отъѣзда:

Digitized by Google

— Боже мой! я забыла купить щетокъ и зубочистокъ... Надо будетъ мнѣ остановиться въ Этампѣ.

Наконецъ, семья переселяется въ Эперне-на-Оржѣ. Старинный, растрепанный дилижансъ высаживаетъ ихъ у дверей дома. Первые три дня проходятъ въ хлопотахъ по устройству дома. Надобно вымести паутину, освѣжить комнаты и пр. Двухъ-этажный домъ не великъ, въ каждомъ этажѣ четыре комнаты и въ rez-de-chaussée большой салонъ и большая столовая. М-г и m-me Робино́ занимаютъ первый этажъ, а Шарль, чтобы избавиться отъ родительскаго надзора, поселился во второмъ этажѣ, гдѣ остальныя комнаты предназначаются для гостей. Садъ маленькій. Это одинъ изъ тѣхъ садовъ, которые видишь по окраинамъ дороги: обнесенный высокими стѣнами, съ маленькимъ огородомъ, онъ весь побѣлѣлъ отъ пыли, поднимаемой экипажами. Но Робино́ утверждаетъ, что изъ оконъ у нихъ открывается великолѣпный видъ; и дѣйствительно, оттуда видна громадная равнина, пересѣченная лугами и полями, безъ единаго дерева. Впрочемъ, на горизонтѣ ряды тополей вырѣзываются свѣтлой линіей на фонѣ неба. Можно подумать, что судьба уже вынесла васъ въ плоскую и монотонную Beauce.

— Какая богатая страна!—часто повторяетъ Робино́.—Ни одной пяди земли не пропадаетъ даромъ, и надо поглядѣть, какіе здѣсь хлѣба́ и какое сѣно!

И вотъ начинается деревенская жизнь. Цѣлую зиму Робино́, сидя въ четырехъ стѣнахъ своей маленькой квартиры въ улицѣ Culture Sainte-Catherine, строили планы о томъ, какъ они заживутъ въ деревнѣ, будутъ совершать далекія прогулки, наслаждаться сельскими удовольствіями.

Но, переселяясь въ деревню, они переносятъ съ собой всю свою буржуазную обстановку. Еще на первыхъ порахъ, въ пылу увлеченія деревней, они рискуютъ совершать прогулки до Сентъ-Илера и до Мариньи, гдѣ ѣдятъ превкусную яичницу. Но вскорѣ m-me Робино приростаетъ къ столовой, а Робино, безъ сюртука, по цѣлымъ часамъ простаиваетъ передъ своими грушами, которыя никакъ не хотятъ приносить плодовъ. Одинъ Шарль пропадаетъ съ утра до ночи. Онъ смертельно скучаетъ въ Эперне, но какъ юноша очень хитрый и скрытный, никогда не жалуется и старается наилучшимъ образомъ воспользоваться своими каникулами, ухаживая за крестьянскими дѣвушками, а дѣвушки въ этой мѣстности очень разбитныя. Его можно встрѣтить на всѣхъ лугахъ, гдѣ онъ лежитъ, растянувшись подъ ивой, будто спитъ, но съ открытыми глазами и зорко слѣдитъ за проходящими крестьянками. Однажды отецъ накрылъ его за сараемъ, гдѣ онъ игралъ въ прятки съ Мелани́, дочерью хлѣбника.

Digitized by Google

Не успѣли добрые люди прожить двухъ недѣль въ деревнѣ, какъ Робино́ въ одинъ прекрасный день, когда онъ болѣе обыкновеннаго зѣвалъ въ своемъ огородѣ, объявляетъ за завтракомъ:

— Не написать ли мнѣ къ Дюбошѐ, чтобы онъ пріѣхалъ погостить у насъ съ недѣльку съ женой и дочерью?

— Но вѣдь ты пригласилъ ихъ пріѣхать въ первыхъ числахъ сентября,—замѣчаетъ m-me Робино́.—Такая перемѣна навѣрное стѣснитъ m-me Дюбошѐ.

— Ну, тѣмъ хуже для нихъ, — возражаетъ мужъ. — Они могутъ поторопиться съ пріѣздомъ. Въ Оржѣ водятся угри и пискари. Дюбошѐ будетъ удить рыбу вмѣстѣ со мной.

Предстоящій пріѣздъ Дюбошѐ ставитъ весь домъ вверхъ дномъ. Робино́, которые уже засыпали среди снотворной деревенской скуки, внезапно просыпаются. Приходится устроить комнаты для гостей, повѣсить чистыя занавѣсы, приготовить чистое бѣлье. Шарль вынужденъ помогать отцу и оттого не въ духѣ. Что касается m-me Робино́, то она объявляетъ, что съѣздитъ въ Этампъ, потому что ей ни за что не найти того, что́ нужно въ Эперне-на-Оржѣ. Въ одно прекрасное утро она уѣзжаетъ въ очень скверной телѣжонкѣ и возвращается домой поздно вечеромъ, нагруженная покупками. Такъ какъ она увезла съ собой и кухарку, то семья пообѣдала сегодня чѣмъ Богъ послалъ: холодной вареной говядиной и сыромъ. Но вѣдь завтра должны пріѣхать Дюбошѐ, и всѣмъ хочется показать имъ помѣстье въ наилучшемъ видѣ. Поэтому всѣ укладываются спать въ двѣнадцать часовъ ночи, потому что Робино́ затѣялъ вычистить аллеи въ саду — и не успѣлъ этого сдѣлать днемъ. И вотъ Шарлю пришлось свѣтить отцу съ фонаремъ въ рукахъ.

— Видишь ли,—повторяетъ послѣдній,—такъ-то будетъ лучше... Мнѣ очень хотѣлось вычистить садъ, тѣмъ болѣе, что Дюбошѐ ужасный враль, и все ему у другихъ неладно.

И дѣйствительно, на другой день, когда семейство Дюбошѐ появляется, отецъ, высокій, худой мужчина съ ворчливымъ видомъ, восклицаетъ:

— Ну, признаюсь, надо очень васъ любить, чтобы забраться въ такую трущобу!... Что за тощая равнина! Просто съ тоски помереть!

И не успѣлъ пройти трехъ шаговъ по саду, какъ уже замѣтилъ:

— Э! вы посыпали дорожки щебнемъ... Это очень портитъ обувь... Я бы лучше посыпалъ пескомъ.

Г-жа Дюбошѐ и ея дочь Пелажи́ вышли изъ дилижанса съ потеряннымъ видомъ. Г-жа Дюбошѐ толстая женщина, круглая какъ шаръ, а дочь ея Пелажи́, четырнадцати лѣтъ, наслѣдовала высокій ростъ отца—и худа, какъ щепка. Барынь отводятъ въ приготовленную для

Digitized by Google

ихъ комнату, гдѣ онѣ переодѣваются, вслѣдствіе чего завтракъ запаздываетъ на цѣлые полчаса. За столомъ Дюбошѐ все критикуетъ. Жить въ деревнѣ, по его мнѣнію, чистѣйшая нелѣпость. Стоило забираться въ деревню, чтобы пить скверное молоко, ѣсть испорченное масло и яичницу изъ тухлыхъ яицъ.

— Да вотъ, сколько вы заплатили за этого цыпленка?

М-me Робинó отвѣчаетъ, что она ѣздила за нимъ въ Этампъ и заплатила за него три франка.

— Три франка!—воскликнулъ Дюбошѐ съ негодующимъ видомъ.— И вы ѣздили за два слишкомъ льё, чтобы заплатить три франка за такую дохлятину. Вѣдь на немъ зубы сломаешь!... Ну-съ, а вотъ спросите-ка у жены, третьяго дня въ Парижѣ мы купили каплуна за два съ половиною франка.

— Это правда,—подтверждаетъ г-жа Дюбошѐ,—да и то я подозрѣваю, что кухарка украла у меня два су.

Робинó стараются смягчить своихъ друзей. Боже мой! деревня всегда деревня! Они позаботятся, чтобы друзья ихъ не очень скучали. И на первый разъ предлагаютъ прогулку въ Сентъ-Илеръ, единственную мѣстность въ краѣ, гдѣ есть на чтó посмотрѣть. Но Дюбошѐ отвѣчаетъ, что объ этомъ надо хорошенько подумать. Онъ пріѣхалъ въ деревню не затѣмъ, чтобы утомлять себя. Принимаетъ однако предложеніе отправиться завтра удить рыбу. Онъ привезъ съ собою удочки, и все послѣ-обѣденное время возится, налаживая ихъ.

Тѣмъ временемъ Шарль весь завтракъ исподтишка разсматривалъ Пелажи, возлѣ которой его посадили, и рѣшилъ, что эта барышня похожа на индюшку. Онъ уже съ годъ какъ не видѣлъ ее. Но право, она дуреѣетъ съ каждымъ годомъ. Ну, ужъ если они воображаютъ, что онъ будетъ занимать эту стрекозу, такъ очень ошибаются. И вотъ, послѣ дессерта, ему удается незамѣченнымъ улизнуть изъ комнаты, а когда вечеромъ мать замѣчаетъ ему, что его искали по всему дому, онъ увѣряетъ, что уходилъ учить уроки подъ орѣшникомъ, въ концѣ поля дяди Лебёфа.

На другой день Дюбошѐ возвращается съ рыбной ловли торжествующій. Другъ его Робинó ничего ровно не поймалъ, и онъ осыпаетъ его насмѣшками. Весь день онъ въ ударѣ и изощряетъ свое остроуміе и надъ домомъ и надъ садомъ.

— Вѣдь мы съ нимъ старые пріятели, — говоритъ вечеромъ Робинó женѣ, съ принужденной улыбкой,—неправда ли? ему можно все простить... Къ тому же, онъ такой веселый, съ нимъ никогда не бываетъ скучно.

Но на слѣдующій день Дюбошѐ въ ярости. Онъ не поймалъ ни

Digitized by Google

единаго писаря. Ну, ужъ и достается отъ него хорошенькой рѣчкѣ Оржъ, катящей свои прозрачныя воды межъ двухъ рядовъ ивъ.

— Дрянная рѣчонка, которую и курица перейдетъ, ногъ не замоча. Я, должно быть, выловилъ вчера всю рыбу.

Тщетно на слѣдующіе дни Робино желаютъ показать окрестности своимъ друзьямъ. Дюбошѐ отказывается тронуться съ мѣста. На что тамъ глядѣть? вездѣ поля, да поля! и всѣ деревья одно какъ другое. Хоть бы какая-нибудь живописная средневѣковая башня водилась по сосѣдству! И вотъ онъ словно приростаетъ къ салону и до того стѣсняетъ хозяевъ, что Робино съ тоской считаетъ дни, которые пріятелю предстоитъ еще прожить у нихъ. Боже мой! этой недѣлѣ, должно быть, конца не будетъ! Но наканунѣ дня, назначеннаго самимъ Дюбошѐ къ отъѣзду, подъ предлогомъ, что важныя дѣла призываютъ его въ Парижъ,—Дюбоше и не заикается о томъ, чтобы уѣхать, даже поспѣшно принимаетъ предложеніе, которое ему дѣлаютъ хозяева изъ вѣжливости, пробыть у нихъ еще нѣсколько дней. Ему-то самому куда какъ не весело! Но онъ осуждаетъ себя на эту ссылку, ради здоровья дочери. Проходятъ двѣ недѣли.

— Придется безъ церемоніи выгнать ихъ за дверь! — съ отчаяніемъ повторяетъ каждый вечеръ Робино.

Къ счастію, Шарль очень дурно обращается съ m-me Дюбошѐ. Однажды m-me Дюбоше, которой отведена вмѣстѣ съ дочерью спальня рядомъ съ комнатой молодого человѣка, заподозрила, что онъ соскакиваетъ ночью съ кровати босикомъ и подглядываетъ въ замочную скважину. Она ничего не говоритъ Дюбошѐ, чтобы не поссорить старыхъ друзей, но убѣждаетъ его уѣхать.

— Счастливаго пути!—восклицаетъ Робино вслѣдъ уѣзжающему дилижансу, увозившему Дюбошѐ.—Теперь намъ можно будетъ спокойно наслаждаться деревенской жизнью.

Имъ еще предстоитъ прожить три недѣли въ деревнѣ. Скука, царящая въ домѣ, становится убійственной. Въ сентябрьскіе сырые дни кажется, что отъ стѣнъ такъ и вѣетъ сыростью, которая по каплямъ, меланхолически сочится изъ нихъ. Въ безмолвномъ саду произростаютъ сорныя травы, потому что Робино, не захотѣвшій нанять садовника, изъ удовольствія самому воздѣлывать свое помѣстье, скоро наскучилъ утомительнымъ земледѣльческимъ трудомъ. Онъ даже пересталъ глядѣть на свои упрямыя грушевыя деревья безъ грушъ. Единственное развлеченіе его, это—поджидать почтальона на дорогѣ, ведущей изъ Этампа, въ смутной надеждѣ, что кто-нибудь изъ его парижскихъ пріятелей ему напишетъ. Но писемъ никогда не приходитъ, и онъ садится на краю рва, гдѣ его убаюкиваетъ плоская и однообразная линія, тянущаяся вдоль горизонта. M-me Робино

Digitized by Google

счастливѣе. Она дѣятельно занимается приготовленіемъ всякаго рода консервовъ и ликеровъ. Торжествомъ ея бываетъ обыкновенно ликеръ, настоенный на персиковыхъ косточкахъ. Поэтому она не помнитъ себя отъ восхищенія, когда однажды вечеромъ Робино, сдерживая зѣвоту, говоритъ:

— Не пригласить ли еще на недѣльку Дюбошѣ.

— Нечего сказать, славно придумалъ! — восклицаетъ она. — Ты хочешь вѣрно сгубить мое варенье?

Въ послѣднихъ числахъ сентября, консервы готовы и вся семья страстно ждетъ дня отъѣзда. Но они не хотятъ уѣхать изъ деревни раньше срока, изъ боязни, чтобы пріятели не подняли ихъ на смѣхъ. Разъ они купили себѣ дачу, то и должны жить на ней, въ противномъ случаѣ прослывутъ за непрактическихъ людей. Но начинаются дожди, и природа является имъ въ самомъ неприглядномъ видѣ. За завтракомъ и за обѣдомъ они ругаютъ крестьянъ, подлое отродье, гдѣ всѣ поголовно лгуны и воры. Вода изъ ихъ колодца причиняетъ имъ колики, въ домѣ холодно, и m-me Робино нашла у себя въ постелѣ громаднаго клопа! За три дня до отъѣзда чемоданы уложены. Одинъ только Шарль какъ будто съ сожалѣніемъ разстается съ Эперне-на-Оржѣ. Наканунѣ отъѣзда, онъ приходитъ домой съ расцарапанной въ кровь физіономіей и объясняетъ, что какая-то кошка неожиданно прыгнула ему въ лицо, позади сарая хлѣбника.

— До будущаго года!—говоритъ Робино со вздохомъ облегченія, усаживаясь въ старый дилижансъ.

И на слѣдующій годъ семья съ лихорадочнымъ восторгомъ вернется въ свое заточеніе, въ скучный, маленькій, сырой домикъ въ Эперне-на-Оржѣ.

II.

Вотъ уже недѣля какъ Люсьенъ Бераръ и Гортензія Ларивьеръ обвѣнчаны. Вдова Ларивьеръ, теща, лѣтъ уже тридцать какъ торгуетъ игрушками въ улицѣ Шоссе-д'Антенъ. Это сухопарая, костлявая особа, съ деспотическимъ характеромъ. Она рѣшилась выдать дочь за Люсьена, единственнаго сына торговца желѣзными и мѣдными издѣліями, но намѣревается зорко слѣдить за молодыми супругами. При составленіи контракта она уступила игрушечную лавку Гортензіи, выговоривъ себѣ комнату въ квартирѣ; но на дѣлѣ продолжаетъ управлять всѣмъ домомъ, подъ предлогомъ ознакомленія дѣтей съ дѣломъ.

Наступилъ августъ мѣсяцъ, жара стоитъ смертная, торговля идетъ

Digitized by Google

очень плохо. Поэтому m-me Ларивьеръ ворчитъ болѣе обыкновеннаго. Она не позволяетъ Люсьену побыть ни одной минуты съ Гортензіей. Разъ она накрыла ихъ въ ту минуту, какъ они цѣловались за прилавкомъ! И это спустя недѣлю послѣ свадьбы! Нечего сказать! разумное занятіе и можетъ упрочить хорошую славу за магазиномъ! Никогда она въ былое время не позволяла Ларивьеру дотронуться до нея пальцемъ за прилавкомъ. Да ему это и въ голову не приходило. И вотъ такимъ только образомъ имъ удалось поставить магазинъ на ногу.

Люсьенъ, не осмѣливающійся еще бунтовать, посылаетъ поцѣлуй женѣ, за спиной у тещи. Но въ одинъ прекрасный день, онъ напомнилъ, что рѣшено было совершить поѣздку въ медовый мѣсяцъ. M-me Ларивьеръ кусаетъ свои тонкія губы.

— Ну, и ступайте прогуляться какъ-нибудь утромъ въ Венсенскій лѣсъ.

Молодые супруги поглядываютъ другъ на друга съ печальнымъ видомъ. Гортензія начинаетъ находить свою мать несносной. Ей и ночью-то почти не приходится побыть наединѣ съ мужемъ. При малѣйшемъ шумѣ, m-me Ларивьеръ босикомъ подходитъ къ ихъ двери и стучитъ, спрашивая:—не больны ли они? И когда они отвѣтятъ, что нѣтъ, то кричитъ имъ:

— Ну, такъ лучше бы вы спали... А не то завтра будете клевать носомъ за прилавкомъ.

Это просто нестерпимо, — говоритъ Люсьенъ. И перечисляетъ всѣхъ лавочниковъ квартала, которые разрѣшали себѣ небольшое путешествіе, поручая на это время торговлю родственникамъ или прикащикамъ. Вонъ, напр., перчаточникъ, у котораго магазинъ на углу улицы Лафайэтъ, уѣхалъ въ Діеппъ; ножевщикъ изъ улицы св. Николая отправился въ Люшонъ; ювелиръ съ бульвара увезъ жену въ Швейцарію. Въ наше время всѣ достаточные люди позволяютъ себѣ провести мѣсяцъ за-городомъ. Онъ имѣлъ несчастіе высказать эти мысли при г-жѣ Ларивьеръ, которая побѣлѣла отъ сдержанной злости.

— Это сулитъ гибель торговлѣ, сударь, слышите ли! При жизни г-на Ларивьера мы разъ въ годъ ѣздили въ Венсеннъ, въ свѣтлый понедѣльникъ и жили не хуже теперешняго. Сказать ли вамъ, что я думаю? Ну, такъ знайте, что вы погубите магазинъ съ вашими разгульными фантазіями... Да, магазинъ рухнетъ!

— Однако, вѣдь было условлено, что мы прокатимся послѣ свадьбы,—осмѣлилась замѣтить Гортензія. Помните, мамаша, вѣдь вы согласились.

— Можетъ быть,—сухо отвѣчаетъ m-me Ларивьеръ,—но вѣдь мало

Digitized by Google

ли какія глупости говорятся до свадьбы!.... А теперь пора подумать о дѣлѣ.

Люсьенъ поспѣшно убѣжалъ изъ комнаты, во избѣжаніе ссоры. Ему смерть какъ хотѣлось прибить тёщу. Но, вернувшись домой, черезъ два часа, онъ кажется уже совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ кроткимъ голосомъ говоритъ съ г-жей Ларивьеръ, но губы его подергиваются. Онъ какъ будто исподтишка подсмѣивается надъ нею. Вечеромъ онъ спрашиваетъ жену:

— Ты бывала когда-нибудь въ Нормандіи?

— Ты вѣдь знаешь, что нѣтъ,—отвѣчаетъ Гортензія.—Я никуда дальше Венсенна не ѣздила.

— Говорятъ, что Нормандія прелесть что́ такое,—продолжаетъ Люсьенъ.—Я самъ никогда тамъ не бывалъ.

На другой день ударъ грома разражается надъ игрушечнымъ магазиномъ.

Отецъ Люсьена, дядя Бераръ, какъ его величаютъ въ кварталѣ, гдѣ онъ извѣстенъ какъ bon-vivant, нестѣсняющій себя ни въ чемъ, неожиданно приходитъ къ завтраку и говоритъ m-me Ларивьеръ, очень сухо встрѣтившей его:

— Я принесъ подарокъ нашимъ дѣтямъ.

И съ тріумфомъ вынимаетъ изъ жилета два билета на проѣздъ по желѣзной дорогѣ.

— Что́ это такое?—спрашиваетъ тёща глухимъ голосомъ.

— Вы видите, это билеты перваго класса, съ которыми можно объѣхать всю Нормандію. О! это премилое путешествіе. Поѣздъ останавливается во всѣхъ главныхъ городахъ: въ Руанѣ, Гаврѣ, Гонфлёрѣ, Канѣ, Байё, Шербурѣ... Гм! дѣтки! вы проведете цѣлый мѣсяцъ на свѣжемъ воздухѣ и вернетесь свѣжіе, какъ розы.

М-me Ларивьеръ сражена. Она хочетъ—было протестовать, но въ душѣ не желаетъ ссориться съ дядей Бераромъ, за которымъ всегда остается послѣднее слово. Что́ окончательно поражаетъ ее, такъ это то, что Бераръ торопитъ съ завтракомъ и толкуетъ, что сегодня же отвезетъ дѣтей на дебаркадеръ желѣзной дороги. Онъ не прежде разстанется съ ними, какъ посадивъ ихъ въ вагонъ.

— Прекрасно,—объявляетъ m-me Ларивьеръ съ яростью,—увезите мою дочь. Я очень рада. По крайней мѣрѣ они не будутъ цѣловаться въ магазинѣ, и я буду оберегать честь фирмы.

И вотъ новобрачные на дебаркадерѣ Сенъ-Лазаръ въ сопровожденіи дяди Берара, который далъ имъ ровно столько времени, сколько нужно для того, чтобы сунуть въ чемоданъ нѣсколько бѣлья и платья. Онъ громко чмокаетъ ихъ въ щеку и рекомендуетъ имъ хорошенько

Digitized by Google

осмотрѣть все, чтобы потомъ разсказать ему обо всемъ, что́ увидятъ. Это его позабавитъ.

На платформѣ Люсьенъ и Гортензія бѣгомъ бѣгутъ вдоль ряда вагоновъ, отыскивая свободное купе перваго класса. Имъ посчастливилось найти мѣсто и они поспѣшно усаживаются, надѣясь провести время въ пріятнѣйшемъ tête-à-tête, когда на ихъ бѣду въ то же самое купе влѣзаетъ старый господинъ съ очками на носу, и съ строгимъ видомъ поглядываетъ на нихъ. Поѣздъ трогается съ мѣста. Гортензія, огорченная, отворачиваетъ голову и дѣлаетъ видъ, что любуется пейзажемъ, но слезы досады навертываются у ней на глазахъ, она даже не видитъ деревьевъ. Люсьенъ придумываетъ какой-нибудь остроумный способъ отдѣлаться отъ стараго господина, и ничего не можетъ изобрѣсти, кромѣ самыхъ насильственныхъ мѣръ. Одну минуту онъ надѣется, что ихъ спутникъ сойдетъ въ Мантѣ или въ Вернонѣ. Тщетная надежда!—господинъ ѣдетъ до Гавра. Тогда Люсьенъ, обозлясь, рѣшается взять жену за руку. Чортъ его побери совсѣмъ, вѣдь они мужъ и жена, чего же имъ скрывать свою любовь. Но взгляды стараго господина становятся все строже и строже; онъ такъ очевидно не одобряетъ такого выраженія нѣжности, что молодая женщина, краснѣя, отнимаетъ свою руку у мужа. Остальное путешествіе совершается въ стѣснительномъ молчаніи. Къ счастію, они скоро пріѣзжаютъ въ Руанъ.

Люсьенъ, выѣзжая изъ Парижа, купилъ путеводителя. Они останавливаются въ отелѣ, который рекомендуется путеводителемъ съ самой хорошей стороны, и тотчасъ же становятся жертвой гарсоновъ. За табльдотомъ они едва осмѣливаются обмѣняться словомъ въ присутствіи такого большого общества, которое таращитъ на нихъ глаза. Наконецъ, они спозаранку укладываются спать, но замѣчаютъ, что перегородки до того тонки, что ихъ сосѣди по правую и по лѣвую руку не могутъ пошевелиться безъ того, чтобы они этого не услышали: самый легкій шорохъ долетаетъ до нихъ такъ явственно, точно онъ совершается въ ихъ комнатѣ. Они сами не смѣютъ пошевелиться, стѣсненные этимъ близкимъ сосѣдствомъ, которое заставляетъ ихъ невольно присутствовать при всѣхъ подробностяхъ вечерняго и утренняго туалета остальныхъ путешественниковъ.

— Ну,—говоритъ Люсьенъ, вставая поутру,—мы осмотримъ городъ и тотчасъ же отправимся въ Гавръ.

Весь день они на ногахъ. Они осматриваютъ соборъ, гдѣ имъ показываютъ масляную башню, башню, грозящую паденіемъ и выстроенную на счетъ налога, которымъ когда-то духовенство обложило масло во всей провинціи. Они останавливаются передъ развалинами стараго дворца нормандскихъ герцоговъ, передъ старыми церквами, обра-

Digitized by Google

щенными въ склады сѣна. Затѣмъ, такъ какъ они не успѣваютъ осмотрѣть всего въ этотъ день, то посвящаютъ осмотру города и весь слѣдующій день, осматриваютъ площадь Іоанны д'Аркъ, бѣгаютъ по музею и вдоль набережныхъ. Этотъ осмотръ монументовъ и рѣдкостей нисколько ихъ не занимаетъ. Въ особенности Гортензія скучаетъ до смерти и такъ устаетъ, что къ вечеру едва волочитъ ноги. Но они видятъ во всемъ этомъ исполненіе долга и не пропускаютъ ни одного историческаго зданія. Когда Люсьенъ объявляетъ, что они на завтра выѣдутъ въ Гавръ, Гортензія съ облегченіемъ вздыхаетъ. Наконецъ-то имъ можно будетъ побыть другъ съ другомъ.

Но въ Гаврѣ имъ готовится новая непріятность. Постели въ отелѣ, гдѣ они останавливаются, такъ узки, что имъ отводятъ комнату съ двумя кроватями. Гортензія усматриваетъ въ этомъ оскорбленіе и начинаетъ плакать. Люсьену приходится ее утѣшать; онъ клянется, что они пробудутъ въ Гаврѣ ровно столько, сколько нужно, чтобы осмотрѣть городъ. И вотъ бѣготня возобновляется. Гортензія до того не въ духѣ, что находитъ море совсѣмъ маленькимъ. Она думала, что оно гораздо больше. Не стоило право безпокоиться, чтобы увидѣть его. Что касается Люсьена, то онъ поступилъ въ крѣпостную зависимость отъ своего путеводителя и повинуется ему безусловно.

И вотъ они выѣзжаютъ изъ Гавра и останавливаются въ каждомъ значительномъ городѣ, показанномъ въ путеводителѣ. Они посѣщаютъ Гонфлёръ, Понъ-Левекъ, Канъ, Байё, Шербуръ, голова ихъ идетъ кругомъ отъ всѣхъ этихъ улицъ и монументовъ, которые имъ приходится осматривать; они совсѣмъ одурѣли отъ осмотра пропасти предметовъ, нисколько ихъ не интересующихъ.

Нигдѣ еще не находили они мирнаго и спокойнаго уголка, гдѣ бы могли укрыться отъ постороннихъ взглядовъ. Они дошли до того, что ни на что не глядятъ больше и продолжаютъ свое путешествіе, какъ барщину, отъ которой не знаютъ какъ отдѣлаться. Разъ уѣхавъ, надо же путешествовать.

Наконецъ однажды вечеромъ, въ Шербурѣ у Люсьена вырываются слѣдующія знаменательныя слова:

— Мнѣ кажется, что ужъ лучше къ твоей maman.

На другой день они выѣзжаютъ въ Гранвиль. Но Люсьенъ мраченъ и бросаетъ яростные взгляды на окрестныя поля, раскидывающіяся вѣеромъ по обѣимъ сторонамъ вагона. Вдругъ въ то время, какъ поѣздъ останавливается у одной маленькой станціи, названіе которой даже совсѣмъ неизвѣстно имъ,—прелестный уголокъ, весь затерявшійся въ зелени,—Люсьенъ восклицаетъ:

— Поскорѣе, душа моя, сойдемъ здѣсь.

Digitized by Google

— Но вѣдь эта станція не обозначена въ нашемъ путеводителѣ— замѣчаетъ озадаченная Гортензія.

— Путеводитель, путеводитель!—подхватываетъ мужъ, — погодика, я вотъ отправлю къ чорту нашего путеводителя. Ну, скорѣе, выходи изъ вагона.

— Но нашъ багажъ?

— Плевать на багажъ.

И вотъ Гортензія выходитъ изъ вагона, поѣздъ трогается, и они остаются вдвоемъ въ зеленомъ, прелестномъ уголкѣ. Оставивъ станцію, они тотчасъ же очутились среди настоящей деревенской глуши. Ни малѣйшаго шума. Птицы поютъ на деревьяхъ, прозрачный ручеекъ течетъ въ глубинѣ долины. Первымъ дѣломъ Люсьена забросить путеводителя въ прудъ. Ну, вотъ и конецъ, теперь они свободны.

Въ трехъ-стахъ шагахъ находится большой уединенный постоялый дворъ, гдѣ хозяйка отводитъ имъ большую комнату, съ выбѣленными стѣнами, веселенькую, какъ сама весна. Стѣны толщиной въ метръ. Къ тому же, на постояломъ дворѣ нѣтъ ни одного путешественника и только куры поглядываютъ на нихъ съ любопытствомъ.

— Наши билеты годятся еще въ теченіи недѣли, и мы проживемъ эту недѣлю здѣсь.

Какую чудную недѣлю проводятъ они. Они съ утра уходятъ бродить по проселочнымъ дорожкамъ, забираются въ лѣсъ, растущій на скатахъ холма, и тамъ проводятъ дни въ чащѣ, укрывающей ихъ молодую любовь. Въ другой разъ они слѣдуютъ по теченію ручья, Гортензія бѣгаетъ, какъ школьница, вырвавшаяся на волю, снимаетъ ботинки и топчется ногами въ водѣ, Люсьенъ звонко цѣлуетъ ее въ затылокъ и она весело взвизгиваетъ. Недостатокъ бѣлья и полное отсутствіе всего необходимаго очень забавляетъ ихъ. Они въ восторгѣ, что укрылись въ пустынѣ, гдѣ никому нѣтъ до нихъ дѣла. Гортензіи пришлось занять у хозяйки грубое бѣлье, рубашки изъ толстаго полотна, которое царапаетъ ей кожу.—Ахъ! имъ здѣсь куда какъ веселѣе, чѣмъ въ Руанѣ или въ Шербурѣ!

Комнатка ихъ такая веселая! Они запираются въ ней съ восьми часовъ вечера, когда окрестность, зеленая и безмолвная, больше ихъ не привлекаетъ, строго-на-строго запрещаютъ себя рано будить. Люсьенъ спускается порою внизъ въ туфляхъ, самъ приноситъ завтракъ, состоящій изъ яицъ и котлетъ, никому не позволяя входить въ комнату. И они весело завтракаютъ, не сходя съ кровати, и завтракъ долго длится, благодаря поцѣлуямъ, пересыпающимъ его.

На седьмой день они очень удивлены и огорчены тѣмъ, что время такъ скоро пролетѣло, и уѣзжаютъ, не желая даже узнать названіе деревушки, пріютившей ихъ.

Digitized by Google

Наконецъ-то и на ихъ долю досталась частица медоваго мѣсяца. Только въ Парижѣ обрѣтаютъ они свой багажъ.

На разспросы дяди Берара они даютъ самые сбивчивые отвѣты. Они видѣли море въ Канѣ и переносятъ масляную башню въ Гавръ.

— Но, чортъ возьми!—кричитъ желѣзный торговецъ:—вы ничего не говорите мнѣ про Шербуръ.... А арсеналъ-то?

— О! это совсѣмъ маленькій арсеналъ,—спокойно отвѣчаетъ Люсьенъ.—И совсѣмъ безъ деревьевъ.... Знаешь ли, папа, купи путеводителя, и ты узнаешь больше нашего.

Тутъ m-me Ларивьеръ, строгая какъ и всегда, пожимаетъ плечами, бормоча:

— Стоило послѣ того путешествовать. Они даже не познакомились съ монументами... Ну, Гортензія, довольно дурачиться, становись-ка за прилавокъ.

III.

Въ одно іюльское утро г-нъ и г-жа Пишонъ, лежа еще въ постелѣ, обсуждаютъ, на какое морское купанье повезутъ они этотъ годъ своихъ трехъ дочерей.

— Въ Діепиъ,—предлагаетъ мамаша.

— Нѣтъ, нѣтъ,—бормочетъ папаша съ озабоченнымъ видомъ,—мы тамъ не встрѣтимъ ни души знакомой.... Туда ѣдутъ только Мишелены, а у нихъ нѣтъ больше неженатыхъ сыновей.

— Ну, такъ въ Кабуръ.

— Вотъ еще! онъ биткомъ набитъ художниками.

— Знаешь что! поѣдемъ въ Ульгатъ: говорятъ, что тамъ премило!

— Нѣтъ, тамъ жизнь слишкомъ дорога. Ужъ лучше прямо въ Трувиль.

Мамаша продолжаетъ перечислять морскія купанья: Феканъ, Треторъ, Виллервиль, Этрета; но папаша по той или по другой причинѣ отвергаетъ всѣ эти станціи. И съ досадой объявляетъ, надѣвая туфли, что скоро рѣшительно некуда будетъ возить дочерей, гдѣ бы онѣ могли найти приличныхъ жениховъ. Въ это утро г-нъ и г-жа Пишонъ никакъ не могутъ выбрать морского купанья, и это приводитъ ихъ въ отвратительное расположеніе духа.

Но три дня спустя Пишонъ возвращается домой съ веселымъ видомъ. Онъ ничего не говоритъ при барышняхъ, но, ложась спать и задувъ уже свѣчу, шепчетъ женѣ на ухо:

— Знаешь ли, Бодрильяры ѣдутъ въ Luc-sur-mer.

— О!—отвѣчаетъ жена.—Luc-sur-mer совсѣмъ не красивъ.

Digitized by Google

— Полно пожалуйста, прелестное мѣсто... Бодрильяръ говорилъ мнѣ въ прошломъ мѣсяцѣ, что очень бы хотѣлось пристроить своего сына Шарля.

— Маленькаго, некрасиваго адвоката.

— Вовсе нѣтъ, онъ очень милъ. Отецъ даетъ ему сто-пятьдесятъ тысячъ франковъ, не считая подарковъ.... Нѣчего больше раздумывать, и мы поѣдемъ въ Luc-sur-mer.

На слѣдующій день объ этомъ рѣшеніи возвѣщается барышнямъ, которыя слегка надуваютъ губки. Luc-sur-mer, играющій роль Трувиля для Кана и Байё, кажется имъ ужасной трущобой. Но тѣмъ не менѣе онѣ покоряются, и отъѣздъ назначенъ въ послѣднихъ числахъ іюля. У Пишона есть пріятель въ Канѣ, который берется нанять имъ небольшой домикъ.

Никто и не подозрѣваетъ сколько хлопотъ могутъ причинить отцу три дочери-невѣсты. Младшей, Шарлоттѣ, всего только семнадцать лѣтъ, и она еще можетъ подождать. Но двумъ другимъ, старшей—Клотильдѣ, и второй—Эжени, одной двадцать-четыре года, а другой двадцать-одинъ годъ, а это уже солидные годы. Поэтому Пишонъ руководится во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ цѣлью пристроить своихъ дочерей. Онъ принадлежитъ къ высшей администраціи. Вотъ уже лѣтъ пять, какъ ему дали орденъ и назначили начальникомъ отдѣленія въ одномъ министерствѣ. Но жалованья его, которое довольно значительно, едва хватаетъ на покрытіе расходовъ по дому, на туалеты дамъ и небольшіе пріемы зимой. М-me Пишонъ съ своей стороны не имѣетъ никакого состоянія и сдѣлала ту ошибку, что дала слишкомъ свѣтское воспитаніе своимъ барышнямъ, въ надеждѣ выгодно пристроить ихъ. Барышни прелестны; одѣваются съ величайшимъ вкусомъ и знаютъ всѣ парижскія сплетни; но всѣмъ извѣстно, что за ними нѣтъ приданаго, и это отпугиваетъ жениховъ. Хотя домъ устроенъ на широкую ногу, квартира превосходная, разъ въ недѣлю даются обѣды, дамы пользуются экипажемъ, нанимаемымъ помѣсячно, и большими связями, но самый этотъ блескъ устрашаетъ больше, чѣмъ ослѣпляетъ. Пишоны принадлежатъ къ тому разряду расточителей, которые ставятъ копѣйку ребромъ и поѣдаютъ вечеромъ все, что заработали поутру.

— Это чортъ знаетъ что такое!—восклицаетъ въ одно прекрасное утро Пишонъ, только-что получившій письмо.—Представьте: съ меня спрашиваютъ четыреста франковъ за маленькій домикъ въ шесть комнатъ!.. Семь-сотъ франковъ въ мѣсяцъ, и вдобавокъ я долженъ извѣстить по телеграфу немедленно, беру ли я этотъ домъ. Онъ одинъ только еще не нанятъ.

М-me Пишонъ тоже приходитъ въ ужасъ. Десять лѣтъ тому на-

Digitized by Google

задъ заплатили бы всего какихъ-нибудь двѣсти франковъ, да и то еще врядъ ли. Скоро совсѣмъ нельзя будетъ ѣздить на морскія купанья. Ужъ лучше ѣхать въ Довиль или въ Ульратъ, тамъ съ васъ сдерутъ не больше.

— Бодрильяры будутъ нашими сосѣдями,—бормочетъ Пишонъ.— Пойду, пошлю телеграмму, что мы нанимаемъ домъ.

Пишоны трогаются съ мѣста, поднимается цѣлая исторія. Дамы забираютъ съ собой чемодановъ десять. Надо еще особый чемоданъ для шляпъ. Затѣмъ начинаются прощальные визиты. У всѣхъ своихъ знакомыхъ мать и дочери повторяютъ однѣ и тѣ же фразы о томъ, что онѣ ѣдутъ въ Luc-sur-mer этотъ годъ. Эта станція съ каждымъ годомъ все улучшается и тамъ собирается самое приличное общество. Къ тому же, зима была очень шумная. Онѣ желаютъ отдохнуть и разстаться на нѣкоторое время со свѣтомъ.

Въ Luc-sur-mer, дача, на которой онѣ поселяются, стоитъ на самомъ берегу моря. Она выстроена изъ кирпича и изъ досокъ и грозитъ разрушиться при первомъ порывѣ вѣтра. Но маленькій домикъ раскрашенъ яркими красками и заявляетъ претензію на веселость, среди узкаго, жалкаго садика, разбитаго на мѣловой почвѣ, на которой даже репейникъ отказывается произрастать. По ступенькамъ, выбитымъ въ скалѣ, можно спускаться къ морю и купаться въ немъ во время прилива, какъ разъ подъ окнами дачи.

— Да это игрушка!—говоритъ Шарлотта, смѣясь.—Мы не влѣземъ въ нее со всѣми нашими чемоданами.

Однако кое-какъ размѣщаются. Барышни требуютъ каждая отдѣльную комнату и занимаютъ весь первый этажъ, такъ что г-нъ и г-жа Пишонъ устраиваютъ свою спальню въ маленькой комнаткѣ, долженствовавшей служить имъ уборной. Второй этажъ предоставляютъ прислугѣ. Внизу расположенъ довольно большой салонъ и столовая.

Въ первый же день по пріѣздѣ дамы одѣваются и идутъ на берегъ. Надо знать Luc-sur-mer, чтобы представить себѣ, какъ печаленъ этотъ морской берегъ, самый некрасивый изъ всѣхъ. Онъ покрытъ валунами, и острыя пики утесовъ прорѣзываютъ песокъ. Вода стоитъ въ лужахъ и гніющая рыба заражаетъ водоросли. Вокругъ селенія, съ угрюмыми и сѣрыми домами, громадная, плоская равнина, гдѣ не видно ни одного дерева, ни одного холма, сообщаетъ горизонту безнадежную меланхолію.

— Какъ здѣсь гадко!—объявляетъ Шарлотта, со свойственной ей откровенностью.

Клотильда и Эжени, разсматривающія туалеты купальщицъ, находятъ, что въ Luc-sur-mer не такъ худо одѣваются и что въ немъ

Digitized by Google

можно прилично прожить два мѣсяца. Но ихъ первая прогулка посѣетъ безпокойство въ Пишонѣ.

— Странно,—говоритъ онъ женѣ,—мы не встрѣтили Бодрильяровъ.—Надо о нихъ справиться завтра.

На другой день, совершивъ чудеса дипломатіи, онъ узнаетъ, что Бодрильяры каждое утро гуляютъ по дорогѣ въ Лангрюнъ, и искусно устраиваетъ встрѣчу съ ними. Оба семейства узнаютъ другъ друга среди песковъ, кишащихъ крабами, которые обращаются въ бѣгство, когда отливъ обнажаетъ ихъ. Шарль Бодрильяръ, маленькій адвокатъ, косой и съ кривымъ подбородкомъ, удостоиваетъ припомнить, что онъ танцовалъ съ дѣвицами прошлою зимой; но онъ какъ-будто страшно ихъ боится. М-г и m-me Бодрильяръ сухо-сдержанны, потому что имъ кажется, что это самая приличная манера себя держать. Но въ концѣ-концовъ Пишонъ остается не особенно недоволенъ этимъ первымъ свиданіемъ. Вечеромъ въ постелѣ онъ бесѣдуетъ о немъ съ женой, прежде чѣмъ заснуть.

— Не пройдетъ и недѣли, какъ мы коротко сойдемся. Ничто такъ не сближаетъ, какъ море... Я разсчиталъ во что обойдутся намъ эти два мѣсяца: четыреста франковъ будетъ стоить наемъ дома, столько же ежедневные расходы, пятьсотъ франковъ—поѣздка, двѣ тысячи франковъ ваши туалеты, сверхъ того — непредвидѣнные расходы, въ общей сложности тысячъ шесть-семь франковъ... Это крупная цифра, и мы непремѣнно должны пристроить Клотильду или Эжени, потому что не можемъ часто повторять такія прогулки.

Къ счастію, все, повидимому, идетъ какъ по маслу. Бодрильяры, живущіе на сосѣдней дачѣ, мало-по-малу даютъ завладѣть собой. Сначала обѣ семьи видятся только по утрамъ, затѣмъ съ утра и до ночи; наконецъ, начинаютъ вмѣстѣ купаться, и сближеніе заходитъ такъ далеко, что оба семейства рѣшаются взаимно угощаться обѣдами.

Пишонъ болѣе всего разсчитываетъ на купанье. Море допускаетъ такую милую безцеремонность. Въ Luc-sur-mer дамы и кавалеры купаются вмѣстѣ. Каждый выходитъ изъ дому въ купальномъ костюмѣ и возвращается съ купанья бѣгомъ, набросивъ на плечи пеньюаръ. Поэтому m-me Пишонъ приложила особыя заботы къ костюмамъ дочерей. Они изъ черной саржи, прелестнаго фасона и отдѣланы рюшемъ изъ синей ленты. Барышни просто очаровательны, когда выходятъ изъ воды. Онѣ скоро догадываются въ чемъ дѣло, кокетничаютъ съ Шарлемъ на пропалую, принимаютъ обольстительныя позы, прикидываются то пугливыми, то наивно безстрашными. Клотильда и Эжени мастерски разыгрываютъ свою роль. Что касается Шарлотты, которая не спѣшитъ найти себѣ мужа, она очень забавляет-

Digitized by Google

ся страхомъ, который внушаетъ маленькому адвокату вода, какъ только она доходитъ ему до пояса. Онъ становится лиловымъ—и просто ужасенъ.

— Налаживается, налаживается,—говоритъ каждый вечеръ Пишонъ женѣ.—Мнѣ хотѣлось бы ускорить событія, тогда намъ можно было бы недѣлей раньше вернуться въ Парижъ, а это было бы очень пріятно, потому что здѣсь нельзя сказать, чтобы было весело.

Дѣйствительно, нѣтъ возможности представить себѣ ничего монотоннѣе жизни, которую они ведутъ. У дамъ нѣтъ другого развлеченія, какъ переодѣваться три раза въ день. Затѣмъ начинается гулянье вдоль морского берега по направленію къ Lion-sur-mer и Saint-Aubin, съ вѣчной плоской линіей на горизонтѣ передъ глазами. И ничего больше. Когда наступаетъ полнолуніе, Пишонъ кажется въ восторгѣ.

— Теперь наши дѣла пойдутъ успѣшнѣе,—говоритъ онъ.

Одно только обстоятельство безпокоитъ его немного; а именно то, что Шарль исчезаетъ неизвѣстно куда по вечерамъ. Онъ рѣшается ловко допросить Бодрильяра. Но тотъ приводитъ его въ восторгъ, объяснивъ, что Шарль ярый труженикъ.

Онъ проводитъ ночи за работой, изучаетъ дѣла, которыя ему присылаютъ изъ Парижа; въ комнатѣ его горитъ огонь до двухъ, до трехъ часовъ утра; съ этихъ поръ Пишоны каждый вечеръ, проходя мимо дачи сосѣдей, поглядываютъ на освѣщенное окно, говоря:

— М-г Шарль занимается.

Погода стоитъ великолѣпная, луна ярко свѣтитъ. Обѣ семьи, выходя изъ-за стола, усаживаются на пескѣ, безъ церемоніи. Барышни зарываются въ песокъ. Родители приносятъ складные стулья, и глядятъ на морской приливъ, позлащенный луною. Пишонъ разсчитывалъ на этотъ поэтическій часъ, чтобы докончить побѣду надъ Шарлемъ. Начальникъ отдѣленія желалъ бы лучше выдать сперва замужъ Клотильду, но все-равно—съ радостью отдѣлается и отъ Эжени, если Шарлю она больше понравится. Пусть выбираетъ любую, Пишонъ обѣщалъ себѣ только не выдавать Шарлотту раньше сестеръ.

Въ первые лунные вечера, Шарль по-неволѣ является на морской берегъ. Но ему кажется совсѣмъ не по себѣ, и въ десять часовъ онъ исчезаетъ, точно проваливается въ песокъ; m-me Пишонъ объявляетъ, что этотъ молодой человѣкъ рѣшительно слишкомъ застѣнчивъ, и готова дать Клотильдѣ весьма энергическіе совѣты. Жить здѣсь остается всего одинъ мѣсяцъ, надо прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ.

Дѣла стояли все такъ, когда въ одинъ прекрасный вечеръ Шарль является на морской берегъ, въ сопровожденіи пріятеля, высокаго, краснваго молодца, котораго онъ ѣздилъ встрѣчать утромъ на дебар-

Digitized by Google

кадеръ Кана. Пишонъ въ недоумѣніи, и обращается за справками къ Бодрильяру, который между тѣмъ сообщаетъ ему слѣдующее:

— У этого Жана Бернье нѣтъ ни гроша въ карманѣ, онъ живописецъ, отличный малый вообще и очень уменъ.

„Ну, этотъ не въ счетъ", думаетъ Пишонъ, скорчивъ презрительную гримасу.

И дѣйствительно не обращаетъ на него никакого вниманія, хотя Жанъ въ нѣсколько дней становится хорошимъ пріятелемъ барышень, въ особенности же Шарлотты, которая пристаетъ къ нему, чтобы онъ училъ ее плавать.

Дни проходятъ за днями, Пишонъ волнуется все сильнѣе и сильнѣе. Эти Бодрильяры право пребезтолковые люди! чего они ждутъ и не дѣлаютъ предложенія? Однажды вечеромъ, въ худую погоду, когда луна скрывается за облакомъ и дуетъ вѣтеръ, Пишонъ расхаживаетъ одинъ по морскому берегу, желая разсѣять свою досаду. И вотъ вдругъ онъ замѣчаетъ, что маленькій Шарль сидитъ съ какой-то дамой позади одной барки. Онъ поднимаетъ голову, и видитъ въ окно дачи зажженую рабочую лампу. Ахъ! бездѣльникъ, вотъ какъ онъ изучаетъ законы. И хуже всего то, что начальникъ отдѣленія узналъ эту барыню. Это какая-то лоретка, шатающаяся здѣсь, вѣроятно, любовница Шарля, которую онъ вывезъ изъ Парижа. Да и правду сказать, этотъ малый слишкомъ застѣнчивъ съ честными дѣвушками, чтобы не обожать тѣхъ, которыхъ нельзя назвать честными.

Въ этотъ вечеръ Пишонъ долго прогуливается, онъ рѣшается не говорить о своей встрѣчѣ женѣ. Женщины ничего не смыслятъ въ этихъ вещахъ. У Шарля есть любовница! ну, что-жъ! можетъ, оно и лучше! можетъ быть, это обстоятельство заставитъ Бодрильяра поторопиться съ сватовствомъ. И на слѣдующій день начальникъ отдѣленія ведетъ долгую и искусную бесѣду съ своимъ почтеннымъ другомъ и даетъ ему понять, что ему слѣдуетъ какъ можно скорѣе женить сына.

— Да, да, я знаю,—спокойно отвѣчаетъ отецъ,—Шарль привезъ сюда съ собой кокотку... Что дѣлать? Малый хоронитъ свою холостую жизнь. Мы его женимъ по возвращеніи въ Парижъ, это уже дѣло рѣшенное.

Пишонъ оглушенъ словно ударомъ грома. Онъ бѣгомъ возвращается домой и приказываетъ немедленно укладываться. Они выѣдутъ отсюда сегодня вечеромъ. Ни за что на свѣтѣ онъ не останется ни одного часа долѣе въ этомъ отвратительномъ мѣстѣ. И вотъ, среди этой-то суматохи къ нему является съ визитомъ Жанъ, въ свѣжихъ перчаткахъ, и проситъ руку Шарлотты.

Digitized by Google

— Ни у васъ, ни у нея нѣтъ ни гроша, это невозможно,—кричитъ онъ,—я отказываю вамъ.

Но такъ какъ живописецъ весело возражаетъ ему, что фортуна благопріятствуетъ молодости и смѣлости, онъ гнѣвно замѣчаетъ:

— Вы правы, берите которую-нибудь, по крайней мѣрѣ я избавлюсь хоть отъ одной: по правдѣ сказать, онѣ мнѣ надоѣли, хуже горькой рѣдьки... Берите Клотильду или Эжени. Шарлотта можетъ еще подождать.

— Но я люблю m-lle Шарлотту.

Споръ длится еще съ минуту, Пишонъ упрямится. Онъ хочетъ выдавать дочерей по возрасту. Наконецъ кричитъ:

— Ну, берите хоть Шарлотту, все же у меня будетъ одной дочерью меньше.

И въ тотъ же вечеръ, по возвращеніи всего семейства въ Парижъ, Пишонъ, лежа въ постели, высчитываетъ во что́ ему обошлось пребываніе въ Luc-sur-mer. Семь тысячъ триста франковъ! И имъ удалось пристроить только Шарлотту, которую и безъ того всего легче было сбыть съ рукъ! Впрочемъ, и то хорошо: вѣдь могли вернуться ровно ни съ чѣмъ! И въ то время, какъ m-me Пишонъ уже засыпаетъ и слегка всхрапываетъ, онъ будитъ ее и замѣчаетъ:

— Знаешь, на слѣдующій годъ слѣдуетъ ѣхать въ Трувиль, хотя бы это обошлось въ десять тысячъ франковъ.

IV.

Въ одно прекрасное утро m-me Доденъ приходитъ къ доктору Метивье, который вотъ уже лѣтъ десять какъ лечитъ ея мужа. Она кажется крайне встревоженной и съ отчаяннымъ видомъ говоритъ доктору:

— Докторъ, мужу очень нездоровится.

— Развѣ съ нимъ опять былъ припадокъ съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ?—спрашиваетъ докторъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, но тѣмъ не менѣе ему совсѣмъ не хорошо.

Тутъ докторъ улыбается.

— Доденъ здоровъ, какъ былъ,—возражаетъ онъ. — Ступайте съ Богомъ домой, я заѣду къ вамъ вечеромъ.

Но m-me Доденъ настаиваетъ. Она не можетъ указать ни на какой тревожный симптомъ, но все говоритъ ей, что мужъ сильно боленъ. Докторъ улыбается еще хитрѣе, и какъ будто самъ наконецъ пугается.

Digitized by Google

— Чортъ возьми! неужели это такъ серьёзно!.. Ну-ка, скажите, сколько лѣтъ вашему мужу?

— Пятьдесятъ-пять лѣтъ, докторъ.

— А вамъ двадцать-пять лѣтъ, не правда-ли? Онъ вышелъ въ отставку женившись на васъ.

— Да, докторъ, полтора года тому назадъ.

Допросъ продолжается. Докторъ прикидывается все болѣе и болѣе озабоченнымъ. И заключаетъ, повторяя:

— Чортъ побери! неужели это такъ серьёзно... Надо беречься. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ медицина совсѣмъ безсильна. Ваше дѣло, милая m-me Доденъ, ухаживать за нимъ...

И умолкаетъ, какъ будто спрашивая ея совѣта: что тутъ дѣлать? Она опускаетъ свои длинныя рѣсницы и бормочетъ, слегка краснѣя:

— Мнѣ кажется... Вы мнѣ скажете, хорошо ли я придумала... Да, мнѣ кажется, что для мужа полезно было бы съѣздить на воды...

— Гмъ! воды не всегда помогаютъ,—говоритъ докторъ, все еще съ озабоченнымъ видомъ...—И притомъ надо удачно выбрать.

— Мы могли бы отправиться въ Баньеръ, съ живостью произноситъ m-me Доденъ.

Онъ глядитъ ей прямо въ лицо, и улыбка снова неотразимо появляется у него на губахъ:

— Ахъ! такъ вы хотите въ Баньеръ? шепчетъ онъ.

И возвышая голосъ:

— Превосходная идея, милая m-me Доденъ, Да, да, Баньерскія воды принесутъ ему много пользы.

M-me Доденъ встала, и на порогѣ кабинета проговорила своимъ томнымъ голосомъ:

— Мы пробудемъ тамъ мѣсяцъ. Приходится пожертвовать своимъ покоемъ, потому что это путешествіе перевернетъ всѣ наши привычки. Но я, право, такъ тревожусь.... Итакъ, рѣшено, не правда ли? Вы, докторъ, заѣдете къ намъ и скажете мужу, что надумались послать его въ Баньеръ? Настаивайте, если будетъ нужно. Мы вылечимъ его насильно.

Докторъ Метивье любезный скептикъ, и его главнымъ правиломъ въ жизни всегда было угождать женамъ своихъ паціентовъ. Этому онъ, конечно, обязанъ тѣмъ, что у него самая обширная практика въ кварталѣ. На другой день онъ заѣзжаетъ къ полковнику Додену и напугавъ его сначала длинными и запутанными фразами, совѣтуетъ ему съѣздить на воды.

Но полковникъ не тотчасъ сдается; онъ уступаетъ только тогда, когда докторъ смертельно запугалъ его. Тогда онъ принимается хныкать, еле-волочитъ ноги и стонетъ, и едва даетъ женѣ время уло-

Digitized by Google

жить чемоданы. И къ страху его примѣшивается глубокое недоумѣніе.

— Каково, однако? Можно быть больнымъ, того не подозрѣвая.

Въ Ваньерѣ чета останавливается въ отелѣ, отстоящемъ всего ближе отъ источниковъ. Это обширное заведеніе, гдѣ посѣтители водъ размѣщаются точно скотъ въ стойлахъ. Доденъ платятъ очень дорого за узкую комнату, почти загроможденную ихъ чемоданами. За табльдотомъ едва можно пошевелить локтями. И хуже всего то, что нельзя сдѣлать двухъ шаговъ по коридору, не встрѣтивъ истомленныхъ людей, которые бродятъ какъ тѣни. Трудно представить себѣ что-нибудь убійственнѣе этой гостиницы, напоминающей и постоялый дворъ и больницу.

Но Доденъ покоряются своей судьбѣ. Здоровье прежде всего.

Въ первые дни они влачатъ самое жалкое существованіе. Полковникъ лечится серьёзно ваннами, которыя беретъ два раза въ день, и нѣсколькими стаканами воды, проглатываемой залпомъ передъ ѣдой. Онъ дѣлаетъ страшныя гримасы, потому что никогда не терпѣлъ воды. И затѣмъ не въ духѣ до самаго вечера. Ему нѣтъ ни минуты покоя, и такъ какъ леченье требуетъ, чтобы онъ дѣлалъ не болѣе двухъ километровъ движенія, то онъ большую часть времени просиживаетъ въ своей комнатѣ, съ яростью поглядывая на крыши водолечебнаго заведенія, красующагося передъ его глазами. Что касается m-me Доденъ, то она, кажется, скучаетъ еще сильнѣе. Она тоже сидитъ у окна, подавляя зѣвоту. Она съ тревогой сторожитъ улицу и слегка вздрагиваетъ всякій разъ, какъ на ней покажется мундиръ. Можно подумать, что она кого-то ждетъ.

Однажды она съ замираніемъ сердца выглянула изъ окна.

— Погляди-ка на голубей, вотъ они летятъ,—кричитъ она мужу.

Полковникъ подходитъ, поднимаетъ глаза къ небу и не видитъ никакихъ голубей, но за то, упустивъ ихъ, усматриваетъ на улицѣ поручика, медленно прогуливающагося.

— Смотри! — говоритъ онъ съ удивленіемъ,—да это какъ будто Рено... Ну, да! такъ и есть, это онъ..... Какой дьяволъ занесъ его въ Ваньеръ?

И безъ церемоніи зоветъ поручика, который немедленно является. Красивый мужчина—этотъ офицеръ, черноволосый, съ бѣлой кожей и маленькими усиками.

— Ну, вотъ уже никакъ не ожидалъ васъ здѣсь встрѣтить,—кричитъ полковникъ! Что вы тутъ дѣлаете.

— Я стою гарнизономъ въ Бордо,—отвѣчаетъ поручикъ.—Взялъ отпускъ и гощу у сестры, которая уже съ годъ, какъ поселилась въ Ваньерѣ.

Digitized by Google

Полковникъ въ восхищеніи. Рено когда-то служилъ подъ его командой. Но вдругъ онъ спохватывается, что нужно представить его г-жѣ Доденъ.

— Гмъ! вы незнакомы съ моей женой.

Рено кланяется, бормоча:

— Извините, полковникъ. Я имѣлъ честь танцовать съ m-me Доденъ въ день вашей свадьбы.... Къ тому же я—уроженецъ Тура, какъ и m-me Доденъ. Наши семьи были знакомы между собой.

— Такъ, такъ!—кричитъ полковникъ.—Какъ я глупъ! Ну, ужъ можно сказать, что вы явились какъ нельзя болѣе кстати. Если бы вы были званымъ гостемъ, такъ не встрѣтили бы лучшаго пріема.... Гмъ! вы съ нами обѣдаете, не правда ли? и вечеромъ мы сыграемъ партію въ шахматы.... Вы не можете себѣ представить, mon-cher, какъ я скучаю!

И въ ожиданіи обѣда онъ совсѣмъ завладѣваетъ поручикомъ и пересказываетъ ему о своихъ недугахъ. Онъ величаетъ себя развалиной, настоящей стклянкой для лекарствъ. Но что-жъ дѣлать, никому не охота умирать. Только онъ никакъ не можетъ переварить этой проклятой воды. Онъ чувствуетъ, что у него въ животѣ какъ будто прудъ. И съ комической яростью добавляетъ, что скоро въ немъ разведутся лягушки.

М-me Доденъ тѣмъ временемъ сидитъ надувшись и вечеромъ дѣлаетъ сцену мужу, говоря, что не было никакой нужды звать чужого человѣка въ ихъ комнату. Его присутствіе очень стѣснитъ ее. Ей нельзя будетъ просто рукъ вымыть.

— Рено, чужой человѣкъ!—кричитъ полковникъ.—О! не стѣсняйся съ нимъ. Онъ чудесный человѣкъ.

И вотъ поручикъ скоро дѣлается у нихъ своимъ человѣкомъ. Полковникъ, обожающій игру въ шахматы, нашелъ, наконецъ, достойнаго противника. Онъ больше и не заикается о прогулкахъ и продолжаетъ свое леченье, клянясь и божась, что животъ у него пухнетъ съ каждымъ днемъ. М-me Доденъ, скромная и молчаливая, вышиваетъ въ уголку.

— Знаете что, Рено,—говоритъ однажды вечеромъ полковникъ,—вы очень обяжете меня, если зайдете завтра утромъ за женой и заставите ее прогуляться. Она заболѣетъ въ своемъ углу. Ужъ довольно того, что я сижу взаперти.

М-me Доденъ сначала отказывается идти гулять. Но затѣмъ даетъ уговорить себя, и рѣшено, что Рено наметъ двухъ верховыхъ лошадей, и покажетъ ей живописныя мѣста въ Пиренеяхъ.

— Прекрасно,—одобряетъ мужъ.—Позавтракайте во время про-

Digitized by Google

сулки, но къ обѣду возвращайтесь домой, и не забудьте про шахматы, Рено.

Какая чудесная прогулка! Поручикъ и m-me Доденъ выѣзжаютъ верхомъ на лошадяхъ, сначала на приличномъ разстояніи другъ отъ друга. Но какъ только они въѣзжаютъ въ горы, такъ тѣснятся ближе другъ къ другу, улыбаясь съ нѣжнымъ видомъ. И вотъ, какъ любовники, встрѣтившіеся послѣ долгой разлуки, они снова начинаютъ говорить *ты* другъ другу, какъ въ эпоху ихъ ранней любви. Вокругъ нихъ мощная и дикая природа развертываетъ свои красоты. То пропасти окружаютъ ихъ, и на днѣ ихъ громко рокочетъ невидимый потокъ; то возвышаются пики, точно соборныя стрѣлки, то скалы, нагроможденныя другъ на друга кажутся какъ-бы развалинами какого-то города. Дорога, по которой они ѣдутъ, то лѣпится по скатамъ холмовъ, то ведетъ черезъ воздушные мосты, то спускается въ долины. Но зачастую они ничего не видятъ и, наклонясь съ сѣдла, обмѣниваются поцѣлуемъ.

Позавтракали они тоже восхитительно, въ какомъ-то дрянномъ трактирѣ, одиночкой стоящимъ у дороги. M-me Доденъ говорили про Рено: „вашъ мужъ"—и она улыбалась, не опровергая. И вотъ имъ предлагаютъ занять особую комнату въ ожиданіи, пока дожарятъ цыпленка и изготовятъ яичницу. Они согласились занять отдѣльную комнату и даже велѣли себѣ подать туда завтракать. За десертомъ ихъ оставили однихъ. И на возвратномъ пути они благодарятъ другъ друга за чудесный день, проведенный ими.

— Если вода, которую я глотаю, мнѣ не помогаетъ,—говоритъ полковникъ женѣ каждый вечеръ,—за то тебѣ пребываніе въ Пиренеяхъ идетъ впрокъ. Ты вернешься въ Парижъ, свѣжая какъ роза.

Эта чудесная жизнь длится цѣлыхъ три недѣли. Дни протекаютъ, и какъ двѣ капли воды похожи одинъ на другой. Полковникъ добросовѣстно лечится, разрѣшаетъ себѣ лишь часовую прогулку вокругъ города, между тѣмъ какъ жена его и поручикъ Рено ѣздятъ въ горы. Вечеромъ онъ завладѣваетъ поручикомъ и держитъ его за шахматами до полуночи. M-me Доденъ сидитъ передъ ними, выронивъ работу изъ рукъ и глядитъ на нихъ съ задумчивымъ видомъ.

— Я ни за что не выдержу до конца,—часто говоритъ полковникъ,—я раньше того лопну... Послушай-ка, душа моя, не удовольствоваться ли мнѣ двадцатью днями леченья?

Но жена безжалостна. Надо выполнить предписаніе доктора Мотивье. Однако наканунѣ ихъ отъѣзда въ Парижъ, полковникъ рѣшительно не могъ проглотить своихъ двухъ послѣднихъ стакановъ; онъ серьезно боленъ. Поутру жена уѣзжаетъ съ поручикомъ, чтобы проститься съ горами. Наступаетъ ночь, а они все еще не верну-

Digitized by Google

лись. Полковникъ, сильно встревоженный, дожидается ихъ до одиннадцати часовъ и поговариваетъ уже о томъ, чтобы пуститься разыскивать ихъ, когда они, наконецъ, появляются, но до того утомленные, что m-me Доденъ объявляетъ, что немедленно ляжетъ спать. Рено разсказываетъ, что предъ ними провалился мостъ, и имъ пришлось сдѣлать очень большой крюкъ.

— Ну, прощайте, мой милый,—говоритъ полковникъ молодому офицеру.—Вы славный малый. Если васъ пошлютъ въ Парижъ, то навѣстите насъ.

Когда Доденъ пріѣзжаютъ въ Парижъ, m-me Доденъ должна немедленно послать за докторомъ Метивье. Мужъ ея слегъ въ постель тотчасъ по пріѣздѣ.

— Чортъ побери! — говоритъ докторъ, изслѣдовавъ его, — воды произвели воспаленіе въ боку... Это довольно часто случается... Мы постараемся вылечить васъ отъ этого.

Уходя, докторъ разговариваетъ съ m-me Доденъ.

— А вы какъ нашли Пиренеи?

— Великолѣпная мѣстность, докторъ.

Онъ останавливается передъ ней и съ тонкой улыбкой прибавляетъ:

— Я не спрашиваю, какъ ваше здоровье, вы еще похорошѣли,—о! въ самомъ дѣлѣ. Я догадывался, что это маленькое путешествіе будетъ вамъ полезно... Для дамъ всего лучше свѣжій воздухъ.

Но на порогѣ, въ ту минуту, какъ Метивье собирается уйти, m-me Доденъ вдругъ ощущаетъ угрызеніе совѣсти.

— Ну, а что мой мужъ, докторъ? нѣтъ ни малѣйшей опасности, не правда ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, ему придется только недѣли двѣ пролежать въ постелѣ,—отвѣчаетъ докторъ.—Мы и на этотъ разъ спасемъ его... Да, чортъ возьми, онъ слишкомъ усердно пилъ воду.

V.

— Эй вы! тамъ на лодкѣ!... захватите меня съ собой.

И вернула Планше, безконечный какъ голодный день, поднялся на цыпочкахъ, среди береговыхъ ивъ, чтобы его замѣтили съ маленькой лодки, медленно плывущей внизъ по Сенѣ; въ ней сидятъ пятеро молодыхъ людей и двѣ женщины. Въ числѣ ихъ находятся два живописца, Шарле и Берникаръ, одинъ скульпторъ Шамборель, затѣмъ Моро, редакторъ „*Messager des théâtres*“, и Лаверьеръ, молодой поэтъ, оканчивавшій драму для Одеона. Изъ двухъ

Digitized by Google

женщинъ, Луиза, высокая блондинка, любовница Моро, а Маргарита, маленькая брюнетка, любовница Шамбореля.

— Эй вы!—повторяетъ Планше,—захватите же меня... Я не хочу возвращаться домой пѣшкомъ... Спасибо! придется вѣдь пройти около трехъ километровъ... Эй!

Но лодка медленно плыветъ. Шамборель, сидящій у руля, куритъ трубку, даже не оборачивая головы, точно не слышитъ.

— Какой этотъ Планше нестерпимый!—говоритъ Луиза.—Кто привезъ его къ тётнѣ Жигу?

— Никто,—отвѣчаетъ Берникаръ,—онъ услышалъ, что въ мастерской говорили про поѣздку въ Глотонъ, и свалился къ намъ какъ снѣгъ на голову, двѣ недѣли тому назадъ... Я не знаю человѣка болѣе прилипчиваго.

— Вотъ что!—подхватываетъ Луиза; я берусь избавить васъ отъ него, если вы хотите.

На берегу, среди ивъ, Планше выходитъ изъ себя.

— Ну же, не дурачьтесь. Подплывите сюда... Вѣдь вы можете подъѣхать.

Тогда Шарло, сидѣвшій на веслахъ, рѣшается отвѣчать. Ни за что онъ не подъѣдетъ къ берегу въ этомъ мѣстѣ. Онъ не хочетъ засѣсть въ тинѣ! И такъ какъ Планше предлагаетъ подождать лодки въ другомъ мѣстѣ, Моро вмѣшивается въ переговоры и кричитъ ему, что когда живописцу придетъ въ голову дикая мысль удить рыбу, то онъ долженъ возвращаться съ рыбной ловли одинъ и пѣшкомъ. Обѣ женщины принимаются апплодировать. Лакерьеръ встаетъ и начинаетъ говорить рѣчь объ обязанностяхъ рыболова. Лодка продолжаетъ плыть, Планше показываетъ имъ кулакъ, затѣмъ пускается бѣжать, чтобы вернуться въ Глотонъ въ одно время съ ними.

— Знаете ли,—говоритъ Луиза,—среди взрывовъ смѣха, я прикинусь, что влюблена въ него... Я прошу три дня сроку, чтобы заставить его вернуться туда, откуда онъ пріѣхалъ.

— Да, да, это будетъ забавно!—восклицаетъ веселая компанія.

Тѣмъ временемъ Шарло гребетъ изо всей мочи, чтобы опередить Планше.

Если они пріѣдутъ раньше его, то тотчасъ же сядутъ завтракать, и это его разсердитъ.

Надо знать тотъ уголокъ природы, пустыню, расположенную въ пятнадцати льё отъ Парижа, гдѣ происходитъ все это. Сена течетъ у подошвы холма, расширяется, усѣянная большими островами, между которыми образуются прелестные рѣчные рукава. Эти острова, поросшіе травой, настоящія зеленыя гнѣзда. Желѣзная дорога изъ Парижа въ Руанъ проходитъ въ Бонньерѣ, селеніи, расположенномъ

Digitized by Google

на лѣвомъ берегу. Но по ту сторону рѣки есть деревушка, постоялый дворъ и нѣсколько лачужекъ, называемыхъ Глотонъ, которыя по истинѣ находятся на краю свѣта. Сообщеніе между Глотономъ и Бонньеромъ производится посредствомъ парома, стараго парома, скрипящаго по всѣмъ швамъ и которымъ пользуются только крестьяне. Эту пустыню открыла недавно компанія художниковъ и писателей, и въ ней-то эти парижане, вырвавшись изъ столицы, ведутъ жизнь настоящихъ дикарей.

Представьте себѣ этотъ маленькій міръ, населенный будущими знаменитостями въ литературѣ, живописи и скульптурѣ, запертыхъ въ Парижѣ въ тотъ моментъ, когда наступаютъ убійственные іюльскіе и августовскіе жары, кошельки такъ пусты, что имъ приходится отказаться отъ всякой надежды побывать на берегу моря, съѣздить куда-нибудь вдаль. Имъ волей-неволей приходится довольствоваться берегами Сены, а такъ какъ они питаютъ священный ужасъ ко всему буржуазному, то отказываются слѣдовать за толпою и мечтаютъ о дѣвственной природѣ. Отсюда проистекаетъ ихъ страсть къ незнакомымъ мѣстностямъ, которыя они открываютъ. Чаще всего забредетъ кто-нибудь изъ живописцевъ, съ рисовальными принадлежностями за спиной, въ какой-нибудь плохенькій постоялый дворъ и отмѣчаетъ его для будущаго лѣта. Такова исторія постоялаго двора тетки Жигу въ Глотонѣ, изображенная живописцемъ Берникаромъ. Прошлымъ лѣтомъ онъ условился на счетъ цѣны; за три франка пятьдесятъ сантимовъ въ день: квартира и столъ, завтракъ и обѣдъ, кофе вечеромъ и шеколадъ по утру. И вотъ нынѣшнее лѣто постоялый дворъ тетки Жигу въ большой модѣ.

Озадаченные крестьяне видятъ, какъ уже въ маѣ мѣсяцѣ какіе-то чудные господа наводняютъ край. Они пріѣзжаютъ въ пальто, но тотчасъ по пріѣздѣ облекаются въ смятыя шляпы, въ блузы, раскрашенныя всѣми цвѣтами радуги, панталоны, позеленѣвшія отъ травы. Съ ними бываютъ и дамы, дамы весьма развязныя, не стѣсняющіяся раздѣваться гдѣ-нибудь за кустами, чтобы выкупаться въ Сенѣ. Но костюмъ-то бы еще куда ни шло, а то главнымъ образомъ залихватскія манеры этихъ господъ повергаютъ весь околотокъ въ тоску неописанную. Они размахиваютъ руками, дерутся съ деревьями, берутъ приступомъ острова, гдѣ кричатъ такъ громко, что обращаютъ въ бѣгство воронъ, поютъ такъ громко на Сенѣ, что перекрикиваютъ всѣхъ сосѣднихъ пѣтуховъ. Будущіе великіе люди, вырвавшись на нѣсколько дней съ своихъ чердаковъ, неистово предаются сельскимъ наслажденіямъ и какъ будто собираются забрать въ свои руки всю природу. Имъ нельзя въ теченіи цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ наслаждаться небомъ и землей; въ какую-нибудь недѣлю должны они

Digitized by Google

испить полную чашу наслажденія: отъ этого они съ такимъ неистовствомъ набрасываются на деревню, катаются по лугамъ, ломаютъ вѣтки, засовываютъ руки въ Сену по локоть. Горизонтъ для нихъ все тѣсенъ, и они какъ будто собираются раздвинуть холмы ударомъ ноги.

— Поскорѣе, поскорѣе тетка Жигу, давайте намъ завтракать, кричитъ Луиза, придя на постоялый дворъ.

Планше еще не приходилъ. Они садятся за столъ и пожираютъ яичницу и вареныя картошки. Они только-что докончили блюдо, какъ наконецъ появляется живописецъ. Онъ внѣ себя отъ ярости.

— Хороши вы, нѣчего сказать!... Попробуйте теперь попросить меня о какой-нибудь услугѣ.

Шамборель съ серьёзнымъ видомъ объясняетъ ему, что лодка пошла бы ко дну, если бы они посадили еще лишняго человѣка.

— Но,—замѣчаетъ Планше,—мы вѣдь ѣздили въ ней вдесятеромъ.

— Все зависитъ отъ вѣтра,—еще серьёзнѣе поясняетъ Шарло.

Тетка Жигу приноситъ два яйца на блюдѣ запоздалому пришельцу.

Но ему очень досадно, что вареныя картошки всѣ съѣдены. Онъ продолжаетъ ворчать, какъ вдругъ неожиданная вещь заставляетъ его умолкнуть. Онъ почувствовалъ вдругъ, что колѣни его сосѣдки, Луизы, тихонько касаются его колѣнъ, точно за тѣмъ, чтобы успокоить его; послѣ этого молодая женщина нѣжно ставитъ свою ногу на его ногу. Отъ этой неожиданности у Планше, не пользующагося вообще большимъ успѣхомъ у женщинъ, захватываетъ духъ. Онъ не замѣчаетъ, что всѣ улыбаются, замѣтивъ его волненіе и страстные взгляды, которые бросаетъ на него Луиза. О! какъ чудесно отмститъ онъ за себя Морó, который вѣчно насмѣхается надъ нимъ, если отобьетъ у него любовницу!

Когда всѣ вышли изъ-за стола, Маргарита отводитъ его въ сторону и говоритъ ему съ испуганнымъ видомъ:

— Несчастный, вы губите себя!... Я знаю Луизу, эта женщина заведетъ васъ далеко.

— Какъ!—бормочетъ онъ,—что́ вы хотите сказать?

— Не прикидывайтесь дурачкомъ. Я все замѣтила за завтракомъ.... Но берегитесь, какъ бы Морó тоже чего не замѣтилъ. Онъ васъ убьетъ.

Въ обществѣ художниковъ въ деревнѣ всегда бываютъ шуты. Начиная съ этой минуты, бѣдный Планше становится игрушкой этихъ господъ. До тѣхъ поръ довольствовались относительно его классическими шутками: къ его удочкѣ привязывали селедку, уносили его

Digitized by Google

платье въ то время, какъ онъ купался, въ его пейзажи вводили фантастическія деревья и безобразныхъ человѣчковъ. Но теперь, когда задумали выжить его изъ Глотона, шутки дѣлаются просто жестокими.

Вечеромъ послѣ обѣда, общество растягивается на соломѣ, которую тётка Жигу нарочно разложила внутри своего двора, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Сены. Это часъ, когда развиваются художественныя теоріи, заводятся ожесточенные споры, которые длятся до полуночи и не даютъ спать испуганнымъ крестьянамъ. Курятъ трубки и глядятъ на луну. За всякое разногласіе величаютъ другъ друга идіотами и кретинами. Особенное ожесточеніе придаетъ спору то, что Лакерьеръ, поэтъ, защищаетъ романтизмъ, между тѣмъ какъ живописцы, Берникаръ и Шарло, ярые реалисты. Обѣ женщины, вполнѣ посвященныя въ эти вопросы, тоже высказываютъ очень рѣзкія сужденія. Всѣ знаменитости побиваются каменьями, собесѣдниковъ опьяняетъ надежда въ непродолжительномъ времени разрушить все, что существуетъ, и открыть новое искусство, котораго они будутъ пророками. Эти молодые люди, лежа на соломѣ въ тихую ночь, завоевываютъ міръ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ занялись пересмѣиваніемъ „верзилы-Планше", какъ его зовутъ дамы, вечерніе споры порою умолкаютъ, и Морó выступаетъ на сцену. Онъ разсказываетъ про свои дуэли. По его словамъ, онъ уже убилъ двухъ—и все за женщинъ. Надо послушать, какъ онъ повѣствуетъ объ этихъ дуэляхъ, обставляя разсказъ самыми ужасными подробностями. Одного онъ прокололъ насквозь; другому отсѣкъ носъ; третьему выкололъ оба глаза. Каждый разъ сообщается о новой жестокости, которая можетъ напугать храбрѣйшаго. А въ то же самое время Луиза нарочно беретъ руку Планше или ставитъ свою ногу на его ногу. Напрасно пятится несчастный Планше, дрожа отъ страха. Ему тоже не хочется выказаться трусомъ, и онъ терпитъ злую пытку. Однако выдерживаетъ характеръ. Эта Луиза такая хорошенькая. Тогда рѣшаются прибѣгнуть къ сильнымъ мѣрамъ.

Однажды вечеромъ Луиза назначаетъ свиданіе Планше на одномъ островѣ. Общество отправляется въ Беннькуръ, сосѣднее селеніе. Но она скажется больной, а онъ долженъ остаться подъ тѣмъ предлогомъ, что кончаетъ пейзажъ. Все устраивается наилучшимъ образомъ. Планше переправляется на паромѣ, а Луиза отправляется на rendez-vous въ лодкѣ тётки Жигу. Попавъ на островъ, она добрый часъ водитъ его съ одного мѣста на другое; она прикидывается, что ей страшно всякій разъ, какъ онъ захочетъ присѣсть гдѣ-нибудь, она шепчетъ:

— О, нѣтъ, не здѣсь, насъ увидятъ.

Digitized by Google

Наконецъ, она соглашается пройти съ нимъ въ чащу, на другой конецъ острова, на самомъ краю воды. Но не успѣлъ онъ сѣсть возлѣ нея, какъ раздаются голоса.

— Боже мой!—кричитъ она,—это Морб. Онъ убьетъ насъ обоихъ... Должно быть онъ догадался и выслѣдилъ насъ.... Боже мой! Боже мой! спрячитесь скорѣе.

И такъ какъ растерявшійся Планше не знаетъ куда дѣваться, то не придумываетъ ничего лучшаго, какъ войти въ воду.

— Погрузитесь глубже,—шепчетъ Луиза.—Глубже, глубже, до самой шеи.... Ну, вотъ такъ; прикройте голову листьями кувшинчиковъ. И не двигайтесь.

Морб появляется и кажется внѣ себя отъ изумленія, увидя Луизу въ этомъ мѣстѣ. Затѣмъ входитъ въ страшную ярость и кричитъ, что она навѣрное не одна и начинаетъ шарить по кустамъ. Планше подъ кувшинчиками блѣденъ какъ полотно. Но хуже всего то, что все остальное общество разсаживается здѣсь; Морб, повидимому, убѣдился, что ошибся. Всѣ разсаживаются на траву и битыхъ два часа распространяются о художественныхъ теоріяхъ. Одну минуту Шамборель принимается швырять камышки въ воду. Планше, не смѣя пошевелиться, страшно боится, какъ бы ему не выбили глаза. Наконецъ, общество уходитъ, и бѣдняга можетъ вернуться домой, прозябнувъ до костей. Онъ цѣлый день проводитъ въ постелѣ; его бьетъ лихорадка.

Штуки идутъ своимъ чередомъ. Одна Луиза становится задумчива. Въ тотъ день, когда Планше лежитъ въ постелѣ, она два раза приноситъ ему лекарство. Она повторяетъ, что можно насмѣхаться надъ людьми, но это еще не резонъ, чтобы ихъ убивать. Къ тому же, право, онъ не хуже другихъ, этотъ бѣдный Планше, развѣ только немножко длиннѣе. Наконецъ, общество желаетъ отъ него избавиться, и Луиза держитъ свое слово.

Однажды вечеромъ, послѣ прогулки въ лодкѣ, поднимается споръ о реализмѣ въ искусствѣ. Морб докторальнымъ тономъ критика объявляетъ, что реалисты заходятъ слишкомъ далеко. Они не въ состояніи воспроизвести все въ природѣ безъ исключенія.

— Ты оселъ!—кричитъ разъяренный Берникаръ.

— Выслушайте меня.

— Идіотъ!—произноситъ въ свою очередь Шамборель.

Но Лакерьеръ вступился за Морб. И вотъ когда поднимается одинъ изъ тѣхъ ожесточенныхъ споровъ, какими парижскіе художники одни умѣютъ смущать спокойствіе и миръ природы. Они не прожили бы и двухъ дней безъ скуки въ деревнѣ, если бы не вол-

Digitized by Google

новались тамъ такъ же, какъ и въ Парижѣ. Имъ нужна, положимъ, пустыня. Но пустыня съ друзьями, трубками и теоретическими препирательствами съ утра до ночи.

Луиза, не слушающая спора, вдругъ перебиваетъ ихъ. Планше не было.

— Послушайте, хотите я покончу все завтра. Я скажу Планше, что уѣду съ нимъ... Затѣмъ, когда онъ сядетъ въ вагонъ, я скажу ему, что онъ дуракъ, и убѣгу.

Штука отличная. На другой день Луиза исчезаетъ вмѣстѣ съ Планше. Все общество прячется въ куртинѣ деревьевъ по ту сторону станціи. И когда поѣздъ готовъ тронуться, всѣ показываются и начинаютъ острить.

— Глядите!—говоритъ Шамборель,—Луиза стоитъ у дверцы!.. Ей пора уже выдти изъ вагона.

Свистокъ данъ, поѣздъ трогается.

— Однако, что-жъ это такое! она не вышла изъ вагона,—кричитъ Верникаръ. Нѣтъ, это ужъ не смѣшно.

— Честное слово!—она убѣжала вмѣстѣ съ нимъ,—шепчетъ Маргарита.—Вотъ такъ штука!

И всѣ принимаются хихикать, поглядывая на Морб. Онъ слегка поблѣднѣлъ. И глядитъ вслѣдъ поѣзду, быстро убѣгающему. Потомъ безпечно махаетъ рукой.

— Пойдемъ обѣдать,—говоритъ онъ.—Тётка Жигу сварила курицу... Итакъ, я вамъ говорилъ вчера вечеромъ, что нельзя вѣчно воспроизводить дѣйствительность...

— Всегда можно, кретинъ!—кричитъ Шарло, немедленно вспыхивая, какъ пожаръ.

И споръ возобновляется въ сумерки, которые наступаютъ съ своею обычною грустной безмятежностью.

Эмиль Зола.

Digitized by Google

КЪ ВОПРОСУ О „СЛАВЯНСКОЙ ИДЕѢ".

Братья-чехи.

Событія иногда чрезвычайно помогаютъ разъясненію „идей". Погоня за „идеями", опредѣляющими историческую жизнь народовъ, составляетъ особенную черту нашего времени. Апріорическія построенія національныхъ развитій идутъ въ особенности изъ теорій конца прошлаго вѣка и изъ новой нѣмецкой философіи. Нѣмецкой философіи, несомнѣнно, очень много обязана и сама „славянская идея". Партизаны ея, конечно, съ крайней неохотой признали бы подобный источникъ своей теоріи; имъ хотѣлось бы убѣдить, напротивъ, что она есть именно самостоятельный результатъ славянскаго самосознанія,— но на дѣлѣ упомянутая зависимость не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, а у русскихъ славянофиловъ старой школы ея связь съ нѣмецкой философіей исторіи можетъ быть замѣчаема наглядно.

Въ предыдущей статьѣ [1]) мы упоминали, что для нашихъ теоретиковъ смыслъ и требованія идеи славянской совсѣмъ ясны. На дѣлѣ однако совсѣмъ не то: славянская идея остается на степени простого племеннаго инстинкта, который только-что начинаетъ выясняться, и ея настоящаго опредѣленія мы должны искать не въ идеальныхъ философствованіяхъ, а въ историческомъ опытѣ, во взаимномъ изученіи славянства, въ практическомъ союзѣ и примиреніи. Одинъ инстинктъ не можетъ дать истинной національной солидарности, къ которой стремятся панслависты всѣхъ степеней и оттѣнковъ; этотъ инстинктъ долженъ былъ быть гораздо сильнѣе нынѣшняго въ отдаленныя историческія времена, когда племена были несравненно ближе одно къ другому по всѣмъ сторонамъ народной жизни—языку, преданіямъ, учрежденіямъ, поэзіи;—и однакоже онъ не сохранилъ племенной солидарности, — какъ будто даже совсѣмъ не дѣйствовалъ: случалось (какъ, напр., съ балтійскими славянами), что племя гибло отъ чуженароднаго нашествія, хотя рядомъ были единоплеменники, которые могли бы придти на помощь. Они не приходили.

И въ настоящую минуту племенной славянскій инстинктъ далеко еще не дорослъ до сознательной солидарности. Напротивъ, даже тѣ изъ славянскихъ обществъ, которыя стоятъ впереди другихъ по своей образованности, общественной жизни и литературѣ, еще не успѣли

---

[1]) „Вѣстн. Евр." окт., стр. 879 и слѣд.

Digitized by Google

найтись въ своихъ отношеніяхъ и понять другъ друга. Истинный интересъ славянскаго развитія еще остается искомымъ. Въ настоящее время, сочувствіе къ войнѣ выразилось въ сильной степени почти у всего славянства; но это былъ вопросъ столь вопіющій, что достаточно было простого человѣческаго чувства, чтобы возбудить сочувствія къ бѣдствіямъ южнаго славянства и къ его освобожденію. Мы сочувствовали нѣсколько лѣтъ назадъ кандіотамъ, сочувствовали американскому сѣверу противъ юга, сочувствовали походамъ Гарибальди, и т. д. Здѣсь племенное родство усилило эти побужденія; рѣчь шла о спасеніи цѣлаго племени; на западѣ и югѣ рождалась мысль о собственномъ самосохраненіи; страшныя балканскія событія доводили чувство до сильнѣйшаго одушевленія.—Но, какъ ни благородны эти сочувствія, какъ ихъ ни отрадно встрѣчать, — все еще, къ сожалѣнію, нельзя дать ручательства, что сочувствія идутъ дальше такого факта, ихъ вызвавшаго, что они уже заключали въ себѣ *пониманіе* между-славянскихъ отношеній, которыя „должны состоять“ въ солидарности.

Мы указывали, какъ этого пониманія недостало въ нашихъ собственныхъ отношеніяхъ съ сербами и болгарами. Скажутъ, что это— все равно, лишь бы сдѣлалось главное дѣло,—лишь бы тѣ и другіе были свободны.

Но это не все равно. Предположимъ, что мы освободили окончательно сербовъ и болгаръ. Это будетъ великая заслуга Россіи; со стороны освобожденныхъ будетъ естественна искренняя на то время благодарность за братскую помощь, которая даетъ имъ человѣческое существованіе,—но пройдутъ годы, и вступитъ въ свои права повседневная дѣйствительность, съ ея требованіями и вліяніями. Вопросъ явится снова, въ другой формѣ и съ другими опасностями, въ родѣ тѣхъ, какими обставлено славянство западное. Освобожденное балканское славянство — можно впередъ сказать—поставлено будетъ въ очень сложныя условія, политическія, экономическія и образовательныя, которыя будутъ дѣйствовать независимо отъ племенныхъ инстинктовъ. Свободная Сербія, столько Россіи обязанная, ускользала однако отъ политическихъ вліяній Россіи, а тѣмъ болѣе образовательныхъ. Чтобы солидарность сохранилась или утвердилась, нужно, чтобы она основалась не только на инстинктахъ, или даже на одной помощи въ крайнюю минуту, но на постоянныхъ отношеніяхъ, на постоянной общности образовательной, которая можетъ быть достигнута лишь въ свободной наукѣ, общественности и литературѣ. Имѣть за собой солидарность славянства, — значило бы, между прочимъ, пріобрѣсти сильное политическое оружіе, полезное и ему и намъ, но для этого намъ нужно конкуррировать въ образованіи и свободной

Digitized by Google

общественности съ Европой, съ которой нужно конкуррировать и самому славянству. А для этого недовольно одного племеннаго инстинкта, хотя бы и раздуваемаго самымъ старательнымъ образомъ,—а нужно прежде и главнѣе всего совершенствовать свои внутреннія силы: только это можетъ намъ самимъ дать авторитетъ, который будетъ дѣйствовать нравственно на славянство, и только съ этимъ славянство получитъ силы для борьбы съ германизаціей, которая такъ грозитъ ему на западѣ, а затѣмъ вѣроятно будетъ грозить и на югѣ. Такимъ образомъ, для обѣихъ сближающихся сторонъ, если онѣ стремятся заключить прочный союзъ въ національномъ смыслѣ, необходимо имѣть въ виду эту главнѣйшую цѣль, впередъ готовиться къ параллельному ея достиженію, и — помогать въ этомъ другъ другу. Чтобы не разрозненивать своихъ силъ, они должны изучать внимательно другъ друга, помочь недостаткамъ и ошибкамъ другого или умѣть воспользоваться содѣйствіемъ его нравственныхъ и умственныхъ пріобрѣтеній. Ихъ общій успѣхъ—въ успѣхахъ свободной литературы и общественности; ихъ прочный союзъ возможенъ только на этой почвѣ. Чтобы идти рядомъ къ одной цѣли, они именно и должны знать положеніе другъ друга—иначе можно сдѣлать много вредныхъ, даже роковыхъ ошибокъ: можетъ случиться, что, думая заключить союзъ съ прогрессомъ, заключатъ его съ реакціей; ища себѣ выгоды и пользы, навлекутъ серьёзный вредъ; думая привязать къ себѣ общество,—оттолкнутъ его отъ себя.

Нѣтъ сомнѣнія, что русскому обществу нужно узнать своихъ „братьевъ“; но имъ несравненно важнѣе узнать насъ. Они могутъ стать для насъ, быть можетъ, не въ очень далекомъ будущемъ, важною помощью противъ нѣмецкаго Drang nach Osten, съ которымъ намъ нѣкогда придется имѣть дѣло; но мы еще важнѣе для нихъ, потому что для нѣкоторыхъ изъ нашихъ западныхъ и южныхъ братьевъ не только въ будущемъ, но уже теперь ставится вопросъ о существованіи, и они все болѣе и болѣе тревожно начинаютъ смотрѣть на насъ, надѣясь на нашу помощь.—Насколько же мы знаемъ другъ друга, —а въ особенности они насъ?

Русское общество не знало, и еще не совсѣмъ знаетъ сербовъ и болгаръ, и обратно. Намъ гораздо легче изучать ихъ, чѣмъ другихъ славянъ: политическія затрудненія южнаго славянства немногосложны, общественный бытъ также; религіозное положеніе народовъ сходно; но пониманіе все-таки оказалось не такъ легко — до того, что даже на этихъ дняхъ (18 октября) мы читали Макъ-Гахана, исправляющаго (очень справедливо) невѣрныя представленія о болгарахъ нашихъ соотечественниковъ за Дунаемъ, воиновъ и корреспондентовъ... Отношенія западнаго славянства болѣе сложны,—но во всякомъ слу-

Digitized by Google

чѣѣ южному и западному славянству гораздо труднѣе изучать насъ. Вообще, они знаютъ насъ очень мало; это надо сказать и о передовомъ изъ западныхъ славянскихъ народовъ—о чехахъ.

Въ исторіи славянскаго возрожденія чехи имѣютъ великую заслугу. Въ ихъ литературѣ впервые явилось изученіе все-славянское, и впервые приведенъ въ извѣстность весь объемъ славянскаго міра. Таковы были въ особенности труды знаменитаго Шафарика. Первая славянская солидарность (хотя въ сущности далеко не широкая) обнаружилась въ ученой, историко-археологической и филологической области. Но, къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ солидарность ушла не далеко. Руководителями чешскаго общества въ этомъ отношеніи долго оставались люди ученаго характера, и они знали только тѣ стороны нашей литературы, которыя относились къ исторіи и археологіи славянства. У большинства чешской интеллигенціи составлялось представленіе, что въ нашей литературѣ славянскій вопросъ поставленъ такъ же, какъ у нихъ,—что какъ у нихъ археологическая реставрація славянства была вопросомъ національной важности, такъ и у насъ; какъ у нихъ споръ съ нѣмцами былъ жизненнымъ вопросомъ (хотя нерѣдко впадалъ въ преувеличенія), такъ и у насъ истинный патріотъ долженъ быть прежде всего врагомъ нѣмцевъ и т. п. Представителемъ русской общественной мысли былъ, по ихъ мнѣнію, Погоднинъ, потомъ Хомяковъ и другіе славянофилы; объ ихъ противникахъ, о цѣлой литературѣ, дѣйствовавшей вовсе не въ славянофильскомъ,—хотя народномъ, — смыслѣ, чехи почти не имѣли понятія. Имъ казалось, что литература русская только и помышляетъ о славянскихъ задачахъ; чтобы характеризовать ее, являлись стихи Хомякова или что-нибудь подобное. Собственно говоря, и славянофилы были имъ извѣстны больше по слухамъ и отрывкамъ. О другой русской литературѣ, насколько о ней слышали, они судили очень поверхностно и очень странно: въ ней видѣли только „западниковъ", и относились къ ней обыкновенно съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ, такъ какъ она была чужда „славянской идеѣ", ее считали за нѣчто поверхностное, говорившее только съ голоса французовъ или (еще хуже) нѣмцевъ, словомъ—за нѣчто неважное и пустое. Заѣзжавшіе славянофилы утверждали ихъ въ этомъ мнѣніи, а сами они такъ мало знали русскую литературу, что не имѣли возможности его провѣрить. Въ чемъ, такъ-называемые, западники не сходились съ славянофилами, этого они никогда не знали, и не особенно заботились узнать. Въ послѣднее время, особенно послѣ славянскаго съѣзда въ Москвѣ 1867 г., у нихъ стало гораздо больше распространяться знаніе русскаго языка; стало появляться больше переводовъ изъ русской литературы,—но сущность нашего общественнаго положенія, ду-

Digitized by Google

маемъ, до сихъ поръ имъ мало понятна, не только старымъ поколѣніямъ, но и новымъ. — Русская жизнь, столь непохожая на западную, трудна для чешскаго пониманія, какъ вообще для европейскаго; не видавши Россіи, руководители чешской печати почерпали о ней свѣдѣнія въ тѣхъ источникахъ, какими питается всякій нѣмецкій, французскій и т. п. читатель, и очень часто попадали въ странное положеніе, не умѣя ориентироваться въ этихъ источникахъ и не зная куда помѣстить свои сочувствія и несочувствія.

Приводимъ слова одного, хорошо-видящаго наблюдателя, которыя могли бы подтвердить и собственными воспоминаніями о западномъ славянствѣ. По словамъ этого наблюдателя, западная славянская интеллигенція знаетъ о Россіи ровно столько, сколько любая редакція французской или нѣмецкой газеты. „Вообще,—говоритъ онъ (въ 1873),—надо сказать, что какъ заявленіе *симпатій* и *похвалы* Россіи, такъ и *порицаніе* ей со стороны нашихъ „западныхъ братій", не имѣютъ вовсе серьёзнаго значенія, по той простой причинѣ, что не коренятся на основательномъ знакомствѣ съ нами. Наши западные братья имѣютъ оборотный капиталъ знаній и понятій о Россіи не больше того, какой имѣетъ любое западно-европейское общество, французское, нѣмецкое и др. Этотъ капиталъ составился изъ кое-какихъ наблюденій западныхъ путешественниковъ, изъ кое-какихъ выдержекъ изъ русской исторіи, приправленныхъ поверхностными философскими обобщеніями, изъ восклицаній страстныхъ памфлетистовъ, польскихъ преимущественно, и возгласовъ нашихъ патріотовъ, полушишковскаго, полу-новославянофильскаго лагеря. Возьмите любую западно-европейскую книгу о Россіи, хотя бы и такую, которой авторъ желалъ бы симпатично отнестись къ ней, вы непремѣнно натолкнетесь на фразы о русскомъ національномъ духѣ, который выйдетъ то, что́ называютъ въ Европѣ l'esprit vieux-russe, Altrussenthum и т. д., въ который входятъ безусловное повиновеніе властямъ, религіозная исключительность, виды на Константинополь и т. д. Къ такимъ опредѣленіямъ русскаго національнаго духа, въ послѣднее время примѣшиваютъ l'esprit des anciennes communes Slaves, или le communisme cosaque, kommunistisch-nihilistische Schwärmerei des verjungerten Altrussenthums, которая видитъ „образецъ соціальной жизни въ дикой коммунѣ южно-славянской" и т. д. и т. д. Никто изъ пишущихъ такія фразы не хочетъ поискать *около себя* того же Altrussenthum'a и той же Schwärmerei, не хочетъ подумать, что и въ Россіи есть свои партіи застоя, регресса и прогресса разныхъ оттѣнковъ, какъ и въ любой землѣ въ Европѣ, хотя, конечно, съ мѣстными, болѣе количественными, чѣмъ качественными варіаціями;

Digitized by Google

нелѣпая идея о томъ, что Европа раздѣляется на два міра съ особыми законами развитія, не-историческія представленія и крики о такъ-называемой „петровской реформѣ", какъ о явленіи небываломъ и противонаціональномъ, а наконецъ частныя, то-есть французско-шовинистскія, нѣмецко-колонистскія, польскія и т. п., а вовсе не „западныя" вообще симпатіи и антипатіи мѣшаютъ смотрѣть ясными глазами на русскую дѣйствительность... И вотъ, сочинивъ такимъ образомъ изъ обрывковъ русской дѣйствительности, преимущественно до 1856 г., и изъ собственнаго воображенія физіономію „русскаго народнаго духа",—французы, нѣмцы, чехи, галичане и т. п. начинаютъ то бранить его, то хвалить, то пугаться, то возлагать на него надежды и пугать другихъ—сообразно колебаніямъ въ ихъ собственныхъ земляхъ"... „Чехи,—говоритъ далѣе тотъ же авторъ,—которые даже теперь учатся по-русски все по христоматіи Челяковскаго, въ которой изъ Пушкина приведено только „Клеветникамъ Россіи" и т. п., и въ которой нѣтъ ни одного отрывка изъ „Ревизора" и т. п., думаютъ, что всѣмъ русскимъ только и снится „слитіе славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ" и нѣтъ любезнѣе картины „сверканія стальной щетины", и то пугаютъ нѣмцевъ этой щетиной, какъ дѣлали всегда старо-чехи,—то трепещутъ за свою „вѣковую литературу" и оплакиваютъ гибель Польши, какъ дѣлали младо-чехи до 1867 г., пока и они, чтобъ напугать гр. Бейста, пустились въ „москвофильство", и начали и себѣ возлагать надежды на русскій колоссъ" [1]).

Кто знакомъ съ чешской литературой и чешскими писаніями о Россіи, вполнѣ признаетъ вѣрность этой характеристики.

Но, скажутъ, что же смущаться этимъ, пускай пугаютъ колоссомъ, если это можетъ быть имъ полезно. Но въ этомъ пуганьѣ, въ этихъ надеждахъ или въ антипатіяхъ, не основанныхъ на дѣйствительномъ знаніи отношеній, можетъ заключаться и заключается большая ошибка, а затѣмъ и вредъ. Во-первыхъ, нѣмцы, даже австрійскіе, перестаютъ пугаться колосса, а употребленіе всуе его имени отражается на самихъ чехахъ новыми прижимками. Неосновательныя надежды также вредны, потому что въ нихъ можно ошибиться въ критическую минуту. Наконецъ, упорное невѣдѣніе о Россіи вообще создаетъ фантастическое представленіе о положеніи славянства, и, блуждая въ немъ, западные славяне рискуютъ упустить самые существенные свои интересы,—какъ это, къ сожалѣнію, у многихъ уже дѣлается.

---

[1]) «Вѣстн. Евр.» 1873, сент., стр. 261—263.

Digitized by Google

Вслѣдствіе такихъ источниковъ знанія Россіи, у чеховъ существуетъ много странныхъ понятій о русскихъ дѣлахъ. Воображая, какъ выше замѣчено, что русскій непремѣнно славянофилъ и мечтаетъ о слиянии ручьевъ, они впадаютъ въ удивительныя quiproquo. Возьмемъ два-три примѣра. Прилаживая нашу новѣйшую исторію къ „славянской" точкѣ зрѣнія, они находятъ у насъ небывалыя партіи, будто борющіяся за „славянскую" и „неславянскую" политику; видятъ, напр., славянскую политику Россіи въ венгерской войнѣ, когда будто бы Россія вступилась за славянскіе народы противъ венгровъ, когда на дѣлѣ она вступилась для поддержанія австрійскаго престола и точно также вступилась бы тогда за него, еслибъ на него напали не венгры, а чехи и хорваты. Въ литературѣ, противники славянофиловъ, напр., Бѣлинскій и т. д., выходили „нѣмцами"; литература неславянофильская выходила литературой, лишенной патріотизма и т. п. Теперь, они находятъ въ русскомъ обществѣ союзниковъ „славянской идеи" въ такихъ категоріяхъ лицъ, что намъ, туземцамъ, остается предаваться изумленію.

По старой памяти, когда чешскіе ученые стояли во главѣ ученой реставраціи славянства, чехи считали себя интеллектуально передовымъ народомъ славянства. Отдадимъ имъ полную справедливость: ни у одного изъ славянскихъ народовъ такъ не распространено низшее и среднее образованіе; они успѣли дать народу школу и развить въ немъ политическую солидарность въ своихъ дѣлахъ. Но передовымъ народомъ славянства мы ихъ все-таки не назовемъ, и русская литература, при всемъ стѣсненномъ внѣшнемъ положеніи, безъ сомнѣнія несравненно выше по широтѣ своихъ запросовъ и стремленій, по силѣ талантовъ. Для примѣра приведемъ слова Эдуарда Грегра (въ брошюрѣ недавно переведенной въ одной газетѣ), чеха непокорнаго, который рѣшился высказать сомнѣніе въ ортодоксальности чешскаго политическаго и умственнаго состоянія. Между прочимъ, онъ едва ли не впервые смѣло указалъ тотъ недостатокъ чешской летературы, которымъ она дѣйствительно отличается—особаго рода филистерство: она боится свободнаго слова европейской науки и бѣднѣетъ образовательнымъ содержаніемъ. Авторъ указываетъ на сосѣдніе народы, у которыхъ популяризація науки приняла самые широкіе размѣры и наука проникаетъ во всѣ слои общества, и замѣчаетъ о своей литературѣ: „у насъ же на всякаго, кто бы осмѣлился ознакомить нашъ народъ съ великими открытіями современныхъ ученыхъ знаменитостей,— обрушится проклятіе. У насъ упомянуть имя Дарвина считается измѣною отечеству!"... Не будемъ приводить другихъ его замѣчаній, быть можетъ слишкомъ желчныхъ, но и приведенныя слова ука-

Digitized by Google

зываютъ недостатокъ, котораго не должно бы быть въ передовой націи. Нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ незнанія, и это филистерство мѣшаетъ чехамъ понимать и русскую литературу.

Съ этимъ недостаткомъ связанъ былъ давно другой—конечно не у лучшихъ людей науки, но въ среднемъ образованномъ уровнѣ. Національная вражда къ нѣмцамъ доходила до того, что обращаться къ нѣмецкой литературѣ считалось предосудительнымъ для славянина. Помню, что въ Прагѣ (около 1860) одинъ изъ заслуженныхъ (впрочемъ не первостепенныхъ) чешскихъ писателей высказалъ мнѣ упрекъ, что у насъ стали тогда переводить Шлоссера, что русская литература напрасно обращается въ неславянскій міръ. Надо было объяснять, что русская литература нуждается въ такихъ книгахъ, но сама еще не создала историка, подобнаго Шлоссеру, и попросить указать мнѣ того чешскаго писателя, который дѣлалъ ненужнымъ Шлоссера и котораго я, къ сожалѣнію, еще не зналъ.

Одна возможность такихъ взглядовъ въ чешскомъ литературномъ мірѣ не дозволяетъ согласиться, чтобъ чехи превышали насъ въ литературномъ развитіи. У насъ такіе взгляды миновали съ Сергѣемъ Глинкой. Чехи однако все-таки думаютъ, что превышаютъ насъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда усиленно отыскивались учителя классическихъ языковъ для гимназій и значительный контингентъ ихъ явился, между прочимъ, изъ чеховъ, послѣдніе ставили себѣ этотъ фактъ въ немалую заслугу, какъ дѣло славянской солидарности и образовательнаго превосходства. Они вовсе не подозрѣвали, кому собственно дѣлалась эта услуга и какъ въ обществѣ смотрѣли на эту братскую „солидарность“. Или: мы читаемъ въ петербургской корреспонденціи одной пражской газеты о чешскомъ капельмейстерѣ, которому приписывается „выдающаяся заслуга въ очищеніи здѣшняго (т.-е. петербургскаго) музыкальнаго вкуса“, когда, намъ кажется, это есть выдающаяся заслуга цѣлаго ряда нашихъ собственныхъ композиторовъ. Мы читали однажды путевыя замѣтки по Россіи одного чеха, который усматривалъ такія чешскія вліянія въ русской жизни, какихъ, безъ сомнѣнія, никто изъ русскихъ не подозрѣвалъ, и т. п.

Какъ ни невинны подобныя заблужденія, подкладка ихъ—очень вредная для самихъ чеховъ. Это—самообольщеніе и отсутствіе настоящаго знанія русской жизни, государства и народа, на которые однако возлагается надежда. Они думаютъ, что могутъ свысока относиться къ русской жизни, какъ относятся, напр., нѣмцы; но у нѣмцевъ есть все-таки оправданіе, за ними стоитъ наука, имѣвшая Гумбольдтовъ, литература, имѣвшая Лессинговъ и Шиллеровъ и т. д., чего мы еще не видѣли у чеховъ. Къ сожалѣнію, самообольщеніе

Digitized by Google

есть почти непремѣнное настроеніе тѣхъ, у кого реальная сила не равняется идеалу или грозящей опасности, но въ такомъ случаѣ руководители общества должны же искать настоящей правды и реальнаго дѣла—въ этомъ прямой существенный интересъ ихъ общества.

Нынѣшняя война произвела радостное волненіе между славянами, не только между тѣми, кому она прямо могла обѣщать свободу, но и тѣми, которые ожидали отъ нея косвенной пользы для своего дѣла, хотя бы только нравственной. Война могла создать новыя славянскія политическія силы, вліяніе которыхъ могло дать опору и другому славянству, прямо не замѣшанному въ борьбѣ. Освобожденіе балканскаго славянства создало бы противовѣсъ политическимъ притязаніямъ Венгріи и т. д. Очень естественны были заявленія сочувствія; чехамъ по обыкновенію показалось, что Россія вступила на путь „славянской политики"; ничего другого они не увидѣли въ положеніи вещей; какъ нѣмецкіе журналисты, они преувеличили и роль „славянскихъ комитетовъ", которымъ, какъ извѣстно, нѣмцы приписали всю войну. Когда начались неудачи, западное славянство, и чехи, были опечалены, но притомъ оказались и другія настроенія, которыхъ нельзя было назвать совершенно дружелюбными. Одного русскаго писателя, вблизи видѣвшаго нынѣ лѣтомъ настроеніе западнаго славянства, поразилъ поворотъ во мнѣніяхъ: ему ясно было, что когда насъ восхваляли и славословили, это было не ради насъ самихъ, а ради собственнаго интереса, который долженъ былъ выиграть съ торжествомъ русскихъ. Когда торжества не оказалось или оно замедлилось, славянство заговорило совсѣмъ другимъ тономъ, чуть не высокомѣрнаго сожалѣнія. На укоры можно бы въ крайнемъ случаѣ отвѣчать предложеніемъ — самимъ повести дѣло лучше. Упомянутый писатель приходилъ въ концѣ-концовъ къ очень прискорбному выводу: „намъ надо снизнова изучить свои отношенія и къ славянамъ, и къ большимъ европейскимъ національностямъ, и тогда мы увидимъ, что у насъ нѣтъ еще нигдѣ ни союзниковъ, ни искреннихъ друзей, ни серьёзныхъ единомышленниковъ", т.-е. нѣтъ этихъ друзей и между западнымъ славянствомъ.

Мы не думаемъ винить западныхъ братьевъ за эгоистическій разсчетъ. Мы давно не имѣли преувеличеннаго мнѣнія о славянскомъ „братствѣ"; въ томъ положеніи, въ какомъ находится западное славянство, ему естественно заботиться —о спасеніи своей національности. Но жаль и досадно видѣть, что оно до сихъ поръ не пойметъ тѣхъ самыхъ отношеній, на которыя хочетъ разсчитывать. Во время польскаго возстанія чешскія мнѣнія раздѣлились, но ни тѣ, которые были за Россію, не понимали вѣрно сущности положенія, ни тѣ, кото-

Digitized by Google

рые были за поляковъ. Когда начиналась настоящая война, чехи радовались (въ большой степени за свой интересъ) возбужденію южно-славянскаго вопроса, но не думали, и не хотѣли знать о внутреннемъ положеніи, въ которомъ была Россія, начиная войну; ихъ всѣ симпатіи были съ нашими шовинистами, которыхъ они считали за настоящихъ „славянъ", съ славянскими комитетами, въ которыхъ они видѣли самое существо русской общественной мысли, русскаго „духа". Свою національную пользу они именно и разсчитывали на этой „славянской политикѣ" Россіи, на русскомъ духѣ; но пусть же они убѣдятся когда-нибудь, что настоящая политика Россіи (хотя и направленная нынѣ на южно-славянскія дѣла) можетъ быть вовсе не „славянская", а *русская*, и что дальнѣйшій успѣхъ даже славянскихъ дѣлъ тѣсно связанъ съ постановкой собственно русскихъ дѣлъ (о которыхъ чехи и не трудятся составить себѣ понятіе). Когда русскіе одерживали успѣхи, они—только поддакивали нашимъ шовинистамъ; когда начались неудачи, они пустились въ дешевыя обличенія и высокомѣрныя соболѣзнованія—какъ тѣ же нѣмцы. Съ нѣмцами намъ конечно говорить нечего; но чего же „передовое славянство" думало раньше? Отчего оно не прислушалось раньше къ другой сторонѣ русскихъ мнѣній и не подало благого совѣта? Оно имѣетъ свободную печать...

Можно заботиться о „солидарности" только на словахъ, или серьёзно. Въ первомъ случаѣ это можетъ быть болѣе или менѣе удачная дипломатія, чистый разсчетъ,—но тогда другой сторонѣ позволительно оставаться равнодушной, если у нея самой нѣтъ такого же разсчета. Или же исканіе солидарности можетъ быть серьёзно, но тогда прежде всего требуется близко узнать общество, съ которымъ хотятъ союза, понять его истинный характеръ и стремленія, найти ихъ *лучшую* сторону и—содѣйствовать *имъ*. Солидарность только и можетъ быть достигнута такимъ общимъ трудомъ въ области истиннаго просвѣщенія и общественнаго прогресса.

Пусть же оглянутся чехи на дѣйствительное положеніе вещей: насколько два общества знакомы другъ съ другомъ, есть ли что-нибудь общее между ихъ литературой (которая у насъ есть пока единственное мѣрило общественныхъ стремленій)—внѣ изученій чисто-историческихъ,—и не заблуждаются ли они относительно степени нашего славянскаго единства?

Приведемъ слова того же серьёзнаго наблюдателя, котораго цитировали выше. Они сказаны были четыре-пять лѣтъ тому назадъ, и совершенно вѣрно передавали дѣйствительное положеніе дѣла:— „Несмотря на громкіе толки нѣкоторыхъ кружковъ, кружковъ у насъ

Digitized by Google

и въ Австріи, о „единствѣ" славяно-русскихъ интересовъ, а можетъ быть именно благодаря этимъ толкамъ, въ значительной части нашего образованнаго общества, и едва ли не въ *большинствѣ* его, существуетъ,—говоря словами одного изъ пропагандистовъ у насъ панславистическихъ идей, Гильфердинга, — *ледяная холодность* къ славянскимъ дѣламъ, которая по временамъ прорывается рѣшительнымъ *отвращеніемъ* не только отъ разсужденій о славянскомъ единствѣ, но и отъ всякаго рода разговоровъ о „нашихъ западныхъ братьяхъ"... Говоря вообще, мы сами мало-что можемъ сказать противъ этой „холодности" и противъ этого отвращенія. Дѣла западныхъ славянъ не представляютъ для насъ того общечеловѣческаго интереса, какой имѣетъ жизнь великихъ передовыхъ народовъ Европы, а въ то же время дѣла эти не наши домашнія дѣла, какъ бы ни близки были этнографически съ нами нѣкоторые изъ этихъ славянъ. *Вовсе не потому,* чтобъ у насъ было слабо чувство народности [1]), а *потому именно,* что мы *очень русскіе,* т.-е. очень неравнодушны къ нашимъ русскимъ, домашнимъ дѣламъ, которыя требуютъ особенно внимательной работы,—общество наше на дѣлѣ не только равнодушно къ дѣламъ западныхъ братьевъ (по расѣ, а не по внутреннимъ задачамъ), но даже не очень и жалуетъ толки объ этихъ послѣднихъ, такъ какъ эти толки сводятся сейчасъ же на разсужденіе о „нашемъ славянскомъ призваніи", исполненіе котораго должно бы было отвлечь насъ далеко отъ нашихъ существенныхъ домашнихъ задачъ. Къ тому же, толки объ этихъ славянскихъ призваніяхъ и задачахъ возникли-было у насъ и усилились вновь не въ очень-то благопріятныя для нашего внутренняго развитія минуты, и слишкомъ часто, и слишкомъ удобно совмѣщаются у насъ съ *неособенно благопріятными* для этого развитія *тенденціями.* Благодаря, съ одной стороны, *искусственности* у насъ „славянскихъ тенденцій", а съ другой—благодаря упомянутому сейчасъ „совмѣщенію" ихъ, всѣ такіе толки о славянскихъ дѣлахъ и разсказы о нашихъ западныхъ братьяхъ въ нашей печати,—какъ исходящіе отъ нашихъ писателей, такъ и отъ западныхъ корреспондентовъ,—не имѣютъ своимъ послѣдствіемъ даже *фактическаго ознакомленія* нашего общества съ дѣлами славянства, какъ они есть, такъ какъ эти писанія по бо́льшей части состоятъ изъ общихъ фразъ или отрывочныхъ фактовъ, сопровождаемыхъ возгласами и односторонними комментаріями" [2]).

---

[1]) Чехи думаютъ (повѣривъ въ этомъ на слово славянофиламъ), что у насъ очень сильно западно-европейское, особенно нѣмецкое вліяніе.

[2]) „Вѣстн. Евр", 1873, янв., стр. 115—116.

Digitized by Google

Русскіе читатели поймутъ, что авторъ, написавшій эти строки, не только не врагъ славянскаго единства, но самъ горячій его защитникъ, только считавшій крайне фальшивою и безплодною ту постановку вопроса, какая до сихъ поръ обыкновенно дѣлалась. Чтобы провѣрить его слова, довольно обратить вниманіе на то, что́ есть въ русской литературѣ для фактическаго ознакомленія, напр., съ чехами и Чехіей. Запасъ—прискорбно-ничтожный.

Но война!—скажутъ опять защитники единства и чехи:—она показываетъ же славянское единство.

Да—и нѣтъ. Въ „Вѣстникѣ Европы“ не разъ говорилось о значеніи этой войны и ея общественныхъ обстоятельствахъ. Нѣтъ политическаго дѣла, столь священнаго, какъ освобожденіе страдающихъ массъ отъ ига, и это могло бы достаточно объяснить популярность войны, нашу готовность къ жертвамъ. Замѣтимъ однако, что именно балканское славянство всего скорѣе могло привлечь къ себѣ сочувствіе, какъ единовѣрцы, бѣдствующіе отъ того самаго турка, который и въ нашей исторіи есть угнетатель и врагъ *нашей* религіи, а нѣкогда и нашей земли. Насколько оказалось въ нашемъ обществѣ пониманія „славянскихъ“ отношеній при встрѣчѣ съ сербами и болгарами, объ этомъ мы уже говорили въ прошлой статьѣ. Политическая обстановка настоящей войны очевидно не имѣетъ ничего общаго съ идеей славянскаго единства.

Чешскіе публицисты, вмѣстѣ съ вѣнскими журналами (только одни дружелюбно, другіе враждебно) приписывали войну славянской идеѣ, и въ частности славянскимъ комитетамъ. Смѣемъ увѣрить чешскихъ публицистовъ, что это очень далеко отъ истины, что, во-первыхъ, комитеты не столь могущественны, и въ событіяхъ прошлаго года пошли за обществомъ, а во-вторыхъ, что огромное большинство русскаго общества, увлекаясь вопросомъ объ освобожденіи южнаго славянства, ни мало однако не раздѣляетъ комитетскихъ тенденцій: самъ московскій комитетъ далеко не единогласенъ въ славянскомъ вопросѣ.

Въ 1867 г. чешскіе путешественники на московскую выставку имѣли случай видѣть, что между ними и московскимъ славянствомъ есть большое разнорѣчіе по самымъ капитальнымъ вопросамъ славянскаго „единства“. Мы тогда же слышали отзывы западно-и южно-славянскихъ посѣтителей, указывавшіе на это разнорѣчіе очень серьёзно. Извѣстно, что оно обнаружилось ясно и въ осторожныхъ фразахъ оффиціальныхъ рѣчей, какими помѣнялись московскіе и чешскіе славяне. Тѣмъ не менѣе нынѣшнимъ лѣтомъ г. Ригеръ, предположивъ выразить сочувствія чешскаго народа къ русской борьбѣ за болгарскій народъ, обратился именно къ г. Аксакову,—повидимому

Digitized by Google

все-таки думая видѣть въ предсѣдателѣ московскаго комитета наилучшаго выразителя стремленій русскаго народа. Отъ г. Аксакова г. Ригеръ получилъ извѣстное письмо, въ тонѣ снисхожденія къ меньшимъ братьямъ и съ совѣтомъ принять православіе. Письмо г. Аксакова повидимому не очень понравилось въ Прагѣ, и г. Ригеръ отвѣчалъ на него косвенно, при частномъ случаѣ. Не знаемъ хорошенько, что̀ увидѣли чехи въ письмѣ г. Аксакова, не увидѣли ли, напримѣръ, въ немъ дѣйствительнаго выраженія идей русскаго народа или по крайней мѣрѣ всей русской „интеллигенціи"? Если бы они ближе знакомы были съ нашей печатью, они знали бы по крайней мѣрѣ, что отвѣтъ г. Аксакова не встрѣтилъ согласія въ самомъ московскомъ комитетѣ: мы читали печатныя заявленія, что комитетъ не одобрилъ редакціи отвѣта, сдѣланной г. Аксаковымъ, такъ что когда г. Аксаковъ тѣмъ не менѣе послалъ письмо въ своей редакціи, оно осталось выраженіемъ его личныхъ мнѣній, а не мнѣній московскаго комитета.

Въ такихъ странныхъ, иногда смѣшныхъ недоразумѣніяхъ вертится наша мнимая солидарность въ идеяхъ съ западнымъ славянствомъ. Чехи все еще не видятъ, что русское общество вовсе не состоитъ изъ однихъ славянофиловъ, что быть противникомъ славянофильства у насъ теперь вовсе не значитъ быть врагомъ славянства или дурнымъ патріотомъ и т. д. Мы не будемъ скрывать отъ нихъ, что эти странныя отношенія производятъ у насъ въ людяхъ, очень дорожащихъ лучшими интересами русскаго общества и желающихъ всякаго блага славянству, очень неблагопріятное впечатлѣніе, какъ наивность относительно русской жизни, или (можетъ быть) какъ тонкая дипломатія, играющая на неблагополучныхъ „совмѣщеніяхъ" (см. выше). Дѣло въ томъ, что въ славянофильствѣ, современномъ да и прежнемъ, все еще не выяснено его отношеніе къ русской жизни, и въ немъ мѣшаются мысли, полезныя для общественнаго интереса, съ мыслями, иногда слишкомъ похожими на мысли реакціонеровъ и обскурантовъ. Точно также неблагопріятное впечатлѣніе на патріотовъ-неславянофиловъ производятъ и тѣ неискреннія заигрыванія съ западнымъ славянствомъ съ нашей стороны, какія, напр., являются въ чествованіи Гуса, производимомъ славянскими комитетами. Имя Гуса ввели въ церковную область—прекрасно; но никто не хочетъ серьёзно подумать, что̀ должно слѣдовать изъ возвеличенія имени Гуса, чего это имя требовало бы отъ его почитателей, не обязываетъ ли оно, и т. д.? Даже признака подобныхъ мыслей до сихъ поръ незамѣтно у тѣхъ, кто устраиваетъ церемоніи и потомъ ссылается на нихъ, какъ на фактъ славянскаго сознанія и единства. Чествованіе остается неискренней демонстраціей, которая просто профанируетъ великое имя.

Digitized by Google

Неужели дѣло должно идти такими путями?

Нѣтъ, потому что здѣсь питается только вредный самообманъ. Пусть чехи ищутъ въ сношеніяхъ съ нами своего собственнаго интереса—это понятно; мы не обвинимъ ихъ, что они видятъ въ Россіи лишь „дойную корову"; но пусть они знаютъ также, что въ этомъ можно и ошибиться. Въ дипломатію можно играть съ канцеляріями, но не съ цѣлымъ обществомъ или народомъ. Болѣе дѣйствительное служеніе народному интересу заключается не въ этомъ, а прежде всего въ желаніи узнать истинное положеніе вещей: чехи должны ближе узнать русское общество и вѣрнѣе помѣщать свои симпатіи; союзы западнаго славянства съ реакціонными элементами будутъ вредны самому его дѣлу, а у насъ оттолкнуть отъ него дѣйствительно прогрессивную часть общества. До сихъ поръ чехи обманывались (не знаемъ, искренно или неискренно) относительно силы „славянскихъ" стремленій въ русскомъ обществѣ: мы напомнимъ опять приведенныя выше замѣчанія, которыя и теперь справедливы. Русское общество также какъ они дорожитъ прежде всего своими внутренними интересами, дѣломъ народнаго блага и умственнаго развитія: наше славянолюбіе слишкомъ часто соединялось съ реакціонными тенденціями, и, поддакивая (искренно или изъ дипломатіи) такимъ тенденціямъ, чехи будутъ только возстановлять противъ себя. Они станутъ дѣйствительными союзниками нашими лишь тогда, когда ясно опредѣлятъ себѣ элементы нашего общества, различатъ что́ хорошо и что́ дурно, гдѣ задатки прогресса и гдѣ остатокъ стараго невѣжества и порчи, и вступятъ въ союзъ съ лучшими стремленіями нашего общества, нужными и для нихъ самихъ, а не съ національными фантазіями, похвальбой и шовинизмомъ. Въ положеніи своей литературы, они могли бы, напр., содѣйствовать разъясненію многихъ національныхъ вопросовъ, которые далеко не выяснены у насъ. Съ другой стороны, изъ русской литературы, въ какомъ бы она ни была положеніи, они даже теперь могли бы извлечь много, много поучительнаго.

Мы надѣемся, что чешскіе читатели, если имъ попадется настоящая статья, не найдутъ ее „враждебной" ихъ литературѣ и общественной дѣятельности, но пожалуй найдутъ ее однако несвоевременной, „неполитичной". Разсуждая такъ, они только еще разъ повторятъ свою старую ошибку. Смѣемъ ихъ увѣрить, что авторъ гораздо больше желаетъ имъ добра и всякаго успѣха, чѣмъ многіе наши старые и новѣйшіе панслависты, сыплющіе фразами о славянскомъ братствѣ и готовящіеся затмить Европу блескомъ славянской цивилизаціи. Настоящій другъ славянства прежде всего пожелаетъ правды

Digitized by Google

въ его международныхъ отношеніяхъ, и разсѣянія предубѣжденій и иллюзій. Эта истина будетъ всего „политичнѣе": питаясь фантазіями и строя на нихъ, нельзя достигнуть прочнаго результата. Исторія когда-нибудь раскроетъ ихъ (а иногда она раскрываетъ ихъ страшными способами, пораженіемъ цѣлыхъ народовъ); пусть лучше мы откажемся отъ нихъ раньше, и передадимъ слѣдующимъ поколѣніямъ здравую постановку ихъ задачи, — чтобы потомство не оскорбило насъ —

Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ,—

говоря словами русскаго поэта.

Наша литература отличается отъ всѣхъ славянскихъ, между прочимъ, однимъ качествомъ, которое можетъ ручаться за ея будущее: она не пугается ни критики дѣйствительности, ни критики идеала. Этому качеству мы обязаны многими изъ прекраснѣйшихъ и самыхъ сильныхъ произведеній нашей литературы. Нашимъ братьямъ было бы полезно подражать намъ въ этомъ случаѣ, и съ бо́льшей критикой взглянуть на различныя славянскія явленія: это принесло бы имъ великую пользу [1]).

А. Н.

[1]) Наша предыдущая статья о болгарскихъ дѣлахъ вызвала особаго рода критику со стороны газеты „Голосъ". Газета согласилась съ нѣкоторыми моими замѣчаніями о болгарскомъ вопросѣ, но затѣмъ открыла, что моя статья имѣла цѣлью вовсе не болгарскія, а *польскія* дѣла, и посвятила длинное опроверженіе моихъ предполагаемыхъ тенденцій. Отвѣчать на это опроверженіе мы не будемъ, потому что говорили о болгарскихъ и общеславянскихъ дѣлахъ, а спеціально польскихъ не имѣли въ виду,—и должны предоставить газетѣ ратовать противъ того, что она намъ подкинула. Впрочемъ, мы не откажемся указать нашъ взглядъ и на польскія дѣла; это—съ нѣкоторой разницей въ подробностяхъ—тотъ взглядъ, какой выраженъ авторомъ Внутренняго Обозрѣнія, за прошлый сентябрь.

Digitized by Google

НЕКРОЛОГЪ.

Софья Константиновна Брюллова

род. 16 дек. 1851 г. † 5 окт. 1877 *).

Выросшая на нашихъ глазахъ, Софья Константиновна Брюллова, единственная дочь К. Д. Кавелина, всегда внушала всѣмъ сколько-нибудь знавшимъ ее особенную, живѣйшую симпатію; рѣдкія качества души, при высокомъ умственномъ развитіи и твердо направленной волѣ, дѣлали ее какимъ-то феноменальнымъ явленіемъ, среди всеобщей дряблости, усталости и колебаній. Она была вся, такъ-сказать, изъ одного куска, безъ подчистокъ, безъ подклейки. Трудно объяснить, какъ могла выработаться подобная личность въ нашей общественной средѣ, гдѣ вообще такъ рѣдки примѣры правильнаго и самостоятельнаго развитія какого бы то ни было характера и ума; но еще труднѣе теперь помириться съ утратою лица, остановившагося притомъ почти на самомъ порогѣ жизни. Пока такое лицо живетъ, никому не приходитъ въ голову наблюдать за постепеннымъ его развитіемъ, изучать всѣ изгибы характера: непосредственно наслаждаешься его обществомъ, не задаваясь вопросомъ, на какой почвѣ, при какомъ уходѣ, могла подняться такая нравственно-стройная, гармоническая натура. А такой этюдъ могъ бы быть весьма любопытенъ и весьма полезенъ во многихъ отношеніяхъ.

Правда, семейная ея обстановка и старый кружокъ ея почтеннаго отца были удобною почвою для широкаго умственнаго и нравственнаго развитія; но нужна была также и индивидуальная воспріимчивость: одна почва не рѣшаетъ окончательно дѣла образованія личности. Самая эпоха, въ которую пришлось ей расти и укрѣпляться,—эпоха 60-хъ годовъ—представляла, какъ извѣстно, большія трудности. „Женскій вопросъ" занималъ тогда всѣхъ, и надобно было имѣть большую ясность ума и твердость воли, чтобы дѣвушкѣ 15—16 лѣтъ оріентироваться среди массы новыхъ прокладываемыхъ тропинокъ, найти себѣ между ними правильный путь и уже неуклонно слѣдовать по немъ къ достиженію разъ ясно

*) Погребена въ Павловскѣ, въ фамильномъ склепѣ Брюлловыхъ.

Digitized by Google

сознанной цѣли. Въ этотъ моментъ развитія, душевная повѣсть покойной представила бы высокій интересъ; но такую повѣсть могутъ намъ дать или тѣ, которые окружали ее ежеминутно, или ея переписка, замѣтки [1]). Помнимъ одно, что въ тѣ времена горячихъ споровъ о женскомъ вопросѣ—знавшіе покойную не разъ говорили: „вотъ, С. Кавелина, это—живое рѣшеніе женскаго вопроса, и вмѣстѣ фактическое возраженіе всѣмъ его противникамъ". Это было справедливо.

Софья Константиновна была одною изъ первыхъ, поступившихъ во вновь тогда открывшіяся женскія гимназіи, и кончила полный курсъ. Отсутствіе высшаго учебнаго заведенія, гдѣ она могла бы спеціализировать свое общее образованіе, принудило ее, такъ-сказать, создать себѣ свой факультетъ, гдѣ, конечно, пришлось быть въ одно и то же время и профессоромъ и студентомъ: она избрала себѣ спеціальностью историческую науку, окружила себя капитальнѣйшими произведеніями ея литературы, и видя необходимость филологическаго образованія для самостоятельности въ историческихъ изслѣдованіяхъ, въ какихъ-нибудь два-три года превосходно изучила латинскій и греческій языки. Вся эта ея дѣятельность улеглась у насъ въ нѣсколько строчекъ, но представьте себѣ день за день жизнь молодой, весьма молодой дѣвушки, съ весьма достаточною матеріальною обстановкой, какъ она одна медленно преодолѣваетъ всѣ трудности на своемъ одинокомъ пути и тратитъ свои силы тамъ, гдѣ для юноши ея лѣтъ всѣ двери настежь, — и вы только тогда поймете, какой нужно было ей имѣть запасъ воли и почти самоотверженія, чтобы не бросить этотъ путь въ самомъ его началѣ.

Мы довольно живо помнимъ ея дни изъ этой эпохи, и помнимъ, что тогда особенно поражало насъ въ ней. Ея труды нисколько не видоизмѣняли ея основного характера — ни тѣни самомнѣнія, ни малѣйшаго сознанія, что она необыкновенная дѣвушка; оставивъ своего Нибура въ сторонѣ, она внезапно дѣлалась самой милой, веселой собесѣдницей, и ничто въ жизни не казалось ей ниже ея достоинства; предъ вами опять наивный, но очень умный, всѣмъ интересующійся ребенокъ.

Зная, какъ важно учить другихъ, чтобы научиться самому, она приняла на себя званіе преподавательницы исторіи въ Василеостровской женской гимназіи. Отъ жалованья своего она отказалась въ пользу бѣдныхъ ученицъ для уплаты за слушаніе ими лекцій, какъ-бы желая

[1]) Покойная провела не мало времени и за-границею, жила въ Берлинѣ, гдѣ она особенно изучала памятники искусствъ, имѣя своими руководителями лучшихъ профессоровъ и знатоковъ. Изъ этой именно эпохи, мы слышали, могло сохраниться много ея писемъ, весьма любопытныхъ.

Digitized by Google

этимъ показать, что она получаетъ другое вознагражденіе—въ собственномъ высшемъ самообразованіи. Но, какъ натура воспріимчивая и впечатлительная, въ высшей степени отзывчивая, она не ограничивалась строго одною каѳедрою: вскорѣ появились ея статьи и замѣтки въ педагогическихъ журналахъ; въ педагогическихъ обществахъ она принимала не разъ личное и самое живое участіе на диспутахъ по различнымъ спорнымъ вопросамъ; никогда нельзя было только слушать ее, безъ того чтобы вмѣстѣ и не любоваться ея простотою и задушевностью.

Такъ прошло около пяти лѣтъ высшаго самообразованія, когда Софья Константиновна вступила, наконецъ, вполнѣ на жизненное поприще, выйдя замужъ за художника П. А. Брюллова, въ 1873 году. Обыкновенно и справедливо замѣчаютъ, что у насъ дѣвушка, если обучалась хоть музыкѣ, то, выйдя замужъ, непремѣнно забудетъ и музыку. Софьѣ Константиновнѣ пришлось и тутъ сдѣлать исключеніе изъ общаго правила. Выйдя замужъ, она только тогда въ первый разъ сѣла за ту работу, къ которой она готовилась школой и трудомъ самообразованія. И въ то же время она не переставала быть заботливой до мелочей хозяйкой дома въ полномъ смыслѣ этого слова; страстно любила и возилась съ своими маленькими шалунами, Вадей и Сашей, и съ тѣмъ же удовольствіемъ возвращалась къ письменному столу, къ своимъ первымъ болѣе уже значительнымъ литературнымъ опытамъ въ области исторической науки. Едва ли воображеніе можетъ создать болѣе привлекательную картину внутренняго, осмысленнаго счастія!

Первые ея опыты въ области историческихъ изслѣдованій были напечатаны въ нашемъ журналѣ, и показали, чего можно было ожидать впослѣдствіи отъ новаго таланта. Она избрала Екатерининскую эпоху, и въ этой эпохѣ ея вниманіе остановилось на памятной комиссіи. Въ своей статьѣ: „Общественные идеалы въ Екатерининскую эпоху“ (янв., 1876 г.), она задалась живою мыслью, при помощи наказовъ или инструкцій, данныхъ избирателями своимъ избраннымъ, „отвѣтить на вопросъ, какъ у насъ жили, думали, чего хотѣли еще не такъ давно“. Конечно, отвѣты на все это оказывались далеко неудовлетворительными, но авторъ не дозволилъ себѣ „слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній“, и, не предаваясь пессимизму, цѣнилъ уже то, что тогда было найдено вѣрное средство къ тому, чтобы узнать, какъ люди думали и чего хотѣли. Вторая статья появилась еще недавно: „Новая теорія о происхожденіи Франціи“ (февр., 1877)—по поводу новѣйшаго изслѣдованія французскаго ученаго Фюстель де-Куланжа о началѣ политическихъ учрежденій въ древней Франціи, какъ они

Digitized by Google

зарождались среди постепенно разлагавшагося цезаризма западной римской имперіи.

Но и эти опыты не удовлетворяли жажду дѣятельности покойной; она не могла забыть своего прежняго педагогическаго поприща; конечно, профессоромъ она не могла быть, какъ то иногда случалось женщинамъ въ средніе вѣка, напримѣръ, въ Болоньи; но все же она нашла себѣ исходъ: она собирала около себя кружокъ взрослыхъ дѣвицъ и читала имъ лекціи; такъ, въ послѣднія двѣ зимы она прочла нѣсколько лекцій: изъ римской исторіи о Гракхахъ и изъ исторіи Франціи о времени Генриха IV.

Едва ли бы намъ было возможно наполнить жизнь и молодого человѣка, который на своемъ пути встрѣчаетъ себѣ вездѣ поддержку и имѣетъ доступъ всюду, такими фактами, какими уже была богата эта жизнь, распустившаяся въ первый разъ какихъ-нибудь четыре года тому назадъ. И все же эти факты далеко не даютъ полнаго понятія о лучшей сторонѣ этого прелестнаго, добраго и высоко-честнаго существа, не нанесшаго никому ни малѣйшей обиды, оставаясь при этомъ всегда искреннимъ и правдивымъ, и невызвавшаго ни въ комъ даже и тѣни вражды или зависти. Это было какое-то привилегированное существо, само не знавшее тайны своей власти надъ сердцемъ людей, что̀ именно всегда увеличивало обаяніе покойной. Она сама была вся сердце; улыбка, кажется, не сходила съ ея устъ, и только одинъ разъ мы видѣли на ея лицѣ печать какой-то важной, глубокой, глубокой мысли—въ гробу...

Кратковременна была эта жизнь, тѣсны были пока предѣлы только-что начинавшейся ея дѣятельности, но все же эта жизнь прошла не безслѣдно: Софья Константинова оставила по себѣ, кромѣ подругъ, съ которыми дѣлилась богатствами своей души, ученицъ, въ памяти которыхъ она будетъ долго жить, какъ образецъ всего добраго—прекраснаго. Мы не говоримъ о родныхъ, о друзьяхъ: землѣ они отдали самую малую ея часть, а все лучшее изъ ея существованія схоронили въ себѣ. Вспоминая теперь о ней, какъ о мимолетной гостьѣ, невольно хочешь сказать: какимъ-то добрымъ вѣтромъ была она занесена къ намъ, и какой-то ураганъ внезапно ее унесъ отъ насъ — навсегда.

М. С.

Digitized by Google

Изъ письма И. С. Тургенева

ВЪ РЕДАКЦІЮ.

.... Какъ громомъ меня поразило извѣстіе о кончинѣ С. К. Брюловой. Я никакъ не могу примириться съ мыслію, что такое прекрасное, умное, милое, исполненное юныхъ силъ существо—съ такой безжалостно-грубой внезапностью выхвачено изъ среды живыхъ и унесено въ нѣмую бездну. Точно у насъ много подобныхъ женщинъ—и щадить ихъ нѣчего!

Въ одномъ изъ некрологовъ покойной я прочелъ описаніе впечатлѣнія, произведеннаго на меня Софьей Константиновной (тогда еще Кавелиной)—на педагогическомъ диспутѣ, въ С.-Петербургѣ.—Да! это былъ незабвенный для меня вечеръ.—Молоденькая, небольшого росту, дѣвушка въ простомъ сѣренькомъ платьецѣ, съ бѣлымъ платочкомъ на шеѣ, съ назадъ зачесанными недлинными русыми волосами, говорила почти еще дѣтскимъ голосомъ такъ умно и увлекательно, возражала такъ дѣльно, выказывала такое разнообразное знаніе своего предмета, такія энциклопедическія свѣдѣнія,—что всѣ слушатели—(а ихъ собралось много на этотъ диспутъ)—были поражены—скажу прямо: очарованы. Нѣсколько недовѣрчивыя, снисходительныя улыбки, которыми её встрѣтили сначала—скоро приняли другое выраженіе—выраженіе удивленія и вниманія.—Дѣвушка не была красавицей; но болѣе миловиднаго, симпатическаго лица представить нельзя: нѣжно-бѣлый лобъ свѣтился умомъ и чуткостью мысли, та же живая мысль играла въ глазахъ, звучала въ голосѣ; все ея существо было не то, что напряжено—а сильно и весело оживлено... и какая простота при этомъ, какая душевная стройность и ясность!—Вы бы не назвали этой дѣвушки ни скромной, ни смѣлой: оба эти слова не шли къ ней... но вы чувствовали: хорошая, честная, въ лучшемъ смыслѣ—образованная личность появилась передъ вами и охотно сообщалась вамъ.—Дѣло шло о способахъ преподаванія исторіи: Софья Константиновна была тысячу разъ права въ томъ, что́ она защищала:—но въ самыхъ ударахъ, наносимыхъ ею противнику—было столько граціи—и не элегантно-самоувѣренной, на французскій ладъ—а добродушной русской, почти невинной, безсознательной... Я коротко зналъ, любилъ и уважалъ ея отца... это былъ старинный пріятель и сотрудникъ... радостно поздравлялъ я его съ такою дочерью... Могъ ли я предвидѣть, что ему придется хоронить её!

Мнѣ потомъ довольно часто приходилось бесѣдовать съ Софьей

Digitized by Google

Константиновной; иногда я вступалъ съ нею въ споръ.—Но всякій разъ я уносилъ съ собою убѣжденіе, что въ ней воплотился одинъ изъ лучшихъ нашихъ женскихъ типовъ. Въ каждомъ ея словѣ, взглядѣ, движеніи высказывалась душа свободная—свободная прежде всего!—чуждая всему мелкому, низкому, узкому, дѣятельная, трудолюбивая, всегда готовая помочь, принести пользу, кроткая при всей энергіи, веселая при всей глубинѣ натуры.—И какъ она умѣла любить! какъ ее любили!—Да; такая потеря безвозвратна и безутѣшна... Подумайте одно: оплакивая раннюю кончину этой 25-ти-лѣтней женщины, можно безъ преувеличенія сказать, что въ ея лицѣ изученіе, преподаваніе исторіи у насъ на Руси понесли значительную утрату....

Парижъ.—19 (31) октября, 1877.

ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Съ 20 сентября по 20 октября.

Наше общее военное положеніе представлялось въ началѣ сентября мало удовлетворительнымъ. Третій штурмъ на Плевну былъ отбитъ; рущукскій отрядъ отступалъ передъ Мехметомъ-Али-пашей; отрядъ на Шипкѣ могъ ожидать возобновленія отчаянныхъ попытокъ Сулеймана; отрядъ въ Добруджѣ бездѣйствовалъ. Но все-таки войну въ Европѣ мы вели на непріятельской территоріи. Дѣла наши въ Малой Азіи были уже совсѣмъ неутѣшительны: послѣ блестящаго, но неудачнаго похода въ глубь турецкой Арменіи, нашимъ отрядамъ, александропольскому и эриванскому, приходилось уже оборонять собственную нашу границу, а отчасти даже вести войну на нашей территоріи.

Это мало-утѣшительное положеніе дѣлъ скоро уступило мѣсто иному, гораздо болѣе благопріятному. Главнымъ факторомъ такого измѣненія было прибытіе на оба театра войны большихъ подкрѣпленій. Началомъ благопріятнаго оборота дѣлъ можно считать сраженіе 9-го сентября при Церковнѣ, гдѣ генералъ Татищевъ остановилъ напоръ части восточной турецкой арміи на рущукскій отрядъ Государя Наслѣдника. Послѣдовавшее затѣмъ отступательное движеніе Мехмета-Али имѣло результатомъ переходъ къ наступленію нашего рущукскаго отряда, который къ двадцатымъ числамъ октября уже

Digitized by Google

снова подошелъ къ Черному-Лому и производилъ поиски на правомъ берегу этой рѣки. Противъ Плевны успѣха пока еще не было, но достигнуть важный результатъ въ тылу Плевны, на софійской дорогѣ, и снабженіе турецкой арміи чрезвычайно затруднено, если не сдѣлано совершенно невозможнымъ. На Шипкѣ, съ перемѣною командующаго противъ нея турецкаго генерала, съ выпаденіемъ снѣга и отвлеченіемъ значительныхъ турецкихъ силъ оттуда въ Орханіе, на помощь Плевнѣ, миновала опасность. Самъ добруджскій отрядъ, отличавшійся доселѣ бездѣйствіемъ, проявилъ нѣкоторую жизнь усиленной рекогносцировкой на Базарджикъ, по направленію къ Варнѣ. Наконецъ, въ Малой Азіи нами одержана блестящая побѣда надъ Мухтаромъ-пашой, армія его была разсѣяна, и начала организовываться вновь только по отступленіи ея остатковъ по эрзерумской дорогѣ и соединеніи ихъ съ Измаиломъ-пашей, который отступалъ передъ нашимъ эриванскимъ отрядомъ по южной дорогѣ также на Эрзерумъ. Осада Карса возобновилась, и оба наши отряда преслѣдуютъ турокъ уже далѣе тѣхъ крайнихъ пунктовъ, до которыхъ мы лѣтомъ проникали въ глубь страны, по дорогамъ, которыя соединяются при Хорассанѣ. Все утерянное здѣсь съ іюня возвращено однимъ рѣшительнымъ ударомъ, который былъ нанесенъ туркамъ нашими войсками по прибытіи къ намъ достаточныхъ подкрѣпленій.

Прослѣдимъ теперь отдѣльно ходъ дѣйствій каждаго изъ нашихъ отрядовъ за Дунаемъ и нашихъ войскъ въ Малой Азіи.

Пока не взята Плевна нельзя, конечно, сказать о положеніи нашихъ главныхъ силъ въ Болгаріи то, что мы сейчасъ сказали о положеніи нашихъ войскъ въ Малой Азіи. Воспользовавшись необезпеченностью праваго фланга нашего общаго расположенія, Османъ-паша сдѣлалъ весьма смѣлое и замѣчательное движеніе: изъ далекаго Виддина онъ перешелъ въ Плевну, вѣрно оцѣнивъ оборонительную силу этой позиціи, сталъ на самомъ нашемъ флангѣ и подвергъ опасности нашу операціонную линію отъ Систова до Балканъ. Пока Плевна въ турецкихъ рукахъ, положеніе наше въ Болгаріи остается болѣе затруднительнымъ, чѣмъ было въ началѣ іюля.

Но вопросъ теперь уже не въ томъ только, чтобъ овладѣть Плевной, а еще и въ томъ, чтобы уничтожить армію Османа, принудить ее къ сдачѣ въ осажденной Плевнѣ, или разбить ее при отступленіи ея съ этой сильной позиціи. Для того, чтобы принудить Османа сдаться въ Плевнѣ, необходимо блокировать его тамъ и постепенно подвигать къ центру непріятельской позиціи наши осадныя батареи. Для того, чтобы лишить армію Османа подвоза припасовъ и прибытія подкрѣпленій, необходимо имѣть на дорогѣ въ Софію такой отрядъ, который стоялъ бы на его сообщеніяхъ съ вспомогательнымъ

Digitized by Google

корпусомъ Шефкета-паши, стоящимъ въ Орханіе. Новѣйшія дѣйствія нашихъ главныхъ силъ и направлены къ достиженію этихъ цѣлей.

Неудача третьяго штурма на Плевну разъяснила до очевидности, что взять однимъ напоромъ такую позицію непріятеля, которая дозволяетъ ему укрывать свои войска отъ артиллерійскаго огня аттаки, предоставляя нападающему пройти большое разстояніе на перерѣзанной, открытой мѣстности, подъ сосредоточеннымъ огнемъ обороняющихся укрѣпленій—невозможно, или предполагаетъ вѣроятность новыхъ безуспѣшныхъ попытокъ съ огромными потерями и ослабленіемъ нападающей арміи. Вслѣдствіе того, избранъ былъ болѣе осторожный и болѣе вѣрный способъ аттаки: постепенное приближеніе къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ посредствомъ саперныхъ работъ. Работы эти были начаты и нашими, и румынскими войсками, а между тѣмъ въ тылъ Плевнѣ, за рѣку Видъ, стали высылаться кавалерійскіе отряды для затрудненія сообщеній непріятеля и захвата его транспортовъ.

Но одно дѣйствіе кавалеріей оказывалось недостаточнымъ. Турки высылали для сопровожденія транспортовъ изъ Орханіе и для встрѣчи ихъ изъ Плевны значительные отряды пѣхоты и артиллеріи, противъ которыхъ наша кавалерія не могла дѣйствовать съ достаточными результатами. Такъ, въ ночь съ 23-го на 24-е сентября нашъ кавалерійскій отрядъ, наблюдавшій за сообщеніями турокъ на софійскомъ шоссе, у Радомирца, былъ одновременно аттакованъ непріятелемъ съ двухъ сторонъ: отъ Софіи и отъ Плевны. Силы непріятеля составляли 4 т. чел. пѣхоты, пять орудій и нѣсколько сотенъ черкесовъ. Наша кавалерія могла только отбиваться и дѣйствительно отбилась, спѣшившись и оборонялась на два фронта, но затѣмъ должна была отступить.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ у насъ въ публикѣ съ довольно давняго времени, едва ли не со времени занятія Ловчи генераломъ Скобелевымъ 2-мъ, установилось мнѣніе, что сообщенія Османа отрѣзаны и что Плевна окружена пресловутымъ „желѣзнымъ кольцомъ", какимъ былъ стянутъ Парижъ (у насъ вообще любятъ примѣнять къ нынѣшней войнѣ примѣры и названія, заимствованные изъ франко-прусской войны, порою весьма неудачно), въ дѣйствительности ничего подобнаго не было. Сообщенія Османа съ Орханіе и Софіею оставались открытыми, и только въ слабой степени тревожились нашими разъѣздами. Транспорты доставлялись правильно, подъ прикрытіемъ сильныхъ пѣхотныхъ колоннъ, и на софійскомъ шоссе дѣйствовалъ телеграфъ, тотчасъ исправляемый послѣ перерыва его нашими разъѣздами. Этого мало. Для упроченія своихъ сообщеній и въ томъ предвидѣніи, что ему можетъ когда-нибудь сдѣлаться не-

Digitized by Google

избѣжнымъ отступленіе, искусный турецкій генералъ озаботился возведеніемъ на софійскомъ шоссе цѣлой цѣпи укрѣпленныхъ позицій. Обо всемъ этомъ въ свое время писалось въ иностранныхъ газетахъ, но эти вѣрныя извѣстія смѣшивались съ массою извѣстій ложныхъ, и читатели нашихъ газетъ оставались при совершенно-превратномъ представленіи о положеніи Османа-паши. Только новѣйшія дѣйствія генерала Гурко раскрыли дѣйствительное положеніе дѣлъ и вмѣстѣ въ значительной степени измѣнили его, къ чему мы сейчасъ возвратимся.

Итакъ, рѣшено было дѣйствовать противъ Плевны путемъ правильной осады, и весьма вѣроятно, что такое рѣшеніе было принято вслѣдъ за прибытіемъ къ западной нашей арміи генерала Тотлебена, который былъ назначенъ помощникомъ князя Карла румынскаго. Время года, однако, мало благопріятствовало землянымъ работамъ, которыя замедлились, сверхъ того, еще недостаточностью шанцеваго инструмента. Быстрѣе шли работы у румынъ, и турки еще въ концѣ сентября сочли нужнымъ произвесть нападеніе на румынскія траншеи, но были отбиты. Дожди служили помѣхой и инженернымъ работамъ, и подвозу припасовъ, и замедляли самое прибытіе подкрѣпленій. Канонада противъ Плевны производилась въ это время довольно слабо, и только съ первыхъ чиселъ октября было принято направлять нашъ огонь поочередно на тотъ или другой пунктъ турецкихъ укрѣпленій, сосредоточивая его по возможности весь противъ одной цѣли, вмѣсто прежняго раздробительнаго дѣйствія, которое дозволяло непріятелю исправлять ночью тѣ небольшія поврежденія, какія были произведены нашимъ огнемъ въ теченіи дня.

Трудно объяснить себѣ, какъ послѣ принятаго уже рѣшенія—дѣйствовать противъ Плевны путемъ постепеннаго приближенія, при помощи траншей, первая недѣля октября заключилась опять неожиданной попыткой частнаго штурма. Доведя четвертую параллель до буковскаго редута, одного изъ передовыхъ восточныхъ укрѣпленій, противъ праваго фланга нашего западнаго отряда, румыны 7 октября произвели двѣ аттаки на этотъ редутъ. Но, несмотря на близкое уже къ редуту разстояніе, съ котораго они теперь могли начать эти аттаки, и при всемъ мужествѣ, вновь выказанномъ ими въ этотъ день, румыны должны были отступить передъ страшнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, потерявъ около 900 человѣкъ изъ семи батальоновъ, которые были введены въ дѣло. Неудача этой попытки должна была послужить новымъ доказательствомъ, что новый общій штурмъ Плевны представлялъ бы весьма опасный рискъ, и что не слѣдуетъ отступать отъ мысли объ осадѣ и по возможности полномъ блокированіи этого укрѣпленнаго лагеря.

Digitized by Google

Но сколько-нибудь серьёзное дѣйствіе на сообщенія Османа стало возможно не ранѣе, какъ по прибытіи на театръ военныхъ дѣйствій большихъ подкрѣпленій, самая существенная часть которыхъ представлялась войсками гвардіи. Безуспѣшность прежнихъ кавалерійскихъ набѣговъ въ тылу Плевны для пресѣченія его сообщеній побудила образовать изъ бо́льшей части вновь прибывшихъ гвардейскихъ частей особый, большой отрядъ всѣхъ родовъ оружія, предназначенный къ тому, чтобы перейти чрезъ рѣку Видъ и дѣйствовать на софійской дорогѣ болѣе прочнымъ образомъ и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ дѣлалось доселѣ кавалерійскими набѣгами Тутолмина, Левиза и т. д. Командованіе этимъ отрядомъ было поручено генералъ-адъютанту Гурко. Какова численность этого отряда, мы съ точностью не знаемъ, и о самыхъ дѣйствіяхъ его имѣемъ доселѣ только краткія оффиціальныя свѣдѣнія. Мы знаемъ, однако, что въ распоряженіи ген. Гурко находились первая бригада 1-й и весь составъ 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій, а также 2-я гвардейская кавалерійская дивизія и казачья бригада, при 72-хъ орудіяхъ. Сверхъ того тамъ находятся два, если не три стрѣлковыхъ батальона. По этимъ названіямъ частей мы можемъ предположить, что у ген. Гурко было до 30 тысячъ чел. По разсказу же вѣнской „Presse", у него было до 35 тысячъ, причемъ вѣнская газета считаетъ у него шесть полковъ гвардейской пѣхоты, три стрѣлковыхъ батальона и не восемь, а четырнадцать полковъ кавалеріи при 80 орудіяхъ. Такъ какъ въ оффиціальномъ сообщеніи было сказано, что гвардейскія части входили въ составъ отряда Гурко, то мы должны предположить въ немъ еще и не гвардейскія войска, и потому можемъ принять численность этого отряда примѣрно въ 30—35 т. чел.

По оффиціальнымъ извѣстіямъ, генералъ Гурко открылъ въ 17-ти верстахъ къ юго-западу отъ Плевны, между Горнымъ-Дубнякомъ и Телишемъ, сильно укрѣпленную непріятельскую позицію, атаковалъ ее 12 сентября, и послѣ ожесточеннаго 10-ти-часоваго боя овладѣлъ ею, утвердившись на софійской дорогѣ. Турки лишились одними плѣнными 3,000 чел. пѣхоты и цѣлаго коннаго полка; у нихъ были взяты въ плѣнъ Ахметъ-Хивзи-паша съ его начальникомъ штаба и до 80 офицеровъ; нашими трофеями были два знамени, четыре орудія, много оружія и патроновъ. Наша потеря убитыми и ранеными исчислялась въ 2,500 чел., и турецкая примѣрно въ ту же цифру. Такимъ образомъ, по оффиціальному извѣстію, генералъ Гурко этимъ блестящимъ дѣломъ совершенно прервалъ сообщенія Плевны съ Софіей. Разсказъ вѣнской „Presse" совпадаетъ съ этимъ извѣстіемъ въ главныхъ чертахъ, но обрисовываетъ съ бо́льшей полнотой характеръ самого дѣла при Горномъ-Дубнякѣ. По словамъ вѣнской газеты, ге-

Digitized by Google

нералъ Гурко еще въ первыхъ числахъ октября перешелъ съ своимъ отрядомъ р. Видъ при Чириковѣ; между тѣмъ генералъ Лашкаревъ съ 6 кавалерійскими полками, 2 стрѣлковыми батальонами и 4 конными батареями перешелъ р. Видъ на сѣверо-западъ отъ Плевны. Затѣмъ, 11 октября ген. Лашкаревъ сдѣлалъ демонстрацію противъ западныхъ передовыхъ турецкихъ войскъ подъ Плевной, а по всей линіи нашихъ батарей противъ Плевны открыта была бомбардировка, продолжавшаяся до полудня 12 числа. Въ этотъ же день, 12 числа, ген. Гурко аттаковалъ турокъ, расположенныхъ при Горномъ-Дубнякѣ и разбилъ ихъ. Ахметъ-Хивзи былъ поставленъ здѣсь Шефкетомъ-пашей съ 20 батальонами, 3 эскадронами и 15 орудіями для подкрѣпленія Османа. Потеря турокъ вѣнская газета исчислила приблизительно вѣрно съ нашей оффиціальной телеграммой, и также прибавляла, въ видѣ вывода, что затѣмъ „Османъ-паша обложенъ".

Но за этимъ успѣхомъ послѣдовалъ другой, бывшій послѣдствіемъ перваго: 16-го октября генералъ Гурко, послѣ двухъ-часового обстрѣливанія, взялъ еще турецкую укрѣпленную позицію у Телиша. Такимъ образомъ, первое оффиціальное извѣстіе о взятіи имъ турецкой позиціи „между Горнымъ-Дубнякомъ и Телишемъ" не было достаточно точно. 12-го числа генералъ Гурко разбилъ турокъ при Дубнякѣ и занялъ высоты Дубняка, какъ о томъ именно сказано въ извѣстіи „Presse"; а затѣмъ, 16-го числа, онъ уже легко овладѣлъ другой турецкой позиціей, у Телиша, которой судьба была въ сущности рѣшена сраженіемъ у Дубняка. Телишъ былъ защищаемъ всего 7-ю таборами турецкой пѣхоты съ 3-мя орудіями. Весь этотъ гарнизонъ, за исключеніемъ 300 чел., успѣвшихъ бѣжать, сдался на капитуляцію и былъ переведенъ въ редутъ Горнаго-Дубняка, откуда предполагалось выпустить гарнизонъ на свободу, конечно потому, что накопленіе болѣе 7 тысячъ плѣнныхъ затруднило бы дѣйствія ген. Гурко. Съ гарнизономъ Телиша сдался намъ и лива (бригадный генералъ) Измаилъ-Хаки-паша съ 100 офицерами. Паша предпочелъ остаться въ плѣну. Наши потери въ этомъ дѣлѣ были незначительны.

Эти важные успѣхи генерала Гурко могутъ измѣнить дальнѣйшій ходъ дѣлъ подъ Плевной и сократить осаду. Дѣло въ томъ, что Шефкетъ-паша и Османъ-паша должны будутъ предпринять что-нибудь серьёзное противъ ген. Гурко; иначе Османъ-паша, оставшись безъ снабженій, не можетъ долго оставаться въ Плевнѣ. Мы пишемъ эти строки за 12 дней до появленія ихъ въ печати, и, стало быть, было бы безполезно высказывать теперь какое-либо сужденіе впередъ, такъ какъ по всей вѣроятности до тѣхъ поръ произойдутъ важныя дѣйствія. Но если свѣдѣнія вѣнской „Presse" объ одновременномъ обходѣ Плевны къ сѣверозападу генераломъ Лашкаревымъ справедливы, то

Digitized by Google

остается только пожелать, чтобы и его отрядъ былъ усиленъ пѣхотой и артиллеріею въ достаточной степени, чтобы помѣшать отступленію Османа на западъ, или дѣйствовать ему въ тылъ въ томъ случаѣ, если онъ ударитъ на ген. Гурко.

О дѣйствіяхъ другихъ отрядовъ на европейскомъ театрѣ войны достаточно будетъ упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ, и перейти затѣмъ къ дѣйствіямъ въ Малой Азіи.

Выше уже сказано, что вскорѣ послѣ сраженія при Церковнѣ, Мехметъ-Али, преслѣдовавшій нашъ рущукскій отрядъ, началъ отступленіе къ Черному-Лому. Причиною того было сосредоточеніе рущукскаго отряда на крѣпкихъ позиціяхъ, недостаточность силъ, какими могъ располагать Мехмедъ для рѣшительнаго на нихъ нападенія, и порча дорогъ, которая затруднила и движеніе войскъ и доставку всего необходимаго изъ крѣпостей четырехугольника. Отступленіе свое Мехметъ началъ 12-го сентября и вскорѣ былъ смѣненъ по обвиненію въ недостаткѣ энергіи. Но и преемникъ его, Сулейманъ-паша, съ такой безпощадной рѣшимостью жертвовавшій своими войсками противъ Шипки, оказался вынужденнымъ продолжать отступленіе Мехмета. Оказалось, что разсказы о силахъ западной турецкой арміи были преувеличены, и что она едвали превосходитъ численность 80 т. чел. Холода, недостатокъ теплой одежды и дровъ стали сильно дѣйствовать въ особенности на египетскія войска. Дивизію принца Гассана пришлось отослать въ Варну. А между тѣмъ, съ одной стороны нашъ добруджскій отрядъ сталъ проявлять нѣкоторую дѣятельность, въ тылу западной турецкой арміи. Такъ, высланный ген. Циммерманомъ кавалерійскій отрядъ ген. Манзея 15-го сентября подходилъ съ самому Базарджику и дѣйствіемъ артиллеріи отразилъ вышедшую изъ этого города пѣхотную колонну. Съ другой стороны, и къ рущукскому нашему отряду стали прибывать значительныя подкрѣпленія.

Вслѣдствіе всего этого, Сулейманъ продолжалъ отступленіе, начатое Мехметомъ, а по мѣрѣ отступленія турокъ, нашъ рущукскій отрядъ снова подвигался къ востоку, на прежнія позиціи на Черномъ Ломѣ и между нимъ и Банницкимъ Ломомъ. Сулейманъ выказалъ-было намѣреніе угрожать лѣвому флангу Государя Наслѣдника, то-есть дѣйствовать противъ рущукскаго отряда съ сѣвера, но, послѣ незначительныхъ и неудачныхъ демонстрацій въ этомъ смыслѣ, повидимому отказался отъ возобновленія наступленія, и, какъ слышно было, около 20 октября, намѣренъ былъ уже отвесть свою армію къ Разграду, на зимнія квартиры. Въ одной изъ рекогносцировокъ на лѣвомъ флангѣ рущукскаго отряда, 12-го октября, былъ, къ общему прискорбію, убитъ пулею въ голову Е. И. В. князь Сергѣй Максимиліановичъ

Digitized by Google

Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій, на 28-мъ году жизни. Говоря о дѣйствіяхъ рущукскаго отряда, умѣстно будетъ упомянуть здѣсь же о взрывѣ третьяго турецкаго броненосца. Это былъ большой, трехмачтовый мониторъ, который 27-го сентября вошелъ въ Сулинское гирло и затѣмъ наткнулся на наши минныя заграждения.

На Балканахъ за это время не произошло ничего серьёзнаго. Въ концѣ сентября и началѣ октября сдѣланы были партіями баши-бузуковъ нападенія на еленскій и на ханкіойскій проходы, но были отбиты съ ничтожными для насъ потерями. Новый турецкій командующій въ Балканахъ, Реуфъ-паша, долженъ былъ уступить значительную часть своихъ силъ на подкрѣпленіе корпуса Шефкета-паши въ Орханіе, и вѣроятно будетъ ограничиваться наблюденіемъ за выходами изъ Балкановъ.

Кампанія въ Малой Азіи въ половинѣ прошлаго сентября считалась почти оконченной. Корреспондентъ газеты „Temps“ въ лагерѣ Мухтара-паши писалъ въ то время, что Мухтару предложено мѣсто сераскира, и что онъ вскорѣ уѣдетъ въ Константинополь, но что предварительно, вѣроятно, будетъ произведена попытка возвратить Ардаганъ, такъ чтобы окончательно очистить турецкую территорію отъ русскихъ войскъ. Такая самоувѣренность господствовала въ турецкомъ лагерѣ въ силу прежнихъ удачъ. Но на самомъ дѣлѣ отношенія значительно измѣнились: въ то время, какъ армія Мухтара была ослаблена отвлеченіемъ отъ нея всякихъ пополнительныхъ маршевыхъ командъ изъ Азіи—въ Европу, наша дѣйствующая армія получила значительныя подкрѣпленія, въ составѣ которыхъ важнѣйшую часть представила цѣлая гренадерская дивизія. Эти обстоятельства произвели то, что численное превосходство оказалось рѣшительно на нашей сторонѣ. По иностраннымъ извѣстіямъ, войска Мухтара и Измаила, вмѣстѣ взятыя, не представляли въ половинѣ сентября болѣе 40 т. чел., между тѣмъ какъ оба наши отряда, александропольскій и эриванскій, въ сложности, были доведены наконецъ до 70 т. чел.

Послѣ долговременнаго застоя, изрѣдка прерывавшагося небольшими наступательными попытками корпуса Мухтара-паши противъ александропольскаго отряда на р. Карсъ-Чаѣ, и корпусомъ Измаила-паши—противъ эриванскаго отряда ген. Тергукасова на Игдырѣ,—войска перваго изъ нашихъ отрядовъ перешли въ наступленіе. Разсказываютъ, что прибывшимъ къ арміи генераломъ Обручевымъ была подана мысль ударить на лѣвый флангъ Мухтара и отрѣзать его отъ Карса, а генераломъ Гейманомъ заявлялась мысль, что такъ какъ Мухтаръ имѣетъ обыкновеніе сильно укрѣплять свои фланги, то вѣрнѣйшимъ способомъ дѣйствія было бы попытаться прорвать центръ

Digitized by Google

его расположенія и, разрѣзавъ его армію на двѣ части, стараться преградить имъ отступленіе.

Какъ бы то ни было, дѣйствія наши начались именно противъ лѣваго фланга Мухтара, расположеннаго ближе къ карско-александропольской дорогѣ, на горахъ Большихъ и Малыхъ Ягнахъ. Послѣ двухчасового боя, 20 сентября, Большія-Ягны были взяты нашими войсками, причемъ турки потеряли 200 чел. плѣнными, но Малыя-Ягны взять не удалось. Вслѣдствіе того, хотя аттака, произведенная турками 21 сентября на нашъ лѣвый флангъ и была отбита, но 22 числа войска наши все-таки были отодвинуты съ высотъ Большія-Ягны назадъ, что̀ объяснялось еще и недостаткомъ на томъ мѣстѣ воды. Потери наши въ этихъ двухъ сраженіяхъ—83 офицера и до 3,300 нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя. Потери турокъ простирались до 6,000 чел. Эти дѣла происходили чрезъ пять дней послѣ наступательной попытки турокъ противъ ген. Тергукасова, произведенной 15 сентября Измаиломъ-пашей и удачно отбитой эриванскимъ отрядомъ съ потерею около 160 человѣкъ.

Сраженіе при Ягнахъ показало Мухтару, что онъ имѣлъ дѣло съ непріятелемъ значительно превосходящимъ его силами. Потерявъ до 6 т. чел., Мухтаръ не могъ надѣяться дѣйствовать долѣе наступательно съ какими-нибудь 20-ю батальонами, и рѣшился придвинуться ближе къ Карсу. Въ ночь на 27 сентября, онъ оставилъ свои позиціи на Кизилъ-Тапѣ и перевелъ свой центръ и правый флангъ на визинкёвскія и аладжинскія высоты, сохраняя свой лѣвый флангъ на Малыхъ-Ягнахъ для того, чтобы въ случаѣ нужды обезпечить себѣ отступленіе къ Карсу. Наши войска заняли Кизилъ-Тапу и Большія-Ягны, гдѣ тотчасъ возвели редутъ. Затѣмъ Мухтаръ, 1 октября, попытался опять-таки овладѣть Большими-Ягнами и двинулъ на нихъ войска съ Малыхъ-Ягнъ и изъ Визинкёва, но, по отбитіи этой аттаки, былъ принужденъ оставить и Малыя-Ягны, и занялъ ломаную линію: Визинкёвъ, Орлокъ, Авліаръ, Аладжи, между тѣмъ какъ наши войска занимали Субботанъ, Ягны и Хаджи-Вали.

Такимъ образомъ, Мухтаръ окончательно удалился отъ карско-александропольской дороги и, подавая руку Карсу только лѣвымъ флангомъ, изъ Визинкёва, растянулъ свой центръ отъ орлокскихъ высотъ до горы Авліара, въ видѣ передового пункта, а правый флангъ выставилъ на аладжинскихъ высотахъ, то-есть восточнѣе Большихъ-Ягнъ, которыя между тѣмъ уже находились въ нашей власти. Тогда нашимъ войскамъ, при значительныхъ силахъ, представилось полное удобство прорвать центръ турецкаго корпуса.

Генералъ Лазаревъ обошелъ орлокскія высоты и ударилъ на нихъ 3 октября, между тѣмъ какъ генералъ Гейманъ съ тремя полками

Digitized by Google

пѣхоты и батальономъ стрѣлковъ пошелъ штурмомъ на гору Авліаръ. Центръ турокъ былъ прорванъ, и корпусъ Мухтара былъ разрѣзанъ на двѣ части; одна бросилась къ Карсу, но была взята во флангъ генераломъ Лазаревымъ, а въ тылъ генераломъ Гейманомъ и разсѣяна съ потерею нѣсколькихъ тысячъ плѣнныхъ, четырехъ орудій и большого числа павшихъ; другая часть турокъ, составлявшая ихъ правый флангъ, была сбита съ аладжинскихъ высотъ, и, окруженная со всѣхъ сторонъ, должна была положить оружіе; здѣсь были взяты въ плѣнъ семь пашей и почти все наличное на правомъ флангѣ число войска, съ большимъ количествомъ военнаго матеріала. Самъ Мухтаръ бѣжалъ въ Карсъ, куда укрылись и остатки разбитой его арміи. Замѣчательно, что въ числѣ этихъ остатковъ оказался и небольшой отрядъ, какимъ-то образомъ спасшійся съ аладжинскихъ высотъ. Наши потери въ дѣлѣ 3 октября были: 56 офицеровъ и 1385 нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя.

Во всякомъ случаѣ, побѣда при Авліарѣ была наиболѣе блестящею изъ всѣхъ одержанныхъ нами въ настоящую войну. Это была первая большая битва въ открытомъ полѣ, и она окончилась уничтоженіемъ непріятельской арміи. Только съ точки зрѣнія исторической критики можно было предъявить возраженіе противъ отзыва „Русскаго Инвалида", сказавшаго, что въ послѣднихъ битвахъ на карской долинѣ „ясно обнаруживалась послѣдовательность и энергія въ исполненіи задуманнаго плана, въ соединеніи съ искуснымъ выборомъ главнаго пункта аттаки". Эти слова вполнѣ примѣнимы къ обходу Орлока и аттакѣ на Авліаръ, но первоначальная аттака, произведенная нами на Ягны, не имѣла послѣдствій, и если бы Мухтаръ не удалилъ своего фронта отъ карско-александропольской дороги, но, прикрываясь позиціями на Ягнахъ, сталъ отступать къ Карсу, то армія его, быть можетъ, и укрылась бы вся за эту крѣпость.

По послѣднимъ извѣстіямъ, какія мы имѣемъ, Мухтаръ съ остатками своего корпуса сталъ отступать отъ Карса за Саганлугъ, по южному пути въ направленіи къ Эрзеруму. Между тѣмъ, Измаилъ-паша, сдѣлавъ 2-го октября новую неудачную попытку аттаки на генерала Тергукасова и получивъ извѣстіе о пораженіи Мухтара, отошелъ въ ночь 4—5 октября съ своихъ позицій на нашей эриванской границѣ и сталъ отступать по алашкертской дорогѣ, разсчитывая соединиться съ Мухтаромъ. Генералъ Тергукасовъ преслѣдуетъ Измаила, а главныя наши силы, подъ начальствомъ великаго князя Михаила Николаевича, возобновили осаду Карса, отрядивъ 10-го октября генерала Геймана на соединеніе съ ген. Тергукасовымъ, для преслѣдованія Мухтара за Саганлугъ, по направленію къ Хорассану и Кеприкіойю. Генералъ Тергукасовъ къ 13-му октября былъ уже у

Digitized by Google

Каракилисы, въ виду арріергарда Измаила, занимавшаго Зейдеканъ, а затѣмъ состоялось уже и соединеніе съ нимъ ген. Геймана.

Къ 20-му октября войска ген. Геймана и Тергукасова занимали Кеприкіой и Гассанъ-Кале, и находились всего въ 18-ти верстахъ отъ Эрзерума.

ИЗВѢСТІЯ

Отчетъ комитета для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ о поступленіи и движеніи суммъ за послѣдніе пять мѣсяцевъ, съ 1 мая по 1 октября 1877 года.

За это время поступило всего 1.338 руб. 25 коп., изъ коихъ членскіе взносы за 1877 годъ 95 руб. и отъ 4-хъ лицъ, желающихъ поступить въ число членовъ, 20 руб., пожертвованій 1.123 руб. 25 коп. и возвращено ссудъ 100 руб. (отъ 4-хъ лицъ).

Пожертвованіе въ 1.000 руб. облигаціею Одесскаго Кредитнаго Общества сдѣлано однимъ лицомъ, не желающимъ объявить своей фамиліи, на томъ условіи, чтобы процентами съ этого капитала Общество имѣло право пользоваться только по смерти жертвователя.

Въ теченіе пяти мѣсяцевъ выдано ссудъ и пособій на 694 руб.

Затѣмъ къ 1-му октября оставалось расходнаго капитала наличными—91 руб. 76 коп. и въ процентныхъ бумагахъ 4.500 руб., составляющихъ неприкосновенный капиталъ Общества.

Между тѣмъ, число лицъ, обращающихся къ Обществу съ просьбами о ссудахъ и пособіяхъ постоянно увеличивается, такъ какъ въ настоящее время на врачебныхъ курсахъ состоитъ слушательницъ 480 и на педагогическихъ 280, а въ ноябрѣ, съ открытіемъ третьяго педагогическаго курса, число послѣднихъ еще увеличится.

При этомъ комитетъ не можетъ не указать между прочимъ на то, что изъ слушательницъ врачебныхъ курсовъ 23, кончившія въ нынѣшнемъ году 5-й курсъ, отправлены были на мѣсто военныхъ дѣйствій на Дунай и состоятъ тамъ и нынѣ. Оказаніе пособія учащимся лицамъ, приготовляющимся къ такой полезной дѣятельности, въ высшей степени важно и желательно.

Посему комитетъ Общества, въ виду незначительности средствъ, находящихся въ его распоряженіи, приглашаетъ гг. членовъ Общества, не внесшихъ своихъ взносовъ, сдѣлать таковые, и обращается вмѣстѣ съ тѣмъ ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ цѣлямъ и дѣятельности Общества, съ просьбою объ оказаніи ему помощи пожертвованіями.

Пожертвованія принимаются, съ выдачею квитанцій, членами комитета, адрессы коихъ показаны ниже сего:

Digitized by Google

Предсѣдатель: Викторъ Антоновичъ *Арцимовичъ* (Сергіевская, 24).

Товарищъ Предсѣдателя: Николай Николаевичъ *Тютчевъ* (Невскій проспектъ 96, кв. 18).

Члены: Прасковья Николаевна *Тарновская* (у Поцѣлуева моста, Мойка, 102), Варвара Павловна *Тарновская* (Надеждинская, 3), Надежда Терентьевна *Рудкова* (Пески, 9-я улица, 26), Ольга Александровна *Мордвинова* (у Спаса Преображенія, Манежный переулокъ, 6, кв. 4), Дмитрій Васильевичъ *Стасовъ* (Малая Морская, 8).

Казначей: профессоръ Александръ Порфирьевичъ *Бородинъ* (зданіе медико-хирургической академіи).

Секретарь: профессоръ Алексѣй Петровичъ *Доброславинъ* (тамъ же).

Независимо отъ того, для удобства городскихъ жителей, деньги въ пользу Общества принимаются и на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ № 68, у Аничкина моста, входъ съ Фонтанки, въ *конторѣ „Дружина“*, ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 10 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Лицъ, желающихъ дѣлать годовые взносы или пожертвованія въ пользу Общества, покорнѣйше просятъ записать собственноручно свою фамилію, адресъ и взносную сумму или пожертвованіе, въ особо заведенную для того въ конторѣ „Дружина“ шнуровую книгу.

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Планъ С.-Петербурга въ санитарномъ отношеніи. Докт. мед. Ю. Гюбнера. Спб. 1877. Стр. 59.

Одни мѣропріятія къ достиженію какой-нибудь цѣли не могутъ имѣть успѣшнаго дѣйствія, если не поддерживаются общественнымъ сознаніемъ необходимости во что бы то ни стало достигнуть этой цѣли. Труды, подобные „Плану“ д-ра Гюбнера, столь извѣстнаго по прежнимъ своимъ работамъ надъ изслѣдованіями санитарнаго состоянія Петербурга, всего болѣе содѣйствуютъ просвѣтленію сознанія въ обществѣ, что жить нельзя безнаказанно, не заботясь о чистоплотности вокругъ себя. При брошюрѣ читатель находитъ раскрашенную карту, и довольно одного простого взгляда на условленные цвѣта и ихъ тоны, чтобы понять, какое различіе производитъ, напримѣръ, одна забота о чистотѣ и полнѣйшая беззаботность. Оказывается, что центральныя части города, какъ-то Спасская, гдѣ населеніе особенно скучено, представляютъ наименьшій процентъ смертности (20—25 умер. на 1,000), а 2-й участокъ Васильевскаго острова и 3-й участокъ на Выборгской—наибольшій процентъ (В. О. 45 чел.; Выборг. 60). Одною бѣдностью и нуждою жителей окраинъ, этихъ фабрикъ смертности, нельзя объяснять такого ненормальнаго явленія, что скученность населенія представляетъ какъ бы выгоду жизни. Если бы почтенному автору пришло на мысль къ его картѣ смертности присоединить карту, такъ сказать, заботъ о городскомъ благоустройствѣ, то, безъ сомнѣнія, оказалось бы, что на центръ легли бы самыя густыя краски, а на окраинахъ оказались бы самыя блѣдныя. Изслѣдователи вопросовъ кладбищенскихъ, больничныхъ, тюремныхъ и казарменныхъ найдутъ въ изслѣдованіи д-ра Гюбнера весьма любопытныя цифры и сопоставленія. „Тюремный замокъ,—по заключенію автора,—а также нѣкоторыя больницы и казармы, должно признать не только *источниками* распространенія тифозныхъ горячекъ, но и *хранителями* тифознаго яда... Аракчеевскія казармы долгое время производили опустошенія среди квартировавшихъ въ нихъ командъ (на 1,000 чел. 900 заболѣвшихъ и 61,5 умершихъ)“. Такіе примѣры можно назвать почти безпримѣрными, и ихъ оказывается не мало въ почтенномъ и въ высшей степени полезномъ трудѣ г. Гюбнера. Книга посвящена Е. И. В. Государю Наслѣднику, какъ „августѣйшему покровителю страждущихъ“.

Тридцать лучшихъ новыхъ сказокъ. Собралъ и разработалъ для дѣтей В. П. Авенаріусъ. Спб. 1877. Стр. 203. Ц. 1 р. 25 к.

Собиратель новаго изданія задался мыслью извлечь изъ полныхъ собраній народныхъ сказокъ, изданныхъ собственно для научныхъ цѣлей, а слѣдовательно вмѣстѣ съ прочими сказками не дѣтскаго содержанія, и изъ повременныхъ изданій, также не предназначенныхъ спеціально для дѣтей, какъ, напримѣръ, „Дневникъ Писателя“, только тѣ, которыя вполнѣ могутъ быть названы дѣтскими. Итакъ, для дѣтей это изданіе, такъ сказать, новость, прибавимъ—новость, весьма изящно изданная. Слѣдуетъ только упрекнуть собирателя, что онъ далъ большой перевѣсъ выбору изъ иностранныхъ авторовъ: изъ русскихъ всего 4 на 14 изъ иностранныхъ—и, намъ кажется, безъ особенной надобности; напримѣръ, мы не находимъ ничего изъ полнаго собранія сочиненій Некрасова, въ своей цѣлости не предназначеннаго для дѣтей, и слишкомъ много изъ Амеліи Годенъ или Леандера.

Животныя и ихъ жизнь. Сборникъ статей по зоологіи. Съ 11 картинами. Составила А. Сапова. М. 1878. Стр. 518. Ц. 2 р. 85 к.

Вотъ еще изданіе, которое пріятно рекомендовать, какъ полезную книгу для дѣтскаго чтенія. Подобно тому, какъ и въ предыдущей, выборъ сдѣланъ также вовсе не изъ дѣтскихъ писателей по естествознанію, но избрано изъ лучшихъ писателей одно доступное для пониманія въ школьномъ возрастѣ. Изъ отечественныхъ писателей мы встрѣчаемъ имена С. Т. Аксакова, Рулье, Усова, Сѣверцова, пр. Вагнера; главный контингентъ однако доставили писатели иностранные: Брэмъ, Чарди, Одюбонъ и др. Конечно, обращеніе къ иностраннымъ писателямъ удешевляетъ изданіе, но все же какъ-то странно видѣть, что даже для описанія „Домашняго пѣтуха“, „Домашней кошки“ и т. п. нельзя найти отечественныхъ наблюдателей, а нужно и за этимъ обратиться къ иностранной литературѣ.

Русскіе бывшіе дѣятели. Т. I. Двѣнадцать портретовъ, съ біографическими очерками. Состав. П. Н. Петровъ. Изд. А. О. Баумана. Спб. 1877. Стр. 96. Ц. 3 р.

Въ настоящемъ выпускѣ помѣщены портреты дѣятелей изъ „эпохи преобразованій“—сотрудниковъ Петра Великаго, и во главѣ ихъ самъ Петръ Великій: Головкинъ, Головинъ, Шереметевъ, Меншиковъ, Репнинъ, Апраксинъ, Голицынъ, Долгоруковъ, Брюсъ, Шафировъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Какъ видно изъ перечня, это только небольшой процентъ всего числа петровскихъ сотрудниковъ, и вѣроятно со временемъ издатель удѣлитъ по крайней мѣрѣ еще одинъ выпускъ для эпохи Петра В. Въ настоящее же время, намъ обѣщаются для ближайшаго выпуска „поражатели турокъ“: „такъ дѣйствуя,—говорится въ предисловіи,—надѣемся мы выполнить предъ публикою задачу, полезная цѣль которой соотвѣтствуетъ духу нашего времени“ и т. д. Но, кажется, было бы лучше въ подобныхъ изданіяхъ, если они имѣютъ серьёзную цѣль, слѣдовать хронологическому порядку. Неудовлетворительность рисунковъ въ художественномъ отношеніи, сравнительно съ прошлогоднимъ сборникомъ: „Русскіе современные дѣятели“—издатель объясняетъ справедливо несовершенствомъ портретной живописи первой половины XVIII вѣка, съ произведеній которыхъ приходилось снимать копіи. Относительно текста замѣтимъ, что въ такихъ изданіяхъ, при весьма небольшомъ пространствѣ, слѣдуетъ жертвовать анекдотическою стороною, но за то имѣть въ виду справочныя цѣли, какъ это дѣлается въ хорошихъ энциклопедическихъ лексиконахъ. Статьи будутъ, правда, имѣть меньше интереса для легкаго чтенія, но за то пріобрѣтутъ солидную цѣну въ другомъ отношеніи.

Digitized by Google

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

Подписка на 1878-й годъ:

	въ России:	за границею:
ГОДЪ—12 книгъ:		
1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 » — »	— »
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 » 50 »	— »
ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . .	5 » — »	7 »
Примѣчаніе. — Подписка по четвертямъ открывается: съ января, апрѣля, іюля и октября.		
МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . . .	2 » 50 »	3 »

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ такъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

☛ **Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою** ☚

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер. 7.

Digitized by Google

Minor fund. XIII 106 Dec. 1877.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 12-я.

ДЕКАБРЬ, 1877.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1877.

Стр.

I.—ДУМЫ И ГРЕЗЫ.—I. Дома.—Стих. **Н. М. Минскаго** 461

II.—АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ШИШКОВЪ.—Біографія.—XIII. Отношеніе Шишкова къ „духу времени", къ Библейскому Обществу, къ университету. Планъ народнаго воспитанія Магницкаго. Шишковъ—министръ народнаго просвѣщенія. — XIV. Отношеніе къ государю. Борьба съ мистиками. Синодъ и Филаретъ. Наука и просвѣщеніе.—XV. Противники и друзья Шишкова. Кончина Александра I-го. Цензурный уставъ. Шишковъ—членъ верховнаго суда. Отставка.—XVI. Характеристика Шишкова и послѣдніе годы.—Окончаніе.—**В. Я. Стоюнина** 465

III.—ВЪ ДУХѢ ВРЕМЕНИ.—Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.—**В. А. Крылова** . 523

IV.—ЕКАТЕРИНИНСКІЯ РЕФОРМЫ ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.—Историческій очеркъ.—**Н. А. Тихомирова** 625

V.—ИЗЪ ГЕЙНЕ.—Стих. **А. Б.** 648

VI.—ОЧЕРКИ ИЗЪ СТАРЫХЪ РОМАНОВЪ УЙДА. — Strathmore, by Ouida.—**О. П—ская** 651

VII.—ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ въ прошломъ и настоящемъ.—VIII—XV.—Окончаніе.—**Ив. С. Бліоха** 702

VIII.—ЧУДНАЯ НОЧЬ.—Изъ Гёте.—**Н. В. Гербеля** 738

IX.—БОЛГАРІЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ. — Замѣтки и воспоминанія. — III. На Дунаѣ.—IV. Въ Систовѣ и до Тырнова. **Евг. Н. Утина** 739

X.—ХРОНИКА.—Столѣтній юбилей рожденія Александра I-го. — **М. С.** . 772

XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Общественное сознаніе и печать.—Клерикальный взглядъ на задачи общества.—Вліяніе западнаго консерватизма на судьбу печати и школы. — Радикальное несходство съ тѣмъ нашихъ условій.—Должна-ли печать выражать всю мысль общества? — Наши матеріальныя заботы. — Мануфактурный кризисъ. — Вліяніе прекращенія временныхъ заработковъ 782

XII.—БУДУЩНОСТЬ СЛАВЯНСТВА. — О современномъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ славянъ западныхъ и южныхъ.—**А. Н.** 805

XIII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Наши парламентскія бури.—**К.** 830

XIV.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. — XXXI. — Сцены выборовъ по Франціи. — **Эм. Зола** 844

XV.—ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА. — Сербскій переводъ Тургеневской „Нови".—**Д.** 874

XVI.—ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ. — Ноябрь. 877

XVII.—МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.—„Вѣстникъ Европы" въ 1877 г. 888

XVIII.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы", за 1877 годъ 897

XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, С. Соловьева. Т. XXVII. — Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XX. — Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій, Л. Эккардта.—Бездольная. Драма Ан. Барчанинова. — О значеніи психическихъ явленій. Лекціи, В. А. Манассеина.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XVI стр.

Digitized by Google

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1878 г. см. ниже, на оберткѣ.

ДУМЫ и ГРЕЗЫ.

Ю. И. Я-ой.

I.

ДОМА.

Съ отрадой вижу васъ, знакомыя мѣста, —
Тебя, старинный садъ, гдѣ мальчикомъ, бывало,
Такъ часто я мечталъ. — Ужъ ночи темнота
Застлала неба сводъ, какъ будто покрывало;
Давно-бъ домой пора, а я еще брожу
Подъ темной кущей липъ, на небеса гляжу,
И въ дѣтской головѣ таинственно, какъ тѣни,
Толпится смутный рой вопросовъ и сомнѣній.

Я ихъ не могъ рѣшать ребяческимъ умомъ, —
Но звѣзды свѣтлыя такъ ласково глядѣли,
Такъ дивно млѣла ночь въ величіи нѣмомъ,
Такъ липы старыя довѣрчиво шумѣли, —
Что чувство страстное восторженной любви
И къ небу, и къ землѣ рождалося въ груди,
И сердце дѣтское сжималось болью сладкой,
И слезы по лицу струилися украдкой.

Теперь, увы! не то. Прочелъ я много книгъ,
И долго размышлялъ надъ жизнью. Слава Богу,
Не даромъ трудъ пропалъ: я многое постигъ
И жизни разрѣшилъ вопросы понемногу.

Digitized by Google

Узналъ, что звѣзды внизъ безсмысленно глядятъ,
Что липы старыя безсмысленно шумятъ,—
Но что безсмысленнѣй всего во всемъ твореньи
Надменный человѣкъ—и лжи, и злобы геній.

И только одного я не постигъ еще:
Зачѣмъ же мертвый міръ и родъ людей жестокій
Все, какъ тогда, люблю—безумно, горячо,
Съ тоскою вѣчною, могучей и глубокой?
Зачѣмъ желанію, уму наперекоръ,
Порой надеждою горишь, о, грустный взоръ?
Зачѣмъ смолкаешь вдругъ, о, голосъ убѣжденья?
Зачѣмъ въ душѣ звучишь, о, пѣсня возрожденья?...

II.

Разрѣшена глубокая загадка,
Безцѣльной жизни цѣль открыта наконецъ,
И голосъ, слышу я, возвышенный и сладкій
Звучитъ въ моей душѣ:
«Возстань, возстань, пѣвецъ!

Глубокій, вѣчный мракъ повсюду насъ объемлетъ,
Несправедливый рокъ надъ міромъ тяготитъ;
Слѣпой, безжизненный, онъ жалобамъ не внемлетъ,
Какъ ропоту волны—незыблемый гранитъ.

Все это ты постигъ,—и зла, и мрака царство,
Скорбя, ты въ ярости безсильной проклиналъ.
Довольно! Понятъ идеалъ.
Довольно! Найдено лекарство.

Оно—въ познаніи. Пусть недоступенъ ключъ
Для нашего ума отъ высшихъ тайнъ творенья,
Но если истины намъ свѣтитъ слабый лучъ,
Лови его! И въ немъ отыщешь ты забвенье...

Оно—въ искусствѣ. Пусть условна красота,
Пусть хрупки образцы, пусть мимолетны чувства,
Вѣдь ты не Богъ! Властна и надъ тобой мечта.
Живи душой, ищи забвенья средь искусства.

Digitized by Google

Люби людей. Пусть ихъ паденье глубоко,
Пускай прогрессъ—одна мечта пустая,
Но добрымъ быть такъ сладко! Такъ легко
Про всѣхъ забыть, лишь одного спасая...

А если какъ-нибудь въ часъ ночи молчаливой
Сомнѣнья старыя въ душѣ воскреснутъ вдругъ,
Одѣнь ихъ въ образы—и пѣсней прихотливой
Гони навязчивый недугъ.

Возстань, пѣвецъ! О снѣ довременной могилы
Забудь нелѣпыя мечты.
Межъ ивъ кладбищенскихъ съ отрадой бродишь ты,
А понялъ ли ты ихъ напѣвъ уныльй?

Пѣсня надъ могилой.

Въ темную ночь, когда вѣтра порывы
Мертвыхъ встревожатъ пріютъ,
Плачутъ и стонутъ могильныя ивы,
Плачутъ и пѣсню поютъ:

Горе вамъ, кто жизни силы
Не развилъ, свой вѣкъ проживъ!
Бойтесь сумрака могилы,
Бойтесь плача ивъ.

Въ жизни горькою кручиной
Истомится ваша грудь,
Вамъ безвременной кончиной
Суждено уснуть.

И забвенія не будетъ
Вамъ подъ сѣнью гробовой,
Въ мертвомъ сердцѣ скорбь разбудитъ
Нашъ немолчный вой.

И непрожитыя силы,
Упрекая день и ночь,
Отъ безвременной могилы
Сонъ отгонятъ прочь...

Digitized by Google

Благо жить, кто до кончины
Мыслить, чувствовать, любить,
Кто въ гармоніи единой
Силы духа слить, —

Жить, кто мысли неземной
И отзывчивой душой
И съ людьми, и со вселенной
Жизнью жить одной.

Надъ могилой вашей тѣсной,
Словно любящая мать,
Будутъ вамъ сладкой пѣсней
Дрёму навѣвать, —

Сладкой пѣсней усыпленья
И свободы неземной,
И покоя, и забвенья
На груди родной...

Н. Минскій.

Digitized by Google

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ШИШКОВЪ

БІОГРАФІЯ

Окончаніе.

XIII.

Отношенія Шишкова къ «духу времяни», къ библейскому обществу, къ университету.—Планъ народнаго воспитанія Магницкаго. — Шишковъ—министръ народнаго просвѣщенія.

Не весело смотрѣлъ Шишковъ на все окружающее его общество: въ мрачномъ свѣтѣ все представлялось ему. Такихъ людей, какихъ онъ желалъ бы видѣть, онъ могъ перечесть по пальцамъ; всѣ же прочіе казались ему зараженными *духомъ времени*. Не выносилъ онъ этого слова. Что такое духъ времени? спрашивалъ онъ, и спѣшилъ отвѣтить: «подъ словомъ духъ времени часто разумѣется *общее* стремленіе къ своевольству и неповиновенію; гдѣ правительство твердо и законы святы, тамъ они управляютъ духомъ времени, а не духъ времени—ими». Но какъ бы удивился Шишковъ, если бы ему кто-нибудь сказалъ, что онъ самъ поддается духу времени, увлекаясь новѣйшей идеей, которая явилась уже послѣ революціи и стала бродить въ европейскихъ умахъ—это идея *національности*, о которой прежде никто не разсуждалъ. Нападая на всякое новомысліе и проповѣдуя о необходимости образованнымъ классамъ обратиться къ національной жизни, Шишковъ и не подозрѣвалъ, что онъ заодно съ тѣми, которыхъ онъ со злобою называлъ революціоне-

Digitized by Google

рами, возмутителями, развратниками, злодѣями. Правда, онъ связывалъ національность со стариною, съ отжитыми формами жизни, но никакую національность нельзя оторвать отъ прошедшаго народа, отъ его исторіи, изъ которой она развивается. Онъ только не признавалъ за нею возможности развитія, а видѣлъ ее въ опредѣленныхъ формахъ. У него не доставало силъ выяснить эту идею; онъ больше чувствовалъ ее, чѣмъ ясно понималъ, такъ же, какъ больше чувствовалъ и единство происхожденія языковъ и идею славянства, которая у него смутно связывалась съ національностью. Онъ чувствовалъ, что правда за нимъ, но доказать ее не могъ; онъ путался въ доказательствахъ, поддаваясь своей горячей фантазіи и не могъ попасть на твердую научную почву, хотя и воображалъ, что стоитъ на ней. Какъ моралистъ, онъ больше нападалъ, сердился и бранился, чѣмъ доказывалъ, не рѣдко выходилъ изъ предѣловъ оффиціальнаго или общественнаго приличія, но никого не убѣждалъ, а скорѣе возбуждалъ противъ себя враждебное чувство. Онъ и не подозрѣвалъ, что та же идея національности начинала уже тревожить головы изъ новаго поколѣнія тѣхъ юношей, на которыхъ онъ смотрѣлъ какъ на мальчиковъ, высокомѣрныхъ, тщеславныхъ, дерзкихъ, развращенныхъ новомысліемъ, стремящихся къ своеволію и непослушанію. Они-то, окрѣпнувъ силами, стали пытаться внести эту идею въ литературу, въ искусство, въ свои произведенія; но старецъ Шишковъ не съумѣлъ провидѣть въ нихъ таланты, а смотрѣлъ на нихъ только издали, съ опасеніемъ увидѣть въ нихъ карбонаріевъ, членовъ тайныхъ европейскихъ обществъ. Терялся бѣдный старецъ передъ этимъ духомъ новаго времени, видѣлъ, что всѣ чего-то ищутъ, стремятся впередъ, а самъ не догадывался, что и у него есть нѣчто общее со многими другими, только оно остается у всѣхъ не вполнѣ выясненнымъ. Напуганная его фантазія не могла избавиться отъ призраковъ, которые много лѣтъ мерещились ему и грозили разрушеніемъ всѣхъ государственныхъ порядковъ. Доходятъ до него изъ Европы разсказы о тайныхъ революціонныхъ обществахъ, о страшныхъ карбонаріяхъ, и уже не изъ одной Франціи, а изъ Италіи, изъ Испаніи, изъ Германіи,—этого достаточно, чтобы фантазія воспламенилась еще бо́льшимъ страхомъ и съ каждымъ пустымъ случаемъ въ Россіи соединила бы новый призракъ. Такъ, въ Москвѣ въ 1815 г. напечатана кѣмъ-то критика [1]); не восхваляющая

[1]) Въ этомъ году мнѣ извѣстны двѣ критики сочиненій Хераскова: одна Строева въ „Современномъ Наблюдателѣ", другая—Мерзлякова, разборъ „Россіады", въ „Амфіонѣ". Надо полагать, что Шишковъ разумѣлъ первую, какъ наиболѣе рѣзкую.

Digitized by Google

безусловно устарѣвшаго Хераскова, а указывающая и на его недостатки. И Шишковъ смотритъ на это какъ на дерзость, относитъ ее къ испорченности нравовъ, хочетъ видѣть въ авторѣ непремѣнно студента. «Вотъ нравы, которымъ научаютъ юношей!— восклицаетъ онъ.—Кажется, какъ будто всѣ училища превратились въ школы разврата!» На самомъ дѣлѣ, ничего этого не было. Существовали съ разрѣшенія правительства масонскія ложи, куда вступала молодежь, думая найти какую-нибудь нравственно-общественную дѣятельность. Были ученыя, литературныя и благотворительныя общества—съ тѣмъ же стремленіемъ къ общественной дѣятельности. Составлялось и тайное общество; но «было бы большой ошибкой,—говоритъ одинъ изъ современниковъ, — предполагать, что въ этихъ тайныхъ собраніяхъ занимались только заговорами: здѣсь вовсе ими не занимались. Если бы какіе-нибудь изъ членовъ и имѣли такое намѣреніе, они скоро увидѣли бы, что здѣсь никакой заговоръ невозможенъ. Начинали обыкновенно тѣмъ, что жаловались на безсиліе общества предпринять что-нибудь серьёзное; потомъ разговоръ переходилъ на политику вообще, на положеніе Россіи, на неустройства, ее отягощавшія, на злоупотребленія, которыя ее истощали, наконецъ на ея будущее... Здѣсь обсуждались европейскія событія и съ радостью привѣтствовались успѣхи цивилизованныхъ странъ на пути къ свободѣ. Тотъ кто жилъ въ Россіи,—замѣчаетъ онъ же,—можетъ себѣ составить понятіе о томъ, какъ трудно въ русскомъ обществѣ высказывать свои мнѣнія. Чтобы говорить свободно и безъ опасеній, надо не только заключиться въ тѣсный кружокъ, но даже хорошо выбирать лица, которыя его составляютъ; только подъ этимъ условіемъ возможенъ искренній обмѣнъ идей [1])».

Конечно, не могъ Шишковъ равнодушно относиться и къ русскому библейскому обществу, которое быстро развивалось на его глазахъ. Устроенное по образцу англійскаго и утвержденное императоромъ въ концѣ 1812 г. подъ предсѣдательствомъ невиннаго мистика и совсѣмъ выдохшагося человѣка, князя А. Н. Голицына, управлявшаго духовными дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ Россіи, оно соединило почти всѣхъ мистиковъ—и невинныхъ, и умѣренныхъ, и фанатиковъ,—которые сошлись на одной идеѣ—распространенія библіи на всѣхъ живыхъ языкахъ для духовнаго просвѣщенія народовъ. Такъ какъ общество считалось подъ покровительствомъ императора и управлялось силь-

[1]) Очерки обществ. движенія при Александрѣ I, А. Н. Пыпина. „Вѣстникъ Евр.“, 1870, декабрь.

Digitized by Google

ными лицами, то, благодаря усердію подвластныхъ имъ чиновниковъ, оно сбирало большія пожертвованія изъ всей Россіи. Въ разныхъ городахъ быстро открывались его отдѣленія и товарищества. Въ числѣ членовъ было много лицъ изъ высшаго духовенства, подвластнаго тому же Голицыну [1]). Въ первое время Шишковъ обращалъ мало вниманія на библейское общество, пока князь Голицынъ не былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія и пока мистическая литература не нашла себѣ въ немъ покровителя. Еще и до него проскальзывали черезъ русскую цензуру мистическія сочиненія, преимущественно переводныя, написанныя не въ духѣ православнаго догматизма, которыя потомъ объявлены были вредными, какъ, напр., *Таинство креста*, *Побѣдная повѣсть вѣры христіанской*. Но въ министерство Голицына, когда почти всѣ начальственныя мѣста по его вѣдомству были заняты мистиками и довольно ярыми, цензура сдѣлалась очень снисходительна къ сочиненіямъ мистическимъ и очень строга къ полемическимъ, въ которыхъ рѣзко выставлялось противорѣчіе переносимаго къ намъ западнаго мистическаго ученія съ русскимъ православіемъ. Грубый ихъ тонъ, оскорбительныя выраженія, задѣвавшія личности, были причиною, что цензура не пропускала ихъ, опасаясь допустить страстную полемику и еще болѣе взволновать умы. Такимъ образомъ, разныя мистическія нелѣпости оставались безъ опроверженія: съ одной стороны, онѣ легко принимались умами религіозно настроенными, но неудовлетворенными въ своихъ стремленіяхъ однимъ догматизмомъ, недопускающимъ разсужденій; съ другой стороны, онѣ возмущали людей, которые хотѣли вѣровать по сердечной простотѣ, не вдаваясь ни въ какія религіозныя исканія и не переступая предѣловъ догматическаго ученія. Строгіе догматики наконецъ стали роптать, сваливая всю вину на библейское общество и подозрѣвая его въ злочестивомъ намѣреніи подкопать православную церковь, а съ нею и государство: стали думать, что оно благочестивымъ распространеніемъ священныхъ книгъ только прикрываетъ свои настоящія нечестивыя цѣли. Всѣхъ болѣе винили князя Голицына, хотя онъ и не раздѣлялъ мнѣнія крайнихъ мистиковъ. Подозрѣвали даже въ отступленіи отъ православія ученыхъ духовныхъ лицъ, какъ, напр., архимандрита Филарета, бывшаго въ дружескихъ связяхъ съ министромъ, впослѣдствіи извѣстнаго московскаго митрополита.

Шишковъ, какъ мы не разъ видѣли, самъ былъ склоненъ

[1]) Библейское общество, А. Н. Пыпина.—„Вѣстникъ Европы“, 1868, № 8, 9, 11, 12.

Digitized by Google

къ мистицизму, но въ то же время онъ былъ неспособенъ ни къ какимъ отвлеченностямъ, и потому не позволялъ себѣ углубляться въ религіозныя разсужденія: онъ былъ мистикъ только въ предѣлахъ строгой ортодоксіи, и считалъ врагами вѣры и развратителями мистиковъ, носившихъ разныя имена—масоновъ, иллюминатовъ и др. Онъ говорилъ, что это зло пришло къ намъ изъ чужихъ земель при Екатеринѣ II-ой, и что первыми виновниками его были Новиковъ съ товарищами: «они задумали украдкою сочинять развратныя книги и проповѣдывать заимствованныя ими у чужеземныхъ лжеучителей злочестивыя правила». Онъ раздѣлялъ также мнѣніе нѣкоторыхъ, будто и Карамзинъ былъ отправленъ московскими масонами за границу для сношенія съ масонами европейскими. Это объясняетъ намъ тѣ неприличныя выходки, которыя долгое время онъ дѣлалъ противъ нравственности Карамзина и его защитниковъ. Хотя, по объясненію Шишкова, первое покушеніе злонамѣренныхъ людей и было уничтожено, но въ царствованіе Александра чужеземныя внушенія снова возникли и подъ благовиднымъ именемъ наукъ и просвѣщенія усилились и распространились. «Въ знаменитѣйшую войну 1812 года,—писалъ онъ,—Россія, низложившая исполинскія силы Наполеона, вознеслась на высокую степень славы; но между тѣмъ какъ она, окровавленная и побѣдоносная, пошла великодушно освобождать воевавшую противъ нея Европу отъ ига французовъ, англійскіе методисты заводили въ ней библейскія общества, долженствовавшія нѣкогда, подъ видомъ распространенія христіанства, *поколебать православную вѣру и внутренними раздорами сокрушить ея могущество*». Вотъ чего ожидалъ Шишковъ отъ библейскаго общества; но зачѣмъ все это нужно было англійскимъ методистамъ и тѣмъ русскимъ *отступникамъ*, которые вступили съ ними въ связь и пользовались значительнымъ положеніемъ въ своемъ отечествѣ, объ этомъ онъ не разсуждалъ, вообще довольный, когда ему удастся подыскать ближайшую и, такъ сказать, сподручную причину, согласную съ его давнишнимъ страхомъ отъ новыхъ идей. Разъ попавъ на подобную причину, онъ уже не вдавался ни въ какіе вопросы: фантазія его въ томъ же духѣ продолжала строить новыя комбинаціи, чтобы усилить вѣроятность предположенія.

Но въ первый разъ громко и оффиціально заговорилъ Шишковъ, воспользовавшись извѣстнымъ дѣломъ о петербургскихъ профессорахъ, и не подозрѣвая, что онъ помогаетъ ярымъ мистикамъ въ ихъ походѣ противъ науки. Будучи врагами ея по самому существу своихъ фанатическихъ стремленій, они не

Digitized by Google

могли оставить ее въ покоѣ, какъ скоро власть оказалась въ ихъ рукахъ. Они, члены главнаго правленія училищъ, попечители нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ, ревностные члены библейскаго общества въ угоду министра, считали ее, и совершенно справедливо, противницею ихъ мистицизма, съ которымъ они связывали понятіе объ истинномъ просвѣщеніи. Изъ ихъ среды первымъ выступилъ самый дерзкій, хитрый и коварный человѣкъ, который обманывалъ и себя и другихъ своей наружной набожностью, прикрывая ею свои честолюбивые замыслы. То былъ Магницкій. Ему нужно было такъ или иначе выказать свое усердіе къ вѣрѣ и престолу, и онъ воспользовался настроеніемъ умовъ, въ которомъ господствовало опасеніе, будто бы злонамѣренные люди стараются заразить нашу молодежь безвѣріемъ и революціонными идеями. Свойственное молодости нѣкоторое вольнодумство, которое обыкновенно проходитъ съ опытами жизни и на которое слѣдуетъ смотрѣть какъ на легкомысленное увлеченіе, можетъ быть, неизбѣжный недостатокъ молодости, многіе склонны принимать за развратъ, обвинять за него все воспитаніе и науку и, наконецъ, карать подозрѣваемыхъ, какъ преступниковъ. Послѣ знаменитаго набѣга на казанскій университетъ, гдѣ Магницкій въ качествѣ его попечителя подавилъ все то, чѣмъ держится истинная нравственность, и посѣялъ сѣмена, изъ которыхъ выростаютъ ханжество, притворство, лицемѣріе, онъ подбилъ къ такимъ же подвигамъ и своего товарища по главному правленію училищъ, попечителя петербургскаго учебнаго округа, Рунича. Мы уже видѣли, что Руничъ занимался изданіемъ мистическихъ книгъ, которыя запрещались цензурою прежняго министерства. Ему была совершенно по душѣ та кастрація науки, которая производилась Магницкимъ во имя вѣры и политическаго порядка. Ничего не стоило ему найти въ лекціяхъ лучшихъ профессоровъ петербургскаго университета развращающія идеи, обвинить ихъ въ сознательномъ стремленіи къ революціи и произвести надъ ними Шемякинъ судъ. Возмущены были такими поступками всѣ понимавшіе истинное значеніе науки и видѣвшіе въ ней цивилизующую силу русскаго общества. Но число ихъ было не велико, голосъ ихъ не имѣлъ значенія и передъ государемъ, въ глазахъ котораго только одинъ Аракчеевъ не принадлежалъ ни къ какой партіи; всѣ же прочіе были люди партій; къ нему стекались такія разнорѣчивыя объясненія, донесенія, указанія, жалобы, подозрѣнія, и все это излагалось съ такой страстностью, что держать чью либо сторону для него не значило держаться истины, которой искалъ онъ. Въ обвиненіи профессоровъ Шишковъ видѣлъ под-

Digitized by Google

твержденіе всего, что́ онъ говорилъ прежде объ испорченности нашихъ школъ, изъ которыхъ выходили юноши уже развращенными. «Нашъ почтенный Шишковъ,—писалъ Карамзинъ къ Дмитріеву,—говоритъ: поздно хватились—я давно обнаруживалъ нечестіе» [1]). Впрочемъ, даже и онъ признавалъ, что слѣдствіе было ведено неправильно. «При изслѣдованіи дѣла сего въ правленіи народныхъ училищъ,—писалъ онъ,—поступлено было съ сими профессорами, изъ которыхъ иные были русскіе, другіе иностранцы, весьма строго, а именно: держали ихъ цѣлыя сутки въ заперти, допрашивали и не выпускали вонъ, покуда они не повинятся или не напишутъ своихъ оправданій. Съ одной стороны, предлагались имъ странные и притѣснительные вопросы, *какіе можетъ дѣлать облеченное въ силу и власть суевѣріе;* съ другой—подобные же тому дѣлались отвѣты, какіе иногда смѣлое, иногда устрашенное вольнодумство можетъ давать вопрошающему его судіи, надъ которымъ оно прежде насмѣхалось. Оправданія профессоровъ были укоризненны, но не меньше того *справедливы:* они говорили, что не могли предвидѣть сего на нихъ взысканія, поелику за то самое нынѣ осуждаются, что прежде *по системѣ либерализма* было ободряемо, и за что́ они получали чины, ордена и награды. Правда, по несчастію, неоспоримая! По семъ изслѣдованіи названы однакожъ они были возмутителями, возстававшими противъ правительства, нравственности и вѣры; но обвиняемые въ столь важныхъ преступленіяхъ, за которыя мало послать въ ссылку, не могли по строгой противъ отвѣтовъ ихъ справедливости ни къ чему быть приговорены».

Такимъ образомъ, Шишковъ обвинялъ въ сущности не профессоровъ, а все министерство просвѣщенія, будто бы допустившее либеральное направленіе. Въ томъ же духѣ читалъ онъ свое мнѣніе въ комитетѣ министровъ 14-го февраля 1822 года. Здѣсь, между прочимъ, выразилось и доброе его сердце, за которое Карамзинъ, какъ писалъ онъ къ Дмитріеву, полюбилъ его [2]). Онъ возставалъ противъ дѣла, а не противъ лицъ. «Не будетъ справедливо,—говорилъ онъ,—наказать немногихъ за ту вину, въ которую долгое время многіе впадали безъ всякаго ихъ за то осужденія. Они, и съ ними множество другихъ, привыкли не считать это виною, и еще, напротивъ, иные тѣмъ тщеславились и думали, что въ семъ-то и состоитъ достоинство и просвѣщеніе... Едва ли благообдуманно будетъ вдругъ остановить и преслѣдо-

[1]) Переписка съ Дмитріевымъ, стр. 323.
[2]) Переписка съ Дмитріевымъ, стр. 375.

Digitized by Google

вать то, что уже нѣкоторымъ образомъ широко разлилось и чего иначе истребить нельзя, какъ *кротким мѣрами*, т.-е. пресѣкая путь нововводящему злу и дѣлая такъ, чтобъ старое само-собою потасало».

Но здѣсь же Шишковъ высказалъ и странности, которыя, впрочемъ, оправдываются характеромъ его ума. Осуждая нѣмецкихъ ученыхъ за неясность отвлеченнаго ихъ слога, онъ видитъ въ этомъ ихъ злонамѣренность, чтобы, подъ видомъ глубокой мудрости, внушать ученикамъ великое о себѣ мнѣніе и *долговременно получать отъ нихъ плату за свои уроки*. «Сія на корыстолюбіи основанная хитрость, помрачая природный умъ и здравый разсудокъ, повела ихъ по кривому пути самолюбія, позволяя всякому созидать и утверждать собственныя свои мечтанія. Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ пошли новыя выдумки, новый образъ мыслей: все стало позволительно,—законы повиновенія и нравственности потеряли свою силу, и чего прежде никто не терпѣлъ, то сдѣлалось, чрезъ частое употребленіе и чтеніе въ книгахъ, весьма общимъ и обыкновеннымъ; ибо навыкъ ко всему насъ пріучаетъ». Теперь уже не одна французская, но и нѣмецкая литература подверглась опалѣ Шишкова; еще интереснѣе быстрое его заключеніе къ русскимъ наставникамъ, *допускающимъ въ свой языкъ отвлеченности и неясности:* они также въ его глазахъ являются или злонамѣренными или орудіемъ злонамѣренныхъ людей; они влагаютъ въ душу ученика причину всѣхъ золъ — *гордость* и *самолюбіе*, и тогда уже никакая сила разсудка не дѣйствуетъ надъ его умомъ; онъ не убѣждается никакими доказательствами и всякаго презираетъ и ненавидитъ, кто не одинакихъ съ ними мыслей [1]).

Для противодѣйствія всему этому, Шишковъ считаетъ надежнѣйшимъ средствомъ благоразумную цензуру и припоминаетъ свой проектъ цензуры, составленный имъ и читанный, какъ мы уже видѣли, въ государственномъ совѣтѣ за нѣсколько лѣтъ до этого. Современную цензуру онъ считалъ, съ одной стороны, слабою, потому что она пропускала вредныя сочиненія,—съ другой стороны, строгою, такъ какъ, *не разумѣя силы языка*, она придиралась къ поэтическому языку и искажала его. Въ самомъ-дѣлѣ, наши тогдашніе поэты чуть не плакали отъ цензуры, которая почти во всякомъ поэтическомъ выраженіи подозрѣвала оскорбленіе вѣры или нравственности. Такъ, нѣкоторые цензоры не допускали употреблять въ стихахъ слова: *серафимъ*, *ангелъ*, *рокъ*;

[1]) Мнѣніе по дѣлу о профессорахъ.—Записки Шишкова, часть 2-я.

Digitized by Google

Шишковъ указываетъ на одного изъ нихъ, который не хотѣлъ пропустить выраженіе: *нагая истина*, потому что истина—женскаго рода, и ей неприлично выходить въ свѣтъ нагою. «Если не позволить сего писать,—замѣчаетъ онъ,—такъ надобно всѣ книги сжечь и всякому запереть уста». Онъ предлагалъ ввести цензуру по его плану. Его мнѣніе, какъ онъ говоритъ, было принято всѣми въ комитетѣ министровъ съ одобреніемъ; многіе даже списали его; но, прибавляетъ Шишковъ, оно, какъ и всѣ другія его мнѣнія, осталось безъ всякаго послѣдствія.

Оно осталось безъ послѣдствія, вѣроятно, потому, что въ это время въ главномъ правленіи училищъ Магницкій, въ яромъ стремленіи выказать, во что бы ни стало, плоды своего усердія къ церкви и царю, придумывалъ такой цензурный уставъ, который для русской литературы былъ бы равносиленъ эшафоту [1]).

Имѣя въ виду сблизиться съ Аракчеевымъ, при его содѣйствіи подкопаться подъ князя Голицына и занять мѣсто министра народнаго просвѣщенія, Магницкій хотѣлъ заручиться передъ императоромъ и сочинилъ новый *планъ народнаго воспитанія*. Изложивъ его въ особой запискѣ, въ ноябрѣ 1823 года, онъ секретно послалъ ее къ государю, назвавъ свой трудъ *плодомъ усердія къ церкви и къ царю, въ обыкновенномъ служебномъ порядкѣ невмѣщающемся*. Эта записка [2]), замѣчательная по своимъ нелѣпостямъ, можетъ служить характеристикою того времени, когда могли всплывать такіе безнравственные люди, какъ Магницкій, могли надѣяться на успѣхъ такихъ наглыхъ доносовъ, обращаясь лично къ государю. Записка излагаетъ нѣсколько тезисовъ, на которые, впрочемъ, авторъ тратитъ не много доказательствъ. Впереди всего онъ выставляетъ слѣдующую мысль: «доброе народное воспитаніе необходимо; ибо на немъ только могутъ стоять твердо установленія общественныя, ибо оно одно обезпечиваетъ благо поколѣній—настоящаго и будущихъ». И затѣмъ дерзко спрашиваетъ: «при всеобщей увѣренности въ этой непреложной истинѣ, почему доселѣ одни *люди злонамѣренные* занялись составленіемъ полной системы народнаго воспитанія?» Къ нимъ онъ относитъ Талейрана, представившаго такой планъ французской директоріи, и Наполеона, «который обнялъ его *во всей обширности нечистаго смысла своего*». Въ отвѣтъ на свой вопросъ Магницкій сочиняетъ самую безсмысленную фразу и ду-

[1]) Цензурный проектъ Магницкаго.—Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія,—книга Пятковскаго, т. I.

[2]) Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Перваго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, вып. I, 1876.

Digitized by Google

маетъ, что она разрѣшаетъ мудреную загадку: «Князь тьмы вѣка сего производитъ бо́льшую часть вліяній своихъ на міръ и міродержателей гражданскихъ чрезъ общее мнѣніе, которое есть какъ бы труба, коею онъ, какъ въ древности оракулы, произноситъ свои заключенія, суды и приговоры, сѣетъ лжи и клеветы, распространяетъ нелѣпыя предсказанія и нечестивыя понятія. У бо́льшей части народовъ и, въ томъ числѣ, у насъ—гулъ сей, вопреки истинѣ, почитается *гласомъ Божіимъ* (*глас народа—глас Божій*). Въ конституціяхъ, семъ неистовомъ порожденіи бунта народнаго, главнымъ ихъ основаніемъ положена *свобода книгопечатанія* или—что́ одно и то же—безпрепятственное волненіе и *необузданность мнѣнія общественнаго*, т.-е. труба для глаголовъ князя тьмы, какъ можно болѣе широкая, громкая и всегда отверстая; а какъ онъ знаетъ, что доброе воспитаніе народное, улучшая сердце и образъ мыслей падшаго человѣка, составить можетъ и общее мнѣніе доброе, т.-е. изъ трубы для него нужной можетъ сдѣлать протокъ благодати не только на поколѣніе настоящее, но и на будущія; то онъ, отвлекая всѣми способами вниманіе правительствъ и людей благонамѣренныхъ отъ сего важнаго предмета, указываетъ его однимъ своимъ чадамъ и послѣдователямъ, *какъ рычагъ, которымъ можно потрясти весь міръ* гражданскій». Въ подтвержденіе этого сумасбродства, Магницкій указываетъ на европейскіе университеты и училища, гдѣ обнаружены совершенно одинакія начала нечестія и буйства: такое единомысліе разрушительныхъ началъ въ Мадритѣ, Туринѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ представляетъ, по его словамъ, правильный, обширный и давно втайнѣ укоренившійся планъ и заговоръ врага Божія. Далѣе онъ выводитъ слѣдующія положенія: нужно необходимо народное воспитаніе, согласное съ вѣрою и правительствомъ государства. Правительство должно само управлять воспитаніемъ народнымъ. Необходимо должно для твердости и всеобщаго единообразія въ народномъ воспитаніи, чтобы составленъ былъ полный и систематическій планъ оному на ясныхъ и твердыхъ началахъ. Планъ народнаго воспитанія долженъ объять всѣ классы, государство составляющіе. Для каждаго государства и, слѣдовательно, для Россіи нуженъ особенный планъ для народнаго воспитанія. Въ Россіи въ основное начало народнаго воспитанія должно положить *двѣ религіи—перваго и второго величества*. «Вѣрный сынъ церкви православной, единой истинной невѣсты Христовой, знаетъ, что всякая власть отъ Бога, и посему почитаетъ онъ *всѣхъ владыкъ земныхъ, Нерона и Калигулу;* но истиннымъ помазанни-

Digitized by Google

комъ, *Христомъ Божіимъ*, не можетъ признать никого, *кромѣ помазаннаго на царство церковью православною*». Изъ этого онъ выводитъ, что православіе и благовѣріе къ помазаннику Божію должно быть основаніемъ русскаго народнаго воспитанія: любить можетъ народъ и Наполеона, но *благоговѣть*—только къ помазаннику истинному.

«Но какъ привести это въ исполненіе?»—спрашиваетъ онъ,—и находитъ, *что нѣтъ ничего легче*. Въ подтвержденіе указываетъ на казанскій университетъ, гдѣ, по даннымъ инструкціямъ, уже все приведено въ исполненіе. И затѣмъ описываетъ, что сдѣлано имъ съ университетомъ. «Тамъ установленъ сильный нравственный надзоръ, основанный на изученіи и практическомъ исполненіи вѣры православной; тамъ всѣ науки *очищены* отъ того, что составляло изъ нихъ *заговоръ на Бога и царей*. Тамъ въ богословіи, въ обличительной философіи, въ правахъ и въ исторіи—все преподается согласно съ православіемъ, *все противное ему отвергается*. Такъ, напримѣръ, *въ прочихъ учебныхъ мѣстахъ открыто проповѣдуется* въ естественномъ правѣ, что цари царствуютъ по согласію народовъ, по договору (contrat social); въ Казани возмутительная ложь сія была отвергнута. Проповѣдуютъ въ географіи, что наука сія разсматриваетъ землю въ томъ видѣ, какъ вышла она изъ рукъ Творца; сіе *богохульное отверженіе грѣхопаденія въ Казани мѣста не имѣетъ*. Проповѣдуютъ въ исторіи, что міръ существуетъ нѣсколько сотъ-тысячъ лѣтъ; въ Казани слѣдуютъ хронологіи книгъ священныхъ. Въ исторіи отечественной, *слѣдуя Исторіи государства Россійскаго* (Карамзина), нѣкоторые помазанники Божіи поносятся именами *тирановъ* и *злодѣевъ;* въ Казани цари добрые и злые почитаются наградою или наказаніемъ народовъ, *преподаются историческія дѣла ихъ, но лица, единому Богу подсудимыя, уважаются*».

Что дѣйствительно все такъ въ Казани, Магницкій предлагаетъ государю убѣдиться черезъ довѣренное лицо, и потомъ поручить особому комитету изъ лицъ духовныхъ, воинскихъ и гражданскихъ, составить полный планъ народному воспитанію, и обѣщаетъ, что это дѣло съ благословеніемъ Божіемъ легко можно кончить менѣе чѣмъ въ одинъ годъ. Въ этотъ же планъ должно входить и женское воспитаніе. Въ современномъ русскомъ воспитаніи Магницкій видитъ развратъ мыслей и началъ разрушительныхъ философіи германской, масонства, своевѣрія и *весь легіонъ духовъ нечистыхъ*. И затѣмъ онъ смѣло представляетъ доносъ на ученое духовенство и духовныя училища: «Въ духовномъ воспитаніи разрушительная философія Канта, закрытая тонкостями

Digitized by Google

схоластическаго богословія и угодливостію нѣкоторой *особенной и произвольной духовности*, удалила чистое ученіе православія изъ самаго его святилища до такой уже степени, что даже на публичныхъ экзаменахъ ни о православіи, ни о ересяхъ, его раздиравшихъ, не почитается нужнымъ и говорить. И будущіе святители православные такъ воспитываются въ присутствіи святителей настоящихъ; ибо епархіальные архіереи съ намѣреніемъ устранены отъ воспитанія духовнаго, которое ввѣрено и впредь всегда должно *ввѣряться однимъ людямъ, въ кантовыхъ началахъ воспитаннымъ*».

Здѣсь видимо авторъ уже подкапывается подъ князя Голицына, стоявшаго во главѣ духовной администраціи. Не довольствуясь этимъ, Магницкій прибавляетъ еще доносъ на воспитателей *царевича:* «большая часть лучшихъ учителей, которые могутъ быть употреблены при немъ, сами заражены опаснѣйшими началами невѣрія и идей возмутительныхъ. Нѣтъ книги, по которой можно бы было безопасно учить его исторіи всеобщей и россійской; нѣтъ курса правъ, который можно бы было преподать царевичу россійскому въ истинномъ его смыслѣ; нѣтъ исторіи системъ философскихъ, которая бы не развратила мыслей». Въ гражданскомъ воспитаніи Магницкій находитъ, что всѣ науки, отравленныя самою возмутительною философіею, составляютъ *заговоръ противъ Бога и царей*. Все это онъ считаетъ сильными доводами для того, чтобы убѣдить государя ввести во всѣ учебные округи инструкціи казанскаго университета, *признанныя полезными* въ шестнадцати губерніяхъ этого округа: «ежели же это найдено полезнымъ въ гражданскомъ воспитаніи, почему же не ввести и въ духовное, и въ военное и особливо въ воспитаніе царское».

Мы съ намѣреніемъ привели подробности этой записки, такъ какъ она сдѣлалась извѣстна очень недавно и такъ какъ объясняетъ, почему императоръ предпочелъ Магницкому Шишкова, когда оказалось нужнымъ передать министерство народнаго просвѣщенія изъ рукъ Голицына въ другія руки. Какъ ни были крайни мнѣнія Шишкова, но имъ было далеко до крайностей Магницкаго. Шишковъ не доходилъ до такой вѣры въ *князя тьмы*, никогда не предполагалъ въ народѣ двухъ религій, никогда такъ не оскорблялъ религіознаго чувства государя, давая ему значеніе Христа. Мы знаемъ, какъ въ этомъ случаѣ щекотливъ былъ императоръ Александръ, и какъ онъ возмущался даже метафорическимъ уподобленіемъ его божеству. Понятно, что противно было ему читать записку Магницкаго, и она осталась безъ послѣдствій. Изъ всего этого мы сдѣлаемъ такое заключеніе, какого

Digitized by Google

можетъ быть не ожидаетъ читатель. Мы скажемъ, что Магницкій своею запискою оказалъ услугу обществу и народу. Безъ нея Александръ не могъ бы такъ хорошо узнать его, какъ онъ представляется въ этой запискѣ, и, можетъ быть, Магницкій былъ бы министромъ просвѣщенія. А при своей энергической дѣятельности, онъ въ одинъ годъ погубилъ бы множество русскихъ силъ, и молодыхъ и зрѣлыхъ.

Такъ какъ записка Магницкаго написана совершенно въ духѣ извѣстнаго монаха-фанатика Фотія, то можно предполагать, что Магницкій рѣшился на такую выходку передъ государемъ подъ вліяніемъ разсказовъ Фотія объ его бесѣдѣ съ императоромъ еще въ 1822 г. (5 іюня) о дѣлахъ вѣры и отечества [1]). Императоръ отнесся благосклонно къ Фотію, хотя и неизвѣстно, такъ ли велась между ними бесѣда, какъ разсказывалъ Фотій. Но довольно было этихъ разсказовъ, чтобы безтактные люди приняли благосклонность государя за единомысліе съ Фотіемъ и рѣшились бы изъ своихъ видовъ дѣйствовать на него проповѣдью о *князѣ тьмы*. Ничего не стоило Магницкому отречься отъ библейскаго общества, сойтись съ Фотіемъ, выкидывать съ нимъ разныя штуки, вступить съ Аракчеевымъ въ заговоръ противъ государя и князя Голицына, котораго Аракчееву нужно было оттѣснить отъ государя, чтобы нераздѣльно пользоваться его довѣріемъ, устроить черезъ простодушнаго митрополита Серафима торжественную сцену государю, которому былъ поставленъ вопросъ: или онъ, митрополитъ, или министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ—князь Голицынъ, врагъ церкви и отечества. Все это—исторія извѣстная [2]), о которой мы не будемъ распространяться. Слѣдствіемъ ея было назначеніе Шишкова министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ неправославнаго исповѣданія. Оно послѣдовало 15 мая 1824 года совершенно неожиданно для Шишкова. Нельзя ни изъ чего заключить, что Шишковъ участвовалъ въ заговорѣ съ Аракчеевымъ и Фотіемъ; нельзя утверждать, что онъ былъ и въ тѣсной связи съ этимъ послѣднимъ. Правда, Фотій поспѣшилъ прислать ему поздравленіе, даже говорятъ, что повѣсилъ у себя большой портретъ Шишкова; но мы думаемъ, что Шишковъ не питалъ къ нему особеннаго расположенія и смотрѣлъ на него какъ на крайняго фанатика. Мы не можемъ объяснить, что побудило государя ввѣрить Шишкову это министерство. Правда,

---

1) „Русская Старина“ 1875 г., статья Карновича: Архимандритъ Фотій.

2) „Рус. библ. Общество“ А. Н. Пыпина, „Вѣсти. Евр.“, 1868, № II.—Записки Панаева, «Вѣстникъ Евр.», 1867, т. IV.

Digitized by Google

Александръ не могъ не считать его человѣкомъ честнымъ, безкорыстнымъ, добрымъ, глубоко-религіознымъ, искреннимъ патріотомъ, преданнымъ вѣрноподданнымъ, но въ то же время ему были извѣстны и крайнія мнѣнія Шишкова, и его безпокойный и упрямый характеръ; не разъ бывшій государственный секретарь производилъ на него непріятное впечатлѣніе своею настойчивостью, мнительностью, жалобами на слабость здоровья; не разъ онъ утомлялся отъ его краснорѣчиваго резонерства; такъ что не всегда охотно принималъ его и даже былъ доволенъ, когда Шишковъ письменно представлялъ ему свои мнѣнія, что́ избавляло императора отъ тяжелыхъ споровъ съ нимъ. А между тѣмъ званіе министра должно было часто вызывать его на личныя объясненія. Иные говорятъ, что Аракчеевъ посовѣтовалъ государю сдѣлать этотъ выборъ. Можетъ быть, царскій любимецъ съумѣлъ убѣдить его, обѣщая устранить тѣ неудобства, какія могли представляться императору; но если Аракчееву былъ извѣстенъ характеръ Шишкова, то трудно было ручаться за него.

Нельзя не отмѣтить, что Шишковъ почти наканунѣ своего министерства, недовольный настоящимъ ходомъ дѣлъ, мечталъ о великомъ царствованіи Екатерины II-ой, объ ея прекрасной и идеальной личности, и писалъ повѣсть о ней, обрисовывая одинъ изъ эпизодовъ ея жизни—ея отношенія къ графу Дмитріеву-Мамонову. Здѣсь онъ изображаетъ ея великую душу, какъ-бы оправдывая свое положеніе: «Екатерина имѣла слабости, но никто изъ смертныхъ не дерзнетъ сказать: я въ слабостяхъ моихъ умѣлъ лучше повелѣвать собою, нежели Екатерина» [1]).

Семидесятилѣтній Шишковъ былъ не совсѣмъ доволенъ своимъ назначеніемъ. Онъ никогда не былъ особенно честолюбивъ, а теперь уже тѣмъ болѣе. Его фантазія крайне преувеличила все положеніе тогдашнихъ дѣлъ по министерству просвѣщенія и представляла въ ложномъ и мрачномъ свѣтѣ направленіе общества. То, что́ нужно было, по его мнѣнію, сдѣлать новому министру просвѣщенія, казалось ему, превышало его силы. В. И. Панаевъ, тогда еще молодой писатель, которому Шишковъ хотѣлъ покровительствовать, такимъ образомъ разсказываетъ о своемъ поздравительномъ визитѣ: «новый министръ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ и въ морскомъ мундирѣ, котораго я никогда не видалъ на немъ въ прежнія мои посѣщенія; онъ всегда сидѣлъ въ халатѣ. Поздравленіе мое было принято весьма благосклонно, тѣмъ болѣе, что я выразилъ въ немъ надежду на будущее процвѣтаніе

[1]) Записки Шишкова, ч. 2: Нѣчто о россійской императрицѣ Екатеринѣ Второй.

Digitized by Google

русской словесности, и между прочимъ, ссылаясь на текстъ указа, сказалъ, что если управленіе иностранными исповѣданіями повелѣно привести въ предѣлы, въ которыхъ находилось оно до 1810 г. (до кн. Голицына), то еще кажется нужнѣе поставить въ эти предѣлы министерство народнаго просвѣщенія, искаженное вліяніемъ фанатиковъ. Шишковъ жаловался на свою старость, на то, что государь, не спрося его согласія, сдѣлалъ его министромъ, говорилъ, что намѣренъ писать ему объ этомъ... «Вотъ не далѣе какъ въ понедѣльникъ встрѣтился я съ государемъ во дворцѣ, проходя въ совѣтъ; онъ остановился, очень благосклонно спросилъ меня о здоровьѣ. Почему бы тутъ же не сказать мнѣ о своемъ намѣреніи. Я бы отказался...» [1]).

Но, несмотря на то, что Шишковъ не считался другомъ молодого поколѣнія, которое въ свою очередь не слишкомъ сочувственно къ нему относилось, при назначеніи его министромъ просвѣщенія, у всѣхъ почти писателей, даже у бывшихъ арзамасцевъ, явилась надежда на лучшія времена для литературы: такъ всѣмъ была тяжела голицынская цензура. Всѣ полагали, что Шишковъ, самъ какъ писатель, какихъ бы ни былъ убѣжденій, и президентъ россійской академіи, пойметь необходимость дать нѣкоторый просторъ русской мысли. Поэты дѣйствительно тотчасъ же почувствовали облегченіе. Поэтому случаю Пушкинъ писалъ къ князю Вяземскому: «хотѣлось мнѣ съ тобою поговорить о перемѣнѣ министерства. Что ты объ этомъ думаешь? Я и радъ и нѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть: *чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.* Оппозиція русская, составившаяся, благодаря русскаго Бога, изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣніе, которое я исподтишка подразнивалъ, ожидая чего-нибудь. А теперь, какъ позволяютъ NN говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдутъ врать своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ... Знаешь ли ты мое второе посланіе цензору? тамъ между прочимъ:

Обдумавъ, наконецъ, намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ:
Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

[1]) Воспоминан. Панаева „Вѣстн. Евр." 1867, т. IV.

Digitized by Google

Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ музъ любилъ,
Ихъ незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ [1]),
Отъ хлада нашихъ дней спасалъ онъ лавръ единый
Осиротѣвшаго вѣнца Екатерины...

«Такъ арзамасецъ говоритъ нынѣ о дядѣ Шишковѣ, tempora altri [2]) (Одесса, іюнь 1824 г.).

XIV.

Отношеніе къ государю.—Борьба съ мистиками и съ библейскимъ обществомъ.—Синодъ и митрополитъ московскій Филаретъ.—Отношеніе къ наукѣ и народному просвѣщенію.

Шишковъ, дѣйствительно, написалъ письмо къ императору. Въ немъ онъ изображаетъ свое затруднительное положеніе: съ одной стороны, старость, болѣзни, слабость силъ, съ другой—множество враговъ, цѣлое испорченное поколѣніе, въ которомъ долго росъ и усиливался нравственный развратъ подъ названіемъ *духа времени;* ослѣпленіе, при покровительствѣ прежняго министерства просвѣщенія надъ священными именами благочестія и человѣколюбія, уже заразило ядомъ невинныя сердца юношей. Необходимо противопоставить преграду этой широко разлившейся и быстрой рѣкѣ. Но онъ не чувствуетъ въ себѣ силы стать этой преградой. Однако долгъ его повиноваться безпрекословно царской волѣ, и онъ не рѣшается отказываться. Собственно для него нуженъ только одинъ Богъ; но чтобы подавить дерзость противной стороны, ему нужна и въ государѣ опора, могущество его руки. Онъ можетъ согласиться принять министерство съ тѣмъ условіемъ, чтобы имѣть постоянный доступъ къ государю. «Не отнимай у меня смѣлости обнажать предъ тобою всю глубину души моей, всѣ мои помышленія и слышать изъ устъ твоихъ изреченный на нихъ судъ твой и волю; злочестіе и дерзость да увидятъ во мнѣ подъятое на нихъ орудіе твое и усмирятся». Въ заключеніе Шишковъ прибавляетъ, что не найдя въ государѣ той опоры, которой онъ ожидаетъ, онъ будетъ просить снять съ него наложенное бремя.

Въ первое же свиданіе съ государемъ, 25-го мая, Шишковъ передалъ ему это письмо, и просилъ позволенія составить планъ,

[1]) Намекъ на „Русскую Бесѣду", въ которой читались произведенія прежнихъ русскихъ писателей въ присутствіи всего высшаго общества.

[2]) „Рус. Арх.", 1874 г., письма Пушкина къ князю Вяземскому.

Digitized by Google

«какіе употребить способы къ *тихому и скромному* потушенію зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени *карбонарства, но есть точно оное*»; этотъ планъ онъ намѣренъ былъ составлять «медленно, осмотрительно, съ ясными на каждую статью доказательствами, сносясь и совѣтуясь тихо и подъ рукою съ благоразумными и благомыслящими людьми, по духовнымъ частямъ,— съ духовными, по гражданскимъ — съ гражданскими особами, преданными государю и отечеству». Независимо отъ этого общаго плана, онъ обѣщалъ въ самомъ скоромъ времени представить государю планъ цензуры. На все это императоръ согласился. Черезъ пять дней министръ уже читалъ ему свои соображенія объ устройствѣ цензуры, которыя, впрочемъ, были повтореніемъ читаннаго имъ за восемь лѣтъ въ государственномъ совѣтѣ. Онъ обѣщалъ новымъ цензурнымъ уставомъ дать свободу писателямъ, не связывая ихъ ума и дарованій, и при этомъ обуздывать своевольныя и *неосновательныя* мысли, чтобы издаваемыя сочиненія были въ правилахъ нравственности, истиннаго просвѣщенія, никому не обидны, всякому для чтенія или полезны или, по крайней мѣрѣ, забавны, но безъ всякаго вреда нравамъ, наукамъ и языку. Шести или восьми человѣкамъ, искуснымъ въ словесности, съ хорошимъ содержаніемъ, предназначалось опредѣлять *истинное* просвѣщеніе, *неосновательныя* мысли, степень нравственности, *вредъ* наукамъ. Они должны были считаться непогрѣшимыми въ своихъ оффиціальныхъ сужденіяхъ; все же, что оказывалось бы несогласнымъ съ ихъ взглядами, должно было считаться неистиннымъ, безнравственнымъ, вреднымъ, преступнымъ. Предполагалось разсмотрѣть и прежде изданныя книги и истребить тѣ, которыя бы оказались вредными; но все это дѣлать *безъ большой огласки*. Въ это же время Шишковъ былъ занятъ книгою пастора Госнера: *Толкованіе евангелія отъ Матѳея*. Госнеръ, ученый теологъ, съ мистическимъ направленіемъ, увлекался мыслію обливать всѣ христіанскія исповѣданія безъ различія церквей, и писалъ въ такомъ духѣ. За годъ до этого онъ прибылъ въ Петербургъ и своимъ блестящимъ краснорѣчіемъ обратилъ на себя общее вниманіе: онъ проповѣдывалъ въ католической церкви, куда стекались люди всѣхъ вѣроисповѣданій, кто только могъ понимать его. Нѣкоторые изъ наиболѣе увлеченныхъ задумали перевести сказанную его книгу. Зная, что князь Голицынъ покровительствуетъ Госнеру, цензоръ пропустилъ переводъ. Онъ-то и послужилъ врагамъ Голицына. Книга была тотчасъ же представлена государю, а затѣмъ устроена та сцена митрополита Серафима съ государемъ, о которой мы говорили.

Digitized by Google

Императоръ черезъ комитетъ министровъ приказалъ министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому вмѣстѣ съ Шишковымъ разсмотрѣть переводъ Госнеровой книги. Работой занялся Шишковъ, и 3 іюня уже читалъ строгій разборъ ея въ комитетѣ министровъ. Человѣкъ безпристрастный, знакомый съ мистическими взглядами и выраженіями, могъ бы сказать объ этой книгѣ, что она написана не въ духѣ православія, не согласно съ его ученіемъ, и не слѣдовало бы переводить ее. Но Шишковъ, настроенный видѣть повсюду злые умыслы, подкопы противъ христіанства, заговоры противъ царей, сталъ толковать каждое выраженіе посвоему, и сдѣлалъ такое заключеніе: «невозможно не признать цѣли ея, явно и очевидно состоящей въ томъ, чтобы, подъ видомъ толкованія евангельскихъ текстовъ, проповѣдывать низверженіе всякой христіанской вѣры, отвращеніе отъ священныхъ писаній и позывъ на возстаніе противу всѣхъ первосвященниковъ, всѣхъ вельможъ и царей». При такомъ взглядѣ и самая попытка перевода подобной книги должна была казаться государственнымъ преступленіемъ. Въ дѣло замѣшивались не только авторъ, но и переводчики, а съ ними и директоръ департамента министерства просвѣщенія Поповъ, ярый мистикъ, который, оказывалось, исправлялъ многія мѣста перевода. Было назначено полицейское слѣдствіе, при которомъ Поповъ объявилъ, что всегда считалъ Госнера благочестивымъ человѣкомъ, и потому книгу его не могъ считать вредною. Такое признаніе совершенно раздражило Шишкова. Послѣдовало распоряженіе книгу сжечь, Госнера выслать изъ Россіи, Попова отдать подъ судъ. Поповъ, впрочемъ, уже былъ не въ вѣдомствѣ Шишкова. Князь Голицынъ, по волѣ государя удержавшій за собою почтовое управленіе, тотчасъ же перевелъ на службу въ это вѣдомство и своего любимца.

Шишковъ ограничился небольшимъ измѣненіемъ личнаго состава своего министерства; но не обнаружилъ энергической дѣятельности, какой можно было отъ него ожидать, судя по его горячимъ нападкамъ на дѣятельность бывшаго министерства. До сихъ поръ онъ постоянно дѣйствовалъ только перомъ, писалъ разсужденія, высказывалъ свои чувства, осуждалъ разныя явленія общественной жизни и горячо отстаивалъ свои мысли — это была его сфера, въ которой онъ вполнѣ и обнаружилъ всѣ свои качества. Настоящая государственная дѣятельность съ обширною властью министра пришла къ нему уже семидесятилѣтнему старику, и онъ не зналъ, какъ войти въ нее, какъ употребить свою власть, и незамѣтно для себя остается въ той же литературной

Digitized by Google

сферѣ. Онъ чувствуетъ какой-то страхъ взять на свою отвѣтственность распоряженія, которыя прямо относятся къ власти министра. Ему хочется прикрываться властью государя, и онъ продолжаетъ писать разныя многорѣчивыя донесенія и объясненія, наполняя ихъ одними и тѣми же нападками на прежнее министерство, жалобами на разливающееся зло разврата по всему государству, опасеніями за ближайшія гибельныя отъ того послѣдствія. Онъ добивался, чтобы государь осудилъ особымъ рескриптомъ бывшее министерство просвѣщенія и самъ даже составилъ проектъ подобнаго рескрипта. Безтактнѣе такого поступка ничего не могло быть. Всѣмъ было извѣстно, что государь покровительствовалъ Голицыну, награждалъ многихъ лицъ за ихъ полезную дѣятельность, даже профессоровъ, писателей и переводчиковъ, и вдругъ теперь долженъ былъ признаться, что всѣ эти лица сѣяли сѣмена разврата, возбуждали «страсти буйныхъ умствованій, вовлекающихъ въ неистовыя и строптивыя заблужденія». Подписавъ такую бумагу для обнародованія, государь долженъ бы былъ удалить съ поля государственной дѣятельности тѣхъ лицъ, которыя обманули его довѣріе, если уже выгородить себя самого изъ этой вины; между тѣмъ какъ онъ продолжалъ питать все то же дружеское расположеніе къ князю Голицыну, хотя и уступилъ сильному напору враждебной ему партіи, даже хвалилъ и сожалѣлъ Попова, котораго правительственныя власти отдали подъ судъ. Шишковъ воображалъ, что государь, передавъ въ его руки министерство просвѣщенія, этимъ самымъ отрекся отъ всѣхъ своихъ прежнихъ взглядовъ и симпатій и въ состояніи на все смотрѣть глазами своего новаго министра. Въ этомъ была ошибка Шишкова, которая и наталкивала его на составленіе разныхъ безтактныхъ бумагъ. Ими онъ ставилъ государя въ непріятное положеніе. Онъ по опыту зналъ безполезность доказывать Шишкову, что ему все представляется въ преувеличенномъ видѣ. Въ этомъ случаѣ самолюбивый старецъ обыкновенно забрасывалъ горячими словами, на которыя его противникъ не всегда могъ находить что отвѣчать. Притомъ же онъ всегда увѣрялъ государя, что только одна неизмѣнная горячая любовь и вѣчная преданность къ нему заставляютъ его говорить непріятную правду, что онъ, министръ его, не можетъ отказаться отъ нея, не отвѣтивъ за это передъ Богомъ. Во всемъ этомъ Шишковъ нисколько не лицемѣрилъ и не обманывалъ государя, который, съ своей стороны, вполнѣ вѣрилъ въ его честность. Тѣмъ труднѣе ему было имѣть сношенія съ своимъ министромъ. Обыкновенно онъ удерживалъ у себя такія бумаги, обѣщаясь

Digitized by Google

прочесть еще разъ на свободѣ, и затѣмъ старался не заговаривать о нихъ. Онъ часто не принималъ Шишкова съ докладами и, наконецъ, поручилъ Аракчееву сноситься съ нимъ. По этому поводу Шишковъ въ началѣ іюля ѣздилъ къ Аракчееву въ Грузино, переговорилъ съ нимъ о всѣхъ дѣлахъ и любовался, какъ онъ говоритъ, чудесными красотами *поселенія* (военнаго), которому, кажется, не совсѣмъ сочувствовалъ. Съ этого времени стали составляться письма къ Аракчееву въ томъ же духѣ, въ какомъ писались къ императору, съ жалобами, что его бумаги не утверждаются императоромъ, безъ чего онъ чувствуетъ себя связаннымъ, безсильнымъ воспротивиться злу. Онъ хорошо зналъ, что его письма Аракчеевъ будетъ читать императору.

Мы не знаемъ, Аракчеевъ ли внушилъ ему мысль писать обвинительныя бумаги противъ библейскаго общества, а съ тѣмъ вмѣстѣ и противъ бывшаго его предсѣдателя и основателя, князя Голицына, или самому ему пришла эта мысль, но съ этого же времени начинаются его филиппики противъ дѣятельности общества, несмотря на то, что предсѣдателемъ его, вмѣсто Голицына, былъ уже митрополитъ Серафимъ, «хотя это,—говоритъ онъ,—не прямо относится къ моему званію, но имѣетъ тѣсную съ нимъ связь, ибо гдѣ свѣется развратъ, тамъ никакія сѣмена просвѣщенія не прозябнутъ... Мнѣ поручено министерство просвѣщенія, но какое просвѣщеніе можетъ быть тамъ, гдѣ колеблется вѣра? Если библейскія общества будутъ по прежнему существовать... то я министромъ просвѣщенія быть не гожусь... не сдѣлавъ ничего полезнаго, лишусь я и того добраго имени, которое долговременностію моей жизни и службы пріобрѣсть могъ».

Злоба на библейское общество у Шишкова вытекала изъ многихъ причинъ. Во-первыхъ, его возмущало сношеніе русскаго библейскаго общества съ великобританскимъ, которое онъ подозрѣвалъ въ стремленіи «къ ниспроверженію всѣхъ христіанскихъ религій и къ установленію на развалинахъ ихъ какой-то неизвѣстной всеобщей религіи подъ приманчивымъ названіемъ *внутренняго христіанства*».

Ложный взглядъ британскаго общества на *греческую* церковь, по увѣренію Шишкова, переходилъ и въ русское общество, которое явилось будто бы орудіемъ козней иноземцевъ, посягающихъ на святость православія и на спокойствіе Россіи. Онъ видитъ злостное направленіе даже въ этихъ словахъ, напечатанныхъ въ отчетѣ русскаго библейскаго общества: «Небесный союзъ вѣры и любви, учрежденный посредствомъ библейскихъ обществъ въ великомъ христіанскомъ семействѣ, открываетъ великую зарю

Digitized by Google

брачнаго дня христіанъ и то время, когда будетъ единъ пастырь и едино стадо, то-есть когда будетъ одна божественная христіанская религія во всѣхъ различно-образованныхъ христіянскихъ исповѣданіяхъ, которыя въ началѣ различествовали между собою въ неустроеніи, но нынѣ *въ семъ дух и могутъ и будутъ оставаться при своихъ различіяхъ*». Ересь видитъ Шишковъ въ этихъ словахъ, недоумѣвая, какимъ образомъ греко-россійская церковь съ лютеранскою могутъ оставаться единымъ стадомъ и подъ единымъ пастыремъ. Въ существованіи библейскихъ обществъ онъ видитъ благовидный предлогъ къ тайнымъ сношеніямъ ихъ корреспондентовъ о мѣрахъ исполненія общаго плана, т.-е. разрушенія христіанскихъ исповѣданій.

Поддался Шишковъ и взгляду изувѣра-Фотія, «будто неприлично русскимъ архіереямъ, въ противность апостольскимъ постановленіямъ, быть вмѣстѣ въ одномъ обществѣ съ католиками и лютеранами и со всѣми иновѣрцами: имъ человѣкъ *во фракѣ* проповѣдуетъ слово Божіе — Божіе по его названію, но въ самомъ дѣлѣ не такое». Неприлично ему казалось и то, что священныя книги раздаются не руками церкви, а какимъ-то отдѣльнымъ обществомъ. Но особенно приводилъ въ ужасъ Шишкова переводъ священныхъ книгъ на русскій языкъ. Въ этомъ онъ видитъ вѣрное средство поколебать самую вѣру, и по обыкновенію увлекается самыми нелогическими доводами, называя русскій языкъ только простымъ нарѣчіемъ, а церковно-славянскій возвышеннымъ нарѣчіемъ того же самаго языка. Отсюда по реторическимъ правиламъ онъ считаетъ русскій языкъ не соотвѣтственнымъ важности священнаго писанія. «Если языкъ домашняго воспитанія въ законѣ Божіемъ,—писалъ онъ,—будетъ различенъ съ языкомъ служенія въ церкви, то изъ сего непремѣнно долженствуютъ произойти соблазны и расколы, произойти единственно отъ раздѣленія сихъ языковъ... Переводы священнаго писанія съ высокаго языка, называемаго славянскимъ, на простой въ общежитіи употребляемый языкъ, называемый русскимъ, подъ предлогомъ лучшаго разумѣнія церковныхъ книгъ придуманы для уменьшенія ихъ важности и поколебанія вѣры... Мнѣніе сіе возникшее отъ незнанія силы языка и недостатка здраваго разсудка, заразившее не только нынѣшнихъ свѣтскихъ писателей, но даже и самое духовенство простерлось до такой степени, что въ отчетахъ библейскихъ обществъ сіе *искаженіе* священныхъ писаній называютъ переводомъ на *природный* русскій языкъ, словно какъ будто тотъ былъ для насъ чужой. Отсѣлѣ презрѣніе къ кореннымъ самымъ знаменательнѣйшимъ словамъ; отсѣлѣ

Digitized by Google

несвойственность многихъ выраженій, отсюда неразумѣніе сильнаго краткаго слога и введеніе на мѣсто онаго почерпнутой изъ чужихъ языковъ *безтолковицы*. Для чего дѣлать сію перемѣну? какая въ томъ надобность? Если скажемъ, что многія слова вышли изъ употребленія, и никто ихъ не понимаетъ, то это *неправда;* они употребляются въ священныхъ писаніяхъ, въ церковной службѣ, во всѣхъ высокихъ свѣтскихъ твореніяхъ, въ лѣтописяхъ и законахъ. *Не знать ихъ есть утверждать отпаденіе свое отъ вѣры*, отъ языка и отъ наукъ; есть признавать, что *мы ни молитвъ не читаемъ, ни въ церковь не ходимъ*, и, словомъ, ничего кромѣ простыхъ другъ съ другомъ разговоровъ не знаемъ. Подобная мысль поведетъ насъ къ заключеніямъ, что и всю церковную службу должно переложить на простонародный языкъ; ибо когда я дома стану читать переиначенное евангеліе, то изъ того *непремѣнно* уже послѣдуетъ, что я читаемаго въ церкви евангелія или не буду разумѣть, или, слыша въ немъ иной языкъ и складъ, не буду имѣть должнаго къ нему уваженія. Можно ли о такомъ преступномъ намѣреніи, чтобъ языкъ воспитанія отдѣлить отъ языка церкви, подумать безъ ужаса».

Нѣкоторыя заключенія Шишкова приводятъ въ недоумѣніе, изъ какихъ посылокъ они могли вытекать у него. Изъ того, что русскій человѣкъ имѣетъ возможность хорошо познакомиться съ содержаніемъ евангелія на своемъ языкѣ, онъ выводитъ, что это же самое евангеліе онъ перестанетъ понимать въ церкви или не будетъ уважать его, какъ будто уваженіе вызывается не святостью содержанія, а языкомъ. Онъ увлекается даже до забвенія, что и на славянскомъ языкѣ библія есть переводъ: «какъ дерзнуть,—восклицаетъ онъ,—на перемѣну словъ, *почитаемыхъ изшедшими изъ устъ Божіихъ*». Онъ не хочетъ вѣрить, что простой русскій человѣкъ не все можетъ понимать на церковно-славянскомъ языкѣ и въ опроверженіе этого сравниваетъ выраженія самыя близкія—церковно-славянскія и русскія, или, съ намѣреніемъ унизить русскую рѣчь, переводитъ церковно-славянскія выраженія неподходящими по силѣ и тону русскими: какъ, напр.: дуракъ говоритъ: нѣтъ Бога (рече безумецъ въ сердцѣ своемъ). Такимъ образомъ Шишковъ остался вѣренъ своимъ взглядамъ, которыхъ держался двадцать лѣтъ. И теперь всѣ несогласные съ его мнѣніемъ объ единствѣ церковнаго и русскаго языка являлись людьми злостными, врагами вѣры и отечества. Это уже была его манія. Такими мыслями наполнялъ онъ свои письма къ Аракчееву и къ самому императору, пользуясь каждымъ случаемъ. А этихъ случаевъ было много; объявленія о

Digitized by Google

собраніи библейскаго общества, или о продажѣ священныхъ книгъ, имъ изданныхъ, или выходъ новой книжки *Извѣстій о библейскихъ обществахъ*, періодическаго ежемѣсячнаго изданія общества. Наконецъ, вмѣстѣ съ Аракчеевымъ, онъ приступилъ къ предсѣдателю библейскаго общества, митрополиту Серафиму, и принудилъ его прекратить изданія общества и не выпускать болѣе русскихъ переводовъ священнаго писанія. Въ своей бесѣдѣ съ митрополитомъ Шишковъ, между прочимъ, высказалъ такую мысль: «съ перемѣною министерства всѣ благомыслящіе люди ожидали и *перемѣны направленія умовъ* отъ прежней худой въ хорошую сторону, но когда черезъ полъ-года или болѣе увидятъ тожъ самое, что было доселѣ, то какое изъ того родится одобреніе и торжество для тѣхъ, которые всѣми силами и хитростями стараются не дать сдѣлаться сему перелому». Здѣсь какъ нельзя лучше высказывается самый наивный администраторъ: онъ полагалъ, что достаточно только перемѣнить министерство, и направленіе умовъ само собою измѣнится. Но, къ удивленію, оно не измѣнялось, и литераторствующій министръ ищетъ причины не въ своей нераспорядительности, не въ своемъ неумѣньи взяться за дѣло, а въ посторонникъ обстоятельствахъ. Вмѣстѣ съ Серафимомъ министръ просвѣщенія сдѣлалъ государю представленіе о необходимости немедленно закрыть библейское общество со всѣми его отдѣленіями. Но государь не былъ убѣжденъ крайними доводами двухъ старцевъ, ослѣпленныхъ страхомъ, и не рѣшался исполнить ихъ просьбу. При докладѣ Шишкова онъ возразилъ, что правительству надлежитъ быть тверду въ своихъ постановленіяхъ и не показывать слабости постоянною ихъ перемѣною. Этихъ словъ было достаточно, чтобы вызвать стараго литератора-министра на новое длинное литературное разсужденіе. Въ немъ онъ доказывалъ, что истинная слава царей, путь къ пріобрѣтенію народной любви состоитъ въ томъ, чтобъ не стоять на неправости дѣла, а отмѣнять его, какъ скоро оно будетъ замѣчено, несмотря на прежнее свое рѣшеніе: царь — человѣкъ, можетъ быть обманутъ и самъ обмануться. Затѣмъ доказывается неправость дѣла въ библейскомъ обществѣ, которое «своими пагубными заразами можетъ быть страшнѣе всякихъ *непріятельскихъ нашествій*». «Если нужно, — наставляетъ онъ, — закрытію ихъ придать нѣкоторую благовидность, не обнаруживая открывшейся злонамѣренной цѣли ихъ, то можно сдѣлать сіе разными образами: напримѣръ, предоставить синоду донесть о ненадобности болѣе оныхъ или и безъ сего донесенія дать указъ, что какъ уже напечатано достаточное количество библій, то, по-

Digitized by Google

читая дальнѣйшее попеченіе о томъ болѣе ненужнымъ, всѣ библейскія общества закрыть и всѣ въ оныхъ дѣла препроводить для храненія въ святѣйшій синодъ, которому впредь по мѣрѣ надобности издавать библіи на прежнемъ основаніи, какое было до введенія библейскихъ обществъ. Такимъ или подобнымъ образомъ можно прекратить оныя и отнять у иностранцевъ надежду возобладать надъ нами не силою оружія, чего они не могутъ, но лукавствами и хитростію, когда посѣютъ между нами секты и раздоры».

Въ заключеніе авторъ взываетъ къ государю слѣдующимъ образомъ: «Ты одинъ можешь укротить сей духъ буйства, порывающійся изъ чужихъ земель вторгнуться въ Россію, никогда о немъ не знавшую. Покажи себя защитникомъ православной вѣры своей и покровителемъ другихъ христіанскихъ вѣръ, не попуская раздѣляться имъ на секты и ереси. Будь прямо русскій царь, надѣющійся на своихъ вѣрноподданныхъ. Возвысь дворянъ, ограду твоего престола; будь отецъ народу, но не давай возмущать его преждевременными внушеніями о вольности, вовлекающими его въ своевольство. Да посѣется между сими двумя состояніями тишина и миръ, а не вражда и злоба. Тогда ты одинъ посреди своего народа будешь сильнѣе всѣхъ царей. Одно слово твое, одинъ взоръ разсѣетъ въ царствѣ твоемъ всѣхъ вольнодумцевъ, учениковъ чужихъ земель. Они почувствуютъ заблужденіе свое и обратятся на правый путь. Престолъ твой оградится вѣрнѣйшими тебѣ сердцами и чужеземныя козни не посмѣютъ и приближаться къ предѣламъ твоего царства. Ты защитилъ народъ свой отъ вооружившейся на него Европы — ты спасешь отъ сильнѣйшаго врага, адскаго духа, устремляющагося искоренить въ немъ вѣру и всѣ добродѣтели. Твой народъ возлюбитъ тебя, чуждыя страны прославятъ, потомство будетъ тебѣ благодарно и Богъ, по долговременной жизни, приметъ тебя въ свои объятія. Государь! *всякій, кто скажетъ тебѣ несходное съ симъ, скажетъ ложь, не преданъ тебѣ, не любитъ тебя*».

Не писалъ Шишковъ съ такимъ жаромъ и въ годъ дѣйствительнаго бѣдствія русскаго народа, когда Москва была занята непріятелемъ, въ годъ сильнаго возбужденія его чувства и фантазіи. Изъ этого можно заключить, въ какомъ настроеніи былъ онъ въ это время? Но при этомъ является вопросъ: о чемъ же собственно хлопоталъ онъ? Съ помощью Аракчеева и митрополита Серафима ему удалось парализовать дѣйствія библейскаго общества: оно хотя и не было закрыто оффиціально, но продолжало существовать только по имени; книги, по его мнѣнію, вред-

Digitized by Google

ныя могли быть, по его же распоряженію, задерживаемы цензурою; дворянство пользовалось всѣми своими правами и нисколько не было унижено, чтобы молить объ его возвышеніи. Кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что ему хотѣлось своимъ краснорѣчіемъ подѣйствовать на личныя убѣжденія государя, который самъ былъ склоненъ къ мистицизму и приближалъ къ себѣ людей, принадлежавшихъ противной сторонѣ. Шишкову казалось, что эти люди имѣютъ на него вліяніе, отчего и всѣ его представленія государю остаются безъ послѣдствій. Назначенный въ министры для дѣйствія, а не для разсужденій, онъ требуетъ, чтобы самъ государь однимъ взглядомъ разсѣялъ всѣхъ вольнодумцевъ; пусть они почувствуютъ свое заблужденіе и обратятся на правый путь, а себѣ онъ оставлялъ трудъ направлять государя. Поставивъ себя въ ложное отношеніе къ государю, къ обществу и къ дѣлу, онъ явился несостоятельнымъ администраторомъ. Убѣжденія его и на этотъ разъ не подѣйствовали на государя: онъ не рѣшался произнести своего слова противъ библейскаго общества и оттолкнуть отъ себя людей, которыхъ считалъ преданными себѣ.

Задавшись задачей искоренить или подавить ненавистный ему *духъ времени*, Шишковъ не ограничивался предѣлами своего вѣдомства, а хотѣлъ направлять и всѣ другія. Вооружившись противъ библейскаго общества, онъ сталъ вторгаться и въ самый синодъ и вмѣшиваться въ его опредѣленія. «Синодъ,—доносилъ онъ государю,—нынѣ состоитъ по бо́льшей части изъ лицъ, долго участвовавшихъ въ прежнемъ духѣ и направленіи; какъ по сему участвованію, такъ и по связямъ, ими сдѣланнымъ, могутъ они быть не совсѣмъ чужды пристрастія... Многія обстоятельства открываютъ, какимъ образомъ духовныя особы по примѣченной въ нихъ податливости къ нововводимому образу мыслей выбирались для заступленія важнѣйшихъ мѣстъ и въ члены синода, дабы *съ свѣтскими членами библейскихъ обществъ составить одинъ духъ и тѣло*». Поэтому онъ совѣтовалъ нѣкоторыхъ смѣнить другими.

Такимъ образомъ Шишковъ, такъ-сказать, вторгался въ вѣдомство, на которомъ должна лежать вся забота о дѣлахъ вѣры. Этимъ вторженіемъ онъ опять, по крайней своей ревности, впадалъ въ обыкновенную безтактность и ставилъ въ неловкое положеніе и членовъ синода, и государя, и себя. Прежде всего онъ воспользовался запрещенною за шесть лѣтъ книгою Станевича: «*Бесѣда на гробъ младенца о безсмертіи души*», написанною противъ мистическаго журнала Лабзина «Сіонскій Вѣстникъ».

Digitized by Google

Для подробностей мы воспользуемся воспоминаніемъ Сушкова, который приводитъ разсказъ московскаго митрополита Филарета, бывшаго тогда архимандрита и ректора петербургской духовной академіи и переводчика нѣкоторыхъ частей библіи. «Въ этой книгѣ заключалось много выраженій, слишкомъ оскорбительныхъ для предержащей власти и вообще для духа правленія того времени. Иннокентій (архимандритъ) былъ цензоромъ этой книги и лежалъ больной, а потому не обратилъ должнаго вниманія на тетради, которыя посылалъ ему постепенно Станевичъ. На мою бѣду я посѣтилъ его во время болѣзни, когда рукопись лежала у него на столѣ... Я взглянулъ на заглавіе и оставилъ ее безъ вниманія, не ожидая въ ней найти ничего особенно замѣчательнаго; черезъ нѣсколько дней она явилась въ свѣтъ и произвела много шума. Въ тотъ самый день, когда я получилъ ее отъ автора, князь Голицынъ потребовалъ меня къ себѣ и съ негодованіемъ показалъ мнѣ экземпляръ, весь исчерченный замѣтками... «Знаете ли вы эту книгу?—спросилъ князь:—она исполнена непріязненныхъ мнѣній, и я хочу доложить о ней государю. Какъ могъ Иннокентій пропустить ее?» Я старался извинить моего товарища передъ княземъ его нездоровьемъ и просилъ удержаться отъ доклада государю для того, чтобы дать мнѣ время просмотрѣть ее и исправить погрѣшности, перепечатавъ листы. Дѣйствительно, я самъ изумился тому, что́ нашелъ въ этой книгѣ и поспѣшилъ съ нею къ Иннокентію. Онъ отвѣчалъ мнѣ коротко, что готовъ претерпѣть за правду всякое гоненіе; я пошелъ къ митрополиту (Михаилу) просить его, чтобы онъ помогъ какъ нибудь этому дѣлу... Митрополитъ осуждалъ почти каждое слово. Я сказалъ ему: оставимъ то, что́ безтолково, исправимъ только то, что́ можетъ принести намъ вредъ [1])»...

Проходило время за пересмотромъ и исправленіемъ книги, а между тѣмъ князь Голицынъ доложилъ о ней государю, и она была запрещена. Она-то и попала въ руки министра Шишкова. Замѣтивъ, что въ ней опровергаются ложныя понятія, разсѣянныя во многихъ сочиненіяхъ, и защищается православная церковь, Шишковъ тотчасъ воспалился фантазіей и вообразилъ, что потому-то именно она и запрещена, чтобы не мѣшать распространяться злостнымъ идеямъ въ духѣ времени, и не хотѣлъ обратить вниманія на оскорбительныя для правительства выраженія, на что́ указываетъ Филаретъ. Онъ, конечно, даже одобрялъ такія выраженія, судя по тѣмъ бумагамъ, какія онъ предлагалъ государю

[1]) Записки Сушкова о московскомъ митрополитѣ.

Digitized by Google

для подписи въ осужденіе прежняго министерства. Не наведя, хотя бы изъ осторожности, справки о причинѣ запрещенія книги, онъ тотчасъ же снесся съ митрополитомъ Серафимомъ, котораго, какъ видно, совершенно успѣлъ подчинить своему вліянію. Книга была оправдана съ религіозно-православной точки зрѣнія, и вотъ министръ, не мѣшкая, подноситъ государю для подписи проектъ рескрипта. Государь, конечно, могъ забыть подробности содержанія запрещенной книги. Въ рескриптѣ осуждалось это запрещеніе, какъ несправедливое, съ обвиненіемъ цензуры гражданской и синодской, и поручалось министру просвѣщенія слѣдить, чтобы «въ издаваемыхъ впредь сочиненіяхъ и переводахъ, особливо же въ преподаваніи по училищамъ наукъ, ничего колеблющаго вѣру и благоденствіе не укрывалось», и истреблять разсѣянныя въ книгахъ и иначе внушаемыя лжеученія. Смягчивъ сказанныя обвиненія, императоръ, наконецъ, подписалъ рескриптъ 17 ноября 1824 г. Шишковъ достигъ своей цѣли: однимъ и тѣмъ же рескриптомъ осуждено дѣйствіе прежняго министерства, отчасти задѣтъ синодъ, приказано усилить цензурный надзоръ за всѣми книгами и, наконецъ, позволено вновь напечатать запрещенную книгу, въ которой много оскорбительныхъ выраженій *для духа правленія того времени*, какъ выразился митрополитъ Филаретъ. Шишковъ былъ доволенъ, но не догадывался, какъ такими рескриптами можно колебать вѣру въ правительство. Онъ былъ увѣренъ, что колеблютъ ее другіе; онъ же хочетъ поддержать ее строгими цензурными постановленіями.

Опираясь на данный ему рескриптъ, Шишковъ еще смѣлѣе напалъ на синодъ, разрѣшившій московскому Филарету напечатать сочиненные имъ катихизисы краткій и пространный. Написать ихъ поручилъ Филарету синодъ по предложенію Серафима. По мѣрѣ того какъ подвигалась работа, Филаретъ читалъ ее Серафиму и исправлялъ согласно съ его указаніемъ. Затѣмъ уже совсѣмъ готовый трудъ внесенъ въ синодъ, который, вполнѣ его одобривъ, испросилъ у государя повелѣніе напечатать его. Съ согласія же синода всѣ тексты въ немъ были напечатаны въ русскомъ переводѣ, но церковными буквами. Филаретъ въ награду получилъ орденъ св. Александра Невскаго при рескриптѣ (2 іюня 1823 г.), въ которомъ между прочимъ сказано: «за назидательные труды въ поученіе паствѣ и начертаніе по духу православной восточной церкви и въ разумѣ евангельской истины катихизиса, одобреннаго святѣйшимъ синодомъ». Въ 1824 году нужно было сдѣлать второе изданіе катихизиса; причемъ синодъ

Digitized by Google

вновь пересмотрѣлъ его и одобрилъ [1]). Только одинъ Шишковъ увидѣлъ злостную цѣль въ томъ, что тексты допущены въ русскомъ переводѣ и славянскими или церковными буквами. По его понятіямъ это могло принести «крайній вредъ благочестію, нравамъ, и, слѣдовательно, государству и отечеству» [2]). Сильно злобился на это Шишковъ, напалъ даже на Серафима, и тотъ не могъ достойнымъ образомъ отразить его. Наконецъ, 21 ноября онъ написалъ Серафиму оффиціальное письмо, въ которомъ, въ силу даннаго на его имя рескрипта отъ 17 ноября, предлагаетъ синоду пріостановить печатаніе и разсылку катихизиса, пока не послѣдуетъ новое высочайшее на то разрѣшеніе. Но ставя свой авторитетъ выше авторитета цѣлаго синода, онъ тутъ же выказываетъ свою крайнюю простоту въ религіозныхъ дѣлахъ. Онъ называетъ «Символъ вѣры» *молитвою: Вѣрую во единаго Бога*, и это слово перешло въ указъ святѣйшаго синода типографской конторѣ, какъ отношеніе министра просвѣщенія. «Не знаю, кому приписать должно обнаруженное здѣсь столь сбивчивое понятіе о дѣлахъ церковныхъ,—пишетъ Филаретъ Серафиму,—и съ такимъ понятіемъ неизвѣстные дѣйствователи вземлютъ судъ себѣ надъ святѣйшимъ синодомъ! Утвержденіе на тя надѣющихся, утверди, Господи, церковь!» Въ другомъ письмѣ Филаретъ называетъ Шишкова свѣтскимъ человѣкомъ, который по своему произволу произвелъ себя не только въ богословы, но и въ судію вѣры и церкви. «Если сомнительно православіе катихизиса,—пишетъ Филаретъ,—столь торжественно утвержденнаго святѣйшимъ синодомъ, то не сомнительно ли будетъ и православіе самого святѣйшаго синода? Допущеніе сего сомнѣнія не потрясетъ ли іерархіи до основанія, не возмутитъ ли мира церкви? Не произведетъ ли тяжкаго церковнаго соблазна? Надъ дѣяніемъ святѣйшаго синода, касательно ученія вѣры, вѣрный и достойный принятія судъ, по правиламъ святыя соборныя и апостольскія церкви, можетъ быть не иной, какъ судъ чрезвычайно полнаго собора помѣстнаго или вселенскаго подъ покровительствомъ благочестивѣйшаго государя императора» [3]).

При извѣстномъ отношеніи къ Шишкову, Серафиму было крайне неловко передъ Филаретомъ; онъ старался смягчить дѣйствіе министра, объясняя, что виною было не сомнѣніе въ православіи катихизиса, а русскій переводъ символа вѣры, молитвы

---

[1]) Филаретъ моск., Сушкова, прилож. стр. 50, 51.

[2]) Письмо къ Аракчееву, Зап. Шишк. 2 ч., стр. 206.

[3]) Сочин. Сушкова, стр. 50, прилож.

Digitized by Google

Господней и десятословія. «Вы спросите,—пишетъ онъ Филарету,—почему русскій языкъ не долженъ имѣть мѣста въ катихизисѣ, а наипаче краткомъ, который предназначенъ для малыхъ дѣтей, незнакомыхъ вовсе съ славянскимъ языкомъ... На сей и на другіе многіе вопросы, которые по сему случаю сдѣлать можно, я удовлетворительно отвѣтствовать вамъ никакъ не могу. Надѣюсь, что время объяснитъ намъ то, что̀ теперь намъ кажется темно. А время сіе скоро, по моему мнѣнію, настанетъ» [1]).

Такую переписку вели между собою іерархи, но никто голоса не возвысилъ, и катихизисъ стали отбирать по училищамъ, а молва стала говорить, что его будутъ жечь. Министръ же просвѣщенія и не думалъ, что онъ колеблетъ авторитетъ синода, который правитъ православною церковью. Ему только казалось, что онъ спасаетъ церковь отъ зла. Такимъ образомъ, въ своей слѣпой ревности министръ переступилъ за ту черту, гдѣ начинается колебаніе авторитетовъ власти, и гдѣ считающій себя государственнымъ человѣкомъ неразумно начинаетъ сѣять зло, думая, что служитъ добру.

Можно было ожидать, что у Шишкова уже готовъ былъ новый цензурный уставъ, и онъ ждалъ только рескрипта государя съ приказаніемъ обратить особенное вниманіе на печать; но объ уставѣ были только толки, и рескриптъ не ускорилъ его. По этимъ толкамъ Карамзинъ писалъ къ Дмитріеву: «новый министръ просвѣщенія думаетъ учредить новую цензуру, и посадить въ этотъ трибуналъ человѣкъ шесть или семь: на всякую часть литературы будетъ особенный цензоръ. То-то раздолье! *Словесность наша съ цензорами процвѣтетъ и безъ авторовъ*» [2]).

Но новый министръ ограничивался пока запрещеніемъ нѣсколькихъ книгъ, напечатанныхъ въ прежніе годы, и разрѣшеніемъ къ печати двухъ-трехъ сочиненій, задержанныхъ цензурою князя Голицына. Кромѣ того, было предписано отобрать изъ духовныхъ и свѣтскихъ училищъ мистическія книги, которыя и безъ того не читались учениками, потому что, по своей туманности, не были имъ доступны [3]). Всѣ изданія Лабзина были запечатаны въ книжной лавкѣ Глазунова. Страхъ Шишкова постоянно поддерживался нѣмецкими газетами изъ Германіи; по нимъ можно было слѣдить, какъ неутомимо и яростно правительственныя лица Пруссіи и Австріи преслѣдовали и искоре-

[1]) Тамъ же, стр. 53.

[2]) Переписка съ Дмитріевымъ, стр. 378.

[3]) „Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія", ч. I, ст. 504.

Digitized by Google

няли революціонный духъ, который имъ мерещился и въ наукѣ, и въ литературѣ, и во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни. Они развивали мысль, что между всѣми революціонерами существуетъ организованный тайный союзъ, направленный противъ всѣхъ европейскихъ правительствъ. Шишковъ и нѣкоторые другіе, напуганные этою мыслью, заключали по нѣсколькимъ случайностямъ, что и у насъ непремѣнно должны быть революціонеры; имъ и не приходило въ голову спросить себя и обсудить,—возможно ли было у насъ, въ самомъ дѣлѣ, серьёзное революціонное движеніе? Революціонерами имъ казались всѣ, кто не раздѣлялъ ихъ взглядовъ, и отсюда вытекала необходимость идти по стопамъ германскихъ правительствъ. Шишковъ въ своихъ выводахъ пошелъ еще далѣе. «Я не безъ основанія полагаю,—писалъ онъ къ Аракчееву,—что Германія, при такихъ строгихъ и рѣшительныхъ мѣрахъ правительства, какія въ ней оглашаются, должна *меньше* быть заражена тѣми духовными и *политическими сектами*, противъ которыхъ она вопіетъ и *которыя у насъ отъ необуздыванія ихъ усиливаютъ*». Изъ этого вытекало, что если въ Германіи стѣснялась свобода научнаго развитія, то, конечно, не у насъ она могла быть допущена. Германскіе университеты у насъ уже были заподозрѣны въ томъ же вредномъ направленіи, въ какомъ обвинялся петербургскій университетъ. Была даже мысль, что полезно не только для семействъ и частныхъ лицъ, но и для блага государства, вызвать изъ Германіи всѣхъ русскихъ студентовъ. Но испугались, что «такое распоряженіе, хотя и основанное на благоразумной предусмотрительности, сдѣлается предметомъ злонамѣренныхъ толковъ». Приказано только было, избѣгая всякой гласности, изыскать средства къ удаленію русскихъ студентовъ изъ университетовъ: гейдельбергскаго, іенскаго, гиссенскаго и вюрцбургскаго, которые сдѣлались будто-бы извѣстными по вреднымъ правиламъ, тамъ преподаваемымъ, и нетерпимымъ безпорядкамъ. Это средство было найдено въ дѣйствіи на родителей, отправившихъ или отправляющихъ своихъ дѣтей въ заграничные университеты. Губернаторы должны были представлять родителямъ, какой опасности они подвергаютъ дѣтей, а при случаѣ, и сообщать имъ, что, не принявъ благонамѣреннаго совѣта, они тѣмъ покажутъ собственный свой образъ мыслей съ невыгодной стороны и приготовятъ существенныя неудобства въ Россіи для своихъ дѣтей [1]). Шишковъ

[1]) „Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія въ царствованіе Александра I", 1823 г., 451.

Digitized by Google

во взглядѣ на университеты и на науку сходился съ Магницкимъ, хотя, какъ мы видѣли, и не одобрялъ его суроваго преслѣдованія русскихъ профессоровъ. Правда, министръ съ особеннымъ уваженіемъ относился къ слову *просвѣщеніе*, но трудно сказать, что онъ понималъ подъ этимъ словомъ: современное просвѣщеніе ему казалось развращеніемъ. Его отношеніе къ научнымъ изслѣдованіямъ видно изъ его отзыва объ ученомъ статистическомъ трудѣ академика Германна. Числомъ смертоубійствъ и самоубійствъ въ Россіи авторъ въ своей статьѣ старается до нѣкоторой степени опредѣлить нравственное и политическое состояніе народа. «Статью объ исчисленіи смертоубійствъ и самоубійствъ,— пишетъ Шишковъ,— приключившихся въ два минувшіе года въ Россіи, почитаю не *только ни къ чему не нужною, но и вредною*. Первое: какая надобность знать о числѣ сихъ преступленій? Второе: по какимъ доказательствамъ всякій читатель можетъ удостовѣренъ быть, что число сіе отнюдь не увеличено? Третье: къ чему извѣщеніе о семъ можетъ служить? Развѣ къ тому только, чтобы колеблющійся преступникъ, видя предъ собою многихъ предшественниковъ, могъ почерпнуть изъ того одобреніе, что онъ не первый къ такому дѣлу приступаетъ? Мнѣ кажется, подобныя статьи, неприличныя къ обнародованію оныхъ, надлежало бы къ тому, кто прислалъ ихъ для напечатанія, отослать назадъ съ *замѣчаніемъ, чтобъ и впредь надъ такими пустыми вещами не трудился. Хорошо извѣщать о благихъ дѣлахъ*, а такія, какъ смертоубійство и самоубійство, должны погружаться въ вѣчное забвеніе» [1]).

Вотъ до какихъ заключеній можетъ дойти строгій моралистъ, непонимающій настоящихъ цѣлей науки. Съ своей моральной точки зрѣнія, онъ считаетъ себя въ правѣ смѣло говорить о всемъ, что даже недоступно его разумѣнію, и всегда считать здравый смыслъ на своей сторонѣ. Но не одна статистика страдала отъ министра просвѣщенія. Послѣ безпорядковъ въ виленскомъ университетѣ, императоръ приказалъ Аракчееву, Шишкову и сенатору Новосильцеву, производившему слѣдствіе, составить комитетъ и изыскать мѣры, чтобы устранить всякіе безпорядки въ учебной средѣ на будущее время. Конечно, въ комитетѣ главную роль пришлось играть Шишкову. Положено было изъ числа наукъ исключить политическія науки и естественное право, умень-

[1]) „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе Александра I“ Сухомлинова.— Приложеніе къ „Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія“, ноябрь, 1866 г.

Digitized by Google

шить въ гимназіяхъ число уроковъ реторики и поэзіи, и усилить языки: латинскій, греческій и русскій; поручить университету составить перечень тэмъ для классныхъ ученическихъ упражненій и разсмотрѣть всѣ учебники; написать новыя правила съ цѣлью утверждать и сохранять въ молодыхъ людяхъ страхъ Божій, чтобы учащіеся вели жизнь богобоязненную и не занимались самоуправствомъ, чтобы почитали всякое начальство, чтобы студенты посѣщали лекціи, всегда ходили въ мундирахъ и не вступали ни въ какія тайныя общества, чтобы безъ дозволенія ректора не посѣщали ни театры, ни рауты, никакія увеселенія; не отлучались ни за городъ, ни на общественныя гулянья; чтобы не читали и у себя не имѣли никакихъ книгъ, противныхъ вѣрѣ и системѣ русскаго правительства [1]).

Понятно, что Шишковъ не могъ задумываться надъ задачею народнаго просвѣщенія. Въ этомъ случаѣ его можно назвать правымъ: просвѣщать народъ, подъ гнетомъ крѣпостного права, было несогласно съ нравственными цѣлями просвѣщенія. Карамзинъ, напротивъ, негодовалъ на рѣчи Шишкова противъ распространенія грамотности въ народѣ; онъ думалъ, что народъ необходимо подготовить къ свободѣ нѣкоторымъ просвѣщеніемъ. Въ концѣ 1824 года, онъ писалъ иронически къ Дмитріеву о Шишковѣ: «возставать противъ грамотности есть умножать къ ней охоту: слѣдственно, дѣйствіе хорошо и достойно цѣли министерства, которому ввѣрено народное просвѣщеніе. Какова Харибда, такова и Сцилла: корабль нашъ стучится объ ту и объ другую, а все плыветъ; я увѣренъ, что Россія не погрязнетъ въ невѣжествѣ, т.-е. увѣренъ въ милости Божьей» [2]).

Что такое образованіе, знанія для народа несвободнаго,— говорилъ Сперанскій, — какъ не средство живѣе почувствовать бѣдственность своего положенія, источникъ волненій, которыя могутъ только способствовать къ большему его порабощенію или могутъ навлечь на страну ужасы безначалія. Изъ человѣколюбія столько же, сколько изъ политики, слѣдуетъ оставить рабовъ въ невѣжествѣ, если не хотятъ дать имъ свободы» [3]).

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1874. — „Исторія виленскаго учебнаго округа. Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія", часть I, 1824 г., ст. 489.

[2]) „Переписка съ Дмитріевымъ", стр. 388.

[3]) „Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I", А. Н. Пыпина,—„Вѣстн. Евр." 1870, іюнь, стр. 681.

Digitized by Google

XV.

Противники и друзья Шишкова. — Кончина императора Александра Павловича.—Новое царствованіе.—Цензурный уставъ.—Шишковъ—членъ верховнаго суда. — Отставка.

Въ маѣ 1825 года былъ назначенъ судъ надъ Поповымъ, какъ надъ участникомъ въ переводѣ книги Госнера. Шишковъ никакъ не могъ примириться съ мыслью, что Поповъ, уйдя изъ министерства просвѣщенія вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ, получилъ мѣсто въ почтовомъ департаментѣ съ неменьшими выгодами. Безнаказанность Попова, по его мнѣнію, бросала тѣнь на имя государя, такъ какъ всѣ могли думать, что государь одномыслен съ Поповымъ, который оказался врагомъ православія; а съ этимъ вмѣстѣ и сила его, какъ министра и преслѣдователя враговъ вѣры, должна была умаляться. «Еслибы кто послѣ оказался въ подобной же дерзости и преступленіи,—писалъ онъ къ Аракчееву,—то какимъ образомъ, спустя одному, можно безъ нарушенія справедливости наказать другаго». Вотъ что собственно его заботило, но можно вполнѣ повѣрить ему, что личной злобы ни къ кому у него не было. Онъ хотѣлъ наказывать только тогда, когда безнаказанность могла ослабить силу законной власти. Не даромъ Карамзинъ называлъ его незлобіе—*голубинымъ*.

Дѣло о Поповѣ поступило въ общее собраніе сената. Сенаторъ Сумароковъ обвинялъ его въ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, клонившихся къ потрясенію вѣры и правительства. Сенаторъ же Муравьевъ-Апостолъ, разбирая подробно обвиненіе, не соглашался съ нимъ и въ поступкѣ Попова не находилъ ничего преступнаго, что казалось Шишкову и имъ подобнымъ. Каково же было удивленіе и негодованіе министра просвѣщенія, когда до него дошли всѣ подробности сенатскаго засѣданія. «О мнѣніи Сумарокова,—писалъ онъ,—многіе говорили съ нѣкоторымъ кощунствомъ (другими словами: не соглашались съ нимъ, не находя въ немъ основательности), тогда какъ мнѣніе Муравьева превозносили похвалами, и въ общемъ собраніи большая половина сенаторовъ къ нему пристала. Изъ сего можно уже нѣсколько усмотрѣть *новомысліе!*» восклицаетъ Шишковъ. Изъ сената дѣло поступило въ государственный совѣтъ, гдѣ и были прочитаны мнѣнія обоихъ сенаторовъ. Шишковъ говоритъ, что совѣсть никогда не перестала бы укорять его, если бы онъ не вступился въ это дѣло. Онъ объявилъ, что хочетъ письменно представить

Digitized by Google

свое мнѣніе, и засѣданіе было отложено. На слѣдующій разъ онъ представилъ критическій разборъ мнѣнія Муравьева-Апостола. Въ немъ, какъ и во многихъ своихъ литературныхъ разборахъ, онъ незамѣтно для себя ставитъ вопросъ нелогично и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не юридически, и отсюда дѣлаетъ крайне односторонніе выводы. Онъ выходитъ изъ того факта, что комитетъ министровъ нашелъ книгу Госнера зловредною для вѣры и правительства; но забылъ объ одномъ, что эта книга разсматривалась не въ подлинникѣ, а въ переводѣ, слѣдовательно, переводилась тогда, когда еще не была осуждена. Не обративъ вниманіе на это обстоятельство, Шишковъ объявляетъ, что не можетъ быть и вопроса—виноватъ ли переводчикъ: *по здравому разсудку*, онъ виноватъ болѣе сочинителя, такъ какъ этотъ иностранецъ и писалъ по-нѣмецки, а тотъ—русскій подданный—хотѣлъ *то же самое зло* сдѣлать вреднѣйшимъ, распространяя его на нашемъ языкѣ. «Изъ сего слѣдуетъ *неоспоримое заключеніе*, что въ одномъ и томъ же дѣлѣ меньше виноватаго осуждать, а больше виноватаго оправдывать,—не сходно ни съ какимъ понятіемъ *о законахъ и правосудіи*. Такъ какъ достовѣрно, что Поповъ участвовалъ въ переводѣ книги, то и оправдывать его нѣтъ возможности, кромѣ развѣ, когда позволено будетъ говорить *несообразное* ни съ обстоятельствами сего дѣла, *ни съ законами*, ниже *съ здравымъ разсудкомъ*».

Такимъ образомъ, сдѣлавъ Попова преступникомъ прежде осужденія книги, Шишковъ по пунктамъ старается опровергнуть Муравьева, и въ заключеніе объявляетъ, что въ его мнѣніи нѣтъ суда, основаннаго на правдѣ и законахъ, а есть произвольная защита противъ обвиненія, сдѣланнаго комитетомъ министровъ. При началѣ чтенія своей бумаги въ государственномъ совѣтѣ, Шишковъ просилъ послѣ каждой статьи дѣлать ему возраженія, для чего онъ будетъ останавливаться; но чтеніе его прошло при общемъ молчаніи. Онъ уже думалъ, что всѣ были согласны съ нимъ, но когда стали отбирать голоса, то большинство членовъ оказалось на сторонѣ Муравьева, и въ числѣ ихъ (кто бы могъ подумать!—восклицаетъ Шишковъ) были: Милорадовичъ, Васильчиковъ и даже другъ его, Мордвиновъ. Но моралистъ не усомнился въ непогрѣшимости своихъ выводовъ, а силился оправдать свою неудачу моралью: «Сіе показываетъ, что противъ правды говорить трудно, и что, зная напередъ силу неправды, хотя и пристаютъ къ ней, но въ-тихомолку, стыдясь гласнымъ образомъ защищать ее». Но на этомъ Шишковъ не хотѣлъ остановиться. Онъ написалъ государю письмо или жалобу, въ кото-

Digitized by Google

рой называетъ оправданіе Попова противозаконнымъ и грозитъ вредными послѣдствіями. Здѣсь, по обыкновенію, фантазія его соединяетъ все, что̀ можетъ напугать воображеніе ужасами революціи, даже извѣстное дѣло петербургскихъ профессоровъ смѣшиваетъ въ одно съ частыми городскими воровствами и грабежами, съ нелѣпыми слухами о какихъ-то попахъ съ козлиными рогами; тутъ же приводитъ мечтательное стихотвореніе, которое не пропустилъ цензоръ и въ которомъ онъ подозрѣваетъ возваніе къ возмущенію; словомъ, выказалъ въ своемъ письмѣ крайне-разстроенное воображеніе. «Въ оправданіе,—заключаетъ онъ,—только и слышишь, что твердятъ: *«да это господствующій духъ времени»*... Вездѣ—въ сенатѣ, въ совѣтѣ, въ комитетѣ министровъ, въ публикѣ, и при самомъ дворѣ—духъ сей находитъ защиту и покровительство. Я очень вѣрю, что не всѣ дѣйствуютъ по злонамѣренію; но когда отъ всеобщаго покровительства произойдетъ всеобщее зло, то меньше ли зло сіе будетъ пагубно отъ того, что иной способствовалъ ему созрѣвать отъ незнанія, или по какой-либо пріязни или связямъ... Чего не дѣлаютъ на свѣтѣ страсти и обманы... Не вѣрь мнѣ, если сомнѣваешься въ искренности моихъ словъ или почитаешь меня излишне-предающимся своимъ мечтаніямъ; но не вѣрь и другимъ; смотри не на слова людей, но на дѣла ихъ». Конечно, императоръ считалъ подобныя письма Шишкова мечтаніями и оставлялъ ихъ безъ вниманія.

Но Шишковъ не рѣшался отступить отъ начатой борьбы. Онъ, такъ сказать, противъ воли государя хотѣлъ спасать его, вѣру, отечество; онъ смотрѣлъ на это какъ на подвигъ. «Надлежало мнѣ,—говоритъ онъ,—или уступить обстоятельствамъ или безуспѣшно и со вредомъ себѣ противоборствовать онымъ. *Я избралъ послѣднее»*. Онъ только сожалѣлъ о нерѣшительности государя, которая не поддерживала его. «Возмущенія, происходившія въ Гишпаніи, въ Неаполѣ и пребываніе государя въ Австріи перемѣнили во многомъ образъ мыслей его,—пишетъ Шишковъ,—онъ пересталъ помышлять о дарованіи вольности народу, о соединеніи всѣхъ вѣръ, о новой философіи подъ именемъ высокихъ таинствъ, разрушившей всѣ связи обществъ и о другихъ подобныхъ сему мечтаніяхъ. Случай, подавшій поводъ къ перемѣнѣ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, казалось, открылъ ему злонамѣренность тѣхъ правилъ, которымъ доселѣ послѣдовалъ онъ съ такою ревностію. Благосклонное вниманіе его ко всѣмъ моимъ представленіямъ и кроткое выслушиваніе смѣлыхъ моихъ вопіяній противъ учрежденій и

Digitized by Google

книгъ, имъ самимъ вводимыхъ и одобряемыхъ, подавали мнѣ надежду, что, поддерживаемый силою гласа и твердостію воли его, могу я благоуспѣшнѣе дѣйствовать, исторгая сѣмена лжеученій и препятствуя выростать имъ. Но вскорѣ увидѣлъ я, что всѣ мои надежды были тщетны. Привязанность или какъ бы нѣкая страсть его къ прежнимъ своимъ дѣяніямъ и образу мыслей, не взирая на силу опытовъ и убѣжденій, не могла въ немъ истребиться, такъ что, казалось, онъ самъ съ собою борясь, увлекался поперемѣнно то тѣми, то другими мыслями. Очевидность доказательствъ и сильныя мои настоянія принуждали его соглашаться на предпріемлемыя мною мѣры, но онъ *разрушалъ ихъ тайнымъ образомъ*».

Такъ Шишковъ смотрѣлъ на государя.

«Мудрено ли, — замѣчаетъ онъ, — что многіе смотрѣли на меня, какъ на человѣка страннаго, хотящаго ладонью своей руки остановить быстрое теченіе потока». До него доходили слухи, что его противники называютъ его *инквизиторомъ*, что, кажется, нѣсколько его огорчило, но, обратившись къ *словопроизводству*, онъ скоро нашелъ въ немъ успокоеніе. «Что значитъ слово *инквизиція*? спрашиваетъ онъ:—оно собственно значитъ *розыскъ*,—но какой?—Ни казни, ни мученія, ибо сихъ никто не требуетъ; но просто розысканіе или изслѣдованіе актовъ, изъ коихъ бы можно было увидѣть, какое въ нихъ скрывается намѣреніе—худое или доброе. Вотъ что называютъ они инквизиціею! Но если сіе изслѣдованіе, которому они даютъ толь ненавистное имя, кажется имъ такъ страшнымъ, то стало быть дѣла ихъ нечисты, и если не хотятъ, чтобъ открыты были тайныя ихъ пружины, то стало быть, хотятъ, чтобъ оныя не прежде были примѣчены, какъ тогда, когда уже всѣ предпринимаемыя противъ нихъ мѣры будутъ поздны и безуспѣшны».

Многіе въ это время осуждали Шишкова за то, что онъ не только не удалилъ изъ министерства Магницкаго, но еще поддался его вліянію и позволялъ ему распоряжаться по-прежнему. Шишковъ, конечно, не могъ не знать, какъ ненавистенъ былъ Магницкій въ петербургскомъ обществѣ, но онъ хорошо понималъ и силу его у Аракчеева, понималъ, что ослабить его вліяніе безъ борьбы невозможно, а чѣмъ оно могло кончиться, было еще загадачно. Семидесятилѣтній старикъ могъ еще воевать перомъ, но въ жизни его лѣта требовали покоя. Притомъ же Магницкій раздѣлялъ его взгляды и могъ быть противенъ ему только своимъ двоедушіемъ, но объ этомъ его качествѣ министръ,

Digitized by Google

какъ видно, мало зналъ. Судя по разсказамъ Панаева [1]), Шишковъ каждый разъ отклонялъ разговоръ, какъ скоро онъ касался Магницкаго. Это служило подтвержденіемъ Панаеву, что вліяніе Магницкаго было очень сильно, и что Шишковъ передъ нимъ чувствовалъ себя безсильнымъ. Но тутъ можно видѣть и другое: Шишковъ зналъ, что лица, заводившія съ нимъ рѣчь о Магницкомъ, ненавидѣли любимца Аракчеева за казанскій университетъ и за пострадавшихъ петербургскихъ профессоровъ, и, слѣдовательно, не могли къ нему относиться безпристрастно. Какъ бы то ни было, Шишковъ терпѣлъ его, хотя и называлъ страннымъ человѣкомъ, даже фанатикомъ, но не соглашался считать его *чернымъ человѣкомъ*. Много усилій стоило врагамъ Магницкаго открыть на него глаза Шишкова. Разскажу объ этомъ по *воспоминаніямъ* Панаева, который служилъ въ это время у Шишкова и составлялъ заговоръ противъ Магницкаго. Сперанскій, бывшій другъ Магницкаго, а потомъ глубоко презиравшій его, навелъ Панаева на мысль соединиться нѣсколькимъ порядочнымъ людямъ, близкимъ къ Шишкову, и раскрыть передъ нимъ зло, которое онъ терпитъ. При этомъ Сперанскій называлъ Магницкаго «государственнымъ злодѣемъ, который стоитъ подлѣ почтеннаго старца Шишкова и препятствуетъ уважать его, какъ бы слѣдовало». Эти слова Панаевъ принялъ къ сердцу и уговорилъ директора департамента народнаго просвѣщенія Языкова и правителя канцеляріи министра князя П. Ширинскаго-Шихматова соединиться и избавить министерство отъ человѣка, который кладетъ на него пятно, и который опуталъ добраго старика-министра своими сѣтями.

Въ это самое время Магницкій, разорившій два университета, задумывалъ сдѣлать то же и съ третьимъ. Онъ донесъ министру о дурномъ направленіи преподаванія въ Дерптскомъ университетѣ, о господствующемъ тамъ либерализмѣ и слабомъ управленіи, и настаивалъ довести о томъ до свѣдѣнія императора. Конечно, онъ разсчитывалъ, что его пошлютъ для слѣдствія, а онъ постарается сдѣлать привычное ему подлое дѣло. Но государь приказалъ самому министру осмотрѣть университетъ. Ничего подобнаго, о чемъ доносилъ Магницкій, не оказалось. Шишковъ возвратился въ Петербургъ очень довольный и сообщилъ о томъ государю. Этимъ воспользовались сговорившіеся чиновники Шишкова и стали раскрывать передъ нимъ прежніе подвиги Магницкаго: при князѣ Голицынѣ онъ былъ ревностнымъ по-

[1]) Воспомин. Панаева—„Вѣстникъ Европы", 1867 г.; декабрь.

Digitized by Google

кровителемъ библейскихъ обществъ, и распространялъ ихъ силой въ обширномъ казанскомъ округѣ, требуя, чтобы каждый вступающій студентъ имѣлъ при себѣ библію и новый завѣтъ съ переводомъ на русскій языкъ и псалтырь по-русски, а какъ скоро почуялъ намѣреніе закрыть эти общества, началъ ихъ преслѣдовать и проч. Шишковъ все это выслушивалъ, иногда даже со смѣхомъ, но продолжалъ свою сдержанность. Скоро представился другой случай. Магницкій узнаетъ, что изъ пострадавшихъ петербургскихъ профессоровъ Германнъ опредѣленъ императрицей Маріей Ѳедоровной въ должность инспектора классовъ въ Смольномъ монастырѣ, а Арсеньевъ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ въ преподаватели инженернаго училища. Объ этомъ Магницкій написалъ отношеніе къ министру, вставивъ такую фразу: «правительство изгоняетъ вредныхъ профессоровъ, а члены императорской фамиліи даютъ имъ мѣста», и при этомъ требовалъ донести о томъ государю. Вѣроятно, онъ разсчитывалъ подвести такимъ поступкомъ самого недальновиднаго Шишкова, имѣя въ виду занять его мѣсто. Воспользовавшись этимъ, Панаевъ возбуждалъ Шишкова противъ дерзкаго доносчика, но Шишковъ ограничился только тѣмъ, что не далъ хода доносу.

Магницкій не унялся и грозился лично доложить о томъ государю, если министръ отказывается. «Это уже взяло старика за живое,—говоритъ Панаевъ: — онъ велѣлъ ему отвѣчать, что не его, министра, дѣло входить въ распоряженія членовъ императорской фамиліи по ихъ учебнымъ заведеніямъ и что если онъ, Магницкій, напишетъ ему третью такую бумагу, то онъ доложитъ государю объ его дерзости».

Настроивъ министра противъ Магницкаго, трое заговорщиковъ уговорили его дать имъ предписаніе разобрать критически ревизію казанскаго университета, произведенную Магницкимъ, и потомъ разсмотрѣть дѣйствія его въ качествѣ попечителя учебнаго округа. Пока готовилась эта работа, въ министерствѣ сдѣлано было новое распоряженіе, чтобы выжить изъ Петербурга казанскаго попечителя, который уже шесть лѣтъ не заглядывалъ въ Казань: онъ жилъ въ столицѣ, пользуясь своимъ званіемъ члена главнаго правленія училищъ. Было послано циркулярное предложеніе попечителямъ—оставаться всегда при своихъ округахъ. Магницкій справедливо принялъ это предписаніе за вызовъ, обращенный къ его личности, такъ какъ всѣ другіе попечители и безъ того жили въ своихъ округахъ. Онъ поспѣшилъ къ Аракчееву, который посовѣтовалъ ему исполнить на первый разъ волю начальства, а тамъ можно будетъ все передѣлать. Магницкій

Digitized by Google

отправился въ Казань, даже не явившись къ министру, который былъ очень раздраженъ такимъ его поступкомъ. Непріятели Магницкаго воспользовались новымъ случаемъ, стали говорить Шишкову, что, наконецъ, и онъ дождется того же, чего дождался князь Голицынъ: его портретъ былъ вынесенъ изъ конференцъ-зала казанскаго университета по приказанію Магницкаго, несмотря на то, что онъ самъ когда-то хлопоталъ о подпискѣ со всего округа для написанія этого же самаго портрета. Шишковъ припомнилъ, что за нѣсколько мѣсяцевъ Магницкій дѣйствительно приходилъ къ нему съ живописцемъ, чтобы списать и съ него портретъ для казанскаго университета. Теперь онъ могъ убѣдиться, что за человѣкъ былъ тотъ, противъ кого его предостерегали еще въ самый день назначенія его въ министры. Поведеніе Магницкаго все болѣе и болѣе раздражало его. Изъ Казани писали, что попечитель называетъ министра *старымъ дуракомъ*, ждетъ только его смерти, чтобы свернуть головы своимъ врагамъ. Письмо было показано Шишкову, и тогда старикъ уже рѣшился дѣйствовать, лишь только возвратится государь изъ Таганрога. Магницкій, не предвидя ничего, воспользовался злосчастной смертью Аракчеевской любовницы и прискакалъ утѣшать своего покровителя. Вскорѣ затѣмъ пришло извѣстіе о смерти Александра Павловича, но это только ускорило паденіе, которое самъ себѣ приготовилъ Магницкій. Уже безъ всякаго повода со стороны Шишкова, онъ былъ высланъ изъ Петербурга какъ человѣкъ дерзкій и вредный. Случай избавилъ Шишкова отъ Магницкаго.

Кончина императора сильно опечалила Шишкова: онъ дѣйствительно любилъ государя и готовъ былъ для него пожертвовать всѣмъ, безкорыстно служилъ ему; но со службой онъ соединялъ и мысль о правдѣ, измѣнить которой онъ не рѣшился бы ни за какія царскія милости; онъ боялся царскаго гнѣва, но за правду готовъ былъ принять и его. И если слова Шишкова не имѣли большой силы у государя, то не потому, чтобы царь не любилъ правды, а потому, что не все было правдой, что принималъ за правду воспаленное воображеніе Шишкова. «Сопровождая гробъ его,—писалъ Шишковъ,—не могъ я, при всемъ холодѣ моей старости, воздержаться, чтобы не воздохнуть о немъ слѣдующими стихами:

Тебя, монархъ, не столь еще въ годинѣ давной,
Воююща въ войнѣ преславной,
Повсюду я сопровождалъ,
И гласъ твоихъ велѣній сильныхъ,
И громъ побѣдъ твоихъ предивныхъ
Народамъ возвѣщалъ.

Digitized by Google

А днесь... о, что сказать дерзаю!
Останки тлѣнные твои
(Теките слезъ ручьи)
Въ могилу темную сопровождаю!
Создатель неба и земли,
Моленью нашему внемли:
Разставшись съ жизнію земною,
Да будетъ онъ съ Тобою!

13 декабря Шишковъ присягнулъ новому императору Николаю Павловичу; а на другой день утромъ его сильно встревожила вѣсть о бунтѣ на Исакіевской площади. «Я рѣшился было,—разсказываетъ онъ,—несмотря на головную боль, черезъ силу ѣхать во дворецъ; но мнѣ сказали, что по причинѣ великаго стеченія людей, проѣхать будетъ трудно». Въ страхѣ онъ долженъ былъ остаться дома и узнавать отъ своихъ чиновниковъ о происходящемъ. Одинъ изъ нихъ, Сербиновичъ, весь день не отходилъ отъ него и занесъ въ свои записки тѣ вѣсти, которыя приходили къ нимъ [1]). «Я ночую въ спальнѣ у министра,—заключаетъ онъ описаніе этого дня,—племянникъ его и три чиновника въ залѣ, на коврѣ». Подъ такой охраной напуганный старикъ разсуждалъ о совершившемся печальномъ событіи. «Все это плоды тѣхъ зловредныхъ дѣйствій и книгъ, противъ которыхъ я безполезно вооружался». Но ни ему, ни другимъ, дѣйствовавшимъ въ его духѣ, не приходила, конечно, мысль, что и они бросали сѣмена, изъ которыхъ выросли эти плоды. Они не могли понять, что своими стѣснительными крайностями вызывали другія, противоположныя крайности, которыя развивались въ тайнѣ и должны были принимать своеобразныя и преступныя формы, вырываясь наружу. Они не понимали, что, стараясь насильственно подавлять силы ума, они заставляютъ ихъ принять неправильное и незаконное направленіе. Ничего бы этого не было, если бы ими лучше понималось истинное отношеніе власти къ умственной жизни общества, если бы они насильственно не связывали внутреннюю жизнь его съ явленіями западной жизни, если бы не смѣшивали вольнодумство съ наукою, если бы сами разумнѣе относились къ жизни. Они только стерегли русское общество отъ вліянія западныхъ идей и новой науки, ждали возмущенія оттуда, откуда оно не могло быть, и не подозрѣвали, что не западныя идеи возмущали образованное общество, а Аракчеевы, Магницкіе и имъ подобные, оскорблявшіе и здравый смыслъ и нравственное чувство. Шишковъ ни въ чемъ не винилъ себя, но въ оправданіе ему и дру-

[1]) Воспоминанія Сербиновича, „Русск. Старина", 1874 г., т. III.

Digitized by Google

гимъ можно сказать: не вѣдали, что творили. А историческій законъ все же оставался неизмѣннымъ.

Получивъ новое доказательство въ правотѣ своихъ мнѣній и внушеній, которыя дѣлались покойному императору, Шишковъ въ первый разъ явился къ Николаю Павловичу съ докладами 24 декабря. «Никогда не имѣлъ я прежде случая бывать у него,— говоритъ Шишковъ,—или съ нимъ бесѣдовать; онъ принялъ меня весьма милостиво. Ободренный симъ, сказалъ я ему: Государь, позвольте мнѣ напередъ доложить вамъ о себѣ самомъ; ни я, ни служба моя, ни образъ мыслей моихъ, ни сношенія мои съ покойнымъ императоромъ по дѣламъ весьма немаловажнымъ, вамъ неизвѣстны; а потому и почитаю я за должное вашему величеству, при вступленіи вашемъ на престолъ, обо всемъ оному донести, дабы имѣли вы полное о томъ свѣдѣніе»... Государь согласился его выслушать, и онъ разсказалъ о своей службѣ при Александрѣ Павловичѣ, въ особенности о 1812 г. и о томъ, какъ императоръ, благодаря его убѣжденіямъ, рѣшился оставить свое предводительство надъ арміею и отправился въ Москву — это Шишковъ всегда ставилъ себѣ въ подвигъ. «На многіе еще вопросы мои,—замѣчаетъ Шишковъ,—о приключеніяхъ, происходившихъ отъ опасныхъ и вредныхъ толкованій о вѣрѣ и правительствѣ, отзывался онъ, что не имѣлъ никакихъ о томъ свѣдѣній». Чтобы познакомить его со всѣмъ этимъ, министръ передалъ ему всѣ свои письма къ Александру Павловичу и къ Аракчееву, съ содержаніемъ которыхъ мы уже знакомы. Читалъ ли ихъ Николай Павловичъ, мы не знаемъ; но на этотъ разъ ограничился приказаніемъ составить новый цензурный уставъ. Затѣмъ Шишковъ приступилъ къ литературному изложенію своихъ мыслей и по отношенію къ новому императору. Такъ какъ дѣло Попова не было еще кончено и должно было поступить на разрѣшеніе государя, то Шишковъ поспѣшилъ написать къ нему письмо, изложивъ все дѣло съ своей точки зрѣнія и съ обыкновенными своими опасеніями за вѣру и государство, и опираясь на недавнія прискорбныя событія. Но не помогло ему и на этотъ разъ краснорѣчивое его описаніе. По собственному его признанію, письмо его не имѣло успѣха: «Поповъ былъ оправданъ и награжденъ; а Муравьевъ-Апостолъ, по желанію его, былъ отпущенъ въ чужіе краи». Въ это время на глазахъ Шишкова возвышались лица, которыхъ онъ еще недавно считалъ вредными по ихъ новымъ идеямъ, чуть не злонамѣренными, и изъ которыхъ иные были его литературными врагами, удачно отражали его нападки и въ то же время выводили его собственныя заблужде-

Digitized by Google

нія: Дашковъ и Блудовъ, по указанію Карамзина, назначены въ статсъ-секретари, князь Голицынъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго. Карамзинъ, хотя и отказался отъ всякихъ почетныхъ должностей, но безпрестанно бывалъ у государя и бесѣдовалъ съ нимъ. Шишковъ могъ понять, что бороться съ тѣми идеями, которыя онъ называлъ новыми, было ему очень трудно; но онъ еще чувствовалъ силу въ своихъ рукахъ: ему приказано было поспѣшить новымъ цензурнымъ уставомъ. Это дѣло онъ поручилъ директору своей канцеляріи, князю Ширинскому-Шихматову, къ которому уже давно имѣлъ особенное довѣріе, представивъ его государю какъ человѣка благоразумнаго и усерднаго къ пользамъ престола и отечества. Работать князю не пришлось долго: въ главномъ правленіи училищъ уже лежалъ готовый уставъ, составленный Магницкимъ въ компаніи съ Руничемъ въ 1823 г. По инструкціи министра, нужно было сообразоваться со всѣми бывшими нашими и иностранными уставами, извлечь изъ нихъ «нужнѣйшія, лучшія, приноровленныя къ обстоятельствамъ времени правила, въ которыхъ бы, не стѣсняя ни малѣйше талантовъ писателей, заграждались пути къ покушеніямъ вводить хитрыя и часто распещренныя цвѣтами злонамѣренныя сочиненія».

Но не помогли ни иностранные уставы, ни искреннее желаніе министра нималѣйше не стѣснять талантовъ писателей, изъ рукъ его вышелъ, какъ называли, *чугунный* уставъ. Ему недоставало просвѣщеннаго взгляда на литературу, на науку, на правильное отношеніе литературы и науки къ началамъ государственнымъ и общественнымъ; въ немъ господствовалъ одинъ строгій полицейскій взглядъ на произведенія ума. Въ немъ запрещали цѣлые отдѣлы наукъ, какъ, напр., философія, политика, геологія, всякое разсужденіе, гдѣ авторъ отъ разсмотрѣнія природы восходилъ мыслію къ божеству; запрещалось все, что̀ могло показаться противнымъ какому бы то ни было правительству или вѣроисповѣданію. Кромѣ этого, самъ авторъ еще подвергался тяжелой отвѣтственности какъ за пропущенное цензурою, такъ и за представленное въ рукописи сочиненіе, если бы оказалось въ немъ что-либо предосудительное.

Съ цензурою соединялась и критика, которая должна была опредѣлять *безпристрастіе* автора и чистоту русскаго языка. Каждая статья устава обсуживалась подробно министромъ и его директоромъ, и по сознанію перваго нѣкоторыя статьи нужно было внести для удержанія неблагонамѣренныхъ писателей отъ покушеній *проходить черезъ цензуру хитрымъ прикрытіемъ вредныхъ своихъ мыслей.*

Digitized by Google

Этотъ уставъ былъ утвержденъ государемъ 10 іюня 1826 г. Раздался общій голосъ противъ строгости новой цензуры; говорили, что по такому уставу можно и «Отче нашъ» перетолковать якобинскимъ нарѣчіемъ: русской наукѣ и литературѣ приходилось зачахнуть. Одному только Шишкову казалось, что уставъ строгъ лишь для вольнодумцевъ, а что благонамѣренныхъ писателей онъ нисколько не стѣсняетъ.

Въ это же время Шишковъ былъ членомъ верховнаго суда надъ декабристами. Но по болѣзни онъ не могъ постоянно присутствовать въ судебныхъ засѣданіяхъ. Однако же онъ и здѣсь подалъ свое особенное мнѣніе, которое было въ пользу преступниковъ. Большинство голосовъ опредѣляло ту или другую казнь каждому изъ осужденныхъ. Болѣзнь помѣшала Шишкову присутствовать въ тѣхъ засѣданіяхъ, когда подавались голоса; но онъ находилъ, что исчисленіе большинства голосовъ производилось неправильно. Вотъ какъ онъ представляетъ это дѣло: «Полагая, что изъ 70 человѣкъ присутствующихъ членовъ:

4 члена осуждаютъ на смерть,
24 „ на вѣчное заточеніе,
10 „ „ 20-лѣтнее „
15 „ „ 12 „ „
11 „ „ 10 „ „
6 „ „ 8 „ „

по симъ голосамъ сочтено за большинство оныхъ число 24, яко превосходнѣйшее противу всѣхъ прочихъ, взятыхъ порознь, и потому рѣшено, что подсудимый приговоренъ къ вѣчному заточенію. Но сей счетъ невѣренъ и ошибоченъ. Надлежитъ расчислять слѣдующимъ образомъ:

4 члена осуждаютъ на отнятіе жизни;
66 членовъ присуждаютъ сохранить жизнь.

Слѣдовательно, большинство голосовъ состоитъ изъ 66 противъ 4. Изъ сихъ 66 голосовъ, остающихся еще судіями:

24 осуждаютъ на вѣчное заточеніе,
42 „ „ временное „

24 голоса отвергаются, остается 42, по коимъ подсудимый приговоренъ къ заточенію временному. Изъ сихъ 42 голосовъ:

10 осуждаютъ на 20 лѣтнее заключеніе
15 „ „ 12 „ „
11 „ „ 10 „ „
6 „ „ 8 „ „

Digitized by Google

Ежели и здѣсь изъ сихъ четырехъ раздѣленій взять за большинство голосовъ 15, яко превосходнѣйшее, то и въ этомъ не будетъ точной справедливости; ибо хотя оно превышаетъ всѣ другія числа, но также превышаетъ только каждое изъ нихъ поровнь, а не всѣ вмѣстѣ. Между тѣмъ всѣ они совокупно составляютъ число 27, и всѣ вообще говорятъ не то, что̀ утверждаютъ 15 членовъ; а потому большинство голосовъ долженствовало бы быть на ихъ сторонѣ; но какъ и они, т.-е. всѣ три раздѣленія несогласны между собою, и каждое изъ нихъ опредѣляетъ разное число лѣтъ, то и оныя не могутъ составлять большинства голосовъ. Въ такомъ случаѣ для соблюденія точнаго вывода надлежитъ взять въ разсужденіе голосъ каждаго члена. Сей выводъ достовѣрнѣйшимъ образомъ извлечется слѣдующимъ расчисленіемъ:

Каждый	изъ	10	членовъ	осуждаетъ	на	20	лѣтъ,	выходитъ 200
„	„	15	„	„	„	12	„	„ 180
„	„	11	„	„	„	10	„	„ 110
„	„	6	„	„	„	8	„	„ 48

«Такимъ образомъ, слагая сіи числа, будетъ 42 и 538, изъ коихъ, раздѣляя второе на первое, $42:538 = 12^{17}/_{21}$, выйдетъ, что по среднему числу каждый изъ 42 членовъ приговариваетъ подсудимаго къ заточенію на $12^{17}/_{21}$, т.-е. почти на 13 лѣтъ, а не на вѣчное, какъ выходило по-прежнему расчисленію. Только не малая разность въ приговорахъ, опредѣляющихъ участь человѣческую, не можетъ быть оставлена безъ обращенія на то правосуднаго вниманія.»

Нельзя было найти врага бо́льшаго, какъ Шишковъ, всѣмъ, по его мнѣнію, нарушителямъ общественнаго порядка, но чувство строгой справедливости въ немъ постоянно подавало громкій голосъ. Онъ былъ собственно врагомъ того, что̀ онъ считалъ зломъ, и хотѣлъ, чтобы оно было подавлено, но противъ самыхъ личностей у него не было злобы; его сердце скорѣе говорило за нихъ. Вотъ это-то высокое нравственное чувство и очищаетъ его личность, которая, несмотря на его крайніе и отсталые взгляды, привлекала къ себѣ всѣхъ, кто близко зналъ его даже изъ молодого поколѣнія, хотя они и не раздѣляли его образа мыслей.

Записка Шишкова была прочитана въ общемъ собраніи верховнаго суда; нѣкоторые согласились съ нимъ; но такъ какъ дѣло было уже кончено, то дѣлать новое перечисленіе голосовъ оказалось неудобнымъ. Но на такомъ отказѣ Шишковъ не успокоился. Гдѣ былъ вопросъ о справедливости, тамъ у него не было страха. Онъ не побоялся послать свою записку къ импе-

Digitized by Google

ратору, но, по его замѣчанію, «на оную не послѣдовало никакого отвѣта».

Въ слѣдующемъ году Шишкову пришлось еще разъ вступить въ борьбу съ своими противниками. Императоръ приказалъ министру внутреннихъ дѣлъ составить особый комитетъ и поручить ему написать уставъ для цензуры иностранныхъ книгъ. При этомъ позволялось не стѣсняться уставомъ внутренней цензуры, а, напротивъ, подвергнуть и его подробному разсмотрѣнію, несмотря на недавнее его обнародованіе. Въ новый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Ланскаго, былъ назначенъ и Шишковъ, а главнымъ редакторомъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Дашковъ. Пришлось, наконецъ, встрѣтиться двумъ литературнымъ противникамъ. Шишковъ все еще продолжалъ смотрѣть на Дашкова свысока. Онъ не признавалъ себя побѣжденнымъ въ старинномъ спорѣ о слогѣ и думалъ, что его слабыя выраженія противъ основательной критики Дашкова достаточно доказали ея нелѣпость. Дашковъ съ своей стороны также не совсѣмъ жаловалъ Шишкова. Ему было даже досадно, что Карамзинъ сдѣлался товарищемъ Шишкова по Россійской академіи. Еще въ 1819 году онъ писалъ И. И. Дмитріеву изъ Турціи: «Вяземскій изъ Варшавы горько жалуется на критиковъ Карамзина и еще, кажется, на его вступленіе въ Академію. Признаюсь—вамъ однимъ—что я несовсѣмъ далекъ отъ сего мнѣнія. Отложимъ отъ академическаго списка нѣсколько именъ истинно почтенныхъ и славныхъ, кто изъ *истыхъ* членовъ (отличился) заслугами и литературнымъ характеромъ? Какая будущая польза могла въ глазахъ Н. Мих. (Карамзина) привести въ забвеніе его обиду, *обиду всей нашей словесности?* Принимая позднее его избраніе въ самомъ снисходительномъ смыслѣ, не значитъ ли оно, что Н. М. до изданія русской исторіи не написалъ ничего дѣльнаго, ничего достойнаго сравниться съ безсмертными трудами Поспѣлова, Гнѣдича, Муравьева, Оленина и Богъ знаетъ кого еще. Грѣшно намъ открывать, по библейскому выраженію, *наготу* отца, но, право, многимъ пламеннымъ почитателямъ Карамзина пріятнѣе было бы думать, что будущіе достойные академики скажутъ: rien ne manque à sa gloire, il manquait à la nôtre, нежели видѣть его теперь крестникомъ Шишкова» [1]).

Понятно, что встрѣча съ такимъ человѣкомъ, какъ Дашковъ, въ одномъ комитетѣ старику не могла быть пріятна, особенно когда Дашковъ сталъ дѣлать вѣскія замѣчанія противъ многихъ

[1]) „Русск. Арх.“, 1868 г., № 4. Письма къ И. И. Дмитріеву.

Digitized by Google

статей Шишковскаго устава. Это уже онъ принялъ за личное оскорбленіе, по-прежнему приписывалъ все вольнодумству, и даже подозрѣвалъ личную противъ себя злобу. Критика устава казалась ему не иначе какъ *скудоумною*. Конечно, безъ возраженій онъ не могъ оставить ее и написалъ ихъ цѣлую тетрадь. Въ свою очередь Дашковъ, поддерживаемый прочими членами, опровергалъ раздраженнаго старца, и завязалась полемика. «Она была весьма полезна,—говоритъ въ своихъ запискахъ [1]) князь Одоевскій,—ибо дала поводъ къ разъясненію разныхъ вопросовъ о цензурѣ, а равно и разныхъ мнѣній или, лучше сказать, фразъ, считавшихся по привычкѣ за непреложную истину, и вошедшихъ въ правительственныя распоряженія и даже въ законы изъ источниковъ самыхъ противоположныхъ: изъ измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ и другихъ временныхъ скоропреходящихъ случайностей, изъ ученія библейскихъ обществъ, изъ мистическаго направленія, изъ личныхъ козней Магницкаго, изъ блестящихъ фразъ графа Ж. де-Местра и, наконецъ, даже изъ ученія іезуитовъ, которыхъ пребываніе въ Россіи и въ особенности воспитаніе, полученное у нихъ нѣкоторыми лицами, впослѣдствіи дѣйствовавшими на службѣ, не осталось безъ вліянія на понятія, имѣвшія тогда ходъ въ нашей правительственной сферѣ». Шишковъ видѣлъ, что его побѣждаютъ, что въ уставъ принимаются совсѣмъ другіе принципы, и почелъ за лучшее отказаться отъ комитета, изложивъ въ письмѣ къ государю жалобы на свое неловкое положеніе и боязнь за будущее народное спокойствіе, когда новый уставъ будетъ допускать сѣять сѣмена нечестія и разврата. Но, къ крайнему прискорбію Шишкова и къ общей радости всѣхъ людей науки и литературы, новый уставъ былъ утвержденъ въ 1828 г. Старый министръ долженъ былъ понять, что время его прошло совершенно.

Въ это же время Шишковъ предсѣдательствовалъ въ другомъ комитетѣ, который былъ составленъ въ 1826 г. 14 мая по приказанію императора, съ цѣлью написать новые уставы для всѣхъ учебныхъ заведеній въ имперіи, выработавъ опредѣленную систему общественнаго образованія. При немъ состоялъ еще подкомитетъ изъ академиковъ и профессоровъ, которые должны были составить учебныя программы и опредѣлить обязательные учебники. Комитетъ составляли слѣдующія лица: гр. Ламбертъ, гр. Сиверсъ, Сперанскій, Уваровъ, Шторхъ, гр. Строгановъ, Перовскій.

Въ первомъ засѣданіи Шишковъ прочиталъ свою обширную

[1]) „Русск. Арх." 1874 г.

Digitized by Google

записку о преобразованіи учебныхъ заведеній. Онъ указывалъ на многія причины ихъ упадка. Одна изъ главныхъ, по его мнѣнію, было «несовершенство уставовъ, въ которыхъ упущена изъ виду главнѣйшая цѣль народнаго просвѣщенія — образованіе, приспособленное къ потребностямъ разныхъ состояній». Къ этому министръ прибавляетъ и недостатокъ общаго и частнаго надзора надъ учебными заведеніями. «Я нашелъ, — говоритъ онъ, — что нѣкоторые попечители по три и даже по шести лѣтъ (какъ, напр., Магницкій) не бывали во ввѣренныхъ имъ округахъ». Къ причинамъ упадка университетовъ министръ отнесъ «дарованіе нѣкоторымъ заведеніямъ преимуществъ, превосходящихъ тѣ, какими пользовались университеты; такъ, въ царскосельскомъ и ришельевскомъ лицеяхъ, въ благородныхъ университетскихъ пансіонахъ можно было пріобрѣсть 9-й классъ съ половиною учености, требующейся для полученія ученыхъ степеней, соотвѣтствующихъ симъ классамъ». Шишковъ винитъ правительство въ томъ, что большинство молодыхъ дворянъ не оканчиваетъ курса не только въ гимназіяхъ, даже въ уѣздныхъ училищахъ. «Большая часть людей, — пишетъ онъ, — увлекается ближайшими къ нимъ выгодами преимущественно предъ отдаленными, хотя бы то было и большими. Отецъ хочетъ видѣть сына своего скорѣе пристроеннымъ къ какому бы то ни было мѣсту, съ нѣкоторымъ званіемъ въ обществѣ, и гораздо скорѣе и надежнѣе достигаетъ сего, не обучая его ничему, кромѣ первоначальныхъ свѣдѣній, въ приходскомъ училищѣ преподаваемыхъ. Молодаго человѣка съ столь ограниченнымъ образованіемъ стоитъ только записать въ какое-либо присутственное мѣсто канцеляристомъ и чрезъ три года онъ будетъ офицеромъ. Для чего же потеряетъ онъ пять или шесть лѣтъ на обученіе въ уѣздномъ училищѣ или гимназіи?»

Помѣхою для успѣшнаго развитія учебныхъ заведеній Шишковъ считалъ и ограниченность суммъ, опредѣленныхъ на училища и скудость содержанія, назначеннаго для всего педагогическаго персонала: «оно не только не обезпечиваетъ людей семейныхъ, но и для холостыхъ крайне недостаточно».

Для того, чтобы поднять заведенія и привлекать въ нихъ большее число учениковъ, министръ предлагалъ установить званіе почетныхъ попечителей гимназій, которые бы покровительствовали заведенію, имѣли бы надъ нимъ постоянный надзоръ и содѣйствовали бы умноженію суммъ пожертвованіями; а кончившимъ съ похвалою курсъ наукъ въ гимназіи и удостоеннымъ одобрительныхъ свидѣтельствъ давать право на полученіе 14-го класса черезъ шесть мѣсяцевъ по вступленіи въ гражданскую службу,

Digitized by Google

если они усердіемъ и способностями успѣютъ пріобрѣсть вниманіе начальства. Наконецъ, онъ предлагалъ для дворянъ учредить особые пансіоны при гимназіяхъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ. Не прочь былъ министръ употребить и насиліе, чтобы заставить оканчивать полный курсъ въ училищѣ. «Всякаго состоянія родителей,—говорилъ онъ въ своей запискѣ,—представляющихъ дѣтей своихъ для обученія въ казенное заведеніе обязывать подписками, чтобы они прежде окончанія курса ученія въ тѣхъ заведеніяхъ не имѣли права отбирать дѣтей, кромѣ уважительныхъ случаевъ». Но сильно возставалъ министръ противъ частныхъ пансіоновъ и предлагалъ закрыть ихъ всѣ черезъ три года послѣ утвержденія новаго устава. «Частное или домашнее воспитаніе,—замѣчаетъ онъ,—должно быть терпимо, но одно только народное, общественное заслуживаетъ одобреніе правительства... Главнымъ и непремѣннымъ правиломъ считаю я наблюденіе, чтобы общественному воспитанію во всѣхъ частяхъ дано было такое направленіе, чтобы оно не изглаживало въ русскихъ характера народнаго, но чтобы улучшало и укрѣпляло оный. Главная цѣль учрежденія всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеній есть образованіе вѣрныхъ подданныхъ государя, просвѣщенныхъ и усердныхъ сыновъ церкви и отечества» [1]).

Эти общія фразы въ скоромъ времени болѣе опредѣлились тремя словами, которыя стали полагать въ основаніе всѣхъ оффиціальныхъ разсужденій о воспитаніи: православіе, самодержавіе и народность. Нельзя не замѣтить, что съ нѣкоторыми взглядами старца-Шишкова сошелся молодой поэтъ Пушкинъ, который представилъ, по желанію императора Николая, свое мнѣніе о народномъ воспитаніи 15-го ноября 1826 г. Мы имѣемъ основаніе даже думать, что Пушкину извѣстна была записка Шишкова. Онъ также стоитъ за общественное воспитаніе и хочетъ противопоставить его домашнему: «въ Россіи,—пишетъ онъ,—домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ-нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ немногимъ лучше. Здѣсь и тамъ оно

[1]) Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, Шмидта. Приложенія къ „Жур. Министерства Народнаго Просвѣщенія". 1877 г. Сентябрь.

Digitized by Google

кончается на шестьнадцатилѣтнемъ возрастѣ воспитанника. Нечего колебаться, во что бы то ни стало *подавить воспитаніе частное*... Молодой человѣкъ, не воспитанный въ государственномъ училищѣ, вступая въ службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ и не имѣетъ права требовать экзамена».

Точно также Пушкинъ затрогиваетъ вопросъ и о чинахъ: «Чины сдѣлались страстію русскаго народа. Въ другихъ земляхъ молодой человѣкъ кончаетъ курсъ ученія около 25-ти лѣтъ; у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе въ службу, ибо ему необходимо въ 30 лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безъ всякихъ основательныхъ познаній, безъ всякихъ положительныхъ правилъ: всякая мысль для него нова, всякая новость имѣетъ на него вліяніе. Онъ не въ состояніи ни повѣрить, ни возражать: онъ становится смѣлымъ приверженцемъ или жалкимъ повторителемъ перваго товарища, который хочетъ оказать надъ нимъ свое превосходство или сдѣлать изъ него свое орудіе». Пушкинъ совѣтуетъ извлечь нѣкоторую пользу изъ самаго злоупотребленія и представить чины цѣлію и достояніемъ просвѣщенія; вмѣстѣ съ этимъ увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства: «должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ. Онъ хотѣлъ бы продлить обыкновенный курсъ ученія въ среднихъ заведеніяхъ по крайней мѣрѣ еще на три года и по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ» [1]).

Въ комитетѣ устройства учебныхъ заведеній высказывали свои мнѣнія гр. Ламбертъ, князь Ливенъ, гр. Сиверсъ. Разногласіе между ними было примирено высочайшимъ рескриптомъ на имя Шишкова, гдѣ, между прочимъ, сказано: «Почитая народное воспитаніе однимъ изъ главнѣйшихъ основаній благосостоянія державъ, я желаю, чтобы для онаго были поставлены правила, вполнѣ соотвѣтствующія истиннымъ потребностямъ и положенію государства. Для сего необходимо, чтобы повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были по возможности соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый, вмѣстѣ съ здравыми для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи и, не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился

[1]) Девятнадцатый вѣкъ, Бартенева. 1872 г.

Digitized by Google

чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ, по обыкновенному теченію дѣлъ, ему суждено оставаться... Нахожу нужнымъ нынѣ же повелѣть, чтобы въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, казенныхъ и частныхъ, а равно въ гимназіяхъ и равныхъ съ ними принимались только люди свободныхъ состояній, не исключая и вольноотпущенныхъ»...

Этимъ же рескриптомъ дозволялось крѣпостнымъ и дворовымъ людямъ обучаться въ уѣздныхъ и приходскихъ школахъ.

Несмотря на желаніе императора, чтобы комитетъ какъ можно скорѣе кончилъ свои работы, онѣ затянулись слишкомъ на два года. «Я требую непремѣнно, чтобы дѣло шло поспѣшнѣе» [1]), писалъ Николай Павловичъ въ ноябрѣ 1827 года; но оно могло быть окончено только черезъ годъ при участіи новыхъ членовъ: Крузенштерна и Блудова. Новые уставы были обнародованы 8-го декабря 1828 г., когда Шишковъ уже не былъ министромъ.

Въ концѣ своей службы Шишкову пришлось встрѣтиться еще съ однимъ изъ своихъ прежнихъ литературныхъ враговъ, Блудовымъ, который въ юности былъ жаркимъ защитникомъ и поклонникомъ Карамзина и не щадилъ Шишкова ни въ критикѣ, ни въ остроумныхъ эпиграммахъ. Онъ былъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ иностранными исповѣданіями. Объ отношеніяхъ министра и его товарища Вигель въ своихъ запискахъ говоритъ слѣдующее [2]): «Совѣстливый Блудовъ щадилъ старость Шишкова, оказывалъ всевозможное уваженіе, старался заставить его забыть прежнія литературныя ссоры, прилежно вникая во всѣ дѣла министерства, но при несогласіи во мнѣніяхъ всегда искусно и осторожно склонялъ его на свою сторону, тогда какъ, въ силу данной ему инструкціи, онъ ежедневно могъ бы раздражать его. Впрочемъ, Шишковъ такъ ослабѣлъ, что при докладываніи ему бумагъ почти всегда засыпалъ».

Съ докладами къ государю являлся чаще Блудовъ, чѣмъ Шишковъ. Государь повидимому ждалъ, когда его министръ, сознавъ свою слабость, самъ подастъ въ отставку; но, не дождавшись, рѣшился наконецъ уволить его. Разсказываютъ, что, явившись къ государю съ докладомъ, Шишковъ долго не могъ отпереть ключомъ свой портфель, руки его отъ слабости дрожали, такъ что императоръ помогъ ему въ этомъ, вынулъ бумаги и самъ прочиталъ ихъ. Послѣ доклада онъ ласково сказалъ министру: Але-

[1]) Исторія среднихъ учебныхъ заведеній, Шмидта.

[2]) Записки Вигеля, часть 7-я.

Digitized by Google

ксандръ Семеновичъ, вы много и доблестно трудились, не пора ли вамъ и успокоиться? Къ этому онъ прибавилъ нѣсколько милостивыхъ словъ, выразивъ желаніе, чтобы Шишковъ продолжалъ присутствовать въ государственномъ совѣтѣ. На другой день министръ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Государь оставилъ его членомъ государственнаго совѣта и президентомъ Россійской академіи съ полнымъ министерскимъ содержаніемъ [1]).

XVI.

Характеристика Шишкова.—Второй бракъ.—Послѣдніе годы.

Оставляя свой министерскій постъ, Шишковъ былъ увѣренъ, что своими административными распоряженіями остановилъ вредное направленіе умовъ и подчинилъ духъ времени правительству; слѣдовательно, сдѣлалъ то, для чего, по его мнѣнію, онъ былъ призванъ императоромъ Александромъ. На это онъ указывалъ въ письмѣ къ императору Николаю. Онъ судилъ по бумажнымъ оффиціальнымъ отношеніямъ, которыя отвсюду къ нему присылались въ отвѣтъ на его распоряженія. Мы не скажемъ, чтобъ онъ выказалъ себя искуснымъ министромъ. Болѣе ораторъ, чѣмъ государственный человѣкъ, онъ слишкомъ вѣрилъ въ силу слова, и самъ нерѣдко поддавался льстивымъ словамъ разныхъ хитрецовъ и лицемѣровъ, которымъ нужно было прикидываться благочестивыми и благонамѣренными людьми. Но у него было постоянное стремленіе приближать къ себѣ людей дѣйствительно честныхъ и съ добрыми намѣреніями, и какъ онъ бывалъ радъ, если удавалось напасть на такого человѣка, и какъ привязывался къ нему. За то непріятное чувство производило въ немъ явное желаніе подчиненнаго поддѣлаться къ нему и выслужиться какою-либо выходкою. Такъ, извѣстный пріятель Магницкаго, Руничъ, отличившійся набѣгомъ на петербургскій университетъ, не надѣясь остаться попечителемъ петербургскаго учебнаго округа въ министерство Шишкова, всячески старался къ нему подбиться, и какъ мелкій человѣкъ употреблялъ и мелкія средства. Въ гимназіяхъ, напр., раздавались въ награду ученикамъ сочиненія Шишкова. Однажды министръ пріѣхалъ на актъ въ одну гимназію, и вздумалъ взглянуть на приготовленные подарки за благонравіе и отличные успѣхи въ наукахъ. Онъ видимо смутился,

[1]) Воспоминанія Пржецлавскаго, „Русск. Старина“, 1875.

Digitized by Google

замѣтивъ все свои собственныя сочиненія, конечно, изящно переплетенныя [1]). Но не спасло это Рунича, когда у него открылись безпорядки по хозяйственной части.

Отъ министерства народнаго просвѣщенія былъ командированъ молодой профессоръ Сенковскій на ревизію училищъ въ Бѣлорусскій край. Оттуда онъ доносилъ, что все найдено имъ въ наихудшемъ положеніи, и предлагалъ при этомъ коренныя преобразованія. Изъ одного уѣзднаго города онъ прислалъ эстафету въ собственныя руки министру Шишкову съ приложеніемъ отобранныхъ отъ учениковъ какихъ-то стишковъ, гдѣ смѣялись надъ слѣдствіемъ Новосильцева въ виленскомъ университетѣ. На эту депешу профессоръ много разсчитывалъ. Но министръ съ-сразу понялъ, къ чему клонились его доносы, и приказалъ написать ему выговоръ за то, что утруждаетъ начальство бездѣлицами, и Сенковскій былъ отозванъ въ Петербургъ [2]). Сражаться съ мальчиками за какіе-то пустые или нелѣпые стихи Шишкову казалось не дѣло уважающаго себя министра. Не удивительно, что онъ оставилъ хорошую память по себѣ во многихъ служившихъ у него честныхъ людяхъ.

Въ обществѣ Шишковъ и въ глубокой старости былъ интереснымъ собесѣдникомъ: съ одними онъ любилъ серьёзный споръ, другихъ занималъ забавными разсказами о прошедшихъ временахъ, какъ человѣкъ бывалый. Сербиновичъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что въ 1825 году, живя на дачѣ въ Царскомъ-Селѣ, Шишковъ часто посѣщалъ Карамзина, и хотя по своимъ убѣжденіямъ не могъ во многомъ съ нимъ согласиться, но его посѣщенія всегда были пріятны семейству историографа: добродушные его разсказы о временахъ императрицы Екатерины II и Павла были такъ увлекательны, что доставляли большое удовольствіе особенно молодымъ людямъ [3]). С. Т. Аксаковъ также съ пріятностью вспоминаетъ о бесѣдахъ съ Шишковымъ.

Въ 1825 году Шишковъ оплакалъ свою жену, Дарью Алексѣевну, съ которой прожилъ болѣе тридцати лѣтъ и которая охраняла его домашнее спокойствіе, хотя и часто на него ворчала. По увѣренію всѣхъ, это была прекрасная женщина, и потеря Шишкова была очень чувствительна. Императоръ Александръ прислалъ ему изъ Таганрога утѣшительное письмо, на которое Шишковъ отвѣчалъ жалобою, что изнуренныя старостію силы его

[1]) Изъ записокъ Греча, „Русск. Арх." 1871.
[2]) Калейдоскопъ воспоминаній, „Русск. Арх." 1872 г.
[3]) „Русск. Старина", 1874.

Digitized by Google

изнурены еще болѣе долговременнымъ страданіемъ и смертію жены. Понятно, какъ трудно было оставаться въ одиночествѣ старцу, привыкшему къ постоянному и самому внимательному уходу за собою. При его разсѣянности и забывчивости ему нужны были заботливый глазъ, заботливая рука, даже заботливый умъ, которые бы поддерживали всю прежнюю обстановку жизни, сдѣлавшуюся необходимою по его старческимъ привычкамъ. И вотъ, несмотря на свою дряхлость, онъ снова женится, чтобы имѣть при себѣ, по его собственному выраженію, няньку. Выборъ его палъ на вдову, Юлію Осиповну Лобаржевскую, которой было уже за сорокъ пять лѣтъ. Отецъ ея былъ генералъ Нарбутъ, а мужъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, послѣ отреченія отъ престола польскаго короля Станислава-Августа, послѣдовалъ за нимъ въ Петербургъ. Полька и католичка, она любила открытую жизнь въ свѣтскомъ обществѣ—условія, повидимому, не совсѣмъ согласныя съ требованіями и привычками Шишкова. Мы не можемъ сказать, что̀ собственно ихъ сблизило и соединило. Но понятно, что такой странный запоздалый бракъ долженъ былъ вызвать въ городѣ много толковъ. Разсказываютъ, что когда Шишковъ испрашивалъ у императора Николая Павловича позволенія на женитьбу, то государь пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ императрицу Александру Ѳедоровну и съ улыбкой представилъ ей маститаго жениха, какъ будущаго молодого [1]). Въ Юліи Осиповнѣ оставались еще слѣды прежней красоты, притомъ же она была умна, великосвѣтски образована, но едва ли замѣнила хилому старику его добрую и простую Дарью Алексѣевну. О второмъ бракѣ Шишкова остались разнорѣчивыя извѣстія: одни говорятъ, что онъ нашелъ въ женѣ хорошую хозяйку, преданную подругу, которая ухаживала за нимъ съ заботливостью сестры милосердія. Она всячески старалась ублажать старые годы мужа и доставлять ему удовольствія и развлеченія; по вечерамъ составляла ему партію въ любимый имъ вистъ [2]). Аксаковъ же въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ иначе: «Новая супруга наводнила домъ Шишкова людьми совсѣмъ другого рода, чѣмъ прежде, и я не могъ равнодушно видѣть достопочтеннаго Шишкова посреди разныхъ усачей, самонадѣянныхъ и заносчивыхъ, болтавшихъ всякій вздоръ и обращавшихся съ нимъ слишкомъ запросто. Хотя Шишковъ, повидимому, спокойно примирился съ новымъ своимъ положеніемъ, но смотрѣть на него было мнѣ

[1]) Воспоминанія Пржецлавскаго, „Русская Старина“, 1875 г.
[2]) Тамъ же.

Digitized by Google

слишкомъ тяжело... всѣ прежніе знакомые стали рѣдко къ нему ѣздить». Воейковъ, въ своей извѣстной сатирѣ «Домъ сумасшедшихъ», въ женскомъ отдѣленіи, такимъ образомъ рисуетъ г-жу Шишкову среди ея общества:

Вотъ Шишкова! Кто не слышалъ:
Въ женской юпкѣ гренадеръ,
За нее-то замужъ вышелъ
Нашъ столѣтній старовѣръ;
На старушкѣ токъ атласный,
Въ лентахъ, перьяхъ и цвѣтахъ,
Въ желтомъ платьѣ, поясъ красный
И въ пунсовыхъ башмакахъ.
Причтъ поповъ и полкъ гусаровъ...

Юлія Осиповна старалась сдѣлать свой домъ веселымъ и по воскресеньямъ устроивала вечера, на которые собирались молодые люди, преимущественно поляки, танцовать съ польками или играть въ карты съ хозяиномъ. Между ними попадались и темныя личности, которыя иногда втираются въ свѣтскіе салоны. Они пользовались страстью хозяина къ карточной игрѣ, вызывали его на игры азартныя, къ которымъ онъ былъ склоненъ еще въ молодости, и изъ которыхъ въ то время была въ ходу игра *палки* или *тентере*, и безсовѣстно обыгрывали старика [1]).

Между гостями привѣтливой хозяйки бывалъ и поэтъ Мицкевичъ, и даже увлекался какою-то молодой особой, дочерью сенатора и родственницей Шишкова и Кутузова. Но она была русская, и Мицкевичъ не допустилъ развиться своей страсти [2]).

По воскресеньямъ же бывалъ у Шишкова обязательный обѣдъ для его родственниковъ, которыхъ было много. Нѣкоторые изъ нихъ подолгу гостили въ его домѣ, а по словамъ Аксакова, въ послѣдніе годы за нимъ внимательно и нѣжно ухаживали двѣ его родныя племянницы. По словамъ же другихъ, въ домѣ Шишкова были двѣ партіи—жены и племянницы; одни изъ гостей были постоянными посѣтителями первой, другіе—второй. Вѣчныя ссоры двухъ хозяекъ много огорчали Шишкова [3]).

Обыкновенно послѣ обѣда Шишковъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ и укладывался на диванъ для отдохновенія, а наемная женщина принималась чесать его серебристую голову. Если съ

[1]) Калейдоскопъ воспоминаній, „Русск. Арх.“, 1872.
[2]) Тамъ же.
[3]) „Русск. Арх.“, 1878 г.—Изъ біографіи Сахарова.

Digitized by Google

нимъ обѣдалъ гость, то и его хозяинъ приглашалъ за собою и занималъ разсказами и анекдотами изъ своихъ воспоминаній, или вступалъ въ споръ о разныхъ предметахъ. Изъ современныхъ писателей онъ еще допускалъ Жуковскаго, но не любилъ Пушкина; болѣе же всѣхъ не терпѣлъ Греча и Булгарина. «Сѣверную Пчелу» онъ называлъ «Сѣвернымъ Жукомъ», и каждый разъ при чтеніи этой газеты сердился на иностранныя слова, которыя попадались тамъ. Иногда его сбивали съ толку, основываясь на его любимомъ положеніи, что всѣ языки происходятъ отъ славянскаго, а славянскій и русскій одинъ и тотъ же языкъ. Собесѣдникъ замѣчалъ ему, что въ такомъ случаѣ у насъ нѣтъ иностранныхъ словъ, а всѣ славянскія. Старый ораторъ старался какъ-нибудь выпутаться изъ этого противорѣчія и представлялъ, что нѣкоторыя славянскія слова нужно считать выродившимися въ чуждыя слова и теперь невозможно прослѣдить ихъ связь съ корнемъ [1]).

Старость налагала свою руку и на зрѣніе Шишкова: оно слабѣло и не позволяло ему много заниматься письмомъ и чтеніемъ, что́ его очень огорчало. Въ послѣдніе годы онъ уже назначалъ засѣданія Россійской академіи у себя въ домѣ: на нихъ читались и разбирались работы по составленію академическаго словаря русскаго языка, разныя *нѣчто*, не забывалось и славянское корнесловіе. Ни труды Востокова, ни Павскаго нисколько не успѣли измѣнить филологическихъ взглядовъ хилаго президента академіи. Не найдя въ Павскомъ сочувствія къ своимъ выводамъ и разсужденіямъ, Шишковъ ни за что не соглашался баллотировать его въ члены академіи, несмотря на многія просьбы другихъ членовъ изъ духовенства; при этомъ онъ припоминалъ и старинный доносъ Магницкаго, будто бы Павскій исказилъ переводъ св. писанія, которымъ занимался вмѣстѣ съ другими для библейскаго общества. Точно также онъ не допускалъ до баллотировки и Греча, который былъ ему ненавистенъ по прежнимъ столкновеніямъ изъза академической грамматики. Хотя Россійская академія обращалась въ такой же трупъ, въ какой и президентъ ея, но иногда случалось, что въ ней вспыхивалъ огонекъ на добро для науки. Такъ, при посредствѣ С. Т. Аксакова Шишковъ познакомился съ извѣстнымъ болгариномъ Венелинымъ, авторомъ книги «Древніе и нынѣшніе болгаре», и слѣдствіемъ этого знакомства было ученое путешествіе Венелина въ Болгарію, для чего академія, конечно по предложенію президента, назначила ему три тысячи

[1]) Воспом. Пржецлавскаго.

Digitized by Google

рублей. Въ дополненіе къ картинѣ послѣднихъ старческихъ лѣтъ жизни Шишкова воспользуемся еще разъ словами Аксакова:

«Въ 1832 или 1833 году, пріѣзжалъ Александръ Семеновичъ въ Москву, чтобы лечиться искусственными минеральными водами, которыхъ въ Петербургѣ еще не было. Онъ жилъ у старинныхъ своихъ друзей Бакунинихъ. Я нерѣдко приходилъ къ нему; онъ всегда былъ мнѣ очень радъ и охотно говорилъ о русской словесности. Я представилъ тогда ему моего старшаго сына, который былъ воспитанъ въ чувствахъ уваженія къ Шишкову. Александръ Семеновичъ очень его полюбилъ и даже обласкалъ, вопреки своей обыкновенной неласковости. Воды не помогли больному, уже дряхлому старику; напротивъ, были вредны, и онъ скоро уѣхалъ въ Петербургъ. Памятникомъ этого послѣдняго пребыванія Шишкова въ Москвѣ остался у меня одиннадцатый томъ русской исторіи Карамзина, изданный послѣ его смерти Д. Н. Блудовымъ. Шишковъ бралъ его у меня, чтобъ прочесть, и сдѣлалъ на поляхъ много замѣтокъ. Въ 1836 г. я ѣздилъ въ Петербургъ. Здоровье Шишкова и особенно зрѣніе очень ослабѣли; но я нашелъ его бодрымъ духовно и даже иногда веселымъ. Онъ почти ощупью отыскивалъ въ шкафѣ нужную ему книгу, доставалъ ее и заставлялъ меня кое-что прочесть вслухъ.

«Въ 1839 г. въ ноябрѣ я пріѣзжалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Гоголемъ. Шишковъ былъ уже совершенно слѣпъ. Я навѣщалъ довольно часто Александра Семеновича: онъ былъ еще на ногахъ, но становился часъ отъ часу слабѣе, и жизнь видимо угасала въ немъ. Я никогда не говорилъ съ Шишковымъ о Гоголѣ: я былъ совершенно убѣжденъ, что онъ не могъ, не долженъ былъ понимать Гоголя. Въ это время бывалъ я свидѣтелемъ, какъ Александръ Семеновичъ кормилъ цѣлую стаю голубей, ощупью отворяя форточку и выставляя кормъ на тарелкѣ.

«Наконецъ въ исходѣ 1840 г. я видѣлъ въ послѣдній разъ Александра Семеновича. Это былъ уже трупъ человѣческій, недвижимый и безгласный. Только близко наклонясь къ нему, можно было замѣтить, что слабое дыханіе еще не прекратилось. Мнѣ разсказывали, что онъ и прежде бывалъ иногда въ такомъ положеніи по нѣскольку недѣль, что его жизнь поддерживали, вливая ему въ ротъ раза четыре въ день по нѣскольку ложекъ бульона, что иногда вдругъ это состояніе проходило, онъ какъ будто просыпался, начиналъ сидѣть на постели, вставать и ходить по комнатѣ съ помощью другихъ, и выѣзжалъ прокатываться. Разсказывали мнѣ также, что одинъ разъ во время подобнаго

Digitized by Google

летаргическаго сна, когда уже никто не церемонился около него, говорили громко, шумѣли и ходили, какъ около покойника, въ которому всѣ равнодушны, вдругъ вбѣжалъ камердинеръ и сказалъ довольно тихо, что государь остановился у воротъ и прислалъ спросить о здоровьѣ Александра Семеновича. Къ общему изумленію, почти испугу, въ ту же минуту Шишковъ открылъ глаза и довольно твердымъ голосомъ сказалъ: «благодарю государя, скажи ему, что мнѣ лучше», — и впалъ въ прежнее безчувствіе, продолжавшееся еще двѣ недѣли».

Шишкова тревожила мысль, какъ жена его, католичка, отнесется къ погребальнымъ обрядамъ православной церкви, и какъ она разойдется съ его родственниками. Онъ опасался между ними несогласій и ссоръ. Чтобы предупредить это, онъ назначилъ своими душеприкащиками Горголи, Рибопьера, Танѣева, Красовскаго, Панаева и Сербиновича. Имъ онъ поручалъ принять ближайшее участіе въ погребеніи его тѣла. Главной наслѣдницей онъ дѣлалъ свою жену, которая, какъ писалъ онъ, по болѣзненному состоянію требовала особеннаго попеченія. Ихъ же просилъ онъ вслѣдствіе того: «приложить попеченіе о сохраненіи согласія и миролюбивомъ окончаніи всѣхъ дѣлъ между моею женою и моими родственниками, особливо остающимися въ моемъ жилищѣ двумя племянницами моими, вдовою Дарьею Александровною и дѣвицею Настасьею Дмитріевною Шишковыми, въ сиротствующемъ состояніи которыхъ, равно какъ и всей моей родни, я принимаю живѣйшее участіе. Посему я прошу и умоляю ихъ всѣхъ моею къ нимъ любовью, чтобы онѣ, по христіанскому долгу и по чувству взаимной ко мнѣ любви, почтили память мою искреннимъ единодушіемъ и всѣмъ возможнымъ вниманіемъ къ послѣдней волѣ умирающаго, который всегда желалъ сохранить между ними миръ. Хотя я надѣюсь, что онѣ не отрекутся исполнить мою послѣднюю о томъ просьбу, но еслибы ожиданіе мое, сверхъ всякаго чаянія, осталось въ чемъ-либо неисполненнымъ, то въ семъ случаѣ я покорнѣйше прошу всѣхъ пріятелей моихъ оказать моимъ родственникамъ нужную помощь совѣтами и увѣщаніями; въ могущихъ же возникнуть какихъ-либо недоразумѣніяхъ между ними принять на себя полезное для нихъ посредничество, и еслибы представилась необходимость, то быть и добрыми примирителями въ ихъ несогласіяхъ, стараясь окончить ихъ домашнимъ образомъ и безъ огласки».

Въ началѣ 1841 г. Шишковъ скончался.

Въ послѣдніе годы своей жизни онъ приводилъ въ порядокъ

Digitized by Google

свои записки и письма, какъ факты для своей біографіи. Послѣ его смерти большая часть изъ множества его бумагъ попала на Толкучій рынокъ, гдѣ ихъ и скупали лица, занимавшіяся литературой, отыскивая разныя библіографическія рѣдкости. Но вѣроятно многія бумаги совсѣмъ пропали, въ томъ числѣ и часть его записокъ, составляющихъ воспоминанія объ юныхъ годахъ жизни.

Полное собраніе сочиненій Шишкова въ XVII книгахъ издано при его жизни отъ Россійской академіи, съ посвященіемъ императору Николаю Павловичу.

В. Стоюнинъ.

Digitized by Google

ВЪ ДУХѢ ВРЕМЕНИ

КОМЕДІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

БУРАНОВА, ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВНА,—молодая вдова.

ЛУКИНЪ, НИКОЛАЙ МАРКЫЧЪ,—университетскій профессоръ.

КНЯЗЬ ПОХЛЕСТОВЪ,—вліятельное лицо.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ, КОНСТАНТИНЪ ИВАНЫЧЪ, — чиновникъ, служащій при таможнѣ.

АННА,—его племянница.

БЕРЕЖКОВА, АЛЕКСАНДРА НИКОЛАВНА.

КАТЯ, ЛИЗА } ея дочери.

БЛИКЪ, АНАТОЛЬ ПАВЛЫЧЪ.

ПЕРЕНОСОВЪ, ВАСИЛІЙ КУЗЬМИЧЪ,—молодой купецъ.

АНДРЕЕВЪ,—управляющій имѣніемъ Бурановой.

АГРАФЕНА,—слуга у Метельникова.

Дѣйствіе происходитъ въ окрестностяхъ Москвы.

Три первыхъ дѣйствія въ имѣніи Бурановой, верстахъ въ сорока отъ столицы, — послѣднее у Метельникова, на одной изъ ближайшихъ къ Москвѣ дачъ.

Digitized by Google

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Садъ въ помѣстьи Бурановой. Слѣва открытый павильонъ, внутри столъ и стулья; справа садовая мебель. Въ глубинѣ густой садъ.

БУРАНОВА и БЕРЕЖКОВА сидятъ въ павильонѣ у стола, за ними стоитъ ПЕРЕНОСОВЪ; КАТЯ и ЛИЗА сидятъ направо у стола. Бережкова, Катя и Лиза заняты рукодѣльемъ.

БУРАНОВА—играя вѣеромъ.

Завидую я вамъ: все-то вы умѣете дѣлать. Всякій разъ у васъ какая-нибудь новая работа, и, смотрите, какъ красиво выходитъ. Я такъ только по канвѣ вышиваю—и то плохо.

БЕРЕЖКОВА.

Потачку себѣ даете.

БУРАНОВА.

Нѣтъ, съ дѣтства такая безталанная. Можетъ быть и оттого, что никогда не развивали во мнѣ способности къ рукодѣлью.

БЕРЕЖКОВА.

Очень дурно. Впрочемъ, правда, рѣдко вѣдь гдѣ умно-то смотрятъ на женское воспитаніе. Умѣла бы дѣвица наряжаться, да по-французски болтать въ салонѣ, да на фортепьянахъ какое-нибудь попури пробренчать—и довольно. А чтобы къ труду пріучить, какъ всякому человѣку отъ Бога предназначено, этого нѣтъ.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Зачѣмъ Еленѣ Григорьевнѣ трудиться, когда онѣ повелѣвать рождены.

БУРАНОВА.

О! я очень чувствую недостатки моего воспитанія, очень отъ нихъ страдаю, но теперь ужъ этого не перемѣнишь, — я слишкомъ стара, чтобъ учиться.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Ахъ! вѣдь скажутъ же: стара!.. Кто же молодъ послѣ этого? Елена Григорьевна—кто молодъ?

БУРАНОВА—Бережковой.

И какъ вы это быстро, быстро дѣлаете,—золотыя руки!

Digitized by Google

БЕРЕЖКОВА.

Мудренаго ничего нѣтъ. Три петли сюда: разъ, два, три,— одна назадъ, опять три петли... Берите шерсть, я васъ выучу.

КАТЯ—подходя.

Елена Григорьевна, вы лучше вотъ какую работу возьмите: маленькимъ крючкомъ изъ фриволитэ; смотрите—какъ красиво.

БУРАНОВА.

Недурно.

КАТЯ.

Это такая тесемочка съ петельками готовая продается, и вотъ такъ надо вязать.

Вяжетъ.

БУРАНОВА.

Нѣтъ, такая работа слишкомъ трудна для меня; этого мои деревянныя руки никогда не съумѣютъ.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Теперьче много новыхъ рукодѣльевъ изобрѣтается. Третьяго дни я видѣлъ въ лавкѣ у Прутникова—тюкъ заграничный распаковали, вновѣ полученный, — какихъ затѣй не придумано. Безподобно тоже выходитъ, какъ если изъ кретону цвѣты вырѣзать и на атласъ нашивать шелкáми.

ЛИЗА.

Мы умѣемъ. Помнишь, Катя, въ прошломъ году.

КАТЯ.

Да, мы это дѣлали.

Входятъ—БЛИКЪ, МЕТЕЛЬНИКОВЪ и АННА.

БУРАНОВА.

Вотъ они и вернулись.—Хорошо погуляли?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Превосходно-съ; только маленько теперь жарковато.

ЛИЗА—Аннѣ.

Мы сколько наработали безъ васъ.

Digitized by Google

АННА—подходитъ къ ней.

Покажите.

КАТЯ—тоже подходя къ нимъ.

Взгляните-ка у меня сколько.

БУРАНОВА.

Гдѣ же вы побывали?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Какъ насъ Анатоль Павлычъ водилъ. Прошли мимо гумна,—зданіе хорошее-съ, прочное. Потомъ вокругъ церкви, къ заповѣдной рощѣ.

БУРАНОВА.

Вы были въ рощѣ?

БЛИКЪ—садится, снимаетъ шляпу и утираетъ лобъ платкомъ.

Нѣтъ, туда не дошли. Я ему заповѣдную рощу издали показалъ.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Она издали-то гораздо лучше.

БЛИКЪ.

А вы тутъ что же? — открыли мастерскую женскаго рукодѣлья.

БУРАНОВА.

Когда наши кавалеры не умѣютъ ничѣмъ насъ развлечь...

ПЕРЕНОСОВЪ.

Я, Елена Григорьевна, и не брался; я себя подчинилъ вамъ. Прикажите что́—я съ удовольствіемъ.

БЕРЕЖКОВА.

Вамъ выгодно подчиняться, чтобъ другіе за васъ придумывали, — вы свою изобрѣтательность покажите.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Что же придумать-то, Александра Николавна?—ну, скажите, напримѣръ, что́?

БЕРЕЖКОВА.

Мало-ли какъ молодежь веселится: игру бы общественную затѣяли.

Digitized by Google

БЛИКЪ.

Пти-жё!—Фанты небось. Кувыркаться меня заставьте на старости лѣтъ.

КАТЯ.

Конечно, васъ не заставишь, потому что вы всѣ вялые какіе-то; погодите, вотъ нашъ князь сегодня пріѣдетъ,—онъ вдвое васъ старше, а съ нимъ гораздо веселѣе, чѣмъ съ вами.

БЛИКЪ.

Удивительное веселье: «горю, горю на камышкѣ, кто меня любитъ, тотъ меня смѣнитъ»!—поцѣлуются и опять: «горю, горю на камышкѣ»...

БЕРЕЖКОВА.

Есть и другія игры—умнѣе; полезныя, какъ гимнастика, и для нравственнаго развитія.

БУРАНОВА.

Выдумать ничего не умѣете, такъ ужъ и не насмѣхайтесь.

БЛИКЪ.

Да я вамъ сейчасъ выдумаю, что́ вы меня браните? Не угодно-ли сейчасъ игру сочиню.

БУРАНОВА.

Выдумайте.

БЛИКЪ.

Въ карты.

БУРАНОВА.

Такъ и знала. Вамъ только червоннаго туза покажи, такъ вы за нимъ въ Сибирь убѣжите...

БЕРЕЖКОВА.

Ново, по крайней мѣрѣ.

БЛИКЪ.

Чего же лучше картъ! — и старый, и малый, и умный, и глупый, всѣ на одну доску становятся, всѣмъ одинаково доступно.

БУРАНОВА.

У меня здѣсь картъ и въ заводѣ нѣтъ.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Прикажите, Елена Григорьевна, я найду-съ. Какъ не быть,—

Digitized by Google

хоть старенькія у кого-нибудь да есть. Вотъ у вашей ключницы, у Авдотьи Герасимовны, или у батюшки... Я найду-съ.

БУРАНОВА.

Хотите, господа, въ карты?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Отчего-же-съ. Небольшую игорку, для препровожденія времени.

БЛИКЪ.

Видите, вездѣ откликъ.

БУРАНОВА.

Ну, сыщите, Василій Кузьмичъ.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Я сейчасъ, сію минуту.

Уходитъ.

БЛИКЪ.

Какъ вы въ деревнѣ карть не держите? Что же тутъ больше-то дѣлать?

БУРАНОВА.

Вамъ нечего, — вы деревенскихъ удовольствій не понимаете.

БЛИКЪ.

Пропадай они совсѣмъ. Что это за удовольствіе: найти три сыроѣжки и зажарить ихъ въ сметанѣ... Фу, — прелести!.. Это, молъ, тѣ самыя, что мы сами нашли... Ахъ, деревня! нѣжности какія! ахъ, — травка, — стадо, — коровки!!.. Коровка тебя рогами въ бокъ, собачка тебя зубами за ноги. Умно вы дѣлаете, Елена Григорьевна, что продаете вашу деревню: не нужно будетъ ѣздить сюда.

БЕРЕЖКОВА.

Продаете?—Вы хотите продать ваше имѣнье?

БУРАНОВА.

Вотъ, Анатолій Павлычъ, — очень нужно было говорить.

БЛИКЪ.

Развѣ вы изъ этого дѣлаете секреть?

КАТЯ.

Вы продаете? вы продаете?

Digitized by Google

ЛИЗА.

Ахъ, какъ жаль! здѣсь такъ хорошо!.. И вамъ не грустно будетъ разставаться?

БЕРЕЖКОВА.

Зачѣмъ же вамъ продавать понадобилось?

БУРАНОВА.

Затѣмъ, что мнѣ, кромѣ убытка, отъ этого имѣнья ничего нѣтъ.

КАТЯ.

А красота природы? а чистый воздухъ?

БЛИКЪ.

Есть о чемъ жалѣть! Съ деньгами-то я вамъ природу такую куплю—не здѣшней чета.

БЕРЕЖКОВА.

Какой-нибудь доходъ да получаете же вы съ имѣнья?

БУРАНОВА.

Ей-богу, одинъ убытокъ. По моимъ ли силамъ вести сложное хозяйство,—меня всѣ кругомъ обманываютъ. Я бездарная: овса отъ гречихи не отличу; по дому распорядиться—и то не умѣю. Замужемъ была, такъ даже сама себѣ туалета ни разу не заказала: всякую шляпу и перчатки мнѣ мужъ выбиралъ.

БЕРЕЖКОВА.

Есть чѣмъ хвастаться.

БУРАНОВА.

Я не хвастаюсь,—я горюю; но вѣдь правды не скроешь: чего нѣтъ, того нѣтъ.

БЛИКЪ.

Да и что за охота, помилуйте, все подъ страхомъ находиться: тутъ рабочій обвороветъ, тамъ градъ побьетъ, пожаръ спалитъ... и все изъ-за того, чтобы, въ концу-концовъ, получить какіе-нибудь мизерные два процента на капиталъ,—стоило возиться!

БУРАНОВА.

Анатолій Павлычъ, это ужъ вы черезъ-чуръ. Вы мнѣ такими рѣчами всѣхъ покупщиковъ отпугнете.

Digitized by Google

БЛИКЪ.

Я вѣдь говорю относительно васъ. Съ толкомъ-то взяться за имѣнье, такъ, конечно, выгоднѣе дѣла нѣтъ. Но для этого надо знать мужичка: умѣть подойти къ нему, и выругать его, какъ онъ это любитъ, за-просто, — и водкой его напоить до безчувствія: куда же вамъ это?!.. Для васъ, разумѣется, лучше всего пріискать хорошаго покупщика.

БЕРЕЖКОВА.

Гдѣ вы ихъ найдете, хорошихъ покупщиковъ, въ наше время?.. Разбери ихъ: теперь всякій покупщикъ, у кого и гроша за душой никогда не бывало. Завели эти банки да заклады, да переводы, да разводы, да Богъ ихъ знаетъ что. На бумагѣ все сдѣлаютъ, и денегъ не увидишь, а имѣнье все сразу отойдетъ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Извините, это не такъ-съ. На все законъ; съ плутовствомъ далеко не уѣдешь.

БЕРЕЖКОВА.

Вы мнѣ сперва объясните, что плутовство, что нѣтъ. Теперь эти понятія совсѣмъ перепутались. Еслибъ кто искалъ купить имѣнье, — еще было бы легче, а такъ... Вы думаете не воспользуются тѣмъ, что Елена Григорьевна сама предлагаетъ? — Натурально, что ей настоящей цѣны не дадутъ.

БУРАНОВА.

И пускай: хоть кто-нибудь будетъ пользоваться моей землей, коли мнѣ въ ней проку нѣтъ. И сама я, хоть бы и небольшія деньги за нее получила, деньгами лучше сумѣю распорядиться.

БЕРЕЖКОВА.

Ужъ не акціи ли станете покупать?

БУРАНОВА.

Да хоть акціи.

БЕРЕЖКОВА.

Наплачетесь и съ ними. Банкъ лопнетъ или тамъ какой-нибудь негодяй контору банкирскую закроетъ, разорится, или завалы снѣжные на желѣзной дорогѣ, — все и будете трястись да поглядывать въ газету на послѣднюю страничку, гдѣ тамъ этотъ проклятый столбецъ напечатанъ: «Биржевыя Извѣстія». Каково, молъ, мои акціи стоятъ? — не полѣзли-ли книзу?

Digitized by Google

БЛИКЪ.

Во всякомъ дѣлѣ треволненья.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Оно точно, что въ наше время — и бѣднымъ быть худо, и богатымъ не хорошо. Всѣ другъ на друга плотоядным манеромъ смотрятъ: какъ бы кому на горло наступить и сейчасъ его владѣнье себѣ къ ногтю. И отъ богатства страдаютъ.

БЛИКЪ.

Какъ ужъ я не люблю эти разговоры: въ наше время!!.. всегда это было, есть и будетъ, кто страдаетъ — самъ виноватъ!

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Отъ боязни обмана страдаютъ.

БЛИКЪ.

Чего бояться, если у тебя голова на плечахъ?.. Даны тебѣ отъ Господа твоего Бога пять чувствъ и пользуйся ими: даны глаза — смотри въ оба, уши даны — слушай, руки даны — хватай: на то у тебя осязаніе... Не умѣешь пользоваться — пеняй на себя.

БУРАНОВА.

Ну, Анатолій Павлычъ!

БЛИКЪ.

Не могу я слышать этихъ жалобъ. Вѣдь этимъ мы только наше невѣжество выказываемъ. Умныхъ бранять за то, что много на свѣтѣ дураковъ. Помилосердуйте, чѣмъ мы тутъ виноваты? Крикнулъ я кличъ на всю Россію: «пожалуйте, господа, мнѣ деньги, я вамъ двадцать процентовъ буду давать!» — и полѣзли всѣ ко мнѣ: лестно даромъ-то побольше нажиться. А прикарманилъ я ихъ деньги — и завопили: «мошенникъ! воръ!..» Зачѣмъ же мнѣ довѣряли? — смотри въ оба.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Не всегда убережешься.

БЛИКЪ.

Не убережешься, такъ, стало-быть, ты — юродивый, блаженная душа; на то и созданъ, чтобъ тебя надувать. Во всей природѣ такъ: щука ѣстъ пискаря, пискарь мошку; человѣкъ щуку скушаетъ, а человѣка другой человѣкъ загрызетъ, — и не на

Digitized by Google

что́ тутъ жаловаться. Ни предпріимчивости, ни энергіи, а нажиться хотятъ,—все чужими руками, безъ риску. За это и платись: боишься вора—запирайся крѣпче, боишься разбойника—въ лѣсъ не ходи.

БЕРЕЖКОВА.

Въ образованномъ государствѣ правительство охраняетъ...

БЛИКЪ.

Дураковъ?—никогда-съ. Божій человѣкъ на то созданъ.

БУРАНОВА.

Анатолій Павлычъ, довольно. Никому изъ насъ не интересно слушать ваши циничныя тирады.

БЕРЕЖКОВА.

Разумѣется; коли ужъ вамъ нужда большая проповѣдывать такія возмутительныя вещи, разсказывайте ихъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, не при моихъ дочеряхъ. Тутъ молодыя дѣвушки, созданья чистыя, съ честными стремленіями, а онъ развелъ матерію. Человѣкъ въ обществѣ живетъ, чтобъ помогать другъ другу, общую прибыль и выгоду пріобрѣтать,—совсѣмъ не для того, чтобъ грызться, какъ собаки.

БУРАНОВА.

И что́ за разговоръ такой,—куда какъ неумѣстно. Мы наслаждаемся въ деревнѣ: кругомъ поэзія, цвѣты и ясное небо,—надо же вамъ и сюда перенести ваши грязные счеты... Съ вами жить тяжело, ей-богу. (*Входитъ Лукинъ*). А, здравствуйте, вотъ кстати кто пришелъ; дорогой нашъ идеалистъ, спасите насъ отъ этого циника.

Общее привѣтствіе.

АННА.

Наконецъ-то! Я ужъ думала, что не пріѣдете.

БУРАНОВА.

Такъ вы знали, что онъ будетъ?

АННА.

Да. Николай Маркычъ прошлое воскресенье говорилъ намъ, что собирается сюда сегодня.

Digitized by Google

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

И я васъ съ нетерпѣніемъ ждалъ; у меня къ вамъ будетъ тоже маленькое дѣльце.

ЛУКИНЪ.

Сколько гостей у васъ! — я и не подозрѣвалъ встрѣтить здѣсь такое общество.

БУРАНОВА.

Слава Богу, что не подозрѣвали,—пожалуй, не пріѣхали бы... Да какая у насъ чудесная компанія подобралась,— намъ будетъ превесело.

ЛУКИНЪ.

Со мной веселѣй не будетъ. Вотъ сейчасъ князь пріѣдетъ— другое дѣло.

КАТЯ.

Князь Похлестовъ? вы его видѣли?

ЛУКИНЪ.

Онъ отъ меня отсталъ по дорогѣ.

ЛИЗА.

Милый князь!.. онъ не любитъ ѣздить скоро.

КАТЯ.

Гдѣ онъ? далеко еще?

ЛУКИНЪ.

Нѣтъ, и версты не будетъ.

КАТЯ.

Мама, мы пойдемъ къ нему навстрѣчу.

ЛИЗА.

Ахъ да, мамашечка...

БУРАНОВА.

Садомъ пройти, такъ вы ему какъ-разъ перерѣжете дорогу.

КАТЯ.

Можно, мама?

ЛИЗА.

Вотъ-то онъ будетъ радъ. Позволь, мамаша.

Digitized by Google

БЕРЕЖКОВА.

Я вижу, васъ князь совсѣмъ избаловалъ. Однѣхъ васъ не пущу, — сама съ вами пойду.

КАТЯ.

Такъ скорѣй, скорѣй, мамаша; а то онъ проѣдетъ.

БУРАНОВА.

Туда, къ маленькой калиточкѣ.

КАТЯ.

Мы знаемъ.

КАТЯ, ЛИЗА и БЕРЕЖКОВА уходятъ налѣво въ глубину. МЕТЕЛЬНИКОВЪ, ЛУКИНЪ и АННА — въ глубинѣ справа. БЛИКЪ — слѣва на авансценѣ; онъ оборачивается, чтобы идти за ушедшими.

БУРАНОВА — останавливая его.

Вы куда? вамъ-то зачѣмъ?

БЛИКЪ.

Мнѣ-то скорѣе, чѣмъ кому-нибудь, надо встрѣтить князя.

БУРАНОВА.

Я вамъ сказала: предоставьте его мнѣ.

БЛИКЪ.

Долженъ же я быть предупредителенъ, когда я къ нему заискиваю.

БУРАНОВА.

Никакой надобности нѣтъ. Дѣлайте лучше что обѣщали, я вамъ за князя ручаюсь.

БЛИКЪ.

Сдѣлаю, сдѣлаю, будьте покойны. Имѣнье ваше будетъ продано, я заставлю Метельникова купить.

БУРАНОВА.

И прекрасно: вы мнѣ продаете имѣнье, я вамъ за то устраиваю протекцію князя, — вѣдь это рѣшено. Чего же вамъ самимъ все къ князю соваться? Вы знаете, онъ любитъ только дамское общество и ненавидитъ, чтобъ ему мужчины мѣшали.

БЛИКЪ.

Я вѣдь и предоставилъ вамъ.

Digitized by Google

БУРАНОВА.

Такъ и не мѣшайте. Дѣлайте лучше свое. Метельниковъ вотъ два дня уже у меня гоститъ, а у насъ все еще не въ шубѣ рукава, все еще рѣшительнаго отвѣта не даетъ: покупаетъ онъ имѣнье или нѣтъ. Поговорите съ нимъ сейчасъ объ этомъ; надо же мнѣ навѣрно знать. — Константинъ Иванычъ! пожалуйте сюда на минутку.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ—подходя.

Что прикажете?

БУРАНОВА.

Вы о чемъ тамъ разговаривали съ Николай Маркычемъ?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Спрашивалъ, когда бы ему мою просьбицу поподробнѣе изложить.

БУРАНОВА.

Вы ему не говорили, что собираетесь купить у меня имѣнье?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Нѣтъ, не сказалъ.

БУРАНОВА.

Вы не говорите.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Да ему что?! онъ философъ, матерьяльныхъ счетовъ никакихъ не понимаетъ.

БУРАНОВА.

Все-таки не говорите.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Не скажу-съ.

БУРАНОВА.

И вообще ни съ кѣмъ здѣсь объ этомъ не разговаривайте. Не потому, что что-нибудь такое, а такъ, не люблю я этихъ пересудовъ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Конечно, лишнее.

БУРАНОВА.

Такъ ужъ это скучно, что все меня хотятъ учить, и чтобъ я слушалась безпрекословно. Замѣтили, какъ эта продажа не по сердцу Бережковой. Она тоже добрая женщина и любитъ меня,

Digitized by Google

но эти совѣтованія, право, тяжелы. Я же такая нерѣшительная. Два раза ужъ у меня покупали это имѣніе, и хорошую цѣну давали, да вотъ такъ же, какъ теперь: стали отговаривать...

БЛИКЪ.

Да, ужъ съ вами надо вести дѣло по горячимъ слѣдамъ: того и жди повернете оглобли.

БУРАНОВА.

Такъ пускай это останется между нами: вы, я и Анатолій Павлычъ,—больше никому.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Хорошо-съ.

БУРАНОВА.

А ваша барышня совсѣмъ завладѣла Николай Маркычемъ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ—улыбаясь.

Друзья закадычные.

БУРАНОВА—Лукину.

Николай Маркычъ, какъ вами, однако, барышня-то завладѣла, подѣлитесь и съ нами вашимъ обществомъ.

ЛУКИНЪ.

На чтó я вамъ?—у васъ безъ меня много дѣла. Легко ли: всѣмъ гостямъ угодить! Какъ вы еще здѣсь остаетесь, вамъ бы слѣдовало тоже встрѣтить князя.

БУРАНОВА.

Я замѣчаю: вы недовольны, что у меня много гостей, и что я не могу вамъ однимъ посвятить все мое время.

ЛУКИНЪ.

Никогда на это не разсчитывалъ.

БУРАНОВА.

Напрасно; для васъ у меня всегда найдется лучшая минутка.

ЛУКИНЪ.

Для всѣхъ найдется. Вы хозяйка предупредительная.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Правда-съ, никто на васъ жаловаться не посмѣетъ.

Digitized by Google

ЛУКИНЪ.

На то у васъ добрая душа,—всѣхъ привѣтствуетъ.

БУРАНОВА.

Какъ же это всѣхъ?

ЛУКИНЪ.

Всѣхъ рѣшительно. Вы вѣдь какъ солнце: всякаго пригрѣть готовы, никакого выбора не дѣлаете ни въ вашихъ удовольствіяхъ, ни въ вашемъ знакомствѣ. Глупость какую-нибудь услышите—любезно смѣетесь, умную рѣчь—въ восторгѣ и отъ нея: ко всему благосклонны и щедро тратите ваше время, безъ всякаго разбора, вполнѣ... (*ищетъ слова*) благодѣтельно.

БУРАНОВА.

Только поневолѣ... А! Николай Марковичъ, вы злость мнѣ хотите сказать.

ВЛИКЪ.

Чего хотѣть,—сказалъ ужъ.

БУРАНОВА.

Не грѣхъ ли вамъ?.. я несчастная, безпомощная женщина, живу изо-дня въ день одиноко, безъ всякихъ удовольствій: безъ глупыхъ, безъ умныхъ—безъ всякихъ,—и благодарю Бога за все, что онъ мнѣ, какъ милость, посылаетъ. Какой тутъ выборъ?—Кружокъ моихъ знакомыхъ такъ малъ, и, не будь ихъ, меня судьба раздавила бы, какъ маленькаго червяка.

АННА.

Какъ картинно.

БУРАНОВА.

Вы бы желали, чтобы, въ угоду вамъ, я прогнала отъ себя всѣхъ, кто мнѣ преданъ и кто меня любитъ?

ЛУКИНЪ.

Сохрани меня Богъ!—напротивъ. Я даже не понимаю, зачѣмъ вы спорите со мной и какъ будто въ чемъ-то оправдываетесь,—теперь, когда вашъ милый князь сейчасъ можетъ подъѣхать, и будетъ очарованъ вашей встрѣчей. Ступайте встрѣчать князя,—онъ лучше оцѣнитъ вашу внимательность, чѣмъ я.

БУРАНОВА.

Вы пріѣхали дразнить меня и обижать?

Digitized by Google

ЛУКИНЪ.

Богъ меня знаетъ, зачѣмъ я пріѣхалъ. А чтобъ не обижать васъ, я сейчасъ уйду на село. У меня же тамъ и дѣло есть: дьякону надо отдать лекарство.

БУРАНОВА.

Конечно, лучше уйти, чѣмъ сердить и сердиться.

Уходитъ налѣво, въ глубину.

АННА—Лукину.

А мнѣ позволите васъ проводить до села?

ЛУКИНЪ.

Коли хотите, Анненька, пожалуй.

Уходятъ оба направо.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Вѣдь Елена-то Григорьевна разгнѣвалась.

БЛИКЪ.

Во-на! догадался. Передъ нимъ такая перепалка идетъ, что пыль столбомъ подымается, а онъ: «разгнѣвалась».

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Чего же это она?

БЛИКЪ.

Милые бранятся—только тѣшатся.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Откуда вы взяли: милые?

БЛИКЪ.

Ахъ, вы, слѣпой человѣкъ! во-очію передъ нимъ совершается—не видитъ. Изъ-за чего же, по вашему, Николай Маркычъ такъ на нее окрысился?.. Онъ сюда изъ Москвы за сорокъ верстъ разлетѣлся, думалъ—вдовушку одну застанетъ, анъ полонъ домъ гостей; для любви-то какъ это неаккуратно чужое мѣшательство.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Вотъ не подозрѣвалъ! Николай Маркычъ этакій философъ и увивается за нашей вдовушкой,—вотъ не думалъ-то!

Digitized by Google

БЛИКЪ.

Изумительный вы человѣкъ. Какъ же вы мечтаете въ аферы да въ предпріятія пускаться, когда у васъ ни чуточки нѣтъ наблюдательности. Четыре года вы Николая Маркыча знаете, свой человѣкъ онъ у васъ въ домѣ, и не чуете, что, можетъ быть, не нынче-завтра онъ женится.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Не чуялъ, увѣрять не стану, нисколько не чуялъ... Вотъ что!—женится... не съ его, значитъ, одной стороны,—и она.

БЛИКЪ.

Да что вы никогда въ жизни, что-ли, влюбленной женщины не видали?! кто же съ спокойной душой въ такой азартъ приходитъ?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Взаимный любовный интересъ!—вотъ штука!.. сюрпризъ для меня..: и по моему дѣлу,—покупки у нея имѣнья,—скажу откровенно: сюрпризъ непріятный.

БЛИКЪ.

Почему такъ?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Какъ же, Анатоль Павлычъ, признаться вамъ, я на Николай Маркыча разсчетъ имѣлъ. Словъ нѣтъ, имѣнье дешево, и вся эта операція слагается безъ всякаго капитала, но вѣдь для начала-то, для первой выплаты, нужны наличныя деньги, ихъ надо мнѣ занять.

БЛИКЪ.

Разумѣется.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Я вѣдь для этого и думалъ обратиться къ Николай Маркычу. Онъ, какъ богатый человѣкъ и расположенный ко мнѣ и къ моей Аннѣ, можетъ, не отказалъ бы. Правда, у меня есть еще одно мѣсто, гдѣ я надѣюсь получить, но тамъ съ меня тоже маленько стянуть, не такъ выгодно брать.

БЛИКЪ.

Отчего-жъ вамъ не попросить у Николая Маркыча?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Занять у него деньги, чтобы купить имѣнье у его невѣсты?

Digitized by Google

это какъ-то выходитъ, что какъ будто я у него занялъ, чтобы ему же и заплатить.

БЛИКЪ.

Такъ что-жъ?—вы съ нимъ свое дѣло ведите, съ ней свое. Она же сама просила, чтобъ вы Николаю Маркычу не говорили, что у нея хотите купить.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Справедливо-съ, просила.

БЛИКЪ.

Напротивъ, это даже будетъ очень смѣшно: изъ его кармана, да въ ея карманъ,—ихъ влюбленныя сердца будутъ горѣть, а имѣнье оттого растаетъ. Если, батенька, вы хотите аферу дѣлать, такъ постороннія разсужденія всѣ вонъ. Кто кому братъ, или мужъ, или сынъ, это васъ не должно касаться; было бы только все по формѣ и на законномъ основаніи. У меня одинъ помѣщикъ противъ самого себя процессъ велъ. Затянули мы его на компанейскихъ началахъ арендовать казенныя земли, да у компаніи съ нимъ же и вышелъ споръ о границахъ владѣнья. Такъ вѣдь такъ и жалобы писали: покорно, молъ, просимъ взыскать съ помѣщика Клушина столько-то убытковъ;—и подписывали: такіе-то, да такіе-то, и между прочими помѣщикъ Клушинъ. Съ одной стороны—онъ истецъ, съ другой—отвѣтчикъ: законъ въ это не входитъ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Если такъ-то разсудить, такъ оно...

БЛИКЪ.

Это вздоръ и вамъ помѣшать не можетъ;—но вотъ что вамъ помѣшаетъ, такъ дѣйствительно: ваша медленность.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Какъ?

БЛИКЪ.

Вы видите, барыня въ такомъ настроеніи, ей теперь не до дѣлъ... у нея теперь амуры въ головѣ: какъ бы поскорѣй сбыть съ рукъ имѣнье, да на эти деньги отдѣлать себѣ квартирку, да расфрантиться, чтобъ соколика своего въ этакую обстановку заманить,—а вы все ей ни то ни сё говорите. Вѣдь навернется съ налету другой покупщикъ, она сразу рѣшитъ; будете потомъ говорить: по усамъ текло да въ ротъ не попало.

Digitized by Google

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Надо же все уяснительно разсмотрѣть. Отрѣзать не долго,—какъ же не отмѣривая-то?

БЛИКЪ.

Мало я вамъ отмѣривалъ да разъяснялъ? Поставьте вы рублевую свѣчку святому угоднику, что у меня много другихъ дѣлъ затѣяно,—я бы вамъ этого не уступилъ, самъ бы купилъ имѣнье.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Вамъ и такъ будетъ барышъ за сватовство.

БЛИКЪ.

Еще бы безъ барыша!—какой же и профитъ, владыко небесный!.. Я вамъ пустошь покажу, косякомъ къ буераку пришлась; она тутъ за негодную землю считается, кустарникъ на ней и зайцы бѣгаютъ косоглазые. Копните ее: шеколадъ пралинэ, дѣвственная почва; что хотите, то и сажайте, все выростетъ. Да этакихъ-то десятинъ сто слишкомъ гуляетъ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Объ чемъ же управляющій-то думаетъ?

БЛИКЪ.

Какой у нея управляющій?—баринъ въ пиджачкѣ: жалованье получилъ и спокоенъ. Вы раскиньте умомъ, какое это мѣсто?—здѣсь хорошенько поналечь, такъ чего не нагородишь!.. Напримѣръ: дачи построить для москвичей, виллы этакія можно завести... да я бы отсюда одного молока вывезъ, такъ всю бы Москву имъ опоилъ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Болота тутъ очень много.

БЛИКЪ.

Какое болото?—золотое дно!.. вѣдь это только наше невѣжество въ немъ клюкву обираетъ; взворотите его,—тамъ чистѣйшій торфъ перваго сорта. Вонъ кругомъ все фабрики заводятъ, топить ихъ надо. Начните-ка торфъ вырѣзывать, не велика мудрость, не Шопенгауера читать... пріучите-ка ихъ торфомъ топить!—да это исторія какая будетъ,—ухъ! дышать страшно.

Digitized by Google

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Я вотъ что: я ей сегодня объявлю, что во всякомъ случаѣ имѣнье покупаю. Ну, не выгоритъ дѣло съ Николай Маркычемъ, я въ другомъ мѣстѣ деньги достану.

БЛИКЪ.

Все-таки мой совѣтъ: вы не увлекайтесь, вы ей больше сорока пяти тысячъ не давайте, какъ она ни проси. Вы упритесь — и ни за что. Она отдастъ, ей за что́ бы ни продать — лишь бы продать. Вы лучше, коли что́ лишнее,—мнѣ прибавьте, а ей не давайте.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Сочтемся,—съ вами сочтемся.

За сценой говоръ и хохотъ, справа КАТЯ и ЛИЗА вводятъ ПОХЛЕСТОВА подъ руки, онъ притворно упирается. За ними БЕРЕЖКОВА.

ПОХЛЕСТОВЪ.

Барышни! барышни! неземныя созданья!.. куда вы меня ведете? я заблужусь, назадъ дороги не найду... куда вы меня завели?

КАТЯ.

Куда надо, ваше сіятельство! извольте слушаться и не разсуждать!

ПОХЛЕСТОВЪ.

У! какъ повелительно, плутъ востроглазый... ишь какъ волосишки на лобъ натрепала,—молодежь смущать?

БЕРЕЖКОВА.

Ваше сіятельство! ваше сіятельство!

ПОХЛЕСТОВЪ.

Ну, ну, не смѣю, не смѣю... Мамаша строгая, при ней ничего такого нельзя говорить—ни гу-гу!.. молчокъ!

БЛИКЪ—раскланиваясь.

Ваше сіятельство...

ПОХЛЕСТОВЪ.

А! Бликъ, bonjour... Гдѣ же наша хозяйка? гдѣ наша главная роза?

Digitized by Google

ВЛИКЪ.

Онѣ къ вамъ навстрѣчу пошли.

Входитъ БУРАНОВА слѣва.

БУРАНОВА—протягивая руку Похлестову.

Я васъ жду у калитки сада, а вы ужъ проѣхали къ крыльцу. Безподобный князь, какъ вы насъ всѣхъ утѣшили.

ПОХЛЕСТОВЪ.

О, слышу я волшебный голосъ!...

Рукопожатіе.

БУРАНОВА.

Вы всѣхъ знаете?—ахъ, вотъ, представляю вамъ новаго знакомаго: Константинъ Иванычъ Метельниковъ.

ПОХЛЕСТОВЪ—Метельникову.

Здравствуйте. (*Бурановой*) Ну, хорошенькая вдовушка, я вамъ тамъ цѣлый коробъ привезъ всякой всячины: и конфектъ привезъ, и пирогъ какой-то сладкій, à la что-то такое, не помню... но главное, я вамъ привезъ новость, самую сладкую новость... пойдемте къ сторонкѣ, я вамъ шепну. (*Всѣмъ остальнымъ*) Вы всѣ отойдите, отойдите,—такъ. (*Бурановой*) Вотъ что, мой ангелъ: вашу просьбу я исполнилъ, на счетъ этого подряда...

БУРАНОВА.

Правда?

ПОХЛЕСТОВЪ.

Все будетъ какъ вы желали; я упросилъ нашихъ директоровъ. Потомъ подробно разскажу; теперь хотѣлъ только впередъ порадовать: все будетъ, какъ вы желали.

БУРАНОВА.

Князь! я готова за это васъ поцѣловать.

ПОХЛЕСТОВЪ—подставляя щеку.

Ловлю на словѣ: волшебница, цѣлуйте.

БУРАНОВА.

Отъ всей души. (*Къ остальнымъ*) Господа, будьте свидѣтелями: я приношу благодарность князю.

Цѣлуетъ его.

Digitized by Google

ПОХЛЕСТОВЪ.

Теперь я до самаго гроба не буду мыть эту щеку.

БЛИКЪ—подходя.

Съ наградой честь имѣю поздравить, ваше сіятельство.

ПОХЛЕСТОВЪ.

Да, заслужите-ка такую награду, а я вотъ заслужилъ. (*Бережковой*) Строгая мамаша опять надулась! чего надулась?

Отходитъ къ БЕРЕЖКОВОЙ.

БЛИКЪ—тихо Бурановой.

Что́ князь вамъ говорилъ?—на счетъ подряда?

БУРАНОВА.

Да. Дѣло идетъ на ладъ, и вы, вѣроятно, свое получите.

БЛИКЪ.

Только вѣроятно?—я вамъ опредѣленнѣе скажу: Метельникова я приструнилъ, и онъ окончательно рѣшилъ купить у васъ имѣнье.

БУРАНОВА.

Ну, это еще не совсѣмъ опредѣленнѣе.

ПОХЛЕСТОВЪ—всѣмъ.

Что же мы будемъ дѣлать? Красавица-роза, я хочу шалить!.. птички мои, пичужечки, я хочу шалить!.. какъ поэтъ сказалъ? Давайте веселиться, давайте жизнію играть; пусть чернь слѣпая суетится, намъ не для чего ей подражать...

БЕРЕЖКОВА.

Когда вы угомонитесь, князь?

ПОХЛЕСТОВЪ.

Нельзя, мамаша, нельзя!—это мои минуты отдохновенья. Въ городѣ я работникъ, я труженикъ, я приклеенъ къ моему стулу, брюзга и скученъ какъ приказная книга. Тамъ ко мнѣ не подходи, кусаться стану. А здѣсь я превращаюсь въ дитя. Я безпеченъ, я новорожденный младенецъ. Мнѣ необходимо отдыхать съ моими ангелочками... Это моціонъ души, это меня вдохновляетъ.

Входитъ ПЕРЕНОСОВЪ.

Digitized by Google

ПЕРЕНОСОВЪ.

Вотъ карты, досталъ!.. пожалуйте,—четыре колоды и двѣ даже не распечатаны. Ахъ! ваше сіятельство.

Раскланивается.

ПОХЛЕСТОВЪ—кивнувъ ему головой.

Карты! хорошо; давайте въ карты играть; я соберу передо мной весь мой букетъ.

БЛИКЪ.

Ваше сіятельство, прикажете въ ералашъ?

ПОХЛЕСТОВЪ.

Съ вами? еще, пожалуй, въ сибирскій, съ винтомъ?—нѣтъ, спасибо, меня одинъ разъ такъ штрафами навинтили...

БЛИКЪ.

Въ какой прикажете-съ.

ПОХЛЕСТОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, я тутъ съ моими птичками въ дурачки... вы тамъ свою партію составляйте, вонъ мамашу возьмите, ее намъ не надо, она строгая...

Усаживается справа подлѣ КАТИ и ЛИЗЫ.

БУРАНОВА—слѣва.

Вотъ васъ четверо, какъ и нужно.

БЛИКЪ—у стола въ павильонѣ.

Засядемте, Александра Николавна.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Нѣтъ-съ, Елена Григорьевна, я безъ васъ играть не буду.

БУРАНОВА.

Василій Кузьмичъ! что за непослушаніе? (*Улыбаясь и мѣняя тонъ*). Прошу васъ,—за меня, на мое счастье. Я съ вами въ долю пойду.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Повелѣваете вы мной,—настоящая царица-монархиня.

БУРАНОВА.

Со мной въ долю, развѣ вамъ непріятно?.. Выигрышъ мой, проигрышъ вашъ.

Digitized by Google

ПЕРЕНОСОВЪ.

Какая же это доля? это условіе несообразное.

БУРАНОВА—смѣясь.

Хорошъ! — то я царица, а денегъ коснулась, такъ и испугался.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Я не испугался... но... какъ всегда этакъ бываетъ, что пополамъ.

БУРАНОВА.

Не бойтесь, я пошутила.

У стола слѣва усѣлись БЛИКЪ, МЕТЕЛЬНИКОВЪ и БЕРЕЖКОВА.

БЛИКЪ—Переносову.

Нечего, нечего аршинничать-то; идите, берите карты, я ужъ вамъ сдалъ.

ПЕРЕНОСОВЪ—садясь къ столу.

Грубый какой вы.

ПОХЛЕСТОВЪ.

Вдовушка! вы къ намъ.

БУРАНОВА.

Къ вамъ, къ вамъ, князь.

Подсаживается къ столу справа.

БЕРЕЖКОВА.

Я назначаю бубны.

БЛИКЪ.

Славны бубны за горами.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Безъ козырей, позволите?

БЕРЕЖКОВА.

Ходите.

БУРАНОВА—у другого стола.

Мнѣ не сдавайте; я такъ посижу.

ПОХЛЕСТОВЪ.

Эге! тузъ подъ колодой. Я вотъ его шестерочкой подмѣню.

Digitized by Google

ЛИЗА.

Не испугаете. Неугодно-ли троечку? Извольте крыть.

КАТЯ.

У кого тузъ на рукахъ, тому быть въ дуракахъ.

ПОХЛЕСТОВЪ.

Посмотримъ, посмотримъ, поглядимъ.

Въ глубинѣ появляется АННА.

БУРАНОВА—замѣтя ее.

Анна Ивановна, вы домой?—Мы здѣсь.

АННА.

Я въ болото попала, промочила ноги, мнѣ надо перемѣнить ботинки.

ПОХЛЕСТОВЪ—Бурановой.

Что за новый цвѣтокъ?

БУРАНОВА—Аннѣ.

Позвольте васъ познакомить: князь, это племянница Константина Иваныча.

ПОХЛЕСТОВЪ.

А! хорошенькая племянница. Въ нашъ букетъ племянницу, въ букетъ, къ намъ.

БУРАНОВА.

Куда же вы Николая Маркыча дѣвали?

АННА.

Онъ къ дьякону пошелъ.

КАТЯ.

Къ дьякону? Зачѣмъ къ дьякону?

ПОХЛЕСТОВЪ.

Священной исторіи учиться?

БЛИКЪ.

Акаѳистъ читать, ваше сіятельство, акаѳистъ вдвоемъ читаютъ.

БУРАНОВА.

Или вѣрнѣе молебенъ служитъ о спасеніи нашихъ душъ. Мы

Digitized by Google

всѣ для него такіе ничтожные, безтолковые, легкомысленные... Вѣрно, ушелъ молиться за насъ.

АННА.

Нѣтъ. Онъ зналъ, что вы займетесь дѣломъ, и не хотѣлъ мѣшать вашему полезному занятію.

БУРАНОВА—смѣясь.

Карточной игрѣ?.. Гдѣ ужъ намъ дѣломъ заниматься! Мы старое поколѣнье, только ублажаемъ себя; ученостью не хвалимся, на жертвы не годимся.

АННА.

За то другихъ въ жертву приносить умѣете.

БУРАНОВА.

Того, кто самъ напрашивается.

АННА.

Кого судьба отдастъ вамъ въ руки.

ПОХЛЕСТОВЪ.

Ступайте, ступайте, племянница,—просушите ваши ножки и скорѣй къ намъ возвращайтесь, въ нашъ кружокъ, играть въ дурачки.

БУРАНОВА.

Да, приходите играть съ нами.

АННА.

Съ вами играть?—Нѣтъ; съ вами игра для меня слишкомъ опасна.

ПОХЛЕСТОВЪ.

Почему опасна?

АННА.

Я очень мало разсчитываю на свои силы, я непремѣнно останусь дурой.

Уходитъ въ домъ.

ПОХЛЕСТОВЪ.

Mesdames, mesdames, тутъ кто-то плутуетъ! Тутъ навѣрно плутовство...

Общій оживленный карточный говоръ.

Digitized by Google

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Та же декорація.

БЕРЕЖКОВА сидитъ, входитъ КАТЯ.

КАТЯ.

Что вамъ угодно, мамаша?

БЕРЕЖКОВА.

Я нарочно здѣсь осталась и просила Елену Григорьевну, чтобъ она тебя прислала,—потому не хотѣлось мнѣ при всѣхъ тебѣ говорить: ты, ma chère, совсѣмъ забываешь и кто ты, и гдѣ ты.

КАТЯ.

Какъ, мамаша?

БЕРЕЖКОВА.

Что у тебя за тонъ явился, что за манеры? ей-Богу, точно ты не моя дочь. Давеча за обѣдомъ тебѣ князь что-то говоритъ, а ты ему въ отвѣтъ: «держите карманъ!» Что за выраженія?

КАТЯ.

Мамаша, онъ не обижается.

БЕРЕЖКОВА.

Ради себя не должна ты говорить такихъ тривіальностей. Откуда ты этого набралась? Гдѣ ты слышала, чтобъ благовоспитанная дѣвушка такъ говорила?.. И потомъ: дергаешь князя за сюртукъ, хохочешь во весь ротъ, какъ горничная...

КАТЯ.

Князь намъ разсказываетъ такіе смѣшные анекдоты, онъ такой веселый.

БЕРЕЖКОВА.

Онъ можетъ себѣ позволить шутку, потому что сановникъ и пожилой человѣкъ; но вы не должны сейчасъ ужъ вести себя за панибрата съ нимъ. Сколько вамъ объ этомъ ужъ говорено, и все надо за вами присматривать. Наблюдайте вы сами за собой. Что же, кататься поѣдутъ?

Digitized by Google

КАТЯ.

Да, Елена Григорьевна ужъ велѣла шарабанъ запрягать.

БЕРЕЖКОВА.

Кто же ѣдетъ?

КАТЯ.

Всѣ.

БЕРЕЖКОВА.

Развѣ усядутся?

КАТЯ.

Усядутся, въ шарабанѣ восемь мѣстъ.

Входитъ МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Сказали, что Николай Маркычъ вернулся и въ саду гдѣ-то; весь садъ обошелъ, нигдѣ нѣтъ.

БЕРЕЖКОВА.

Какъ это не хорошо: пріѣхать въ гости въ деревню и уйти ото всего общества.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Обѣщалъ мнѣ удѣлить часокъ на разговоръ, — забылъ что-ли!...

БЕРЕЖКОВА—Катѣ.

Иди, дитя, что-жъ ты стоишь? Только помни, пожалуйста, мои наставленія. Всякій разъ, когда захочешь что-нибудь сказать или сдѣлать, подумай сперва: понравится это мамашѣ или нѣтъ, тогда и не сдѣлаешь ошибокъ. Иди, играй.

КАТЯ уходитъ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Дивлюсь я вамъ, Александра Николавна, какъ вы умѣете хорошо наставленіе прочитать и преподать всякое обхожденіе,— замѣчательно.

БЕРЕЖКОВА.

Воспитываешь дочерей, такъ научишься. Впрочемъ и то: воспитанье всегда была моя страсть. Я и въ чужихъ дѣтяхъ не могу не разбирать ихъ характеры и недостатки... и сужденья свои высказываю прямо. Постороннія матери у меня часто совѣта спрашиваютъ и благодарятъ.

Digitized by Google

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Какъ не благодарить!

БЕРЕЖКОВА.

И вамъ скажу.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Сдѣлайте одолженіе.

БЕРЕЖКОВА.

На счетъ вашей племянницы. Милая она дѣвушка, но... такая молоденькая, а ужъ критикъ большой... осуждаетъ всѣхъ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Есть эта привычечка, есть.

БЕРЕЖКОВА.

Что вѣдь жаль: препріятная дѣвушка и остроумная, видно, что развита,—но лоску никакого, шероховатость какая-то, угловатость.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Росла какъ грибъ, безъ отца, безъ матери,—отого; съ двухлѣтняго возраста на моихъ рукахъ... у меня же служба, мнѣ этимъ некогда заниматься.

БЕРЕЖКОВА.

Сиротка,—бѣдняжечка. Гдѣ же вы ее воспитывали?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Въ гимназіи, гдѣ же больше?

БЕРЕЖКОВА.

Надо бы въ какой-нибудь хорошій пансіонъ отдать, гдѣ бы за каждымъ шагомъ слѣдили. Вѣдь въ воспитаньи, я вамъ скажу, первые годы важнѣе всѣхъ остальныхъ. Мозгъ ребенка надо только направить; направилъ его, потомъ все легче пойдетъ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Мнѣ-съ это не по средствамъ; на мѣдныя деньги ее училъ.

БЕРЕЖКОВА.

Однако она много знаетъ. Сегодня утромъ моимъ дочерямъ о какихъ-то растеніяхъ разсказывала... Я какъ-будто не замѣчаю, а у меня одно ухо всегда на сторожѣ, что говорятъ съ моими

Digitized by Google

дочерьми... Изумила меня ваша Анеточка,—профессоръ, такъ и рѣжетъ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Это ужъ благодаря Николаю Маркычу; онъ съ ней три года занимается разными предметами научными... Безкорыстно-съ, — такъ, изъ сочувствія, что Анна дѣвочка способная... Добрый человѣкъ Николай Маркычъ. Теперь ужъ она и сама уроки давать начинаетъ, свой хлѣбъ заработываетъ.

БЕРЕЖКОВА.

Пчелка дорогая!

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

А это дѣйствительно-съ, вы вѣрно замѣтили: характеромъ она тяжела. Иной день и не поймешь ее и не сладишь.

БЕРЕЖКОВА.

Недостатокъ хорошаго общества: одинъ человѣкъ остается, такъ и дичится. Коли хотите, въ этомъ отношеніи я вамъ, пожалуй, помощь окажу. Присылайте ее ко мнѣ, она мнѣ симпатична, я ее приласкаю и пошлифую. У меня она найдетъ самое лучшее общество со всей Москвы,—я о дочеряхъ хлопочу.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Очень вамъ буду обязанъ, сдѣлайте милость.

БЕРЕЖКОВА.

Погодите, я лучше сдѣлаю; я сейчасъ моимъ дѣвочкамъ шепну, чтобъ онѣ ее приручили. Молодежь между собой скорѣе сходится (*Входитъ Анна.*) Вотъ она сама, моя милушечка. (*Аннѣ*) Куда вы ушли ото всѣхъ? Чго это вы все уединяетесь?

АННА.

Я пришла говорить съ дядей, какое же это уединеніе.

БЕРЕЖКОВА.

Поговорить съ вашимъ дядюшкой? Интимно поговорить?.. Бесѣдуйте, душенька, я ухожу. Развивайте въ себѣ эту черту привязанности и благодарности къ дядюшкѣ, которому вы всѣмъ обязаны. Благодарность самая высокая черта въ человѣкѣ.

Цѣлуетъ ее.

АННА.

Что вамъ отъ меня угодно?

Digitized by Google

БЕРЕЖКОВА.

Я сейчасъ узнала, что вы сиротка, бѣдняжечка, съ младенческихъ лѣтъ... Меня ничто такъ не трогаетъ, какъ сиротское положеніе. Съ дѣтства не знать родительской ласки,—это большое лишеніе!

АННА.

Я вамъ не жалуюсь на свою судьбу.

БЕРЕЖКОВА.

Вы никогда и не будете жаловаться, никому; у васъ выработанный, твердый характеръ; но опытному глазу вы не помѣшаете замѣтить... Вы мнѣ съ первой минуты были симпатичны, и я всегда съ наслажденіемъ выслушаю ваше всякое откровенное, задушевное слово и дамъ вамъ материнскій совѣтъ. (*Цѣлуетъ ее*). Милая она, прелестная!.. Эта шероховатость сойдетъ... Ну, бесѣдуйте съ дядюшкой, бесѣдуйте,—я не слушаю.

Уходитъ.

АННА.

Что съ ней?—кто ее пришибъ?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Какъ ты все это бранно и непріязненно—ахъ!... Ну, объ чемъ ты хотѣла со мной говорить?

АННА.

Ни объ чемъ. Не сказать же ей, что я ушла, потому-что мнѣ противна вся эта скверная компанія.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Ты такъ грубо тутъ со всѣми обращаешься, право, за тебя совѣстно. Думай объ нихъ про себя, не всѣмъ на показъ. Удивительно нужно: и тому дерзость, и другому,—что такое? точно тебѣ деньги за это даютъ.

АННА.

Значитъ, распечка.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Легкомысленно это, какъ угодно. Коли тебя оно ужъ такъ веселитъ, ты бы хоть подумала, что меня постоянно подъ непріятность подводишь. Ты сказала дерзость, повернулась и ушла, а потомъ я за тебя извиняйся, да отстаивай тебя, да оправдывай. Я тебѣ дядя, не долженъ допускать, чтобъ тебя хулили, заступаться долженъ,—и бранись да ссорься.

Digitized by Google

АННА.

Да, это глупо. Хорошо, я буду себя сдерживать.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Особливо я тебя прошу поделикатнѣй съ Еленой Григорьевной. Что ты за судья такой для нея?—шпильки какія-то все ей говоришь, когда знаешь, что я съ ней дѣло затѣваю. Будетъ она видѣть, что ты ее все ежомъ встрѣчаешь, надоѣсть и ей.

АННА.

Ахъ, я не знаю,—мнѣ вдругъ стало такъ скучно здѣсь, такое зло разбираетъ...

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Скучно?—сама-же ты просила, чтобъ я тебя взялъ сюда.

АННА.

Чего я ждала, того нѣтъ; все не такъ дѣлается, какъ бы мнѣ хотѣлось. Дядя Костя, увези меня завтра назадъ въ Москву.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Анна, это, ей-богу, нестерпимо!.. ты во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ непремѣнно хочешь быть помѣхой,—все точно десятилѣтняя капризничаешь. Выросла изъ подростковъ, имѣй разсудительность; я сюда не въ гости пріѣхалъ, я дѣло дѣлать пріѣхалъ, имѣнье покупать. Мнѣ нужно все хорошенько осмотрѣть и сговориться съ Еленой Григорьевной. Скоро-ли въ жизни еще дождешься такой выгодной аферы.

АННА.

Смотри, чтобъ на этой аферѣ тебя же не надули.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Ну да, конечно... я, по-твоему, глупѣе всѣхъ на свѣтѣ; знаю твое мнѣніе; ты меня передо всѣми унизить готова.

АННА.

Нельзя ли мнѣ безъ тебя уѣхать?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Что это, ей-ей!!.. Зачѣмъ ты поѣхала? оставалась бы въ Москвѣ,—что ты привязалась ко мнѣ?.. Какъ тебѣ уѣхать?—изъ

Digitized by Google

деревни извощика не возьмешь, вѣдь сорокъ верстъ до Москвы... Всѣ на два дня остаются, одинъ князь возвращается,—не хочешь ли съ нимъ вдвоемъ ѣхать?.. Такъ ей-богу досадно!—послушаешь тебя...

АННА.

Останусь, не погибну.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Займись чѣмъ-нибудь. Съ утра была же веселая... съ барышнями, съ Бережковыми, онѣ такія воспитанныя.

АННА.

Не безпокойся обо мнѣ. *(Увидавъ входящаго Лукина)* А! вотъ тебѣ Николай Маркычъ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Николай Маркычъ, злодѣй, обѣщалъ мнѣ удѣлить часокъ на объясненье. Я ждалъ, что хоть къ обѣду придете, и къ обѣду не пришли.

ЛУКИНЪ.

Виноватъ, совсѣмъ забылъ.

АННА.

Стоитъ-ли объ насъ помнить.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Анна, будетъ съ тебя... *(Лукину)* Ну, ужъ благо такъ кстати пришлось, никого здѣсь нѣтъ,—выслушайте вы мою просьбу.

ЛУКИНЪ.

Пожалуйста.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Сядемте... дѣло надо обстоятельно говорить. (*Садятся*). Дайте мнѣ прежде всего слово, что, какъ бы вы мнѣ тамъ ни отвѣтили, наши отношенія оттого не измѣнятся... ни ссоры, ни пререканія...

ЛУКИНЪ.

Отчего имъ мѣняться?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Отвѣтьте мнѣ прямо, по правдѣ, безъ утайки. Я бы никогда не посмѣлъ этимъ васъ безпокоить, только какъ считая васъ за

Digitized by Google

друга... доброта ваша къ намъ испытана многими годами; вотъ и къ Аннѣ моей...

ЛУКИНЪ.

Что такое?—говорите.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Войдите въ положеніе дѣвицы сироты,—ради племянницы моей, я рѣшаюсь...

АННА.

Ужъ ради племянницы-то ты пожалуйста не рѣшайся.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Все ты обѣщаешь мнѣ не путать меня и все путаешь.

АННА.

Когда меня касается.

Отходитъ и гуляетъ въ глубинѣ.

ЛУКИНЪ.

Говорите: что надо?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Николай Маркычъ, скажите мнѣ откровенно, считаете ли вы меня честнымъ человѣкомъ?

ЛУКИНЪ.

Ну?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Вы знаете меня только четыре года; спросите всѣхъ, кто меня зналъ прежде. Хотите, я вамъ доставлю оффиціальныя свѣдѣнія?

ЛУКИНЪ.

Константинъ Иванычъ...

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Не перебивайте. Тутъ вы въ своемъ правѣ не довѣрять. Я самъ прошу васъ: справьтесь, удостовѣрьтесь, что Константинъ Метельниковъ всегда былъ честнымъ человѣкомъ. Не угодно ли, товарищи мои, въ одномъ чинѣ со мной служить начали,—Веревкинъ Панфилъ куда пролѣзъ? теперь экономомъ въ гошпиталѣ въ Петербургѣ; въ рубль серебромъ порцію курицы ставитъ, старой да жесткой, какъ голенище, которую можетъ быть человѣкъ вашъ въ ротъ не возьметъ; у больного страдальца воруетъ!—что-жъ, это честно?

Digitized by Google

ЛУКИНЪ.

Къ чему же...

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Теперь Андреевъ, Тимоѳей Ксенофонтычъ!.. на желѣзной дорогѣ служитъ при подвижномъ составѣ. Какое его дѣло? записалъ да сигаретку покурилъ; а шесть тысячъ жалованья въ годъ за это получаетъ. Почему?—потому что молчи да прикрывай, какъ директора общество грабятъ. Можетъ, и дѣйствительно его рука чиста, да вѣдь шесть тысячъ, Николай Маркычъ, такъ задаромъ, за молчаніе; какъ же это не подкупъ? что тутъ честнаго? помилуйте.

ЛУКИНЪ.

Что вы...

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Развѣ вы думаете, я не могъ себѣ достать такого мѣста?... Я честно и справедливо восемнадцать лѣтъ моему государю и отечеству въ почтамтѣ прослужилъ, проработалъ, какъ волъ хлѣбопашца... Всякій приходящій въ почтамтъ уважалъ меня; генералъ Ковригинъ не разъ мнѣ говорилъ, что мнѣ всегда готовъ протекцію составить,—я не желалъ. Стало тѣснить меня мое начальство, племяннику какому-то мое мѣсто понадобилось, я не роптalъ, не жаловался, самъ вышелъ. Не умѣю я просить и кланяться, Николай Маркычъ, и не хочу. Служу теперь въ таможенномъ вѣдомствѣ, спросите послѣдняго сторожа, что я за человѣкъ?

ЛУКИНЪ.

Все это прекрасно,— положимъ, вы честнѣйшій, распречестнѣйшій...

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Что за насмѣшки...

ЛУКИНЪ.

Я не насмѣхаюсь, я хочу знать, въ чемъ дѣло? зачѣмъ такія предисловія?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ—понизивъ голосъ.

Дѣло вотъ въ чемъ, Николай Маркычъ: мнѣ представляется случай, можетъ быть, единственный случай во всей моей жизни, честнымъ образомъ нажить капиталецъ, который обезпечитъ и племянницу и меня на всю мою старость. Помогите мнѣ въ этомъ.

ЛУКИНЪ.

Какъ?

Digitized by Google

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Мнѣ для этого нужно, такъ сказать на перехватъ, тридцать тысячъ; всего на двѣ недѣли. Довѣрьте мнѣ подъ вексель эту сумму.

ЛУКИНЪ.

Любезнѣйшій Константинъ Иванычъ...

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Мнѣ не у кого больше просить. Вѣдь всѣ эти вотъ, въ родѣ этого купчишки Переносова, безъ залога не дадутъ; а гдѣ мнѣ взять? какой у меня кредитъ?...

ЛУКИНЪ.

Константинъ Иванычъ, я-бы ей-Богу душевно радъ; но извините меня, право...

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

У васъ въ настоящую минуту денегъ нѣтъ?—это всегда такъ говорятъ... «Ахъ какъ жалко, вотъ еслибъ на прошлой недѣлѣ вы меня попросили, у меня было сколько угодно, а теперь этакое несчастье!»—такъ всегда говорятъ. Но вы погодите мнѣ отвѣчать, я отъ васъ ничего не скрою, я вамъ всю операцію изложу: вы убѣдитесь, что ваши деньги будутъ какъ въ желѣзномъ сундукѣ.

ЛУКИНЪ.

Я вамъ вѣрю, только...

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Выслушайте, выслушайте, выслушайте сперва. Я хочу купить имѣнье. Есть одна дама; все равно кто, вы не знаете... По ея женскому легкомыслію ей надоѣло хозяйничать, и она просто хочетъ съ имѣньемъ развязаться. Половину денегъ я долженъ сейчасъ внести, половину потомъ. Теперь надо вамъ сказать, что эта госпожа совсѣмъ никакого понятія не имѣетъ въ этомъ дѣлѣ и отдаетъ мнѣ свое имѣнье ровно за полцѣны его стоимости. Такимъ манеромъ, какъ только купля совершится, я заложу имѣнье въ поземельный банкъ. Мнѣ подъ залогъ дадутъ больше, чѣмъ я за него заплачу; стало быть, я вамъ сейчасъ и верну свой долгъ... Мнѣ нужно только теперь отдать первыя деньги, чтобъ имѣнье взять въ свои руки.

АННА издали прислушивается.

Digitized by Google

ЛУКИНЪ.

Позвольте, позвольте, такъ-ли я понялъ? Вы хотите сдѣлать такъ-сказать аферу: пріобрѣсть имѣнье, не истративши ни копѣйки.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Да, да.

ЛУКИНЪ.

Потому что эта глупая дама не знаетъ цѣны своему имѣнью и продаетъ вамъ такъ дешево, что вы, заложивши его, можете ей все выплатить занятыми деньгами?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Такъ, такъ; я думаю даже, что у меня изъ займа-то еще кое-что останется.

ЛУКИНЪ.

Стало-быть вы пользуетесь тѣмъ, что никто этой дамѣ не объяснитъ, что она продаетъ имѣніе убыточно.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Еслибъ ей объяснили-то, она бы разумѣется за такую цѣну не продала. Въ этомъ-то вся и штука. Буду потомъ хозяйничать, усилю доходъ, понемножку выплачу долгъ въ поземельный банкъ, и имѣнье будетъ мое, чисто и безраздѣльно. Случай вѣрный и пользицу препріятную можно получить.

ЛУКИНЪ.

Пользицу получите, да... только какъ же вы говорите, что это честно?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

То-есть, что же?

ЛУКИНЪ.

Вѣдь вы ее обмануть хотите.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Кого?

ЛУКИНЪ.

Вашу барыню, вашу помѣщицу.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Какъ-съ обмануть? я ей заплачу что она сама спрашиваетъ.

Digitized by Google

ЛУКИНЪ.

Она спрашиваетъ меньше, чѣмъ нужно, потому-что она не знаетъ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

А мнѣ какое дѣло? это мое счастье.

ЛУКИНЪ.

Какъ счастье? это похищенье.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ—встаетъ.

Нисколько-съ.

ЛУКИНЪ.

Помилуйте, ну, вотъ я разсѣянный человѣкъ, вотъ у меня бумажникъ; спросите меня: сколько въ немъ денегъ? я не съумѣю вамъ сказать... вотъ я его оставляю на столѣ; вы можете изъ него взять тридцать, пятьдесятъ рублей, я его положу опять въ карманъ и никогда не замѣчу, что вы взяли... вы воспользовались тѣмъ, что я не зналъ сколько у меня денегъ; это тоже значитъ ваше счастье?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Совсѣмъ это сравненіе не годящее, — я въ жизнь свою чужого не бралъ.

ЛУКИНЪ.

Вѣдь вотъ хотите взять.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Она сама отдаетъ.

ЛУКИНЪ.

Оттого, что не знаетъ, а то бы не отдала.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Николай Маркычъ, вы меня съ толку не собьете. Словно это единственный въ мірѣ случай. Господи Боже мой, что за грабежъ такой? Да скажите ради Создателя, отчего человѣкъ богатѣетъ? ходилъ въ отрепанномъ сюртучишкѣ, три копѣйки въ карманѣ, а теперь милліонъ. Трудомъ что-ли онъ наскрёбъ? — ничуть. Выгодно купилъ, выгодно продалъ, большой барышъ взялъ. Такъ вѣдь еслибъ тотъ, который ему продавалъ-то, зналъ, что онъ барышъ такой возьметъ,—заломилъ-бы цѣну и онъ... въ томъ и выгода, что не зналъ, въ томъ и споръ, и нажива....

Digitized by Google

Что же? какъ вы прикажете? пойти мнѣ къ моей дамѣ и сказать: вы, сударыня, дура, хотите мнѣ за пятьдесятъ тысячъ имѣнье продать, вы просите съ меня сто тысячъ!?

ЛУКИНЪ.

Разумѣется.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Ну, послушайте, вы конечно филозовъ, только ужъ тутъ ваша филозофія безъ фундамента. Послѣ этого пришлось бы рубашку съ себя снимать и первому встрѣчному отдавать. Оно, конечно, христіанская добродѣтель, да вѣдь и холодно. Весь міръ на этомъ держится, всѣ кругомъ то же дѣлаютъ.

ЛУКИНЪ.

Воруютъ!

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Въ тюрьмѣ не сидятъ, уваженьемъ пользуются.

ЛУКИНЪ.

Не пойманъ—не воръ?... ужъ если такъ разсуждать, что же вы выхваляете вашу честность и браните вашихъ товарищей? Вы нотаріальнымъ порядкомъ отберете имѣнье; потомъ барыня жалуйся, никто не вступится: вы ограбили ее на законномъ основаніи... Чѣмъ же хуже вашъ Веревкинъ, который на законномъ основаніи грабитъ гошпитальный провіантъ, — или другой тамъ, который на законномъ основаніи получаетъ жалованье за то, что ничего не дѣлаетъ?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Ну, ужъ это вы извините...

ЛУКИНЪ.

Да, наконецъ, чѣмъ хуже эти самые директора желѣзной дороги, которые грабятъ акціонеровъ на основаніи своего устава?... да и всякого рода мошенники, плутующіе и на биржѣ, и въ адвокатурѣ, и гдѣ угодно?—чѣмъ они хуже васъ?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Благодарю покорно,—чего дождался!...

АННА приблизилась къ говорящимъ.

Digitized by Google

ЛУКИНЪ.

Ахъ, голубчикъ, только ужъ не гнѣваться и не ворчать. Вы просили, чтобъ я говорилъ откровенно, стало быть...

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Я самъ втрескался и не возражаю. Вамъ не угодно было дать мнѣ денегъ, вы отвели разговоръ...

ЛУКИНЪ.

Не отвелъ, а просто не дамъ. Вѣрьте, не вѣрьте, у меня теперь нѣтъ денегъ; но если бы и были, на такое дѣло не далъ бы.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Ваша собственность, ваша и воля. Вы мораль-то, разумѣется, можете читать, вамъ въ аферы пускаться не для чего, у васъ отъ родителей состоянье.

АННА.

Какія ты пошлости говоришь!

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Какія пошлости?... еслибъ я былъ богатъ, я бы такъ же разсуждалъ.

ЛУКИНЪ.

Константинъ Иванычъ, мнѣ все равно тамъ, что вы про меня думаете, но пустяковъ говорить не слѣдуетъ; я совсѣмъ не богатъ, у меня нѣтъ никакого состоянья.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Какъ никакого? у васъ большой былъ капиталъ, вы вѣдь не скрывали, куда-жъ онъ дѣвался?

ЛУКИНЪ.

Куда бы ни дѣвался, но его нѣтъ, и теперь я, можетъ быть, бѣднѣе васъ; да и никому дѣла до этого нѣтъ. Вы со мной заговорили не затѣмъ, чтобъ провѣрять меня, а чтобъ попросить денегъ взаймы. Я вамъ отказалъ, и, какъ было сказано, —безъ злобы, пожалуйста.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Нѣтъ, чего злиться. Жалѣю только, что проболтался: будете теперь язвить, прославлять меня по всѣмъ знакомымъ.

Digitized by Google

ЛУКИНЪ.

О, милый, я и не вспомню о томъ, что́ вы мнѣ сказали. Даю вамъ слово: все между нами умретъ. Богъ дастъ, ваша афера не выгоритъ, и мы по прежнему останемся друзьями.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Спасибо за любовь и за пожеланье.

Уходитъ.

АННА.

Что́ вы сказали?—какъ же это случилось?—вы разорены?

ЛУКИНЪ.

Неужели вамъ это интересно?

АННА.

Неужели вы изъ этого дѣлаете тайну?

ЛУКИНЪ.

Нимало. Я все свое состоянье отдалъ брату.

АННА.

Отдали?—то-есть подарили?

ЛУКИНЪ.

Ну, подарилъ или передалъ по дарственной записи, какъ вамъ лучше нравится.

АННА.

Зачѣмъ? Братъ вашъ самъ богатъ.

ЛУКИНЪ.

Онъ все потерялъ на своей фабрикѣ.

АННА.

Вы говорили, что онъ фабрику такъ хорошо ведетъ.

ЛУКИНЪ.

Оттого и разорился, что велъ хорошо: штрафами рабочихъ не обиралъ, платилъ всѣмъ аккуратно и дорого. На него взъѣлись другіе фабриканты, стакнулись, подорвали его обороты и разорили. Братъ потратилъ на это всѣ свои деньги да еще долговъ надѣлалъ. Я его выручилъ,—вотъ и все.

Digitized by Google

АННА.

Да... тѣмъ съ бо́льшимъ правомъ вы могли упрекнуть дядю.

ЛУКИНЪ.

Я всегда бы ему сказалъ то же самое, еслибъ даже у меня и были деньги.

АННА.

Надѣюсь, вы увѣрены, что я не знала, какую сдѣлку дядя затѣваетъ... Я вамъ скажу, у кого онъ хочетъ купить имѣнье?.

ЛУКИНЪ.

Не надо, не надо, — на что́ мнѣ? Ужъ не думаете ли вы, что я пойду предупреждать эту даму?... пускай ихъ надуваютъ другъ друга. Кто остановитъ этотъ глупый круговоротъ обмановъ и воровства на законномъ основаніи. Сегодня вы предостережете какую-нибудь дуру, завтра она надѣлаетъ новыхъ глупостей.

АННА—глядя налѣво.

Ну, такъ, такъ!... вонъ сюда идутъ; это они собрались кататься... Ради Бога, Николай Маркычъ, спасите меня, чтобъ они меня не искали! Я не поѣду кататься. Скажите, что я убѣжала, въ поле, въ лѣсъ, на дно моря,—только бы мнѣ съ ними не ѣхать.

Идетъ въ глубину.

ЛУКИНЪ.

Какъ переполошилась! трусиха... насильно не повезутъ.

АННА—въ глубинѣ.

Повезутъ, повезутъ насильно. (*Идетъ и опять останавливается*) Николай Маркычъ!... когда уѣдутъ, я опять сюда приду.

Быстро исчезаетъ въ глубинѣ. На авансценѣ, слѣва, входитъ БУРАНОВА.

БУРАНОВА.

Глазамъ не вѣрю: смѣнилъ гнѣвъ на милость, вернулся мой обличитель. Я за вами Блика послала, чтобъ непремѣнно васъ отыскать и привести.

ЛУКИНЪ.

Я вернулся, потому-что мои лошади здѣсь,—я сейчасъ уѣду.

Digitized by Google

БУРАНОВА.

Дозвольте хоть проститься съ вами.

ЛУКИНЪ.

Прощайте.

БУРАНОВА.

Мои гости сейчасъ всѣ ѣдутъ кататься,—я останусь одна.

ЛУКИНЪ.

Мнѣ не о чемъ съ вами разговаривать.

БУРАНОВА.

Но мнѣ есть о чемъ. Вы не можете мнѣ отказать въ объясненьи, когда...

Входитъ ПЕРЕНОСОВЪ.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Елена Григорьевна, если вы не поѣдете—и я не поѣду.

БУРАНОВА.

Вы поѣдете; вы сядете рядомъ съ кучеромъ и будете показывать дорогу. Я остаюсь, чтобъ осмотрѣть всѣ спальни; вы меня и не увидите. Что это? Василій Кузьмичъ — вы перестаете слушаться.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Коли вы мнѣ приказываете все такое непріятное.

БУРАНОВА.

Вамъ непріятно мнѣ доставлять удовольствіе?

ПЕРЕНОСОВЪ.

Я очень охотно, только все-таки...

БУРАНОВА.

Ступайте-ка, ступайте,—похозяйничайте за меня, всѣхъ усадите поудобнѣе...

ПЕРЕНОСОВЪ.

Жестокая вы, царица... тиранша.

Уходитъ направо; въ то же время входятъ слѣва ПОХЛЕСТОВЪ, КАТЯ, ЛИЗА, БЕРЕЖКОВА и МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Digitized by Google

ПОХЛЕСТОВЪ.

Хозяюшка, кто-же будетъ моимъ чичероне, если вы не поѣдете?... Я вѣдь у васъ въ первый разъ, мнѣ надо все внушительно показать. Увидимъ рѣку, надо мнѣ сказать: вотъ это рѣка; дерево, — вотъ молъ, смотри, это дерево, — или тамъ церковь, изба... какъ за-границей въ путешествіяхъ англичанамъ показываютъ. Втащутъ на гору да и тычутъ ему: вотъ это молъ снѣгъ... а онъ, — шляпа на затылкѣ, пэнсъ-нэ на носу, рыжія бакенбарды,—щупаетъ снѣгъ-то; правда, молъ, снѣгъ: на рукахъ таетъ.

БУРАНОВА.

Я вамъ Александру Николавну прикомандирую.

ПОХЛЕСТОВЪ.

Мамашу?—нѣтъ, нѣтъ. Я старушекъ уважаю и высоко чту, но разговаривать съ ними я терпѣть не могу.

БЕРЕЖКОВА.

Вы сами старикъ, что вы на старушекъ нападаете?

ПОХЛЕСТОВЪ.

Я исключеніе... какъ сказалъ поэтъ: и подъ снѣгомъ иногда бѣжитъ кипучая вода,—вотъ я такой именно.

КАТЯ.

Я буду вашимъ путеводителемъ, князь. Мы знаемъ здѣсь каждый уголокъ.

ПОХЛЕСТОВЪ.

Вѣдь вы плутовки, вы меня на смѣхъ подымете. Увидите корову, скажете: это матушка попадья идетъ,—а я, пожалуй, повѣрю, шапку сниму, кланяться буду.

КАТЯ.

Безъ обмана, князь.

ЛИЗА—Метельникову.

Гдѣ-же ваша племянница?

ПОХЛЕСТОВЪ.

Да, племянницу сюда давайте!... Чтобъ этотъ цвѣточекъ дикій попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой, и отъ нея душистѣй сталъ и самъ.

Digitized by Google

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Нѣтъ, ваше сіятельство, ее не такъ скоро передѣлаешь. Она у меня немножко взбалмочная.

ЛУКИНЪ.

Она въ поле убѣжала.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Это съ ней бываетъ: найдетъ на нее, такъ ото всѣхъ людей бѣжитъ.

БЕРЕЖКОВА.

Нервозная дѣвочка.

БУРАНОВА.

Господа, что-жъ вы стали? шарабанъ поданъ, скоро стемнѣетъ... идите кататься... я васъ не провожаю, тамъ Переносовъ усадитъ. Мнѣ еще нужно сдѣлать строгій выговоръ этому нелюдиму.

ПОХЛЕСТОВЪ.

Завидую этому нелюдиму. Птички райскія, ведите же меня, сажайте меня...

Всѣ уходятъ, кромѣ БУРАНОВОЙ и ЛУКИНА.

ЛУКИНЪ.

Проводите ихъ, вы — хозяйка, это невѣжливо.

БУРАНОВА.

Ничего, у меня ужъ такъ заведено: никого не стѣснять и никѣмъ не стѣсняться... Ахъ, мой другъ, мы одни.

ЛУКИНЪ.

Можетъ-ли быть!? какое счастье!

БУРАНОВА.

Вотъ какъ вы обидчивы: до сихъ поръ вы мнѣ не прощаете мою сегодняшнюю вспыльчивость. А между тѣмъ, подумайте только: вы меня очень-очень горько оскорбили. Вы сказали, что я неразборчива въ своихъ удовольствіяхъ, — вѣдь это... вдумайтесь, — это ужасное мнѣніе.

ЛУКИНЪ.

Я впередъ ничего говорить не буду.

Digitized by Google

БУРАНОВА.

И этимъ вы меня оскорбляете гораздо больше, чѣмъ какой угодно грубостью. Вы знаете, до какой степени я дорожу вашимъ участьемъ, какъ я вамъ благодарна за каждое наставленье, и вдругъ отворачиваетесь отъ меня: обидѣлись, что я одинъ разъ позволила себѣ не выслушать васъ покорно и не побѣжала остановить васъ, когда вы ушли!

ЛУКИНЪ.

Я не обидѣлся.

БУРАНОВА.

Нѣтъ, вы обидѣлись и до сихъ поръ не смиловались. Ну, простите, простите, тысячу разъ простите! какъ васъ еще просить?

ЛУКИНЪ.

Елена Григорьевна, что это!

БУРАНОВА—усаживая его въ павильонѣ.

Сядьте тутъ со мной, поговоримъ... Ей-богу, вы страшно добрый человѣкъ, а ко мнѣ вы безжалостны. Не спорю, у меня очень порывистая натура и столько нехорошаго,—какъ мнѣ самой не знать!—но, другъ мой, вы тоже не совсѣмъ справедливы. Вы говорите, что я неразборчива въ своихъ удовольствіяхъ: какія у меня удовольствія? — никакихъ и нѣтъ... Не молчите же такъ.

ЛУКИНЪ.

Не къ чему повторять, Елена Григорьевна, что́ сто разъ говорено... Я просто утомился вами. Вы умный человѣкъ, несомнѣнно; вы можете быть интересной, если захотите, — живой, любознательной—и что-жъ?—погляднишь на васъ, руками разведешь: вы собираете вокругъ себя все такую дрянь.

БУРАНОВА.

Я никого не собираю, — сами приходятъ.

ЛУКИНЪ.

А вы ихъ встрѣчаете улыбкой и привѣтомъ; вы до того пріютили у себя и этого идіота купеческаго сынка Переносова, и мошенника Блика, и князя, и всѣхъ ихъ, что ни о чемъ серьёзно подумать вамъ некогда. Вы облюбили ихъ, вы ластитесь къ нимъ. Я не понимаю, какъ вамъ не надоѣдаютъ они, какъ вамъ не скучна, не противна ихъ глупая болтовня.

Digitized by Google

БУРАНОВА.

Что дѣлать? еслибъ иначе сложилась моя жизнь, этого бы не было. Я не умѣю иначе жить, и гдѣ мнѣ было умѣлости набраться?—пощадите меня. Почти ребенкомъ меня отдали замужъ насильно за больного старика, пять лѣтъ я пресмыкалась передъ нимъ,—я дышала свободнѣй, когда кто-нибудь приходилъ его разсѣять; я привыкла такъ убивать мое время. Никѣмъ изъ нихъ я не дорожу.

ЛУКИНЪ.

Оно и видно.

БУРАНОВА.

Избавьте меня отъ нихъ, я буду рада.

ЛУКИНЪ—нѣсколько раздраженно.

Гм! странно... Я, по меньшей мѣрѣ, въ десятый разъ слышу отъ васъ эту фразу... прежде я вамъ вѣрилъ и даже знакомства вамъ новыя предлагалъ, а вышло...

БУРАНОВА.

Что я все лгу?

ЛУКИНЪ.

Все это загадка для меня!... По совѣсти сказать, вы съ ними такъ себя ведете, что надо думать, они вамъ очень милы и пріятны: вы допускаете съ ними такую близость...

БУРАНОВА.

Какую? откуда вы взяли?

ЛУКИНЪ.

Какъ же!—Они вамъ нарочно проигрываютъ деньги въ карты, вы радуетесь.

БУРАНОВА.

Ей-богу я никогда не думала, что нарочно.

ЛУКИНЪ.

Переносовъ вамъ подарокъ поднесъ, вы приняли.

БУРАНОВА.

Браслетъ? онъ мнѣ въ пари проигралъ.

ЛУКИНЪ.

Въ пари не проигрываютъ браслета, который вѣроятно стоитъ

Digitized by Google

не меньше тысячи рублей. Такіе подарки позволяютъ себѣ дѣлать только очень близкіе люди.

БУРАНОВА.

Ахъ, теперь я вижу, что въ самомъ дѣлѣ была неосторожна; но, мой другъ, отчего нѣтъ васъ всегда тутъ, подлѣ меня, чтобъ меня остеречь отъ моихъ ошибокъ.

ЛУКИНЪ.

Вы не дитя.

БУРАНОВА.

Нѣтъ, я дитя,—глупое, безпомощное дитя. Вы ошибаетесь, что я умна, я совсѣмъ не умна. Мнѣ нужно, чтобъ подлѣ меня былъ всегда человѣкъ, котораго бы я цѣнила, и который бы строго руководилъ меня; но тотъ, кто могъ бы это сдѣлать, не хочетъ.

ЛУКИНЪ.

Вы сами должны себя руководить.

БУРАНОВА.

Ахъ, Николай Маркычъ, несчастье мое, что я съ вами познакомилась. Всегда я жила дура дурой, но не чувствовала этого, не понимала; теперь чувствую, а что проку?—хуже теперь... вы только обвиняете, только обвиняете. Скажите, какъ мнѣ жить?—и завтра же все будетъ по-вашему.

ЛУКИНЪ.

Я говорилъ не разъ.

БУРАНОВА.

Такъ прикажите... заставьте силой!

ЛУКИНЪ.

Насиліемъ ничего не возьмешь. Вы сами...

БУРАНОВА.

Ахъ! съ какимъ бы наслажденьемъ я весь міръ промѣняла на одного человѣка!

ЛУКИНЪ.

Что вы? что вы?

БУРАНОВА.

Какой вы, ей-богу; играете мной, какъ кошка мышью, и знаете это,—знаете, что каждое ваше слово дѣйствуетъ на меня

Digitized by Google

сильнѣй всего на свѣтѣ... Отчего я вспыхнула давеча? — ваша насмѣшка меня какъ ножомъ въ сердцѣ кольнула. Ну, вы, невѣрующій моимъ фразамъ, — я вамъ не фразу говорю теперь: властвуйте надо мной!.. нѣтъ? не хотите?.. Зачѣмъ же вы отняли у меня мое невѣжество? зачѣмъ съ такою заботливостью и теплотой относились ко мнѣ, когда нѣтъ въ васъ участья?

ЛУКИНЪ.

Вовсе бы не было,— я бы къ вамъ не ходилъ.

БУРАНОВА.

Вовсе бы не было! — ядовитое выраженіе!.. стало-быть, есть, но немножко... А если у меня его много, и вы довели меня до этого? — Не хорошо вы со мной поступили.

Въ глубинѣ появляется АННА и, замѣтивъ говорящихъ, невольно останавливается, затаивъ дыханіе.

ЛУКИНЪ.

Елена Григорьевна!

БУРАНОВА.

Всегда бы вы должны были остаться подлѣ меня, всегда! вы меня приковали къ себѣ.

ЛУКИНЪ.

Успокойтесь, прежде всего—успокойтесь.

БУРАНОВА.

Да! доведетъ человѣка чуть не до сумасшествія, а потомъ — успокойтесь. (*Быстро оглядывается, схватываетъ его за голову и горячо цѣлуетъ. Анна слегка вскрикиваетъ и отходитъ нѣсколько шаговъ*). Что это? (*Увидавъ Анну*) Вы были здѣсь?

АННА.

Я только-что пришла—и испугалась...

БУРАНОВА.

Чего?

АННА.

Мнѣ показалось... змѣя на дорогѣ.

БУРАНОВА.

Ха-ха! какія у насъ змѣи! — идите, идите къ намъ; мы одни,— всѣ уѣхали кататься.

Digitized by Google

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Гостиная въ томъ же деревенскомъ домѣ Бурановой.

АННА сидитъ, читаетъ книгу. Входитъ ПЕРЕНОСОВЪ.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Я вамъ не помѣшаю?

АННА.

Чѣмъ вы мнѣ можете мѣшать?

ПЕРЕНОСОВЪ.

Позволите сѣсть?

АННА.

Стулья не мои, — я запретить не могу.

Онъ садится. Маленькая пауза.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Какъ вы прилежны... (*Пауза*). Въ самомъ-дѣлѣ, чрезвычайно прилежны. И — что замѣчательно — вы этимъ совсѣмъ не хвастаетесь. Другія барышни, встрѣчаешь, часто тоже много читаютъ — и образованныя, да ужъ сейчасъ всякую копѣйку ребромъ хотятъ ставить. Смотри, молъ, смотри, чему да чему я научилась... въ васъ этого ни капельки нѣтъ.

АННА.

Отчего вы, Василій Кузьмичъ, сюда пришли, — не гуляете съ другими?

ПЕРЕНОСОВЪ.

Съ кѣмъ — съ другими? — всѣ въ разбродѣ. Александра Николавна съ дочками письма пишутъ. Мужчины куда-то разбрелись.

АННА.

Князь уѣхалъ?

ПЕРЕНОСОВЪ.

Уѣхалъ.

АННА.

А Елена Григорьевна что дѣлаетъ?

Digitized by Google

ПЕРЕНОСОВЪ.

Она своему управляющему какія-то нотаціи читаетъ.

АННА.

Нотаціи?

ПЕРЕНОСОВЪ.

Что-то такое, взволнована какъ-то. Все ее обижаютъ, пользуются слабостью женской.

АННА.

Какъ же вамъ не стыдно, что вы ушли? вы ей, можетъ быть, нужны.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Нѣтъ, не безпокойтесь,— ничего.

АННА.

Управляющій можетъ ее обмануть; вы бы вступились, объяснили бы Еленѣ Григорьевнѣ, чего она не понимаетъ.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Сказываютъ вамъ,— не безпокойтесь. Она сама меня къ вамъ послала.

АННА.

Послала ко мнѣ?... Она любезна,— черезъ-чуръ даже... зачѣмъ?

ПЕРЕНОСОВЪ.

Такъ; что вы однѣ и...

АННА.

Чтобъ занимать меня?.. Вы, Василій Кузьмичъ, должно быть ее очень любите.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Елену Григорьевну? какъ вы это объясняете?

АННА.

Очень преданы ей, безкорыстно такъ; все ее царицей зовете... и, по правдѣ, вы ей вѣрноподданный. Швыряетъ она васъ изъ угла въ уголъ, какъ хочетъ,— и вы слушаетесь, безъ малѣйшаго протеста.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Я ея другъ.

Digitized by Google

АННА.

Рѣдкая у васъ дружба; другой бы утомился... потому что— что́-жъ вамъ-то отъ нея? Она-то на васъ никакого вниманія не обращаетъ. Для нея вы та́къ: услужливый малый, котораго всегда можно послать сдѣлать какую-нибудь коммиссію.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Ну-съ, положимъ, не всегда.

АННА.

Всегда, всегда, полноте. Я залюбовалась на васъ: кажется, прикажи она вамъ на голову стать и ногами въ воздухѣ болтать, вы и то̀ сдѣлаете.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Я не шутъ какой-нибудь... никому не позволялъ...

АННА.

Она этого и не попроситъ. Я та́къ говорю, чтобъ объяснить, до какой степени доходитъ ваша преданность... трогательная, ей-богу.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Какая же такая особенная преданность. Я только любезенъ... Завтра я ушелъ,— объ Еленѣ Григорьевнѣ и думать забылъ.

АННА.

Ну, такъ я васъ не понимаю: изъ-за чего же вы позволяете такъ собой помыкать?

ПЕРЕНОСОВЪ.

Никогда я не позволяю.

АННА.

Ка̀къ никогда?... Я удивляюсь вашему терпѣнью: она васъ все отъ себя гоняетъ, а вы все къ ней, все къ ней; царица да царица.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Гдѣ же она гоняетъ?

АННА.

Разумѣется, гоняетъ. Безпрестанно васъ куда-нибудь посылаетъ, чтобъ только вы подлѣ нея не оставались. Да вотъ теперь, сейчасъ: вы ей можете быть полезны въ разговорѣ съ управляющимъ,—для чего она васъ во мнѣ послала? Она знаетъ,

Digitized by Google

что я книгу читаю, стало-быть, меня и не нужно развлекать... только вѣдь чтобъ сбыть васъ куда-нибудь.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Я никакъ не могу предполагать...

Входитъ МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ—Аннѣ.

Ты тутъ. Я у рѣшетки сада все въ поле кричалъ,—думалъ ты гуляешь.

АННА.

Жара такая, а я въ поле пойду.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Гуляетъ же твой наставникъ, одинъ у васъ характеръ.

АННА.

Какой наставникъ?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Николай Маркычъ.

АННА.

Вотъ тоже! — наставникъ!

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Ну, учитель, коли такъ пріятнѣй. Я думалъ, ты съ нимъ.

АННА.

Думалъ вздоръ.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Анна Ивановна, вы во мнѣ ошибаетесь; я васъ постараюсь убѣдить, что ошибаетесь.

Уходитъ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Что это онъ говоритъ?

АННА.

Глупый человѣкъ, мелетъ себѣ,—оставь.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Я пришелъ тебѣ сказать, что ты хоть сейчасъ можешь ѣхать.

АННА.

Куда?

Digitized by Google

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Домой, въ Москву. Что ты глядишь какъ растерянная, слова не понимаешь. Вчера вечеромъ сама просилась домой. Теперь Александра Николаевна получила телеграмму изъ Москвы, съ эстафетой, изъ города: ей надо вернуться, сейчасъ ѣдутъ. У ней коляска четверомѣстная: она, двѣ дочери и ты. Я просилъ ее, она очень рада, довезетъ.

АННА.

Нѣтъ, я не поѣду.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Что это вдругъ? — вчера такъ упрашивала.

АННА.

А теперь не желаю.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Причина уважительная!... А уѣдутъ, опять будетъ — желаю. Я-то упрашиваю: возьмите мою племянницу, скучаетъ она здѣсь... Мука мученическая съ тобой.

АННА.

Я тебя, дядя Костя, ни объ чемъ больше просить не буду,— и если тебѣ ужъ такъ очень хочется, чтобъ я ѣхала, я уѣду.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Мнѣ все равно, мнѣ капризы непріятны... и то, что тебѣ никакъ не угодишь, — все ты точно злишься.

Входятъ БЕРЕЖКОВА, КАТЯ и ЛИЗА.

БЕРЕЖКОВА.

Я съ величайшимъ удовольствіемъ; поѣдемте, ma bonne amie, мѣсто въ коляскѣ есть.

ЛИЗА.

Намъ будетъ превесело.

КАТЯ.

Мы дорогой будемъ пѣть канонъ: frère Jacques, frère Jacques.

Мурлычетъ про себя.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Извольте вотъ ее судить! — она теперь отказывается. Извините, что потревожилъ.

Digitized by Google

БЕРЕЖКОВА.

Какая тутъ тревога?... отчего же она не хочетъ?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Спросите ее сами. Я, право, съ ней не слажу, не разберу ея желаній,—и отступаюсь отъ нея, совсѣмъ отступаюсь.

Уходитъ.

БЕРЕЖКОВА.

Она, мой голубокъ, вѣрно нездорова, нервы расходились... это такое томительное состояніе: безотчетно мечешься и всѣмъ недоволенъ. (*Кладетъ ей руку на лобъ.*) Жарокъ маленькій... но тутъ-то вамъ и ѣхать; на это одно лекарство: разсѣяться надо. Поѣдемте, я васъ въ себѣ завезу; васъ вѣдь въ Москвѣ не ждутъ, обѣда не готовили, отобѣдаете у меня.

ЛИЗА.

Ахъ, какъ бы хорошо... Мы вамъ покажемъ всѣ наши коллекціи.

КАТЯ.

У насъ коллекція минералогическая, коллекція раковинъ, старыхъ монетъ.

ЛИЗА.

Минералогическая коллекція у насъ очень хорошая, намъ cousin изъ-за границы привезъ такой кусокъ лабрадора...

КАТЯ.

Нашъ учитель говоритъ, что даже въ университетѣ такого экземпляра нѣтъ.

БЕРЕЖКОВА.

А гербаріумъ забыли?... какой у нихъ гербаріумъ! — все сами собирали и сушили.

КАТЯ.

Хотите, мы васъ выучимъ сушить цвѣты?

АННА.

Я не могу ѣхать съ вами, у меня голова болитъ, я сейчасъ лягу въ постель.

ЛИЗА.

Мы васъ вылечимъ; у насъ домашняя аптека съ собой, всѣ средства.

Digitized by Google

АННА.

Я не поѣду съ вами.

БЕРЕЖКОВА.

Ступайте, дѣти, уложите вещи; она еще, можетъ быть, надумается.

КАТЯ.

Я на васъ совсѣмъ разсержусь, если вы не поѣдете.

БЕРЕЖКОВА.

Пожалуйста, Лиза, аккуратно складывай юбки въ сундуки, ты ихъ вѣчно комкаешь... да опять не забудьте зубныя щетки на умывальномъ столѣ. (*Катя и Лиза уходятъ.*) Меня вы, ma bonne amie, своей рѣзкостью не испугаете; грубите мнѣ сколько хотите, мнѣ опытъ воспитанья далъ вѣрный взглядъ: я вижу, что все это внѣшняя кора, внутри у васъ мягкая натура.

АННА.

Ради Господа Бога, что вы ко мнѣ пристаете?

БЕРЕЖКОВА.

Я васъ жалѣю, мой бѣдный ангелъ, что вы такая нелюдимка, и что ваши прекрасныя качества пропадаютъ подъ этой грубой корой.

АННА.

А могу я васъ просить, чтобъ вы были такъ добры, не жалѣли меня?

БЕРЕЖКОВА.

Нѣтъ, буду жалѣть, какъ вы не просите; чувства изъ сердца не вырвешь. Вы росли безъ матери, оттого такая необщительная; я хочу васъ отогрѣть хоть-бы противъ вашей воли. Я не могу не жалѣть.

АННА.

Такъ ужъ если мнѣ невозможно отъ этого избавиться, жалѣйте по крайней мѣрѣ за спиной, а не въ глаза.

Идетъ къ двери, ей навстрѣчу входятъ БУРАНОВА и ПЕРЕНОСОВЪ.

БУРАНОВА.

И вы хотите уѣхать?

АННА.

Нѣтъ-съ, если вы меня не выгоните, я остаюсь.

Digitized by Google

БУРАНОВА.

Ахъ, милочка, какія слова. Мнѣ это только пріятно.

АННА.

Очень вамъ благодарна.

Уходитъ.

БЕРЕЖКОВА.

Вотъ что значитъ вырости безъ надзора и хорошаго вліянія: причудничаетъ, какъ больной ребенокъ.

БУРАНОВА.

Причудничаетъ—правда, но только не ребенокъ. О, эта дѣвочка присматриваетъ и замѣчаетъ больше, чѣмъ бы слѣдовало.

БЕРЕЖКОВА.

Слишкомъ мало ея дядюшка о ней заботится, совсѣмъ ея волю распустилъ. Бѣдная, она въ этомъ не виновата, она сиротка. Я къ моимъ дѣвочкамъ пойду; вы пришлете сказать, когда лошади будутъ готовы?

БУРАНОВА.

Непремѣнно.

БЕРЕЖКОВА уходитъ.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Я радъ, что они уѣзжаютъ.

БУРАНОВА.

Вы все еще за мной ходите?... а ваша барышня, Анеточка? зачѣмъ вы ее бросили?

ПЕРЕНОСОВЪ.

Она не желаетъ моего общества.

БУРАНОВА.

Неужели такъ прямо сказала? ахъ, злая. Вы не умѣли ее разговорить.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Не вижу въ этомъ никакой надобности; мнѣ съ вами веселѣй.

БУРАНОВА.

Благодарю, мой вѣрный рыцарь, оставайтесь всегда при мнѣ. Что-то еще я хотѣла вамъ сказать... ахъ, да: въ награду за добрую службу, у меня для васъ есть еще порученье, еще маленькая просьба.

Digitized by Google

ПЕРЕНОСОВЪ.

Какая-съ?

БУРАНОВА.

Вы знаете, тутъ въ трехъ верстахъ отъ меня живетъ сосѣдка, полковница, — съѣздите сейчасъ къ ней.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Зачѣмъ-съ?

БУРАНОВА.

У нея много розановъ и очень хорошихъ; попросите, чтобъ она вамъ букетъ нарвала. Мнѣ такъ бы хотѣлось Бережковымъ букетъ на дорогу дать, а у меня цвѣтовъ мало; да, по секрету скажу, и жалко рвать. Это такъ не хорошо: поѣдутъ изъ деревни безъ цвѣтовъ.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Еще какихъ коммиссій надаете?

БУРАНОВА.

Больше ничего, mercі, — только поскорѣй.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Вы еще давайте, чтобъ на цѣльный день хватило. Вы вѣдь меня сбыть съ рукъ хотите, чтобъ я вамъ на глаза не попадался — такъ вы меня пошлите бруснику собирать, да чтобы я иначе не возвращался, какъ съ полнымъ ведромъ ягоды, вотъ тогда долго меня не увидите.

БУРАНОВА.

Василій Кузьмичъ, вы-ли это говорите? я васъ не узнаю.

ПЕРЕНОСОВЪ.

А вы думали, я такъ на-вѣкъ дуракомъ останусь, никогда за умъ не возьмусь?

БУРАНОВА.

Я думаю, что вамъ что-нибудь про меня насплетничали; и съ вашей стороны очень нехорошо всякому вѣрить и обижать меня. Мнѣ и безъ того немало отъ другихъ достается, если же ужъ и друзья мои будутъ меня обижать...

ПЕРЕНОСОВЪ.

Я васъ не желаю обижать, но вижу, что я вамъ непріятенъ... что же мнѣ остается? — одно: уѣхать.

Digitized by Google

БУРАНОВА.

Неправда, что вы мнѣ непріятны. Вы мой рыцарь, задушевный другъ, и я васъ очень люблю. Но оттого-то я и не церемонюсь съ вами и разговариваю совсѣмъ какъ сама съ собой... и теперь, какъ милѣйшему и близкому человѣку, прямо скажу: это вы хорошо падумали, уѣзжайте,—вы меня сегодня немножко стѣсняете.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Пріятная мнѣ откровенность, благосклонное напутствіе... только теперь мнѣ видно пѣшкомъ идти придется: мои лошади раньше послѣ-завтраго здѣсь не будутъ.

БУРАНОВА.

Вы съ Бережковыми ступайте. Анненька не ѣдетъ, у нихъ есть мѣсто въ колескѣ.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Какъ вы торопитесь меня выпроводить.

БУРАНОВА.

Такъ вы толкуете мое участье? Я занята сегодня и мнѣ больно, что не могу съ вами ни разговаривать, ни...

ПЕРЕНОСОВЪ.

И такъ этимъ не очень-то пользовался.

БУРАНОВА.

Вы сегодня невозможно щепетильны... (*Входитъ Бликъ.*) Ну вотъ, Анатолій Павлычъ, вамъ извѣстны мои сегодняшнія хлопоты и какіе разсчеты съ вами надо сдѣлать,—объясните ему,—сталъ обижаться, что я съ нимъ за-просто, безъ церемоніи, что мало ухаживаю за нимъ.

БЛИКЪ.

Вы его куда-нибудь пошлите.

ПЕРЕНОСОВЪ.

И то посылали: за цвѣтами, за три версты.

БУРАНОВА.

Избави Боже, я теперь стакана воды отъ него не возьму, чтобъ онъ не сказалъ, что я его все эксплуатирую.

Digitized by Google

ПЕРЕНОСОВЪ.

Я всегда готовъ...

БУРАНОВА.

Вотъ вамъ и друзья! это друзья называются... на кого я больше всего надѣялась, кому больше всего вѣрила. Вы бы радовались, что можете мнѣ доставить удовольствіе.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Елена Григорьевна, не корите. Сами войдите въ мое положеніе, — удовольствіе, удовольствіе! — когда говорятъ: убирайтесь вонъ, вы мнѣ этимъ доставите удовольствіе, — какая-жъ тутъ пріятность?

БЛИКЪ.

Кто-жъ это вамъ такъ говорилъ?—что́ вы выдумываете.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Ну, не совсѣмъ этими словами, а почти такъ. Вчера всѣ тутъ веселятся, я-же за картами бѣгай... потомъ вечеромъ въ сарай иди, помогай кучеру запрягать,—садись на козлы, дорогу показывай... сегодня Анну Ивановну занималъ, за букетами поѣзжай,— и та́къ каждый день, каждый день, вѣдь это на смѣхъ.

БУРАНОВА.

Вы бы сказали, что вы услугами тяготитесь.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Я не тягочусь, Елена Григорьевна. Въ моей преданности вы не можете сомнѣваться... Я къ вамъ ни разу съ пустыми руками не приходилъ; всегда или конфектъ принесешь, или что-нибудь такое... браслетъ вамъ подарилъ дорого́й...

БУРАНОВА.

Что́? вы позволяете себѣ...

БЛИКЪ.

Ну, ка́къ же васъ держать въ хорошемъ обществѣ и не посылать въ сарай, когда вы этакъ-то?... Вы должны быть счастливы, что взяли вашъ подарокъ, не кинули его вамъ въ физіономію; вѣдь это доказательство большого къ вамъ расположенія, не то что упрекать еще?...

Digitized by Google

БУРАНОВА.

Вашъ браслетъ вамъ будетъ отданъ сегодня, и если вы осмѣлитесь когда-нибудь хоть простое яблоко принести мнѣ...

ПЕРЕНОСОВЪ.

Что же я такое сказалъ?.. я не изъ скупости и не упрекаю.

БУРАНОВА.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, поѣзжайте-ка сегодня, на время, въ Москву,—это вамъ будетъ полезно: одумаетесь на досугѣ, поразмыслите, что̀ можно говорить, чего нельзя.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Хорошо-съ. Вы приказываете, я уѣду. Разумѣется, ужъ послѣ этого, что меня выгоняютъ, я не могу вернуться.

БУРАНОВА.

Васъ не выгоняютъ.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Какъ же не выгоняютъ!...

Уходитъ.

БУРАНОВА.

Вотъ вамъ мужицкій-то зипунъ! снимайте его, наряжайтесь въ тончайшее англійское сукно,—мужицкій зипунъ когда-нибудь да отзовется.

БЛИКЪ.

Его кто-нибудь науськазалъ, а то, вѣдь, онъ собственно добрый малый.

БУРАНОВА.

Ну, говорите, говорите; садитесь сюда... Узнали?

БЛИКЪ.

Узналъ-съ... Какъ это васъ однако заинтриговало, въ ненормальность приводитъ.

БУРАНОВА.

Что же? правда?

БЛИКЪ.

Онъ сегодня какой-то особенный, вашъ Николай Маркычъ. Искалъ, искалъ я его, насилу нашелъ. Лежитъ въ самой глуши,

Digitized by Google

подъ сосной, глаза въ небо и думаетъ,—и комаръ на носу, а онъ все думаетъ.

БУРАНОВА.

Ахъ! ей-Богу...

БЛИКЪ.

Что-жъ волноваться-то?! да-съ, оказывается правда. Анна Ивановна вамъ, вѣрно, разсказала: состоянья у него теперь никакого нѣтъ.

БУРАНОВА.

Все отдалъ брату?

БЛИКЪ.

Законнымъ образомъ, до послѣдней копѣечки, нотаріальнымъ порядкомъ.

БУРАНОВА.

Чѣмъ же онъ будетъ жить?

БЛИКЪ.

Николай Маркычъ человѣкъ не требовательный: бифштексъ съ картофелемъ,—онъ и сытъ.

БУРАНОВА.

На такія идіотскія выходки способны только ученые!.. Что-жъ это за братъ? что-жъ это за губка, высасывающая все существованіе близкаго человѣка?—какъ ему не совѣстно принимать эти деньги, разорять брата!?

БЛИКЪ.

Онъ тоже, вѣдь, не для себя, а во имя демократическихъ идей: фабрику ведетъ, фабричныхъ удовлетворяетъ, чтобъ было имъ и житье хорошее и доходъ... не коммерческимъ образомъ дѣло производитъ,—милосернымъ. Долго ли тутъ свое состояніе ухлопать!—вотъ Николай Маркычъ ему и благодѣтельствуетъ: ухлопай, говоритъ, и мое.

БУРАНОВА.

Благодѣтель, подумаешь!.. Хорошо такъ чваниться какому-нибудь купцу-милліонеру, у котораго все-таки милліоны останутся,—Николаю-то Маркычу что за ними тягаться?

БЛИКЪ.

Теперь ужъ нечего объ этомъ охать, не вернешь.

БУРАНОВА.

Словно вы не знаете, отчего я...

Digitized by Google

БЛИКЪ.

Знаю: вы разсчитывали женить его на себѣ; ну, неудача,— другого найдете.

БУРАНОВА.

Какія отвратительныя слова вы подбираете: женить на себѣ!— я люблю его.

БЛИКЪ.

Ну! у такихъ натуръ, какъ ваша и моя, любовь—особаго свойства: она, какъ иныя химическія тѣла, показывается только отъ примѣси золота.

БУРАНОВА.

А! вы мнѣ становитесь противны вашимъ цинизмомъ... Нѣтъ, право, я люблю его: въ немъ столько чистоты какой-то, благородства, котораго нѣтъ ни въ комъ изъ васъ... даже этотъ самый поступокъ: отдать все свое состояніе,—это нелѣпо, но это великодушно.

БЛИКЪ.

А я лучше скажу: это великодушно, но ужъ совсѣмъ нелѣпо.

БУРАНОВА.

Въ первый разъ въ жизни мнѣ начинало улыбаться счастье, и надо же...

БЛИКЪ.

У васъ въ женихахъ недостатка не будетъ.

БУРАНОВА.

Какъ-будто мнѣ нуженъ только женихъ, первый встрѣчный дуракъ!

БЛИКЪ.

Дуракъ! — что это значитъ: дуракъ?... Умъ вещь спорная. Иной умъ,—какъ великолѣпная картина художника: поставилъ ее въ музей, пришелъ, посмотрѣлъ и иди домой,—много-много, если за нее будешь собирать по четвертаку за входъ. Другой умъ—какъ портретъ на сторублевой ассигнаціи: на него и не взглянешь, и засаленъ-то онъ бываетъ, и разорванъ, — а гуляетъ по бѣлу-свѣту изъ рукъ въ руки, и одна бумажка другую родитъ. Вотъ для примѣра хоть бы этотъ Переносовъ: совсѣмъ дубовая голова, грамотно письма не напишетъ, — посмотрите, какъ онъ у себя въ лавкѣ распоряжается: геній! копѣйки никому даромъ не спуститъ.

Digitized by Google

БУРАНОВА.

Да, да, это ужасно, что тотъ, кто симпатиченъ, всегда — такъ неумѣлъ въ дѣлахъ; а кто умѣлъ, — тотъ такъ несимпатиченъ.

БЛИКЪ.

Мнѣ симпатичны всѣ, отъ кого я благостыню получаю.

БУРАНОВА.

Ей-Богу, можно даже пожалѣть, что нельзя имѣть двухъ мужей съ-разу: одного для дѣлъ, другого для сердца.

БЛИКЪ.

Бываютъ дамы,—устраиваютъ себѣ и этакій компромиссъ.

БУРАНОВА.

Ахъ, вы все паясничаете. Я серьёзно убита этимъ.

БЛИКЪ.

Вольно же убиваться. Я вамъ не совѣтчикъ, а на вашемъ мѣстѣ прибралъ бы къ рукамъ Переносова: велика важность, что не казистъ!—за то не нынче-завтра милліонеръ,—и этотъ ужъ никому своего не пожертвуетъ, развѣ вы у него отнимете...

БУРАНОВА.

Какъ же это—прибрать къ рукамъ?

БЛИКЪ.

Вы захотите, такъ онъ сейчасъ на васъ женится.

БУРАНОВА.

Анатолій Павлычъ, право, ужъ вы думаете, что мнѣ, кромѣ денегъ, ничего не нужно. Выдти замужъ за Переносова—да что́ вы? развѣ это человѣкъ?—довольно и того, что я его терплю въ моей гостиной.

БЛИКЪ.

Обтесался бы,— ничего.

БУРАНОВА.

Какъ вы меня мало уважаете. Бѣдный, бѣдный Николай Маркычъ!.. какъ же онъ все-таки будетъ жить? Кажется, онъ мѣсто гдѣ-то получаетъ, профессора въ какомъ-то университетѣ?

Digitized by Google

БЛИКЪ.

Да, но вѣдь университетскій профессоръ,—это всего-на-всего шестидесяти-тысячный билетъ государственнаго займа, безъ выигрышей: по пяти процентовъ, — три тысячи въ годъ; больше этого никогда не добудетъ.

БУРАНОВА.

Профессоръ можетъ и еще что-нибудь работать.

БЛИКЪ.

Каковъ предметъ. Вотъ, еслибъ онъ былъ химикъ, такъ могъ бы, пожалуй, консервъ какой-нибудь сочинить, чтобъ одной лепешкой цѣлую роту солдатъ накормить... или порошокъ для истребленія язвы нигилизма: взялъ бы привилегію или поставку въ казну,—вотъ и капиталъ. А вѣдь Николай Маркычъ зоологъ, никакой побочной операціи изъ своихъ знаній сдѣлать не можетъ.

БУРАНОВА.

Ну!—читать публичныя лекціи, писать сочиненія, книги.

БЛИКЪ.

Да, это, конечно. Ого, какая вы дальновидная; вездѣ статью доходную найдете... Только это гроши: публичныя лекціи у насъ читаютъ все съ благотворительной цѣлью; въ журналъ писать,—много не наработаете: вѣдь, не о тѣхъ скотахъ, что на двухъ ногахъ ходятъ, не фельетонная работа, за которую тысячи платятъ!.. Книги!—кто ихъ станетъ покупать? Теперь всѣ книгами Брема запаслись, такъ свой долгъ по зоологіи исполнили; другой книги не купятъ.

БУРАНОВА.

Учебникъ какой-нибудь! почемъ я знаю...

БЛИКЪ.

Ахъ, да!—дѣйствительно, почемъ *вы* знаете!?—Вы знаете все, вы выслѣдите источникъ живой воды, гдѣ другой и не помыслитъ о немъ. Но и тутъ: учебникъ долженъ быть одобренъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, принятъ, какъ пособіе въ казенныхъ заведеніяхъ,—тогда онъ хорошая процентная бумага; а безъ гарантіи правительства, онъ то же акція съ сомнительнымъ дивидендомъ. Искать этого Николай Маркычъ не станетъ,—да и вообще не станетъ онъ этимъ дѣломъ заниматься: лучше будетъ голодать.

Digitized by Google

БУРАНОВА.

Онъ гордъ, онъ честенъ!.. Бѣдный! да неужели на три тысячи всю жизнь?..

БЛИКЪ.

Коли ему это нравится!.. Господи, что̀ вамъ-то? Я бы на вашемъ мѣстѣ ликвидировалъ это дѣло въ своей головѣ и — конецъ.

БУРАНОВА.

Вы все не вѣрите, что во мнѣ тоже могутъ быть чувства и что я могу привязаться. Ахъ, какъ это меня разстроиваетъ! какъ разстроиваетъ! (*Входитъ Андреевъ*). Что̀ вамъ?

АНДРЕЕВЪ.

Мужики изъ Гарниловки пришли, — соглашаются.

БУРАНОВА.

Господи, Андреевъ, что̀ вы за управляющій? — со всякимъ пустякомъ ко мнѣ идете... Дѣлайте тамъ, какъ хотите, — мнѣ теперь совсѣмъ не до того.

АНДРЕЕВЪ.

Только они торгуются: семидесяти-пяти рублей не даютъ.

БУРАНОВА.

Сколько же даютъ?

АНДРЕЕВЪ.

Пятьдесятъ.

БЛИКЪ.

За что̀ это?

АНДРЕЕВЪ.

Озеро у насъ на границѣ,—половина берега наша, а половина — крестьянская; такъ мы не позволяемъ рыбу ловить: требуемъ, чтобъ намъ за это аренду платили.

БЛИКЪ.

Они имѣютъ право отъ своего берега ловить.

АНДРЕЕВЪ.

А мы не позволяемъ.

Digitized by Google

БУРАНОВА.

Ахъ, какъ вы не вб-время, Андреевъ, ей-Богу... (*Блику*) И вотъ вамъ справедливость судьбы!! Наглый аферистъ, глупый невѣжда, если онъ ловкій пройдоха,— наживаетъ сотни тысячъ, а ученый, даровитый труженикъ долженъ нищенствовать.

АНДРЕЕВЪ.

Я полагаю, Елена Григорьевна, можно взять пятьдесятъ рублей.

БУРАНОВА.

Вы всегда готовы уступить.

АНДРЕЕВЪ.

Что же мы выиграемъ? — на-половину озеро крестьянское; рыболовство, значитъ, и наше, и ихъ. Даютъ крестьяне пятьдесятъ рублей,—такъ только, чтобы къ мировому судьѣ не ходить, рабочіе дни не терять. Судъ намъ откажетъ.

БУРАНОВА.

Вы видите, какъ я разбита, разстроена,— и пристаете. Никогда вы мнѣ не будете хорошимъ помощникомъ; я умирать буду,—такъ и то за совѣтомъ придете, распорядиться не съумѣете. Гдѣ крестьяне?—я сама съ ними поговорю.

Уходитъ.

АНДРЕЕВЪ.

Анатолій Павлычъ, васъ господинъ Метельниковъ ожидаютъ въ саду. Они тамъ съ племянницей сидятъ подъ большой липой.

Входятъ АННА и ЛУКИНЪ.

БЛИКЪ.

Не очень-то засидѣлись. Скучненько съ дядюшкой-то, — съ молодымъ человѣкомъ лучше.

АНДРЕЕВЪ уходитъ.

АННА.

Дядя пошелъ къ заповѣдной рощѣ,— просилъ вамъ сказать.

Садится.

БЛИКЪ.

Экой какой!—я же ему говорилъ, чтобъ онъ не ходилъ туда безъ меня.

Уходитъ.

Digitized by Google

ЛУКИНЪ.

Какъ суетится!—не мастеритъ ли что?.. Анненька! отчего такая разсѣянная?.. раскисла, дружокъ?

АННА.

Какой я вамъ дружокъ!? Нѣтъ, я совсѣмъ вамъ не прежній дружокъ: я чувствую, какъ будто я потеряла какую-то волшебную силу. Бывало, прежде мнѣ такъ легко было и заставить васъ говорить, и заставить васъ смѣяться... — теперь не нахожу прежняго вдохновенія... Въ чемъ это состоитъ—не понимаю, но я разучилась, разучилась...

ЛУКИНЪ.

Несправедливо, Анненька.

АННА.

О, да! — я вамъ сознаюсь: сегодня утромъ я была ужасно зла на васъ,—такъ зла, какъ только я умѣю бывать. Мнѣ хотѣлось раздразнить васъ, разсердить... Вы мнѣ встрѣтились такимъ спокойнымъ и задумчивымъ, печальнымъ,—мнѣ стало жаль, я вздумала васъ развеселить: шутила, смѣялась, говорила о вашемъ братѣ... Это было послѣднее средство, это всегда удавалось. Когда, бывало, заговоришь о вашемъ братѣ, вы всегда оживлялись, а теперь—нѣтъ; у меня руки опустились... чего-то не хватаетъ во мнѣ, что прежде было,—я разучилась.

ЛУКИНЪ.

Дружокъ мой, могу же и я быть иногда не въ духѣ.

АННА.

Прежде вы такъ бы и сказали... Вы были больше какъ-то душа на-распашку... можетъ оттого, что съ ребенкомъ нѣчего чиниться.

ЛУКИНЪ.

Вы и теперь ребенокъ.

АННА.

О, нѣтъ, я выросла. Вы и не подозрѣваете, до какой степени я развилась. Можетъ быть, оттого вы этого не замѣчаете, что я росла на вашихъ глазахъ. Но какъ-то, помимо себя, вы перестали быть со мной откровенной.

ЛУКИНЪ.

Я не переставалъ; спросите, что хотите,—я не солгу и отвѣчу.

Digitized by Google

АННА.

Отвѣчу на вопросъ, выскажусь—не по своему желанью.

ЛУКИНЪ.

Есть вещи, о которыхъ самому начинать разговоръ непріятно.

АННА.

Такъ я вамъ помогу. Вамъ эта... женщина вчера признавалась въ любви?

ЛУКИНЪ.

Да, она любитъ меня.

АННА.

А вы?

ЛУКИНЪ.

И, кажется, такъ сильно привязалась...

АННА.

А вы? а вы? а вы?

ЛУКИНЪ.

Я чувствую себя передъ ней очень виноватымъ.

АННА.

Только виноватымъ?

ЛУКИНЪ.

Анненька, это ужъ и не умно: то вы цѣните мою честность, а то вдругъ: «только виноватымъ?»—только!.. Развѣ этого мало?—Еленѣ Григорьевнѣ я самъ навязался: ея одинокое положеніе и здравый умъ расположили меня къ ней,—я сталъ бывать. Отсюда споры и ссоры, взаимныя услуги и эта простота отношеній, которая такъ сближаетъ. Елена Григорьевна имѣла основаніе вѣрить въ мое участье, находить его болѣе, чѣмъ было. Теперь она готова оставить всѣхъ для меня, я неожиданно оказался причиной такого увлеченія, что мнѣ остается...

АННА.

Жениться на ней?

ЛУКИНЪ.

Я долженъ жениться.

Digitized by Google

АННА.

Почти долженъ, но... но дѣйствительно ли это лучшій исходъ?.. Вѣдь вы ей не желаете горя, и себѣ тоже, — и никому... Если вы ее не любите и заставите себя жениться по долгу чести... съ собой не всегда совладаешь... кто поручится, что вы не будете тяготиться этимъ... и тогда, сдѣлавшись раздражительнымъ, болѣзненнымъ... Теперь вы это разорвете, — она, пожалуй, пострадаетъ, все-таки не на-долго; послѣ это будетъ на всю жизнь... Что хуже?

ЛУКИНЪ.

Зачѣмъ мнѣ дѣлаться раздражительнымъ?

АННА.

Если вы себя только заставите жениться?

ЛУКИНЪ.

Она мнѣ не непріятна. Когда она отбросить нѣкоторыя привычки своего глупаго прошлаго, мы могли-бы сжиться и быть счастливыми.

АННА.

Такъ что же вы носъ вѣшаете? Вамъ улыбается счастье, — прекрасно! зовите попа и пѣвчихъ, пиръ горой и музыка! празднуйте вашу радость.

ЛУКИНЪ.

Я не этой выходки ждалъ отъ васъ.

АННА.

Чего-же вы ждали?

ЛУКИНЪ.

Я совсѣмъ спутался. Я разумомъ разсудилъ... повидимому хорошо разсудилъ, а между тѣмъ у меня камень на сердцѣ... Что такое? чего мнѣ недостаетъ и почему это такъ тяжело? я понять не могу... и больнѣе всего, что даже въ васъ, теперь, когда говорю объ вопросѣ всей моей жизни... и можетъ быть искалъ какого-нибудь разъясненія отъ вашего младенчески-чистаго чутья, я слышу только такой безобразный откликъ... это больнѣе всего, Анненька.

АННА.

Я разучилась, я совсѣмъ разучилась говорить съ вами.

Входитъ БУРАНОВА.

Digitized by Google

БУРАНОВА.

Что это? ужъ не урокъ-ли вы тутъ затѣяли давать?

АННА.

Урокъ—и очень поучительный.

БУРАНОВА.

Друзья мои, тутъ не мѣсто, отъ моего дома серьёзныя занятія бѣгутъ.

АННА.

Они бѣгутъ, откуда ихъ гонятъ.

БУРАНОВА.

Не зачѣмъ говорить мнѣ колкости, барышня; я мои пороки знаю и по мѣрѣ возможности стараюсь отъ нихъ избавиться... за то въ моемъ характерѣ нѣтъ сухости, у меня теплое, мягкое сердце. Я не могла бы какъ вы, дорогая Анна Ивановна, хладнокровно разсказывать, что Николай Маркычъ принужденъ былъ лишиться всего своего состоянія, шутить надъ этимъ и смѣяться.

ЛУКИНЪ.

Такъ это вы, Анненька, разгласили?

БУРАНОВА.

Неужели, Николай Маркычъ, нельзя было какъ-нибудь иначе помочь вашему брату—и вы въ самомъ дѣлѣ рѣшились?...

ЛУКИНЪ.

О, Господи! мнѣ покою не дадутъ съ этимъ проклятымъ состояніемъ. Бликъ меня даже въ рощѣ сыскалъ: правда-ли, что вы все имущество подарили брату? теперь—вы. Меня до Москвы будутъ сквозь строй гнать этими вопросами.

БУРАНОВА.

Всякій, кому вы дороги, не можетъ не принимать близко къ сердцу...

ЛУКИНЪ.

Ну да, ну да, тысячу разъ да,—я отказался отъ своего состоянія, я все подарилъ брату на его фабричное дѣло... сколько разъ мнѣ это еще повторять? и когда кончатся эти разспросы?

Digitized by Google

БУРАНОВА.

Простите... еслибъ я знала, что вы такъ раздражительны, я бы не спросила. Но это поступокъ до такой степени поражающій, такой... необычный, такой...

АННА.

Дурацкій, говорите прямо.

БУРАНОВА.

О, не навязывайте мнѣ мыслей, которыхъ во мнѣ нѣтъ. Николай Маркычъ достоинъ всякой похвалы и удивленья... въ наше время, когда каждый изъ насъ всѣ силы напрягаетъ, чтобъ скопить себѣ капиталецъ, онъ спитъ и видитъ какъ-бы отдѣлаться отъ своихъ денегъ.

ЛУКИНЪ.

Ваша похвала звучитъ насмѣшкой.

БУРАНОВА.

Я не умѣю говорить... и притомъ я маленькая женщина, съ маленькими буржуазными понятіями о нравственности. Высокіе полеты, широкое великодушіе меня удивляютъ, но я сама для нихъ не рождена. Я не побоюсь даже при этой барышнѣ, которая такъ постоянно издѣвается надо мной, откровенно сказать: мнѣ было жаль услышать, что вы такъ добровольно себя разорили.

АННА.

Какъ вамъ не пожалѣть.

БУРАНОВА.

Я сама люблю эту поэзію безпечности; но и страдаю отъ нея. Подумайте, какая цѣль?... вы вашей сотней тысячъ не накормите всѣхъ голодныхъ, не дадите работы всѣмъ нуждающимся въ заработкѣ, не остановите вѣчную эксплуатацію бѣднаго богатымъ. Примѣръ передъ вами: вашъ братъ,—онъ былъ богаче васъ;—горячій поборникъ прекрасныхъ идей, онъ готовъ былъ положить жизнь, чтобъ дать бѣдняку честный, хорошо оплаченный трудъ,—и разорился... Теперь вы отдаете ему и свои деньги, онъ опять разорится, и бѣдняки вернутся къ первобытному состоянію.

АННА.

Вы не понимаете пользы такихъ разореній?

Digitized by Google

ЛУКИНЪ.

Елена Григорьевна, мнѣ непріятенъ этотъ разговоръ.

БУРАНОВА.

Дайте ужъ мнѣ кончить, чтобъ меня ложно не осуждали... А между тѣмъ, Николай Маркычъ, вы сами обрѣзываете крылья вашему таланту, вашему собственному научному труду,—вы дѣлаете себя рабомъ куска хлѣба... Вы, который вполнѣ заслужилъ тихую отрадную семейную жизнь, и своей добротой, и честными взглядами, и трудомъ, вы должны задумываться надъ такими вещами, какъ плата за квартиру и за дрова, васъ должна безпокоить старая шляпа жены и разорванные башмаки дѣтей... Я повторяю: я маленькая женщина, я не могу оторваться отъ этихъ мелочей, которыя поѣдомъ ѣдятъ нашу жизнь... Пока вы одни, вы ихъ не видите, къ своей обстановкѣ мы никогда не бываемъ такъ строги, какъ къ обстановкѣ дорогихъ намъ людей. Благоразумно-ли было отравить себѣ навсегда жизнь съ любящей женщиной, счастье семьи?

АННА.

Найдется же и на его долю жена, которая не будетъ настоль продажна, чтобъ не допустить его до такихъ мыслей.

БУРАНОВА.

Вы рѣзкая дѣвушка, и слишкомъ молоды, чтобъ судить объ этомъ. Отъ преданнаго мужа, повѣрьте, не скроешь, до какой степени можетъ быть тяжела заботливость жены. Для этого не нужно быть продажной.

АННА.

Тяжела заботливость о мужѣ? о мужѣ, котораго любишь?.. о! Елена Григорьевна, вы понимаете заботливость только, когда она обезпечена и не стоитъ труда.

БУРАНОВА.

Анна Ивановна, это ужъ и лишнее.

АННА.

Я рѣзкая—да... я рѣзкая и не люблю притворства. Вы скажете: я клевещу на васъ; провѣримъ же мои слова, сдѣлаемъ опытъ... Елена Григорьевна, что если бы теперь, сейчасъ, Николай Маркычъ въ отвѣтъ на ваше вчерашнее признаніе въ любви...

Digitized by Google

ЛУКИНЪ.

Анна, я не давалъ вамъ права...

АННА.

Въ отвѣтъ на вашъ вчерашній поцѣлуй...—о, это не онъ мнѣ сказалъ, я сама видѣла, вы очень хорошо знаете, что я сама видѣла...—такъ еслибъ онъ теперь предложилъ вамъ выдти за него замужъ, сдѣлаться его подругой на всю жизнь, что́ бы вы сказали?

БУРАНОВА.

Онъ поручилъ вамъ спросить меня?

АННА.

Николай Маркычъ, ради нашей дружбы, ради моего высокаго уваженія къ вамъ, которому я такъ много обязана... вы только-что сами сказали, что вы должны на ней жениться... подтвердите мои слова.

ЛУКИНЪ—колеблясь.

Будь по вашему.

АННА.

Вамъ Николай Маркычъ дѣлаетъ предложеніе, согласны-ли вы быть его женой?

БУРАНОВА.

Мнѣ обидно, Николай Маркычъ, что вы позволяете этой дѣвочкѣ вмѣшиваться въ такое интимное дѣло, касающееся только меня и васъ.

АННА.

Да если вы сами этого желаете и желаете сильно,—не все вамъ равно—когда? гдѣ? кто вамъ первый принесетъ радостную вѣсть?—за такую вѣсть заклятому врагу можно броситься на шею!

БУРАНОВА.

Но такъ какъ вы не нашли иного способа сдѣлать мнѣ предложеніе, я вамъ вотъ что́ отвѣчу. Вчера я, можетъ быть, позволила себѣ больше, чѣмъ слѣдовало, и вижу дурныя послѣдствія, я не ждала постороннихъ нескромныхъ свидѣтелей... все равно, я не отказываюсь отъ моихъ словъ, я васъ люблю, мнѣ вѣрится, что подлѣ васъ я буду счастлива... а вы? вы это дѣлаете нисколько непринужденно? вполнѣ разсчитывая на себя?

АННА.

Она сомнѣвается въ васъ,—она васъ не любитъ.

Digitized by Google

БУРАНОВА.

Я должна это знать, потому что я готова идти за вами, принесть вамъ какую угодно жертву, но не буду рабою. Я хочу, чтобъ и вы отвѣчали мнѣ тѣмъ же, чтобъ и вы были способны на жертвы, если понадобится...

АННА.

Вотъ ея довѣріе!.. вотъ!..

БУРАНОВА.

Я не ищу мгновенныхъ экзальтацій, хоть бы онѣ давали блаженство, я хочу тихаго, прочнаго счастья. Способны-ли вы мнѣ дать такое счастье? скажите по совѣсти. Или, лучше, оставимъ пока, подождемъ, обдумаемъ, какъ мы станемъ жить вмѣстѣ... Обдумаемъ все до мелочей... да, я—мелочная, я вѣдь сознаюсь въ этомъ... не будемъ рѣшаться такъ внезапно, чтобъ потомъ ни въ чемъ не раскаяваться... оба обдумаемъ.

АННА.

Обдумаемъ! обдумаемъ! развѣ вы не думали, когда начинали любить?.. Откуда же является эта любовь, какъ не оттого, что человѣкъ становится близкимъ, что такъ умѣешь оцѣнить все въ немъ хорошее, что такъ умѣешь понять его, что каждая мысль его дѣлается вашей мыслью, каждое слово, точно вы его сами сказали?.. Чего же думать, когда такой человѣкъ протягиваетъ руку? оттолкнуть его, значитъ—оттолкнуть себя;—бояться жизни съ нимъ, значитъ—бояться жить!.. нѣтъ, вы его не любите, зачѣмъ же вы лгали!?

БУРАНОВА.

Я не взбалмочная дѣвочка, способная броситься подъ колесницу своего героя.

АННА.

Скажите лучше: вчера вы его считали богатымъ и потому готовы были задушить въ своихъ объятіяхъ,—сегодня вы знаете, что онъ бѣденъ, и боитесь.

БУРАНОВА.

Анна Ивановна, вы доходите до крайностей, простите—до дерзостей... вы потеряли всякое самообладаніе; изъ всего этого я вижу одно: что вы сами влюблены въ Николая Маркыча.

АННА—внезапно смущена.

Я?..

Digitized by Google

ЛУКИНЪ—съ невольно вырвавшейся радостью.

Да, Анненька, вы меня любите, вы, и никто больше!.. Я прозрѣвать начинаю. Правда, вы совсѣмъ выросли, и какъ я этому радъ.

АННА—совсѣмъ растерянная.

Что вы? что вы?.. Съ моимъ-то холоднымъ, сухимъ характеромъ...

Хочетъ идти.

ЛУКИНЪ.

Не уходите!..

Входятъ БЕРЕЖКОВА, КАТЯ, ЛИЗА и ПЕРЕНОСОВЪ.

БЕРЕЖКОВА.

Прощайте, господа.

АННА—Бережковой.

Александра Николаевна, извините, я васъ попрошу... возьмите меня съ собой, я въ одну минуту буду готова.

БЕРЕЖКОВА.

Опять передумала?

ЛУКИНЪ.

Я васъ не пущу.

АННА.

Мнѣ необходимо ѣхать, я не могу, не могу...

БЕРЕЖКОВА.

Какъ же мы усядемся? Вѣдь вотъ я обѣщала взять Василія Кузьмича.

БУРАНОВА.

Василій Кузьмичъ останется у меня, и я постараюсь, чтобъ ему не было скучно.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Серьёзно?

БУРАНОВА.

Останьтесь, вы не раскаетесь.

АННА.

Да, да, онъ останется,—спасибо вамъ, я сейчасъ, сейчасъ...

Убѣгаетъ.

Digitized by Google

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Общая комната въ подмосковной дачѣ. АГРАФЕНА, справа, вглядывается въ окно.

АГРАФЕНА—послѣ нѣкоторой паузы, машетъ рукой.

Поскорѣя!!. Идите же!.. Идите!.. (*Входитъ Анна*). Слава тебѣ Господи, гдѣ вы это были?

АННА — на головѣ и въ рукахъ полевые цвѣты.

Въ раю была, въ небесномъ царствѣ.

АГРАФЕНА.

Когда вы ушли-то? Я не слыхала.

АННА.

Ты спала, какъ убитая. Я ушла еще солнце не всходило, еще совсѣмъ было темно.

АГРАФЕНА.

И дверь отпертой оставили въ кухнѣ, кто-жъ этакъ дѣлаетъ? Долго-ли мошеннику:—вошелъ, взялъ самоваръ съ полки—и былъ таковъ. Что за гулянье ночью?

АННА.

Не спалось мнѣ; проснулась въ два часа, надоѣло на постели ворочаться, встала, умылась и ушла гулять.

АГРАФЕНА.

И собаки-то, чай, дивились, куда это вы спозаранку?

АННА.

Тишь такая была, что точно всѣ мертвые, все спало, каждый кусточекъ. Я пошла все впередъ и впередъ, не разбирая дороги, потомъ вдоль рѣки: вижу лодка привязана, я въ лодку, переѣхала на другую сторону...

АГРАФЕНА.

Мало вамъ мѣста было тутъ-то.

АННА.

Тамъ дорога пошла все въ гору, да гору... и все свѣтлѣй, свѣтлѣй становилось... лошади тутъ паслись, отъ нихъ длинныя

Digitized by Google

такія тѣни по всему полю... А на горѣ стало совсѣмъ свѣтло и солнцемъ меня такъ и обдало, такъ по всѣмъ жилкамъ теплотой разлилось,—и не жжетъ. Я все дальше да дальше... Я пахала, знаешь?

АГРАФЕНА.

Какъ пахала?

АННА.

Землю пахала, сохой. Мужикъ на гору выѣхалъ на работу,—я къ нему: Богъ помочь, дѣдушка, дай мнѣ попахать.

АГРАФЕНА.

Не знаете, что́ изъ себя и сдѣлать-то.

АННА.

Поучилъ меня. Съ юбками никакъ не сладишь, такъ я ихъ подобрала и его кушакомъ подвязала. Только трудно какъ, все вкривь да вкось сворачиваетъ; а то вдругъ и поскакала соха по верху, землю-то и не забираетъ...

АГРАФЕНА.

Долго вы какъ.

АННА.

Я потомъ въ лѣсъ зашла, выбрала мѣсто поглуше и сѣла думать. Такъ ловко пришлось, спиной къ дереву прислонилась, птицы кругомъ летаютъ, жуки жужжатъ... Я сидѣла, сидѣла, и заснула... крѣпко такъ; я думаю часа три проспала.

АГРАФЕНА.

Ишь ты вѣдь.

АННА.

Вдругъ собака залаяла надъ самымъ моимъ ухомъ,—я такъ и вскочила. Охотникъ какой-то проходилъ, крикнулъ на нее, отозвалъ. Я встала и пошла домой. Еле нашла дорогу-то: плутала, плутала.

АГРАФЕНА.

Боязни въ васъ никакой нѣтъ,—сохрани Богъ, разбойникъ бы наскочилъ.

АННА.

Откуда онъ возьмется?

Digitized by Google

АГРАФЕНА.

Здѣсь, подъ Москвой, жуликовъ-то не обери Господи; такъ бы обчистили, что безъ платья бы домой пришли.

АННА.

Который часъ?

АГРАФЕНА.

Двѣнадцатый, пожалуй-что въ половинѣ. Константинъ Иванычъ давно встали, сердились очень. Когда, говоритъ, мнѣ ее нужно, она уходитъ. Послалъ меня за вами, искать васъ,—вы тутъ и идете. Чаю, что ли, вамъ дать?

АННА.

Нѣтъ, не надо. (*Смѣясь*). Я вѣдь ѣла. Меня этотъ мужикъ-то угощалъ. Хлѣбъ у него горячій былъ и густо-густо насыпано крупной солью, такъ и хруститъ на зубахъ,—превкусно.

АГРАФЕНА.

Нашли вкусъ: мужичій хлѣбъ. Чай, тамъ и щепокъ и песку замѣсено, и мука-то ужъ какая—послѣдній сортъ.

АННА.

А мнѣ вкусно.

Вынимаетъ изъ кармана мѣдную монету, завертываетъ въ бумагу и кидаетъ въ окно.

АГРАФЕНА.

Что вы кидаете? Нищему? такъ. (*Въ окно*) Уходи, уходи, ладно ужъ. (*Аннѣ*) Что вы ихъ пріучаете? Пойдутъ теперь, каждый день пойдутъ тутъ высматривать, и не досчитаетесь серебряной ложки.

АННА.

Не отъ излишка проситъ, не отъ излишка и украдетъ,—ха, ха!.. Каковы васильки? Дай-ка я тебя разукрашу.

Украшаетъ ея голову цвѣтами.

АГРАФЕНА.

Полно, не шалите.

АННА.

Чудесно какъ хорошо.

АГРАФЕНА.

Чудесно! какъ пугало гороховое. Вы чтой-то веселы сегодня?

Digitized by Google

АННА.

Потому я весела, что я замужъ выхожу.

АГРАФЕНА.

Врите больше.

АННА.

Ты думаешь, я такая бездольная, никто ко мнѣ и не присватается.

АГРАФЕНА.

Отчего не присвататься! Да вы вправду, что-ли?

АННА.

Вправду. Вчера оно рѣшилось, я никому не говорила, а сегодня не могу: всѣмъ скажу! всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ!.. чтобы всѣ знали.

АГРАФЕНА.

Какъ же такъ? Вы вчера весь день въ комнатѣ просидѣли.

АННА.

А письмо-то я получила?.. (*Вынимаетъ письмо*). Вотъ оно. (*Раскрываетъ и читаетъ*) «Гдѣ были мои глаза, дружокъ, гдѣ былъ мой умъ? Такъ долго я знаю васъ, и какъ я васъ знаю! Такъ долго обойтись не могу безъ васъ, и самъ этого не вижу. Нужно было это несчастное столкновеніе съ этой барыней, чтобъ я прозрѣлъ. Но я благодаренъ ей: она заставила мою умницу заговорить откровенно и сбросить свою скрытность. Вы любите меня,—это вѣрно, какъ то, что мы живемъ на свѣтѣ. Что-жъ ты спряталась отъ меня, улитка? Я заходилъ,—ты сказалась больной, я вѣдь понимаю, что это неправда. Теперь я *тебѣ* протягиваю руку, какъ ты говорила? Оттолкнуть ее значитъ—не жить? Такъ, что-ли?.. Вѣдь не на вѣтеръ ты это сказала? Честное слово,—мы принадлежимъ другъ другу, и чѣмъ скорѣй это будетъ, тѣмъ лучше»... Вотъ.

АГРАФЕНА.

Напуталъ, напуталъ, что-жъ это тутъ сказано?

АННА.

Сказано, что мы любимъ другъ друга, и я за него замужъ иду.

Digitized by Google

АГРАФЕНА.

За кого?

АННА.

За Николая Маркыча.

АГРАФЕНА.

Вотъ стоило!

АННА.

Что? Что?

АГРАФЕНА.

Онъ добрый-то—добрый, да скучный такой. Я думала, что вы за нашего капитана.

АННА.

Безтолочь ты—и недостойна моихъ цвѣтовъ, давай назадъ.

Снимаетъ съ нея цвѣты. Входитъ МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Ну, хоть во́ время вернулась. Куда это, матушка, ушла до свѣту. Мнѣ очень тебя нужно, Анна.

АННА.

Дядя Костя, я тебѣ хочу кое-что сказать.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Что тамъ? Мнѣ некогда, слушай лучше...

АННА.

Я вчера получила письмо отъ Николая Маркыча.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Какъ это меня касается?—пишетъ тебѣ свою философію.

АННА.

Ну, не надо, хорошо; я не буду говорить, говори ты.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Письмо? что́ же за письмо? я слушаю.

АННА.

Нѣтъ, за такой твой привѣтъ я тебѣ этого письма никогда не покажу.

Digitized by Google

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Ахъ, матушка, какъ наказала, за штатомъ оставила. Ну, Анна, бросимъ пустяки. *(Аграфенѣ)* Ты чего стоишь? ступай въ кухню. *(Аграфена уходитъ).* У меня просьба до тебя. Сегодня мы назначили съ Еленой Григорьевной порѣшить на счетъ имѣнья, она въ Москвѣ и ждетъ меня къ двѣнадцати часамъ.

АННА.

Ты все-таки хочешь сдѣлать эту аферу?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Слушай, пожалуйста. Я долженъ ей внести деньги и обмѣняться условіями: чтобъ у меня съ ея подписью было, а у нея съ моей, понимаешь?... ну, вотъ деньги приготовлены, досталъ и безъ твоего Николая Маркыча,—и вотъ условіе... но я ѣхать не могу. Бликъ сегодня утромъ прислалъ съ кучеромъ сказать, чтобъ я непремѣнно его ждалъ съ утра до часу,—что если не дождусь, будетъ мнѣ большая непріятность... Кто его знаетъ, можетъ и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь... Между тѣмъ и Елену Григорьевну пропустить нельзя, она еще вчера мнѣ говорила, что у нея другой покупщикъ наклёвывается... тоже—прогулять этакое дѣло...

АННА.

Ты хочешь, чтобъ я къ ней съѣздила?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Съѣзди, пожалуйста... Ей-богу, вѣдь другой разъ въ жизни такого случая не представится. Ужъ мои всѣ счеты-разсчеты сдѣланы... съѣзди, душенька. Вотъ деньги: пятнадцать тысячъ, и вотъ условіе съ моей подписью... ты отъ нея возьми росписку и ея условіе.

АННА.

Изволь. *(Въ дверь)* Аграфена, дай мнѣ пальто.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Извощиковъ я сегодня много видѣлъ у лавочки.

АННА.

Давай.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ — передавая ей деньги и условіе.

Пожалуйста, какъ-нибудь, помилуй Богъ, не перепутай. Деньги крѣпче держи, не потеряй... чтобъ кто еще не вытащилъ...

Digitized by Google

АННА—прача деньги.

Ахъ, какъ скучно! право, точно я все маленькая дѣвочка... средь бѣла дня не ограбятъ... Будь покоенъ: вреда я тебѣ не сдѣлаю.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Ну, ну, поѣзжай. Да что это, Аграфена!...

Выходитъ АГРАФЕНА съ пальто въ рукахъ.

АГРАФЕНА.

Несу, несу. *(Метельниковъ уходитъ).* Куда вы собрались?

АННА—надѣвая пальто.

Не надолго... Аграфена, если придетъ... если онъ придетъ,—Николай Маркычъ... чтобъ не уходилъ, ни за что чтобъ не уходилъ, — я очень скоро вернусь. *(Идетъ)* Да, еще... ты никому не говори, что я тебѣ сказала; погоди, я сама всѣмъ скажу.

Входитъ БЕРЕЖКОВА.

БЕРЕЖКОВА.

Здравствуйте, суровое дитятко, здравствуйте; не ждали? браниться станете, что пріѣхала?—я кого люблю, тому и на зло буду полезна.

АГРАФЕНА уходитъ.

АННА—цѣлуя ее.

Нѣтъ, я сегодня не злая, я сегодня мягче мякины.

БЕРЕЖКОВА.

Нехорошее выраженіе: мягче мякины; скажите: мягче воску. Молоденькую дѣвушку, чистое существо, можно сравнить съ нѣжнымъ бѣлымъ воскомъ: согрѣешь его—и лѣпи потомъ. Мягче мякины! — что это?... Какъ ужъ мнѣ пріятно васъ видѣть такой, то-ли дѣло, веселой.

АННА.

Въ самомъ дѣлѣ? искренно пріятно?

БЕРЕЖКОВА.

Какъ же не искренно-то? для какихъ цѣлей мнѣ сочинять? отъ такой крапивочки добиться добраго расположенія,—это праздникъ. На добрый характеръ всегда легче вліять,—я очень счастлива, что вы веселы.

АННА.

И будете радоваться моей радости?

Digitized by Google

БЕРЕЖКОВА.

Всѣмъ моимъ существомъ буду радоваться. Какая у васъ радость?

АННА.

Бывало это съ вами, Александра Николаевна, когда-нибудь, что у васъ такая радость!.. все бы объ ней только и говорилъ со всякимъ встрѣчнымъ?

БЕРЕЖКОВА.

Не знаю, можетъ быть и бывало... да вѣроятно бывало.

АННА.

Такъ вотъ теперь у меня... Да что-жъ это я съ вами!—я вѣдь собралась идти. Меня дядя посылаетъ по дѣлу; вы не разсердитесь? я скоро вернусь.

БЕРЕЖКОВА.

Ступайте, ангелочекъ, я подожду. Такими хорошими минутами надо пользоваться: вы сегодня воспріимчивѣе ко всякому участливому слову и замѣчанію.

АННА.

Ну воскъ, совершенный воскъ. Сегодня я готова отдаться вамъ совсѣмъ въ руки: отогрѣвайте меня и лѣпите изъ меня какое угодно чучело.

БЕРЕЖКОВА.

Вотъ опять: чучело!.. нехорошее выраженіе. Все съ подсмѣиваньемъ!—Испугалась, что я на дачу пріѣхала, такъ на весь день на нее насяду. Не бойтесь, надоѣмъ—такъ и уйду; у меня дома черезъ два тутъ еще знакомые живутъ.

АННА.

Вамъ не позволятъ уйти. Виновата, это моя манера говорить, сорвалось съ языка. Я сегодня ужасно добродушна, я хочу, чтобъ всѣ мной остались довольны, и буду прелюбезной хозяйкой. До свиданья. *(Идетъ къ выходу и останавливается)*. Даже... сказать ли вамъ, почему я такъ весела сегодня?

БЕРЕЖКОВА.

Почему?

АННА.

Нѣтъ, послѣ, послѣ... *(Снова идетъ и снова останавливается).*

Digitized by Google

Или... да все равно, что тамъ!.. *(Подходитъ къ Бережковой).* Я... я получила письмо... показать развѣ вамъ?

БЕРЕЖКОВА.

Покажите,—отъ кого?

АННА.

Смотрите же, за это вы должны радоваться со мной вмѣстѣ... вотъ, на-те. *(Подаетъ письмо. Бережкова силится вынуть письмо изъ конверта).* Что вы такъ схватили, вы разорвете,—дайте я выну. *(Вынимаетъ письмо и развертываетъ).* Вотъ.

БЕРЕЖКОВА собирается читать. АННА смотритъ въ письмо чрезъ ея плечо.

БЕРЕЖКОВА—читаетъ.

«Гдѣ были мои»... *(Анна цѣлуетъ Бережкову).* Что это? постойте, не разберу... «мои»...

АННА—вырывая письмо.

Оставьте! вы не умѣете читать.

БЕРЕЖКОВА.

Безъ очковъ-то плохо видно.

АННА.

И не надо... потомъ, потомъ когда-нибудь.

БЕРЕЖКОВА.

Вы прочтите сами.

АННА.

Нѣтъ, нельзя; ей-богу нельзя; потомъ.

БЕРЕЖКОВА—качая головой.

Какая вы...

Входитъ МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Анна! ты все еще не уѣхала?... Господи, ты опоздаешь...

АННА.

Уѣзжаю, уѣзжаю.

Уходитъ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Извините, Александра Николавна,—мое почтенье,—дѣло есть важное. Благодаримъ покорно, что пожаловали.

Digitized by Google

БЕРЕЖКОВА.

Какъ она меня утѣшила сегодня, ваша дѣвочка, сказать не могу.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Что вы?

БЕРЕЖКОВА.

Совсѣмъ она перерождается; поразила меня. Хоть я и опытна на эти вещи, но и я не думала, что можно такъ скоро ее передѣлать. Прошлый разъ, какъ мы поѣхали отъ Елены Григорьевны, она упорно молчала и дичилась.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Я васъ еще и не благодарилъ...

БЕРЕЖКОВА.

Мои дѣвочки замучились, ухаживая за ней: и пѣли-то, и стихи декламировали, игры разныя выдумывали,—она хоть бы что!—совсѣмъ дикая. Я въ отчаяніе приходила, что ее ничто не беретъ; а оказывается: одинъ такой день и ее узнать нельзя... общительная, добрая стала, болтливая, цѣлуетъ меня такъ дружески. Удивительная натура, — ужасно податлива на хорошее вліяніе.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Вѣдь ужъ и вы въ этомъ дѣлѣ маэстро.

БЕРЕЖКОВА.

Но что я замѣтила... говорить-ли только вамъ?.. у ней есть тайна. Вы что́ оглядываетесь?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Мнѣ показалось, что вошли. Я жду по дѣлу... *(Дверь отворяется. Онъ вскакиваетъ. Входитъ Лукинъ).* Ахъ, это вы?

ЛУКИНЪ.

Я. Здравствуйте.

Раскланивается съ Бережковой.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Я жду Блика по дѣлу. Анны дома нѣтъ, она въ Москву уѣхала.

Digitized by Google

ЛУКИНЪ.

Какъ въ Москву? Мнѣ Аграфена сказала, что она просила меня дождаться ее.

БЕРЕЖКОВА.

И мнѣ сказала, что сейчасъ вернется.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Да, вѣрно, долго не задержится; но все-таки вѣдь ѣзды до города полчаса, да назадъ. *(Входитъ Бликъ).* А! вотъ вы! просто истомилъ меня; весь день перепуталъ. Мнѣ крайность уѣхать, а тутъ его жди.

БЛИКЪ.

И хорошо, что подождали; благодарите Бога; были бы вы у праздника.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Что такое? говорите. *(Лукину)* Николай Маркычъ, васъ это занимать не можетъ, это дѣла коммерческія,— вы бы пока вотъ Александру Николавну въ садъ попросили.

БЛИКЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не уходите. Что́ я имѣю сообщить, то всѣ должны знать. Поздравьте меня, поздравьте... Ну, что-жъ вы не поздравляете? Какъ вы полагаете, что́ такое Бликъ?—Вы думаете, Бликъ умный, ловкій малый, достойный сынъ вѣка, финансовый волшебникъ?—Ошибаетесь... Видали вы, когда мостовую мостятъ, такъ трамбовками этакими утрамбовываютъ? тумбы этакія, обрубокъ деревянный желѣзнымъ кольцомъ обтянутъ?—вотъ это и есть Бликъ.

ЛУКИНЪ.

За что вы себя такъ казните?

БЛИКЪ.

Женщина!—настоящая: съ длинными волосами; женщина—въ шиньонѣ и юбкѣ—надула и провела!—mercі!

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Кто такое?

БЛИКЪ.

Кому же больше?—она, вдова безпомощная, Елена Григорьевна. Взялась за меня хлопотать; князь Похлестовъ у ней

Digitized by Google

свой человѣкъ, ручки цѣлуетъ, слюни распускаетъ,—я и прошу: «князь, молъ, директоръ желѣзной дороги, — выхлопочите мнѣ подрядъ на поставку дровъ по всей линіи». Она со всѣмъ своимъ удовольствіемъ согласна;—и выхлопотала. Только себѣ выхлопотала, а не мнѣ.

БЕРЕЖКОВА.

Можетъ ли быть?

БЛИКЪ.

Вчера я въ конторѣ узналъ,—подрядъ утвержденъ за ней.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Елена Григорьевна въ подряды пускается?—да что она смыслитъ?

БЛИКЪ.

Она!? — она смыслитъ, сколько мы тутъ всѣ вмѣстѣ не смыслимъ!—Она такое зелье, что я бы ее сейчасъ директоромъ любого банка сдѣлалъ.

БЕРЕЖКОВА.

Куда же ей?

БЛИКЪ.

Я ей всѣ подробности изложилъ: гдѣ лѣсъ дешевле купить, какъ его доставить на какую станцію; да еще на бумагѣ, оселъ этакій, на бумагѣ, чтобы она толковѣе съ княземъ переговорила... всѣ выгоды, всѣ невыгоды объяснилъ, чтобъ она и то, и это отстояла... Она взяла, да все себѣ, а я—съ носомъ. Да еще диви бы даромъ я просилъ,—вѣдь я же для нея хлопоталъ, вѣдь вотъ съ Костантинъ Иванычемъ по ея имѣнью-то шлялся-шлялся,—ноги окостенѣли; вралъ ему все, что ей нужно было.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Вралъ?

БЛИКЪ.

Неужто-жъ вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что ея имѣнье стоитъ сорока-тысячъ? Вѣдь тамъ земли-то одинъ, два, да обчелся.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Позвольте,—по планамъ вычислено.

БЛИКЪ.

По какимъ планамъ?—эти планы три года назадъ сдѣланы;

Digitized by Google

она съ тѣхъ поръ половину земель крестьянамъ продала, да самые лучшіе куски,—у нея болота больше, чѣмъ земли.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Болото торфяное.

БЛИКЪ.

Ужъ не хотите ли вы торфомъ торговать?.. Вы думаете торфъ,—это все равно, что бисквитный пирогъ: вырѣзалъ изъ него кусокъ да съѣлъ?.. Вѣдь это одно только наше невѣжество!!. вѣдь для этой выдѣлки нуженъ стотысячный капиталъ; у васъ труха будетъ, а не торфъ!

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Однако вы сами говорили...

БЛИКЪ.

Я много вамъ всякой всячины говорилъ. Я и про заповѣдную рощу говорилъ, что тамъ глушь непроходимая и лѣсу строительнаго не оберешься, когда тамъ и деревьевъ-то только-что на опушкѣ, а въ серединѣ все вырублено и гладко, какъ на головѣ плѣшивой старухи.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Зачѣмъ же вы меня удерживали?—не пустили дойти до рощи?

БЛИКЪ.

Затѣмъ и удержалъ, чтобъ вы этого не знали. Вѣдь она мнѣ за это обѣщала подрядъ выхлопотать.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Ну, ужъ и вы,—хороши... Какъ же теперь?.. пожалуй, подъ залогъ имѣнья и не дадутъ сорока тысячъ.

БЛИКЪ.

Экъ, вѣдь!—сорокъ тысячъ!!.. Она сама его въ прошломъ году заложить хотѣла,—ни одинъ банкъ больше десяти тысячъ не давалъ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Такъ на что же мнѣ это имѣнье покупать? это мое разоренье... что-жъ вы это дѣлаете?

БЛИКЪ.

Спасаю васъ,—больше ничего. У васъ сегодня было назна-

Digitized by Google

чено, что вы ей деньги свезете и условіе; я васъ дома и задержалъ, чтобъ предупредить. Ни денегъ, ни условія вы ей не давайте и скажите, что вы ея имѣнье не покупаете... Нѣтъ, сударыня, слишкомъ ужъ вы карманъ набиваете, какъ бы не разорвался.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

А вѣдь я деньги-то, пятнадцать тысячъ, и условіе послалъ къ ней.

БЛИКЪ.

Ну, пеняйте на себя. Кто-жъ васъ подъ-руку толкалъ торопиться?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Елена Григорьевна говорила, что у нея еще покупщикъ. Я думалъ—перебьютъ. Я не куплю имѣнья, я возьму назадъ и условіе, и деньги.

БЛИКЪ.

Такъ она вамъ сейчасъ и отдастъ!.. — у васъ въ условіи-то неустойка назначена; а что къ этой вдовѣ беззащитной попало,— такъ—какъ ключъ ко-дну.

ЛУКИНЪ.

Съ кѣмъ же вы послали деньги?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Съ Анной, Анна повезла.

ЛУКИНЪ.

Анна вашу аферу справляетъ?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Она только-что уѣхала... Неправда ли, Александра Николавна, — вѣдь она сейчасъ съ нами тутъ говорила!?.. она не успѣла еще доѣхать до города... извощики такіе дрянные здѣсь,— ее можно догнать, остановить... Бликъ, ступайте скорѣй... нѣтъ, я лучше самъ поѣду, сейчасъ; только сюртукъ накинуть, — я успѣю.

Убѣгаетъ.

ЛУКИНЪ.

Ну, натворили вы тутъ гадостей порядочно...

БЛИКЪ.

Вольно же слѣпнуть!—глаза есть—и гляди.

Digitized by Google

ЛУКИНЪ.

Александра Николавна, вы Анну видѣли? Какъ она вамъ сказала: что въ городъ ѣдетъ, въ Москву?

БЕРЕЖКОВА.

Она только сказала, что скоро будетъ; — сейчасъ, говоритъ, вернусь, дождитесь меня.

ЛУКИНЪ.

Тутъ что-то непонятное,—надо узнать.

Уходитъ.

БЛИКЪ.

Одного я не пойму: откуда это вдова деньги взяла?.. Мнѣ въ конторѣ говорили, что она вчера же залоги внесла. У нея не было,—по крайней мѣрѣ, клялась, что нѣтъ...

БЕРЕЖКОВА.

Можетъ, князь ей далъ.

БЛИКЪ.

Ну, князю по пятнадцати тысячъ бросать не приходится,— онъ больше на-счетъ протекціи.

Входитъ ПЕРЕНОСОВЪ.

ПЕРЕНОСОВЪ.

А! Анатолій Павлычъ! (*Рукопожатіе*). Александра Николавна, здравствуйте. Что, Елена Григорьевна, не здѣсь ли?

БЛИКЪ.

Нѣтъ вашей Елены Григорьевны, нѣтъ.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Почему же это она моя?

БЛИКЪ.

Вы теперь при ней безотлучно состоите,—все васъ вмѣстѣ встрѣчаютъ, на побѣгушкахъ у нея. Ваши приказчики жалуются, что вы въ лавку еле-заглядываете.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Изъ этого нельзя заключать, что она моя... Странное дѣло, гдѣ-жъ она можетъ быть? Я сейчасъ къ ней заѣзжалъ: дома нѣтъ. Я зналъ, что сегодня она должна видѣться съ Константинъ

Digitized by Google

Иванычемъ, — я и думалъ ее застать здѣсь. Странно, куда-жъ она?..

БЛИКЪ.

Подите, гоняйтесь за ней!.. Можетъ, она теперь на биржѣ торгуется, или въ думѣ выпрашиваетъ себѣ на аренду кремлевскія стѣны, или въ купеческомъ банкѣ пыль московскую заложить старается, — кто скажетъ, гдѣ предѣлъ ея коммерческаго генія?!

БЕРЕЖКОВА.

Можетъ быть, она еще пріѣдетъ сюда,—вы подождите.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Непремѣнно пріѣдетъ. Она сегодня должна получить съ Константина Иваныча задатокъ за имѣнье и возвратить мнѣ мои акціи.

БЛИКЪ.

Акціи?

ПЕРЕНОСОВЪ.

Я ей далъ третьяго-дня, подъ росписку, разныхъ бумагъ на пятнадцать тысячъ. Она обѣщала, что сегодня, какъ получитъ, такъ и отдастъ.

БЕРЕЖКОВА.

Ну вотъ, это она у него для залоговъ-то деньги заняла.

БЛИКЪ.

Преклоняюсь передъ тобой, волшебница!.. за такой подвигъ я ей даже прощаю, что она у меня подрядъ изъ-подъ носу украла. У этого скареда пятнадцать тысячъ выманить, такъ — здорово живешь!.. Еще я бы понялъ бутылку шампанскаго, или ужинъ какой-нибудь, или монъ-супиръ, колечко съ бирюзой,—но пятнадцать тысячъ!—преклоняюсь.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Какъ выманить? я подъ росписку далъ и только на два дни.

БЛИКЪ.

Теперь понимаю, почему вы ее не застали: она просто васъ не приняла.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Ну, ужъ это извините-съ, кого другого, но не меня.

Digitized by Google

БЛИКЪ.

Да на что вы ей теперь нужны?... Деньги вѣдь она получила? чего-жъ ей?.. глупую рожу вашу, что-ли, она не видала?

ПЕРЕНОСОВЪ.

Анатоль Павлычъ, совѣтую воздержаться.

БЛИКЪ.

Самъ собственноручно ей акціи отдалъ... Божественно!! я у нея ножки расцѣлую... да она у вора дубинку украдетъ, тотъ и не замѣтитъ.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Прошу васъ, Бликъ, не продолжать... И вообще я желалъ бы, чтобъ вы такъ не отзывались объ Еленѣ Григорьевнѣ, иначе вы будете имѣть дѣло со мной.

БЛИКЪ.

Если я-то съ вами буду дѣло имѣть, это не бѣда; а вотъ что она съ вами дѣла ведетъ,—такъ ужъ тутъ запишите ваши пятнадцать тысячъ угольком въ трубѣ.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Вздоръ, вы все подозрѣваете; у меня росписка ея... и на словахъ она мнѣ обѣщала непремѣнно сегодня отдать.

БЛИКЪ.

На словахъ-то я вамъ Петербургъ подарю, со всей требухой. Возьмите, мамочка, все возьмите: и Неву, и Александровскую колонну,—мнѣ не жаль!

ПЕРЕНОСОВЪ.

Не можетъ быть, не можетъ быть! — понимаете, у меня росписка.

Входитъ МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ—торопясь.

До свиданья, господа, извините...

ПЕРЕНОСОВЪ.

Поздоровайтесь по крайности...

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Мнѣ-съ рѣшительно некогда!—пустите пожалуйста.

Digitized by Google

ПЕРЕНОСОВЪ.

Скажите, ради Христа, Константинъ Иванычъ, одно слово: вы отдали Еленѣ Григорьевнѣ задатокъ за имѣнье?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Оставьте меня, ну, что́ вы пристали!..

Входитъ БУРАНОВА.

БЕРЕЖКОВА.

А! и сама на лицо. Какой вы тутъ, матушка, кутерьмы надѣлали?

БУРАНОВА—цѣлуя ее.

Вѣчно что-нибудь напутаю, ужъ такая несчастная. Здравствуйте... (*Метельникову*) Я ждала, ждала,—вы не ѣдете, я и пріѣхала сама.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Такъ вы племянницу мою не видали?

БУРАНОВА.

Анеточку? какъ же, видѣла. Я ее въ паркѣ встрѣтила, мы даже вмѣстѣ тамъ на скамеечкѣ посидѣли, и я ее подвезла. Лукинъ намъ повстрѣчался, такъ она съ нимъ въ садъ пошла.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ—сквозь зубы.

Провалилось дѣло!

Отходитъ и выпиваетъ стаканъ воды.

БУРАНОВА.

Да у васъ всѣ мои пріятели.

ПЕРЕНОСОВЪ.

А я у васъ былъ... Сказали, что дома нѣтъ,—я сюда.

БУРАНОВА.

На что́ же вы за мной по всему свѣту гоняетесь?

ПЕРЕНОСОВЪ.

Вы обѣщали, что сегодня отдадите мнѣ мои акціи.

БУРАНОВА.

Такъ и дрожитъ. Отъ васъ и одолженье-то противно принимать... и Бликъ здѣсь?

Digitized by Google

БЛИКЪ.

Преклоняюсь предъ вашимъ геніемъ—и благодарю за ходатайство.

БУРАНОВА.

Ахъ, другъ мой, что же мнѣ дѣлать? Князь съ тѣмъ только и выхлопоталъ подрядъ, чтобъ я его сама взяла, на свое имя; онъ на ваше имя ни за что не соглашался. Да что за бѣда? берите его, ведите дѣло отъ моего имени.

БЛИКЪ.

Съ вами вмѣстѣ?—Ну, нѣтъ-съ, это пускай тотъ ведетъ, кому своихъ денегъ не жаль.

БУРАНОВА.

Вы думаете, оттого что я такая безтолковая, такъ меня обмануть? я и вмѣшиваться не буду: вы ведите подрядъ сами, мое будетъ только имя.

БЛИКЪ.

Слишкомъ оно дорого стóитъ, ваше имя; знаю я, какъ вы не будете вмѣшиваться,—поди-ка, добейся даромъ-то вашей подписи.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ—подходя къ ней.

Елена Григорьевна,.. вы, разумѣется, дама молодая, вамъ нужны деньги для удовольствій и для всего... Еще замужъ выйдете... но, Елена Григорьевна, не забудьте: есть и Богъ на небеси.

БУРАНОВА.

Я этого никогда не забываю.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Какъ же вы мнѣ продаете имѣнье за сорокъ тысячъ, когда оно едва половину того стóитъ?

БУРАНОВА.

Неужели?

БЕРЕЖКОВА.

Вообразите, что Бликъ тутъ разсказываетъ: будто вы какіе-то старые планы показывали, земля ваша будто на половину уже продана крестьянамъ.

БУРАНОВА.

Можетъ быть, и продана, почемъ же я знаю?.. Вѣдь это все

Digitized by Google

мой управляющій,—что-жъ вы его не спросили? Анатолій Павлычъ, вѣдь вы водили Константина Иваныча по имѣнью, отчего вы тогда ему не сказали?

БЛИКЪ.

Заступники святители!!.. Я же останусь виноватъ. Вѣдь я надѣялся, что вы мнѣ подрядъ выхлопочите... Вы же меня просили, чтобъ я ему при осмотрѣ имѣнья товаръ лицомъ показалъ, —глаза бы отводилъ, гдѣ что подгуляло.

БУРАНОВА.

Что вы, что вы, пожалуйста!... Я просила, чтобъ вы показали какъ слѣдуетъ, ничего бы не забыли, а лгать я васъ не просила... Ну, скажите, вотъ за него же меня будутъ считать обманщицей.

БЛИКЪ.

Какъ? Такъ не вы меня просили, чтобъ я его не водилъ въ заповѣдную рощу, потому что тамъ всѣ деревья наперечётъ?

БУРАНОВА.

Я просила не водить въ рощу,—я боялась, что вы устанете, такъ какъ роща далеко въ сторонѣ; а если нужно было ее показать, зачѣмъ вы не пошли? Почемъ я знаю, нужно или не нужно? я вамъ предоставила. Что онъ на меня наговариваетъ? Господа, это ужасно! заступитесь...

ПЕРЕНОСОВЪ.

Вотъ то-то, Анатоль Павлычъ, чѣмъ обвинять-то...

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Ну, Богъ съ нимъ... Теперь вы видите, Елена Григорьевна, что имѣнье не стоитъ этихъ денегъ; ну, будемъ считать, что ничего между нами не было,—оставайтесь вы при своемъ, я при своемъ.

БУРАНОВА.

Какъ же такъ? Вы отказываетесь отъ покупки?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Да.

БУРАНОВА.

Какъ же это?.. Что вы меня путаете? У меня и такъ путаная голова; вы совсѣмъ спутаете. У меня на эти деньги ужъ

Digitized by Google

свой разсчетъ сдѣланъ: вотъ я Василію Кузьмичу должна долгъ отдать.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Да-съ, я съ тѣмъ уговоромъ и деньги давалъ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

За что же мнѣ-то разоряться и платить втри-дорога? Хоть пожалѣйте человѣка.

БУРАНОВА.

Почему я знаю: дорого или недорого? Можетъ быть—такъ, а можетъ быть, и не такъ. Вы бы мнѣ не уступили, еслибъ я продешевила? Вы бы воспользовались моей оплошностью? Ну, ужъ пускай такъ судьба и рѣшаетъ: ваше счастье или мое счастье, какъ уговорились, такъ пускай и будетъ. Что-жъ вы за дѣловой человѣкъ? то куплю, то не хочу... такъ нельзя, я не могу согласиться... это, ей-богу, что-жъ такое...

Входятъ ЛУКИНЪ и АННА.

АННА—подойдя къ дядѣ..

Вотъ, дядя Костя, возьми назадъ.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Что это?

АННА.

Твои деньги и твое условіе.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Деньги? Какія деньги? Мое условіе? Такъ ты ей не отдала?

АННА.

Стану я тебѣ помогать въ скверномъ дѣлѣ! Я удержать тебя хотѣла, чтобъ афера твоя лопнула, чтобъ у тебя перебили покупку. На, возьми.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Спасла! спасла меня отъ разоренья!.. Умница ты моя! (*Цѣлуетъ ее. Потомъ Бурановой*). Что-жъ вы, сударыня, изволите упорствовать? Вѣдь если у васъ ни задатка, ни условія съ моей подписью нѣтъ, такъ и дѣла никакого нѣтъ. Вотъ оно, мое условіе.

Разрываетъ въ клочки бумагу.

Digitized by Google

БУРАНОВА.

Рѣшительно?.. Отказываетесь?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Сумасшедшій я что-ли, чтобъ на себя руки накладывать.

БУРАНОВА.

Вотъ васъ, Анатолій Павлычъ, такъ должна я благодарить.

БЛИКЪ.

Нарвались! ха, ха... усладительно слышать, не все же вамъ удаваться должно... Да вы не пропадете, вы свое на другомъ наверстаете.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Какъ же, Елена Григорьевна, мои акціи?

БУРАНОВА.

Я вамъ теперь отдать не могу, онѣ въ залогахъ.

ПЕРЕНОСОВЪ—вынувъ росписку.

Вы обѣщали сегодня,—и вотъ росписка...

БУРАНОВА.

Вы видите, я сама не получаю. Оттого я и въ роспискѣ написала, что отдамъ по возможности.

БЛИКЪ.

Что? Что? покажите-ка, что́ она написала? (*Читаетъ росписку*). «Обязуюсь отдать по возможности...» ха, ха,—а если эта возможность будетъ на томъ свѣтѣ?!..

БУРАНОВА.

Анатолій Павлычъ, оставьте дурные намеки! Я не виновата, что сама обманута... Когда у людей хватаетъ чести отказываться...

АННА.

Не вамъ о чести говорить!

ЛУКИНЪ.

Теперь я васъ понимаю, Елена Григорьевна, и беру всѣ мои слова назадъ,—вы знаете, съ кѣмъ вы знакомитесь и какое удовольствіе отъ кого можете получить.

Digitized by Google

БЛИКЪ.

Но скажите, ради Христа, какими напѣвами сирены вы могли этому аршиннику туману напустить, чтоб всучить такой документъ?—«по возможности!» ха, ха,—геніальная выдумка!

БУРАНОВА.

Господа... я вижу, тутъ всѣ на меня напустились... я къ такимъ рѣчамъ не привыкла; со мной всегда обращались вѣжливо, — притомъ я женщина и одинокая, меня легко обидѣть и некому за меня вступиться... я лучше удалюсь.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Елена Григорьевна, Елена Григорьевна!..

БУРАНОВА.

А васъ, Василій Кузьмичъ, я прошу меня больше не посѣщать. Я вамъ написала росписку какъ умѣла; я вашихъ формальностей не знаю. Тутъ дѣлаютъ какіе-то нехорошіе намеки, которыхъ не должно быть; такъ, чтоб не имѣли права больше сплетничать, я васъ прошу ко мнѣ не ходить. Я вамъ отдамъ ваши акціи, когда буду въ состояньи...

БЛИКЪ.

«По возможности!» ха, ха!..

БУРАНОВА.

Безъ меня, пожалуйста, безъ меня. Я ухожу—и тогда говорите; я не могу позволить себѣ слушать дерзости, я не привыкла къ этому... извините, извините...

Идетъ къ двери.

ПЕРЕНОСОВЪ.

Елена Григорьевна!..

БУРАНОВА—величественно и строго.

Я сказала.

Быстро уходитъ.

БЛИКЪ.

Королева!

БЕРЕЖКОВА.

Такъ въ самомъ дѣлѣ съ дамой нельзя, невѣжливо...

Digitized by Google

БЛИКЪ.

Да, она еще васъ не надула; погодите, надуетъ, тогда будете вѣжливы.

ПЕРЕНОСОВЪ.

У нея-то что за вѣжливость?—сегодня нѣжности, и сладкія рѣчи, и коробъ обѣщаній; а завтра, деньги сцапала, хлопъ дверь передъ носомъ?.. я адвоката найму! я въ судѣ докажу, что у нея есть возможность мнѣ заплатить!.. Прощайте, я ей опомниться не дамъ.

Уходитъ.

ЛУКИНЪ.

Что вы за несчастные люди, подумаешь! Сколько у васъ хлопотъ, и раздраженія, и горя,—изъ-за чего? чтобъ надуть другъ друга да обобрать.

БЛИКЪ.

Въ духѣ времени, Николай Маркычъ, въ духѣ времени! — это борьба жизни. И прежде обманывали и обирали, но не умѣли при этомъ честными оставаться.

ЛУКИНЪ.

Какъ же, какъ же, очень честными!

БЛИКЪ.

А то нѣтъ?.. Киньте камень вотъ хоть бы въ нашу вдову. Видѣли, съ какимъ сознаніемъ правоты она вышла?.. Обобрать не штука, если сила есть,—аферу ловко обдѣлать, на законномъ основаніи, не то; тутъ талантъ, творчество!..

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

И сколько же теперь этого таланту! и гдѣ только на него не наткнешься!—Господи!.. Женщины, и тѣ въ аферы пускаются. Да какія?!—которымъ бы на облакахъ валяться, онѣ...

БЛИКЪ.

Что женщины?—дѣти!.. мнѣ сынишка разсказывалъ,—у нихъ гимназистъ стянулъ у товарища карандашъ, да въ лотерею его и разыгралъ. Дойдетъ до того, что грудной младенецъ повойникъ со своей кормилицы прохожему продастъ. И по-дѣломъ!—стало быть кормилица зазѣвалась. Духъ времени таковъ, держи ухо востро.

Digitized by Google

ЛУКИНЪ.

Стóитъ ли хлопотать, мучиться, страдать?

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Какъ же не стóитъ, Николай Маркычъ! за деньги-то?.. Какъ вы ни мудрствуйте, все съ деньгами легче жить,—и, что̀ таить, не удалось мнѣ это предпріятіе, а жалко, что не удалось.

ЛУКИНЪ.

Эхъ вы! будьте вы довольны, что̀ на вашихъ рукахъ нѣтъ этой грязи спекуляцій; живите себѣ понемножку своимъ трудомъ, благо онъ васъ обезпечиваетъ, не тянитесь за бóльшимъ, а главное, пока можете и сколько можете, разумно пользуйтесь жизнью. Оглянитесь-ка, не глупы ли эти спекулянты? что ихъ за жизнь?— Сегодня богатъ, завтра нищій, тамъ опять богатъ и опять разорился; сколько ихъ стрѣлялось, съ ума сходили. Все мечутся, все устраиваются: «вотъ, молъ, еще немножко, и тогда поживу!!..» А время не ждетъ, жизнь прожита среди страха и злобы, и тотъ же гробъ подъ конецъ. Коли ужъ не понимаютъ, что нечестно, хоть бы видѣли, что неразсчетливо. Сами себя истерзали, сами отняли у себя всякую добрую радость и истрепали даже лучшее наше чувство,—любовь!

БЕРЕЖКОВА—поощрительно.

Ну, ну, еще!..

ЛУКИНЪ.

Ха, ха!.. я замѣчаю, что сталъ читать поученье!—привычка къ каѳедрѣ, простите. Но ужъ коли объ любви дѣло зашло, такъ... Константинъ Иванычъ, я забылъ вамъ сказать: я женюсь на вашей племянницѣ.

ВСѢ.

Что? вотъ отрѣзалъ? Что такое?!

АННА.

Мы съ нимъ бракосочетаемся! по-русски вамъ сказано.

БЕРЕЖКОВА.

Что̀ за сумбуръ такой?!. Такъ нравственно и краснорѣчиво говорилъ, я даже хотѣла попросить, чтобъ повторилъ передъ моими дочерьми; вдругъ оборвалъ, ни съ того, ни съ сего: женюсь. Словно говоритъ: пойдемте гулять.

Digitized by Google

ЛУКИНЪ.

Я объявляю ко всеобщему свѣдѣнію.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Филозо́фъ! вѣренъ своей филозофіи. Какъ же мнѣ теперь? тоже этакъ сломя голову отвѣчать: честь имѣю васъ поздравить?

Смѣется и цѣлуетъ ихъ.

БЛИКЪ.

А что? вѣдь они пара. Оба такіе фантазеры и...

АННА.

Полоумные?

БЛИКЪ.

Крошечку не безъ того. Непрактичны очень. Говорить такъ благородно, безкорыстно, говорить,—это прекрасно, это тоже въ духѣ времени; я самъ, пожалуй, буду за вами повторять... но дѣйствовать—надо практичнѣе. Погодите жениться; подите вы прежде въ школу, возьмите нѣсколько уроковъ практической жизни у Елены Григорьевны.

МЕТЕЛЬНИКОВЪ.

Да ужъ и у васъ.

БЛИКЪ.

Гдѣ мнѣ!? что я передъ ней—одно невѣжество! Она же еще теперь только начинаетъ, а дайте-ка ей хорошенько расправить крылышки...

ЛУКИНЪ.

Нѣтъ, лучше ужъ не пророчьте!

Викторъ Крыловъ.

Digitized by Google

ЕКАТЕРИНИНСКІЯ РЕФОРМЫ

ВЪ

ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ

Прибалтійскія провинціи, завоеванныя Петромъ Великимъ, были присоединены къ Россіи съ тѣми правами и привилегіями, какими онѣ пользовались подъ шведскимъ владычествомъ. Между тѣмъ, эти права и привилегіи шли иногда въ разрѣзъ не только съ русскими государственными учрежденіями, но и вообще съ мыслью о прогрессѣ.

Всего лучше это доказывается дѣломъ о ревизіи 1757 года. Въ этомъ году была произведена въ Лифляндіи ревизія; лифляндскому рыцарству это не понравилось, и слухъ объ этомъ недовольствѣ дошелъ до императрицы Екатерины II; тогда она именнымъ указомъ отъ 14-го іюля 1764 года, даннымъ на имя рижскаго генералъ-губернатора Броуна, приказала подавать всѣ жалобы на ревизіонную коммиссію генералъ-губернатору въ мѣсячный срокъ. Жалобы эти состояли въ слѣдующемъ: 1) Послѣдняя ревизія подъ шведскимъ владычествомъ была произведена въ 1688 году; этой ревизіею положены въ окладъ не только заселенныя, но и порожнія земли; но нигдѣ не упомянуто о томъ, что должны быть опять ревизіи. Петръ I, Екатерина I соизволили подтвердить, чтобы никакими податями, кромѣ тѣхъ, которыя платились подъ шведской короной, не отягощать остзейскія провинціи; 2) послѣднею ревизіей положены въ окладъ 8 крестьянъ, поселившихся подъ мызой Аброль на вновь расчищенномъ изъ-подъ лѣсу мѣстѣ; но объ этихъ 8 крестьянахъ въ вакенбухахъ 1688 г. нѣтъ и по-

Digitized by Google

мину; 3) положены въ окладъ и причислены къ гакамъ кубіаскія (старостскія) и другихъ мызныхъ служителей земли, чего нѣтъ въ вакенбухахъ 1688 года; а этотъ вакенбухъ «нынѣшнимъ ревизіямъ во всемъ служить имѣетъ непремѣннымъ правиломъ», добавляли недовольные; 4) поставлены въ гаки мельницы; 5) поставлено въ окладъ нѣсколько усадебъ, отданныхъ шинкарямъ и не записанныхъ въ вакенбухъ 1688 года; 6) нѣкоторыя земли, платившія денежный оброкъ, но не записанныя въ вакенбухъ 1688 года, положены въ гаки.

Всѣ эти жалобы очень характерны: правительство, оказывается, до скончанія вѣка не должно дѣлать ревизій; изъ какихъ-нибудь 8-ми крестьянъ, положенныхъ въ окладъ и не упоминаемыхъ въ вакенбухѣ 1688 г. (ясно, что тогда и упоминать о нихъ было нельзя, потому что ихъ не существовало на свѣтѣ) затѣялось дѣло, которое при тогдашнемъ судопроизводствѣ тянулось отъ 1757 г. по 1765 г. Между тѣмъ вслѣдствіе ревизіи 1757 года сумма всѣхъ податей, которыя слѣдовали въ казну, увеличилась; но когда началось дѣло у рыцарства съ ревизіонной коммиссіей, то велѣно было подати платить въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онѣ платились до 1757 г. Рыцарство, однако, само собирало доходы на основаніи послѣдней ревизіи, которую оно считало неправильною, а въ казну отдавало по ревизіи 1688 года. Сенатъ нашелъ всѣ жалобы лифляндскихъ дворянъ несправедливыми, всѣ толкованія ихъ ревизіоннаго меморіала 1688 года невѣрными, и съ рыцарства велѣно было взыскать всю разницу, которую оно получило за всѣ тѣ годы, когда происходила эта распря [1]). Точно также сенатъ нашелъ, что дерптскій магистратъ и купечество «дерзновенно, несправедливо и незаконно толкуетъ свои мнимыя отъ польскихъ королей привилегіи, и стараются тѣмъ данные отъ шведскихъ королей и высочайше конфирмованные законы обезсилить». Такимъ образомъ, русскому правительству довольно было хлопотъ съ остзейскимъ краемъ, много было заботы о томъ, какъ бы не поступить «въ противность тамошнихъ правъ», а рыцарство при всякомъ удобномъ случаѣ старалось опираться на свои права и привилегіи и ссылалось на всевозможные законы, когда-нибудь изданные и практиковавшіеся въ остзейскомъ краѣ болѣе или менѣе продолжительное время. Такъ, дерптскіе купцы, желая, чтобы на ихъ ярмарку позволено было пріѣзжать и иностраннымъ купцамъ, ссылались въ просьбѣ, поданной въ сенатъ по этому поводу, и на конфирмацію польска-

[1]) П. С. З. № 13,241.

Digitized by Google

го короля Сигизмунда, 1582 года, и на отвѣтъ королевскаго штатгальтера Радзивилла, 1583 года, на привилегіи Сигизмунда, 1568 г. и на конфирмацію королевы шведской Христины, 1646 г., и всѣ эти толкованія, по словамъ сената, оказались «дерзновенными, несправедливыми и незаконными».

Практическій умъ Екатерины не могъ сжиться съ подобнымъ положеніемъ дѣлъ; совершая реформы внутри Россіи, Екатерина не могла оставить остзейскія провинціи коснѣть въ средневѣковой старинѣ, отжившей и не согласовавшейся ни съ временемъ, ни съ личными взглядами самой императрицы. Преобразованія эти должны были захватить и Прибалтійскій край, къ величайшему неудовольствію привилегированной части жителей. Въ секретной инструкціи, данной генералъ-прокурору князю Вяземскому при назначеніи его на эту должность въ 1763 году, говорилось: «Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями; нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно-бъ было, однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на томъ же основаніи, есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостью. Сіи провинціи, также смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, *если разумные люди избраны будутъ начальниками* въ тѣхъ провинціяхъ». И вотъ, тѣ законодательныя мѣры Екатерины II, которыя имѣли цѣлью уничтожить различіе, существовавшее между этимъ краемъ и остальной Россіей, и поставить его въ одинаковыя съ ней условія.

Первый шагъ къ привлеченію Лифляндіи и Эстляндіи къ участію въ общегосударственныхъ тягостяхъ былъ сдѣланъ во время первой турецкой войны. 17-го ноября 1768 года въ протоколахъ государственнаго совѣта записано: «По представленію князя А. А. Вяземскаго о нѣкоторыхъ сборахъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, разсуждено, что и симъ провинціямъ въ тягость быть не можетъ къ понесенію, по ихъ силѣ, нѣкоторыхъ возлагаемыхъ прибавкою ежегодно къ государственнымъ доходамъ по нуждѣ чрезвычайныхъ издержекъ, и такъ на семъ основаніи дать повелѣніе, чтобъ собираемо было съ будущаго января на всѣ годы по 150,000 талеровъ, до окончанія мира». 8-го декабря: «Читаны были помянутымъ провинціямъ по сей матеріи выписанныя королевскія права (статуты), потомъ рескриптъ къ генералъ-губернатору Броуну, и росписаніе о положеніи на оныя провинціи 200,000 талеровъ, но какъ сія сумма для нихъ тягостна

Digitized by Google

быть можетъ, то разсуждено было, чтобъ болѣе 150,000 не полагать, какъ на земли, такъ и на города» [1]). 29-го декабря читанъ былъ въ присутствіи самой императрицы рескриптъ, данный генералъ-губернатору рижскому Броуну. Въ этомъ рескриптѣ, между прочимъ, говорилось: «Лифляндское и Эстляндское княжества не могутъ не признаться, сколь они отягчены бывали подъ владѣніемъ шведскимъ и въ мирныя времена разными чрезвычайными налогами, но тѣмъ не меньше долженствовали тогда шведскимъ королямъ въ государственныхъ чрезвычайныхъ нуждахъ, а паче въ военныхъ обстоятельствахъ, соучаствовать новыми сверхъ тѣхъ налоговъ податьми. Мы, напротиву того, уповаемъ, что сіи княжества всегда должное учинятъ намъ признаніе за тѣ плоды благоденствія, тишины и безопасности, которыми они пользуются совершенно отъ самаго дня подданства ихъ подъ нашъ императорскій скипетръ, состоя непремѣнно подъ однѣми своими издревле обыкновенными податьми. Чего ради, имѣя всегда къ симъ провинціямъ всемилостивѣйше наше призрѣніе, не инако, какъ въ случаѣ теперь вѣроломной и наступательной противу насъ войны, а потому и чрезвычайныхъ на то издержекъ, чрезъ сіе нашею монаршею властію повелѣваемъ, дабы во все время начавшейся нынѣ войны, доколѣ оная придолжится, провинція Лифляндская съ островомъ Эзелемъ платили намъ 100,000 албертовыхъ талеровъ на годъ» [2]). Такой же указъ посланъ былъ на имя эстляндскаго генералъ-губернатора принца Голштейнъ-Бека. Эстляндія должна была платить 50,000 рублей. Раскладку должно было сдѣлать самимъ, не исключая изъ этого числа и «коронныхъ поссессій». Эта подать обыкновенно платилась въ два срока: къ 1-му январю и въ Ивановъ день [3]). Такая же подать въ сумму около 3,000 р. наложена была и на Нарву въ іюлѣ мѣсяцѣ 1769 года; а такъ какъ первый срокъ платежа подати уже минулъ, то требовалось деньги собрать съ полученія указа въ шестинедѣльный срокъ [4]).

---

[1]) Архивъ государ. сов., 1 т., 405 стр.

[2]) П. С. З. №№ 13,222, 13,223.

[3]) Въ 1771 году 4-го іюля, вслѣдствіе наводненія, постигшаго рижскую губернію, по докладу г. губернатора положено «не брать совсѣмъ контрибуціи со 158 гаковъ, кои, по представленію тамошняго генералъ-губернатора, больше претерпѣли, а съ города Риги собрать ея только половину». Арх. госуд. сов., 1 т., 280 стр.

[4]) Окончательно уничтоженъ этотъ сборъ вслѣдствіе манифеста 17-го марта 1775 года. 12-й пунктъ высочайше дарованныхъ разныхъ сословіямъ милостяхъ по случаю заключеннаго мира съ Портою гласитъ: «Сборъ съ княжества лифляндскаго, съ острова Эзеля, княжества эстляндскаго и съ города Нарвы, наложенный на время

Digitized by Google

Но подобная мѣра, какъ экстраординарный налогъ по случаю войны, конечно, не имѣла никакого значенія въ смыслѣ «обрусенія» этого края. Гораздо болѣе имѣло значенія въ этомъ отношеніи примѣненіе другихъ реформъ, введенныхъ въ Россіи: учрежденія о губерніяхъ и городового положенія. Къ нимъ мы и обратимся.

Еще до изданія учрежденій о губерніяхъ 4 мая 1766 г. былъ введенъ въ нѣкоторыхъ городахъ лифляндской губерніи, какъ-то: Феллинѣ, Вольмарѣ, Лемзалѣ, Валкахъ, Венденѣ и Аренсбургѣ, не имѣвшихъ у себя никакого полицейскаго надзора, полицейскій уставъ, тотъ же самый, который вошелъ потомъ въ учрежденія о губерніяхъ. Такимъ образомъ, Екатерина заранѣе стала подготовлять жителей этого края къ принятію новыхъ русскихъ учрежденій и начала съ такихъ городовъ, въ которыхъ введеніе этого устава не могло встрѣтить такого сопротивленія, какъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ полиція была организована на другихъ началахъ. О необходимости полиціи тамъ между прочимъ говорилось слѣдующее: «недостатокъ полиціи общему ихъ (жителей упомянутыхъ городовъ) благополучію препятствуетъ; ибо невозможно, чтобъ въ городахъ всякіе промыслы и учрежденія оставлены на волю жителямъ, не имѣя полиціи и никакого оной учрежденія, могли достигнуть цвѣтущаго состоянія» [1]). 7 ноября 1775 года были изданы учрежденія о губерніяхъ; вводились они не вдругъ по всей Россіи, а постепенно; до остзейскихъ провинцій очередь дошла только въ 1783 году. Съ 1782 года начали готовиться къ преобразованію ихъ на основаніи общаго учрежденія о губерніяхъ; 3-го декабря этого года данъ былъ на имя сената указъ; въ немъ говорилось: «предполагая въ будущемъ 1783 года устроить Рижскую губернію въ образѣ, учрежденіями нашими отъ 7 ноября 1775 года предписанномъ, повелѣваемъ: нашему генералу и тамошнему генералъ-губернатору графу Броуну учинить раздѣленіе той губерніи на двѣ области: Рижскую и Ревельскую, и оныхъ на уѣзды по пространству и населенію, города по удобности назначить, согласиться съ генералъ-губернаторами и правящими ту должность о границахъ сего намѣстничества съ прикосвенными ему и о всемъ томъ намъ представить» [2]). По представленію Броуна, изъ о. Эзеля и другихъ лежащихъ на Балтійскомъ морѣ острововъ предполагалось образовать особую область

турецкой войны... всемилостивѣйше отрѣшаемъ и повелѣваемъ онаго не сбирать и не платить». П. С. З. № 14,275.

[1]) П. С. З. № 12,636.

[2]) Ibid. № 15,606.

Digitized by Google

съ раздѣленіемъ ея на два уѣзда; въ именномъ указѣ, данномъ 15 марта 1783 года на имя Броуна, говорилось: «въ области, составляемой изъ острововъ, на Балтійскомъ морѣ лежащихъ, хотя и не великое количество жителей счисляется, но по положенію тѣхъ острововъ и по другимъ причинамъ весьма нужно устроить въ той области еще одинъ городъ на о. Дагденѣ, или и въ другомъ, гдѣ вы за лучшее признаете, и, слѣдовательно, ту область раздѣлить на два небольшіе уѣзда» [1]). Наконецъ, 3 іюля послѣдовали именные указы, данные сенату, объ учрежденіи ревельской губерніи изъ 5-ти округовъ и рижской изъ 9-ти: рижскаго, венденскаго, валкскаго, вольмарскаго, перновскаго (въ П. С. З. опечатка: «пермскаго»), феллинскаго, дерптскаго, одного, назначаемаго по усмотрѣнію генералъ-губернатора, и эзельскаго. Назначеніе и названіе округовъ въ ревельской губерніи предоставлено генералъ-губернатору; ему же приказано сдѣлать распредѣленіе границъ съ сосѣдними губерніями совмѣстно съ правителями этихъ губерній; вѣдомость о числѣ душъ въ губерніяхъ и уѣздахъ прислать въ сенатъ [2]).

Тогда же данъ былъ генералъ-губернатору Броуну другой указъ —о внутреннемъ устройствѣ губерній; въ этомъ указѣ приказывалось: «1) Всѣ положенныя въ помянутыхъ учрежденіяхъ мѣста и должности въ сихъ губерніяхъ опредѣлены быть долженствуютъ, какъ то подробно можно видѣть будетъ въ штатахъ, для тѣхъ намѣстничествъ издаваемыхъ. 2) Установляемыя на основаніи учрежденій нашихъ мѣста и опредѣляемыя къ разнымъ должностямъ люди обязаны наблюдать, каждый по званію своему, дабы законы, симъ губерніямъ присвоенные, жалованныя грамоты отъ предковъ нашихъ и отъ насъ данныя [3]) и утвержденныя дворянству и городамъ сихъ намѣстничествъ въ самой точности безъ нарушенія исполняемы были. 3) Земскій штатъ дворянству обѣихъ губерній, ландратская коллегія, или собраніе и тому подобное по жалованнымъ грамотамъ и по утвержденнымъ имъ установленіямъ присвоенное имѣетъ остаться въ своей силѣ; но что ка-

---

[1]) П. С. З. № 15,687. Вслѣдствіе образованія ревельскаго намѣстничества это не состоялось.

[2]) Ibid. №№ 15,774 и 15,775.

[3]) Нужно замѣтить, что въ первые годы своего царствованія Екатерина подтвердила всѣ привилегіи, данныя прежними государями; такъ, 19 дек. 1762 г. была дана жалованная грамота лифляндскому рыцарству и дворянству, 29 янв. 1763 г. повелѣно рыцарству и земству лифляндскому и эстляндскому именоваться благороднымъ, 27 авг. дана жалованная грамота рижскому магистрату и мѣщанству, а 21 сент. эстляндскому и проч. П. С. З. №№ 11,727, 11,748, 11,904, и 11,932.

Digitized by Google

сается до выбора губернскихъ и уѣздныхъ предсѣдателей, въ томъ поступать по учрежденіямъ. 4) Городовые магистраты въ городахъ, гдѣ ихъ не было, устроить вновь на точномъ основаніи учрежденій; но что касается до городовъ Риги и другихъ, кои таковые магистраты въ пространнѣйшемъ штатѣ и раздѣленные на разные департаменты по ихъ грамотамъ и установленіямъ имѣютъ, оные оставить на прежнемъ основаніи; учрежденіе же губернскаго магистрата въ городахъ Ригѣ и Ревелѣ и зависимость городовыхъ, не исключая рижскихъ и ревельскихъ, распространяетъ еще вящше преимущества жителей тѣхъ городовъ, поколику на основаніи учрежденій нашихъ статьи 73, выборомъ засѣдателей и изъ нихъ столь знатное мѣсто составлено будетъ. 5) Церковное учрежденіе въ обѣихъ губерніяхъ да останется на прежнемъ основаніи безъ отмѣны. 6) Экономическіе разные чины и потребные для того люди имѣютъ оставлены быть по прежнему до будущаго генеральнаго по государству о томъ распоряженія. 7) Губернскому правленію рижскаго намѣстничества, состоя изъ чиновъ, учрежденіями назначенныхъ, имѣть двѣ экспедиціи, одну россійскую, а другую нѣмецкую, да и прочимъ мѣстамъ суднымъ дозволяется производить дѣла на нѣмецкомъ языкѣ, исключая казенныя палаты, кои въ посылкѣ вѣдомостей къ управляющему должностію государственнаго казначея и въ экспедиціи его вѣдомства и въ дачѣ отчета долженствуютъ поступать по изданнымъ о томъ вообще для всѣхъ губерній постановленіямъ и указамъ, производя все то, что слѣдуетъ до отношенія къ государственному казначею, или экспедиціямъ его вѣдомства на россійскомъ языкѣ». — Жалованье въ Ригѣ назначено ефимками, считая каждый ефимокъ въ 1 р. 25 к. [1]).

Именнымъ указомъ отъ 14 ноября, даннымъ на имя генералъ-прокурора князя Вяземскаго, дѣлались нѣкоторыя разъясненія учрежденій о губерніяхъ. 1) Позволеніе губернскому правленію имѣть двѣ экспедиціи, русскую и нѣмецкую, не значило, что правленіе раздѣляется присутствіемъ на два департамента, а только то, что тамъ, сверхъ секретаря русскаго съ канцелярскими чиновниками для его экспедиціи, полагается другой секретарь нѣмецкаго языка, съ канцелярскими чиновниками для его экспедиціи, но во всемъ остальномъ правленіе должно существовать на точномъ основаніи учрежденій. 2) Губернскому прокурору и обоимъ губернскимъ стряпчимъ имѣть камеры при губернскомъ правленіи, а прочія присутственныя мѣста они должны только посѣщать и

[1]) П. С. З. № 15,776.

Digitized by Google

наблюдать за точнымъ исполненіемъ законовъ. 3) Такъ какъ рижскій магистратъ оставленъ на прежнемъ основаніи, то и не слѣдовало выбирать новыхъ судей, развѣ въ случаѣ вакансій; выборы дѣлать на основаніи прежнихъ постановленій; выбранному въ губернскій магистратъ или совѣстный судъ не свойственно быть членомъ городового магистрата. 4) Казенные стряпчіе не могутъ быть ходатаями по частнымъ дѣламъ: «не сходствуетъ то нимало съ ихъ должностію, и запрещеніе сего не содержитъ въ себѣ отмѣны тамошнихъ привилегій» [1]). 5) Такъ какъ обязанность стряпчихъ и прокуроровъ наблюдать за исполненіемъ законовъ, то ни городовой магистратъ, ни другое какое-либо присутственное мѣсто не могутъ дѣлать затрудненія прокурору или стряпчему входить въ него, «въ чемъ и не можетъ почитаема быть ни малѣйшая отмѣна, или нарушеніе привилегій, или законовъ тамошнихъ». 6) Часы присутствій должны быть соблюдаемы на основаніи генеральнаго регламента, «нимало ихъ правъ и привилегій не нарушающаго» [2]). Этотъ указъ былъ вызванъ донесеніемъ рижскаго губернскаго прокурора Окунева вслѣдствіе нѣкоторыхъ разностей съ учрежденіями о губерніяхъ. Изъ троекратнаго упоминанія о томъ, что извѣстныя учрежденія не нарушаютъ правъ прибалтійскаго края, мы легко можемъ видѣть, что однѣ изъ этихъ разностей произошли отъ того, что остзейцы смотрѣли на введеніе этихъ учрежденій, какъ на нарушеніе своихъ правъ и привилегій, другія—отъ невѣрнаго пониманія смысла законовъ. Именнымъ указомъ отъ 15 ноября того же года приказано: «полицейскій департаментъ городового рижскаго магистрата оставить на прежнемъ основаніи, но съ тѣмъ, чтобы онъ подавалъ коменданту рапорты о порядкѣ, тишинѣ и благочиніи въ городѣ до будущаго установленія» [3]). На введеніе учрежденій о губерніяхъ потребовались особенные расходы; такъ, Броуну, по случаю предстоящаго открытія ревельской губерніи, «осмотра и изготовленія ея», приказано отпустить 6 т. р., на производство строеній въ ревельской губерніи, нужныхъ на первое время 12 т., для строеній въ ревельской губерніи въ губернскомъ и уѣздныхъ городахъ для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ приказано отпускать въ продолженіи пяти лѣтъ, начиная

[1]) Въ 1785 г. послѣдовало запрещеніе и секретарямъ рижской и ревельской губерній заниматься частной адвокатурой; П. С. З. № 16,175, но по представленію Броуна впослѣдствіи, въ 1790 г., позволено ходатайство по собственнымъ дѣламъ. П. С. З. № 16,844.

[2]) П. С. З. № 15,873.

[3]) П. С. З. № 15,879.

Digitized by Google

съ 1784 года, ежегодно по 20 т. р. При открытіи рижскаго и ревельскаго намѣстничествъ присутствовали архіереи Гавріилъ, митрополитъ новгородскій, и Иннокентій псковскій, получившіе для этой цѣли каждый по 2 т. р. [1]). Открытіе рижскаго намѣстничества происходило торжественно 29 октября, ревельскаго 10 декабря 1783 г. въ присутствіи митрополита Гавріила, «который окропилъ новоучрежденныя мѣста св. водою». Такимъ образомъ, учрежденіе о губерніяхъ въ остзейскихъ провинціяхъ было введено съ незначительными и несущественными измѣненіями.

Но введеніе учрежденій о губерніяхъ не прошло безъ возраженій и противодѣйствій со стороны какъ частныхъ лицъ, такъ и правительственныхъ мѣстъ прежняго порядка. Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ правительство должно было доказывать, что введеніе учрежденій о губерніяхъ ни мало не нарушаетъ правъ и привилегій жителей. По введеніи учрежденій о губерніяхъ, недовольство разразилось еще громче, такъ что генералъ-губернаторъ долженъ былъ особой публикаціей объявить, что учрежденія 7-го ноября 1775 года нисколько не нарушаютъ правъ жителей Прибалтійскаго края. Но когда онъ объ этомъ донесъ въ Петербургъ, то тамъ имъ остались недовольны, и онъ получилъ отъ 5-го апрѣля 1784 года гнѣвный рескриптъ, въ которомъ говорилось: «По прочтеніи реляціи вашей отъ 30-го марта и приложеніи при оной, мы находимъ, что когда указомъ нашимъ, отъ 30-го іюля 1783 года вамъ даннымъ,—предписано о сохраненіи правъ тамошнихъ, на основаніи жалованныхъ нашихъ грамотъ; то и довольно было сей указъ нашъ, въ числѣ прочихъ узаконеній, сообщить всѣмъ земскимъ правленіямъ и начальствамъ къ должному исполненію и наблюденію въ точныхъ его словахъ, не прибавляя къ нему ниже выведенныхъ заключеній, кромѣ тѣхъ, кои въ самыхъ словахъ его содержатся; подобная же означенной публикація ни мало не была нужна. Всякому безпристрастному и предубѣжденій чуждому весьма внятно быть можетъ, что учрежденія наши отъ 7-го ноября 1775 года не лишаютъ ни одного чина или состоянія народнаго принадлежащихъ ему правъ, распространяя еще преимущества каждаго, особливо же быть судимымъ отъ своихъ равныхъ. Управленіе губерній мы обязаны были распорядить единообразно во всей имперіи нашей, да и видимъ съ удовольствіемъ, что всѣ области наши, въ томъ числѣ

[1]) Ордера и сообщенія, полученные отъ его сіятельства господина генералъ-губернатора и разныхъ орденовъ кавалера графа Броуна за 1783 г., 64 стр. Въ архивѣ эстлянд. губ. правленія.

Digitized by Google

такія, кои, по жалованнымъ предковъ нашихъ грамотамъ, особливыя права имѣютъ, не только не встрѣчаютъ въ учрежденіяхъ нашихъ ничего себѣ вреднаго, предосудительнаго или утѣсняющаго ихъ, но еще признаютъ введеніе ихъ за новый залогъ нашего о добрѣ ихъ попеченія. Не распространяя далѣе изъясненій нашихъ по содержанію той публикаціи, мы объявляемъ вамъ волю нашу непреложную, что долгъ званія вашего обязываетъ васъ прилежно наблюдать, дабы учрежденія наши, въ полной ихъ силѣ и разумѣ, точно исполняемы были, не дозволяя въ несходство съ ними никаковыхъ толкованій, и поступая, что до сохраненія правъ, жалованными нашими грамотами утвержденныхъ, по силѣ указа нашего отъ 3-го іюля 1783 года. Когда по сему исполняемо будетъ, то само собою разумѣется, что всѣ тѣ затрудненія и несходства сами собою будутъ отвращены».

Такимъ образомъ кончился вопросъ о введеніи учрежденій 1775 года; послѣ мы никакихъ протестовъ противъ этихъ учрежденій не видимъ; а чтобы окончательно уничтожить память объ отдѣльности этихъ провинцій отъ остальной Россіи, — самые уѣзды велѣно называть по уѣзднымъ городамъ, къ которымъ они принадлежали; такъ, гаріенскій уѣздъ велѣно называть — ревельскимъ, вирландскій — вейсенштейнскимъ, ервенскій — везенбергскимъ, вирумпской-кульсвій — веррскимъ [1]) и проч.

Введеніе учрежденій о губерніяхъ не обошлось впрочемъ безъ благоразумныхъ уступокъ со стороны правительства, гдѣ то слѣдовало: такъ, за убійство, по рѣшенію ревельской уголовной палаты, преступниковъ нужно было наказать кнутомъ; но кнутъ въ остзейскихъ провинціяхъ прежде не употреблялся; и вотъ ревельскій губернаторъ пишетъ къ генералъ-губернатору, чтобъ онъ прислалъ кнутъ и палача; по той же причинѣ и въ Ригѣ ни того, ни другого не оказалось, и генералъ-губернаторъ доноситъ объ этомъ въ сенатъ и проситъ, «чтобъ повелѣно было, буде оной кнутъ введенъ быть долженъ, прислать человѣка съ надлежащими инструментами». Сенатъ опредѣлилъ: преступниковъ, подлежащихъ смертной казни, наказывать по прежнимъ законамъ [2]).

---

[1]) П. С. З., 16,100. Лифляндская оберъ-консисторія жаловалась на палату гражданскихъ дѣлъ и верхняго земскаго суда уголовныхъ дѣлъ за требованіе рапортовъ; ибо подъ шведскимъ владычествомъ она находилась подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ шведскихъ королей, а подъ русскимъ — у сената и юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ; приказано подчиняться гражданской палатѣ, такъ какъ гражданская палата есть соединенный департаментъ юстицъ- и вотчинной коллегіи. Ibid. № 16,001.

[2]) Ордера ген.-губ.—въ арх. эстлянд. губ. правленія за 1784 г.

Digitized by Google

Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ введенія въ Прибалтійскомъ краѣ учрежденій о губерніяхъ, какъ издаются два новыхъ и чрезвычайно-важныхъ акта; именно, 21-го апрѣля 1785 года изданы: грамота на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства, и грамота на права и выгоды городамъ Россійской имперіи — иначе городовое положеніе.

Учрежденія о губерніяхъ потрясли только судебное и административное устройство этихъ провинцій, не коснувшись сословныхъ правъ жителей; но городовое положеніе грозитъ подорвать среднее сословіе — купечество и бюргерство, отниметъ у него всякую власть, лишитъ магистратъ его прежняго значенія. Чѣмъ грознѣе и страшнѣе реформа, тѣмъ неумолимѣе и стойче правительство. Учрежденіе о губерніяхъ вводилось не вдругъ, у жителей прибалтійскихъ провинцій сохранялся лучъ надежды — авось мимо идетъ эта чаша, — но городовое положеніе приказано ввести вдругъ; едва прошло четыре мѣсяца послѣ изданія этихъ двухъ актовъ, какъ уже шлютъ указъ о произведеніи въ рижской и ревельской губерніяхъ выборовъ магистратскихъ членовъ, на основаніи городового положенія. Неужели покориться безпрекословно? неужели безъ боя отступиться отъ своихъ правъ и привилегій?—и дѣйствительно, дѣло относительно введенія городового положенія въ Прибалтійскомъ краѣ тянулось болѣе года. Началъ ревельскій магистратъ, заявившій о нарушеніи своихъ правъ и несочувственно отнесшійся къ избранію въ члены магистрата всѣмъ обществомъ. О сохраненіи прежняго порядка избранія въ магистратскіе члены сначала и ходатайствовалъ ревельскій магистратъ. На просьбу его послѣдовалъ слѣдующій высочайшій указъ, данный на имя Броуна 4-го сентября 1785 года:

«Разсмотрѣвъ представленную отъ васъ просьбу ревельскаго магистрата и собранныя по сему дѣлу свѣдѣнія, находимъ, что опредѣленіе сената нашего о выборахъ обществомъ того города магистратскихъ членовъ, основанное на учрежденіяхъ нашихъ и на городскомъ положеніи, въ 21-й день апрѣля сего года изданномъ, не можетъ ни мало вмѣняться въ стѣсненіе того общества въ ихъ правахъ, выгодахъ и преимуществахъ, но паче еще распространяетъ оныя, присвоя право выбора судей магистратскихъ цѣлому обществу свойственнѣе, нежели одному магистрату» [1]).

Еще болѣе строгій указъ получилъ рижскій генералъ-губернаторъ изъ сената 7-го октября: въ этомъ указѣ опровергается мнѣніе и ревельскаго магистрата, и самого генералъ-губернатора, что

[1]) П. С. З., № 16,256.

Digitized by Google

городовое положеніе нарушаетъ права остзейцевъ. «Хотя вы, г-нъ генералъ-аншефъ и кавалеръ,— говорится въ этомъ указѣ,— полагаете въ исполненіи въ разсужденіи выборовъ по 72-й и 73-й статьямъ высочайшихъ учрежденій препятствіе то, что именной указъ отъ 3-го іюля 1783 года повелѣваетъ каждому по званію своему наблюдать, дабы законы рижской и ревельской губерніямъ и городамъ оныхъ присвоенные, и жалованныя грамоты въ самой точности безъ нарушенія исполняемы были, упоминая притомъ и о 4-й того-жъ указа статьѣ,— а сверхъ того приводите именной указъ отъ 14-го ноября 1783 года, котораго 3-я статья содержитъ въ себѣ предписаніе объ одномъ рижскомъ городовомъ магистратѣ, распространяемое вами, господиномъ генералъ-губернаторомъ, и на городъ Ревель; но какъ гораздо уже послѣ, т.-е. нынѣ текущаго года апрѣля въ 21-й день, благоугодно было ея императорскому величеству всемилостивѣйше пожаловать всѣмъ россійскаго государства городамъ грамоту на права и выгоды ихъ, съ такимъ точнымъ въ высочайшемъ манифестѣ изреченіемъ, что ея величество восхотѣли данныя отъ ея городамъ, ихъ обществамъ и членамъ сихъ обществъ выгоды и преимущества — подтвердить жалованною грамотою, узаконяя вслѣдствіе того на-вѣки непоколебимо слѣдующія статьи; а по тѣмъ статьямъ, между прочимъ, значитъ: во-первыхъ, что, по монаршей милости и правосудію собственность каждаго гражданина подтверждена и охранена на вѣчныя времена, городскія подати приведены въ извѣстность, съ прещеніемъ что-либо на оныя налагать въ противность узаконенію или въ тягость городу; промыслы, торги и рукодѣлія возъимѣли свою свободу подъ защитою законовъ; народное просвѣщеніе, чрезъ установленіе школъ,— возстановлено; города пожалованы знатными доходами, собственно казнѣ принадлежащими,— словомъ, частно и вообще снабдены всѣ толь великими преимуществами, что не остается болѣе, какъ соотвѣтственно волѣ ея императорскаго величества, пользуясь дарованными выгодами, заслужить императорскую къ себѣ милость и благоволеніе. Второе,— при установленіи общества градскаго никто изъ членовъ онаго, какъ то ст. 30, 31, 32, 33, 35 гласятъ, не отвергается отъ выбора, но паче при такомъ случаѣ подтверждаются ст. 72 и 73 высочайшихъ учрежденій, и въ силу сего узаконенія, даннаго на вѣчныя времена, всѣмъ безпрекословно поступать и оное отъ всякаго нарушенія предохранять должно; а какъ городовое положеніе, изданное не въ нарушеніе чьихъ-либо привилегій, но въ вящшее оныхъ пріумноженіе, повсемѣстно разослано при указахъ изъ сената сего года

Digitized by Google

мая отъ 1-го дня, и содержитъ въ себѣ точное и ясное утвержденіе всѣхъ городскихъ правъ и выгодъ, вслѣдствіе котораго сенатъ другого предписанія дать не можетъ, какъ только рекомендуетъ вамъ, господину генералу-губернатору и кавалеру, привести оное во ввѣренныхъ вамъ губерніяхъ въ точное и непремѣнное исполненіе» [1]).

Такимъ образомъ потерпѣло полнѣйшее крушеніе ходатайство какъ ревельскаго, такъ и рижскаго генералъ-губернатора, вслѣдствіе просьбы ревельскаго магистрата — оставить выборы въ магистратскіе члены на прежнемъ основаніи. Тѣмъ не менѣе, членамъ прежняго магистрата никакъ не хотѣлось разстаться съ своими насиженными мѣстечками. Неудалось совсѣмъ отстоять старинный образъ избранія въ члены, — они стараются, чтобы лично для нихъ сдѣлано было исключеніе, чтобы хоть ихъ оставили пожизненно членами въ магистратѣ. На ходатайство генералъ-губернатора, по этому поводу, послѣдовалъ высочайшій указъ, отъ 13-го іюля 1786 года, слѣдующаго содержанія: «На представленіе ваше отъ 12-го іюня объ оставленіи нынѣшнихъ членовъ ревельскаго магистрата по-смерть ихъ въ настоящихъ ихъ должностяхъ, не можемъ не изъяснить, что то не согласовалось бы вовсе съ прямымъ разумомъ учрежденій нашихъ и положенія о городахъ, въ коихъ взирали мы не на частныя чьи-либо выгоды, но на пользу общественную; а потому при наступленіи срока къ выборамъ и должно будетъ поступить по точной силѣ нашихъ о томъ установленій» [2]). Но вопросъ о введеніи городового положенія все-таки тянулся нѣсколько мѣсяцевъ. Какъ приняла городовое положеніе Рига, — это можно легко себѣ представить; рижскій магистратъ и мѣщанство также подавали прошеніе о томъ, чтобы ихъ оставили на прежнихъ правахъ.

Не меньше затрудненій доставила правительству и жалованная грамота дворянству. Какъ рижское, такъ и ревельское дворянство дружно стали за сохраненіе своихъ старинныхъ правъ и привилегій. Рижское рыцарство подало прошеніе о томъ, чтобы его оставили при прежнемъ положеніи; вслѣдствіе этого прошенія, отъ 16 марта 1786 года, данъ указъ, въ которомъ было сказано, что это дѣло сенатъ разсмотритъ и рѣшитъ на основаніи законовъ: «Притомъ не можемъ не дать примѣтить вамъ, — говорится далѣе, — что притязанія дворянства рижской

[1]) Ордера и сообщенія рижскаго и ревельскаго генералъ-губернатора Броуна за 1785 годъ,—въ архивѣ эстляндскаго губернскаго правленія.

[2]) Ордера генералъ-губернатора за 1786 годъ,— въ архивѣ эстляндскаго губернскаго правленія.

Digitized by Google

губерніи представляются намъ въ опасномъ образѣ, какъ будто бы они несли двойную службу и платили изъ имѣній ихъ двойныя подати противъ собратій ихъ въ другихъ губерніяхъ, предъ коими они требуютъ особливыхъ выгодъ и преимуществъ» [1]).

Ревельское дворянство не отставало отъ рижскаго. Изъ рапорта ревельскаго губернскаго прокурора Репьева къ генералъ-губернатору отъ 11 марта 1786 г. видно, «что высочайше изданныя отъ 21 апрѣля 1785 года положенія о дворянствѣ и городахъ въ ревельскомъ намѣстничествѣ весьма слабый успѣхъ имѣютъ, не взирая на многократныя о приведеніи въ исполненіе оныхъ его (Репьева) напоминанія, такъ что нѣкоторые изъ предводителей, равно какъ бы оставя оное, ссылаются на поданное въ ревельское намѣстническое правленіе отъ всего ревельскаго дворянства и требуютъ вновь повелѣнія» [2]). Генералъ-губернаторъ приказалъ, что «до полученія о томъ отъ вышняго правительства резолюціи обязанъ всякой исполнять по предписанію свою должность». Наконецъ, получена была резолюція отъ «вышняго правительства» въ формѣ сенатскаго указа отъ 7 августа. Этотъ указъ настолько характеристиченъ, такъ ярко рисуетъ виды правительства и рѣшимость его ввести реформу, что мы считаемъ

---

[1]) Ibid. Рижское дворянство, какъ кажется, по этому поводу раздѣлилось на двѣ партіи: одни желали введенія грамоты дворянству, другіе—нѣтъ. По крайней мѣрѣ, изъ сенатскаго указа отъ 10 ноября 1785 года видно, что депутатъ отъ „лифляндскаго земства, не вписаннаго дворянства всѣхъ уѣздовъ въ Лифляндіи", Вильгельмъ фонъ-Блюменъ, подавалъ въ сенатъ прошеніе, въ которомъ было прописано: 1) „что ея императорское величество, всемилостивѣйшая матерь отечества, соблаговолила 21 апрѣля сего года всего ея императорскаго величества отъ курляндскихъ до камчатскихъ границъ простирающагося обширнаго государства высочайшимъ своеручно подписаннымъ дворянскимъ положеніемъ особливые права и преимущества даровать и на вѣки утвердить. 2) Оное же высочайшее ея императорскаго величества всемилостивѣйшее дворянское положеніе въ Лифляндіи не только понынѣ не публиковано, но и земству не сообщено, чрезъ что оное повергнуто въ глубочайшее уныніе, тѣмъ болѣе, когда 3) земство въ Лифляндіи удостовѣрено, что оное въ должностяхъ къ службѣ ея императорскаго величества и государству было всегда всеусерднѣйше предано, и разными кавалерскими лентами ордена св. Георгія удостоены, которые его члены на себѣ носятъ, также и по высочайшему указу бывшему тогдашнему ихъ члену дарованною трофеею—турецкимъ орудіемъ, яко доказательствами, гласящими о ихъ вѣрности и усердіи къ службѣ ея императорскаго величества: того ради лифляндское земство проситъ, повелѣно было невписанному дворянству въ Лифляндіи упомянутымъ ея императорскаго величества всемилостивѣйшимъ дворянскимъ положеніемъ отъ 21 апрѣля сего года высочайше изданнымъ воспользоваться, такъ какъ вѣрнымъ и неотринутымъ сынамъ отечества". Ордера за 1785 г. въ арх. эстл. губ. прав.

[2]) Ibid., ордера за 1786 г.

Digitized by Google

необходимымъ привести его вполнѣ, цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что его нѣтъ въ П. С. Законовъ.

«По указу Ея Императорскаго Величества правительствующій сенатъ слушали доношенія ваши съ приложеніями, въ которыхъ заключается прошеніе лифляндскаго и эстляндскаго дворянства и города Риги, о оставленіи ихъ сверхъ изъясненныхъ въ высочайше изданномъ 21 апрѣля 1785 г. положеніи о дворянствѣ выгодъ и при прежнихъ привилегіяхъ, *приказали*: высочайшихъ ея императорскаго величества учрежденій въ главѣ 5 заключается ясное и точное начертаніе должности намѣстническаго правленія, котораго обязанность состоитъ въ томъ, чтобы управлять въ силу законовъ именемъ императорскаго величества всею губерніею, обнародовать и объявлять въ подчиненныхъ оному областяхъ законы, указы, учрежденія, повелѣнія и приказанія императорскаго величества и выходящія изъ сената и изъ прочихъ государственныхъ мѣстъ, на то власть имѣющихъ; кромѣ того подлежитъ бдѣнію намѣстническаго-жъ правленія, дабы законы вездѣ были исполняемы; оно чинитъ взысканіе со всѣхъ непослушныхъ, роптивыхъ, лѣнивыхъ и медлительныхъ, пеню на нихъ налагаетъ, и буде не исправляются, то оныхъ къ суду отсылаетъ, прекращая при томъ заблаговременно всѣ непорядки, законамъ противные. Сенатъ, руководствуясь сими правилами въ своихъ разсужденіяхъ въ то-жъ время полагаетъ себѣ основаніемъ и данной вамъ господину генералъ-губернатору и кавалеру именной высочайшій указъ отъ 29 декабря 1785 года, которымъ вамъ повелѣно представленія по изъясненнымъ въ томъ указѣ обстоятельствамъ, которыя и нынѣ тѣ же самыя встрѣчаются, взносить со мнѣніемъ вашимъ и губернскаго правленія по порядку въ сенатъ, котораго равно какъ и ваша должность есть дѣльныя и законныя просьбы уважать и онымъ удовлетворять, а недѣльныя и законоположеніямъ несходныя отвергать, согласно ст. 49-й дворянскаго положенія; напротивъ сему повелѣнію и вовсе несоотвѣтственны изображенной должности намѣстническаго правленія сенатъ находитъ: 1) что рижское и ревельское намѣстническія правленія по днесь медлятъ приведеніемъ въ настоящее дѣйствіе дворянскаго и городоваго положенія, когда уже оное повсюду обнародовано, повсюду исполняется и повсюду проистекаетъ изъ того общественное благоденствіе, котораго лишаются только рижская и ревельская губерніи ни отъ чего иного, какъ токмо отъ нерѣшимости тамошняго правительства. 2) Малое число изъ дворянства, не вникая въ пользу собственную, основываясь на какихъ-то обычаяхъ и закоренѣлыхъ мнѣніяхъ, вступили съ не-

Digitized by Google

дѣльными представленіями, хотя прочіе ихъ сочлены, какъ то сенату извѣстно, всеусердно желаютъ и просятъ исполненія по изданному торжественно закону, дабы какъ наискорѣе воспользоваться дарованными по монаршей щедротѣ преимуществами; намѣстническія правленія вмѣсто того, чтобы отвергнуть оныя, яко недостойныя принятія и вразумить каждаго о предлежащей ему должности, дѣлаютъ по тому свои опредѣленія, не имѣя вовсе законнаго основанія и вопреки своей обязанности, чѣмъ самымъ придаютъ какъ бы нѣкоторый видъ уваженія такимъ требованіямъ, которыя ни съ закономъ, ни съ порядкомъ не сходствуютъ. 3) Каждаго правительства долгъ есть—судить по точной силѣ и разуму законовъ; намѣстническія правленія и въ семъ случаѣ удалились отъ предписаннаго порядка, дѣлая свои изъясненія на такой законъ, который ни съ какой стороны не можетъ быть подверженъ истолкованію, а предлежитъ только правленіямъ единое и точное по оному исполненіе; приводимые-жъ во множествѣ законы къ настоящему дѣлу отнюдь не служатъ, а только показываютъ, что во всякое время и вездѣ государскія узаконенія съ почтеніемъ принимать и безпрекословно повиноваться имъ должно, а наипаче въ настоящемъ случаѣ, когда всемилостивѣйшая государыня изъ матерней любви къ отечеству пожаловать соблаговолила толь великія для дворянства и городовъ преимущества, навѣки не премѣняемыя. 4) Поелику генералъ-губернаторъ есть оберегатель императорскаго величества изданнаго узаконенія, то по сему самому званію и что онъ обязанъ строгое и точное взысканіе чинить со всѣхъ ему подчиненныхъ мѣстъ и людей о исполненіи законовъ и опредѣленнаго ихъ званія и должностей, сенатъ препоручаетъ вамъ, господину генералъ-губернатору и кавалеру, чтобы во ввѣренныхъ вамъ губерніяхъ всемилостивѣйше данныя дворянству и городамъ положенія въ самоскорѣйшемъ времени выполнены и приведены были въ настоящее свое дѣйствіе, и чтобы во всякомъ случаѣ безъ самомалѣйшаго изъятія поступали по точнымъ словамъ тѣхъ высочайшихъ узаконеній; если же сверхъ всякаго чаянія встрѣтятся съ чьей-либо стороны какія препятствія или медленность, таковыхъ да отошлете, куда по узаконеніямъ слѣдуетъ, для суда» [1]).

Увидѣвъ изъ указа, что правительство безповоротно, на вѣки вѣчныя ввело реформу и не думаетъ отъ нея отказаться, несмотря ни на какія представленія генералъ-губернатора, послѣднему ничего болѣе не оставалось, какъ сообщить указъ, куда слѣдуетъ,

[1]) Ордера за 1786 г. Арх. эст. губ. прав.

Digitized by Google

къ надлежащему и непремѣнному исполненію, а «вышнее правительство» увѣдомить, что ко введенію этой реформы будетъ скоро приступлено. «Увѣрены мы,—писала Екатерина на это Броуну,—что ревностнымъ вашимъ наблюденіемъ все оное въ точности исполнится; но притомъ за нужное находимъ дать примѣтить, что какъ къ собраніямъ дворянства и протчихъ обществъ для выбора судей установлены отъ насъ по лучшей удобности сроки въ декабрѣ или генварѣ, то сего самаго должно держаться и въ рижскомъ и ревельскомъ намѣстничествахъ» [1]). Такъ кончилось дѣло о введеніи городового положенія и жалованной грамоты дворянству въ Прибалтійскомъ краѣ; при этомъ случаѣ и мѣстная администрація дружно поддерживала и охраняла старинныя права жителей: съ дѣятельностію генералъ-губернатора мы уже познакомились; относительно же дѣятельности ревельскаго губернатора, Гротенгельма, вообще можно привести слѣдующій фактъ: онъ считалъ опаснымъ вводить городовое положеніе въ Ревелѣ на томъ основаніи, что русскіе купцы, живущіе въ Ревелѣ, не записаны въ ревельское купечество. На это Броунъ отвѣтилъ, «что незаписною въ ревельское купечество россійскихъ приведеніе городоваго положенія въ исполненіе остановлено быть не можетъ» [2]).

Введеніе жалованной грамоты дворянству повлекло за собою уничтоженіе должности ландратовъ и ландратской коллегіи въ остзейскихъ провинціяхъ; указъ объ этомъ былъ данъ 12 августа 1786 г. [3]).

Не успѣли еще остзейцы опомниться отъ совершённыхъ реформъ, какъ правительство обратилось противъ другихъ преданій старины. Въ протоколахъ государственнаго совѣта подъ 28-мъ октября 1787 года записано: «Читанъ докладъ, поднесенный ея императорскому величеству отъ сенатской межевой экспедиціи, о надобности обмежевать рижскую и ревельскую губерніи, на основаніи общаго узаконенія о размежеваніи всей Россіи изданнаго, съ измѣреніемъ всѣхъ дачъ въ десятины».

Мнѣнія членовъ совѣта по этому предмету раздѣлились; большинство стояло за отсрочку размежеванія и приводило слѣдующіе мотивы въ пользу своего мнѣнія: «Обѣ сіи провинціи еще недавно начали управляемы быть введенными въ оныя новыми общими государству обрядами. Вдругъ за симъ если учредить

---

[1]) Указъ именной отъ 7 октября. Ордера за 1786 г.

[2]) Отвѣтъ на письмо губ. Гротенгельма въ книгѣ „Ордера генералъ-губернатора", за 1786 г. Арх. эст. губ. прав.

[3]) П. С. З. № 16,424.

Digitized by Google

тамъ межеванье, можетъ устрашить одно опредѣленіе того больше, чѣмъ самое дѣйствіе; ибо всякая и полезная новость обыкновенно людей, заматерѣвшихъ въ своихъ обычаяхъ, къ подобнымъ движеніямъ побуждаетъ; неудобность времени и въ томъ видится, что съ той стороны сосѣди наши, пруссаки и шведы, по оказательствамъ новымъ, не утверждаютъ насъ въ полной надеждѣ непрерывнаго согласія, а жители тѣхъ губерній и породы и вѣры суть единые съ ними. Да и вообще—нужно ли межеванье тамъ, гдѣ древнее есть измѣреніе земли геометрическое, гдѣ помѣщики спорятъ о межѣ весьма рѣдко для единаго того, что не измѣрены дачи въ десятины?» Межеванье скоро произвести нельзя, а жители могутъ встревожиться отъ одного намѣренія. Въ уваженіе ко всему этому совѣтъ полагалъ межеванье лифляндской и эстляндской губерній отложить до болѣе удобнаго времени, а границу между Лифляндіей и псковскимъ намѣстничествомъ положить на основаніи правилъ, изданныхъ 19-го мая 1781 года. «Таковымъ образомъ и внушаемая настоящимъ временемъ соблюдена будетъ осторожность и порядокъ внутреннихъ дѣлъ ничего не потерпитъ».

Но генералъ-прокуроръ князь А. А. Вяземскій и графъ Безбородко были несогласны съ такимъ мнѣніемъ большинства, и первый изъ нихъ представилъ отдѣльную записку, въ которой излагаетъ свое мнѣніе. Записка эта читана была въ совѣтѣ 11-го ноября. Въ ней авторъ задаетъ два вопроса: «полезно ли или нѣтъ произведеніе упомянутаго размежеванія? И не произойдетъ ли изъ сего какого-либо въ тамошнихъ владѣльцахъ негодованія или прискорбія?» На первый вопросъ авторъ отвѣчаетъ, что между дѣяніями императрицы, направленными ко благу подданныхъ, не послѣднее мѣсто занимаетъ обмежеваніе земель; потому что съ обмежеваніемъ прекратились вражда, ссоры, драки, убійства и постоянныя тяжбы между частными собственниками, и теперь каждый пользуется своимъ участкомъ «навѣки неотъемлемо»; польза отъ межеванья и для государства: потому что теперь извѣстно, «какого гдѣ качества земли, въ какихъ частяхъ государства жители ими изобильны, или недостаточны, сколько гдѣ остается незаселенныхъ и впустѣ лежащихъ земель, удобныхъ для заселенія, для хлѣбопашества и для другихъ нужныхъ государственныхъ заведеній, гдѣ есть лѣса, какого рода и гдѣ обширныя степи, также гдѣ какія рѣки, удобныя къ судовому ходу; чѣмъ въ однихъ мѣстахъ жители изобильны, а въ другихъ недостаточны?» Доказавъ, что межеванье полезно для Россіи вообще, Вяземскій отъ общаго къ частному заключаетъ, что оно

Digitized by Google

должно быть полезно и для лифляндской и эстляндской губерній, какъ частей россійской имперіи; и тутъ межеванье должно возбудить тѣ же чувствованія, какъ и въ остальной Россіи, и жители этихъ губерній не имѣютъ причины смотрѣть на межеванье, какъ на дѣйствіе противное ихъ пользѣ и чувствовать оскорбленіе или негодованіе особенно, «когда упомянутымъ размежеваніемъ не только что-либо предпріемлется къ изъятію изъ ихъ правъ и привилегій а напротивъ того полагается для твердѣйшаго и несумнѣннаго навсегда оныхъ охраненія и для совершеннаго чрезъ то самихъ ихъ успокоенія сочинить для того размежеванія особливую инструкцію, сообразуясь съ собственными тѣми ихъ на владѣніе земель правами и привилегіями, безъ малѣйшаго оныхъ въ чемъ-либо нарушенія или какого-либо стѣсненія»... «Итакъ, когда размежеваніе земель на вышеписанномъ основаніи учреждаемое въ Лифляндіи и Эстляндіи, яко служащее къ пользѣ государственной и къ пользѣ, благосостоянію и спокойствію тамошнихъ жителей, есть для нихъ дѣйствіе милосердія ея императорскаго величества, то безъ сомнѣнія не можно думать, чтобы они, вопреки всѣхъ другихъ губерній обитателямъ, приняли съ прискорбіемъ то, что̀ ихъ собственно благо составляетъ. А изъ сего и слѣдуетъ другой вопросъ: когда приступить можно къ сему размежеванью?» — По причинѣ военнаго времени неудобно приступить къ межеванію раньше окончанія войны, чтобы не причинить жителямъ неудовольствія—говорятъ нѣкоторые; но если межеваніе, какъ выше доказано, ничего не заключаетъ кромѣ пользы жителей, то ясно, что нѣтъ причинъ, по которымъ жители уменьшили бы свою привязанность къ Россіи, но должны «восчувствовать попеченіе ея императорскаго величества о ихъ благоденствіи»; слѣдовательно и нынѣшнія военныя обстоятельства не могутъ служить причиной отсрочки размежеванія. «При всемъ же ономъ побуждаюсь еще сказать,—продолжаетъ Вяземскій,—что я не смѣю и помыслить, дабы тамошніе жители могли что-либо предпріять непріятное относительно государства, когда они отъ щедротъ милосердной монархини нашей столь уже много облагодѣтельствованы. А посему думаю, что, мысля объ нихъ съ противной стороны, подозрѣвая и какъ бы остерегаясь ихъ, не подать уже имъ чрезъ сіе и въ самомъ дѣлѣ повода къ какому-либо прискорбію».—Наконецъ, какую должно было бы испытывать опасность, еслибъ нужно было бы ввести что-нибудь болѣе серьёзное, чѣмъ межеванье? Можетъ быть встрѣтится неудобство межеванья въ томъ, что въ Лифляндіи и Эстляндіи земля считается гаками и по добротѣ дѣлится на разныя степени, такъ

Digitized by Google

что гакъ на безплодной землѣ занимаетъ болѣе пространства, чѣмъ на хорошей; но для землевладѣльца кажется это все равно. Впрочемъ, еслибъ и можно было отложить межеванье земли въ Лифляндіи и Эстляндіи до другого времени, то все-таки нужно заранѣе приступить къ составленію инструкціи и потому еще, что псковская межевая контора не можетъ окончить межеванье псковской губерніи, «не зная, какія въ Лифляндіи употребляются дачамъ мѣры, сколько въ оныхъ почитать должно нынѣшнихъ десятинъ, и не имѣя на то въ данной инструкціи наставленія, котораго межевая экспедиція дать ей не въ состояніи, не имѣя и сама обстоятельнаго о измѣреніи лифляндскихъ дачъ свѣдѣнія»; на основаніи указа, отъ 19-го мая 1781 г., эти споры рѣшить тоже невозможно.

Мнѣніе меньшинства одержало окончательно верхъ, и 3-го декабря былъ изданъ указъ относительно генеральнаго размежеванія Лифляндіи и Эстляндіи. Какъ и другія реформы Екатерины, которыя уничтожали старинное устройство остзейскихъ провинцій, и межеванье не осталось безъ протеста со стороны по крайней мѣрѣ административной власти. Въ протоколахъ государственнаго совѣта за 3-е апрѣля 1788 г. записано: «Рижскій и ревельскій генералъ-губернаторъ графъ Броунъ реляціей отъ 25-го марта донесъ о неудобностяхъ новоучреждаемаго тамъ генеральнаго межеванія. Совѣтъ разсуждалъ, что «какъ упоминаемымъ въ сей реляціи указомъ, отъ 3-го декабря 1787 года, изъяснена по сему предмету высочайшая воля ея императорскаго величества, то и принадлежитъ единое исполненіе оной, а разсужденіе никаковыя уже мѣста имѣть не могутъ» [1]).

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ шелъ рядъ постановленій, касающихся распространенія русскаго языка какъ въ чиновничьемъ мірѣ, такъ и въ массѣ простыхъ жителей. Еще въ 1769 г. 2-го ноября явился сенатскій указъ, въ которомъ читаемъ: «Хотя всѣ находящіяся въ Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи присутственныя мѣста и отправляютъ дѣла на нѣмецкомъ языкѣ, но какъ почти всегда бываетъ у оныхъ съ учрежденными въ Россіи правительствами письменныя сношенія, то всѣмъ мѣстамъ сдѣлать имъ отъ себя подтвержденіе, чтобъ находящіеся въ оныхъ канцелярскіе служители старались пріобрѣсти совершенное знаніе россійскаго языка, а чрезъ то и случающіяся впредь тамъ же ваканціи преимущественно предъ тѣми, которые россійскаго языка знать не

[1]) О межеваніи, см. Арх. госуд. сов., I т., 391—398 стр.—Указа 3 дек. въ П. С. З. мы не нашли.

Digitized by Google

будутъ, заступать могли, чего какъ государственное, такъ и собственное ихъ благосостояніе и польза требуетъ; для чего въ посылаемыхъ въ правительствующій сенатъ о таковыхъ кандидатахъ представленіяхъ описывать именно, кто изъ нихъ россійскій языкъ знаетъ и кто не знаетъ» [1]). Но канцелярскіе чиновники въ остзейскихъ провинціяхъ не стремились къ «совершенному знанію россійскаго языка», такъ что сенатъ въ 1773 г. вновь принужденъ быть дать указъ; въ немъ хвалится россійское юношество за желаніе изучать иностранные языки и рекомендуется ему обратить особенное вниманіе на нѣмецкій языкъ, въ виду того, что у насъ есть провинціи, гдѣ дѣлопроизводство совершается на нѣмецкомъ языкѣ. Въ концѣ этого указа сказано: «Правительствующій сенатъ не можетъ оставить и того, что въ нѣмецкихъ провинціяхъ въ гражданской службѣ состоящіе чины совсѣмъ не стараются о знаніи россійскаго языка, не взирая ни на тѣ выгоды, каковыя отъ знанія сего произойтить могутъ, тѣмъ менѣе уважаютъ неминуемую для ихъ надобность. Для чего чрезъ сіе и подтверждается, дабы и они, достигая совершеннаго знанія россійскаго языка, по невѣдѣнію своему не лишались тѣхъ выгодъ, какія имъ знаніе сіе принесть можетъ» [2]).

Что касается до преподаванія русскаго языка въ школахъ, то правительство для наблюденія за этимъ дѣломъ посылало, въ 1784 году, въ остзейскія провинціи въ качествѣ ревизоровъ графа Воронцова и князя Долгорукаго. Въ именномъ указѣ, данномъ по поводу этой ревизіи, говорилось: «Мы удостовѣрены, что примѣчанія помянутыми нашими тайными совѣтниками, на основаніи учрежденій нашихъ и сходно съ пользою службы сдѣланныя, исполнены будутъ; особливо-жъ, чтобы въ училищахъ тамошнихъ преподаваемъ былъ россійскій языкъ, яко необходимо нужный, и безъ котораго знанія и употребленіе въ должности весьма неудобно». Правительство старалось помогать и деньгами для этого дѣла; такъ, по случаю бракосочетанія Павла Петровича жители остзейскихъ провинцій собрали въ видѣ подарка 7,000 р.; Екатерина приказала отдать ихъ въ приказъ общественнаго призрѣнія «для заведенія при тамошнихъ школахъ ученія россійскому языку». При заведеніи школъ всегда поставлялось на видъ заботиться о распространеніи русскаго языка. Такъ, въ 1785 г. была отпущена сумма на устройство школъ въ нѣкоторыхъ го-

[1]) П. С. З. № 13,376. Этотъ указъ былъ данъ рижской, ревельской и выборгской губернскимъ канцеляріямъ, а 28 ноября и варвскому магистрату.

[2]) П. С. З. № 14,036.

Digitized by Google

дахъ лифляндской губерніи; Екатерина поставляетъ на видъ генералъ-губернатору, чтобъ онъ содѣйствовалъ «къ размноженію въ тамошнемъ краю необходимо потребнаго знанія россійскаго языка» [1]). Изъ донесенія рижскаго приказа общественнаго призрѣнія въ рижское намѣстническое правленіе видно, что въ 1788 году въ валкскомъ двухклассномъ народномъ училищѣ, кромѣ другихъ предметовъ, «юношество получало наставленіе россійскому языку и рисовальному искусству» [2]). Наконецъ, какъ кажется, въ царствованіе же Екатерины было основано русское училище въ Ревелѣ; по крайней мѣрѣ генералъ-губернаторъ въ 1789 году, убѣждая ревельскаго губернатора изыскивать средства для открытія народной школы, предлагаетъ ему «употребить всевозможное стараніе, дабы на содержаніе сей народной школы, на основаніи изданнаго устава учреждаемой, граждане ревельскіе къ учиненію добровольной помощи казнѣ поощрительными средствами склонены были, особливо же россіяне, въ Ревелѣ живущіе, кои уповательно порядочнаго училища для юношей не имѣютъ и для коихъ оное паче полезно» [3]). Можетъ быть, подобныя школы для русскихъ были основаны и въ другихъ городахъ. Но вообще для введенія русскаго языка ни въ администраціи, ни въ школахъ въ царствованіе Екатерины не было сдѣлано никакихъ рѣшительныхъ постановленій; были только полумѣры, совѣты, убѣжденія.

Изъ другихъ распоряженій Екатерины II-й относительно сліянія остзейскихъ провинцій съ остальной Россіей можно упомянуть объ уничтоженіи различія между помѣстьями и вотчинами,—различія, уничтоженнаго въ Россіи еще при Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1731 году. Въ манифестѣ, изданномъ по этому поводу, сказано: «соизволяя, чтобъ вѣрные наши подданные, въ сихъ губерніяхъ обитающіе, пользовались въ полной мѣрѣ равными съ прочими выгодами и преимуществами, повелѣваемъ отнынѣ навсегда въ губерніяхъ рижской и ревельской почитать одинъ родъ недвижимаго имѣнія подъ именемъ вотчинъ, и вслѣдствіе того, превращая всѣ подъ названіемъ манленныхъ деревень въ прямыя наслѣдственныя, каждому оными пользоваться и распоряжать, какъ о томъ гласятъ узаконенія тамошнія, отъ предковъ нашихъ и отъ насъ утвержденныя» [4]).

---

[1]) П. С. З. №№ 16,055, 16,056, 16,147.
[2]) Ордера за 1788 г. Арх. эст. губ. пр.
[3]) Ордера за 1789 г. 84 м.
[4]) П. С. З. № 15,719.

Digitized by Google

Благодаря всѣмъ этимъ реформамъ, къ концу царствованія Екатерины II, устройство остзейскихъ провинцій только въ самыхъ незначительныхъ подробностяхъ отличалось отъ устройства остальной Россіи; но чрезъ три недѣли послѣ вступленія на престолъ императора Павла I всѣ учрежденія Екатерины были уничтожены (оставлены только губернское правленіе и казенная палата съ казначействомъ); край сталъ управляться по прежнимъ порядкамъ. Съ тѣхъ поръ прошло 80 лѣтъ, и снова положено начало примѣненія новыхъ русскихъ учрежденій къ Прибалтійскому краю; за введеніемъ городового положенія, вѣроятно, послѣдуетъ введеніе судебной реформы; въ народныхъ школахъ русскій языкъ займетъ надлежащее ему мѣсто: эсту или латышу въ русскомъ государствѣ естественнѣе учиться на государственномъ русскомъ языкѣ, чѣмъ на какомъ-нибудь другомъ, одинаково ему чуждомъ, тѣмъ болѣе, что незнаніе русскаго языка въ простомъ народѣ служитъ отговоркой при введеніи его въ другихъ учрежденіяхъ.

Ив. Тихомировъ.

Ревель, 1877 г.

Digitized by Google

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

1

Красавицу Лилею
Пугаетъ блескъ дневной;
Главу клоня къ дремотѣ,
Ждетъ мглы она ночной.

Ждетъ мѣсяца младого
Съ чарующимъ лучомъ,
Къ нему въ тревогѣ нѣжной
Льнетъ ласково челомъ.

Растетъ въ его сіяньи,
Душистыхъ слезъ полна,
И въ милаго лобзаньи
Трепещетъ вся она.

2

Зачѣмъ поблекли розы,
Зачѣмъ въ тѣни ночной
Дрожатъ какъ будто слезы
Фіялки голубой?

Зачѣмъ звучитъ уныло
Мнѣ голосъ соловья,
И ладаномъ могилы
Подернулись поля?

Digitized by Google

Зачѣмъ на землю сходить
Такъ тускло солнца лучъ,
И на душу наводитъ
Мнѣ сумракъ сѣрыхъ тучъ?

Зачѣмъ вся жизнь мнѣ стала
Печальна и блѣдна?
Зачѣмъ ты измѣнила—
И бросила меня?

3

Я голову долго надъ жизнью ломалъ
О томъ, о другомъ то-и-дѣло мечталъ
Но ясныя очи твои лишь увидѣлъ,
Какъ разъ все я понялъ и небо провидѣлъ.

И свѣтятъ съ тѣхъ поръ отъ зари мнѣ до ночи
Тѣ чудныя, честныя, умныя очи.
И вѣкъ бы готовъ я тамъ жить и дышать,
Гдѣ такъ я нежданно нашелъ благодать.

4

Порой взгрустнется по-неволѣ
О милой, доброй старинѣ,
Какъ людямъ тамъ жилося въ волю,
Какъ всѣмъ спалося въ тишинѣ.

Теперь, вездѣ возня, тревога,
Такой во всемъ переполохъ,
Какъ будто на небѣ нѣтъ Бога,
А подъ землею чортъ издохъ.

Коснѣетъ умъ, лѣнь вяжетъ руки,
Морозъ по кожѣ, жаръ въ крови,
И просто умеръ бы со скуки
Не будь тутъ крошечки—любви.

Digitized by Google

5

Лишь я засну—передо мной
Стоишь ты какъ живая,
Киваешь нѣжно мнѣ главой,
Я льну къ тебѣ рыдая.

Головку русую склоня
И слезъ не утирая,
Ты словно смотришь на меня,
Въ жемчужинахъ сіяя.

Даешь засохшій мнѣ вѣнокъ
И тихо шепчешь слово—
Проснусь, изъ рукъ пропалъ вѣнокъ,
Не вспомню я и слова.

А. Б.

Digitized by Google

ОЧЕРКИ

ИЗЪ

СТАРЫХЪ РОМАНОВЪ УЙДА

Strathmore, by Ouida, 2 vols.

Читателямъ журнала знакомы лучшіе изъ послѣднихъ романовъ Уйда, появлявшіеся въ семидесятыхъ годахъ; успѣхъ ихъ основанъ преимущественно на внѣшнемъ эффектѣ. Но если Уйда займетъ со временемъ въ исторіи англійской литературы нашего періода видное и прочное мѣсто, то она этимъ будетъ обязана произведеніямъ перваго періода своей дѣятельности, 60-хъ годовъ— и во главѣ ихъ, безъ сомнѣнія, поставятъ романъ «Стратморъ». Вотъ почему мы и рѣшились въ дополненіе того, что было уже сдѣлано у насъ для характеристики позднѣйшей манеры Уйда, остановиться на лучшемъ изъ ея произведеній старой манеры, «гдѣ, какъ справедливо замѣтилъ г. Реньяръ въ своихъ «Письмахъ изъ Англіи» [1]), талантъ Уйда высказался во всемъ блескѣ».

Главный интересъ этого произведенія сосредоточивается на характерѣ героя, имя котораго есть вмѣстѣ и заглавіе самаго романа. Въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ Уйда всегда впадаетъ въ крайность, идеализируетъ мужскіе характеры, превращаетъ ихъ въ какіе-то нескончаемые списки добродѣтелей и талантовъ. Ничего подобнаго не случилось съ Стратморомъ. Предъ нами постоянно является живая антитеза: добро и зло, сила и слабость

---

[1]) „Вѣстн. Евр." 1876, іюль, стр. 226.

Digitized by Google

вѣчно борются въ немъ; Стратморъ скоро поддается впечатлѣніямъ, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ страсти, подобно дикарю, но съ необычайной стойкостью выноситъ послѣдствія своихъ поступковъ, какъ бы тяжелы они ни были. Роковая ошибка, лежащая въ основѣ всѣхъ его промаховъ, заключается въ убѣжденіи, что человѣкъ — властелинъ собственной жизни и судьбы, тогда какъ онъ ежеминутно подвергается тысячѣ постороннихъ вліяній.

Послѣ Стратмора наиболѣе выдающійся характеръ — леди Вавазуръ; это — одна изъ тѣхъ женщинъ-тигрицъ, которыхъ всегда съ неподражаемымъ мастерствомъ рисуетъ Уйда; впрочемъ, впечатлѣніе, производимое личностью этой красавицы, значительно ослабляется, благодаря «похвальнымъ» чувствамъ, какія авторъ навязываетъ ей на послѣднихъ страницахъ романа. Такія женщины никогда ничего не забываютъ, никогда ничего не прощаютъ; раскаяніе, искупленіе — для нихъ книга о семи печатяхъ; читатель чувствуетъ натяжку, фальшивую ноту, и обаятельный образъ великосвѣтской сирены оставляетъ въ памяти его какое-то двойственное впечатлѣніе.

Къ этимъ двумъ личностямъ присоединимъ Люсиль: поэтическій образъ этой дѣвушки-ребенка обрисованъ чрезвычайно живо и весьма отчетливо; ея чистая, глубокая натура просвѣчиваетъ въ каждомъ ея словѣ, въ каждомъ движеніи; она отъ начала до конца вѣрна себѣ.

Все остальное въ романѣ, можно сказать, существуетъ и дѣйствуетъ для этихъ трехъ лицъ; вслѣдствіе того, этотъ романъ Уйды страдаетъ всего менѣе отъ избытка вводныхъ лицъ и излишнихъ подробностей, и нѣтъ того стремленія бить на эффектъ, какое обнаружилось въ послѣднихъ ея произведеніяхъ.

I.

Предъ нами Уайтъ-Лэдисъ, — древнее, величавое аббатство, построенное въ чисто-готическомъ стилѣ; оно расположено въ глубокой ложбинѣ, на берегу моря, въ западной части Англіи, и окружено со всѣхъ сторонъ густымъ лѣсомъ. Стѣны стараго зданія поросли плющемъ, яркое лѣтнее солнце заглядываетъ въ окна большой столовой, озаряя тамъ-и-сямъ фамильный гербъ Стратморовъ съ ихъ девизомъ: «Убивай, не щади!». Въ столовой сидятъ молодые люди за обильнымъ завтракомъ; во главѣ стола, нѣсколько въ тѣни, хозяинъ. Это мужчина лѣтъ подъ тридцать, но на видъ ему больше. Онъ высокъ, худощавъ, одѣтъ въ

Digitized by Google

утренній костюмъ изъ чернаго бархата. Наружность его особенно замѣчательна, но не столько по красотѣ линій, сколько по выразительности физіономіи; такія лица очень часто попадаются на портретахъ старыхъ итальянскихъ мастеровъ. Волосы, усы и борода темно-каштановые, очертанія рта очень красивы, улыбка чрезвычайно пріятная, брови темныя, прямыя, глаза — сѣрые. Въ этихъ глазахъ, когда они загорались и сверкали чисто-стальнымъ блескомъ, или становились темнѣе ночи подъ вліяніемъ мгновеннаго и безпощаднаго гнѣва, опытный физіономистъ прочелъ бы опасность, грозящую какъ самому Стратмору, такъ и другимъ. На этомъ лицѣ лежала печать несчастія; будущему предстояло рѣшить, оправдаются или нѣтъ подобныя мрачныя предчувствія. Въ настоящую минуту Стратморъ, этотъ человѣкъ съ глазами Катилины и лицомъ Страффорда, былъ счастливъ и спокоенъ; онъ разсѣяннымъ взглядомъ пробѣгалъ письма, лежавшія передъ нимъ цѣлой грудой, причемъ на нѣсколькихъ конвертахъ виднѣлись изящныя монограммы подъ различными коронами, а почерки ясно изобличали полъ его титулованныхъ корреспондентовъ; однимъ ухомъ онъ прислушивался къ болтовнѣ своихъ пріятелей, составлявшихъ цвѣтъ великосвѣтской молодежи. Говорилось, какъ всегда, о лошадяхъ, скачкахъ, пари, о женщинахъ, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ слоямъ общества; бесѣда прерывалась шутками, остротами, подтруниваніемъ другъ надъ другомъ и надъ самими собой. Въ самый разгаръ ихъ споровъ дверь отворилась и новое лицо вошло въ комнату: то былъ атлетически сложенный красавецъ блондинъ, на видъ нѣсколькими годами старше Стратмора; прекрасные, чистые голубые глаза, длинные, бѣлокурые волосы, милое выраженіе, веселая улыбка дѣлали наружность Берти Эрроль почти столь же привлекательной для мужчинъ, какъ и для женщинъ. На сторонѣ послѣднихъ, конечно, былъ перевѣсъ, онѣ буквально усѣяли путь его цвѣтами. У него любовныхъ похожденій было чуть-ли не столько, сколько звѣздъ на небѣ. Побѣда надъ нимъ доставалась легко, въ чемъ онъ самъ добродушно сознавался товарищамъ въ минуты откровенности.

— Хорошъ, нѣчего сказать,—весело обратился хозяинъ къ запоздавшему:—вѣчно проспитъ,—этакій лѣнтяй!

— И вовсе я не спалъ,—отозвался Эрроль,—а просто, лежа въ постелѣ, дочитывалъ «Les amours d'une femme»;—и, проговоривъ эти слова, усѣлся за столъ, положилъ себѣ на тарелку котлету à la maréchale, и усердно занялся ею.

Бесѣда возобновилась; Стратморъ принималъ въ ней живое

Digitized by Google

участіе, и когда обращался къ Эрролю, то по тону его голоса, по улыбкѣ, съ которой онъ посматривалъ на него, всякому, даже постороннему наблюдателю, становилось ясно, что эти два человѣка, столь непохожіе другъ на друга,—закадычные друзья.

— Представь, Эрроль,—закричалъ хозяинъ съ своего конца стола:—сегодня я получилъ письмо отъ Рокби,—совсѣмъ съ ума спятилъ человѣкъ; ни о чемъ путномъ не пишетъ: ни о пари, ни о скандалахъ,—заладилъ одно: «леди Вавазуръ»; это красавица, изъ-за которой онъ на стѣну лѣзетъ, что-то необыкновенное, по его словамъ,—креолка, кажется. Надоѣло даже, право, слушать, какъ ее воспѣваютъ. Знаетъ ее кто-нибудь изъ васъ? слыхали о ней?

— Какъ не слыхать!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Да кто она такая? откуда взялась?—спросилъ Лангтонъ, уланъ, только-что возвратившійся изъ Бенгаліи.

— Этого, братецъ, тебѣ никто сказать не съумѣетъ,—отвѣчалъ Эрроль.—Явилась она, какъ Афродита, изъ пѣны морской. Эта креолка появилась сначала въ Петербургѣ, гдѣ произвела страшный фуроръ, потомъ въ Парижѣ, на скачкахъ въ Longchamps,—съ тѣхъ поръ полъ-Европы у ея ногъ.

— Такъ, такъ,—поддержалъ его Донверсъ:—она божественна, всѣ по ней съ ума сходятъ! Кокетка ужаснѣйшая,—разбить сердце ей ни-почемъ.

— Сердце!—съ презрительнымъ оттѣнкомъ прервалъ его Стратморъ:—полно вамъ о глупостяхъ толковать.

— Ну, ты извѣстная льдина!

— И прекрасно: одни дураки налагаютъ на себя цѣпи; я не понимаю этого безумія,—лежать у ногъ женщины, словно собаченка. Отвратительно!

— И благодари небеса, что не понимаешь,—съ глубокимъ вздохомъ, полнымъ зависти, заключилъ Эрроль.—Только помни, дружище,—и еретики, подобные тебѣ, нерѣдко попадались,—да еще какъ!

Стратморъ пожалъ плечами и поднялся съ мѣста: время было отправляться всѣмъ обществомъ на охоту.

Уайтъ-Лэдисъ досталось Стратмору по наслѣдству отъ дѣда, отца его матери; старикъ, не имѣя сыновей, завѣщалъ свое родовое имѣнье внуку, съ условіемъ, что тотъ будетъ носить его имя: къ тому же, лицомъ и характеромъ молодой человѣкъ былъ совершенный Стратморъ, и нимало не походилъ на отца своего, лорда Кастлснеръ; вообще, герой нашъ былъ странная личность: если предположить, что съ наружностью своихъ предковъ, съ

Digitized by Google

материнской стороны, онъ унаслѣдовалъ и ихъ душевныя качества, то приходилось сознаться, что ему въ жизни должно было предстоять много крайне-тяжелаго; но, въ то же время, можно было утѣшаться мыслью, что старые, родовые, опасные инстинкты — не находя себѣ примѣненія — навсегда замерли въ душѣ его. Страстнымъ увлеченіямъ, которыми нѣкогда отличались Стратморы, изъ неумолимой мести, — не было и пищи въ жизни блестящаго молодого дипломата, изящнаго придворнаго, за которымъ бѣгали всѣ женщины его круга, равно какъ и дамы полу-свѣта; но службѣ онъ шелъ быстро, благодаря своимъ замѣчательнымъ способностямъ и врожденной страсти къ распутыванью самыхъ сложныхъ интригъ европейскихъ кабинетовъ; значитъ, и тутъ ничто не вызывало его на нещадную борьбу съ врагами, которые, если и были у него, то скрывались подъ видомъ добрыхъ друзей и преданныхъ товарищей, а не кидались на него въ открытомъ полѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, какъ то дѣлали дикіе враги его дикихъ предковъ. Любви Стратморъ не зналъ: у него, какъ у всѣхъ молодыхъ людей его круга, были любовныя интриги — и только; самое нѣжное, теплое, человѣчное чувство, проникшее доселѣ въ его сердце, была его дружба къ Берти Эрроль. Сошлись они, вѣроятно, въ силу рѣзкаго контраста, существовавшаго въ самой ихъ природѣ: пословица, гласящая будто *крайности сходятся,* равно примѣнима, какъ къ любви, такъ и къ дружбѣ. Они никогда не говорили о своей привязанности, предоставляя увѣренія въ дружбѣ женщинамъ, но безмолвно и крѣпко разсчитывали другъ на друга вездѣ и всегда, точно такъ, какъ люди полагаются на собственную честь; теперь имъ предстояла разлука: Стратмора посылали съ дипломатическимъ порученіемъ въ придунайскія княжества.

Во время этого путешествія, Стратморъ попадаетъ въ Прагу и тамъ, наканунѣ Иванова-дня, на площади, запруженной массой молящихся передъ различными часовнями, останавливаетъ несущихся на всемъ скаку лошадей, впряженныхъ въ изящную коляску, — и тѣмъ самымъ спасаетъ молодую красавицу, владѣлицу экипажа, отъ крайней опасности. Незнакомка горячо благодаритъ своего избавителя, но кучеръ ея, желающій поскорѣй ускользнуть отъ разъяренной толпы, кишащей вокругъ нихъ, ударяетъ возжами по смирившимся лошадямъ, и коляска скрывается изъ виду. Нѣсколько дней спустя, Стратморъ только-что успѣлъ взойти на одну изъ тѣхъ большихъ, тяжелыхъ лодокъ, которыхъ такъ много плаваетъ по Молдавѣ, и усѣсться покомфортабельнѣе, какъ слышитъ мелодичный, мягкій, женскій го-

Digitized by Google

лось, обращающійся къ нему съ вопросомъ: «не о Прагѣ ли вспоминаете?» — и, оглянувшись, узнаетъ свою прекрасную незнакомку. Она лежитъ на подушкахъ, которыми ея камеристка покрыла грубую скамью лодки, и въ позѣ ея видна нѣга и грація одалиски. Это—блондинка, съ черными, продолговатыми, блестящими глазами, осѣненными длинными рѣсницами, ослѣпительно бѣлой кожей, нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, изящнымъ ротикомъ, нѣжныя губки коего показались бы слишкомъ полными лишь завистницамъ, тогда какъ Беранже навѣрное бы сказалъ про нихъ: «Pour ma levre qui les presse, c'est un défaut bien attrayant»; улыбка довершаетъ очарованіе. Вся фигура красавицы, съ небрежно-наброшеннымъ на голову, въ видѣ испанской мантиліи, чернымъ кружевомъ, напоминаетъ одинъ изъ портретовъ Тиціана или Грёза, а бѣлыя ручки, упирающіяся въ перила старой лодки, эффектно выдѣляются на этомъ темномъ фонѣ, причемъ драгоцѣнные камни ея колецъ переливаются всѣми цвѣтами радуги въ лучахъ заходящаго солнца.

Глаза красавицы съ любопытствомъ и удовольствіемъ остановились на Стратморѣ, какъ только онъ вошелъ на лодку.

«Сколько въ этомъ лицѣ спокойствія и сколько скрытой страсти», размышляла она: «оно мнѣ нравится».

Стратморъ подходитъ къ ней, между ними завязывается разговоръ; она снова благодаритъ его и проситъ сказать ей: кому она обязана своимъ спасеніемъ?

— Меня зовутъ Сессиль Стратморъ.

— Стратморъ, Стратморъ,—задумчиво повторяетъ она,—звучное имя, хорошая фамилія. Такъ вы англичанинъ, и, конечно, въ силу этого обстоятельства строго осуждаете меня за мою вечернюю, одинокую прогулку. Англичане всѣ такіе чопорные.

— Да, они нерѣдко замораживаютъ себя снаружи, чтобы скрыть то, что таится внутри. Но могу ли я, въ свою очередь, спросить?..

Она смѣется и качаетъ головой:

— Нѣтъ, я путешествую инкогнито, и тайны своей вамъ не открою, у меня бездна прихотей, фантазій, можетъ быть, черезъ это много и враговъ, но кто же, скажите, проживетъ безъ нихъ?

— Никто, а менѣе всѣхъ тѣ, кто возбуждаетъ зависть.

— Конечно, да и что значатъ свистки враговъ, пока мы наслаждаемся молодостью, милой, невозвратной молодостью. Понятно, доживу я до старости и волосы мои побѣлѣютъ, а кожа пожелтѣетъ, но я не порчу настоящаго гаданіями о будущемъ. По-моему, глупцы всѣ тѣ, кто трудится, хлопочетъ, живетъ безъ

Digitized by Google

всякихъ радостей, и копить деньги на лекарство, на сидѣлокъ да на костыли. Нужно очень заботиться о томъ времени, когда вся прелесть жизни исчезнетъ и придется уступать мѣсто новому поколѣнію!

— Еще немного, и вы изъ меня сдѣлаете эпикурейца. Но, шутки въ сторону: я съ вами несогласенъ, съ годами лишь приходитъ то, изъ-за чего только жить стóитъ—*власть!*

— Это хорошо для васъ, ваша молодость длится до могилы, но мы—женщины: съ красотой исчезаетъ и сила наша. Итакъ: вы жаждете власти, а любовь—ее вы ставите ни во что?

— Признаюсь, не придаю ей особой цѣны.

— Стыдитесь; если вы это думаете, то по крайней мѣрѣ не говорили бы,—смѣясь замѣчаетъ Неренда Молдавы.

Во время шутливаго разговора нашихъ путниковъ лодка сѣла на мель, приходится выдти на берегъ и дождаться разсвѣта въ небольшой прибрежной гостинницѣ, утопающей въ вишневой рощѣ, и осѣненной тѣнью громадныхъ липъ въ полномъ цвѣтѣ. Стратморъ и незнакомка располагаются ужинать подъ липами, причемъ она не перестаетъ, смѣясь, увѣрять его, что судьба видимо хочетъ ихъ сближенія.

А между тѣмъ наступаетъ тихая, звѣздная, знойная ночь.

«Какимъ холоднымъ смотритъ этотъ красавецъ Стратморъ», — думаетъ незнакомка: — «неужели онъ осмѣлится не покориться *мнѣ?*»

— Любите ли вы музыку?—спрашиваетъ она громко, и, не дожидаясь отвѣта, начинаетъ пѣть веселенькую канцонетту, голосомъ, которому позавидовали бы соловьи.

Она пѣла безъ остановки, безъ малѣйшаго усилія, соединяя самыя разнообразныя мелодіи въ одно странное, но прекрасное цѣлое, переходя отъ какой-нибудь молитвы къ бравурной Верділевской аріи, отъ колыбельной пѣсни Кюккена къ венеціанской баркароллѣ, или шаловливой французской шансонеткѣ.

— Да, вы любите музыку, я это по лицу вашему вижу; у англичанъ, несмотря на ихъ холодность, подчасъ очень краснорѣчивые глаза. Вы не находили мою фантазію очень странной? Въ самомъ дѣлѣ, я задала вамъ, незнакомому человѣку, концертъ подъ липами въ десять часовъ вечера.

— Я слишкомъ благодаренъ за эту фантазію, чтобы судить васъ за нее. Самой Паста трудно было бы соперничать съ вами.

Она улыбнулась и замолчала. Ей было ясно, что Стратморъ еще никогда не любилъ, и ей казалось не безполезнымъ позволить ему безпрепятственно любоваться ею. Стратморъ тоже мол-

Digitized by Google

чалъ и ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ: кто бы могла быть эта женщина, эта одинокая путешественница, это очаровательное созданіе?

Раздумье ихъ было прервано появленіемъ молодой, черноволосой цыганки, приблизившейся къ спутницѣ Стратмора со словами:

— Не погадать ли, красавица?

Прекрасная блондинка вздрогнула, окинула удивленнымъ взглядомъ всю фигуру нежданной собесѣдницы и весело отвѣчала:

— Я гадать не стану. Я знаю свое прошедшее и свое настоящее, съ меня довольно. А вотъ кому погадай: хочется мнѣ узнать судьбу человѣка, который жаждетъ старости и презираетъ любовь. Извольте повиноваться, дайте ей руку!

Стратморъ положилъ золотой въ руку цыганки, прислонился къ стволу дерева и сталъ ждать.

Цыганка не взглянула на его руку, но долго не спускала глазъ съ его лица, внимательно изучая его и, наконецъ, проговорила:

— Будетъ любовь, любовь породитъ грѣхъ, грѣхъ — преступленіе, преступленіе — проклятіе. Проклятіе будетъ преслѣдовать тебя, самое искупленіе превратится въ ничто. Собственными руками создашь свое несчастіе, вкусишь отъ плодовъ своего прошлаго. Невинные могутъ пострадать изъ-за тебя; черезъ тебя придетъ смерть. Редемита, дочь Форье, возвѣстила все!

Тихо и грустно звучали слова эти посреди ночного безмолвія, прерываемаго лишь плескомъ рѣчныхъ волнъ о скалы. Стратморъ вздрогнулъ, но тотчасъ подавилъ свое волненіе, и, бросая второй золотой гадальщицѣ, весело проговорилъ:

— Ты могла бы быть полюбезнѣе. Если желаешь нажиться, предсказывай что-нибудь повеселѣе. А теперь отправляйся, ступай пугать мужиковъ.

— Редемита говоритъ то, что видитъ, — печально и горде произнесла цыганка, медленно повернулась и исчезла во мракѣ.

Простившись вскорѣ со Стратморомъ, незнакомка вторично выражаетъ намѣреніе остаться для него загадкой до конца, и скоро скрывается изъ виду, весело кивая ему головой изъ-подъ навѣса таратайки, увозящей ее вмѣстѣ съ другими пассажирами.

Послѣднія ея слова были:

— Вы меня скорѣй не забудете, если я не удовлетворю вашему любопытству.

Оставшись одинъ, Стратморъ закурилъ сигару и растянулся на травѣ подъ липами.

Digitized by Google

— Кто она такая? чортъ ее возьми! — ворчалъ онъ сквозь зубы; онъ много жилъ за границей, зналъ всѣхъ замѣчательныхъ красавицъ, но этой женщины никогда не видалъ, а между тѣмъ она возбуждала его любопытство, и онъ думалъ о ней, о ней одной, лежа на берегу рѣки и вдыхая полной грудью чистый, пропитанный запахомъ сосны, воздухъ...

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, на громадномъ костюмированномъ балѣ, въ одномъ изъ самыхъ аристократическихъ домовъ Парижа, Стратмора интригуетъ одно бѣлое домино, усѣянное золотыми пчелами; голосъ у домино — будто знакомый, чудные глаза, смотрящіе на него сквозь разрѣзъ маски, сверкаютъ насмѣшливой веселостью, шутки, парадоксы сыплются дождемъ. Маска поражаетъ его своимъ знакомствомъ съ политическими тайнами, которыя онъ почиталъ недоступными для простыхъ смертныхъ, и въ заключеніе говоритъ:

— Я не только знаю ваши дипломатическія хитрости, но и васъ самихъ, лордъ Сесиль. Слушайте: вы честолюбивы, но честолюбіе ваше странное, хотя и возвышенное. Вы презираете золото —этого бога толпы, ищете одной власти. Вы холодны и гордитесь своей холодностью, вы цѣните дружбу и презираете любовь, почитая ее игрушкой для слабоумныхъ. Жизнь и люди въ вашихъ глазахъ—масса, изъ которой вы, художникъ, вылѣпите что вамъ вздумается. Вы любите хитрость, симпатіи вамъ не нужно, вполнѣ и совершенно вы разсчитываете только на самого себя. У васъ глубокій, изворотливый умъ старыхъ итальянскихъ государственныхъ людей; можетъ быть, въ душѣ вашей живутъ и ихъ страсти, но покамѣстъ онѣ дремлютъ, ну, что же: ясновидящая я или нѣтъ? а теперь прощайте; можетъ быть, сегодня вы и увидите меня во снѣ; въ моихъ рукахъ, знайте, нити политическихъ интригъ.

Стратморъ старается выслѣдить бѣлое домино, и, наконецъ, указываетъ на него издали одному изъ своихъ многочисленныхъ пріятелей, спрашивая, не знаетъ ли онъ кто это?

— Это?—съ изумленіемъ переспрашиваетъ виконтъ Беллюсъ: —это? да это—*она*.

— Она, кто она? чортъ тебя возьми съ твоими мѣстоименіями, зовутъ же ее какъ-нибудь?

— Лэди Вавазуръ, наконецъ-то ты встрѣтился съ ней!

Digitized by Google

II.

Наступаетъ лѣто, Стратморъ со всѣхъ сторонъ получаетъ приглашенія въ зáмки своихъ безчисленныхъ знакомыхъ, и не знаетъ еще на что рѣшиться? Но вдругъ совершенно случайно узнаетъ, что въ числѣ посѣтителей, имѣющихъ пополнить Вернонсó — зáмокъ, которымъ владѣетъ въ Лотарингіи прекрасная m-me де Курсель, англичанка по рожденію и воспитанію, парижанка по замужству и характеру, будутъ и маркизъ Вавазуръ съ женою; онъ рѣшается принять приглашеніе своей соотечественницы и ѣдетъ въ Вернонсó: воспоминаніе о бѣломъ домино, какъ видно, еще не изгладилось изъ его памяти.

Въ ту минуту какъ Стратморъ въѣзжаетъ во дворъ зáмка, изъ другихъ воротъ показывается группа всадниковъ, словно сошедшая съ картины Вувермана, и въ центрѣ ея амазонка съ замѣчательной посадкой, дразнящая свою, и безъ того горячую, лошадь хлыстомъ, и мгновенно осаживающая ее, какъ только та пытается подняться на дыбы.

«Мастерски ѣздитъ»,—думаетъ Стратморъ, и старается разглядѣть черты стройной всадницы, но его монокль недовольно силенъ, а разстояніе велико — ясно онъ ничего различить не можетъ.

Проходя по галереѣ зáмка къ себѣ, онъ слышитъ какъ камеристка, высунувшись изъ дверей какой-то комнаты, кричитъ другой:

— Бѣги скорѣй въ оранжереи за пунцовыми камеліями, миледи требуетъ живыхъ цвѣтовъ. Боже! нѣтъ, кажется, на свѣтѣ такой капризницы, какъ маркиза Вавазуръ.

Это имя первое, что́ онъ слышитъ въ зáмкѣ.

Одѣваясь къ обѣду и разспрашивая слугу объ именахъ гостей, Стратморъ съ неудовольствіемъ замѣчаетъ, что, кромѣ двухъ-трехъ прелатовъ и четы Вавазуръ, всѣ ему знакомы; по его мнѣнію, новые знакомые тѣмъ и хороши, что къ ихъ достоинствамъ не успѣлъ еще приглядѣться, ихъ недостатки не могъ еще изучить, а потому естественно видишь ихъ въ лучшемъ свѣтѣ; ничто такъ не теряетъ подъ микроскопомъ, какъ человѣчество, — заключаетъ онъ, и подъ вліяніемъ этой мизантропической мысли сходитъ въ гостиную. Она пуста. Онъ садится на диванъ, спиной къ двери, ведущей на террассу, и задумывается такъ, что не слышитъ шума шаговъ, шелеста платья и приходитъ въ себя

Digitized by Google

только отъ звука памятнаго ему мелодичнаго, насмѣшливаго голоса, привѣтствующаго его словами:

— Здравствуйте, лордъ Сессиль. О чемъ размышляете вы? О предсказаніи цыганки, или о бѣломъ домино? Впрочемъ, вѣроятно, то и другое заслонили въ вашей памяти всяческія политическія комбинаціи?

Стратморъ вскакиваетъ, оглядывается: передъ нимъ, облеченная въ шелкъ и кружево, съ пунцовыми камеліями въ золотыхъ волосахъ и блестящими, смѣющимися глазами, стоитъ она, его Нереида Молдавы, бѣлое домино, леди Вавазуръ.

Странно—но до этой минуты ему ни разу не приходило въ голову, что его таинственная спутница и эта, полъ-Европой воспѣваемая чародѣйка, одно и то же лицо.

Они встрѣчаются какъ старые друзья; она мило, ласково, задушевно обращается съ нимъ. За столомъ Стратморъ не спускаетъ глазъ съ ея мужа,—и этому уроду—думается ему,—досталась такая красота. Впрочемъ, Стратморъ, подъ вліяніемъ ревности, нѣсколько преувеличиваетъ: маркизъ не уродъ и не дуракъ, онъ просто: коротенькій, невзрачный, сѣдой человѣчекъ, съ небольшими, темными, насмѣшливыми глазами и чувственнымъ ртомъ. Судя по наружности, имъ должно быть легко управлять, стоитъ только узнать его слабыя стороны. Умъ его незначителенъ, и всецѣло поглощенъ изученіемъ Brillat-Savarin: какой-нибудь новый соусъ для него дѣло первой важности. Личность сама по себѣ незамѣчательная, но пользующаяся въ свѣтѣ, благодаря своему громадному состоянію и значительнымъ связямъ, большимъ вѣсомъ и значеніемъ. За маркизомъ и въ Вернонсо всѣ ухаживали, кромѣ Стратмора, который, съ презрѣніемъ поглядывая на его тщедушную фигурку, говорилъ себѣ: Положительно, это Калибанъ, женатый на Мирондѣ.

А между тѣмъ Миронда, она же маркиза Вавазуръ, пускаетъ въ ходъ всѣ хитрости опытной кокетки, чтобы завлечь въ свои сѣти человѣка, у кого въ жизни, по его собственному сознанію, любовь доселѣ играла такую незначительную роль...

Стратморъ очень рѣдко вставалъ рано; обыкновенно онъ выпивалъ чашку шеколада, перелистывалъ новые романы, читалъ письма, выкуривалъ первую сигару лежа въ постели, и однимъ изъ послѣднихъ являлся къ раннему завтраку. Но въ первое же утро по пріѣздѣ въ замокъ, когда человѣкъ его отворилъ окно, ароматный воздухъ, ворвавшійся въ комнату, соблазнилъ Стратмора: онъ всталъ, одѣлся и спустился по потаенной лѣсенкѣ прямо въ цвѣточный садъ.

Digitized by Google

Въ свѣжести и тишинѣ ранняго лѣтняго утра есть особенная прелесть, даже для тѣхъ изъ насъ, кто менѣе всего склоненъ поддаваться подобнымъ впечатлѣніямъ. Стратморъ былъ по преимуществу свѣтскій человѣкъ. Жизнь его проходила при дворѣ, въ клубахъ и салонахъ; настольными книгами были сочиненія La Rochefoucauld и La Bruyêre, а между тѣмъ и онъ невольно поддался очарованію. Кругомъ царила полнѣйшая тишина, изрѣдка прерываемая воркованіемъ голубей и шелестомъ вѣтра въ кустахъ розъ; онъ былъ увѣренъ, что все въ домѣ спитъ, а потому невольно вздрогнулъ, когда откуда-то ему бросили вопросъ:

— Съ какихъ это поръ въ васъ развились идиллическіе вкусы?

Онъ поднялъ глаза...

Она стояла какъ разъ надъ его головой, облокотясь о каменную балюстраду, позади ея виднѣлся поросшій плющемъ фасадъ зáмка съ его остроконечными башенками и длиннымъ рядомъ готическихъ оконъ; у ногъ ея разстилалась терраса съ вьющимися по стѣнамъ ползучими растеніями и розами всѣхъ цвѣтовъ. Въ этой обстановкѣ красота ея дѣйствовала на него такъ же сильно, какъ и наканунѣ при огнѣ. Вдали отъ нея онъ могъ критиковать ее, пожалуй,—даже осуждать, но въ ея присутствіи, когда, какъ въ настоящую минуту, ея глаза съ улыбкой смотрѣли на него, когда ея голосъ звучалъ въ воздухѣ, онъ не въ силахъ былъ ей противиться. Онъ ненавидѣлъ ее за власть, которую она съ каждымъ часомъ пріобрѣтала надъ нимъ,—и поддавался этой власти.

— Оставя въ сторонѣ вопросъ объ идиллическихъ вкусахъ, каждый человѣкъ, начиная съ отчаяннаго лѣнтяя и кончая строгимъ анахоретомъ, обрадовался бы, видя какую награду сулитъ судьба тѣмъ, кто всталъ раньше другихъ,—проговорилъ Стратморъ, поднимаясь по ступенямъ террассы и подходя къ ней.

Она съ улыбкой протянула ему маленькую, бѣленькую, унизанную кольцами ручку.

— Не далѣе какъ вчера вечеромъ вы толковали про то, сколько зла сдѣлала на свѣтѣ женщина,—я вѣдь слышала,—а теперь, розыскали меня въ саду, гдѣ еще Ева надѣлала всяческихъ бѣдъ,—согласитесь, что это нелогично. Къ тому же, дипломатъ, вдыхающій свѣжесть утренней росы, грѣющійся на солнышкѣ посреди цѣлаго моря розановъ, да это аномалія, другъ мой!

— Я также не подозрѣвалъ въ васъ поэтическихъ вкусовъ,

Digitized by Google

лэди Вавазуръ, — отвѣчалъ онъ съ той холодной, небрежной улыбкой, которая всегда выводила ее изъ себя:—какую прелесть можетъ имѣть въ вашихъ глазахъ раннее утро? здѣсь вѣдь некого съ ума сводить, кругомъ только пчелы да птицы. Правда, я читалъ въ какой-то старой пѣснѣ объ элексирѣ вѣчной юности и красоты, добываемомъ изъ розъ. Въ такомъ случаѣ остается пожалѣть о неродившихся еще поколѣніяхъ, они будутъ страдать подобно намъ.

— Не говорите, пожалуйста, въ первомъ лицѣ: *вы* никогда не страдаете. А привело меня сюда то, что̀ руководитъ всѣми моими поступками: впечатлѣніе минуты. Иного закона я не признаю. Въ Парижѣ никогда не встаю ранѣе двухъ часовъ, въ деревнѣ — другое дѣло. Я услыхала пѣнье птицъ, запахъ розъ ворвался ко мнѣ въ окна и... Ахъ, лордъ Сессиль, хотя свѣтская жизнь заставляетъ насъ забывать объ этомъ, но—право, есть много вещей лучше удовольствій, есть воздухъ болѣе чистый, чѣмъ воздухъ гостиныхъ. Я молода, счастлива, царю надъ всѣмъ меня окружающимъ, но иной разъ охотно промѣняла бы свою долю на участь крестьянской дѣвочки, играющей упавшими съ дерева каштанами, или ловящей бабочекъ на солнцѣ.

При послѣднихъ словахъ личико ея приняло печальное выраженіе, и она стала еще очаровательнѣе. Стратморъ это почувствовалъ и улыбнулся еще недовѣрчивѣе, еще насмѣшливѣе.

Она продолжала:

— Мнѣ завидуютъ, а право... посмотрите на эту розу, озаренную солнцемъ, какъ прекрасна она. Царица цвѣтовъ, а между тѣмъ ее точитъ червякъ;—говоря это, она все время играла своимъ бриллiантовымъ обручальнымъ кольцомъ.

— Неужели ваша участь подобна ей?

Вопросъ вырвался помимо его воли, онъ склонился къ ней.

— Тише,—шепнула она, ударивъ его по рукѣ вѣткой розановъ.—Вы не должны спрашивать. Я ношу знакъ рабства и молчанія.

Оба замолчали; въ его жилахъ начиналъ струиться ядъ.

Вдругъ она засмѣялась своимъ серебристымъ беззаботнымъ смѣхомъ, и весело проговорила:

— А все-таки люблю розы. Это—цвѣты любви, цвѣты поэтовъ; я не удивляюсь, что ложе Клеопатры было изъ розановъ, что эпикурейцы усыпали ихъ листьями полъ комнатъ, служившихъ имъ для пиршествъ; а теперь, до свиданія, забудьте нашъ печальный разговоръ, я бы желала сдѣлать изъ васъ эпикурейца, изъ человѣка, презирающаго розы жизни, и жаждущаго лишь

Digitized by Google

поблекшихъ лавровъ старости и власти. Продолжайте вашу одинокую прогулку, я иду пить свой шоколадъ!...

Лэди Вавазуръ проводитъ очень много времени въ обществѣ Стратмора, обходится съ нимъ совершенно иначе, чѣмъ съ другими, какая-то невольная нѣжность звучитъ въ ея голосѣ, отражается въ ея глазахъ, когда онъ подлѣ нея. Она сама называется на приглашеніе въ Уайтъ-Лэдисъ, куда и пріѣзжаетъ слѣдующей же осенью...

Стратморъ собралъ къ ея пріѣзду избранное и многочисленное общество, въ числѣ его гостей и другъ его—Берти Эрроль, съ первой минуты появленія знаменитой красавицы подъ гостепріимнымъ кровомъ его друга почуявшій что-то не доброе. Маркиза въ свою очередь съ недовѣріемъ относится къ нему, и даже слегка подтруниваетъ надъ горячей дружбой Стратмора, но, замѣтивъ, что ея шутки ему непріятны, быстро мѣняетъ тактику, и, задумчиво глядя на Эрроля, стоящаго неподалеку отъ нихъ, со вздохомъ замѣчаетъ:

— Вы совершенно правы, это должно быть премилая личность, да и наружность его самая счастливая: его чуднымъ глазамъ, его золотымъ кудрямъ могла бы позавидовать женщина!

Эти слова—сѣмя, имѣющее дать обильный плодъ. Отнынѣ Стратморъ уже не находитъ въ сердцѣ своемъ прежняго чувства къ другу; къ довершенію, бѣдный Эрроль нѣсколько разъ предостерегаетъ его, умоляетъ не поддаваться такъ беззавѣтно вліянію этой женщины, которая, очевидно, только завлекаетъ его, нисколько не любя;—слова его оскорбляютъ Стратмора; роковая страсть у него растетъ не по днямъ, а по часамъ.

Наконецъ—настаетъ кризисъ; Стратморъ открыто говоритъ маркизѣ о своей любви, она отшучивается, тогда онъ рѣшается на отчаянное средство. Онъ только-что получилъ новое назначеніе—посланническій постъ, превосходящій все, о чемъ онъ могъ мечтать; но чтобы занять его—надо уѣхать. За завтракомъ только и рѣчи, что о его назначеніи, пріятели его поздравляютъ, Эрроль радуется, одна лэди Вавазуръ принимаетъ это извѣстіе спокойно, будто рѣчь идетъ о братѣ, карьерой котораго она интересуется. Весь день онъ ни на минуту не можетъ остаться съ ней наединѣ, наконецъ, вечеромъ, во время блестящаго костюмированнаго бала, они вдвоемъ въ картинной галереѣ. Она первая нарушаетъ молчаніе.

— Итакъ, Стратморъ, вы очень скоро покидаете Англію?

— Велите мнѣ остаться, и я завтра же откажусь отъ этого мѣста.

Digitized by Google

— Какъ! Вы испортите свою карьеру, принесете въ жертву свое честолюбіе, откажетесь отъ власти, по одному слову женщины. Стыдитесь, лордъ Сессиль!

— Тише, ради Бога. Вы знаете всю мѣру моего безумія, играть имъ я вамъ больше не позволю. Прикажите мнѣ остаться— и я всѣмъ для васъ пожертвую! Но вы должны любить меня, какъ я люблю. Если вы меня обманываете—берегитесь, вы за это расплатитесь тяжелой цѣной! Любите меня—и я всѣмъ для васъ пожертвую, честью, славой, жизнью, чѣмъ хотите...

Она принимаетъ его жертву, онъ отказывается отъ мѣста къ великому ужасу Эрроля, который не можетъ понять, что́ сталось съ его гордымъ другомъ, съ его честолюбивымъ Стратморомъ. «Неужели, думаетъ Берти, и ея власти надъ нимъ нѣтъ предѣловъ», и чувство искренней ненависти къ прекрасной маркизѣ закрадывается въ честную душу веселаго малаго.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; связь, соединяющая молодого дипломата съ знаменитой кокеткой, превратилась уже въ общеизвѣстный фактъ, *въ старую новость*, а между тѣмъ многочисленные поклонники лэди Вавазуръ съ досадой замѣчаютъ, что она и не думаетъ измѣнять Стратмору. Богъ вѣсть, полюбила-ли она наконецъ, или только наслаждалась сознаніемъ своего вліянія надъ нимъ, но во всякомъ случаѣ кокетство ея словно замерло, и ни малѣйшаго повода къ ревности она ему не подавала.

А онъ? еслибъ онъ могъ взглянуть на себя со стороны, то, конечно, не узналъ бы себя; онъ, нѣкогда воображавшій, что можетъ направлять свою жизнь, какъ ему вздумается, всецѣло отдался въ руки женщины, смотрѣлъ на все ея глазами, превратился въ ея полнаго раба. Ничто для него не существовало внѣ ея взора и улыбки, честолюбивые замыслы были забыты, сильная воля исчезла какъ дымъ—и не мудрено: онъ любилъ первый разъ въ жизни. Поэты часто сравнивали страсть съ пожаромъ, это сравненіе вѣрно: ни тому, ни другому предѣловъ положить невозможно. Послѣ шумной и веселой зимы въ Парижѣ маркизъ съ женою переселяются въ свою виллу, лежащую между Отейлемъ и Пасси, и здѣсь-то разыгрывается драма, описанная Уйдой съ замѣчательнымъ мастерствомъ; эта драма составляетъ *узелъ* романа.

Digitized by Google

III.

Лэди Вавазуръ не могла жить безъ общества, и теперь, поселившись въ своемъ «Bosquet de Diane», безъ устали устраивала праздники, спектакли, ужины на нѣсколько человѣкъ. Эрроль, гостившій у своего больного дяди въ окрестностяхъ Огейля, постоянно получалъ приглашенія на всѣ эти торжества, и почти постоянно отказывался отъ участія въ нихъ; все это раздражало маркизу и даже возбуждало ея негодованіе.

Однажды, оставшись съ нимъ наединѣ, она напрямикъ спросила его:

— Мистеръ Эрроль, скажите: отчего вы такъ упорно избѣгаете меня? сознайтесь, я вамъ антипатична?—говорите правду!

— Скажите лучше, лэди Вавазуръ, что я боюсь васъ, вашего вліянія, и можетъ быть, простите—но вы сами требовали отъ меня откровенности—можетъ быть, съ грустью смотрю на то, какъ вы безпощадно злоупотребляете этимъ вліяніемъ.

Эти смѣлыя слова были первыми нелестными словами, обращенными къ лэди Вавазуръ, гнѣвъ захватилъ ей дыханіе; она отвѣчала ему любезно и уклончиво, но съ этой минуты его участь была рѣшена.

Никогда не бывала лэди Вавазуръ такъ очаровательна, какъ лежа на кушеткѣ раннимъ утромъ, въ бѣлоснѣжномъ пеньюарѣ, съ распущенными по плечамъ волнами бѣлокурыхъ волосъ; въ такія минуты Стратморъ всего беззавѣтнѣе отдавался ей во власть.

Они были одни въ ея будуарѣ, и онъ, лежа у ногъ ея, задумался надъ очень крупнымъ разговоромъ, который имѣлъ наканунѣ съ Берти Эрроль, желавшимъ разочаровать его, и доказывавшемъ, что она,—его божество, совсѣмъ не такъ вѣрна ему, какъ онъ воображаетъ.

— О чемъ думаешь, дорогой мой?—спросила она, слегка коснувшись его волосъ.

— О томъ, сколько есть на свѣтѣ людей, желающихъ, чтобы ты измѣнила мнѣ.

— Сотни. Что-жъ, еслибъ усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ, я бы не признала за тобой права жаловаться.

— Полно, не шути этимъ.

— Отчего-жъ?—засмѣялась она.—Любовь, въ глазахъ людей мудрыхъ, не болѣе какъ шутка. Ты бы не имѣлъ права жаловаться, Сессиль. Можно царить надъ свѣтомъ и—не владѣть собой; наши сердца—это мыльные пузыри Бена-Джонсона, сегодня

Digitized by Google

здѣсь, завтра въ другомъ мѣстѣ, смотря по тому, куда подуетъ вѣтеръ случая и минутнаго каприза. Я надѣюсь, что ты бы принялъ извѣстіе о твоей отставкѣ съ изящнымъ самообладаніемъ. Ну, скажи: что бы ты сдѣлалъ, еслибъ я вдругъ объявила, что больше не люблю тебя?

Вопросъ былъ сдѣланъ въ насмѣшливо-шаловливомъ тонѣ; это молодое существо любило мучить.

— Что бы я сдѣлалъ? Богъ вѣсть, убилъ бы тебя, себя, обоихъ...

Въ этихъ словахъ не слышно было шутки. Въ душѣ ея впервые шевельнулся страхъ, ей смутно начало казаться, что въ этой слабости заключается сила, которая, кто знаетъ, когда-нибудь и ей самой можетъ угрожать опасностью.

— Что за ужасный отвѣтъ, Сессиль, можно право подумать, что мы живемъ въ XV вѣкѣ. По природѣ ты гораздо скорѣй итальянецъ, чѣмъ англичанинъ. Тебѣ бы слѣдовало называться не Стратморъ, а Колонна или Малатеста, носить кинжалъ въ рукавѣ и ядъ въ кольцѣ. Какъ! неужели любовь стала для тебя такой необходимостью, что безъ нея самая жизнь была бы невыносима? О, Люциферъ, сынъ утра, какъ велико твое паденіе!

— Но мое паденіе раскрыло передо мной ворота рая, а не изгнало меня изъ нихъ,—улыбнулся Стратморъ ей въ отвѣтъ.— Да и чему-жъ ты удивляешься? съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ, поруганная любовь всегда хваталась за преступленіе.

— Можетъ быть, но не въ нашемъ кругу. Сессиль! неужели ты въ состояніи убить меня?

— Да, скорѣй, чѣмъ дозволить другому любоваться тобой.

— Ты сумасшедшій!—шепнула она, но въ словахъ ея звучала ласка,—право, сумасшедшій, Сессиль; одного я не понимаю, почему люди, которые любятъ такъ, какъ ты меня любишь, ревнивой, деспотической страстью, ежеминутно готовой превратиться въ ненависть, всегда дороги женщинамъ? Почему? это очень глупо.

— Почему? Потому что вы прекрасно понимаете, что любовь, достойная этого имени, не выноситъ и тѣни соперничества; женщинѣ пріятно сознавать, что она—властительница жизни человѣка, можетъ по волѣ своей надѣлять его восторгами или страданіемъ.

— О, мой холодный, гордый Стратморъ, какая лава таилась подо льдомъ—тихо, съ улыбкой, проговорила она.—Ты самого себя не зналъ, покуда я тебя не полюбила.

Она склонилась къ нему, губы ея коснулись его лба; при этомъ движеніи записка, лежавшая у нея на колѣняхъ, соскользнула съ нихъ и упала къ ногамъ Стратмора.

Digitized by Google

Онъ поднялъ ее и хотѣлъ бросить на близъ-стоявшій столъ, но лэди Вавазуръ быстро протянула за ней руку. Стратморъ, подавая ей письмо, взглянулъ на конвертъ, почеркъ былъ ему хорошо знакомъ.

— Ты переписываешься съ Эрроль?—быстро спросилъ онъ, не выпуская письма изъ рукъ.

— Я приглашаю его обѣдать, а онъ отвѣчаетъ мнѣ,—небрежно, съ полу-подавленнымъ зѣвкомъ, отвѣтила она.—У насъ частая переписка, вѣдь онъ—твой самый близкій другъ.

— Что-жъ, на сей разъ онъ принимаетъ приглашеніе?

— Нѣтъ, это отказъ. Помнится, кто-то говорилъ, что онъ уѣзжаетъ въ Англію.

При этихъ словахъ она сдѣлала движеніе рукой, какъ-бы желая взять записку, но воздержалась и продолжала лежать въ прежней исполненной лѣнивой граціи позѣ, съ полузакрытыми глазами. Стратморъ пристально смотрѣлъ на нее. Легкій румянецъ вспыхнулъ на ея щекахъ, онъ это замѣтилъ.

Стратмору страстно хотѣлось разорвать конвертъ. Чувства чести и приличія заставляли его сдерживать себя, но записки онъ не отдавалъ.

— Позволите прочитать? я имѣю свои причины желать этого.

— Нѣтъ!

— Нѣтъ? почему-же? я, кажется, имѣю право на ваше довѣріе?

— Довѣріе! — повторила она съ презрительной улыбкой и гнѣвно блестѣвшими глазами,—что за довѣріе въ подобныхъ пустякахъ. Если ты осмѣливаешься не вѣрить мнѣ, то я, конечно, не позволю оскорблять себя провѣркой моихъ показаній. Ты, кажется, лишился разсудка.

— Не я лишился разсудка, а вы—памяти,—рѣзко проговорилъ Стратморъ, въ душѣ коего, въ эту минуту, неудержимо вспыхнула ревность.—Одно изъ двухъ: мнѣ приходится или не довѣрять вашему слову, или усомниться въ вашей памяти. Письмо это не простая записочка, оно въ четыре страницы, и вдобавокъ писано мелкимъ почеркомъ.

Она вспыхнула, потомъ вдругъ поблѣднѣла, опустила глаза въ землю и молчала. Ужасное подозрѣніе закралось въ сердце Стратмора. Онъ поднялся на ноги, все еще сжимая въ рукѣ злополучное письмо.

— Такъ какъ вы, кажется, заблуждаетесь насчетъ значенія этого письма, лэди Вавазуръ, то не позволите-ли мнѣ *теперь* прочесть его?

Digitized by Google

— Нѣтъ.

Какъ только это слово сорвалось съ ея губъ, она быстрымъ движеніемъ приподнялась со своихъ подушекъ, высвободила записку изъ его руки и поднесла ее къ пламени спиртовой лампы, стоявшей вмѣстѣ съ кофейнымъ приборомъ на столикѣ возлѣ нея.

Тонкая бумага мигомъ вспыхнула, и черезъ секунду записка превратилась въ небольшую кучку сѣроватаго пепла.

Тайна была спасена.

— Другъ мой,—съ веселымъ смѣхомъ замѣтила она,—никогда не противорѣчь женщинѣ, она всегда перехитритъ тебя. У васъ одно оружіе—угроза, у насъ ихъ тысячи!

Все это произошло во мгновеніе ока; въ первую минуту Стратморъ стоялъ передъ ней какъ потерянный, не произнося ни слова. Потомъ—яркій румянецъ залилъ все лицо его, онъ крѣпко стиснулъ зубы и медленно произнесъ:

— Тайна, заключавшаяся въ этомъ письмѣ, должна быть очень дорога вамъ, если вы рѣшились его уничтожить. Что-жъ! я вырву ее у вашего сообщника!

Онъ повернулся, чтобъ идти, она вскочила и положила руку ему на плечо.

— Сесиль! подожди и выслушай меня!

— Выслушать? къ чему,—храни свою тайну, *онъ* отвѣтитъ мнѣ.—О, Боже!—прервалъ онъ самого себя, бросаясь къ ея ногамъ,—сжалься надо мною! Я никогда ни передъ кѣмъ не унижался до мольбы, и я умоляю тебя, именемъ Неба, сказать: *что ты отъ меня скрываешь*?

Лэди Вавазуръ хорошо знала того, съ кѣмъ имѣла дѣло; только теперь склонилась она къ нему съ нѣжной улыбкой, полной состраданія, и ласково шепнула:

— Ахъ, Сесиль, ты несправедливъ и жестокъ. Я сожгла это письмо—чтобы избавить тебя отъ лишняго страданія.

— Избавить меня! Скорѣй, говори все, все!

— Къ чему? ты вѣдь знаешь, что я люблю тебя, только тебя. Оставь это все, дорогой мой!

— Никогда. Скажи мнѣ все, сейчасъ, или я бѣгу къ нему!

Она наклонилась еще ближе. Дыханіе ея касалось его щеки, губы прильнули къ самому его уху:

— Ну, такъ твой другъ—предатель; въ письмѣ говорилось о любви, крайне для меня оскорбительной. Въ этомъ—вся правда. Прости, что скрывала ее отъ тебя; я бы такъ охотно избавила тебя отъ всякаго страданія!

Часъ спустя Стратморъ вышелъ изъ дому. Онъ шелъ своей

Digitized by Google

обычной ровной походкой, держалъ въ рукахъ сигару и на видъ казался совершенно спокоенъ: но глаза его блестѣли какимъ-то страннымъ блескомъ подъ полу-опущенными вѣками, въ рукѣ онъ держалъ хлыстъ.

Теперь все ему было ясно, Эрроль давно любилъ ее! При этой мысли вся кровь Стратморовъ загоралась въ немъ, онъ понималъ значеніе своего фамильнаго девиза.

«Убивай безъ пощады»,—звучало въ душѣ его...

Быстрыми шагами дошелъ онъ до виллы, занимаемой Эрролемъ, толкнулъ калитку и вошелъ на террассу, на которой хозяинъ весело бесѣдовалъ съ нѣсколькими молодыми людьми. Завидѣвъ его, Стратморъ невольно сжалъ въ рукѣ хлыстъ. Лицо его по прежнему оставалось безстрастнымъ, только на губахъ играла злобная улыбка, да сѣрые глаза стали черными.

Замѣтивъ приближавшагося друга, Эрроль съ веселымъ видомъ пошелъ ему на встрѣчу.

— Господа,—произнесъ Стратморъ, обращаясь ко всему маленькому обществу,—какой отвѣтъ, кромѣ одного, можно дать лгуну?

— Стратморъ, ты грубо ошибаешься, поди сюда,—я долженъ сказать тебѣ два слова,—возразилъ ему Эрроль.

— Не словами отвѣчу я вамъ,—прозвучало въ отвѣтъ, и... рукоятка золотого хлыста сверкнула на солнцѣ: на лбу Эррола обозначился широкій шрамъ.

— Гдѣ?—воскликнулъ Эрроль.

— Въ Булонскомъ лѣсу, у пруда, если вамъ угодно.

— Часъ?

— Сегодня, на закатѣ солнца, до тѣхъ поръ я не свободенъ.

— Я васъ буду ждать.

— Прекрасно!

Стратморъ поклонился и вышелъ. Онъ былъ доволенъ, месть его началась.

День былъ ясный, на небѣ ни облачка, горячіе лучи лѣтняго солнца заливали всю окрестность; Стратморъ поднялъ глаза кверху, и, Богъ знаетъ почему, припомнилъ давно, казалось, забытыя, съ самаго дѣтства не читанныя слова:

Солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ:—«и откуда приходятъ подобныя мысли!» пожимая плечами, подумалъ онъ.

Солнце садилось, озаряя послѣднимъ яркимъ свѣтомъ зеленѣющую землю, извилистыя рѣчки, отдаленныя голубыя горы, безчисленныя купы деревъ и весь прекрасный громадный Булонскій лѣсъ. Лучи его не проникали лишь къ тому мѣсту, гдѣ находился

Digitized by Google

прудъ. Здѣсь все было мрачно; вся поверхность воды поросла ядовитыми растеніями и кишмя кишѣла всяческими гадами. Темныя вѣтви густо насаженныхъ деревъ пригнулись къ землѣ, словно подъ тяжестью безжизненныхъ тѣлъ—многочисленныхъ самоубійцъ. Въ самомъ воздухѣ будто носилась смерть. Трава, казалось, нашептывала вѣтру ужасныя тайны прошедшаго, и только сквозь голыя вѣтви одного опаленнаго молніей дерева видиѣлся западъ и солнце, медленно склонявшееся къ этой сторонѣ горизонта, готовое скрыться за тучи. Тишина царила кругомъ полнѣйшая, и посреди этой тишины молча стояли другъ противъ друга два человѣка, нѣкогда бывшіе братьями, а теперь ставшіе врагами. Молча встрѣтились они, молча и разстанутся. Свѣтъ съ запада падалъ на Эрроля, касаясь бѣлокурыхъ кудрей его, отражаясь въ голубыхъ глазахъ, внимательно слѣдившихъ за полетомъ птички, весело кружившейся надъ землей. Лицо Стратмора было въ тѣни, оно казалось отлитымъ изъ бронзы, каждая черта дышала непоколебимой твердостью; подъ улыбкой *дуэлиста* замѣчалась рѣшимость *убійцы*.

Стрѣляться должны были черезъ барьеръ. Секунданты бросили жребій. Право перваго выстрѣла досталось Стратмору.

— Разъ,—два,—три!

Раздался выстрѣлъ; Эрроль съ минуту простоялъ неподвижно съ широко раскрытыми глазами, потомъ—слегка откинулся назадъ всѣмъ корпусомъ, поднялъ правую руку и—выстрѣлилъ на воздухъ. Пуля пролетѣла далеко сквозь вѣтви деревъ, пистолетъ выскользнулъ изъ его руки, и онъ упалъ на траву, причемъ голова его глухо ударилась объ землю. Пуля прошла сквозь легкіе.

Глаза Стратмора радостно сверкали: онъ отмстилъ за себя и за нее.

Умирающій открылъ глаза, его побѣлѣвшія губы прошептали: *Я прощаю, прощаю, онъ не зналъ, Люсиль, Люсиль!*—затѣмъ, онъ судорожно, глубоко, всѣмъ существомъ своимъ вздохнулъ и—умеръ.

А убійца его преспокойно подошелъ къ своей лошади, отвязалъ ее, вскочилъ въ сѣдло и пустился въ путь: *солнце зашло во гнѣвѣ его!*

Онъ ѣхалъ къ ней, торопился объявить, что она отомщена, жаждалъ насладиться ея улыбкой, упиться ея ласками. Никогда не любилъ онъ ее такъ, какъ въ эти минуты.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня Стратморъ получаетъ изъ рукъ секунданта Эрроля письмо, которое убитый передъ дуэлью вру-

Digitized by Google

чилъ ему, съ просьбой доставить по адресу, если ему суждено погибнуть.

Недоброе предчувствіе овладѣваетъ Стратморомъ; оставшись одинъ, онъ разрываетъ конвертъ и читаетъ:

— «Твой собственный поступокъ сдѣлалъ всякія объясненія между нами невозможными; на ударъ — одинъ отвѣтъ. Строки эти я пишу на случай, если черезъ нѣсколько часовъ перестану жить. Ради нашей прошлой дружбы я не хочу, чтобы ты всю жизнь считалъ меня лгуномъ и предателемъ. Я очень хорошо вижу что̀ ты думаешь, догадываюсь и какимъ путемъ тебя *довели* до этого заблужденія. Тѣмъ не менѣе: она измѣнила тебѣ, а не я. Правда, я любилъ ее той гнусной страстью, которая приравниваетъ насъ къ скотамъ, но передъ Богомъ клянусь тебѣ, Стратморъ, я не поддался этой любви. Въ этомъ, вѣроятно, и кроется корень ея ненависти ко мнѣ, — ненависти, заставившей ее усиленно возбуждать твою ревность. Не далѣе, какъ вчера вечеромъ, оставшись со мною вдвоемъ, въ столовой, послѣ ужина, она все дѣлала чтобы увлечь меня. Трудно было устоять, ты вѣдь знаешь, что̀ она такое, была одна минута... но я устоялъ.

«Выходя отъ нея, я встрѣтилъ тебя, старался предостеречь; ты самъ знаешь что̀ изъ этого вышло. На слѣдующее утро мнѣ принесли записку отъ лэди Вавазуръ. Посылаю ее тебѣ. Я ей отвѣтилъ, и этого отвѣта она мнѣ никогда не проститъ. Вотъ тебѣ вся правда, рано или поздно ты все равно узналъ бы, что страсть этой женщины къ тебѣ миновала, а осталось одно желаніе властвовать надъ тобой, а тебѣ легче будетъ узнать это теперь, чѣмъ позже.

«Еще: исполни мою просьбу, и узнай мою тайну: *я женатъ*, на дочери одного сосланнаго венгерскаго магната m-elle де-Воксаль, познакомился я съ нею во время пребыванія у тебя въ Уайтъ-Лэдисъ, она жила въ окрестностяхъ твоего имѣнія. Это былъ прелестный невинный ребенокъ, я полюбилъ ее, она меня, обвѣнчались мы тайно: я боялся, чтобы слухъ о моей женитьбѣ не дошелъ до ушей дяди, который навѣрное лишилъ бы меня наслѣдства. Послѣ моей смерти любимая жена и ребенокъ останутся безъ покровителя и безъ всякихъ средствъ. Поручаю ихъ тебѣ, Стратморъ, пусть онѣ найдутъ въ тебѣ вѣрнаго друга.

«Если дочь моя выростетъ, говори ей иногда объ отцѣ, *но пусть она никогда не узнаетъ, что я палъ отъ твоей руки.*

«Я не говорю тебѣ: не знай раскаянія, это невозможно — ты человѣкъ, а не дьяволъ; но въ эти, можетъ быть — предсмертныя минуты, прощаю тебѣ все, что̀ было, а равно и то, что̀ еще

Digitized by Google

имѣетъ совершиться. Если мнѣ суждено умереть — я умру въ мирѣ съ тобою.

«Берти Эрроль».

Стратморъ читалъ это письмо при свѣтѣ занимавшагося дня, читалъ не останавливаясь, дочиталъ до послѣдней строки—и съ страшнымъ, раздирающимъ воплемъ, безъ чувствъ, повалился на землю.

IV.

Маріонъ Вавазуръ стояла на балконѣ своей виллы. Опершись бѣлыми руками о золоченыя перила, она съ веселой беззаботной улыбкой любовалась своими розанами, тогда какъ съ того же балкона виднѣлась крыша дома, гдѣ лежало тѣло человѣка, убитаго по ея наущенію, изъ одной лишь подлой мести; мысль о немъ не возбуждала въ сердцѣ маркизы иного чувства кромѣ удовольствія, его гибель свидѣтельствовала о могуществѣ ея красоты.

Между ней и солнцемъ легла тѣнь, падавшая отъ приближавшейся фигуры: то былъ Стратморъ. Съ своей обычной веселой улыбкой обратилась она къ нему, но вдругъ она поблѣднѣла какъ полотно. Въ одинъ мигъ ей все стало ясно — этотъ человѣкъ, наконецъ, разгадалъ ее; рабъ возмутился и готовъ растерзать свою властительницу, въ одинъ прыжокъ очутился Стратморъ подлѣ нея, схватилъ на руки и сжалъ словно въ желѣзныхъ тискахъ. Онъ былъ неузнаваемъ; лицо все исказилось, глаза налились кровью, самое платье было въ безпорядкѣ и въ грязи.

— Предательница, убійца, — шепталъ онъ нечеловѣческимъ голосомъ, знай: *жизнь за жизнь*, это древне-еврейскій законъ, Божье велѣніе!

Его горячее дыханіе обжигало ей лицо, его руки вцѣпились въ разсыпавшіяся волны ея бѣлокурыхъ волосъ, а она—блѣдная какъ смерть—билась въ этихъ сильныхъ рукахъ, крича:

— Стратморъ! о, Боже, помилуй, помилуй меня!

— Я тебя помилую, какъ ты другихъ миловала!—съ безумнымъ смѣхомъ отвѣчалъ онъ.

Ужасъ овладѣлъ ею, глаза подернулись туманомъ, въ ушахъ застучала кровь, она умирала и уже молча, съ мольбой, смотрѣла на него.

Digitized by Google

Этотъ взглядъ—онъ узналъ его, также глядѣлъ на него Берти,—это самое выраженіе застыло въ глазахъ мертвеца.

Дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ Стратмора, онъ швырнулъ ее въ уголъ комнаты со словами:

— Смерти для тебя мало. Ты будешь жить, чтобы страдать!— и вышелъ, шатаясь, словно пьяный.

На душѣ его лежало проклятіе Каина.

А Маріонъ Вавазуръ на другой же день, лежа на кушеткѣ въ своей уборной, вся въ кружевахъ, блѣдная, съ темными кругами подъ глазами, но прелестная какъ всегда, слегка пожимаясь, словно отъ холода, говорила кардиналу Виллафлори и герцогу д'Этоаль, явившимся навѣстить ее:

— Вы слышали? Сесиль Стратморъ убилъ своего друга, это ужасно, у меня нервы совершенно разстроены; бѣдный Сесиль! Мужъ всегда утверждалъ, что рано или поздно онъ совершитъ преступленіе. Говорятъ, они поссорились изъ-за меня. Что-жъ? можетъ быть. Но во всякомъ случаѣ это очень глупо! бѣдный Берти Эрроль, онъ былъ такъ хорошъ собой!

Маркиза вздохнула и ... заговорила о послѣдней комедіи Скриба, о новомъ романѣ Жоржъ-Занда.

О страшной сценѣ, происшедшей между нею и Стратморомъ, она никому не сказала ни слова; это не входило въ ея соображенія...

День близился къ вечеру; человѣкъ, дремавшій у дверей комнаты, въ которой стояло тѣло Берти Эрроля, проснулся отъ прикосновенія къ плечу его чьей-то руки.

— Пропусти меня.

— Куда?

— Туда.

— Зачѣмъ? Кто вы такой?

— Убійца его. Пусти;—оттолкнувъ его, Стратморъ вошелъ въ комнату и заперся въ ней на ключъ.

Молча стоялъ онъ и смотрѣлъ на это блѣдное спокойное лицо, смотрѣлъ въ безсильномъ оцѣпенѣніи раскаянія.

Этотъ человѣкъ любилъ его какъ брата, а онъ застрѣлилъ его какъ дикаго звѣря.

Стоя надъ тѣломъ друга, Стратморъ извѣдалъ тотъ страхъ, который овладѣваетъ иногда человѣкомъ въ часъ смертный, когда всѣ старые, забытые грѣхи возстаютъ передъ нимъ.

Сломило гордую силу, никогда не знавшую раскаянія. Палъ на колѣни человѣкъ, осмѣлившійся самовластно раздавать жизнь и смерть,—словно онъ былъ не созданіе, а Создатель.

Digitized by Google

Теперь только понялъ Стратморъ, *что онъ сдѣлалъ*...

Безъ словъ, безъ движенія лежалъ онъ передъ гробомъ, опустивъ голову на вытянутыя впередъ руки, весь облитый холоднымъ потомъ.

Вдругъ, посреди ужаснаго молчанія, раздалось веселое чириканье и щебетанье птичекъ, порхавшихъ за окномъ.

Этотъ звукъ вывелъ Стратмора изъ оцѣпенѣнія и спасъ отъ сумасшествія.

Грудь его заколыхалась, желѣзная натура не выдержала, въ темной комнатѣ раздались глухія рыданія...

Спустя нѣсколько часовъ слуги Эрроля, выломавшіе дверь, нашли Стратмора лежащимъ на полу безъ чувствъ.

Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ доктора собирались вокругъ постели больного, качали головой, прописывали всяческія снадобья, и когда богатырская природа взяла свое и онъ всталъ—рѣшили, что *они* вылечили его.

Въ бреду Стратморъ все время видѣлъ передъ собой *ее,* чародѣйку, во всей силѣ ея замѣчательной красоты; поцѣлуй ея, казалось, обжигалъ его губы, серебристый смѣхъ звучалъ въ ушахъ. За ней всегда являлся Берти, съ широко-раскрытыми глазами и выраженіемъ мольбы на мертвомъ лицѣ. Эти два образа преслѣдовали Стратмора день и ночь. Когда онъ поднялся съ постели и снова появился въ обществѣ, они повсюду слѣдовали за нимъ. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ мученія его усиливались, но наружно онъ былъ спокоенъ.

Природа человѣческая безконечно разнообразна; иные люди въ тяжелыя минуты ждутъ сочувствія, подобно тому какъ раненый олень бѣжитъ въ стадо; другіе бѣгутъ отъ него, подобно тому какъ раненый на смерть орелъ летитъ умирать подальше, хотя кровь уже каплетъ изъ-подъ надломленныхъ крыльевъ. Упрямый, гордый по природѣ, Стратморъ принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Свѣтъ удивлялся его безсердечію, никто не замѣчалъ въ немъ ни малѣйшей перемѣны.

А между тѣмъ всѣ дурные инстинкты пробудились въ душѣ его; она переполнилась однимъ чувствомъ—жаждой мести.

Стратморъ принадлежалъ къ числу людей, въ которыхъ страданіе порождаетъ жестокость.

Месть породила проклятіе, тяготѣвшее надъ нимъ, а между тѣмъ онъ снова жаждалъ мести.

Этотъ человѣкъ, презрительно относившійся къ чужимъ радостямъ и страданіямъ, испытывалъ теперь такія муки, какихъ не дано извѣдать болѣе мягкимъ натурамъ.

Digitized by Google

Онъ боготворилъ женщину, измѣнившую ему,—понятно, что *теперь* онъ возненавидѣлъ ее болѣе, чѣмъ нѣкогда любилъ.

Первымъ дѣломъ Стратмора, какъ только сознаніе пробудилось въ немъ и силы его окрѣпли, было отыскать жену и ребенка Эрроля; но и тутъ его ожидалъ новый ударъ: молодую женщину онъ не засталъ въ живыхъ.

Извѣстіе о смерти мужа сразило ее, и, пострадавъ нѣсколько мѣсяцевъ, она тихо угасла.

Трехлѣтнюю дѣвочку Стратморъ береть на свое попеченіе, и помѣщаетъ въ домѣ своей матери, лэди Кастльмеръ.

— *Ты позналъ горечь раскаянія, узнай же сладость мести!*

Слова эти прозвучали надъ самымъ ухомъ Стратмора, когда онъ однажды, осеннимъ, луннымъ вечеромъ, бродилъ въ тяжеломъ раздумьи по аллеямъ своего парка въ Уайтъ-Лэдисъ.

Онъ поднялъ голову, передъ нимъ стояла цыганка Редемита.

— Что-жъ: сбылось мое предсказаніе: породила любовь грѣхъ, грѣхъ—преступленіе, преступленіе—проклятіе. Не обманула тебя тогда Редемита, не обманетъ и теперь. Слушай, милордъ, я помогу тебѣ, я — нищая, бездомная, бродяга, но я дамъ тебѣ то, чего ты не купишь за всѣ твои сокровища, я дамъ тебѣ *месть*, и въ награду попрошу одного: права видѣть, собственными глазами видѣть, какъ она страдаетъ.

— Ты-то отчего ее ненавидишь?—презрительно спросилъ Стратморъ.

— Отчего? отчего?—задумчиво повторила цыганка:—отчего женщины радуются, печалятся, тоскуютъ? оттого, что любятъ.—И я, простая цыганка, я любила, а она—знатная дама, знаменитая красавица, отняла его у меня.—Слушай,—я все разскажу тебѣ: встрѣтились мы съ нимъ въ Галиціи, онъ былъ австрійскій офицеръ, аристократъ какъ ты. Онъ находилъ меня красивой, а я, я полюбила его, полюбила такъ, какъ холодныя, избалованныя женщины его круга любить не умѣютъ. Я была его игрушкой, онъ—моимъ божествомъ. То, что́ другіе называли моимъ стыдомъ, стало моей славой. Когда Леннартсонъ покинулъ Галицію и переселился въ Вѣну, я послѣдовала за нимъ. Онъ все еще любилъ меня; но прежде мы проводили вмѣстѣ цѣлые дни, теперь дни превратились въ часы. Мы пріѣхали на югъ Франціи, часы превратились въ минуты; и тутъ онъ *ее* встрѣтилъ. Она очаровала его, какъ очаровала тебя; онъ полюбилъ ее и навѣки погибъ для меня. Тутъ я ничего не помню; говорятъ, я сходила съ ума... Поправившись, я бросилась къ нему, у дверей его дома стояла молчаливая толпа, всѣ кругомъ перешептывались, я протолкалась впередъ

Digitized by Google

и... — тутъ голосъ ея оборвался, она остановилась, но овладѣвъ собой, быстро продолжала:—увидѣла его мертваго, онъ застрѣлился; она убила его, а я надъ его обезображеннымъ трупомъ поклялась не знать покою, пока не отомщу за него; долго искала я чѣмъ бы погубить ее, наконецъ нашла, одна я лично сдѣлать не могу, но ты—ты все можешь. Я бродяга, ты знатный лордъ, но мы оба ненавидимъ ее; прими-жъ изъ моихъ рукъ ключъ къ твоему мщенію.

Стратморъ выслушалъ Редемиту молча, не прерывая ея длинной рѣчи ни единымъ словомъ; и теперь, когда она замолчала, онъ все еще оставался погруженнымъ въ глубокую задумчивость. Душа этой женщины была раскрыта передъ нимъ словно книга, и въ этой книгѣ онъ читалъ истину.

Ему стало ясно, что пылкая цыганка легко превратится въ его послушное орудіе, но гордость аристократа и обычная сдержанность мѣшали Стратмору ухватиться за него.

Прошла минута колебанія.

— Ступай за мной, я готовъ тебя выслушать,—сурово и глухо проговорилъ онъ наконецъ.

Цѣлый годъ о Стратморѣ ничего не было слышно въ Европѣ: гдѣ онъ? что съ нимъ?—никто не зналъ; носились по временамъ слухи одинъ другого невѣроятнѣе, но положительныхъ свѣдѣній объ его мѣстопребываніи никто не имѣлъ; по истеченіи этого срока онъ, на своей яхтѣ, пріѣхалъ повидаться съ матерью, жившей въ своемъ имѣніи Сильверъ-Кесть, на западномъ берегу Англіи, и взглянуть на свою маленькую воспитанницу, жизнь коей была въ глазахъ его звеномъ, соединяющимъ его съ его покойнымъ другомъ.

Стратмору казалось, что, окруживъ ребенка всѣмъ, что могло радовать его, онъ искупаетъ свою вину передъ ея отцомъ. Трудно понять, какъ могло подобное чувство уживаться въ душѣ его рядомъ съ снѣдавшей его жаждой мести, а между тѣмъ оно было такъ: отъ мысли о Люсиль и ея будущности онъ легко переходилъ къ размышленіямъ совершенно иного характера.

Быстро подвигался онъ впередъ, не замѣчая ни красоты моря, ни яснаго неба, не наслаждаясь даже благоуханіемъ цвѣтовъ и пѣніемъ птицъ. Чтобы любоваться природой, человѣкъ долженъ быть въ мирѣ съ самимъ собою, а въ сердцѣ Стратмора вѣчно боролись самыя противорѣчивыя чувства; тѣмъ не менѣе и онъ остановился какъ вкопанный, пораженный красотою представившагося ему зрѣлища: подъ тѣнью поросшей мохомъ скалы, закинувъ кверху голенькія ручки, въ граціозно-

Digitized by Google

небрежной позѣ лежала прелестная четырехлѣтняя дѣвочка. Она спала, сжавъ въ рученкахъ длинную вѣтку плюща; головку ея украшалъ вѣнокъ изъ душистыхъ лѣсныхъ фіалокъ, раскраснѣвшееся личико съ длинными черными рѣсницами было обращено къ нему.

Стратморъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Тише, не разбудите ее,—послышался умоляющій голосъ. Онъ оглянулся, передъ нимъ стоялъ десятилѣтній Ліонель Коррель, сынъ его покойной сестры, воспитывавшійся у бабушки.

— Нелло, ступай скажи моей матери, что я здѣсь. Мальчикъ неохотно удалился, Стратморъ остался наединѣ съ спящимъ ребенкомъ. Воспоминанія нахлынули на него. Дѣвочка была похожа на отца. Онъ закрылъ лицо руками, и отдался своимъ печальнымъ мыслямъ. Его вывело изъ задумчивости прикосновеніе къ его рукѣ дѣтской ручонки. Онъ поднялъ голову, Люсиль стояла передъ нимъ и глядѣла на него съ участіемъ своими темными, чудными глазами, ласково шепча:

— Что съ вами? — скажите Люсиль. — Люсиль васъ жалко. Онъ положилъ свою руку на ея шелковистыя кудри и съ усиліемъ отвѣтилъ:

— Люсиль очень мила, я ей отъ души благодаренъ. Но скажи, дитя, сама ты всегда счастлива?

Всегда!—въ глазахъ ея отразилось удивленіе, она не понимала!—какъ можно *ей* предлагать подобный вопросъ, а на губахъ мелькнула улыбка, вызванная воспоминаніемъ о неизсякаемомъ источникѣ радостей, какой представляли для нея: море, птицы, цвѣты, погоня за бабочками. Замѣтивъ собаку Стратмора, дѣвочка съ веселымъ крикомъ бросилась къ ней, начала ласкать ее, играть съ ней, но увидавъ выраженіе неудовольствія на лицѣ хозяина, робко замѣтила:

— Люсиль виновата, Люсиль просить прощенія, но собака такая хорошенькая, она навѣрное полюбила бы меня. Люсиль всѣ любятъ.

Жгучія слезы навернулись на глаза Стратмора при этомъ дѣтскомъ лепетѣ. Собака принадлежала Эрролю.

— Возьми ее себѣ, Люсиль. И если всѣ тебя любятъ, то не полюбишь ли ты меня?

— Люсиль васъ будетъ любить, но не за собачку; скажите, какъ васъ зовутъ? Я за васъ буду молиться.

— Молиться? Богу извѣстно, какъ я нуждаюсь въ твоей молитвѣ. Помни и люби меня, дитя, я былъ другомъ твоего отца.

Digitized by Google

V.

Салоны тюльерійскаго дворца переполнены представителями высшихъ классовъ французскаго общества, иностранными дипломатами, блестящими придворными, принцами царской крови и цѣлымъ сонмомъ знаменитыхъ красавицъ. Балъ во всемъ разгарѣ, взоры присутствующихъ всего чаще и охотнѣе останавливаются на прелестной леди Вавазуръ,—за послѣднее время эта идеальная красавица какъ-будто стала еще прекраснѣе.

Маркиза опирается на руку принца д'Этоаля, своего новаго друга, драгоцѣнные сафиры сверкаютъ въ ея золотыхъ волосахъ, привѣтливая, шаловливая улыбка играетъ на губахъ; весело отвѣчаетъ она на льстивыя рѣчи своихъ безчисленныхъ обожателей, щедрой рукой разсыпая передъ ними перлы своего замѣчательнаго остроумія. Никогда еще не чувствовала она себя такой счастливой, такой всесильной во всеоружіи красоты и ума.

Этотъ вечеръ — ея апоѳеозъ. Но что это?—рука ея, покоящаяся на рукѣ принца, дрогнула, блѣдность внезапно покрыла ея прекрасное лицо: что сталось съ ней? съ гордой, цвѣтущей, торжествующей красавицей? да ничего,—только когда она проходила по одной изъ залъ дворца, кто-то, надъ самымъ ея ухомъ, произнесъ два слова:

Marion St.-Maur!

—и маркиза съ содроганіемъ оглянулась; кругомъ нея волновалась и шумѣла пестрая толпа гостей, никто изъ нихъ не произнесъ, да и не могъ произнести тѣхъ роковыхъ словъ, они донеслись до ушей ея словно издалека... да, она не ошиблась, это голосъ его, голосъ Стратмора: вотъ онъ, стоитъ, прислонившись къ колоннѣ и смотритъ на нее въ упоръ изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ, смотритъ холоднымъ, суровымъ, памятнымъ ей взглядомъ. «Боже!» съ ужасомъ думаетъ маркиза: *«неужели онъ знаетъ!»*

Съ этого вечера начинается въ жизни беззаботной красавицы новая эра; она непрестанно чувствуетъ опасность, висящую надъ ея головой, самый воздухъ, которымъ она дышетъ, кажется ей отравленнымъ; куда бы ни пошла, ни повхала она, всюду она чувствуетъ на себѣ взглядъ человѣка, ставшаго ея неумолимымъ врагомъ, повсюду слышитъ все тѣ же слова. Здоровье начинаетъ измѣнять ей, красота блекнетъ, веселость исчезаетъ; къ концу зимы она становится неузнаваема, хотя мужественно подавляетъ свои страданія, употребляетъ всѣ усилія, чтобы казаться спокойной по прежнему.

Digitized by Google

Наступаетъ весна.

Такъ-называемый *весь-Парижъ* стремится на скачки въ Longchamps; погода стоитъ чудная, и длинная вереница роскошныхъ экипажей тянется черезъ Булонскій лѣсъ, по направленію къ мѣсту сборища всего парижскаго high-life.

Маркиза, полу-лежа въ своемъ великолѣпномъ ландо, запряженнымъ чистокровными лошадьми «à la Daumont», окруженная толпой молодежи верхами, медленно подвигается вслѣдъ за другими; она все еще очень хороша, хотя по временамъ тоскливое недоумѣніе отражается въ ея большихъ глазахъ.

Точно, сегодня болѣе чѣмъ когда-либо ей тяжело: на каждомъ шагу она встрѣчаетъ знакомыхъ, и женскій инстинктъ подсказываетъ ей, что въ ихъ манерѣ отвѣчать на ея поклоны заключается что-то, чего она даже опредѣлить хорошенько не можетъ, какой-то неуловимый, но тѣмъ не менѣе оскорбительный оттѣнокъ. По мѣрѣ того, какъ она подвигается, это сознаніе крѣпнетъ въ душѣ ея. Наконецъ—всякое сомнѣніе исчезаетъ, *на ея поклоны большинство ея пріятельницъ не отвѣчаютъ;* онѣ глядятъ на нее во всѣ глаза и не узнаютъ.

Вдали показывается, въ открытой коляскѣ, ея закадычный другъ, лэди Кларенсъ-Комло; «что-то будетъ?» съ замираніемъ сердца думаетъ несчастная; экипажъ приближается, голубые глаза гордой аристократки останавливаются на маркизѣ, какъ остановились бы на любой нищей въ толпѣ, и лэди Кларенсъ проѣзжаетъ мимо. А еще наканунѣ онѣ сидѣли рядомъ въ оперѣ, называя другъ друга: Маріонъ и Ида.

«Кончено», думаетъ лэди Вавазуръ, «я погибла!»

Капля, имѣющая переполнить чашу, еще ожидаетъ ее впереди. На возвратномъ пути изъ Longchamps ее нагоняетъ экипажъ царицы полусвѣта, знаменитой Viola Vé, славящейся, главнымъ образомъ, тѣмъ, что она каждые четыре мѣсяца разоряетъ окончательно одного пэра Франціи; кокотка посылаетъ маркизѣ любезный поклонъ, и съ улыбкой произноситъ, обращаясь прямо къ ней, нѣсколько привѣтственныхъ словъ, очевидно считая себя на равной съ нею ногѣ.

Вавазуръ возвращается домой внѣ себя: она прямо бросается въ комнату мужа, ей загораживаютъ дорогу:

— Извините, миледи, милордъ захворалъ.

— Захворалъ? чѣмъ?

— Кажется, нѣчто... въ родѣ обморока.

(Грумъ слишкомъ благовоспитанъ, чтобы употребить слово *ударъ*).

Digitized by Google

Маркиза требуетъ къ себѣ докторовъ и изъ устъ ихъ узнаетъ, что жизнь ея супруга въ крайней опасности.

Отдѣлавшись кое-какъ отъ любопытныхъ эскулаповъ, она бѣжитъ къ мужу.

Онъ лежитъ въ постели, но находится въ полномъ сознаніи.

Она наклоняется къ нему:

— Вавазуръ! весь Парижъ знаетъ.

— Чортъ возьми!—съ трудомъ произноситъ онъ:—кто-жъ имъ сказалъ?

— Богъ вѣсть, да не все-ли равно? Всѣ знаютъ. Сама Ида-Комло часъ тому назадъ повернула мнѣ спину, толпа ихъ проѣхала мимо меня словно мимо собаки; и даже эта женщина, ну, знаешь, Viola Vé, любовница Кадрусса, осмѣлилась оскорбить меня, *меня*.

Больной засмѣялся.

— Жалко, что меня тамъ не было. Ну, что-жъ, моя красавица, жаловаться ты не должна: долгонько ихъ всѣхъ обманывала.

Онъ откинулся на подушки, тяжело переводя дыханіе; его темные глаза сверкали насмѣшкой, тогда какъ на всѣ остальныя черты—смерть уже наложила свою печать.

Гнѣвъ и страданіе отразились на ея лицѣ, она пересилила себя, и съ мольбой въ голосѣ заговорила:

— Но теперь, Вавазуръ, еще не поздно, все можно уладить,—тайно, совершенно тайно!....

Она стояла на колѣняхъ у постели, въ позѣ ея выражалась мольба, раскаяніе, губы шептали:

— Для тебя это не имѣетъ никакого значенія, тогда какъ для меня...

— Понятно,—прервалъ ее умирающій,—и тогда *моя прекрасная вдова* станетъ супругой принца д'Этоаля. Благодарю; но не желаю. Она можетъ удовольствоваться именемъ его любовницы.

Проходитъ нѣсколько часовъ, настаетъ вечеръ, маркиза сидитъ одна у себя въ комнатѣ, и думаетъ, думаетъ, думаетъ.

Всѣ размышленія ея вертятся на одномъ.

Какъ отвратить грозящую опасность? есть одно средство, но навряд-ли оно приведетъ къ чему; впрочемъ, попытаться слѣдуетъ, больше ничего не остается.

Наступаетъ ночь, Вавазуръ закутывается въ черный плащъ, закрываетъ лицо густымъ вуалемъ, садится въ наемную карету и приказываетъ везти себя въ Hôtel de Londres.

— Какая-то дама проситъ милорда принять ее; вотъ и карточка.

Digitized by Google

— Графиня Лена, незнакомая фамилія, да и часъ поздній, впрочемъ—просите.

Дверь отворяется, закутанная фигура показывается на порогѣ.

— Могу-ли узнать, чему я обязанъ честью вашего посѣщенія?—холодно-вѣжливымъ тономъ спрашиваетъ Стратморъ.

— Стратморъ, вы одни можете пощадить меня!

При этихъ словахъ, произнесенныхъ столь знакомымъ голосомъ, Стратморъ пошатнулся. По лицу его пробѣжала судорога, словно его неожиданно ударили ножомъ.

Страсть его, превратившись въ ненависть, не умерла. Эта женщина когда-то была для него *всѣмъ*.

Пришла минута—и онъ овладѣлъ собой; лицо приняло прежнее, спокойное и безстрастное выраженіе, и онъ холодно отвѣтилъ:

— Да, могу.

— И вы пощадите меня?

Вмѣсто отвѣта—онъ только улыбнулся.

При видѣ этой улыбки она вскрикнула, сбросила съ себя плащъ, вуаль, и стала передъ нимъ во всемъ блескѣ своей обаятельной красоты.

И въ этотъ страшный день она, по привычкѣ, или вѣроятно по разсчету, одѣлась, какъ одѣвалась всегда къ обѣду.

Она стояла передъ нимъ съ обнаженными плечами, съ поникшей головой, съ полными слезъ глазами, въ роскошномъ туалетѣ, стояла и—ждала.

— Для этого—слишкомъ поздно!—послышался отвѣтъ. Горячій румянецъ залилъ все лицо ея, настоящія, горькія слезы навернулись на глазахъ, голосъ задрожалъ отъ страстнаго волненія.

— Стратморъ, Стратморъ, я въ вашей власти—пощадите меня! Я женщина—пожалѣйте меня! Вы когда-то любили меня—простите меня!

— Удивляюсь, какъ вы осмѣливаетесь говорить мнѣ это. Ступайте—вы всегда были безукоризненной актрисой. Здѣсь вамъ не стоитъ терять даромъ время и всѣ уловки вашего кокетства.

Она дрогнула при этихъ словахъ: встрѣть онъ ее угрозами, упреками, надежда еще не была бы потеряна, но этотъ холодный, сдержанный тонъ,—нѣтъ, должно быть, все кончено!

Она бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Стратморъ, я у вашихъ ногъ, я виновата передъ вами, выслушайте меня; если я заблуждалась—неужели вы были безгрѣшны. Помните: я васъ любила! Если я была преступна, то и вы раздѣляли мою вину. Вы довели меня до послѣдняго уни-

Digitized by Google

женія, неужели это не удовлетворитъ васъ? ради самого неба, избавьте меня отъ дальнѣйшихъ униженій. Слушайте: сегодня разнесся по городу одинъ слухъ, но завтра можно распустить другой. Вавазуръ умираетъ, позвольте мнѣ спокойно носить его имя. Пощадите меня...

Она остановилась, рыданія заглушали ея слова, горячія слезы текли по щекамъ, она дѣйствительно страдала, такъ какъ впервые страдала за себя; дрожь пробѣжала по всему тѣлу ея.

— Еслибъ вы тонули у меня на глазахъ—прозвучало въ отвѣтъ—и моя протянутая рука могла бы спасти васъ, вы бы погибли, а теперь ступайте: васъ ждетъ участь тѣхъ, кто торгуетъ своей красотой, вы умрете такъ, какъ онѣ умираютъ: на улицѣ. Ступайте.

Она вскочила и стала передъ нимъ съ дико-блестѣвшими глазами, губы ея побѣлѣли:

— Унижайте меня, кричала она,—губите, дѣлайте что хотите, больше я умолять не стану; но, именемъ Бога клянусь, часъ отмщенія и для меня настанетъ.

Прошло нѣсколько мгновеній, оба молчали; наконецъ, дверь медленно отворилась и быстро захлопнулась.

Стратморъ остался одинъ.

Теперь уже не было надобности притворяться равнодушнымъ, и онъ разразился страшными рыданіями. Въ ея присутствіи онъ оставался холоденъ, какъ гранитъ, но сердце его такъ было слабо!

Онъ до сихъ поръ любилъ ее.

Въ тотъ же день вечеромъ въ одномъ изъ самыхъ первыхъ домовъ парижскаго финансоваго міра за ужиномъ шелъ оживленный разговоръ. Кто-то упомянулъ имя маркизы Вавазуръ.

— Какъ,—прехладнокровно обмахиваясь вѣеромъ, спросила хорошенькая Бланка де-Пюэлль:—неужели вы, mesdames, и вы, господа, ничего не слыхали? представьте! всему нашему кругу нанесено ужаснѣйшее оскорбленіе: оказывается, что бракъ былъ фиктивный, она никогда не была его женой. Свѣтъ сталъ жертвой грубаго обмана, и всѣ мы принимали *любовницу маркиза.*

Нѣсколько дней спустя маркизъ скончался, и парижское общество узнало нѣкоторыя подробности, касавшіяся той, которая въ теченіи многихъ лѣтъ занимала посреди его одно изъ первыхъ мѣстъ.

Маркизъ Вавазуръ встрѣтилъ Маріонъ Сенъ-Моръ въ одной изъ самыхъ глухихъ вестъ-индскихъ колоній, и плѣнился ея красотой; она не соглашалась отдаться ему, требуя, чтобы онъ же-

Digitized by Google

нился на ней, чему онъ въ свою очередь противился. Тогда оба пошли на компромиссъ, она согласилась ѣхать съ нимъ въ Европу не обвѣнчавшись, требуя только, чтобы онъ выдавалъ ее всѣмъ за жену свою,—эта мысль ему понравилась. Онъ былъ радъ *сыграть штуку* со всѣми своими друзьями и родными. Противиться было некому—родители Маріонъ, англійскіе плантаторы, умерли, она была совершенно свободна отъ всякихъ семейныхъ узъ.

Тайна казалась погребенной навѣки, но ревность женщины добралась до нея, цыганка Редемита первая угадала, что въ прошломъ соперницы надо искать орудіе, могущее ее погубить; въ Стратморѣ она нашла усерднаго союзника, онъ отправился въ Вест-Индію, тамъ розыскалъ свидѣтелей, собралъ нужныя свѣдѣнія, заручился фактами и вернулся въ Европу съ вѣскими доказательствами въ рукахъ.

Мщеніе его удалось вполнѣ, ненавистная ему женщина разомъ лишилась всего, чѣмъ дорожила въ жизни.

VI.

Вечернія сумерки сгущались надъ кладбищемъ въ Отейлѣ, роса сверкала на цвѣтахъ, окаймлявшихъ мраморную гробницу, на которой крупными буквами была вырѣзана надпись:

Берти Эрроль
33 лѣтъ
Палъ отъ руки друга.

У могилы стоялъ Стратморъ.

Часто, очень часто приходилъ онъ сюда и проводилъ долгіе часы, отдаваясь всецѣло терзавшему его раскаянію. Сегодня ему было легче обыкновеннаго: отмстивъ убійцѣ Эрроля, онъ, такъ ему казалось, отчасти искупилъ вину свою предъ нимъ.

Наступила ночь, луна взошла и озарила своими серебристыми лучами человѣческую фигуру, приближавшуюся къ Стратмору. То была Редемита.

— Что же, сладка месть? — спросила она своимъ мягкимъ, пѣвучимъ голосомъ.

— Редемита! одно, что̀ въ жизни не наскучитъ—месть.

Ея глубокіе, печальные глаза засверкали.

— Да, да,—она страдала. Видѣла я, какъ голова ея склонялась до земли, какъ дрожь пробѣгала по всему тѣлу ея, слы-

Digitized by Google

шала ея глухіе стоны. *Она страдала*—этого никому у меня не отнять. Я отмстила за него, а теперь...

Стратморъ не безъ состраданія взглянулъ на нее. Онъ многимъ былъ обязанъ этой женщинѣ, а между тѣмъ она до сихъ поръ съ него не взяла иной платы, кромѣ той, которую годъ тому назадъ потребовала, а именно: права *видѣть ея страданія*.

— Редемита, — проговорилъ онъ, протягивая ей нѣсколько золотыхъ: — ты нуждаешься, возьми эти деньги и позволь мнѣ впослѣдствіи служить тебѣ.

Гордо отстранила она его руку, съ печальной улыбкой проговоривъ:

— Милордъ, много времени тому назадъ сказала тебѣ Редемита, что за свою месть она платы не возьметъ; съ тѣхъ поръ, какъ рука его коснулась моей руки, ничье золото ее не осквернило. Въ будущемъ мнѣ мѣста нѣтъ. Мое дѣло сдѣлано. Но ты—ты пожнешь, что посѣялъ. Будешь великъ и могущественъ. Успѣхи и слава достанутся тебѣ въ удѣлъ. Но кроваваго пятна тебѣ не смыть. Въ ту минуту, когда ты подумаешь, что прошлое заглажено, тогда-то невиннымъ будетъ угрожать опасность. Впослѣдствіи припомнишь слова мои. Мы больше не увидимся. Прости!

Въ эту самую ночь по берегу Сены бродила, словно тѣнь, человѣческая фигура, по временамъ наклоняясь надъ гладкой поверхностью водъ.

Все кругомъ дышало тишиной, спокойствіемъ, волны рѣки еще не замутились отъ близости большого города, въ нихъ отражались звѣзды, на поверхности ихъ плавали водяныя лиліи.

Молодая женщина пристально смотрѣла вдаль, потомъ подняла глаза къ небу, на которомъ искрились миріады звѣздъ, прижала руки къ груди и тихо прошептала:

— Я отмстила за тебя. Что-жъ мнѣ больше дѣлать въ жизни?

Все ближе и ближе наклонялась она къ рѣкѣ, на днѣ коей надѣялась найти забвеніе, миръ и смерть.

Глаза ея сверкнули, по лицу разлился свѣтъ, съ полураскрытыхъ губъ сорвалось восклицаніе:

— Иду, иду, радость моя!

Послышался глухой всплескъ, затѣмъ все стихло, рѣка, принявъ въ свои объятія тѣло цыганки, спокойно катила свои чистыя волны.

Прошло двѣнадцать лѣтъ. Первая половина послѣдняго предсказанія Редемиты сбылась. Стратморъ достигъ власти и громад-

Digitized by Google

наго вліянія. Свою дипломатическую карьеру онъ покинулъ, съ цѣлью отдаться всецѣло политической дѣятельности на родинѣ.

Онъ сталъ, во всей силѣ слова, государственнымъ человѣкомъ. Его богомъ была власть. Живи онъ въ древнія времена, изъ него бы вышелъ Пизистратъ, Ѳемистоклъ или Цезарь, всѣ инстинкты его влекли его къ тому, чтобы быть деспотическимъ повелителемъ народа, непризнающимъ никакихъ границъ своему вліянію, царящимъ надъ толпой силою желѣзной воли и обширнаго ума.

Время и обстоятельства удерживали его честолюбіе въ надлежащихъ предѣлахъ. Онъ по-неволѣ ограничился тѣмъ, что сдѣлался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ вождей оппозиціи. Его замѣчательное краснорѣчіе облегчило ему эту задачу.

Когда, бывало, послѣ долгаго и бурнаго засѣданія, онъ поднимался съ мѣста, всѣ глаза устремлялись на него. Раздавались со всѣхъ сторонъ громкіе крики одобренія, затѣмъ наступала гробовая тишина.

Рѣчи Стратмора отличались необыкновенной ясностью, изложенія дышали спокойствіемъ, блистали юморомъ.

Онъ хорошо зналъ своихъ слушателей.

Популярность его была громадна, при выходѣ изъ парламента его нерѣдко привѣтствовали восторженные клики толпы, и тогда темные глаза гордаго аристократа загорались, а сердце билось ускореннымъ біеніемъ.

Въ душѣ Стратморъ презиралъ толпу; по природѣ онъ былъ деспотъ и отнюдь не демагогъ, тѣмъ не менѣе крики этой самой презрѣнной толпы слаще всякой музыки звучали въ ушахъ его; въ нихъ онъ видѣлъ дань своему могуществу, признаніе своей силы.

И вотъ, постарѣвшій Стратморъ сидитъ у открытаго окна въ Сильверъ-Кестѣ. Лицо его нѣсколько въ тѣни. Время почти не измѣнило его. Только глаза стали еще проницательнѣе, да выраженіе лица холоднѣе, мрачная тѣнь лежала на немъ. Стратморъ ничего не забылъ, да и не искалъ забвенія; напротивъ, онъ непрестанно думалъ о своемъ преступленіи и всячески старался искупать его, окружая нѣжной заботливостью молодую, расцвѣтающую жизнь своей воспитанницы. Прошедшее не послужило ему урокомъ, онъ продолжалъ считать себя полновластнымъ властелиномъ собственной жизни.

Тяжелое раздумье его было прервано появленіемъ молоденькой дѣвушки, почти ребенка,—то была Люсиль.

Портретъ ея нарисовать трудно, подобныя лица не поддаются

Digitized by Google

описанію: широкій и низкій лобъ, кожа, напоминающая по своей нѣжности лепестки бѣлой розы, большіе, темные глаза, оттѣненные длинными рѣсницами, все это перечислить можно, но что́ не описать никакому перу, это—выраженіе лица Люсиль, и трогательное противорѣчіе, какое представляетъ радостная улыбка, поминутно мелькающая на губахъ ея, съ глубоко скорбнымъ выраженіемъ глазъ. Красота молодой дѣвушки напоминаетъ красоту тропическаго растенія, распускающагося для того лишь, чтобы погибнуть во всей красѣ своей.

Съ сіяющимъ лицомъ влетѣла она въ комнату и, слегка запыхавшись, остановилась передъ Стратморомъ. Узнавъ объ его пріѣздѣ, она, словно на крыльяхъ, примчалась изъ саду.

Горячо любила Люсиль своего опекуна.

— Люсиль!

Онъ всталъ при ея появленіи, наклонился и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Она ласково заглянула ему въ глаза и тихо проговорила:

— Наконецъ-то вы пріѣхали!

— *Наконецъ-то!* значитъ, ты ждала меня?

— Мое сердце васъ всегда ждетъ.

Онъ улыбнулся. Отвѣтъ этотъ обрадовалъ его.

— И ты счастлива, Люсиль?

Она засмѣялась серебристымъ, полу-дѣтскимъ смѣхомъ.

— Вы такъ часто предлагаете мнѣ этотъ вопросъ! Счастлива ли я? Да вся моя жизнь—одно счастіе. Гòря я даже и вообразить не могу, иной разъ пытаюсь и—не могу.

— Слава Богу!

Онъ пристально смотрѣлъ на нее; его поразила ея поэтическая красота. Онъ впервые замѣтилъ, что она почти вышла изъ дѣтства.

— А знаешь ли, Люсиль, ты измѣнилась,—проговорилъ онъ, когда она заняла свое обычное мѣсто у его ногъ.

Она подняла на него удивленные глаза.

— Измѣнилась!—какъ могла я измѣниться въ шесть мѣсяцевъ?

— Въ твои годы шесть мѣсяцевъ все равно что шесть лѣтъ; переходъ отъ дѣтства къ молодости у женщинъ совершается крайне быстро, иногда въ одинъ день, иногда въ одинъ часъ!

— Неужели?

Она подняла на него свои вдумчивые глаза.

Отношенія Стратмора къ той, заботу о чьей судьбѣ ему завѣщалъ Эрроль, были самыя нѣжныя. Согласно желанію своего

Digitized by Google

друга, онъ часто говорилъ съ Люсиль объ отцѣ, но не открывалъ ей его имени. Она носила дѣвичью фамилію своей матери.

Отецъ, въ воображеніи Люсиль, былъ окруженъ какимъ-то ореоломъ; она глубоко чтила его память и горячо любила того, кто первый научилъ ее этому.

Люсиль, съ настойчивостью избалованнаго ребенка, умоляетъ Стратмора позволить ей навѣстить его въ Уайтъ-Лэдисъ, ей такъ давно хочется видѣть его любимое имѣніе, побродить по великолѣпнымъ садамъ, осмотрѣть картинную галерею и пр. Ея желаніе—для него законъ, онъ изъявляетъ свое согласіе, и черезъ нѣсколько времени лэди Кастльмеръ, по просьбѣ сына, привозитъ Люсиль въ Уайтъ-Лэдисъ.

Домъ Стратмора полонъ гостей, рѣдкая красота Люсиль, которой робость придаетъ еще бо́льшую прелесть, обращаетъ на нее вниманіе всей блестящей молодежи, собравшейся подъ гостепріимнымъ кровомъ ея суроваго опекуна. Молодой богачъ, маркизъ Боудонъ, влюбляется въ нее и проситъ ея руки; она рѣшительно отказываетъ, и даже очень огорчается этимъ предложеніемъ, тѣмъ болѣе, что говорить съ ней объ этомъ щекотливомъ предметѣ взялся Стратморъ; ей кажется, что онъ хочетъ отдѣлаться отъ нея, что она надоѣла ему, и при этой мысли ея темные глаза наполняются слезами. Кромѣ Боудона, Люсиль произвела глубокое впечатлѣніе на нѣкоего Вальдора, завзятаго легитимиста, вѣчнаго заговорщика, еще не стараго, красиваго и вполнѣ изящнаго французскаго аристократа. Вальдоръ кажется Стратмору самымъ опаснымъ изъ всѣхъ обожателей Люсиль, онъ знаетъ женщинъ, хорошо изучилъ всѣ ихъ слабыя стороны, какже ему не свести съ ума неопытную дѣвочку, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ впервые любитъ сильно и глубоко. Со страхомъ и трепетомъ слѣдитъ Стратморъ за Вальдоромъ, тѣмъ съ бо́льшимъ страхомъ, что опасается, какъ бы тотъ не угадалъ тайны рожденія Люсиль, отца которой онъ хорошо зналъ. Вальдоръ точно замѣчаетъ сходство молодой дѣвушки съ кѣмъ-то изъ его знакомыхъ, но съ кѣмъ именно—припомнить не въ силахъ.

Тѣмъ временемъ его, по безотлагательнымъ дѣламъ, вызываютъ въ Парижъ, и онъ уѣзжаетъ, взявъ съ Стратмора слово, что онъ будетъ просить за него руки Люсиль, и при ихъ свиданіи въ Парижѣ—сообщитъ ему о результатѣ. Стратморъ, скрѣпя сердце, соглашается исполнить его желаніе. Люсиль, къ его величайшей радости, снова отказываетъ, заявляя прямо, что ей не нужно иныхъ привязанностей, кромѣ тѣхъ, которыми она окружена съ дѣтства. Ни тѣни подозрѣнія не закрадывается въ

Digitized by Google

сердце Стратмора; матери его, какъ женщинѣ, и вдобавокъ женщинѣ умной и наблюдательной, выпадаетъ на долю угадать, въ чемъ заключается тайная причина равнодушія Люсиль ко всѣмъ ея поклонникамъ.

Былъ поздній вечеръ, и Люсиль уже удалилась къ себѣ въ комнату, когда къ ней вошла, поболтать на сонъ грядущій, молодая лэди Чессвиль, одна изъ самыхъ блестящихъ посѣтительницъ Уайтъ-Лэдисъ.

— Ну, что, дитя,—весело замѣтила она,—спровадили-таки бѣднаго Боудона; а вѣдь это жестоко съ вашей стороны, Люсиль, онъ же не привыкъ къ отказамъ.

Люсиль презрительно покачала головой.

— Эту жестокость онъ легко забудетъ.

— Невсегда легко *забыть*, дитя мое; впрочемъ, вы этого еще не знаете. Скажите: чѣмъ вамъ Боудонъ не понравился? всѣ находятъ его совершенствомъ.

— Онъ не то что не понравился мнѣ, я просто объ немъ не думала.

Лэди Чессвиль разсмѣялась отъ души.

— Бѣдный Боудонъ! еслибъ онъ это слышалъ. Но вы очень неблагодарны, душа моя, неужели вашъ опекунъ заразилъ васъ своей холодностью?

Яркимъ румянцемъ загорѣлось лицо Люсиль, глаза ея потемнѣли и расширились, она подняла голову и быстро проговорила:

— Холодностью? никогда не употребляйте этого слова, говоря о немъ. О, какъ мало всѣ вы его знаете! нѣтъ на свѣтѣ человѣка добрѣе, ласковѣе, лучше его; посмотрите, какъ онъ любитъ меня, единственно потому, что былъ другомъ моего отца, и тотъ, умирая, поручилъ меня ему.

— Неужели Стратморъ можетъ любить кого-нибудь? всѣ мы знаемъ его умъ, его государственныя способности, но никто и не подозрѣваетъ въ немъ сердца! Впрочемъ, говорятъ, много лѣтъ тому назадъ, онъ до безумія любилъ какую-то женщину, и она измѣнила ему; вы никогда не слыхали объ этомъ, Люсиль?

— Никогда...

При этомъ отвѣтѣ она вздрогнула. Недоумѣніе и страданіе отразились въ ея глазахъ.

— Понятно,—подтвердила графиня, слегка зѣвая,—это была ужасная романическая исторія. Подробностей я никакихъ не знаю, все это случилось такъ давно; можетъ быть, оттого-то онъ такъ равнодушенъ къ женщинамъ.

Digitized by Google

Люсиль, казалось, ничего не слыхала, она пристально смотрѣла въ огонь, пылавшій въ каминѣ и шептала:

— Измѣнила ему, бросила *его!*

— Покойной ночи, прекрасное дитя мое,—поднимаясь съ мѣста, промолвила графиня.—Ложитесь скорѣй; нѣчего вамъ тутъ сидѣть и думать о старой исторіи, о которой я, сдуру, проболталась вамъ.

Она ушла, Люсиль не трогалась съ мѣста, наконецъ, встала, и быстрыми, легкими шагами направилась въ комнату леди Кастльмеръ, чтобы, по обыкновенію, пожелать ей спокойной ночи. Прощаясь съ ней, молодая дѣвушка не выдержала и спросила:

— Скажите мнѣ, правда ли, что лордъ Сесиль, много лѣтъ тому назадъ, любилъ женщину, которая измѣнила ему?

Рука, покоившаяся на волнистыхъ волосахъ Люсиль, дрогнула, но старушка тотчасъ овладѣла собой и спокойно отвѣтила:

— Правда, душа моя, онъ любилъ безумно и очень несчастливо, но все это было такъ давно, что теперь странно и вспоминать; ты откуда же это узнала?

— Мнѣ сказала лэди Чессвиль; зачѣмъ она его зоветъ холоднымъ? онъ вовсе не холоденъ.

— Лэди Чессвиль, вѣроятно, хотѣла сказать, что онъ предоставляетъ молодымъ людямъ волненія любви, а самъ всецѣло отдался общественной дѣятельности.

Люсиль опустила голову, и тихо, словно про себя, проговорила:

— Какъ она могла измѣнить ему?—презрѣть такое сокровище, какъ его любовь!

Лэди Кастльмеръ быстро наклонилась, заглянула ей въ лицо. Въ головѣ ея, подобно молніи, мелькнула странная мысль.

VII.

Что же въ теченіи этихъ долгихъ лѣтъ сталось съ чародѣйкой, память о которой Стратморъ понынѣ, помимо собственной воли, хранилъ въ глубинѣ души? Увы, ее постигла *участь многихъ*. Оставшись, по смерти маркиза, безъ всякихъ средствъ и безъ пристанища, прекрасная Маріонъ стала подругой принца д'Этоаля; когда онъ ее бросилъ—перешла къ другому, и продолжала утопать въ роскоши, пока красота окончательно не измѣнила ей. Тогда—она завела игорный домъ, и, благодаря этому поворотному ремеслу, продолжала вести образъ жизни, къ которому привыкла издав-

Digitized by Google

на. Но и здѣсь не суждено ей было обрѣсти *мирную пристань:* до свѣдѣнія правительства дошло, что въ игорномъ домѣ, въ улицѣ Beaujon, преобладаютъ запрещенныя, азартныя игры, въ одну прекрасную ночь домъ оцѣпили — и всѣхъ гостей Маріонъ разогнали, а хозяйку подвергли аресту и тюремному заключенію.

Снова оставшись на улицѣ, она пришла къ убѣжденію, что болѣе ей въ Европѣ дѣлать нечего, и рѣшилась-было эмигрировать въ Америку; одно мѣшало ей привести свое намѣреніе въ исполненіе: ей до сихъ поръ не удалось расквитаться съ тѣмъ, кто погубилъ всю ея жизнь, она не хотѣла умереть, не отмстивъ Стратмору.

Была полночь, въ каминѣ роскошной гостиной въ Уайтъ-Лэдисъ пылалъ огонь, озаряя яркимъ свѣтомъ голубые съ серебромъ обои, безчисленныя роскошныя бездѣлки, которыми усѣяны были этажерки, группы тропическихъ растеній, свѣтлыя платья собравшихся женщинъ.

Иные изъ присутствовавшихъ играли въ шахматы или въ карты, другіе разговаривали, и изъ сосѣдней концертной залы раздавался чистый контральто лэди Чессвиль; она, съ своими обожателями, репетировала «Свадьбу Фигаро» для завтрашняго спектакля.

Все въ стѣнахъ этого дома дышало весельемъ и спокойствіемъ, а за ними завывалъ вѣтеръ, сверкала молнія, бурлило и пѣнилось море. Наступала ужасная ночь.

— А на дворѣ что-то скверно, — съ полу-подавленнымъ зѣвкомъ промолвилъ герцогъ Фернлей.

— Пропасть будетъ несчастныхъ случаевъ, — небрежно замѣтилъ сэръ Филиппъ Дарваль.

— Пожалуйста, не говорите объ этомъ, — съ притворной дрожью промолвила одна изъ красавицъ, кутаясь въ свои кружева: — это ужасно!

Стратморъ засмѣялся.

— Не понимаю, что̀ тутъ ужаснаго, — спокойно проговорилъ онъ. — Умирать люди должны, обстановка — чистая подробность. Къ тому же, еслибъ по временамъ войны, эпидеміи и прочія случайности не уносили съ собой излишекъ населенія, мы бы скоро не знали куда дѣваться. Ничего я не знаю безплоднѣе — всѣхъ этихъ романтическихъ сѣтованій на разумные законы природы.

Въ эту самую минуту вдали послышался выстрѣлъ: то̀ былъ сигналъ съ какого-нибудь судна, находившагося въ опасности. Стратморъ, сдавая карты, взглянулъ на Люсиль; она смотрѣла

Digitized by Google

на него, изъ-подъ своихъ длинныхъ рѣзницъ, съ выраженіемъ печальнаго упрека; съ ней онъ никогда не говорилъ такимъ языкомъ. «Легче умереть», думала она, «чѣмъ найти въ немъ хоть одно пятно».

Стратморъ кончилъ игру, всталъ и подошелъ къ ней:

— Ты печальна, Люсиль. Грозы боишься?—спросилъ онъ, кладя ей руку на плечо.

— Нѣтъ, не боюсь. Я думала о тѣхъ несчастныхъ, кто теперь на морѣ. Не правда ли, вы давеча шутили? вы бы спасли ихъ, еслибъ это было возможно; по-моему, ужасно сидѣть здѣсь совершенно спокойно, зная, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ люди страдаютъ, гибнутъ...

Пораженный ея словами, онъ вышелъ изъ дому.

Дождя не было, по временамъ слышались завыванія вѣтра, да вдали рокотало море.

Онъ стоялъ на террассѣ, съ непокрытой головой, не-замѣчая свирѣпствовавшей кругомъ непогоды. Для него насталъ одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ часовъ, въ теченіи коихъ воспоминанія охватывали его такъ же крѣпко, какъ нѣкогда змѣи обвивались вокругъ Лаокоона. Въ такіе часы онъ сызнова переживалъ все, сознавая въ то же время всю безповоротность сдѣланнаго шага.

— О, Боже,—простоналъ онъ,—отпусти мнѣ мой грѣхъ!

Какъ-бы въ отвѣтъ на его молитву со стороны моря раздались отчаянные крики, вопли погибающихъ.

Онъ сталъ прислушиваться, а совѣсть между тѣмъ шептала:

— Пусть рука, лишившая жизни одного человѣка, сохранитъ ее многимъ.

Онъ покорно наклонилъ голову и быстро направился къ морю.

За нимъ, легкими, неслышными шагами крадась Люсиль.

Бури она не боялась, съ ранняго дѣтства шумъ моря казался ей музыкой; къ тому же, ни величайшая опасность, ни самая смерть не помѣшали бы ей слѣдовать за Стратморомъ.

Черное, какъ уголь, море зіяло словно пропасть, со свистомъ разбивались о берегъ громадныя волны. Непроницаемый мракъ окутывалъ всю окрестность; изрѣдка прорѣзывала его молнія, освѣщая на мгновенье скалы, лѣса, море и на морѣ корабль, съ оторванными снастями, перебрасываемый съ боку на бокъ по волѣ прихотливыхъ волнъ.

На пустынномъ берегу столпилось нѣсколько человѣкъ: то были лѣсники, земледѣльцы, сторожа, въ безмолвномъ ужасѣ глядѣли эти люди на погибавшее вдали судно; у ногъ ихъ ле-

Digitized by Google

жалъ большой свитокъ толстыхъ веревокъ, они съ грустью на него поглядывали, никто не рѣшался броситься въ воду, а лодки сколько-нибудь надежной не было: не пускаться же было въ такую непогоду на одномъ изъ тѣхъ игрушечныхъ каиковъ, на которыхъ въ лѣтніе вечера катались дамы, гостившія въ Уайтъ-Лэдисъ.

При появленіи Стратмора, лучъ надежды закрался въ сердца этихъ людей.

Внезапно раздался страшный трескъ, крики, стоны: очевидно, корабль разбился о скалу. Когда молнія освѣтила окрестность, Стратморъ и всѣ стоявшіе съ нимъ на берегу увидѣли на одной изъ скалъ, въ очень близкомъ разстояніи отъ берега, обломки корабля, имѣвшіе видъ черной, безформенной массы, на которой кое-какъ лѣпились несчастные пассажиры, ихъ оставалось немного, большинство до этой минуты погибло въ волнахъ.

Глаза Стратмора быстро измѣрили разстояніе, отдѣлявшее скалу отъ берега.

Опасность была очевидна, тѣмъ не менѣе онъ проговорилъ:

— Принесите веревокъ.

— Веревки-то есть, милордъ, да подѣлать-то ничего нельзя. Еще будь у насъ лодка, да и та, поди, не выдержала бы!

— По всѣмъ вѣроятностямъ, нѣтъ!—спокойно отвѣтилъ Стратморъ, наклоняясь, чтобы попробовать, крѣпка ли веревка. Затѣмъ онъ сбросилъ верхнее платье, повѣсилъ себѣ на шею фонарь, и крѣпко обмоталъ вокругъ стана одинъ конецъ веревки.

Онъ понималъ, что его ожидаетъ смерть, не чувствовалъ особаго состраданія къ тѣмъ, кто умиралъ у него на глазахъ, онъ не дорожилъ собственной жизнью, и жертвовалъ ею все съ той же мыслью—съ мыслью объ искупленіи.

— Милордъ, ради Бога, неужели вы хотите...—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Вмѣсто отвѣта, онъ вырвался отъ нихъ и бросился въ воду.

Раздирающій душу крикъ послышался съ берега, но завыванія бури заглушили его.

Три раза Стратмора силою теченія отбрасывало къ берегу, съ невѣроятными усиліями подвигался онъ впередъ.

Эта бурная ночь была въ глазахъ его священной.

Когда онъ, наконецъ, добрался до цѣли, на обломкахъ корабля оставалось лишь нѣсколько женщинъ, юношей и дѣтей, остальные всѣ погибли.

Несчастные приняли своего избавителя за какое-то сверхъестественное существо; они окружили его, осыпали благословеніями,

Digitized by Google

а онъ... его мысли были въ дальнемъ прошедшемъ, а губы шептали:

— Боже! пусть *это* послужитъ искупленіемъ.

Затѣмъ началъ раскручивать веревку, которую обвязалъ вокругъ стана, крѣпко-на-крѣпко привязалъ ее къ кольцу, вдѣланному въ бортъ корабля, другой конецъ держали на берегу, и такимъ образомъ между скалой и берегомъ образовался мостъ; цѣпляясь за спасительную веревку и слѣдуя указаніямъ Стратмора, семь человѣкъ спаслись отъ вѣрной смерти.

Стратморъ слѣдилъ за ними стоя на кораблѣ. Въ глазахъ его отражалось чудное спокойствіе; душа была переполнена благодарностью къ Богу.

Этотъ часъ, проведенный въ полномъ одиночествѣ, среди бушующаго океана, былъ лучшимъ часомъ всей его жизни.

На кораблѣ оставалось только двое дѣтей; Стратморъ дотронулся до плеча старшаго, семилѣтняго мальчугана.

— Оставь брата,—сказалъ онъ ему:—пойдемъ со мной, я могу спасти только одного.

Ребенокъ взглянулъ на него съ выраженіемъ печали, и указалъ на своего четырехлѣтняго братишку.

— Спасите Викторa, — сказалъ онъ: — мама больше любила его.

— Спасу обоихъ, не бойся, ты славное дитя.

Стратморъ взялъ младшаго на руки, и пустился съ нимъ вплавь.

Ліонель Коррель, племянникъ его, поплылъ ему на встрѣчу и освободилъ отъ ноши; самъ же Стратморъ вернулся за своимъ семилѣтнимъ героемъ, онъ былъ измученъ совершенно, но воля такъ была напряжена, что силъ хватило и на этотъ послѣдній подвигъ.

Громкими криками привѣтствовала его толпа, собравшаяся на берегу, а онъ, не произнеся ни единаго слова, зашатался и упалъ замертво.

— Онъ не умеръ? его спасутъ?—простоналъ чей-то нѣжный голосъ, и Люсиль опустилась на колѣни на мокрый песокъ, и склонилась надъ нимъ.

Онъ открылъ глаза.

Въ ушахъ еще раздавался шумъ моря, страшная тяжесть давила грудь, самое зрѣніе, казалось, измѣняло ему.

Первое, что онъ увидалъ, было это ангельское личико, съ любовью склонившееся надъ нимъ.

Почти безсознательно раскрылъ онъ свои объятія:

Digitized by Google

— Люсиль!

Глаза ихъ встрѣтились, съ полубезумнымъ радостнымъ смѣхомъ безъ чувствъ упала она на песокъ, голова ея склонилась къ нему на грудь, и страшная мысль блеснула въ его отуманенной головѣ. Онъ понялъ, что Люсиль его любитъ... Черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ матери: *она* будетъ моею женою!— и уѣхалъ въ Парижъ.

VIII.

Медленно прохаживался Стратморъ, взадъ и впередъ, по одной изъ самыхъ пустынныхъ аллей Булонскаго лѣса, подъ ногами его шуршали опавшіе съ деревьевъ листья, сумерки быстро подвигались. Наступала ночь.

Вдали мелькнула фигура мужчины, Вальдоръ приблизился къ нему со словами:

— Ну, что же, каковъ отвѣтъ? Говорите скорѣй, ждать я не въ силахъ.

— Вальдоръ, Богъ видитъ, я самъ вѣрилъ тому, что говорилъ вамъ. Простите, но мы оба ошиблись!

Стратморъ старался не глядѣть на своего собесѣдника, но невольно прислушивался къ его быстрому, прерывистому дыханію.

— Неужели нѣтъ надежды?

— Никакой, вы не повѣрите, какъ мнѣ больно, что я ввелъ васъ въ обманъ.

Вальдоръ поблѣднѣлъ, губы его судорожно подергивались, въ глазахъ явилось вызывающее выраженіе.

— Она любитъ другого?

Съ глубокимъ состраданіемъ взглянулъ на него Стратморъ, и коротко отвѣтилъ:

— Да!

— Кого?

Въ голосѣ Стратмора зазвучала несвойственная ему мягкость, любовь Люсиль согрѣвала его сердце, дѣлала его снисходительнѣе къ людямъ.

— Вальдоръ,—сказалъ онъ,—выслушайте меня. Я передалъ Люсиль, отъ слова до слова, все, что вы поручили мнѣ ей передать; вы меня знаете, лгать я не стану. Даю вамъ честное слово, что я и не подозрѣвалъ...

— Кого любитъ она?

Digitized by Google

— Меня.

— Васъ!

Глаза ихъ встрѣтились. Лицо Стратмора было спокойно какъ всегда, щеки Вальдора пылали: съ недовѣріемъ и ужасомъ повторялъ онъ, словно про себя:

— Такъ она васъ любитъ!

Стратморъ молча наклонилъ голову. Въ немъ начинала пробуждаться досада, онъ не хотѣлъ дать ей волю. Губы Люсиль, коснувшись его губъ, вдохнули въ него дотолѣ ему незнакомыя добрыя чувства.

— И вы, вы это допускаете? Вы женитесь на ней?

— Конечно, я буду ея мужемъ.

— Никогда, покуда я живъ. Клянусь небомъ, вы откажетесь отъ этого противоестественнаго брака, вы должны отказаться отъ него отнынѣ и на-вѣки.

— Долженъ,—вы съ ума сошли!

Вальдоръ приблизился къ нему. Глаза его гнѣвно сверкали.

— Если вы женитесь на ней,—шопотомъ произнесъ онъ,—я открою ей, что вы убійца ея отца;—меня вы не обманете, я недавно встрѣтилъ секунданта Эрроля, онъ мнѣ все разсказалъ, я знаю что m-lle де Воксаль—дочь Берти.

Молча, неподвижно стоялъ передъ нимъ Стратморъ, наконецъ, поднялъ голову и глухимъ голосомъ произнесъ:

— Я въ вашей власти; еслибъ рѣчь шла только обо мнѣ, я бы слова не сказалъ, но... пощадите ее! Будьте великодушны, не наносите ей этого смертельнаго удара.

— Откажитесь отъ вашего намѣренія.

— Это ваше послѣднее слово?

— Послѣднее.

— Такъ и быть, дѣлайте что хотите.

На этомъ соперники разошлись.

На слѣдующій день Вальдоръ, дождавшись вечера, рѣшилъ снова идти отыскивать Стратмора, объяснить ему, что онъ вчера говорилъ подъ вліяніемъ чувства мести, но сегодня одумался и намѣренъ оставить его въ покоѣ. Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ по улицѣ, какъ его остановили и арестовали въ качествѣ государственнаго преступника.

Этимъ средствомъ надѣялся Стратморъ зажать ротъ врагу; нелегко ему было рѣшиться на подобную мѣру,—даже враги его, и тѣ характеризовали его слѣдующими словами:

— Стратморъ—подчасъ дурной человѣкъ, всегда—опасный, но никогда онъ не былъ низкимъ.

Digitized by Google

Для себя лично онъ бы никогда не пошелъ на такое дѣло; для Люсиль—готовъ былъ на все.

Однажды рѣшившись, онъ быстро привелъ свой планъ въ исполненіе; незамѣтно, съ необычайнымъ искусствомъ подвелъ мину, намекнувъ кому слѣдовало, что во Франціи приверженцы различныхъ политическихъ партій, враждебныхъ существующему правительству, пользуются излишней свободой; этихъ словъ было достаточно, правительственныя гончія были спущены, Вальдора бросили въ тюрьму, а на душу Стратмора камнемъ легло это черное дѣло...

Насталъ день свадьбы.

Стратморъ, съ обычнымъ своимъ самообладаніемъ, велъ оживленную бесѣду съ гостями, наполнявшими салоны Сильверъ-Кеста, —шутилъ, смѣялся непринужденнымъ смѣхомъ, но въ сердцѣ его ни на минуту не утихала страстная тревога, порожденная воспоминаніемъ о предательствѣ; какъ ни старался онъ отогнать отъ себя эти тяжелыя воспоминанія, онѣ не давали ему покоя ни на минуту.

Но когда Люсиль, въ свадебномъ нарядѣ, придававшемъ особую прелесть ея поэтической красотѣ, вошла и стала передъ нимъ, и онъ молча взялъ ея руку, повелъ къ вѣнцу и занялъ свое мѣсто рядомъ съ нею,—тогда онъ все забылъ: онъ думалъ только о ней, видѣлъ только ее.

А она?—сердце ея замирало отъ восторга.

Начался обрядъ вѣнчанія.

Они обмѣнялись обѣтами. Ея рука покоилась въ его рукѣ.

«Кого Богъ соединилъ, тѣхъ человѣкъ да не разлучаетъ!»—торжественно раздалось въ глубокомъ молчаніи, и Люсиль, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, ласково заглянула ему въ глаза. Все кончено—*она его жена!*...

Была ранняя весна.

Весело сверкала на солнцѣ яркая поверхность рѣки; лѣсъ нѣжно зеленѣлъ, сквозь деревья виднѣлись многочисленныя виллы. Внизъ по теченію неслась лодочка, съ парусами, напоминавшими серебристыя крылья чайки, съ бортами, украшенными золотыми арабесками, вся обложенная голубыми атласными подушками,—такая лодочка, въ которую могла бы сѣсть и Нереида.

На берегу, подъ тѣнью деревьевъ, сидѣла женщина, и полуапатичнымъ, полу-очарованнымъ взоромъ слѣдила за лодочкой. Она казалась утомленной, измученной; печаль отражалась въ ея впалыхъ глазахъ. Лодочка держала къ берегу; на подушкахъ покоилась молоденькая женщина; надъ головой ея свѣсились го-

Digitized by Google

лубыя драпировки, на колѣняхъ она держала большой букетъ розъ; очевидно,—то была безоблачная жизнь; а съ берега за ней слѣдили завистливымъ взглядомъ.

Женщина, сидѣвшая подъ деревьями, не знала даже, кто это молодое существо, но молодость, красота, богатство—все это было ненавистно въ глазахъ той, кто нѣкогда наслаждался всѣмъ, и все утратилъ.

Лодка пристала къ берегу; молодая женщина, съ толпой подругъ, выпрыгнула изъ своего голубого гнѣздышка.

Ея длинное бѣлое платье задѣло за покрытыя пылью лохмотья незнакомки; съ выраженіемъ состраданія взглянула она на нее.

— Не больны ли вы?—спросила она.

— Я очень устала.

— Позвольте мнѣ помочь вамъ,—здѣсь, правда, немного, но если вы зайдете ко мнѣ, я могу для васъ сдѣлать больше; я живу вонъ въ томъ домѣ, на-право.

Съ этими словами, молодая аристократка положила нѣсколько золотыхъ монетъ на колѣни несчастной, и хотѣла продолжать свой путь, но, замѣтивъ взглядъ, полный грусти, какой незнакомка устремила на ея розы, остановилась, и подала ей букетъ со словами:

— Вы любите розы? — возьмите ихъ: онѣ, можетъ, и утѣшатъ васъ.

Она скрылась за деревьями, окружавшими виллу, а Маріонъ Вавазуръ не трогалась съ мѣста, и жадно вдыхала запахъ розъ, живо напоминавшій ей невозвратное прошлое.

Тяжелые шаги, раздавшіеся вблизи, вывели ее изъ задумчивости.

— Кто мнѣ далъ эти цвѣты?—спросила Маріонъ у стараго лодочника.

— Ангелъ небесный, храни ее Господь! Это молодая жена знаменитаго министра. На видъ онъ холоденъ, какъ ледъ, но, говорятъ, на нее—молится.

— Да кто-жъ она?

— Извѣстно,—лэди Сесиль Стратморъ.

— Стратморъ!—задыхаясь, прошептала она; затѣмъ встала, бросила въ воду золото и цвѣты, и глубоко задумалась.

«Неужели судьба, наконецъ, сжалилась надъ нею? неужели, поразивъ это молодое созданіе, можно разбить *ею* сердце?»—съ этого дня Маріонъ неустанно начинаетъ слѣдить за Стратморомъ и его женой: она по ночамъ подкрадывается подъ окна ихъ

Digitized by Google

виллы, слушаетъ ихъ разговоры, видитъ ласки, расточаемыя имъ женѣ, понимаетъ, что онъ страстно привязанъ къ этому прекрасному созданію и молитъ у судьбы одной милости — *отмстить ему!* Замѣтивъ, что Стратморъ съ ужасомъ и отвращеніемъ отворачивается отъ нея при встрѣчѣ, она тѣмъ неустаннѣе преслѣдуетъ его, пока, наконецъ, не превращается для него въ кошмаръ.

Жизнь Люсиль—безоблачна, какъ чистое іюньское небо, въ сердцѣ Стратмора—непрестанная буря; молодая жена съ каждымъ днемъ становится ему милѣе, но прошлое, по-прежнему, держитъ его въ своей власти.

Однажды въ Уайтъ-Лэдисъ, въ ея присутствіи, онъ получаетъ записку слѣдующаго содержанія:

«Стратморъ, я свободенъ, я въ Англіи: мнѣ удалось бѣжать изъ Тулона съ помощью вашего племянника, Ліонеля Коррель. Сегодня, при наступленіи ночи, я жду васъ на берегу моря, у церкви.

Вальдоръ».

Стратморъ стоялъ неподвижно, зажавъ въ рукѣ роковое письмо. Онъ былъ спокоенъ. Вся жизнь была разбита, надежды разрушены, человѣкъ, которымъ овладѣло полное отчаяніе, никогда не волнуется.

Въ лицѣ у него не было ни кровинки, въ глазахъ темнѣло, голова кружилась... Ночь наступила, онъ пошелъ на свиданіе, а за нимъ тихо кралась, преслѣдовавшая его какъ тѣнь, Марія Вавазуръ.

При первомъ взглядѣ на бывшаго пріятеля, Стратморъ содрогнулся, увидѣвъ въ немъ тѣнь прежняго Вальдора. Ночь была тихая, оба молчали.

— Стратморъ, послышалось, наконецъ, неужели *вы* предали меня?

Въ этихъ простыхъ словахъ слышался горькій упрекъ. Стратморъ наклонилъ голову:

— Да, я, я васъ предалъ ради ее.

— Лучше бы вы убили меня, чѣмъ опозорили нашу дружбу,— съ глубокимъ вздохомъ промолвилъ Вальдоръ.

— Говорите все, что думаете. Никто не презираетъ меня такъ, какъ я самъ презираю себя. Но я это сдѣлалъ для нея; чтобы спасти себя отъ тысячи смертей, я бы не предалъ собаки, которая довѣрилась мнѣ; она—другое дѣло! для нея я пойду на все. — А теперь,—продолжалъ онъ послѣ минутнаго раздумья,—

Digitized by Google

покончите со мной, если хотите, моя жена, мой неродившійся ребенокъ погибнутъ по моей винѣ. Все это я заслужилъ.

Вальдоръ содрогнулся. Онъ былъ человѣкъ, не легко ему было видѣть передъ собой мужа обожаемой женщины, отца ея ребенка.

— Неужели вы могли подумать, что я приведу свою угрозу въ исполненіе?—мягко заговорилъ онъ:—я дѣйствовалъ подъ вліяніемъ страсти, я заблуждался, но, прежде чѣмъ ночь наступила, я раскаялся...

— Раскаялись, о, Боже, а я...

— А вы—не поняли меня. Вы и теперь меня не понимаете. Мнѣ не пристало мстить вамъ. Успокойтесь: ваша тайна для меня священна. Люсиль никогда не узнаетъ, что вы убійца ея отца, что она дочь Эрроля. Я пришелъ сюда единственно за тѣмъ, чтобы сказать вамъ это. Отнынѣ дружбѣ моей конецъ, но простить другъ другу мы все же можемъ.

Въ его глазахъ свѣтился божественный лучъ любви и всепрощенія, въ звукахъ голоса слышалось состраданіе; еще съ минуту простоялъ онъ неподвижно, повернулся и исчезъ во мракѣ.

А человѣкъ—котораго преступленіе не сдѣлало трусомъ, въ которомъ раскаяніе не пробудило милосердія, страданія—смиренія, человѣкъ, доселѣ всецѣло полагавшійся на свою силу, на свою волю; человѣкъ, бывшій для самого себя—божествомъ, судьей, закономъ, этотъ человѣкъ содрогнулся—услыхавъ слова, полныя милосердія, обращенныя къ нему.

Безъ словъ, безъ движенія лежалъ онъ на землѣ.

Никогда не была душа его такъ близка къ искупленію, какъ въ эту минуту.

А мимо него какъ тѣнь проскользнула Марія Вавазуръ; его тайна была въ ея рукахъ, давно жданный часъ мести пробилъ и для нея.

Передъ Стратмороиъ, въ эти знаменательные часы, встала вся его прошлая жизнь; онъ видѣлъ себя могущественнымъ, гордымъ, высокочтимымъ, но вѣчно терзаемымъ страстями и всяческими заблужденіями,—теперь онъ понялъ, чего ему недоставало: *онъ никогда не умѣлъ прощать.*

Онъ поднялся и направился къ дому; въ эту минуту передъ нимъ, словно привидѣніе, явилась Маріонъ.

— Наконецъ, Стратморъ, наконецъ-то мы встрѣтились; неужели ты могъ думать, что мы разлучены на-вѣки?

Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на нее.

— Слушай,—прерывисто продолжала она, я—была виновата тогда, но твоя месть была ужасна, не тебѣ было наносить мнѣ ударъ.

Digitized by Google

Онъ наклонилъ голову.

— Я это понялъ теперь; мы оба были преступны; ради собственной виновности я долженъ былъ простить васъ.

— Сегодня,—задыхаясь, продолжала она,—я хотѣла разсчитаться съ тобой, поразивъ твою жену. Со времени нашей разлуки я жила одной надеждой отмстить тебѣ. Я ненавидѣла, проклинала ее... Подкралась къ вашему дому, она была одна и молилась, молилась за всѣхъ труждающихся и обремененныхъ; она, молодая, счастливая, молилась за меня и мнѣ подобныхъ... Тутъ, сама не знаю что во мнѣ произошло, ея молитва встала между нами, я сжалилась надъ ней—*я!* Видно, міру пришелъ конецъ.

Онъ протянулъ къ ней руки, и торжественно проговорилъ:

— Да воздастъ тебѣ за это Богъ въ послѣднія минуты твоей жизни. Мы оба его убійцы, — и оба пытались искупить вину свою предъ нимъ, послуживъ его ребенку. Разстанемся въ мирѣ, и пусть отъ нашей прежней жизни не останется слѣдовъ.

Съ минуту она поглядѣла на него долгимъ, скорбнымъ взглядомъ, повернулась и исчезла въ бѣловатомъ туманѣ, поднимавшемся съ моря.

Много лѣтъ спустя, вездѣ, гдѣ тяжкія болѣзни свивали себѣ гнѣздо, гдѣ горе и преступленіе тяготѣли надъ людьми, можно было встрѣтить женщину простую — сестру милосердія. Она не щадила себя; умѣла какъ никто утѣшить умирающаго, оторвать заблудшаго отъ пропасти, въ которую онъ готовъ былъ ринуться.

Исторія ея жизни была тайной для всѣхъ. Вдали отъ нея, посреди волненій большого свѣта, на высшихъ ступеняхъ общественной іерархіи, стоялъ человѣкъ, жившій, кромѣ всѣми видимой общественной жизни, еще жизнью иной; въ ней и онъ всецѣло отдавалъ себя на служеніе ближнимъ, на облегченіе ихъ страданій, трудился упорно, неустанно, какъ человѣкъ, которымъ руководитъ одна мысль, одна цѣль.

Цѣлью этой было—примиреніе съ собою.

Кто осмѣлится утверждать, чтобы ему не суждено было ея достигнуть?

О. П—ская.

Digitized by Google

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ

ВЪ

ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Окончаніе.

VIII *).

Постройка до 20 тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ и эксплуатація ихъ внесли въ страну огромные капиталы и доставили разнымъ классамъ населенія весьма значительные заработки. Напомнимъ, что изъ суммы 1,544 милл. рублей, представляющей основной капиталъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, употреблено было на высшій трудъ, техническій, административный и барыши подрядчиковъ 217 милл. рублей, на низшій трудъ—481 м. руб., и на матеріалы вообще 405 милл. руб. Исключивъ уплату процентовъ и потерю при реализаціи, составившія 441 милл. руб., мы пришли было къ заключенію, что изъ остальной суммы, 1,103 милл. р., было израсходовано внутри страны 765,8 милл. р., а за границею 337,2 милл. рублей. Таковы были расходы собственно на постройку.

Затѣмъ, представлялись расходы по эксплуатаціи. За 10 лѣтъ, съ 1866 по 1875 г., эти расходы составили сумму 535,7 м. р.; съ самаго же начала постройки у насъ дорогъ—до 674,3 милл. руб. Этотъ послѣдній итогъ расходовъ по эксплуатаціи распредѣлялся такимъ образомъ, что на высшій трудъ и администрацію пошли

*) См. выше: октябрь, 748 стр.

Digitized by Google

194,9 милл. руб., на низшій трудъ 194,9, на матеріалы мѣстнаго производства 203,6 милл. руб., и заграничнаго 80,9 м. р. Если же возьмемъ распредѣленіе итога эксплуатаціонныхъ расходовъ собственно за десятилѣтіе 1866—1875 гг., то оно представитъ слѣдующія соотвѣтственныя цифры: высшій трудъ и администрація—154,8 милл. руб., трудъ низшій 154,8 милл. руб.; матеріалы мѣстные 161,8 милл. руб., и заграничные 64,3 м. р. (всего 535,7 милл. руб.).

Итакъ, постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ доставили громадные заработки разнымъ классамъ населенія, участвовавшимъ въ этихъ работахъ. Въ предшествующей статьѣ мы остановились на вопросѣ: какая именно часть этихъ чрезвычайныхъ рессурсовъ была употреблена на усиленіе потребленія непроизводительнаго, т.-е. такого, которое не увеличиваетъ запаса силъ въ странѣ, и какая часть была обращена на расходы производительные, т.-е. служащіе для усиленія народнаго матеріальнаго или умственнаго богатства — вопросъ этотъ оставимъ пока еще открытымъ.

Далѣе мы указывали, что сравнительное изслѣдованіе вопроса о потребленіи въ прошломъ и настоящемъ было бы весьма важно для разъясненія, въ какой мѣрѣ крестьянство, пріобрѣтая свободу, съумѣло уже до сихъ поръ пріобрѣсть одно изъ свойствъ, необходимыхъ для раціональнаго ея употребленія, а именно — бережливость, и въ какой мѣрѣ свойства этого крестьянству еще недостаетъ. То же сравненіе могло бы показать, сравнительными цифрами потребленія предметовъ роскоши, съумѣли ли классы достаточные отрѣшиться отъ прежней привычки жить выше своихъ средствъ, и выказали ли стремленіе обращать увеличеніе своихъ средствъ и быстро пріобрѣтенные капиталы — на размноженіе средствъ производства въ странѣ.

Подобное изслѣдованіе могло бы, выражаясь иначе, показать, составляли ли у насъ усиленіе потребленія, ввоза и внутренняго производства признакъ дѣйствительнаго возвышенія уровня благосостоянія въ странѣ подъ вліяніемъ реформъ съ одной стороны, и постройки желѣзныхъ дорогъ—съ другой, или же указанныя явленія имѣли характеръ только временныхъ, случайныхъ. Но точное рѣшеніе этого вопроса затрудняется многосложностью его. Во-первыхъ, увеличеніе заработковъ крестьянъ, вызванное постройкой желѣзныхъ дорогъ, частью пошло на такіе расходы, которыхъ производительными въ строгомъ смыслѣ слова признать нельзя, но которые были тѣмъ не менѣе необходимы, а стало

Digitized by Google

быть не могутъ свидѣтельствовать о недостаткѣ бережливости. Сбереженія могутъ образовываться только при удовлетвореніи самыхъ первоначальныхъ потребностей, и находились ли, вообще говоря, массы русскаго крестьянства въ такомъ положеніи, чтобъ весь новый заработокъ обращать въ сбереженіе—едва ли можно рѣшить. Съ другой стороны, при изслѣдованіи поставленнаго выше вопроса, представляется трудность въ отдѣленіи вліянія постройки желѣзныхъ дорогъ на бытъ массы народа и образованнаго общества—отъ вліянія на тотъ же бытъ самыхъ реформъ: крестьянской, судебной, земской и т. д. Одна постройка дорогъ, одно умноженіе заработковъ, въ отсутствіи реформъ, не могло бы произвесть большого вліянія на самый бытъ. Однако и вліяніе на него реформъ не могло бы высказаться съ полной силой, безъ помощи капиталовъ, внесенныхъ постройкою дорогъ и ихъ эксплуатаціею, возбужденія ими производительности и облегченія сбыта земледѣльческихъ продуктовъ.

Точное и обстоятельное опредѣленіе взаимнаго дѣйствія двухъ могучихъ факторовъ, какими были: реформы и желѣзныя дороги вообще, а тѣмъ болѣе въ журнальной статьѣ, по громадности и трудности задачи, представляется невозможнымъ. Мы должны ограничиться тѣмъ, чтобъ изъ разработанныхъ нами и указанныхъ въ первой статьѣ матеріаловъ постараться указать на главнѣйшіе признаки, по которымъ можно судить о потребленіи въ прошедшемъ и настоящемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ постараемся, насколько возможно, представить измѣненія, происшедшія въ условіяхъ производства, потребленія и сбыта тѣхъ предметовъ, которыми измѣряются успѣхи, сдѣланные народнымъ хозяйствомъ.

Прежде всего посмотримъ, какое вліяніе желѣзныя дороги имѣли на нашу отпускную торговлю и на улучшеніе нашего вексельнаго курса.

Постройка сѣти желѣзныхъ дорогъ въ 20,000 верстъ, потребовавшая затраты $1^1/_2$ милліарда рублей, не могла обойтись безъ значительныхъ жертвъ со стороны государства. Въ странѣ не было достаточно сбереженій для собранія столь значительныхъ суммъ, и поэтому средства для постройки пришлось занять у заграничныхъ капиталистовъ, которымъ необходимо было обезпечить, въ видѣ гарантіи на акціи и облигаціи, постоянный наименьшій доходъ въ металлической валютѣ.

Сумма такихъ принятыхъ правительствомъ на себя обязательствъ по концессіямъ желѣзныхъ дорогъ, находившихся въ эксплуатаціи

Digitized by Google

въ 1876 г., составляетъ [1]) 46,1 милл. руб. металл. и 1,7 милл. руб. кред.

Кромѣ того, выпущено бумагъ негарантированныхъ правительствомъ на сумму 178,7 милл. р. мет. и 81,3 милл. р. кред., отъ которой 5% интереса и $^1/_{10}$% погашенія, составляютъ 9,1 милл. руб. металл. и 4,1 милл. руб. кредитными.

Для правильности разсчетовъ, необходимо принять, что и негарантированные капиталы, затраченные на постройку желѣзныхъ дорогъ преимущественно предъ другимъ производительнымъ употребленіемъ, имѣютъ основаніе ожидать (отъ государственнаго хозяйства, конечно, а не отъ казначейства), вознагражденія; положимъ это вознагражденіе въ 5% отъ номинальнаго капитала. Въ такомъ случаѣ, въ 1875 году сумма процентовъ на капиталъ, позаимствованный для постройки желѣзныхъ дорогъ, составляла, считая 1 мет. руб. за 116 коп. кредитныхъ, 65,76 м. руб. кред.

Насколько неблагопріятно гарантіи должны были вліять на нашъ вексельный курсъ, можно судить по тому, что съ 1866 по 1875 г. проценты (принимая, что начало уплаты совпадаетъ съ открытіемъ движенія) составляютъ громадную сумму 323 милл. рублей [2]).

Конечно, значительнѣйшая часть суммъ, гарантированныхъ правительствомъ, покрывалась изъ чистаго дохода желѣзныхъ дорогъ и, такимъ образомъ, для государственнаго казначейства не

---

[1]) Гарантіи по позднѣйшимъ концессіямъ не входили въ разсчетъ, такъ какъ дѣйствіе ихъ должно было послѣдовать уже послѣ занимающаго насъ періода.

[2]) Постепенное возрастаніе процентовъ и погашенія въ металлической валютѣ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Годъ.	На гарантированный капиталъ ежегодно.	На негарантированный капиталъ ежегодно.	Итого металлическихъ рублей.	Итого металлическихъ руб. съ 1866 г.
	Въ милліонахъ рублей металл.			
1866	8,6	0,7	9,3	9,3
1867	9,6	0,7	10,3	19,6
1868	20,9	0,7	21,6	41,2
1869	24,1	1,4	25,5	66,7
1870	29,6	3,4	33,0	99,7
1871	34,7	4,7	39,4	139,1
1872	35,6	5,0	40,6	179,7
1873	38,8	5,8	44,6	224,3
1874	42,7	5,9	48,6	272,9
1875	44,2	5,9	50,1	323,0

Digitized by Google

вся сумма составляла прямое обремененіе. Но, кромѣ гарантій, правительство принимало также участіе въ увеличеніи желѣзнодорожныхъ капиталовъ ссудами, выдаваемыми для цѣлей постройки или для развитія движенія по открытымъ дорогамъ. Вслѣдствіе сего, къ концу 1875 года долгъ желѣзныхъ дорогъ правительству составлялъ:

По ссудамъ на уплату процентовъ и погашенія акцій и облигацій 134,2 милл. руб.—По недоимкамъ по принятымъ правительствомъ облигаціямъ 40,0 милл. руб.—По ссудамъ на постройку дорогъ главнаго общества 61,3 милл. руб.—Прочихъ дорогъ и на усиленіе движенія 0,8 милл. руб.—По переданнымъ частнымъ обществамъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ 3,2 милл. руб. Итого 239,5 милл. рублей.

Изъ этой суммы собственно по гарантированнымъ процентамъ желѣзныхъ дорогъ общества должны правительству 174,2 милліона рублей, изъ которыхъ на одинъ 1875 годъ падаетъ 22,4 милл. рублей. А такъ какъ по предшествовавшему исчисленію обязательства правительства по гарантіи въ 1875 г. составляли 52,7 милл. руб. кред., то, слѣдовательно, приплата составила въ 1875 г. 42,5% дарованной гарантіи.

Если взять во вниманіе періодъ 1869—1875 г., за который имѣются точныя данныя, то окажется, что въ теченіи этихъ 7 лѣтъ правительство уплатило по гарантіи, за исключеніемъ оборотныхъ поступленій, 145,7 милл. руб.

Въ то же время сумма гарантированныхъ процентовъ составляла: 249,7 милл. руб. мет. и 9,7 милл. руб. кредит. или по курсу 116, всего 299,4 милл. руб. кред., изъ чего слѣдуетъ, что приплата правительства по гарантіи въ 7-ми-лѣтній періодъ составляла 48,6% гарантированной суммы.

Изъ вышеприведенныхъ цифръ нельзя не вывести заключенія, что желѣзныя дороги, создавъ значительную задолженность за границею, неблагопріятно вліяютъ на нашъ вексельный курсъ и влекутъ за собою трудность возстановленія металлическаго денежнаго обращенія, безъ котораго правильное развитіе народнаго хозяйства почти невозможно; съ другой стороны, желѣзныя дороги, увеличивъ производство и отпускъ нашихъ продуктовъ за границу, дѣйствовали въ противоположномъ направленіи и вліяли благопріятно на нашъ торговый балансъ [1]).

---

[1]) Нижеслѣдующія цифры показываютъ, по трехлѣтнимъ періодамъ, вывозъ хлѣба и состояніе вексельнаго курса:

Digitized by Google

При распространенномъ въ настоящее время крайне пессимистическомъ настроеніи относительно чрезмѣрной невыгодности нашего финансоваго положенія, изслѣдованіе вліянія каждаго изъ вышеприведенныхъ двухъ элементовъ составляетъ предметъ первой необходимости, такъ какъ безъ такого изслѣдованія не будетъ одного изъ главнѣйшихъ матеріаловъ для оцѣнки государственныхъ тяжестей и будущности нашего вексельнаго курса и государственнаго кредита.

Трудность составленія правильныхъ выводовъ для нашего будущаго въ настоящее время зависитъ, съ одной стороны, отъ того, что движеніе по желѣзнымъ дорогамъ не развилось еще до размѣровъ, которые можно было бы уже признать нормальными. Съ другой же стороны, необходимо имѣть въ виду, что до сихъ поръ постройка нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ едва кончена, и самый процессъ постройки, потребовавшій ввоза изъ-за границы матеріаловъ на 337,2 мил. руб., имѣлъ преобладающее вліяніе на результаты нашей ввозной торговли и вексельнаго курса.

Относительно вліянія постройки желѣзныхъ дорогъ на нашу ввозную торговлю было уже указано, что изъ суммы 1,103 мил. руб., составляющей собственно стоимость постройки, израсходовано за границею 337,2 мил. руб. Что эта сумма не преувеличена, а скорѣе ниже дѣйствительной, о томъ можно судить по количеству ввоза къ намъ предметовъ, служащихъ для постройки, какъ-то: камней, глины, цемента, стекла, металловъ, машинъ, инструментовъ, перевозочныхъ средствъ и тому подобныхъ предметовъ.

Средній ежегодный привозъ строительныхъ матеріаловъ и отношеніе его ко всему привозу по европейской торговлѣ были слѣдующія:

Въ періодъ лѣтъ.	Вывозъ хлѣба. Число четвертей, въ милл.	Вывозъ хлѣба. Цѣнность, въ милл. рублей.	Вывозъ всѣхъ вообще товаровъ по европейской границѣ, въ милліонахъ рублей.	Курсъ кредитнаго рубля въ копѣйкахъ металлическихъ.
1859	9,6	59,8	149,8	0,90
1860—62	8,8	61,6	161,6	0,90
1863—65	8,7	53,3	161,3	0,86
1866—68	13,1	80,3	203,9	0,82
1869—71	18,1	143,8	314,2	0,78
1872—74	21,0	170,2	356,2	0,84
1875	22,3	180,2	360,6	0,85
1876	—	—	—	—

Digitized by Google

Въ періодъ . . .	1830—1832	г.	на	сумму	1,7	м. р.	или	3,9%	всего	привоза.
» » . . .	1840—1842	»	»	»	2,7	» »	»	4,1%	»	»
» » . . .	1850—1852	»	»	»	6,0	» »	»	7,3%	»	»
» » . . .	1860—1862	»	»	»	19,6	» »	»	14,6%	»	»
» » . . .	1863—1865	»	»	»	17,7	» »	»	12,9%	»	»
» » . . .	1866—1868	»	»	»	46,9	» »	»	21,6%	»	»
» » . . .	1869—1871	»	»	»	91,8	» »	»	28,3%	»	»
» » . . .	1872—1874	»	»	»	95,9	» »	»	22,8%	»	»
» » . . .	1875	»	»	»	129,2	» »	»	25,9%	»	»
Среднимъ числомъ за періодъ. . .	1869—1875	»	»	»	98,9	» »	»	25,3%	»	»

Цифры эти показываютъ, до какихъ громадныхъ размѣровъ увеличился въ послѣднее время ввозъ занимающихъ насъ предметовъ. Сравнивать итоги ввоза послѣдняго времени (итогъ ввоза за семилѣтіе 1869—1875 годовъ составляетъ 692 мил. руб.) съ итогами прошлаго нѣтъ надобности; цифры и безъ того краснорѣчиво указываютъ на увеличеніе ввоза по цѣнности и по процентному отношенію ко всей привозной торговлѣ [1]).

IX.

Обращаясь теперь къ вліянію постройки желѣзныхъ дорогъ на нашъ вексельный курсъ, необходимо имѣть въ виду, что значительнѣйшая часть суммы 765,8 мил. руб., по нашимъ исчисленіямъ, израсходованной на трудъ и матеріалы (въ періодъ

---

[1]) По „Сборнику матеріаловъ по вопросамъ о снабженіи русск. жел. дорогъ рельсами и подвижнымъ составомъ“ привезено изъ-за границы для сооруженія желѣзныхъ дорогъ: рельсовъ 85,4 мил. пудовъ (по 1 января 1875 г., не считая рельсовъ для ремонта въ количествѣ 17,7 мил. пудовъ), локомотивовъ 2,866 штукъ, пассажирскихъ вагоновъ 4,667, товарныхъ крытыхъ вагоновъ 25,205, открытыхъ—12,167.

Приблизительная стоимость этихъ поставокъ составляетъ:

103,1 мил. пудовъ рельсовъ по 1,20 руб. . . .	123,7	мил.	руб.
2,866 паровозовъ по 20,000 руб.	57,3	»	»
4,667 пассажирскихъ вагоновъ по 3,000 руб . . .	14,0	»	»
25,205 товарныхъ крытыхъ вагоновъ по 1,300 руб .	32,7	»	»
12,167 товарныхъ открытыхъ вагоновъ по 1,000 руб.	12,2	»	»
Итого . .	239,9	мил.	руб.

Къ этой суммѣ слѣдуетъ еще прибавить предметы для сооруженія мастерскихъ, стрѣлки, водоснабженіе, трубы и желѣзные мосты, телеграфные аппараты и пр., которые почти исключительно выписывались изъ-за границы. Кромѣ того, цементъ, станціонная мебель, вѣсы, часы и т. п. принадлежности движенія также въ значительной степени выписывались изъ-за границы.

Если всѣ эти предметы прибавить къ исчисленной суммѣ 239,9 мил. руб., то окажется, что принятая нами сумма 337,2 мил. руб. вообще близка къ истинѣ.

Digitized by Google

1866—1875 г. 478,5 милл. руб.), поступила къ намъ отъ иностранныхъ капиталистовъ, другая же часть осталась за границей для расходовъ, тамъ производимыхъ. Чтобы уяснить себѣ размѣръ этихъ суммъ, нужно сдѣлать за послѣднее, наиболѣе насъ интересующее, время, приблизительный разсчетъ. Но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что не всѣ выпущенныя желѣзнодорожныя бумаги помѣщены у заграничныхъ капиталистовъ; чрезвычайно трудно опредѣлить, какая часть капиталовъ была занята у заграничныхъ капиталистовъ и какая образована изъ средствъ страны, существовавшихъ до постройки желѣзныхъ дорогъ, или вновь созданныхъ.

Выше было указано на значительное участіе капиталовъ, изгнанныхъ изъ кредитныхъ установленій, въ пріобрѣтеніи акцій главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и риго-динабургской дороги, а также на постоянное стремленіе учредителей желѣзныхъ дорогъ, для удержанія вліянія своего на построенныя дороги, помѣщать всѣ барыши отъ постройки и вообще свои свободные капиталы въ акціяхъ тѣхъ же дорогъ. Кромѣ того, извѣстно еще, что почти всѣ негарантированныя акціи, за исключеніемъ незначительной части акцій кіево-брестской дороги и брест-граевской, почти вовсе не помѣщались за границею, и что изъ гарантированныхъ акцій и облигацій въ рукахъ правительства находилось къ 1-му января 1876 г. облигацій на 23,9 милл. руб. мет., акцій же на 1.119,300 ф. ст. и 9,2 милл. руб. мет.; имѣющіяся по этому предмету данныя приводятъ къ вѣроятному предположенію, что $^1/_4$ облигацій и $^1/_2$ акцій, представляющихъ основной капиталъ желѣзныхъ дорогъ, находятся внутри страны.

Съ 1866 г. выпущено акцій металлическихъ 180 милл. руб., —кредитныхъ 105 милл. руб.

Дѣйствительно вырученная сумма, за вычетомъ потерь при реализаціи, составляетъ за акціи металлическія 139,4 милл. руб., —кредитныя 90,9 милл. руб.

Считая по курсу 116 за 1 р. метал., выручено 252,6 милл. руб. кр., изъ коихъ, согласно предположенію, $^1/_2$ поступила къ намъ отъ иностранныхъ капиталистовъ.

Металлическія облигаціи желѣзныхъ дорогъ, выпущенныя съ 1866 по 1875 г., составляли, исключая облигаціи николаевской, на 144,4 милл. руб. [1]), приблизительно 517,3 милл. руб. и за

[1]) Сумма 113,3 милл. руб. м., полученная отъ реализаціи облигацій николаевской желѣзной дороги, которою покрыты издержки, понесенныя правительствомъ на постройку этой дороги, какъ сдѣланныя въ предшествовавшій періодъ, не приняты въ разсчетъ.

Digitized by Google

таковыя выручено 478,7 милл. руб.; кромѣ того, за облигаціи кредитныя получено 4,8 милл. руб., а всего, считая рубль мет. за 116 коп. кред., выручено 515,4 милл. руб. кред.

Согласно предположенію, $^3/_4$ изъ этого капитала или 343,6 милл. руб., поступили отъ иностранныхъ капиталистовъ, а всего съ акціонернымъ капиталомъ поступило изъ-за границы 512,8 милл. руб. кр.

Изъ этого капитала слѣдуетъ отчислить проценты во время постройки, оставшіеся за границею, 44,1 милл. руб. и уплаты за производимые за границей заказы въ томъ же періодѣ 210,2 милл. руб., такъ что сумма 258,5 милл. руб., какъ остатокъ отъ реализаціи акцій и облигацій дорогъ, построенныхъ въ 1866—1875 г., должна была поступить къ намъ посредствомъ перевода въ кредитные рубли и вошла въ обращеніе въ видѣ внутреннихъ расходовъ на сооруженіе сѣти нашихъ дорогъ, т.-е. среднимъ числомъ по 25,8 милл. руб. ежегодно.

Вслѣдствіе такого прилива звонкой монеты, вырученной отъ реализаціи нашихъ желѣзнодорожныхъ бумагъ и предназначенной для употребленія на внутренніе расходы, нашъ денежно-торговый балансъ, особенно въ годы усиленной высылки къ намъ этихъ капиталовъ, долженъ бы былъ представлять перевѣсъ въ пользу Россіи столь значительный, что, по всѣмъ даннымъ науки и практики, вексельный курсъ долженъ бы былъ стоять выше того уровня, до котораго онъ доходилъ. Между тѣмъ, разсматривая курсовую таблицу, такого вліянія не замѣчается.

Причина отсутствія долженствовавшаго послѣдовать значительнаго улучшенія вексельнаго курса весьма проста. Правительство, во все время усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ, само являлось пріобрѣтателемъ звонкой монеты, остающейся за покрытіемъ заграничныхъ расходовъ отъ реализаціи желѣзнодорожныхъ бумагъ на выпускаемые въ народное обращеніе кредитные билеты, и вслѣдствіе того металлическій фондъ съ 88,9 милл. (къ 1-му января 1868 г.) увеличивается въ теченіи года до 156,4 милл., въ 1870 г. уменьшается до 149,7 милл. и съ тѣхъ поръ постоянно увеличивается и доходитъ въ 1875 г. до самой высшей цифры 231,2 милл.

Въ то время, какъ размѣнный фондъ увеличился на 143 милл. руб., количество кредитныхъ билетовъ, находившихся въ обращеніи, возросло только на 141 милл. руб., вслѣдствіе этого обезпеченіе кредитныхъ билетовъ размѣннымъ фондомъ, составлявшее къ 1-му января 1868 года $13^1/_2\%$, возросло до 29% итога бумажнаго обращенія.

Digitized by Google

Разсматривая, за тотъ же періодъ, привозъ и вывозъ металловъ, можно замѣтить, что увеличеніе размѣннаго фонда не произошло вслѣдствіе привоза къ намъ изъ-за границы золота, такъ какъ оказывается перевѣсъ вывоза надъ привозомъ въ 20 милл. рублей. Такая разница между привозомъ и вывозомъ произошла послѣ слѣдующихъ колебаній: вывозъ золота и серебра былъ значительнѣе привоза въ 1869 г. на 13 милл., въ 1870 г. на 21 милл., въ 1871 г. на 10 милл., въ 1874 г. почти на 1 милл. и въ 1875 г. на $21^1/_2$ милл.; привозъ же превышалъ вывозъ въ 1868 г. на $33^1/_2$ милл. р., въ 1872 г. на 5 милл. и въ 1873 г. на 6 милл. руб.

Изъ этого слѣдуетъ, что суммы излишковъ, происходившихъ отъ реализаціи желѣзно-дорожныхъ капиталовъ, оставались за границею для уплатъ по внѣшнимъ расходамъ правительства, а размѣнный фондъ увеличивался посредствомъ пріобрѣтенія сибирскаго золота, котораго съ 1866 по 1872 годъ добыто на 180,0 милл. руб. [1]).

Увеличеніемъ размѣннаго фонда не ограничивалось вліяніе реализаціи за границею желѣзнодорожныхъ капиталовъ. Правительство изъ тѣхъ же желѣзнодорожныхъ суммъ платило за границей проценты и погашеніе по металлическимъ государственнымъ займамъ и производило другіе внѣшніе расходы, вслѣдствіе чего оно многіе годы не являлось на биржѣ искателемъ заграничныхъ векселей. Точныхъ свѣдѣній о требовавшихся для этихъ цѣлей суммахъ мы не имѣемъ, но изъ данныхъ прошлаго можно составить себѣ понятіе о значительности требовавшихся суммъ, именно:

На покрытіе правительственныхъ платежей за границею было переведено туда, посредствомъ государственнаго банка и иностраннаго отдѣленія кредитной канцеляріи:

въ 1864 году	21,4	мил. руб.
» 1865 »	32,7	» »
» 1866 »	30,7	» »
» 1867 »	11,2	» »
» 1868 »	11,9	» »

[1]) Добыто золота и серебра въ 1866 году на 21,151 тыс. руб.

1867	»	32,762	» »
1868	»	17,735	» »
1869	»	21,729	» »
1870	»	22,623	» »
1871	»	32,505	» »
1872	»	31,532	» »
Итого		180,037	тыс. руб.

Digitized by Google

Изъ этого видно, что съ 1867 года переводъ суммъ на 19½ милл. уменьшился сравнительно съ 1860 годомъ, между тѣмъ въ послѣдующіе годы платежи должны были возрастать, такъ какъ въ періодѣ съ 1867 по 1875 годъ правительству, для уплаты процентовъ и погашенія по металлическимъ займамъ, понадобилось металлической валюты:

Годы.	Проценты.	Погашеніе.	Всего.
	Въ тысячахъ металлическихъ рублей.		
1867	19,715	3,949	23,664
1868	19,555	4,560	24,115
1869	19,362	3,283	22,645
1870	19,213	5,367	24,580
1871	18,982	5,779	24,761
1872	18,745	6,229	24,974
1873	18,485	6,894	25,379
1874	18,192	7,025	25,217
1875	17,884	8,641	26,525
	Всего		221,860

Кромѣ того, изслѣдованіе о взиманіи таможенныхъ пошлинъ золотою монетою представляетъ намъ интересное указаніе. Кредитною канцеляріею министерства финансовъ было заявлено, что правительство ежегодно уплачиваетъ по заграничнымъ заказамъ военнаго и морского министерствъ по 3 и по 5 милл. руб., всего круглымъ числомъ около 8 милл. р. Такимъ образомъ, въ періодъ съ 1867 по 1875 годъ правительству потребовалось, для уплаты по внѣшнимъ займамъ, 221,8 милл. мет. руб. и на прочіе расходы приблизительно 72 мил. руб.

Слѣдуетъ, конечно, обратить вниманіе на то, что часть государственныхъ металлическихъ фондовъ, по которымъ мы вычислили уплаты, находится въ рукахъ нашихъ капиталистовъ, дѣлающихъ расходы внутри страны, и поэтому не всѣ 293 милл. потребовались правительству, но тѣмъ не менѣе ясно, что суммы были весьма значительны.

Судить, насколько операція увеличенія размѣннаго фонда посредствомъ выпуска кредитныхъ билетовъ была правильно задумана, и какія потрясенія послѣдовали бы для отечественной промышленности и торговли, если бы вексельный курсъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ значительнаго превышенія въ нашу пользу денежнаго внѣшняго баланса значительно возвысился, а затѣмъ, послѣ послѣдовавшаго ухудшенія, подвергся пониженію, которое, конечно, должно было быть гораздо сильнѣе, — чрезвычайно трудно. Дѣло въ томъ, что при разрѣшеніи этого вопроса не-

Digitized by Google

обходимо было бы обратиться къ общему, болѣе сложному, вопросу: была ли возможность для государства воспользоваться исключительнымъ положеніемъ, созданнымъ постройкою желѣзныхъ дорогъ и вообще возстановившимся довѣріемъ къ Россіи, которое выражалось въ легкомъ кредитѣ, чтобы посредствомъ значительныхъ займовъ увеличить размѣнный фондъ до того размѣра, который позволилъ бы возстановить размѣнъ и этимъ прекратить принудительное обращеніе кредитныхъ билетовъ?

Если въ дѣйствительности не было возможности возстановить размѣнъ, то дѣйствіе финансовой администраціи, недопускавшее чрезмѣрнаго улучшенія нашего вексельнаго курса посредствомъ постепеннаго пріобрѣтенія металловъ, было правильно задумано и благодаря именно этой мѣрѣ страна избѣгла сильныхъ, неидущихъ въ сравненіе съ испытанными, потрясеній.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе вышеописанной мѣры пріобрѣтенія золота для усиленія размѣннаго фонда посредствомъ выпуска кредитныхъ билетовъ, явились два фактора, дѣйствовавшіе въ противоположныхъ направленіяхъ: правительство перестаетъ на нашихъ биржахъ являться покупателемъ векселей и балансъ представляетъ перевѣсъ въ нашу пользу; съ другой же стороны дѣлаются новые выпуски кредитныхъ билетовъ, которые дѣйствуютъ неблагопріятно на вексельный курсъ, такъ какъ цѣнность неразмѣнныхъ денегъ основывается не только на торговомъ балансѣ, но и въ значительной степени на довѣріи къ нимъ публики. Довѣріе же всегда тѣмъ меньше, чѣмъ значительнѣе количество выпущенныхъ неразмѣнныхъ кредитныхъ билетовъ.

Разсмотрѣвъ прямое вліяніе производившейся правительствомъ операціи увеличенія размѣннаго фонда на нашъ вексельный курсъ, обратимся къ разсмотрѣнію косвеннаго дѣйствія на тотъ же курсъ, произведеннаго увеличеннымъ денежнымъ обращеніемъ во внутреннихъ сношеніяхъ, для которыхъ количество и скорость обращенія находящихся въ циркуляціи знаковъ всего важнѣе.

Какъ извѣстно, всякое увеличеніе денежнаго обращенія и бумажныхъ денегъ въ особенности (такъ какъ ихъ излишекъ не можетъ быть высылаемъ за границу) нѣкоторое время способствуетъ увеличенію потребленія и затѣмъ оживленію промышленности и торговли. Дѣйствіе это усилилось еще тѣмъ, что одновременно съ увеличеніемъ денежнаго обращенія, вслѣдствіе распространенія капиталовъ желѣзныхъ дорогъ, происходила, во всѣхъ значительнѣйшихъ центрахъ, организація банковъ коммерческихъ и поземельнаго кредита, которыя еще въ бо́льшей сте-

Digitized by Google

пени содѣйствовали увеличенію и ускоренію обращенія денегъ въ государствѣ.

Банки коммерческіе, посредствомъ трансфертовъ и заведенной системы принятія и выдачи вкладовъ на сроки и до востребованія, успѣли привлечь значительные капиталы, до того времени праздно лежавшіе въ сундукахъ частныхъ лицъ или находившіеся при пересылкѣ въ пути.

Кромѣ того, банки собственные основные капиталы стали употреблять оборотливѣе, чѣмъ прежніе владѣльцы, для выдачи ссудъ и для другихъ операцій, и естественно, что чрезъ это обращеніе сдѣлалось живѣе, чѣмъ въ прошедшемъ.

Поземельные банки, выдачею значительныхъ ссудъ подъ залогъ недвижимостей въ закладныхъ листахъ, способствовали также употребленію значительной части недвижимыхъ капиталовъ для цѣлей циркуляціи.

А такъ какъ, смотря по скорости обращенія, извѣстный опредѣленный спросъ на деньги можетъ быть удовлетворенъ бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ послѣднихъ, то естественно, что болѣе быстрое обращеніе денегъ, введенное усовершенствованіемъ сдѣлокъ посредствомъ банковъ и пересылки трансфертами и по желѣзнымъ дорогамъ, вмѣсто прежней почтовой пересылки, дѣйствовало въ одномъ направленіи съ увеличеніемъ денежнаго обращенія и породило усиленное потребленіе, которое не ограничилось предметами отечественной производительности, но и распространилось на привозные, отражаясь неблагопріятно на нашемъ торговомъ балансѣ.

X.

Интересно было бы опредѣлить размѣръ усиленія вышеуказаннаго потребленія собственно вслѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ, отдѣливъ таковой отъ дѣйствовавшихъ одновременно и другихъ причинъ, заключающихся въ ускореніи обращенія денегъ, въ увеличеніи численности населенія и въ развитіи благосостоянія народныхъ массъ вслѣдствіе крестьянской реформы. Конечно, подобнаго дѣленія сдѣлать нельзя, но нижеизложенныя соображенія даютъ основаніе предполагать, что вліяніе желѣзныхъ дорогъ на потребленіе дѣйствительно было значительно.

Израсходованная внутри страны сумма капиталовъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ составляетъ въ періодъ съ 1866 по 1875 г. 481,5 милл. руб.

Digitized by Google

На основаніи сдѣланныхъ нами исчисленій, можно принять, что изъ этой суммы 249,9 милл. составляютъ заработокъ рабочихъ и ремесленниковъ, которые были заняты при постройкѣ (ежегодно по 84,000 человѣкъ со среднимъ заработкомъ 297 руб. въ годъ); изъ остальныхъ 111,2 милл. руб. составляются барыши подрядчиковъ и жалованье инженеровъ (около 55,6 м. р. барыши и 55,6 м. р. жалованье для 1,390 человѣкъ ежегодно высшаго административнаго управленія, со среднимъ вознагражденіемъ по 4,000 р. въ годъ на одного) и 120,4 м. р. за матеріалы.

Но и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ имѣла также немаловначительное вліяніе на потребленіе. Желѣзныя дороги въ огромномъ размѣрѣ увеличили количество перевозокъ, не уменьшивъ нисколько движенія грузовъ по водянымъ сообщеніямъ и на лошадяхъ, существовавшаго въ прежнее время, а, напротивъ, увеличивъ ихъ еще подвозомъ къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ, какъ въ этомъ убѣдило насъ сравненіе движенія грузовъ въ 1874 году съ движеніемъ 1859—1862 г. Изъ этого сравненія видно, что перевозка по водянымъ сообщеніямъ въ настоящее время уменьшилась лишь по слѣдующимъ рѣкамъ:

по р. Волгѣ отъ Рыбинска до Твери	на	11,0	милл.	пуд., или	61%	сред. пров.
по р. Западной Двинѣ .	»	3,0	»	» »	47	» »
» » Нѣману	»	2,5	»	» »	29	» »
» » Окѣ	»	3,0	»	» »	23	» »
» » Цнѣ	»	4,0	»	» »	55	» »
» » Припети.	»	7,6	»	» »	73	» »

} 1859—1862 г.

Напротивъ, перевозка увеличилась:

по р. Волгѣ отъ Царицына до Самары . . .	на	6,0	милл.	пуд., или	22%	сред. пров.
по р. Волгѣ отъ устья Камы до Нижн. Новг. .	»	30,0	»	» »	43	» »
по р. Волгѣ отъ Нижн. Новг. до Рыбинска. .	»	20,0	»	» »	27	» »
по р. Сурѣ	»	21,1	»	» »	479	» »
» » Невѣ	»	38,1	»	» »	26	» »
» » Днѣпрѣ	»	8,2	»	» »	273	» »
» » Сѣверной-Двинѣ.	»	4,3	»	» »	59	» »

} 1859—1862 г.

Точно также не уменьшалась и перевозка на лошадяхъ, потому что подвозъ къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ столь громаднаго количества грузовъ, какое перевозится въ настоящее время, требуетъ болѣе услугъ, чѣмъ перевозка сравнительно ничтожнаго количества грузовъ въ прошедшемъ, хотя прежнія перевозки совершались на болѣе значительныхъ разстояніяхъ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, расходы эксплуатаціи составляютъ увеличеніе денежныхъ оборотовъ въ государствѣ и новый источникъ заработковъ для множества лицъ.

Но если даже допустить, что извозный промыслъ доставляетъ въ настоящемъ менѣе заработковъ, чѣмъ въ прежнее время, то тѣмъ не менѣе потребленіе, вызванное расходами эксплуатаціи, имѣетъ другой характеръ, чѣмъ при извозныхъ заработкахъ, которые распредѣлялись лишь между рабочими слоями общества, тогда какъ эксплуатація желѣзныхъ дорогъ пользуется услугами преимущественно среднихъ и образованныхъ классовъ.

Выше было уже указано, что расходы эксплуатаціи, въ періодъ 1866—1875 г., составляли 535,7 мил. руб., изъ коихъ израсходовано:

на низшій трудъ	154,8	мил. р.
„ высшій трудъ и администрацію . .	154,8	„ „
„ матеріалы мѣстные.	161,8	„ „
„ „ заграничные	64,3	„ „

Здѣсь же укажемъ на число лицъ, получившихъ занятіе при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, и на ихъ среднее отношеніе къ ста верстамъ, которое составляетъ:

штатныхъ служащихъ круглый годъ. . .	529	чел.
ремонтныхъ рабочихъ на 200 рабочихъ дней	201	„
для зимняго ремонта пути на 100 дней . .	33	„
въ мастерскихъ ремесленниковъ и рабочихъ круглый годъ.	138	„

Денежное распредѣленіе показываетъ, что средній поверстный расходъ эксплуатаціи составляетъ 5,390 рублей на версту, и изъ него расходуется:

на трудъ высшій, т.-е. администрацію . .	1,555	р.
и низшій трудъ.	1,551	„
Итого .	3,106	р.

или на вознагражденіе служащихъ идетъ 58% всѣхъ расходовъ эксплуатаціи, что для сѣти въ 17,658 верстъ въ одномъ 1876 году составляло 54,8 мил. руб.

Не подлежитъ сомнѣнію, что значительная часть заработковъ ремесленниковъ и рабочихъ отъ постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ была употреблена для уплаты податей, и этимъ легко объяснить болѣе исправное поступленіе таковыхъ даже въ неурожайные годы; но другая, и притомъ, по всему вѣроятію, болѣе значительная часть заработковъ была непосредственно употреблена для удовлетворенія потребностей, состоящихъ прежде

Digitized by Google

всего въ болѣе обильной и здоровой пищѣ, а затѣмъ въ болѣе удобной и отчасти изысканной одеждѣ, въ болѣе комфортабельномъ устройствѣ и украшеніи, а также въ лучшемъ освѣщеніи жилья, и затѣмъ только остальная часть послужила для созданія сбереженій или капиталовъ.

Для лицъ этой категоріи спросъ вызванъ былъ на предметы, не требующіе ни утонченнаго вкуса, ни изящества отдѣлки, и посему таковые, почти исключительно, доставлялись отечественною промышленностью изъ туземныхъ, или отчасти только выписанныхъ изъ-за границы сырыхъ матеріаловъ.

Въ противоположность этому, нужды лицъ, отнесенныхъ нами къ категоріи высшаго труда, а также тѣхъ, которые сбывали свои матеріалы, удовлетворялись предметами иностраннаго производства, по весьма естественнымъ причинамъ.

Доставленіе значительныхъ капиталовъ лицамъ, которыя выгоднымъ сбытомъ своихъ матеріаловъ и отчасти произведеній, имѣвшихъ до постройки дорогъ ничтожную сравнительно цѣнность, или большими заработками и барышами при постройкѣ и эксплуатаціи дорогъ, составили себѣ извѣстный капиталъ и считали себя, сравнительно съ прошлымъ, обогащенными, развило потребности въ предметахъ болѣе изысканныхъ, т.-е. комфорта, роскоши и прихоти.

Всѣмъ извѣстно, что возможность располагать деньгами, особенно въ нервое время, дѣйствуетъ на непривычные къ тому организмы на подобіе возбуждающихъ средствъ. Кажется, что легко собранные капиталы никогда не истощаются, и сдерживаемыя прежде слабости и страсти развиваются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе времени оставались неудовлетворенными.

Такъ какъ значительнѣйшая часть предметовъ, служащихъ для удовлетворенія потребностей роскоши, выписывается изъ-за границы, то и привозъ ихъ долженъ былъ значительно увеличиться, и дѣйствительно послѣдовало сильное увеличеніе ввоза предметовъ, принадлежащихъ къ вышеуказаннымъ категоріямъ, преимущественно въ годы, слѣдующіе за усиленной постройкой желѣзныхъ дорогъ.

Кромѣ этого непосредственнаго неблагопріятнаго вліянія на нашъ торговый балансъ, вслѣдствіе усиленія непроизводительнаго потребленія, громадно увеличенный ввозъ предметовъ, служащихъ для возведенія фабрикъ, заводовъ, также не остался безъ вліянія, хотя, конечно, только временнаго, но тѣмъ не менѣе неблагопріятнаго, на тотъ же торговый балансъ.

Усиленный спросъ на разные предметы отечественной про-

Digitized by Google

мышленности оживилъ ее, вызвалъ возвышеніе цѣнъ и тѣмъ самымъ увеличилъ барыши фабрикантовъ. Значительныя выгоды поощряли къ усиленію производства и къ возведенію новыхъ фабрикъ и заводовъ.

Предпріимчивость въ послѣднее время стала развиваться тѣмъ болѣе, что при широко развитомъ коммерческомъ и поземельномъ кредитѣ добываніе капиталовъ было значительно облегчено и постоянство выгодъ производителей, сравнительно съ прошлымъ временемъ, было болѣе обезпечено. Этому обезпеченію содѣйствовали: выработанный на болѣе раціональныхъ началахъ охранительный для отечественной промышленности тарифъ, введенный въ 1869 году, прекращеніе въ послѣднее время непомѣрной, бывшей предъ тѣмъ, контрабанды [1]) и, наконецъ, сравнительно съ прошедшимъ, болѣе значительное постоянство нашей валюты.

Для затѣяннаго, вслѣдствіе всѣхъ вышеуказанныхъ причинъ, устройства фабрикъ и заводовъ всякаго рода значительная часть необходимыхъ машинъ и матеріаловъ должна была выписываться изъ-за границы, и для уплаты за нихъ требовался переводъ за границу весьма значительныхъ суммъ, взамѣнъ коихъ, конечно, получались предметы, представляющіе также капиталъ и составляющіе расходъ, который въ будущемъ улучшитъ нашъ торговый балансъ; но тѣмъ не менѣе въ данный моментъ усиленный ввозъ этихъ предметовъ неблагопріятно вліялъ на наши курсы.

Что ввозъ къ намъ состоялъ дѣйствительно изъ такого рода предметовъ, доказательствомъ могутъ служить цифры предметовъ, служащихъ для постройки—всего на 692 милл. руб. въ періодъ 1869—1875 гг.

Здѣсь, кажется, будетъ не лишнимъ обратить вниманіе на часто дѣлаемую ошибку при выводахъ о нашемъ торговомъ балансѣ посредствомъ сравненія цифръ нашего ввоза и вывоза. Какъ выше было замѣчено, смѣло можно принять, что, по крайней мѣрѣ, на 337 милл. руб. предметовъ, необходимыхъ для постройки желѣзныхъ дорогъ, выписано было изъ-за границы. Но цифра эта далеко еще не заключаетъ въ себѣ всего привоза для желѣзныхъ дорогъ. Многія построенныя уже дороги, для увеличенія своей провозоспособности, вынуждены были возводить новыя строенія, укладывать дополнительные пути, увеличивать

[1]) Объ уменьшеніи контрабанды можно судить по постоянно уменьшающемуся количеству конфискованныхъ товаровъ, которое съ 713 тысячъ въ 1857 г. уменьшилось до 584 тысячъ въ 1862 г. и затѣмъ, постоянно понижаясь, достигло 242 тысячъ въ 1873 году.

Digitized by Google

перевозочныя средства, и для этой цѣли дѣлали значительные займы, или же употребляли для тѣхъ же цѣлей часть своихъ доходовъ, и на эти, невошедшія въ наши разсчеты средства, выписывали необходимые предметы изъ-за границы, и этими только обстоятельствами, совмѣстно съ широкимъ устройствомъ фабрикъ и заводовъ, можно объяснить вышеуказанное громадное возрастаніе ввоза предметовъ, служащихъ для построекъ, машинъ и т. п.

Между тѣмъ, при обсужденіи нашего экономическаго и финансоваго положенія, указываютъ на нашу задолженность для постройки желѣзныхъ дорогъ и на невыгодное для государства отношеніе ввоза и вывоза, вовсе не обращая вниманія на то обстоятельство, что значительная часть ввоза къ намъ предметовъ, предназначенныхъ для постройки желѣзныхъ дорогъ, уплачена занятыми для постройки капиталами, вслѣдствіе чего одна и та же сумма показывается дважды.

Такимъ образомъ, положеніе наше представляется въ худшемъ видѣ, чѣмъ оно въ дѣйствительности, и этимъ наносится вредъ нашему государственному кредиту.

XI.

Всѣ указанныя до сихъ поръ вліянія на нашъ торгово-денежный балансъ мы старались, на основаніи имѣющихся статистическихъ матеріаловъ данныхъ и оцѣнокъ, уяснить и нѣкоторыя изъ нихъ выразить цифрами.

Но существуютъ еще другія, также немаловажныя, вліянія постройки желѣзныхъ дорогъ, которыя уловить даже приблизительно представляется чрезвычайно труднымъ.

Съ расширеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ и съ устраненіемъ административныхъ препятствій къ свободному выѣзду изъ Россіи и проживанію за границею, число лицъ путешествующихъ и проживающихъ въ иностранныхъ государствахъ замѣтно стало увеличиваться, что можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, въ которой показано, погодно и по пятилѣтнимъ періодамъ съ 1856 г. по 1875 г., число русскихъ, выѣхавшихъ за границу:

Выѣхало въ	1856 году	17,542	
„	1857 „	32,043	
„	1858 „	69,483	101,046.
„	1859 „	110,582	
„	1860 „	275,582	

Digitized by Google

„	1861	„	89,125	
„	1862	„	83,771	
„	1863	„	46,832	65,268.
„	1864	„	49,939	
„	1865	„	56,676	
„	1866	„	62,761	
„	1867	„	114,869	
„	1868	„	102,162	116,845.
„	1869	„	136,865	
„	1870	„	167,569	
„	1871	„	143,787	
„	1872	„	198,997	
„	1873	„	236,357	238,804.
„	1874	„	286,025	
„	1875	„	328,856	

Сколько милліоновъ ежегодно проживаютъ и тратятъ эти лица за границею, опредѣлить съ достаточною вѣроятностію невозможно.

Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что капиталы, вывозимые этимъ путемъ, весьма значительны, если судить по спросу на заграничные векселя, который ежегодно, вслѣдствіе требованій нашихъ туристовъ, чрезвычайно усиливается съ наступленіемъ весны.

Приливъ къ намъ иностранцевъ лишь въ незначительной части состоитъ изъ путешественниковъ или лицъ по торговымъ дѣламъ къ намъ пріѣзжающихъ; преимущественно же иностранцы пріѣзжаютъ по усиленному спросу на лицъ съ техническими познаніями и ремесленниковъ спеціалистовъ, особенно для заводской промышленности, вслѣдствіе недостаточнаго еще у насъ количества практически подготовленныхъ дѣятелей для значительнаго числа почти одновременно открывавшихся промышленныхъ заведеній.

Увеличеніе числа въѣзжающихъ въ Россію иностранцевъ, погодно и по пятилѣтнимъ періодамъ, съ 1856 по 1875 г., видно изъ слѣдующихъ цифръ. Пріѣхало въ Россію:

въ	1856	году	75,313	
„	1857	„	79,717	
„	1858	„	187,872	162,814.
„	1859	„	216,222	
„	1860	„	254,947	
„	1861	„	265,715	
„	1862	„	252,856	
„	1863	„	204,877	256,966.
„	1864	„	255,342	
„	1865	„	306,041	

Digitized by Google

„ 1866	„	337,322	
„ 1867	„	344,624	
„ 1868	„	350,303	345,526.
„ 1869	„	297,391	
„ 1870	„	396,989	
„ 1871	„	382,255	
„ 1872	„	513,706	
„ 1873	„	585,742	526,915.
„ 1874	„	568,184	
„ 1875	„	584,687	

Эти иностранцы, почти всѣ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго у насъ пребыванія, возвращаются на родину и при выѣздѣ своемъ увозятъ сдѣланныя у насъ, въ большинствѣ случаевъ, немалыя сбереженія [1]).

Послѣднее дѣйствіе, взятое само по себѣ, безъ отношенія къ нашему вексельному курсу, конечно, нельзя причислить къ вреднымъ для государственной экономіи, потому что усиленный приливъ къ намъ иностранцевъ со спеціальными знаніями не только приноситъ помощь въ производствѣ предметовъ, которые безъ того въ значительной части выписывались бы изъ-за границы, но даетъ также странѣ возможность пользоваться развитіемъ и опытами другихъ государствъ, опередившихъ насъ на пути промышленнаго и торговаго развитія, и этимъ путемъ, мало-по-малу развивая техническія знанія, избавиться отъ этого тяжелаго для государственной экономіи налога.

Путешествія нашихъ соотечественниковъ приносятъ также въ этомъ отношеніи извѣстную долю пользы.

Но, къ сожалѣнію, приходится сказать, что выгоды эти едва ли уравновѣшиваютъ наносимый народному хозяйству вредъ, особенно лицами, постоянно проживающими за границей и дѣлающими тамъ весьма часто чрезмѣрные расходы.

---

[1]) Если разсматривать выѣзжающихъ изъ Россіи иностранцевъ по народностямъ, то окажется, что въ періодъ 1870—1875 г., за который мы дѣлали подробныя исчисленія, изъ общаго числа выѣзжающихъ иностранцевъ приходится на прусскихъ подданныхъ 65,1%, на австрійскихъ подданныхъ 27,1%, а на всѣ другія народности почти 7,8%. Въ періодъ 1870—1875 г. австрійскихъ подданныхъ выѣхало менѣе чѣмъ пріѣхало—129,670 человѣкъ, прусскихъ же подданныхъ 165,140 человѣкъ.

Digitized by Google

XII.

Подъ вліяніемъ такихъ сложныхъ условій находился нашъ торговый балансъ, когда наступилъ 1875 годъ, отличившійся, сравнительно съ предшествующими годами, еще бо́льшею ненормальностью.

Въ постройкѣ находилось 2610 верстъ желѣзныхъ дорогъ [1]), для которыхъ требовались немаловажныя суммы. Кромѣ того, количество грузовъ, которое, при усиленномъ требованіи за границу, пришлось перевезть въ 1874 году, показало, что значительнѣйшая часть нашихъ желѣзныхъ дорогъ не можетъ удовлетворить вполнѣ своему назначенію безъ новыхъ дополнительныхъ работъ, а именно: укладки новыхъ запасныхъ путей, увеличенія перевозочныхъ средствъ, болѣе значительныхъ оборотныхъ капиталовъ и т. п. Кромѣ того, въ виду постояннаго расширенія сѣти желѣзныхъ дорогъ въ сосѣднихъ государствахъ, доставляющаго имъ возможность съ готовою къ бою арміей явиться на окраинахъ нашихъ въ 10 или 15 дней отъ начала мобилизаціи, военное министерство потребовало многихъ дополнительныхъ работъ для военныхъ цѣлей. Такъ какъ консолидированныя облигаціи желѣзныхъ дорогъ находили до сего времени легкое и выгодное помѣщеніе, то правительство не стѣсняло желѣзнодорожныя общества въ увеличеніи основного капитала выпускомъ, для вышеуказанныхъ цѣлей, дополнительныхъ облигацій, которыя оно и пріобрѣло, по примѣру прежняго времени, по напередъ-условленному курсу.

Кромѣ того, правительство пріобрѣло облигаціи дорогъ: уральской на 18,7 м. р., ростово-владикавказской на 23,6 м. р. и весь капиталъ облигацій донецкой. Между тѣмъ, финансовая администрація, стремясь поднять кредитъ нашъ и эмансипироваться отъ иностранныхъ банкировъ, нашла возможнымъ, въ апрѣлѣ 1875 г., понизить при новомъ выпускѣ консолидированныхъ облигацій проценты съ 5% до $4^1/_2$% и произвести выпускъ ихъ не сполна, а только отчасти чрезъ банкировъ Ротшильдовъ, отчасти же чрезъ открытіе подписки въ государственномъ банкѣ. Но такое пониженіе процентовъ денежными рынками было принято враждебно, тѣмъ болѣе, что въ то же самое время сдѣланная попытка освободиться отъ обязательнаго посредничества Ротшильдовъ не могла

[1]) Безъ донецкой желѣзной дороги, концессія на которую хотя и выдана была, но постройка еще не производилась.

Digitized by Google

располагать ихъ къ дѣйствительной поддержѣ этого выпуска. Сверхъ того, усложняющіяся политическія событія были причиною, что правительство не успѣло во-время помѣстить, посредствомъ новаго выпуска, консолидированныя облигаціи, оставшіяся у него на рукахъ, на значительныя суммы. Такимъ образомъ, приливъ къ намъ заграничныхъ капиталовъ на желѣзнодорожныя надобности внезапно прекратился.

Правда, что къ 1-му января 1875 года находился въ рукахъ правительства остатокъ отъ желѣзно-дорожнаго фонда 57,6 милл. руб. Но такая сумма была совершенно недостаточна для удовлетворенія принятыхъ правительствомъ обязательствъ относительно строющихся дорогъ и уплаты процентовъ по выпущеннымъ государственнымъ и желѣзнодорожнымъ бумагамъ.

Къ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ присоединились еще другія, гораздо болѣе важныя обстоятельства. Спросъ на хлѣбные продукты за-границу уменьшился, вслѣдствіе болѣе обильныхъ урожаевъ, и цѣны на эти продукты значительно понизились [1]).

Другіе наши сырые продукты, вслѣдствіе разразившагося въ Англіи, Германіи и Австріи, а отчасти и во Франціи, послѣ возбужденной дѣятельности 1871—1873 годовъ, тяжелаго промышленнаго кризиса, также стали требоваться въ меньшемъ количествѣ и по понизившимся цѣнамъ.

Между тѣмъ, какъ мы выше указали, усиленный ввозъ къ намъ иностранныхъ товаровъ, вслѣдствіе вышеуказанныхъ, увеличивавшихъ потребленіе, условій, при послѣдовавшемъ усиленномъ предложеніи и пониженіи цѣнъ, какъ послѣдствіи тѣхъ же финансовыхъ и промышленныхъ кризисовъ на заграничныхъ рынкахъ, не только не уменьшался, а, напротивъ, увеличивался.

Такимъ образомъ, на нашихъ биржахъ, съ одной стороны, предложеніе векселей на заграничные рынки, при упавшемъ вывозѣ, уменьшились, а съ другой—спросъ на эти векселя увеличился, вслѣдствіе чего въ ноябрѣ ясно замѣчается стремленіе къ пониженію вексельнаго курса. Возникшій восточный вопросъ началъ уже въ это время сильно тревожить умы и возбуждать опасенія политическихъ компликацій, которыя вынудили бы

[1]) Въ Англіи средняя цѣна пшеницы составляла, по «Economist'y» за quarter: въ 1874 г. 56 s. 3 p., въ 1875 г. 45 s. 2 p., а къ 1-му января 1876 г. была 45 s. 8 p. Въ мартѣ 1875 г. цѣна понизилась до небывалаго съ 1865 года размѣра: 40 s. 11 p.; Между тѣмъ въ концѣ 1876 г. цѣна достигла 50 s. 80 p. и возвышаясь постепенно, въ маѣ мѣсяцѣ 1877 г. достигла 68 s. 9 p. Ленъ въ началѣ 1877 г. котировался 59 s., въ концѣ же 60 s.

Digitized by Google

Россію принять въ рѣшеніи упомянутаго вопроса болѣе дѣятельное участіе. Политическія опасенія, при пессимистическомъ настроеніи, которое господствовало у насъ, стали, въ свою очередь, усиливать еще потребность въ металлахъ, такъ какъ многіе наши коммерсанты, предпочитая, вмѣсто выдачи срочныхъ металлическихъ векселей, производить немедленный разсчетъ при легкомъ кредитѣ, должались внутри государства.

XIII.

Выше было уже указано, какъ финансовая администрація усиливала размѣнный фондъ и металлическую наличность кассы государственнаго банка, посредствомъ выпуска кредитныхъ билетовъ.

Позволяемъ себѣ напомнить нѣкоторыя цифры этой операціи. Къ 1 іюля 1864 г. размѣнный фондъ составлялъ 68,5 милл. р., а къ 1 января 1876 г. 231,2 милл. р.; кредитныхъ же билетовъ находилось въ обращеніи въ вышеуказанные періоды 627,4 и 797,3 милл. руб., такъ что размѣнный фондъ увеличился на 162,7 милл. р., а кредитные билеты на 169,9 милл. руб. Но, кромѣ такого увеличенія размѣннаго фонда, государственный банкъ скупалъ, для увеличенія металлическаго запаса своей кассы, золото. Изъ банковыхъ балансовъ видимъ, что къ 1 января 1876 г., кромѣ размѣннаго фонда, находилось въ оборотной кассѣ государственнаго банка 7,8 милл. руб. въ монетѣ и слиткахъ [1]).

Чтобы безпристрастно судить о послѣдующей операціи поддержанія курсовъ, необходимо прежде всего обратить вниманіе на то, не подлежащее спору, обстоятельство, что при существующемъ у насъ громадномъ неразмѣнномъ денежномъ обращеніи и увѣренности, что государство не въ состояніи выкупить при настоящихъ условіяхъ выпущенные кредитные билеты, цѣнность ихъ основывается преимущественно на финансовомъ довѣріи, оказываемомъ государству. Было бы весьма ошибочно считать кредитъ этотъ непоколебимымъ даже внутри страны, такъ какъ нѣкоторое чувство опасенія инстинктивно проникаетъ во всѣ классы населенія, которому не можетъ не быть памятна еще катастрофа, постигшая государственныя ассигнаціи въ 1839 году.

[1]) Къ тому же времени размѣнный фондъ состоялъ изъ 201 милл. золота, 28,3 милл серебра и 1,8 милл. р. фондами.

Digitized by Google

Не подлежитъ сомнѣнію, что стоимость кредитныхъ билетовъ значительно бы понизилась, и финансовая администрація подверглась бы справедливому упреку, если бы было доказано, что государство не только не прилагаетъ стараній къ уменьшенію количества кредитныхъ билетовъ, несмотря на заявленные послѣ крымской войны предположенія; если бы было доказано, что безъ особой надобности, оправдываемой чрезвычайными потребностями для защиты государства, какъ это было во время французской войны 1812 г. и крымской кампаніи, государство увеличивало количество кредитныхъ билетовъ. Упрекъ, что новые выпуски ихъ сдѣланы не для того, чтобы усилить размѣнный фондъ, какъ резервуаръ для удовлетворенія потребности въ металлическихъ деньгахъ при платежахъ по международнымъ обязательствамъ страны, соразмѣрно имѣвшейся въ данную минуту потребности, но для другихъ, не ясно опредѣленныхъ цѣлей, — постоянно слышался въ то время въ средѣ коммерческаго міра.

Оправдать сохраненіе въ неприкосновенности описаннымъ способомъ созданнаго размѣннаго фонда и увеличенной металлической наличности кассъ можно было бы только опасностію войны, для которой понадобились бы деньги въ значительномъ количествѣ. Но, къ сожалѣнію, приходится сказать, что въ то время подобныя опасенія въ административныхъ сферахъ вовсе еще не существовали, и принятіе мѣръ предосторожности на случай войны считалось излишнимъ. Неудивительно поэтому, что финансовая администрація рѣшилась изъ пріобрѣтеннаго металлическаго запаса удовлетворить, какъ ей казалось, дѣйствительнымъ потребностямъ страны по международнымъ сдѣлкамъ. Она стала возвращать часть запаса по курсамъ, дававшимъ казнѣ, сравнительно съ покупной цѣной золота, еще довольно значительную прибыль, пытаясь этимъ удержать вексельный курсъ отъ могущаго послѣдовать слишкомъ значительнаго пониженія. И дѣйствительно, съ осени 1875 г. начинается продажа государственнымъ банкомъ векселей на иностранные рынки при посредствѣ уполномоченныхъ на то банкировъ и банковъ [1]), сначала многихъ, но затѣмъ, для болѣе удобнаго контроля, двухъ.

Сначала трассированія эти покрывались изъ находившихся у иностранныхъ банкировъ остатковъ желѣзнодорожнаго фонда, составлявшаго, какъ мы указали выше, къ 1 января 1875 года

---

[1]) Операцію эту для сокращенія прямо и будемъ называть операціею продажи золота, такъ какъ для покрытія трассированія употреблялось золото изъ размѣннаго фонда.

Digitized by Google

57,6 милл. руб., а затѣмъ уже, когда таковой былъ исчерпанъ, посредствомъ высылки золота изъ накопленнаго запаса, состоявшаго въ значительной части изъ иностранныхъ монетъ. Поступавшіе же въ уплату за выдаваемое золото кредитные билеты, выпущенные за то же золото, должны были подлежать изъятію изъ обращенія и уничтожаться. Мѣра эта была одобрена большинствомъ лицъ, свѣдущихъ въ финансовыхъ дѣлахъ, мнѣніе которыхъ было выслушано; она мотивировалась главнымъ образомъ тѣмъ, что необходимость значительныхъ уплатъ за границу была очевидна, и что если бы правительство не пришло съ помощью, то размѣровъ пониженія вексельнаго курса нельзя было предвидѣть, и надъ промышленностью могъ разразиться серьёзный кризисъ, который могъ бы отразиться вредно и на кредитѣ Россіи за границей.

Но многіе были и противнаго мнѣнія. Автору настоящей статьи случилось, въ числѣ другихъ лицъ, выражать опасеніе, что спекуляція на нашей биржѣ, помня еще выгоды, пріобрѣтенныя ею при затѣянной и неудавшейся размѣнной операціи 1862 г., разовьется, что политическія компликаціи будутъ для нея чрезвычайно полезнымъ союзникомъ, и что заграничныя биржи мало-по-малу также примутъ въ ней участіе. Возможно было предвидѣть, что спекуляціи придется противодѣйствовать посредствомъ стѣсненія обращенія и кредита, а это неминуемо должно было вредно отозваться на народномъ хозяйствѣ. Поэтому иные полагали, что во всякомъ случаѣ ранѣе того времени, когда возстановленіе политическаго спокойствія не сдѣлается фактомъ несомнѣннымъ, поддержку курсовъ не слѣдовало бы возводить въ систему. Но противное мнѣніе одержало верхъ и, подобно описанной нами операціи прошлаго времени, начатая поддержка курсовъ втянула финансовую администрацію въ роковую борьбу.

Размѣнный фондъ уменьшился къ февралю на 5,2 милл. руб., къ марту оставался неизмѣннымъ, къ апрѣлю на 12,0 милл. руб., къ маю на 15 милл., къ іюню на 6 милл., къ іюлю на $17^1/_2$ милл., къ августу только на 1,4 милл., а къ сентябрю на 1,8 милл. руб. Съ уменьшеніемъ размѣннаго фонда сокращалось и количество находившихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ, хотя не вполнѣ пропорціонально. Кредитныхъ билетовъ находилось въ народномъ обращеніи (т.-е., кромѣ находившихся въ кассахъ банка, его конторахъ и отдѣленіяхъ) къ 1-му января 1876 г. на 751,2 милл. руб., къ 1-му же августа 697,2 милл. руб. Изъ этого видно, что количество ихъ сократилось на 54 милл. руб., между тѣмъ какъ въ

Digitized by Google

то же время размѣнный фондъ уменьшился на 57,1 милл. золотомъ. Затѣмъ съ сентября количество кредитныхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи, а съ октября и размѣнный фондъ, стали возрастать.

Если судить по количествамъ золота, взятаго съ самаго начала операцій до февраля мѣсяца 1876 г., то требованіе векселей могло не превосходить дѣйствительныхъ нуждъ страны въ металлахъ для удовлетворенія обязательствъ. Затѣмъ требованіе золота усиливается, но сначала трудно было судить, было ли оно дѣйствіемъ спекуляціи или лицъ, желавшихъ обезпечить себѣ выгодный курсъ для дѣйствительныхъ коммерческихъ операцій.

Еще съ осени 1875 года, когда началась операція поддержки курса, уже замѣчается усиленное востребованіе кредитныхъ билетовъ изъ государственнаго банка, которое, въ виду тогдашнихъ торговыхъ обстоятельствъ, является уже ненормальнымъ, если обратить вниманіе на слѣдующее.

Въ ноябрѣ 1874 г., въ которомъ, какъ извѣстно, торговыя сдѣлки были гораздо значительнѣе послѣдующаго 1875 года, учетъ векселей и срочныхъ бумагъ уменьшился въ государственномъ банкѣ, противъ октября того же года, приблизительно на 3 мил. руб. и составлялъ всего 120 мил. руб. Между тѣмъ, тѣ же операціи ноября мѣсяца 1875 г., сравнительно съ тѣмъ же мѣсяцемъ 1874 г., представляютъ не уменьшеніе, но увеличеніе на 40 мил. руб. (доходятъ до суммы 185 мил. руб.), т.-е. на 65 мил. руб. больше 1874 года.

Требованіе ссудъ изъ государственнаго банка и затѣмъ еще постоянно увеличивается, и въ февралѣ достигаетъ максимума, 200 мил. руб.; затѣмъ въ апрѣлѣ понижается до 185,2 мил. руб., но въ маѣ снова возростаетъ до $188^1/_2$ мил. руб.

Столь сильное требованіе ссудъ изъ государственнаго банка, при всеобщемъ застоѣ въ торговлѣ, происходило, по всему вѣроятію, отчасти для покупки золота отъ того же банка, отчасти же вслѣдствіе недовѣрія публики къ частнымъ банкамъ, проявившагося вслѣдствіе несостоятельности московскаго коммерческаго ссуднаго банка. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта катастрофа имѣла значительную долю вліянія на усиленіе ощущенія безденежья въ странѣ, и поэтому на ней нѣсколько остановимся.

Злоупотребленія, обнаружившіяся въ московскомъ банкѣ, съ тяжелыми послѣдствіями, какія могли возникнуть для многихъ значительнѣйшихъ московскихъ домовъ, при тревожныхъ коммерческихъ и политическихъ слухахъ, ослабили кредитъ не только банковъ, но и частныхъ фирмъ. Кромѣ того, пониженіе цѣнъ

Digitized by Google

нашихъ фондовъ, а особенно акцій и вообще промышленныхъ бумагъ, достигло значительныхъ размѣровъ, и банки, въ которыхъ были заложены массы спекулятивныхъ бумагъ, потребовали дополнительныхъ обезпеченій, пошатнувъ этимъ кредитъ многихъ лицъ. Застой въ промышленности и тяжелый кризисъ, постигшій особенно сахарные заводы, сталъ вызывать также частыя несостоятельности многихъ первостепенныхъ фирмъ юго-западнаго края. При такихъ условіяхъ неудивительно, что возникло всеобщее недовѣріе и кредитъ былъ сведенъ до минимума, а потому и потребовались болѣе значительныя суммы денегъ для удовлетворенія даже по уменьшеннымъ торговымъ сдѣлкамъ.

Этому-то отсутствію кредита при сдѣлкахъ, а не сокращенію количества находившихся въ обращеніи билетовъ, какъ многіе полагаютъ, слѣдуетъ приписать, столь гибельно отразившееся на промышленности и торговлѣ, ощущеніе безденежья.

Уяснить себѣ, что не недостатокъ средствъ обращенія былъ причиною кризиса, весьма не трудно, если обратить вниманіе на то обстоятельство, что потребность въ средствахъ обращенія находится въ зависимости не только отъ размѣровъ и количества торговыхъ оборотовъ, но и отъ бо́льшаго или меньшаго наличнаго количества средствъ компенсаціи, т.-е. векселей, чековъ и подобныхъ обязательствъ [1]), пользующихся, конечно, достаточнымъ кредитомъ, чтобы служить мѣновой торговлѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что какъ только вѣра въ обязательства теряется, то, чтобы замѣнить ихъ, требуется бо́льшее количество денегъ. Въ занимающее же насъ время количество средствъ обращенія вовсе не уменьшилось.

До начала выдачи золота и до сокращенія количества кредитныхъ билетовъ, т.-е. къ 1 января 1876 г., всѣхъ кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи 797,3 мил.; затѣмъ минимумъ ихъ къ 1 августа составлялъ 729,4 мил. руб. Такимъ образомъ,

---

[1]) М. Вирть въ „Исторіи торговыхъ кризисовъ“, въ доказательство того, что обороты всегда бываютъ несравненно значительнѣе, чѣмъ имѣющіяся на лицо средства обращенія, исчисляетъ слѣдующее отношеніе средствъ обращенія:

	къ общей суммѣ богатствъ.	къ общей суммѣ оборотовъ.
въ Англіи, гдѣ система чековъ чрезвычайно развита	1%	5%
въ Германіи	2%	10%
въ Голландіи, Швейцаріи и Бельгіи	2%	10%
во Франціи.	3%	15%

Digitized by Google

количество кредитныхъ билетовъ сократилось на 67,9 мил. руб. Но вмѣсто этихъ 67,9 мил. выпущено въ обращеніе звонкой монеты изъ размѣннаго фонда 57,1 мил. руб. золотомъ, за которымъ необходимо признать тѣ же достоинства для удовлетворенія циркуляціи, какъ и за кредитными билетами. Однимъ словомъ, въ народномъ обращеніи находилось, для удовлетворенія потребностей торговыхъ сдѣлокъ, то же самое количество денегъ, по крайней мѣрѣ по цѣнности, какъ и прежде.

Существенная разница происходила лишь въ томъ отношеніи, что звонкая монета могла быть высылаема за границу; между тѣмъ какъ кредитные билеты не могли служить столь же удобно для этой цѣли. Если переводъ денегъ за границу производился для дѣйствительныхъ и неотложныхъ обязательствъ, въ такомъ случаѣ, очевидно, звонкая монета удовлетворяла этой потребности въ бо̀льшей степени, чѣмъ кредитные билеты.

Безъ звонкой монеты, заимствованной изъ размѣннаго фонда, удовлетвореніе международныхъ обязательствъ могло происходить только посредствомъ высылки кредитныхъ билетовъ, которые, конечно, не замедлили бы возвратиться къ намъ, или же посредствомъ усиленнаго отпуска товаровъ за границу; такое усиленіе, вслѣдствіе неминуемаго значительнаго пониженія вексельныхъ курсовъ, дѣйствительно и оказалось бы. Но открытымъ вопросомъ представляется: имѣла ли страна въ это время достаточно товаровъ для немедленнаго вывоза? Если даже разрѣшить этотъ вопросъ утвердительно, то нельзя не признать, что этотъ путь представлялъ свои большія неудобства. Пониженіе цѣнъ на наши продукты, вслѣдствіе усиленнаго предложенія ихъ за границею, и повышеніе цѣнъ на нихъ въ кредитныхъ рубляхъ внутри государства, по причинѣ упавшаго курса, съ одной стороны; убыточность для многихъ покрытія обязательствъ, сдѣланныхъ за границею по прошедшимъ товарамъ при упавшемъ противъ времени покупки курсѣ,—съ другой—вызвали бы въ народномъ хозяйствѣ сильныя потрясенія, послѣдствія которыхъ продолжались бы долго и по наступленіи равновѣсія. При этомъ государственная экономія несомнѣнно понесла бы болѣе значительныя жертвы, чѣмъ тѣ, которыя она понесла, уменьшивъ размѣнный фондъ, но удержавъ въ странѣ цѣнности, замѣняющія его, т.-е. товары, до болѣе благопріятнаго для ихъ сбыта времени, если бы не наступили столь неблагопріятныя политическія обстоятельства, что война сдѣлалась необходимостію.

Если бы не война, требующая измѣненія мѣрила оцѣнокъ финансовыхъ операцій, убытокъ для государственной экономіи

Digitized by Google

произошелъ бы только въ томъ случаѣ, если бы настоящая цѣна нашихъ продуктовъ за границею оказалась ниже прошлогодней съ присоединеніемъ къ ней процентовъ за позднѣйшую продажу; но, какъ извѣстно, этого не послѣдовало, и цѣны на наши, оставшіеся невывезенными, продукты за границей сильно поднялись, такъ что страна въ коммерческомъ смыслѣ значительно выиграла и, благодаря накопившимся запасамъ, была въ состояніи столь значительно усилить нынѣ вывозъ и этимъ удержать валюту нашу на теперешнемъ уровнѣ.

Впрочемъ, можно еще сомнѣваться, имѣла ли бы страна возможность въ 1875 г. и въ началѣ 1876 г. удовлетворить товарами всѣмъ потребностямъ въ звонкой монетѣ, и тогда частныя несостоятельности были бы неминуемы, такъ какъ изъ таможенныхъ вѣдомостей видно, что съ 1 октября 1875 г. по 1 сентября 1876 г. выслано за границу монеты и слитковъ на 87,9 милл. руб.

XIV.

Но для окончательнаго вывода о цѣлесообразности операціи продажи золота изъ размѣннаго фонда самымъ серьёзнымъ представляется вопросъ, въ какой мѣрѣ столь значительная высылка монеты была послѣдствіемъ нашей заграничной задолженности, и въ какой мѣрѣ она была исскуственно вызвана маневрами спекуляціи, разсчитывавшей на пониженіе курса, которое должно было послѣдовать вслѣдствіе пріостановленія операціи продажи золота.

Изъ вышеприведенныхъ цифръ востребованія золота мы видѣли, что востребованіе это до апрѣля 1876 г. хотя было постоянное, но умѣренное, и только въ апрѣлѣ, когда политическія событія стали все болѣе и болѣе усложняться, проявляется столь сильное востребованіе золота, что финансовая администрація, какъ видно было изъ предпринятыхъ мѣръ контроля и стѣсненія, серьёзно начинаетъ опасаться за предпринятую операцію, и въ это время всѣмъ стало ясно, что успѣхъ зависѣлъ отъ того, какую роль придется играть Россіи въ восточномъ вопросѣ.

Но въ нашихъ политическихъ сферахъ все еще господствовало въ это время чрезвычайно оптимистическое настроеніе, и если вѣрить слухамъ, которые носятъ на себѣ характеръ полной достовѣрности, то еще весною 1876 г., на запросъ финансовой администраціи высказано было наиболѣе компетентнымъ лицомъ мнѣніе, что всѣ политическія тревоги въ короткомъ, на недѣли даже опредѣляемомъ, времени исчезнутъ.

Digitized by Google

Въ ожиданіи такого исхода дѣла, которое возстановило бы пошатнувшееся довѣріе, операція поддержки вексельнаго курса производилась по прежнему, и въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ выдано было золота слишкомъ на 27 мил. руб. Между тѣмъ, неудача, постигшая берлинскій меморандумъ, и явно враждебное положеніе, принятое англійскимъ правительствомъ, побудили спекуляцію, оперировавшую до того времени скрыто, направить свои усилія къ тому, чтобы какъ можно болѣе пріобрѣсть векселей отъ государственнаго банка взамѣнъ кредитныхъ билетовъ, и этимъ принудить правительство прекратить выдачу золота.

Слѣдуетъ замѣтить, что настроеніе умовъ нашего общества и заграничныхъ биржъ, подъ вліяніемъ враждебныхъ для Россіи, въ теченіи послѣдняго полугодія, отголосковъ, отзывовъ и газетныхъ статей, было какъ нельзя болѣе благопріятно для преслѣдуемыхъ спекуляціею цѣлей.

Громадные капиталы затрачены на желѣзныя дороги и другія предпріятія, доходность которыхъ, въ случаѣ войны, была бы на долгое время уничтожена; итогъ внѣшнихъ долговъ государства великъ; наконецъ, существуютъ пессимистическіе воззрѣнія на прочность нашего земельнаго кредита: при такихъ обстоятельствахъ казалось, что невозможно будетъ заключать новые внѣшніе займы для уплаты процентовъ по займамъ и покрытія издержекъ войны, которая происходила бы за предѣлами государства, а слѣдовательно продолжать операцію до истощенія размѣннаго фонда было бы слишкомъ неблагоразумно. При постоянныхъ враждебныхъ отзывахъ о невыгодности нашего торговаго баланса, несостоятельности нашей податной системы и о питейномъ доходѣ, значительность котораго представлялась доказательствомъ пьянства, будто бы распространеннаго во всѣхъ слояхъ общества, у насъ и за границею,—война многимъ внушала опасенія въ смыслѣ финансовомъ. Слышались голоса, что если восточный вопросъ дѣйствительно вызоветъ европейскую войну въ обширныхъ размѣрахъ, то состоятельность государства, особенно относительно платежей по лежащимъ на правительствѣ и частныхъ лицахъ металлическимъ обязательствамъ, можетъ временно, до возстановленія нормальныхъ условій, подвергнуться опасности. Эти опасенія на курсѣ нашихъ фондовъ дѣйствовали весьма неблагопріятно. Когда же принятое англійскимъ кабинетомъ враждебное для Россіи направленіе побудило англійскихъ держателей нашихъ фондовъ усиленно продавать ихъ, то пониженіе дѣлъ достигло еще болѣе значительныхъ размѣровъ. На лондонской биржѣ фонды наши понизились въ слѣдующемъ размѣрѣ: облигаціи кон-

Digitized by Google

солидированные 1873 г. 5%, котировавшіеся съ начала 1876 г. по май мѣсяцъ около 98%, къ іюню понижаются до 85% и повременно доходятъ даже до 83%. За симъ таковыя постепенно стали возвышаться, такъ что въ половинѣ сентября продавались по 93%. Въ половинѣ же октября, вслѣдствіе политическихъ событій, угрожавшихъ войною, вновь понизились до 76%.

Продавцы нашихъ фондовъ, не находя покупателей у себя, стали высылать ихъ для продажи въ Россію, и значительныя количества русскихъ фондовъ дѣйствительно помѣщены были у насъ.

И въ этомъ отношеніи, чтобы хотя отчасти поддержать нашъ кредитъ, правительству пришлось принять нѣкоторыя мѣры и оно должно было явиться покупателемъ русскихъ фондовъ. Дѣйствительно, часть металлическаго запаса обращена была на покупку фондовъ, что видно изъ того, что размѣнный фондъ, въ которомъ фондами къ 1 января 1876 г. находилось 1,8 мил. р., къ 1-му августа того же года составлялъ уже 7,4 милл. р., на 1 сентября 13,9 милл. р., на 1 октября 28,0 милл., на 1 же декабря доходитъ до 31,5 милл.

Золото, посланное за границу въ уплату по фондамъ, пріобрѣтеннымъ правительствомъ и частными лицами въ виду столь низкихъ курсовъ, представляетъ для будущности нашего курса значительную выгоду тѣмъ, что наши обязательства передъ заграницею соотвѣтственно уменьшились, но въ первую минуту оно дѣйствовало весьма вредно.

XV.

Указанныя выше сильныя предложенія и колебанія цѣнъ нашихъ фондовъ, при постоянствѣ вексельнаго курса, поддерживаемаго правительствомъ, послужили къ возбужденію спекуляціи. Эти обстоятельства утвердили въ ней окончательно убѣжденіе, что выдача золота должна пріостановиться въ самомъ скоромъ времени. Потому со второй половины іюня, а еще болѣе въ началѣ іюля обнаружилось столь сильное требованіе на золото, что объяснить его даже чрезвычайными потребностями торговли или покупкою фондовъ, при всемъ желаніи, было уже невозможно. Значительность операцій, которыя были предприняты именно спекуляціею, обнаружилась вполнѣ. Правительство, вѣроятно, чтобы не дать, какъ въ 1862 г., восторжествовать спекуляціи и этимъ опять нанести существенный вредъ кредиту и

Digitized by Google

реформамъ, которыя бы въ будущемъ могли быть предприняты для возстановленія болѣе прочнаго денежнаго обращенія, рѣшилось продолжать выдачу золота.

Надо замѣтить, что въ это время почти всѣ, вышеприведенные нами, аргументы въ пользу поддержки курсовъ уже не существовали вовсе, или существовали въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, и потому представлялась возможность принять мѣры для уменьшенія этой поддержки. И дѣйствительно, задолженность наша за-границею не могла не быть уже покрытою; виды на урожай 1876 г. за-границею были не совсѣмъ удовлетворительны, и съ февраля уже замѣтно было усиленіе требованія на хлѣбъ, а съ мая цѣны значительно стали возвышаться; неопредѣленное положеніе политическихъ дѣлъ, продолжавшійся финансовый и промышленный кризисъ на всѣхъ значительнѣйшихъ европейскихъ рынкахъ,—все это побуждало къ крайней осторожности.

Но, къ сожалѣнію, приходится сказать, что, несмотря на всеобщее убѣжденіе въ тревожности политическаго положенія, въ высшихъ административныхъ сферахъ все еще существовало совершенно противоположное направленіе и надежда на скорое мирное разрѣшеніе восточнаго вопроса не покидала тѣхъ лицъ, на обязанности которыхъ должно было бы лежать разъясненіе политическаго положенія, а вслѣдствіе того, въ виду стѣсненія циркуляціи, которое замѣчалось послѣ изъятія изъ обращенія 40 мил. кредит. билетовъ, не пріостановленіе операцій поддержки курса, но репрессивныя мѣры противъ спекуляціи—вотъ что казалось болѣе раціональнымъ.

Напомнимъ, что образъ дѣйствія спекуляціи, принявшей за границею правильную организацію въ формѣ синдиката, былъ весьма простъ. За принадлежащіе синдикату фонды получались, посредствомъ заклада ихъ, кредитные билеты, за которые покупались у государственнаго банка, посредствомъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ банковъ и банкировъ-коммиссіонеровъ, векселя на иностранные рынки. Полученная такимъ путемъ звонкая монета употреблялась синдикатомъ за-границею для выдачи ссудъ подъ наши фонды, которые вновь возвращались для заклада въ Россію и для повторенія той же операціи.

Ясно, что операція эта, требовавшая лишь капитала для уплаты разницы между залоговыми цѣнами, могла длиться весьма долго и истощить весь размѣнный фондъ, а потому, чтобы затруднить ее и сдѣлать невыгодною, государственный банкъ, разъ рѣшившись на борьбу, возвысилъ процентъ по выдачѣ ссудъ и

Digitized by Google

учету векселей съ взимавшихся въ апрѣлѣ и маѣ 6½ % по учету и 7½ % по ссудамъ до 8½ % и 9½ % въ іюнѣ и въ іюлѣ.

По недостаточности и этого средства, государственный банкъ отъ банковъ и лицъ, которые, по веденнымъ государственнымъ банкомъ контролямъ, значились получившими самыя значительныя суммы золота, потребовалъ выкупа заложенныхъ ими бумагъ и вообще сталъ производить и дѣлать перезалоги ссудъ съ такою чрезвычайною осмотрительностію и въ столь ограниченныхъ размѣрахъ, что возбудилъ общую тревогу и создалъ самый серьёзный кризисъ.

Банки и банкиры, заподозрѣнные въ качествѣ соучастниковъ синдиката, были вынуждены возвращать государственному банку занятыя у него суммы и оказались въ чрезвычайно критическомъ положеніи. Имъ не оставалось другого исхода, какъ также потребовать отъ своихъ кліентовъ возврата ссудъ и усиленно запасаться деньгами.

Кліенты этихъ банковъ и банкировъ, захваченные врасплохъ, напрасно обращались къ другимъ банкамъ, которые отказались входить въ новыя обязательства. Такимъ образомъ, возникла паника, принимавшая все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры.

Нѣкоторые изъ стоявшихъ во главѣ синдиката банкировъ, въ виду предпринятыхъ противъ нихъ государственнымъ банкомъ репрессивныхъ мѣръ, чтобы избѣгнуть форсированной продажи заложенныхъ фондовъ и выдти изъ затрудненія по своимъ обязательствамъ, вынуждены были, отказавшись отъ ожидаемыхъ барышей, продавать векселя на заграницу тому же самому банку, отъ котораго ихъ получили, такъ какъ, за недостаткомъ денегъ на биржѣ, спросъ на векселя вовсе прекратился. Такимъ образомъ, государственный банкъ успѣлъ остановить дѣйствія спекуляціи, и размѣнный фондъ сталъ постепенно увеличиваться и съ 172 мил. р. достигъ въ октябрѣ до 179,3 мил. руб., а въ ноябрѣ до 180,5 мил. руб. Но потрясенія подобнаго рода не могли не отразиться чувствительнымъ образомъ на нашей промышленности и торговлѣ, которыя находились подъ тяжелымъ гнетомъ безденежья и страха до октября мѣсяца, когда принимавшія все болѣе и болѣе угрожающій видъ политическія событія привели къ тому, что операція поддержки курса была остановлена.

Такъ какъ операціи съ размѣннымъ фондомъ и вызванная ими спекуляція представили послѣдній, т.-е. ближайшій къ намъ эпизодъ исторіи русскихъ финансовъ до мобилизаціи арміи, составляющей, такъ-сказать, начало чрезвычайныхъ, экстраординарныхъ финансовыхъ мѣропріятій, то мы и заключаемъ настоящую статью подробнымъ разсмотрѣніемъ этого эпизода.

Digitized by Google

Теперь намъ остается бросить общій взглядъ на всю ту картину, которая представлялась въ трехъ нашихъ статьяхъ, и сгруппировать въ краткомъ перечнѣ наиболѣе выдающіяся черты этой картины. Эти главныя черты представляются: 1) неудовлетворительнымъ и—главное—безвыходнымъ положеніемъ, въ какомъ находились финансы Россіи и ея хозяйство вообще во время, предшествовавшее эпохѣ реформъ и постройкѣ желѣзныхъ дорогъ; 2) оживленіемъ производительности и усиленіемъ народнаго потребленія, какъ послѣдствіями только-что названной эпохи; 3) возрастаніемъ нашего отпуска съ одновременнымъ давленіемъ на вексельный курсъ увеличенія нашихъ заграничныхъ платежей, по желѣзно-дорожнымъ обязательствамъ; наконецъ, 4) улучшеніемъ въ самомъ корнѣ общаго финансоваго и экономическаго положенія Россіи, въ видѣ возрастанія доходовъ и устраненія дефицитовъ, уменьшенія недоимокъ, вмѣстѣ съ благотворнымъ вліяніемъ улучшенія сообщеній на производительность и торговлю.

Факты, вызываемые нынѣшней войной—явленіе исключительное, чрезвычайное; они не могутъ не произвесть нѣкотораго колебанія, нѣкотораго перерыва въ общемъ, раціональномъ направленіи, какое было принято нашимъ государственнымъ хозяйствомъ въ послѣднее десятилѣтіе.

Но это колебаніе и этотъ перерывъ будутъ только временные и, во всякомъ случаѣ, были бы безъ всякаго сравненія опаснѣе, если бы общая система оставалась въ томъ видѣ, какъ она была до крымской войны. При ней, Россія и при продолжительномъ, 23-хъ-лѣтнемъ мирѣ (1831—1853), при отсутствіи всякихъ чрезвычайныхъ затратъ на производительныя постройки, на улучшеніе администраціи и суда—не могла сводить годового финансоваго оборота безъ обращенія къ рессурсу займовъ. Несмотря на уменьшеніе своего безпроцентнаго долга на 427 милл. рублей, при переложеніи ассигнацій на серебро, Россія за упомянутый двадцати-лѣтній періодъ увидѣла накопленіе дефицитовъ на сумму 570 милл. рублей.

На естественное увеличеніе обыкновенныхъ доходовъ путемъ возрастанія производительности и оборотовъ торговли—разсчитывать было невозможно, при отсутствіи удовлетворительныхъ сообщеній. Мы указали уже въ первой статьѣ призрачность и тѣхъ благопріятныхъ условій того времени, какія представлялись въ мнимомъ кредитѣ бумажнаго обращенія и благопріятномъ вексельномъ курсѣ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Цифра ввоза, показываемая въ то время, не обнимала собой громадной контрабанды; земледѣльческій трудъ былъ закрѣпощенъ, фабричная про-

Digitized by Google

изводительность и торговля были крайне слабы, какъ по отсутствію хорошихъ сообщеній, такъ и по слабости спроса на продукты въ населеніи, нерасполагавшемъ своимъ трудомъ и неимѣвшемъ возможности дѣлать сбереженій.

Огромная задолженность и упадокъ государственнаго кредита — вотъ каковы были конечные результаты той системы, системы застоя страны и непроизводительныхъ затратъ государства.

Изъ этой системы не было выхода. Надо было совершенно измѣнить ее: снять путы съ народнаго труда, улучшить администрацію и судъ, разсчитать поправленіе финансовъ на усиленіе производительности и развитіе торговли. Для этого было одно средство: созданіе въ странѣ улучшенныхъ сообщеній, т.-е. постройка въ Россіи желѣзныхъ путей, какія давно имѣла вся западная Европа.

Слабость государственнаго кредита отозвалась и на первомъ помѣщеніи гарантированныхъ казною желѣзно-дорожныхъ бумагъ. Но на производительныя, хотя и громадныя затраты — деньги однако нашлись. Съ постройкою 14 тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, въ періодъ 1866—1875 годовъ, при издержкѣ въ 971 милл. рублей, желѣзно-дорожныя облигаціи стали котироваться на иностранныхъ биржахъ, вмѣсто 74 за сто, въ 105 за сто. Размѣнный фондъ съ 85 милл. рублей увеличился до 231 милл. рублей. Вексельный курсъ постоянно улучшался до 1874 года. Цѣна русскихъ фондовъ на биржахъ возростала такъ, что 6% рента съ минимума 82½ за сто (въ 1867 году) достигла въ мартѣ 1876 года 122½ за сто.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, производительность страны возросла такъ, что, вмѣсто 161 милл. рублей и 134 милл. рублей, выражавшихъ средній ежегодный нашъ вывозъ и привозъ за трехлѣтіе 1860—1863, мы видимъ въ трехлѣтіе 1871—1874 соотвѣтственныя цифры въ 356 милл. рублей и 420 милл. рублей, а за 1875 годъ вывозъ достигаетъ уже 360 милл. рублей, а привозъ 498 милл. рублей. Развился кредитъ, предоставивъ промышленности могучее орудіе, а размѣръ учета, во всѣхъ его видахъ, значительно понизился. Учетъ въ государственномъ банкѣ въ началѣ 1875 года производился по 4¾%; ничего похожаго до того времени не бывало въ Россіи.

Недоимки казначейства въ 1875 году уменьшились противъ 1869 года почти вдвое. Обыкновенные доходы представили громадное, весьма быстрое возрастаніе — и, вмѣсто прежнихъ дефицитовъ, явились излишки обыкновенныхъ доходовъ. За 1875 г. такой излишекъ составилъ 33 милл. рублей.

Во всемъ этомъ сказывалось совмѣстное вліяніе реформъ и

Digitized by Google

постройки желѣзныхъ дорогъ. Что касается собственно желѣзныхъ дорогъ, которымъ мы отвели значительное мѣсто въ нашей статьѣ, указавъ и характеристическія черты, сопровождавшія ихъ постройку, и особенный характеръ ихъ дѣятельности въ Россіи, то вліяніе ихъ выразилось въ двоякомъ смыслѣ. Съ одной стороны, имъ принадлежала огромная доля вліянія въ развитіи производительности, усиленіи потребленія, вывоза и ввоза. Если бы не неизбѣжныя пожертвованія на нихъ государства, увеличившія нашу задолженность за-границею, то такое поднятіе экономическаго быта страны сказалось бы и на улучшеніи вексельныхъ курсовъ въ бо́льшей степени, чѣмъ то могло произойти при увеличеніи суммы нашихъ заграничныхъ платежей. Съ другой стороны, постройка желѣзныхъ дорогъ представила оборотъ въ слишкомъ *полтора милліарда* рублей, которые распредѣлились главнымъ образомъ на заработки разныхъ классовъ населенія и дали имъ возможность не только исправнѣе вносить подати, но и усилить потребленіе, для улучшенія быта, и создать сбереженія, которыя представлялись если не въ массѣ народа, то въ значительномъ числѣ вновь образовавшихся частныхъ капиталовъ и сбереженіяхъ средняго класса. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовали и расходы по эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, составившіе 535 милл. рублей за періодъ всего 11-ти лѣтъ (1865—1875 г.).

Таковы основныя черты того коренного улучшенія, какое представляетъ нынѣшнее экономическое положеніе Россіи, *въ сравненіи* съ прошлымъ. Самая нынѣшняя война, произведшая перерывъ въ этомъ постепенномъ улучшеніи, благодаря именно ему, т.-е. главнымъ образомъ все-таки—реформамъ и постройкѣ сѣти въ 20 тысячъ верстъ желѣзныхъ путей, не можетъ отозваться на нашемъ финансовомъ и общемъ экономическомъ положеніи такимъ потрясеніемъ, какое было произведено войною 1853—1856 годовъ, послѣдовавшею за періодомъ застоя. Дѣло въ томъ, что нынѣ есть на-лицо средства для поправленія, для возстановленія экономическихъ силъ, чего прежде не было. Такимъ образомъ, представленная нами картина удостовѣряетъ практически, путемъ несомнѣнныхъ аргументовъ, какими служатъ цифры, что благосостояніе страны и развитіе ея могущества—не въ застоѣ, не въ отчужденіи отъ другихъ народовъ, не въ стѣсненіи условій внутренняго быта, но, наоборотъ, — въ постепенномъ, но смѣломъ, безпрерывномъ движеніи впередъ, въ слѣдованіи за другими народами по ихъ пути развитія и раціональной свободы.

Ив. Бліохъ.

Digitized by Google

ЧУДНАЯ НОЧЬ.

Изъ Гете.

Я съ тоскою покидаю
Милый сердцу, тихій кровъ,
И иду — зачѣмъ? — не знаю —
Въ глубь таинственныхъ лѣсовъ.
Вѣтеръ бѣгъ свой укрощаетъ,
Мѣсяцъ свѣтитъ сквозь листву,
И зефиръ съ берёзъ свѣваетъ
Ѳиміамъ на мураву.

Какъ я радостно и жадно
Эту нѣгу ночи пью,
И какъ нѣга та отрадно
Въ грудь вливается мою!
Но я тысячи чудесныхъ
Не возьму такихъ ночей
За одну — съ моей прелестной,
Съ ненаглядною моей!

Н. Гербель.

Digitized by Google

БОЛГАРІЯ
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Замѣтки и воспоминанія.

ГЛАВА III *).

На Дунаѣ.

Въ жизни нѣтъ, кажется, такихъ впечатлѣній, къ которымъ не могъ бы привыкнуть человѣкъ. Ѣдкое горе, тяжелое страданіе, страшная картина бѣдствій цѣлаго народа—ко всему пріучаются наши нервы, со всѣмъ мы осваиваемся, все переносимъ мы съ удивительнымъ стоицизмомъ. Совсѣмъ напрасно дѣти XIX-то вѣка жалуются на излишнюю чувствительность и какую-то слабонервность. Вспыхнемъ мы на минуту, возмутимся духомъ, сверкнетъ гдѣ-то, глубоко въ душѣ, огонекъ, но не успѣлъ глазъ присмотрѣться къ нему, какъ его ужъ и нѣтъ. И опять все улеглось. Не только къ страданіямъ, угнетеніямъ, нравственному униженію другихъ мы привыкаемъ довольно легко, но и съ своимъ собственнымъ угнетеніемъ, своимъ собственнымъ униженіемъ даже черезъ-чуръ дешево мы миримся. Самое отвратительное какъ въ отдѣльныхъ людяхъ, такъ и въ цѣлыхъ народахъ, это какая-то слѣпая покорность судьбѣ, превращающая людей изъ разумныхъ существъ въ какихъ-то безсмысленныхъ животныхъ. Самое дорогое въ людяхъ, это—способность сопротивляться, бороться, гибнуть, если нужно, но не съ кротостью и терпѣніемъ, а съ громкимъ

*) См. выше нояб., 314 стр.

Digitized by Google

проклятіемъ тѣмъ, кто явился виновникомъ нашихъ страданій. Но откуда взять эту способность, когда мы казнимъ злопамятность какъ порокъ, въ то время, какъ слѣдовало бы, глядя на ужасающее зло, восхвалять ее какъ добродѣтель. Только тогда, думаешь невольно, можетъ быть, зло было бы стѣснено въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. Въ дѣйствительности же, мы умѣемъ возмущаться какъ-то порывисто и сильно чувствовать все переживаемое только въ первыя минуты, когда полученныя впечатлѣнія не успѣли еще остыть.

Такія думы часто и назойливо тѣснились въ моей головѣ, то при видѣ отвратительныхъ, по своему ужасу, кровавыхъ сценъ войны, то при видѣ безсильнаго отчаянія, вызваннаго чудовищнымъ несчастіемъ цѣлаго народа. Неужели, говорилъ я себѣ, и этотъ разъ всѣ эти жертвы будутъ безплодны, и южные славяне снова будутъ отданы на произволъ дикаго турецкаго господства? Чего добраго, люди вѣдь такъ скоро устаютъ возмущаться, обладая необыкновенною способностью быстро находить себѣ успокоеніе. Исчезнетъ сила перваго впечатлѣнія, перваго пыла, и всѣ такъ рады будутъ отдаться спокойной, безмятежной жизни. А первыя впечатлѣнія всегда сильны, они не изглаживаются даже тогда, когда послѣдующія, болѣе сильныя, должны были бы, повидимому, вытѣснить ихъ. Что же, спрашивается, такъ сильно ущемило ваше сердце, что заставило васъ содрогнуться? Вѣдь въ томъ, что вы видѣли въ первые дни не было и сотой доли того ужаса, который представился вамъ впослѣдствіи? Отвѣть одинъ—то было первое впечатлѣніе!

Много пришлось мнѣ послѣ увидѣть потрясающихъ картинъ, страшныя, дикія сцены войны проходили передъ глазами, и разсудокъ и чувство нѣмѣли при видѣ бѣдствій замученнаго болгарскаго народа, а все же первыя впечатлѣнія войны не стушевывались, и я живо помню и теперь то подавляющее впечатлѣніе, которое произвелъ на меня первый разгромленный турецкими гранатами городъ...

Поздно, ночью уже, пріѣхали мы въ Журжево. Машина еле-еле тащила за собою громадный поѣздъ, на которомъ, кромѣ русскихъ, не было, кажется, рѣшительно никого. Вся дорога и тутъ была загромождена складами артиллерійскихъ снарядовъ, громадными пирамидами всевозможныхъ кулей, вездѣ разбросаны были артиллерійскіе парки. Страшно думать, сколько усилій тратится на истребленіе человѣчества! На каждой станціи продолжительныя остановки, люди бѣгаютъ точно угорѣлые, суетня, хаосъ невообразимый. И все это усталое, замученное! Болѣе часа простояли

Digitized by Google

мы во Фратештахъ, которые скоро должны были получить такую печальную извѣстность, какъ одинъ изъ главныхъ центровъ скопленія раненыхъ, но теперь тамъ еле-еле распускались только «цвѣточки». Въ пестрой толпѣ всякаго люда разглядѣлъ я одного знакомаго юношу. Онъ подошелъ ко мнѣ. На немъ не было лица: цѣлыя двѣ ночи онъ не спалъ, поглощенный заботами о раненыхъ, привезенныхъ во Фратешти.

— Знаете, это ужасно! говорилъ онъ мнѣ съ горячностью,— вѣдь у насъ ровно ничего не сдѣлано, ничего не готово; намъ начинаютъ подвозить раненыхъ, а между тѣмъ, повидимому, никому до нихъ нѣтъ дѣла, точно мы шли на войну, думая, что все будетъ сдаваться безъ боя, и мы даже не узнаемъ значенія грозныхъ словъ: жертвы войны!

Я отнесся съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ его горячности, и съ улыбкою, не довѣряя юношескому пылу, спросилъ, что же его такъ возмутило.

— Да никто даже не далъ себѣ труда извѣстить насъ во-время, что будетъ доставлена партія раненыхъ; нужно кормить,—кормить нечѣмъ; нужно надѣть чистое бѣлье,—бѣлья нѣтъ; нужно сдѣлать перевязки,—нѣтъ бинтовъ, раненые раздражаются, здоровые теряютъ голову. Просто бѣда. Вотъ я и бѣгалъ по городу, закупая хлѣбъ, барановъ, разсылая депеши въ Бухарестъ, въ складъ, чтобы поскорѣе выслали все необходимое! Цѣлую ночь перевязывалъ!—прибавилъ онъ съ радостнымъ чувствомъ сознанія, что и ему судьба дала возможность быть полезнымъ своей родинѣ.

Скоро, слишкомъ скоро, я долженъ былъ перестать удивляться подобнымъ фактамъ, но въ то время меня нѣсколько смутилъ его разсказъ, хотя я и постарался и себя и его успокоить разсужденіемъ, что вѣдь во время войны такого рода случайности всегда неизбѣжны.

— По-вашему, это случайность, а по-моему—безпечность и безсердечіе!—не безъ досады отвѣтилъ этотъ славный юноша.

Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ я въ Журжево. На улицахъ мракъ, пустота, и наши шаги какъ-то непріятно громко раздаются среди невозмутимой тишины кругомъ. Не знайте вы, что этотъ городъ вынесъ уже не одну бомбардировку, и тогда эта пустота, мракъ, импонирующая тишина, нисколько не поразятъ васъ, все это покажется вполнѣ естественнымъ и вполнѣ объяснимымъ тѣмъ позднимъ часомъ, когда люди давно уже успокоились отъ дневной суеты. Но пріѣзжая въ городъ, расположенный какъ разъ противъ грозной турецкой крѣпости, осыпавшей его уже не одною сотнею гранатъ, бросившихъ въ могилу безъ разбора много ни

Digitized by Google

въ чемъ неповинныхъ жертвъ, воображеніе волей-неволей настраивается совершенно особымъ образомъ, и въ этой естественной пустотѣ, понятной тишинѣ и мракѣ вы чувствуете что-то жутное, необычное. Какое-то уваженіе, сострадание пронизываетъ васъ насквозь къ этому городу, постигнутому несчастьемъ. Мнѣ кажется, что это чувство похоже на то, которое каждый испытываетъ, входя въ хорошо знакомую пустую комнату, когда только-что вынесли изъ нея дорогого ему покойника. Улицы, церкви, дома—точно все это получило жизнь и требовало уваженія, сострадания къ своему горю.

Сознаніе, что такая безпокойная тишина каждую минуту можетъ быть нарушена рѣзкимъ свистомъ турецкихъ гранатъ, вызывало совсѣмъ особое настроеніе. Но турецкія батареи молчали. Ночь была душная, балконъ открытъ настежь, кругомъ не раздавалось ни единаго звука, и только слышалось ровное дыханіе спящаго юноши, какъ снопъ повалившагося на постель.

Много приходилось мнѣ, во время пребыванія въ Болгаріи, встрѣчаться съ русскою молодежью, явившеюся туда въ качествѣ студентовъ-медиковъ, докторовъ, вольноопредѣляющихся, и я видѣлъ, что эта молодежь производила всегда и на всѣхъ самое отрадное впечатлѣніе. На мрачномъ фонѣ картины общей безурядицы, часто бездарности и даже подчасъ безчестности, русская молодежь да русская боевая сила представляли собою свѣтлыя пятна, поддерживавшія въ тяжелыя минуты,—а ихъ было такъ много—несокрушимую вѣру въ будущее русскаго народа. Пусть настоящее будетъ уныло и тревожно, пусть общество страдаетъ тяжелою хроническою болѣзнію, но когда въ народѣ есть такія силы, какъ простой русскій человѣкъ да преданная родинѣ молодежь, тогда нѣчего бояться нашему пессимисту, что эта хроническая болѣзнь окажется неизлечимою: рано или поздно, и скорѣе рано, чѣмъ поздно, эти здоровые элементы превозмогутъ хроническую болѣзнь и откроется въ жизни народа пора быстраго поправленія, могучаго роста. Часто, любуясь энергическою дѣятельностію и готовностію къ самопожертвованію этихъ молодыхъ силъ русскаго общества, я мысленно возвращался къ берегамъ Невы да Москвы-рѣки, гдѣ такъ часто и безсмысленно въ нашемъ обществѣ клянутъ эту самую молодежь. Но, впрочемъ, рѣчь объ этой молодежи еще впереди, въ тѣхъ главахъ, которыя будутъ посвящены арміи и медицинскому управленію...

Рано утромъ отправился я бродить по пустыннымъ улицамъ Журжева. Дневной свѣтъ мало въ чемъ измѣнилъ то впечатлѣніе, которое произвелъ на меня этотъ городъ ночью. Жизни

Digitized by Google

почти никакой, большинство домовъ, магазиновъ, заколочено наглухо, жители исчезли, разбѣжались; если и промелькнетъ какая-нибудь человѣческая фигура, то промелькнетъ какъ-то робко, точно для того, чтобы пустота и уныніе поразили васъ еще больше. Ни одной женщины, ни одного ребенка не встрѣтите вы на улицѣ: все или покинуло этотъ точно зачумленный городъ, или заперлось у себя, не смѣя показываться на улицу. Страхъ обуялъ все и всѣхъ. Каждый думаетъ про себя: въ эту минуту тихо, турки не громятъ своими гранатами и бомбами; но кто знаетъ, можетъ быть, черезъ нѣсколько минутъ снова послышится зловѣщій свистъ. Эта неувѣренность въ жизни и производитъ то особое впечатлѣніе, которому невольно поддаются всѣ остающіеся въ бомбардируемомъ городѣ. Да и остаются-то только совсѣмъ несчастные. Одинъ не знаетъ, куда ему дѣваться, другой добываетъ, но еще не добылъ средствъ, чтобы получить возможность бѣжать изъ своего родного города, и не одну подводу приходилось мнѣ встрѣтить, подводу съ невольными переселенцами.

По разоренной и разрушенной улицѣ направился я къ берегу Дуная, чтобы взглянуть на грозную турецкую крѣпость, которая, какъ тогда говорили, черезъ нѣсколько дней должна была перейти въ руки побѣдителей. На этой улицѣ, напоминавшей Помпею, не было ни одного дома, ни одного зданія, которое не носило на себѣ слѣдовъ страшнаго огня. Обрушившіяся крыши, развалившіяся стѣны, оторванный уголъ дома, всюду кучи мусора— вотъ что представлялось глазу въ то время, какъ воображеніе дополняло эту картину разрушенія заставлявшими содрогаться мыслями объ обезображенныхъ трупахъ, нашедшихъ себѣ подъ этими развалинами страшную могилу. Вдоволь насмотрѣвшись, я вышелъ на берегъ Дуная, откуда, какъ на ладони, видѣнъ былъ Рущукъ, съ его грозными укрѣпленіями, съ его, казалось, неприступною Леванъ-Табіею, этою гордо смотрящею на противоположный берегъ высотою — главнымъ оплотомъ турецкой крѣпости. Турецкій лагерь, видимый простымъ глазомъ, разбросанъ былъ по всѣмъ высотамъ, турецкіе часовые стояли на укрѣпленіяхъ и спокойно разсматривали, что дѣлается на нашемъ берегу.

— Скажите,—спросилъ одинъ изъ моихъ спутниковъ,—вы не испытываете никакого особеннаго ощущенія при видѣ этихъ часовыхъ, этихъ пушекъ, точно смотрящихъ на васъ: вѣдь стоитъ только, чтобы туркамъ пришла фантазія пустить въ насъ одну, другую гранату, и тогда, кто знаетъ, не найдемъ ли мы здѣсь, на этомъ мѣстѣ, «тихаго пристанища»!

Digitized by Google

— А развѣ страшно?—произнесъ другой, не отнимая бинокля отъ глазъ.

— Страшно, не страшно, а оригинально! Но, знаете, какъ посмотрю я хорошенько на Рущукъ, то, право, мнѣ приходитъ въ голову мысль, что ужъ не такъ-то легко его взять!

— Что вы, полноте, да развѣ для насъ есть что-либо трудное, развѣ мы знаемъ препятствія,—все пустяки, черезъ десять дней Рущукъ, черезъ двадцать Адріанополь, а черезъ тридцать Константинополь!

— Дай Богъ, чтобы сбылись эти пророчества, но мнѣ что-то плохо вѣрится; вѣдь, по нашему, у турокъ все картонное: крѣпости картонныя, пушки картонныя, гранаты картонныя, да и турки сами—за-одно ужъ—тоже картонные!

Тотъ, кто иронизировалъ такъ, былъ вторымъ экземпляромъ знакомаго намъ пессимиста; я прозвалъ его маркизомъ Пóза. Мой маркизъ Пóза обладалъ всѣми свойствами своего петербургскаго двойника, его скептицизмомъ, его недовѣріемъ къ нашимъ внутреннимъ силамъ, недовѣріемъ, проистекавшимъ точно также изъ чувства глубокой любви къ своей родинѣ. Встрѣтившись въ первый разъ съ нимъ въ Журжевѣ, я не разставался болѣе съ моимъ случайнымъ спутникомъ до послѣдняго дня пребыванія въ Болгаріи, и часто, слушая его разсужденія, мнѣ казалось, что я присутствую при продолженіи того спора, который происходилъ у насъ въ Петербургѣ еще до объявленія войны, только при иной обстановкѣ и при иныхъ условіяхъ, оправдывавшихъ, увы! слишкомъ часто его мрачное настроеніе. Не разъ приходилось мнѣ вспоминать впослѣдствіи слова, произнесенныя имъ по поводу близкаго паденія Рущука: «не жду я добра отъ нашей похвальбы, отъ нашего презрѣнія къ врагу!» Видъ Рущука былъ впрочемъ такъ внушителенъ, что и тогда я не рѣшался съ нимъ спорить...

Въ тотъ же день мы покинули Журжево. Я ожидалъ, что на всемъ пути отъ этого несчастнаго города до самой Зимницы я встрѣчу кипучую военную дѣятельность; я думалъ, что вдоволь придется наглядѣться на всевозможные обозы, бивуаки, разбросанные парки, направляющіеся въ Болгарію, словомъ, совершить этотъ путь среди многолюднаго движенія. Въ дѣйствительности же ничего подобнаго не было. Полное, мертвое затишье кругомъ. Мы ѣхали среди необозримыхъ полей, засѣянныхъ кукурузой, утомлявшей своимъ однообразіемъ глазъ; но людей, жизни—не было и признака. Точно вымершая страна. На разстояніи 60-ти или 70-ти верстъ намъ повстрѣчалась всего одна деревня. За исклю-

Digitized by Google

ченіемъ этой деревни, «Бригадира», по всей дорогѣ населенія точно не существовало. Только впослѣдствіи, когда приходилось возвращаться изъ Зимницы въ Журжево, для меня сдѣлалось понятно это отсутствіе всякаго движенія, всякихъ слѣдовъ военной дѣятельности. Бойкая дорога изъ Журжева въ Зимницу пролегаетъ вдоль берега Дуная, густо заселеннаго, со множествомъ деревень и большихъ селъ, ничѣмъ, за исключеніемъ несравненно бо́льшей чистоты, не отличающихся отъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Но мирные румынскіе граждане, оправдывавшіе русскую пословицу: у страха глаза велики!—предпочитали дѣлать крюкъ и ѣхать на деревню Бригадиръ, внутри страны, чѣмъ вдоль берега Дуная, изъ вполнѣ неосновательнаго опасенія подвергнуться удару какой-нибудь шальной гранаты, пущенной изъ Рущука. Насколько одна дорога скучна и безжизненна, настолько же другая интересна и полна движенія. Тутъ вездѣ, на каждомъ шагу, попадаются наши солдаты, всюду тянутся военные обозы, телѣги, запряженныя четырьмя и шестью волами и съ отвратительнымъ скрипомъ тащущія снаряды всевозможныхъ размѣровъ. Наши солдаты тутъ точно у себя дома, и не разъ я бывалъ пораженъ тою легкостью, съ которою они усвоиваютъ языкъ, умѣнье обходиться съ чуждымъ народомъ. Все-то солдатъ разузнаетъ, все добудетъ, съ каждымъ какъ-то умудряется объясняться. Сколько разъ приходилось видѣть русскаго солдатика разговаривающимъ съ румыномъ, котораго никто изъ насъ не могъ, конечно, понимать, а онъ ведетъ-себѣ съ нимъ бесѣду, какъ будто бы всю жизнь прожилъ вмѣстѣ.

— Да на какомъ же языкѣ вы разговариваете между собою?—спрашивали при мнѣ солдата.

— Какъ на какомъ,—отвѣчалъ тотъ,—онъ по-своему, и я по-своему.

— Такъ вѣдь вы же не понимаете другъ друга?

— Какъ не понимать? Все понимаемъ!

И самое удивительное, это—то, что дѣйствительно понимали. Запомнилъ солдатикъ нѣсколько словъ по-румынски, а остальное дѣлаютъ жесты, мимика. Часто случалось войти въ какую-нибудь корчму или «ханъ», спросить что-либо, яйцо или арбузъ, не понимаютъ;—скажете солдату, онъ все сейчасъ объяснитъ и добудетъ. Вотъ ужъ тутъ безъ всякой иронiи можно сказать—удивительная способность у простого русскаго человѣка приспособляться ко всякому положенію. Много разъ приходилось впослѣдствіи ее подмѣчать въ нашемъ солдатѣ. По берегу Дуная весело было ѣхать,—все свое, все родное!

Digitized by Google

Но первый нашъ путь лежалъ среди пустыни, гдѣ не слышно человѣческаго звука, и мы думали только о томъ, какъ бы поскорѣе добраться до Систова, этого перваго болгарскаго города. Уже поздно въѣхали мы въ Зимницу. Среди густого мрака ничего нельзя было разобрать, слышенъ былъ только шумъ, чувствовалась толкотня, но оріентироваться ночью не было возможности. На улицахъ, на площади, на которой, какъ мнѣ сказали, мы остановимся,—ни единаго фонаря, ни единой плошки. Дальше ѣхать было нельзя, черезъ выстроенный нами мостъ вечеромъ не пускали, волей-неволей до утра пришлось оставаться въ Зимницѣ, совершенно незаслуженно получившей громкую извѣстность: лучше было бы, если бы никогда никто и не догадывался о существованіи этого гнилого мѣстечка.

Зимница производила какое-то одуряющее впечатлѣніе. Всюду толкается народъ, масса офицеровъ, всевозможныхъ чиновниковъ, все чего-то ищетъ и не находитъ, чего-то требуетъ и не получаетъ, все кричитъ, все сердится, все раздражено. Всюду сплошная грязь, грязь на улицахъ, грязь въ домахъ, грязь въ лавчонкахъ, и все биткомъ набито. Люди спятъ на дворѣ, на телѣгахъ, балконахъ, нѣтъ такого грязнаго пола, который не служилъ бы ложемъ для отправляющихся въ Болгарію. Торгаши ликуютъ, эксплуатируютъ минуту, всячески васъ отравляютъ, и вы волей-неволей отравляетесь. Вотъ ужъ когда можно было произнести: à la guerre comme à la guerre! Правда, потомъ, скоро приходилось испытывать несравненно бо́льшія лишенія, но за то эти лишенія не замѣчались: то было время, когда вообще исчезало сознаніе о личной жизни.

Рано утромъ мы тронулись далѣе, въ Систово. Двѣ-три версты нужно было проѣхать, чтобы спуститься къ Дунаю, къ понтонному мосту на турецкій берегъ, наведеніе котораго такъ долго и съ такимъ трепетнымъ чувствомъ ожидалось всѣми русскими. Вотъ онъ, вотъ этотъ мостъ! Какъ хорошо вы ни знали бы по описаніямъ, по картамъ, по рисункамъ ту мѣстность, на которой происходили событія, вызывавшія въ васъ чуть не горячечное настроеніе, но когда въ дѣйствительности вы видите эту мѣстность своими собственными глазами, вы ощущаете совсѣмъ особое чувство.

— Смотрите, вотъ отсюда тронулись наши войска ночью, 14-го іюня!

— Видите, вонъ ту ложбинку, видите, тамъ два деревца, вонъ туда пристalъ первый понтонъ!

Digitized by Google

— Взгляните на эту гору, тамъ вонъ и началась отчаянная схватка!

Вы слышите эти слова, вы смотрите туда, куда вамъ указываютъ, и вы точно переживаете этотъ моментъ, если только этотъ моментъ вызывалъ тревогу въ вашей душѣ.

Приблизительно такого рода чувство испытывалъ я, по дорогѣ къ понтонному мосту, въ то время, когда мой спутникъ, уже прежде здѣсь побывавшій, указывалъ мнѣ на различные пункты той мѣстности, гдѣ совершилась переправа.

Мы подъѣхали къ мосту. Повидимому, приходилось прождать здѣсь нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ переправиться на ту сторону, такъ какъ къ мосту тянулась безконечная вереница военныхъ повозокъ, — экипажи не должны были служить помѣхой. Но время проходило незамѣтно, все было ново, все интересовало, все увлекало. Пришла и наша очередь. Никто не спросилъ у насъ никакого разрѣшенія, и насъ пропустили. Трудно, ужасно трудно передать то ощущеніе—не то радости, не то гордости,—которое невольно испытывалось переходя черезъ этотъ длинный, въ 7000 саженъ мостъ. Но не передать этого ощущенія, значило бы не передать и того настроенія, которое подчиняло себѣ, или, вѣрнѣе, заражало собою почти всѣхъ безъ исключенія, даже многихъ изъ самыхъ невѣрующихъ. Издали ко всему можно было, конечно, относиться трезвѣе, даже къ самымъ громкимъ, повидимому, успѣхамъ, но вблизи, на мѣстѣ, трудно было устоять противъ всеобщаго опьянѣнія.

Что же это за ощущеніе, что это за чувство? Словомъ «патріотизмъ» такъ часто злоупотребляютъ, такъ часто прикрываютъ имъ самыя недостойныя побужденія, самыя презрѣнныя стремленія, что когда это слово нужно произнести во всемъ его святомъ значеніи, является невольный страхъ: оно вызоветъ, пожалуй, одну улыбку. А между тѣмъ, какъ иначе выразить то чувство радости или горя, счастія или отчаянія, восторга или негодованія за родину, какъ именно этимъ словомъ «патріотизмъ». Кто не испыталъ никогда восторженнаго патріотизма, тому никогда не понять, съ какою силою этотъ самый патріотизмъ можетъ подчасъ вызывать негодованіе рядомъ съ презрѣніемъ и отвращеніемъ.

Да, чувство патріотизма, самаго чистаго, самаго восторженнаго, громко заявляло о себѣ въ эту минуту! Видъ съ боя взятаго Дуная, видъ турецкаго берега, орошеннаго уже русскою кровью, сознаніе, что Россія несетъ съ собою освобожденіе цѣлаго народа,—все это вмѣстѣ отуманивало голову и заглушало

Digitized by Google

всѣ тревожныя думы о непрочности успѣховъ, созданныхъ не силою внутренняго развитія народа, а исключительно силою штыка или пушки. Это чувство патріотизма заставляло высоко подниматься грудь, воодушевляло сознаніемъ какой-то мощи, вѣры въ непобѣдимую силу народа, и впереди представлялось все такъ свѣтло, такъ радужно, что на душѣ становилось легко и отрадно. Не даромъ,—проносилась въ головѣ мысль,—русскіе солдаты нашли здѣсь могилу, не даромъ пролилась русская кровь: весь Дунай, казалось, уже въ нашихъ рукахъ, Болгарія представлялась уже свободною, и если бы кто-нибудь, въ эту минуту, прервалъ такія мысли словами: не торопитесь радоваться, что-то будетъ еще впереди!—мнѣ кажется, нельзя было бы даже разсердиться, а только громко расхохотаться.

Переходя черезъ этотъ длинный мостъ, я въ воображеніи рисовалъ различныя сцены переправы. Вонъ, у той лощинки, что́ на-лѣво, на томъ берегу, пристаетъ первый понтонъ, среди ночной, безмолвной тишины высаживаются наши солдаты, смѣло смотрятъ они въ глаза смерти, раздаются первые выстрѣлы, подходитъ другой, третій понтонъ, и загорается первая отчаянная схватка. Въ воздухѣ пронзительно свистятъ пули, и стоны падающихъ въ бою заглушаются грохотомъ пушекъ, все застилается дымомъ отъ ружейнаго и пушечнаго огня! Бой идетъ не на жизнь, а на смерть; не стройныя массы двигаются другъ на друга, все сближаясь и сближаясь, а отдѣльные кучки народа все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ остервененіемъ завязываютъ смертельную борьбу. «Ну, гвардейцы, помогайте!»—раздается крикъ среди оглушающаго свиста пуль, и гвардейцы бросаются въ огонь—и выручаютъ товарищей, тѣснимыхъ врагомъ. Кровь льется, люди падаютъ, многихъ уже нѣтъ, и напрасно слышится крикъ: полковникъ, примите начальство! «Онъ убитъ!» — раздается гдѣ-то отвѣтъ. — «Ну, такъ маіоръ, ведите солдатъ!» — Онъ раненъ! — «Батальонный командиръ... заступите мѣсто»... — Убитъ! — «Ну, кто остался въ живыхъ, пусть приметъ начальство!»—Но солдаты не ждутъ начальства, какъ львы бросаются они на врага, свистъ пуль становится рѣже, громъ орудійныхъ выстрѣловъ начинаетъ замирать, и тамъ, гдѣ только-что кипѣлъ бой, тамъ все уже стихло—слышатся только слабые стоны раненыхъ среди массы валяющихся окровавленныхъ труповъ!

Такова была картина, рисовавшаяся въ воображеніи, когда я слушалъ безконечные разсказы о переправѣ—офицеровъ, участвовавшихъ въ бою, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходилъ

Digitized by Google

этотъ бой. Но, конечно, воображеніе во многомъ, если не во всемъ, уклонялось отъ дѣйствительности. Какъ бы то ни было, эти воспоминанія, эти мѣста, эти люди, даже этотъ несчастный понтонъ-инвалидъ, градомъ пуль превращенный въ какое-то рѣшето, и стоявшій теперь на берегу Дуная, гордо показывая свои раны,—все это вмѣстѣ взятое высоко поднимало ваше настроеніе, и вы не могли не ощущать, какъ сильная волна обдавала всѣ ваши чувства, всѣ ваши помыслы,—вы не могли устоять противъ могучаго прилива патріотизма. Сладкія иллюзіи мерещились вамъ! Вы видѣли, вы сознавали себя свободнымъ сыномъ своей родины, несущей жертвы для освобожденія родственнаго народа, иллюзія подсказывала вамъ, что сбросить цѣпи съ народа, томящагося въ неволѣ, можетъ только та сила, которая проникнута сознаніемъ безнравственности турецкихъ порядковъ, препятствующихъ широкому развитію народной самостоятельности. Вы дышали уже свободно, принимая миражъ за дѣйствительность, чувство ликующаго патріотизма до послѣднихъ предѣловъ возбуждало всѣ ваши нервы. Но чѣмъ сильнѣе испытывалось это чувство гордаго патріотизма, тѣмъ мучительнѣе было бы другое чувство, тоже патріотизма, но еще болѣе чистаго, вызывавшагося горечью, скорбью и униженіемъ. Къ счастію, или, пожалуй, несчастію, на это чувство пока была накинута еще завѣса. Тогда думалось одно: какъ счастливо и легко началась война, такъ должна она и кончиться! Слово критики какъ ни дико звучало оно среди всеобщаго восторга—но это слово прорывалось по-временамъ и тогда. Какъ сейчасъ помню, въ первый же день моего переѣзда въ Систово, мы отправились бродить по городу и вышли на берегъ Дуная. Пропасть народа, русскіе солдаты и болгары толпятся на берегу. Всѣ хотѣли посмотрѣть на турецкихъ плѣнныхъ, которыхъ должны были привести изъ Никополя. Скоро показалась первая партія, и все зашевелилось. Мое вниманіе было поглощено не столько видомъ этого крѣпкаго и сильнаго народа, хорошо одѣтаго и обутаго, сколько наблюденіемъ надъ высыпавшими на улицу болгарами: какъ-то они будутъ относиться къ своимъ обезоруженнымъ врагамъ. Ни насмѣшекъ, ни крика, ни брани, никакихъ озлобленій не дозволяли себѣ болгары. Всегда сердечный, всегда добрый русскій солдатъ сказался и здѣсь,—какъ въ тѣхъ замѣчаніяхъ, какія слышались на счетъ турокъ въ толпѣ, такъ и въ тѣхъ подачкахъ, которыя нѣкоторыми изъ нихъ дѣлались плѣннымъ туркамъ. Я замѣтилъ, какъ двое, трое сунули имъ въ руки табачку.

— Жаль развѣ тебѣ *его*?—спросилъ кто-то у одного изъ толпы солдатиковъ.

Digitized by Google

— Жаль, не жаль,—отвѣчалъ онъ,—а вѣдь тоже не своей волей пошелъ онъ. Приказали драться, ну—онъ и дерется!

Теперь не разсуждаетъ болѣе такъ русскій солдатъ, но ужъ конечно, не его въ томъ вина, если нѣтъ у него больше жалости къ туркамъ. Чаша истязаній, звѣрствъ, варварскаго обращенія турокъ съ ранеными и убитыми русскими переполнилась черезъ край.

На берегу стоялъ понтонъ, готовившійся отчалить, мы сѣли въ него и переѣхали на румынскій берегъ. У самаго почти моста разбросаны были палатки моряковъ, къ нимъ-то мы и направились. Двадцать разъ описывалось то особое чувство какой-то близости, нѣжности, испытываемое на чужбинѣ, на войнѣ, при встрѣчѣ съ старымъ знакомымъ, да еще военнымъ. Мысль, невольно мелькающая въ головѣ: ну, слава Богу, еще живъ, не раненъ!—какъ-то согрѣваетъ людскія отношенія. Я встрѣтилъ среди моряковъ нѣсколькихъ знакомыхъ, и послѣ обычныхъ вопросовъ: «ну, что, какъ живете» и т. д. въ этомъ же родѣ, разговоръ тотчасъ же перешелъ къ военнымъ дѣйствіямъ и, конечно, прежде всего къ переправѣ. Я не рѣшаюсь передавать слышанныхъ мною эпизодовъ, разсказовъ о геройскихъ чертахъ нашего войска: большинство изъ нихъ или извѣстно, или сдѣлается извѣстнымъ черезъ самихъ очевидцевъ.

Наслушавшись и начитавшись о переправѣ всевозможныхъ описаній, я уже какъ-то свыкся съ мыслію, что переправа 15-го іюня была результатомъ геніальнаго плана, геніально приведеннаго въ исполненіе. Тѣмъ болѣе сильно было мое удивленіе, когда среди живыхъ разсказовъ я услышалъ объ этой самой переправѣ совсѣмъ противоположное мнѣніе.

— Полноте, пожалуйста, восхищаться,—заговорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ:—мнѣ, признаюсь, даже скучно читать, какой вздоръ пишутъ объ этой переправѣ: удалось, ну, и стали толковать о глубокой обдуманности плана, о невѣроятномъ военномъ подвигѣ,—все это пустяки, тутъ было не искусство, а счастье да совершенная неприготовленность турокъ къ защитѣ своихъ береговъ.

Это рѣзкое мнѣніе обрушило цѣлую бурю на нашего собесѣдника, всѣ моряки протестовали и доказывали противное.

Не будучи военнымъ, я, разумѣется, не могъ имѣть своего мнѣнія, и такъ какъ большинство опытныхъ людей считали это дѣло геніальнымъ, то значитъ, рѣшилъ я, оно было дѣйствительно геніально. Одно, конечно, нѣсколько смущало меня — это видъ крутого берега Дуная. Будь эти горы, представлявшіе неприступныя позиціи, сколько-нибудь защищены, во всякомъ

Digitized by Google

случаѣ, переправа не стоила бы намъ такъ дешево. А если укрѣплены и защищаемы сколько-нибудь порядочно они не были, то, значитъ, не было и никакой геніальности. Впрочемъ, побѣдителя не судятъ, и потому я продолжалъ считать переправу дѣломъ геніальнымъ, и постарался забыть легкомысленное сужденіе одного изъ нашихъ собесѣдниковъ.

Но не прошло и шести недѣль, какъ мнѣ пришлось вспомнить эти слова. Мы переживали критическія, отвратительныя минуты. Вмѣсто громкихъ побѣдъ, вмѣсто тріумфальнаго шествія въ Константинополь, одна неудача слѣдовала за другою, страшная боль щемила сердце, и ѣдкіе упреки раздавались всюду разнымъ начальствующимъ лицамъ.

— Какъ же вы объясняете,—спросилъ я однажды, слушая рѣзкую критику нашихъ военныхъ дѣйствій, у одного изъ самыхъ компетентныхъ лицъ:—что тѣ же лица, которыя съумѣли такъ геніально совершить переправу, оказались такъ несостоятельны въ осуществленіи дальнѣйшаго плана кампаніи?

— Во-первыхъ, — запальчиво отвѣчалъ онъ, — для меня совершенно ясно, что никакого плана тутъ никогда и не было, а если онъ и былъ, то лучше ужъ не говорить о немъ, если, впрочемъ, этотъ планъ, — съ горькою ироніею добавилъ онъ: — не состоялъ въ томъ, чтобы турки били насъ послѣ на каждомъ шагу и чтобы мы утратили всякое обаяніе хотя бы только военнаго могущества! А во-вторыхъ, самая переправа, которая представляется вамъ такою геніальною, въ дѣйствительности ничего подобнаго въ себѣ не заключаетъ. Переправа эта удалась, да,—но только потому, что турки въ первое время не были вовсе готовы къ войнѣ. Вы знаете, что они придумали для охраны своихъ береговъ?

Я охотно сознался, что ничего не знаю.

— Вотъ они такъ придумали,—продолжалъ почтенный старецъ:—по-истинѣ геніальный планъ!

И онъ сталъ мнѣ разсказывать, въ чемъ заключался этотъ планъ. По его словамъ, у турокъ въ первое время было такъ мало войска, и войско это было притомъ такъ разбросано, что турецкій главнокомандующій рѣшилъ, что ему нѣтъ возможности защищать весь берегъ, а нужно ограничиться однимъ наблюденіемъ. Для наблюденія же берега отъ Рущука до самаго Никополя онъ учредилъ отрядъ изъ нѣсколькихъ тысячъ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы ходить взадъ да впередъ. Сегодня выйдетъ отрядъ изъ Рущука по направленію къ Никополю,

Digitized by Google

дѣлаетъ себѣ стоянки, дойдетъ до Никополя, и снова тѣмъ же порядкомъ обратно.

— Нужно было такъ случиться, — говорилъ мой собесѣдникъ, — какъ разъ въ ту ночь, когда совершалась переправа, этотъ отрядъ подошелъ къ Систову и тутъ сдѣлалъ привалъ. Будь переправа рѣшена наканунѣ или на слѣдующій день, когда этотъ отрядъ вышелъ бы изъ Систова, переходъ черезъ Дунай не стоилъ бы намъ, можетъ быть, и ста человѣкъ!

Я рѣшительно недоумѣвалъ, говорилъ онъ серьёзно или нѣтъ, было ли въ дѣйствительности что-либо подобное, или этотъ турецкій планъ былъ придуманъ иронiи ради; я, разумѣется, склонялся болѣе къ послѣднему, но для меня было ясно одно, что къ удачному переходу черезъ Дунай стали относиться съ большимъ скептицизмомъ.

Быть можетъ, генералъ замѣтилъ мои недоумѣнiя, и потому прибавилъ еще:

— Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, вы полагаете, что переправа могла бы совершиться такъ благополучно, если бы турки мало-мальски защищали свои великолѣпныя позиціи. Конечно, хорошо сдѣлали, что воспользовались неслыханною оплошностью врага, можно радоваться, что переходъ черезъ Дунай стоилъ сравнительно такъ мало крови, но не нужно же и кричать о восьмомъ чудѣ свѣта, когда чуда въ дѣйствительности не было, не нужно кричать о великой страницѣ въ военной исторiи.

Я не могъ не вспомнить французскаго выраженiя: les vaincus ont tort; но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не согласиться, что послѣдующiя военныя событiя какъ будто нарочно оправдывали тѣхъ, которые понимали эти слова въ ихъ подлинномъ смыслѣ.

ГЛАВА IV.

Въ Систовѣ — и до Тырнова.

Мостъ былъ уже позади. Мы стояли на турецкомъ берегу. Какое отрадное чувство испытывалъ каждый, вступая на непрiятельскую землю! Трудно передать вѣрную картину настроенiя, о немъ можно только догадываться. Словомъ, вы присутствовали при какомъ-то праздникѣ, народномъ торжествѣ, когда забываются всѣ будничныя тревоги, когда съ сердца спадаетъ всякое горе. Вы увлечены общимъ потокомъ веселья, ликованья; когда толпа улыбается, — ея улыбка дѣйствуетъ на васъ точно электри-

Digitized by Google

ческимъ токомъ, прогоняя отъ васъ все тревожное, все подавляющее. На турецкомъ берегу, на который въ то время мы смотрѣли уже какъ на «нашъ» берегъ, была еще бо́льшая давка, чѣмъ на румынскомъ. Фуры, экипажи, конные, пѣшіе,—все толпилось, тѣснилось, каждый старался какъ-нибудь опередить другого — и отсюда еще бо́льшій хаосъ. Коляски сталкивались съ обозами, лошади цѣплялись, люди кричали, понукая лошадей, вязшихъ въ грязи. Дорога страшная: грязь въ полъ-аршина глубины, еле-еле можно двигаться, а тутъ нужно карабкаться на гору. Казалось, конца не будетъ, лишь бы добраться до Систова. Несчастныя, замученныя лошади, выбившись изъ силъ, все-таки втащили насъ въ городъ.

Систово былъ первый непріятельскій городъ, попавшійся на моемъ пути,—и, какъ первый, онъ не могъ особенно не поразить своимъ видомъ. Узкія, грязныя улицы, мечети съ красивыми минаретами, точно кипарисы, высящіяся въ воздухѣ, дома, окруженные каменными заборами, — все, естественно, носило на себѣ тотъ ярко-восточный характеръ, который тутъ производилъ на меня еще, можетъ быть, бо́льшее впечатлѣніе, чѣмъ даже въ Константинополѣ, куда европейская жизнь пропустила все-таки свои слабые лучи.

Если и въ обыкновенное время Систово должно было производить какое-то новое, оригинальное впечатлѣніе, то теперь это впечатлѣніе еще усиливалось тѣмъ характеромъ «завоеваннаго» города, который такъ рѣзко сказывался на каждомъ шагу. Пройдите по любой улицѣ, присмотритесь къ любому дому, — и вы невольно будете озадачены тѣми знаками, тѣми надписями, которые вы замѣтите или прочтете на каждой стѣнѣ. На одномъ домѣ стоитъ огромный крестъ, начерченный мѣломъ, на другомъ поражаетъ васъ надпись на русскомъ языкѣ, но съ ошибками: «домъ христіанина!» или: «домъ болгарина». Точно послѣ Варѳоломеевской ночи! Да,—что́ говорить,—эта роковая ночь должна была придти на память, если бы кто-либо въ Систовѣ, въ памятную ночь съ 14 на 15 іюня, могъ спокойно думать о томъ, что́ происходило въ этомъ городѣ!

На турецкихъ домахъ не было никакой надписи, но за то эти дома были покинуты, разорены и даже, увы!—разграблены. Понимаете вы теперь смыслъ этихъ крестовъ, этихъ надписей? Не трудно было догадаться, но я все-таки, не испытывая еще тогда всей силы страстнаго чувства мести и несмотря на боязнь услышать отвѣтъ, подтверждающій мои опасенія, не могъ удержаться, чтобы не спросить, что́ значатъ эти фатальныя помѣты?

Digitized by Google

— Они означаютъ,—получилъ я въ отвѣтъ,—что люди, прежде всего,—звѣри, со всѣми ихъ хищническими инстинктами. Эти кресты, эти надписи остались отъ 15-го числа: они должны были спасать отмѣченные такимъ образомъ домá отъ разъяренной толпы болгарскихъ жителей, которая, при приближеніи русскихъ, накинулась на турокъ, на ихъ жилища, на ихъ достояніе, на ихъ жизнь. Видите вы этотъ домъ, полу-разрушившійся, опустѣлый? загляните во внутрь—тамъ все переломано, перебито; присмотритесь ближе,—быть можетъ, вы замѣтите еще слѣды запекшейся крови; это домъ турка: тутъ произошло разграбленіе, убійство, а тотъ, кто грабилъ, кто убивалъ,—тотъ зовется болгариномъ, котораго вы пришли спасать, освобождать отъ необузданнаго турецкаго звѣрства! Посмотрите на другіе турецкіе дома: какъ одинъ, такъ и другой,—исключеній нѣтъ, дикая толпа сравняла ихъ всѣ до одного!

Едва ли это было не первое обвиненіе, не первое свирѣпое нападеніе на болгаръ, которое мнѣ приходилось слышать,—и, высказанное въ такой рѣзкой формѣ, оно должно было поразить болѣе, чѣмъ непріятно. Впослѣдствіи, и даже очень скоро, я привыкъ къ этимъ нападкамъ,—кто ихъ только не дѣлалъ!—обвиненіе болгаръ получило право гражданства, оно превратилось въ самое общее, банальное мѣсто. Но тогда, въ Систовѣ, оно было для меня еще ново. Въ то время у меня не было еще запаса фактовъ, которыми я могъ бы доказать всю несправедливость такого обвиненія, я не понималъ еще такъ ясно нечеловѣческаго турецкаго гнета, лишавшаго болгаръ даже права считать себя людьми, потому я не могъ заставить моего противника замолчать, развертывая передъ нимъ картину душу-потрясающихъ турецкихъ изувѣрствъ, не только оправдывавшихъ, но дѣлавшихъ справедливою — и даже законною — вспышку безумной, неистовой мести.

Волей-неволей, мнѣ приходилось защищаться теоретически, доказывая, что сила мести опредѣляется силою гнета, вѣковыхъ преслѣдованій и униженія человѣческаго достоинства. Но противъ теоріи такъ легко было возражать другою теоріею, пожалуй, болѣе возвышенною, но, во всякомъ случаѣ, менѣе справедливою. Этою теоріею и пользовался мой собесѣдникъ.

— Если вы допускаете,—возражалъ онъ на мои теоретическіе доводы,—месть, какъ законный элементъ въ жизни народовъ, то чѣмъ же тогда отличается міръ христіанскій отъ міра магометанскаго,—люди евангелія отъ людей корана? Если одни, при извѣстныхъ условіяхъ, дѣлаютъ то же, что́ и другіе, то тогда

Digitized by Google

идите до конца и признайте, что въ мірѣ господствуетъ только право сильнаго! Кто сильнѣе—тотъ бьетъ, угнетаетъ, убиваетъ болѣе слабаго, до тѣхъ поръ, пока послѣдній, въ свою очередь, не сдѣлается болѣе сильнымъ! И тогда снова начинается та же исторія, только въ обратномъ отношеніи. Слабый сегодня, сильный завтра,—оба держатся одного начала, до котораго только и доработалась европейская цивилизація,—начала дикаго, варварскаго, выражающагося въ словахъ: «огонь и желѣзо!»

Съ отвлеченной точки зрѣнія, въ этихъ словахъ, конечно, была истина, но отвлеченная точка зрѣнія менѣе всего примѣнима къ временамъ острыхъ кризисовъ въ народной жизни. Золотой вѣкъ справедливости не наступилъ еще для народовъ, а пока не пришло еще его царство, до тѣхъ поръ не смиреніе и покорность нужно проповѣдывать людямъ, а страстную борьбу и ненависть къ тѣмъ, кто ихъ угнетаетъ. Если болгарамъ можетъ быть сдѣланъ какой-либо упрекъ, то развѣ только тотъ, что, благодаря пятисотлѣтнему гнету, они утратили энергію сопротивленія, силу къ систематической борьбѣ съ врагомъ, въ ихъ характерѣ явилась какая-то усталость, робость, въ нихъ принижентъ тотъ гордый народный духъ, который воспитывается вѣковымъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства. Но у однихъ ли болгаръ замѣчаются такія черты? У нихъ, по крайней мѣрѣ, они нѣсколько оправдываются дикимъ чужеземнымъ гнетомъ...

Мудрено ли, что когда, вслѣдствіе внутренняго броженія, поддержаннаго постороннею силою, наступаетъ, наконецъ, пробужденіе народнаго духа, появляется горькое сознаніе своего вѣкового униженія,—тогда выходитъ наружу вся скопившаяся злоба, и эта злоба брызжетъ сценами насилій, разграбленій, убійствъ. Неужели несправедливо будетъ признать, что во всѣхъ яростныхъ проявленіяхъ этой законной злобы двигаетъ не алчность, не корысть, а рука мщенія за попранную честь, за погибшія десятками тысячъ жизни, за поруганную народную независимость.

— Оправдывайте эти болгарскіе грабежи и убійства нравственными и историческими соображеніями,—оттого они мнѣ не сдѣлаются менѣе ненавистны, только я предупреждаю васъ, что вы скоро откажетесь отъ этой модной защиты болгарскаго народа. Они не меньше звѣри, какъ и тѣ турки, которыхъ вы такъ обвиняете!

Но пророчество это не сбылось, и болѣе близкое знакомство съ болгарскимъ народомъ и болгарскими несчастьями убѣдило меня только въ нравственной слѣпотѣ всѣхъ тѣхъ, которые раз-

Digitized by Google

суждаютъ подобнымъ образомъ. О причинахъ такого отношенія къ болгарамъ мнѣ придется говорить въ слѣдующей главѣ,—теперь же, передавая этотъ разговоръ, мнѣ хотѣлось только показать, что съ самыхъ первыхъ дней, почти-что съ первыхъ минутъ вступленія въ Болгарію, прежде, чѣмъ кто-либо успѣлъ приглядѣться къ болгарамъ, — пошла уже въ ходъ эта брань сплеча, свидѣтельствующая только о крайне-легкомысленномъ, и часто невѣжественномъ отношеніи къ болгарамъ, а вовсе недоказывающая, чтобы брань эта была заслуженная.

И съ какою поразительною легкостью устанавливается и распространяется подобное отношеніе къ народу, какого не должна была бы допускать ужъ если не справедливость, то самая элементарная политика. Наши войска идутъ умирать за освобожденіе славянъ, а мы не находимъ ничего лучшаго и болѣе умнаго, какъ предавать осмѣянію и даже поруганію этихъ самыхъ славянъ. Многое, конечно, оправдывается размашистостью натуры, но однако и этой размашистости долженъ же быть предѣлъ. А то, пришли мы въ Румынію — и спѣшимъ всячески осмѣять ихъ и доказать имъ наше презрѣніе; пришли въ Болгарію—и тотчасъ же принимаемъ въ отношеніи къ цѣлому народу, да еще какому — забитому и замученному!—тотъ старый крѣпостническій помѣщичій тонъ, который переводится на брань да извѣстное количество ударовъ нагайкою.

У насъ довольно одного какого-нибудь самаго пустого частнаго случая, чтобы вывести общее заключеніе о цѣломъ народѣ: пусть это заключеніе будетъ несправедливо,—стоитъ ли о томъ думать и говорить? Частные же случаи, возбуждавшіе наше недовольство болгарами, разумѣется, представлялись, и въ Болгаріи, по эту сторону Балканъ, не могли не представляться уже просто въ силу тѣхъ историческихъ событій, съ которыми связаны были наши предшествовавшія войны съ Турціею. Я живо помню непріятное впечатлѣніе, произведенное на меня въ первый же день моего пребыванія въ Болгаріи, при самомъ первомъ столкновеніи съ болгарами. Въ Систовѣ не было ни одного дома, ни одного угла не занятаго нашими офицерами, солдатами и другими лицами громадной военной администраціи. Многимъ приходилось ночевать на улицѣ, и я думаю, что это не были еще самые несчастные. Я не зналъ куда мнѣ дѣваться, когда я встрѣтилъ одного знакомаго симпатичнаго офицера, который, прежде чѣмъ даже поздороваться, спросилъ меня, гдѣ я остановился. Получивъ въ отвѣтъ лаконическое «нигдѣ», онъ тотчасъ же предложилъ мнѣ раздѣлить съ

Digitized by Google

нимъ, да еще съ двумя офицерами, небольшую, отведенную имъ комнатку въ одномъ изъ болгарскихъ домовъ. Мы отправились.

— Ну «братушки!» вотъ народецъ-то! нестòитъ изъ-за нихъ воевать!

— А что, въ чемъ они провинились?

— Представьте себѣ,—сталъ онъ разсказывать мнѣ,—какая исторія! Въ Систовѣ, вы сами видите, народу тьма, дѣваться некуда, а не проводить же намъ ночи на дворѣ, еще успѣемъ—будетъ всего! Комендантъ переписалъ всѣ дома, всѣ квартиры, которыя и отводитъ пріѣзжающимъ въ армію офицерамъ. Двумъ молодымъ офицерамъ и мнѣ указали на одинъ домъ. Мы отправились. Ворота на запорѣ. Стучимъ. Нѣтъ отвѣта. Еще стучимъ. Изъ-за воротъ, слышимъ, кричитъ какая-то баба. Спрашиваемъ у переводчика: да въ чемъ же дѣло? Оказывается, что хозяйка не хочетъ пускать. Мы къ коменданту. Дали намъ полицейскую стражу, которая должна была болѣе убѣдительно подѣйствовать на хозяйку. Та покорилась и впустила насъ. Но ужъ за то всячески старалась намъ доказать свою нелюбовь. Спросишь что-нибудь, только и получишь одинъ отвѣтъ: не-ма! Предлагаешь деньги, показываешь хозяевамъ, берите, только давайте,—ничего добиться нельзя. Насъ было трое, дала намъ она крошечную комнату, а большая, пустая, комната рядомъ, а пустить насъ не хочетъ, такъ и не пустила. Вотъ они болгары-то, ихъ любовь, симпатія, родственное чувство, благодарность! а за нихъ льется русская кровь!

Непріятно подѣйствовалъ на меня этотъ разсказъ, какое-то сомнѣніе закрадывалось въ душу. Хотя я и зналъ, что, строго говоря, болгарамъ не за что насъ особенно любить, не много мы сдѣлали имъ прежде добра, но все-таки побольше радушія бы не мѣшало! Убѣдившись, впрочемъ, еще въ Румыніи, въ существованіи у насъ замашки требовать себѣ поклоненія и возмущаться и негодовать, не встрѣчая въ нашихъ активныхъ или пассивныхъ союзникахъ подобострастнаго къ себѣ отношенія, я невольно подумалъ, что, должно быть и здѣсь, въ этомъ частномъ случаѣ, случилось что-либо подобное, вызвавшее въ хозяевахъ-болгарахъ нѣкоторое сопротивленіе. Но на этотъ разъ я ошибался. Хозяева-болгары, изъ зажиточнаго класса, оказались дѣйствительно негостепріимными. Всѣ убѣжденія, всѣ просьбы, предложеніе денегъ, ничто не помогло, и какъ мы ни уговаривали ихъ, они не дали намъ сосѣдней пустой комнаты и въ крошечной коморкѣ заставили провести двѣ ночи цѣлыхъ пять человѣкъ. Ничего отъ нихъ нельзя было добиться, даже воды не

Digitized by Google

давали они намъ охотно. Какъ ни смутило меня это первое непріятное знакомство съ болгарами, но я былъ далекъ отъ мысли выводить изъ него какое-либо заключеніе. Такое отношеніе къ намъ во время войны изъ-за болгаръ представлялось мнѣ болѣе или менѣе исключительнымъ, въ чемъ впослѣдствіи я и убѣдился вполнѣ. Мнѣ ни разу затѣмъ во все мое пребываніе въ Болгаріи не случалось встрѣчать больше такого негостепріимства, такой непріязни, какъ у систовскихъ хозяевъ, да и ихъ поведеніе для меня вполнѣ сдѣлалось понятно, когда я узналъ, что эти люди принадлежали къ тому элементу, который зовется чорбаджи.

А между тѣмъ именно на основаніи нѣсколькихъ подобныхъ фактовъ и пошла среди насъ дурная слава о болгарахъ. Нѣтъ ничего легче, вѣдь, какъ обобщать такого рода факты. Одно было все-таки поразительно, это—та быстрота, съ которою установилось неблагопріятное мнѣніе о болгарахъ. Достаточно было провести въ Систовѣ день, два, чтобы вполнѣ въ этомъ убѣдиться. Стоило лишь зайти въ небольшой, но отвратительно грязный трактиръ, расположившійся въ какомъ-то саду, чтобы вдоволь наслышаться самыхъ рѣзкихъ сужденій о болгарахъ. Этотъ трактиръ въ сущности былъ какимъ-то клубомъ, въ который стекались всѣ проѣзжающіе въ армію. Цѣлый день тутъ происходила оживленная бесѣда, незнакомыхъ между собою не было, война всѣхъ сблизила. Общій тонъ былъ самый радушный, ликующій. Одинъ съ увлеченіемъ передавалъ различные эпизоды переправы, которая носилась еще въ воздухѣ, другой разсказывалъ подробности занятія Тырнова, третій, только-что вернувшійся изъ Никополя, яркими красками рисовалъ наше новое торжество. Всѣ были веселы и такъ настроены, какъ будто бы война уже близилась къ концу: сегодня палъ Никополь, завтра падетъ Рущукъ, затѣмъ быстро Адріанополь, и мы достигли нашей желанной цѣли — столицы магометанскаго міра.

— Въ сентябрѣ вернемся домой!—произнесъ кто-то, и, разумѣется, никто не рѣшался возражать, всѣ были одного мнѣнія. Кто не былъ увлеченъ!

— Поѣзжайте скорѣе въ Тырново, чего добраго, тамъ ужъ не застанете главной квартиры, придется вамъ опять догонять! Я соглашался, что нужно спѣшить, и торопилъ моего спутника —пессимиста.

— Успѣете, не безпокойтесь, вы ужъ, кажется, и въ самомъ дѣлѣ повѣрили, что война близится къ развязкѣ. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается! Не знаю какъ на васъ, а на меня вся эта хвастливость производитъ самое дурное впе-

Digitized by Google

чатлѣніе. Судите сами, ни одна изъ сильныхъ турецкихъ крѣпостей не досталась еще намъ въ руки, не было ни одного настоящаго сраженія, а мы ужъ стоимъ подъ стѣнами Константинополя.... въ воображеніи, конечно! Каждый народъ, а народъ-фанатикъ въ особенности, такъ легко не отдастъ своей независимости, вѣдь и у турокъ есть же національная честь! Покамѣстъ мы еще дешевые побѣдители, а что будетъ дальше—не знаю!

Я не сталъ настаивать на немедленномъ отъѣздѣ, отсрочивъ его до ближайшаго утра. На слѣдующій день я выѣхалъ изъ Систова по пути въ Тырново въ самомъ радужномъ настроеніи. Погода стояла великолѣпная, солнечные лучи палили, все имѣло какой-то веселый, довольный видъ, и люди, и природа, и этотъ общій розовый колоритъ отзывался и на вашемъ внутреннемъ настроеніи. Правда, иной разъ, точно тучка, промелькнетъ въ головѣ дума о будущемъ, что-то впереди, воображеніе спѣшило на помощь этому внутреннему запросу, и показывало въ туманѣ едва замѣтный уголокъ той картины, которая со страхомъ заставляла васъ отступать передъ этимъ багровымъ будущимъ. Я гналъ отъ себя эти докучливыя думы и, отгоняя прочь свои невольныя сомнѣнія и опасенія, на всѣ лады повторялъ себѣ: ну, что-жъ! да, придется быть свидѣтелемъ тяжелыхъ кровавыхъ сценъ, но за то я буду свидѣтелемъ и самыхъ отрадныхъ, славныхъ событій!... Ахъ, какъ мучитъ васъ подчасъ тотъ другой духъ, слившійся съ вами, и все-таки точно живущій независимою отъ васъ жизнію, который точно бѣсъ мутитъ всѣ ваши думы, заостряетъ горе, общипываетъ радости. Этотъ внутренній духъ не покидаетъ васъ никогда, не покинулъ онъ меня и теперь, не вторилъ онъ моимъ розовымъ надеждамъ быть свидѣтелемъ счастливыхъ событій, а, точно поддразнивая и раздражая, не переставалъ нашептывать: да такъ ли! это еще не рѣшеный вопросъ! Я чувствовалъ себя безсильнымъ бороться съ этимъ лукавымъ духомъ сомнѣнія и напрасно старался заглушить раздражающій шопотъ стихомъ родного поэта: даромъ ничто не дается, судьба жертвъ искупительныхъ проситъ! А тутъ еще новое недоумѣніе.

Великолѣпная дорога разстилалась передъ нами, красивая природа, превосходное шоссе, образцовые мосты, мраморные фонтаны съ чистою, холодною водою. Да гдѣ мы? неужели въ нецивилизованной, дикой Турціи, и мысль о родинѣ опять возникала въ вашемъ представленіи и горькія сравненія повергали васъ снова въ неотвязчивую хандру. Эта родина, любовь къ ней, разжигаемая военными событіями, да еще на чужбинѣ, точно полонитъ всѣ ваши чувства, всѣ ваши помыслы. Все, что ни видите вы,

Digitized by Google

все, что̀ ни слышите, все заставляетъ васъ переноситься туда, далеко, къ непривѣтливымъ деревнямъ, селамъ, городамъ, лѣсамъ и степямъ, непривѣтливымъ—да, но, тѣмъ не менѣе, роднымъ, близкимъ вашему сердцу. Что̀ бы тамъ ни говорили, не наступила еще пора космополитизма. Если въ мирное время онъ порой и закрадывается въ душу, то война уноситъ его, не оставляя по немъ даже и слѣда.

Некрасивое, безъ сомнѣнія, чувство зависть, а вѣдь зависть, и ничто другое, вызывала во мнѣ неотрадныя мысли о родинѣ, въ то время, когда взоръ останавливался на этихъ дорогахъ, мостахъ, фонтанахъ, убѣдительно говорившихъ объ извѣстной благоустроенности страны. Вонъ турки, думалось мнѣ, и тѣ обзавелись внѣшнимъ европеизмомъ, а ужъ на что̀ варвары, отчего же у насъ нѣтъ ни такихъ дорогъ, ни такихъ мостовъ и фонтановъ! Какая-то досада заговорила во мнѣ, когда одинъ изъ моихъ спутниковъ, точно подслушавъ эти разсужденія съ самимъ собою, обратился ко мнѣ почти съ тѣми же словами.

— Вотъ,—заговорилъ онъ:—вы браните все турокъ, а посмотрите, какъ эта дикая, по вашему, орда заботится о нуждахъ края. Гдѣ у насъ такія дороги, такіе мосты и фонтаны? Развѣ кругомъ Петербурга, да Москвы, а тамъ, гдѣ эти дороги, мосты, да вода нужны для русскаго мужика, тамъ всюду вы встрѣтите одни ухабы, развалившіяся жердочки, да гнилую воду, если по близости, по счастію, нѣтъ здоровой рѣчной воды.

— Чему же вы это приписываете? — робко попробовалъ я начать споръ?—Я бы еще понималъ васъ, если бы турецкій политическій строй предоставлялъ бо̀льшій просторъ общественной дѣятельности, чѣмъ то̀ существуетъ у насъ, но вѣдь этого нѣтъ. Вы никакъ не можете утверждать, чтобы Турція опередила насъ въ развитіи общественной жизни; слишкомъ достаточно мнѣ кажется и того, если вы признаете, что мы стоимъ въ этомъ отношеніи на одной съ ними ступени, чтобы нужно было еще усиливать сѣрыя краски нашихъ общественныхъ неурядицъ.

— Не горячитесь,—услышалъ я возраженіе:—къ чему переносить споръ на почву общихъ началъ государственной жизни; я говорю вѣдь только о будничныхъ интересахъ, о дорогахъ, мостахъ, а вы желаете бросить мнѣ укоръ, что я защищаю преимущество турецкой системы передъ нашей. Я вѣдь знаю, что вы тотчасъ осѣдлаете вашего боевого коня и растопчите меня турецкими злодѣяніями, рѣзнею христіанъ, замученными болгарами. Я могъ бы, можетъ быть, сказать кое-что и по этому поводу,

Digitized by Google

но къ чему задѣвать струны, видимо васъ раздражающія. Будемъ лучше разсуждать о дорогахъ да мостахъ.

Я былъ радъ, что завязавшійся между нами споръ такъ неожиданно обрывался, я не чувствовалъ себя особенно сильнымъ, а потому охотно отвѣчалъ:

— Извольте, будемъ говорить о дорогахъ и мостахъ. Да, шоссе вездѣ великолѣпное, мосты превосходные, но что же изъ этого? Все это созданіе Митхада-паши, плоды его фантазіи, его каприза.

— А не думаете ли вы, что капризы капризамъ рознь, и что уже если во всемъ, что мы видимъ, вы не желаете признавать ничего иного, какъ капризы, то ужъ лучше такіе капризы, чѣмъ многіе другіе, и что такихъ капризовъ дай Богъ побольше, а другихъ капризовъ дай Богъ поменьше.

Я молчалъ, да и что было возражать! Соглашаться не дозволяло мнѣ вѣрно или фальшиво понимаемое чувство національнаго достоинства, оспаривать не допускало чувство справедливости. Умолкъ и мой собесѣдникъ, каждый ушелъ въ свои думы, и опять заговорилъ тотъ внутренній, безпокойный духъ анализа и сомнѣнія, незнающій жалости къ безсильному человѣчеству. Этотъ безпокойный духъ не давалъ отдыха, онъ мѣшалъ сосредоточиться на окружавшихъ насъ красотахъ природы, на прелести балканскихъ отроговъ, среди которыхъ такъ картинно — то тутъ, то тамъ разбросаны были лагери небольшихъ русскихъ отрядовъ. «Не время, твердилъ этотъ духъ, наслаждаться природою, постыдно предаваться эстетическимъ ощущеніямъ, когда судьба потребовала отъ твоей родины столько кровавыхъ жертвъ, когда наступилъ день свести счеты за все, что сдѣлано и что не сдѣлано». А счетъ этотъ не малый.

Повидимому, въ этотъ день судьба сговорилась съ этимъ внутреннимъ бичующимъ духомъ и пожелала наказать гордую увѣренность въ нашемъ превосходствѣ надъ вѣковымъ врагомъ болгарскаго народа. Она показала намъ кусочекъ той картины, такъ быстро развернувшейся во всей ея грандіозной величинѣ, которая должна была бы заставить русское общество сгорѣть со стыда, содрогнуться отъ отчаянія и напрячь всѣ свои силы,—чтобы поскорѣе раздѣлаться съ его нравственной дремотой, съ его крохотными практическими стремленіями и мощною рукою взяться за крупные интересы родины. Не доѣзжая двухъ-трехъ верстъ до села Павло, мы издалека заслышали уже раздражающій скрипъ болгарскихъ телѣгъ, запряженныхъ волами.

— Ну, опять везутъ снаряды!—замѣтилъ одинъ изъ насъ.

Digitized by Google

Но везли не снаряды. Приблизился обозъ изъ двадцати или тридцати телѣгъ, и воздухъ огласился такою отвратительною музыкою, что всѣ ваши нервы приходили въ движеніе. Передъ нами былъ первый встрѣченный мною транспортъ раненыхъ. Какими словами могу я передать то невыносимо ѣдкое впечатлѣніе, которое не могъ не испытывать самый бездушный человѣкъ при подобной ошеломляющей встрѣчѣ. Нѣтъ такихъ словъ. Для того, чтобы понялъ каждый всю безчеловѣчность той пытки, которой подвергали русскихъ раненыхъ солдатъ, вызывающихъ къ себѣ на словахъ такое нѣжное участіе, такую подчасъ приторную сентиментальность, нужно взять человѣка, подвезти его къ одной изъ такихъ телѣгъ и сказать: смотри! видишь ты, какъ въ этой телѣгѣ лежатъ нѣсколько страдальцевъ, видишь ты эти изнуренныя, нѣтъ—не изнуренныя, изможденныя лица, эту мертвенную блѣдность, нѣтъ—даже не блѣдность, а какія-то маски смерти, съ тѣмъ только различіемъ, что на этихъ маскахъ видно спокойствіе смерти, а тутъ во взглядѣ, въ выраженіи, въ складкѣ губъ, въ глазахъ не спокойствіе чувствуется, а невыносимыя муки, нечеловѣческія страданія. Когда кто не видѣлъ собственными глазами этихъ мучениковъ, брошенныхъ въ отвратительныя, трескія телѣги, безъ всякихъ приспособленій, сплошь и рядомъ безъ соломы, брошенныхъ такъ, что одинъ невольно причиняетъ страданіе другому, развереживая страшныя раны,—тому не понять этихъ адскихъ истязаній. Каждый оборотъ колеса, каждое движеніе, этотъ безостановочный скрипъ—все это источникъ мучительной пытки. Подойдите къ телѣгѣ, вы не простоите и пяти минутъ, гной отъ ранъ, видъ запекшейся крови, грязныхъ рубахъ, окровавленнаго и часто разодраннаго платья, наконецъ эти стоны, леденящіе ваше сердце, эти слезы, крупными каплями падающія на провалившіяся щеки—все это такая ужасающая картина, которую нужно видѣть, чтобы понимать, казнить и казниться.

Говорите себѣ, утѣшайтесь мыслію, что вы невиновны,—нѣтъ, совѣсть кричитъ вамъ, что вы не можете снять и съ себя вины. Вы виновны вашей апатіей, вашей безучастностью, вашимъ девизомъ: моя хата съ краю! Если бы всѣ мы не были поглощены нашими личными интересами, если бы интересы народа, родины были намъ близки, мы съумѣли бы тогда найти средства, чтобы даже во время войны создать для людей иныя условія. Мы съумѣли бы облегчить переносимыя ими съ поразительною кротостью страданія.

Digitized by Google

— Нѣтъ мочи терпѣть!—вырывается у несчастнаго, и это единственный упрекъ, который посылаетъ онъ людямъ!

— Господи! хоть бы смерть поскорѣй!—и это единственная жалоба, съ которою онъ обращается къ небу!

Картина этого страшнаго транспорта раненыхъ, точно вырванная изъ описаній Дантовскаго ада, заставляла болѣзненно сжиматься сердце. Если бы въ этихъ скрыпучихъ и трясскихъ телѣгахъ везли не русскихъ, а турецкихъ раненыхъ плѣнныхъ, то и тогда, думалось мнѣ, несмотря на ту страстную ненависть, вызванную цѣлыми вѣками кроваваго разгула, человѣколюбіе вырвало бы изъ васъ, наперекоръ вашей законной злобѣ и жаждѣ мщенія, порывистый крикъ: сжальтесь, вѣдь это все-таки люди! Но на эти телѣги были брошены дѣти вашей родной страны, отдавшія родинѣ безропотно свою жизнь. И припомнились мнѣ въ эту минуту обездоленная русская деревня, черная мужицкая изба! Вотъ откуда выходитъ этотъ горемычный русскій солдатъ, героемъ бьющійся со врагомъ, героемъ умирающій на чужбинѣ.

Но что̀ ему проку въ этомъ имени героя! Не услышитъ онъ его, покоясь въ братской могилѣ.

Легче, казалось бы, сдѣлалось на душѣ, если бы эти несчастные роптали, проклинали, а то нѣтъ! Хватитъ его непріятельская граната или пуля, оторветъ ему руку или ногу, раздробитъ ему кость, бросятъ его, какъ ненужную больше вещь, на двадцать разъ проклятую телѣгу и везутъ. Вотъ и вся благодарность! Покорно выноситъ онъ всяческія страданія, пока смерть не подойдетъ къ нему и не сжалится надъ нимъ, а онъ все терпитъ, ни слова ропота, точно такъ и должно быть!

Исчезъ этотъ транспортъ, а картина его все стояла передъ глазами, вызывая одну думу за другой, и какія все безотрадныя, мрачныя. И теперь, когда я пишу эти строки, точно живыя возстаютъ предо мною эти страдальческія лица, я и теперь вижу ту страшную вереницу скрипучихъ телѣгъ. Быть можетъ, это первое потрясающее впечатлѣніе давно бы изгладилось изъ моей памяти, если бы это были вмѣстѣ и послѣднія телѣги, какія мнѣ случилось видѣть. Пусть не говорятъ мнѣ, что подобныя, возмущающія душу, картины — неизбѣжныя спутницы всякой войны. Я былъ на театрѣ войны 1870 года—но все же я тамъ не видалъ ничего подобнаго. Правда, и тамъ насмотрѣлся я на тяжелыя сцены, и тамъ сердце сжималось при видѣ человѣческихъ страданій,—но за то тамъ было сдѣлано все возможное для облегченія ихъ, все было на лицо, когда наступила страдная пора...

Digitized by Google

Уже стемнѣло. Дороги почти никто не зналъ. Мы остановились въ какой-то болгарской деревнѣ. Подозвали болгарина, стали его разспрашивать; мы не понимали его, онъ не понималъ насъ. Нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ пришли въ раздраженіе, возвысился голосъ, посыпалась брань на голову бѣднаго болгарина, видимо оробѣвшаго.

— Посадить его на козла, пусть показываетъ дорогу!

И какъ ни молился бѣдный болгаринъ, усадили его и увезли.

Положимъ, разсуждалъ я, болгары обязаны оказывать намъ всякую помощь, а все же круто! Ночь была такая непроглядная, что волей-неволей нужно было гдѣ-нибудь остановиться и пообождать до разсвѣта. Скоро показалась на пути опять болгарская деревня, и мы рѣшились сдѣлать привалъ. Насъ подвезли къ хатѣ мухтара, или сельскаго старосты, бо́льшею частью избираемаго изъ самыхъ зажиточныхъ людей. Едва ли эта хата не была лучшею во всей довольно большой деревнѣ. Я заглянулъ во внутрь. Одна небольшая комната, и въ этой комнатѣ на полу валялось душъ десять. Мало чѣмъ, или почти ничѣмъ, не отличалась эта хата отъ бо́льшей части избъ въ нашихъ деревняхъ. Та же грязь, та же тѣснота, такъ же скученъ людъ въ душной, спертой атмосферѣ. По одной, двумъ хатамъ, по одной-двумъ деревнямъ, разумѣется, нельзя было дѣлать никакихъ выводовъ, никакихъ обобщеній, но одинъ все-таки выводъ такъ и просился наружу: не всѣ же, однако, болгары процвѣтаютъ, не всѣ живутъ въ довольствѣ, чуть не въ роскоши, какъ объ этомъ говорилось съ перваго дня вступленія нашего въ Болгарію.

Передавая теперь только первыя впечатлѣнія, полученныя при встрѣчѣ съ болгарами на пути въ Тырново, и оставляя пока въ сторонѣ общую характеристику болгарскаго народа, я не могу не отмѣтить одной черты, которая поражала насъ при каждомъ столкновеніи съ болгарами. Черта эта — какая-то боязливость, робость, невольно бросавшаяся въ глаза. Всего и всѣхъ они опасались; они знали очень хорошо, что нашимъ лозунгомъ въ этой войнѣ служитъ освобожденіе Болгаріи, и все-таки они относились къ намъ, по эту сторону Балканъ, съ какимъ-то недовѣріемъ, точно немыслимо имъ казалось, что ради того, чтобы свергнуть съ нихъ тяжелыя рабскія цѣпи, можетъ подняться какой-нибудь народъ. Пожалуй, это было даже не недовѣріе именно къ намъ, хотя и оно было бы естественно въ силу историческаго прошлаго, а скорѣе какая-то неувѣренность въ возможности какого-либо улучшенія въ ихъ судьбѣ. Въ этой неувѣренности съ необыкновенною силою сказывался пятисотлѣтній турецкій гнетъ, точно

Digitized by Google

вырвавшій у нихъ самую надежду на тотъ счастливый день, когда они получатъ возможность дышать свободною грудью. А мы, забывая, или даже вовсе не зная тѣхъ историческихъ событій, которыя отливаютъ народъ въ извѣстныя формы и учитывая задолго впередъ требуемую нами благодарность, не хотѣли видѣть въ этой робости, забитости ничего иного, какъ только несочувствіе, неблагодарность или скупость и испорченность.

— Сколько слѣдуетъ тебѣ заплатить,—спрашивали мы у болгарина,—за ночлегъ, за яйца, за овесъ или ячмень для лошади?

Болгаринъ только кланяется и отнѣкивается.

— Ну, сколько же?—горячится кто-нибудь.

— Ничего,—отвѣчаетъ болгаринъ.

Онъ такъ привыкъ къ тому, что у него всегда беруть все даромъ, или, иными словами, грабятъ, что онъ ужъ самъ говоритъ, что ему ничего не нужно! А вѣдь даромъ онъ давать не можетъ, потому что десять разъ на день у него потребуютъ и овса, и яицъ, а откуда же ему взять.

— Гдѣ твоя жена, дѣти,—приходилось спрашивать.

Но жена и дѣти не выходятъ, они забились гдѣ-нибудь въ углу.

— Есть у тебя коровы, лошади, овцы?

— Ничего нѣтъ!—отвѣчаетъ болгаринъ, хотя въ полѣ у него пасутся и тѣ, и другія и третьи.

Какъ, кажется, не выбранить болгарина, вѣдь лжетъ, не краснѣя лжетъ,—и рушится же на него брань самая вѣская. А, спросите, задается ли кто-нибудь вопросомъ: отчего такъ отвѣтилъ этотъ болгаринъ, почему онъ лжетъ?—Куда!—этотъ вопросъ и въ голову не приходитъ. А между тѣмъ его отвѣтъ долженъ былъ бы дать пищу не брани, а искреннему состраданію. Вся жизнь его прошла въ такихъ условіяхъ, при которыхъ правдивый отвѣтъ его несъ вмѣстѣ съ собою отреченіе отъ всѣхъ своихъ правъ на его достояніе. Вотъ, и говори правду. А то, что выработалось цѣлыми вѣками, того не сбросить въ одинъ день, въ одинъ часъ. Впрочемъ, объ этомъ мы могли бы судить по собственному опыту. Привычка къ рабству вообще не скоро вытравляется. Вотъ откуда и идетъ та робость, запуганность, которая невольно поражала при первой встрѣчѣ съ болгарами.

Распростившись съ нашимъ болгариномъ, мы тронулись далѣе. Медленно подвигались мы впередъ. На каждой почти верстѣ приходилось дѣлать невольную стоянку. На всемъ пути происходило движеніе войскъ. То мы догоняли пѣхоту, шедшую по дорогѣ къ Тырнову, то встрѣчали кавалерію, возвращавшуюся

Digitized by Google

изъ Тырнова, то, наконецъ, массивная артиллерія загораживала намъ дорогу. Весь путь представлялъ самую воинственную картину; она дѣйствовала увлекательно; мнѣ казалось, что чѣмъ больше встрѣчаемъ мы войскъ, тѣмъ больше мы сами проникаемся воинственнымъ духомъ. Да, что ни говорите, какъ ни возмущайтесь, война, точно чума, заражаетъ своимъ духомъ все, что соприкасается съ ней. Мы подъѣхали къ великолѣпному каменному мосту, съ нѣсколькими арками, перекинутому черезъ Янтру. Черезъ этотъ мостъ тянулась тяжелая артиллерія; чуть не цѣлый часъ могли мы предаваться размышленіямъ на тэму нашего военнаго могущества, грозной непобѣдимой силы русскаго государства, изумительности нашего вооруженія и т. д. Штыки такъ весело играли на солнцѣ, пушки все были такія новыя, чистыя.

— Знаете, какъ посмотрю я на всю эту мощь, то какъ-то стыдно становится думать, что мы должны воевать съ турками. Наша война походитъ на войну великановъ съ лилипутами!

Какъ теперь помню я эти слова, такъ искренно вырвавшіяся у одного изъ моихъ случайныхъ спутниковъ, въ то время, какъ мимо насъ стройно двигалась артиллерія. А, впрочемъ можетъ быть, эта фраза такъ сильно врѣзалась въ мою память еще и потому, что мнѣ слишкомъ часто приходилось ее слышать во всѣхъ видахъ, во всѣхъ формахъ, на всѣ лады повторявшуюся, въ мое кратковременное пребываніе въ Тырновѣ.

Да, это было счастливое время какой-то слѣпой вѣры въ свою непобѣдимость, въ свое превосходство надъ врагомъ. Все казалось такъ совершенно! оружіе великолѣпное, пушки — какихъ въ свѣтѣ нѣтъ; правда, стоявшіе во главѣ различныхъ частей начальники не имѣли военной, боевой опытности, практики войны, но что все это значитъ, когда природа надѣлила насъ всѣми талантами, чтобы не сказать — геніемъ. Всѣмъ мы восторгались, во все мы вѣрили — и какъ вѣрили! Но гдѣ же лежала причина этой вѣры, кто объяснитъ еще разъ это роковое «отчего»?

Разсказываютъ, что римляне имѣли обыкновеніе говорить, что когда Юпитеръ захочетъ кого-нибудь наказать, то онъ начнетъ съ того, что лишитъ свою жертву разсудка. Впрочемъ, я вѣдь сказалъ уже давно, что не стану даже пытаться объяснять всѣ эти «отчего» да «почему».

Прошла артиллерія, и мы въѣхали на высокій мостъ.

— Послушайте,—заговорилъ мой спутникъ,— вѣдь турки-то наши благодѣтели: чего стоило бы имъ, кажется, взорвать всѣ эти мосты, такъ нѣтъ, они видимо заботились объ удобствахъ

Digitized by Google

нашихъ сообщеній. Въ самомъ дѣлѣ,—прибавилъ онъ серьёзно,—возможно ли представить себѣ бо́льшую безпечность, непредусмотрительность, веденіе дѣлъ, что называется, спустя рукава.

Эта безпечность поражала дѣйствительно всюду. Телеграфные столбы не попорчены, мосты цѣлы; тамъ, гдѣ проходитъ желѣзная дорога, рельсы не сняты,—словомъ, все было въ порядкѣ. Впослѣдствіи, впрочемъ, я узналъ, что турецкими властями былъ уже отданъ приказъ всюду истреблять мосты, портить дорогу, короче, принимать всѣ мѣры для того, чтобы затруднить движеніе нашимъ войскамъ; но приказъ этотъ запоздалъ, времени уже не было привести его въ исполненіе. Русскій передовой отрядъ былъ уже у Тырнова. Съ изумительною быстротою двигались мы впередъ въ началѣ войны. Правда, турки въ то время не оказывали намъ почти никакого сопротивленія.

— Турки не ждали, что русскіе подойдутъ къ намъ такъ быстро,—разсказывалъ одинъ болгаринъ-монахъ въ Преображенскомъ монастырѣ, расположенномъ на страшной крутизнѣ,—иначе, можетъ быть, все, что́ вы видите здѣсь, было бы разграблено, и всѣ мы погибли бы въ неистовыхъ мученіяхъ!

Кто бывалъ въ Тырновѣ, тому не забыть этой живописной дороги, этого таинственнаго ущелья, тѣснимаго со всѣхъ сторонъ крутыми высотами, пріютившими на самыхъ вершинахъ два болгарскихъ монастыря, св. Троицы и Преображенскій. Цѣлыя страницы можно было бы посвятить описанію красотъ природы, всѐ идущихъ crescendo по мѣрѣ приближенія къ Тырнову, но не до описаній природы, не до восхищеній ея красотами въ тѣ дни, когда со всѣхъ сторонъ до васъ доносится стонъ распятаго народа, въ той странѣ, гдѣ такъ обильно льется дорогая кровь тысячами падающихъ жертвъ.

Мнѣ хотѣлось посмотрѣть на болгарскій монастырь, на жизнь болгарскихъ монаховъ, и я взобрался на самую вершину горы. О болгарскомъ монастырѣ не судите по русскимъ монастырямъ. Не поведутъ васъ здѣсь въ сокровищницу и не ослѣпятъ ваши глаза серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями. Тутъ все бѣдно, все говоритъ о жизни, полной всяческихъ лишеній. Ихъ роскошь, ихъ богатство заключаются въ природѣ, горномъ воздухѣ да синемъ небѣ. Люди спасаются здѣсь не молитвою, а тѣмъ вѣчнымъ страхомъ, который держитъ ихъ въ своихъ острыхъ когтяхъ. Люди встаютъ на разсвѣтѣ, ложатся съ зарею съ одною тяжелою думою, а что это за дума,—пожалуй, и говорить не нужно. Вся она выражается въ одномъ словѣ: турки. Не спа-

Digitized by Google

сетъ ихъ и крутизна, на которой стоитъ монастырь: турки найдутъ дорогу и не разъ уже ее находили.

Вотъ почему и здѣсь, въ этой тихой и бѣдной обители, вы встрѣтите только наружное спокойствіе, внѣшнюю тишину, а на душѣ у каждаго вы прочтете тревогу. Та же боязливость, та же робость, которая бросалась мнѣ въ глаза на всемъ пути изъ Систова въ Тырново, поразила меня и здѣсь. Монахи опасались говорить откровенно, въ ихъ словахъ чувствовалась сдержанность, точно боялись они, что стѣны услышатъ ихъ жалобы на турецкій гнетъ.

«Сегодня вы здѣсь,—подсказывало имъ запуганное чувство,—завтра уйдете, бросите насъ, и снова мы встрѣтимся лицомъ къ лицу съ нашимъ безжалостнымъ врагомъ-властелиномъ!»

Эта неувѣренность болгаръ въ нашей твердой рѣшимости возвратить имъ вѣками утраченную свободу какъ-то больно царапала ваше сердце. Но въ правѣ ли мы винить ихъ за это недовѣріе къ нашей силѣ, къ нашей славянской политикѣ.

Съ невеселымъ чувствомъ покинулъ я старавшуюся укрыться отъ людскихъ взглядовъ на вершинѣ высокой горы болѣе чѣмъ скромную обитель, и только выглянувшіе минареты тырновскихъ мечетей отвлекли мои думы отъ болгарскаго монастыря. Тырново!—древняя столица болгарскаго народа, а теперь мѣстопребываніе русской главной квартиры,—можно ли, судите сами, было бороться съ тѣмъ внутреннимъ трепетомъ, который охватывалъ васъ при въѣздѣ въ этотъ городъ. Здѣсь, казалось, сосредоточивались мысль, желанія, твердая, разумная воля цѣлой Россіи. Представьте себѣ чувство вѣрующаго, входящаго въ храмъ, проникающаго въ святую святыхъ, — такое почти чувство испытывалось каждымъ, кто только въ то время пріѣзжалъ въ этотъ болгарскій городъ. Чувство это скрадывало отъ васъ грязныя улицы, грязные маленькіе домишки, прилѣпившіеся другъ къ другу, вывѣшенныя грязныя лохмотья, игравшія роль флаговъ.

Во всемъ и во всѣхъ я ожидалъ встрѣтить здѣсь какое-то серьёзное, сосредоточенное спокойствіе, мужественное, но чуждое всякаго легкомыслія настроеніе, сдержанное, но строгое чувство собственнаго достоинства,—словомъ, мощный, суровый духъ, гармонирующій съ важностію того историческаго момента, который переживала вся Россія. Впечатлѣніе, произведенное на меня Тырновомъ, было совсѣмъ иное,—оно было прямо противоположно всему тому, что я ожидалъ услышать и увидѣть.

Музыка гремѣла по всему Тырново, масса всевозможнаго люда, довольнаго, веселаго, счастливаго—бродила по улицамъ,

Digitized by Google

среди большого разбросаннаго на широкомъ полѣ лагеря; все ликовало, торжествовало. Сердце забилось радостно! Несомнѣнно побѣда, большая побѣда одержана нами? съ этимъ вопросомъ я къ кому-то и обратился.

— Какая побѣда, нѣтъ! отчего вы думаете?—получилъ я въ отвѣтъ.

— Но вѣдь что же нибудь да значитъ это веселье, эта радость, раскаты военной музыки?—не безъ робости уже спрашивалъ я.

— О, нѣтъ, вы по этому не судите, у насъ всегда такъ,—музыка, веселье каждый день! Вы что же думали?—не бойтесь, здѣсь не соскучитесь!

Получивъ этотъ отвѣтъ, я пришелъ въ нѣкоторое недоумѣніе, и отправился въ лагерь. Впереди—нѣсколько шатровъ маркитантовъ. Я вошелъ въ одну изъ этихъ палатокъ. Крикъ, шумъ, громкій смѣхъ, за всѣми столиками веселыя компаніи. Неожиданность картины заставила меня совсѣмъ растеряться.

Да гдѣ же я?—невольно выростала одна мысль за другою:—на войнѣ,—нѣтъ, быть не можетъ, я присутствовалъ на какомъ-то военномъ торжествѣ, при блестящихъ военныхъ маневрахъ. Чего мнѣ мерещилась кровь, стоны раненыхъ, умирающихъ? Я во снѣ видѣлъ этотъ страшный транспортъ, наполненный несчастными жертвами войны и отталкивавшій васъ смраднымъ воздухомъ отъ гноившихся ранъ русскихъ солдатъ. Нѣтъ, все это было на яву, ужасающая картина была вызвана въ памяти, сердце упало, и жутко дѣлалось отъ этого веселья. Разговоръ становился все оживленнѣе, шумнѣе, смѣхъ звучалъ еще громче, впереди палатокъ уставились столики, стаканы и бокалы наполнились пѣнящимся французскимъ виномъ, и веселые возгласы чаще и чаще раздавались въ воздухѣ. Могъ ли я довѣрять вскользь услышанному мною извѣстію, что гдѣ-то, у какой-то Плевны, было неудачное для насъ дѣло? Я рѣшился побезпокоить моего сосѣда вопросомъ, правда-ли, что 8-го іюля случилось подъ этой Плевной что-то непріятное.

— Нѣтъ, пустяки: насунулись тамъ наши войска на большія непріятельскія силы, ну, и отступили. Ничего серьёзнаго!

Отвѣтъ этотъ меня вполнѣ успокоилъ. Я отлично понималъ, что если бы въ дѣйствительности было что-либо серьёзное, то, конечно, общее настроеніе не обличало бы такой беззаботной и легкомысленной самоувѣренности. Послѣдующіе дни моего пребыванія въ Тырновѣ, всѣ разговоры, при которыхъ я присутствовалъ, меня еще болѣе убѣдили, что ничего серьёзнаго не

Digitized by Google

было, что произошло какое-то пустое дѣло, окончившееся для насъ не совсѣмъ удачно, но развѣ можно вести войну даже съ турками безъ такихъ мелкихъ, случайныхъ неудачъ.

— Все это плохо, — заговорилъ мой маркизъ Поза, когда мы остались наединѣ.

Я не зналъ, къ чему относились эти слова и попросилъ у него разъясненія.

— Да плевненское-то дѣло! или вы вѣрите, что это было пустое дѣло, а я такъ боюсь, что все это гораздо серьёзнѣе, чѣмъ кажется! Я всегда думалъ, что нельзя зарываться въ глубь страны, не обезопасивъ себя съ той стороны, не очистивъ какъ слѣдуетъ западной Болгаріи. А то — растянулись безъ всякаго толку, — ну, вотъ и результатъ!

Съ раздраженіемъ опрокинулся я на моего собесѣдника, доказывая ему, что ничего серьёзнаго быть не могло.

— Да отчего вы такъ увѣрены, что́ же мы — непобѣдимы, что-ли?

— Нѣтъ, не потому, — приходилось мнѣ возражать, — но развѣ вы не понимаете, что если бы была какая-нибудь серьёзная неудача, то Тырново не имѣлъ бы такого праздничнаго и торжественнаго вида.

— А по-моему, — отвѣчалъ онъ мнѣ, — этотъ праздничный и торжествующій видъ доказываетъ только безпечность и несерьёзность отношенія къ дѣлу, и ровно ничего больше.

У него на все было возраженіе!

Только много времени спустя, когда, какъ-то случайно, попался мнѣ въ руки старый уже нумеръ какой-то газеты, я узналъ всю горькую правду, но и тогда еще, въ первую минуту, читая о потрясающемъ впечатлѣніи, произведенномъ на русское общество «первою» Плевною, я только подумалъ: какъ однако преувеличиваютъ! Но когда я увидѣлъ грозную цифру: три тысячи убитыхъ и раненыхъ! — я убѣдился, что не въ Петербургѣ преувеличиваютъ, а въ Тырновѣ сглаживается всякое непріятное впечатлѣніе до микроскопическихъ размѣровъ.

Поздно, почти до ночи, доносилось изъ лагеря эхо шумнаго веселья. Ошеломила ли меня неожиданность той картины, которая предстала передъ моими глазами, или подъ впечатлѣніемъ мрачнаго разговора съ моимъ спутникомъ, но почему-то жутко было возвращаться изъ этого блестящаго лагеря.

«Господи!» — думалось мнѣ, — «какъ страшно!» и все это веселіе нагнало на меня уныніе, тоску и чувство какой-то неизъяснимой боли! Не спрашивайте меня — «отчего»?

Digitized by Google

Знаю одно, что не прошло и трехъ недѣль послѣ того, какъ я вернулся изъ-за Балканъ, все сдѣлалось мрачно, уныло, и я не могъ узнать въ этомъ городѣ, въ этомъ лагерѣ, того беззаботнаго, шумнаго, безпричинно ликующаго Тырнова, который я такъ недавно оставилъ. Вмѣсто не въ мѣру гордой самоувѣренности, я былъ пораженъ уже безмѣрнымъ малодушіемъ. Но за то—что́ это и были за три недѣли! Никогда мнѣ ихъ не забыть. За Балканами только пришлось во-очію увидѣть безче́ловѣчныя страданія живого, трепещущаго еще, но уже измученнаго народа.

Евг. Утинъ.

Digitized by Google

СТОЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ

РОЖДЕНІЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

12 ДЕКАБРЯ 1777 г.

Въ шестнадцатый годъ царствованія Екатерины II-й родился первый ея внукъ, Александръ Павловичъ, которому суждено было впослѣдствіи двадцать-пять лѣтъ держать въ своихъ рукахъ судьбу милліоннаго народа, и испытать всѣ превратности судебъ, отъ сожженія Москвы до торжественнаго въѣзда въ Парижъ во главѣ соединенныхъ силъ всей Европы; видѣть около себя самыя разнообразныя личности—отъ Строгановыхъ, Новосильцевыхъ, Кочубеевъ, Сперанскихъ, Шишковыхъ, и до Аракчеевыхъ; быть провозвѣстникомъ самыхъ высокихъ гуманныхъ принциповъ, и позже—утратить всякую вѣру въ людей. Всѣ эти гигантскіе перевороты наполнили собою жизнь относительно кратковременную: императоръ Александръ I скончался, не достигнувъ и 48-ми лѣтъ отъ роду.

Еще мы очень хорошо помнимъ то время, когда напрасно было бы искать что-нибудь въ нашей литературѣ для Александровской эпохи: лѣтъ двадцать тому назадъ, наши познанія въ этомъ отношеніи шли немного далѣе тѣхъ нѣсколькихъ страницъ, которыя занимались этимъ памятнымъ 25-ти-лѣтіемъ въ оффиціальныхъ историческихъ учебникахъ, довольно поспѣшно переходившихъ притомъ отъ 1815 года прямо къ 1826-му. Въ печати той эпохи изрѣдка попадались подробности, болѣе анекдотическаго свойства, и то съ строгимъ разборомъ; затѣмъ, оставалось одно устное преданіе да заграничная пресса, мало доступная, для какого-нибудь развѣ случайнаго читателя. Въ послѣднія двадцать лѣтъ это дѣло значительно измѣни-

Digitized by Google

лось къ лучшему, и благодаря тому наша литература теперь можетъ идти на встрѣчу предстоящему юбилею не съ пустыми руками.

Было бы кстати теперь, если бы кто-нибудь изъ нашихъ библіофиловъ составилъ полный толковый указатель всего, что было писано объ Александровской эпохѣ и издано по части документовъ того времени. Мы, съ своей стороны, приведемъ списокъ по крайней мѣрѣ того, что было сдѣлано въ нашемъ журналѣ, за 12 лѣтъ его существованія (1866—1877 г.), для изученія Александровской эпохи, и укажемъ въ хронологическомъ порядкѣ какъ статьи, такъ и матеріалы:

1) Первая эпоха преобразованій императора Александра I-го (1801—1805). М. Богдановича.—1866 г., т. I и II.
2) Засѣданія негласнаго преобразовательнаго комитета при Александрѣ I (1801—1802). М. Стасюлевича.—1866 г., т. I, стр. 172—194. Не окончено.
3) Эпоха конгрессовъ (1814—1825 г.). С. М. Соловьева. — 1866, т. III и IV; 1867, т. I, II, III, IV.
4) Тильзитскій миръ (1807 г.). М. И. Богдановича.—1867, т. I.
5) Изъ записокъ о времени Александра I (1814—1821 г.). Н. В. Сушкова. Съ приложеніемъ „Письма изъ Космо-Демьянска", отъ неизвѣстнаго; найдено въ архивѣ Трощинскаго и заключаетъ ретроспективный взглядъ человѣка 20-хъ годовъ на характеръ всего времени Александра I.—1867 г., т. II.
6) Воспоминанія В. И. Панаева (1805—1825 г.).—1867 г., т. III, IV.
7) Паденіе Сперанскаго. М. И. Богдановича.—1868, декабрь.
8) 1802-й годъ въ Грузіи. Н. Ѳ. Дубровина.—1868, мартъ, апрѣль и май.
9) Восточныя дѣла въ 20-хъ годахъ. Е. П. Ковалевскаго.—1868 г., мартъ.
10) Россійское Библейское Общество. А. Н. Пыпина.—1868, августъ, сентябрь, ноябрь и декабрь.
11) Императоръ Александръ I и квакеры. А. Н. Пыпина. — 1869, октябрь.
12) Госпожа Крюднеръ. А. Н. Пыпина.—1869, августъ и сентябрь.
13) Русскія отношенія Бентама. А. Н. Пыпина. — 1869, февраль и апрѣль.
14) Аракчеевская переписка.—1870 г., августъ и сентябрь.
15) Безпорядки въ Семеновскомъ полку 1820 года. М. И. Богдановича.—1870 г., ноябрь.
16) Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I. А. Н. Пыпина.—1870 г., февраль, апрѣль, іюнь, сентябрь, октябрь, декабрь; 1871 г., февраль.
17) Библейскія секты 20-хъ годовъ. А. Н. Пыпина.—1871 г., мартъ.
18) Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ. А. Н. Пыпина.—1872 г., январь, февраль, іюль.
19) Воспоминаніе о московскихъ пожарахъ 1812-го года. А. Свербеева.—1872, ноябрь.

Digitized by Google

20) А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. П. В. Анненкова.—1873, ноябрь и декабрь; 1874, январь и февраль.
21) Грибоѣдовская Москва въ письмахъ Волковой къ Ланской (1812—1816 г.).—1874 г., августъ, сентябрь, октябрь, декабрь; 1875 г., январь, мартъ, августъ.
22) Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія (гл. VII—X). В. Иконникова.—1876 г., октябрь и ноябрь.
23) А. А. Дегуровъ. А. С. Лебедева.—1876 г., мартъ.
24) А. С. Шишковъ. Главы IV—XIV. В. Я. Стоюнина. — 1877 г., октябрь, ноябрь, декабрь.
25) Россія и Европа въ первой половинѣ царствованія Александра I. С. М. Соловьева.—1877, май, августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь.

Нѣкоторыя изъ этихъ статей вошли потомъ въ составъ трехъ обширныхъ монографій, вполнѣ обнимающихъ Александровскую эпоху съ трехъ различныхъ сторонъ:

I. Преимущественно для военной исторіи: *М. И. Богдановича*, Исторія императора Александра I и Россіи въ его время. Шесть томовъ. Спб. 1869—71.
II. Исключительно для исторіи цивилизаціи: *А. Н. Пыпина*, Общественное движеніе при Александрѣ I, въ одномъ томѣ. Спб. 1871.
III. Для политической исторіи: *С. М. Соловьева*, Императоръ Александръ I. Дипломатія и политика,—въ одномъ томѣ. Спб. 1877 [1]).

Нашъ журналъ, въ исторіи своего перваго періода, тѣсно связанъ съ Александровскою эпохою: онъ былъ основанъ Карамзинымъ въ самый первый годъ царствованія Александра I и пережилъ его только пятью годами. Девять мѣсяцевъ спустя послѣ восшествія на престолъ Александра I, въ январѣ 1802 года—явилась въ свѣтъ первая книга „Вѣстника Европы". Эта книга, можно-сказать, была вмѣстѣ первою новою страницею нашей печати, на которой долженъ былъ отразиться совершенно иной порядокъ вещей, существенно отличный отъ порядка непосредственно предшествовавшей ему эпохи. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи январьская книга весьма характерна: каждая ея статья ясно говоритъ, что наступило другое время; за какихъ-нибудь девять мѣсяцевъ предъ тѣмъ, эта невинная по себѣ книга была бы рѣшительно невозможна, и ее признали бы опасною. Она начиналась „Письмомъ къ издателю", т.-е. къ Карамзину, которое, какъ извѣстно, было написано имъ же самимъ съ цѣлью высказать свое profession de foi. Авторъ письма въ заключеніе говоритъ странныя по видимому слова: „Поздравляю тебя съ новымъ титломъ *Политика*". Но это дѣйствительно была большая новость: печати до того времени предоставлялась область чисто-литературная; вмѣшательство

[1]) Новый трудъ С. М. Соловьева долженъ выдти на-дняхъ.

Digitized by Google

въ политику не входило въ кругъ ея вѣдѣнія, да это было бы и немыслимо въ предшествовавшую эпоху. Такимъ образомъ, образованіе у насъ политической печати было первымъ дѣломъ, выгодно ознаменовавшимъ начало Александровской эпохи — и теперь кстати указать на эту важную заслугу: Александръ I можетъ быть справедливо названъ основателемъ политической печати въ Россіи.

Замѣчательно вообще содержаніе этой первой книги „Вѣстника Европы": она дебютируетъ трактатомъ изъ философіи исторіи и моральныхъ наукъ, изложеннымъ во вкусѣ того времени, въ формѣ параболы, и заимствованнымъ изъ „Минервы" Архенгольца: „Альцибіадъ къ Периклу". Во снѣ Алкивіаду является мудрецъ Сократъ, и софисты стараются склонить юношу на свою сторону. Споръ, завязавшійся между двумя сторонами, доставляетъ автору случай коснуться различныхъ вопросовъ и сторонъ общественной жизни:

„Софисты кричатъ:—Погибни міръ, но торжествуй истина!

„Философъ говоритъ: — Есть ли бы всѣ истины были у меня въ рукахъ, то я побоялся бы разжать ее".

Французская революція была тогда въ памяти у всѣхъ, и журналъ помѣстилъ въ первомъ же своемъ нумерѣ разборъ новой книги, вышедшей тогда въ Парижѣ подъ оригинальнымъ заглавіемъ: „Исторія французской революціи, избранная изъ латинскихъ писателей"— опять въ формѣ почти басни, за которою удобнѣе было, при возроставшемъ тогда цезаризмѣ Наполеона, говорить истину. Вставивъ современныя имена въ избранные тексты Тацита, Саллюстія, Цицерона, Т. Ливія и др., авторъ вылѣпляетъ такъ-сказать исторію французской революціи, исходя изъ точки зрѣнія, что однѣ и тѣ же причины производятъ у всѣхъ народовъ одни и тѣ же дѣйствія, а потому писатели римскихъ революцій какъ-бы угадали весь смыслъ революціи французской. Любопытно въ этой статьѣ то мѣсто изъ Цицерона, которое обращено авторомъ прямо къ первому консулу Наполеону: „Сколько тріумфовъ и памятниковъ, въ честь тебѣ воздвигнутыхъ! но если мудрыми законами не утвердишь государственнаго правленія, то имя твое въ отдаленіи времени будетъ скитаться по землѣ и не найдетъ мѣста твердаго. Мнѣніе потомковъ, подобно нашему мнѣнію, будетъ различно. Одни превознесутъ до небесъ твои дѣла; другіе, быть можетъ, пожалѣютъ, что ты отказался отъ самой лучшей славы, не сдѣлавъ того, чтобы бѣдствіе отечества было приписано року, а его спасеніе—твоей мудрости. Итакъ, старайся угодить судіямъ, передъ которыми будешь стоять во вѣки".

За этимъ слѣдуетъ разборъ другой литературной новости, которой трудно было бы касаться не болѣе, какъ за девять мѣсяцевъ передъ тѣмъ,—а именно, сочиненія Шенье „Объ успѣхахъ просвѣще-

Digitized by Google

нія въ Европѣ", гдѣ „авторъ представляетъ въ картинѣ, въ сильной и пріятной живописи, медленные и трудные успѣхи человѣческаго разума". Вмѣстѣ съ Шенье, авторъ рецензіи превозноситъ заслуги Вольтера, ставя его выше всѣхъ владыкъ земныхъ, и въ заключеніе приводитъ такія черты Фридриха-Великаго: „Монархъ Пруссіи основалъ на побѣдахъ славу свою, и мудрыми законами утвердилъ ее. Превосходные умы суть истинные герои исторіи... Наслѣдникъ самовластія, онъ былъ великъ самъ собою, и ограничилъ власть свою; преодолѣлъ навыкъ— и самую склонность, которая влекла его къ деспотизму; назывался другомъ философовъ и служилъ примѣромъ для государей".

Затѣмъ въ составъ литературнаго отдѣла первой книги входитъ нѣсколько мелкихъ статей, такъ-называемаго легкаго чтенія, заимствованныхъ изъ иностранныхъ газетъ: „Жанъ-Жакъ Руссо въ Тюльери"; „Трогательное воспоминаніе" изъ сѣверо-американской войны; „Анекдоты о Бонапарте"; „Нѣчто о нынѣшнемъ Парижѣ"; „Народный Британскій памятникъ"; „Женскіе парики", и стихотвореніе „Меланхолія" — подражаніе Делилю. Весь этотъ литературный отдѣлъ первой книги занимаетъ не болѣе 4-хъ печатныхъ листовъ небольшого формата.

Второй и послѣдній отдѣлъ новаго журнала, объемомъ до 2½ печатныхъ листовъ, носитъ заглавіе „Политика", и состоитъ изъ трехъ статей. Первая, самая обширная и фундаментальная статья содержитъ въ себѣ всеобщее обозрѣніе политическаго міра къ началу 1802 года, оставившему позади себя десятилѣтній періодъ безпрерывныхъ войнъ. Авторъ—партизанъ мира, хотя и допускаетъ, что „нѣкоторые остатки тучъ видны на горизонтѣ"; разбирая пренія въ англійской палатѣ депутатовъ, нашъ публицистъ поддерживаетъ и тамъ ораторовъ мира, и съ ироніею приводитъ доводъ Виндама, оратора оппозиціи и войны во что бы то ни стало съ французскою революціею: „Съ французами,—сказалъ Виндамъ,—нельзя помириться между прочимъ и для того, что супружество основано у нихъ на одномъ гражданскомъ контрактѣ". Обращаясь къ внутренней политикѣ государствъ, публицистъ высказываетъ и то, чего ожидаетъ наше общество отъ своего новаго правительства: „Россія видитъ на тронѣ своемъ любезнаго сердцу монарха, который всего ревностнѣе желаетъ его счастія, взявъ себѣ за правило, что добродѣтель и просвѣщеніе должны быть основаніемъ государственнаго благосостоянія. Всѣ изданные имъ законы *сообразны съ духомъ времени* и служатъ залогомъ его человѣколюбивыхъ намѣреній". Политическая хроника заключается обращеніемъ къ читателямъ: „Мы желаемъ увѣдомлять своихъ читателей о мирномъ благоденствіи державъ, о полезныхъ учрежденіяхъ во всѣхъ земляхъ, о *новыхъ* мудрыхъ законахъ, болѣе

Digitized by Google

и болѣе утверждающихъ сердечную связь подданныхъ съ монархами".

Но желаніе журнала „увѣдомлять читателей о мирномъ благоденствіи державъ" оказалось неосуществимымъ: въ 1802 году Европа стояла наканунѣ новаго десятилѣтняго періода войнъ, заключившагося подъ стѣнами того города, гдѣ были высказаны тѣ самыя слова. Журналъ не ошибался только въ отношеніи задачъ внутренней политики Россіи, такъ какъ ему приходилось говорить о совершившихся фактахъ, которыми уже успѣли ознаменоваться первые дни царствованія Александра I; кромѣ того, публицистъ очевидно былъ тогда подъ вліяніемъ слуховъ, ходившихъ въ московскомъ обществѣ о серьёзныхъ работахъ молодого императора надъ планами преобразованій въ интимномъ кружкѣ близкихъ къ нему лицъ [1]).

Всѣ преобразованія Александровской эпохи носятъ на себѣ одинъ общій характеръ: они грандіозны по замысламъ, но касаются исключительно правительственныхъ сферъ; кромѣ того, важнѣйшія изъ нихъ остались вовсе неоконченными, и въ этомъ неоконченномъ видѣ переданы были послѣдующимъ періодамъ. Не касаясь положенія крѣпостного права, устройства того, что теперь мы называемъ земскими учрежденіями, оставляя прежнія начала негласнаго суда, но улучшивъ, правда, положеніе печати цензурнымъ уставомъ 1804 года, о которомъ можно и теперь вспоминать съ признательностью,—императоръ Александръ I задумалъ преобразовать высшія государственныя учрежденія. Такимъ образомъ, въ періодъ отъ 1802—1810 года были учреждены министерства и государственный совѣтъ, которые остаются и до настоящаго времени въ томъ видѣ, какой они имѣли при его основателѣ; совѣтъ министровъ, основанный въ 1863 г., только дополнилъ реформу Александра I, не коснувшись прежнихъ основъ государственнаго совѣта и учрежденія министерствъ. Въ виду всѣхъ этихъ начинаній историкъ можетъ только свидѣтельствовать о громадной заслугѣ почина въ такомъ громадномъ дѣлѣ, какое было предпринято императоромъ Александромъ I. Но реформа далеко не была довершена, согласно замысламъ законодателя; въ первомъ своемъ отчетѣ о дѣятельности государственнаго совѣта за первый годъ его существованія Сперанскій говоритъ: „Тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое совѣтъ (государственный) занимаетъ въ намѣреніяхъ Вашихъ (т.-е. государя), не могутъ чувствовать его важности. *Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало;* они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню".

---

[1]) См. протоколы этого комитета за 1802-й годъ въ „Вѣстникѣ Европы", 1866 г., т. I, стр. 172—194.

Digitized by Google

Вотъ ошибка, которой долженъ избѣгать историкъ въ обсужденіи характера реформъ Александровской эпохи: изъ вышеприведенныхъ словъ отчета видно, что государственный совѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ и по настоящее время, занималъ совсѣмъ другое мѣсто въ намѣреніяхъ Александра I: это былъ только одинъ изъ камней „огромнаго зданія", которое законодатель, отвлеченный отъ внутреннихъ дѣлъ внѣшними войнами и послѣдовавшими за ними конгрессами, вынужденъ былъ оставить недостроеннымъ, какъ-бы завѣщая это дѣло послѣдующимъ эпохамъ.

Все это необходимо имѣть въ виду для полноты справедливой оцѣнки великой памяти Александра I: безъ того, легко можно предвидѣть, съ какими упреками могутъ обратиться позднѣйшіе историки этого времени къ реформамъ, которыя императоръ задумалъ въ первые же годы своего царствованія. Предъ нами, по выраженію Сперанскаго, одно „начало", и потому несправедливо было бы обсуждать главнѣйшія реформы того времени, какъ нѣчто законченное. Говорятъ обыкновенно, что эти реформы не произвели ничего другого, кромѣ усиленія бюрократіи, на-счетъ жизненныхъ общественныхъ силъ; но если это и произошло, то только именно потому, что реформы не были и не могли быть доведены до конца, и въ такомъ неоконченномъ видѣ перешли въ послѣдующія эпохи. Чтобы „чувствовать важность" реформъ Александра I, необходимо принять, по справедливому замѣчанію Сперанскаго, въ соображеніе „намѣренія" императора; намъ кажется, что указанія на такія намѣренія всего лучше могутъ быть найдены въ проектахъ самого же Сперанскаго и особенно Новосильцева: эти проекты были не чужды выполненію самыхъ реформъ.

Современники рѣдко бываютъ справедливы и безпристрастны; но изъ современниковъ Александра I все же нашелся одинъ, мнѣніе котораго нельзя не привести въ эти дни, когда мы готовимся чествовать его память. Этотъ современникъ (имя его остается и до сихъ поръ неизвѣстнымъ) хорошо знакомъ нашимъ читателямъ 60-хъ годовъ. Онъ писалъ изъ Космо-Демьянска въ 1823 году, повидимому, къ одному изъ знакомыхъ Трощинскаго,—и все письмо посвящено защитѣ Александра I. Полный текстъ этого письма былъ напечатанъ нами въ одной изъ книжекъ журнала за 1867 годъ [1]). Защита замѣчательна тѣмъ болѣе, что авторъ называетъ себя „жертвою правленія Александра", чтб, вѣроятно, и привело автора письма въ Космо-Демьянскъ.

...„Жертва правленія Александра,—говоритъ авторъ,—я, конечно,

[1]) Іюнь, 1867 г., стр. 197 и слѣд.

Digitized by Google

не могу быть его льстецомъ; но, какъ другъ истины, могу ли не признать превосходства его личнаго характера? Скорѣе обвиню его въ слабости, нежели въ злоупотребленіи власти, которая находитъ границы въ однихъ побужденіяхъ его собственной души. (Это напоминаетъ извѣстныя слова m-me Сталь объ Александрѣ I). Онъ несчастливо выбираетъ людей и, можетъ быть, не довольно строгъ,—скажу болѣе: не довольно дѣятеленъ въ управленіи внутреннемъ... Вотъ все, что можно поставить въ вину его; но и тутъ вина падаетъ болѣе на вѣкъ и на народъ его, нежели на личный характеръ. Онъ уже ввелъ нѣкоторый родъ ограниченія установленіемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, т.-е. возвратилъ государство къ его древнимъ аристократическимъ формамъ, уничтоженнымъ могуществомъ Петра. Но что же сдѣлали совѣтъ и министры достойнаго благодарности народа и памяти потомства? Въ двадцать-три года сего, безъ сомнѣнія, кроткаго царствованія возникло ли хоть одно гражданское достоинство? Дворянство вспомоществовало ли трону въ намѣреніяхъ ко благу общему? Въ годину испытанія, т.-е. 1812 года, не покрыло ли оно себя всѣми красками чудовищнѣйшаго корыстолюбія и безчеловѣчія, расхищая, какъ и теперь, все, что расхитить можно было, даже одежду, даже пищу и ратниковъ, и рекрутъ, и плѣнныхъ,—несмотря на прославленный газетами патріотизмъ, котораго дѣйствительно не было ни искры, что бы ни говорили о нѣкоторыхъ утѣшительныхъ исключеніяхъ?!—Двадцать лѣтъ существуютъ университеты: кто въ нихъ учится? Спрашивать ли: кто доучивается?—Дворянскій полкъ, изъ котораго выходятъ въ армію 20-ти и 25-ти-лѣтніе офицеры, не наводнилъ ли сію армію гнуснѣйшими образцами невѣжества и пороковъ? Молодые дворяне, которые на нашихъ глазахъ вступили въ службу, не отличаются ли отсутствіемъ всего, что дворянство и человѣчество имѣетъ благороднаго и достойнаго? Я имѣю честь служить въ полку, который смѣло можно назвать однимъ изъ лучшихъ въ арміи, счастливымъ соединеніемъ въ немъ отличныхъ офицеровъ; но я съ прискорбіемъ видѣлъ, что въ четыре года моей фрунтовой службы, изъ 30 или 40 вновь вступившихъ въ полкъ дворянъ, только одинъ нравомъ и просвѣщеніемъ своимъ способенъ украсить свое званіе; десять, можетъ быть, не уронятъ его, а остальное число могло бы, безъ потери для общества, остаться въ кругу родныхъ холоповъ, рысаковъ и собакъ.

„Нѣсколько электрическихъ головъ, къ которымъ принадлежитъ и твоя, любезный другъ!—можетъ быть и моя, кружатся теперь надъ суевѣріемъ свободы и конституціонныхъ теорій... Но почему же ни одна изъ сихъ головъ не доступна къ идеямъ объ ограниченіи нашихъ собственныхъ правъ надъ дѣйствительными рабами, крѣпост-

Digitized by Google

ными крестьянами нашими?—Самый человѣколюбивый, самый великодушный изъ нашихъ помѣщиковъ, не располагаетъ ли произвольно семействами, отнимая сына, брата, дочь, часто жену изъ земледѣльческой хаты,—для накопленія своей дворни, псарни, коровни, винокурни? Мысли императора (Александра I) объ этомъ предметѣ не подлежатъ никакому сомнѣнію: въ 23 года своего царствованія, онъ не прибавилъ ни одного раба, а нѣсколько тысячъ выкупилъ; лифляндскихъ рабовъ освободилъ всѣхъ; и извѣстно нѣсколько примѣчательныхъ словъ его, сюда относящихся, изъ которыхъ достовѣрно, что всякій подвигъ дворянства въ семъ отношеніи былъ бы у трона принятъ съ благоговѣніемъ, что доказываютъ примѣры свободныхъ хлѣбопашцевъ. Но мы проповѣдуемъ предѣлы власти надъ собою, а не своей надъ тѣми, коихъ жребій зависитъ отъ нашего произвола гораздо болѣе и чаще, нежели нашъ отъ самодержавія; ибо должно, наконецъ, сказать безпристрастно, что Александръ гораздо меньше деспотъ, нежели Аракчеевы, Гурьевы, Волконскіе, которыхъ невѣжество и самоволіе не тяготятъ только надъ ихъ собственными твореніями. Но сіи орудія тиранства, ежели оно существуетъ, возникли посреди насъ; они принадлежатъ къ нашему сословію; соучастники и угодники ихъ—къ нашему поколѣнію; и многіе, если не каждый изъ насъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть не погнушались бы также раздѣлить преступное упоеніе ихъ всемогущества... Страсти и пороки человѣчества заразительны; но сердцу утѣшительно вѣрить, что и добродѣтели заразительны также... Станемъ ждать съ теплой вѣрою въ благость Провидѣнія, что, при быстротѣ взаимныхъ сообщеній народовъ, отличительной чертѣ XIX вѣка, нравственные и гражданскіе успѣхи Англіи и Сѣверной-Америки перенесутся благодѣтельнымъ ходомъ времени и въ наше хладное отечество, и озарятъ его свѣтомъ своихъ добродѣтелей и общественнаго порядка.

„Александръ теперь (1823 года) въ цвѣтѣ возраста и силы; онъ видѣлъ собственными глазами бо́льшую половину областей своихъ; ему могутъ, наконецъ, наскучить разводы и парады; онъ можетъ, обманутый такъ часто въ довѣренности, заняться самъ постепеннымъ улучшеніемъ разныхъ частей государственнаго устройства, исправлять одно, заводить другое, уничтожать невѣжество, питать сѣмена ученія и духъ чести, сближать націю съ вѣкомъ и съ собою, допускать публичную извѣстность о дѣйствіи всѣхъ пружинъ правленія... Онъ не геній, но близокъ къ нему силой и благостью сердца... Онъ, въ упоеніи славы и власти безпредѣльной, не можетъ желать ничего, кромѣ счастья своему отечеству; надобно только, чтобъ онъ видѣлъ источники, гдѣ почерпать его... Будемъ ждать желательныхъ послѣдствій съ терпѣніемъ и упованіемъ... Только чернь, возникшая

Digitized by Google

изъ пыли, не уважаетъ воспоминаній, освященныхъ правами на народную благодарность"...

Богатыя надежды, возлагаемыя авторомъ письма на императора Александра I-го, не сбылись: два года спустя, онъ скончался „въ цвѣтѣ возраста и силы". Но для памяти его останется навсегда важнымъ то, что почти наканунѣ его смерти могли возлагаться на него такія надежды, и притомъ со стороны лица, самаго неподкупнаго, такъ какъ оно считало себя несправедливо оскорбленнымъ, называло себя „жертвою". Вызвать похвалу со стороны своей „жертвы"—рѣдкій удѣлъ, достающійся немногимъ на землѣ. Надобно было автору письма сильно подавить въ себѣ голосъ огорченія, чтобъ сказать правду о томъ, на кого онъ считалъ себя въ правѣ сѣтовать; а, съ другой стороны, и лицо, которому при подобныхъ обстоятельствахъ отдается справедливость, должно было заключать въ себѣ чрезвычайно много симпатичнаго, обаятельнаго, чтобы облегчить автору трудную вообще задачу для каждаго человѣка—не увлекаться личными огорченіями.

Подъ вліяніемъ подобныхъ отзывовъ современниковъ, мы увѣрены, что наше время можетъ справедливо высказать лучшую похвалу Александру I, какой только могутъ государи ожидать отъ исторіи, а именно: историческія личности, какъ Александръ I-й, не опасаются свѣта для себя, а потому болѣе свободное, болѣе доступное изученіе его времени будетъ только содѣйствовать къ упроченію его добраго и славнаго имени въ памяти потомства.

М. С.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е декабря, 1877.

Общественное сознаніе и печать. — Клерикальный взглядъ на задачи общества. — Вліяніе западнаго консерватизма на судьбу печати и школы. — Радикальное несходство съ тѣмъ нашихъ условій. — Должна-ли печать выражать всю мысль общества?—Наши матеріальныя заботы.—Мануфактурный кризисъ.—Вліяніе прекращенія временныхъ заработковъ.

Въ разныхъ государствахъ континентальной Европы, еще съ конца прошлаго вѣка и до нашего времени, господствовало ошибочное и преувеличенное мнѣніе о вліяніи печати на общество; между тѣмъ, сообразно этому мнѣнію, принимались разнообразныя мѣры относительно печати или, сказать точнѣе, *противъ* печати, такъ какъ спеціальныя мѣры по этому предмету во всѣхъ государствахъ имѣли характеръ частью ограничительныхъ, частью запретительныхъ мѣръ. Если мы взглянемъ поближе въ самую сущность мнѣнія, лежащаго въ основѣ этихъ мѣръ, то убѣдимся, что оно во многомъ преувеличивало роль печати, а мѣры, истекавшія изъ такого преувеличенія и направленныя къ уменьшенію ея воображаемой роли, не только не достигали своей цѣли, но наоборотъ, усиливали то вліяніе печати, которое ими предполагалось отстранить. Сущность представленія, о которомъ мы говоримъ, заключалась въ томъ, что одна печать воспитываетъ общество,—какъ будто до изобрѣтенія книгопечатанія общество ничѣмъ не воспитывалось!—и что, стало быть, если печати, посредствомъ разныхъ мѣръ, карательныхъ и поощрительныхъ, смотря по обстоятельствамъ, дать извѣстное желаемое направленіе, то и общество будетъ непремѣнно воспитываться въ этомъ, а не въ другомъ направленіи. Основываясь на этомъ же предвзятомъ мнѣніи, политическое направленію подчинилась и другая, еще болѣе непосредственная воспитательница общества — школа. Такимъ способомъ государство, въ томъ видѣ, какъ оно существовало въ извѣстный данный моментъ,

Digitized by Google

здѣсь или тамъ, со всѣми своими хорошими и дурными сторонами, со всѣми недавними пріобрѣтеніями и древними несовершенствами, —предпринимало какъ-бы увѣковѣчить всѣ наличныя въ тотъ моментъ свои условія, хотя-бы и второстепенныя, хотя бы и случайныя, произвольно видя въ нихъ идеалъ, дальше котораго обществу идти вредно.

Такое мнѣніе и убѣжденіе въ исполнимости подобнаго искусственнаго вліянія на дальнѣйшую исторію народа политическіе люди двухъ послѣднихъ столѣтій заимствовали, отчасти сами того не зная, у своего стараго врага, у теократіи, у вождей католической церкви, и преимущественно у вліятельнѣйшаго изъ ея монашествующихъ орденовъ. Но у теократіи эта мысль и основанная на ней система были цѣльно связаны со всѣмъ кодексомъ ея общихъ представленій о человѣческомъ обществѣ: законъ не есть дѣло рукъ человѣческихъ, а потому онъ неизмѣняемъ; онъ вѣченъ; законность, слѣдовательно, есть неподвижность, и всякое стремленіе впередъ, всякая оппозиція теократіи есть беззаконіе! Сколько королей и императоровъ, за такую ихъ оппозицію, было отлучено отъ церкви; самая оппозиція ихъ разсматривалась церковью какъ мятежъ, ересь. Мысль объ улучшеніи участи человѣчества вообще, одно предположеніе о возможности преуспѣянія или прогресса, — все это внушается врагомъ человѣческаго рода! Исходя совершенно логично изъ такихъ представленій, католическая іерархія никогда не допускала обсужденія своего закона, даже стѣсняла чтеніе книгъ, на которыя онъ опирался. Въ разсужденіи, въ критикѣ, теократія всегда видѣла зло и приписывала такъ-называемое „развращеніе нравовъ", то-есть постепенное возмужаніе человѣчества, дѣйствію искусственныхъ средствъ этого зла. Вотъ почему теократія издревле сожигала осужденныя ею книги и казнила ихъ авторовъ; вотъ почему никто болѣе іезуитовъ не занимался школами, и никто не умѣлъ до такой степени всецѣло подчинить школу опредѣленному, предначертанному направленію и надзору.

Достаточно, впрочемъ, указать на сущность этого основного представленія теократіи, чтобы выяснить полное противорѣчіе его съ природою и цѣлями государства. Если принять это представленіе во всемъ его объемѣ, то государство оказалось бы ненужнымъ; нужна была бы только церковь. И дѣйствительно, къ такому конечному результату всегда приходила теократія при всякомъ своемъ столкновеніи съ государствомъ. И всѣ новѣйшіе, наиболѣе рѣшительные и откровенные проповѣдники безусловнаго политическаго консерватизма, роковымъ образомъ увлекались къ основнымъ ученіямъ клерикализма, въ немъ искали союза и опоры, у него перенимали средства для противодѣйствія злу; разъ допущено, что стремленіе къ улучшеніямъ

Digitized by Google

общественнаго строя не есть естественная сила, прирожденная человѣческому союзу, разъ принято мнѣніе, что это есть только нѣкое навожденіе, распространяемое искусственными средствами, а именно печатью и школой, обязанность государства — подвергнуть ихъ всякимъ ограниченіямъ. Противъ искусственныхъ средствъ есть полная возможность успѣшно бороться искусственными же средствами. Сами носительницы критическаго яда—печать и школа—могутъ быть искусно обращены на служеніе истинѣ, которая не измѣняется, и идеалу, который вѣченъ.

Тутъ было только одно, но за то—коренное противорѣчіе, котораго не знала теократія. Неизмѣнная истина и вѣчный идеалъ существуютъ только въ области церкви. Если свѣтское общество не есть союзъ для улучшенія, совокупными силами, участи его членовъ, если основнымъ принципомъ этого общества, стало быть, не долженъ служить прогрессъ, въ такомъ случаѣ, само государство должно всегда преклоняться предъ церковью, и власть государственная должна подчиняться организованной силѣ церкви. Государство должно идти назадъ, по путямъ, указаннымъ католической церковью, которая не признаетъ ничего совершеннѣе себя. Противорѣчіе ей со стороны государства — въ этомъ предположеніи—не имѣетъ смысла, такъ какъ государственныя формы въ разныя времена были различны, а непреложною, вѣчною, могла бы считать себя только та, которая была бы объявлена наилучшею іерархами. Никакой самостоятельной истины и отдѣльнаго идеала государство, въ глазахъ теократіи, имѣть не можетъ.

Извѣстно, что союзъ представителей безусловнаго консерватизма съ клерикалами, внесеніе клерикальныхъ основъ въ теорію государственнаго права и заимствованіе у клерикаловъ же двухъ главныхъ средствъ противодѣйствія естественному прогрессу—именно давленіе на печать и школу, явились послѣ революціонныхъ событій конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Но средства эти не оказались дѣйствительными. Дѣло въ томъ, что никакими искусственными средствами нельзя измѣнить самой природы человѣческаго общества, а стало быть и государства: оно живетъ только въ силу стремленія впередъ, къ улучшенію быта своихъ членовъ; въ этомъ прогрессивномъ движеніи весь смыслъ и все назначеніе государства. Стремленіе это никакъ не создается искусственно печатью и школой; оно дѣйствуетъ своими путями, проявляется въ видѣ логически-необходимыхъ, ничѣмъ неустранимыхъ послѣдствій тѣхъ именно политическихъ и общественныхъ фактовъ, на которыхъ основался строй, въ данное время существующій.

Такъ, западные монархи боролись съ феодализмомъ вовсе не по-

Digitized by Google

тому, что были искусственно возбуждаемы къ тому какими-либо книжниками и воспитателями, но въ силу объединительной потребности государства, которое феодализмъ велъ къ раздробленію. Правители вели эту борьбу опираясь на города, и потому естественный ходъ дѣлъ требовалъ, чтобы правители, по окончаніи борьбы, признали за городскими общинами вліяніе на государственныя дѣла. Никакихъ внушеній со стороны печати и школы не требовалось, чтобы буржуазія взвѣсила свое значеніе, оцѣнила свои услуги, поняла свои потребности и уразумѣла тѣ права, какія давала ей побѣда надъ феодализмомъ. Но ея права и потребности признаны не были, и правители, ставъ всемогущими, хотѣли оставить главное послѣ себя значеніе въ государствѣ тому самому классу, который изъ сильныхъ вассаловъ превратился въ собраніе придворныхъ. Не янсенисты, не энциклопедисты, не „голландская газета“ и не учебныя коллегіи были причиной того, что дворъ могъ быть только барельефнымъ украшеніемъ, но не пьедесталомъ, и что общины, сознавшія свои силы, потребовали созванія штатовъ, и въ нихъ вскорѣ превратились изъ „третьяго сословія“ въ народное собраніе. Неудержимыя требованія событій, результаты дѣйствительныхъ и могучихъ фактовъ, конечно, отражались и въ печати, и въ школѣ, но только отражались въ нихъ, а вовсе не изъ нихъ вытекали. Они отражались въ печати и школѣ, и оттуда являлись только съ опредѣленными именами. Но это были только общественные рефлексы. Дѣйствительный источникъ былъ въ тѣхъ политическихъ фактахъ, въ которыхъ была и сила, потребная для осуществленія новыхъ потребностей.

Итакъ, политическое сознаніе общества воспитывается главнымъ образомъ вовсе не печатью и не школой, но самымъ ходомъ историческихъ событій, въ ихъ естественной связи. Необходимость дальнѣйшихъ шаговъ въ будущемъ опредѣляется тѣми шагами, которые сдѣланы въ прошломъ. Самое направленіе ближайшихъ шаговъ впередъ указывается ближайшими слѣдами на пути пройденномъ. Всякая теорія, мнящая остановить государство на какомъ-нибудь фактѣ, искусственно создать застой, должна обращаться за совѣтами къ теократической теоріи и средствамъ выработаннымъ послѣднею, хотя и нельзя не замѣтить нѣкоторой иронія судьбы въ томъ, что западные правители, въ первой четверти XIX вѣка, стали искать себѣ опоры въ тѣхъ именно двухъ классахъ, которыхъ власть они сами недавно передъ тѣми сокрушили. Но мысль о воспитаніи общественнаго сознанія въ произвольномъ направленіи, посредствомъ подчиненія печати и школы, такова, что придетъ время, когда будутъ просто удивляться ея наивности.

Печать, а отчасти и школа—насколько въ послѣднюю прони-

Digitized by Google

ваютъ политическія потребности времени — служатъ только отраженіемъ того общественнаго сознанія, въ которомъ сказываются реальные интересы, созданные ходомъ событій. Когда за этими интересами стоитъ сила, они осуществляются, не взирая ни на какія искусственныя мѣры; пока за ними нѣтъ силы, они осуществиться не могутъ, хотя бы печать пользовалась самой неограниченной свободой и употребляла ее на самую „необузданную“ агитацію. Вся эта искусственная агитація была бы только бурею въ стаканѣ воды, безплоднымъ шумомъ.

Итакъ, напрасно думала бы печать, что она можетъ искусственно воспитать общество по своей фантазіи; точно также и перевоспитать его искусственными мѣрами, направленными противъ печати, невозможно. Логика событій есть своего рода fatum. Можно испортить зеркало, разбить его, но нельзя этимъ измѣнить того выраженія лица, какое дано намъ жизнью и воспитаннымъ ею сознаніемъ. А впрочемъ, того зеркала, въ которомъ отражается физіономія историческаго момента, нельзя и уничтожить. Въ какія бы тѣсныя, условныя грани ни были поставлены печать и школа, какіе бы искусственные элементы ни были внесены въ нихъ съ извѣстной цѣлью, общество всегда найдетъ въ нихъ инстинктивно то, что̀ ему нужно въ самомъ дѣлѣ, то, что̀ отражаетъ дѣйствительныя, живыя его потребности, а все прочее отброситъ, ко всему прочему останется глухо. И изъ іезуитскихъ школъ выходили самые крайніе радикалы: довольно припомнить то, что недавно скончавшійся Ланфре — воспитанникъ іезуитской компаніи и злѣйшій врагъ іезуитовъ. Пусть вся печать будетъ искусственная, пусть вся она громко будетъ проповѣдывать фальшь, и только одинъ органъ останется сколько̀-нибудь вѣренъ правдѣ. Пусть онъ будетъ лишенъ возможности говорить о чемъ-либо, кромѣ погоды. И все-таки, въ словахъ этого органа о погодѣ общество станетъ угадывать заявленіе своихъ нуждъ; въ самомъ молчаніи его усмотритъ свой протестъ. А само общественное сознаніе тѣмъ не менѣе будетъ воспитываться логикой самыхъ событій.

Мы не думаемъ отрицать, что печатное слово, какъ и слово устное, какъ всякое случайное обстоятельство, можетъ въ какой-либо краткій моментъ кризиса произвесть непосредственное дѣйствіе. Это и представляетъ такъ-называемыя „возбужденія“ печати. Они могутъ быть иногда вредны, даже преступны; но все-таки не въ нихъ сила: сила въ тѣхъ обстоятельствахъ, которымъ, какъ пороху, недостаетъ только искры для воспламененія. Въ брюссельскомъ театрѣ даютъ оперу „Нѣмая изъ Портичи“. Опера эта служитъ сигналомъ къ возстанію, которое оканчивается осуществленіемъ независимости Бельгіи. Но возможно ли утверждать, что бельгійская революція была

Digitized by Google

вызвана представленіемъ оперы? По нашему преданію, бѣгство монаха изъ Чудова монастыря было непосредственнымъ поводомъ къ цѣлой исторической эпохѣ „смутнаго времени“. Но кто же можетъ думать, что ничего подобнаго смутному времени не могло бы произойдти, еслибъ не бѣжалъ изъ Чудова монастыря монахъ?—и почему теперь можетъ бѣжать изъ монастыря не одинъ монахъ, а смутнаго времени не будетъ? Когда въ Парижѣ революціонное движеніе готово было выступить на улицу, то „возбужденія“ газетъ могли служить непосредственнымъ сигналомъ къ наступленію борьбы. Но то же самое дѣйствіе могъ произвесть всякій иной поводъ. Такъ, сигналомъ къ низверженію Людовика-Филиппа послужила вовсе не статья въ газетахъ, а какой-то нечаянный выстрѣлъ, произведенный кѣмъ-то на улицѣ, причемъ осталось совершенно неизвѣстно, кто выстрѣлилъ и въ кого: достаточно было звука, чтобы началась борьба.

Подобныя „возбужденія“ печати, повторяемъ, могутъ быть непосредственно вредны и преступны. Но вѣдь это уже не печать, а просто мятежное дѣйствіе; это нельзя назвать заявленіемъ мнѣнія. Если бы ограниченія печати имѣли въ виду только такія случайности, то всѣ законы о печати ограничивались бы однимъ параграфомъ, и даже ни одного спеціальнаго параграфа не было бы нужно, такъ какъ возбужденіе къ мятежу, какимъ бы то ни было способомъ, подходитъ подъ общія опредѣленія любого уголовнаго кодекса.

Но не подобныя воззванія, въ минуты исключительныя, имѣются въ виду кодексами спеціальныхъ законовъ о печати, какіе въ разное время выработывались въ разныхъ государствахъ континентальной Европы. Они имѣли и имѣютъ главною цѣлью нѣчто иное, а именно, сообщить общественному сознанію извѣстное направленіе, господствовать надъ этимъ сознаніемъ, воспитывать общество въ смыслѣ тѣхъ или другихъ принциповъ, соотвѣтствующихъ statu quo. Но такъ какъ никакого status quo въ смыслѣ нравственномъ не бываетъ, ибо смыслъ общества есть совершенствованіе, то и эта цѣль, и средства, избираемыя для ея достиженія, представляются чистѣйшимъ призракомъ. Увеличенію простора для фальши соотвѣтствуетъ только прямое возбужденіе общества противъ этой фальши, ему противной. Такъ у насъ было во времена „Сѣверной Пчелы“. Уменьшеніе простора для правды вызываетъ всегда болѣзненное, напряженное вниманіе публики къ тѣмъ крупицамъ правды, какія еще могутъ проскользнуть въ томъ или другомъ органѣ, у того или другого писателя. Таково было значеніе Бѣлинскаго. Если физическое зараженіе, чума, могутъ передаваться организмамъ, готовымъ воспріять ее, какой-нибудь соломинкой, паутиной,— то какъ же отрицать способность общества отыскивать, угадывать въ самой гомеопатиче-

Digitized by Google

ской дозѣ правдиваго слова — ту идею, которая обществу нужна, которая по ходу историческихъ событій представляетъ въ данный моментъ правду.

Подобно другимъ формамъ, регулирующимъ наши государственныя отправленія, и законы наши о печати заимствовались у Запада, но оставались у насъ долгое время послѣ того, какъ были отмѣнены въ тѣхъ странахъ, изъ которыхъ мы ихъ заимствовали. Это примѣняется какъ къ предварительной цензурѣ, такъ и къ тѣмъ условіямъ, которыми обставлена печать внѣ-цензурная. Практика предварительной цензуры у насъ доказала самымъ наглядньимъ образомъ невозможность воспитанія общества въ извѣстномъ смыслѣ, то-есть независимо отъ смысла событій, посредствомъ ограниченій печати. Пугачевщина явилась безъ всякихъ возбужденій со стороны печати, почти не существовавшей въ то время; 1825 годъ никакъ не былъ вызванъ печатью, находившейся въ то время въ самомъ невинномъ состояніи. Вотъ, напримѣръ, содержаніе одной книжки изъ журнала 20-хъ годовъ „Соревнователь просвѣщенія“: I. Четыре первыя божества Индіи. II. О Людовикѣ XIV. III. О гробахъ въ Герцеговинѣ. IV. Зоя, или не слѣдуйте системамъ философовъ. Къ этому присоединено семь чувствительныхъ стихотвореній; — вотъ и вся книжка. Въ другомъ журналѣ того же времени „Благонамѣренный“: I. Приключеніе въ маскарадѣ. II. Скандинавская миѳологія: боги второй степени. За этимъ 9 еще болѣе чувствительныхъ стихотвореній и мелкія новости. Нужны ли еще послѣ этого какія-нибудь доказательства невинности печати 20-хъ годовъ, и она ли руководила обществомъ? Скорѣе наоборотъ: однимъ изъ второстепенныхъ, но существенныхъ элементовъ событій 20-хъ годовъ было незнакомство ихъ участниковъ съ истиннымъ настроеніемъ народа, т.-е. именно слабость русской печати. Между тѣмъ, вся строгость цензуры въ предшествующую намъ эпоху не могла отвратить мыслей общества отъ необходимости реформъ и прежде всего — освобожденія крестьянъ. При предварительной цензурѣ у насъ явились „Горе отъ ума“, „Ревизоръ“, „Мертвыя души“, критическія статьи Бѣлинскаго, „Записки охотника“ Тургенева. Ими-ли была вызвана крестьянская реформа? Конечно, нѣтъ. Но въ нихъ отражалось ничѣмъ не устранимое общественное сознаніе. Всѣ названныя произведенія были написаны при такихъ условіяхъ, что самыя слова „крѣпостное право“ не могли быть въ нихъ упомянуты, не говоря уже о формулированіи необходимости его отмѣны. Но тѣми же условіями въ обществѣ была вызвана такая нервная чуткость къ затаенному смыслу стѣсненнаго печатнаго слова, что общество видѣло въ тѣхъ произведеніяхъ совершенно ясное отраженіе своей главной мысли, не-

Digitized by Google

смотря на то, что мысль эта не высказывалась никакимъ опредѣленіемъ. Мы еще помнимъ то отвращеніе, съ какимъ читалась въ то время исполненная лжи „Сѣверная Пчела“. Это отвращеніе было такъ сильно, что едва-ли радикальному писателю удалось бы производить то раздраженіе, какое производилъ Булгаринъ, и до такой степени компрометтировать теорію застоя: „все обстоитъ благополучно“, какъ ее компрометтировала „Сѣверная Пчела“. Что же касается названныхъ выше произведеній, въ которыхъ общество искало и находило отраженіе своей мысли, и хотя бы аллегорію, но аллегорію правды, то они, являясь и при предварительной цензурѣ, имѣли такой авторитетъ, какимъ не можетъ похвалиться ни одно изъ произведеній нынѣшней печати, безцензурной.

Обращаясь собственно къ нашему времени, замѣтимъ, что наши законы о печати могли быть, конечно, заимствованы изъ того или другого европейскаго законодательства. Это было дѣло выбора. Но они были заимствованы именно изъ законодательства, разсчитаннаго на такое политическое положеніе, которое представляло наименѣе сходства съ нашимъ. Новые законы о печати могли быть, допустимъ, заимствованы у Пруссіи, государства, въ которомъ царствуетъ сроднившаяся вѣками съ народомъ, глубоко уважаемая имъ династія, и гдѣ однимъ изъ важныхъ элементовъ образованнаго общества является наслѣдственный служилый классъ. Они могли быть заимствованы у Австріи, страны съ разноплеменнымъ населеніемъ, незадолго передъ тѣмъ вступившей на путь реформъ послѣ неудачной войны 1859 года, послѣ долговременнаго застоя, страны съ массою, апатичною къ политическимъ вопросамъ. Нѣтъ, они были перенесены изъ такого политическаго положенія, которое именно не имѣло почти ничего общаго съ коренными данными русской дѣйствительности. Первообразъ ихъ возникъ въ странѣ, потрясенной цѣлымъ рядомъ революцій, странѣ, въ которой есть нѣсколько готовыхъ правительственныхъ персоналовъ, ведущихъ борьбу между собою на жизнь и на смерть; данное правительство въ той странѣ представлялось похитителемъ власти, который наканунѣ ниспровергъ законный порядокъ, и ночью посадилъ въ Мазасъ тѣхъ, которые иначе завтра были бы его судьями. Страна эта съ чуткимъ, одноплеменнымъ населеніемъ, тѣмъ не менѣе вся подѣлена на такіе непримиримые лагери, что каждый изъ нихъ готовъ поставить свое знамя выше знамени національнаго. Тамъ всякій переворотъ имѣетъ свою армію, готовую завтра же выдти на улицу. Вотъ среди какихъ условій возникли тѣ законы, при помощи которыхъ думало удержать свое равновѣсіе тогдашнее правительство той страны. Все его существованіе было эквилибристикой; не имѣя

Digitized by Google

подъ собой сплошного народнаго фундамента, оно подобно акробату должно было довольствоваться балансомъ въ своихъ рукахъ.

Представляетъ ли наше положеніе дѣлъ хоть одну основную черту, сходную съ этими условіями? Ни одной, конечно. Наши основныя данныя діаметрально противоположны только-что указаннымъ. Единственное политическое убѣжденіе массы населенія у насъ—безусловная преданность правительству. Даже дѣйствительныя волненія, еслибъ они происходили на поверхности такого устойчиваго основанія, вовсе не были бы опасны; они были бы безсильны поколебать массу, которая или игнорировала бы ихъ, или, если бы перестала ихъ игнорировать, то отнеслась бы къ нимъ враждебно. Тѣ законы о печати, которые были составлены во Франціи двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, и прежде всего въ виду устраненія „возбужденій" со стороны печати, не могли соотвѣтствовать какой-либо цѣли у насъ, такъ какъ „возбужденія" печати у насъ не могли представлять опасности по отсутствію такихъ элементовъ, которые могли быть „возбуждены". Громадная масса населенія у насъ—крестьянство, искони имѣющее одну политическую вѣру, которая вслѣдствіе освобожденія могла только оживиться, стать еще болѣе сознательною. Сословія: городское, торговое, духовное, служащее и военное, не представляли у насъ матеріала, способнаго къ „возбужденію". Что же оставалось: нѣсколько тысячъ учащихся, нѣсколько тысячъ людей такъ-называемыхъ либеральныхъ профессій: врачей, архитекторовъ, ученыхъ и т. д., изъ которыхъ гораздо бо́льшая часть опять-таки состоятъ на службѣ, и какая-нибудь сотня литераторовъ. Это-ли серьёзный матеріалъ для „возбужденій" печати?

Конечно, образованное общество и у насъ, каковъ бы ни былъ его составъ, все-таки должно представлять ту среду, въ которой зрѣетъ, даже и безъ яснаго формулированія, сознаніе логики событій и ближайшихъ потребностей всего народа. Члены этого общества, смотря по своему положенію, образованію и личному темпераменту, могутъ расходиться во взглядахъ на какое-либо административное направленіе, и въ прессѣ выразится это разногласіе. Но все наше образованное общество, во-первыхъ, по самому своему составу, а во-вторыхъ, по апатіи массы къ стремленіямъ образованнаго класса, не представляетъ никакой самостоятельной силы. И печать, въ которой отражались бы два главныхъ направленія: передовое и консервативное, не могла бы, даже при полной свободѣ, „возбуждать" что-либо, кромѣ такихъ невинныхъ волненій, какъ оживленные разговоры по тому или другому предмету. По отношенію къ какой-либо отдѣльной административной мѣрѣ, къ временному или отдѣльному направленію въ той или другой отрасли администраціи, у насъ, какъ и вездѣ, гдѣ только

Digitized by Google

люди не глухи и не нѣмы, и теперь существуетъ то явленіе, которое называется „оппозиціею". Въ этомъ словѣ, всякій знаетъ, нѣтъ ничего ужасающаго, оно у насъ не можетъ означать того, что̀ означаетъ во Франціи, т.-е. противодѣйствіе одной силы—другой силѣ. Въ Россіи оно можетъ означать только разногласіе въ образованномъ обществѣ относительно того или другого направленія, способность его относиться критически къ отдѣльнымъ актамъ нашей гражданской жизни.

Такое теоретическое разногласіе само по себѣ совершенно безвредно и устранить его притомъ нѣтъ никакой возможности. Вліять на печать и на школу для устраненія такого разногласія, для искусственнаго воспитанія всего общества по избранному шаблону, въ желаемомъ направленіи—есть задача совершенно неблагодарная. Мы уже объяснили выше, что общественное сознаніе, съ разными его оттѣнками, создается ходомъ событій и потребностями, изъ нихъ неудержимо истекающими, а не искусственной прививкой со стороны печати, и не искусственной же прививкой посредствомъ вліянія на печать. Весь вопросъ, въ наличномъ результатѣ, сводится, стало быть, на то: желательно-ли или не желательно, чтобы въ Россіи теоретическое разногласіе, существующее въ обществѣ, и совершенно неустранимое, могло съ ясностью и опредѣленностью находить себѣ выраженіе въ печати?

Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе современенъ, что война, вновь проявивъ полную основную солидарность не только массы народа, но и образованнаго класса съ верховной властью, сама между тѣмъ заставила сильнѣе биться нравственный пульсъ общества и пріучила его къ нѣкоторой степени простора въ обсужденіи важнѣйшихъ въ настоящую минуту государственныхъ функцій: дѣйствій войскъ, ихъ устройства, снаряженія, продовольствованія, обнаруживающагося въ нихъ духа, и тѣхъ послѣдствій, которыя могутъ возникнуть отъ успѣховъ или неуспѣховъ нашего оружія. Потребность высказываться съ нѣкоторой ясностью въ общественной мысли теперь сильнѣе, чѣмъ когда-либо; опытъ относительнаго простора, предоставленнаго печати по отношенію къ военнымъ событіямъ, доказалъ полнѣйшую безвредность такого относительнаго простора; а съ другой стороны, нѣкоторая къ нему привычка сдѣлаетъ болѣе чувствительнымъ переходъ отъ извѣстной широты во время войны къ сравнительному стѣсненію печати въ обсужденіи общественныхъ дѣлъ будничной жизни въ мирное время.

Съ нашей стороны достаточно, кажется, указать на эту потребность, чтобы рѣшить въ смыслѣ утвердительномъ тотъ вопросъ, который поставленъ выше. И окажется, что не только желательно, но

Digitized by Google

и полезно, чтобы въ Россіи теоретическое разногласіе, существующее въ обществѣ независимо отъ печати, и ничѣмъ неустранимое, могло съ ясностью и опредѣленностью находить себѣ выраженіе въ печати, а не волноваться, будучи замкнуто само въ себѣ. Съ одной стороны, выраженіе его въ печати не можетъ, по нашимъ обстоятельствамъ, представлять никакой опасности даже временныхъ „возбужденій"; съ другой стороны, нѣкоторое разномысліе все равно будетъ существовать, выражается ли оно вполнѣ въ печати или нѣтъ; только въ послѣднемъ случаѣ, оно, какъ затаенная болѣзнь, можетъ пойти въ глубь, искать иныхъ, преступныхъ путей. Пусть лучше существуетъ ясное заявленіе разныхъ оттѣнковъ общественнаго сознанія, даже прямая, открытая, но разсудительная и законная оппозиція, т.-е. критическое отношеніе къ отдѣльной мѣрѣ или направленію въ той или другой области администраціи, чѣмъ кажущійся квіетизмъ печати и подъ нимъ—недоумѣнія или опасенія общества, а еще глубже, въ общественныхъ нѣдрахъ—преступныя попытки тайныхъ подкоповъ подъ весь общественный строй.

Мы вовсе не хотимъ сколько-нибудь намекнуть этими словами, будто эти происки вызваны именно стѣсненіемъ печати; вовсе нѣтъ; но для насъ несомнѣнно, что оно можетъ имъ однако благопріятствовать; мы убѣждены, что если бы общественное сознаніе могло съ ясностью высказываться по вопросамъ политическимъ (каковы болѣе или менѣе всѣ вопросы административные), то сама молодежь отвлекалась бы этимъ отъ совершенно нелѣпыхъ соціалистическихъ фантазій. Ничто не благопріятствуетъ такъ развитію болѣзней, какъ отсутствіе свѣжаго воздуха, достаточнаго свѣта и здороваго движенія. А эти общественно-санитарныя условія и представляются прежде всего возможностью яснаго выраженія въ печати именно того, что̀ въ данную минуту наиболѣе занимаетъ общество.

Мы всегда стараемся ставить вопросы практически. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, хотя бы мы въ теоріи не признавали вообще необходимости спеціальнаго законодательства о печати, но въ то же время понимаемъ всю невозможность предлагать полную его отмѣну. Это было бы, съ нашей стороны, чистѣйшею утопіею. Но ограничительныхъ условій по отношенію къ печати такъ много, что вполнѣ возможно доставить ей значительное облегченіе, выбравъ для отмѣны небольшое число такихъ условій изъ цѣлаго ихъ ряда. Таковы могли бы быть, напримѣръ (чтобы не ограничиться общими словами), то или другое ослабленіе административныхъ мѣръ, съ усиленіемъ власти суда; бо́льшая легкость разрѣшенія политическихъ изданій; избавленіе отъ цензуры печати провинціальной; болѣе рѣдкое устраненіе

Digitized by Google

отъ гласнаго обсужденія того или другого изъ наиболѣе требующихъ обсужденія въ данную минуту предметовъ.

Печать нынѣ лишена возможности давать отпоръ самой нелѣпой пропагандѣ. Она видитъ, напримѣръ, цѣлый рядъ процессовъ, свидѣтельствующихъ, что значительное число молодежи увлекается къ своей гибели ученіями, не могущими выдержать малѣйшей гласной критики. Но, съ одной стороны, ее стѣсняетъ неловкость пользоваться только однимъ правомъ—правомъ произносить обвинительный приговоръ, не разъясняя его мотивовъ, не указывая, въ чемъ именно нелѣпо осуждаемое предпріятіе, гдѣ его источники. Съ другой стороны,—и этого одного повода совершенно достаточно—печать даже совсѣмъ игнорируетъ самые процессы. Естественно, что при такихъ условіяхъ самое слово осужденія, если она его произноситъ, не можетъ имѣть никакого авторитета и никакого дѣйствія, чтобы удержать другихъ молодыхъ людей, могущихъ завтра же стать участниками и вмѣстѣ жертвами преступленія.

О неудобствѣ безсрочности дѣйствія предостереженій говорилось въ печати уже не разъ въ прежнее время. Такъ какъ нѣтъ ни одного изданія, кромѣ оффиціальныхъ или претендующихъ на полу-оффиціальность, на которомъ, съ теченіемъ времени, не накопилось бы двухъ предостереженій, то каждое изъ нихъ становится по-очередно въ виду непосредственной и безсрочной кары. Но къ чему это приводило?—бывали случаи, когда сами караемые искали третьяго предостереженія въ видѣ облегченія, ибо только этимъ способомъ можно освободиться отъ всѣхъ трехъ. Съ другой стороны ограниченіе числа политическихъ изданій создаетъ какъ бы монополію, для удобнѣйшаго контроля, но и со всѣми невыгодами монополіи. Дѣйствительную пользу оно приноситъ только тѣмъ, кто занимается исходатайствованіемъ себѣ концессій на новыя изданія, съ цѣлью немедленно пустить ихъ въ продажу. Стѣсненіе печати провинціальной есть другой видъ той же монополіи. Оно производитъ то, что другіе города Россіи узнаютъ о своихъ дѣлахъ только изъ корреспонденцій петербургскихъ и московскихъ газетъ. Такъ какъ эти корреспонденціи не подписываются и не могутъ подписываться, а для столичнаго изданія мнѣніе одного провинціальнаго города неважно, то отсюда является такое послѣдствіе: органомъ гласности въ этомъ городѣ является не мѣстное, отвѣтственное передъ мнѣніемъ тамошняго общества изданіе, но неизвѣстное лицо, стоящее за спиной столичной редакціи.

Но оставимъ эти подробности нынѣшняго положенія печати. Вопросъ въ томъ, чтобы она могла съ ясностью отражать мнѣнія дѣйствительно существующія въ русскомъ обществѣ и тѣмъ самымъ

Digitized by Google

уничтожать въ немъ всякое затаенное броженіе. Всякое облегченіе при ея настоящихъ условіяхъ было бы особенно важно именно въ этомъ смыслѣ, желательномъ столько же для общества, сколько и для правительства. Тогда печать могла бы разсѣявать многія печальныя недоразумѣнія внутри самой страны, и за границею увидѣли бы необходимость считаться съ русскимъ общественнымъ голосомъ, узнавъ, что оно вовсе не представляется двумя-тремя патентованными частными лицами. Многія предубѣжденія противъ Россіи, какъ какой-то завоевательный орды, тогда исчезли бы на Западѣ, а съ ними и та недружелюбная солидарность Запада противъ насъ, какая выказывалась при настоящей войнѣ, вслѣдствіе опять ложныхъ представленій. Пусть бы эта война, дорого стоющая Россіи, способствовала не только освобожденію балканскихъ славянъ и увеличенію матеріальнаго могущества Россіи, но и возвышенію ея силы нравственной, укрѣпленію и уясненію нашего національнаго сознанія и авторитету голоса русскаго общества въ глазахъ Европы.

Мы вспомнили невольно о войнѣ, — но кто же о ней не вспомнитъ? Въ эту минуту, впрочемъ, война болѣе приглашаетъ насъ къ обсужденію неотложныхъ матеріальныхъ интересовъ и вопросовъ.

Извѣстно, что сословіе торговое, а еще въ бо́льшей степени сословіе мануфактуристовъ, давно, еще до войны, имѣли обыкновеніе постоянно жаловаться на „застой торговли и промышленности". Подобныя жалобы не слѣдуетъ принимать безъ самаго строгаго разбора въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ заявляются собственно съ цѣлью вызвать такъ-называемыя „охранительныя мѣры", для поддержанія внутренняго производства, и имѣющія послѣдовать за ними благотворныя послѣдствія, какъ-то: „возстановленіе" торговаго баланса и улучшеніе вексельнаго курса. Московское отдѣленіе совѣта торговли и мануфактуръ, въ своемъ отчетѣ за 1876 годъ, рисуя печальное положеніе торговли и промышленности въ московскомъ районѣ, также не совсѣмъ упускаетъ изъ виду эту цѣль: оно указываетъ и на неблагопріятный торговый балансъ, и на обильную дань, платимую нами иностранцамъ за привозъ каменнаго угля и желѣза, въ то время, какъ мы сами богаты этими продуктами, и на вредъ, будто бы причиняемый промышленности разрѣшеніемъ безпошлиннаго привоза иностраннаго желѣза для приготовленія нѣкоторыхъ издѣлій. Но отчетъ не ограничивается однимъ указаніемъ на эту цѣль, а разсматриваетъ вопросъ гораздо шире, въ связи съ экономическимъ положеніемъ массы народа, и признаетъ ошибки въ самомъ направленіи дѣятельности нашихъ фабрикантовъ. Сверхъ того, главный фактъ, указываемый и разсматриваемый въ отчетѣ, а именно—при-

Digitized by Google

зисъ, происшедшій въ 1876 году въ торговлѣ и, въ особенности, въ мануфактурной промышленности, дѣйствительно не подлежитъ сомнѣнію, и потому жалобы промышленнаго сословія на этотъ разъ заслуживаютъ полнаго вниманія.

Приведемъ нѣсколько цифръ. По свѣдѣніямъ московскаго коммерческаго суда, общая сумма пассивовъ по несостоятельности была въ 1874 г.—5.313,000 р., при 68 случаяхъ; въ 1875 г.—10.900,000 р., при 56 случаяхъ; а въ 1875 г. — 31.495,000 р., при 113 случаяхъ. Послѣдняя цифра такъ велика, что ничего подобнаго ей еще не бывало: она превосходитъ втрое сумму несостоятельностей 1875 года и почти вчетверо такую же сумму 1874 года. При этомъ, измѣненіе съ году на годъ, въ эти послѣдніе годы, средняго размѣра несостоятельности было таково, что указывало, какъ кризисъ, постепенно усиливаясь, захватывалъ болѣе крупныя предпріятія и приводилъ къ несостоятельности фирмы весьма солидныя. Собственно мануфактурная промышленность въ приведенныхъ цифрахъ несостоятельности участвовала слѣдующими долями: въ 1874 г.—2.399,000 р., въ 1875 г. —2.308,000 р., и въ 1876 г.—17.961,000 р. Итакъ, несостоятельность въ мануфактурной промышленности московскаго округа за одинъ 1876 годъ превышала почти въ восемь разъ несостоятельность каждаго изъ двухъ предшествующихъ годовъ въ отдѣльности, и почти въ четыре раза совокупную несостоятельность тѣхъ двухъ годовъ, взятыхъ вмѣстѣ. При этомъ надо еще имѣть въ виду, что не всѣ случаи несостоятельности обнимаются приведенными данными. Не рѣдки случаи окончанія разсчетовъ посредствомъ „сдѣлокъ", то-есть безъ учрежденія конкурсовъ и администрацій, а цифры такихъ „частныхъ" несостоятельностей въ данныя коммерческаго суда не входятъ.

Общее положеніе рисуется въ отчетѣ такъ: „въ настоящее время можно сказать безъ преувеличенія, что нѣтъ ни одной фирмы въ Москвѣ, которая не понесла бы болѣе или менѣе значительныхъ убытковъ и не была бы вынуждена къ болѣе или менѣе значительному сокращенію своихъ оборотовъ."

Чѣмъ же объясняетъ московскій отчетъ такое поразительное увеличеніе несостоятельностей въ одномъ изъ главныхъ центровъ нашей торговли и въ важнѣйшемъ центрѣ нашей фабрикаціи? Изложимъ вкратцѣ его объясненіе. Проведеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ расширило область прямыхъ торговыхъ сношеній Москвы, и число потребителей такимъ образомъ возросло. Возвышеніе спроса повело къ расширенію фабричнаго производства. Но такъ какъ одного улучшенія сообщеній было еще недостаточно для того, чтобы значительно усилить народное потребленіе, то усиленное производство скоро превзошло размѣръ требованія на товары. Между тѣмъ, фабриканты, затративъ однажды

Digitized by Google

большія деньги на расширеніе своего производства, не хотѣли несть потерь, связанныхъ съ сокращеніемъ его, но поддерживали и продолжали расширять производство, при помощи широкаго кредита банковъ. На рукахъ фабрикантовъ и оптовыхъ торговцевъ стали накопляться запасы товаровъ, и вскорѣ послѣдовало значительное пониженіе цѣнъ, а вмѣстѣ—удлиненіе сроковъ продажи, то-есть отдаленіе разсчетовъ. При такомъ пріемѣ, отъ торговцевъ и фабрикантовъ заслонялись дѣйствительныя потребности рынка въ тѣхъ или другихъ продуктахъ, и производство продолжалось въ такихъ размѣрахъ, которые не соотвѣтствовали потребности. Въ то же время, развитіе спекуляціи, также при помощи „широкаго кредита“ въ банкахъ, охватившей не только фондовый, но и товарный рынокъ, создавало искусственныя потребности и искусственныя цѣны, чѣмъ окончательно вводило производителей въ ложное положеніе. Такимъ образомъ, уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ, нашъ рынокъ страдалъ переполненіемъ. Неурожай 1873 года въ нижнемъ Поволжьѣ и на югѣ Россіи сократилъ и дѣйствительное потребленіе мануфактурныхъ товаровъ, а неурожай 1875 года въ южной окраинѣ, части Малороссіи и восточной части степной области, произвелъ новое стѣсненіе, и все это отразилось самымъ неблагопріятнымъ образомъ на московской промышленности. Наконецъ, отчетъ указываетъ прямо, между прочимъ, и на несомнѣнное обѣднѣніе сельскаго населенія, а за нимъ и всего народа, сказавшееся въ значительномъ сокращеніи потребленія за послѣдніе годы. Это сокращеніе потребленія выразилось и въ состояніи внутренней торговли и даже въ уменьшеніи въ настоящемъ году привоза.

Въ ряду всѣхъ указываемыхъ отчетомъ причинъ наиболѣе серьёзнымъ фактомъ представлялось бы обѣднѣніе вообще сельскаго населенія, еслибъ оно было достаточно доказано, что отчетомъ не сдѣлано, и что, надо замѣтить, сдѣлать трудно. Фактъ столь огромной важности нельзя признавать за достовѣрный на одномъ основаніи несоотвѣтствія потребности размѣрамъ производства. Но фактъ „обѣднѣнія“ въ смыслѣ весьма относительномъ можно допустить въ числѣ причинъ промышленнаго кризиса.

На то, въ какомъ смыслѣ можно, съ нѣкоторой правдоподобностью, допускать сокращеніе спроса вслѣдствіе уменьшенія средствъ, отчетъ какъ-бы указываетъ самъ, когда упоминаетъ, что первоначальный и сильный толчокъ расширенію размѣровъ мануфактурнаго производства было—проведеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ. Въ помѣщенной выше статьѣ г. Бліоха объ экономическомъ положеніи Россіи приводятся громадныя цифры капиталовъ, выпущенныхъ въ обращеніе постройкою и эксплуатаціею желѣзнодорожной сѣти въ 20 тысячъ

Digitized by Google

верстъ. Проведеніе этой сѣти не только расширило районъ непосредственнаго сбыта издѣлій Москвы, которая сдѣлалась именно важнѣйшимъ центромъ нашей желѣзнодорожной сѣти: насколько районъ сбыта расширился желѣзными дорогами, настолько увеличеніе сбыта представляло явленіе прочное, а не временное. Число потребителей, увеличившееся вслѣдствіе такого расширенія, не могло съ тѣхъ поръ уменьшиться, не можетъ уменьшиться и впредь. Явленіе это слѣдуетъ, впрочемъ, опредѣлить точнѣе. Что значитъ расширеніе района „непосредственнаго "сбыта? Вѣдь для самыхъ размѣровъ сбыта московскихъ фабричныхъ издѣлій внутри Россіи въ сущности все равно, закупались ли они въ Москвѣ и на ярмаркахъ иногородными оптовыми торговцами и развозились на подводахъ въ пункты продажи, или московскіе оптовые торговцы и даже сами московскіе фабриканты могли, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, завесть въ тѣхъ пунктахъ свои собственные склады. Количество потребленія продуктовъ отъ такого измѣненія въ способѣ ихъ сбыта могло увеличиться не въ значительной степени; въ болѣе значительной степени могли увеличиться отъ такой перемѣны только барыши московскихъ купцовъ и фабрикантовъ, такъ какъ устранялось до нѣкоторой степени посредничество и связанный съ нимъ барышъ посредниковъ. Насколько устраненіе этого барыша могло удешевлять продукты на мѣстахъ продажи, оно дѣйствительно дѣлало ихъ доступными бо́льшему числу потребителей, а, стало быть, могло увеличивать и самые размѣры сбыта. Но, зная пріемы нашей торговли, можно съ нѣкоторой достовѣрностью утверждать, что такое удешевленіе представлялось только въ исключительныхъ случаяхъ, а вся выгода отъ устраненія посредничества оставалась въ пользу московскихъ оптовыхъ торговцевъ и фабрикантовъ. Стало быть, самые размѣры сбыта только въ незначительной степени могли увеличиться оттого, что торговыя сношенія сдѣлались непосредственными въ бо́льшемъ противъ прежняго районѣ, что возросло число прямыхъ покупателей-потребителей собственно у московскаго рынка.

Главнымъ элементомъ, вліявшимъ на увеличеніе самаго потребленія фабричныхъ продуктовъ, при посредственной ли ихъ выпискѣ или непосредственной куплѣ, должно было представляться все-таки не что иное, какъ размѣръ тѣхъ денежныхъ средствъ, тѣхъ постоянныхъ или временныхъ заработковъ и возникающихъ изъ нихъ сбереженій, какими располагала масса населенія. И вотъ, когда мы видимъ, что постройка желѣзно-дорожной сѣти сопровождалась расходомъ въ полтора милліарда рублей, что заработки, которые доставила разнымъ классамъ населенія самая постройка желѣзныхъ дорогъ, составили сумму въ 574 милліона рублей, а заработки, доставленные эксплуа-

Digitized by Google

таціею желѣзныхъ дорогъ въ теченіи всего 11-ти лѣтъ, составили сумму въ 390 милл. р., тѣ же и другіе вмѣстѣ 964 милл. рублей,—то не можемъ не придти къ заключенію, что усиленіе заработковъ въ странѣ на такія громадныя суммы должно же было отозваться на усиленіи потребленія мануфактурныхъ товаровъ. Почти милліардъ рублей, пущенный на новые заработки въ продолженіи главнымъ образомъ послѣдняго десятка лѣтъ, не могъ же пройти безслѣдно для фабрикаціи предметовъ, относящихся ко всему народному быту.

Если въ настоящее время находятъ возможнымъ указывать намъ на „несомнѣнное обѣднѣніе" массы народа, то мы не можемъ принять этого положенія за фактъ доказанный, и должны объяснять себѣ „обѣднѣніе" въ смыслѣ весьма относительномъ; но самая возможность заявленія объ „обѣднѣніи" все-таки доказываетъ, что нѣтъ повода предполагать въ сельскомъ населеніи въ настоящее время значительныхъ сбереженій. А въ такомъ случаѣ, куда же дѣвались тѣ громадныя суммы 481 милл. р. и 195 милл. р., которыя, по исчисленію г. Бліоха, были издержаны собственно только на „низшій" трудъ при постройкѣ и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ?

Допустимъ, что этотъ капиталъ въ 676 милл. р. пошелъ отчасти на уплату податныхъ сборовъ, на покрытіе той несоотвѣтственности, какую представляютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ выкупные платежи, съ средней доходностью земли. Этимъ объясняется указываемое тѣмъ же авторомъ уменьшеніе податныхъ недоимокъ. Но вѣдь не вся же сумма усиленныхъ заработковъ могла пойти единственно на эту, податную потребность. Лучшимъ доказательствомъ тому служили какъ быстрое возрастаніе бюджетныхъ доходовъ, въ которомъ преобладающую роль играло возрастаніе дохода акцизно-питейнаго, такъ и усиленіе иностраннаго привоза. Но если могло въ сильной степени возрастать потребленіе вина и потребленіе заграничныхъ продуктовъ, то было бы нелогично отрицать, что возвышеніе заработковъ должно было одновременно отзываться и на быстромъ возрастаніи потребленія продуктовъ внутренней фабрикаціи.

Такое возрастаніе потребленія фабричныхъ продуктовъ еще вовсе не предполагаетъ расточительности, какъ и возрастаніе потребленія вина, въ общей сложности, еще не предполагаетъ неизбѣжно усиленія пьянства. Извѣстно, что въ странахъ, гдѣ пьянство развито менѣе, чѣмъ въ Россіи, по причинамъ какъ климатическимъ, такъ и экономическимъ, общее потребленіе вина на душу населенія, тѣмъ не менѣе, выше чѣмъ въ Россіи. Менѣе обслѣдованъ, но, кажется, вовсе не требуетъ доказательствъ тотъ фактъ, что нѣтъ въ Европѣ страны, гдѣ потребленіе мануфактурныхъ предметовъ на душу населенія было бы такъ ограниченно, какъ въ Россіи. Достаточно взглянуть на домашній

Digitized by Google

обиходъ нашего средняго крестьянина, чтобы признать, что его потребленіе фабричныхъ издѣлій на одежду, посуду, повозки, упряжь, даже орудія, представляетъ минимумъ возможнаго. Не только до расточительности на эти предметы, но и до сколько-нибудь сноснаго (на иностранный образецъ) быта ему еще очень далеко. Итакъ, не было ничего удивительнаго въ томъ фактѣ, что часть усиленныхъ заработковъ, представленныхъ постройкой и эксплуатаціей желѣзныхъ дорогъ, рабочіе употребили послѣ уплаты податей еще и на нѣкоторое улучшеніе одежды, пищи, освѣщенія, орудій, домашней утвари. И дѣйствительно, слышатся отзывы, что хотя улучшеній собственно въ хозяйственной части нѣтъ, но въ нѣкоторыхъ домашнихъ принадлежностяхъ въ селеніяхъ центральной Россіи замѣтна нѣкоторая противъ прежняго роскошь. Эта „роскошь“ представляется преимущественно лишнимъ платьемъ и платкомъ у женщинъ, сапогами вмѣсто лаптей, у мужчинъ, свѣчей или лампой вмѣсто лучины, чаемъ, постройками въ избахъ трубъ и т. п. Въ отдѣльности такія улучшенія ничтожны, а серьёзныхъ, то-есть именно хозяйственно-инвентарныхъ улучшеній, крестьяне сдѣлать не съумѣли. Да оно было и естественно: земельное хозяйство улучшается только само собою—урожаями, когда они бываютъ. А отхожіе промыслы, какъ бы ни были временно велики заработки, скорѣе ведутъ къ пренебреженію хозяйствомъ, а не къ улучшенію его. И притомъ, условія сельскаго быта у насъ были до того, если можно такъ выразиться—„нечеловѣческія“, что странно и говорить о такой „роскоши“, которая представляется замѣной лубковъ въ избахъ—стеклами, лаптей—сапогами, и лучины—свѣчкой.

Улучшенія эти, въ отдѣльности, повторяемъ, были незначительны, но между тѣмъ, въ своей сложности, они все-таки должны были составить очень значительное и—главное—весьма быстрое возвышеніе спроса. Вотъ то обстоятельство, которое играло, вѣроятно, главную роль въ томъ расширеніи сбыта, которая побудила московскихъ фабрикантовъ дѣлать затраты для развитія размѣровъ ихъ производства.

Выше мы уже упомянули, что собственно расширеніе района „непосредственныхъ сношеній“ московскихъ оптовыхъ торговцевъ и фабрикантовъ не могло имѣть большого вліянія на увеличеніе сбыта фабричныхъ издѣлій московскаго района въ конечномъ результатѣ, а могло скорѣе только увеличить нѣсколько ихъ барыши. Но мы должны допустить еще одно, добавочное предположеніе. Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на сбытъ фабричныхъ издѣлій, какъ то доказывалъ г. Петерсонъ у насъ въ своей статьѣ „Техника и техники“, выражается прежде всего въ томъ, что большіе фабричные центры подавляютъ мелкую производительность даже отдаленныхъ мѣстностей. Объеди-

Digitized by Google

няя до извѣстной степени страну въ промышленномъ отношеніи, желѣзныя дороги способствуютъ тому „раздѣленію труда“ или, лучше сказать той спеціализаціи производствъ по мѣстностямъ, которая есть одно изъ условій сосредоточенія разныхъ производствъ въ рукахъ сильнѣйшихъ фабрикантовъ. Вліяніе проведенія желѣзныхъ дорогъ должно было способствовать расширенію сбыта московской фабрикаціи, и по этой, только-что указанной, причинѣ продукты ея вытѣснили, своей сравнительной дешевизной, продукты мѣстнаго, кустарнаго и мелкозаводскаго производства. Но все-таки среди всѣхъ этихъ причинъ, наибольшее мѣсто не могло не принадлежать полутора-милліардному капиталу, издержанному на постройку желѣзныхъ дорогъ, а въ томъ числѣ 676 милліонамъ рублей собственно „низшихъ“ заработковъ.

Подъ вліяніемъ этого важнѣйшаго явленія, а также и другихъ, упомянутыхъ экономическихъ послѣдствій проведенія желѣзно-дорожной сѣти, промышленность главнаго центра этой сѣти, а именно Москвы и подмосковнаго района, должна была быстро расширить размѣры своего производства и продолжать производство въ этихъ размѣрахъ, чтобы не лишиться затратъ, недавно положенныхъ на такое расширеніе. Между тѣмъ не всѣ элементы увеличенія спроса представляли явленіе постоянное, пріобрѣтеніе прочное. Получивъ возможность завесть склады своихъ издѣлій или свои конторы тамъ, гдѣ онъ прежде ихъ не имѣлъ, и отчасти подавляя промышленность другихъ мѣстностей могуществомъ своего капитала, московскій промышленный районъ дѣлалъ пріобрѣтеніе прочное. Новыя завоеванныя имъ области сбыта при немъ и останутся. Но совсѣмъ иначе представляется то явленіе, которое, вѣроятно, было все-таки главнымъ факторомъ усиленія потребленія мануфактурныхъ товаровъ вообще: заработки отъ постройки желѣзныхъ дорогъ. Это было явленіе случайное, временное; оно стало уменьшаться, а между тѣмъ вызванное имъ расширеніе мануфактурнаго производства продолжало существовать и дѣйствовать—и вотъ, быть можетъ, главная причина того, что московская промышленность въ концѣ-концовъ оказалась „зарвавшеюся“.

Потребленіе должно было сократиться не только вслѣдствіе частныхъ неурожаевъ, но и вслѣдствіе огромнаго общаго уменьшенія заработковъ при сокращеніи желѣзно-дорожнаго строительства. Желѣзныхъ дорогъ строилось болѣе всего въ періодѣ 1868—1871 гг., а именно отъ 1775-ти до 2626 верстъ въ годъ. Въ 1872 году, годовая постройка вдругъ упала до 510 верстъ, и хотя снова возросла въ 1873 и 1874 годахъ, но съ тѣхъ поръ стала уже постепенно и рѣшительно уменьшаться. Мало того. Въ прежнее время расходы на постройку были больше, по самой новизнѣ дѣла. Когда

Digitized by Google

верста была разсчитана въ 88 тысячъ рублей основного капитала, не было причинъ соблюдать той экономіи, которая стала совершенно необходимой при цѣнѣ въ 58 и до 32 тысячъ рублей на версту.

Такимъ образомъ, заработки отъ постройки желѣзныхъ дорогъ, въ послѣдніе два года (1875 и 1876), должны были сильно сократиться, а съ сокращеніемъ ихъ неминуемо должно было сократиться и потребленіе мануфактурныхъ продуктовъ. Это происходило независимо отъ неурожаевъ, и въ доказательство можно указать еще разъ на данныя, представленныя акцизно-питейнымъ сборомъ и иностраннымъ привозомъ. Поступленіе акцизно-питейнаго сбора представило поразительно-быстрое возростаніе именно въ періодъ наибольшаго развитія желѣзно-дорожнаго строительства; ему же соотвѣтствовало и возрастаніе привоза. Столь быстрое возростаніе главныхъ государственныхъ доходовъ не могло произойти отъ прочнаго возвышенія уровня благосостоянія народа, потому что такое прочное возростаніе всегда идетъ только постепенно и медленно. Притомъ результаты его бываютъ видны не въ одномъ возростаніи казенныхъ доходовъ, но и въ улучшеніи самого хозяйственнаго инвентаря страны, — улучшеніи, котораго у насъ нѣтъ слѣдовъ, если возможны нынѣ отзывы о „несомнѣнномъ обѣднѣніи сельскаго населенія, а съ нимъ и всего народа“. Поступленіе акцизно-питейнаго сбора и цифра привоза, съ сокращеніемъ размѣровъ желѣзно-дорожнаго строительства, не только не удержали прежнихъ размѣровъ возростанія, но за два послѣдніе года стали *падать*. А если эти двѣ цифры потребленія выказали огромную отсталость отъ прежняго своего возростанія, то логика требуетъ допустить, что и цифра потребленія внутреннихъ мануфактурныхъ продуктовъ должна была, въ одно время и подъ вліяніемъ той же главной причины, обнаружить сильный упадокъ, означая сокращеніе потребленія вообще.

Вотъ въ какомъ смыслѣ намъ кажется вполнѣ возможнымъ допустить „обѣднѣніе“ рабочей массы. Извлекъ въ значительной мѣрѣ источникъ усиленныхъ, но временныхъ ея заработковъ, увеличивавшихъ, въ свою очередь, и временнымъ же образомъ, потребленіе ею мануфактурныхъ продуктовъ. Это вовсе еще не означаетъ, что положеніе земледѣльческаго класса теперь хуже, чѣмъ оно было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, то-есть до усиленнаго желѣзно-дорожнаго строительства. Напротивъ: насколько желѣзныя дороги оживили производительность вообще, усилили нашъ вывозъ, подняли цѣны на сельско-хозяйственные продукты и доставили странѣ прочные заработки (по эксплуатаціи), настолько положеніе сельской массы нынѣ представляется несомнѣнно болѣе благопріятнымъ, чѣмъ въ то время, о которомъ сейчасъ упомянуто, и эти прочныя пріобрѣ-

Digitized by Google

тенія послужатъ залогомъ дальнѣйшихъ, постепенныхъ, но солидныхъ пріобрѣтеній въ будущемъ.

Что при такомъ двукратномъ колебаніи размѣровъ потребленія должны были пострадать прежде и болѣе всѣхъ производители мануфактурныхъ предметовъ и оптовые торговцы, ведущіе съ ними дѣла, — это было неизбѣжно. Фабрикантовъ нельзя даже винить въ неосторожности, въ излишнемъ увлеченіи. Во-первыхъ, промышленность не можетъ предвидѣть съ точностью моментовъ подобныхъ колебаній спроса. Во-вторыхъ, эволюція мануфактурнаго производства медленна. Даже при отсутствіи новыхъ затратъ на расширеніе производства, большой фабрикантъ долженъ разсчитывать размѣры своего оборота на нѣсколько лѣтъ: самый сбытъ и разсчеты по сбыту медленны, а притомъ убыточный годъ, даже два и три такихъ года, покрываются однимъ годомъ большихъ барышей, которые бываютъ именно въ мануфактурномъ дѣлѣ. Оно все разсчитано на такіе, бойкіе годы, и для него всего убыточнѣе—простой машинъ, сокращеніе производства. Вотъ почему, капитальной фабрикаціи совершенно невозможно слѣдить, подобно ремесленникамъ, за колебаніями спроса въ каждомъ отдѣльномъ году, и соотвѣтственно этимъ колебаніямъ расширять или сокращать размѣры производства. Одно такое расширеніе можетъ потребовать затратъ, которыя покроются только послѣ цѣлаго ряда годовъ.

Но изъ кризиса, наступившаго для большихъ формъ, ошибочно было бы выводить заключеніе объ общемъ „обѣднѣніи“ народа. Мы уже высказали, въ какомъ относительномъ и случайномъ смыслѣ можно допустить „обѣднѣніе“. Что же касается большой промышленности, то ей остается только ожидать того времени, когда естественный ходъ вещей, ростъ населенія, новое усиленіе заработковъ и развитіе потребностей создадутъ новое повышеніе спроса. Вся исторія большой индустріи состоитъ изъ ряда подобныхъ „приливовъ“ и „отливовъ“. При этомъ, естественно, не обходится безъ частныхъ разореній, какъ и безъ огромныхъ барышей, въ иное время. Громадный оборотъ быстраго желѣзно-дорожнаго строительства вездѣ вызывалъ кризисы, независимо даже отъ политическихъ обстоятельствъ. У насъ же, въ странѣ крайне-медленнаго экономическаго развитія, онъ представилъ нѣчто въ родѣ того „золотого дождя“, какой явился въ Германіи пятью милліардами франковъ французской контрибуціи. Вѣдь основной капиталъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ—1.544 милл. кред. рублей представилъ также недалеко до пяти милліардовъ франковъ. И если сокращеніе строительства повліяло на возникновеніе и у насъ чего-то въ родѣ „краха“, то остается только пожелать, чтобы этотъ крахъ ограничился только

Digitized by Google

нынѣшними размѣрами мануфактурнаго кризиса, а не коснулся области частныхъ кредитныхъ учрежденій, способствовавшихъ своими „широкими кредитами“ переполненію не только рынка товарнаго, но и рынка бумажныхъ цѣнностей.

Всего ошибочнѣе было бы требовать поддержанія мануфактурной промышленности посредствомъ протекціонистскихъ мѣръ. Указаніе отчета московскаго отдѣленія на наши уплаты иностранцамъ за ввозимые къ намъ каменный уголь и желѣзо, которыми мы сами богаты, не имѣетъ въ настоящемъ случаѣ практическаго значенія. Ввозъ угля и желѣза обусловливается потребностями самого нашего мануфактурнаго производства. Если главную причину кризиса, для него наступившаго, видѣть въ переполненіи рынка, вслѣдствіе чрезмѣрнаго производства, то тѣмъ болѣе странно было бы поддерживать прежніе размѣры этого производства искусственными мѣрами на счетъ потребителей. Если главную причину кризиса видѣть въ прекращеніи временныхъ высокихъ заработковъ, то тѣмъ менѣе своевременно было бы облагать рабочее населеніе новымъ налогомъ, такъ какъ значительное возвышеніе таможеннаго тарифа и безъ того уже состоялось въ видѣ взиманія пошлинъ золотомъ, и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ сокращенія привоза по многимъ статьямъ будетъ вздорожаніе однородныхъ внутреннихъ продуктовъ.

На вредѣ протекціонныхъ мѣръ мы настаиваемъ не потому, чтобы приписывали московскому отчету какъ главную цѣль именно,—стремленіе вызвать такія мѣры. Нѣтъ, мы просто имѣемъ въ виду то, что́ произошло въ сосѣдней странѣ—въ Германіи. Тамъ за временнымъ, огромнымъ, и въ значительной степени худо разсчитаннымъ расширеніемъ производства, наступилъ кризисъ, а за кризисомъ произошло серьёзное усиленіе протекціонистскихъ стремленій, причемъ указывалось наиболѣе именно на мнимую необходимость возвысить пошлины на иностранный уголь и иностранное желѣзо. Вотъ эта-то аналогія собственно и побудила насъ напомнить, независимо отъ всѣхъ прочихъ доводовъ противъ протекціонизма, о такихъ простыхъ фактахъ, что ввозъ угля и желѣза идетъ въ пользу самого нашего мануфактурнаго производства, а что касается мануфактурныхъ издѣлій, то въ дѣйствительности нашъ таможенный тарифъ уже возвышенъ *почти на половину* прежняго размѣра, такъ какъ вмѣсто 58-ми копѣекъ, представляемыхъ кредитнымъ рублемъ, иностранный товаръ оплачивается полнымъ металлическимъ рублемъ, а внутреннія издѣлія могутъ продаваться по прежнимъ цѣнамъ. Кажется, бо́льшаго поощренія нашимъ фабрикантамъ невозможно и требовать.

Digitized by Google

Другое дѣло—мѣры по облегченію сбыта нашихъ мануфактурныхъ продуктовъ на азіатскихъ рынкахъ, которыя указываются московскимъ отчетомъ, а также и его ссылка на вредъ внутренняго акциза съ соли, который, по справедливому отзыву отчета, безъ всякаго сравненія превосходитъ тѣ выгоды, какія извлекаетъ казна изъ этого акциза. Не подлежитъ сомнѣнію, что всякое улучшеніе въ положеніи сельскаго хозяйства принесетъ и мануфактурной промышленности пользу болѣе прочную, чѣмъ какія-либо протекціонистскія мѣры. Первое вызываетъ естественное усиленіе спроса фабричныхъ продуктовъ, второе же, стѣсняя потребленіе иностранныхъ фабрикатовъ, оставляетъ и внутреннія издѣлія мало доступными для бѣднѣйшихъ классовъ именно потому, что искусственно поддерживаетъ дороговизну тѣхъ издѣлій. Сельское хозяйство вездѣ и всегда домогалось облегченія таможенныхъ тарифовъ; а истинные, прочные успѣхи мануфактурной промышленности въ странѣ должны представляться въ ея солидарности съ интересами сельскаго хозяйства и торговли, а не въ разладѣ съ успѣхами народнаго благосостоянія.

Digitized by Google

БУДУЩНОСТЬ СЛАВЯНСТВА.

О современномъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ славянъ западныхъ и южныхъ.—«Славянскій сборникъ», томъ I.

Тэма, какую мы поставили, способна внушить недовѣріе чита телю даже интересующемуся славянскими предметами: такъ много уже было наговорено о будущей побѣдѣ славянства надъ европейской цивилизаціей, что читатель и не ждетъ иного разговора. Съ другой стороны, теперь нѣтъ моды, какая бывала въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ: въ то время различные, въ томъ числѣ и русскіе beaux-esprits любили загадывать, что̀ такое будетъ, напримѣръ, въ 2877 году?—и т. п.

Но загадывать не лишнее. Это—разсчитывать результаты прошедшаго и настоящаго, угадывать концы того движенія, какое идетъ теперь, и затѣмъ судить, какое направленіе въ настоящемъ могло бы устранять результаты, намъ непріятные, или привести тѣ, къ которымъ хотѣлось бы придти. Для подобнаго разсчета исторія можетъ доставлять весьма поучительные матеріалы: пользуясь ими съ извѣстной критикой, иной разъ можно выяснить отчасти и настоящее. Исторія не есть точная наука; но окончательный идеалъ ея и состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно больше подойти къ точнымъ наукамъ, и по даннымъ фактамъ предсказывать результатъ, по прошедшему угадывать будущее.

Всякій ищетъ въ будущемъ торжества своего идеала, исполненія своихъ pia desideria. По поводу нашихъ славянскихъ отношеній, очень распространено у насъ мнѣніе, что „славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ“; но европейцы думаютъ иначе—отъ одного очень образованнаго, даже ученаго европейца намъ случилось слышать прямо противоположное мнѣніе, что „оно изсякнетъ“: славяне исчезнутъ какъ слабѣйшая культурная раса, а за славянами и мы исчезнемъ подъ наплывомъ сильнѣйшей культурной расы. Разумѣется, въ будущемъ довольно отдаленномъ,—но тѣмъ не менѣе ожидается именно это. Каждая сторона, конечно, убѣждена въ своемъ, и въ этихъ столь противоположныхъ ожиданіяхъ, какъ ни далеко они идутъ, сказывается, однако, борьба, дѣйствительно существующая.

Что̀ станется съ западнымъ и южнымъ славянствомъ, особенно съ нѣкоторыми его отдѣлами,—уже теперь составляетъ проблему. Разовьется славянство, или будетъ вымирать, обращаться въ нѣмцевъ, мадьяръ, итальянцевъ, грековъ, какъ уже *обращалось* и *обращается?*

Digitized by Google

Въ то время, когда наше общество еще очень мало интересовалось славянствомъ (это было еще весьма недавно), въ ноябрѣ 1874 г., въ засѣданіи славянскаго комитета въ Петербургѣ, одинъ изъ членовъ его, г. Будиловичъ, прочелъ рѣчь о современномъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ славянъ западныхъ и южныхъ. Въ слѣдующемъ году она явилась въ печати. Насколько помнимъ, на нее никто особенно не обратилъ вниманія; а между тѣмъ, она бы стóила этого, когда разгорались толки о славянствѣ, и славянскій вопросъ ставился въ укоръ Европѣ и европейской цивилизаціи. Г. Будиловичъ (спеціалистъ по славянскимъ предметамъ) передъ тѣмъ только-что вернулся изъ путешествія по славянскимъ землямъ, и въ своей рѣчи передавалъ свѣжія впечатлѣнія. Они могли бы быть тѣмъ болѣе любопытны, что когда авторъ путешествовалъ, не было еще боснійскаго возстанія, не завязывался настоящій южно-славянскій вопросъ, который сдѣлалъ сужденія о дѣлѣ страстными и неспокойными. Авторъ рѣчи видѣлъ и описывалъ мирное, спокойное status quo славянскаго вопроса, въ его обычныхъ отношеніяхъ.

Мы сочли неизлишнимъ познакомить читателя съ этою рѣчью, такъ какъ она есть, вѣроятно, очень близкое выраженіе мнѣній славянскаго комитета, т.-е. тѣхъ его членовъ (это далеко не всѣ), которые стараются опредѣлить себѣ или опредѣлили, чего они хотятъ въ славянскомъ вопросѣ и куда идутъ.

На рѣчи г. Будиловича очень замѣтно, что времена безотчетныхъ стремленій прошли, что теперь уже не довольно однихъ платоническихъ племенныхъ сочувствій и надо выяснить себѣ цѣль и средства къ ея достиженію. Еще не такъ давно, даже искренніе любители славянства (за немногими исключеніями) довольствовались сочувствіями къ „братьямъ“, но имѣли очень темное представленіе о томъ, что же дѣйствительно творится съ этими братьями. Но теперь вопросы стали назрѣвать такъ быстро, и съ такою силой, что сама необходимость заставляетъ вглядѣться въ происходящее и отдать себѣ отчетъ въ фактическомъ положеніи вещей и въ томъ, куда и какъ намъ направить свои сочувствія, пожеланія и практическій трудъ. Если положеніе славянства трудно, то пора уже думать, какъ и чѣмъ ему помочь.

Такъ думалъ авторъ рѣчи еще раньше послѣднихъ событій, и это отношеніе къ дѣлу нельзя не признать серьёзнымъ и очень своевременнымъ. Авторъ ни мало не скрываетъ отъ себя, что положеніе славянства западнаго и южнаго не только тяжело въ настоящее время (это всегда видѣли болѣе или менѣе), но что и въ будущемъ его судьба чрезвычайно проблематична (чего не видѣли или не хотѣли видѣть прежде, занимаясь шовинистскими предполо-

Digitized by Google

женіями объ его будущей побѣдѣ надъ романо-германскимъ міромъ). Впрочемъ, точка зрѣнія г. Будиловича не въ первый разъ высказывается въ нашей литературѣ. Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, ее выставлялъ приблизительно также г. Ламанскій, котораго, если не ошибаемся, г. Будиловичъ есть близкій послѣдователь. Сводя свои впечатлѣнія послѣ пребыванія въ славянскихъ земляхъ, г. Ламанскій пришелъ къ выводамъ очень неутѣшительнымъ и выразилъ ихъ почти недружелюбно. Его замѣчанія относились тогда главнымъ образомъ къ литературѣ. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ люди, интересовавшіеся у насъ славянствомъ,—сколько ихъ было,—еще не думали питать какихъ-нибудь сомнѣній о значеніи и необходимости всѣхъ частныхъ славянскихъ литературъ. Совсѣмъ напротивъ, на тогдашній взглядъ возникновеніе новой маленькой славянской литературы свидѣтельствовало о новомъ успѣхѣ національнаго возрожденія: прибавлялась къ славянскому цѣлому новая сила, и появленію ея надо было радоваться. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Тогда замѣтили, однакожъ, что можетъ быть и нѣкоторое неудобство въ размноженіи этого разноязычія; но неудобство надѣялись покрыть, рекомендуя „славянскую взаимность“, взаимное изученіе славянами своихъ литературъ: главныхъ ихъ было бы только четыре или пять, и Коллару, который заговорилъ объ этой взаимности, казалось, что славянамъ не только не будетъ трудно изучить каждому четыре остальные языка, но что разнообразіе нарѣчій составитъ особенную силу и красоту славянской литературы, какъ нѣкогда различіе діалектовъ украшало литературу эллинскую. Сомнѣніе тѣмъ меньше могло явиться, что въ этотъ періодъ возрожденія западныя и южныя славянскія литературы обнаружили замѣчательную народную и ученую дѣятельность, представили рядъ именъ большого авторитета, которымъ самое возрожденіе было обязано своимъ началомъ и успѣхомъ: у чеховъ—Шафарикъ, Юнгманнъ, Палацкій, Колларъ; у словаковъ—Людевитъ Штуръ; у поляковъ—Линде, Мацѣёвскій; у сербовъ—Вукъ Караджичъ; у хорватовъ—Станко Вразъ; у словинцевъ—Копитаръ и Миклошичъ (послѣдніе—учеными трудами о славянствѣ, хотя писанными по-латыни и по-нѣмецки), и т. д.

Но когда прошелъ начальный періодъ возрожденія и первый пылъ національнаго энтузіазма успокоился, явилась другая точка зрѣнія, закралось сомнѣніе: дѣйствительно ли полезно это крайнее раздробленіе силъ, какое производится существованіемъ отдѣльныхъ литературъ, и въ состояніи ли эти литературы, поневолѣ мелкія въ своей отдѣльности, бороться противъ иноземныхъ вліяній, напирающихъ и въ политикѣ, и въ общественности, и въ наукѣ? Этихъ силъ можетъ быть достаточно для пробужденія перваго народнаго чувства для первой

Digitized by Google

разработки этнографическихъ особенностей племенъ, для элементарныхъ книгъ и элементарныхъ школъ,—но можетъ ли ихъ достать для широкаго развитія науки и литературы, которое помогло бы народностямъ устоять противъ вліянія могущественныхъ литературъ Европы?

Съ такимъ взглядомъ выступилъ г. Ламанскій (быть можетъ, наведенный на него сочиненіемъ Штура: „Славянство и міръ будущаго", которое потомъ онъ напечаталъ въ русскомъ переводѣ). Декорація внезапно перемѣнилась. Другъ славянскаго народа, защитникъ мірового значенія его идей, явился съ суровыми осужденіями противъ славянскихъ литературъ, въ которыхъ онъ не находилъ задатковъ сильной жизни и возможности вести борьбу, считалъ заботы объ ихъ поддержаніи напрасной затратой силъ, которая въ концѣ-концовъ не поможетъ имъ въ сущности ихъ дѣла. Выставленные аргументы были въ одной долѣ совершенно справедливы: въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько племенъ, очень некрупныхъ въ сравненіи съ большими европейскими націями, основываютъ себѣ по особой литературѣ, стараясь наполнить всякіе ея отдѣлы (и конечно заимствуя при этомъ изъ тѣхъ же чужихъ литературъ), дѣлая параллельно въ нѣсколько рукъ одно и то же дѣло и тратя на это много труда, который въ другихъ условіяхъ могъ бы идти на самостоятельную работу на уровнѣ европейской мысли и создать самобытную славянскую науку и образованность. Славянскимъ литературамъ нѣтъ конца; кромѣ крупныхъ народностей, имѣвшихъ старыя литературы, каждый племенной оттѣнокъ, въ періодъ возрожденія, стремился основать свою литературу, хотя бы изъ нѣсколькихъ книгъ, и упорно сопротивлялся принять литературный языкъ ближайшаго, болѣе крупнаго племени. Такимъ образомъ были литературы: русская, и при ней малорусская, и кромѣ того, особая русинская въ Галиціи,—польская,—чешская, и при ней особо словацкая,—сербская, особо православная (съ славянскимъ письмомъ) и католическая (съ латинскимъ),—словинская или хорутанская,—болгарская,—сербо-лужицкая, раздѣленная на два особыя нарѣчія,—итого до двѣнадцати различныхъ литературъ. Размѣры народностей очень разнообразны, отъ 50 милл. русскаго племени до 100 тыс. лужицкихъ сербовъ, у которыхъ притомъ даже двѣ литературы. Какъ мы сказали, мелкіе отдѣлы никакъ не хотѣли присоединиться къ крупнѣйшимъ; словацкое нарѣчіе очень близко къ чешскому и тѣсно съ нимъ связано исторически, но тѣмъ не менѣе хотѣло оставаться отдѣльнымъ; лужичане не присоединялись къ чехамъ или полякамъ; малороссы желали особой литературы отъ русской. Очевиднымъ казалось, что въ этомъ вавилонскомъ столпотвореніи нѣтъ опоры для какого-нибудь широкаго развитія цѣлой славянской лите-

Digitized by Google

ратуры; сила ея размѣнивалась на мелкую монету; овладѣть ею могли только спеціальные ученые, которые овладѣваютъ такимъ же образомъ китайскими, ассирійскими, египетскими письменами; живое, постоянное, непосредственное вліяніе литературъ другъ на друга было невозможно; онѣ оставались чужими для славянина другой народности, и ихъ произведенія надо было переводить такъ же, какъ книги англійскія, нѣмецкія, французскія. Масса общества не могла изучать по четыре славянскихъ языка,—когда для цѣлей образованія необходимо было еще изучать языки европейскіе. Правда, для отдѣльныхъ любителей узнать славянское нарѣчіе было бы гораздо легче, нежели совсѣмъ чужой языкъ, но это во всякомъ случаѣ требовало изученія; да и какую особенную прибыль можно было получить отъ изученія маленькой литературы съ элементарными книгами? Въ результатѣ силы оставались бы раздѣлены, и, слѣдовательно, литературы, сравнительно съ европейскими, осуждены были на положеніе подчиненное и остались бы безсильны бороться съ ихъ подавляющимъ вліяніемъ.

Чтобы помочь такому положенію вещей—а этого требовалъ самый существенный интересъ славянства,—нужно было героическое средство. Нѣкоторые изъ чешскихъ славистовъ думали уже, что этимъ средствомъ должно быть введеніе одного общаго всѣмъ славянамъ литературнаго языка. Была подана и та мысль, что этимъ общимъ языкомъ долженъ стать русскій, какъ языкъ сильнѣйшаго и свободнаго отъ чужеземнаго ига славянскаго народа. На этомъ именно и настаивалъ г. Ламанскій. Только во введеніи русскаго языка заключается для славянскихъ литературъ средство имѣть свое будущее—и не остановиться на мелкомъ и безсильномъ провинціализмѣ.

Взятая въ самыхъ общихъ чертахъ эта мысль была справедлива; но противники г. Ламанскаго (или собственно говоря, былъ только одинъ противникъ, потому что лѣтъ двѣнадцать назадъ у насъ ни мало не интересовались славянскими вопросами) возражали противъ частностей. Вопросъ былъ въ томъ, можно ли требовать отъ славянскаго литературнаго міра принятія русскаго языка на томъ только основаніи, что это языкъ сильнѣйшаго племени; и справедливо ли относиться недружелюбно къ частнымъ литературамъ и отказывать имъ въ правѣ, на существованіе, пока еще нѣтъ другого, лучшаго положенія вещей? Въ самомъ дѣлѣ, введеніе чужого языка (хотя и близкаго) въ свою литературу есть такой литературный переворотъ, котораго нельзя и думать достигнуть какимъ-нибудь соглашеніемъ нѣсколькихъ лицъ. Это былъ бы крупный историческій фактъ, и замѣна своего языка чужимъ, хоть и близкимъ, могла бы совершиться только при сильно дѣйствующихъ, принудительныхъ усло-

Digitized by Google

віяхъ. Нужно, чтобы русскій языкъ въ глазахъ самихъ тѣхъ, кому мы его рекомендуемъ, получилъ притягательную силу, казался необходимостью образованія, чтобы безъ его изученія, безъ чтенія его литературы терпѣли самые важные интересы. Другими словами, *прежде* чѣмъ могъ бы быть принятъ русскій языкъ, *прежде* чѣмъ мы могли бы съ правомъ рекомендовать его принятіе, русская литература должна пріобрѣсти свойства, которыя привлекали бы сами собой нашихъ единоплеменниковъ,—пріобрѣсти свойства большихъ европейскихъ литературъ, обиліе научнаго и общественнаго содержанія и свободу печати. Важность разбираемыхъ вопросовъ, свобода обсужденія привлекли бы къ ней живой интересъ безъ всякихъ притязательныхъ рекомендацій съ нашей стороны. Наши единоплеменники обращались бы сами къ нашей литературѣ, если бы хотѣли принять участіе въ рѣшеніи важныхъ вопросовъ, и писали бы по-русски, какъ теперь русскій писатель, если желаетъ обращаться къ большой публикѣ и говорить свободнѣе чѣмъ дома, прибѣгаетъ къ французскому и нѣмецкому языку. Не забудемъ притомъ, что наши западные и южные братья обставлены чужими народами, имѣющими теперь свободную литературу,—австрійскіе славяне въ огромномъ числѣ владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ (образованные владѣютъ всѣ), такъ что указанное нами условіе становится еще болѣе неизбѣжнымъ.

Итакъ, чтобъ побудить славянъ къ принятію русскаго языка за общій литературный языкъ, намъ гораздо меньше нужно писать приглашеній ихъ къ этому, чѣмъ самимъ дома стремиться къ расширенію нашей собственной литературы.

Съ другой стороны, наше пренебреженіе или недружелюбіе къ литературамъ частныхъ племенъ нимало не поможетъ этой цѣли. Онѣ имѣютъ причину своего существованія, и если мы опасаемся отъ нихъ вреднаго партикуляризма, то противодѣйствовать ему должны вовсе не враждой, а собственнымъ успѣхомъ. Причина ихъ существованія заключается въ самомъ естественномъ, достойномъ всякаго уваженія чувствѣ—любви къ родинѣ. Любовь къ своему языку всасывается съ молокомъ матери; она становится физіологическимъ свойствомъ человѣка—на этомъ языкѣ пѣлись ему колыбельныя пѣсни, говорились материнскія ласки, игрались первыя игры; это былъ языкъ всей домашней обстановки, товарищества, народной жизни, если человѣкъ видѣлъ ее въ дѣтствѣ. Какъ сильна эта физіологическая черта, видно на людяхъ, которые никогда не теряютъ своего пріобрѣтеннаго въ дѣтствѣ акцента; такъ у насъ говорятъ малороссы. Участіе къ народному быту влечетъ за собой любовь къ народному языку: кто хочетъ обращаться къ народу, въ простомъ разговорѣ, въ школѣ,

Digitized by Google

въ книгѣ, всего скорѣе будетъ понятъ, если будетъ говорить понятнымъ ему языкомъ. Въ періодъ славянскаго „возрожденія“ и нашего обращенія къ „народу“, самые внимательные труды положены были на то, чтобы возвратиться къ пониманію народнаго языка, чтобы изъ устъ народа собрать его умственное и поэтическое содержаніе въ видѣ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, преданій и т. д. Эти труды уже были вознаграждаемы дѣйствительными результатами—расширеніемъ нашихъ понятій о народной жизни, лучшимъ направленіемъ общественнаго интереса, сближеніемъ такъ-называемаго общества съ той массой, въ которой кроются національныя силы. Если друзья славянства (мы говоримъ о людяхъ, серьёзно относящихся къ дѣлу) вмѣстѣ съ тѣмъ друзья народа, они не могутъ, или не должны забывать, что когда мы извлекаемъ поученіе изъ этихъ сближеній съ народнымъ содержаніемъ, то не долженъ же самъ народъ оставаться для насъ лишь изслѣдуемымъ субъектомъ; не можемъ же мы, отобравши отъ него результаты его поэтическаго творчества, осудить его на потерю того языка, на которомъ онъ привыкъ жить и думать (мы заботимся, чтобъ онъ потерялъ его, когда враждуемъ противъ мѣстныхъ литературъ), или если не на потерю, то оставленіе его въ младенческомъ неразвитомъ состояніи. Скажутъ, что однако взамѣнъ мы дадимъ ему книги на очень близкомъ ему языкѣ. Мы не очень бы противъ этого спорили, еслибъ дѣйствительно дано было народу школьное обученіе въ обширномъ размѣрѣ, въ многочисленныхъ, здраво поставленныхъ школахъ;—но пока этого нѣтъ, и пока этого не будетъ, единственная, вполнѣ понятная народу книга будетъ книга на его мѣстномъ языкѣ. Поэтому во всемъ славянскомъ мірѣ мы видѣли въ эпоху „возрожденія“ одну всеобщую заботу—ввести въ книгу именно народный языкъ. Когда возникала сербская литература, были люди, думавшіе, что ей выгоднѣе принять русско-церковный языкъ, уже готовый, которой сблизилъ бы ее съ русской; но получило верхъ и оказало потомъ великое вліяніе на возбужденіе народности именно то мнѣніе (Вука Караджича), что надо писать на самомъ народномъ языкѣ, на томъ, который противники называли „свиньярскимъ и говедарскимъ“. И дѣйствительно, этотъ пренебрегаемый языкъ имѣлъ свое великое право: на этомъ, а не на книжно-церковномъ языкѣ создалась великолѣпная поэзія сербскихъ юнацкихъ пѣсенъ. Почти то же у болгаръ: думали нѣкоторые, что сближеніе нынѣшняго языка съ старымъ книжнымъ облегчитъ созданіе новаго книжнаго языка, но беретъ верхъ народный языкъ. Чехи одно время убѣждали, и не могли убѣдить словаковъ забросить словацкій языкъ; у насъ убѣждаютъ сдѣлать то же—малороссовъ.

Опасенія, какія имѣются при этомъ, кажутся намъ совершенно

Digitized by Google

напрасными и ошибочными, и вражда—вредной. Все опять сводится къ значенію основной литературы. Во-первыхъ, насильно милъ не будешь, и эта вражда (замѣтимъ, съ сильнѣйшей стороны) вызываетъ раздѣленіе, еще болѣе вредное; а во-вторыхъ, если основная литература будетъ сама выростать въ своемъ внутреннемъ содержаніи, она сама собой будетъ привлекать мѣстныя силы — широтой своего круга дѣйствій. Сильный умъ или сильный талантъ всегда скорѣе изберутъ ту литературу, которая доставляетъ обширное поприще. Словакъ Шафарикъ сталъ чешскимъ ученымъ, словакъ Колларъ сталъ чешскимъ поэтомъ, малоруссъ Гоголь сталъ великорусскимъ писателемъ и т. д. Съ другой стороны, подавленіе мѣстныхъ литературъ должно дѣйствовать какъ всякое подавленіе естественнаго инстинкта; если оно одерживаетъ верхъ, тогда оно стираетъ характеръ, обезличиваетъ и въ концѣ-концовъ ослабляетъ народную личность, развитіе которой именно и должно бы быть опорой для успѣховъ цѣлаго; если не одерживаетъ верхъ, то лишь больше раздражаетъ и создаетъ вражду, которой могло бы не быть. Въ частномъ вопросѣ нашей малорусской литературы есть еще одна сторона, значеніе которой обыкновенно упускается изъ виду: ея развитіе могло бы дать сильную опору національному движенію въ сосѣдней и родственной Галиціи, помочь „возрожденію“ тамошняго народа, которое должно бы быть для насъ очень большимъ интересомъ съ нашей, великорусской точки зрѣнія.

Такимъ образомъ, все рѣшеніе вопроса о значеніи русскаго языка въ цѣломъ славянствѣ, и въ частности относительно малорусской литературы заключается во внутреннемъ развитіи самой нашей литературы. Этого могутъ не понимать публицисты, не умѣющіе смотрѣть на эти вещи иначе, какъ канцелярскимъ способомъ; но люди, изучавшіе славянство, знакомые съ процессомъ этнологическаго возрожденія, знакомые съ размѣромъ грозящихъ славянству иноземныхъ наплывовъ, должны бы смотрѣть на дѣло серьёзнѣе. Если мы хотимъ помочь литературному объединенію или по крайней мѣрѣ взаимному сближенію славянства (которое необходимо было бы и въ его, и въ нашемъ интересѣ), то наша рекомендація ему русскаго языка есть самое меньшее дѣло, а главнымъ дѣломъ должна бы быть ревностная, убѣжденная забота объ улучшеніи положенія нашей собственной литературы.—Этого послѣдняго, къ сожалѣнію, мы видимъ мало со стороны проповѣдниковъ русскаго языка для славянъ.—Что касается „сепаратизма“ малорусской литературы, то признаемся, у насъ нѣтъ передъ нимъ ни малѣйшаго страха. Надо очень малодушно смотрѣть на собственный народъ, въ сущности слишкомъ мало уважать его, чтобы питать подобные страхи.

Digitized by Google

Обращаемся къ рѣчи г. Будиловича. Вообще, мы останавливаемся на ней потому, что она, повидимому, выражаетъ взгляды цѣлаго круга людей, между прочимъ или въ особенности тѣхъ, которые являются дѣятелями славянскихъ комитетовъ; мы указывали выше сходство мнѣній автора съ мнѣніями г. Ламанскаго.

Г. Будиловичъ смотритъ на настоящее положеніе славянства довольно пессимистически. Онъ видитъ мрачныя стороны дѣла и строитъ свою рѣчь на антитезѣ между тѣмъ, что есть, и что могло бы быть; описываетъ богатые природой края, населяемые славянами, и ихъ бѣдственную дѣйствительность. Онъ хочетъ говорить только объ отношеніяхъ этнографическихъ и общественныхъ, касаясь политическихъ только отчасти,—но тѣмъ не менѣе напрашивается общій выводъ.

Что антитезъ дѣйствительно существуетъ, это не подлежитъ сомнѣнію; но, изображая его, надо быть осторожнымъ. Богатые края, населенные славянами, имѣли и другихъ жителей, не менѣе давнихъ; культурный трудъ, который здѣсь велся и ведется, принадлежалъ и принадлежитъ не одному славянству и т. д. Г-нъ Будиловичъ, къ сожалѣнію, не сохранилъ большой точности въ изображеніи этого антитеза; желая рисовать широкими чертами и яркими красками, онъ нерѣдко оставляетъ читателя въ недоумѣніи.

Авторъ въ своемъ путешествіи коснулся почти всѣхъ важнѣйшихъ центровъ западнаго и южнаго славянства „въ Германіи, Австро-Угорщинѣ [1]), Турціи, Сербіи, Черной-Горѣ и Румуніи“. Онъ имѣлъ мало времени для болѣе обстоятельнаго изученія, но думаетъ, что вынесенныя впечатлѣнія соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей.

Территорія славянъ, находящаяся внѣ Россіи, заключаетъ, по счету г. Будиловича, до 20,000 кв. миль и до 40 милліоновъ населенія, изъ которыхъ не меньше 28 милл. принадлежатъ славянскому племени. Описавъ физическія свойства этой территоріи, авторъ замѣчаетъ: „трудно найти въ мірѣ область, которая бы въ равной степени соединяла въ себѣ условія разнообразія, богатства и красоты, какъ территорія западныхъ и южныхъ славянъ“.

---

[1]) Наши „славяне“ очень любятъ особую географическую терминологію; „Угорщина“ означаетъ Венгрію. Мы не знаемъ только, почему мы должны употреблять *чужую* терминологію; „Венгрія“ у насъ такъ вошло въ употребленіе, — и названіе это тоже славянское, — что не знаемъ, зачѣмъ намъ нужно его передѣлывать. Но ужъ если передѣлывать, то отчего г. Будиловичъ и другіе славяне не говорятъ „Ракоуско“ вмѣсто „Австрія“, не пишутъ „Србія“, „Бъгарія“, „Пруси“ (вм. „Пруссія“) „Нѣмци“ (вм. „Германія“), „Влахи“ (вм. Италія) и пр. Чепуха была бы по крайней мѣрѣ послѣдовательная.

Digitized by Google

[Мы только недоумѣваемъ, въ какихъ странахъ авторъ сосчиталъ 40 милл. населенія съ 28 милл. славянъ. Если онъ разумѣлъ страны, пересчитанныя имъ выше, то такого отношенія цифръ никакъ не выходитъ].

„Производительность этихъ странъ очень значительна. *Молдавія съ Валахіей*, Банатъ съ Бачкой, и Срѣмъ со Славоніей могутъ сравниваться по своему плодородію съ Ломбардіей или долиной Роны".

[Но „Молдавія съ Валахіей" развѣ принадлежатъ къ территоріи „славянства?"].

Авторъ въ крупныхъ чертахъ перечисляетъ богатства, создаваемыя природой и человѣческимъ трудомъ въ этихъ благословенныхъ странахъ,—но опять заставляетъ читателя недоумѣвать, восхваляя „угорскія" (т.-е. венгерскія) вина, виня венеціанцевъ за истребленіе лѣсовъ въ Далмаціи, вспоминая, что „Волынъ царилъ нѣкогда на Балтикѣ" и что „еще и теперь Гданскъ съ Королевцемъ соперничаютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ Любекомъ и Штетиномъ".

[Читатель, неопытный въ географической терминологіи „славянъ", можетъ не узнать, что Гданскъ и Королевецъ означаютъ Данцигъ и Кёнигсбергъ, или же можетъ впасть въ заблужденіе, подумавъ, что Данцигъ и Королевецъ и теперь славянскіе города].

„Тріестъ,—продолжаетъ авторъ,—уничтожилъ торговую монополію Венеціи на Адріатикѣ. Солунь соперничаетъ на Архипелагѣ со Смирной".

[Но славяне ли въ Тріестѣ сдѣлали это? О Солуни разсказываютъ новѣйшіе путешественники, что изъ 60,000 ея жителей 40,000—евреи].

„Царьградъ есть единственный въ мірѣ пунктъ по своимъ удобствамъ для мореплаванія и торговли. Три части свѣта сходятся у его воротъ... Его не развѣнчали ни Колумбъ, ни Лессепсъ" и т. д.

[Совсѣмъ непонятно, какимъ образомъ Царьградъ (Константинополь) попалъ въ описаніе славянской территоріи. Не запрещается, конечно, желать его для этой территоріи, но зачислять въ нее Царьградъ теперь же, нѣтъ достаточнаго основанія. Царьградъ никогда не былъ славянской территоріей. Къ нему подходятъ отдѣльныя болгарскія поселенія, но весь уголъ Балканскаго полуострова, гдѣ стоитъ Царьградъ, населенъ всего больше греками и турками].

„Еслибы наши туристы, ищущіе по всему свѣту красотъ природы, знали земли славянскія, то навѣрное они не предпочли бы этимъ землямъ ни Германіи, ни Швейцаріи, ни Италіи.

„Татры смѣло могутъ равняться своей могучей и сумрачной красой съ Альпами... Угорская долина, прорѣзанная громадными рѣками, опоясанная вѣнцомъ горъ, усѣянная бѣлѣющими издали въ

Digitized by Google

степи, какъ паруса, колокольнями церквей, по своей величавой тишинѣ и раздолью, можетъ быть сравнена развѣ съ южнорусскою степью" и т. д.

[Опять ненужныя преувеличенія. Наши туристы ѣздятъ далеко не по всему свѣту, и не за одними красотами природы. Есть люди, ѣздящіе безо всякаго дѣла и интереса; они мало помогутъ Татрамъ, если и посѣтятъ ихъ. Другіе ѣздятъ лечиться; а для этого выбираются мѣста независимо отъ народностей. Третьи ѣздятъ для пополненія образованія; для тѣхъ нужны университеты, музеи и знаменитые профессора. Если же хотятъ привлечь къ путешествіямъ въ славянскія земли,—что́ мы также считали бы очень полезнымъ,—то важность ихъ должна бы быть объяснена болѣе обстоятельно, чѣмъ дѣлаютъ до сихъ поръ наши „славяне"].

„Любите вы стиль готическій и древности среднихъ вѣковъ? Поѣзжайте въ Чехію, Моравію, Силезію, Стирію, Угорщину". Авторъ находитъ, что, напр., храмъ Свято-Витскій въ Прагѣ мало уступаетъ соборамъ Миланскому и Страсбургскому. Большинство видѣвшихъ эти зданія найдутъ, вѣроятно, что первый очень много уступаетъ.

„Не стану распространяться о красотѣ мѣстоположенія *славянскихъ* городовъ: Праги, *Будина* (?), Бѣлграда, Любляны, Горицы, Тернова и т. д. Но гдѣ городъ въ мірѣ, который могъ бы соперничать съ Царьградомъ по красотамъ природы, гдѣ она столь дивно гармонируетъ съ созданіями искусства *византійскаго* и *турецкаго*, съ сводами мечетей" и т. д.

[Опять непонятно для насъ, какимъ образомъ Царьградъ попадаетъ въ рядъ славянскихъ городовъ. Славянство Будина т.-е. Пешта также очень сомнительно].

„И этому разнообразію, богатству и красотѣ природы соотвѣтствуетъ красота и сила физическаго типа, богатство дарованій, разнообразіе быта и народностей обитателей *этой территоріи*"...

И авторъ проводитъ предъ нами рядъ славянскихъ типовъ—далматинца, лужичанина, серба, потомъ польку, чешку, словенку и т. д.; указываетъ, что, кромѣ внѣшнихъ достоинствъ, славянинъ отличается и многими внутренними преимуществами, которымъ только обстоятельства не дали развиться въ полной мѣрѣ. Таковъ трудолюбивый и выносливый земледѣлецъ болгаринъ; таковъ сербъ—смѣлый пастухъ, хорошій солдатъ, неустрашимый морякъ; таковъ—чехъ, земледѣлецъ, фабрикантъ, чиновникъ и т. д. И здѣсь авторъ не обходится безъ неточностей. Восхваляя (и справедливо) физическій типъ южнаго славянина, онъ говоритъ: „Поставьте, напр., рядомъ простого черногорца или далматинца, высокаго и стройнаго, въ его пестромъ живописномъ костюмѣ, съ самоувѣреннымъ и смѣлымъ взоромъ, съ чув-

Digitized by Google

ствомъ достоинства и красоты во всѣхъ движеніяхъ, и сравните его съ крестьяниномъ нѣмецкимъ, или итальянскимъ, въ его сѣрой блузѣ, обвислой шляпѣ, неуклюжаго и грубаго: вамъ представится поразительный контрастъ этихъ двухъ типовъ, и едва ли въ пользу послѣдняго".—Да, но сравните его также съ крестьяниномъ, напр., бѣлорусскимъ, и вамъ опять представится контрастъ поразительный...

„Какой, наконецъ, народъ въ мірѣ превзойдетъ славянскій въ области народной словесности, по задушевности своихъ пѣсенъ или глубокомыслію пословицъ?"

Но послѣ всѣхъ этихъ красотъ природы, разнообразія прекрасныхъ типовъ, физическихъ и нравственныхъ, столь привлекательныхъ и такъ обѣщающихъ, авторъ рисуетъ обратную сторону дѣла.

Славяне составляютъ большинство жителей указанной территоріи, но между ними разсѣяны бо́льшіе или меньшіе острова другихъ племенъ, составляющихъ страшный этнологическій хаосъ.

Здѣсь г-нъ Будиловичъ уже не прикрашиваетъ.

„Эти безчисленные племенные элементы не находятся въ положеніи мертвомъ, бездѣятельномъ. Напротивъ, непрерывно идетъ здѣсь борьба, то явная, то скрытая, совершается процессъ органическихъ соединеній, — и все новыхъ образованій. Въ этомъ отношеніи міръ восточный представляетъ значительное отличіе отъ западно-европейскаго. Въ послѣднемъ этнологическіе процессы уже почти вездѣ завершены; побѣда одного элемента надъ другимъ тамъ уже рѣшена окончательно и безвозвратно: именно, элемента романскаго на западѣ, и германскаго на сѣверо-западѣ. На почвѣ же славянской лишь въ немногихъ мѣстахъ тотъ или другой элементъ восторжествовалъ окончательно. На бо́льшей же части пунктовъ и теперь идетъ борьба за существованіе, которой результаты еще трудно предвидѣть и предсказать. Останутся ли, напримѣръ, Польша (этнографическая), Чехія съ Моравіей, Стирія съ Хорутаніей и т. д. славянскими, или постепенно онѣмечатся? Ославянится ли мадьярское населеніе Угорщины или омадьярится славянское? Удержится ли румунизмъ на Дунаѣ, Алютѣ, Марошѣ и Прутѣ, или онъ ассимилируется со временемъ съ элементомъ славянскимъ? Побѣдитъ ли въ Банатѣ стихія нѣмецкая, или мадьярская, или румунская, или славянская? Превратятся ли въ итальянцевъ словенцы-горичане, или— наоборотъ—ословенятся ихъ сосѣди, фурляне? Окончательно ли утвердился албанизмъ въ Старой-Сербіи, или онъ опять уступитъ мѣсто сербизму? Расширится ли элементъ греческій изъ приморья въ глубь земель болгарскихъ, или — наоборотъ — онъ самъ уступитъ напору стихій славянскихъ? Та же неизвѣстность окружаетъ не только по-

Digitized by Google

литическое господство, но и самое племенное существованіе турокъ на Балканскомъ полуостровѣ.

„Если бы всѣ эти вопросы будущаго мы захотѣли рѣшать по аналогіямъ прошлаго, то намъ пришлось бы бо́льшую ихъ часть рѣшить въ смыслѣ благопріятномъ инородцамъ, а не славянамъ. Въ самомъ дѣлѣ, тысячу лѣтъ тому назадъ славяне имѣли на западѣ и югѣ болѣе земли, болѣе условій единства литературнаго и религіознаго, и политической независимости, чѣмъ въ настоящее время".

Авторъ высчитываетъ эти многовѣковыя потери славянства. Пропалъ для него край Прибалтійскій; онѣмечена и омадьярена бо́льшая часть Старой-Паннонiи и Моравіи; объалбанилась Старая-Сербія, огречилась Морея, отатарилась значительная часть Ѳракіи и Болгаріи. Эльба, Одеръ и Висла болѣе чѣмъ наполовину уже онѣмечены; Дунай забранъ нѣмцами, мадьярами, румунами, татарами. Гдѣ славяне уцѣлѣли, какъ народность, земля бо́льшей частью принадлежитъ инородцамъ; надъ славяниномъ вездѣ господствуетъ инородецъ—нѣмецъ, мадьяръ, румунъ, итальянецъ, грекъ, турокъ, еврей.

„Такъ-то ни трудъ, ни геній сыновей славянства не идутъ ему въ прокъ и въ честь", замѣчаетъ авторъ. „Болгаринъ пашетъ землю для прокормленія турецкихъ беговъ и чиновниковъ; сербъ-граничаръ проливаетъ свою кровь за Ломбардію или за Шлезвигъ-Голштинію" и т. д. Но авторъ не можетъ обойтись безъ странностей, которыя въ его серьёзныя размышленія вносятъ какое-то ребячество. „Ученые чехи прославляютъ и обогащаютъ нѣмецкую науку. Лессингъ *слыветъ за нѣмца*, Томашичъ (Tommaseo) за итальянца, Омеръ-паша за турка, Кошутъ за мадьяра", и т. д.

Но позвольте, за кого же надо слыть Лессингу? Неужели за славянина? Тогда надо въ нѣмцамъ относить гоголевскаго Кругеля, у котораго и дѣдъ былъ Кругель, но не умѣлъ ни слова по-нѣмецки. Эти ребяческія сожалѣнія авторъ могъ бы съ пользою выбросить изъ своихъ разсужденій.

Вытѣсненіе и исчезаніе славянства продолжаются и въ настоящую минуту. Оно гибнетъ въ Познани и Силезіи, гдѣ съ каждымъ годомъ увеличивается число нѣмецкихъ землевладѣльцевъ и фабрикантовъ, приводящихъ съ собой нѣмецкихъ колонистовъ. Медленнѣе, но гибнетъ оно и въ Чехіи, гдѣ нѣмецкая этнографическая граница все подвигается въ глубь страны. Въ Моравіи нѣмцы уже господствуютъ въ главныхъ городахъ; они здѣсь главные землевладѣльцы и промышленники. Въ Венгріи мадьярство усиливается насчетъ населенія словенскаго, русскаго и сербо-хорватскаго. Румунскій элементъ поглощаетъ не мало славянства въ юго-восточныхъ провинціяхъ Австріи, въ Валахіи и въ самой Сербіи. Албанцы въ

Digitized by Google

Старой-Сербіи не только не уступаютъ сербамъ, но отчасти расширяются на ихъ счетъ. Болгарамъ нанесенъ страшный ударъ разселеніемъ между ними черкесовъ.

Г-нъ Будиловичъ утверждаетъ — и, вѣроятно, справедливо: „Въ новѣйшее время этотъ процессъ разложенія славянства не только не ослабѣваетъ, но даже усиливается, и начинаетъ принимать размѣры очень тревожные". По нашему мнѣнію, онъ справедливо также споритъ противъ тѣхъ, которые, не придавая значенія этому факту, разсчитываютъ на сильный консерватизмъ славянской народной жизни.

„Я знаю, — говоритъ онъ, — что многіе это отрицаютъ (т.-е. упадокъ славянства), — или считаютъ преувеличенными страхами. Свои надежды они основываютъ обыкновенно на консерватизмѣ народныхъ массъ и не меньшей древности ихъ рабства и несчастій. Но нужно помнить, что каждый предметъ имѣетъ *предѣлъ* своей упругости, за которымъ онъ ломается. Съ другой стороны, на нашъ вѣкъ телеграфовъ и чугунокъ, школъ и книгъ, нельзя распространять *аналогій прежняго времени*, когда жизнь двигалась медленно, народъ не принималъ почти никакихъ умственныхъ возбужденій, и потому массы цѣлые вѣка коснѣли въ однообразіи быта и понятій, а слѣдовательно — и языка. Такъ мумія, 3,000 лѣтъ пролежавшая въ катакомбахъ, разлетается въ прахъ при первомъ дуновеніи свѣжаго воздуха.

„Дѣло представляется мнѣ настолько серьёзнымъ, что гибелью былъ бы всякій оптимизмъ въ этомъ случаѣ. Итакъ, вмѣсто напрасныхъ самообольщеній, признаемъ фактъ *прогрессивной гибели* славянства на многихъ пунктахъ его территоріи и разсмотримъ, въ чемъ заключаются *причины* этой гибели, и есть ли еще *надежда* на *спасеніе* оставшагося?"

Эти здравыя слова перевѣшиваютъ очень много сантиментальныхъ разглагольствованій, которыми такъ усердно занимались наши друзья славянства. Эти друзья въ сущности никогда не ставили вопроса во всей его полнотѣ и не понимали всей опасной серьёзности положенія западнаго и южнаго славянства. Они скорѣе только питали въ себѣ и другихъ самообольщеніе о будущихъ побѣдахъ славянства надъ романо-германскимъ міромъ, отживающимъ свое время. Надо было, наконецъ, сказать, въ чемъ же заключается настоящая дѣйствительность.

Главныя причины слабости славянства и его современнаго упадка авторъ видитъ, во-первыхъ, въ самомъ характерѣ территоріи западнаго и южнаго славянства, которая вдалась внутрь земель чужихъ племенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи крайне перерѣзана, не доставляла удобства для ихъ взаимнаго сближенія. Это совершенно вѣрно. Но главное, надо прибавить, что важнѣйшія изъ этихъ чужихъ пле-

Digitized by Google

менъ были притомъ несравненно сильнѣе славянъ по своей образованности и государственному развитію или его зачаткамъ: на Балканскомъ полуостровѣ славяне при своемъ разселеніи встрѣтили, съ одной стороны, византійскую имперію, съ другой—романское племя съ римской церковью, съ третьей, священную римскую, т.-е. нѣмецкую имперію, — когда сами жили еще патріархальнымъ бытомъ. Славяне пришли въ эти земли болѣе патріархально-свѣжимъ, но и менѣе развитымъ народомъ, что и отразилось на ихъ судьбѣ.

Г-нъ Будиловичъ указываетъ это отчасти, объясняя вторую причину исторической и современной подчиненности славянства, которую находитъ въ „честолюбіи и хорошей организаціи ихъ сосѣдей". Славянскія государства, послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы, всѣ пали подъ ударами иноплеменниковъ, и въ настоящую минуту ихъ трудъ идетъ на пользу и усиленіе тѣхъ государствъ, которыя ихъ гнетутъ и стѣсняютъ ихъ развитіе. Таково ихъ положеніе въ Пруссіи, Австріи, Турціи. И не только они работаютъ для господствующаго племени: въ Австріи они подчинены народности не только нѣмецкой, но и мадьярству, въ Далмаціи—народности итальянской, хотя послѣдняя составляетъ собственно только ничтожный процентъ мѣстнаго населенія.

Защитники славянства въ подобныхъ случаяхъ говорили объ эгоизмѣ, безсердечіи народовъ, его угнетающихъ. Г-нъ Будиловичъ, напротивъ, заявляетъ, что, приводя факты, онъ не думаетъ упрекать ихъ въ эгоизмѣ и хочетъ только показать, что государство есть могучій этнологическій факторъ, который своимъ „союзомъ можетъ совершенно видоизмѣнить отношеніе силъ и дать перевѣсъ слабѣйшей надъ сильною вопреки природѣ, а часто и справедливости". Опять совершенно вѣрно. Тэма эгоизма слишкомъ много разработывалась славянскими патріотами и только питала наивные предразсудки. Славяне изображались какъ олицетворенная патріархальная добродѣтель; ихъ враги какъ жестокосердые себялюбцы; но дѣло не выяснялось нимало—новѣйшіе славяне, увѣрясь въ своей добродѣтели, сидѣли сложа руки, а жестокосердые враги, конечно, дѣлали свое дѣло, т.-е. сильнѣе забирали ихъ въ руки. Немалый успѣхъ, что г. Будиловичъ оставляетъ эту тэму, несообразную конечно и со всей исторіей. Когда славяне явились въ исторіи въ первый разъ, они вовсе не изъ идеальной добродѣтели занимали прекрасную территорію, такъ завлекательно описываемую теперь г. Будиловичемъ. Увы, они также руководились эгоизмомъ и такъ же были довольно жестокосерды къ тѣмъ, кто имъ попадался на дорогѣ. Къ сожалѣнію, вся исторія международныхъ отношеній вообще есть борьба разныхъ эгоизмовъ, и славяне обнаруживаютъ его такъ же какъ и другіе на-

Digitized by Google

роды: побѣждаетъ тотъ, кто физически и особенно умственно сильнѣе, въ комъ больше выдержки.

„Но едва ли не главною причиною всѣхъ несчастій славянъ слѣдуетъ признать ихъ постоянную разрозненность, которая проникала и донынѣ проникаетъ всѣ отрасли ихъ народной жизни, политической, литературной, общественной и религіозной". Въ политическомъ отношеніи славяне вообще раздѣлены между девятью государствами; одна народность (сербо-хорватская) разными частями подѣлена между пятью государствами (Австрія, Венгрія, Турція, Сербія и Черногорія). Еще больше они раздѣлены въ литературномъ отношеніи. Г-нъ Будиловичъ насчитываетъ у нихъ десять литературныхъ языковъ, и одинъ языкъ (сербо-хорватскій) имѣетъ двѣ особыя азбуки *).

О значеніи этихъ литературъ авторъ высказывается столь же неблагосклонно, какъ нѣкогда г. Ламанскій. „Можно судить о богатствѣ и глубинѣ содержанія этихъ маленькихъ литературъ! Всѣхъ значительнѣе еще между ними литература польская; затѣмъ слѣдуютъ чешская и сербо-хорватская; но и онѣ не въ состояніи выдержать теперь конкурренціи не только съ литературами нѣмецкою или итальянскою, но и съ мадьярскою. Даже ново-греческая и румунская литературы могутъ соперничать съ бо́льшею частію столь разрозненныхъ литературъ славянскихъ".

Въ торговлѣ и сношеніяхъ международныхъ, которыя у славянъ очень часты, также чувствуется необходимость въ большомъ, распространенномъ языкѣ. У западныхъ славянъ такимъ языкомъ сталъ нѣмецкій, у южныхъ—итальянскій, турецкій, греческій. Славяне дѣлаются сначала „двуязычными", потомъ окончательно переходятъ въ чужую народность.

Разрозненность общественная обнаруживается особенно отпаденіемъ отъ народа высшихъ классовъ, почти во всемъ западномъ и южномъ славянствѣ: они примыкали къ національности господствующей и такимъ образомъ, въ разныхъ мѣстахъ онѣмечились, или отуречились, орумунились, объотальянились. Это потеря страшно чувствительная, потому что высшіе классы представляли силу экономическую и политическую, а также и наиболѣе образованную.

---

*) Любопытно, что въ число этихъ „литературныхъ языковъ" авторъ не помѣщаетъ малорусскаго или русинскаго, когда однако считаетъ между ними—кашубскій, который, конечно, имѣетъ на то несравненно менѣе права. То же исключеніе малорусскаго нарѣчія сдѣлано въ „Статистическихъ таблицахъ" (Спб. 1875) того же автора, приложенныхъ къ этнограф. картѣ славянскихъ народностей. Исключеніе, разумѣется, намѣренное: оно непонятно со стороны человѣка, занимающагося славянствомъ, и столько же непонятно со стороны человѣка, заботящагося о соглашеніи славянства. Въ концѣ-концовъ, это—очень мелкая война противъ малорусской литературы.

Digitized by Google

Наконецъ, разрозненность религіозная. Славяне принадлежатъ восьми различнымъ исповѣданіямъ, и, кромѣ того, сербы православные раздѣлены между шестью независимыми церквами.

„Такимъ образомъ,—говоритъ авторъ, — намъ открывается безпримѣрная почти въ исторіи картина перекреснаго сѣченія народнаго организма славянъ западныхъ и южныхъ. Можетъ ли, не то что развиваться, а просто—жить какъ-нибудь организмъ, при подобномъ разсѣченіи его заживо на тысячу частей!"

По временамъ славяне сознавали опасность этого раздѣленія и дѣлали попытки сближенія и объединенія. Такія стремленія бывали въ древнихъ царствахъ сербскомъ и болгарскомъ; чехи на короткое время соединялись съ Польшей. Въ религіозномъ отношеніи славянство соединялось въ православіи временъ Кирилла и Меѳодія, хотя очень не надолго (и прибавимъ, и на то время очень не полно и непрочно).

Въ новѣйшее время явилась мысль о необходимости литературнаго объединенія,—въ первый разъ у знаменитаго чешскаго ученаго Юнгманна, который думалъ, что роль объединяющаго дипломатическаго языка у славянъ должна принадлежать русскому языку. Ту же мысль высказывалъ опредѣленнѣе Штуръ.

Въ отношеніяхъ объединительныхъ все болѣе выясняется сознаніе о необходимости сословнаго сближенія и т. д.

Въ этихъ общественныхъ стремленіяхъ и заключается единственный путь, которымъ можетъ быть достигнуто спасеніе погибающаго славянства, и оно все больше начинаетъ это чувствовать.

„Усталые въ борьбѣ столь продолжительной и бо́льшею частію неравной, славяне невольно начинаютъ обращать свои взоры на востокъ, откуда, *со временъ Петра Великаго*, начали долетать до нихъ слухи о растущей тамъ силѣ, родственной и сочувственной имъ. Въ настоящее время во всѣхъ почти славянскихъ земляхъ, особенно въ инстинктахъ массъ, замѣтны какія-то смутныя надежды—на грядущаго съ востока мессію... Участіе Россіи въ образованіи государствъ сербскаго, румунскаго, греческаго, ея нескрываемая симпатія къ Черной-Горѣ, служатъ тѣмъ народностямъ какъ-бы историческимъ основаніемъ надеждъ на Россію"...

Доказательство возрастающихъ симпатій къ Россіи и надеждъ на нее авторъ указываетъ въ распространяющемся изученіи русскаго языка, такъ что почти въ каждомъ значительномъ славянскомъ городѣ уже теперь найдется по нѣсколько человѣкъ, знающихъ русскій языкъ. Авторъ думаетъ, что это изученіе русскаго языка распространилось бы еще больше, если бы объ этомъ принята была нѣкоторая забота: устроены въ главныхъ славянскихъ городахъ склады

Digitized by Google

русскихъ книгъ, открылись лекціи русскаго языка, направились въ славянскія земли русскіе туристы, и особенно основаны были каѳедры русскаго языка въ славянскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Послѣднему, впрочемъ, стали бы мѣшать правительства тѣхъ странъ. Надо сказать также, что между самими славянами не мало людей, которые вовсе не расположены къ принятію русскаго языка за обще-славянскій языкъ.

Общій выводъ автора таковъ:

„Нѣтъ въ Европѣ страны и племени, богаче надѣленныхъ природою, какъ страны и народы славянскіе. Однако всѣ почти славянскіе народы не только не имѣютъ признанія на своей территоріи, какъ народности равноправныя съ другими, но даже всюду должны терпѣть надъ собою по нѣскольку инородныхъ поработителей, всѣ усилія которыхъ направлены къ искорененію народностей славянскихъ. Эта борьба славянъ за существованіе продолжается уже много вѣковъ, но съ особеннымъ ожесточеніемъ и рѣшительностію ведется въ наши дни, причемъ во многихъ мѣстахъ славяне уже пали, а въ другихъ падаютъ подъ ударами инородцевъ.

„Главною причиною этихъ потерь слѣдуетъ признать внѣшнюю и внутреннюю разрозненность славянъ. Единственное ихъ спасеніе заключается въ сосредоточеніи и организаціи ихъ соединенныхъ силъ. Но для этого соединенія имъ нуженъ какой-нибудь нравственный и матеріальный центръ. Природа и исторія создали такой центръ въ Россіи.

„Если эти истины во-время будутъ поняты и осуществлены какъ славянами, такъ и Россіей, то многое гибнущее еще можетъ быть спасено, и даже мертвое воскрешено; если же нѣтъ, то бо́льшую часть славянъ, не только западныхъ, но и южныхъ, ожидаетъ судьба ихъ погибшихъ соплеменниковъ—прибалтійскихъ, дунайскихъ, морейскихъ и т. д.“.

Такъ завершаетъ свою рѣчь ораторъ славянскаго комитета. Но здѣсь только указано положеніе вещей, и нѣтъ, собственно говоря, никакихъ указаній о томъ, что́ же можетъ быть сдѣлано для „сосредоточенія“, и въ какомъ смыслѣ должно къ нему стремиться. Если авторъ говоритъ о мѣрахъ, какими можетъ быть достигнуто распространеніе русскаго языка,—это, конечно, важная, но далеко не первостепенная сторона вопроса. Предположимъ даже, что славяне приняли русскій языкъ за литературный общеславянскій, мы далеко не получили бы единства: славяне и на русскомъ языкѣ могли бы продолжать враждовать между собою, одно племя съ другимъ, разные слои и партіи другъ съ другомъ, къ такому же ущербу для себя и

Digitized by Google

пользѣ для другихъ. Языкъ все-таки есть средство литературнаго и общественнаго единства, но не само единство, не сама жизнь.

Если же мы обратимся къ самой *жизни* и къ ея *содержанію*, то вопросъ славянскаго объединенія, съ центромъ въ Россіи, есть такой лабиринтъ, для котораго въ представленіяхъ славянства доселѣ не существуетъ нити. Онъ вызываетъ такое столкновеніе всевозможныхъ интересовъ, результатъ котораго мы не беремся предвидѣть.

Славянству, говорятъ намъ, нужно объединеніе политическое. Предполагается, что только оно избавитъ ихъ отъ чужеземнаго ига и дастъ полную свободу внутренняго развитія. Въ какой же формѣ оно возможно? Можно представить себѣ освобожденіе балканскаго славянства, представить даже его соединеніе въ крупную политическую единицу (хотя сербы не ладятъ съ болгарами со временъ ихъ царствъ и донынѣ). Но что́ же возможно съ австрійскимъ и прусскимъ славянствомъ? Оно такъ переплетено въ черезполосныхъ областяхъ другихъ народностей, что ихъ объединеніе (съ центромъ въ Россіи) невозможно безъ захвата этихъ областей,—а эти области принадлежатъ именно тѣмъ племенамъ, нѣмецкому и мадьярскому, которыя изъ отдаленной старины были господами славянства и, разумѣется, даромъ не отдадутъ своего господства. Къ нѣмцамъ австрійскимъ пришли бы на помощь нѣмцы германскіе и тѣ же мадьяры, и т. д. Мечтанія (теперь этого и назвать иначе нельзя) о политическомъ объединеніи славянства опираются на фактъ новѣйшихъ національныхъ объединеній, германскаго и итальянскаго, въ которыхъ видѣли стремленіе новаго времени къ созданію большихъ національно-политическихъ массъ. Но объединеніе германское и итальянское дѣйствовали на почвѣ несравненно болѣе простой, чѣмъ славянская: тамъ вся страна, безъ всякихъ перерывовъ, занята была однимъ племенемъ (съ незначительными мѣстными варіантами) и вопросъ шелъ только объ удаленіи остатковъ средневѣкового феодализма. Это было въ родѣ объединенія русскихъ княженій Москвой. Въ славянскомъ мірѣ—напротивъ, прежде всего должна произойти борьба съ чужими, издавна господствующими племенами, словомъ—начинать гораздо дальше и вести дѣло гораздо болѣе трудное.—Въ томъ же „Славянскомъ Сборникѣ“ намъ рисовали идеалъ восточной имперіи, далеко владычествовавшей въ качествѣ православнаго царства, и допускавшей различныя степени зависимости, отъ настоящаго подчиненія до чисто-нравственнаго авторитета надъ другими царствами, въ сущности независимыми. Но созданіе и такой идеальной имперіи встрѣтило бы тѣ же трудности, о какихъ мы говорили. Мы не споримъ противъ тѣхъ или другихъ идеалистическихъ построеній будущаго славянскаго міра: построеніе идеала есть все-таки опредѣленіе цѣли и

Digitized by Google

программы,—но желательно только, чтобы оно не витало въ одномъ чистомъ произволѣ, и помнило о дѣйствительности и объ исторіи. Прежде чѣмъ загадывать далекое объединеніе, важно было бы изучить современное положеніе дѣла, частныя отношенія самихъ народностей: ихъ разрозненность есть отчасти дѣло ихъ враговъ, но всего больше—ихъ собственное дѣло. Всѣ почти онѣ въ настоящую минуту враждуютъ другъ противъ друга: сербы съ болгарами, хорваты съ своими же одноплеменниками сербами, русскіе съ поляками, поляки съ галичанами. Безъ взаимнаго соглашенія славянство будетъ безсильно по прежнему противъ своихъ нынѣшнихъ враговъ. Много разъ было замѣчено, что въ старину царства сербское и болгарское не испытали бы такого страшнаго погрома, если бы были солидарны; да и освобожденіе пришло бы скорѣе, если бы была эта солидарность. Въ прежнее время ея не было, потому что дѣйствовали одни властолюбія царей и князей, масса была безгласна, да и съ своей стороны часто питала враждебные инстинкты относительно своихъ же одноплеменниковъ и т. д. Нужно, такимъ образомъ, и самимъ вожакамъ племенъ, и народнымъ массамъ стать выше этого перваго вреднаго недоразумѣнія; нужна образованность и политическое пониманіе. Это должно бы быть первою заботою тѣхъ, кто хочетъ работать для славянскаго сосредоточенія. Народныя массы и ихъ умственное состояніе въ концѣ-концовъ будутъ опредѣлять ходъ исторіи.

Далѣе, говорятъ, нужно объединеніе религіозное. Общее представленіе славянскихъ патріотовъ со стороны православныхъ есть то, что это объединеніе должно совершиться въ православіи, которое нѣкогда, при Кириллѣ и Меѳодіи, было „всеславянской церковью". Католичество считается совсѣмъ не соотвѣтствующимъ славянской природѣ. Довольно странно это слышать, когда милліоны славянъ цѣлое тысячелѣтіе прожили съ католичествомъ; но справедливое заключается въ томъ, что католичество дѣйствительно имѣло всегда то вредное не однимъ славянамъ, но и всѣмъ католическимъ народамъ свойство, что создавало для нихъ не только религіозный, но и образовательный и политическій центръ внѣ ихъ собственной жизни,—въ Римѣ. Было время, когда католическое единство западной Европы служило съ пользой дѣлу умственнаго развитія,—и въ этомъ его единственное оправданіе папства; но то время давно миновало. Народы болѣе образованные давно эманципировались отъ Рима, одни—протестантствомъ, другіе — успѣхами свободной науки и философіи, хотя въ образованнѣйшихъ странахъ, какъ Франція, невѣжество массъ все еще даетъ большой просторъ католическому изувѣрству и лицемѣрію.

Digitized by Google

Что же съ этимъ дѣлать? Славянофилы рѣшали, что католическимъ славянамъ надо возвратиться къ православію. Во-первыхъ, это очень легко сказать, но сдѣлать довольно трудно. Къ православію придется возвращать слѣдующее количество нашихъ одноплеменниковъ [1]): 19.628,442 человѣка католиковъ; 3.147,429 уніатовъ; 1.436,000 протестантовъ; 900,000 мусульманъ, да, кромѣ того, 3.074,127 человѣкъ раскольниковъ, которыхъ, конечно, также надо считать непринадлежащими къ православію, — итого 28.185,998 человѣкъ не-православныхъ славянъ. Мы не будемъ, конечно, ничего говорить объ истинахъ православія — онѣ непререкаемы (притомъ, въ мірскомъ журналѣ у насъ о нихъ не говорится), — но когда идетъ рѣчь объ ихъ внушеніи, о проповѣди православія неправославнымъ, надо разсчитывать не на нихъ, а на внѣшнее устройство и свойства клира. Сами историки, и г. Ламанскій особенно [2]) признали, что древняя византійская церковь очень мало имѣла заботы даже о самомъ славянствѣ, что послѣ Кирилла и Меѳодія она не показала ни одного примѣра подобнаго попеченія. При нынѣшнемъ ея характерѣ, когда она угнетала и эксплуатировала своихъ собственныхъ православныхъ, болгаръ, такъ что довела ихъ до ожесточенной вражды—трудно ожидать, чтобы она могла много сдѣлать для распространенія православія. Русская церковь издавна не отличалась прозелитизмомъ; мало того, вслѣдствіе своего внѣшняго положенія и характера клира допустила образоваться расколу, численность котораго вообще принимается несравненно больше цифры, выше взятой нами изъ „Статистическихъ таблицъ“ г. Будиловича; и если этотъ расколъ быть можетъ (мы этого не знаемъ) уменьшается, то все-таки слабо—и не столько вслѣдствіе дѣятельности клира, сколько отъ болѣе мягкихъ мѣръ правительственныхъ; а въ то же время наростаетъ новый расколъ—въ видѣ „штунды“. Итакъ, кто же возьметъ на себя борьбу съ католицизмомъ? [3])

Итакъ, съ этой стороны нельзя, кажется, въ близкомъ будущемъ ждать обращенія католиковъ въ православіе,—и едва ли не скорѣе произойдетъ другое—новая реформа католицизма, началомъ которой можно считать старо-католическое движеніе. Эта реформа, быть мо-

---

[1]) По счету г. Будиловича, см. „Статистическія таблицы“.

[2]) Подобнымъ образомъ говоритъ о ней и ученѣйшій историкъ церкви, г. Голубинскій.

[3]) Г-нъ Будиловичъ, говоря объ отчужденіи славянской аристократіи отъ массъ, выражается очень темно: „Коренясь на привилегіяхъ расы и вѣроисповѣданія, аристократизмъ славянскій можетъ быть приведенъ въ должные предѣлы и соединиться съ народомъ въ чувствахъ и стремленіяхъ лишь подъ условіемъ эманципаціи славянъ отъ разныхъ привилегированныхъ расъ и вѣроисповѣданій“ (?).

Digitized by Google

жетъ, сгладитъ нѣсколько старую вѣроисповѣдную вражду,—хотя и тогда можетъ остаться между разными исповѣданіями извѣстная отчужденность, отъ простого вліянія разной традиціи, на обѣихъ сторонахъ тысячелѣтней. Но пока это будетъ (и какъ будетъ?), есть другой путь, которымъ, по нашему мнѣнію, скорѣе и прочнѣе можетъ быть достигнуто религіозное „объединеніе“ [1]) — свобода совѣсти. Она одна можетъ дать возможность мирнаго соединенія разновѣрныхъ людей и племенъ для дѣлъ общаго интереса, не насилуя религіознаго чувства; она одна поможетъ изгладить вражду, остатокъ средневѣкового фанатизма и—невѣжества. На этомъ поприщѣ можно работать теперь же—тѣмъ болѣе, что опасности, грозящія славянству, не ждутъ.

О литературномъ объединеніи мы уже говорили. Мы также находимъ, что литература русская имѣетъ много качествъ, которыя именно ей могли бы всего скорѣе дать значеніе обще-славянское. Она принадлежитъ народу, болѣе многочисленному, чѣмъ все остальное славянство, взятое вмѣстѣ,—народу, имѣющему единственное у славянъ сильное государство, и могущему имѣть обширныя матеріальныя средства для усвоенія и распространенія науки. Развитіе ея въ смыслѣ европейскомъ началось не ранѣе Петра Великаго и при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ обнаружило много энергіи національнаго ума, обиліе замѣчательныхъ талантовъ. Въ одной области, которая имѣетъ особенное значеніе для возрождающагося славянства, въ изслѣдованіи славянской старины и народности, русская литература съ начала нынѣшняго столѣтія доставила рядъ первостепенныхъ трудовъ,—между прочимъ, изученіями болгарской старины оказала существенныя услуги болгарскому „возрожденію“, въ то время, когда оно едва дѣлало первые шаги. Многочисленныя изысканія по собственно русской старинѣ нерѣдко бросали яркій свѣтъ на древность и народность общеславянскую. Наконецъ, русскій языкъ, сохранившій въ себѣ много элементовъ старѣйшаго литературнаго языка у славянъ, церковно-славянскаго, въ новѣйшемъ періодѣ выработанъ до замѣчательнаго совершенства поэтами и писателями первостепенной силы. Наконецъ, русская литература богаче остальныхъ славянскихъ обильнымъ количествомъ переводовъ изъ новѣйшей европейской литературы,—что также не лишено своего значенія.

Но не будемъ обманываться. Указанныхъ качествъ еще не довольно для того, чтобы русскій языкъ и литература могли теперь же

[1]) Во всемъ этомъ разсужденіи мы исключаемъ, конечно, магометанство, которое противно не только славянской, но вообще европейской природѣ.

Digitized by Google

заявить притязаніе на господство въ славянскомъ мірѣ. Это еще только задатки, но далеко не самый фактъ. Наши русско-славянскіе патріоты, какъ мы видѣли выше, отзываются съ порядочнымъ пренебреженіемъ о силахъ другихъ славянскихъ литературъ [1])—съ тою мыслью, что это должно свидѣтельствовать о необходимости для славянъ русскаго языка. Но въ томъ и дѣло, что для того, чтобы пріобрѣсти все-славянское значеніе, русской литературѣ мало стать выше чешской, или польской, или сербской, — ей должно стать на уровень европейскихъ литературъ, напр. нѣмецкой. Нѣмецкая литература въ особенности такъ сильна въ западномъ славянствѣ, что русской литературѣ прежде всего предстояло бы бороться съ ней, чтобы пріобрѣсти господство у славянъ. Славяне обращались къ нѣмецкой литературѣ, во-первыхъ, какъ къ источнику свѣдѣній; во-вторыхъ, какъ къ литературѣ имѣющей полную свободу науки и печати; въ-третьихъ, она представляла обширную публику, когда такая публика бывала нужна для славянскаго писателя. Ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи русская литература пока не замѣняетъ имъ нѣмецкой; а во второмъ отношеніи русская литература даже уступаетъ той самой чешской литературѣ, о которой говорятъ у насъ съ такимъ пренебреженіемъ. Чешская литература въ настоящую минуту можетъ многимъ насъ не удовлетворять, но по своему юридическому положенію она стоитъ выше русской.

Славянскому освободительному движенію, въ какомъ бы размѣрѣ мы ни принимали его, естественно примкнуть къ Россіи. Славянство имѣло бы здѣсь если не центръ, то опору; для Россіи было бы не лишнимъ даже въ чисто-политическомъ разсчетѣ имѣть въ срединѣ Европы 27 милліоновъ сочувствующаго племени; для русской образованности и литературы открывался бы новый кругъ опыта и дѣятельности.

Но „сосредоточеніе“ возможно только путемъ общества. До недавняго время мысль о „всеславянствѣ“ у насъ, да и у всего славянства, существовала только въ тѣсномъ учено-литературномъ кругѣ, больше какъ интересъ изученія или какъ „благочестивое желаніе“. Ходъ событій въ западномъ славянствѣ поставилъ вопросъ на политическую почву, и съ тѣхъ поръ онъ не сходитъ съ нея,—хотя и не въ видѣ настоящаго „панславизма“, который едвали когда-нибудь положительно заявлялся, а въ видѣ стремленія къ извѣстной автономіи. Понятно, что политическая почва и есть настоящая

[1]) Въ томъ числѣ, объ одной изъ важнѣйшихъ между ними, чешской. Съ этимъ довольно любопытно сравнить отзывъ о ней же—хорватовъ, въ газетѣ „Obzor“ (выписка приведена въ нашихъ газетахъ 10 ноября). Этотъ послѣдній отзывъ—чрезвычайно восхвалительный, и чехи названы передовымъ народомъ славянства.

Digitized by Google

почва славянскаго вопроса. Для западнаго славянства этотъ вопросъ наступилъ съ событіями 48-го года и ознаменовался „славянскимъ съѣздомъ“ въ Прагѣ.

Есть ли для русскаго общества возможность сейчасъ-же стать въ этомъ вопросѣ на одномъ уровнѣ съ западнымъ, отчасти даже и южнымъ, славянствомъ? Не думаемъ. Если у кого нѣтъ внутренней политической жизни, возможно ли тому настоящее, дѣйствительное, а не воображаемое участіе во внѣшней? „Славянскій съѣздъ“ въ Прагѣ не отразился у насъ совершенно ничѣмъ; этнографическая выставка въ Москвѣ въ 1867 г. была только этнографическая выставка, на которой общество увидѣло въ первый разъ славянъ, но мало съ ними сблизилось. Нынѣшнія чрезвычайныя событія, какихъ еще не бывало въ области славянскаго вопроса, къ сожалѣнію, не усилили взаимнаго общественнаго пониманія ни съ нашей стороны, ни со стороны западнаго и южнаго славянства. Пониманіе является еще только въ зародышѣ.

Будущее зависитъ отъ внутренняго развитія самихъ обществъ, и нашего, и славянскаго. Оглянувшись лѣтъ за тридцать-сорокъ назадъ, мы конечно не подумали бы теперь, что тогда, въ тогдашнемъ состояніи русскаго общества, было возможно какое-нибудь сознательное, съ собственной иниціативой движеніе въ подобномъ смыслѣ. Объ этомъ едва ли можетъ быть споръ. Но что же съ тѣхъ поръ перемѣнилось въ условіяхъ русскаго общества? Перемѣнилось, правда, многое, и прежде всего отвергнуто крѣпостное право и начаты реформы въ администраціи. Но эти реформы, только-что начатыя, уже имѣютъ ожесточенныхъ противниковъ, которые стремятся парализовать ихъ и—успѣваютъ въ этомъ отчасти; признакъ неблагополучный. Самыя реформы, безъ сомнѣнія благодѣтельныя, находятся только въ началѣ, и еще не доставили обществу и народу всего, что было бы имъ нужно въ настоящемъ ихъ положеніи и въ настоящихъ требованіяхъ идущей неудержимо впередъ исторіи; въ свое кратковременное дѣйствіе и тѣ реформы, какія сдѣланы, не имѣли того вліянія, которое заставило бы забыть о „добрыхъ старыхъ временахъ“. Наши соотечественники, интересующіеся славянскимъ вопросомъ (разумѣется, мы говоримъ только о людяхъ, серьёзно имѣющихъ этотъ интересъ, а не о болтунахъ, которые только опошляютъ его), могутъ быть увѣрены, что дѣйствительную помощь славянскому дѣлу наше общество можетъ оказать лишь тогда, когда будетъ стараться улучшить свои собственныя дѣла; что нельзя быть другомъ славянства и ретроградомъ у себя дома, или по крайней мѣрѣ сидѣть дома сложа руки. Войной мы поможемъ славянскому дѣлу (на югѣ); но пусть не думаетъ (искренній) другъ славянства,

Digitized by Google

что ему слѣдуетъ поэтому стать шовинистомъ, заняться національнымъ самохвальствомъ, и объявлять чуть не врагами отечества тѣхъ, кто въ эту минуту напоминаетъ о внутреннихъ дѣлахъ, напоминаетъ, что мы должны позаботиться о нашемъ домашнемъ общественномъ состояніи. Война кончится; положимъ, болгары будутъ освобождены; тогда наступитъ для нихъ такой періодъ, гдѣ мы имъ уже не въ состояніи будемъ помочь бердановскими ружьями и дальнобойными орудіями, а могли бы помочь только нашимъ общественнымъ содержаніемъ и степенью нашей образованности и политическаго пониманія. Нѣкогда были сербы въ такомъ положеніи, какъ освобождаемые теперь болгары; русскіе и тогда отчасти помогали сербамъ своими кремневыми ружьями и пушками, заряжающимися съ дула; но прошло два-три десятилѣтія, и стало оказываться, что сербы, въ разныхъ отношеніяхъ, находятся въ зависимости и связи — не съ Россіей, а съ *Австріей*, и притомъ, на дѣлѣ, не къ ихъ благу. Нѣчто подобное можетъ произойти и съ болгарами, — и здѣсь уже будутъ безполезны дальнобойныя орудія: нужны будутъ орудія совсѣмъ иного разряда. Мы душевно желали бы, чтобы они нашлись у насъ; но, къ сожалѣнію, нельзя быть увѣрену въ этомъ.

Будущность славянства въ его собственныхъ рукахъ, и такъ какъ мы — очень большая доля славянства, то въ очень большой степени она въ нашихъ рукахъ. На насъ обращены надежды милліоновъ людей. Когда отъ человѣка кто-либо ждетъ помощи, только на него возлагая свои надежды, — это уже обязываетъ его. Точно также обязываютъ насъ надежды, возлагаемыя на насъ славянствомъ: не будемъ обманывать ихъ тупымъ шовинизмомъ и фразерствомъ: напротивъ, подумаемъ о вопросѣ серьёзно, соберемъ свои внутреннія силы, и на то же самое укажемъ и имъ. Это — единственное ручательство будущаго.

А. Н.

Digitized by Google

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 ноября, 1877.

Наши парламентскія бури.

Не безъ опасенія пишу я вамъ на этотъ разъ. Въ послѣдніе дни съ театра войны были получены такія важныя и утѣшительныя извѣстія, что, пожалуй, всякому покажутся мало-интересными тѣ дѣла, о которыхъ я хочу говорить, а къ тому времени, когда настоящія строки явятся въ свѣтъ, могутъ произойти еще болѣе важныя и знаменательныя событія. Но, не вдаваясь въ рискованную область предсказаній и не предвосхищая событій, совершающихся на югѣ отъ Дуная, мы не должны однако упускать изъ виду того момента, когда Турція будетъ вынуждена искать мира, и когда дипломатическія затрудненія, которыя уже въ іюлѣ мѣсяцѣ казались весьма сложными, а съ тѣхъ поръ разсѣялись, снова дадутъ себя знать.

Нельзя также упускать изъ виду и того, что, тѣмъ временемъ, всеобщее политическое положеніе стало гораздо затруднительнѣе, нежели оно было лѣтомъ, такъ какъ разрывъ таможенныхъ переговоровъ съ Австріей можетъ послужить со временемъ источникомъ всевозможныхъ недоразумѣній и неудовольствій, хотя теперь и утверждаютъ съ обѣихъ сторонъ, что это не должно нисколько повліять на дружескія отношенія обѣихъ странъ. Къ этому присоединяется еще неопредѣленность положенія дѣлъ во Франціи и не прекращающаяся враждебность ультрамонтанства, которая можетъ, по случаю папскихъ выборовъ, проявиться съ такой силой, что вынудитъ нѣмецкое правительство прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такое положеніе дѣлъ, какъ и всякое другое, имѣетъ свои преимущества. Для Германіи особенно выгодно то, что положеніе князя Бисмарка, какъ имперскаго канцлера и руководителя внѣшней политики германской имперіи, вполнѣ обезпечено, потому что у всѣхъ партій, которыя не относятся съ безусловной враждебностью къ германской имперіи, существуетъ убѣжденіе, что нельзя обойтись безъ князя Бисмарка при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и что онъ одинъ съумѣетъ устранить всякія опасныя комбинаціи. Поэтому оппозиція, какъ бы она ни возставала противъ его внутренней политики, пасуетъ передъ его внѣшней политикой и, при всѣхъ толкахъ о перемѣнахъ въ министерствѣ, отставка князя Бисмарка считается дѣломъ невозможнымъ. Конечно, такъ думаютъ не ультрамон-

Digitized by Google

таны и не радикалы, которые съ удовольствіемъ проводили бы канцлера въ отставку, и ежедневно повторяютъ, что онъ такъ же, какъ и всякій другой человѣкъ, отнюдь не незамѣнимъ; мало того: имъ желательно, чтобы управленіе дѣлами перешло въ другія руки. Но совершенно несомнѣнно, что германскій или прусскій парламентъ, какъ скоро ему будетъ поставленъ вопросъ объ отставкѣ Бисмарка, выскажется противъ нея огромнымъ большинствомъ голосовъ. Самъ онъ, какъ это неоднократно утверждали, постоянно имѣетъ въ виду возможность своей отставки, и потому весьма легко что, вмѣсто того, чтобы вернуться въ Берлинъ, Бисмаркъ будетъ настаивать на своемъ увольненіи.

Вы еще, конечно, не забыли всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ потребовалъ своей отставки нынѣшней весной. Причины его рѣшенія были невполнѣ понятны въ то время, да и до сихъ поръ въ этомъ отношеніи многое неясно. Въ общихъ чертахъ недовольство канцлера, по его собственнымъ словамъ, обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что идеи его не находятъ достаточной поддержки въ министерствѣ; но лица, въ которыхъ можно было бы усматривать препятствіе, мѣняются такъ непрерывно, что трудно сообразить, кого именно изъ нихъ онъ считаетъ своими политическими противниками. Въ началѣ такимъ противникомъ считали Кампгаузена, но вскорѣ затѣмъ этому послѣднему канцлеръ оказалъ такіе знаки довѣрія, что отъ этого мнѣнія пришлось отказаться. Затѣмъ гнѣвъ князя Бисмарка обратился какъ-будто на министра торговли, между тѣмъ извѣстно, что онъ самъ однако посадилъ его въ министерство. Но Ахенбахъ, конечно, послѣдній человѣкъ, который станетъ противиться идеямъ канцлера или даже съ недостаточнымъ рвеніемъ проводить ихъ. Наконецъ, произошло разногласіе съ графомъ Эйленбургомъ — непонятнѣйшее изъ многихъ непонятныхъ явленій. Графъ Эйленбургъ, вмѣстѣ съ княземъ Бисмаркомъ, оставался единственнымъ членомъ такъ-называемаго министерства „столкновенія“, и всѣ компетентные люди увѣряютъ, что онъ всегда былъ очень друженъ съ Бисмаркомъ и оказывалъ этому послѣднему въ разныхъ щекотливыхъ обстоятельствахъ самыя существенныя услуги. Графъ Эйленбургъ вступилъ 10-го декабря 1862 года въ министерство, гдѣ уже съ 8-го октября президентомъ былъ тогдашній Бисмаркъ-Шенгаузенъ. Четыре года сряду длилось столкновеніе; хуже всего были первые годы, но даже послѣ благополучной датской войны, когда уже оказалось, что Бисмаркъ преслѣдуетъ національную политику, сила парламентской оппозиціи все еще не была сломлена, и парламентскія бури незадолго до начала войны 1866 года почти не уступали въ силѣ тѣмъ, которыя бушевали въ сессію 1863 года, самую бурную въ новѣйшей прус-

Digitized by Google

ской исторіи. Графъ Эйленбургъ выказалъ въ это трудное время большое мужество и замѣчательное хладнокровіе. Эйленбургъ, какъ и Бисмаркъ, презираетъ мелочныя уловки. Оба открыто боролись съ своими противниками въ парламентѣ, и графъ Эйленбургъ настаивалъ на правѣ правительства вліять на выборы. Большинство оппозиціи состояло тогда главнымъ образомъ изъ юристовъ и судейскихъ чиновниковъ, которыхъ не щадили. Но случаи дѣйствительной несправедливости были очень рѣдки, и такъ-называемое полицейское самоуправство, какое обыкновенно проявляется при такихъ обстоятельствахъ во Франціи, почти не существовало. Въ 1870 г. графъ Эйленбургъ находился съ королемъ въ Эмсѣ и давалъ ему совѣты въ тѣ критическіе дни, когда рѣшался вопросъ о томъ: быть войнѣ или миру. Этой услуги король никогда не забывалъ, и въ исторіи Пруссіи она останется одной изъ самыхъ крупныхъ его заслугъ. Послѣ войны наступилъ совсѣмъ новый періодъ въ политической жизни Эйленбурга. Онъ сталъ мягче въ обращеніи и либеральнѣе во взглядахъ, и взялся провести реформу самоуправленія, первымъ этапомъ которой было, какъ извѣстно, окружное уложеніе 13-го сентября 1872 года, лучшій и—какъ многіе считаютъ—единственный хорошій законъ за весь этотъ періодъ времени, столь богатый законами. Этотъ законъ приходилось проводить вопреки прежнимъ друзьямъ Бисмарка и Эйленбурга: вопреки консерваторамъ. Всѣмъ еще памятно, къ какимъ средствамъ приходилось прибѣгать, чтобы сломить сопротивленіе палаты господъ.

Въ протекшія пять лѣтъ окружное уложеніе мало-по-малу осуществилось. Крупные землевладѣльцы признали, что ихъ законные интересы не нарушены, а либералы, находившіе законъ по многимъ пунктамъ недостаточно либеральнымъ, нашли, что онъ все же представляетъ обширную сферу для дѣйствія. Послѣ осуществленія окружнаго уложенія, приведены были въ дѣйствіе еще другіе административные законы, но во всякомъ случаѣ нѣсколько медленнѣе и среди накоплявшихся затрудненій. Я не стану перечислять ихъ. Какъ вамъ извѣстно, въ послѣднее время произошелъ переворотъ во мнѣніяхъ, и многіе начали сомнѣваться: слѣдуетъ ли вести далѣе законодательное развитіе, — и изъ этого возникли опасенія реакціи, о которыхъ я поговорю дальше. Вообще можно сказать, что страна нѣсколько утомилась отъ поспѣшной законодательной дѣятельности, и съ охотой готова была бы отдохнуть отъ нея. Хотя окружное уложеніе разсчитано на всю страну, однако оно не было распространено на Познань, Прирейнскія провинціи и Вестфалію, и чисто по политическимъ причинамъ: — изъ опасенія, что автономіей, которую оно предоставляетъ населенію, воспользуются въ Познани поляки и ульт-

Digitized by Google

трамонтаны, а въ западныхъ провинціяхъ одни только ультрамонтаны, чтобы еще энергичнѣе, нежели теперь, вести оппозицію противъ правительства. Въ принципѣ аномалія этихъ отношеній и необходимость какъ можно скорѣе положить имъ конецъ признается всѣми сторонами, но на счетъ срока, когда это можетъ случиться, мнѣнія очень расходятся, и хотя и здѣсь также страсти партій играютъ важную роль и эксплуатируютъ вопросъ въ свою пользу, и тѣмъ самымъ, понятно, усложняютъ его, но и отъ объективныхъ и безпристрастныхъ людей можно услышать на этотъ счетъ самыя разнообразныя сужденія. Во главѣ реакціонеровъ стоитъ въ этомъ случаѣ несомнѣнно князь Бисмаркъ, и именно потому, что онъ привыкъ всѣ вопросы разсматривать съ чисто-политической точки зрѣнія. Ему поэтому все равно: будутъ ли еще въ теченіи нѣкотораго времени западныя провинціи лишены автономіи, или нѣтъ, тогда какъ ему отнюдь не все равно, если ультрамонтанамъ, которые и безъ того причиняютъ ему не мало хлопотъ, дано будетъ новое оружіе въ руки, которымъ они, разумѣется, воспользуются безпощадно и помимо всякихъ патріотическихъ соображеній. Но не менѣе понятно, съ другой стороны, и то, что жители этихъ провинцій и въ числѣ ихъ тѣ, которые вовсе не принадлежатъ къ ультрамонтанамъ, чувствуютъ себя обиженными. Въ обѣихъ западныхъ провинціяхъ господствуетъ даже то мнѣніе, что введеніе административныхъ законовъ могло бы совершиться безъ всякой опасности, и что неудовольствіе, вызываемое ихъ отсрочкой, гораздо болѣе съ руки ультрамонтанамъ, нежели были бы самые законы. Это воззрѣніе раздѣляется также и значительнымъ большинствомъ палаты депутатовъ, о чемъ я поговорю ниже, а теперь вернусь къ графу Эйленбергу.

Незадолго до открытія парламентской сессіи (21) 9 октября, внезапно распространился слухъ, что графъ Эйленбургъ просилъ у короля увольненія и, какъ разсказывали, вслѣдствіе разногласія, возникшаго между ними и Бисмаркомъ, который отвергъ представленный ему проектъ городового уложенія, выработанный подъ эгидой графа Эйленбурга. Съ оффиціозной стороны эти слухи опровергались самымъ рѣшительнымъ образомъ, и торжественно утверждалось, что только нездоровье министра побудило его къ такому шагу. Случилось то, чего слѣдовало ожидать. Король поступилъ съ нимъ такъ, какъ и съ самимъ Бисмаркомъ. Онъ объявилъ, что не хочетъ разставаться съ своимъ министромъ, и далъ ему для поправленія здоровья шестимѣсячный отпускъ. Передъ тѣмъ толковали, что министръ, какъ только-что получитъ отпускъ, — немедленно уѣдетъ въ южную Италію. Но вотъ уже протекъ съ тѣхъ поръ слишкомъ мѣсяцъ, а министръ все еще проживаетъ въ Берлинѣ. Единственный при-

Digitized by Google

знакъ жизни, подаваемый имъ, это маленькіе обѣды, которые онъ даетъ у себя дома или на которыхъ участвуетъ въ гостяхъ. Эту дѣятельность нельзя, конечно, поставить ему въ упрекъ, но изъ нея можно вывести то заключеніе, что состояніе его здоровья отнюдь не безнадежное. Само собой разумѣется, такая отсрочка его отъѣзда не можетъ разсѣять подозрѣнія тѣхъ, кто думалъ, что отпускъ министра обусловливается политическими причинами, и число лицъ полагающихъ, что онъ не вернется больше на свой постъ, растетъ съ каждымъ днемъ. Я не стану безусловно утверждать этого даже въ настоящую минуту; мнѣ даже скорѣе кажется, что министръ просто-на-просто не желаетъ участвовать въ борьбѣ, ведущейся въ настоящую парламентскую сессію съ большимъ ожесточеніемъ — что можно было заранѣе предвидѣть, и предоставляетъ эту задачу болѣе молодымъ и свѣжимъ силамъ. Эти силы нашлись у министра сельскаго хозяйства, д-ра Фриденталя, которому поручено — и тутъ я снова перехожу къ конституціонному пункту вопроса—представить министра и при этомъ въ довольно необыкновенной формѣ. Онъ долженъ управлять этимъ министерствомъ подъ личной отвѣтственностью, и, слѣдовательно, проводить въ немъ собственныя идеи. Затрудненіе очевидно заключается въ томъ, что тожество его воззрѣній съ воззрѣніями графа Эйленбурга далеко не стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній, и что, слѣдовательно, существуетъ возможность, что министръ, находящійся теперь въ отпуску, возвратясь къ управленію дѣлами, найдетъ такія перемѣны, которыхъ отнюдь не захочетъ признать. За этотъ самый пунктъ оппозиція ухватилась немедленно по открытіи сессіи. Какъ уже выше сказано, это произошло 21-го октября. Ландтагу было сообщено объ отпускѣ графа Эйленбурга и о томъ, что его замѣняетъ д-ръ Фриденталь, а уже 26 ч. прогрессивная партія внесла резолюцію, въ которой объявляетъ, что возвѣщенное въ тронной рѣчи ограниченіе административной реформы составляетъ переворотъ въ политикѣ правительства и что отпускъ министра внутреннихъ дѣлъ и замѣна его причиняетъ ущербъ отвѣтственности министровъ предъ ландтагомъ. То-есть это было вотированіе недовѣрія въ наилучшей формѣ, и принятіе его поставило бы министерство въ необходимость или выдти въ отставку, или же просить короля о распущеніи палаты депутатовъ.

Рискованный шагъ прогрессивной партіи поставилъ національ-либераловъ въ очень неловкое положеніе. Имъ не могли нравиться ни такъ-называемая пріостановка законодательной реформы, ни отпускъ графа Эйленбурга, и они искали, какимъ бы образомъ имъ выразить свое неудовольствіе, какъ вдругъ прогрессивная партія опередила ихъ своей бурной резолюціей. Было очевидно, что всѣ оппозиціонныя

Digitized by Google

партіи примкнутъ къ каждому предложенію, направленному противъ министерства, также и къ такому, которое было бы внесено національ-либеральной партіей, и теперь эта значительная партія увидѣла себя въ крайне неудобномъ положеніи, въ томъ отношеніи, что уже не могла больше дѣйствовать самостоятельно. Но, кромѣ того, она заранѣе знала, что не желаетъ и не можетъ желать паденія министерства, которое при существующихъ политическихъ условіяхъ все же по своему политическому направленію стоитъ всего ближе къ національ-либеральной партіи. Это воззрѣніе и было ясно выражено ею во время крайне оживленныхъ и въ высшей степени интересныхъ двухдневныхъ преній, возбужденныхъ предложеніемъ прогрессивной партіи, и другимъ,—исходившимъ изъ центра, которое, въ осторожной формѣ требованія законопроекта объ организаціи государственнаго министерства, тоже ясно предлагало вотированіе недовѣрія.

За правительство говорили во время этихъ преній вице-президентъ государственнаго министерства Кампгаузенъ и новый представитель министерства внутреннихъ дѣлъ, д-ръ Фриденталь. Послѣдній снискалъ всеобщія симпатіи, какъ министръ сельскаго хозяйства, и любимъ всѣми партіями въ ландтагѣ; но, само собой разумѣется, возникалъ вопросъ: съумѣетъ ли онъ отправлять какъ слѣдуетъ важный постъ министра внутреннихъ дѣлъ, и прогрессивная партія, равно какъ и центръ, инстинктивно воспользовались первымъ его шагомъ на этомъ поприщѣ, чтобы осыпать его цѣлымъ градомъ нападокъ. Министръ не былъ, конечно, такъ хладнокровенъ, какъ графъ Эйленбургъ, и порою даже замѣтно было, что онъ находится въ нервномъ возбужденіи и горячится. Но въ общей сложности онъ доказалъ, что ему по-плечу его новая роль. Какъ уже сказано, оппозиція прежде всего стала оспаривать конституціонное право давать долгіе отпуски министрамъ и назначать на ихъ мѣсто исправляющихъ должность. Этотъ пунктъ не представлялъ удобнаго поля для нападокъ, такъ какъ въ правѣ монарха давать отпуски своимъ министрамъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, а что касается исправленія должности, то министръ Фриденталь объявилъ самымъ положительнымъ образомъ, что онъ принялъ это совершенно самостоятельно и подъ условіемъ полной отвѣтственности. Что одинъ министръ за-разъ управляетъ двумя министерствами — случай довольно обыкновенный въ конституціонныхъ странахъ. Гораздо затруднительнѣе для министра былъ второй пунктъ нападенія. Хотя, конечно, онъ, какъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ творцовъ и проводниковъ окружнаго уложенія, имѣлъ общественное мнѣніе на своей сторонѣ, и оно, конечно, вѣрило, что онъ не можетъ желать отсрочки реформы, но онъ не

Digitized by Google

могъ положительно сказать, когда именно внесетъ правительство обѣщанные законопроекты. Графа Эйленбурга упрекали со всѣхъ сторонъ, что онъ не начерталъ себѣ однороднаго плана обширнаго окружнаго административнаго законодательства. Для его полноты необходимо, кромѣ окружнаго и провинціальнаго уложенія, еще городовое уложеніе, сельское общинное уложеніе, дорожное уложеніе и еще нѣкоторыя другія. При теперешнемъ ходѣ дѣлъ одинъ законъ писался безъ всякаго отношенія къ другому. Во второмъ пытались приладиться къ первому, но зачастую это не удавалось, и такимъ образомъ нагромождались власти надъ властями и инстанціи надъ инстанціями, и самоуправленіе разрослось такъ широко, что въ концѣ-концовъ грозило окончательно заглушить администрацію.

Надо сказать, что, кромѣ этихъ законовъ о самоуправленіи, въ настоящее время приводятся въ дѣйствіе новые юридическіе законы, а именно организація судовъ, которая должна перевернуть вверхъ дномъ все судоустройство и захватить всѣ умственныя силы страны. Борьба ожесточалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что оппозиція въ своихъ нападкахъ имѣла постоянно въ виду князя Бисмарка, который былъ недосягаемъ для ея нападокъ, и обвиняла д-ра Фриденталя въ томъ, что онъ совсѣмъ не самостоятеленъ, а дѣйствуетъ лишь какъ прикащикъ (это выраженіе было въ самомъ дѣлѣ употреблено), приводящій въ исполненіе приказанія своего хозяина и господина, а потому даже не знаетъ, какія у послѣдняго намѣренія. Долгія, двухдневныя пренія имѣли такой результатъ, какимъ министры, конечно, могутъ быть довольны, но который не особенно много обѣщаетъ по части дальнѣйшей дѣятельности сессіи. Когда прогрессивная партія убѣдилась, что не можетъ разсчитывать на содѣйствіе національ-либераловъ, то стала искать союза съ ультрамонтанами и удвоила рѣзкость своихъ нападокъ на національ-либераловъ, предложеніе національ-либеральной партіи было отклонено, равно какъ и предложеніе ультрамонтанъ, и такъ какъ оба должны были имѣть смыслъ вотированія недовѣрія министерству, то послѣднее могло съ нѣкоторымъ правомъ утверждать, что оно получило заявленіе довѣрія къ себѣ. Но такого заявленія національ-либералы отнюдь не желали ему дать и высказывали это неоднократно въ печати, во время преній, но не нашли никакой возможности формулировать своего отношенія въ опредѣленной резолюціи. Такимъ образомъ они очутились межъ двухъ огней.

Я долженъ указать еще на нѣсколько пунктовъ въ этихъ замѣчательныхъ преніяхъ. Что касается самаго отношенія національ-либеральной партіи, то Ласкеръ, одинъ изъ ея предводителей, объявилъ безъ обиняковъ, почему его партія не можетъ примкнуть къ пред-

Digitized by Google

ложеніямъ прогрессивной партіи. Если она, согласно требованію прогрессивной партіи, низвергнетъ министерство и получитъ возможность образовать министерство изъ своихъ членовъ, то изъ правой и лѣвой стороны немедленно образуется коалиція, которая вскорѣ пресѣчетъ нить его существованія. Въ томъ же смыслѣ говорилъ старый, опытный и всѣми уважаемый депутатъ Лёве, который по политическому направленію стоитъ между прогрессивной партіей и національ-либералами. Онъ объявилъ совершенно невозможнымъ образованіе истинно-парламентскаго министерства до тѣхъ поръ, пока существуетъ партія ультрамонтанъ, которая можетъ давать перевѣсъ той или другой сторонѣ. Вообще, Пруссія не одна поставлена въ это положеніе. Въ Швейцаріи, гдѣ стремятся регулировать отношенія государства къ римской церкви совсѣмъ иными путями, чѣмъ въ Пруссіи и въ Германіи, существуетъ, точно такъ же какъ и здѣсь, партія ультрамонтанъ, которая стоитъ между либералами и консерваторами и можетъ давать перевѣсъ тѣмъ или другимъ. Швейцарская пресса дѣятельно занимается этими печальными отношеніями и даже предлагаетъ совершенно новое распредѣленіе партій, при которомъ должно исчезнуть теперешнее различіе между либералами и консерваторами,—идея, которую во всякомъ случаѣ гораздо легче высказать, нежели привести въ исполненіе. Всеобщее вниманіе было привлечено во время этихъ дебатовъ на различныя въ конституціонномъ смыслѣ отношенія обоихъ министровъ: Кампгаузена и Фриденталя. Кампгаузенъ объявилъ, какъ онъ это уже не разъ дѣлалъ, что останется на своемъ постѣ только до тѣхъ поръ, пока большинство на его сторонѣ, тогда какъ Фридентальъ осторожно высказалъ, что въ томъ случаѣ, если бы большинство оказалось противъ министерства,—оно подало бы просьбу объ отставкѣ королю. Послѣднее, само собой разумѣется, не исключаетъ возможности, что король отвергнетъ эту просьбу. При этомъ министръ высказался по нѣкоторымъ пунктамъ довольно рѣзко относительно вопроса о зависимости отъ какой-нибудь парламентской партіи. Надо предполагать, что такое отношеніе гораздо симпатичнѣе для Бисмарка и для короля, нежели отношеніе Кампгаузена, между тѣмъ какъ этотъ послѣдній, съ другой стороны, можетъ разсчитывать въ критическихъ случаяхъ на поддержку большинства. А критическое положеніе можетъ наступить очень скоро, такъ какъ послѣ отмѣны торговаго договора между Австріей и Германіей наступилъ моментъ, когда должно рѣшиться: слѣдуетъ ли держаться долѣе теперешней таможенной и торговой политики или нѣтъ? Но одновременно съ этимъ слѣдуетъ еще рѣшить вопросъ о податной системѣ.

Господствующее нынѣ направленіе, представителемъ котораго является Кампгаузенъ, стоитъ, какъ извѣстно, за прямые налоги, между

Digitized by Google

тѣмъ какъ многіе политико-экономы считаютъ косвенные налоги гораздо цѣлесообразнѣе. Бисмаркъ желаетъ, какъ онъ уже часто объяснялъ это, назначенія небольшого числа косвенныхъ налоговъ на предметы сильнаго потребленія, и насколько возможно узнать направленіе общественнаго мнѣнія, такое воззрѣніе пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе приверженцевъ. Это происходитъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потребности общинъ растутъ очень быстро, и прямые налоги, въ особенности налогъ на доходы, представляющій безконечный винтъ, частію достигли уже невыносимой цифры, такъ что дальнѣйшее увеличеніе ихъ представляется невозможнымъ, если не хотятъ убить источниковъ народнаго благосостоянія. Во-вторыхъ, оказалось, что отмѣна косвенныхъ налоговъ далеко не имѣла тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, которыя предсказывались приверженцами свободы торговли. Всего поразительнѣе это выказалось относительно налога на мясо, зерно и муку,—налога, доходами съ котораго въ прежнее время города покрывали довольно значительную часть своихъ расходовъ, а теперь они должны были возмѣстить его отмѣну возвышеніемъ налога на доходы. Отмѣна этого налога произошла уже слишкомъ годъ тому назадъ, но цѣны на главнѣйшіе жизненные припасы отнюдь не понизились, тогда какъ приверженцы свободы торговли обѣщали это какъ естественное и неизбѣжное слѣдствіе конкурренціи.

Въ послѣднее время замѣчено нѣкоторое колебаніе въ отношеніяхъ князя Бисмарка и Кампгаузена. Иногда кажется, что взгляды обоихъ сходятся, иногда кажется, что они расходятся. Но все объяснится, когда канцлеръ снова вступитъ въ управленіе дѣлами. Утверждаютъ, что онъ возьмется за это не раньше какъ выработавъ полную программу для экономическихъ вопросовъ и добьется согласія короля и готовности министерства проводить ее. До тѣхъ поръ, значитъ, нельзя разсчитывать на то, чтобы положеніе дѣлъ прояснилось, и засѣданія палаты, для которыхъ все больше и больше накопляется матеріала, дадутъ весьма незначительный результатъ, сравнительно съ тѣмъ напряженіемъ силъ, какихъ они потребуютъ. Но все это—въ томъ случаѣ, если не произойдетъ чего-нибудь непредвидѣннаго, потому что никакъ нельзя отрицать,—положеніе дѣлъ крайне натянутое, и накопившееся электричество можетъ внезапно разрядиться въ неожиданномъ направленіи. Такимъ образомъ, отнюдь нельзя сказать навѣрное, что положеніе министра Фалька не можетъ поколебаться. Этотъ человѣкъ, быть можетъ, болѣе Бисмарка и Эйленбурга имѣлъ бы основаніе взять отпускъ для поправленія здоровья, такъ какъ хотя онъ занимаетъ свой постъ и не такъ давно, какъ эти послѣдніе, но годы его службы должны считаться вдвойнѣ, подобно тому, какъ иногда считается вдвойнѣ срокъ службы

Digitized by Google

въ военное время. Съ одной стороны, съ нимъ борятся ультрамонтаны всѣми дозволенными и недозволенными средствами. Съ другой стороны, въ евангелической церкви съ каждымъ днемъ растутъ затрудненія. Хотя въ этомъ отношеніи отвѣтственность падаетъ не на него одного, а частію и на высшій церковный совѣтъ, но онъ все же настолько солидаренъ съ послѣднимъ, что въ немъ не можетъ господствовать противоположное направленіе тому, представителемъ котораго онъ является. Въ настоящее время въ высшемъ церковномъ совѣтѣ господствуетъ умѣренно-либеральное направленіе, которое раздѣляетъ и самъ д-ръ Фалькъ. Высшій церковный совѣтъ провелъ новое церковное уложеніе, основанное на принципахъ самоуправленія, а на практикѣ до сихъ поръ выходитъ, къ сожалѣнію, то, что обѣ крайнія партіи: ортодоксальные члены церкви и либералы, враждуютъ другъ съ другомъ съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ. Всего ожесточеннѣе борьба ведется здѣсь въ столицѣ, и обнаружилась съ особой силой въ дѣлѣ проповѣдника Госбаха, о которомъ я уже раньше сообщалъ; онъ хлопоталъ о каѳедрѣ проповѣдника въ другой изъ здѣшнихъ церквей и читалъ пробную проповѣдь, которая очень не понравилась ортодоксальнымъ людямъ. Большинство общинъ избрало его проповѣдникомъ, но провинціальная консисторія не утвердила этого выбора. Если высшій церковный совѣтъ, которому предстоитъ, въ качествѣ высшей инстанціи, подтвердить или отвергнуть рѣшеніе консисторіи, — подтвердитъ его, то общины, которыхъ онъ касается, рѣшились не платить церковнаго налога, чтобы побудить начальство къ уступчивости. Безъ сомнѣнія, большинство протестантскаго населенія города Берлина стоитъ на сторонѣ проповѣдника Госбаха. Несмотря на то, многимъ кажется, что не совсѣмъ удобно, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мірянамъ дана возможность участвовать въ управленіи церковными дѣлами, извлекать изъ этой возможности самыя крайнія послѣдствія. Отъ этого необходимо должны возникнуть столкновенія, которыя весьма на-руку противникамъ всякаго прогресса.

Прогрессивныя политическія партіи, изумленныя и напуганныя нѣкоторыми явленіями послѣдняго времени, выразили свои чувства въ формулѣ, ставшей лозунгомъ необыкновенно-оживленныхъ и все еще продолжающихся преній. Формула эта слѣдующая: „образованіе, но не полуобразованіе“. Эта формула произвела фуроръ, но я не нахожу ее удачной,—напротивъ того, она мнѣ кажется безсмысленной, и по той именно причинѣ, что невозможно провести строгой разграничительной черты между образованіемъ и полуобразованіемъ. Это обстоятельство тѣмъ затруднительнѣе для либеральныхъ партій, что

Digitized by Google

они, вѣруя въ содѣйствіе прогрессу черезъ распространеніе образованія, честно старались, и до сихъ поръ стараются,—распространить въ популярной формѣ результаты науки въ тѣхъ слояхъ народа, которые лишены высшаго школьнаго и научнаго образованія. Въ Германіи можно съ точностью опредѣлить эпоху, когда это стремленіе впервые проявилось въ широкихъ размѣрахъ и съ значительнымъ успѣхомъ. Когда въ 1849 году, послѣ пораженія революціи, наступила тяжкая и безсмысленная реакція и свобода печати была почти совсѣмъ подавлена, — одинъ умный и обладавшій большими познаніями человѣкъ, Бернштейнъ, придумалъ спасти народъ отъ полной умственной и, стало-быть, политической апатіи, посредствомъ популяризаціи наукъ и преимущественно естественныхъ. „Volkszeitung"— политическій радикальный органъ, возникшій въ 1848 г., жестоко преслѣдовался полиціей и, въ концѣ-концовъ, долженъ былъ выбирать любое: или окончательную гибель, или же отреченіе отъ своихъ политическихъ мнѣній. Въ виду этой дилеммы, идея Бернштейна послужила для этой газеты спасеніемъ. Этотъ ученый и весьма талантливый писатель написалъ цѣлый рядъ естественно-историческихъ статей, которыя были потомъ изданы отдѣльной книжкой. Успѣхъ былъ колоссальный. Число подписчиковъ „Volkszeitung" увеличивалось не по днямъ, а по часамъ, и хотя о политикѣ въ этой газетѣ говорилось мало, или, лучше сказать, совсѣмъ не говорилось, тѣмъ не менѣе кругъ ея читателей образовалъ политическую общину, тѣсно связанную общими взглядами, и когда, позднѣе, политическія условія стали благопріятнѣе, эта община стала ядромъ теперешней прогрессивной партіи. Политическіе руководители вскорѣ признали пользу этой тактики, и все больше и больше расширяли кругъ своей дѣятельности. Такимъ образомъ, они основали берлинское ремесленное общество, существующее и по сіе время и насчитывавшее въ свое цвѣтущее время 5—6,000 членовъ; въ этомъ обществѣ самые знаменитые профессора, въ томъ числѣ Вирховъ, читали популярныя лекціи по естественнымъ наукамъ. Дѣло шло отлично до того момента, когда выступила на сцену соціаль-демократія. Прогрессивная партія считала свое политическое вліяніе на народныя массы обезпеченнымъ; экономическія идеи ея были представлены системой самопомощи и ассоціаціи, носящей названіе системы Шульце-Делича. Борьба казалась вначалѣ совершенно безнадежной для соціаль-демократіи. Хотя она уже стала твердой ногой во многихъ нѣмецкихъ городахъ, но число приверженцевъ ея въ Берлинѣ было ничтожно, несмотря на то, что Лассаль былъ еще тогда живъ и употреблялъ всѣ силы своего краснорѣчія и всѣ средства агитаціи, чтобы завладѣть столицей. Но вскорѣ сцена перемѣнилась, и въ настоящее время соціаль-демократическая партія въ Бер-

Digitized by Google

линѣ самая сильная во всей Германіи. Прогрессисты-либералы должны были сознаться, что работали для своихъ противниковъ, подготовили имъ почву, сковали имъ оружіе, которое теперь тѣ обратили на нихъ.

Нельзя утверждать, чтобы такое сознаніе стало всеобщимъ, хотя завоеваніе двухъ столичныхъ избирательныхъ округовъ соціаль-демократами начерталось на страницахъ исторіи огненными буквами, какъ грозное Mene Tekel! Многіе либералы все еще думаютъ, что нѣкоторый недосмотръ съ ихъ стороны обусловилъ это пораженіе, и что нужно только еще немного больше свободы и немного больше образованія, для того чтобы соціаль-демократія снова съ раскаяніемъ вернулась въ лоно единственной истинной церкви, въ лоно политической прогрессивной партіи. Но что же теперь слѣдуетъ предпринять? На этотъ вопросъ въ самомъ дѣлѣ трудно отвѣчать. Даже самые злостные реакціонеры не станутъ утверждать, чтобы было желательно или хотя только возможно ограничить средства народнаго образованія. Не составляютъ ли столь ревностно читаемые разсказы Жюля Верна, съ ихъ географической, геологической и астрономической подкладкой, источника, изъ котораго многіе такъ-называемые образованные люди черпаютъ всѣ свои познанія касательно этихъ спеціальностей? Какъ считать Conversations-Lexicon Брокгауза, Мейера и другихъ: источниками образованія, или полу-образованія? Или: не запретить ли „Gartenlaube“, гдѣ профессоръ Бокъ читаетъ многимъ тысячамъ подписчиковъ популярныя медицинскія лекціи, которыя врядъ ли бы заслужили одобреніе присяжныхъ медиковъ? Или ужъ не прикажете ли преслѣдовать научные фельетоны въ газетахъ? Короче сказать: нѣтъ никакой возможности добиться никакого ограниченія. Образованіе нельзя задерживать. Реакція не можетъ служить спасительнымъ средствомъ отъ „полуобразованія“, потому что она опять приведетъ не къ образованію, а къ невѣжеству. Да притомъ, какъ уже выше сказано, невозможно провести строгой границы между образованіемъ и полуобразованіемъ. Всякое знаніе не полно, и тѣ, которые наиболѣе знаютъ, приходятъ къ заключенію, что послѣднимъ словомъ и вѣнцомъ всякой мудрости является сознаніе, что они ничего не знаютъ. Единственное отличіе истиннаго образованія отъ полу-образованія заключается въ томъ, чтобы человѣкъ воспитывался въ такой дисциплинѣ, какая вообще возможна при существующихъ отношеніяхъ и данныхъ способностяхъ. Этимъ путемъ онъ научится методу мышленія, который можетъ быть одинаково примѣненъ ко всякой другой научной сферѣ и даже ко всякой житейской дѣятельности. Громадное большинство образованныхъ людей, напр., интересуются астрономіей, хотя въ дѣйствительности ничего въ ней не смыслятъ и обязаны принимать на вѣру то, что говорятъ астрономы. Но время отъ времени

Digitized by Google

проявляются головы, объявляющія, что онѣ ничего не знаютъ, ничему не вѣрятъ, и что вся астрономія—одна ложь и чепуха. Тутъ выступаетъ впередъ дедукція. А именно: образованный человѣкъ въ силу собственной дисциплины узналъ, какимъ путемъ человѣческій умъ пріобрѣтаетъ знанія, и во всякомъ случаѣ человѣкъ, хорошо знакомый съ какой-нибудь отраслью наукъ, настолько сообразителенъ, что можетъ до нѣкоторой степени разобрать, примѣняются или нѣтъ тѣ же самые законы и въ другихъ отрасляхъ, которыя ему чужды. Слѣдовательно, дисциплина ума—вотъ что можно назвать сущностью образованія. Этой послѣдней можно достигать самыми различными путями, или тѣмъ, что мальчика держатъ долгіе годы надъ грамматикой и синтаксисомъ языка, или, тѣмъ что пріучаютъ его умъ къ строгому мышленію посредствомъ математики, или же посредствомъ естественныхъ наукъ. Въ такомъ случаѣ, образованіе опирается—выражаясь матеріалистически—на томъ, что у учащагося есть учитель, и въ этомъ отношеніи можно указать какъ на противоположность образованію, какъ на настоящую сущность полуобразованія, на автодидактику, т.-е. на ученіе безъ учителя. Нельзя, конечно, отрицать, что и самоучка можетъ достигнуть весьма значительной степени образованія, но это бываетъ лишь въ видѣ исключенія; у самоучки нѣтъ никакой системы. Этимъ обусловливается значеніе школы не по направленію учебнаго матеріала, но какъ средства для воспитанія человѣка, и такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, вопросъ объ образованіи и полуобразованіи сводится просто-на-просто къ вопросу о школѣ. Это давно уже вездѣ признано, и въ Пруссіи въ особенности много лѣтъ уже желаютъ всеобщаго учебнаго закона, который бы привелъ въ органическую связь все преподаваніе, начиная съ первоначальной, народной школы и кончая университетомъ. Но выработка такого закона, понятнымъ образомъ, представляетъ необычайныя трудности, и только теперешнему министру народнаго просвѣщенія удалось составить законопроектъ, обнимающій такую обширную область. Онъ желалъ внести его уже въ теченіи настоящей сессіи въ палату депутатовъ, но такъ какъ законъ обнимаетъ всѣ отрасли государственной жизни и всѣ сферы государственной администраціи, то само собой разумѣется, что и остальные министры должны высказать свое о немъ мнѣніе; въ этой-то стадіи своего развитія и обрѣтается въ настоящее время законопроектъ, о которомъ публикѣ почти ничего не извѣстно, и который, само собой разумѣется, только въ палатѣ депутатовъ выдержитъ свою первую пробу.

Но объ этомъ мимоходомъ. Въ цѣломъ же я желаю резюмировать сказанное и указать, что главной ошибкой современнаго направленія и источникомъ зла, которое ищутъ въ образованіи или въ

Digitized by Google

полу-образованіи, является скорѣе то, что образованіе считается исключительной и единственной потребностью людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ средствомъ для насажденія прогресса. Безпристрастное же изученіе исторіи учитъ, что это отнюдь не такъ. Это даже несправедливо въ смыслѣ тѣхъ либераловъ, которые желаютъ основать политическій прогрессъ и свободу на одномъ образованіи, руководствуясь прекраснымъ правиломъ: „образованіе дѣлаетъ свободнымъ". Исторія, напротивъ того, безспорно учитъ, что образованіе и свобода вовсе не всегда и не вездѣ идутъ рука объ руку, и что, напротивъ, часто бываетъ, что націи, стоящія на очень низкомъ уровнѣ образованія, болѣе проявляютъ политическаго такта и пользуются бо́льшей политической свободой, нежели гораздо болѣе образованныя націи. Исключительное увлеченіе нашего времени образованіемъ, пренебреженіе къ другимъ важнымъ качествамъ народа и личности,—вотъ что́ вліяетъ очень вредно. Соціаль-демократы, большіе знатоки человѣческой природы, этого не забываютъ. Они проповѣдуютъ больше, чѣмъ кто-нибудь, нравственность, конечно — нравственность въ ихъ собственномъ смыслѣ, но тѣмъ не менѣе они постоянно обращаются къ нравственному чувству своихъ приверженцевъ, между тѣмъ какъ формальное просвѣщеніе въ своемъ мертвомъ доктринерствѣ или совсѣмъ не признаетъ этихъ элементовъ, или же относится къ нимъ, какъ къ вещамъ постороннимъ и этимъ производитъ роковую реакцію, которая время отъ времени разрушаетъ плоды долгой работы. Въ сферѣ, такъ-называемаго, просвѣщенія считается, такъ сказать, дурнымъ тономъ толковать объ этихъ вещахъ. Въ религіозной сферѣ происходитъ то же самое. Но *я* не хочу болѣе объ этомъ распространяться. Повсемѣстно царствуетъ удушливая атмосфера, и мнѣ кажется, что самые прогрессивные либералы, тѣ, что постоянно клеймятъ реакцію, въ глубинѣ души желаютъ этой реакціи, потому что сами не знаютъ, какъ быть, и чувствуютъ, что попали на ложную дорогу.

Могутъ пройти мѣсяцы и годы, прежде нежели наступитъ катастрофа, но чѣмъ долѣе продлится настоящее положеніе дѣлъ и чѣмъ позднѣе наступитъ эта катастрофа, тѣмъ она будетъ глубже и рѣшительнѣе.

К.

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/14 ноября, 1877.

XXXI.

Сцены выборовъ во Франціи.

Франція только-что пережила жестокій политическій кризисъ. Я не касаюсь политики,—но во время этого кризиса, наблюдатель могъ собрать самыя любопытныя данныя изъ нашихъ избирательныхъ нравовъ. Я какъ разъ провелъ весь избирательный періодъ въ провинціи, гдѣ мнѣ пришлось встрѣтить весьма диковинные факты, представляющіе даже довольно сильный анекдотическій интересъ. Обыкновенно выборы у насъ происходятъ при безусловномъ порядкѣ: самая безпокойная нація въ Европѣ подаетъ голоса съ удивительнымъ спокойствіемъ. На этотъ разъ также спокойствіе не было нарушено, благодаря благоразумію избирателей. Но тѣ исключительныя обстоятельства, при которыхъ происходили выборы, придали имъ совсѣмъ особенный и чрезвычайно характерный отпечатокъ.

Всѣ знаютъ политическую исторію послѣднихъ мѣсяцевъ. Маршалъ Макъ-Магонъ, президентъ французской республики, уступая вліяніямъ, давно уже тяготѣющимъ надъ нимъ, внезапно уволилъ въ отставку кабинетъ Жюля-Симона, избралъ министерство правой стороны и поставилъ во главѣ его орлеаниста де-Брольи и бонапартиста де-Фурту; наконецъ, добился отъ сената распущенія палаты, подъ тѣмъ предлогомъ, что эта палата носитъ революціонный характеръ и мѣшаетъ правильному ходу общественныхъ дѣлъ. Истина заключается въ томъ, что коалиція фракцій правой, состоящей изъ орлеанистовъ, легитимистовъ и бонапартистовъ, увѣрясь въ томъ, что большинство сената на ея сторонѣ, воображала, будто наступила удобная минута для того, чтобы попытаться отдѣлиться отъ республиканскаго большинства палаты. Въ сущности, парламентскій государственный переворотъ 16 мая былъ не чѣмъ инымъ, какъ избирательнымъ маневромъ. Дѣло шло о томъ, чтобы добиться отъ Франціи монархической палаты, которая бы приготовила на 1880 г.— эпоху, когда истекаютъ полномочія маршала — неизбѣжное паденіе республики. Президента убѣдили, что на послѣднихъ выборахъ, въ 1876 г., умѣренные республиканцы воспользовались его покровительствомъ, чтобы заставить избрать себя. При новыхъ выборахъ,

Digitized by Google

прямо направленныхъ противъ республиканскихъ кандидатовъ, ему обѣщали побѣду. Отсюда и весь походъ.

Итакъ, взаимныя отношенія были ясно очерчены. Съ одной стороны, республиканцы, 363 депутата, вотировавшихъ противъ распущенія и отстаивавшихъ существующія учрежденія, помимо всякихъ оттѣнковъ въ мнѣніяхъ. Съ другой стороны, всѣ враги республики: орлеанисты, легитимисты, бонапартисты, группировались вокругъ маршала и повиновались кабинету де-Брольи и де-Фурту. Можно прибавить, что республиканцы представляли парламентскій порядокъ, между тѣмъ, какъ столкнувшіяся монархическія фракціи водрузили знамя личной власти.

Избирательная борьба необходимо должна была быть очень оживлена. Кабинетъ велъ ее со смѣлостью и насиліемъ, до сихъ поръ незнакомыми во Франціи. Даже при второй имперіи правительство не рисковало производить такого грубаго давленія на избирателей. Противъ республиканцевъ прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ.

Кампанія была въ высшей степени поучительна.

Теперь я перейду къ фактамъ обыденной жизни. По своему обыкновенію, я просто-на-просто разскажу то, что происходило вокругъ меня самого. Я, какъ и всегда, безусловно вѣрю въ то, что факты предпочтительнѣе всякимъ разсужденіямъ. Итакъ, вотъ какъ происходили выборы въ большинствѣ французскихъ общинъ въ прошломъ мѣсяцѣ. Я избираю самые выдающіеся факты, измѣняя при этомъ названія мѣстности и собственныя имена.

I.

Фосиньи, хорошенькое селеніе въ Бургундіи, въ страшныхъ попыхахъ еще съ 16-го мая. Въ этомъ мирномъ уголку, окруженномъ тѣнистыми рощами и виноградниками, свирѣпствуетъ политика. А между тѣмъ, ближайшая станція желѣзной дороги лежитъ отъ селенія на разстояніи слишкомъ трехъ льё. Въ Фосиньи, насчитывается съ сотню домовъ, въ безпорядкѣ выстроенныхъ вдоль большой дороги. Но по лѣвую сторону, тамъ гдѣ стоитъ церковь, раскинулась площадь, обсаженная вѣковыми вязами; вотъ тутъ-то и реветъ политическая буря.

Тамъ, во-первыхъ, обитаетъ кюрэ, аббатъ Готье, сорокалѣтній толстякъ съ весьма деспотическимъ характеромъ, который каждое воскресенье намекаетъ съ каѳедры на скорое воцареніе Генриха V. Затѣмъ, какъ разъ напротивъ приходскаго дома помѣщается куз-

Digitized by Google

нецъ Руве́, дѣтина шести футъ ростомъ, мэръ околотка и самый ярый революціонеръ; разсказываютъ, что въ его альковѣ виситъ портретъ Марата, на томъ мѣстѣ, на которомъ люди богомольные вѣшаютъ распятіе и кропильницу. А затѣмъ налѣво живетъ парикмахеръ Изидо́ръ, слывущій за бонапартиста, между тѣмъ какъ съ другой стороны, направо, находится единственный ресторанъ, который содержитъ Марула́, испитой и кроткій малый, не заявляющій никакихъ опредѣленныхъ политическихъ мнѣній, но обязанный по ремеслу раздѣлять всѣ мнѣнія своихъ кліентовъ: понятно поэтому, какія ожесточенныя схватки должны происходить въ Фосиньи, гдѣ на четырехъ концахъ горизонта бушуютъ страсти партій.

Со времени распущенія палаты, борьба особенно разгорается. Избирательный періодъ открылся на другой же день. Депутатомъ Фосиньи, однимъ изъ 363, былъ Делафоссъ, врачъ сосѣдняго города, очень богатый человѣкъ, владѣющій обширнымъ помѣстьемъ въ округѣ. Но въ прошломъ году, онъ былъ избранъ всего лишь большинствомъ трехсотъ голосовъ, и префектъ категорически обѣщалъ кабинету провалить его. Этотъ префектъ, приверженецъ кулачнаго права, прежде всего выбралъ старательно кандидата маршала. Онъ обратился тоже къ крупному землевладѣльцу, графу де-Лордеро́, замокъ котораго отстоитъ въ трехъ километрахъ отъ Фосиньи. Вліятельному туземцу онъ противопоставилъ другого вліятельнаго туземца. И битва завязывается.

Само самой разумѣется, что кюрэ держитъ сторону Лордеро́. Онъ его самый дѣятельный избирательный агентъ. Онъ бѣгаетъ въ сутанѣ изъ одного дома въ другой, вербуетъ женщинъ, подзадориваетъ мужчинъ, вездѣ провозглашаетъ, что успѣхъ несомнѣненъ и что Богъ совершитъ чудо, если будетъ нужно. Но когда кюрэ проходитъ мимо кузницы, мэръ Руве бросаетъ свой молотъ и подсмѣиваясь становится на порогѣ своей кузницы. Онъ проводитъ Делафосса, и благодаря именно его усиліямъ, этотъ былъ выбранъ на послѣднихъ выборахъ. Руве тоже дѣлаетъ видъ, что вполнѣ спокоенъ и увѣренъ въ успѣхѣ. Но высказывая такую увѣренность, и мэръ, и кюрэ въ душѣ далеко неспокойны на счетъ результата выборовъ.

Однажды утромъ, недѣли за полторы до голосованія, аббатъ Готье суетится болѣе обыкновеннаго. Онъ получилъ записку, въ которой его извѣщаютъ о томъ, что де-Лордеро́ пріѣдетъ завтра въ Фосиньи, и теперь слѣдуетъ воспользоваться этимъ визитомъ для того, чтобы доставить торжество своему дѣлу. И вотъ онъ всѣмъ разсказываетъ, что графъ подарилъ селенію великолѣпную статую мадонны въ два метра вышины, расписанную золотомъ и раскрашенную. Будетъ отслужена обѣдня, затѣмъ произойдетъ крестный

Digitized by Google

ходъ вокругъ церкви и освященіе статуи. И графъ лично будетъ присутствовать на церемоніи.

— Ладно! говоритъ Руве вечеромъ, пусть себѣ освящаютъ, что хотятъ: муниципальный совѣтъ не пойдетъ со свѣчами въ рукахъ позади ихъ большой куклы.

Но содержатель кофейни съ испугомъ бормочетъ:

— Ахъ! пожалуйста молчите.... Если васъ услышатъ, то заставятъ меня закрыть мое заведеніе.

Весь вопросъ теперь въ томъ, согласится ли парикмахеръ Изидоръ идти встрѣчать де-Лордеро. Извѣстно, что бонапартисты очень неблагопріятно относятся къ кандидатурѣ графа; они надѣялись провести одного изъ своихъ, и толкуютъ про то, что воздержутся отъ подачи голоса. Если парикмахеръ воздержится отъ подачи голоса, республиканскій кандидатъ пройдетъ громаднымъ большинствомъ голосовъ. Толпа крестьянъ разсуждаетъ объ этомъ вопросѣ на площади, какъ вдругъ всѣ умолкаютъ. Кюрэ въ эту минуту смѣло входитъ въ домъ Изидора: Боже мой! что ему тамъ понадобилось? И удивленіе растетъ, когда оказывается, что кюрэ разсѣлся у Изидора, и тотъ принимается его брить. Это зрѣлище видно въ дверь, оставшуюся незапертой. Толпа любопытныхъ растетъ, скоро весь околотокъ собирается на площади и глядитъ на намыленнаго кюрэ, бесѣдующаго съ парикмахеромъ и его женой. Въ толпѣ зѣвакъ толкуютъ про заговоръ, составленный между женой парикмахера, которая извѣстна, какъ ханжа, и кюрэ. Наконецъ, всѣ сомнѣнія на счетъ подачи бонапартистскихъ голосовъ разсѣяны, когда Изидоръ провожаетъ аббата Готье до дверей и говоритъ ему съ любезнымъ видомъ:

— Господинъ кюрэ, я весь къ вашимъ услугамъ...

На другой день, передъ пріѣздомъ кандидата, между кюрэ и мэромъ происходитъ ссора. Этотъ послѣдній рѣшительно отказываетъ въ участіи гражданскихъ властей въ церемоніи, и даже, въ порывѣ гнѣва, величаетъ сквозь зубы своего противника сумасбродомъ. Слово это невѣжливо и безтактно. Поэтому Рувé, сознающій, что промахнулся, очень не въ духѣ.

— Съ своей мадонной, — повторяетъ онъ, — они поднимутъ на насъ всѣхъ бабъ... Но, терпѣніе! Делафоссъ пріѣдетъ въ свою очередь.

Наконецъ, по площади проѣзжаетъ карета и останавливается передъ церковью. Немедленно кюрэ, парикмахеръ и десятокъ благонамѣренныхъ нотаблей бросаются встрѣчать де-Лордеро. Лордеро, — толстякъ, деревенскій баринъ, — тяжеловѣсно выходитъ онъ изъ экипажа и пожимаетъ руки на-право и на-лѣво. Зѣваки сбѣжались,

Digitized by Google

набралось человѣкъ пятьдесятъ. И вдругъ шопотъ почтительнаго изумленія пробѣгаетъ въ толпѣ. Крестьяне замѣчаютъ, что на графѣ надѣтъ орденъ. Ленточка его новехонькая, очень широкая и ослѣпительно красная. Тутъ кюрэ пользуется эффектомъ, произведеннымъ этимъ орденомъ. Онъ громко поздравляетъ Лордеро, заслуги котораго, наконецъ, признаны правительствомъ, и повторяетъ:

— Весь околотокъ раздѣляетъ такую честь вмѣстѣ съ вами, г-нъ графъ.

Этотъ послѣдній кланяется, и даже слегка краснѣетъ, точно молодая дѣвушка.

Затѣмъ, видя, что минута благопріятная, говоритъ въ свою очередь:

— Я привезъ отличную новость, г-нъ кюрэ, и очень радъ, что могу сообщить ее въ присутствіи такого значительнаго собранія... Я получилъ сегодня утромъ отъ правительства депешу, уполномочившую меня возвѣстить, что боковая вѣтвь предположенной желѣзной дороги пойдетъ на Фосиньи... Да вотъ и самая депеша.

И тутъ онъ вынимаетъ изъ портфеля клочокъ бумаги и показываетъ его на-право и на-лѣво, чтобы всѣ могли вдоволь налюбоваться имъ. Чувство уваженія переходитъ въ глубокій восторгъ. Толпа какъ-будто созерцаетъ само правительство, такъ какъ графъ находится въ прямыхъ съ нимъ сношеніяхъ. Поэтому крестьяне стоятъ, разинувъ ротъ, въ то время, какъ Лордеро объясняетъ, что префектъ долженъ былъ пріѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но что его задержали важныя дѣла. Но и безъ префекта дѣло въ шляпѣ. Новый орденъ кандидата и депеша, которую онъ держитъ въ рукѣ, сдѣлали свое дѣло.

Затѣмъ наступаетъ церемонія, и старожилы Фосиньи не запомнятъ другой такой великолѣпной. Полевой сторожъ, стоящій за аналоемъ, поетъ во все горло. Мадонна, изъ позолоченнаго картона, такъ великолѣпна, что озаряетъ церковь, точно солнце. Процессія и освященіе статуи окончательно завоевываютъ большинство графу. Поэтому, усадивъ графа въ карету, послѣ роскошнаго обѣда, кюрэ съ торжествующимъ видомъ прогуливается по площади. Онъ взялъ парикмахера подъ руку, чтобы показать, что слiяніе всѣхъ группъ монархической партіи совершилось. Парикмахеръ все время фигурировалъ на первомъ планѣ во время церемоніи. Онъ преисполненъ сознаніемъ своей важности, толкаетъ локтемъ кюрэ, когда они проходятъ мимо кофейни Марулá, и, подмигивая на мэра, окруженнаго пріятелями, бормочетъ:

— Гмъ! это отрезвитъ ихъ!

И дѣйствительно, Рувé сознаетъ всю опасность положенія. Онъ

Digitized by Google

все еще сулитъ побѣду, но не скрываетъ, что понадобится большое усиліе, чтобы обезпечить ее. Къ счастью, кюрэ, все болѣе и болѣе торжествующій, вскорѣ теряетъ всякую мѣру. Онъ царитъ въ Фосиньи, царитъ, какъ деспотъ, всѣ приказанія котораго должны быть выполнены подъ страхомъ немедленной кары. Такимъ образомъ, онъ неоднократно доноситъ префекту, что кофейня Марулà представляетъ собою весьма опасный революціонный очагъ. Уже два раза полевой сторожъ намекалъ испитому Марулá, что его заведеніе будетъ закрыто, если онъ будетъ по-прежнему получать „Siècle", демократическую газету, которую кюрэ не называетъ, не перекрестившись. Марулá послѣ этого прячетъ „Siècle", и когда Рувé его требуетъ,—клянется и божится, что больше его не получаетъ, что, должно быть, его задерживаютъ на почтѣ, и это окончательно выводитъ изъ-себя республиканцевъ. Но содержатель кофейни, несмотря на свою ловкость, не можетъ углядѣть за всѣмъ; посѣтители постоянно заваливаютъ его столъ брошюрами всякаго направленія: противъ маршала, противъ республики,—ожесточенная пропаганда, ведущаяся посредствомъ громкихъ фразъ и ругани. И вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ, жандармъ находитъ радикальную брошюру въ кофейнѣ и доноситъ объ этомъ,—и, указомъ префекта, кофейня Марулà закрыта. При этомъ префектъ даже не далъ себѣ труда объяснить причины этой мѣры.

Новая побѣда кюрэ, мечтающаго теперь, что искоренитъ всѣхъ республиканцевъ въ Фосиньи. Онъ требуетъ одного увольненія за другимъ. Полевой сторожъ,—даромъ что онъ же и церковный пѣвчій,—кажется ему сомнительнаго политическаго направленія, и онъ прежде всего увольняетъ его отъ должности и замѣщаетъ роднымъ братомъ m-me Изидбръ, жены парикмахера,—и этимъ достигаетъ двухъ цѣлей: устраняетъ противника и угождаетъ союзнику. Затѣмъ, разлакомясь, кюрэ прогоняетъ завѣдующую почтамтомъ старую дѣвицу, читающую романы и никогда не посѣщающую церковь. Затѣмъ поднимается настоящая травля: мировой судья перемѣщается въ сосѣдній департаментъ, что̀ означаетъ немилость; школьный учитель просто-на-просто увольняется, и про него распускаютъ самые чудовищные слухи. Эти преслѣдованія, направленныя противъ маленькихъ людей, немедленно производятъ самое плачевное дѣйствіе. Изъ-за нихъ забываютъ про орденъ Лордерó и про знаменитую депешу. У отставленныхъ—полевого сторожа, директрисы почтамта и школьнаго учителя—есть друзья и родственники, которые принимаютъ ихъ сторону. Вскорѣ образуется центръ оппозиціи,—люди, которымъ не было никакого дѣла до республики, теперь считаютъ ея и свои интересы общими.—Ахъ! если бы республиканцы восторжествовали,—они воз-

Digitized by Google

вратили бы всѣхъ на свои мѣста; даже дали бы повышеніе. И вотъ какимъ образомъ глухо творится переворотъ, и большинство перемѣщается снова и переходитъ на сторону Делафосса.

Рувé теперь веселѣе ударяетъ молотомъ по наковальнѣ. Онъ завербовалъ даже Марулà въ число радикаловъ. Съ тѣхъ поръ, какъ закрыли кофейню послѣдняго, онъ ведетъ отчаянную пропаганду въ пользу республиканскаго кандидата. Онъ не прячетъ больше „Siècle", а вслухъ читаетъ его передъ собравшимися поселянами. Онъ больше не трясется при видѣ брошюръ, — онъ самъ раздаетъ ихъ, рискуя, что его арестуютъ за это. Теперь у него только одно желаніе: отмстить кюрэ и доставить торжество Делафоссу, чтобы тотъ снова открылъ его кофейню.

— Знаете,—говоритъ каждое утро кузнецъ,—чѣмъ болѣе они будутъ безчинствовать, тѣмъ лучше... Когда они насолятъ всѣмъ, то камни на мостовой возстанутъ противъ нихъ.

Нельзя ничего представить себѣ безтактнѣе этой войны съ маленькими людьми. Страсти въ политикѣ худые совѣтчики: насолишь маленькому человѣку, и превратишь его въ непримиримаго врага, а это дѣло серьёзное, когда въ непродолжительномъ времени у него въ рукахъ долженъ очутиться избирательный бюллетень для отместки. Интересы, которымъ нанесенъ ущербъ, всегда неумолимы. Но аббатъ Готье слишкомъ увлеченъ борьбой, чтобы сообразить, какъ глупо его поведеніе. Онъ воображаетъ, что борется во имя Бога и что каждый низверженный врагъ представляетъ зрѣлище угодное Богу. Онъ все сильнѣе и сильнѣе вѣритъ въ успѣхъ.

За три дня до выборовъ Делафоссъ въ свою очередь навѣщаетъ избирателей; какъ и Лордеро́, онъ пріѣхалъ въ экипажѣ, но только онъ настолько ловокъ, что оставилъ свой кабріолетъ въ трактирѣ подъ вывѣской *Бѣлаго Коня*, расположенномъ на концѣ деревни, и приходитъ на площадь пѣшкомъ. На этотъ разъ деревенскіе колокола безмолвствуютъ, и только служанка кюрэ показывается у одного окна приходскаго дома съ испуганнымъ лицомъ. У парикмахера Изидо́ра, нотабли бонапартистской и легитимистской партіи брѣются, подсмѣиваясь себѣ подъ носъ. Но Делафоссъ рѣшительно „ловкій человѣкъ", какъ говорятъ поселяне. Онъ долго бесѣдуетъ съ Рувé, сидя на деревянной скамейкѣ въ кузницѣ. Затѣмъ пѣшкомъ проходитъ по Фосиньи, заходитъ къ потерпѣвшимъ, къ директрисѣ почтамта, къ полевому сторожу и къ школьному учителю; онъ очень ласковъ со всѣми и даетъ всѣмъ понять, что все возстановитъ въ прежнемъ видѣ и что республика съумѣетъ вознаградить тѣхъ, кто за нее страдалъ. Жена школьнаго учителя заболѣла, когда уволили ея мужа. Делафоссъ проводитъ у нея добрыхъ полчаса. Затѣмъ посѣщаетъ

Digitized by Google

еще нѣсколько крестьянъ и наноситъ послѣдній ударъ Лордеро́, объяснивъ, что знаменитая вѣтвь желѣзной дороги не осуществилась еще пока и на бумагѣ. Собирается толпа, человѣкъ пятьдесятъ провожаютъ доктора къ мэру, гдѣ тотъ долженъ обѣдать вмѣстѣ съ Марулà и нѣсколькими другими вождями республиканской партіи. Наконецъ, кюрэ, который до того времени благоразумно держался въ сторонѣ, впадаетъ въ непростительную ошибку, бросаетъ вызовъ въ лицо республиканскому кандидату. Онъ прогуливается по площади, съ молитвенникомъ въ рукахъ, для вида. Ему никто ничего не говоритъ, и гнѣвъ его усиливается. Ему очень бы хотѣлось, чтобы его задѣли. Черезъ часъ, видя, что Делафоссъ выходитъ изъ кузницы, окруженный нѣсколькими лицами, провожающими его, онъ окончательно теряетъ терпѣніе и, обращаясь къ Изидо́ру, стоящему въ дверяхъ своего магазина, произноситъ довольно громко, кивая головой на республиканцевъ:

— Каная сволочь!

Руве́ сжимаетъ кулаки. Но Делафоссъ удерживаетъ его, хитро улыбаясь и говоритъ въ свою очередь:

— Не сердитесь.... г. кюрэ подалъ за меня свой голосъ. Теперь я навѣрное буду выбранъ.

Онъ угадалъ. Слова кюрэ разносятся въ околоткѣ и производятъ самое неблагопріятное дѣйствіе. Делафосса слишкомъ уважаютъ во всемъ околоткѣ, чтобы безъ протеста дозволить величать его сволочью. Мѣра переполнена, реакціонеры зашли слишкомъ далеко. Поэтому, когда приступаютъ къ голосованію, всѣ маленькіе люди, обиженные правительствомъ, всѣ умѣренные, разъяренные словами аббата, подаютъ свои голоса съ замѣчательнымъ единодушіемъ. И не взирая на орденъ, не взирая на депешу, не взирая на тѣ шансы на успѣхъ, какіе онъ могъ имѣть одно время, Лордеро́, кандидатъ маршала, позорно побитъ большинствомъ тысячи пятисотъ человѣкъ. Вотъ какимъ образомъ административное давленіе могло въ иныхъ избирательныхъ округахъ дѣйствовать на руку республикѣ.

II.

А вотъ избирательная комедія, на которой я лично присутствовалъ.

Эстакъ—рыбачье селеніе, расположенное на берегу Средиземнаго моря, за городской чертой Марселя. Прислоненное къ цѣпи Нертскихъ горъ, вдающейся въ море и замыкающейся съ этой стороны залива, оно расположено какъ-бы въ непроходимыхъ дебряхъ, и хотя отстоитъ

Digitized by Google

всего на какихъ-нибудь три льё отъ большого города, но трудно найти болѣе пустынный и дикій край.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, до проведенія желѣзной дороги изъ Ліона въ Марсель, онъ былъ еще пустыннѣе; большая Авиньонская дорога проходила съ-права, минуя его, и онъ стоялъ въ сторонѣ отъ всякаго пути сообщенія, связанный съ остальнымъ міромъ настоящимъ лабиринтомъ проселочныхъ тропинокъ, извивавшихся среди скалъ. Теперь желѣзная дорога проходитъ вдоль берега и съ системъ врѣзывается въ гору, черезъ туннель, самый длинный во Франціи. Она вноситъ шумъ и оживленіе въ пейзажъ. Но можно сказать, что цивилизація проносится мимо Эстака, такъ какъ самъ онъ остается самымъ глухимъ угломъ Прованса. Хотя по этой линіи, ставшей европейской и соединившей сѣверныя страны съ Африкой и востокомъ, ежедневно проѣзжаютъ тысячи путешественниковъ, поѣзды проносятся съ быстротой молніи, но рыбаки только мелькомъ взглядываютъ на поѣзды, и отъ этого непрерывнаго потока любопытныхъ и интересныхъ вещей, проносящихся мимо нихъ, они слышатъ только глухой стукъ и видятъ вьющійся дымокъ.

Въ бухтѣ, надъ которой Эстакъ раскидывается, грѣясь на солнцѣ, онъ дышетъ лѣнью итальянскаго города. Вы уже какъ будто выѣхали изъ Франціи въ одно изъ тѣхъ небольшихъ селеній, нищета и грязь которыхъ расположились на берегу моря. Но одинъ изъ самыхъ любопытныхъ фактовъ, дѣлающихъ изъ этой мѣстности совсѣмъ особый уголокъ—это странный политическій переворотъ, совершившійся въ немъ въ послѣднія тридцать лѣтъ. Марсель и весь морской берегъ стояли за легитимную королевскую власть съ той южной восторженностью, которая главнымъ образомъ проявляется въ страстныхъ жестахъ и крикахъ. Простонародье въ особенности, крючники и рыбныя торговки молились на короля, и до сихъ поръ еще разсказываютъ необыкновенные анекдоты про бюсты Генриха V, измельченные въ порошокъ и съ благоговѣніемъ проглоченные, про букеты-monstres, посылавшіеся букетницами рынка Сенъ-Луи претенденту, про дѣтскіе ребяческіе заговоры, распадавшіеся немедленно послѣ того, какъ они были составлены. Затѣмъ наступила вторая имперія, и проявилось весьма сильное республиканское движеніе. Въ другихъ департаментахъ, это движеніе сообщалось отъ народа буржуазіи; въ этомъ полуденномъ краѣ, гдѣ все повидимому должно происходить навыворотъ, оно сообщилось отъ буржуазіи народу: я хочу этимъ сказать, что либеральная буржуазія мало-по-малу привлекла народъ къ республикѣ. И въ настоящую минуту во Франціи не существуетъ болѣе революціоннаго департамента какъ департаментъ Устьевъ-Роны.

Digitized by Google

Въ Эстакѣ весьма замѣтны слѣды того движенія, о которомъ я говорю. Невѣжество тамъ крайнее; немногіе рыбаки умѣютъ читать. Тамъ есть, правда, школа, но какъ только дѣтямъ минетъ десять лѣтъ, отцы берутъ ихъ съ собой на ловлю скумбры и сардинокъ, и тутъ ужъ прощай грамота. Такимъ образомъ населеніе, несмотря на сосѣдство съ Марселемъ, остается грубымъ, невѣжественнымъ, исполненнымъ предразсудковъ. Но это не мѣшаетъ, какъ бы это можно было думать, республиканской пропагандѣ. Если образованіе распространяется весьма медленно, то идеи свободы съ восторгомъ были приняты этимъ полу-варварскимъ населеніемъ. И вскорѣ обозначилось два лагеря: старики почти всѣ остались вѣрны отжившей королевской власти, а молодые, новое поколѣніе, высказалось въ массѣ за республику. Надо прибавить, что роковымъ образомъ республиканцы становились все многочисленнѣе по мѣрѣ того, какъ старики вымирали. Тамъ нѣтъ середины; тамъ не знаютъ, что такое орлеанизмъ или бонапартизмъ; тамъ существуютъ только два вѣрованія: республика и Генрихъ V. Край какъ будто все еще живетъ на другой день послѣ 93 г., когда вопросъ рѣшался еще просто между королевской властью и республикой.

Впрочемъ, повторяю, съ 1871 г. въ особенности республиканцы берутъ верхъ. Они могутъ разсчитывать на большинство. Совсѣмъ тѣмъ, такъ какъ Эстакъ подаетъ голосъ вмѣстѣ съ двумя другими сосѣдними селеніями, Сентъ-Анри и Сентъ-Андре, то всегда проявляется легкое волненіе, потому что Сентъ-Андре населенъ богатыми собственниками, которые почти всѣ легитимисты, и ихъ вліянія нельзя не опасаться. Опасаются только, какъ бы голосованіе въ Сентъ-Андре не оказалось вредоноснымъ. Это вызываетъ тревогу, питающую волненіе страстей.

Такъ какъ факты, которые я разскажу, до мелочей достовѣрны, то я не нахожу даже нужнымъ измѣнять имена. Республиканскій кандидатъ въ Эстакѣ былъ Распайль, почтенный патріархъ демократіи. Надо прибавить, что республиканская дисциплина въ Марсели безусловна. Комитетъ назначаетъ кандидатовъ, а избиратели вотируютъ съ закрытыми глазами. Это объяснитъ, какимъ образомъ Распайль получилъ подавляющее большинство, не имѣя прямого вліянія на край, не владѣя тамъ никакимъ помѣстьемъ, не имѣя тамъ ни родственниковъ, ни знакомыхъ, и будучи извѣстнымъ лишь благодаря нѣсколькимъ избирательнымъ объѣздамъ. Легитимный кандидатъ, маркизъ де-Коріолисъ, былъ, напротивъ, слишкомъ извѣстенъ; я хочу сказать, что вотъ уже лѣтъ десять, какъ онъ выступаетъ въ роли злополучнаго кандидата, котораго регулярно побиваютъ на всѣхъ выборахъ. Онъ принадлежитъ къ старинной парла-

Digitized by Google

ментской фамиліи города Э, и долгое время служилъ морскимъ офицеромъ. Въ настоящее время онъ живетъ своими доходами, весьма скромно, и выходитъ изъ своего уединенія только затѣмъ, чтобы быть побитымъ республиканцами или бонапартистами. Разсказываютъ, что его политическіе друзья тихонько подсмѣиваются надъ нимъ за кулисами. Многіе рѣшительно отказались бы идти на вѣрную неудачу. Въ концѣ-концовъ смѣшно становится играть роль вѣчнаго побѣжденнаго. Но маркизъ такъ добродушенъ; ему достаточно сказать: „король этого хочетъ“,—и онъ покоряется. Такимъ образомъ, легитимистская партія какъ будто не отрекается отъ борьбы. У нея есть свой боецъ.

Но надо однако сказать, что на этотъ разъ легитимисты, какъ и всѣ, впрочемъ, реакціонеры, увѣровали въ побѣду. Покровительство маршала Макъ-Магона, воинственный образъ дѣйствія кабинета, административное давленіе, казалось имъ, должны были привлечь на ихъ сторону большинство. Въ Марсели префектомъ былъ Пигоре, довольно мало-извѣстный дотолѣ чиновникъ, который однако попытался теперь разыграть энергическаго префекта, но не вполнѣ успѣлъ въ этомъ. Правда, онъ отличился закрытіемъ всѣхъ республиканскихъ кофеенъ и клубовъ въ своемъ департаментѣ; онъ преслѣдовалъ разносчиковъ и продавцовъ газетъ, уволилъ какъ можно больше республиканцевъ отъ должностей. Но въ концѣ-концовъ оказался все-таки довольно безцвѣтенъ. Дѣло темперамента—по всей вѣроятности.

Итакъ, легитимисты были увѣрены въ успѣхѣ. Они видѣли уже Коріолиса депутатомъ. Само собой разумѣется, что они принимали всѣ необходимыя для того мѣры: раздавали фотографическіе портреты маршала и брошюры, возвѣщавшія о возобновленіи террора въ томъ случаѣ, если Распайль будетъ выбранъ; клерикальныя и монархическія газеты распускались въ невѣроятномъ количествѣ; правительственные манифесты и манифесты мѣстныхъ комитетовъ разносились избирателямъ сельскими почтальонами; бѣлыя афиши, указывали на Коріолиса, какъ на личнаго кандидата маршала и Пигоре. Никогда еще не доводилось мнѣ присутствовать при оффиціальной кандидатурѣ, столь нагло проводимой.

Наши избирательные законы назначаютъ весьма строгія наказанія за всякія мѣры давленія, въ особенности когда они исходятъ отъ какого-нибудь чиновника. Вмѣшательство администраціи запрещается, равно какъ и покупка голосовъ посредствомъ обѣщаній или подарковъ. Но станутъ префекты подчиняться законамъ въ избирательный періодъ,—какъ бы да не такъ! Они представители закона, а между тѣмъ нарушаютъ его. Такъ, напримѣръ, Пигоре, нисколько

Digitized by Google

не стѣсняясь, возилъ Коріолиса по всему округу и совершалъ на каждой станціи самыя скандальныя злоупотребленія власти.

Не знаю ничего восхитительнѣе и типичнѣе визита, сдѣланнаго въ Эстакъ Пигоре и его кандидатомъ. Это было за три дня до начала голосованія, въ чудный вечеръ. Надо провести нѣсколько прекрасныхъ октябрьскихъ дней на берегу Средиземнаго моря, чтобы представить себѣ тотъ золотой дождь, который проливается надъ голубыми волнами. Это совсѣмъ особенное освѣщеніе, неописанной прелести. Ночь надвигалась, солнце садилось позади Нертскихъ горъ, между тѣмъ какъ маякъ Планье сверкалъ вдали, какъ искорка. Необъятное море было зеленовато-голубого цвѣта, прорѣзываемаго розоватыми лучами. Я стоялъ въ дверяхъ маленькаго дома, въ которомъ жилъ, на самомъ берегу моря, какъ вдругъ былъ изумленъ появленіемъ пяти колясокъ на противоположномъ концѣ деревни, величественно огибавшихъ дорогу, ведущую на желѣзно-дорожную станцію. Коляски—рѣдкость въ Эстакѣ, а эти, къ тому же, приближались съ такой необыкновенной торжественностью. Впрочемъ, онѣ не поѣхали дальше первыхъ домовъ; онѣ остановились въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога расширяется въ нѣкотораго рода эспланаду, которая отдѣляетъ единственный рядъ домовъ отъ моря, гдѣ качается цѣлая флотилія маленькихъ лодокъ.

Мимо меня прошелъ одинъ рыбакъ и проговорилъ на мѣстномъ нарѣчіи:

— Префектъ! префектъ!

Боже мой! да, то были: префектъ, оффиціальный кандидатъ и всякаго рода власти въ пяти коляскахъ. Что понадобилось этой шайкѣ въ Эстакѣ въ этотъ часъ, въ сумерки, когда ночь еще не наступила, а день уже прошелъ? Сознаюсь, что мое любопытство было сильно задѣто.

Долженъ сказать при этомъ, что Эстакъ не освѣщается газомъ. Трубы изъ марсельскихъ заводовъ доходятъ только до Сентъ-Анри. Шесть лѣтъ тому назадъ, въ селеніи не было даже ни одного фонаря. Затѣмъ посреди берега поставили одинъ фонарь, послѣ прибавили другой; но на этомъ усовершенствованіи и остановились. Такъ какъ рыбаки ложатся спать съ пѣтухами, а ночи очень свѣтлы въ Провансѣ, то, конечно, находили, что двухъ фонарей для Эстака за-глаза довольно. Однако жители жаловались. И вотъ когда г-ну Пигоре пришла блистательная мысль въ голову,—купить голоса избирателей Эстака, подаривъ имъ два новыхъ фонаря. Но съ геніальною находчивостью онъ пожелалъ, чтобы лучше самъ Коріолисъ подарилъ селенію эти два фонаря. Такимъ образомъ городской бюджетъ

Digitized by Google

не обременялся новымъ расходомъ, а съ другой стороны щедрость оффиціальнаго кандидата выступала въ яркомъ свѣтѣ.

Въ послѣдніе два дня я слыхалъ, правда, что ставятъ фонарь возлѣ Мистраля, ресторатора, но не догадался, въ простотѣ душевной, что это одинъ изъ избирательныхъ манёвровъ. А между тѣмъ, по случаю этого-то фонаря и прибыли сюда префектъ, оффиціальный кандидатъ и всякія власти въ пяти коляскахъ.

Никогда въ жизни не забуду величественной процессіи, которая прошла мимо меня. Пигоре шелъ во главѣ, въ парадномъ, расшитомъ золотомъ мундирѣ. Затѣмъ слѣдовалъ оффиціальный кандидатъ, окруженный властями. Наконецъ, въ хвостѣ двигались пріятели, вліятельные избиратели. И кортежъ медленно двигался, вырѣзываясь черной чертой на обширномъ морѣ, сохранявшемъ на горизонтѣ послѣдній розовый отблескъ. Небо было необъятно, а вдали Марсель освѣщался яркими точками, въ то время какъ префектъ наполнялъ этотъ великолѣпный вечеръ важностью своей персоны. Погода была очень теплая, на морѣ царила такая тишина, что ясно былъ слышенъ стукъ каблуковъ этихъ господъ.

Позади процессіи собралось почти все селеніе и слѣдовало за группой пріѣзжихъ, на почтительномъ разстояніи. Такимъ образомъ всѣ прошли вдоль берега на другой конецъ деревни къ ресторану Мистраля. Фонари были зажжены. Новый, тотъ, который былъ подаренъ селенію Коріолисомъ, горѣлъ очень худо, краснымъ пламенемъ, производившимъ весьма плачевный эффектъ. Я подозрѣвалъ впослѣдствіи, что фонарщикъ-республиканецъ нарочно обкарналъ свѣтильню. Но вотъ процессія подошла къ фонарю, окружила его съ важностью. Всѣ поднимали голову и глядѣли, съ непоколебимой серьёзностью, какъ дымилось и дрожало пламя. Пигоре, въ особенности, точно будто изучалъ вопросъ, отъ котораго зависѣла участь департамента. Коріолисъ былъ растроганъ. Цѣлыхъ двѣ минуты никто не произносилъ ни слова. Ночь сгущалась; фонарь на его длинной палкѣ красовался печальнымъ пятномъ, точно какая-то плошка, затерявшаяся во мракѣ. Наконецъ, префектъ рѣшился заговорить и сказалъ среди всеобщаго молчанія:

— Онъ очень хорошо горитъ.

Коріолисъ только чувствительно покачалъ головой. Но другія лица, не обязанныя быть такими же скромными, какъ онъ, проговорили уже съ видомъ глубокаго убѣжденія:

— О! превосходно! превосходно!

И совершеніе возобновилось. Рыбаки, въ нѣсколькихъ шагахъ, также глядѣли. Но фитиль подозрительно мигалъ. И вотъ префектъ нашелъ болѣе благоразумнымъ отретироваться, изъ опасенія, чтобы

Digitized by Google

избирательный кенкетъ не погасъ въ его присутствіи. Всѣ послѣдовали за нимъ, предоставивъ фонарю печально горѣть въ совершенномъ одиночествѣ, и кортежъ вернулся вдоль теплаго и душистаго моря. Онъ двигался еще торжественнѣе подъ небомъ, усѣянномъ звѣздами; въ воздухѣ проносился вѣтерокъ. Вдали барка, подплывавшая, но которой не было видно, нарушала ночное безмолвіе шумомъ своихъ двухъ веселъ, шумомъ, легкимъ и правильнымъ, какъ дыханіе.

Между тѣмъ префектъ, оффиціальный кандидатъ и власти вернулись къ своимъ пяти колескамъ, фонари которыхъ озаряли Эстакъ праздничнымъ свѣтомъ. Тутъ произошла небольшая суматоха. Единственная улица селенія съуживается въ этомъ мѣстѣ, а все населеніе бросилось на этотъ пунктъ, мужчины, женщины, дѣти, чтобы поглазѣть, какъ эти господа сядутъ въ коляски. Они перекликались другъ съ другомъ, разсаживались; дверцы захлопывались. Но одинъ молодой человѣкъ, вѣроятно секретарь префектуры, оживленно разговаривавшій вполголоса съ префектомъ, вдругъ остановилъ кучеровъ, которые уже поднимали свои бичи:

— Подождите! подождите!

И, обращаясь къ толпѣ, произнесъ нѣсколько словъ на туземномъ нарѣчіи. Я думалъ, что онъ говоритъ рѣчь, и поспѣшно протиснулся впередъ. Но это было просто-на-просто фамильярное обращеніе къ толпѣ. Вотъ буквальный переводъ того, что я услышалъ:

— Г. де-Коріолисъ обѣщалъ подарить вамъ два фонаря. Онъ подарилъ вамъ пока одинъ. Вы видите, что онъ держитъ свое слово... Теперь, что касается второго фонаря, то онъ будетъ поставленъ впереди Эстака у зеленаго фонтана. Но только этотъ фонарь вы получите послѣ выборовъ... Вы понимаете, надо быть тоже услужливыми и умѣть угождать. За ничего—ничего и не дается, не правда ли? Словомъ, вы предупреждены,—будьте благоразумны, и г. префектъ подумаетъ о васъ.

Молодой человѣкъ усѣлся въ экипажъ. Послѣднія слова онъ прокричалъ уже изъ коляски.

Я услышалъ подавленный смѣхъ среди рыбаковъ, но толпа не издала ни одного восклицанія, не отвѣтила ни однимъ словомъ. Коляска крупной рысью катилась по направленію къ станціи желѣзной дороги.

Тогда и я полюбопытствовалъ пойти поглядѣть на избирательный кенкетъ, прежде нежели вернуться домой. Онъ погасъ: одинъ красный фитиль еще дымился. Коріолисъ былъ побитъ на выборахъ Распайлемъ громаднымъ большинствомъ голосовъ.

Digitized by Google

III.

Но вотъ наступилъ и самый день выборовъ. Голосованіе начинается въ шесть часовъ утра, въ воскресенье, чтобы работники и крестьяне могли вотировать на досугѣ. Въ селахъ это не такъ-то удобно. Такимъ образомъ, Франсуа Ложье, арендаторъ Фенульера, долженъ пройти около двухъ льё, чтобы добраться до Вильбранша, гдѣ находится бюро его секціи. Чтобы не такъ скучно было дорогой, онъ уговорился съ своимъ тестемъ, что зайдетъ за нимъ и они вмѣстѣ отправятся; дядя Робло́, хитрый старикъ, воздѣлывающій собственное небольшое имѣніе, очень радъ, что выдалъ дочь за Франсуа, одного изъ самыхъ усердныхъ тружениковъ въ околоткѣ. Теперь, арендовавъ Фенульеръ, молодая чета начинаетъ откладывать въ кубышку.

Въ пять часовъ утра Франсуа постучался въ двери дяди Робло́.

— Чортъ побери! это ужъ ты, голубчикъ... Какъ ты торопишься. Мы еще поспѣемъ.

Старикъ кажется встревоженнымъ. Онъ исподлобья поглядываетъ на зятя и предлагаетъ ему закусить и выпить стаканъ бѣлаго вина. Видно, что ему хочется поговорить.

— Ѣшь же, ѣшь,—повторяетъ онъ.—Мы позавтракаемъ въ Вильбраншѣ, какъ рѣшили. Но до завтрака еще далеко... Голова плохо работаетъ на пустой желудокъ.

Дядя Робло́ очень веселъ. Идти подавать голосъ въ городъ—праздникъ для обоихъ мужчинъ. Онъ предлагаетъ зайти выпить вина къ старухѣ Саге́, она такъ вкусно готовитъ яичницу.

— Сегодня мой чередъ платить,—ты знаешь,—прибавляетъ онъ, наливая еще стаканъ бѣлаго вина зятю.

Затѣмъ—набивъ ротъ:

— Значитъ рѣшено, мы подадимъ голосъ за Мартинона... Бюллетени съ тобой?

Мартинонъ—республиканскій кандидатъ.

— Да, да, бюллетени со мной, не бойтесь,—отвѣчаетъ Франсуа.

Но дядя Робло́ продолжаетъ поглядывать на него исподлобья.

— Мартинонъ прекрасный человѣкъ,—говоритъ онъ.—Я зналъ его отца... Но только, знаешь ли, пожалуй не совсѣмъ-то ловко...

— Что такое?

— Да вотировать за него... Другой-то, генералъ, ужъ очень онъ развоевался у насъ. Гмъ! ты знаешь, генералъ Бизуаръ, тотъ, что хочетъ посадить снова императора...

Франсуа качаетъ головой, отвѣчая:

Digitized by Google

— Онъ можетъ воевать сколько его душѣ угодно, мнѣ на это плевать!.. Мы пользуемся своимъ правомъ, не правда ли? Кромѣ того, вотъ что́ я вамъ скажу, батюшка: я соглашусь лучше дать отрѣзать себѣ двѣ руки, нежели подамъ свой голосъ за императора, по милости котораго мой братъ убитъ въ Седанѣ... Смотрите, вотъ бюллетени m-r Мартинона. Я вамъ отдамъ ваши на мѣстѣ.

Дядя Робло́ не возражаетъ. Но все еще не торопится уходить. И наконецъ высказываетъ то, что́ у него на душѣ. Вчера къ нему заходилъ жандармъ, чтобы выпить стаканъ вина, и этотъ жандармъ разсказалъ ему, что если Мартинонъ будетъ выбранъ, то красные все сокрушатъ огнемъ и мечомъ, да! они придутъ дѣлить землю и убьютъ тѣхъ, кто не согласится на дѣлежъ. И это еще не все: новый мировой судья въ Вильбраншѣ тоже заходилъ къ нему третьяго дня мимоходомъ; очень почтенный на видъ человѣкъ, этотъ мировой судья, и далъ ему понять, что если онъ подастъ голосъ за Мартинона, то всѣ власти про это узнаютъ и станутъ дѣлать ему тысячу прижимокъ; каждую минуту полевой сторожъ будетъ составлять противъ него протоколы, а судьи будутъ всегда находить его виноватымъ, мэръ станетъ слѣдить за нимъ и при первой оказіи арестуетъ. Дядя Робло́ весь поблѣднѣлъ, передавая это. Надо знать, какой смутный трепетъ внушаетъ крестьянину власть. Такъ какъ онъ сознаетъ себя слабѣйшимъ, то никогда не борется, и хочетъ одного только, чтобы его оставили спокойно управляться съ землей.

— Слушай, Франсуа, вѣдь въ мои годы не легко попасть въ тюрьму. Мировой судья божился мнѣ, что всѣхъ красныхъ засадятъ въ тюрьму.

Франсуа слушалъ его, сжимая кулаки. Затѣмъ вскричалъ:

— Ага! такъ вотъ что, они васъ запугали... То-то я и вижу, что вы собираетесь какъ будто на попятный дворъ.... Ага! они грозятъ тѣмъ, кто подаетъ голосъ за Мартинона! Ну, батюшка, увидимъ. Я суну имъ подъ самый носъ мой бюллетень, увидите... Вы не мужчина, если не подадите вашъ голосъ за Мартинона.

Дядя Робло́ чешетъ затылокъ. Онъ согласенъ подать свой голосъ за Мартинона, но только ему посулили много хорошаго, если онъ подастъ голосъ за генерала Бизуара. А вѣдь ему не все-ли равно положить бюллетень въ ту или другую урну? Онъ хочетъ только, чтобы его оставили жить и умереть въ покоѣ.

— Вы подадите вашъ голосъ за бонапартиста!—кричитъ Франсуа. —Между нами все кончено въ такомъ случаѣ.

— Ну, такъ знаешь ли что,—голубчикъ, говоритъ, наконецъ, дядя Робло́, высказывая свою настоящую мысль, которая уже цѣлый часъ какъ вертится у него въ головѣ,—откажемся совсѣмъ отъ подачи голоса.

Digitized by Google

Ты у меня позавтракаешь, и такимъ образомъ мы не скомпрометтируемъ себя. Ну, что, согласенъ ли?

Франсуа взялъ шляпу, крича, что и одинъ дойдетъ до Вильбранша. Тогда старикъ удерживаетъ его и рѣшается идти съ нимъ вмѣстѣ съ лукавой и недовольной миной.—Ахъ! какъ нынче молодые люди вѣтрены! Къ счастію, бюллетени еще не опущены въ урну, и дядя Робло предпочитаетъ лично наблюдать за этимъ дѣломъ. Какъ быть! ему надо беречь счастіе своей дочери.

— Я просто хотѣлъ только предупредить тебя. Мы подадимъ голосъ, за кого ты хочешь, если только намъ ничто не помѣшаетъ, неправда ли?... Ну, идемъ.

Уже восемь часовъ. Погода дивная, косые лучи солнца проливаютъ золотой дождь надъ обширной равниной. На горизонтѣ не видно ни одного холма, поля слѣдуютъ одно за другимъ, обсаженныя великолѣпными тополями. На этой громадной равнинѣ большая дорога тянется прямой нитью на цѣлые льё. Нельзя представить себѣ что-либо болѣе обширное, здоровое, спокойное и мощное, какъ эта мѣстность. Но оба крестьянина привыкли къ ея ясному величію и даже не глядятъ на окрестность. Они теперь разговариваютъ про посѣвъ, который удался какъ нельзя лучше. Оба идутъ скорымъ шагомъ, и сухая земля звенитъ подъ ихъ толстыми башмаками. Дядя Робло намѣренно избѣгаетъ говорить о политикѣ.

— Послушай! говоритъ онъ, когда они подходятъ къ Сенъ-Фирмену, селенію, лежащему влѣво отъ дороги,—что это они тамъ такъ расплѣлись? Ишь-ты, какъ они веселятся! Зайдемъ-ка поглядѣть?

И уводитъ зятя. Дѣйствительно, въ Сенъ-Фирменѣ идетъ пиръ на весь міръ. Передъ кабакомъ Трехъ-Голубей разставлено съ десятокъ столовъ, покрытыхъ стаканами и бутылками; позади, на помостѣ, стоитъ пробитый боченокъ съ виномъ, и мужчины даже не даютъ себѣ труда садиться, чтобы пить вино, а стоя вокругъ боченка, осушаютъ одинъ стаканъ за другимъ среди оглушительнаго гама. Другіе, болѣе догадливые, притащили скамейки и ѣдятъ сосиски и ветчину.

— Эге! да это дядя Робло,—кричитъ одинъ старикъ, сильно повидимому подгулявшій.—Иди сюда, пріятель.... Генералъ угощаетъ на свой счетъ.

Дядя Робло подходитъ и пожимаетъ руки на-право и на-лѣво. Отчего не выпить стаканъ вина, когда предлагаютъ.

— Да здравствуетъ генералъ! кричатъ нѣсколько людей, не изъ здѣшняго околотка; они, какъ кажется, очень усердно угощаютъ народъ.

— Батюшка!—сухо зоветъ Франсуа, стоявшій въ сторонѣ,—идемъ, или я одинъ уйду.

Digitized by Google

— Постой, постой же,—повторяетъ старикъ,—не могу же я обидѣть старыхъ пріятелей... Лучше бы ты выпилъ съ нами.

— Я не пью вина людей, которыхъ не знаю.

Между тѣмъ, какой-то человѣкъ, который, повидимому, всѣмъ распоряжается, велитъ трактирщику—подать еще ветчины и сосисекъ.—Поспѣемъ вотировать и послѣ завтрака. И, обращаясь къ крестьянамъ, говоритъ:

— Кушайте на здоровье, друзья мои. Вотъ какъ генералъ желалъ бы угощать васъ всегда по воскресеньямъ. Да! вотъ человѣкъ, это — истинный другъ народа! Онъ будетъ стоять въ палатѣ за то, чтобы вы ѣли говядину по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю. Онъ сбавитъ налоги, и каждый мѣсяцъ будетъ пріѣзжать узнавать, что вамъ нужно...

— Да здравствуетъ генералъ!—ревутъ крестьяне.

Всѣ прохожіе вольны пристать къ пирушкѣ гулять и угощаться. Ихъ подзываютъ даже и суютъ имъ стаканы въ руки. Женщины и дѣти въ концѣ-концовъ тоже пристаютъ къ пирующимъ. Нѣкоторые засовываютъ сосиски по карманамъ. По мѣрѣ того, какъ боченокъ опорожняется, общая веселость все растетъ.

— Я ухожу, батюшка,—объявляетъ въ послѣдній разъ Франсуа, и дѣйствительно собирается уйти.

Но старикъ удерживаетъ его и начинаетъ бранить. Что за бѣда, если они выпьютъ генеральскаго вина? Если онъ богатъ, и хочетъ угостить ихъ, то почему же и не отплатить ему за вѣжливость вѣжливостью.—И крестьянинъ прибавляетъ съ своимъ глупымъ и лукавымъ видомъ, что это не обязываетъ подавать свой голосъ за него; только голыши продаются за стаканъ вина. Франсуа сначала ничего не отвѣчаетъ. Затѣмъ, видя, что на дорогѣ показывается толпа разодѣтыхъ по праздничному рабочихъ, подъ предводительствомъ десятника, который надзираетъ за ними, онъ указываетъ на эту толпу своему тестю, говоря:

— Неужели вы считаете честнымъ водить людей на голосованіе въ такомъ видѣ?... Это рабочіе съ фабрики г. Дешана, и вы ихъ узнали... Они навѣрное наѣлись сосисекъ и напились вина, да и знатно напились!... Десятникъ не спускаетъ съ нихъ глазъ, и если они подадутъ голосъ не такъ, какъ ему хочется, то они больше не вернутся на фабрику... Что, это честно по вашему?

Дядя Робло что-то бормочетъ себѣ подъ носъ. Подавать голосъ противъ совѣсти, конечно, не слѣдуетъ. Но только, что же мѣшаетъ вотировать какъ слѣдуетъ, хотя бы и пропустивъ нѣсколько стаканчиковъ вина. Но по дорогѣ одна толпа смѣняетъ другую. Крестьяне проходятъ группами подъ предводительствомъ мэровъ или полевыхъ

Digitized by Google

сторожей. Они идутъ въ ногу, точно солдаты. У мэровъ бюллетени въ карманахъ, и они раздадутъ ихъ только у дверей избирательнаго локаля. Дядѣ Робло́ приходится сознаться, что друзья генерала заходятъ слишкомъ далеко.

Но вотъ зять и тесть приближаются къ Вильбраншу. По дорогѣ имъ попадаются три жандарма, въ двухстахъ шагахъ разстоянія одинъ отъ другого; и жандармы искоса поглядываютъ на нихъ, видя, что они идутъ только вдвоемъ, да къ тому же и трезвые. Они находятся уже въ одномъ километрѣ разстоянія отъ города и уже видятъ красныя черепичныя крыши сквозь деревья, какъ вдругъ имъ на встрѣчу выходитъ изъ своего маленькаго домика, помѣщающагося на краю дороги, отставной судебный приставъ, котораго они оба знаютъ.

— А вотъ и вы, ребята,—говоритъ судебный приставъ снисходительно. — Вы идете подавать свои голоса. Прекрасно, прекрасно... Кстати: знаете-ли новость?

Онъ останавливаетъ ихъ посреди дороги и продолжаетъ, понижая голосъ:

— Нынѣшнею ночью собирались зарѣзать мэра и полевого сторожа.

— Кто же это?—спрашиваетъ Франсуа.

— Да красные.

Франсуа глядитъ ему прямо въ лицо и пожимаетъ плечами.

— Вы мнѣ не вѣрите,—кричитъ отставной приставъ.—Да говорю же вамъ, что одинъ жандармъ открылъ цѣлый заговоръ... Красные собрались въ кабакъ съ ножами.

— И ихъ арестовали, посадили въ тюрьму?—продолжаетъ разспрашивать Франсуа.

Тутъ приставъ смутился. Онъ не знаетъ, въ тюрьмѣ ли они, —ему не говорили, что ихъ арестовали. Нужды нѣтъ, всѣ честные люди въ негодованіи, и ни одинъ порядочный человѣкъ не подастъ голоса за г. Мартинона, который поощряетъ всѣ злыя страсти.

— Ну, а вотъ я такъ подамъ голосъ за него,—перебиваетъ гнѣвно Франсуа, начинающій уже сердиться.—Оставьте меня въ покоѣ!

— Франсуа, Франсуа,—бормочетъ дядя Робло́, съ тревогой,— ты себя компрометтируешь.

Но приставъ уходитъ, и оба крестьянина входятъ въ Вильбраншъ; старикъ, которому хочется выгадать время, предлагаетъ идти прямо завтракать къ тёткѣ Саге въ предмѣстье. Еще рано, но, можетъ быть, они встрѣтятъ пріятелей, и во всякомъ случаѣ поспѣютъ подать голосъ, прежде нежели вернутся домой.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчаетъ Франсуа,—сначала подадимъ голосъ. Потомъ будемъ дѣлать все, что вамъ угодно.

Однако старику удается затащить его въ разныя мѣста, въ та-

Digitized by Google

бачную лавочку, къ сѣдельнику, къ хлѣбному торговцу. И вездѣ только и толковъ, что про знаменитый заговоръ. Извѣстіе о мнимой попыткѣ зарѣзать полевого сторожа и мэра разразилось поутру надъ городомъ, точно ударъ грома. Всѣ добрые люди кажутся перепуганными. Эти республиканцы, должно быть, большіе негодяи, что затѣваютъ такія штуки. Нѣкоторые разсудительные люди требуютъ доказательствъ и энергически отрицаютъ эту отвратительную выдумку; но страхъ тѣмъ не менѣе очень великъ.

— Идемъ вотировать, идемъ вотировать,—яростно повторяетъ Франсуа.

На улицахъ онъ указываетъ дядѣ Робло на афишки республиканцевъ: онѣ всѣ изорваны и нѣкоторыя даже покрыты грязью. Но когда они подходятъ къ площади мэріи, то вынуждены отступить: цѣпь солдатъ запираетъ доступъ въ Большую-Улицу, и сержантъ кричитъ имъ яростнымъ тономъ:—не велѣно пропускать!

— Ладно!—говоритъ Франсуа,—мы свернемъ въ переулокъ Новаго-Колодца.

Онъ идетъ въ обходъ, а старикъ покорно слѣдуетъ за нимъ. Въ концѣ переулка Новаго-Колодца ихъ останавливаетъ другая цѣпь солдатъ, и они снова слышатъ голосъ, кричащій имъ:—не велѣно пропускать!—Тогда Франсуа пытается пробраться третьимъ путемъ къ мэріи, но и тамъ его останавливаетъ та же цѣпь солдатъ и тотъ же окликъ:—не велѣно пропускать!

— Но, такимъ образомъ, я не могу подать голоса?—спрашиваетъ Франсуа, весь побѣлѣвъ отъ злости.

— Это до насъ не касается,—спокойно отвѣчаютъ солдаты.

Боже мой! префектъ понялъ свободу голоса по-своему. Чтобы обезпечить избраніе генерала Бизуара, онъ просто-на-просто послалъ въ Вильбраншъ батальонъ пѣхоты, съ приказаніемъ пропускать къ урнамъ только благонамѣренныхъ избирателей. Это очень просто и удобно. Что усиливаетъ гнѣвъ Франсуа, такъ это то, что онъ видитъ, какъ ряды солдатъ раздвигаются передъ толпами избирателей, которыхъ ведутъ какія-то лица. Такимъ образомъ, рабочіе съ фабрики Дешана, подъ предводительствомъ своего десятника немедленно пропускаются въ мэрію. Онъ настаиваетъ и хочетъ поглядѣть, чѣмъ все это кончится, несмотря на мольбы дяди Робло, который хочетъ непремѣнно идти завтракать.

— Вѣдь ты не можешь подать голоса,—такъ что тебѣ тутъ торчать?—повторяетъ старикъ...—Пойдемъ къ тёткѣ Саге.

— Сейчасъ... Глядите, вонъ идутъ Сенъ-Фирменскіе крестьяне. Ахъ! хороши они, нечего сказать.... Вотъ увидите, что ихъ пропустятъ... Что я вамъ говорилъ!

Digitized by Google

— Ты себя компрометтируешь! ты себя компрометтируешь!—бормочетъ старикъ.

И наконецъ, когда ему удалось увести его и усадить за столъ ѣсть яичницу, у тётки Сагé, онъ говоритъ ему съ своимъ лукавымъ видомъ:

— Мы исполнили свой долгъ, голубчикъ... О, я бы подалъ свой голосъ по совѣсти.... Но если насъ не пускаютъ, то что́ же намъ дѣлать? мы не виноваты.... Теперь насъ не можетъ упрекнуть ни та, ни другая сторона. Такъ-то лучше.

Само-собой разумѣется, что оффиціальный кандидатъ былъ выбранъ въ Вильбраншѣ.

IV.

Мэръ Монтаньяка, Даньянъ, строго-на-строго приказалъ своей служанкѣ разбудить его въ шесть часовъ утра. Прекративъ свою торговлю виномъ, которою составилъ себѣ довольно значительное состояніе, онъ теперь обыкновенно спитъ до полудня. По словамъ служанки, для ея хозяина утро наступаетъ не раньше завтрака. Но сегодня предстоитъ одержать побѣду, и Даньянъ поклялся присутствовать на самомъ опасномъ пунктѣ поля битвы.

Монтаньякъ—хорошенькій городокъ, построенный на гасконскомъ холмѣ, у подошвы котораго протекаетъ одинъ изъ притоковъ Гаронны. Нотабли края всѣ бонапартисты изъ благодарности за денежки, нажитыя ими при имперіи. Но имъ приходится бороться съ разночинцами, которые всѣ ревностные республиканцы. На послѣднихъ выборахъ республиканскій кандидатъ прошелъ слабымъ большинствомъ. На этотъ разъ необходимо доставить, вопреки всему, во что бы то ни стало, торжество оффиціальному кандидату, Дюперонну, старинному пріятелю Даньяна. Къ тому же, этотъ послѣдній обѣщалъ устроить консервативные выборы, хотя бы ему пришлось посадить республиканцевъ подъ замокъ и приставить къ дверямъ жандармовъ.

Но, говоря по правдѣ, онъ все-таки тревожится на счетъ результата. Предмѣстье въ особенности очень неблагонадежно,—то-есть одна секція, гдѣ реакціонные кандидаты получаютъ всегда ничтожное число голосовъ. Поэтому Даньянъ принялъ свои мѣры. Онъ рѣшилъ взять на себя предсѣдательство въ этой секціи, и объявилъ, что въ случаѣ нужды поступитъ очень энергически. Когда бонапартистъ объявляетъ, что онъ будетъ дѣйствовать „очень энергически", то надо ждать свѣтопреставленія. И вотъ почему Даньянъ приказалъ своей служанкѣ спозаранку стащить себя съ постели, гдѣ онъ сладко спитъ. Всѣ распоряженія уже сдѣланы. Наканунѣ у мэра происходило совѣщаніе съ жандарскимъ бригадиромъ, который обѣщалъ ему прислать трехъ жандармовъ. Съ другой стороны, секретарь мэріи

Digitized by Google

объявилъ ему, что доставка писемъ, возложенная на него, окончена. Итакъ, Даньянъ одинъ идетъ въ предмѣстье съ маленькой тросточкой въ рукѣ, какъ великій полководецъ, обдумавшій всѣ подробности своего плана и хладнокровно идущій къ побѣдѣ.

Голосованіе начинается ровно въ семь часовъ. Но когда Даньянъ приходитъ въ женскую школу, гдѣ помѣщается бюро, онъ непріятно удивленъ, видя, что предводитель радикаловъ, какъ онъ его называетъ, Алавуанъ, богатый хлѣбный торговецъ, опередилъ его. Передъ дверью стоитъ группа рабочихъ, человѣкъ десять, пятнадцать и очень мирно бесѣдуетъ. Нѣсколько невинныхъ зѣвакъ тоже на лицо; они пришли поглазѣть, какъ организуется бюро. Даньянъ сердито взглядываетъ на всю эту публику, догадываясь объ ея глухой враждебности и влетаетъ въ школу, какъ вихрь, въ сопровожденіи всѣхъ присутствующихъ. Уже семь часовъ безъ десяти минутъ, и какъ разъ пора приступить къ необходимымъ формальностямъ.

Нельзя представить себѣ ничего печальнѣе общинныхъ школъ, превращаемыхъ въ избирательный локаль. Въ этой школѣ сдвинули къ лѣвой стѣнѣ столы и скамьи, и они образуютъ плачевную груду старой мебели; зала стала пуста, просторна и выставила на показъ свой пробитый и сломанный кирпичный полъ. Въ глубинѣ, на громадной черной доскѣ, ввинченной въ стѣну, какая-то шалунья нарисовала громадную бабищу съ чудовищнымъ носомъ, которую забыли стереть. Какъ разъ подъ этой доской поставлено кресло для г. мэра, передъ столомъ, покрытымъ старымъ краснымъ ковромъ. Бѣлый день входитъ черезъ три громадныхъ окна, обращенныхъ на сѣверъ.

Между тѣмъ Даньянъ выбираетъ изъ числа кумовьевъ, которыхъ насчитываетъ среди присутствующихъ, персоналъ бюро: двухъ ассессоровъ, одного секретаря,—но этотъ выборъ происходитъ не безъ сильныхъ споровъ. Алавуанъ объявляетъ, что онъ присутствуетъ здѣсь только затѣмъ, чтобы заставить уважать законъ, а мэръ рѣзко возражаетъ: пусть онъ первый покажетъ примѣръ уваженія закону. Этотъ обмѣнъ вѣжливостей служитъ предвозвѣстникомъ баталіи, которая должна завязаться. Бьетъ семь часовъ, можно приступить къ голосованію.

Въ этотъ утренній часъ избирателей еще немного. Тѣмъ не менѣе положеніе дѣлъ весьма натянуто. Даньянъ прежде всего начинаетъ съ мѣръ строгости. Онъ увидѣлъ въ залѣ комми-вояжера, котораго ему показали наканунѣ на бульварѣ, объяснивъ, что онъ республиканскій агентъ. Мэръ встаетъ и объявляетъ, что одни только избиратели имѣютъ право здѣсь находиться. Комми-вояжеръ не двигается съ мѣста. Тогда мэръ прямо обращается къ нему, и приказываетъ ему выдти.

— Повинуйтесь, другъ мой,—громко произноситъ Алавуанъ.—Насъ

Digitized by Google

здѣсь достаточно гражданъ, рѣшившихся наблюдать за голосованіемъ и обезпечить его строгую законность.

Даньянъ почувствовалъ шпильку и рѣшился не оставаться въ долгу.

— Я не признаю ни за кѣмъ права сомнѣваться въ моей добросовѣстности!—восклицаетъ онъ.

Но Алавуанъ, толстякъ съ хитрой улыбкой, съ открытымъ и веселымъ лицомъ, отвѣчаетъ съ преувеличеннымъ добродушіемъ:

— Мы не сомнѣваемся, г. мэръ, мы не сомнѣваемся.... Но только, такъ какъ мы избиратели, и имѣемъ право здѣсь быть, то и не уйдемъ отсюда.

Мэръ, блѣдный какъ полотно, стискиваетъ зубы и беретъ протягиваемые ему бюллетени съ трагическимъ видомъ. Операція голосованія весьма проста. Всякій избиратель, подходя къ столу, подаетъ сначала свое свидѣтельство избирателя, отъ котораго отрываютъ одинъ уголокъ. Въ то же самое время онъ подаетъ предсѣдателю бюро свой бюллетень, сложенный вчетверо, и предсѣдатель самъ долженъ просунуть его на виду у всѣхъ въ запечатанный ящикъ, который стоитъ передъ нимъ. Въ это время секретарь отмѣчаетъ въ избирательномъ спискѣ, что избиратель уже подалъ свой голосъ, такъ чтобы предупредить вторичную подачу голоса въ томъ случаѣ, если бы позабыли оторвать уголокъ отъ избирательнаго свидѣтельства. Всю эту операцію такъ легко контролировать, что всякій обманъ представляется невозможнымъ. Но понятно, съ какимъ вниманіемъ каждая партія слѣдитъ за предсѣдателемъ бюро, потому что если ему предоставить свободу дѣйствія, то ему очень легко подмѣнить бюллетени. Вотъ этотъ-то надзоръ и раздражаетъ Даньяна.

Надо сказать и то, что Алавуанъ, предводитель радикаловъ, подразниваетъ мэра. Этотъ толстякъ—очень насмѣшливаго нрава и выказываетъ преувеличенное недовѣріе, выводящее мэра изъ себя. Онъ вертится около бюро, точно боится какой-нибудь плутни, одну минуту даже нагибается и глядитъ подъ столъ, точно боится, что онъ съ двойнымъ днемъ. И его косые взгляды, его встревоженный и внимательный видъ такъ явно обвиняютъ Даньяна въ мошенническихъ избирательныхъ продѣлкахъ, что тотъ не въ силахъ больше сдерживать свой гнѣвъ.

— Какіе однако бываютъ грубые люди,—бормочетъ онъ сквозь зубы.

Затѣмъ, не выдержавъ:

— Милостивый государь, это наконецъ нестерпимо, я не могу долѣе выносить вашего оскорбительнаго поведенія.

— Въ чемъ дѣло? въ чемъ дѣло?—повторяетъ Алавуанъ, прикидываясь крайне удивленнымъ.

— Да! оскорбительнѣе вести себя, чѣмъ вы, невозможно, вамъ остается только обшарить мои карманы и рукава.

Digitized by Google

Алавуанъ говоритъ что ничуть не желаетъ оскорблять г. мэра. Онъ исполняетъ свои обязанности избирателя—и только.

— И вы намѣрены наблюдать за мной такимъ образомъ до вечера.

— Всенепремѣнно.

— Вы пожалуй и завтракать не пойдете.

— Нѣтъ, не пойду.

Публика смѣется, нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ избирателей очень забавляетъ такой поединокъ.

— Ну! это мы увидимъ!—восклицаетъ Даньянъ, котораго смѣхъ публики вывелъ изъ себя.

Онъ, правда, принялъ свои мѣры. Но надѣялся, что ему можно будетъ дѣйствовать съ бо́льшей свободой. Придется употребить болѣе энергическія мѣры, нежели онъ думалъ. Съ стиснутыми зубами онъ смотритъ время отъ времени на часы, дожидаясь назначеннаго имъ срока. Единственное утѣшеніе, которое онъ себѣ позволяетъ, это совершить новое изгнаніе. Одинъ изъ поставщиковъ бюллетеней, бѣдняга, испекшійся на солнцѣ, забрался въ залу, гдѣ продолжаетъ совать свои лоскутки бумаги въ руку каждаго входящаго избирателя. Законъ выразился на этотъ счетъ самымъ положительнымъ образомъ: раздача бюллетеней должна происходить внѣ избирательнаго локаля. Но Даньяну кажется, что онъ узнаетъ въ немъ агента оффиціальнаго кандидата, и онъ дѣлаетъ видъ, что ничего не замѣчаетъ. Вдругъ одинъ изъ ассессоровъ наклоняется къ нему и что-то шепчетъ на ухо. Тогда Даньянъ вскакиваетъ, крича:

— Уйдите, уйдите, право, это скандалъ.

Затѣмъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Господа, мы составимъ протоколъ объ этомъ возмутительномъ фактѣ... Надо, чтобы всѣ знали, съ какой стороны оказываютъ давленіе на избирательный корпусъ.

Во время завтрака наступаетъ роздыхъ.

Даньянъ перешелъ въ сосѣднюю комнату, предоставивъ предсѣдательство одному изъ своихъ ассессоровъ, и Алавуанъ тоже рѣшился идти завтракать. Но оба, должно быть, глотали куски неразжеванными, потому что четверть часа позже снова очутились въ избирательной залѣ другъ противъ друга. Между тѣмъ толпа избирателей становится все гуще и гуще. Это тотъ моментъ, когда вотируютъ массами. У дверей слышенъ хохотъ. Разносчики бюллетеней, стоящіе на-право и на-лѣво отъ дверей, не могутъ выкликать имена своихъ кандидатовъ, какъ выкликаютъ рыбные торговки свой товаръ; но ухитряются рекомендовать свои бюллетени шуточками, произносимыми вполголоса: „возьмите вотъ этотъ; это хорошій... кладя его въ ящикъ; вы кладете денежки въ сберегательную кассу...“ Рабочіе забавляются, прикидываются, что колеблются. Смутный гулъ

Digitized by Google

голосовъ и хохотъ долетаетъ до залы и повидимому успокаиваетъ раздраженіе Даньяна. Надо сказать, что полъ усыпанъ бюллетенями съ именемъ Дюперонна. Каждый рабочій, входя, бросаетъ на полъ бюллетень оффиціальнаго кандидата, который ему всучили у дверей, и мало-по-малу такихъ лоскутковъ бумаги накопляется цѣлая груда; ихъ топчутъ ногами, они смѣшиваются съ грязью и превращаются въ кашу. Подумаешь, что трактирщикъ вывалилъ здѣсь свою добычу, и имя „Дюперонна", смѣшанное такимъ образомъ съ грязью, заставляетъ исходить кровью сердце господина мэра. Избиратели приходятъ и уходятъ, образуютъ группы, Алавуанъ продолжаетъ слѣдить подозрительными взглядами за бюро.

Въ два часа Даньянъ проявляетъ знаки нетерпѣнія. Онъ нервнымъ жестомъ вынимаетъ часы изъ кармана. Наконецъ, въ два часа пять минутъ глаза его засверкали; въ залу входитъ жандармъ. Законъ безусловно воспрещаетъ военнымъ проникать съ оружіемъ въ рукахъ въ избирательный залъ. За первымъ жандармомъ входитъ другой, и оба гремятъ саблями. Но Алавуанъ не сразу протестуетъ.

Онъ возвышаетъ голосъ только тогда, когда видитъ, что жандармы усѣлись въ залѣ.

— Позволю себѣ замѣтить г. мэру,—говоритъ онъ,—что эти люди нарушаютъ законъ.

Тутъ Даньянъ вступаетъ въ споръ задорнымъ тономъ.

— Эти люди пришли сюда по моему приказу. Они обезпечиваютъ свободу голосованія.

Алавуанъ въ виду этого апломба не можетъ не разсмѣяться и продолжаетъ:

— Странная мѣра предосторожности: свободѣ голосованія ничто не угрожаетъ.

— Извините, эта свобода подвергается опасности, да и моя личность также.

Раздаются восклицанія, присутствующіе избиратели, поведеніе которыхъ крайне миролюбиво, протестуютъ изо всѣхъ силъ... Алавуанъ больше не смѣется; онъ чуетъ бонапартистскую продѣлку и старается сдержать гнѣвъ, просыпающійся въ немъ. Но Даньянъ выводитъ его изъ себя, приказывая ему выдти изъ залы, подъ предлогомъ, что онъ оскорбляетъ бюро.

— Я не выйду и немедленно составлю протоколъ о томъ, что здѣсь происходитъ,—объявляетъ Алавуанъ.—Вы нарушаете законъ.

Это послѣднее слово повидимому окончательно взорвало мэра; онъ подзываетъ жандармовъ и приказываетъ имъ вышвырнуть за дверь предводителя радикаловъ. Но такъ какъ присутствующіе избиратели протестуютъ и какъ будто готовы защищать Алавуана, мэръ яростно кричитъ:

— Выгоните вонъ всю эту сволочь.

Digitized by Google

Третій жандармъ, стоявшій на улицѣ, появляется съ саблей въ рукѣ. Двое другихъ обнажаютъ сабли и заставляютъ избирателей отступить. Схватка неизбѣжна. Рабочіе толкуютъ о томъ, чтобы обезоружить жандармовъ. Но Алавуанъ умоляетъ ихъ уступить силѣ. Надо, чтобы законъ оставался на сторонѣ республиканцевъ.

— Мы уйдемъ,—говоритъ онъ,—но мы протестуемъ и составимъ протоколъ.

— Плевать мнѣ на васъ и на вашъ протоколъ,—отвѣчаетъ мэръ безцеремонно.

И въ избирательной залѣ остаются только члены комитета и жандармы. Тогда начинается самая диковинная избирательная комедія, какую мы только видали съ самаго начала голосованія. Два жандарма стоятъ у двери и пропускаютъ только тѣхъ изъ избирателей, которые снабжены письмомъ съ печатью мэріи съ слѣдующимъ несложнымъ содержаніемъ: „г-нъ мэръ требуетъ подателя этой записки.“ Что касается республиканскихъ избирателей, то жандармы не пропускаютъ ихъ, со словами:—„начальство не велѣло пропускать“. И вотъ какимъ образомъ слишкомъ пятьсотъ избирателей вынуждены воздержаться отъ подачи голоса. Алавуанъ остался у дверей съ непобѣдимымъ упрямствомъ и хладнокровіемъ. Онъ составляетъ протоколъ и предлагаетъ его подписать каждому избирателю, которому отказываютъ въ пропускѣ.

— Мы дѣлаемъ свое дѣло, господа, — повторяетъ онъ съ обычной веселостью.

Въ залѣ, Данянъ производитъ голосованіе, какъ ему хочется. Имена избирателей даже болѣе не зачеркиваются. Вечеромъ, когда разбираются бюллетени, то находятъ по три бюллетеня оффиціальнаго кандидата, свернутыхъ вмѣстѣ. Въ секціи всего на все тысяча восемьсотъ избирателей, а въ ящикѣ оказывается около двухъ тысячъ голосовъ, поданныхъ за Дюперонна. Г-нъ мэръ, конечно, распорядился по-своему съ ящикомъ и замѣнилъ одни лоскутки бумаги другими. Поэтому провозглашенная вслухъ цифра голосовъ вызываетъ всеобщій смѣхъ. Данянъ исполнилъ обѣщаніе, данное префекту: оффиціальный кандидатъ избранъ, но несомнѣнно, что его избраніе будетъ палатою признано недѣйствительнымъ, и республиканскій кандидатъ пройдетъ, когда избирателей созовутъ для новаго голосованія.

V.

Наступаетъ ночь. Газовые фонари зажигаются одинъ за другимъ на площади мэріи въ то время, какъ глухой гулъ голосовъ раздается на всѣхъ улицахъ небольшого городка Граншонъ. Голосованіе окончилось ровно въ шесть часовъ, а теперь считаютъ голоса въ боль-

Digitized by Google

шой залѣ нижняго этажа мэріи, въ той залѣ, гдѣ совершаются бракосочетанія и вынимаются жребіи въ военную службу.

Этотъ часъ всегда проходитъ въ тревогѣ даже и въ тѣхъ секціяхъ, гдѣ результатъ голосованія заранѣе извѣстенъ. Поэтому всѣ партіи представлены среди многочисленной публики, наполняющей залу. Тутъ мы видимъ адвоката Воннара, главу бонапартистовъ, маркиза де-Пьерлóвъ, самаго значительнаго легитимиста въ департаментѣ, наконецъ башмачника Симона Фубéра, предсѣдателя республиканскаго комитета. Надо замѣтить однако, что республиканцы многочисленнѣе, потому что они разсчитываютъ на побѣду и остаются, чтобы привѣтствовать республику.

Ничего не можетъ быть монотоннѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ мучительнѣе отбиранія голосовъ. Въ назначенный часъ, когда голосованіе окончено, предсѣдатель бюро отпираетъ ящикъ съ обычными формальностями. Онъ публично ломаетъ печать и вынимаетъ бюллетени, одинъ за другимъ, читая вслухъ имя, написанное на немъ. Въ это время двое людей отмѣчаютъ голоса. Впрочемъ, бюллетени сохраняютъ; ихъ снова укладываютъ въ ящикъ и опять запечатываютъ его, чтобы вторично пересчитать голоса при общей повѣркѣ.

Первыя имена, провозглашенныя предсѣдателемъ, выслушиваются въ молчаніи. Но по мѣрѣ того, какъ перечень удлиняется, публика начинаетъ волноваться. Порою два имени: Шевильóтъ, имя оффиціальнаго кандидата, и Обертó, имя республиканскаго кандидата, смѣняютъ одно другое съ такой правильностью, что у присутствующихъ спирается дыханіе въ груди. Но вотъ имя Шевильóтъ повторено пять или шесть разъ сряду, и лица присутствующихъ реакціонеровъ просіяли. Но вскорѣ наступаетъ очередь Обертó, и это имя повторяется тридцать, сорокъ разъ сряду. Тогда республиканцы не могутъ не разсмѣяться отъ удовольствія. Волненіе торжества охватываетъ ихъ, они охотно стали бы апплодировать. И до самаго послѣдняго бюллетеня страсти публики только сильнѣе разгораются. Это могло бы продлиться всю ночь, если бы, наконецъ, усталость не брала свое.

Между тѣмъ, въ залѣ партіи мѣряютъ другъ друга глазами. Надо сказать, что у бонапартистовъ не было своего кандидата въ этомъ округѣ, и они обязались честью вотировать за кандидата легитимистовъ: Шевильóта. Во второмъ округѣ департамента легитимисты въ свою очередь поклялись вотировать за бонапартиста; это то, что́ называется „консервативнымъ союзомъ“. Но знаменитый союзъ совершается не безъ великаго недовѣрія. Поэтому въ залѣ, когда имя Обертó повторяется слишкомъ часто, Пьерлóвъ съ негодованіемъ поглядываетъ на адвоката Воннара, какъ будто обвиняя его и его партію въ томъ, что они измѣнили слову, воздержавшись отъ подачи голоса или, чего добраго, подавъ его за республикан-

Digitized by Google

скаго кандидата. Этотъ упрекъ въ безчестности реакціонеры взапнно бросали въ лицо другъ другу во всѣхъ департаментахъ, гдѣ они были побѣждены. Башмачникъ, Симонъ Фуберъ, которому эта комедія кажется очень забавной—очень веселъ, тѣмъ болѣе, что онъ начинаетъ думать,—большинство окажется на сторонѣ Оберта.

Хотя перечень бюллютеней производится очень быстро, но легко сообразить на чьей сторонѣ большинство, когда оно обѣщаетъ быть довольно значительнымъ. Долгое время имена республиканскаго и оффиціальнаго кандидатовъ соперничаютъ другъ съ другомъ и повторяются почти одинаково часто.

— Шевильетъ пройдетъ, замѣчаетъ элегантный молодой человѣкъ, сосущій отъ нетерпѣнія набалдашникъ своей тросточки.

Но одинъ рабочій, кузнецъ по ремеслу, въ блузѣ, съ черными руками, оборачивается, протестуя:

— Полноте! пройдетъ Обертó.... увидите.

— Держу пари на сто су.

— А я на десять франковъ, если желаете.

— Извольте.

И такъ какъ шумъ усиливается, одинъ изъ прислужниковъ мэріи восклицаетъ:

— Тише, господа!

Впрочемъ, шансы пока до того колеблются, что серьёзные люди не могутъ еще высказаться. Адвокатъ Бонпаръ и Пьерлонъ закусываютъ губы, а Симонъ Фуберъ становится серьёзенъ. Одну минуту рѣшительно кажется, что побѣда должна остаться на сторонѣ легитимнаго кандидата. Нѣсколько республиканцевъ выходятъ изъ залы, произнося сквозь зубы проклятія. Они уходятъ, говорятъ они, чтобы не видѣть торжества реакціонеровъ. Вдругъ подъ конецъ Обертó опережаетъ соперника, и только его имя и раздается въ залѣ. И вотъ, когда послѣдній бюллетень прочитанъ, присутствующими овладѣваетъ сильная тревога.

Наступаетъ мучительная минута, развязка драмы. Толпа съ горящими глазами ожидаетъ ее. Газъ озаряетъ своимъ желтымъ пламенемъ всѣ эти блѣдныя взволнованныя лица, эту удивительную публику, которую общая подача голоса свела здѣсь изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества: блузы и пальто, рабочіе, буржуа, вельможи—столпились здѣсь, и всѣ одушевлены одною страстью.

— Тише, господа!—снова кричитъ прислужникъ мэріи.

Но толпа, несмотря на все доброе желаніе, не можетъ оставаться безмолвной: Въ ней глухо рокочетъ страсть. Присутствующіе толкаются, приподнимаются на цыпочкахъ. Число присутствующихъ стало еще значительнѣе; зала набита биткомъ. А на площади мэріи слы-

Digitized by Google

шенъ шумъ, производимый тысячами людей, дожидающимися внизу. Всѣ республиканцы города собрались тамъ.

Мэръ всталъ, маленькій, худощавый человѣчекъ, происходящій изъ старинной туземной фамиліи. Онъ извѣстенъ крайностью своихъ легитимистскихъ мнѣній. Онъ самъ читалъ бюллетени, и республиканцевъ очень забавляла гримаса, съ которой онъ каждый разъ произносилъ имя Обертó. Это имя какъ будто царапало ему ротъ. Когда ему приходилось прочитать нѣсколько бюллетеней сряду съ этимъ именемъ, лицо его замѣтно вытягивалось. Теперь ему предстоитъ выпить чашу до дна.

Онъ стоитъ держа въ рукѣ листокъ бумаги, блѣдный какъ полотно, и начинаетъ задавленнымъ голосомъ:

— Вотъ результаты голосованія...

Но останавливается, услышавъ радостный смѣхъ въ залѣ, и грозитъ очистить залу, если не замолчатъ. Два жандарма появились позади бюро. Одинъ изъ этихъ жандармовъ, старый служака съ сѣдыми усами, добродушно улыбается, видя нетерпѣніе публики.

— Вотъ результаты голосованія настоящей секціи,—повторяетъ мэръ.

Онъ умолкаетъ какъ-бы затѣмъ, чтобы перевести духъ.

— За господина Шевильота подано 947 голосовъ... за г. Обертó— 1753 голоса.

Не успѣлъ онъ провзнести этихъ цифръ, какъ въ залѣ раздается оглушительный крикъ:

— Да здравствуетъ республика!

И среди гвалта и восторга, видно, какъ онъ поворачивается къ жандармамъ, жестикулируя. Безъ сомнѣнія, онъ приказываетъ имъ возстановить порядокъ. Безмолвіе снова воцаряется, и слышно, какъ старый служака, добродушный жандармъ съ сѣдыми усами, отвѣчаетъ ему:

— Что-жъ дѣлать, г. мэръ? Нельзя же не дозволить имъ этого... Такъ какъ они побѣдили, то имѣютъ право привѣтствовать свою побѣду.

Тутъ мэръ понялъ, что долженъ мужественно перенести неудачу. Онъ ищетъ, что́ бы ему сказать и находитъ только:

— Господа, общая подача голоса высказалась; намъ остается только подчиниться.

На площади мэрін крикъ: *да здравствуетъ республика!*—нашелъ отголосокъ. Толпа, дожидающаяся тамъ, два раза повторяетъ его, съ громовыми раскатами. И слышенъ смѣхъ, шутки, разговоры. Точно будто вся Франція избрала республиканцевъ. Это странное впечатлѣніе повторяется во всѣхъ провинціальныхъ секціяхъ.

Избиратели легко забываютъ весь край ради того уголка, гдѣ дѣйствуютъ. Борьба для нихъ была такой ожесточенной, она возбу-

Digitized by Google

дила столько мѣстныхъ страстей, что въ первую минуту для ихъ торжества достаточно того, что прошелъ ихъ кандидатъ. Съ той минуты, какъ у Обертó оказалось большинство голосовъ въ одной секціи мэріи, Франція спасена республиканцами, тѣснящимися—на площади Гранпона!

И замѣтьте, что Обертó еще не выбранъ. Надо узнать результаты голосованія въ другихъ секціяхъ округа, которые могутъ быть получены не раньше часа. Народъ не расходится съ площади. Уже половина восьмого, всѣ проголодались; но нужды нѣтъ, обѣдъ подождетъ; всѣ хотятъ сѣсть за столъ съ увѣренностью въ побѣдѣ. И тревога снова овладѣваетъ умами. Когда сообщены результаты двухъ первыхъ секцій, гдѣ слабое большинство осталось за Шевильотомъ, реакціонеры нѣсколько оживаютъ.

— Сёла за насъ,—повторяютъ легитимисты и бонапартисты. — Увидите, что́ скажутъ Гранъ-Бомъ, Пейрасъ, Мондовье.

Но какъ разъ, когда приходитъ извѣстіе о результатѣ голосованія въ этихъ общинахъ, оказывается, что Обертó получилъ въ нихъ вдвое больше голосовъ, чѣмъ оффиціальный кандидатъ. Отнынѣ пораженіе реакціонеровъ выясняется все болѣе и болѣе. Сами сёла, тѣ сёла, на которыя они такъ разсчитывали, сёла, дотолѣ враждебныя республиканцамъ, выбрали послѣднихъ на этотъ разъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Уже время близится къ девяти часамъ, когда, наконецъ, получены данныя изъ всѣхъ секцій. Остается только сложить ихъ вмѣстѣ, и мэръ объявляетъ, что Обертó выбранъ депутатомъ перваго избирательнаго округа Гранпона. На этотъ разъ раздаются рукоплесканія.

Всѣ идутъ обѣдать, но день еще не оконченъ. Въ девять часовъ улицы городка, такія мирныя въ обыкновенное время, еще полны прохожихъ и шума. И даже это волненіе продолжается до часу утра. Теперь дожидаются результатовъ голосованія въ Парижѣ и другихъ департаментахъ. Республиканскій комитетъ не расходится, чтобы вскрывать телеграммы, приходящіе каждую минуту. Въ мэріи отказываются сообщать какія бы то ни было свѣдѣнія, а потому толпа бросилась къ дому, гдѣ собрался республиканскій комитетъ. Время отъ времени у окна появляется членъ комитета и читаетъ депешу.

Сначала узнаютъ результаты выборовъ въ департаментахъ, и прежде всего въ сосѣднихъ департаментахъ. Оказывается не мало сюрпризовъ. Округа, на которые особенно разсчитывали, выбрали реакціонеровъ, тогда какъ въ другихъ, всегда принадлежавшихъ роялистамъ или бонапартистамъ, восторжествовали республиканцы. Парижскіе выборы возвѣстили впередъ. Совсѣмъ тѣмъ избраніе орлеаниста въ девятомъ округѣ, хотя оно и предвидѣлось, производитъ унынie. По правдѣ сказать, любопытство избирателей въ Гранпонѣ

Digitized by Google

не можетъ быть удовлетворено. Невозможно основать какого-нибудь разсчета на тѣхъ нѣсколькихъ цифрахъ, какія приноситъ телеграфъ въ этотъ вечеръ.

Только спустя три дня провинція узнала самымъ достовѣрнымъ образомъ, что 363 депутата утратили въ концѣ-концовъ только сорокъ полномочій. Республиканское большинство въ палатѣ депутатовъ все еще насчитываетъ сто двадцать голосовъ, — это громадно. Справедливо говорятъ, что парламентскій государственный переворотъ 16 мая привелъ къ позорнѣйшему пораженію, такъ какъ для того, чтобы получить такой безполезный результатъ, пришлось произвести самое отвратительное давленіе на избирательный корпусъ, такое, къ какому не осмѣливалась прибѣгать сама вторая имперія.

Кабинетъ преслѣдовалъ республиканскія газеты, взбудоражилъ персоналъ префектуръ и муниципалитетовъ, прибѣгалъ къ клеветѣ и насилію противъ своихъ противниковъ и неоднократно нарушалъ законы, чтобы отнять нѣсколько полномочій у лѣвой, нисколько не обезсиливъ ея могучей и рѣшительной роли въ парламентѣ. Исторія осудитъ эту кампанію реакціонеровъ, какъ самую безсмысленную и самую роковую, какая когда-нибудь совершалась противъ Франціи.

Между тѣмъ бьетъ уже часъ ночи, а городокъ Граннонъ все еще не спитъ, никто не знаетъ, какой будетъ окончательный результатъ голосованія; но народъ чувствуетъ, что послѣднее слово роковымъ образомъ останется за республиканцами, представляющими право и благосостояніе края. Поэтому день голосованія оканчивается весело. Въ темныхъ и безмолвныхъ улицахъ слышится смѣхъ. Завтра солнце взойдетъ надъ освобожденной Франціей. Молодежь, прощаясь другъ съ другомъ у мэріи, кричатъ на прощанье:—Vive la République!

И эти возгласы успокоиваютъ и вмѣстѣ убаюкиваютъ отходящихъ ко сну буржуа: кризисъ выборовъ прошелъ благополучно.

Эмиль Зола.

СЕРБСКІЙ ПЕРЕВОДЪ ТУРГЕНЕВСКОЙ „НОВИ“.

Новина. Роман И. С. Тургењева. С русского превео П. Тодоровић. (Мала Библиотека. III). У Новоме Саду. 1878.

Новый-Садъ, по-нѣмецки Нейзацъ, въ южной Венгріи, есть одинъ изъ главныхъ, даже главный литературный пунктъ у венгерскихъ сербовъ. Въ новѣйшей сербской литературѣ, начавшейся не далѣе конца прошлаго столѣтія, венгерскіе сербы играли вообще весьма

Digitized by Google

важную роль, а Новый-Садъ долго не уступалъ въ литературномъ значеніи Бѣлграду. Сербы съ давнихъ временъ уходили въ австрійскія земли отъ турецкаго ига, и здѣсь у сербовъ ближе дѣйствовали и раньше обнаруживались вліянія европейской образованности. Въ послѣдніе годы здѣсь былъ центръ новаго политико-литературнаго движенія, которому дается названіе „Омладины".

Новая сербская литература, при всей ограниченности ея размѣровъ, едва ли не живѣе, чѣмъ остальное славянство отзывается на новѣйшіе общественные вопросы, и между прочимъ больше интересуется русской литературой. Правда, и чехи, напримѣръ, кое-что переводятъ съ русскаго, но ихъ литературныя школы мало похожи на широкій реализмъ нашей новой литературы, и они, повидимому, не питаютъ къ нему особеннаго сочувствія. Въ сербской литературѣ можно видѣть другіе признаки. Любопытно замѣтить, что эта литература видимо сознательно старается познакомить сербовъ именно съ послѣдними теченіями русской общественной литературы, и въ программѣ изданія „Малой-Библіотеки" мы находимъ имена особенно популярныхъ изъ новыхъ русскихъ писателей. Мы не можемъ, конечно, не сочувствовать этому направленію сербскихъ литературныхъ интересовъ; быть можетъ, при этомъ не обошлось, или не обойдется безъ нѣкоторыхъ ошибокъ, преувеличеній, происходящихъ отъ неполноты знакомства; но чрезвычайно важно начало—славянамъ пора перестать думать, что русская литература состоитъ только изъ книгъ объ „Іоаннѣ, Экзархѣ болгарскомъ" и стиховъ Хомякова, что въ ней есть и другое содержаніе, другіе идеалы, кромѣ Хомяковскихъ. Сербамъ, т.-е. ихъ ученымъ, безъ сомнѣнія, необходимо знать „Экзарха", т.-е. и вообще русскую археологію — старая исторія сильно поддерживаетъ представленіе о нашихъ племенныхъ историческихъ отношеніяхъ и связываетъ насъ воспоминаніями; не лишнее знать и Хомякова; но образованнымъ сербамъ вообще необходимо знать и новѣйшую исторію русской жизни, съ которой такъ тѣсно связывается ихъ собственная новая исторія,—знать и то, на чемъ вращается современная русская мысль, что можетъ связывать насъ умственно теперь, въ настоящую минуту, — что думаютъ не люди одной партіи, слишкомъ исключительной и теоретической, а другая, болѣе обширная часть русскаго образованнаго общества и его представители...

Мы, кажется, не ошибаемся, предположивъ, что г. Тодоровичъ, переводчикъ „Нови", принадлежитъ къ тому новому сербскому поколѣнію, которое относится къ русской литературѣ именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Къ своему переводу онъ прибавилъ предисловіе, гдѣ старается выяснить значеніе того явленія нашей жизни, которое г. Тургеневъ взялъ темой своего романа. Г-нъ Тодоровичъ нашелъ въ

Digitized by Google

немъ параллель своимъ собственнымъ общественно-политическимъ представленіямъ. Онъ говоритъ о русскомъ „соціализмѣ", и въ объясненіе его приводитъ цѣликомъ судебное показаніе одной подсудимой изъ недавнихъ процессовъ (мы не припомнимъ, впрочемъ чтобы оно появлялось въ отчетахъ нашихъ газетъ, и потому не знаемъ насколько оно подлинно).

Мы не станемъ спорить съ г. Тодоровичемъ, и скажемъ лишь нѣсколько замѣчаній, на какія вызываетъ эта тэма, вводимая авторомъ въ литературныя отношенія русскихъ и сербовъ. „Соціализмъ" (котораго г. Тодоровичъ является великимъ приверженцемъ) есть слово чрезвычайно обширное и неопредѣленное, а съ такими словами надо обращаться очень осторожно. Примѣняя ихъ къ извѣстнымъ явленіямъ жизни и литературы безъ особенныхъ оговорокъ, можно впасть въ большія недоразумѣнія, потому, во-первыхъ, что они имѣютъ широкое и тѣсное значеніе, и надо опредѣлить, въ какомъ смыслѣ именно они понимаются; во-вторыхъ, они могутъ представлять и серьёзную мысль и идеалъ, и модное слово, на которое бросаются люди несерьёзные или просто недобросовѣстные, находящіе въ немъ предметъ, годный для эксплуатаціи. Въ самомъ дѣлѣ, подъ однимъ словомъ могутъ соединяться (и нерѣдко дѣйствительно соединяются) вещи, весьма не похожія одна на другую: явленія, дѣйствительно выростающія изъ жизни, какъ естественный ея результатъ, и разумная потребность, а, съ другой стороны, фантазія или произволъ; искреннее глубокое убѣжденіе—и недостатокъ развитія или обманъ. Сколько толкуется о „прогрессѣ", и какія радикально непохожія вещи ставятся подъ защиту этого слова. Точно также и съ „соціализмомъ". Въ категоріи его послѣдователей есть люди замѣчательнаго таланта, высокаго ума, глубокаго убѣжденія, истинные друзья, преданные дѣятели своего общества; но въ то же время этимъ [illegible]итомъ прикрываются люди, для которыхъ этотъ терминъ прикрываетъ только грубые инстинкты и невѣжество. Примѣры того и другого есть,—и ихъ слѣдуетъ, разумѣется, очень различать. Далѣе, есть большая разница между теоретическими построеніями и практическимъ примѣненіемъ; первыя вовсе не предполагаютъ тотчасъ послѣдняго и не требуютъ его непосредственно. Между ними есть средній терминъ, обойти который невозможно; историческое развитіе имѣетъ свои законы, надъ которыми мы не властны — пріятно намъ это или нѣтъ. „Братство и свобода", которые г. Тодоровичъ считаетъ заключенными въ „соціализмѣ", были уже постановлены декретомъ въ концѣ прошлаго столѣтія во Франціи, но за постановленіемъ ихъ слѣдовала деспотическая имперія, новѣйшій отпрыскъ которой мы видѣли еще въ наши дни—и онъ просится наружу даже въ эту минуту, въ нынѣшнемъ столкновеніи президента съ палатою.

Digitized by Google

Въ литературѣ и въ ходячихъ понятіяхъ, къ сожалѣнію, нерѣдки недоразумѣнія подобнаго свойства. Поставивъ себѣ отвлеченную точку зрѣнія, слишкомъ мало отличаютъ явленія, смѣшиваютъ теоретическую мысль съ практическимъ требованіемъ; увлекаясь идеаломъ, не хотятъ видѣть исторической дѣйствительности, и въ отдѣльныхъ явленіяхъ и личностяхъ не различаютъ серьёзнаго достоинства съ однимъ притязаніемъ или даже злоупотребленіемъ, преувеличиваютъ сочувственные факты и добровольно не хотятъ видѣть истиннаго положенія вещей.

Если г. Тодоровичъ интересуется русской жизнью и литературой, мы дали бы ему добрый совѣтъ не торопиться съ своими выводами. Эта жизнь очень сложна, и чтобы вѣрно судить о ней, надо познакомиться съ ней гораздо ближе, чѣмъ знакомы съ ней наши южные и западные единоплеменники, и это особенно нужно при точкѣ зрѣнія г. Тодоровича.

Относительно этой точки зрѣнія въ примѣненіи къ „Крагуевцу", возникаетъ еще сомнѣніе. Нужна ли въ Крагуевцѣ такая проповѣдь „соціализма", о которой говоритъ авторъ? Исторія ставитъ иногда народамъ задачи, неотвратимость которыхъ бываетъ очевидна. Такова, напримѣръ, теперь задача, предстоящая сербскому народу. Это—политическое освобожденіе и объединеніе. Задача такъ настоятельна, что безъ усиленнаго стремленія къ ея рѣшенію, безъ политической и образовательной дѣятельности въ ея смыслѣ, можетъ пропасть самый объектъ предполагаемой соціалистической реформы. Какъ же быть въ такомъ случаѣ, если автору его соціалистическая теорія кажется такой всеисцѣляющей панацеей? Думаемъ, что надо отнестись къ ней критически — сохранить, пожалуй, ее какъ идеалъ, но не забыть настоятельныхъ и насущныхъ нуждъ своего общества, а онѣ пока состоятъ въ обезпеченіи внѣшняго политическаго положенія сербскаго народа, въ освобожденіи тѣхъ частей его, которыя еще остаются подъ ужаснымъ и отвратительнымъ игомъ, въ трудѣ надъ распространеніемъ просвѣщенія и обезпеченіемъ внутренней свободы. „Прочая приложатся".

Д.

ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Съ 20 октября по 20 ноября.

Со времени перваго неудачнаго дѣла у Плевны, 8-го іюля, прошло *три мѣсяца* слишкомъ, пока въ дѣйствительности совершилось обложеніе этого лагеря, ставшаго камнемъ преткновенія для нашихъ дѣйствій въ Болгаріи. Столь продолжительное время, потребовавшееся,

Digitized by Google

чтобъ осуществить полное обложеніе, объяснялось не только необходимостью дождаться большихъ подкрѣпленій, и, главнымъ образомъ, войскъ гвардіи. Военныхъ силъ за Дунаемъ у насъ и теперь не многимъ больше, чѣмъ было при открытіи кампаніи съ 250 тысячами человѣкъ. Но было такое время, когда наши силы подъ Плевной, послѣ трехъ неудачныхъ штурмовъ, не превышали 60 тысячъ человѣкъ. Три мѣсяца потребовались, главнымъ образомъ, для того, чтобы убѣдить насъ въ томъ, что́ теперь кажется намъ очевиднымъ, а именно, что при нынѣшнемъ ручномъ оружіи нельзя взять штурмомъ укрѣпленнаго лагеря, обороняемаго большими силами, располагая силами меньшими или равными тѣмъ, которыя укрываются въ томъ лагерѣ. Дѣла 8-го, 18-го іюля и 30-го—31-го августа были плодомъ необузданной смѣлости и вмѣстѣ — печальнаго недоразумѣнія. Они одни стоили намъ и нашимъ союзникамъ—румынамъ 32 тысячъ человѣкъ, т.-е. полутора корпусовъ, по нынѣшнему составу.

Когда, наконецъ, мы рѣшительно примирились съ мыслью о необходимости дѣйствовать противъ Плевны блокадой, обложеніе Плевны было осуществлено взятіемъ Горнаго-Дубняка и Телиша, позицій на софійской дорогѣ, войсками гвардіи, подъ начальствомъ генерала Гурко, 12-го и 15-го октября. Эти дѣла были не только занятіемъ важныхъ позицій въ тылу Плевны, но еще, въ значительной степени, —разстройствомъ того турецкаго корпуса, который подъ начальствомъ Шефкета-паши, угрожая изъ Орханіе нашимъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ противъ Плевны, обезпечивалъ снабженія арміи Османа и представлялъ собою вспомогательный отрядъ для его обороны. Только меньшая часть корпуса Шефкета, а именно всего 12 таборовъ, осталась въ его распоряженіи послѣ названныхъ дѣлъ, и послѣ нихъ, Шефкетъ, опоздавъ на выручку главной части своей арміи, отступилъ по софійской дорогѣ съ такой поспѣшностью, что даже не разрушилъ за собою моста въ Радомирцахъ. Вслѣдъ затѣмъ, Шефкетъ былъ смѣненъ, и организація новаго корпуса въ Орханіе была поручена Мехмету-Али-пашѣ, бывшему сердарь-экрему.

Ближайшимъ послѣдствіемъ разстройства орханійскаго корпуса было то, что кавалерія наша, поддерживаемая одной бригадой гвардейской пѣхоты, охватила не только мѣстность между рѣками Видомъ и Искеромъ, но и значительное пространство впереди Искера—на западъ и до Балканъ, въ направленіи къ Софіи. Между Видомъ и Искеромъ занятъ былъ 19-го октября, безъ сопротивленія, Дольній-Дубнякъ, послѣднее звено обложенія Плевны, съ запада, Турскій Изворъ, Луковица, Петревенъ, Яблонице. Въ то время, какъ отряды, высланные изъ корпуса генерала Гурко, занимали эти пункты, преслѣдуя отступавшія войска Шефкета и имѣя цѣлью прикрыть фланги названнаго корпуса, колонна, высланная изъ Ловчи, съ той же

Digitized by Google

цѣлью заняла Турскій Изворъ и Тетевенъ, въ которомъ оказалось значительное количество припасовъ. Затѣмъ, кавалерія была двинута еще далѣе за Искеръ, на перерывъ всѣхъ возможныхъ путей наступленія на Плевну Мехмета-Али изъ Орханіе или изъ Виддина. Полторы бригады гвардейской кавалеріи, подъ начальствомъ генерала Леонова заняли 28-го октября городъ Врацу, вблизи дороги ведущей изъ Софіи на Виддинъ. Этотъ фактъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что турки были выбиты изъ города одной кавалеріею, а именно спѣшившимися конно-гренадерами и драгунами, въ то время, какъ уланы брали во флангъ отступавшаго непріятеля. Во Врацѣ былъ захваченъ непріятельскій обозъ въ тысячу подводъ и большіе запасы продовольствія, которые назначались для Плевны. Сверхъ того, занятіе Врацы имѣло стратегическое значеніе: оно пресѣкало Мехмету-Али путь изъ Софіи къ Виддину, въ то время, какъ занятіе Яблоницы отрѣзывало ему путь изъ Орханіе на Плевну. Такимъ образомъ, движеніе изъ Орханіе, какъ на лѣвомъ берегу Искера, такъ и на правомъ, было прервано.

Продолжая очищать отъ небольшихъ турецкихъ отрядовъ мѣстность за рѣкой Искеромъ, наша кавалерія заходила на около 100 верстъ къ юго-западу отъ Плевны и лишала этотъ лагерь всякой возможности ожидать хотя одного случайнаго транспорта съ припасами, какой могъ бы проскользнуть сквозь наше ближайшее кольцо вокругъ Плевны. Сверхъ того, захватывая мѣстность далеко на западъ, до Врацы, за Искеромъ, и на югъ, къ Балканамъ, до Тетевеня, сѣть нашихъ передовыхъ отрядовъ дѣлала совершенно невозможнымъ неожиданное наступленіе формируемыхъ Мехметомъ войскъ къ Плевнѣ; какимъ бы путемъ ни началось подобное движеніе, оно тотчасъ было бы замѣчено и, благодаря укрѣпленнымъ позиціямъ, было бы задержано до прибытія главныхъ силъ генерала Гурко.

Но этими мѣрами осторожности не ограничились наши наступательныя дѣйствія въ за-плевненскомъ районѣ. Въ виду большого турецкаго отряда, занимающаго выходъ изъ горъ у Орханіе, и корпуса, формируемаго Мехметомъ-Али въ Софіи, рѣшено было угрожать самому Орханіе. Вся надежда спасенія для запертыхъ въ Плевнѣ войскъ Османа-паши заключается въ движеніи Мехмета-Али къ нему на выручку. Соотвѣтственно тому, назначеніе корпуса генерала Гурко —не допускать наступленіе Мехмета на помощь Осману. Съ этой цѣлью пресѣкались всѣ пути, по которымъ могло бы начаться такое наступленіе, и занимались на нихъ крѣпкія позиціи. Затѣмъ, все съ тою же цѣлью, рѣшено бы занять вблизи самыхъ выходовъ изъ Балканъ близъ Орханіе такіе пункты, изъ которыхъ наши войска могли бы непосредственно угрожать этому передовому посту непріятельскаго корпуса, могущаго предпринять наступленіе къ Плевнѣ. Такими пунк-

Digitized by Google

тами представлялись с. Правецъ и г. Этрополь. Правецъ находится на шоссе, ведущемъ изъ Орханіе въ Плевну, и отстоитъ отъ Орханіе всего въ 15 верстахъ. Этрополь лежитъ южнѣе отъ названнаго шоссе, вблизи такой дороги, которою можно зайти въ тылъ Орханіе. Оба эти пункта находятся въ мѣстности гористой и представляютъ сильныя позиціи.

Отрядъ изъ гвардейской пѣхоты и кавалеріи, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Шувалова, 11-го ноября взялъ съ бою Правецъ, выбивъ съ этой позиціи около 10-ти таборовъ турокъ. Успѣхъ былъ рѣшенъ колонной нашего отряда, направленной въ обходъ, на лѣвый флангъ непріятеля; это движеніе, по условіямъ мѣстности, было сопряжено съ огромными трудностями; достаточно сказать, что солдаты перетаскивали артиллерію по скаламъ на рукахъ. Наша потеря собственно при этомъ была 2 офицера и 70 нижнихъ чиновъ. Взявъ Правецъ, генералъ графъ Шуваловъ выдвинулся еще впередъ на разстояніе всего 7-ми верстъ отъ самаго Орханіе. Но овладѣніе Правцомъ стоило намъ все-таки дороже, чѣмъ показано выше. Дѣло въ томъ, что, одновременно съ движеніемъ генерала графа Шувалова на Правецъ, были посланы къ Орханіе, съ другой стороны, а именно изъ Врацы, 6-ть эскадроновъ конно-гренадеръ и гвардейскихъ драгунъ съ гвардейскою же конною батареею. Назначеніе этого небольшого отряда было чисто-демонстративное: цѣлью его было отвлечь вниманіе отъ нашей попытки на Правецъ. Демонстраціонный отрядъ шелъ къ Орханіе двумя колоннами, изъ которыхъ одну составляли полтора эскадрона лейбъ-драгунъ, съ 2-мя конными орудіями. Не замѣтивъ при туманѣ турецкой позиціи, занятой двумя батальонами турокъ съ артиллеріею, полу-эскадронъ драгунъ проскакалъ мимо нея за партіею черкесовъ, которую и уничтожилъ. Но вдругъ драгуны услышали позади себя выстрѣлы, направленные противъ остального эскадрона. Соединившись, драгуны стали отступать и въ теченіи часа прошли 8 верстъ, отстрѣливаясь; но въ тылу ихъ было ущелье, которое было загромождено обозомъ бѣжавшихъ болгаръ. Драгуны одно изъ своихъ орудій сбросили въ пропасть, а другое было у нихъ отнято непріятелемъ. Они остановились, наконецъ, въ одной деревнѣ и продолжали отстрѣливаться, пока къ нимъ не подоспѣли на помощь прочіе ихъ эскадроны и конно-гренадеры, составлявшіе другую колонну. При этомъ изъ всего числа, 12-ти офицеровъ и 150-ти нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ первой колоннѣ, выбыли изъ строя всѣ офицеры, кромѣ двухъ, и почти половина нижнихъ чиновъ.

Затѣмъ важнѣйшимъ дѣйствіемъ въ этомъ районѣ было взятіе Этрополя 12-го ноября отрядомъ генерала Дандевиля, съ потерею 1 офицера и 48 нижнихъ чиновъ. Взятіе Этрополя отдало въ наши

Digitized by Google

руки еще одинъ — четвертый проходъ чрезъ Балканы. Турки изъ Этрополя отступили на шандорникскій перевалъ въ Арабконакъ. Наконецъ, послѣдствіемъ занятія нами Правца было то, что турки очистили какъ дер. Новачинъ, при которой пострадали наши драгуны, такъ и самое Орханіе. Они удержали въ своихъ рукахъ только самый перевалъ, гдѣ и занимаютъ позицію у м. Врачешъ.

Между тѣмъ, дѣйствія наши за рѣкою Искеромъ, изъ которыхъ важнѣйшимъ было взятіе Врацы, повели къ совершенному очищенію отъ непріятеля всей мѣстности, лежащей между рѣками Искеромъ и Огостомъ. Въ этой мѣстности румыны, 7-го ноября, взяли штурмомъ Рахову и тѣмъ, во-первыхъ, пріобрѣли новый пунктъ сообщенія чрезъ Дунай, а во-вторыхъ, преградили дорогу Осману-пашѣ изъ Плевны на сѣверъ, по направленію къ Виддину. Далѣе румыны овладѣли, уже за рѣкой Огостомъ, другимъ прибрежнымъ пунктомъ—Ломъ-Паланкою, которая отстоитъ всего на 50 верстъ отъ Виддина, у впаденія Западнаго-Лома въ Дунай. Взятіе Ломъ-Паланки и выдвиженіе нашихъ летучихъ отрядовъ къ Берковацу и на Бѣлградчикъ создаетъ возможность связи съ сербскимъ войскомъ, если оно, наконецъ, перейдетъ границу, какъ то ожидается.

Въ то время какъ передовые наши отряды старались пресѣчь всѣ пути, по которымъ могла бы подойти помощь къ плевненской арміи, наше ближайшее расположеніе у самой Плевны подвинулось ближе къ центральной линіи турецкихъ укрѣпленій. Генералъ Скобелевъ 28-го октября произвелъ аттаку на турецкіе ложементы на „Зеленыхъ-высотахъ“, къ югу отъ Плевны, между Видомъ и ловчинскимъ шоссе. Генералу Скобелеву удалось овладѣть первымъ гребнемъ этихъ высотъ и укрѣпить пріобрѣтенную позицію. Турки пытались три дня подъ-рядъ, а именно 28-го, 29-го и 30-го октября, выбить оттуда наши войска, но были отражены. Они возобновили нападеніе въ ночь на 3 ноября, съ значительными силами, но опять неуспѣшно. Наша потеря въ этихъ дѣлахъ составляла около 300 чел. Турки еще разъ, 7-го ноября, открывали сильный ружейный огонь на эту позицію.

Стѣсненію непосредственнаго обложенія Плевны на лѣвомъ флангѣ генераломъ Скобелевымъ соотвѣтствовало такое же дѣйствіе на правомъ флангѣ, гдѣ румыны въ ночь на 31-е октября заняли высоту впереди дер. Виволяръ, на правомъ берегу Вида, въ 8 верстахъ къ сѣверу отъ Плевны, и на этой новой позиціи устроили батареи. Итакъ, въ то время, какъ внѣшняя сѣть передовыхъ отрядовъ вокругъ плевненской мѣстности захватывала все бо́льшую сферу, кольцо непосредственнаго обложенія самой Плевны постепенно сдвигалось. Что касается положенія дѣлъ въ Плевнѣ, то хотя дезертиры и свидѣтельствуютъ о недостаткѣ тамъ продовольствія, неизвѣстно съ достовѣр-

Digitized by Google

ностью, таковъ ли этотъ недостатокъ, чтобы онъ могъ понудить Османа-пашу къ сдачѣ на капитуляцію въ ближайшемъ времени или къ попыткѣ его теперь же пробиться изъ Плевны. Что сдача Плевны въ теченіи мѣсяца или двухъ неминуема, въ этомъ почти всѣ согласны; что Мехмету-Али едва ли удастся освободить Плевну—это всѣми допускается. Но вопросъ въ томъ, на чемъ остановится Османъ: рѣшится ли онъ обречь свою армію на погибель, оставаясь въ Плевнѣ до послѣдней возможности, лишь бы лишить насъ шансовъ движенія за Балканы въ этомъ году; или онъ предпочтетъ пожертвовать Плевной и сохранить Турціи хотя бы часть своей арміи, и съ этой цѣлью станетъ пробиваться по дорогѣ къ Софіи или къ Виддину. Были уже слухи о переговорахъ съ Османомъ о сдачѣ Плевны; но если переговоры и были, они не привели къ результату.

На Балканахъ канонада возобновлялась въ теченіи прошлаго мѣсяца нѣсколько разъ и были произведены турками двѣ аттаки, 30-го октября и 9-го ноября, на наши позиціи въ шипкинскомъ перевалѣ. Обѣ были отбиты. Между тѣмъ небольшимъ нашимъ отрядомъ былъ занятъ въ Балканахъ еще Розалитскій перевалъ, находящійся въ 30 верстахъ къ западу отъ Шипки. Въ районѣ дѣйствій нижне-дунайскаго отряда генерала Циммермана не произошло ничего замѣчательнаго, кромѣ новой рекогносцировки, произведенной 11 ноября къ г. Базарджику и къ г. Бальчику. Вся Добруджа, на пространствѣ 70-ти верстъ къ югу отъ линіи Кюстенджи-Черноводы, очищена отъ турокъ.

Между тѣмъ, Сулейманъ-паша, командующій восточной турецкой арміею, въ ноябрѣ сталъ снова обнаруживать попытки перейти къ наступленію противъ рущукскаго отряда Государя Наслѣдника. Такія попытки дѣлались имъ противъ лѣваго фланга нашего отряда, на Нижнемъ-Ломѣ. Имѣя до 30-ти т. чел. около Рущука, откуда онъ нападалъ на нашъ лѣвый флангъ, вдоль Дуная, Сулейманъ располагаетъ еще 30-ю тысячами на дорогахъ отъ Шумлы и Османъ-Базара и оттуда угрожаетъ Тырнову. Каково было дѣйствительное намѣреніе Сулеймана—демонстрировать ли вблизи Дуная и затѣмъ серьёзно ударить на нашъ правый флангъ, на верхней Янтрѣ, чтобы прорвать нашу общую систему расположенія у Тырнова, или же серьёзно дѣйствовать отъ Рущука вдоль Дуная на наши переправы чрезъ Дунай—это доселѣ не выяснилось.

Важнѣйшія попытки имъ были совершены до сихъ поръ только вблизи Дуная. Такъ, 7-го ноября чрезъ Нижній-Ломъ переправились 16 турецкихъ таборовъ и аттаковали лѣвый флангъ нашего отряда у Пиргоса, на Дунаѣ. Но выдвинутая изъ Мечки (выше Пиргоса) наша пѣхотная бригада отбросила турокъ отъ Пиргоса и прогнала ихъ за Ломъ; причемъ наша потеря была около 190 чел. Въ слѣдующую недѣлю, непріятель произвелъ нѣсколько небольшихъ авангард-

Digitized by Google

ныхъ дѣлъ уже противъ нашего центра, близъ Ковачицы и Еленинскаго прохода, то-есть въ направленіи къ Тырнову. Но 14-го ноября непріятель вдругъ направилъ значительныя силы опять на нашъ лѣвый флангъ, у Тростеника и Мечки. Здѣсь былъ расположенъ на укрѣпленныхъ позиціяхъ 12-й корпусъ, которымъ командуетъ его высочество великій князь Владиміръ Александровичъ. Послѣ 6-ти-часового, упорнаго боя, турки были имъ отбиты, и наши войска сами перешли въ наступленіе. Потери турокъ въ этомъ серьёзномъ дѣлѣ были весьма чувствительны; однихъ убитыхъ они оставили на мѣстѣ около 2,500, наша потеря простиралась до 300 чел., выбывшихъ изъ строя. Большая потеря турокъ объяснялась тѣмъ, что наши войска открывали огонь противъ наступающихъ только съ близкаго разстоянія и что наступленіе турокъ было очень упорно. Такимъ образомъ, если это нападеніе на лѣвый флангъ нашего восточнаго отряда представляло собой послѣднюю попытку Сулеймана-паши вызвать въ нашей главной квартирѣ опасеніе относительно главной линіи нашихъ собственныхъ сообщеній, то результатъ обнаружилъ наоборотъ, что общее положеніе дѣлъ теперь радикально измѣнилось въ сравненіи съ концомъ іюля, когда наши дѣйствія противъ Плевны остановились, потому что намъ приходилось заботиться о безопасности главной линіи нашихъ сообщеній.

На малоазіатскомъ театрѣ войны оба послѣдніе мѣсяца ознаменовались блестящими успѣхами. Въ сентябрѣ мы еще обороняли свою территорію и на непріятельской землѣ владѣли только Ардаганомъ, а въ началѣ октября была уже возобновлена осада Карса, послѣ полнаго пораженія арміи Мухтара-паши; къ концу октября наши войска стояли подъ самымъ Эрзерумомъ. Въ ноябрѣ же палъ Карсъ, и вопросъ теперь заключается во взятіи Эрзерума. Но будетъ ли взятъ Эрзерумъ теперь же или потребуется продолжительная его осада, это уже не можетъ существенно повліять на ходъ дѣлъ. Дальше Эрзерума, мы, по всей вѣроятности, не пойдемъ, стало быть нѣтъ необходимости большими жертвами въ людяхъ, при штурмѣ Эрзерума, выгадывать себѣ время для дальнѣйшихъ дѣйствій. Во всякомъ случаѣ, если Эрзерумъ будетъ взятъ теперь, войска наши останутся въ немъ до заключенія мира, какъ они останутся подъ Эрзерумомъ въ случаѣ продолжительной осады.

Правда, можно поставить еще третье предположеніе, а именно—отступленіе нашихъ войскъ вслѣдствіе какой-либо неудачи подъ Эрзерумомъ. Но это предположеніе невѣроятно. Съ одной стороны, взятіе Карса позволило двинуть противъ Эрзерума главныя силы нашихъ отрядовъ александропольскаго и эриванскаго, и если Мухтаръ и Исмаилъ-паша изъ остатковъ корпуса перваго изъ нихъ, изъ кор-

Digitized by Google

пуса второго и подкрѣпленій изъ Трапезунта могли составить силы, достаточныя для отраженія штурма на Эрзерумъ, то силы эти все-таки недостаточны для понужденія осаждающей арміи къ отступленію. Съ другой стороны, взятіе Карса создало теперь русскимъ войскамъ, оперирующимъ противъ Эрзерума, такой опорный пунктъ, въ виду котораго новое наступленіе турокъ, даже въ случаѣ какого-либо успѣха ихъ подъ Эрзерумомъ, немыслимо.

Такимъ образомъ, взятіе Карса составляетъ такъ сказать ось, на которой дальнѣйшія дѣйствія въ Малой Азіи могутъ подаваться въ ту или другую сторону, не измѣняя существенно основного положенія дѣлъ. При тѣхъ силахъ, которыя сосредоточены теперь къ Эрзеруму, даже такая неожиданность, какъ движеніе Дервиша-паши отъ Батума на выручку Карса, не представляетъ серьёзной опасности. Чтобы не возвращаться къ этому движенію, мы упомянемъ теперь же о тѣхъ относящихся къ нему фактахъ, которые сообщены телеграфомъ. Въ ночь на 15 ноября, Дервишъ-паша внезапно отступилъ съ Хоцубанской позиціи, оставивъ тамъ незначительныя силы, которыя были, съ наступленіемъ разсвѣта, вытѣснены нашими войсками и преслѣдуемы до высотъ Цихедзири. Хоцубанская позиція, какъ извѣстно, уже была въ нашихъ рукахъ въ началѣ войны, но впослѣдствіи вновь занята турками. Высотъ же Цихедзири намъ и при началѣ войны не удалось взять. Такъ какъ и въ дѣлѣ 15 ноября принимали участіе пять турецкихъ броненосцевъ, то овладѣть этой позиціей, а за ней и Батумомъ, и теперь будетъ не легко. Но Дервишъ-паша, который долженъ былъ оставить достаточныя силы для защиты Батума, не могъ увесть съ собой болѣе 15 т. чел., а такое число войска не можетъ быть опасно для нашей арміи, дѣйствующей противъ Эрзерума. Противъ Дервиша могутъ быть высланы отряды отъ Ардагана и Карса; сверхъ того, нѣкоторое число войскъ мы по всей вѣроятности имѣемъ въ Ольти, такъ какъ этотъ пунктъ всегда считался мѣстомъ нашего крайняго праваго фланга при движеніи въ глубь Арменіи. Дорога изъ Эрзерума на Карсъ обезпечена неприступнымъ Зивиномъ, который теперь въ нашихъ рукахъ. Наконецъ, въ томъ случаѣ, если бы Дервишъ сталъ пробираться къ Эрзеруму по западной дорогѣ отъ Артвина, за хребетъ Сиври-Дагъ, на встрѣчу ему можетъ быть высланъ отъ самаго Эрзерума отрядъ къ сѣверу. Весь вопросъ тутъ — въ численности войскъ, какими мы располагаемъ подъ Эрзерумомъ; свѣдѣній объ ихъ составѣ не имѣется. Но такъ какъ генералы Гейманъ и Тергукасовъ появились подъ Эрзерумомъ вслѣдъ за отступавшими Мухтаромъ и Измаиломъ, а послѣ взятія Карса немедленно высланы были къ Эрзеруму и всѣ свободныя части карскаго осаднаго корпуса, то надо полагать, что подъ Эрзерумомъ мы имѣемъ теперь тысячъ пятьдесятъ, а войска Мухтара и Измаила не превзой-

Digitized by Google

дутъ численностью нашего эрзерумскаго корпуса даже по отдѣленіи отъ него тысячъ двадцати на встрѣчу Дервишу-пашѣ.

Намъ остается бросить взглядъ на событія въ Арменіи послѣ движенія нашихъ войскъ къ Эрзеруму, въ половинѣ октября. По соединеніи генераловъ Геймана и Тергукасова, войска наши 17 октября овладѣли безъ боя Гассанъ-Кале. Непріятель занялъ затѣмъ крѣпкую позицію на высотахъ Деве-Бойну вблизи Эрзерума. Здѣсь онъ былъ атакованъ 23-го октября русскими войсками и совершенно разбитъ. По частнымъ разсказамъ, часть высотъ на флангахъ непріятеля была занята 45-ю нашими батальонами, прокравшимися незамѣтно на эти позиціи ночью, а пѣхота наступавшая съ фронта оставалась за прикрытіями въ пересѣченной мѣстности, такъ что на открытой дорогѣ, передъ собою непріятель видѣлъ только нашу кавалерію и спустился въ значительныхъ силахъ, чтобы приблизить къ ней свой ружейный огонь. Но послѣ первыхъ его залповъ, былъ открытъ огонь нашею скрытой пѣхотою съ фланговъ и съ фронта, и въ рядахъ турокъ произошла паника. Они бросились въ Эрзерумъ въ полномъ замѣшательствѣ, давя своихъ. Наша потеря въ дѣлѣ при Деве-Бойну состояла изъ 30 офицеровъ и около 800 нижнихъ чиновъ. Но усталость послѣ усиленныхъ переходовъ и 9-ти-часового боя, а сверхъ того ненастье воспрепятствовали нашимъ войскамъ ворваться въ Эрзерумъ или который-либо изъ его фортовъ, по слѣдамъ турокъ.

Наступленіе къ Эрзеруму пришлось отложить на нѣсколько дней, и оно было назначено на ночь 28 октября. Но эта аттака была неудачна. Отряды сбились съ пути и не пришли къ назначеннымъ пунктамъ. Только одинъ изъ нихъ, состоявшій изъ 3-хъ батальоновъ бакинскаго полка, ворвался въ фортъ Азизіе и овладѣлъ имъ, взявъ въ плѣнъ болѣе 500 турокъ. Но въ виду наступленія значительныхъ турецкихъ силъ, и этотъ отрядъ долженъ былъ возвратиться на прежнее расположеніе. Потеря наша при этой неудачной попыткѣ штурма была 32 офицера и 600 нижнихъ чиновъ. Но продолжительная оборона Эрзерума все-таки сомнительна. Крѣпость эта по своимъ размѣрамъ требуетъ для успѣшной защиты бо́льшаго числа войскъ, чѣмъ то, какимъ располагаетъ Мухтаръ. Относительно количества продовольственныхъ припасовъ въ Эрзерумѣ свѣдѣнія расходятся. Но надо замѣтить, что Мухтаръ еще въ концѣ октября выслалъ изъ Эрзерума свою кавалерію, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ ушелъ съ нею и самъ, оставивъ начальство въ Эрзерумѣ Измаилу-пашѣ. Это можетъ свидѣтельствовать о томъ, что въ Эрзерумѣ нѣтъ изобилія въ запасахъ. А впрочемъ, выходъ оттуда турецкой кавалеріи могъ имѣть еще и другую цѣль—дѣйствовать на флангахъ

Digitized by Google

осаждающей арміи и стараться установить связь съ войсками Дервиша-паши, идущими отъ Батума.

Собственно о взятіи Карса не имѣется доселѣ сколько-нибудь обстоятельныхъ, оффиціальныхъ свѣдѣній. Извѣстія, какія мы имѣемъ доселѣ, ограничиваются оффиціальными телеграммами и немногими частными корреспонденціями, русскими и иностранными. Вотъ какъ изображаютъ силу Карса корреспонденты „Daily News“ и „Москов. Вѣд.“: „взятіе Карса,—пишетъ англичанинъ,— было одно изъ величайшихъ и труднѣйшихъ военныхъ дѣлъ, когда-либо предпринятыхъ; эта крѣпость не только обладаетъ естественной защитой, но, сверхъ того, имѣетъ цитадель и девять фортовъ, сооруженныхъ искусными англійскими и прусскими инженерами, кромѣ отдѣльныхъ редутовъ, и вооружена болѣе, чѣмъ трема-стами тяжелыхъ крупповскихъ орудій“.—Нашъ соотечественникъ пишетъ: „нужно видѣть Карсъ, чтобы понять, что́ сдѣлано и чего это стоило. Не вѣрится, что такая неприступная твердыня пала отъ штурма, и не вѣрится, что можно было штурмовать ее. Предъ укрѣпленіями—рядъ волчьихъ ямъ, за ними рвы и брустверы. Рвы со стороны штурмующихъ,—въ три-четыре сажени ширины и двѣ-три глубины. Брустверы—вышиной четыре сажени; крутизна страшная; въ брустверахъ, въ большинствѣ, подѣланы каменные казематы, приспособленные къ оборонѣ“.

Гарнизонъ Карса состоялъ изъ 20—25 т. чел., но и нашихъ войскъ было не многимъ больше. Англійскій корреспондентъ, перечисляя части, бывшія въ дѣлѣ, называетъ всего 9 полковъ пѣхоты. Судя по этому, мы должны принять, что штурмовавшія войска въ общей сложности никакъ не превышали 30 т. чел. Штурмъ начался 5 ноября въ 8 часовъ вечера, одновременно со всѣхъ сторонъ. Но главнымъ объектомъ были юго-восточные и южные форты; противъ прочихъ дѣлалась сперва только демонстрація. Войска пошли колоннами — на фортъ Канлы колонна генерала графа Граббе; на фортъ Хафизъ—колонна генерала Алхазова; съ сѣвера дѣйствовала колонна генерала Шатилова, съ запада—нѣсколько отрядовъ, подъ начальствомъ генерала Роопа. Ближайшее общее начальство было поручено генералу Лазареву, но всѣмъ ходомъ боя руководилъ самъ начальникъ дѣйствующаго корпуса, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ.

Турки не ожидали штурма ночью, но такъ какъ ночь была лунная, скоро замѣтили наступленіе и открыли страшный огонь, артилерійскій и ружейный. Вокругъ всей линіи укрѣпленій образовался огненный поясъ, мѣстами изъ нѣсколькихъ полосъ. Наши колонны наступали молча и вдругъ заполнили собой рвы, и полѣзли на четырехъ-саженные брустверы. Штурмовыхъ лѣстницъ не было выше трехъ саженъ; солдаты хватались одинъ за другого, становились

Digitized by Google

одинъ другому на плечи, взбирались на гребни брустверовъ, упираясь штыками въ насыпи. Тогда артиллерійскій огонь сталъ умолкать и начался рукопашный бой. Въ сильный фортъ Канлы первый ворвался съ охотниками графъ Граббе и тутъ же палъ; за нимъ, во главѣ своего полка, ворвался полковникъ Бѣлинскій и былъ также убитъ. Канлы былъ взятъ въ 11 часовъ вечера, но бой кипѣлъ всю ночь. Одновременно былъ взятъ фортъ Сувари, а за нимъ фортъ Хафизъ. Къ утру были взяты форты Карадагъ и Арабъ. Тогда непріятель, бросивъ остальные форты, неожиданно бросился къ эрзерумской дорогѣ, на Тадлиджу, но здѣсь попалъ на колонны генерала Роопа и былъ отбитъ назадъ въ крѣпость, а частью разбѣжался и былъ преслѣдуемъ и уничтоженъ кавалеріею. Въ 10 часовъ утра 6 ноября Карсъ былъ окончательно взятъ, а въ 11 часовъ въ крѣпость въѣхалъ командующій корпусомъ, генералъ Лорисъ-Меликовъ.

Въ Карсѣ было взято въ плѣнъ 5 пашей, 800 офицеровъ и 17 тысячъ нижнихъ чиновъ. Вся артиллерія и большіе запасы достались побѣдителямъ. Наша потеря состояла изъ 1 генерала, 74 офицеровъ и 2260 нижнихъ чиновъ; потеря турокъ была до 5 т. чел. По свидѣтельству англійскаго корреспондента, наши „солдаты захватили только ничтожную добычу и пощадили мирныхъ гражданъ, женщинъ и дѣтей".

Итакъ, Карсъ палъ на девятый день послѣ нашей неудачной попытки штурмовать Эрзерумъ. Комендантъ Эрзерума былъ поставленъ въ извѣстность о взятіи Карса и приглашенъ былъ сдаться, но отвѣчалъ отказомъ. На девятый же день послѣ взятія Карса, Дервишъ-паша оставилъ Хоцубанскую позицію впереди Батума, и двинулся неизвѣстно куда, но вѣроятно на помощь Эрзеруму. Передъ Эрзерумомъ наши войска, въ тѣ дни, когда мы дѣлаемъ этотъ обзоръ, стоятъ уже около мѣсяца. Но, какъ замѣчено выше, на дальнѣйшій ходъ дѣла въ Малой-Азіи замедленіе взятія Эрзерума, при владѣніи Карсомъ, не можетъ уже оказать существеннаго вліянія.

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1877 году.

Въ 1877-мъ году, экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Акмолинская обл. (260,000 жит.).	экз.
Акмолинскъ	2
Омскъ	18
Петропавловскъ	3
	23

Амурская обл. (22,000 жит.).	
Благовѣщенскъ	8
Албазинъ	5
Михайло-Семеновская	1
	14

Архангельская губ. (281,000 жит.).	
Архангельскъ	15
Шенкурскъ	3
Онега	1
Сороцкая	1
Холмогоры	1
	21

Астраханская губ. (593,000 жит.).	
Астрахань	22
Черный-Яръ	2
Енотаевскъ	1
Красный-Яръ	1
	26

Бакинская губ. (513,000 жит.).	
Баку	15
Шемаха	3
Ленкоранъ	2
Куба	2
Сальяны	1
	23

Бессарабская губ. (1.091,000 жит.).	
Кишиневъ	45
Оргѣевъ	7
Липканы	2
Новоселица	1
Сталинешты	1
Глинная	1
Бѣльцы	2
Сороки	4
Скуляны	1
Вендеры	6
Камратъ, колонія	1
Каушанская	1
Арцызъ	1
Унгены	21
Корнешты	2
Кубей, колонія	2
Каларашъ	4
Хотинъ	3
Ейденцы	2
Бричаны	1
Секурянская	1
Аккерманъ	6
Байрамчевская ст.	1
	116

Варшавская губ. (1.004,000 жит.).	
Варшава	89
Гройцы	1
Новый-Дворъ	3
Свержевицы	2
Александровъ погранич.	1
Влоцлавскъ	3
Кутно	3
Гостынинъ	1
Ловичъ	1
Минскъ (Новоминскъ)	2
	106

Виленская губ. (1.019,000 жит.).	
Вильно	35
Троки	1
Жижморы	1
Свенціаны	1
Безданы	1
Вилейка	2
Дисна	1
Лида	1
Ошмяны	1
Молодечно	1
Солы	1
	46

Витебская губ. (884,000 жит.).	
Витебскъ	11
Невель	1
Сеньковская ст.	1
Динабургъ	7
Рѣжица	1
Себежъ	1
Дрисса	2
Бѣшенковичи	1
Полоцкъ	6

Digitized by Google

	экз.
Городецъ	1
Вѣжицъ	1
Хотинецъ	2
Нарышкино	1
Велижъ	1
	87

Владимірская губ. (1.259,000 жит.).

Владиміръ	16
Александровъ	4
Киржачъ	1
Константиновская	1
Переславль-Залѣсскій	1
Рязанцевская	1
Судогда	1
Вязники	3
Роговская	1
Ковровъ	1
Муромъ	7
Шуя	3
Васильевское	2
Палеха	1
Иваново-Вознесенскъ	5
Тейково	2
Озябликово	1
Гороховецъ	1
Гавриловъ	1
Суздаль	2
Юрьевъ-Польскій	1
Меленки	1
	57

Воронежская губ. (2.184,000 жит.).

Воронежъ	39
Нижнедѣвицкъ	2
Задонскъ	2
Бутурлиновка	3
Новохоперскъ	1
Землянскъ	4
Бобровъ	3
Острогожскъ	5
Коротоякъ	2
Валуйки	1
Мандрово	1
Бирючъ	2
Богучаръ	2
Бычковская	1
Калачъ	2
Павловскъ	4
Ровеньки	3
Давыдовка	1
Звѣрева	1
Сулинъ	1
	80

Вологодская губ. (1.008,000 жит.).

Вологда	19
Свѣтлица	1
Леоновская	1
Никольскъ	1
Великій-Устюгъ	1
Устьсысольскъ	1
Сольвычегодскъ	1
Вельскъ	1
Кадниковъ	2
Тотьма	2
Верховажскій пос.	1
	81

Волынская губ. (1.737,000 жит.).

Житомиръ	14
Волочискъ	2
Овручъ	1
Ковель	1
Владиміръ-Волынскій	1
Луцкъ	2
Ровно	4
Гощанская	1
Новоградъ-Волынскъ	2
Корецъ	1
Любаръ	2
Острогъ	6
Заславъ	8
Старокостантиновъ	7
Купель	1
Дубно	1
Кременецъ	4
Радзивиловъ	2
Шепетовка	1
Чернорудка	1
	57

Выборгская губ. (243,000 жит.).

Выборгъ	2
Фридрихсгамъ	3
	5

Вятская губ. (2.442,000 жит.).

Вятка	11
Орловъ	1
Слободской	5
Глазовъ	1
Нолинскъ	1
Уржумъ	3
Кикнурская	1
Яранскъ	2
Котельничъ	1
Малмыжъ	3
Елабуга	5
Сарапулъ	3
Ижевскій заводъ	4
Воткинскій	3
	44

Гродненская губ. (1.021,000 жит.).

Гродно	15
Бѣлостокъ	4
Антопольская ст.	1
Соколка	1
Друзгеники	1
Волковыскъ	2
Зельва	1
Слонимъ	2
Заполье	1
Тевли	1
Негорѣлое	1
Бѣльскъ	1
Брестъ-Литовскъ	3
Иваново	1
Высоколитовскъ	1
	86

Дагестанская обл. (448,000 жит.).

Темиръ-Ханъ-Шура	17
Гунибъ	1
Дашлагаръ	1
Дербентъ	3
Петровскъ	5
Чиръ-Юртъ	1
	28

Екатеринославская губ. (1.147,000 жит.).

Екатеринославъ	20
Верхнеднѣпровскъ	4
Куцеваловская ст.	1
Александровскъ	12
Павлоградъ	3
Топильная	1
Никополь	1
Ростовъ-на-Дону	24
Нахичевань	2
Ейская	1
Бахмутъ	5
Луганскій зав.	10
Славяносербскъ	2
Орѣховская	1
Михайловская	4
Благодатное	1
Таганрогъ	18
Юзовка	2
Новомосковскъ	3
Маріуполь	5
Гришинская ст.	1
Лозовая ст.	2
Перещепино	3
Ново-Алексѣевка	1
Тагонашъ	1
	128

Елисаветпольская губ. (529,000 жит.).

Елисаветполь	9
Ново-Акстафинская	2
Шуша	2
Тертерская	1
	14

Енисейская губ. (529,000 жит.).

Красноярскъ	4
Енисейскъ	4
Минусинскъ	4

Digitized by Google

	экз.
Корелино	8
Каргино	2
	17

Забайкальская обл.
(419,000 жит.).

Чита	5
Кяхта	6
Баргузинъ	1
Верхнеудинскъ	2
Петровскій	1
Троицкосавскъ	1
Нерчинскій	6
Нерчинскій заводъ	8
Кавыкачигазимурская.	2
Шелопугинская	1
Стрѣтенская	1
Средняя Кара	8
	82

Закатальскій округъ
(56,000 жит.).

Красноводскъ.	1
	1

Заравшанскій округъ

Самаркандъ	7
Катты-Курганъ	2
	9

Иркутская губ.
(372,000 жит.).

Иркутскъ	34
Киренскъ	1
Витимскъ	2
Верхоленскъ	1
Хоготская	1
Нахтуйскъ	7
Черемховская	1
Тулуновское	1
	48

Казанская губ.
(1.726,000 жит.).

Казань	75
Чебоксары	2
Цивильскъ	1
Ядринскъ	1
Свіяжскъ.	1
Маріинская	1
Царевококшайскъ.	1
Тетюши	4
Спасскъ	8
Мамадышъ	1
Чистополь	5
Лаишевъ	2
Туркашская	2
Алексѣевская.	2
	101

Калишская губ.
(678,000 жит.).

Калишъ.	6

	экз.
Александровскій хут.	2
Велюнь	1
Верушовъ	1
Сѣрадзь	1
Ленчица	2
Конинъ	1
Слупцы	1
	15

Калужская губ.
(1.152,000 жит.).

Калуга	28
Тарусса	2
Жиздра	4
Боровскъ.	2
Александровскій хут.	2
Козельскъ	2
Малоярославецъ	1
Михѣевская	1
Медынь	1
Троицкая	1
Петрищевская	1
Колодези.	1
Мещовскъ	1
Роговичи	1
	48

Кіевская губ.
(2.215,000 жит.).

Кіевъ	129
Махновка	2
Самгородокъ	1
Бердичевъ	5
Здолбунова	1
Кривинъ	1
Бровки ст.	1
Попельня	2
Кожанка.	1
Каневъ	2
Радомыслъ	7
Коростышевская	2
Кочеровская	1
Липовецъ	7
Черкасы	3
Худолѣевка	1
Смѣла	5
Тараща	1
Богуславъ	2
Звенигородка.	5
Тальное	2
Чигиринъ	2
Шпола	3
Умань	6
Васильковъ	3
Сквира	3
Ружинъ	1
Бѣлая-Церковь	7
Корсунь	2
Воронцово-Городище.	2
Фундуклеевка.	1
Михайловка	2
	212

Ковенская губ.
(1.125,000 жит.).

	экз.
Ковно	10
Тельши	2
Ворненская ст.	3
Россіены.	3
Таурогенъ	2
Юрбургъ.	2
Поневѣжъ	2
Шавли	3
Абесинъ	1
Понемунокъ	2
Ново-Александровскъ.	1
Вилькоміръ	1
Абели	1
	85

Костромская губ.
(1.132,000 жит.).

Кострома	18
Судиславль	2
Макарьевъ	1
Евдокимово	1
Галичъ	2
Буй	1
Солигаличъ	2
Парфентьевъ посадъ	1
Кологривъ	1
Чухлома	2
Нерехта	4
Кинешма.	4
Вичуга	3
Писцовая	1
Варнавинъ	1
Юрьевецъ-Повольскій.	3
Ветлуга	2
	49

Кубанская обл.
(672,000 жит.).

Екатеринодаръ	22
Ейскъ	4
Коневское	1
Усманская	1
Усть-Лабинская	1
Майкопъ.	4
Лабинская	1
Кавказская	4
Армавиръ.	1
Баталпашинскъ	2
Крымская	1
Темрюкъ.	1
Ладожская	1
	44

Курляндская губ.
(620,000 жит.).

Митава.	6
Тукумъ	1
Либава	2
Гольдингенъ	1
	10

Digitized by Google

Курская губ.
(1.955,000 жит.).

	экз.
Курскъ	23
Фатежъ	2
Медвѣнька	1
Щигры	4
Тимъ	6
Старый-Оскольъ	2
Обоянь	1
Бѣлгородъ	8
Короча	2
Новый-Оскольъ	6
Борисовъ	1
Грайворонъ	2
Льгова	3
Дмитріевъ	3
Суджа	7
Путивль	3
Рыльскъ	6
Мирополье	3
Дьяконово	1
Глушковъ	1
Красное	1
Грузское	1
	88

Кутаисская губ.
(605,000 жит.).

Кутаисъ	16
Поти	1
	17

Кѣлецкая губ.
(529,000 жит.)

Кѣльцы	2
Хмѣльникъ	1
Мѣховъ	1
Олькушъ	2
	6

Лифляндская губ.
(1.001,00 жит.).

Рига	15
Дерптъ	6
Перновъ	1
Венденъ	1
Феллинъ	1
Болдереа (Динаминдъ)	1
	25

Ломжинская губ.
(489,000 жит.).

Ломжа	7
Остроленко	1
Кольно	1
Цѣхановецъ	1
Островъ	1
Нуръ	1
Пултускъ	2
	14

Люблинская губ.
(701,000 жит.).

Люблинъ	6
Ивангородъ	8
Новая-Александрія	2
Ополе	1
Грубѣшовъ	2
Томашовъ-Замостьскій	1
Замостье	3
Красноставъ	2
Хелмъ	3
Янов	2
Бѣлжицы	1
Бѣлгорай	1
	27

Минская губ.
(1.178,000 жит.).

Минскъ	10
Борисовъ	1
Бобруйскъ	2
Мозырь	2
Якимовичская	1
Рѣчица	1
Новогрудокъ	1
Городыще	1
Кареличи	1
Пинскъ	2
Слуцкъ	2
Несвижъ	1
Сѣнница	1
Докшицы	1
Березина	1
Талалаевка	1
	29

Могилевская губ.
(958,000 жит.).

Могилевъ	11
Горы-Горки	1
Мстиславль	2
Копысь	1
Дубровна	1
Гомель	6
Рогачевъ	1
Климовичи	1
Чериковъ	2
Краснополье	1
Чечерскъ	1
Славяны	1
	29

Московская губ.
(1.757,000 жит.).

Москва:	
Чрезъ Газет. Экспед.	81
Безъ доставки	410
	491
Славяны	2
Подольскъ	2
Серпуховъ	3
Можайскъ	2
Руза	2
Уваровская	1
Серг.-Ивановская	1
Коломна	3
Бронницы	1
Раменская	1
Завидовка	1
Клинъ	2
Подсолнечная	4
Крюково	1
Воскресенскъ	2
Сергіевскій посадъ	7
Богородскъ	3
Павловскій пос.	1
Верея	1
Дмитровъ	4
Волоколамскъ	3
Молоди	1
	539

Нижегородская губ.
(1.279,000 жит.)

Нижній-Новгородъ	37
Горбатовъ	2
Павлово	2
Васильевская	1
Орѣхово	1
Второвская	1
Лысково	2
Сергачъ	3
Княгининъ	1
Арзамасъ	6
Ардатовъ	1
Лукояновъ	2
Починки	4
Семеновъ	1
Воскресенское	1
Городецъ	1
	66

Новгородская губ.
(1.011,000, жит.).

Новгородъ	19
Любань	3
Воробьинская	2
Окуловка	1
Малая Вишера	1
Торбино	2
Грузино	1
Устюжна	1
Кириловъ	2
Тихвинъ	1
Спасская-Полисть	1
Оскуйская	1
Кукуйская	1
Валдай	1
Боровичи	8
Еремінская	1
Меглецы	1
Череповецъ	5
Бѣлозерскъ	3
Старая-Русса	2
Крестцы	1

Digitized by Google

	экз.
Медвѣдь	2
Сомино, пристань	2
	62

Нюландская губ. (167,000 жит.).

Гельсингфорсъ.	8
Свеаборгъ	2
	10

Область Войска Донского. (1.147,000 жит.).

Новочеркаскъ.	33
Николаевка	1
Голодаевка	3
Урюпинская	4
Усть-Медвѣдицкая	2
Филоновская	1
Нижнечирская	4
Шалаевская	2
Боковская	1
Грушевская	4
Каменская	1
	56

Олонецкая губ. (297,000 жит.).

Петрозаводскъ	11
Повѣнецъ	2
Вознесенская пристань	1
Вытегра	3
Пудожъ	1
Каргополь	1
	19

Оренбургская губ. (930.000 жит.).

Оренбургъ.	30
Миясскій зав.	2
Челябинскъ	7
Троицкъ	2
Илецкая защита	2
Орскъ	1
Нижнеозерная	1
Нижнеуральскъ	6
	51

Орловская губ. (1.589,000 жит.).

Орелъ	30
Брянскъ	4
Карачевъ.	2
Рябцово	1
Мценскъ	5
Болховъ	4
Кромы	1
Дмитровскъ	2
Сѣвскъ	3
Александровка	1
Трубчевскъ	1
Малоархангельскъ	2
Дросково.	2
Ливны	11
Становой-Колодезь	2
Елецъ	12
Змѣевка	1
	84

Пензенская губ. (1.173,000 жит.).

Пенза	29
Нижній-Ломовъ	3
Наровчатъ	2
Керенскъ	1
Борисовская	1
Рамзайская	1
Саранскъ.	4
Инсаръ	1
Исса.	1
Мокшаны.	3
Краснослободскъ	2
Каменка	1
Чембаръ	3
Никольскій поимъ	1
Кулики	1
	54

Пермская губ. (2.212,000 жит.).

Пермь	28
Охансъ	4
Оса	2
Екатеринбургъ	27
Богословскій заводъ	1
Верхотурье	2
Долматовъ	1
Каменскій зав.	1
Кушвинскій зав.	7
Невянскій зав.	5
Нижнетагильскій зав.	6
Шадринскъ	1
Катайская	1
Сысертскій зав.	1
Билимбаевскій зав.	2
Веретія	5
Соликамскъ	3
Красноуфимскъ	4
Чердынь	2
Камышловъ	2
Ирбитъ	4
Сугатская	1
Кунгуръ	4
Богородская	1
Ключевская	1
	116

Петроковская губ. (696,000 жит.).

Петроковъ.	6
Лодзь	2
Ласкъ	1
Згержъ	1
Новорадомскъ	1
Ченстоховъ	5
Граница	1
Бендинъ	1
	18

Плоцкая губ. (480,000 жит.).

	экз.
Плоцкъ	9
Млава	2
Плонскъ	1
Рыпинъ.	1
	13

Подольская губ. (1.961,000 жит.).

Каменецъ-Подольскъ	13
Брацлавъ	1
Тепликъ	1
Нижнекраливенская	1
Гайсинъ	1
Тульчинъ	3
Ольгополь	4
Винница	4
Немировъ	4
Вороновицкая ст.	2
Литинъ.	3
Джуринская	1
Попелюхи.	2
Калиновка.	1
Рахны	2
Круты	5
Гнивань	1
Вапнярка	1
Жмеринка	1
Крыжополь.	2
Проскуровъ	1
Меджибожъ	3
Летичевъ	2
Волковинцы	1
Могилевъ	3
Новая-Ушица	4
Ямполь.	2
Ровенская	1
Кривое-Озеро.	2
Балта	8
Голованевскъ	1
	81

Полтавская губ. (2.102,000 жит.).

Полтава	33
Ромны	6
Гадячъ	3
Миргородъ	6
Лохвица	4
Зеньковъ.	2
Опошня	1
Переяславль	3
Борисполь	1
Золотоноша	6
Пирятинъ	3
Яготино	1
Прилуки	9
Лубны	9
Хоролъ	4
Рѣшетиловка.	1
Кобеляки.	3
Кременчугъ	12
Градижскъ	3

Digitized by Google

	экз.
Кононовичская	1
Семеновская ст.	2
Константиноградъ	5
Карловская ст.	2
	120

Приморская область.
(43,000 жит.).

Николаевскъ	1
Хабаровская	3
Владивостокъ	5
Новгородскій-Постъ	1
Софійскъ	1
	11

Псковская губ.
(786,000 жит.).

Псковъ	16
Порховъ	5
Боровичи ст.	1
Островъ	4
Холмъ	1
Св. Горы.	1
Новоржевъ	2
Торопецъ	3
Опочка	3
Великіе-Луки.	2
Горицкая	1
	39

Радомская губ.
(540,000 жит.).

Радомъ.	7
Козеницы.	1
Пржисуха	1
Опатовъ	2
Сташовъ	1
Сандомиръ	2
	14

Рязанская губ.
(1.496,000 жит.).

Рязань	13
Касимовъ	5
Михайловъ	2
Спасскъ	2
Ижевское	2
Зарайскъ	3
Егорьевскъ	3
Скопинъ	1
Пронскъ	1
Сапожокъ	5
Ряжскъ	3
Раненбургъ	3
Данковъ	1
Кораблино	2
Сергіевская	1
Воейково.	1
Троицкая	1
	49

Самарская губ.
(1.868,000 жит.).

Самара.	20
Бугурусланъ	2
Павловская	1
Николаевскъ	1
Бузулукъ	3
Зинниковка	3
Бугульма.	4
Ставрополь	1
Мелексъ	2
Чердаклинская	1
Балаково.	2
	40

С.-Петербургская губ.
(1.291,000 жит.).

С.-Петербургъ:	
По городской почтѣ.	951
Безъ доставки въ Конторѣ.	412
	1363
Гатчино	7
Луга	3
Тупичино ст.	1
Гдовъ	1
Сиверская ст.	1
Чириковицы ст.	1
Ямбургъ	3
Нарва	5
Колпино	1
Тосна	1
Корківамяки	1
Сестрорѣцкъ	1
Новая-Ладога	1
Усть-Ижора	1
Павловскъ	4
Царское Село	14
Петергофъ	6
Ораніенбаумъ	3
Красное Село	1
Кронштадтъ	19
	1488

Саратовская губ.
(1.773,000 жит.).

Саратовъ.	36
Балашовъ	5
Турки	1
Царицынъ.	6
Дубовскій посадъ.	1
Хворостанка	1
Добринка.	1
Волконская	1
Себряковка	1
Петровскъ	2
Сердобскъ	2
Ртищево	3
Бековo	2
Аткарскъ.	5
Колѣно	1
Маріинская	1
Камышинъ	4
Каменка	1
Кондаль	3
Ключи	2
Чунаки	1
Хвалынскъ	5
Вольскъ	6
Кузнецкъ.	4
Камешкиръ	2
	97

Семипалатинская обл.
(350,000 жит.).

Семипалатинскъ	2
Бухтарма	1
Усть-Каменогорскъ	1
Зайсанскій постъ.	1
	5

Семирѣченская обл.
(543,000 жит.).

Вѣрный.	8
Кульджа	1
Токмакъ	1
Караколъ.	3
Лепсинская	2
Бахты	1
	16

Симбирская губ.
(1.222,000 жит.).

Симбирскъ.	26
Краснососенская.	2
Ардатовъ	6
Алатырь.	2
Болховская	1
Курмышъ.	2
Пиловальные заводы	1
Промзино-Городище	1
Тагайская	3
Тетюшская	1
Корсунь	6
Буинскъ	2
Сенгилей.	1
Ясашно-Таишинская	1
Сызрань	8
Теренгульская	3
Пачелма.	2
Воейково.	1
Симанщина	1
Никулино	1
Прасковьино.	1
	72

Смоленская губ.
(1.121,000 жит.).

Смоленскъ.	17
Рославль.	3
Юхновъ	2
Знаменская ст.	2
Коски	1
Починокъ	4
Ивановская ст.	1
Бѣлой	4
Духовщина	2
Пречистенская ст.	1
Порѣчье	2
Ельнинская	1
Дорогобужъ	2
Ельня	2
Красный	1
Гжатскъ	2

Digitized by Google

	экз.
Вязьма	8
Каменская	1
Ярцевская	2
	58

Ставропольская губ. (437,000 жит.).

Ставрополь	18
Александровская	1
Прасковея	1
	20

Сувалкская губ. (531,000 жит.).

Сувалки	9
Вержболовская	1
Маріамполь	1
Вильковышки	1
	12

Сухумскій округъ. (70,000 жит.).

Сухумъ-Кале	3
	3

Сѣдлецкая губ. (542,000 жит.).

Сѣдлецъ	11
Бѣла	4
Яновъ	2
Луковъ	1
Мендзиржецъ	1
Влодава	1
	20

Сыръ-Дарьинская обл. (835,000 жит.).

Ташкентъ	24
Казалинскъ	8
Туркестанъ	1
Ходжентъ	1
Чиназъ	1
	35

Тавастгустская губ. (185,000 жит.).

Тавастгустъ	1
	1

Таврическая губ. (716,000 жит.).

Симферополь	30
Каховка	2
Алешки (Днѣпровскъ)	5
Перекопъ	2
Армянскъ	1
Евпаторія	1
Ѳеодосія	4
Керчь-Еникаль	11
Ялта	13
Карасубазаръ	2
Судакъ	1
Севастополь	9
Геническъ	1
Мелитополь	5
Орѣховъ	4
Большой Токмакъ	1
Сирогозская	2
Бердянскъ	9
Нагайскъ	3
	106

Тамбовская губ. (2.157,000 жит.).

Тамбовъ	29
Моршанскъ	6
Спасскъ	2
Шацкъ	4
Каргашино	1
Елатьма	2
Кадомъ	1
Темниковъ	1
Толстиковская	2
Козловъ	8
Усмань	5
Липецкъ	3
Лебедянь	3
Новочеркутино	1
Грязи	2
Муравьевская	1
Измайлково	2
Борисоглѣбскъ	7
Расказово	1
Кирсановъ	8
Покровское	1
	90

Тверская губ. (1.509,000 жит.).

Тверь	11
Корчева	2
Кимры	2
Бѣжецкъ	3
Весьегонскъ	1
Кашинъ	4
Калязинъ	4
Красный-Холмъ	1
Ильино	1
Торжокъ	7
Старица	1
Ржевъ	5
Зубцовъ	3
Вышній-Волочокъ	2
Осташковъ	1
Выдропускъ	1
Большая Коша	1
	50

Терская обл. (485,000 жит.).

Владикавказъ	14
Екатериноградъ	1
Кизляръ	3
Моздокъ	3
Грозный	2
Воздвиженская	3
Ведень	2
Хасафъ-Юртъ	2
Шелковаводская	1
Георгіевскъ	1
Пятигорскъ	6
Кисловодскъ	1
Ессентукская	1
Невинномысская	1
	41

Тифлисская губ. экз.

Тифлисъ	96
Царскіе-Колодцы	1
Лагодехская	1
Телавъ	1
Бѣлый-Ключъ	1
Ахалкалаки	4
Ахалцыхъ	2
Сигнахъ	1
Горн	5
Боржомская	1
Дудчанская	1
Новосанаки	1
Михайлово	1
	116

Томская губ. (784,000 жит.).

Томскъ	14
Каинскъ	1
Барнаулъ	7
Змѣиногорскъ	5
Бѣлоглазовъ	1
	28

Тобольская губ. (1.105,000 жит.).

Тобольскъ	6
Тюмень	2
Тара	3
Туринскъ	1
Курганъ	2
Ишимъ	1
Тюкалинскъ	1
Сургутъ	1
Ялуторовскъ	1
	18

Тургайская обл. (350,000 жит.).

Иргизъ	1
	1

Тульская губ. (1.176.000 жит.).

Тула	22
Иваново	1
Ясенки	1
Одоевъ	3
Бѣлевъ	3
Лопатково	1
Доробино	2
Чернь	4
Новосиль	3
Кашира	4
Веневъ	2
Алексинъ	1
Шаховская	2
Епифань	4
Ефремовъ	4
Богородицкъ	3
	60

Уральская обл. (520,000 жит.). экз.

Гурьевъ	3
	3

Digitized by Google

Уфимская губ.
(1.395,000 жит.).

Уфа	11
Стерлитамакъ	3
Саткинскій зав.	2
Подлубовская	1
Златоустовскій зав.	4
Бирскъ	1
Монастырскіе Дуванеи	2
Мензелинскъ	2
Байсарово	1
Белебей	1
	28

Ферганская обл.

Коканъ	9
Наманганъ	1
Маргеланъ	3
Ошъ	2
Андижанъ	1
Чустъ	1
	17

Харьковская губ.
(1.820,000 жит.).

Харьковъ	72
Ахтырка	2
Лебединъ	4
Сумы	14
Тростянецъ	1
Баромлянская	2
Бѣлополье	1
Валки	1
Колиякъ	1
Искровка	1
Павлышская	1
Знаменка	1
Зміевъ	1
Волчанскъ	5
Богодуховъ	2
Чугуевъ	2
Изюмъ	6
Купянскъ	5
Новоекатеринославъ	4
Старобѣльскъ	4
Бѣловодскъ	1
Барвенково	1
Славянскъ	3
Тарановка	1
Алексѣевка	1
Краснопавловка	1
Надеждино	1
Гавриловка	1
Ставропово	1
Корсунь	1
Харьцызская	1
Матвѣевъ-Курганъ	1
Ясиноватое	1
Рудничная	1
Еленовка	1
Дергачи	1
	148

Херсонская губ.
(1.661,000 жит.).

Херсонъ	13
Затишье	1
Веселый-Кутъ	1
Быковецъ	1
Тирасполь	6
Одесса	122
Покровская	1
Новая-Прага	1
Песчаный-Бродъ	1
Вознесенскъ	3
Березовка	3
Александрія	9
Липецкая	1
Бобринецъ	1
Максимовская	2
Новогеоргіевскъ	2
Ново-Украинка	1
Елисаветградъ	22
Новомиргородъ	5
Ольвіополь	2
Ананьевъ	7
Марьиновская ст.	4
Петровѣровская	1
Николаевъ	25
Очаковъ	4
Борисланъ	1
Куцовка	1
Новый-Бугъ	2
Ново-Полтавка	1
Ново-Воронцовка	4
Жеребковская	1
	249

Черниговская губ.
(1.669,000 жит.).

Черниговъ	22
Стародубъ	4
Новозыбковъ	1
Елюнская ст.	1
Новый-Ропскъ	2
Злынка	1
Остеръ	1
Козелецъ	1
Рѣпкинская	2
Красненская ст.	1
Семиольская	1
Новгородъ-Сѣверскъ	5
Сосница	2
Авдѣевка	1
Красный-Рогъ	1
Почепъ	4
Мглинъ	3
Сурамъ	3
Клинцы	3
Глуховъ	6
Кролевецъ	4
Коропъ	2
Шостка	1
Конотопъ	5
Батуринъ	1
Борзна	2
Плиски	3
Нѣжинъ	13
Монастырище	1
Бобровицо	3
	100

Черноморскій округъ.
(15,000 жит.).

Туапсе	2
Новороссійскъ	4
	6

Эриванская губ.
(452,000 жит.).

Эривань	15
Каракилсская	2
Нижне-Ахтинская	1
Александрополь	23
Вагаршападская ст.	1
Джульфа	1
	43

Эстляндская губ.
(823,000 жит.).

Ревель	8
Балтійскій портъ	1
Гапсаль	1
Талсъ	1
	11

Якутская область.

Якутскъ	4
	4

Ярославская губ.
(988,000 жит.).

Ярославль	18
Романово-Борисогл.	3
Пошехонье	3
Мышкинъ	1
Угличъ	1
Рыбинскъ	4
Брейтово	1
Молога	1
Троицкая	2
Максатиха	2
Пищалкино	1
Петровскъ	1
Ростовъ	2
Великое-Село	1
Даниловъ	2
Бараново	1
Рязанцево	1
Семибратово	1
	46

За-границей:

Англія	4
Бельгія	2
Германія	60
Греція	3
Египетъ	1
Индія	1
Италія	8
Китай	5
Придунайскія княж.	6
С.-Америка	2
Турція	1
Франція	29
Швейцарія	10
Швеція	1
Японія	2
	135

Digitized by Google

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Херсонск.	249	32. Рязанская	49	63. Олонецкая	19
2. Кіевская.	212	33. Иркутская	48	64. Петроковск.	18
3. Харьковск.	148	34. Московская.	48	65. Тобольская.	18
4. Екатеринос.	123	35. Виленская	46	66. Енисейская.	17
5. Полтавская.	120	36. Ярославская	46	67. Кутаисская.	17
6. Бессарабск.	116	37. Вятская	44	68. Ферганская.	17
7. Пермская.	116	38. Кубанск. об.	44	69. Семирѣченс.	16
8. Тифлисская.	116	39. Калужская.	43	70. Калишская.	15
9. Варшавск.	106	40. Эриванская.	43	71. Амурск. об.	14
10. Таврическ.	106	41. Терская об.	41	72. Елисаветпол.	14
11. Казанская	101	42. Самарская	40	73. Ломжинская.	14
12. Черниговск.	100	43. Псковская	39	74. Радомская	14
13. Саратовск.	97	44. Витебская	37	75. Плоцкая	13
14. Тамбовская.	90	45. Гродненская	36	76. Сувалкская.	12
15. Курская	88	46. Сыръ-Д. об.	35	77. Эстляндская	11
16. Орловская	84	47. Ковенская	33	78. Примор. об.	11
17. Подольская.	81	48. Забайк. об.	32	79. Курляндск.	10
18. Воронежск.	80	49. Вологодская	31	80. Лифляндская	10
19. С.-Петерб.	75	50. Минская	29	81. Заравш. окр.	9
20. Симбирская.	72	51. Могилевск.	29	82. Кѣлецкая.	6
21. Нижегород.	66	52. Дагест. обл.	28	83. Черном. ок.	6
22. Новгородск.	62	53. Томская	28	84. Выборгская.	5
23. Тульская.	60	54. Уфимская	28	85. Семипал. об.	5
24. Смоленская.	58	55. Люблинская.	27	86. Якутск. об.	4
25. Владимірск.	57	56. Астраханск.	26	87. Уральск. об.	3
26. Волынская.	57	57. Лифляндск.	25	88. Сухумск. ок.	3
27. Обл. В. Дон.	56	58. Акмол. об.	23	89. Закатал. ок.	1
28. Пензенская.	54	59. Бакинская.	23	90. Тавастгустск.	1
29. Оренбургск.	51	60. Архангельс.	21	91. Тургайс. об.	1
30. Тверская.	50	61. Ставропол.	20		
31. Костромская	49	62. Сѣдлецкая	20		

	4266
II. Въ С.-Петербургѣ	1363
III. Въ Москвѣ	491
IV. За границей	135
Всего: экз.	6255

А. Хомяковскій
Заведующій редакціей.

Digitized by Google

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1877 году.

А. Новая книга проф. Рамбо о Россіи: Francais et Russes — Moscou et Sévastopol (февр., 891). — Историческая справка, по поводу новаго Тургеневскаго романа (мар., 465).

А. С. Изъ Альфреда Мюссе: 1) Люси. 2) Декабрьская ночь (сент., 271).—1) Къ Нинонѣ. 2) Пѣсня (окт., 548).

А—ей. Стихотворенія: Усталые (апр., 701).—1) Двѣ пѣсни. 2) На разсвѣтѣ. 3) Ночью (авг., 704).

А—въ, Л. Эпизодъ изъ жизни министра, очеркъ по роману Троллопа (іюнь, 500).

Ардовъ. Безъ вины виноватые. Романъ (іюль, 60; авг., 421).

Арсеньевъ, К. К. Викторъ Гюго по возвращеніи его во Францію: Victor Hugo, Depuis l'exil (авг., 648). — Новости исторической литературы: Исторія Флоренціи, Ф. Перрана; и Католическая лига и кальвинисты во Франціи, г. Лучицкаго (октяб., 551; нояб., 187).

Б. А. Стихотворенія: 1) Изъ Лонгфелло. 2) Изъ миссисъ Проктеръ (май, 111).—Изъ Гейне (дек. 648).

Бліохъ, И. С. Экономическое состояніе Россіи въ прошломъ и настоящемъ (сентяб., 304; окт., 748; дек. 702).

Брандтъ, А. Животный индивидуумъ (май, 74).

Брюлловой, С. К. Новая теорія о происхожденіи Франціи (фев., 581).

В. Проекты реформъ городового положенія въ Прибалтійскомъ краѣ (март., 387).

W. Всемірный торговый рынокъ и его современное положеніе (іюль, 156).

В., М. Ларра, испанскій сатирикъ (іюль, 183).

В—нъ, А. Некрологъ: О. М. Бодянскій (окт., 899).

Вагнеръ, Н. П. Индивидуальныя измѣненія, ихъ причины и результаты (мартъ, 175).

Веселовскій, Александръ Н. Индѣйскія сказки, въ русск. перев. проф. Минаева (мар., 222).

Веселовскій, Алексѣй Н. Джонатанъ Свифтъ, его характеръ и сатира (янв., 137).

Вороновъ, Ѳ. Ѳ. Устройство польскихъ крестьянъ (апр., 749).

Гербель, Н. В. Чудная ночь. Изъ Гёте (дек., 738).

Горье, В. Н. Теорія и практика женскаго образованія (апр., 645). — Августъ и установленіе римской имперіи (іюнь, 445; іюль, 5; авг., 512).

Digitized by Google

Голенищевъ - Кутузовъ, гр. А. А. Стихотворенія: За годомъ мчится годъ (мар., 110). — Лѣсъ. Сказка Альфонса Додэ, въ стихахъ (іюнь, 600).

Градовскій, Ал. Д. Значеніе идеала въ общественной жизни (янв., 297).

Д. Англійская книга о Россіи: Russia, by Mackenzie Wallace (апр., 891).— По поводу нашей переводной литературы о славянствѣ (іюнь, 859). — Путешествія по Волгѣ: Le Volga, par A. Legrelle; По Волгѣ, Немировича-Данченко (іюль, 382).—Новѣйшій этнографическій стиль: Бродячая Русь Христа-ради. С. Максимова (авг., 822).— Сербскій перев. Тургеневской «Нови» (дек. 874).

Д—ва, Н. Въ церкви. Изъ „Chants du crépuscule" В. Гюго (іюль, 175).

Дашковъ, Д. Д. Педагогическіе софизмы (нояб., 206).

Жуковскій, Ю. Карлъ Марксъ и его книга о капиталѣ (сент., 64).

Забытый, О. Велѣно пріискивать. Повѣсть (сент., 5; окт., 457; нояб., 5).

Зола, Эм. Бальзакъ и его переписка (янв., 257). — Парижскія письма: XX. Типы духовенства во Франціи (янв., 414). — XXI. Объ упадкѣ критики во Франціи (февр., 861).—Школа и школьная жизнь во Франціи (март., 431).—XXIII. Викторъ Гюго и его „Légende des siècles" (апр., 847).—XXIV. Альфредъ де-Мюссе и его произведенія (май, 417).—XXV. Мои воспоминанія изъ военныхъ эпохъ (іюнь, 833).— XXVI. Эпизодъ изъ нашествія 1870 г. (іюль, 337).—XXVII. Французская печать (авг., 794).—XXVIII. Наиса Микуленъ (сент., 418). — XXIX. Тьеръ, основатель третьей республики (окт., 850).—XXX. Парижанинъ на дачѣ и въ деревнѣ (нояб., 399).—XXXI. Сцены выборовъ во Франціи (дек. 844).

Кавелинъ, К. Д. Поземельная община въ древней и новой Россіи (май, 200).

Карта театра войны на Дунаѣ и въ Малой-Азіи (іюнь, въ приложеніи къ Обозрѣнію военныхъ дѣйствій).

Коршъ, В. О. Восточная война въ пятидесятыхъ годахъ (янв., 325).

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ. Группы и портреты. IV (март., 5).

Крыловъ, А. А. Желѣзная промышленность въ замосковскомъ краѣ (февр., 774).

Крыловъ, В. А. Въ духѣ времени. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ (дек., 523).

Мечниковъ, И. И. Очерки воззрѣній на человѣческую природу (апр., 537).

Миллеръ, В. О. Пѣсни македонскихъ болгаръ, собранныя и изданныя Верковичемъ (іюль, 364).

Миквицъ, Р. О. Народное образованіе въ виленскомъ учебномъ округѣ (іюль, 304).

Минскій, Н. М. Стихотворенія: На родинѣ (янв., 200). — Кашемиръ. Корабль. Я забыть ее рѣшился. Романтическій сонъ. Отъ глазъ насмѣшливо холодныхъ. Зачѣмъ порой. Минулъ тяжелый день (февр., 676). — Статуя. Въ моей душѣ дремало горе (март., 354).—Прощаніе (май, 234).—Три пѣсни (іюнь, 710).—Думы и грезы (дек., 461).

Н. А. По поводу новыхъ матеріаловъ для русской исторіи начала XIX вѣка: Сборникъ историческихъ матеріаловъ, изъ архива I-го Отдѣленія соб. Е. И. В. канцеляріи. Выпускъ первый (янв., 455).—Наша печать и болгарскія дѣла (окт., 879).—Къ вопросу о „славянской идеѣ": Братья-чехи (нояб., 429).—Будущность славянства (дек. 805).

Нефедовъ, Ф. Д. Некрологъ: А. И. Левитовъ (март., 452).

Норденскіольдъ, А. Е. Плаваніе по Енисею въ 1876 г. (апр., 629).

Опроверженіе. По требованію министерства народнаго просвѣщенія (авг., 838).

П., А. Нѣмецкій журналъ по славянской наукѣ: Archiv für slavische Philologie, von V. Jagić (янв., 447).—Некрологъ: В. И. Григоровичъ (февр.,

Digitized by Google

892).—Еще нѣсколько словъ по поводу южно-славянскаго вопроса (март., 357).—Старая и новая Болгарія (май, 289).—Замѣтка по южно-славянскому вопросу: Отвѣтъ „Русскому Міру“ (іюнь, 803). — Разсказы изъ екатерининскаго вѣка: Записки Г. С. Винскаго (іюль, 245).

П. Л. Мысли и замѣтки Бёрнанда (мар., 296).—Россія въ книгѣ Д. Маккензи-Уоллэса: Russia, by Mackenzie Wallace, vols I and II (май, 317).

П—ская., О. Сцены и характеры изъ новаго романа Эліота „Daniel Deronda“ (май, 117). — Очерки изъ старыхъ романовъ Уйда: Strathmore, by Ouida (дек. 651).

П—скій, Б. Черницы. Бытовой очеркъ (іюнь, 527).

Первольфъ, І. Мадьяры и восточный вопросъ (сент., 398; окт., 780).

Петересенъ, В. К. Техника и техники (іюнь, 541).

Полонскій, Як. П. Царь-Дѣвица. Стих. (февр., 632).

Потѣхинъ, А. А. На-міру. Повѣсть (апр., 469; май, 5).

Пыпинъ, А. Н. Средніе вѣка русской литературы и образованности: II. Мѣстныя сказанія и московское литературное объединеніе (фев., 684). III. Состояніе народной поэзіи (апр., 704).—Герцеговинскіе гайдуки сто лѣтъ назадъ (іюнь, 713).—Замѣтка къ статьѣ г. Всеволода Миллера о пѣсняхъ македонскихъ болгаръ (іюль, 378).—Путешествія г-жъ Мэккензи и Ирби въ славянскихъ земляхъ Турціи (сент., 280; окт., 581; нояб., 239).

Ренье, А. Наука и литература въ современной Англіи: Письмо пятое (февр., 737). — Письмо шестое (іюль, 270).

Россель, Ю. А. Южные штаты сѣверо-американской республики и ихъ настоящее (март., 113). — Аграрный вопросъ и его главныя задачи: Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ, кн. А. Васильчикова (іюнь, 604).

С., М. Некрологъ: Софья Константиновна Брюллова, рожденная Кавелина (нояб., 444). — Столѣтній юбилей рожденія Александра I (дек. 772).

С. С. Романическій эпизодъ изъ жизни Фердинанда Лассаля: Дневникъ. Переписка. Исповѣдь (нояб., 119).

С—невъ, А. Огненное дѣло. Изъ очерковъ Сѣвернаго Зауралья (сент., 209).

Садовниковъ, Д. Н. Стихотворенія: 1) Небесной равниной. 2) Я не рожденъ для злобы дня. 3) Ребенку. 4) Въ степи (апр., 561).

Семевскій, В. И. Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ, въ 1760 — 1764 гг. (янв., 210; февр., 634),

Соловьевъ, С. М. Россія и Европа въ первой половинѣ царствованія Александра I-го (май, 236; авг., 708; сент., 106; окт., 686; нояб., 268).

Скалонъ, В. Ю. Крестьянскія кредитныя учрежденія московской губерніи (апр., 566).

Станкевичъ, А. В. Три безсилія: Три силы. Публичное чтеніе Владиміра Соловьева (апр., 877).

Стоюнинъ, В. Я. Александръ Семеновичъ Шишковъ (сент., 236; октяб., 502; нояб., 47; дек., 465).

Т*., Е.** Теперь и прежде. По поводу драматическихъ представленій Эрнеста Росси (іюнь, 747).

Т—въ, М. Ученая экспедиція въ западно-русскій край: Изданія императорскаго русскаго географ. общества (март., 85).

Тихомировъ, И. А. Екатерининскія реформы въ Прибалтійск. краѣ (дек., 625).

Тургеневъ, Ив. С. Новь, романъ (янв., 6; февр., 465).—Разсказъ отца Алексѣя (май, 99).—Католическая легенда о Юліанѣ Милостивомъ, Г. Флобера, перев. съ франц. (апр., 603). — Иродіада, Г. Флобера, пер. съ франц. (май, 258).—Изъ письма въ редакцію, по поводу смерти С. К. Брюлловой (нояб., 448).

Digitized by Google

Утинъ, Ев. И. Болгарія во время войны (нояб., 314; дек., 739).

Х., Е. Современная Румынія (сент., 383).

Цертелевъ, кн., Д. Н. Стихотворенія: 1) Египетъ. 2) Шумитъ, и бушуетъ, и пѣнится море. 3) Проклятіе пѣвца (март., 216).—Сонъ (нояб., 43).

Шильгагенъ, Фр. Изъ моей записной книги. Въ Сициліи (іюль, 206; авг., 671).

Шумахеръ, П. В. Стихотворенія: 1) Передъ концомъ. 2) Изъ завѣщанія моего отца. 3) Лѣтомъ послѣ обѣда. 4) Часы. 5) Сонъ (нояб., 202).

Э., А. Нѣмецкое общество послѣ франко-прусской войны: Karl Gutzkow, Die neuen Serapionsbrüder (авг., 571; сент., 147; окт., 617).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе. Январь: Уличные безпорядки.—Отзывъ петербургскаго биржевого купечества о причинахъ кризиса на торговомъ рынкѣ.—Оптовые и мелкіе дѣятели.—Помощь банкамъ.—Банкирскія конторы и ихъ характеръ.—Недостатки нашихъ желѣзныхъ дорогъ и ихъ валовой сборъ.—Судоходство по каналамъ.—Мобилизація и желѣзныя дороги.—Окончательный результатъ подписки на заемъ (379 стр.).—Февраль: Славянское движеніе и его результаты на дѣлѣ и въ статьѣ г-на В. Ламанскаго.—Защита дѣтей.—Дѣти арестантовъ, дѣти у мастеровъ и на фабрикахъ.—Право отдѣльнаго жительства для женщинъ (807 стр.).—Мартъ: Новый романъ Ив. С. Тургенева, какъ страница изъ исторіи нашего вѣка.—Центробѣжныя стремленія въ обществѣ и старые толки объ „отсутствіи идеаловъ".—Государственная роспись на 1877 годъ.—Отчетъ контроля за 1875 г.—Возрастаніе доходовъ.—Сверхсмѣтные расходы.—Отчетный балансъ.—Вопросъ о сбереженіяхъ въ народной массѣ.—Балансъ бюджетный.—Отчетъ сберегательныхъ кассъ государственнаго банка за 1875 г. (409 стр.).—Апрѣль: Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1875 г., и положеніе у насъ дѣла проповѣди и катехизаціи.—Соотношеніе мѣръ свѣтскихъ и духовныхъ.—Свобода совѣсти, разсматриваемая какъ юридическое начало.—Два взгляда на возможность и необходимость ея.—Брошюра г. Гусева о томъ же предметѣ, ея достоинства и существенные недостатки.—Общій выводъ (771 стр.).—Май: Высочайшій манифестъ о войнѣ.—Очеркъ положенія Россіи при прежнихъ войнахъ съ Турціею.—Война 1828-1829 годовъ.—Война 1853-1856 годовъ.—Нынѣшнее положеніе Россіи.—Что должно и что можетъ общество?—Проектъ добровольнаго подоходнаго налога (372 стр.).—Іюнь: Слухи о новомъ займѣ.—Биржевыя цѣны нашихъ фондовъ.—Паденіе валюты.—Кредитное обращеніе.—Таможенные сборы въ 1876 году.—Покровительство паровозо-строительному и фортепьянному дѣлу въ Россіи.—Городовое положеніе въ балтійскомъ краѣ.—Пересмотръ учебныхъ плановъ въ гимназіяхъ (781 стр.).—Іюль: Уголовная статистика.—Сравнительная медленность судопроизводства.—Проценты оправданій.—Снисходительность по родамъ преступленій.—Картина семейнаго быта по уголовнымъ даннымъ.—Преступность несовершеннолѣтнихъ.—Образованіе и грамотность.—Племенныя черты (316 стр.).—Августъ: Займы и кредитные билеты.—Паденіе вексельныхъ курсовъ.—Взиманіе таможенныхъ пошлинъ золотомъ.—Металлическая валюта на желѣзныхъ доро-

Digitized by Google

тахъ. — Табачный акцизъ и возвышеніе пошлинъ.—Налогъ на музыкальное образованіе.— Пріемные экзамены въ высшія спеціальныя училища. — Новыя условія пріема въ военныя училища (740 стр.).— Сентябрь: Введеніе судебныхъ уставовъ въ западныхъ губерніяхъ.—Полемика по вопросу о примиреніи съ поляками.—Г-нъ Костомаровъ и „всеобщая къ намъ нелюбовь".— Начала реформы Н. А. Милютина. — Нынѣшнее и будущее польское общество.—Прежнія вліянія поляковъ.— Основы для примиренія.—Объясненіе по поводу нашихъ замѣчаній объ учебныхъ планахъ гимназій (359 стр.).—Октябрь: Пятидесятилѣтіе кавказской битвы.— Обзоръ отношеній запада Европы къ Россіи. — Обзоръ нашего „переходнаго времени".— Реформы и финансы.—Военное устройство.— Флотъ и вооруженіе.— Интендантская и санитарная части.—Финансовыя средства на дальнѣйшую войну (805 стр.).—Ноябрь: Цензъ по образованію для административныхъ должностей. — Школьный или бюрократическій экзаменъ.—Дѣятельность земства.— Введеніе поразряднаго налога.— Свѣдѣнія о земскихъ сборахъ и расходахъ за 1872—1874 года.—Разныя извѣстія съ западной окраины (358 стр.). — Декабрь: Общественное сознаніе и печать.—Клерикальный взглядъ на задачи общества.— Вліяніе западнаго консерватизма на судьбу печати и школы. — Радикальное несходство съ тѣмъ нашихъ условій. — Должна ли печать выражать всю мысль общества?—Наши матеріальныя заботы.—Мануфактурный кризисъ. — Вліяніе прекращенія временныхъ заработковъ (782 стр.).

II. Корреспонденція. I. Берлинъ: Старыя партіи въ Германіи и новая—соціаль-демократическая (февр., 839).— Приливъ и отливъ въ Германской имперіи (апр., 823).—Канцлерскій кризисъ и ультрамонтанское движеніе во Франціи (іюнь, 809).—Лѣтнія каникулы нейтральныхъ державъ (августъ, 774).—Германія и восточный вопросъ (октябрь, 827).— Наши парламентскія бури (декабрь, 830). II. Лондонъ: Открытіе парламента и тюремная реформа (апрѣль, 806).—Англія во время послѣдняго кризиса (май, 400). — Окончаніе парламентской сессіи (августъ, 759).— Ирландская политика и голодъ въ Индіи (ноябрь, 382).

III. Обозрѣніе военныхъ дѣйствій. —Первыя шесть недѣль (іюнь, 866).—Іюнь (іюль, 891). — Іюль (авг., 831).—Августъ (сент., 447). — Сентябрь (окт., 905).— Октябрь (ноябрь, 449).—Ноябрь (дек., 877).

IV. Библіографическій Листокъ. Январь: Землевладѣніе и земледѣліе. Кн. А. И. Васильчикова. — Вѣстникъ общества древне-русскаго искусства. Г. Филимонова. 1-12 выпуски. — Изслѣдованіе по вопросамъ, относящимся къ производству торговли и передвиженію скота и пр. И. С. Вліоха.—Очеркъ критическаго изслѣдованія осново-началъ позитивной философіи. В. Лесевича. — Современная Россія. Т. I. В. Андреева. — Февраль: Сборникъ И. Р. Историческаго общества. Т. XVIII.—Около денегъ. Романъ А. Потѣхина.—Сочиненія лорда Байрона. Изд. Н. В. Гербеля. Т. IV. — Русскіе современные дѣятели, съ біографич. очерками. Д. И. Лобанова. — Сравнительная статистика Россіи. Профес. Янсона. — Сочиненія Г. П. Данилевскаго, въ четырехъ томахъ. — Мартъ: Собраніе сочиненій Евгенія Маркова. — Учебно-воспитательная библіотека. Т. I.—Теорія и практика банковаго дѣла. И. И. Кауфмана. Т. II.— Ученіе о пищѣ. Ф. Пэвн.—Апрѣль: Сборникъ Русскаго Историческаго общества. Т. XIX. — Сборникъ государственныхъ знаній. Т. III. — Страна холода. В. И. Немировича-Данченко.—Май: Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Ю. Э. Янсонъ.— Русская библіотека, т. VII: Н. А. Некрасовъ.—Послѣднія пѣсни Н. Некрасова.— Союзъ князей. А. Трачевскаго.—Драматическія сочиненія В. Крылова.—Священная лѣтопись. Г. Властова.—Іюнь: Восточная война 1853—1856 гг. М. И. Богдановича. Второе изданіе.—Воспоминанія и критическіе очерки. П. В. Анненкова Вып. I.—Сборникъ государственныхъ знаній, подъ ред. В. П. Безобразова. Т. IV.—

Digitized by Google

Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣстей. Выпускъ I. — Rabelais et son oeuvre, par I. Fleury, 2 vols. — Іюль: Профессіональная гигіена, или гигіена умственнаго и физическаго труда. Ф. Эрисмана. — Труды Аралo-Каспійской экспедиціи. Вып. IV.—Исторія торговыхъ кризисовъ въ Европѣ и Америкѣ. М. Вирта.—Охотничій словарь. С. И. Романова. Выпускъ I. — Поѣздка въ Обонежье и Корелу. В. Майнова.—Августъ: Рудольфъ Женэ: Шекспиръ, его жизнь и сочиненія.—Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе. 1777—1877. — Современная Турція. Историко-этнографическіе очерки. Н. Р. Овсянаго.—Сентябрь: Славянскій міръ. В. П. Турбы.—К. Иречекъ. Исторія болгаръ, перев. В. А. Яковлева.—Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Герберта Спенсера.—Октябрь: Новь. И. С. Тургенева. — Стихотворенія И. З. Сурикова. — Историческая хрестоматія по русской исторіи. Я. Гуревича и Б. Павловича. — Новая русская литература. В. Водовозова.—Сборникъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента сената, А. Гожева, т. I.—Хроника петербургскихъ театровъ. А. И. Вольфа.—Ноябрь: Планъ С.-Петербурга въ санитарномъ отношеніи. Ю. Гюбнера.—Тридцать лучшихъ новыхъ сказокъ. В. П. Авенаріуса.—Животныя и ихъ жизнь. А. Сановой. — Русскіе бывшіе дѣятели. Т. I. П. Н. Петрова.—Декабрь: Исторія Россіи, т. XXVII. С. Соловьева.—Сборникъ Р. И. Общества, т. XX.—Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній, Эгардта, переводъ Максимова и Острогорскаго.—Бездольная, драма А. Вранчанинова.—О значеніи психическихъ явленій. В. Манассеина.

V. Извѣстія. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (январь, 463; февраль, 896; мартъ 467; апрѣль, 895; октябрь, 916).—Общество для пособія слушательницамъ женскихъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ (февраль, 896; іюль, 401; ноябрь, 459).—Призваніе Россіи на крайнемъ востокѣ (февраль, 896. — О четвертомъ археологическомъ съѣздѣ въ Казани (апрѣль, 895).—Общество вспомоществованія студентамъ с.-петербургск. университета (іюль, 401).

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ, 1877.

Книга одиннадцатая.—Ноябрь.

	стр.
Вилѣно пригискивать.—Повѣсть.—XXIV-XXX.—Окончаніе.—О. ЗАБЫТАГО	5
Сонъ.—Стих. Кн. Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВА	43
Александръ Семиновичъ Шишковъ.—Біографія.—IX Отечественная война.—X. Жизнь въ Германіи.—XI. Шишковъ въ Государственномъ Совѣтѣ.—XII. Президентъ Россійской Академіи.—В. Я. СТОЮНИНА	47
Романическій эпизодъ изъ жизни Фердинанда Лассаля. — Дневникъ, Переписка, Исповѣдь.—С. С.	119
Новости исторической литературы —Исторія Флоренціи, Ф. Перрана, и Католическая лига и кальвинисты во Франціи, г. Лучицкаго.—II.—Окончаніе.—К. К. АРСЕНЬЕВА	187
Стихотворенія.—I. Передъ концомъ.—II. Изъ завѣщанія моего отца.—III. Лѣтомъ послѣ обѣда.—IV. Часы.—V. Стонъ.—П. В. ШУМАХЕРА	202
Педагогическіе софизмы.—Очерки и замѣтки.—Д. Д. ДАШКОВА	206
Путешествія г-жъ Мэккензи и Ирви въ славянскихъ земляхъ Турціи. — IV. — Окончаніе.—А. ПЫПИНА	239
Россія и Европа, въ первой половинѣ царствованія Александра I-го.—V. Эрфуртъ и австрійская война 1809 года.—С. М. СОЛОВЬЕВА	268
Болгарія во время войны.—Замѣтки и воспоминанія.—I. Передъ войною.—II. До Дуная.—Е. И. УТИНА	314
Внутреннее Обозрѣніе. — Цензъ по образованію для административныхъ должностей.—Школьный или бюрократическій экзаменъ.—Дѣятельность земства.—Введеніе поразрядная налога.—Свѣдѣнія о земскихъ сборахъ и расходахъ за 1872—1874 гг.—Разныя извѣстія съ западной окраины.	358
Корреспонденція изъ Лондона. — Ирландская политика и голодъ въ Индіи.—R.	382
Парижскія Письма. — XXX. — Парижанинъ на дачѣ и въ деревнѣ.—ЭМ. ЗОЛА	399
Къ вопросу о „славянской идеѣ".—Братья-Чехи.—А. Н.	429
Некрологъ. — Софья Константиновна Брюллова, рожденная Кавелина.—М. С.	444
Изъ письма Ив. С Тургенева въ редакцію, по поводу смерти С. К. Брюлловой.	448
Обозрѣніе военныхъ дѣйствій.—Октябрь	449
Извѣстія.—Отчетъ Комитета для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ	459
Библіографическій Листокъ. — Планъ С.-Петербурга въ санитарномъ отношеніи, Ю. Гюбнера.—Тридцать лучшихъ новыхъ сказокъ, В. П. Авенаріуса.—Животныя и ихъ жизнь, А. Сановой.—Русскіе бывшіе дѣятели. Т. I. П. Н. Петрова.	

Digitized by Google

Книга двѣнадцатая.—Декабрь.

стр.

Думы и грезы.—I. Дома. Стих. Н. М. МИНСКАГО 461

Александръ Семеновичъ Шишковъ.—Біографія.—XIII. Отношенія Шишкова къ „духу времени", къ Библейскому Обществу, къ университету. Планъ народнаго воспитанія Магницкаго. Шишковъ—министръ народнаго просвѣщенія.—XIV. Отношеніе къ государю. Борьба съ мистиками. Синодъ и Филаретъ. Наука и просвѣщеніе.—XV. Противники и друзья Шишкова. Кончина Александра I-го. Цензурный уставъ. Шишковъ—членъ верховнаго суда. Отставка.—XVI. Характеристика Шишкова и послѣдніе годы.—Окончаніе.—В. Я. СТОЮНИНА 465

Въ духѣ времени.—Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.—В. А. КРЫЛОВА. . . 523

Екатерининскія реформы въ Прибалтійскомъ краѣ.—Историческій очеркъ.—И. А. ТИХОМИРОВА 625

Изъ Гейне.—Стих. А. Б. 648

Очерки изъ старыхъ романовъ Уйда.—Strathmore, by Ouida—О. П—СКАЯ. . 651

Экономическое состояніе Россіи въ прошломъ и настоящемъ.—VIII-XV.—Окончаніе.—ИВ. С. БЛІОХА 702

Чудная ночь.—Изъ Гёте.—Н. В. Гербель. 738

Болгарія во время войны.—Замѣтки и воспоминанія.—III. На Дунаѣ.—IV. Въ Систовѣ и до Тырнова.—ЕВГ. УТИНА. 739

Хроника.—Столѣтній юбилей рожденія Александра I-го.—М. С. . . 772

Внутренняя Обозрѣніе.—Общественное сознаніе и печать.—Клерикальный взглядъ на задачи общества.—Вліяніе западнаго консерватизма на судьбу печати и школы.—Радикальное несходство съ тѣмъ нашихъ условій.—Должна ли печать выражать всю мысль общества?—Наши матеріальныя заботы.—Мануфактурный кризисъ.—Вліяніе прекращенія временныхъ заработковъ. 782

Будущность славянства.—О современномъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ славянъ западныхъ и южныхъ.—А. Н. 805

Корреспонденція изъ Берлина.—Наши парламентскія бури.—К. 830

Парижскія Письма.—XXXI. Сцены выборовъ во Франціи.—ЭМ. ЗОЛЯ. 844

Литературная Замѣтка.—Сербскій переводъ Тургеневской „Нови".—Д. 874

Обозрѣніе военныхъ дѣйствій.—Ноябрь 877

Матеріалы журнальной статистики.—„Вѣстникъ Европы" въ 1877 году . . . 888

Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы", за 1877 годъ 897

Библіографическій Листокъ.—Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. Соловьева, т. XXVII.—Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XX.—Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій. Л. Эйгардта.—Бездольная. Драма Ан. Брянчанинова.—О значеніи психическихъ явленій. Лекціи В. А. Манассеина.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. XXVII. М. 1877. Стр. 338. Ц. 2 руб.

Новый выпускъ „Исторіи Россіи“ составляетъ третье продолженіе исторіи Екатерининской эпохи и обнимаетъ собою всего три года, 1766—1768; такая продолжительная остановка на незначительномъ числѣ лѣтъ вполнѣ понятна, если вспомнить, что именно въ эти годы начала свое существованіе извѣстная коммиссія объ уложеніи. Наказъ и дѣйствія коммиссіи составляютъ самую существенную и особенно любопытную часть новаго тома. Какъ ни кратковременно было существованіе коммиссіи и какъ ни были велики ея недостатки, но императрица признала ея пользу: „Коммиссія уложенія,— говорила позже Екатерина II, — бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣла имѣемъ и о комъ пещись нужно... Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ стали знать волю законодавца и по оной поступать“. Борьба съ Польшею за диссидентовъ, разрывъ съ Турціею, и иностранная политика—составляютъ заключеніе нынѣшняго тома.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XX. Спб. 1877. Стр. 584. Ц. 3 руб.

Въ нынѣшнемъ году Р. И. общество обнаружило большую дѣятельность: имъ издано три выпуска. Большую часть XX-го тома занимаютъ матеріалы, почерпнутые изъ иностранныхъ архивовъ, дрезденскаго и берлинскаго. Изъ Дрездена получены были дипломатическіе матеріалы, по выраженію издателей, сборнаго содержанія, и относятся они ко времени Петра В. и къ 30-мъ годамъ прошлаго вѣка. Изъ Берлина сообщена канцлеромъ княземъ Бисмаркомъ драгоцѣнная переписка Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II, съ присоединеніемъ изъ нашего архива писемъ прусскаго короля къ императрицѣ. Любопытенъ, напримѣръ, отвѣтъ Екатерины II на поздравленіе Фридриха II съ наказомъ; она отвѣчаетъ „сравненіемъ, не очень благороднымъ можетъ быть, но за то весьма справедливымъ, именно: когда одежда становится короткою и узкою, обыкновенно дѣлаютъ себѣ новую; Евангеліе говоритъ, что одежда съ заплатами ничего не стоитъ. Вотъ настоящее положеніе Россіи“. Всѣхъ писемъ 142: отъ 1744—1781 г.; но настоящая переписка началась съ 1762 года. Въ заключеніи тома помѣщены собственноручныя письма в. к. Маріи Ѳедоровны къ Сакену, и къ нему же письма в. к. Павла Петровича; проектъ Екатерины II объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей (государственныхъ и казенныхъ крестьянъ) неосуществленный, и, наконецъ, весьма любопытная записка государственнаго секретаря А. Н. Оленина о засѣданіи государственнаго совѣта, по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I, хранившаяся до сихъ поръ въ семействѣ покойнаго, у внуки его, А. Г. Столыпинской.

Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій. Л. Эккардта. Съ приложеніемъ краткаго учебника теоріи поэзіи. Для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній перевели и составили приложеніе Н. Максимовъ и В. Острогорскій. Изданіе второе, измѣненное. Спб. 1877, XI, 124 и LIV стр. Ц. 1 р.

Первое изданіе этой книги вышло въ 1875 г., и мы отмѣтили ее тогда, какъ полезное руководство въ преподаваніи словесности. Второе изданіе должно еще лучше удовлетворять цѣлямъ преподаванія, такъ какъ издатели значительно исправили книгу, обративъ вниманіе на заявленія нѣкоторыхъ преподавателей, что учащимся бывало иногда затруднительно провѣрять и понимать разъясненія Эккардта, сдѣланныя на образцахъ иностранныхъ, хотя и существующихъ въ русскихъ переводахъ, но большею частью не находящихся въ рукахъ учениковъ. Теперь издатели дѣлаютъ эти разъясненія на образцахъ русской словесности, или тѣхъ переводныхъ, которые особенно извѣстны. При недостаточности существующей теперь учебной литературы нашей по русской словесности, книга Эккардта можетъ служить пособіемъ очень полезнымъ.

Бездольная. Драма Ан. Брянчанинова. М. 1877. Стр. 67. Ц. 75 к.

Дѣвушка, влюбленная въ одного, выдана замужъ противъ воли за другого. Предметъ любви возвращается, побиваетъ мужа; мужъ мститъ свои побои удвоенными побоями жены; жена бросается въ рѣку и топится, а ея любовникъ, грозя смертью мужу, читаетъ надъ трупомъ длинный монологъ, разъясняющій, что виновники смерти этой несчастной мужъ и его мать. Окружающіе хотятъ схватить оратора за его угрозы смертью, — а онъ останавливаетъ ихъ тѣмъ, что онъ „казенный человѣкъ“, т.-е. солдатъ. Героиню зовутъ Афросиньей, мужа—Прокопіемъ, мать его Авдотьей, а солдата — Антономъ; это значитъ, драма заимствована изъ народнаго быта. Правда, драма написана довольно давно, въ 1872 г., и мы не можемъ упрекать автора за старые пріемы творчества изъ народнаго быта: героевъ и героинь назвать Митьками, Прошками, Ѳеклами, Хаврошами и т. п., да заставить ихъ говорить: надоть, пукась, эфтоть—вотъ и народный бытъ. Коренная ошибка автора особенно ясно выступаетъ въ монологѣ любовника; вовсе не Прошка и Ѳедора виновны въ смерти бѣдной женщины, а цѣлый строй народной жизни, притомъ сложившійся безобразно; тутъ не одна Афросинья бездольная, — всѣ бездольные; у автора же народная драма кончается такъ, какъ любая французская мелодрама. Въ оправданіе автора можно сказать одно, что вообще драма изъ народнаго быта, гдѣ индивидуальность играетъ самую ничтожную роль, представляетъ большія трудности, и для нея мало обыкновеннаго таланта; впрочемъ, авторъ настоящей драмы несомнѣнно имѣетъ талантъ.

О значеніи психическихъ явленій. Лекціи В. А. Манассеина. Спб. 1877. Стр. 164. Ц. 1 р. 25 к.

Эти лекціи заимствованы изъ напечатаннаго курса „Общей терапіи“ и изданы для потребностей каждаго образованнаго человѣка. По справедливому замѣчанію автора, въ болѣзняхъ психическихъ помощь не-врачей — лицъ, окружающихъ ежеминутно заболѣвающаго, важнѣе услугъ самого врача, а потому распространеніе въ обществѣ свѣдѣній о мѣрахъ раціональнаго обращенія съ больнымъ есть дѣло существенной важности. Трудъ г. Манассеина имѣетъ въ виду дать право гражданства въ медицинѣ психическому способу леченія, находящемуся въ пренебреженіи. Очень жаль, что цѣна этой брошюры, столь полезной, относительно (слишкомъ 12 к. за печатный листъ) высока; но съ этимъ упрекомъ мы не имѣемъ права относиться къ автору.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

Подписка на 1878-й годъ:

	въ Россіи:	за границей:
ГОДЪ—12 книгъ:		
1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 » — »	— »
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 » 50 »	— »
ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . .	5 » — »	7 »

Примѣчаніе. — Подписка по четвертямъ открывается: съ января, апрѣля, іюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . . .	2 » 50 »	3 »

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер. 7.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

3 2044 014 833 529

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE APR 8 1935

MAY 10 '57 H

SEP 14 1963 H

MAY 19 1980

STALL STUDY

CHARGE

Digitized by Google

Digitized by Google